

Джейн ОСТЕН

ГОРДОСТЬ
И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ
РАЗУМ И ЧУВСТВА
СИЛА ЗДРАВОМЫСЛИЯ



СТО ДЕВЯНОСТО ИЛЛЮСТРАЦИЙ
ЧАРЛЬЗА ЭДМУНДА БРОКА
И ХЬЮ ТОМПСОНА

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ





Джейн Остен

Джейн Остен

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

РАЗУМ И ЧУВСТВА

СИЛА ЗДРАВОМЫСЛИЯ



творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплётной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор».*



Санкт-Петербург
СЗКЭО

Москва
ОНИКС-ЛИТ

УДК 821.111
ББК 84(4)
О72

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“».

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmeo с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшенирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

О72 **Остен Джейн.** Гордость и предубеждение. Разум и чувства. Сила здравомыслия.: — СПб. СЗКЭО, 2020, — 808 с.: ил.

Несколько романов английской писательницы Джейн Остен, написанных ею в начале XIX века, заслуженно считаются классикой британской литературы. Настоящий сборник включает три наиболее известных из них: «Гордость и предубеждение», «Разум и чувства» и «Сила здравомыслия». Тексты даны в переводах С. Ю. Афонькина, И. И. Мосина и Р. В. Грищенкова. В этих романах занимательный сюжет сопровождают тонкий английский юмор и верные наблюдения за переменчивыми чувствами ярко вырисованных персонажей. Издание украшают рисунки двух английских мастеров иллюстрации — Чарльза Эдмунда Брока и Хью Томпсона.

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЧАРЛЬЗА БРОКА И ХЬЮ ТОМПСОНА



ГЛАВА I

Все без сомнения считают, что холостой состоятельный молодой человек

должен подыскивать себе жену.

Сколь бы мало ни было известно о чувствах или взглядах такого человека, обосновавшегося на новом месте, эта истина столь прочно застревает в головах окружающих его соседей, что он уже считается будущей законной собственностью той или другой из их дочерей.

— Мой дорогой мистер Беннет, — сказала как-то раз его супруга, — вы слышали, что Незерфилд-парк наконец-то сдан?

Мистер Беннет ответил, что не слышал об этом.

— Однако, это так, — продолжала она. — Ведь к нам только что заходила миссис Лонг и рассказала мне об этом!

На это мистер Беннет ничего не ответил.

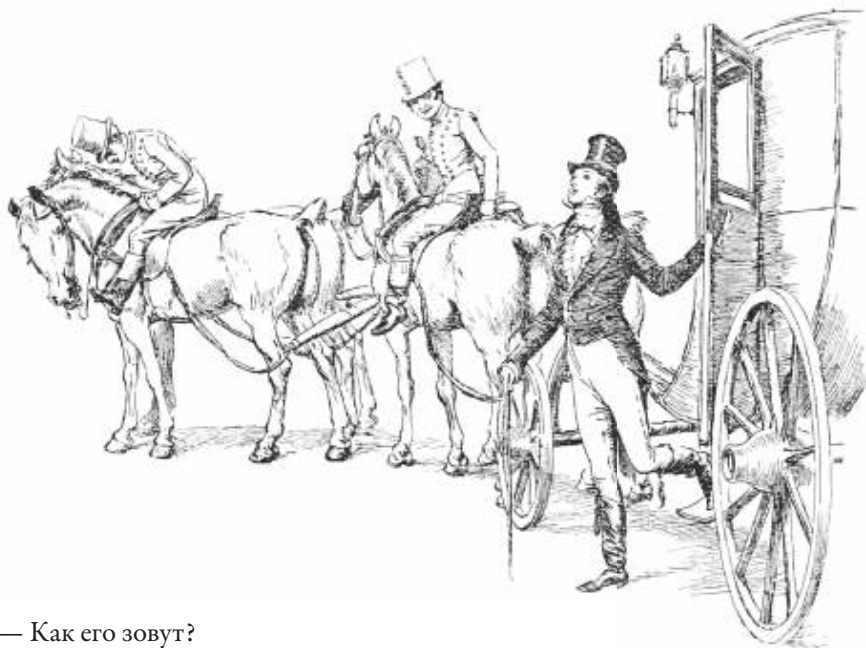
— Разве вам не хочется узнать, кто там поселился? — с нетерпением воскликнула его жена.

— Вам ведь хочется мне об этом рассказать, и я не вижу причин, почему бы и не послушать.

Этого было достаточно.

— Так вот, мой дорогой, знайте — миссис Лонг утверждает, что Незерфилд снят состоя-

тельным молодым человеком из Северной Англии. В понедельник он приезжал туда в экипаже, запряженной четверкой лошадей, чтобы осмотреться, и был настолько восхищен этим местом, что тут же договорился с мистером Моррисом — он должен стать его владельцем до Михайлова дня, а кое-кто из его прислуги переберется туда уже к концу будущей недели.



— Как его зовут?

— Бингли.

— Он женат или холост?

— Холост, мой дорогой, определенно холост! Молодой состоятельный холостяк; четыре или пять тысяч в год! Какая удача для наших девочек, не правда ли?

— Почему? Разве это их каким-то образом касается?

— Мой дорогой мистер Беннет, — ответила супруга, — вы порой можете быть таким невыносимым! Разумеется, вы должны понимать, что я думаю про его женитьбу на одной из них.

— Так он для этого планирует тут поселиться?

— Планирует? Ерунда, как вы любите говорить! Однако вполне вероятно, что он может влюбиться в одну из них, и поэтому нам будет просто необходимо нанести ему визит, как только он приедет.

— Не вижу для этого повода. Вы можете сами заехать с девочками, или пошлите их одних. Это, возможно, даже будет еще лучше; вы ведь не хуже любой из них, того и гляди вы больше понравитесь мистеру Бингли.

— Мой дорогой, вы мне льстите. Когда-то я, безусловно, не была обделена красотой, но нынче я, увы, не претендую на роль первой красавицы. Когда у женщины пять взрослых дочерей, ей следует перестать думать о собственной красоте.

— Да, в такой ситуации у женщины не часто остается достаточно красоты, чтобы часто о ней думать.



— Однако, друг мой, вам обязательно следует увидеться с мистером Бингли, как только он обоснуется по соседству.

— Уверю вас, вы слишком много от меня требуете.

— Но подумайте о своих дочерях. Только представьте, как одна из них будет прекрасно устроена. Сэр Уильям и леди Лукас именно для этого сразу прикатят сюда, а ведь ты прекрасно знаешь, что они обычно не наносят визиты незнакомцам. Вы непременно должны поехать, ведь мы не сможем навестить его, если вы откажетесь.

— Вы слишком щепетильны. Я уверен, что мистер Бингли будет рад вас видеть, а я накидаю для вас несколько строк с заверениями о моем сердечном согласии выдать за него любую из моих дочек. Передайте, что он может жениться на той, которая ему больше всего понравится. Думаю, мне стоит замолвить словечко в пользу моей малышки Лиззи.

— Не хотелось бы, чтобы вы это делали. Лиззи ничуть не лучше остальных, и я уверена, что она и вполтину не так красива, как Джейн, и вполтину не так доброжелательна, как Лидия. Однако вы всегда ей потакаете.

— Ни одна из них ничем таким для особых рекомендаций не обладает, — ответил он. — Они столь же глупы и невежественны, как и все прочие девчонки. Просто Лиззи чуть более живая, чем ее сестры.

— Мистер Беннет, как вы смеете говорить такое о своих собственных детях? Наверное, вам доставляет удовольствие изводить меня. Вам совершенно наплевать на мои истерзанные нервы!

— Вы ошибаетесь, моя дорогая. Я весьма уважительно отношусь к вашим нервам, ведь они мои давние знакомцы, ведь я слышу, как вы толкуете о них по меньшей мере последние двадцать лет.

— Ах, вы даже не знаете, как я страдаю!

— Надеюсь, вы все же справитесь и доживете до того времени, когда в окрестности понаедет множество молодых людей с годовым доходом не менее четырех тысяч фунтов.

— Даже если их понаедет с двадцать, какой с этого прок, раз вы все равно не будете к ним ездить!

— Ну, двадцать, моя дорогая, это совсем другое дело, тогда я объеду их разом.

Мистер Беннет обладал таким прихотливым сочетанием живого ума, склонности к иронии, сдержанности и непредсказуемости, что опыт двадцатитрехлетней совместной жизни так и не научил его супругу разбираться в природе этого человека. Понять ее натуру было гораздо проще. Она была недостаточно сообразительной, ограниченной женщиной с непредсказуемым настроением. Когда она была чем-то недовольна, то считала, что все дело в нервах. Единственной целью ее жизни было выдать дочерей замуж, а единственным утешением — визиты и новости.



ГЛАВА II

Мистер Беннет был одним из первых, кто собирался навестить мистера Бингли. Он с самого начала хотел к нему заглянуть, однако все время уверял жену, что не поедет, и вплоть до вечера после свершившегося визита она ни о чем не подозревала. Все открылось следующим образом. Наблюдая, как его вторая дочь подравнивает свою шляпку, мистер Беннет неожиданно обратился к ней с такими словами:

— Надеюсь, мистеру Бингли это понравится, Лиззи.

— Нам не дано знать, что нравится мистеру Бингли, — высокопарно заметила ее мать, — раз мы его не навещаем.

— Однако вы забываете, мама, — сказала Элизабет, — что мы встретим его на балу, и миссис Лонг обещала нас представить.

— О, не верьте, что миссис Лонг сделает нечто подобное. У нее самой две племянницы. Она лицемерная эгоистка, больше и сказать нечего!

— И я того же мнения, — сказал мистер Беннет. — И я рад, что вы не зависите от ее услуг.

Миссис Беннет не соизволила ответить; но будучи не в силах сдержаться напустилась на одну из своих дочерей:

— Китти, ради всего святого, не кашлай так! Имей хоть немного сострадания к моим нервам. Ты жилы из меня тянешь!

— Китти кашляет так неосмотрительно, — заметил ее отец. — Всегда в неподходящее время.



— Надеюсь, мистеру Бингли это понравится...

— Я не для своего удовольствия кашляла! — взволнованно возразила Китти.

— Когда у вас следующий бал, Лиззи?

— Через две недели.

— Ах, вот как! — воскликнула мать. — А миссис Лонг вернется только накануне! Так она не сможет нам представить мистера Бингли, поскольку сама с ним просто не успеет встретиться!

— Тогда, дорогая моя, вы сможете оказать любезность вашей приятельнице, представив ей мистера Бингли.

— Это невозможно, мистер Беннет, невозможно, раз я сама ему не представлена. Как вы можете меня так поддразнивать?!

— Я чту вашу осмотрительность. Конечно, двухнедельное знакомство — это слишком мало. Через две недели невозможно составить о человеке определенное мнение. Однако, если не мы познакомим ее с мистером Бингли, это сделает кто-либо другой. В конце концов, у миссис Лонг и ее племянниц тоже есть свой шанс, и раз вы отказываетесь от такого доброго дела, я готов взять его на себя.

Девушки устали на своего отца.

— Какая чушь! Вздор! — смогла лишь пробормотать миссис Беннет.

— В чем причина вашего столь категоричного замечания, сударыня? — воскликнул мистер Беннет. — Вы имеете в виду форму такового представления? Или же сама возможность представлять незнакомого человека кажется вам чуждой? Я тут не вполне с вами согласен. Что скажешь, Мэри? Ты же, я знаю, у нас такая рассудительная, книжки умные читаешь и делаешь из них выписки...

Мэри хотела заявить что-нибудь глубокомысленное, но не знала, что сказать.

— Пока Мэри формулирует свои мысли, — продолжил мистер Беннет, — вернемся к мистеру Бингли.

— Меня от него тошнит! — воскликнула жена.

— Мне грустно это слышать. Почему вы не сказали мне об этом раньше? Если бы я знал это сегодня утром, точно бы к нему не поехал. Вот незадача! Однако, коль скоро я у него побывал, мы не можем игнорировать это знакомство.

Дамы были крайнее изумлены, а мистер Беннет того и добивался. Сильнее прочих была удивлена миссис Беннет, однако, когда первый всплеск радости прошел, она принялась утверждать, что именно этого она все время и ожидала.

— Как это было правильно сделано, мой дорогой мистер Беннет! Ведь я знаю, что в конечном счете убедила бы вас сделать это. Я была уверена — вы настолько любите наших девочек, что не пренебрегли бы подобным знакомством. Ах, как я довольна! Это была весьма милая шутка — вы уехали туда сегодня утром и ни слова до сих пор нам об этом не сказали.

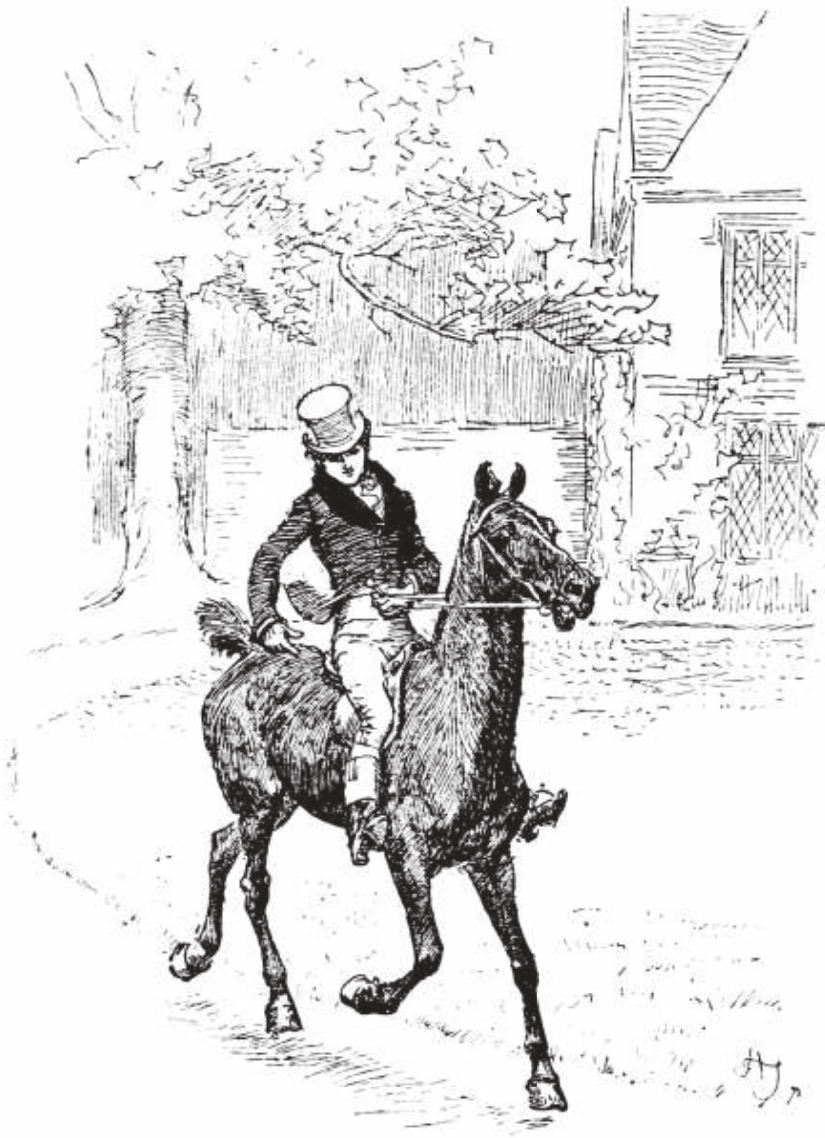
— Теперь, Китти, можешь кашлять сколько душе угодно, — сказал мистер Беннет и покинул комнату, утомленный от восторгов своей супруги.

— Какой же у вас прекрасный отец, девочки! — вздохнула она, когда дверь закрылась. — Не знаю, сможете ли вы когда-либо отблагодарить его за эту доброту. Да и меня в этом случае тоже. Поверьте, что в наши годы не так-то приятно ежедневно заводить новые знакомства, но ради вас мы готовы на все. Лидия, любовь моя, хоть ты самая молодая из сестер, мне думается, что на балу мистера Бингли будет танцевать именно с тобой.

— Меня это не пугает, — храбро ответила Лидия. — Хотя я и моложе, зато я самая высокая.

Остаток вечера был потрачен на рассуждения о том, как скоро мистер Бингли нанесет им ответный визит, и когда его можно будет пригласить на обед.





ГЛАВА III

Однако, несмотря на все попытки миссис Беннет при содействии ее пяти дочерей вытянуть из мужа удовлетворительное описание мистера Бингли, ей это сделать не удалось. Они нападали на него самыми разными способами: вопросами в лоб, прозорливыми догадками и косвенными намеками, но он ускользал от всех их уловок, и в конце концов им пришлось удовлетвориться сведениями из вторых рук — от их соседки леди Лукас. Ее рассказ был в высшей степени многообещающим. Сэр Уильям был в восторге. Новый сосед был еще очень молод, удивительно хорош собой, чрезвычайно обходителен и в добавок собирается посетить ближайший бал с целой кучей друзей.

Ничего лучшего нельзя было и желать. Увлечение танцами — определенно первый шаг к влюбленности, и всех дам воодушевляли радужные надежды покорить сердце мистера Бингли.

— Ах, если бы я только смогла увидеть, как одна из моих дочерей обоснуется в Незерфилде, — сказала миссис Беннет своему мужу, — и если бы остальные также удачно вышли замуж, мне больше нечего было бы и желать в жизни.

Через несколько дней мистер Бингли вернул визит мистери Беннету и просидел с ним около десяти минут в его библиотеке. При этом мистер Бингли питал надежду, что ему будет позволено взглянуть на молодых леди, о красоте которых он уже был премного наслышан, но он повидался только с их отцом. Юным леди повезло чуть больше: они смогли разглядеть из верхнего окна, что он носит синий сюртук и ездит на вороной кобыле.

Вскоре после этого ему было отправлено приглашение на обед, и миссис Беннет уже составила меню, которое должно было подчеркнуть ее таланты хозяйки, но тут пришел ответ, который заставил все отложить. На следующий день мистер Бингли должен быть в городе, и, следовательно, это лишает его удовольствия принять приглашение и т. д.

Миссис Беннет была крайне обескуражена. Она совершенно не могла представить, какие дела он может иметь в городе так скоро после приезда в Хартфордшир, и она начала опасаться, что он будет без конца перелетать с одного места на другое, и никогда не оседет, как ему и подобает, в Незерфилде. Леди Лукас в некоторой степени рассеяла ее тревогу, высказав предположение, что он мог уехать в Лондон за своими друзьями, с которыми он собирался на бал, и вскоре пошли разговоры, что мистер Бингли должен привезти с собой на бал двенадцать дам и семь джентльменов.

Девушек расстроило такое количество дам, однако они ободрились, услышав за день до бала, что вместо двенадцати он привез только шесть из них — пять сестер и одну кузину. И когда вся компания вошла в бальный зал, выяснилось, что их всего пятеро: мистер Бингли, две его сестры, муж старшей из них и еще один молодой человек.

Мистер Бингли оказался симпатичным и вполне джентльменским — у него была приятная внешность и непринужденные манеры. Его сестры были изящными дамами, одетыми по светской моде. Его зять, мистер Херст, с трудом тянул на джентльмена, зато его друг, мистер Дарси, сразу привлекал к себе внимание публики своим статным видом, красивыми чертами лица и благородными манерами. Через пять минут после его появления уже поползли слухи, что он получает десять тысяч в год. Джентльмены сочли, что он вполне достойный мужчина, а дамы утверждали, что он гораздо привлекательнее мистера Бингли, и половину вечера они взирали на него с нескрываемым восхищением, однако затем его манеры вызвали неудовольствие, которое понизило его популярность; все сочли, что он слишком горд, ставит себя выше всех, и ему трудно угодить, и даже его огромное поместье в Дербишире не могло сгладить впечатление он его неприступного и даже в чем-то неприятного лица, которое не выдерживало никакого сравнения с обликом его друга.

Мистер Бингли вскоре познакомился со всеми главными присутствующими в зале, он был оживлен и держался непринужденно, все время танцевал, сожалел, что бал окончился слишком рано, и говорил, что следовало бы устроить такой же бал в Незерфилде. Столь приятные качества должны были говорить сами за себя. Какой разительный контраст составляли они по сравнению с его другом! Мистер Дарси тан-



цевал только раз с миссис Херст и один раз с мисс Бингли, он не хотел, чтобы его представляли другим дамам и весь остаток вечера провел, фланируя по залу и время от времени перекидываясь словами с кем-нибудь из своей компании. Всеобщее мнение о нем было составлено. Его сочли самым заносчивым и неприятным человеком на свете, и каждый выражал надежду, что он здесь больше никогда не появится. Среди самых злейших недоброжелателей мистера Дарси была и миссис Беннет, чье неудовольствие его поведением обострилось до уровня личной неприязни из-за его неуважительного замечания об одной из ее дочерей.

Элизабет Беннет из-за нехватки кавалеров была вынуждена просидеть у стены два танца, при этом она услышала часть разговора между мистером Дарси, который стоял достаточно близко, и мистером Бингли, который ненадолго оставил танцующих, чтобы уговорить своего друга присоединиться к ним.

— Пошли, Дарси, — сказал он. — Я настаиваю, чтобы вы танцевали. Просто невыносимо смотреть, как вы глупейшим образом простаиваете тут в одиночестве. Вы бы лучше потанцевали.

— Ни за что! Вы знаете, как я ненавижу танцы, особенно если не слишком хорошо знаю свою партнершу. В здешней компании это было бы невыносимо. Ваши сестры уже приглашены, а тут нет более ни одной дамы, танец с которой не был бы для меня чистым наказанием.

— Я не так привередлив, как вы! — воскликнул мистер Бингли. — Ради бога! Клянусь честью, я ни разу в жизни не встречал так много хорошеньких девушек, как этим вечером, и некоторые из них так просто красавицы!

— Вы танцуете с единственной хорошенькой душкой в этой зале, — сказал мистер Дарси, глянув на старшую мисс Беннет.

— О, она — самое прелестное создание, какое я когда-либо видел! Однако позади вас сидит одна из ее сестер, и она очень мила, я бы даже осмелился сказать симпатична. Позвольте моей даме вас представить.

— Кого это вы имеете в виду? — Повернувшись, он глянул мельком на Элизабет, но, перехватив ее встречный взгляд, отвел глаза и холодно сказал: — Она сносна, но все же не настолько мила, чтобы соблазнить меня, и у меня нынче совершенно нет желания утешать молодых девиц, которыми пренебрегли другие мужчины. Не тратьте на меня время, а возвращайтесь лучше к своей даме и наслаждайтесь ее улыбками.

Мистер Бингли последовал этому совету, его приятель отошел, а Элизабет осталась на месте, питая к нему не слишком сердечные чувства. Она позже с удовольствием пересказала эту историю в кругу своих друзей, поскольку обладала веселым нравом, позволявшим ей смеяться над всем забавным.

Все ее семейство провело этот вечер очень приятно. Миссис Беннет видела, что все обитатели Незерфилда искренне восхищаются ее старшей дочерью. Мистер Бингли танцевал с ней дважды, а его сестры любезно ее приняли. Джейн радовалась этому не меньше, чем ее мать, хотя и более сдержанно. Элизабет чувствовала, что Джейн довольна. Мэри слышала, как кто-то в разговоре с мисс Бингли назвал ее самой образованной девицей в округе. Кэтрин и Лидию по счастью всегда приглашали на каждый танец, а большего они от бала и не желали. Таким образом, все они вернулись в прекрасном настроении в Лонгборн — деревушку, в которой они жили и где занимали видное положение. Мистер Беннет был еще на ногах. За чтением он не замечал, как летит время; но в этот раз ему было интересно узнать, как прошел вечер, который вызывал столь многообещающие ожидания. Он вряд ли надеялся, что виды его жены на их нового знакомого оправдаются, однако он вскоре понял, что ему придется выслушать совсем иную историю.

— О, мой дорогой мистер Беннет, — входя в комнату, воскликнула его супруга, — мы провели великолепный вечер! Бал был превосходен! Как я бы хотела, чтобы вы были с нами. Все восхищались Джейн, лучше и быть не могло. Все говорили, как она прекрасно выглядит; мистер Бингли считал ее красавицей и танцевал с ней дважды. Вы только подумайте, мой дорогой — целых два раза! И она была единственной



Она сносна, но все же не настолько мила, чтобы соблазнить меня.

девушкой, кого он пригласил дважды. Сначала он пригласил мисс Лукас. Я была так раздосадована видеть его с ней рядом, однако, разумеется, он был от нее не в восторге, да и кто бы стал ей восхищаться, вы же сами знаете, зато он был буквально поражен Джейн, когда она пошла танцевать. Он захотел узнать, кто она такая, попросил, чтобы его ей представили, и сразу попросил разрешения ангажировать ее на следующие два танца. После этих двух в третий раз он танцевал с мисс Кинг, в четвертый — с Марией Лукас, в пятый снова с Джейн, в шестой — с Лиззи. потом...

— Если бы он имел ко мне хоть каплю сочувствия, — нетерпеливо воскликнул ее муж, — он бы танцевал вдвое меньше. Ради бога, не надо мне перечислять всех его партнерш. Почему он не растянул лодыжку в первом же танце?

— О, мой дорогой, я в восторге от него! Он необыкновенно привлекателен! Его сестры совершенно очаровательны! Я в жизни не видела более элегантных нарядов! Мне кажется, кружева на платье миссис Херст...

Здесь ее снова прервали. Мистер Беннет категорически протестовал против любых описаний дамских туалетов. Поэтому ей пришлось подыскать новую тему, и с неким горьким преувеличением она поведала о шокирующей грубости мистера Дарси.

— Однако я могу вас заверить, — добавила она, — что Лиззи немного потеряла, не удовлетворив его вкусам, поскольку это такой противный тип, которому и во все не стоит нравиться. Расхаживал там и сям, воображая из себя важную персону. Он просто недостаточно хорош, чтобы с ним танцевать!.. Хотела бы я, чтобы вы там были, дорогуша, и осадили бы его, как вы это умеете делать. Просто ненавижу этого человека!



ГЛАВА IV

Когда Джейн и Элизабет остались одни, то первая, сдерживавшая ранее свое восхищение от мистера Бингли, рассказала сестре, насколько он произвел на нее впечатление.

— Именно таким и должен быть молодой человек, — сказала она, — чуткий, с чувством юмора, живой. Я никогда еще не видела таких приятных манер — столько свободы плюс хорошее воспитание!

— К тому же он симпатичный, — ответила Элизабет, — да, таким и должен быть молодой человек, насколько это возможно. Его характер, таким образом, вполне совершенен.

— Я была весьма польщена, когда он пригласил меня потанцевать второй раз! Я не ожидала такого внимания.

— В самом деле? А я ожидала! И в этом сказывается существенное различие между нами. Внимание всегда застает тебя врасплох, а меня — никогда. Что может быть более естественным, чем его просьба потанцевать с ним еще раз? Ведь он же видел, что ты в пять раз красивей, чем любая девушка в зале. Так что просто спасибо за его галантность. Впрочем, он и впрямь весьма приятный молодой человек, так и пусть он тебе нравится. Тебе частенько нравились и поглупее.

— Лиззи, дорогая!

— О, ты слишком склонна, сама знаешь, по-доброму относиться ко всем людям. Ты ни в ком не видишь изъянов. Все люди на свете кажутся тебе добрыми и приятными. Ни разу в жизни я не слышала, чтобы ты отзывалась о ком-нибудь плохо!

— Мне бы не хотелось никого неосмотрительно осудить, однако я ведь всегда говорю то, что думаю.

— Я знаю, но именно это меня и удивляет. С твоим-то здравым смыслом быть настолько слепой, чтобы не замечать безрассудство и глупость окружающих! Показная искренность достаточно распространена — с ней сталкиваешься почти везде. Но

быть искренней без всякой показухи или расчета, воспринимать только хорошее в каждом, преувеличивать положительное, не говорить ничего плохого — это присуще только тебе. И тебе, таким образом, понравились и его сестры? У них ведь в отличие от него несколько иные манеры...

— На первый взгляд. Однако стоит с ними поговорить, чтобы понять, насколько это приятные женщины. Мисс Бингли намеревается жить со своим братом и заниматься его домашним хозяйством, и мне кажется, что я не сильно ошибусь, если предположу, что в ее лице мы приобретем весьма приятную соседку.

Элизабет слушала молча, но в душе не соглашалась. Их поведение на балу не было рассчитано на общее одобрение. Обладая большей наблюдательностью, менее склонная к компромиссам и лишенная личного предубеждения, она была не склонна их оправдывать. Они и в самом деле были весьма приятными дамами: не лишены остроумия, когда им доставляло удовольствие шутить, обладавшие способностью нравиться, когда им этого хотелось, они в то же время были высокомерными гордячками. Они были довольно красивы, получили образование в одном из лучших пансионов столицы, были счастливыми обладательницами двадцати тысячи фунтов дохода и тратили больше, чем следовало; они привыкли вращаться в высших кругах, а потому в любой ситуации считали себя вправе ставить себя выше всех окружающих. Они принадлежали к одному из почтенных семейств Северной Англии, и это более глубоко впечаталось в их память, чем то обстоятельство, что их благосостояние, равно как и богатство их братьев, было основано на торговле.

Мистер Бингли получил в наследство от своего отца почти сто тысяч фунтов; тот собирался приобрести имение, но не дожил до этого. Сам мистер Бингли также хотел сделать это, и даже однажды съездил для этого в свое родное графство. Однако теперь он обзавелся приличным домом с обширными угодьями, и многие люди, хорошо знавшие его легкий характер, не сомневались, что он всю жизнь мог бы провести в Незерфилде, оставив хлопоты по основанию родового поместья следующему поколению.

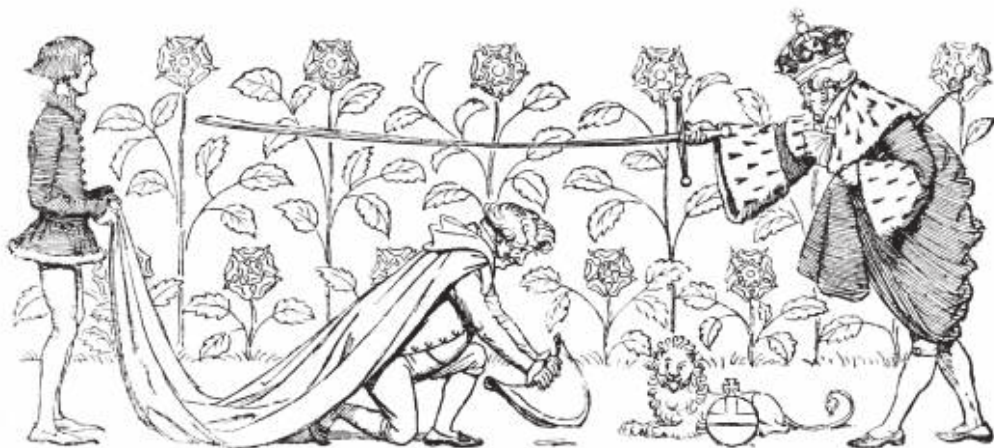
Его сестры хотели, чтобы у него была собственная земля, и хотя он выступал пока лишь в качестве арендатора, мисс Бингли с удовольствием играла роль полноценной хозяйки за его столом, а миссис Херст, которая вышла замуж за человека скорее более respectable, чем состоятельного, также была склонна считать этот дом своим, когда ей это было на руку. На Незерфилд-парк Бингли достаточно случайно порекомендовали взглянуть менее чем через два года после его совершеннолетия. Он действительно осмотрел дом, пробыв в нем с полчаса, остался доволен его местоположением и расположением комнат, ему понравился рассказ хозяина о достоинствах имения, и он немедленно его арендовал.

С Дарси, несмотря на различие их характеров, его связывали тесные дружеские отношения. Бингли очаровал Дарси своей легкостью, открытостью и живостью натуры; эти особенности резко контрастировали с его собственным нравом, которым Дарси был явно не удовлетворен. Благодаря его поддержке Бингли чувствовал себя более уверенно, к тому же он доверял его суждениям, более веским, чем его собственные, тут Дарси явно лидировал, и хотя Бингли нельзя было отказать в сообразительности, Дарси был по-настоящему умен. В то же самое время он был горделивым, привередливым и замкнутым человеком, а его манеры, хотя и говорили о хорошем воспитании, не слишком располагали к себе людей. В этом отношении его друг имел большие

преимущества. Где бы ни появлялся Бингли, он сразу вызывал к себе симпатию, на Дарси же все постоянно дулись и обижались.

Высказывания о бале, состоявшемся в Меритоне, были в этом плане достаточно характерны. Бингли никогда еще не встречал столь приятного общества и таких милых женщин; все были им очарованы и оказывали ему внимание, он чувствовал себя совершенно раскованно, не ощущал никакой натянутости и быстро перезнакомился со всеми в зале, а что касается мисс Беннет, то он не мог представить более обворожительного ангела. Дарси, напротив, увидел вокруг себя толпу людей, лишенных шарма и манер, ни к одному из них он не испытывал ни малейшего интереса, и с их стороны не получил ни внимания, ни расположения. Мисс Беннет он счел недурной, но слишком улыбчивой.

Миссис Херст и ее сестра пожалуй были с этим согласны, тем не менее, мисс Беннет им понравилась, и они решили, что она милая девушка, с которой они готовы поддерживать знакомство. В их понимании мисс Беннет так и осталась премиленькой девушкой, а их брату было позволено в связи с этой характеристикой относиться к ней, как ему будет угодно.



ГЛАВА V

Совсем неподалеку от Лонгборна жила семья, с которой Беннеты были особенно близки. Сэр Уильям Лукас ранее занимался торговлей в Меритоне, где заработал достаточное состояние, а также в бытность мэром приобрел рыцарское звание, поскольку был представлен королю. К такому отличию он отнесся достаточно серьезно. Оно вызвало у него отвращение к торговле и к небольшому городку, где он ей занимался. Расставшись и с той и с другим, он вместе со своей семьей переехал в расположенный примерно в миле от Меритона дом, который с той поры стал называться «Лукас Лодж», и где он мог с удовольствием предаваться размышлениям о собственной важности и, отойдя от торговых дел, проявлять заботу исключительно о делах гражданских, ибо хотя полученный им титул и возвеличивал его над окружающими, он не сделал его надменным; напротив, этот человек был внимателен ко всем окружающим. По своей природе он был мужчиной безобидным и дружелюбным, а представление ко двору в Сент-Джеймсе сделало его еще и обходительным.

Леди Лукас была добродушной женщиной, однако не настолько умной, чтобы стать достойной соседкой для миссис Беннет. У семейства Лукас было несколько детей. Старшая из них, разумная и образованная девушка лет двадцати семи, была хорошей подругой Элизабет.

Дочери Лукасов и дочери Беннетов неизбежно должны были встретиться, чтобы посудачить о бале, и на следующее же утро после праздника первые оказались в Лонгборне, чтобы послушать и рассказать новости.

— Вечер для вас, Шарлотта начался прекрасно, — сказала миссис Беннет мисс Лукас непререкаемым тоном. — Ведь для первого танца мистер Бингли выбрал именно вас.

— Да, но кажется второй танец ему понравился больше.

— О, вы, наверное, думаете о Джейн, потому что он танцевал с ней дважды. Похоже, она и впрямь ему приглянулась, во всяком случае, мне так показалось,



— Если бы я был так же богат, как мистер Дарси.

я что-то слышала по этом поводу, не помню точно... что-то связанное с мистером Робинсоном.

— Быть может, вы имеете в виду разговор между ним с мистером Робинсоном, который я случайно услышала? Разве я вам о нем не упоминала? Мистер Робинсон спросил его, как ему нравится наше собрание, не кажется ли ему, что в зале много хороших женщин, и которая из них самая красивая, а он сразу же ответил на послед-



ний вопрос, сказав, что это старшая мисс Беннет, и по этому поводу не может быть двух мнений!

— Честное слово, это было сказано совершенно определенно. Это похоже на... если бы... однако, знаете ли, все это может ничем не кончиться.

— Я случайно услышала по этому поводу гораздо больше, чем ты, Элиза, — сказала Шарлотта, — и слушать, что говорил мистер Дарси было не так приятно, как высказывания его друга. Бедная Элиза! Ты всего лишь „переносима“!

— Я прошу вас, не вбивайте Лиззи в голову мысль, что она должна обижаться на его слова, ведь он такой неприятный человек, что понравиться ему было бы просто несчастьем. Миссис Лонг сказала мне вчера, что он просидел около нее целых полчаса, и при этом ни разу не раскрыл рта.

— Вы в этом совершенно уверены? Нет ли тут какой-то неточности? — спросила Джейн. — Я определенно видела, что мистер Дарси с ней разговаривал.

— Ну, да! Потому что под конец она поинтересовалась, как ему нравится Незерфилд, и разумеется он не мог не ответить, но потом она заметила, что он явно не любит, когда с ним заводят разговор.

— Мисс Бингли сказала мне, — заметила Джейн, — что он вообще много не разговаривает, делая исключение только для близких друзей, зато с ними он необыкновенно приветлив.

— Я не верю тут ни единому слову, моя дорогая. Если он умеет быть приветливым, то наверняка поговорил бы с миссис Лонг. Могу догадаться, как все было на самом деле: его распирает от самодовольства, а он где-то слышал, что миссис Лонг не держит свой выезд, и что на бал она приехала в наемной карете.

— Меня совершенно не волнует, что он не беседовал с миссис Лонг, — сказала мисс Лукас, — мне лишь хотелось бы, чтобы он потанцевал с Элизой.

— В следующий раз, Лиззи, — сказала ее мать, — на твоём месте я бы с ним вообще не стала танцевать.

— Думаю, что я могу вам это совершенно определенно обещать.

— Его гордыня, — заметила мисс Лукас, — задевает меня не так сильно, как гордыня других людей, ведь у него для нее есть оправдание. Нельзя удивляться тому, что столь блистательный молодой человек, из приличной семьи и всем обеспеченный, придерживается высокого мнения о себе. Если можно так сказать, он имеет право гордиться собой.

— Все это верно, — ответила Элизабет. — И я легко простила бы ему его гордость, если бы он не растоптал мою.

— Я считаю, что гордость, — заметила Мэри, всегда отличавшаяся твердостью своих суждений, — является весьма распространенным недостатком. Судя по тому, что я когда-либо читала об этом, я вижу, что она весьма распространена среди людей, и лишь немногие из нас не лелеют чувство самодовольства, связанного с какой-то особенностью, реальной или выдуманной. Тщеславие и гордость — вещи разные, хотя эти слова часто используют как синонимы. Человек может быть гордым, но не тщеславным. Гордость больше связана с нашим мнением о себе, а тщеславие — с тем, что о нас думают другие.

— Если бы я был так же богат, как мистер Дарси, — воскликнул юный Лукас, приехавший вместе с сестрами, — мне было бы плевать на гордость. Я бы держал свору гончих и выпивал бы каждый день по бутылке вина!

— Тогда бы ты выпил гораздо больше, чем следует, — заметила миссис Беннет. — И если бы я застала тебя за этим занятием, я бы сразу отобрала у тебя бутылку.

Подросток возразил, что она не должна этого делать, а она утверждала, что непременно так и будет, и этот спор закончился только когда они уехали.





ГЛАВА VI

Вскоре дамы из Лонгборна ожидали к себе незерфилдских дам, и ответный визит был должным образом нанесен. Приятные манеры мисс Беннет увеличили расположение к ней миссис Херст и мисс Бингли, и хотя ее мамашу сочли невыносимой, не говоря уже о младших сестрах, двух старших дочерей сочли достойными для более тесного знакомства. Джейн восприняла такое внимание с радостью, однако Элизабет, чувствовавшая их высокомерие ко всем окружающим, и к ее сестре, пожалуй, в том числе, относилась к ним довольно холодно, считая, что их доброжелательность к Джейн, вызвана, скорее всего, горячим расположением к ней мистера Бингли. Когда их видели вместе, эта его расположенность к ней была видна со всей очевидностью, и для Элизабет было также ясно, что увлечение Джейн мистером Бингли, которое проявилось при первом же их знакомстве, развивается, и все дело идет с ее стороны к настоящей влюбленности, однако она с удовольствием отмечала, что эта влюбленность вряд ли скоро станет известной в обществе, поскольку Джейн сочетала силу своих чувств с самообладанием и неизменной доброжелательностью ко всем окружающим, и это должно было защитить ее от подозрений любопытствующих. Она рассказала о этих своих соображениях своей подруге, мисс Лукас.

— Это может быть удобным, — сказала Шарлотта, — не выказывать в такой ситуации своих чувств на публике, однако в этой осторожности может быть и минус. Если женщина с равным искусством скрывает свои чувства и от своего избранника, она рискует его потерять, и тогда слабым утешением для нее останется лишь сознание, что для мира ее тайна так и осталась окутана мраком. По большей части любовь привязанность поддерживают благодарность или тщеславие, и игнорировать это небезопасно. Все мы легко увлекаемся — небольшие симпатии вполне в нашей природе, однако, лишь немногие из нас способны любить всем сердцем без всякого ободрения. В девяти случаях из десяти женщине лучше выказывать больше чувств, чем она испытывает. Бингли без сомнения нравится твоя сестра, однако он не продвинется дальше, если она ему не поможет.

— Но она помогает ему настолько, насколько позволяет ее натура. Если уж я вижу ее предрасположенность к нему, то он должен быть слепцом, чтобы ее не замечать.

— Не забывай, Элиза, что он знает Джейн не так хорошо, как ты.

— Однако, если женщина неравнодушна к мужчине и не стремиться подавлять свои чувства, он должен это заметить!

— Возможно и должен, если он наблюдает за ней достаточно долго, однако хотя Бингли и Джейн видятся довольно часто, они никогда не остаются часами наедине, а поскольку они встречаются в разных компаниях, они не могут себе позволить постоянно разговаривать только друг с другом. Поэтому Джейн должна использовать как можно лучше каждую минуту, когда она владеет его вниманием. Когда же она будет уверена в его чувствах, то сможет спокойно влюбляться в него настолько глубоко, насколько ей это будет угодно.

— Неплохой план, — ответила Элизабет, — но он годится лишь для тех, у кого на уме только желание побыстрее выйти замуж. И если бы я стремилась обзавестись богатым мужем или вообще каким-либо мужем, я бы, наверно, его приняла. Однако чувства Джейн совершенно иного рода, и она действует отнюдь не по этому плану. Она все еще не уверена ни в степени своей привязанности, ни в ее основательности. Она знакома с ним всего две недели. Она танцевала с ним четыре раза в Меритоне, виделась с ним один раз в его доме, а после они еще четыре раза вместе обедали со знакомыми. Для нее этого совершенно недостаточно, чтобы изучить его характер.

— Конечно нет — с твоей точки зрения. Если бы она лишь пообедала с ним, то могла бы судить только о его аппетите, но ты должна помнить, что они провели четыре вечера вместе, а четыре вечера могут иметь важные последствия.

— Да, эти четыре вечера позволили им удостовериться, какие карточные игры они предпочитают, а что же до прочих важных свойств личности, то боюсь, многое осталось скрытым.

— Ну, что же, — сказала Шарлотта, — от всего сердца желаю Джейн успеха; и если бы она вышла за него замуж хоть завтра, я бы подумала, что у нее ровно столько же шансов не стать счастливой, как в случае, если бы она изучала его характер целый год. Счастье в браке — целиком дело случая. Как бы хорошо супруги не знали друг друга, и как бы они ни были схожи между собой, это в конечном счете никак не скажется на их счастье. Между ними постепенно начнется неизбежный разлад, и они разделят взаимные недовольства, и может быть в таком случае стоит знать как можно меньше о недостатках человека, с которым вы идете вместе по жизни?

— Не смей меня, Шарлотта. Все это вздор, и ты это прекрасно сама знаешь, ты бы не стала руководствоваться этим в жизни.

Наблюдая за отношениями между мистером Бингли и ее сестрой, Элизабет была далека от мысли, что сама стала объектом пристального наблюдения со стороны его приятеля. Мистер Дарси вначале едва ли считал, что она хороша собой. Во время бала он смотрел на нее совершенно равнодушно, и когда они снова встретились, он глядел на нее лишь критически. Однако стоило лишь ему доказать себе и своим друзьям, что ее лицо лишено привлекательных черт, как вдруг он стал подмечать, что оно кажется необыкновенно глубокомысленным благодаря прекрасному выражению ее темных глаз. За этим открытием последовали и другие, не менее опасные. Несмотря на то, что своим критическим оком он обнаружил не одно отклонение от симметрии в ее лице, он был вынужден признать ее легкой в общении и привлекательной, и хотя он утверждал, что ее поведение было далеко от принятого в высшем свете, ее живость подкупала его, однако все это было Элизабет неизвестно. Для нее он по-прежнему был лишь человеком, который нигде не приходился ко двору и который считал ее не настолько красивой, чтобы с ней можно было танцевать.

У него стало появляться желание узнать ее ближе, и для того, чтобы сделать первый шаг для разговора с ней, он стал обращать внимание на ее беседы с другими. В доме у сэра Уильяма Лукаса, где собралось много гостей, это привлекло ее внимание.

— Чего это мистер Дарси хотел, прислушиваясь к моему разговору с полковником Форстером? — спросила она у Шарлотты.

— Это вопрос, на который может ответить только сам мистер Дарси.

— Но если он себе позволит это еще раз, я определенно дам ему понять, что замечаю его намерения. У него очень язвительный взгляд, и, если я не буду с ним достаточно категоричной, то стану его опасаться.

Вскоре после этого он приблизился к ним, не выказывая, впрочем, желания завести беседу, и мисс Лукас принялась подталкивать свою подругу претворить свое намерение. Это сработало, Элизабет повернулась к нему и сказала:

— Не показалось ли вам, мистер Дарси, что я сейчас привела достаточно веские причины, уговаривая полковника Форстера дать бал в Меритоне?

— Вы говорили воодушевленно, однако тема бала всегда воодушевляет леди!

— Вы слишком строги к нам.

— А теперь настала очередь уговаривать тебя, — сказала мисс Лукас. — Я собираюсь открыть крышку рояля. Элиза, ты знаешь, что за этим последует.

— У тебя странная манера дружить, Шарлотта, ты всегда хочешь, чтобы я пела и играла перед кем угодно и где угодно. Если бы я с тщеславием относилась к музыке, тебе бы цены не было, однако, это не так, и мне бы не хотелось музицировать перед теми, кто привык слушать действительно хороших исполнителей.

Когда же мисс Лукас начала настаивать, она добавила:

— Ну, ладно, если уж суждено, так суждено, — и, хмуро глянув на мистера Дарси, сказала: — Есть такая поговорка, которую все здесь знают — дуй на кашу, пока не остынет, вот мне и придется, видно, выдуть свою песенку.

Ее выступление было милым, хоть пела она безусловно не профессионально. После одной или двух песенок, и прежде, чем она смогла ответить слушателям, прошившим повторения, ее энергично сменила у пианино сестра Мэри — единственная в семье простушка, которая усиленно занималась, чтобы на ее достижения обратили внимание, и которая всегда была гораздо до выступлений.

Мэри не обладала ни талантом, ни вкусом, и хотя тщеславие придавало ей усидчивости, оно одновременно сформировало у нее такой заносчивый вид и такие самодовольные манеры, которые навредили бы и более искусному исполнителю. Простое и без лишней аффектации исполнение Элизабет понравилось публике гораздо больше, хотя она играла едва ли не вполсилы хуже сестры, поэтому Мэри в конце затянувшегося концерта была рада получить заслуженное одобрение публики, исполняя шотландские и ирландские песенки по просьбе младших сестер, которые вместе с сестрами Лукас и двумя или тремя офицерами присоединились в другом конце залы к танцам.

Мистер Дарси стоял неподалеку от них, молчаливо негодуя по поводу такого времяпровождения, исключавшего возможность какой-либо беседы, и он был слишком погружен в свои мысли, чтобы заметить приблизившегося сэра Уильяма Лукаса, пока тот не обратился к нему со следующими словами:

— Какое это прекрасное развлечение для молодежи, не так ли, мистер Дарси! В конечном счете нет ничего приятнее танцев. Я нахожу их одним из лучших достижений образованного общества.



— Безусловно, сэр. Однако они популярны также и среди менее образованных людей. Любой дикарь умеет плясать.

Сэр Уильям в ответ лишь улыбнулся.

— Ваш друг танцует замечательно, — продолжил он после паузы, увидав, что к танцующим присоединился мистер Бингли, — и я не сомневаюсь, что и вы, мистер Дарси, являетесь мастером в этой области.

— Мне кажется, сэр, вы видели, как я танцевал в Меритоне.

— В самом деле, и получил от этого несравненное удовольствие! Вы часто танцуете в Сент-Джеймсе?

— Никогда, сэр.

— Разве вы не находите, что это было бы способом оказать уважение данному месту?

— Я ни одному семейству не оказываю уважения подобным образом, если мне удастся этого избежать.

— Я полагаю, у вас в столице есть собственный дом?

Мистер Дарси кивнул.

— Я как-то подумывал о том, чтобы обосноваться в столице, — обожаю высшее общество, — однако не уверен, что лондонский воздух пойдет на пользу леди Лукас.

Он замолчал, надеясь на ответную реплику, однако его собеседник не был склонен отвечать, а в это время к ним приближалась Элизабет, и сэру Уильяму пришлось в голову проявить галантность.

— Моя дорогая мисс Элиза, как, вы не танцуете? Мистер Дарси, позвольте представить вам эту очаровательную юную леди в качестве вашей партнерши. Я уверен, что вы не откажетесь танцевать, когда перед вами такая красавица.

Схватив руку Элизабет, он уже было протянул ее мистеру Дарси, который, хотя и был чрезвычайно удивлен, но был, однако, не прочь принять это предложение, однако она отступила назад и сказала сэру Уильяму, с некоторым неудовольствием:

— На самом деле, сэр, у меня совершенно нет никакого желания танцевать, и я надеюсь вы не подумали, что я подошла к вам, только чтобы подыскать себе партнера.

Мистер Дарси начал с серьезной учтивостью просить Элизабет оказать ему честь и принять его приглашение, но все было напрасно; Элизабет стояла на своем, и делу даже не помог сэр Уильям, попытавшийся ее уговорить.

— Вы так прекрасно танцуете, мисс Элиза, что было бы жестоко с вашей стороны лишать меня удовольствия видеть вас танцующей, и хотя этот джентльмен вообще не любитель таких развлечений, я уверен, у него не найдется возражений, и он найдет возможность уделить для вас полчаса своего времени.

— Мистер Дарси — сама любезность! — ответила Элизабет, улыбаясь.

— Разумеется, это так, однако учитывая его побуждения, моя дорогая мисс Элиза, это и неудивительно, ибо кто отказался бы от такой очаровательной партнерши?

Элизабет лукаво улыбнулась и отошла в сторону. Ее настойчивый отказ не повредил впечатлению, которое она производила на мистера Дарси, и он думал о ней с долей благожелательности, когда к нему подошла мисс Бингли:

— Я могу угадать, о чем вы думаете!

— Могу поспорить, что нет.

— Вы думаете, как невыносимо было бы проводить время таким образом в течение множества вечеров в подобном обществе, и я совершенно с вами согласна. Я еще ни разу так скучала! Все такие нудные, вся эта шумиха и никчемность! А как они важничают, все эти люди. Я бы дорого дала, чтобы услышать ваше нелицеприятное мнение о них.

— Ваше предположение совершенно неверно, уверяю вас. Мой ум был занят более приятными вещами, я размышлял о том, как много очарования красивые глаза могут придать лицу хорошенькой женщины.

Мисс Бингли немедленно уставилась на него и поинтересовалась, что это за леди удостоилась чести вызывать у его подобные размышления.

— Это мисс Элизабет Беннет, — без всякого смущения ответил мистер Дарси.

— Мисс Элизабет Беннет? — повторила мисс Бингли. — Я просто поражена! И как долго она у вас в любимицах? И умоляю, скажите, когда я смогу пожелать вам счастья?

— Я был уверен, что именно об этом вы и спросите. Женская фантазия так стремительна! Она в секунду перескакивает от одобрения к любви, от любви к браку. Я знал, что вы пожелаете мне счастья.



*Мистер Дарси, позвольте представить вам эту очаровательную юную леди
в качестве вашей партнерши.*

— Ну, если вы говорите серьезно, я буду считать, что это дело уже решено. У вас без сомнения будет очаровательная теща, которая, конечно, обоснуется с вами в Пемберли.

Он слушал ее с безразличным видом, а она продолжала развлекаться подобным образом, и поскольку его спокойствие убедило ее, что все в порядке, она продолжала весело болтать еще довольно долго.



ГЛАВА VII

Почти вся собственность мистера Беннета состояла из имения в две тысячи фунтов ежегодного дохода, которое, к огорчению его дочерей, предусматривало наследование по мужской линии, а так как ребенка мужского пола у него не было, имение должно было перейти к дальнему родственнику. Состояние же их матери, которого ей хватало в данной жизненной ситуации, едва ли могло восполнить такую потерю. Ее отец был адвокатом в Меритоне, и он оставил ей всего четыре тысячи фунтов.

Ее сестра вышла замуж за мистера Филиппа — клерка отца, который стал его преемником в деле, а ее брат обосновался в Лондоне и занимался солидными торговыми делами.

Деревушка Лонгборн находилась всего в миле от Меритона, и такое расстояние было весьма удобно для молодых леди, которые обычно испытывали соблазн наведаться туда три или четыре раза на неделе, чтобы отдать родственный долг тетушке, а заодно и заглянуть в расположенный по дороге дамский магазинчик. Особенно часто подобные экскурсии устраивали две младшие дочери, Кэтрин и Лидия. Они были наименее серьезными из сестер, и чтобы развлечься и обеспечить себе болтовню пе-

ред сном, они после завтрака непременно должны были отправиться в Меритон, и как бы ни была бедна окружающая местность новостями, они всегда узнавали что-то интересное от своей тетушки. В настоящее же время они вполне были обеспечены новостями и полным счастьем благодаря расквартировавшемуся на зиму в округе полку, чьей штаб-квартирой должен был стать Меритон.

Теперь их визиты к миссис Филипс были особенно продуктивны благодаря свежим выведенным подробностям. Каждый день добавлял что-новое, будь то имена офицеров или взаимоотношения между ними. Их адреса недолго оставались тайной, вскоре начали завязываться новые знакомства. Мистер Филипс навестил всех офицеров, открыв, таким образом, для своих племянниц новый и ранее неизвестный им источник блаженства. Они болтали только про офицеров, и даже солидное состояние мистера Бингли, упоминание о котором всегда оживляло их мать, ничего не стоило в их глазах по сравнению с мундиром прапорщика.

Однажды утром, наслушавшись такой болтовни, мистер Беннет прохладно заметил:

— Все, что я смог почерпнуть из этих ваших разговоров, так это то, что вы, должно быть, являетесь двумя самыми глупыми девочками в стране. Я подозревал это некоторое время тому назад, но теперь окончательно в этом убедился.

Кэтрин была смущена и ничего не ответила, а Лидия проигнорировала это замечание, продолжая восхищаться капитаном Картером и выражая надежду, что она еще раз его увидит перед тем, как он уедет утром в Лондон.

— Я удивлена, дорогой мой, — сказала миссис Беннет, — как ты охотно думаешь, что наши дети глупы. Если бы я и стала думать пренебрежительно о чьих-либо детях, то в любом случае, не о своих собственных.

— Если мои дети глупы, то я, по крайней мере, надеюсь принимать это здраво.

— Да, но так случилось, что они необыкновенно умны!

— Я льщу себя надеждой, что это единственный пункт, по которому мы расходимся. Хотелось бы, чтобы наши взгляды совпадали в каждом конкретном вопросе, но я увы, должно быть настолько отличаюсь от вас, что считаю двух наших младших дочерей необычайно глупыми.

— Мой дорогой мистер Беннет, нельзя требовать от юных девиц, чтобы они были такими же здравомыслящими, как их отец и мать. Осмелюсь сказать, что когда они достигнут нашего возраста, то будут думать об офицерах не больше, чем мы. Я помню то время, когда мне самой очень нравились красные мундиры, и в глубине души я и ныне к ним равнодушна, и если какой-нибудь умный молодой полковник с годовым доходом в пять-шесть тысяч захочет взять в жены одну из моих дочек, я не скажу ему «нет», и я думаю, что позавчера вечером у сэра Уильяма полковник Форстер выглядел очень импозантно в своей парадной форме!

— Мама! — воскликнула Лидия, — моя тетя говорит, что полковник Форстер и капитан Картер уже не так часто бывают у мисс Уотсон, как вначале; она их теперь частенько видит в библиотеке Кларка.

Миссис Беннет помешали ответить — в комнату вошел посыльный с письмом для мисс Беннет. Оно было из Незерфилда, и слуга остался ожидать ответа. Глаза миссис Беннет заискрились от радости, и, пока ее дочь читала, она нетерпеливо вопрошала:

— Ну же, Джейн, от кого оно? О чем речь? Что он пишет? Ну же, скорее, Джейн! Поскорей расскажи нам, любовь моя!

— Оно от мисс Бингли, — сказала Джейн и прочла вслух:

«Друг мой, если Вы не сообразовите из сочувствия к нам пообедать сегодня вместе со мной и Луизой, нам грозит опасность возненавидеть друг друга до конца жизни, поскольку две женщины, пребывающие тет-а-тет в течение целого дня, обязательно кончат ссорой. Приезжайте как можно скорее, получив эту записку. Мой брат и его друзья будут обедать с офицерами.

Вечно Ваша Кэролайн Бингли».

— С офицерами! — воскликнула Лидия. — Интересно, почему моя тетя об этом ничего не сказала?

— Обедают не дома? — сказала миссис Беннет. — Какое невезение!

— Могу я взять коляску? — спросила Джейн.

— Нет, дорогая, поезжай лучше верхом. Собирается дождь, и тебе придется остаться на ночь.

— Неплохая задумка! — сказала Элизабет. — Если только вы уверены, что они не предложат отвезти ее домой.

— Но ведь экипаж мистера Бингли будет с мужчинами в Меритоне, а Херсты не держат лошадей.

— Я бы все же лучше поехала в экипаже.

— Однако, моя дорогая, я уверена, что папа не сможет дать лошадей. Они ведь нужны на ферме, не так ли, мистер Беннет?

— Они нужны на ферме гораздо чаще, чем мне удастся их получить!

— Однако, если вы получите их сегодня, вопрос с маман будет решен, — сказала Элизабет.

В конце концов она получила от отца подтверждение, что лошади заняты, поэтому Джейн должна была ехать верхом, и мать проводила ее до ворот, с веселым видом предсказывая ненастный день. Ее надежды оправдались: не успела Джейн отъехать от дома, как начался проливной дождь, сестры ее забеспокоились, а мать была довольна. Этот дождь шел весь вечер без перерыва, и безусловно Джейн вернуться не могла.

— Какая это была удачная мысль! — не раз заметила миссис Беннет, как будто она не только предсказала, но сама и вызвала этот дождь. Однако лишь на следующее утро она смогла в полной мере порадоваться своей изобретательности. Завтрак уже подходил к концу, когда из Незерфилда прибыл слуга со следующей запиской для Элизабет:

«Дорогая Лиззи, сегодня утром я очень плохо себя чувствую — полагаю это последствия того, что вчера промокла. Мои добрые друзья и слышать не хотят о моем возвращении, пока мне не полегчает. Они настаивают также на том, чтобы меня осмотрел мистер Джонс, — поэтому не тревожьтесь, если услышите, что он меня навещал. За исключением головной боли и першения в горле со мной ничего серьезного.

Твоя и т. д.».

— Что же, моя дорогая, — сказал мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух, — если ваша дочь серьезно заболеет, и, быть может, даже умрет, будет приятно сознавать, что это станет последствием погони за мистером Бингли по вашим указаниям.

— Я не опасаюсь, что она умрет, люди не умирают от небольшой простуды! О ней хорошо позаботятся, и, пока она там, все будет хорошо. Если бы я могла взять повозку, я бы ее навестила.



Не на шутку встревоженная Элизабет была полна решимости повидать сестру. А поскольку экипажа не было, а ездить на лошади она не умела, единственным вариантом было отправиться в Незерфилд пешком, и она тут же объявила о своем решении.

— Не глуми, — воскликнула ее мать. — Как ты могла додуматься идти по такой грязище! На тебя невозможно будет смотреть, когда ты туда заявишься.

— Зато я смогу присмотреть за Джейн, а это все, что мне нужно.

— Лиззи, ты намекаешь, что стоит все же послать за лошадьми? — спросил отец.

— Нет, я действительно буду рада пройтись. Расстояния не замечаешь, если есть цель. Всего три мили. Я вернусь к обеду.

— Меня восхищает твоя готовность творить добро, — заметила Мэри. — Однако каждый порыв чувств нужно проверять разумом, и по моему мнению усилия должны быть пропорциональны тому, что требуется.

— Мы пойдем до Меритона с тобой, — предложили Кэтрин и Лидия.

Элизабет присоединилась к их компании, и три юные леди отправились вместе.

— Если мы поспешим, — сказала Лидия по пути, — мы, быть может, еще увидим капитана Картера перед отъездом.

В Меритоне они разделились. Младшие сестры отправились привести себя в порядок на квартиру к жене одного из офицеров, а Элизабет продолжила путь одна, быстрым шагом пересекая поле за полем, перебираясь через невысокие ограды и

нетерпеливо перепрыгивая через лужи, она оказалась, в конечном счете, перед Нездерфилдом, с натруженными ногами, в грязных чулках и с горящим от напряженной ходьбы лицом.

Ее провели в залу для завтрака, где собрались все кроме Джейн. Ее появление стало большим сюрпризом. Мисс Бингли и миссис Херст казалось невероятным, что в такую рань она самостоятельно прошла пешком при такой погоде целых три мили, и Элизабет была убеждена, что они не оправдывают такого геройства. Тем не менее, ее приняли весьма любезно, а в поведении их брата сквозило нечто большее, чем простая любезность; в нем было благорасположение и доброта. Мистер Дарси был немногословен, а мистер Херст не сказал вообще ничего. Первый равно восхищался тем, как ее очаровательно оживила быстрая ходьба, и сомневался в том, что причина для столь

смелой прогулки была достаточно оправданной. Второй явно размышлял только о своем завтраке.

На свои расспросы о здоровье сестры она получила малоутешительные ответы. Мисс Беннет плохо спала и хотя уже встала, ее по-прежнему лихорадило, и она не чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы выйти из комнаты. Элизабет была счастлива, когда ее тут же провели к больной, и Джейн, которая не упоминала в своей записке, из опасения вызвать лишнюю тревогу, насколько ей хотелось повидать сестру, ужасно обрадовалась, увидав ее. Однако она не могла много говорить и, когда мисс Бингли оставила их вдвоем, смогла лишь попытаться рассказать о необыкновенной доброте, с которой к ней здесь заботливо отнеслись. Элизабет молча внимала.

После завтрака к ним пришли сестры, и Элизабет почувствовала к ним симпатию, увидав, какую заботу и внимание они уделяют Джейн. Приехал аптекарь. Осмотрев свою пациентку, он сказал, что, как и можно было предположить, она сильно простудилась, и надо принять самые действенные меры. Он посоветовал ей вернуться в постель и обещал прислать лекарства. Его советам сразу последовали, признаки лихорадки у Джейн усиливались, а голова боле-





...не успела Джейн отъехать от дома, как начался проливной дождь.



...он сказал, что, как и можно было предположить, она сильно простудилась.

ла все сильнее. Элизабет не покидала ее комнату ни на минуту. Другие дамы отлучались совсем ненадолго, впрочем, делать им было особо нечего и негде, поскольку мужчины были в отлучке.

Когда часы пробили три, Элизабет почувствовала, что ей пора уходить, и весьма неохотно об этом сообщила. Мисс Бингли предложила ей экипаж, и она чувствовала, что после небольшого давления она уже будет готова согласиться, однако Джейн так огорчилась предстоящей разлуке, что мисс Бингли была вынуждена изменить свое предложение, пригласив Элизабет провести в Незерфилде еще некоторое время. Элизабет с радостью согласилась, и в Лонгборн послали слугу, чтобы дать знать об этом домашним и привезти необходимый запас одежды.



ГЛАВА VIII

В пять часов вечера дамы ушли, чтобы переодеться, а в половине шестого Элизабет позвали к ужину. К сожалению на последовавшие затем деликатные расспросы о здоровье больной она вряд ли могла сообщить что-либо утешительное, при этом Элизабет с удовольствием отметила более искреннее беспокойство мистера Бингли. Джейн безусловно не полегчало. Узнав это, сестры три или четыре раза повторили, насколько они огорчены и как они шокированы этой ужасной простудой, насколько сами они не любят болеть, и более к данной теме уже не возвращались; Элизабет же, чувствуя их безразличие к Джейн, которое они демонстрировали в ее отсутствие, начала испытывать к ним прежнюю неприязнь.

По сути, из всей этой компании лишь их брат вызывал ее симпатию. Он искренне беспокоился о Джейн, его внимание ей льстило, и лишь он один не позволял Элизабет ощущать себя непрощеной гостьей, а ей казалось, что прочие именно так на нее

и смотрят. Никто кроме него особо не обращал на нее внимания. Мисс Бингли была полностью поглощена мистером Дарси, миссис Херст была увлечена им едва ли меньше, а что касается мистера Херста, сидевшего рядом с Элизабет, то он представлялся ей праздным лентяем, который живет только для того, чтобы есть, пить и играть в карты; и после того, как он понял, что она предпочитает обычные блюда, ему больше не о чем было с ней говорить.

Когда ужин закончился, Элизабет сразу же вернулась к Джейн, и как только она вышла из комнаты, мисс Бингли начала язвительно судачить о ней. Ее манеры были объявлены весьма дурными, этакая смесь гордости и наглости, она совершенно не умела вести беседу: ни вкуса, ни красоты, ни изящества. Миссис Херст думала так же, добавив при этом:

— Короче, ей нечем похвастать, кроме того, что она отменный пешеход. Я никогда не забуду, как она заявила к нам сегодня, вид у нее был совершенно дикий.

— Именно так, Луиза. Я едва сдержалась. Совершенной глупостью было вообще здесь появляться. Из-за чего вся эта беготня? Только из-за того, что ее сестра подхватила простуду? У нее были такие неопрятные растрепанные волосы!

— Да-да, а ее юбка! Я надеюсь, вы видели ее юбку — она была в грязи дюймов на шесть, абсолютно точно, она пыталась прикрыть ее краями платья, однако это ей это сделать не удавалось.

— Твое описание довольно верно, Луиза, — сказал Бингли, — но я не обратил на это совершенно никакого внимания. Мне показалось, что мисс Элизабет Беннет выглядела просто прекрасно, когда она вошла к нам в комнату нынче утром. А грязи на краях юбки я просто не разглядел.

— Уверена, что вы-то ее разглядели, мистер Дарси, — сказала мисс Бингли. — И я склонна думать, что вы не хотели бы увидеть в таком виде вашу сестру.

— Конечно нет.

— Пройти пешком три, четыре, или пять, или сколько там миль чуть не по колено в грязи, одной, совершенно одной! Что все это значит? Мне кажется, это лишь демонстрация той отвратительной тщеславной независимости и игнорирования приличий, что свойственны всем провинциалам.

— Это могло быть проявлением привязанности к сестре, и это трогает, — сказал мистер Бингли.

— Боюсь, мистер Дарси, — полушепотом заметила мисс Бингли, — как бы это приключение не повлияло на ваше восхищение ее глазами.

— Не повлияет, — ответил он. — Ее усилия только добавили им блеска. За этой репликой последовала короткая пауза, а затем миссис Херст начала снова:

— Я с большой симпатией отношусь к Джейн Беннет, она и вправду очень милая девушка, и я от всего сердца желаю ей славно устроиться в жизни. Однако при таком отце и такой матери, и к тому же без связей, у нее для этого мало шансов.

— Мне казалось, ты говорила, что их дядя — юрист в Меритоне?

— Да. А другой дядя живет где-то в Чипсайде.

— Ох, уж эта столица! — воскликнула ее сестра, и обе от души рассмеялись.

— Даже если бы у них хватило дядюшек заселить весь Чипсайд, — воскликнул Бингли, — это не сделало бы ее ни на йоту менее привлекательной.

— Да, но это существенно уменьшило бы ее шансы выйти замуж за человека с определенным положением в обществе, — ответил Дарси.

На эту реплику Бингли ничего не ответил, но его сестры с этим горячо согласились и некоторое время развлекались, отпуская колкости в адрес вульгарных родственников их дорогой подруги.

Однако вместе с новым приливом сентиментальности они покинули столовую и вновь отправились к ней в комнату, и сидели там до тех пор, пока их не позвали пить кофе. Джейн по-прежнему весьма нездоровилось, и Элизабет не оставляла ее до позднего вечера. Несколько успокоившись, когда больная заснула, она почувствовала не столь желание, а скорее необходимость спуститься вниз. Когда она вошла в гостиную, то увидела, что вся компания сидит за картами, и ее тут же пригласили присоединиться, однако опасаясь, что они играют по-крупному, Элизабет отказалась, сославшись на болезнь сестры; она сказала, что в течение непродолжительного времени, которое она может провести внизу, она лучше развлечет себя чтением. Мистер Херст удивленно на нее глянул.

— Вы предпочитаете картам чтение? — спросил он. — Это довольно необычно!

— Мисс Элиза Беннет, — сказала мисс Бингли, — презирает карты. Она погружена в чтение, и больше ее ничто не радует.

— Я не заслуживаю ни похвалы, ни порицания такого рода, — воскликнула Элизабет. — Я не настолько глубоко погружена в чтение, и я получаю удовольствие от разных вещей.

— Я уверен, что вы испытываете удовольствие, ухаживая за вашей сестрой, — сказал Бингли, — и что оно возрастет, когда вы, наконец, увидите ее здоровой.

Элизабет поблагодарила его от всего сердца и пошла к столу, где лежало несколько книг. При этом он немедленно предложил ей показать и другие книги — все, чем располагала его библиотека.

— Мне бы хотелось, чтобы к вашей пользе и моей чести моя коллекция была бы побольше, но я ленив, и хотя книг у меня немного, но все же их больше чем тех, в кои я заглядывал.

Элизабет уверила его, что ей вполне подойдут те, что находятся в комнате.

— Я удивлена, — сказала мисс Бингли, — что от нашего отца осталось так немного книг. А какая превосходная библиотека у вас в Пемберли, мистер Дарси!

— Ей и следует быть хорошей, — ответил Дарси. — Ведь это результат трудов многих поколений.

— А потом вы так много к ней добавили сами! Вы все время приобретаете книги.

— Я не могу понять, как можно пренебрегать фамильной библиотекой в такие времена, как наше.

— Пренебрегать! Я уверена, что вы не пренебрегаете ничем, что может добавить красоты этому замечательному уголку. Чарльз, когда у тебя будет собственный дом, я бы хотела, чтобы он наполовину был таким же восхитительным, как Пемберли.

— Я бы сам этого хотел.

— Однако я бы посоветовала тебе приобрести имение где-нибудь неподалеку, взяв Пемберли за образец. В Англии нет лучшего графства, чем Дербишир.

— Полностью с тобой согласен. Я бы даже приобрел Пемберли, если бы Дарси мне его продал.

— Я говорю о возможном, Чарльз.

— Честное слово, Кэролайн, я подумываю стать владельцем Пемберли, если можно купить его, не пытаясь копировать.

Элизабет настолько заинтересовала эта беседа, что она сначала перестала читать, а потом и вовсе отложила книгу в сторону; она подошла к карточному столу и встала между мистером Бингли и миссис Херст чтобы понаблюдать за игрой.

— Не правда ли мисс Дарси изрядно вытянулась с прошлой весны, — сказала мисс Бингли. — Интересно, станет ли она такой же высокой, как и я?

— Думаю, так и будет. Сейчас она ростом с мисс Элизабет Беннет или даже выше.

— Мне так долго хотелось ее увидеть! Я никого не встречала в жизни, кто бы мне так нравился. Такое благородное лицо, такие манеры! И какая образованность для ее возраста! Она играет на фортепьяно с таким вкусом.

— Меня удивляет, — сказал Бингли, — как все эти молодые леди находят терпение, чтобы стать такими образованными.

— Все молодые леди образованные?! Чарльз, дорогой, что ты имеешь в виду?

— Думаю, все они образованны. Все они рисуют, раскрашивают каминные экраны и вяжут кошельки. Я едва ли вспомню кого-либо из них, кто не умел бы этого делать, и я не припомню, чтобы, рассказывая мне о новой леди, не упомянули, насколько она прекрасно образованна.

— В вашем перечне распространенных достижений молодых женщин, — сказал Дарси, — к сожалению, слишком много правды. Термин «образованная» применяют обычно ко многим женщинам, которые заслуживают его только благодаря тому, что вяжут кошельки или раскрашивают каминные экраны. Однако я далек от вашего мнения о женщинах в целом. Я бы не мог похвастаться тем, что из всех знакомых мне женщин найдется более пяти-шести по-настоящему образованных.

— Уверена, и я бы не смогла, — сказала мисс Бингли.

— Тогда, — заключила Элизабет, — вы, вероятно, хорошо представляете, кого следует считать «образованными женщинами»?

— Да, я ясно себе это представляю.

— О, безусловно! — воскликнула его верная союзница. — Образованным действительно может считаться лишь тот, кто значительно превосходит всех окружающих. Женщина для того, чтобы заслужить это определение, должна уметь хорошо музицировать, петь, рисовать, танцевать и знать иностранные языки, и помимо всего этого она должна иметь что-то особенное в своей внешности, или в манере походки, в интонации речи — иначе это звание будет заслужено ей только наполовину.

— Всем этим она должна обладать, — добавил Дарси, — но ко всему этому следует добавить нечто более существенное — развитие ума посредством чтения.

— Тогда я больше не удивляюсь, что вам знакомы только пять-шесть образованных женщин. Более того, странно, что вам вообще удалось их найти.

— Неужели вы так суровы к собственному полу, что вообще сомневаетесь в существовании таких женщин?

— Я никогда не встречала подобной, я никогда не видела, чтобы все перечисленные вами способности и таланты сочетались бы в одном человеке.

Миссис Херст и мисс Бингли громко возмущались несправедливостью подобных упреков и обе начали уверять, что они знавали немало женщин, которые попадали под сделанное описание, пока мистер Херст не призвал их к порядку, горько сетуя на их невниманье к тому, что происходило перед ними на карточном столе. Беседа, таким образом, была закончена, и вскоре после этого Элизабет вышла из комнаты.

— Элиза Беннет, — сказала мисс Бингли, когда дверь затворилась, — принадлежит к тем девицам, которые пытаются понравиться представителям другого пола, унижая свой собственный. На многих мужчин, признаюсь, это действует. Но, по-моему, это низкая уловка худшего толка.

— Несомненно, — отозвался Дарси, к которому это замечание было обращено. — Низким является любой способ, употребляемый женщинами для привлечения мужчин. Все, что порождается хитростью, отвратительно.

Мисс Бингли не настолько была удовлетворена полученным ответом, чтобы продолжить разговор на ту же тему.

Элизабет снова вернулась к ним, сообщив, что ее сестре стало хуже, и что она не сможет больше от нее отлучаться. Бингли принялся настаивать, чтобы немедленно послали за мистером Джонсом. Его сестры стали уверять, что в глуши нельзя получить должной помощи, и советовали послать экипаж за известным врачом из столицы.

Элизабет и слышать не хотела об этом, но она охотно согласилась с предложением мистера Бингли. Было решено, что за мистером Джонсом пошлют рано утром, если к тому времени Джейн не станет значительно лучше. Бингли был очень обеспокоен, а его сестры заявили, что они чувствуют себя крайне несчастными. Однако им удалось утешить себя пением дуэтом после ужина, в то время как он нашел единственное успокоение в том, что обязал дворецкого оказывать больной гостье и ее сестре максимальное внимание.



ГЛАВА IX

Элизабет провела большую часть ночи у постели больной, а утром была рада сообщить благоприятные вести о ее здоровье сначала горничной, которую очень рано прислал к ней мистер Бингли, а потом и двум элегантным дамам, которые прислуживали его сестрам. Однако, несмотря на улучшение, Элизабет все же попросила отправить в Лонгборн записку с просьбой, чтобы ее мать посетила Джейн и сама оценила ее состояние. Записка была послана немедленно и содержащаяся в ней просьба также была быстро выполнена, и вскоре после завтрака в Незерфилд прибыла миссис Беннет в сопровождении двух младших дочерей.

Если бы она увидела, что Джейн грозит реальная опасность, она была бы весьма удручена, однако она была вполне довольна тем, что болезнь Джейн не серьезна, и не хотела, чтобы дочь быстро выздоровела, ибо ее восстановленное здоровье заставило бы ее вскоре покинуть Незерфилд. Поэтому она не обратила внимание на предложение Джейн перевезти ее домой, и появившийся в то же самое время аптекарь тоже не

посчитал это целесообразным. Миссис Беннет немного посидела с Джейн, а потом к ней поднялась мисс Бингли и пригласила ее и трех ее дочек в залу для завтрака. Встретивший их там мистер Бингли выразил надежду, что состояние Джейн не оказалось более тяжким, чем ожидала миссис Беннет.

— Увы, именно так, сэр! — ответила она. — Она слишком слаба, чтобы ее можно было перевозить. Мистер Джонс говорит, чтобы мы и думать не могли о переезде. Поэтому мы будем вынуждены еще некоторое время злоупотреблять вашей любезностью.

— Переезд! — воскликнул Бингли. — Об этом не может быть и речи. Уверен, что моя сестра не захочет и слышать, чтобы ее перевозили.

— Вы можете быть уверены, сударыня, — вежливо и холодно заметила мисс Бингли, — что пока мисс Беннет останется с нами, ей будут оказывать любое возможное внимание.

Миссис Беннет была глубоко признательна.

— Я уверена, — добавила она, — что не будь рядом близких друзей, с ней могло бы случиться что угодно, она ведь действительно очень больна и весьма страдает, переносит все с огромным терпением. А оно ей присуще, я еще не встречала человека с таким ангельским характером. Я часто говорю моим девочкам, что им с Джейн не сравниться. У вас здесь прелестная комната, мистер Бингли, и чудесный вид на парковую аллею. Я не знаю в нашем графстве места лучшего, чем Незерфилд. Надеюсь, вы не захотите вскоре его покинуть, несмотря на то, что арендовали его ненадолго?

— Что бы я ни делал, я делаю это без промедления, — ответил он. — Поэтому если я решусь покинуть Незерфилд, меня, возможно, там не будет уже через пять минут. Однако в настоящее время мне кажется, что я обосновался основательно.

— Это именно то, что я от вас и ожидала, — сказала Элизабет.

— Кажется, вы начинаете понимать меня, не так ли? — воскликнул он, обернувшись к ней.

— О да, я вас прекрасно понимаю.

— Хотелось бы принять это за комплимент, однако немного жаль быть настолько понятным.

— Тут дело бывает ведь вот как; совершенно не следует, что личностей глубоких и непростых легче или труднее понять, чем вас.

— Лиззи, — одернула ее мать, — помни, где ты находишься, и не позволяй себе всякие вольности, как дома.

— А я и не знал, — подхватил Бингли, — что вы занимаетесь изучением человеческих характеров. Должно быть, это интересное занятие.

— Особенно интересно наблюдать за личностями сложными; по крайней мере, они имеют это преимущество.

— Сельская местность, — сказал Дарси, — дает в общем совсем немного материала для подобного изучения. В сельской местности круг людей, с которыми общаешься, весьма ограничен и неизменен.

— Однако, сами люди меняются так сильно, что в них все время подмечаешь что-то новое.

— Да, действительно, — воскликнула миссис Беннет, задетая замечанием Дарси об ограниченности провинциального общества, — уверяю вас, что в провинции происходит всего не меньше, чем в городе!

Все были удивлены, и Дарси, окинув ее долгим взглядом, молча отвернулся. Однако миссис Беннет казалось, что она одержала над ним полную победу и ей захотелось продолжить свой триумф.

— Я со своей стороны не считаю, что Лондон обладает серьезными преимуществами перед провинцией, если не считать магазинов и развлечений. Провинциальная жизнь гораздо приятнее, не так ли, мистер Бингли?

— Когда я нахожусь в провинции, — откликнулся он, — мне никогда не хочется ее покидать, однако когда я в столице, происходит то же самое. Везде есть свои преимущества, и я могу быть одинаково счастлив и тут, и там.

— Да, и это потому, что у вас здравые взгляды, а вот тот джентльмен, — глянула она на Дарси, — провинцию вообще ни во что не ставит.

— Право, мама, вы ошибаетесь, — сказала Элизабет, краснея за свою мать. — Вы неправильно поняли мистера Дарси. Он лишь имел в виду, что в провинции можно встретить меньшее разнообразие людей, чем в городе, и вы знаете, что это правда.

— Конечно, дорогая моя, никто и не говорит, что это не так, однако, что касается того, что в провинции встречаешься с меньшим количеством людей, так мне не верится, что оно здесь меньше. Нас зовут на обеды двадцать четыре семейства.

Только стремление пощадить чувства Элизабет позволило мистеру Бингли удержаться при этом серьезное выражение лица. Его сестра была менее деликатной; она взглянула на Дарси с весьма выразительной улыбкой, а Элизабет, пытаясь сказать что-нибудь такое, что могло бы повернуть мысли ее матери в другую сторону, спросила у нее, не заходила ли в ее отсутствие Шарлотта Лукас.

— Да, вчера она заглянула к нам со своим отцом. Что за приятный человек этот сэр Уильям — не правда ли, мистер Бингли? Он такой изысканный: само благородство и любезность. Он всегда готов побеседовать с каждым. Вот, что значит, на мой взгляд, хорошее воспитание, а те персоны, которые считают себя такими важными, что не желают даже раскрыть рот, напрасно думают, что хорошо воспитаны.

— Шарлотта с вами пообедала?

— Нет, ей нужно было домой. Думаю, хотела помочь испечь мясной рулет. Я же, мистер Бингли, всегда держу таких слуг, которые сами справляются со всей работой, мои дочери воспитаны совсем иначе. Каждый, впрочем, судит по-своему. Девушки Лукас очень славные, уверяю вас. Жаль, что они не красавицы. Нет, я не хочу сказать, что Шарлотта так уж некрасива; она наш близкий друг.

— Похоже, она очень приятная молодая женщина, — сказал Бингли.

— О, да! Но вы должны признать, что она далеко не красавица. Сама леди Лукас говорила об этом, завидуя моей Джейн. Не хочу хвастать своей собственной дочерью, однако без сомнения, если уж говорить о Джейн, мало кто видел такую красавицу. Все так говорят, я не доверяю своей пристрастности. Когда ей было всего пятнадцать, был один джентльмен, мы жили тогда у моего брата Гардинера в Лондоне, так он был так в нее влюблен, что моя невестка была уверена — он сделает ей предложение еще до того, как мы уедем. Однако, он этого не сделал. Возможно, он думал, что она слишком молода. И знаете, он сочинил для нее стихи, очень миленькие такие.

— Тем и закончилось его увлечение, — нетерпеливо закончила Элизабет. — Мне кажется, он был одним из многих, преодолевших его таким образом. Любопытно, кто первый открыл, что с помощью поэзии можно избавиться от любви?

— Я привык считать поэзию питательной почвой для любви, — сказал Дарси.

— Для сильной, здоровой и страстной любви возможно, это и так. Все полезно для того, что уже окрепло. Однако, если это лишь легкая склонность, я уверена, что один хороший сонет заморит ее до смерти.

В ответ Дарси лишь улыбнулся. Все замолчали, и Элизабет начала тревожиться, что ее мать опять ляпнет что-нибудь несуразное. А той и в самом деле хотелось поговорить, но она не могла придумать, что бы такого сказать, и после короткой паузы миссис Беннет снова начала благодарить мистера Бингли за его заботу о Джейн и извиняться за причиненное Лиззи беспокойство. Отвечая, Бингли был непринужденно любезен; под этим давлением и его младшая сестра произнесла из вежливости все, что подобает говорить в подобных обстоятельствах. И хотя она исполнила свою роль без особого энтузиазма, миссис Беннет осталась довольна и вскоре после этого попросила подать свой экипаж. По этому сигналу слово взяла самая младшая из ее дочерей. Обе они в течение всего визита перешептывались между собой, и в результате, по взаимной договоренности, младшая должна была напомнить мистеру Бингли про его обещание устроить после своего приезда бал в Незерфилде.

Лидия была крепкой рослой девицей пятнадцати лет; ладно сложенная, добродушная и милая, она была любимицей матери. Благодаря этому обстоятельству она начала выезжать в свет в юном возрасте. Живая по натуре и беззаботная, она пользовалась вниманием офицеров, которых привлекала не только она, но и стол ее дядюшки, и это внимание развило в ней определенную уверенность в себе. Поэтому она прямо заговорила с мистером Бингли, напомнив про бал и про его обязательства, добавив, что было бы совершенно позорно не сдержать своего слова. Его ответ на эту неожиданную атаку прозвучал совершенно замечательно для слуха ее матери.

— Уверю вас, я с радостью готов выполнить свои обещания, и когда ваша сестра поправится, вы сами, если захотите, выберете день для этого бала, ведь вам вряд ли захочется танцевать, пока она болеет.

Лидия заявила, что вполне довольна таким ответом.

— О да, — сказала она, — будет гораздо лучше подождать, пока Джейн выздоровеет, а к тому времени вполне вероятно в Меритон вернется капитан Картер. А после того, как вы дадите бал, — добавила она, — я заставляю их устроить свой. Скажу полковнику Форстеру, что будет очень стыдно, если он это не сделает.

После этого миссис Беннет и ее дочки уехали, а Элизабет немедленно вернулась к Джейн, предоставив возможность злословить о ней самой и о поведении ее родных двум леди и мистеру Дарси; последнего, впрочем, так и не удалось склонить к критическим замечаниям, несмотря на остроумные высказывания мисс Бингли по поводу «ее очаровательных глазок».



ГЛАВА X

Этот день прошел так же, как и предыдущий. Миссис Херст и мисс Бингли провели утром несколько часов рядом с больной, которая продолжала, хотя и медленно, но поправляться. Вечером Элизабет присоединилась к группе в гостиной. Карточного столика, однако, не было. Мистер Дарси писал письмо, а мисс Бингли сидела рядом и по ходу дела постоянно отвлекала его различными сообщениями для его сестры. Мистер Херст и мистер Бингли сидели за игрой в пикет, а миссис Херст наблюдала за их игрой.

Элизабет села за рукоделие и с удивлением прислушалась к тому, что происходило между Дарси и его соседкой. Постоянное восхищение леди его почерком, ровностью строк или длиной самого письма при полном его равнодушии к этим комплиментам составляли любопытный диалог, полностью соответствовавший представлению Элизабет о характерах каждого из его участников.

— Мисс Дарси будет так рада этому письму!

Он не ответил.

— Вы пишете необычайно быстро.

— Вы ошибаетесь. Я пишу довольно медленно.

— Сколько писем вам приходится писать в течение года! Плюс еще деловые письма. Представляю, как это утомительно.

— Ну что же, хорошо, что этим приходится заниматься мне.

— Ради бога, напишите вашей сестре, как я жажду ее повидать.

— Я уже упоминал об этом, как вы и просили.

— Боюсь, вы недовольны своим пером. Давайте, я вам его очиню. Я отлично привожу в порядок перья.

— Спасибо, но я всегда чиню свое сам.

— Как вы научились строчить так ровно?

Он хранил молчание.

— Скажите своей сестре, что меня очень радуют ее успехи игры на арфе, и ради бога, передайте ей, что я в полном восторге от ее прелестного маленького узора для скатерки и считаю, что он стократ лучше узора мисс Грантли.

— Вы позволите мне отложить ваши восторги до следующего раза? В этом письме у меня уже не хватает для них подобающего места.

— О, ничего страшного. Я увижу ее в январе. А вы всегда пишете ей такие очаровательно длинные письма, мистер Дарси?

— Они обычно длинные, однако насколько они очаровательные, судить не берусь.

— Мне кажется, что человек, который может легко написать длинное письмо, не может писать плохо.

— Для Дарси это не комплимент, Кэролайн, — бросил реплику ее брат, — потому что на самом деле писать ему вовсе не так уж легко. Он уделяет слишком много внимания четырехсложным словам, — не так ли, Дарси?

— Мой стиль заметно отличается от вашего.

— О! — воскликнула мисс Бингли, — невозможно представить, что кто-то пишет более небрежно, чем Чарльз. Одну половину слов он пропускает, а на второй половине оставляет кляксы.

— Мои мысли текут так быстро, что я не успеваю их выражать, поэтому мои письма порой вообще не передают никаких мыслей моим адресатам.

— Ваша скромность, мистер Бингли, — сказала Элизабет, — обезоруживает любые упреки в ваш адрес.

— Нет ничего более обманчивого, — сказал Дарси, — чем демонстрация скромности. Часто это лишь безразличие к мнениям, а порой и опосредованное хвастовство.

— И к какой категории относится моя?

— Это опосредованное хвастовство, ведь вы на самом деле гордитесь вашими недостатками при письме, поскольку считаете их порождением быстроты мышления и небрежности осуществления, и хотя эти особенности недостойны одобрения, для вас они по крайней мере весьма любопытны. Ведь возможность делать что-то быстро всегда высоко ценится обладателем такой способности, хотя часто при этом на качество исполнения внимание не обращается. Когда сегодня утром вы сказали миссис Беннет, что если бы вам вздумалось покинуть Незерфилд, вы бы сделали это в пять минут, ведь это был своего рода панегирик, похвальба самому себе, а по сути, что хорошего в том, что вы оставили бы важные дела незаконченными? От этого не было бы никакого проку ни вам, ни кому-либо еще.

— Ну, это уж слишком, — воскликнул Бингли, — упоминать вечером все те глупости, которые были сказаны утром. И все же, клянусь честью, я верю в то, что сказанное о себе самом было правдой, и я верю в это и теперь. По крайней мере, я не предполагал, что мое высказывание будет воспринято как желание порисоваться перед дамами.

— Не сомневаюсь, что вы в это верите, однако я совершенно не убежден, что вы бы уехали столь стремительно. Ваше поведение зависело бы от текущих обстоятельств, точно так же, как и в случае любого другого человека, и если бы в тот момент, когда вы уже взбирались бы на лошадь, какой-нибудь ваш друг сказал бы вам: «Бингли, остались бы вы лучше до следующей недели», — вы бы, может, и не уехали; другими словами, остались бы еще на месяцок.



— Вы пишете необычайно быстро.

— Вы этим только доказали, — воскликнула Элизабет, — что мистер Бингли не ценит себя должным образом; и вы отдали ему должное в большей степени, чем это сделал бы он сам.

— Я искренне рад тому, — сказал Бингли, — что вы обратили слова моего друга в похвалу мягкости моего характера. Однако боюсь, что вы придаете словам этого джентльмена такой смысл, который он ни в коей мере не предполагал, поскольку, безусловно, он лучшего обо мне мнения; ведь окажись я в той ситуации, я бы категорически отказался и ускакал как можно скорее.

— Неужели мистер Дарси считает, что опрометчивость ваших первоначальных намерений можно искупить упрямством, с которым бы вы воплощали их в жизнь?

— Честное слово, я не могу в точности это сказать; Дарси должен говорить сам за себя.

— Вы ожидаете, что я приму во внимание мнение, которое вы мне приписываете, но которое я никогда не высказывал. Допустим, все так, как вы говорили; однако вы, мисс Беннет, должны помнить, что предполагаемый друг, хотевший, чтобы мистер Бингли остался дома, отложив свои планы на отъезд, только лишь пожелал этого, не приведя ни одного соображения в пользу такого решения.

— То есть для вас быть готовым легко уступить другу — это совсем не заслуга?

— Уступки без веских доводов не сделали бы чести разумности обоих.

— Вы, как мне кажется, мистер Дарси, не допускаете значимости дружбы или привязанности, а уважение к просителю подчас может заставить человека с готовностью уступить просьбе, не дожидаясь доводов, насколько она обоснована. Я не говорю именно о той воображаемой ситуации, в которую вы поставили мистера Бингли. Возможно, нам стоит подождать, пока такая ситуация возникнет в действительности, и уж потом судить о разумности его действий. Однако в целом, при обычных отношениях между друзьями, если один из них попросит другого отказаться от не слишком важного решения, стоит ли думать о нем плохо, если второй согласится, не дожидаясь разумных доводов?

— А не будет ли целесообразно, прежде чем мы перейдем к этому вопросу, поточнее определить важность озвученной просьбы, равно как и степень близости между этими друзьями?

— Безусловно! — воскликнул Бингли. — Давайте также узнаем обо всех подробностях, не забывая сравнить рост и силу этих приятелей, потому что, мисс Беннет, это может иметь гораздо большее значение, чем вам представляется на первый взгляд. Уверяю вас, если бы Дарси не был по сравнению со мной таким рослым, я бы отдавал ему вдвое меньше почтения. Могу признаться, что в некоторых случаях и при определенных обстоятельствах я не знаю типа ужаснее Дарси, особенно когда в воскресный вечер он находится в собственном доме, и ему нечего делать.

В ответ Дарси улыбнулся, но Элизабет показалось, что он обижен, и поэтому она сдержала свой смешок. Мисс Бингли была горячо обижена тем, что эта глупая болтовня унизила его достоинство, и пыталась усовестить своего брата.

— Я вижу, что вы задумали, Бингли, — сказал его приятель. — Вам не нравится эта дискуссия, и вы решили замять наш разговор.

— Возможно. Эта дискуссия слишком похожа на спор. Если вы и мисс Беннет отложите вашу перепалку до тех пор, пока я не выйду из комнаты, я буду вам премного благодарен, а потом вы сможете говорить обо мне все, что вам будет угодно.

— То, о чем вы просите, — сказала Элизабет, — не будет с моей стороны какой-то жертвой, а мистер Дарси сможет без помех закончить письмо.

Мистер Дарси принял ее совет и дописал письмо до конца.

Когда с этим делом было покончено, он обратился к мисс Бингли и Элизабет с nejжайшей просьбой немного помузицировать. Мисс Бингли с готовностью подошла к фортепьяно, вежливо предложила Элизабет первой начать выступление, и после того, как та столь же вежливо, но более искренне отказалась, сама села за инструмент.

Миссис Херст пела со своей сестрой. Пока обе они были этим заняты, Элизабет начала перелистывать лежавшие на инструменте ноты, и при этом она не могла не заметить, как часто останавливается на ней взгляд мистера Дарси. Она с трудом могла предположить, что может стать объектом восхищения для такого значительного человека, однако мысль, что он смотрит на нее с неприязнью, была для нее столь же странной. Поэтому ей оставалось лишь думать, что его внимание объясняется тем, что среди всех присутствующих в ней более, чем в прочих, он видит нечто предосудительное и несоответствующее своим вкусам и взглядам. Это предположение ничуть ее не задело. Он слишком ей не нравился, чтобы думать о его одобрении.

Исполнив несколько итальянских арий, мисс Бингли для оживления подпустила живого шотландского веселья, и вскоре мистер Дарси вырисовался подле Элизабет и спросил:

— Не чувствуете ли вы, мисс Беннет, по такому случаю желания протанцевать турчик?

Она улыбнулась, но не ответила. Немного удивленный ее молчанием, он повторил свой вопрос.

— О! — ответила она. — Я и в первый раз вас услышала, просто не сразу определилась, что ответить. Вам, конечно, хотелось, чтобы я сказала «да», и тогда вы смогли бы доставить себе удовольствие презирать мой вкус, однако мне всегда нравилось разрушать такого рода конструкции, отнимая у их авторов заранее заготовленное презрение. Поэтому я решила сказать, что вообще не хочу танцевать, а теперь осуждайте меня, если решитесь!

— Поверьте, я бы не осмелился!

Элизабет подозревала, что ее слова скорее всего должны были его задеть, поэтому она была удивлена его любезностью, однако в ее поведении сквозило такое прелестное сочетание шарма и лукавства, что это едва ли могло задеть кого-либо, а Дарси чувствовал себя околдованным этой женщиной, как никакой другой в жизни. И он действительно считал, что, если бы не низкое положение ее родственников, то он бы оказался в достаточно опасном положении.

Мисс Бингли видела и подозревала достаточно, чтобы заревновать, поэтому ее горячее беспокойство о здоровье ее дорогой подруги Джейн поддерживалось в ней в некоторой степени желанием побыстрее избавиться от ее сестры.

Она часто пыталась спровоцировать у Дарси неприязнь к его гостье, болтая об их предполагаемом браке и желая счастья в таком союзе.

— Надеюсь, — сказала мисс Бингли, когда на следующий день они прогуливались вдоль живых изгородей возле дома, — когда это желанное событие произойдет, вы намеркнете вашей теще, как полезно держать язык за зубами, и если вы с этим справитесь, излечите также младших сестер от желания бегать за офицерами. И если мне будет позволено коснуться столь деликатной темы, то постарайтесь удерживать вашу леди от нечто такого, что граничит с тщеславием и наглостью.



— Нет, нет, оставайтесь здесь!

— Может быть, вы можете посоветовать что-нибудь еще для моего семейного счастья?

— О, да! Пусть портреты ваших дяди и тетушки Филипс висят в галерее Пемберли. Поместите их где-нибудь рядом с портретом вашего великого дяди судьи. Они ведь в одной и той же профессии, хотя проходят по разным ее статьям. Что же до портрета вашей Элизабет, то и не пытайтесь даже его заказывать, ибо какой художник сможет по достоинству запечатлеть столь прекрасные глазки.

— Да, действительно трудно будет уловить их выражение, форму и цвет, да и эти необыкновенно длинные ресницы изобразить будет непросто.

В это время они повстречали миссис Херст и саму Элизабет; они шли по другой дорожке.

— А я и не знала, что вы собираетесь на прогулку! — воскликнула несколько смущенно мисс Бингли, боясь, что их могли услышать.

— Вы поступили с нами отвратительно! — ответила миссис Херст. — Удрали, не сказав, что вы выходите.

Затем, схватив свободную руку мистера Дарси, она позволила Элизабет дальше идти одной; на дорожке помещались как раз трое. Почувствовавший эту неучтивость мистер Дарси быстро сказал:

— Эта дорожка недостаточно широка для нашей компании. Давайте лучше выйдем на аллею.

Однако Элизабет, у которой не было ни малейшего желания оставаться с ними, весело ответила:

— Нет, нет, оставайтесь здесь! Вы образуете очаровательную группу, так воспользуйтесь этим. Вся живописность будет нарушена, если вы примете четвертого. До свидания!

Она весело отбежала прочь, и начала бродить по саду, радуясь тому, что через день или два она, наконец, снова окажется дома. Джейн же уже настолько оправилась, что собиралась этим вечером на пару часов покинуть свою комнату.



ГЛАВА XI

Когда дамы после обеда ушли, Элизабет быстро поднялась к своей сестре и убедившись, что та достаточно тепло одета, провела ее в гостиную, где Джейн встретили радостные возгласы двух ее знакомых дам. Элизабет еще никогда не видела их столь любезными, как в течение этого часа, который прошел до появления джентльменов. Они обладали искусством вести беседу, могли в подробностях поведать о каком-либо развлечении, с юмором изложить историю или со смехом поведать о спиритическом сеансе.

Однако, когда мужчины появились в зале, Джейн сразу перестала быть главным объектом их внимания; мисс Бингли сразу обратила свой взгляд на Дарси, и прежде, чем он успел сделать нескольких шагов, она уже собиралась ему что-то сообщить, а он обратился прямо к Джейн, любезно поздравив ее с выздоровлением. Мистер Херст также слегка ей поклонился, сказав, что он «очень рад»; по сравнению с этим поздравление Бингли казалось ярким и многословным. Он демонстрировал заботу, его переполняла радость. Он потратил около получаса на разведение огня в камине, чтобы покинувшая свою теплую комнату Джейн не озябла. По его настоянию она пересела на другую сторону камина, чтобы находиться подальше от дверей. Затем он сел рядом с ней и больше почти ни с кем не разговаривал. Сидевшая за рукоделием в другом углу комнаты Элизабет наблюдала за всем этим с большим удовольствием.

После чаепития мистер Херст предложил своей невестке сесть за карты, но та отказалась. По достоверно полученным секретным сведениям она знала, что мистер Дарси не был расположен к игре, и мистер Херст вскоре понял, что даже его громкие призывы ко всем присутствующим совершенно напрасны. Мисс Бингли заверила его, что играть никто не хочет, и общее молчание послужило подтверждением ее слов. Таким образом, мистеру Херсту не осталось ничего иного, как только растянуться на диване и задремать. Дарси взял книгу, мисс Бингли сделала то же самое, а миссис Херст в основном была занята тем, что перебирала свои браслеты и кольца, при этом она порой присоединялась к беседе брата с мисс Беннет.

Мисс Бингли с равным вниманием читала и наблюдала, как это делает мистер Дарси; она то и дело его о чем-либо спрашивала или заглядывала в его книгу. Однако она так и не смогла вовлечь его в беседу; он отвечал на ее вопросы односложно и продолжал читать. Наконец, вконец измученная попытками развлечь себя книгой, которую она выбрала только потому, что это был второй том, а первый читал Дарси, мисс Бингли, широко зевнула и сказала:

— Как приятно проводить вечер за чтением! Я готова утверждать, что нет других удовольствий, подобных этому. Чтение не так быстро утомляет, как все прочие занятия. Когда у меня будет собственный дом, я буду в нем несчастной, если у меня не будет прекрасной библиотеки.

Никто на это ничего не ответил. Тогда она зевнула еще разок, отбросила свою книгу и обвела комнату взглядом в поисках развлечений. Услышав, что ее брат сказал что-то о бале мисс Беннет, она внезапно повернулась к нему и сказала:

— Между прочим, Чарльз, ты впрямь думаешь устроить танцы в Незерфилде? Я бы тебе посоветовала прежде чем решиться на это, сначала соотнести это твоё намерение с мнением всех присутствующих в этой комнате. Думаю, не ошибусь, если среди нас найдется кто-то, для кого этот бал станет скорее испытанием, чем наслаждением.

— Если ты имеешь в виду Дарси, — ответил ее брат, — то он может отправиться спать, если ему так будет угодно; что же касается самого бала, то это дело решенное. И как только Николс наварит достаточно белого супа а-ля-рейн, я немедленно разошлю свои приглашения.

— Я бы любила балы бесконечно больше, — ответила мисс Бингли, — если бы они устраивались несколько иным образом; а то в них есть нечто невыносимо скучное. Гораздо разумнее было бы во время бала танцы заменить беседами.

— Конечно, разумнее, дорогая Кэролайн, однако осмелюсь сказать, это и близко не было бы похоже на бал.

Мисс Бингли вместо ответа встала и стала фланировать по комнате. Она была стройна и двигалась весьма элегантно, однако Дарси, на которого все это было нацелено, все еще был погружен в чтение. В отчаянии она решила предпринять еще один маневр и, повернувшись к Элизабет, сказала:

— Мисс Элиза Беннет, позвольте предложить вам последовать моему примеру и немножко пройтись по зале. Уверяю вас, это действует весьма освежающе после того, как долго сидишь, не меняя позы.

Элизабет была удивлена, но без колебаний согласилась, и мисс Бингли благодаря этой своей заботе преуспела в достижении истинной цели своих действий — Дарси поднял голову. Внимание мисс Бингли, проявленное к Элизабет, было для него столь же необычным, как и для нее самой, и он машинально закрыл книгу. Его сразу же при-

гласили присоединиться к их компании, но он отказался, заметив, что он может вообразить себе только две причины ходить взад и вперед по комнате, причем обе из них мешают ему составить им компанию.

«Что он имеет в виду?», — подумала мисс Бингли. «Я просто умираю от желания узнать, что все это значит», — и она спросила Элизабет, поняла ли она хоть что-нибудь из сказанного.

— Совершенно ничего, — ответила та. — Однако будьте уверены, — он явно хотел чем-то нас задеть, и наилучший способ нам его разочаровать — это вообще ни о чем не спрашивать.

Мисс Бингли, однако, никоим образом не хотела разочаровывать мистера Дарси, поэтому она настойчиво потребовала, чтобы ей рассказали об этих двух причинах.

— Не имею ни малейшей причины скрывать их, — сказал мистер Дарси, как только она позволила ему начать говорить. — Вы выбрали такое времяпровождение потому, что доверяете друг другу и хотите обсудить какие-то секретные делишки, либо думаете, что весьма грациозно смотрите во время ходьбы; в первом случае я буду вам мешать, а во втором я гораздо лучше смогу полюбоваться вами, сидя здесь у камина.

— Возмутительно! — воскликнула мисс Бингли. — Я никогда в жизни не слышала ничего более ужасного. Как нам следует наказать его за эту дерзость?

— Нет ничего проще, если вы этого действительно хотите, — сказала Элизабет. — Все мы можем насмехаться и подкалывать друг друга. Дразните его, смейтесь над ним. Вы же в близких отношениях, поэтому должны знать, как это сделать.

— Клянусь честью, не знаю. Уверяю вас, что эти близкие отношения пока меня этому не научили. Как можно дразнить человека с таким уравновешенным характером и таким присутствием духа! Нет, нет, я чувствую, тут он нам не поддастся. А что до смеха, то не хотим же мы подставляться и глупо выглядеть, смеясь без повода. Мистер Дарси может быть собой доволен.

— Над мистером Дарси нельзя посмеяться? — удивилась Элизабет. — Это редкое преимущество, и я надеюсь, что таковым оно и будет оставаться, потому что для меня было бы большим уроном иметь много таких знакомых. Я так люблю смешное.

— Мисс Бингли, — ответил Дарси, — вы приписывает мне больше заслуг, чем я заслуживаю. Мудрейшие и лучшие из людей, а вернее мудрейшие и благороднейшие их поступки могут показаться смешными для тех, у кого главная цель в жизни — насмешки.

— Конечно, — сказала Элизабет, — такие люди существуют, однако надеюсь, я не из их числа. Кажется, я никогда не высмеивала доброту и мудрость. Глупости и несуразности, причуды и капризы развлекают меня, и я смеюсь над ними всякий раз, когда могу. Однако я полагаю, что этих качеств вы точно лишены.

— С уверенностью это нельзя сказать ни о ком, однако в течение жизни я постоянно трудился, чтобы избегать тех слабостей, которые могут быть легко высмеяны.

— Таких, как тщеславие и гордость?

— Да, тщеславие и в самом деле слабость. Но гордость... там, где доминирует ум, гордость всегда будет под должным контролем.

Элизабет отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Я полагаю, ваше изучение мистера Дарси завершено, — усмехнулась мисс Бингли. — Умоляю скажите, каков же результат?

— Да, и оно меня вполне убедило, что мистер Дарси лишен недостатков. Да он и сам этого не скрывает.

— Нет, — сказал Дарси, — я не озвучивал таких претензий. У меня хватает недостатков, однако, надеюсь, они не касаются моего ума. А вот за свой характер я бы поручиться не осмелился. Например, я неуступчив — даже слишком неуступчив для удобства окружающих. Я не умею забывать глупости и пороки ближних так скоро, как должен был бы, равно как не умею прощать и нанесенные мне обиды. Меня трудно расстрогать при попытках сделать это. Меня, вероятно, можно назвать обидчивым. Если кто-то лишается уважения в моих глазах, то он лишается его навсегда.

— Это действительно недостаток! — воскликнула Элизабет. — Чрезмерная обидчивость — отрицательная черта характера, но ваш выбор недостатка хорош, ведь я не могу над ним посмеяться. Можете меня не опасаться.

— Думаю, у каждого человека есть определенная склонность к какому-то недостатку, естественному дефекту, который невозможно преодолеть даже с помощью прекрасного воспитания.

— И ваш недостаток — это склонность ненавидеть людей.

— А ваша, — ответил он с улыбкой, — преднамеренно неверно их понимать.

— Давайте лучше немножко послушаем музыку, — воскликнула мисс Бингли, устав от разговора, в котором она не принимала участие. — Луиза, ты не против, если я разбужу мистера Херста?

У ее сестры не было ни малейших возражений, крышка фортепьяно была поднята, и Дарси после минутного раздумья не пожалел об этом. Он чувствовал, что уделять Элизабет слишком много внимания уже становилось для него опасно.



ГЛАВА XII

В соответствии с договоренностью между сестрами на следующее утро Элизабет написала матери письмо с просьбой прислать за ними в течение дня экипаж. Однако миссис Беннет рассчитывала, что ее дочери останутся в Незерфилде до следующего вторника, и, таким образом, Джейн проведет там целую неделю; поэтому она не испытывала особой радости от их более раннего приезда. В результате ее ответ оказался не слишком благоприятным, по крайней мере для Элизабет, которой не терпелось вернуться домой. Миссис Беннет сообщала им, что ей вряд ли удастся послать экипаж раньше вторника, а в постскриптуме было добавлено, что если мистер Бингли и его сестры будут настаивать, чтобы они остались подольше, она отлично обойдется некоторое время и без старших дочерей. Однако Элизабет была решительно настроена не задерживаться дольше, тем более она не рассчитывала, что их будут просить об этом; наоборот, она опасалась, что их вторжение и так затянулось, поэтому она стала настаивать, чтобы Джейн немедленно одолжила экипаж мистера Бингли, и в конце концов было решено, что они расскажут о своем намерении вернуться домой в этот же день и одновременно попросят экипаж.

Сообщение о предполагаемом отъезде вызвало немало различных высказываний, и было озвучено немало пожеланий, чтобы сестры еще задержались для полного восстановления Джейн; в результате отъезд был отложен на один день. Мисс же Бингли тогда стала жалеть, что ратовала об этой отсрочке, поскольку ее ревность и неприязнь к одной из сестер намного превосходили привязанность ко второй.

Хозяин дома с искренним огорчением услышал, что они уезжают так скоро, и неоднократно пытался убедить мисс Беннет, что это небезопасно для нее, ибо она еще не совсем поправилась, но в тех случаях, когда Джейн чувствовала свою правоту, она была непоколебима.

Мистер Дарси приветствовал это решение — Элизабет пробыла в Незерфилде достаточно долго, а его тянуло к ней гораздо сильнее, чем ему бы хотелось. К тому же мисс Бингли была с ней недостаточно вежлива, а его самого поддразнивала более, чем

обычно. Он мудро решил быть особо осторожным и не демонстрировать Элизабет знаки внимания, которые могли бы взрастить в ней надежду повлиять на его счастье. При этом он разумно полагал, что если таковое предположение у нее уже зародилось, его поведение накануне отъезда будет иметь важное значение для его подтверждения или отрицания. Укрепившись в этой мысли, за всю субботу он сказал ей не более десятка слов, и хотя их однажды оставили на полчаса вдвоем в одной комнате, он все это время настолько усердно читал свою книгу, что даже ни разу не взглянул на нее.

Долгожданное расставание состоялось в воскресенье после утренней церковной службы. Перед отъездом любезность мисс Бингли к Элизабет, а равно и ее привязанность к Джейн быстро и заметно возросли; при расставании она заверила, что будет рада видеть их снова в Лонгборне или Незерфилде, а после она нежно приобняла Джейн и даже пожала руку ее сестре. Элизабет покинула всю эту компанию в прекрасном расположении духа.

Мать приветствовала их дома не слишком сердечно. Миссис Беннет была удивлена их появлением, подумав, что с их стороны неправильно причинять столько хлопот, при этом она не сомневалась, что Джейн опять подхватит простуду. Отец же был искренне рад их видеть, и хотя он выражал свои эмоции весьма сдержанно, он сказал, насколько важно ему лицезреть их снова в семейном кругу, ибо без Джейн и Элизабет их совместные вечерние разговоры в значительной степени утратили свою прежнюю живость и почти весь свой смысл.

Они застали Мэри за ее обычными занятиями — она была глубоко погружена в изучение аккордов и человеческой природы; она зачитала им несколько вызвавших у нее восторг цитат и поделилась своими новыми умозаключениями на тему морали. Кэтрин и Лидия сообщили им новости совсем другого рода. С прошлой среды в полку случилось множество дел и разговоров: несколько офицеров отобедали у их дядюшки, высекли какого-то рядового, и пошли упорные слухи, что полковник Форстер собирается жениться.



ГЛАВА XIII

— Надеюсь, моя дорогая, — сказал мистер Беннет своей жене, когда они завтракали на следующее утро, — вы позаботились, чтобы у нас сегодня был хороший обед? У меня есть основания ожидать, что за нашим семейным столом появится новое лицо.

— Кого ты имеешь в виду, дорогой? Насколько я знаю, к нам никто не собирается, и я уверена, что кроме Шарлотты Лукас вроде бы никто не планировал заглядывать, а для нее, я надеюсь, мои обеды всегда достаточно хороши. Не думаю, чтобы она привыкла есть такое у себя дома.

— Человек, о котором я говорю, заезжий джентльмен.

Глаза миссис Беннет заблестели.

— Незнакомый джентльмен? Уверена, это мистер Бингли! Почему, Джейн, ты об этом не проронила ни слова? Ах, вы, хитрецы! Ну что же, я буду весьма рада видеть мистера Бингли. Однако, боже правый, вот незадача! У нас нет ни кусочка рыбы! Лидия, радость моя, позвони, пожалуйста, в колокольчик. Я должна тотчас поговорить с миссис Хилл.

— Это не мистер Бингли, — ответил ее муж. — Это человек, которого я никогда еще не видел в своей жизни.

Эта реплика вызвала всеобщее удивление, и к удовольствию мистера Беннета его супруга и все пять дочек накинулись на него с расспросами. Позабавившись некоторое время всеобщим любопытством, он дал следующие разъяснения:

— Около месяца тому назад я получил письмо, и я ответил на него только на позапрошлой неделе, поскольку дело показалось мне настолько деликатным, что я решил все заранее обдумать. Речь о мистере Коллинзе, который после моей смерти может выставить вас из этого дома в любой момент, когда ему это заблагорассудится.

— Ах, дорогой, — воскликнула его супруга, — терпеть не могу слышать о подобном! Молю, не говорите мне об этом ужасном человеке. Мне кажется, это самая жестокая вещь в мире — лишить вашей собственности ваших же детей! Будь я на вашем месте, я бы давно постаралась с этим что-нибудь сделать.

Джейн и Элизабет постарались объяснить ей закон о наследовании. Они пытались делать это и ранее, однако суть дела была выше ее понимания, и она продолжала горько сетовать, как это жестоко — выселять семью с пятью дочерьми ради человека, до которого никому нет никакого дела.

— Это, безусловно, крайне несправедливо, — сказал мистер Беннет, — и ничто не освободит мистера Коллинза от вины наследования Лонгборна, однако, если

вы послушаете, что он пишет в своем письме, то, быть может, его тон вас несколько успокоит.

— Нет, меня точно нет, и мне вообще кажется, что писать с его стороны — это наглость и лицемерие. Ненавижу таких фальшивых лицемерных друзей! Почему он не продолжил, подобно своему отцу, враждовать с вами?

— Вы увидите, что похоже он испытывает некоторые угрызения совести по этому поводу, вот послушайте:

«Хансфорд, подле Уэстерхема, Кент, 15 октября

Дорогой сэр, разногласия, существующие между Вами и моим покойным почитаемым мной отцом всегда доставляли мне изрядное беспокойство, и с тех пор, как я имел несчастье потерять его, я нередко желал залечить эту семейную рану, однако некоторое время меня сдерживали мои собственные сомнения, что, находясь в добрых отношениях с кем-либо, с кем ему было приятно находиться в размолвке, я могу невольно оскорбить его память. — Видите, миссис Беннет! — Однако теперь решение по этому вопросу созрело. На прошлую пасху я принял пасторский сан и был удостоен счастья получить покровительство достопочтенной леди Кэтрин де Бург, вдовы сэра Льюиса де Бурга, чья щедрость и благосклонность позволили мне стать священ-



ником местного прихода, где я буду искренне стремиться угождать ее светлости, а также с готовностью выполнять все обряды и церемонии установленные англиканской церковью. Более того, в качестве священнослужителя я считаю своим долгом содействовать установлению благословенного мира во всех семьях, находящихся под моим пастырским влиянием, и на этом основании я льщу себя надеждой, что мои нынешние проявления доброй воли будут вами высоко оценены, и что обстоятельства, связанные с тем, что я являюсь наследником Лонгборна, не позволят вам отвергнуть предлагаемую мной оливковую ветвь мира. Я не могу не беспокоиться о том, что могу стать невольной причиной вреда по отношению к Вашим прелестным дочкам, я прошу Вас извинить меня за это и спешу заверить Вас в моей готовности внести в это дело любые возможные исправления... Однако об этом позже. Если вы не возражаете против моего визита, я доставляю себе удовольствие видеть Вас и всю Вашу семью в понедельник 18 ноября в четыре часа и, если позволите, воспользуюсь Вашим гостеприимством до следующей субботы, что со своей стороны я могу допустить без каких-либо неудобств, ибо леди Кэтрин не возражает, если изредка я буду отсутствовать в воскресенье при условии, что какой-либо другой священнослужитель выполнит за меня соответствующие церковные обязанности.

Остаюсь, дорогой сэр, Вашим доброжелателем и другом.

С низжайшим поклоном Вашей супруге и дочерям, ваш Уильям Коллинз».

— Таким образом, к четырем часам мы можем ожидать этого миротворца, — сказал мистер Беннет, складывая письмо. — Похоже, это весьма добропорядочный и вежливый человек, и я полагаю, что знакомство с ним окажется весьма ценным, особенно если леди Кэтрин и впредь будет снисходительной, позволяя ему видаться с нами и впредь.

— Кажется в том, что он пишет о наших девочках, есть некий смысл, и если он хочет что-то исправить, я не стану чинить ему препятствия.

— Довольно трудно себе представить, — сказала Джейн, — как именно он собирается это сделать, однако уже само такое желание заслуживает уважения.

На Элизабет главным образом произвело впечатление его необычайное уважение к леди Кэтрин, а также его добрые намерения по первому требованию крестить, венчать и хоронить своих прихожан.

— Должно быть, он странный, — сказала она. — Так сразу и не разберешь. В его стиле есть что-то напыщенное! И что он имел в виду, когда извинялся за свои наследственные права? Трудно понять, чем он мог бы помочь, даже если бы был в состоянии это сделать. Вы думаете, он человек здравомыслящий?

— Нет, дорогая, не думаю. Очень надеюсь, что как раз наоборот. Смесь подобострастия и самодовольства в его письме обещает много интересного. Мне прямо не терпится его увидеть.

— С точки зрения композиции, — сказала Мэри, — письмо лишено недостатков. Образ оливковой ветви, конечно, не нов, но, как мне кажется, использован неплохо.

Для Кэтрин и Лидии ни письмо, ни его автор не представляли ни малейшего интереса. Совершенно невозможно было представить, что их кузен заявится в алом мундире, а в течение последних нескольких недель общение с мужчинами в одежде другого цвета не доставляло им никакого удовольствия. Что же касается их матери, то письмо мистера Коллинза в значительной степени рассеяло ее недоброжелательность,

и она начала готовиться ко встрече с ним столь рьяно, что это удивило ее дочек и мужа.

Мистер Коллинз оказался пунктуальным; он прибыл точно к назначенному времени, и был радушно принят всей семьей. Мистер Беннет, правда, был немногословен, зато дамы были достаточно словоохотливы, а мистер Коллинз был не склонен молчать и не нуждался в ободрении для разговоров. Это был рослый грузноватый молодой человек лет двадцати пяти. Держался он серьезно, с достоинством, и подчеркнуто вежливо. Почти сразу после знакомства он отпустил миссис Беннет комплимент по поводу ее чудесного семейства и красоты дочерей, ведь он был наслышан о них так много, но слава явно недооценила их истинную прелесть; при этом он добавил — не сомневается, что все они в ближайшем будущем удачно выйдут замуж. Такая галантность, впрочем, понравилась не всем из его слушателей, однако миссис Беннет, которой не пришлось без комплиментов, ответила на это вполне охотно:

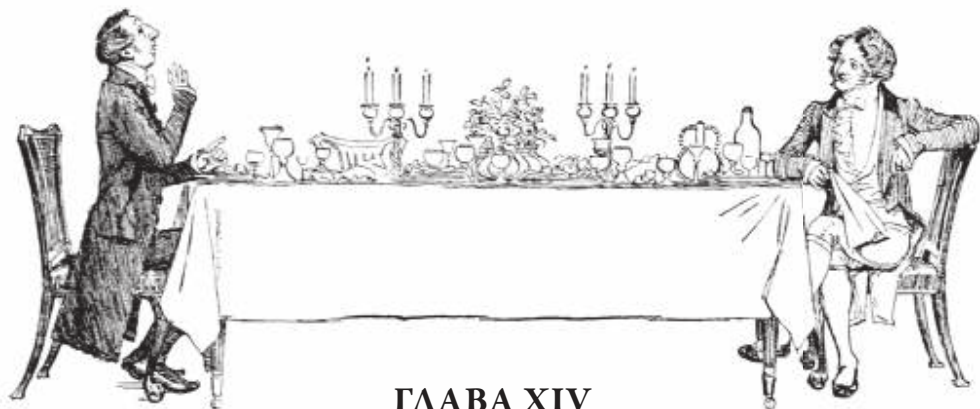
— Уверена, вы очень добры, сэр. Я всем сердцем желаю, чтобы так оно и было, иначе они будут обездолены, ведь все сложилось так странно!

— Наверное, вы намекаете на наследование этого имения?

— Ах, сэр, разумеется! Признайте, что это бедственная ситуация для моих бедных девочек. Не то, чтобы я вас в чем-то обвиняла, ведь такие вещи в нашем мире зависят исключительно от случая. Что же творится с именьями, которые наследуются по мужской линии...

— Я очень сочувствую, сударыня, проблемам, которые существуют у моих очаровательных кузин, и я мог бы многое сказать по этому поводу, однако, я бы не хотел неосторожно забегать вперед. Могу только заверить молодых леди, что я приехал сюда, готовый ими восхищаться. Пока не скажу большего, однако когда мы познакомимся ближе...

Его речь была прервана приглашением к обеду. Девушки улыбались, но мистер Коллинз восхищался не только их красотой. Холл, столовая, мебель — все было им осмотрено и по достоинству оценено, и его похвалы без сомнения тронули бы сердце миссис Беннет, если бы не смертельное подозрение, что он рассматривает все эти вещи как свою будущую собственность. Обед тоже в свою очередь вызвал его восхищение, и он умолял сообщить ему, которую из своих кузин он должен благодарить за столь прекрасное угощение. Однако, тут его поставила на место миссис Беннет, которая, поджав губы заявила, что они прекрасно могут держать хорошего повара, и что ее дочерям нечего делать на кухне. Он попросил прощения, что невольно задел ее. Смягченным тоном она заметила, что вовсе не обиделась, а он продолжал извиняться еще битых четверть часа.



ГЛАВА XIV

На протяжении всего обеда мистер Беннет почти не разговаривал, но когда слуг отпустили, он подумал, что наступило подходящее время поговорить со своим гостем, и он начал с темы, которая, казалось, должна была увлечь мистера Коллинза; он заметил, что ему, по-видимому, очень повезло со своей патронессой, ведь внимание леди Кэтрин де Бург ко всем его пожеланиям и ее забота о его удобстве кажутся весьма примечательными. Мистер Беннет едва ли мог найти тему лучше. Мистер Коллинз красноречиво восхвалял ее достоинства леди. Эта тема сделала его речь еще более торжественной и высокопарной; с важным видом он объявил, что никогда за всю свою жизнь он не был свидетелем такого поведения людей столь высокого ранга — такой приветливости и снисходительности, с которыми относилась к нему леди Кэтрин. Она была рада любезно одобрить обе его проповеди, которые он уже имел честь произнести в ее присутствии. Она также дважды приглашала его на обед в Розингс, и только в прошлую субботу она присылала за ним, чтобы он вечером пополнял число участников кадрили. Он слышал, что многие считают леди Кэтрин гордячкой, однако по отношению к нему она всегда выказывала необычайную приветливость. Она всегда разговаривала с ним, как и с любым другим джентльменом; она не имела ни малейших возражений ни против его знакомства с соседями, ни против того, чтобы он по временам оставлял на неделю-другую свой приход для визита к родственникам. Она даже снизошла до того, что посоветовала ему по возможности поскорее жениться, предоставив этот выбор на его собственное усмотрение, и однажды она нанесла ему визит, посетив его скромную обитель, где полностью одобрила все сделанные им изменения, и даже снизошла до собственного предложения касательно устройства полок в кладовке над лестницей.

— Все это необычайно любезно и похвально с ее стороны, — сказала миссис Беннет. — Осмелюсь заметить, что она чрезвычайно приятная женщина. Как жаль, что важные дамы обычно на нее совсем не похожи! Она живет неподалеку от вас, сэр?

— Сад, в котором расположена моя скромная обитель, и Розингс-парк — резиденцию ее светлости — разделяет лишь небольшая аллея.

— Мне кажется, вы говорили, что она вдова, сэр? А дети?

— Ее единственная дочь является наследницей Розингса, а также прочей значительной собственности.

— Ах, — воскликнула миссис Беннет, качая головой. — В таком случае ей куда лучше, чем многим прочим барышням. И что представляет из себя эта юная леди? Она хороша собой?

— Она и в самом деле совершенно очаровательная юная леди! Леди Кэтрин сама говорит, что по части красоты мисс де Бург намного превосходит самых очаровательных представительниц своего пола, потому что в ее облике есть нечто, что сразу отличает молодую особу знатного происхождения. К несчастью, у нее довольно слабое телосложение, которое помешало ей добиться многих достижений, а иначе она бы далеко пошла; по крайней мере, так мне говорила дама, занимавшаяся ее воспитанием; она и сейчас продолжает с ними жить. Юная леди весьма любезна ко мне и часто снисходит до посещения моей скромной обители, заезжая в нее на запряженном пони маленьком фэнтоне.

— Она была представлена ко двору? Я что-то не припомню ее имени в списках придворных дам.

— Ее некрепкое здоровье, к несчастью, не позволяет ей бывать в столице, и это, как я однажды сказал леди Кэтрин, лишило Британский двор одного из лучших своих украшений. По-видимому, ее светлости очень понравилась эта ремарка, и вы можете догадаться, что я рад каждому случаю высказывать такого рода маленькие изящные комплименты, которые всегда благосклонно принимаются дамами. Я не раз говорил леди Кэтрин, что ее очаровательная дочь прямо-таки рождена, чтобы стать герцогиней, и что она будет украшением любого места, которое должно было украшать любую другую особу. Такого рода небольшие замечания доставляют удовольствие ее светлости, и я просто считаю своим долгом оказывать ей внимание подобным образом.

— Вы рассуждаете весьма здраво, — сказал мистер Беннет, — и к счастью для вас вы обладаете определенным талантом лстить столь деликатно. Могу ли я спросить, — являются ли эти знаки внимания результатом мгновенного импульса, или вы их готовите заранее?

— В основном они являются результатом реакции на происходящее, и хотя я иногда развлекаюсь, сочиняя на досуге изящные маленькие комплименты, которые можно применить к различным жизненным ситуациям, я всегда стремлюсь придать им форму экспромта.

Ожидания мистера Беннета полностью оправдались. Его кузен, как он и надеялся, оказался презабавным. Слушая его с величайшим вниманием, мистер Беннет старался в то же время самым решительным образом сохранять самообладание. Временами он бросал взгляды на Элизабет, однако ему не нужен был зритель, чтобы делить с ним получаемое от этой беседы удовольствие.

Ко времени чаепития принятая им доза удовольствия оказалась вполне достаточной, и мистер Беннет был рад препроводить своего кузена в гостиную, а когда чай был выпит, он попросил его почитать что-нибудь дамам. Мистер Коллинз с готовностью согласился, книга была принесена, однако взяв ее (судя по всему, она не раз ходила по рукам), он сразу отложил ее и попросил прощения, заявив, что никогда не читает романы. Китти на него уставилась, а Лидия охнула. Принесли другие книги, и после некоторого размышления он выбрал проповеди Фордайса. Когда книга была раскрыта, Лидия зевнула, и после того, как он монотонным голосом прочел менее трех страниц, она перебила его:



— Вы знаете, мама, что дядя Филип поговаривает об увольнении Ричарда? Если он это сделает, его возьмет к себе полковник Форстер. Мне об этом в субботу говорила тетя. Хочу сходить завтра в Меритон, чтобы узнать об этом побольше, а заодно я хочу спросить, когда мистер Денни вернется из города.

Две старшие сестры попросили Лидию попридержать язык, но мистер Коллинз, весьма обиженный, отложил книгу и сказал:

— Я частенько наблюдал, как мало интересуются молодые леди книгами серьезного толка, написанными исключительно для их пользы. Должен признаться, меня это определенно удивляет, ведь что может быть для них более благоприятнее доброго наставления? Но я больше не буду надоедать моей юной кузине...

Затем, повернувшись к мистеру Беннету, он предложил ему себя в качестве партнера игры в триктрак. Мистер Беннет принял это приглашение, заметив, что его кузен поступил весьма мудро, оставив девушкам их пустяковые развлечения. Миссис Беннет вежливо извинилась за то, что Лидия его прервала и пообещала, что это не повторится, если он возобновит чтение, однако мистер Коллинз, сказав, что не держит обиду на свою юную кузину и вовсе не счел ее поступок для себя оскорбительным, сел с мистером Беннетом за другой столик и приготовился к игре в триктрак.



ГЛАВА XV

Мистер Коллинз не был особо толковым человеком, и это упущение природы лишь в очень малой степени было восполнено воспитанием или общением с людьми. Большую часть своей жизни он провел под надзором не слишком образованного и скредного отца, и хотя он стал студентом одного из университетов, он отучился в нем, не заведя никаких полезных знакомств. Давление, которое оказывал на него отец, вначале развило в нем смирение, однако теперь ему было противопоставлено самодовольство недалекого человека, живущего самостоятельно и чувствующего, что ему рано повезло в жизни. По счастливой случайности он был представлен вдове сэра Льюиса де Бурга, когда приход в Хансфорде был свободен, и уважение, которое он испытывал к ее высокому положению, а также почтение к ней, как к своей патронессе, вместе с высоким мнением о себе, как об авторитетном священнослужителе и главе церковного прихода, смешались в его характере, породив забавную смесь высокомерия, раболепия, гордости и смирения.

Обзаведясь достойным жильем и вполне достаточным доходом, он собирался жениться, и подыскивая способ примириться с семейством, живущем в Лонгборне, он имел в виду, что одна из его дочерей могла бы стать его супругой, если конечно они окажутся такими же симпатичными и благонаравными, как о них говорила молва. Это и был его план восполнения их ущерба, — своеобразное искупление вины, — который наносили его права имуществу девушек; при этом ему казалось, что это превосходный план, который устроил бы всех, и в то же время говорил о его щедрости и великодушии.

Когда он их увидел, его план не изменился. Симпатичное личико старшей мисс Беннет лишь укрепило в мистере Коллинзе и его намерения, и его строгие воззрения на все, что касалось старшинства, и в первый же вечер он остановил свой выбор на Джейн. Следующее утро, однако, внесло некоторые изменения, поскольку до завтрака он поговорил четверть часа тет-а-тет с миссис Беннет. Беседа, начавшаяся с обсуждения его пасторского дома в Хансфорде, довольно естественно перетекла к его надежде найти будущую хозяйку этого дома в Лонгборне, однако между приятных улыбок и выражений одобрения в адрес этого плана миссис Беннет успела предостеречь мистера Коллинза в отношении именно той своей дочери, на которой он остановил свой выбор. Что до ее младших девочек, о них, дескать, ничего такого сказать нельзя, хотя, быть может, она и не в курсе, но у них особых предпочтений нет, а вот о старшей она должна предупредить — ходят слухи, что она вскорости будет помолвлена.

Таким образом, мистер Коллинз должен был сменить Джейн на Элизабет, и это было сделано, пока миссис Беннет разжигала огонь в камине. Элизабет едва ли уступала Джейн по красоте и была лишь чуть моложе ее, поэтому неудивительно, что она стала ее преемницей.

Миссис Беннет высоко оценила намерения мистера Коллинза и поверила, что возможно вскоре две ее дочери выйдут замуж, а человек, о котором она еще вчера не хотела ничего и слышать, пользовался теперь ее благосклонностью.

Лидия не забыла о своем намерении сходить в Меритон, и все ее сестры за исключением Мэри согласились пойти вместе с ней. Мистер Коллинз должен был их сопровождать. На этом настоял мистер Беннет, которому очень хотелось от него избавиться и получить в свое полное распоряжение собственную библиотеку, куда мистер Коллинз проследовал за ним после завтрака, и где он, заинтересовавшись одним из толстых фолиантов, то и дело начинал рассказывать мистеру Беннету о своем доме и саде в Хансфорде, а такое поведение в высшей степени его раздражало, ибо он был уверен, что в библиотеке всегда можно рассчитывать на отдохновение и тишину. И хотя он был готов, как сам говорил потом Элизабет, сталкиваться с глупостью и повышенным самомнением в любых других апартаментах дома, здесь он привык чувствовать себя свободным от них. Поэтому мистер Беннет очень быстро и настойчиво проявил свою любезность, настоятельно порекомендовав мистеру Коллинзу присоединиться к прогулке своих дочерей, мистер же Коллинз, будучи более расположенным к прогулке, чем к чтению, был рад захлопнуть свой фолиант и уйти.

Высокопарные разглагольствования мистера Коллинза лишь изредка прерывались вежливыми поддакиваниями его кузин во время пути до самого Меритона, а далее он уже не мог рассчитывать на внимание с их стороны. Девушки принялись оглядывать главную улицу, высматривая офицеров, и отвлечь их от этого занятия могли разве что выставленные на витрине мудрено сделанная шляпка или новый образчик муслина.

Однако вскоре внимание юных леди было привлечено к молодому человеку вполне джентльменского вида, которого они раньше никогда не видели; он прогуливался вместе с другим офицером по противоположной стороне улицы. Этим офицером оказался тот самый мистер Денни, о возвращении которого из Лондона узнавала Лидия. Когда девушки прошли мимо, он им поклонился, а они были весьма заинтригованы видом незнакомца и принялись прикидывать, кто бы это мог быть. Китти и Лидия, решившие по возможности это выяснить, перешли через улицу, сделав вид, что их что-то заинтересовало в магазине напротив. Они достигли тротуара как раз в тот момент, когда два джентльмена, возвращаясь назад, подошли именно к этому месту. Мистер Денни сразу же к ним обратился, попросив разрешения представить своего друга, мистера Уикхема, который вернулся с ним накануне из города, и который, как он рад сообщить, был зачислен в их полк. Все складывалось как нельзя лучше, поскольку молодому человеку не хватало лишь военного мундира, чтобы сделаться окончательно неотразимым. Все в его внешнем облике говорило в его пользу. Он был хорош во всем; у него были правильные черты лица, статная фигура, обходительные манеры. Будучи представлен юным леди, он сразу выказал счастливую готовность побеседовать с ними, и эта готовность не была деланной, в ней не было никакой принужденности. Вся компания молодых людей продолжала стоять и оживленно беседовать, когда их внимание привлек звук



*Мистер Денни сразу же к ним обратился, попросив разрешения
представить своего друга.*

копыт; на улице показались скакавшие Дарси и Бингли. Заметив в группе дам, оба джентльмена подъехали и обратились к ним с вежливыми приветствиями. Говорил в основном мистер Бингли, обращаясь главным образом к старшей мисс Беннет. Он рассказал, что они направлялись в Лонгборн, чтобы справиться о ее здоровье. Мистер Дарси утверждающе кивнул, и памятуя о том, что не стоит засматриваться на Элизабет, внезапно пристально посмотрел на незнакомца, а Элизабет, видевшая в это время и того, и другого, была крайне удивлена эффектом, который произвела на них эта встреча. Оба изменились в лице — один побледнел, а другой покраснел. Через несколько мгновений мистер Уикхем дотронулся до своей шляпы, а мистер Дарси едва ответил на это приветствие. Что бы это значило? Объяснить сходо это было невозможно, но и долго оставаться в неведении было совершенно невозможно.

Через минуту мистер Бингли, словно и не заметив, что произошло, попрощался и ускакал вместе со своим другом.

Мистер Денни и мистер Уикхем прошли с молодыми леди до порога дома мистера Филипса и здесь с ними раскланялись, несмотря на настоятельные приглашения Лидии зайти внутрь, и невзирая на то, что выглянувшая из окна миссис Филипс громко и горячо поддержала это предложение.

Миссис Филипс всегда была рада видеть своих племянниц, а появление двух старших особенно ее обрадовало, ведь она их не видела уже довольно давно. Она тут же выразила свое удивление по поводу их скорого возвращения в Лонгборн. Поскольку они вернулись домой не в своей повозке, она об этом ничего бы и не узнала, если бы не встретила на улице мальчишку-разносчика из аптеки мистера Джонса, который сообщил ей, что больше не таскает лекарства в Незерфилд, поскольку обе мисс Беннет оттуда уехали. Затем Джейн представила ей мистера Коллинза, и внимание миссис Филипс переключилось на него. Она приветствовала его самым любезным образом, на что тот ответил еще более любезно, извинившись за свое вторжение в дом, с хозяйкой которого он доселе не имел чести быть знакомым; при этом мистер Коллинз выражал надежду, что сей поступок может быть в некоторой степени оправдан родством с молодыми леди, которые его представили. Миссис Филипс была в восторге от столь благовоспитанного гостя, однако ее тут же отвлекли от созерцания нового знакомого вопросами о незнакомце, о котором она к несчастью смогла сообщить своим племянницам лишь только то, что им и так уже было известно, а именно, что его привез из Лондона мистер Денни, и что он собирается занять должность лейтенанта в ***ширском полку. Миссис Филипс сказала, что она наблюдала за ним в течение последнего часа — как он разгуливал по их улице, и если бы не появившийся мистер Уикхем, Китти и Лидия, несомненно, тоже смогли бы за этим понаблюдать. Однако, теперь к сожалению под ее окнами никто больше не разгуливает кроме разве нескольких офицеров, которые, по сравнению с этим юношей, показались ей «глуповатыми и неинтересными». Некоторые полковые офицеры должны были на следующий день прийти к Филипсам, и миссис Филипс пообещала своим племянницам уговорить мужа, чтобы тот пригласил также и мистера Уикхема, если к вечеру к ней придут ее родственники из Лонгборна. Это предложение было сразу принято, и тетюшка пообещала, что они смогут весело провести время за игрой в лото до того, как будут поданы горячие закуски. Все были рады столь радужной перспективе приятных развлечений и расстались в прекрасном расположении

духа. Покидая комнату, мистер Коллинз повторил свои извинения, и получил в ответ уверения, что его беспокойство совершенно напрасно.

По пути домой Элизабет рассказала Джейн, что случилось на ее глазах между двумя джентльменами, но поскольку ее сестра была готова защищать любого из них, даже если оба были неправы, объяснить случившееся ей было еще труднее.

По возвращении домой мистер Коллинз к полному удовольствию миссис Беннет всячески восхищался манерами и любезностью миссис Филипс. Он настаивал на том, что за исключением леди Кэтрин и мисс де Бург, он еще никогда в жизни не встречал более благовоспитанной дамы, поскольку она не только любезно приняла его у себя, но и пригласила на завтрашний званый вечер, и это при том, что он ранее не имел чести быть с ней знакомым. Возможно это в некоторой степени можно было объяснить его родственными связями с этим семейством, и все же он еще никогда еще не получал столько внимания к собственной персоне.



ГЛАВА XVI

Поскольку никаких возражений по поводу визита юных леди к их тетушке не последовало, а все сомнения мистера Коллинза, что покидать на один вечер мистера и миссис Беннет будет не слишком удобно, были решительно отменены, в нужное время экипаж доставил его и пять его кузин в Меритон, и когда юные леди входили в балльную залу, они с удовольствием узнали, что мистер Уикхем также принял приглашение их дяди и уже находится в доме.

Когда эта новость была должным образом воспринята, и все заняли свои места, мистер Коллинз смог, наконец, осмотреться по сторонам и полюбоваться окружающим. При этом он пришел в такой восторг от величины залы и от великолепия ее обстановки, что сообщил, будто может вообразить себя в небольшом летнем павильоне для завтраков в Розингсе.

Такое сравнение поначалу не слишком воодушевило миссис Филипс, однако когда он рассказал ей, что такое Розингс, и кто является владельцем этого великолепного поместья, а также когда она услышала описание только одной из гостиных леди Кэт-

рин и выяснила, что только один камин в ней стоил восемьсот фунтов, она смогла оценить комплимент мистера Коллинза по достоинству и вряд ли бы обиделась, если бы ее залу сравнили с комнатой дворецкого в этом поместье.

До прихода остальных мужчин мистер Коллинз был счастливо занят тем, что описывал все величие леди Кэтрин и великолепие ее владений, позволяя себе время от времени касаться собственной скромной обители и сделанных в ней улучшений. В лице миссис Филипс он нашел весьма внимательную слушательницу, чье мнение о нем возрастало по мере повествования, и которая горела желанием как можно скорее поделиться услышанным со всеми своими знакомыми. Для юных леди, которые уже слушать не могли своего кузена, и которым оставалось только нетерпеливо ожидать начала музыки, рассматривая собственные жалкие имитации китайских росписей на камине, время тянулось необычайно медленно. Однако, в конце концов, это ожидание закончилось. Подошли джентльмены, и когда в залу вошел мистер Уикхем, Элизабет поняла, что во время первой встречи и после она смотрела на него и думала потом о нем с некоторой долей бессознательного восхищения. Офицеры ***ширского полка были в основном вполне достойными молодыми людьми, и на этом вечере присутствовали лучшие из них. Однако мистер Уикхем настолько превосходил их всех своим внешним видом, статью и манерой себя держать, насколько они сами были выше раздавшегося толстолицего дядюшки Филипса, который вошел вслед за ними, выдыхая пары портвейна.

Мистер Уикхем имел счастье принадлежать к тем мужчинам, на которых всегда обращаются женские взгляды, и Элизабет повезло оказаться той счастливницей, рядом с которой он, в конце концов, нашел себе место, приятная же манера, с которой он сразу завязал с ней разговор, хотя тот и касался всего лишь вечерней сырости, дали ей почувствовать, что самую скучную и затасканную тему искусный собеседник может сделать увлекательной и интересной.

С появлением таких соперников за внимание дамского общества, как мистер Уикхем и другие офицеры, мистер Коллинз буквально впал в ничтожество. Для молодых леди он не представлял ровно никакого интереса, однако по временам он все же имел в лице миссис Филипс признательного слушателя и благодаря ее хлопотам всегда имел под рукой запас кофе и булочек. Когда же расставили карточные столы, у него появилась возможность в свою очередь оказать любезность, пригласив ее сыграть партию в вист.

— Я пока еще не слишком хорошо разбираюсь в этой игре, — сказал он, — но я был бы рад улучшить свои навыки, поскольку при моем жизненном положении...

Миссис Филипс была ему очень благодарна за это приглашение, но не смогла дослушать его соображения до конца.

Мистер Уикхем в вист не играл, и его с удовольствием приняли в компанию за другой стол, где он сел между Лидией и Элизабет. Поначалу существовала опасность, что любившая поговорить Лидия вконец его заболтает, однако игра в лото увлекла ее ничуть не меньше, и вскоре она была настолько ею поглощена, что стала с таким энтузиазмом делать ставки и вскрикивать после выигрышей, что перестала обращать внимание на кого-то особо. В результате мистер Уикхем, уделяя должное внимание игре, получил возможность разговаривать с Элизабет, а та весьма охотно хотела его послушать, хотя и не слишком надеялась, что он расскажет о том, что ее больше всего занимало — о его знакомстве с мистером Дарси. Она даже не рискнула упомянуть имени этого джентльмена. Однако совершенно неожиданным образом ее любопытство было



...в конце концов, это ожидание закончилось. Подошли джентльмены...

удовлетворено. Мистер Уикхем сам поднял эту тему. Он поинтересовался, как далеко Незерфилд находится от Меритона, и получив ответ на свой вопрос, несколько неуверенно справился, как давно здесь находится мистер Дарси.

— Около месяца, — ответила Элизабет, а затем, не желая упустить интересовавшую ее тему, добавила: — Я слышала, у него большое имение в Дербишире?

— Да, — ответил Уикхем, — у него там великолепное поместье. Чистых десять тысяч годовых! И вряд ли вы могли встретить человека, который бы лучше меня дал бы вам по этому поводу точные сведения, ведь я был связан определенным образом с его семьей с самого своего детства.

Элизабет не могла скрыть свое удивление.

— Конечно, такое утверждение вас может удивлять, мисс Беннет, ведь вы должны были вчера заметить, насколько холодно мы с ним встретились. Вы хорошо знакомы с мистером Дарси?

— Настолько хорошо, как мне бы не хотелось! — с чувством воскликнула Элизабет. — Я провела с ним в одном доме целых четыре дня, и я думаю, что это весьма неприятный человек.

— Не могу судить, насколько это приятный или неприятный человек, — ответил Уикхем. — У меня нет для этого достаточных оснований, ведь я слишком долго и слишком хорошо его знаю, чтобы беспристрастно судить о нем. Однако я полагаю, что ваше мнение о нем удивило бы многих, и, возможно, вам не стоит озвучивать его в такой форме где бы то ни было. Впрочем, здесь вы в своем кругу...

— Честное слово, я тут не сказала ничего такого, что не могла бы повторить в любом доме по соседству, разве за исключением Незерфилда. Его никто не любит в Хартфордшире. Всем претит его гордыня, и вряд ли вы найдете кого-нибудь еще, кто стал бы говорить о мистере Дарси лучше, чем я.

— Не буду прикидываться огорченным, — сказал, немного помолчав, мистер Уикхем, — что мистера Дарси или кого-то еще оценивают по заслугам, однако в его случае это случается нечасто. Люди ослеплены его богатством и знатным происхождением, или находятся под впечатлением его высокомерного поведения. Они видят его таким, каким он желает представляться.

— Даже после поверхностного знакомства с ним я поняла, насколько это тяжелый человек.

В ответ Уикхем только покачал головой.

— Хотелось бы знать, — сказал он, когда ему снова удалось обратиться к Элизабет, — собирается ли он задержаться здесь подольше.

— Понятия не имею, однако, когда я была в Незерфилде, об его отъезде речи не шло. Надеюсь, его соседство с вами не повлияет на ваше желание поступить в ***ширский полк.

— О нет! Вряд ли мистер Дарси способен на меня повлиять. Если он захочет избегать встреч со мной, пусть уезжает сам. Мы не состоим в дружеских отношениях, и мне всегда неприятно его встречать, однако иных причин избегать его, кроме всем хорошо известных, у меня нет, это в первую очередь сознание, как дурно он со мной обошелся, и горькие сожаления о том, каким человеком он стал. Его отец, мисс Беннет, старший мистер Дарси, был одним из лучших людей на свете, и он был моим самым надежным другом. И когда я вижу молодого мистера Дарси, мою душу начинают терзать тысячи трогательных воспоминаний. Его поведение по отношению ко мне

было предосудительным, однако я бы простил ему все и вся, кроме того, что он обманул надежды своего отца, тем опозорив его память.

Элизабет чувствовала все возрастающий интерес к этому разговору и слушала, затаив дыхание, однако ее врожденная тактичность не позволила ей пуститься в дальнейшие расспросы.

Мистер Уикхем перешел к более общим темам: к Меритону, его окрестностям и его обитателям. Он выразил свое одобрение всем увиденным и говорил о местных жителях дипломатично, но с большой теплотой.

— Моей главной целью при решении поступить в ***ширский полк было прежде всего завести здесь приятные и надежные знакомства. Я знал, что это вполне достойная и прославленная войсковая часть, а мой друг Денни еще больше соблазнил меня, рассказывая об этом месте, в котором ныне квартирует полк, о том внимании, которое проявляют к офицерам в Меритоне, и о том, сколько прекрасных знакомств он здесь приобрел. А я нуждаюсь в обществе, оно мне необходимо. Я был разочарован в жизни, и душа моя не выносит одиночества. Мне непременно нужно дело и общение. Я не был предназначен для военной карьеры, но в силу обстоятельств теперь должен с ней мириться. Моим призванием должно было стать служение церкви. Меня воспитывали для духовного сана, и я уже должен был обладать отличным приходом, если бы это было угодно джентльмену, о котором мы только что говорили.

— Неужели?

— О, да, старый мистер Дарси хотел передать мне лучший приход в своих владениях как только освободилась бы соответствующая вакансия. Он был моим крестным отцом и был очень ко мне привязан. Мне трудно переоценить его доброту по отношению ко мне. Он хотел позаботиться о моем будущем и верил, что уже сделал это, однако когда приход освободился, его передали другому.

— Святые небеса! — воскликнула Элизабет. — Как это случилось?! Почему его волей пренебрегли?! И вы не искали защиты у закона?

— В завещании покойного была такая путаница, что это не давало мне никаких шансов при обращении в суд... Человек чести не ставил бы под сомнение волю покойного, однако мистер Дарси поступил именно так. Он стал рассматривать касающуюся меня часть завещания лишь как рекомендацию, и стал утверждать, что из-за своего легкомысленного поведения, расточительности и еще бог знает каких прегрешения я утратил все свои права на эту должность. Несомненно лишь то, что когда два года тому назад приход освободился, и когда я в силу достигнутого возраста мог им воспользоваться, он был отдан другому, равно как несомненно и то, что я не могу обвинить себя в каком-нибудь прегрешении, благодаря которому я должен был его утратить. У меня горячий нрав, и мне трудно себя сдерживать, и, быть может, я слишком вольно высказывался о молодом Дарси, возможно, говорил ему это прямо в лицо. Ничего более плохого я припомнить не могу. Мы с ним просто слишком разные люди, и он меня ненавидит.

— Но это ужасно! Его следует публично осудить за это!

— Рано или поздно это произойдет, но не с моей стороны. Пока я не смогу забыть старшего Дарси, я не смогу бросить вызов и разоблачить Дарси младшего.

Столь благородные чувства произвели на Элизабет должное впечатление, и она заметила про себя, как он хорош в гневе.

— Но каковы были его мотивы? — спросила она немного погодя. — Что заставило его поступить столь жестоко?

— Полная и решительная неприязнь ко мне. Неприязнь, которую я могу в какой-то мере приписывать чувству ревности. Если бы старший мистер Дарси любил меня меньше, возможно, его сын относился бы ко мне лучше, однако необычайная привязанность ко мне его отца начала, я убежден, раздражать его с раннего детства. У него не хватало духа выносить то существовавшее между нами своеобразное соперничество, в котором предпочтение часто оказывалось на моей стороне.

— Я и не думала, что мистер Дарси такой неприятный человек, впрочем, он всегда мне не нравился, однако я не думала о нем столь плохо. Разумеется, я предполагала, что он презрительно относится ко всем окружающим, но я не подозревала, что он способен опуститься до коварной мести, до такой несправедливости и бесчеловечности.

Подумав несколько мгновений, она добавила:

— Я припоминаю, как в Незерфилде он однажды хвастливо говорил о своей непримиримой злопамятности и о том, что он не прощает обиды. Какой ужасный характер!

— Не стоит доверять своим суждениям по этому поводу, — ответил Уикхем. — Я не могу быть по отношению к нему беспристрастным.

Элизабет снова некоторое время размышляла, а потом воскликнула:

— Так обойтись со своим крестником, с другом и любимцем родного отца! — И она могла бы добавить: «С молодым человеком с такой располагающей внешностью», — но ограничилась словами: — С человеком, который возможно с самого детства был его самым близким другом, и с которым, как вы говорили, его связывали самые тесные отношения!

— Мы родились в одном приходе, играли в детстве в одном и том же парке. Мы провели детские годы вместе, в одном доме, вместе развлекались, разделяя отцовскую любовь. В юности мой отец избрал поприще, на котором ныне столь успешно подвизается ваш дядюшка, мистер Филипс. Однако он бросил все, чтобы быть полезным старшему мистеру Дарси, и посвятил все свое время заботам о Пемберли. Старый мистер Дарси очень его ценил, он был его задушевым другом. Старик Дарси признавал, что отвечает за положение своего друга, и незадолго до смерти он по собственной воле обещал ему пристроить меня в жизни, и я убежден, что он хотел это сделать не только из благодарности к моему отцу, но и благодаря привязанности ко мне.

— Невероятно! — воскликнула Элизабет. — Как это отвратительно! Мне кажется, одна лишь гордость должна была заставить младшего Дарси не поступать так с вами! Если не более лучшие чувства, то лишь гордость не должна была позволить ему унизиться до бесчестности. А я это называю именно бесчестностью!

— Да, это действительно странно, — ответил Уикхем. — Ведь почти во всех его поступках можно проследить влияние гордости, она часто была его лучшим компаньоном. Из прочих чувств она более всего связывает его с добродетелью. Однако никто из нас не постоянен, и по отношению ко мне у него были мотивы сильнее гордости.

— Неужели такая отвратительная гордость могла когда-нибудь приносить ему пользу?

— Да. Она часто заставляла его быть снисходительным и великодушным; он легко раздавал свои деньги, оказывал гостеприимство, поддерживал своих арендато-

ров и помогал бедным. И делать все это его заставляла семейная гордость и гордость за своего отца. Стараться не обесчестить свой род, не сдать позиции семейного дома Пемберли — все эти мотивы играли для него важную роль в его жизни. Он обладает также и гордостью старшего брата, которая вкупе с братской привязанностью делает из него доброго и заботливого опекуна своей сестры, и вы наверняка убедитесь, что он действительно порой волнуется, как самый лучший и заботливый брат.

— А что собой представляет мисс Дарси?

Он покачал головой.

— Мне бы хотелось считать ее добросердечной, мне больно говорить плохо о семействе Дарси. Однако, она слишком похожа на своего брата — тоже гордячка. А в детстве она была такой славной, ласковой девочкой. Она была сильно ко мне привязана, и я провел множество часов, играя с ней и развлекая ее. Теперь же она для меня ничего не значит. Это довольно симпатичная девушка пятнадцати — шестнадцати лет; знаю, что она неплохо воспитана. После кончины ее отца, она перебралась в Лондон, где живет вместе с какой-то дамой, которая занимается ее образованием.

После нескольких пауз и попыток завести другие темы для беседы Элизабет не смогла удержаться и вернулась к разговору о мистере Дарси.

— Меня удивляют его близкие отношения с мистером Бингли. Как может мистер Бингли, который кажется таким добросердечным человеком, и который, как я считаю, действительно весьма любезен, поддерживать дружбу с таким человеком? Неужели они ладят друг с другом? Вы знакомы с мистером Бингли?

— Вовсе нет.

— Это весьма милый и обаятельный молодой человек. Он может и не знать, что собой представляет мистер Дарси.

— Вполне возможно. Мистер Дарси может нравиться когда захочет. Способностей ему не занимать. Он может быть интересным собеседником, когда дело того стоит. Среди равных себе он ведет себя совсем иначе, чем с теми, кто менее успешен. Он никогда не расстается со своей гордостью, однако с состоятельными людьми он более дружелюбен, снисходителен, любезен, порядочен и даже, возможно, приятен, отдавая должное их состоянию и положению в обществе.

Вскоре после этого партия в вист кончилась, игроки собрались вокруг другого стола, и мистер Коллинз расположился между своей кузиной Элизабет и миссис Филиппс. Последняя по обыкновению поинтересовалась его карточными успехами. Они были отнюдь не прекрасными; он все проиграл, однако когда миссис Филиппс начала по этому поводу выражать свое сочувствие, он с самым серьезным видом заверил ее, что это не имеет никакого значения, ибо деньги для него ничего не значат, и поэтому ей не стоит воспринимать это всерьез.

— Мне хорошо известно, сударыня, — сказал он, — что когда человек садится за карточный стол, он должен принимать возможность подобных неудач и я рад, что мое положение не таково, чтобы делать из пяти шиллингов проблему. Возможно, на свете есть немало людей, которые не могут сказать подобное, однако благодаря леди Кэтрин де Бург я могу позволить себе не беспокоиться о подобных пустяках.

Эта реплика привлекла внимание мистера Уикхема. Он бросил на мистера Коллинза долгий взгляд, а потом тихо спросил у Элизабет, действительно ли ее родственник близко знаком с семейством де Бург.

— Леди Кэтрин де Бург, — ответила она, — недавно предоставила ему церковный приход. Мне трудно сказать, когда она впервые обратила на него свое внимание, однако лично они знакомы недолго.

— Вы, конечно, знаете, что леди Кэтрин де Бург и леди Энн Дарси являются родными сестрами, а следовательно в настоящий момент леди Кэтрин приходится теткой мистеру Дарси.

— Разве? Нет, я этого не знала. Я ничего не знаю о родственниках леди Кэтрин. До позавчерашнего дня я вообще не представляла о ее существовании.

— Ее дочь, мисс де Бург, унаследует огромное состояние. Говорят, что она и ее кузен должны соединить свои владения.

Эта новость заставила Элизабет улыбнуться, ибо она подумала о бедной мисс Бингли, ведь все ее старания обратить на себя внимание мистера Дарси, восхищение им, равно как и попытки понравиться его сестре оказались тщетными и бесполезными, ибо мистер Дарси был предназначен для другой.

— Мистер Коллинз, — сказала она, — высоко отзывается как о леди Кэтрин, так и о ее дочери, однако некоторые частности в его рассказах о своей благотельнице заставляют меня заподозрить, что его чувство признательности вводит его в заблуждение. Несмотря на то, что она его патронесса, она женщина весьма высокомерная и тщеславная.

— Думаю, оба этих качества ярко у нее выражены, — ответил Уикхем. — Я не видел ее много лет, но хорошо помню, что она мне никогда не нравилась; у нее весьма деспотические и вызывающие замашки. Она имеет репутацию необычайно умной и рассудительной женщины, однако я считаю, что частично это следствие ее высокого положения и огромного состояния, а частично — ее самоуверенности. Все остальное — результат гордости ее племянника, который решил, что все его родственники должны быть людьми первостатейного ума.

Элизабет этот ответ показался вполне убедительным, и они продолжали ко взаимному удовольствию оживленно беседовать, пока приглашение на ужин не положило конец игре, позволив, таким образом, другим дамам заполучить толику внимания мистера Уикхема. За столом у миссис Филипс царил такое оживление, что беседовать было практически невозможно, однако манеры мистера Уикхема произвели на всех благоприятное впечатление. Что бы он ни говорил, он говорил хорошо, и что бы ни делал, он делал это с изяществом. Когда Элизабет уезжала, ее голова была полна мыслями только о нем. По дороге домой она постоянно думала только о мистере Уикхеме и о том, что он ей рассказал. Однако ей не удалось сказать о нем ни словечка, поскольку Лидия и мистер Коллинз разговаривали без умолку. Лидия постоянно болтала о своих номерах во время игры в лото, и о ставках, которые она проиграла или выиграла, а мистер Коллинз описывал любезность мистера и миссис Филипс, уверяя всех, что совершенно не расстроился из-за своего проигрыша. Он перечислял все поданные во время ужина блюда и постоянно опасался, что стесняет своих кузин в экипаже; перечень же всех этих тем был столь велик, что он не успел с ними разобраться вплоть до остановки кареты перед домом в Лонгборне.



ГЛАВА XVII

На следующий день Элизабет рассказала Джейн о разговоре, который состоялся у нее с мистером Уикхемом. Джейн выслушала эту историю с удивлением и беспокойством: она не знала, как и поверить, что мистер Дарси оказался столь недостойным дружбы с мистером Бингли, и все же не в ее натуре было сомневаться в правдивости молодого человека с такой привлекательной внешностью, как у мистера Уикхема. Уже одна мысль, что он мог перенести такую несправедливость, вызвала у нее самое горячее сочувствие. Поэтому ей ничего не оставалось делать, как оправдывать их и продолжать думать хорошо об обоих, а все необъяснимое в их поведении списывать на ошибки и недоразумения.

— Осмелюсь заявить, — сказала она, — но мне кажется, они оба были каким-то неизвестным нам способом введены в заблуждение. Возможно, какие-то заинтересованные люди представили их друг другу в ложном свете. Короче, мы не знаем причин и обстоятельств которые вызвали между ними разлад, они остаются для нас тайной, поэтому будет лучше не обвинять ни одного из них.

— Действительно. А теперь, дорогая Джейн, скажи что-нибудь в защиту этих заинтересованных лиц, у которых в этом деле по-видимому были свои интересы. Давай, оправдай и этих людей, иначе мы все-таки будем вынуждены о ком-то думать плохо.

— Можешь смеяться сколько угодно, но тебе не удастся меня высмеять или переубедить. Лиззи, дорогая, только представь на минуту, в какое незавидное положение это

ставит мистера Дарси! Так поступить с любимцем своего отца, с человеком, которому его отец обещал помочь в жизни. Это просто невозможно. Ни один человек доброй воли, человек, который хоть сколько-нибудь дорожит своей репутацией, просто неспособен на это. Могут ли самые близкие друзья так в нем обманываться? Нет, конечно!

— Мне гораздо легче вообразить, что мистер Бингли обманывается, чем представить, что мистер Уикхем выдумал всю эту вчерашнюю историю — ведь он называл имена, факты и все прочее, ничуть не задумываясь. Если это неправда, пусть мистер Дарси попробует все опровергнуть. В рассказе мистера Уикхема многое звучало правдиво.

— Да, все это так запутанно и неприятно — прямо непонятно, что и думать.

— Прости, пожалуйста, но тут как раз очень даже ясно, что думать.

Для Джейн, однако, было ясно только одно — что мистер Бингли, если он в самом деле заблуждается, будет весьма огорчен, когда вся эта история выплывет наружу.

Две юных леди вели этот разговор возле живой изгороди у дома, в который их вскоре позвали в связи с прибытием упоминавшихся в их беседе лиц. Мистер Бингли и его сестры заявили в Лонгборн с личными приглашениями всех на долгожданный бал в Незерфилде, начало которого было назначено на ближайший вторник. Обе леди были счастливы снова увидеть свою дорогую подругу. Они говорили, что не видели ее уже целую вечность, и, перебивая друг друга, спрашивали ее, чем она занималась после их разлуки. На остальных Беннетов они старались не обращать особого внимания, стремясь держаться подальше от миссис Беннет. Они немного поболтали с Элизабет и совершенно ничего не сказали ее младшим сестрам. Вскоре они встали с мест, и, удивив брата своей поспешностью, быстро ушли прочь, как бы стараясь избежать любезностей со стороны миссис Беннет.

Ожидание бала в Незерфилде было чрезвычайно приятным для всех дам в семействе Беннет. Миссис Беннет считала, что его решили устроить в честь ее старшей дочери, и ей было особенно лестно, что мистер Бингли не ограничился обычным письменным приглашением, а лично заявился в Лонгборн с просьбой прибыть на этот бал. Джейн представляла себе, как она чудесно проведет этот бал в обществе двух своих подруг, окруженная вниманием их брата. Элизабет мечтала, что ей удастся подольше потанцевать с мистером Уикхемом, и в облике и поведении мистера Дарси найти подтверждение всему, что было ей рассказано. Удовольствие, которое предвкушали Кэтрин и Лидия, в меньшей степени было связано с какими-то событиями или конкретными людьми, и хотя каждая из них, как и Элизабет, намеревалась половину вечера протанцевать с Уикхемом, он не был для них единственным кавалером, на которого они рассчитывали. Бал в любом случае должен был состояться. Даже Мэри уверяла своих домашних, что у нее нет особых возражений.

— Я могу распоряжаться своими утренними часами, и с меня этого довольно, — заявила она. — И я не воспринимаю это как жертву, когда порой присоединяюсь к вечерним развлечениям. Всем нам общество предъявляет свои требования, и я отношу себя к тем его членам, которые считают полезным для всех временами отвлекаться и отдыхать.

Элизабет находилась в превосходном настроении, и хотя она старалась обыкновенно поменьше разговаривать с мистером Коллинзом без особой необходимости, тут она не сдержалась и спросила у него, собирается ли он принять приглашение мистера Бингли, а если собирается, считает ли он уместным для себя принимать участие в подобных вечерних развлечениях. И она была весьма удивлена, узнав, что у него по

этому поводу нет ни малейших сомнений, и, решив потанцевать, он совершенно далек от опасений получить какие бы то ни было упреки со стороны архиепископа или леди Кэтрин де Бург.

— Я без всяких сомнений убежден, — добавил он, — что подобного рода бал, устроенный добропорядочным молодым человеком для почтенной публики не может содержать в себе ничего предосудительного, и будучи совершенно далек от мысли воздержаться от танцев, я льщу себя надеждой потанцевать в течение бала с каждой из моих очаровательных кузин, и я также пользуюсь этим случаем, мисс Элизабет, чтобы пригласить вас на первый танец, — эта привилегия, надеюсь, будет правильно воспринята моей кузиной Джейн, и она не сочтет ее как некое неуважение к ней.

Элизабет почувствовала, что влипла. Она была полностью убеждена, что на этот первый танец ее пригласит мистер Уикхем. А вместо этого ей теперь придется танцевать с этим Коллинзом! Никогда еще она не проявляла свою непосредственность в более неподходящее время. Однако, ничего поделать уже было нельзя. Счастливые для мистера Уикхема и для нее мгновения таким образом несколько откладывались, и она заставила себя принять приглашение мистера Коллинза со всей возможной любезностью, на которую она только была способна. Мысль о том, что в его голосе звучало нечто большее, чем обычная галантность, не сделала его обходительность приятней. Она впервые внезапно подумала, что из всех дочерей мистера Беннета именно она могла оказаться удостоенной чести стать хозяйкой прихода в Хансфорде, равно как и занять место четвертого карточного игрока в Розингсе при отсутствии более достойных партнеров. По мере того, как она стала подмечать его все возрастающие знаки внимания, а также частые комплименты ее остроумию и живости, предположение это превратилось в уверенность. Элизабет была скорее удивлена, чем обрадована такому действию своего обаяния, но лишь до тех пор, пока ее мать не дала ей понять, что возможность такой партии всячески приветствуется. Однако Элизабет предпочла не заметить этот намек, прекрасно понимая, какой шум вызовет в доме любое из ее решений. А ведь мистер Коллинз может и не сделать предложения, а пока он его не сделал, не было смысла из-за этого поднимать шум.

Если бы не насущная необходимость готовиться к балу в Незерфилде и не возможность всласть о нем поговорить, младших мисс Беннет можно было бы искренне пожалеть, ведь в это время, начиная с того самого дня, когда они получили приглашения, и вплоть до начала бала зарядили такие дожди, что они ни разу не смогли добраться до Меритона. Ни тетушки, ни офицеров, ни новостей, о которых можно было посудачить; даже банты для их башмаков, чтобы танцевать в Незерфилде, были получены через рассыльного! Непогода испытывала даже терпение Элизабет, ибо она мешала ее дальнейшему знакомству с мистером Уикхемом. Только ожидание танцев во вторник помогло Китти и Лидии пережить совершенно невыносимые пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.



ГЛАВА XVIII

До тех пор пока Элизабет не вошла в залу в Незерфилде, и не стала безуспешно искать глазами мистера Уикхема среди собравшихся красных мундиров, ей не приходило в голову, что он может не явиться. Предопределенность встречи с ним казалась ей настолько очевидной, что она даже и не тревожилась, что некоторые обстоятельства могут ей помешать. Она нарядилась для бала с большей, чем обычно, тщательностью и в прекрасном настроении готовилась к тому, что все еще остающиеся свободными уголки его сердца будут завоеваны; при этом она была уверена, что одного бального вечера вполне хватит для решения этой задачи. Однако в этот момент у нее сразу зародилось ужасное подозрение, что в угоду Дарси он не был включен в список приглашенных на бал офицеров, и хотя это было не совсем так, безусловный факт его отсутствия был подтвержден его другом, мистером Денни, которого Лидия сразу начала осаждать вопросами, он же в ответ сообщил, что Уикхем должен был накануне уехать по делам в Лондон, и что он пока не вернулся. Затем Денни понимающе улыбнулся и добавил:

— Не могу представить, что дела могли отозвать его именно теперь, если бы он не желал избежать тут встречи с неким джентльменом.

Вряд ли Лидия разобрала, к чему относится эта его реплика, однако Элизабет прекрасно ее поняла, ведь она доказывала, что Дарси не в меньшей степени виновен в отсутствии Уикхема, чем если бы ее первоначальная догадка оказалась верной. Разочарование, которое почувствовала Элизабет, было так велико, что оно в высшей степени обострило всю ее неприязнь к Дарси, и она лишь с большим трудом заставила себя вежливо ответить на его любезное приветствие, с которым он шагнул к ней навстречу. Внимание, терпимость и снисходительность к Дарси наверняка нанесли бы Уикхему душевную рану. Она была настолько не настроена беседовать с ним о чем бы то ни было, что в гневе отвернулась от него, и не смогла полностью одолеть свое дурное настроение в разговоре с мистером Бингли, чья слепая привязанность к своему другу ее раздражала.

Однако Элизабет не собиралась долго сердиться, и хотя все ее ожидания, связанные с этим вечером, были разрушены, она не могла печалиться слишком долго. Попадав о своих огорчениях Шарлотте Лукас, которую она не видела больше недели, Элизабет охотно начала рассказывать ей о странностях своего кузена, посоветовав ей обратить на него внимание. Первый танец, однако, снова испортил ей настроение; это было просто убийственно. Мистер Коллинз, солидный и неуклюжий, постоянно извинялся вместо того, чтобы следить за движениями; он все время оступался, и она чувствовала такую досаду и раздражение, какие только мог вызвать в течение одного танца неприятный партнер. Когда танец, наконец, закончился, она почувствовала необычайное облегчение.

Затем она танцевала с одним из офицеров и несколько оживилась, разговорившись с ним об Уикхеме; ей было приятно узнать, что он здесь всем без исключения нравится. Когда этот тур закончился, она вернулась к Шарлотте Лукас и разговаривала с ней; при этом она не сразу заметила, что к ней подошел мистер Дарси с приглашением на следующий танец. Растерявшись от неожиданности, она машинально согласилась. Дарси сразу отошел, и ей не оставалось ничего иного, как только посетовать на то, что она не проявила необходимой твердости. Шарлотта попыталась ее утешить:

— Осмелюсь предположить, что он окажется приятным партнером.

— Боже упаси! Это стало бы величайшим несчастьем — счесть приятным человека, которого ты решила ненавидеть! Не надо мне желать таких ужасов!

Когда музыка вновь заиграла, и Дарси подошел, предложив ей руку, Шарлотта не могла удержаться и шепотом предупредила свою подругу, чтобы она из симпатии к Уикхему не сгруппировалась и не уронила себя в глазах человека несравненно более значительного. На это Элизабет ничего не ответила и заняла свое место в зале, удивляясь, как это она удостоилась чести стоять напротив мистера Дарси, и читая такое же удивление в глазах стоявших рядом с ней людей. Несколько мгновений они просто яли молча, и она уже начинала думать, что это молчание может продлиться до конца танца. Вначале она решила ничем его не нарушать, однако потом ей пришла в голову мысль, что разговор с ней будет для ее партнера сущим наказанием, и она сделала несколько замечаний по поводу танца. Дарси ответил и снова замолчал. Через минуту-другую, она обратилась к нему снова:

— Теперь ваша очередь, мистер Дарси, сказать что-нибудь в ответ. Я говорила о танце, а вы могли бы что-нибудь заметить о величине залы или количестве танцующих пар.

Он улыбнулся и заверил ее, что готов сказать все, что она хотела бы услышать.

— Отлично, такой ответ вполне подойдет. Возможно, немного погодя я замечу, что частные балы гораздо приятнее публичных. А теперь мы могли бы и помолчать.

— А вы обычно беседуете, когда танцуете?

— Временами. Однако нужно ведь иногда разговаривать, не так ли? Было бы нелепо провести вместе полчаса в полном молчании, и все же в интересах кого-то будет лучше, если разговор будет построен таким образом, чтобы сказано было как можно меньше.

— Вы отталкиваетесь от своих собственных чувств или подразумеваете, что потакаете моим?

— И так, и эдак, — уклончиво ответила Элизабет. — Я всегда подмечаю, что наши мысли текут в одном направлении. Каждый из нас мало общителен, довольно замкнут и не склонен к разговорам, если только не собирается изречь нечто для всех настолько удивительное, что это будет потом передаваться потомкам на манер пословицы.

— Не уверен, что вы достаточно точно описали свой характер, — ответил он. — Насколько он схож с моим, решать не мне. Сами же вы, без сомнения, находите этот портрет удачным.

— Я не могу оценивать собственное творение.

Дарси ничего не ответил, и они опять помолчали некоторое время, пока во время следующего тура танца он не спросил у нее, насколько часто она с сестрами бывает в Меритоне. Она ответила, что довольно часто, и не удержавшись, добавила:

— Когда вы там на днях нас повстречали, мы только что завели новое знакомство.

Реакция на эту реплику последовала незамедлительно. На лице Дарси появилось высокомерное выражение, однако он не произнес ни слова, а Элизабет, хотя она и ругала себя за малодушие, не решилась продолжить. Наконец Дарси заговорил и холодно заметил:

— Мистер Уикхем к счастью обладает такими манерами, что весьма легко обзаводится друзьями — обладает ли он способностью их удерживать, менее очевидно.

— Он имел несчастье лишиться вашей дружбы, — подчеркнуто заметила Элизабет, — и возможно, он будет страдать от этого всю жизнь.

Дарси ничего не ответил, но было заметно, что ему хотелось сменить тему. В это время мимо них, через танцующие пары, к другому концу залы пробирался сэр Уильям Лукас. Заметив мистера Дарси, он остановился, галантно поклонился и отпустил весьма любезный комплимент его даме и его манере танцевать.

— Я действительно получил высочайшее удовольствие, дорогой сэр. Не часто удается увидеть такую прекрасную манеру танцевать. Сразу видна ваша принадлежность к высшему свету. Однако позвольте сказать, что ваша прелестная дама вполне вас достойна, и я надеюсь получать подобное удовольствие вновь и вновь, особенно после того, как произойдет определенное и столь желанное событие, дорогая мисс Элиза (тут он бросил взгляд на Бингли и Джейн). Сколько поздравлений будет по этому поводу! Я хочу теперь поговорить с мистером Дарси, и не позволяйте мне вас задерживать, сэр. Вы же не станете меня благодарить за то, что я помешал вашей беседе с очаровательной молодой леди, чьи очаровательные глазки уже явно начинают упрекать меня за это.

Вряд ли Дарси разобрал окончание этой витиеватой тирады, однако намек сэра Уильяма на его друга произвел на него сильное впечатление. Дарси очень вниматель-



...ОН ОСТАНОВИЛСЯ, ГАЛАНТНО ПОКЛОНИЛСЯ...

но и серьезно посмотрел на танцевавших вместе Бингли и Джейн. Оторвав, наконец, от них взгляд, он повернулся к своей партнерше и сказал:

— Сэр Уильям прервал нас и в результате я позабыл, о чем мы говорили.

— Не думаю, что мы вообще разговаривали. Вряд ли сэр Уильям мог прервать в этой зале двух людей, которые говорили бы меньше нас. Мы коснулись, хотя и безуспешно, двух-трех тем, и я совершенно не представляю, о чем бы мы могли поговорить еще.

— Что вы думаете о книгах? — спросил он, улыбнувшись.

— О книгах? Нет... Я совершенно не уверена, что мы с вами читали одни и те же, и наверняка мы испытываем при чтении разные чувства.

— Жаль, что вы так думаете. Однако если это и так, нам не надо искать тему для беседы. Мы могли бы обсудить наши различные мнения.

— Нет, я не могу говорить о книгах в бальной зале. Моя голова занята здесь совершенно другими вещами.

— В таких ситуациях окружающее полностью вас захватывает, не так ли? — сказал он с некоторым сомнением.

— Да, всегда, — ответила она машинально, поскольку ее мысли витали где-то весьма далеко от этого разговора, что вскоре подтвердила ее внезапная реплика:

— Я припоминаю, как вы, мистер Дарси, однажды сказали, что едва ли простили бы кого-то в своей жизни, и ваше неудовольствие кем-то, раз уж оно возникло, обжалованию не подлежит. Думаю, вы должны быть достаточно внимательны, чтобы не сердиться без должного повода.

— Разумеется, — твердо ответил Дарси.

— И вы никогда не позволяете предубеждениям сбить вас с толку?

— Надеюсь, что нет.

— Тем, кто никогда не меняет свое мнение, весьма важно быть уверенным в правильности своих суждений с самого начала.

— Могу я спросить, к чему это вы ведете?

— Просто пытаюсь обрисовать вашу натуру, — ответила она, пытаясь хоть немного развеселиться. — Хочу в вас разобраться.

— И каковы успехи?

— Их вообще никаких нет, — покачала она головой. — Я слышала о вас настолько разные мнения, что это просто сбивает меня с толку.

— Могу с готовностью поверить, — ответил он серьезно, — что мнения обо мне могут быть весьма различны, и я бы предпочел, мисс Беннет, чтобы вы в данный момент не рисовали мой портрет, поскольку есть опасение, что полученная вами картина не будет отражать ни одного из них.

— Однако, если я сейчас не подмечу основные ваши черты, возможно, другой возможности у меня не будет.

— Я бы ни в коем случае не хотел бы лишать вас какого бы то ни было удовольствия, — холодно ответил он.

Она ничего не ответила, они прошли еще один тур танца и молча расстались недовольные друг другом. Впрочем, эта неприязнь не была равной, ибо в груди мистера Дарси уже зарождалось достаточно сильное чувство к Элизабет, благодаря которому он вскоре смог ее простить, направив свое недовольство на другое лицо.

Вскоре после того, как они расстались, к Элизабет подошла мисс Бингли и вежливо, но высокомерно сказала:

— Итак, мисс Элиза, я слышала, вы в восторге от Джорджа Уикхема? Мне рассказывала об этом ваша сестра; она задавала мне сотни вопросов о нем, однако я вскоре поняла, что помимо всего прочего этот молодой человек забыл вам сообщить, что он является сыном старого Уикхема — бывшего дворецкого покойного мистера Дарси. Позвольте мне по этому поводу по-дружески вас предостеречь, чтобы вы не слишком доверяли его высказываниям, поскольку все его рассказы о том, как с ним плохо обошелся мистер Дарси, совершенно неверны. Напротив, мистер Дарси был с ним весьма обходителен, зато Джордж Уикхем вел себя по отношению к мистеру Дарси самым неподобающим образом. Детали мне неизвестны, однако я прекрасно знаю, что мистера Дарси совершенно не в чем упрекать, недаром он не выносит даже упоминания о Джордже Уикхеме! И хотя мой брат понимал, что никоим образом не может исключить его из списка приглашенных офицеров, он был весьма рад узнать, что тот самоустранился. Кстати его появление в наших краях — неслыханная наглость; не понимаю, как он вообще на это решился! Мне очень жаль, мисс Элиза, что вам стали известны прегрешения вашего знакомого, которому вы симпатизируете, однако, учитывая его происхождение, от него вряд ли можно было ожидать лучшего.

— По вашему получается, что его прегрешения заключаются в его происхождении, — сердито ответила Элизабет, — ибо вы обвиняете его только в том, что он является сыном дворецкого мистера Дарси, однако об этом, смею вас уверить, он мне рассказал сам.

— Прошу прощения, — сказала с усмешкой, отходя от нее, мисс Бингли. — Извините за вмешательство. Мной руководили благие намерения.

«Какая нахапка! — подумала Элизабет. — Однако она сильно ошибается, рассчитывая повлиять на меня подобными жалкими нападками, как эта. Она лишь демонстрирует свое полное невежество и злокозненность мистера Дарси». Затем она разыскала свою старшую сестру, которая уже успела порасспрашивать мистера Бингли на интересовавшую их тему. Джейн встретила ее с такой сияющей улыбкой, и с таким радостным выражением, что нельзя было сомневаться — события этого вечера доставили ей огромное удовлетворение. Элизабет сразу догадалась о чувствах сестры, и в это мгновение ее сочувствие Уикхему, негодование против его врагов и все прочее сетования уступили место надежде на то, что Джейн уверенно двигается к своему счастью.

— Хотелось бы выяснить, — сказала она, улыбаясь не менее лучезарно, чем ее сестра, — что тебе удалось узнать о мистере Уикхеме. Однако, быть может, ты была так приятно увлечена, что не могла и подумать о ком-то еще? В таком случае я на тебя не обижусь.

— Совсе нет, — ответила Джейн, — я про него отнюдь не забыла, однако ничего утешительного я тебе сообщить не могу. Мистер Бингли мало что знает обо всей этой истории и совершенно не в курсе обстоятельств, которые могли так задеть мистера Дарси. Однако он готов поручиться за добропорядочность, честность и благородство своего друга, и он совершенно убежден, что мистер Уикхем заслуживает гораздо меньше внимания, чем выказал по отношению к нему мистер Дарси, и мне жаль это говорить, но с его слов, равно как и со слов его сестры, мистера Уикхема нельзя считать порядочным молодым человеком. Боюсь, он был слишком неосторожен и поэтому потерял расположение мистера Дарси совершенно заслуженно.

— А мистер Бингли лично знаком с мистером Уикхемом?

— Нет, он его ни разу не видел до того утра в Меритоне.

— Таким образом, его мнение о нем составлено со слов мистера Дарси. Меня это вполне удовлетворяет. А что он говорит о церковном приходе?

— Он точно не помнит обстоятельств этого дела, хотя не раз слышал о нем от своего друга, и он уверяет, что приход был приписан за Уикхемом только условно.

— У меня нет оснований сомневаться в искренности мистера Бингли, — мягко заметила Элизабет. — Но извини, меня не устраивают лишь голые заверения. Осмелюсь сказать, что мистер Бингли довольно умело защищает интересы своего друга, однако поскольку некоторые обстоятельства этого дела ему неизвестны, а об остальном он судит со слов своего друга, я рискну относиться к обоим молодым людям как и ранее.

Затем она перевела беседу на тему, которая была приятна им обоим и которая не вызывала между ними никаких разногласий. Элизабет с радостью узнала от Джейн про счастливые и одновременно робкие надежды, которые были связаны у ней с Бингли, и она сказала все возможное, чтобы поддержать их и укрепить. Когда к ним присоединился мистер Бингли, Элизабет отошла поискать мисс Лукас, и только она успела ответить на вопрос подружки, насколько ей понравился ее последний партнер, как к ним подошел мистер Коллинз и весьма взволнованно сообщил, что ему посчастливилось только что сделать важнейшее открытие.

— Чисто случайно, — сказал он, — я выяснил, что в этой зале присутствует близкий родственник моей покровительницы. Я услышал, как этот джентльмен в разговоре с молодой леди, которая является украшением данного дома, упомянул имена его кузины мисс де Бург и ее матери леди Кэтрин. Какое чудесное, удивительное совпадение! Кто бы мог подумать, что на этом балу мне возможно доведется встретиться с самим племянником леди Кэтрин! Я весьма благодарен, что это открытие сделано так вовремя, что я лично могу засвидетельствовать ему мое почтение, и прямо сейчас я и собираюсь это сделать. Надеюсь, он простит, что я не сделал этого ранее; меня способно оправдать только моя неосведомленность.

— Уж не собираетесь ли вы самостоятельно представиться мистеру Дарси?

— Именно собираюсь. И я буду просить у него прощения, что не сделал этого ранее. Думаю, что он и впрямь племянник леди Кэтрин. Тогда я буду в состоянии заверить его, что неделю назад ее светлость были совершенно здоровы.

Элизабет настойчиво попыталась отговорить мистера Коллинза от этого плана действий, доказывая, что мистер Дарси сочтет обращение к нему незнакомого человека без должного представления скорее как наглость, а вовсе не как дань уважения к своей тете, и что нет никакой необходимости делать это именно на балу, а уж если в представлении и возникнет необходимость, то инициатива должна исходить от мистера Дарси, поскольку тот занимает более высокое положение в обществе. Мистер Коллинз выслушал все это, но по его виду было ясно, что он твердо решил руководствоваться собственными желаниями, и когда она замолчала, он ответил ей так:

— Моя дорогая мисс Элизабет! Я в высшей степени ценю ваше замечательное умение выносить суждения о вещах, находящихся в пределах вашей компетенции. Однако позвольте заметить, что между нормами человеческих отношений, существующих среди мирян, и теми, которые регулируют поведение священнослужителей, существует существенное различие. И я должен добавить, что считаю духовное служение церкви по его почетности стоящим на одном уровне с самыми высокими государственными обязанностями в королевстве, разумеется, при условии, что это служение исполняется с должным смирением. Потому в данном случае вы должны позволить

мне поступать сообразно голосу моей совести, который взывает меня совершить то, что я считаю своим долгом. Прошу меня простить за пренебрежение воспользоваться выгодой вашего совета, коему я готов последовать в любом другом случае. Однако в данном деле я считаю себя в силу образования и житейского опыта более способным принять правильное решение, нежели такая юная леди, как вы.

Затем с низким поклоном мистер Коллинз оставил Элизабет и устремился прямо к мистеру Дарси, и та стала озабоченно наблюдать, как будет воспринято столь неожиданное обращение. Удивление мистера Дарси было очевидным. Ее кузен предвараил свою речь низким поклоном, и хотя она не слышала, что именно он говорил, казалось, она понимает все, по движению его губ угадывая такие слова как: «извинения», «Хансфорд» и «леди Кэтрин де Бург». Ей было весьма неприятно видеть, как он выставляет себя перед таким человеком. А мистер Дарси смотрел на Коллинза с нескрываемым удивлением, и когда тот, наконец, замолчал, ответил ему отстраненно вежливо. Это, однако, не удержало мистера Коллинза от новой тирады, в течение которой презрение мистера Дарси только увеличивалось по мере разворачивания этой второй речи, и когда она закончилась, он лишь слегка кивнул и отошел в сторону, а мистер Коллинз вернулся к Элизабет.

— Уверяю вас, — сказал он, — у меня нет причин быть разочарованным оказанным мне приемом. Мистер Дарси кажется остался доволен оказанным ему почтением. Он отвечал мне весьма любезно и даже отпустив в мой адрес комплимент, сказав, что он убежден в проникательности леди Кэтрин и не сомневается, что она расточает свою благосклонность исключительно на людей достойных. Как красиво сформулирована эта мысль! Право, он мне очень понравился.

Поскольку Элизабет уже нечего не ожидала для себя от бала, она переключила почти все свое внимание на сестру и мистера Бингли, и чередой родившихся в этой связи у нее приятнейших мысли сделала ее почти такой же счастливой, как и Джейн. Она представляла, как та станет хозяйкой именно этого дома, и будет жить в счастье, которое может даровать только брак, основанный на истинных чувствах, и она чувствовала, что в такой ситуации она даже была бы способна полюбить сестер мистера Бингли. Элизабет чувствовала, что мысли ее матери текут в том же направлении, и она решила держаться в стороне от нее из опасения, что та сболтнет что-нибудь лишнее. Однако, когда все сели за стол к ужину, Элизабет к своей досаде обнаружила, что оказалась с ней почти рядом, а та довольно громко и открыто болтает ни с кем иным, как с леди Лукас, и ни о чем ином, как о том, что Джейн скоро выйдет замуж за мистера Бингли. Данная тема была для нее весьма увлекательной, и миссис Беннет была неумоима, перечисляя все преимущества этого дела. Она поздравляла себя в первую очередь с тем, что это такой милый молодой человек, да к тому же богат, и он живет всего в трех милях от них. К тому же как приятно думать, что сестры мистера Бингли весьма привязались к Джейн, и как они должно быть рады с ней породниться. К тому же это грядущее событие является весьма многообещающим для ее младших дочерей, которые после замужества Джейн смогут общаться с другими богатыми мужчинами. И, наконец, как приятно ей в ее годы будет оставлять своих младших дочерей под опекой замужней сестры, потому что она просто обязана появляться в обществе когда ей будет угодно, а эту обязанность следует почитать приятным долгом в соответствии с общепринятым мнением, хотя вряд ли кто-то менее охотно сидит дома, чем миссис Беннет. Она закончила свою речь пожеланиями, чтобы леди Лукас также обрела бы подобное

счастье в ближайшем будущем, хотя всем своим торжествующим видом миссис Беннет явно давала понять, что это весьма маловероятно.

Тщетно Элизабет пыталась умерить красноречие своей матери или хотя бы убедить ее выражать свои восторги не столь громогласно, ибо она с невыразимой досадой замечала, что большая часть из них долетала до сидевшего напротив них мистера Дарси. Однако мать только сердилась на нее, говоря, чтобы та не несла чепухи.

— Господи, да кто такой для меня этот мистер Дарси, чтобы я его опасалась? Мы не обязаны перед ним расшаркиваться и не должны стараться не говорить ему то, что он не желает слышать.

— Ради всего святого, мама, говорите потише. Какой вам толк оскорблять мистера Дарси? Действуя таким образом, вы не снискаете к себе его дружеское расположение.

Однако ничто из того, что она говорила, не возымело на ее мать никакого воздействия. Она продолжала все так же громогласно болтать о своих видах на будущее, и Элизабет постоянно приходилось краснеть от стыда и досады. Ей было трудно удерживаться, чтобы временами не поглядывать на Дарси, хотя каждый такой взгляд убеждал ее в справедливости своих опасений, и хотя он не всегда смотрел в сторону ее матери, Элизабет была убеждена, что он внимательно ее слушает; при этом негодующее презрение на его лице постепенно сменилось тяжелой мрачностью.

В конце концов миссис Беннет исчерпала все свои темы, и леди Лукас, которая уже позевывала во время излияния ее восторгов, которые она едва ли разделяла, смогла, наконец, с удовольствием заняться курицей и ветчиной. Элизабет начала было понемногу приходить в себя, однако спокойствие ее длилось недолго, поскольку когда ужин закончился, заговорили о пении. И тут она обмерла, увидав, что Мэри после недолгих просьб собралась развлечь публику. Многозначительными взглядами и безмолвными умоляющими жестами Элизабет попыталась предотвратить ее самоотверженность, но все было напрасно. Мэри не хотела ничего замечать; обрадованная возможностью блеснуть на публике, она уже начала петь. Элизабет досадливо смотрела на сестру, не отрывая от нее глаз, и с нетерпением следила, как та выводит куплет за куплетом. Когда она, наконец, закончила, терпение Элизабет не было вознаграждено — приняв раздавшиеся за столиками одобрительные аплодисменты за пожелания снова порадовать публику, Мэри затянула новую арию. Ее талантов явно не хватало для выступлений перед публикой: у Мэри был слабый голос, а манера исполнения — деланная. Элизабет от этого чуть ли не трясло, и она взглянула на Джейн, чтобы узнать, как она выносит эту муку, однако та в это время была увлечена беседой с Бингли. Тогда Элизабет посмотрела на его сестер и увидела, что они посылают друг другу и мистеру Дарси насмешливые взгляды, при этом последний продолжал хранить на лице непроницаемо мрачное выражение. Тогда она посмотрела на своего отца, молча умоляя его вмешаться, иначе Мэри могла бы так петь до утра. Он понял ее намек, и когда Мэри закончила свою вторую песню, громко произнес:

— Этого вполне достаточно, дитя мое. Ты уже и так долго нас усаждала. Позволь выступить и другим юным леди.

Хотя Мэри и предпочла бы этого не услышать, она все же была несколько расстроена. А Элизабет сочувствовала ей, и, досадуя на реплику отца, опасалась, что ее обеспокоенность ни к чему хорошему не привела. Тем временем среди присутствовавших стали искать нового певца.

— Если бы мне, — сказал мистер Коллинз, — повезло обладать вокальными данными, я бы без сомнения счел удовольствием развлечь присутствующих какой-нибудь арией, ибо я считаю музыку вполне невинным развлечением, безусловно совместимым с положением священнослужителя. Я не хочу при этом, разумеется, утверждать, что нам суждено уделять музыке слишком много времени, потому что без сомнения существует множество других дел, которыми мы обязаны заниматься. У настоятеля прихода множество обязанностей. Во-первых, он должен заниматься распределением десятины таким образом, чтобы, заботясь о себе, не нарушать при этом интересы своего покровителя. Потом ему необходимо писать тексты своих проповедей, а оставшегося времени не так много для отправления церковных обрядов, а ведь надо еще и заботиться об улучшении своего жилища, удобством которого нельзя пренебрегать. И я думаю также, что не в меньшей степени следует быть внимательным и участливым ко всем людям, и в особенности к тем, кому он обязан своей карьерой. И я не могу уклоняться от подобного долга, и я не стал бы хорошо думать о человеке, который упускает случай засвидетельствовать свое почтение любому человеку, связанному родством со своим патроном!

Он закончил свою речь, произнесенную достаточно громко, чтобы ее услышала половина присутствующих в зале, и поклонился в сторону мистера Дарси. Многие с удивлением взглянули на мистера Коллинза, многие улыбались, однако более других его речь позабавила мистера Беннета, хотя его супруга при этом со вполне серьезным видом шепнула леди Лукас, что мистер Коллинз является необыкновенно умным и добродетельным молодым человеком.

Элизабет казалось, что если бы все ее семейство захотело выставить себя в течение этого вечера в самом дурном свете, вряд ли это удалось сделать с большим воодушевлением или с более выдающимся успехом. При этом она надеялась, что к счастью для ее сестры некоторые части этого представления ускользнули от внимания мистера Бингли, и что его чувства были не слишком задеты проявлениями человеческой глупости, свидетелем которых он оказался. Однако его сестрам и мистеру Дарси они дали прекрасную возможность насмехаться над ее родственниками, и Элизабет не могла решить, что для нее более переносимо — молчаливое презрение джентльмена или ехидные улыбки двух леди.

Остаток вечера доставил ей мало удовольствия. Ее раздражал мистер Коллинз, который никак не мог от нее отстать. Он постоянно ее преследовал, и хотя не мог уговорить ее снова с ним потанцевать, лишал ее возможности танцевать с другими. Напрасно она уговаривала его ангажировать кого-то еще, предлагая познакомиться с любой юной леди в бальной зале. Он утверждал — что касается танцев, то он к ним равнодушен, и главная его задача состоит в выказывании внимания своей дорогой кузине, поскольку, таким образом, он надеется зарекомендовать себя в ее глазах в лучшем свете, и поэтому он должен оставаться с ней рядом до конца бала. Против такого соображения возразить было нечего, и Элизабет получала небольшие передышки, лишь когда к ним подходила мисс Лукас и добросовестно отвлекала мистера Коллинза светской беседой.

По меньшей мере Элизабет была избавлена от необходимости выслушивать замечания мистера Дарси — хотя он нередко бесцельно прохаживался поблизости от нее, но уже не подходил настолько близко, чтобы решиться заговорить. Она чувствовала, что ей удалось этого достичь благодаря намекам на мистера Уикхема, и ее это радовало.

Гости из Лонгборна покидали бал последними; благодаря уловке миссис Беннет им пришлось ждать свой экипаж четверть часа после того, как все уже разъехались, и это дало им возможность понаблюдать, с каким нетерпением ожидал их отъезда кто-то из членов семейства Беннет. Миссис Херст и ее сестра разжимали губы только лишь для того, чтобы пожаловаться на свою усталость, и было очевидно, что им хочется поскорее убраться восвояси. Они уклонялись от попыток миссис Беннет втянуть их в разговор, и поэтому навевали на всех присутствующих скуку, которую несколько оживлял лишь мистер Коллинз, пространно рассыпая комплименты мистеру Бингли и его сестрам, говоря об изысканности устроенного им вечера, а также обходительности и гостеприимстве хозяев дома. Мистер Дарси не говорил вообще ничего. Мистер Беннет также молчал, явно получая удовольствие от этой сцены. Мистер Бингли и Джейн стояли рядом несколько в стороне от прочих и говорили только друг с другом. Элизабет хранила молчание так же упорно, как миссис Херст и мисс Бингли, и даже Лидия настолько устала, что ограничивалась короткими репликами вроде: «О, господи, как я устала!», громко зевая при этом.

Когда, наконец, все поднялись, чтоб уйти, миссис Беннет весьма галантно выразила надежду вскорости снова увидеть всю эту компанию в Лонгборне. Обращаясь в основном к мистеру Бингли, она заверила, что все ее семейство будет радо отобедать с ним в любое время, и что он может приезжать без церемоний и официального приглашения. Мистер Бингли выразил свою признательность, пообещав их охотно навесить при первой же возможности после своего возвращения из Лондона, куда он должен ненадолго уехать завтра утром.

Миссис Беннет была совершенно удовлетворена. Она уехала в полной уверенности, что ее дочь переберется сюда через три-четыре месяца — времени, которое было необходимо для того, чтобы обзавестись новым экипажем, обстановкой и свадебным нарядом. В равной мере она была уверена, что вторая ее дочь вскоре выйдет замуж за мистера Коллинза, хотя мысль об этом браке радовала ее несколько меньше. Элизабет она любила меньше других своих дочерей, и хотя она ничего не имела против этой партии и жилища мистера Коллинза, они, конечно, меркли по сравнению с мистером Бингли и Незерфилдом.



ГЛАВА XIX

На следующий день в Лонгборне разыгралась новая сцена. Мистер Коллинз сделал официальное предложение. Он решил не терять времени зря, поскольку его пребывание в Лонгборне заканчивалось в ближайшую субботу. И он не был настолько застенчив, чтобы это помешало бы ему выразить свои чувства в оставшееся время, потому он подошел ко всему как полагается, со всеми формальностями, которые, как ему представлялось, были неотъемлемой частью данного дела. Обнаружив вскоре после завтрака миссис Беннет, Элизабет и ее младшую сестру, он обратился к их матери со следующими словами:

— Могу ли я надеяться, сударыня, что вы повлияете на вашу прелестную дочурку Элизабет, если я попрошу о чести побеседовать с ней сегодня наедине?

И едва Элизабет успела покраснеть от неожиданности, миссис Беннет решительно ответила:

— Бог мой! Ну конечно! Разумеется! Уверена, Лиззи будет счастлива, и у нее нет никаких возражений. Пойдем, Китти, ты мне будешь нужна наверху.

И, собрав свое рукоделие, она поторопилась уйти, однако Элизабет воскликнула:

— Маман, прошу, не уходите. Прошу вас остаться. Надеюсь, мистер Коллинз меня простит. Уверен, он не скажет ничего такого, что не мог бы услышать любой из нас. Я лучше уйду сама.

— Какие глупости, Лиззи. Я хочу, чтобы ты осталась, где стоишь. — И поскольку растерявшаяся и смущенная Элизабет выглядела так, будто и впрямь собиралась бежать, она добавила: — Лиззи, я настаиваю, чтобы ты осталась и выслушала мистера Коллинза.

Элизабет не смогла возразить против такой настойчивой просьбы, при этом в голове у нее проскользнула мысль, что разумнее будет покончить со всем этим делом как можно скорее и без лишнего шума, поэтому она снова присела, попытавшись скрыть свои смешанные чувства, метавшиеся между отчаяньем и насмешливостью. Миссис Беннет и Китти встали, и как только они вышли, мистер Коллинз сказал следующее:

— Поверьте мне, моя дорогая мисс Элизабет, что ваша скромность не умаляет ваших достоинств, а лишь дополняет ваши совершенства. Вы не казались бы столь очаровательной в моих глазах, если бы не выказали некоторой строптивости, однако позвольте вас заверить, что я уже заручился для этой беседы одобрением вашей стопоченной матушки. Вряд ли вы сомневаетесь в отношении цели моей речи, хотя, быть может, ваша природная застенчивость заставит вас это отрицать. Мои намерения слишком явны, чтобы в них ошибаться. Почти сразу после того, как я переступил порог вашего дома, я выбрал вас в качестве спутницы моей жизни. Однако прежде чем я дам волю своим чувствам по этому поводу, быть может, мне следует описать причины, которые подталкивают меня к женитьбе и которые заставили меня с этой целью приехать в Хартфордшир, что я и сделал.

Мысль о том, что мистер Коллинз при всей своей холодной рассудительности в состоянии дать волю своим чувствам, едва не заставила Элизабет рассмеяться, но, к сожалению, она не смогла воспользоваться краткой паузой, которую он при этом сделал, и не остановила его, поэтому он продолжил:

— Мои резоны вступить в брак заключаются в первую очередь в том, что каждый священнослужитель при благоприятных житейских обстоятельствах (а они в моем случае именно таковы) должен подавать в своем приходе пример семейной жизни. Во-вторых, я уверен, что это добавит счастья в мое и так благополучное существование. И в-третьих, хотя я наверняка должен был упомянуть об этом вначале, что это настоятельный совет и рекомендация весьма благородной леди, которую я имею честь называть своей покровительницей. Уже дважды она снисходила, чтобы высказать мне свои взгляды по этому поводу, хотя я ее об этом не просил, и даже в субботу вечером перед тем, как я покинул Хансфорд, когда между двумя турами кадрили миссис Дженкинсон поправляла скамеечку у ног мисс де Бург, она сказала мне: «Мистер Коллинз, вы должны жениться. Священнослужитель вроде вас должен быть женат. Выбирайте разумно и выберите себе достойную супругу для моего спокойствия и для вашего, разумеется. Учтите мой вкус, считаясь, конечно, и со своим. Пусть это будет энергичная и работающая женщина, не из высших сфер, способная хорошо управляться со скромным хозяйством. Это мой вам совет. Поскорее найдите себе такую жену, привезите ее в Хансфорд, и я навещу ее». Кстати, позвольте мне заметить, моя очаровательная кузина, что я не рассматриваю внимания и любезность леди Кэтрин де Бург в качестве наименьшего из преимуществ, которые я могу вам предложить. Вы увидите, что ее манеры во многом превышают все,



*Почти сразу после того, как я переступил порог вашего дома, я выбрал вас в качестве
путницы моей жизни.*

что я описывал. Я также надеюсь, что ваша природная живость и остроумие придутся ей по вкусу, разумеется, если они будут сопровождаться сдержанностью и почтением, кои требует ее высокое положение. Таковы мои общие соображения, которые подталкивают меня к женитьбе, и мне остается только добавить, почему мои взоры обратились именно в сторону Лонгборна, а не окружающих меня селений, в коих, смею вас заверить, обитает немало симпатичных молодых женщин. Дело в том, что в силу моего положения мне предстоит унаследовать имение вашего отца после его кончины (который, надеюсь, будет здравствовать долгие годы), и чтобы успокоить себя, я решил выбрать себе супругу из числа его дочерей, поскольку мне бы хотелось, чтобы они как можно меньше ощутили эту потерю, когда произойдет это печальное событие, которое, как я уже говорил, может не случиться в течение многих лет. Таковы были мои мотивы, моя очаровательная кузина, и я льщу себя надеждой, что они не уронят меня в ваших глазах. Теперь же мне остается только заверить вас в самых пламенных выражениях о горячей моей к вам привязанности. К деньгам я совершенно равнодушен и к вашему отцу по этому поводу никаких претензий предъявлять не собираюсь, поскольку мне хорошо известно, в сколь малой степени они могут быть удовлетворены, и я знаю также, что тысяча фунтов из четырех процентов годовых, которая достанется вам не ранее кончины вашей матушки это все, на что вы можете рассчитывать. Таким образом, касательно этого вопроса, я буду неизменно молчать, и вы можете быть уверены, что ни один неподобающий упрек не сорвется с моих уст после нашей женитьбы.

В этот момент его просто необходимо было остановить.

— Вы слишком торопитесь, сэр! — воскликнула Элизабет. — Вы забываете, что я еще ничего вам не ответила. Разрешите мне это сделать прямо сейчас, чтобы не терять время. Я благодарна вам за уделенное мне внимание. Я глубоко тронута оказанной мне честью, но я вынуждена отклонить ваше предложение.

— Мне доводилось слышать, — ответил мистер Коллинз, протестуя подняв руку, — что молодые леди порой отклоняют первое предложение руки и сердца, хотя втайне они готовы его принять, и такой отказ может повториться во второй и даже в третий раз. Поэтому я ни в коей мере не обескуражен вашими словами, и я искренне надеюсь, что вскоре поведу вас к алтарю.

— Честное слово, сэр — воскликнула Элизабет, — эта ваша надежда звучит более, чем странно, после моего ответа. Уверяю вас, я не отношу себя к тем молодым леди (если таковые вообще имеются), которые рискуют своим счастьем, дожидаясь повторного предложения. Я была совершенно серьезна, отказывая вам. Вы не сможете сделать меня счастливой, и я убеждена, что являюсь последней из всех женщин на свете, кои могли бы сделать счастливым вас. И я совершенно убеждена — если бы со мной познакомилась ваш друг леди Кэтрин, она бы определенно решила, что я совершенно не подхожу на роль вашей супруги.

— Вы уверены, что леди Кэтрин так подумает? — ответил совершенно серьезно мистер Коллинз. — Однако мне трудно представить, что ее светлость будет вами разочарована. Вы можете быть уверены, когда я буду иметь честь снова с ней увидеться, я в самой превосходной форме расскажу ей о вашей скромности, хозяйственности и прочих добропорядочных качествах.

— В действительности, мистер Коллинз, любые похвалы в мой адрес будут совершенно напрасны. Вы должны позволить мне решать за себя и попробуйте отнестись к моим словам серьезно. Я желаю вам всяческого счастья и процветания и, отклоняя

ваше предложение руки и сердца, делаю все от меня зависящее, чтобы не сделать вас несчастным. Предлагая мне руку, вы, должно быть, старались успокоить свои чувства в отношении нашей семьи и вступить во владение имением в Лонгборне, когда это произойдет, без всяких упреков со своей стороны. Таким образом, этот вопрос можно считать окончательно решенным.

Говоря это, Элизабет уже встала и готова была покинуть комнату, однако мистер Коллинз обратился к ней вновь:

— Когда мне представится честь снова поговорить с вами на эту же тему, я буду надеяться получить от вас более благоприятный ответ, чем тот, который вы мне дали ныне, хотя я далек от того, чтобы в настоящее время обвинять вас в жестокости, поскольку я хорошо знаю, что вашему полу вполне свойственно отказывать мужчине, когда он делает предложение в первый раз, и, быть может, вы даже обнадежили меня в той степени, каковую может себе позволить женщина.

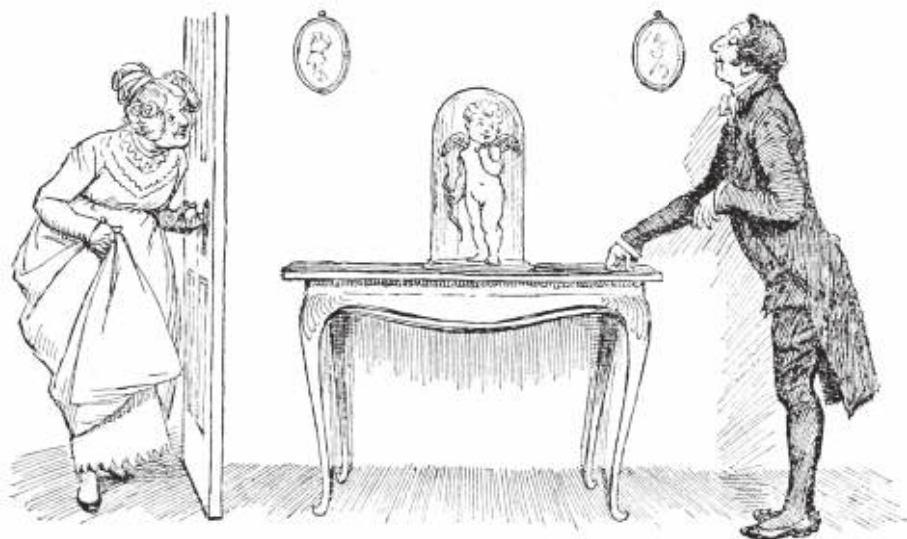
— Мистер Коллинз! — с жаром воскликнула Элизабет. — Вы меня удивляете. Если все только что мной сказанное вас обнадеживает, я просто не представляю себе, как мне сформулировать свой отказ, чтобы вы поверили в его бесповоротность.

— Вы должны позволить мне, дорогая кузина, утешаться тем, что вы, разумеется, отклонили мое предложение только на словах. Меня, если говорить коротко, убеждает в этом следующее. Мне отнюдь не кажется, что вы считаете недостойным принять мое предложение, или что условия, которые я могу вам предложить, не устраивают вас по той или иной причине. Мое положение в обществе, связи с семейством де Бург, а также родственные связи с вашим семейством — все мне благоприятствует. Вы также должны принять во внимание — несмотря на ваши многочисленные достоинства, совершенно не очевидно, что вам будет сделано второе предложение о замужестве. Ваша доля наследства столь незначительна, что это, по всей вероятности, может перевесить всю очевидность вашей красоты и прочих достоинств. Поэтому я прихожу к заключению, что вы отказываете мне не всерьез, и я склонен рассматривать этот отказ как попытку разжечь мои чувства сообразно с поведением, которое свойственно очаровательным женщинам.

— Уверяю вас, сэр, у меня нет претензий на такое очарование, с помощью которого можно играть на чувствах серьезного человека. Я бы охотнее получила комплимент в адрес своей искренности. Я снова и снова благодарю вас за ту честь, которую вы оказали мне вашим предложением, но принять его я решительно не могу. Все мои чувства категорически против. Могу ли я сказать яснее? Пожалуйста, постарайтесь смотреть на меня не как на очаровательную женщину, собирающуюся вас завлечь, а как на здравомыслящего человека, говорящего от чистого сердца!

— Вы совершенно очаровательны! — воскликнул он с неуместной галантностью. — И я глубоко убежден, что, когда мое предложение будет одобрено вашими замечательными родителями, оно будет вами обязательно принято.

В ответ на такую непоколебимую самоуверенность Элизабет не нашлась, что ответить. Она просто немедленно вышла из комнаты и молча удалилась, решив, что если мистер Коллинз и далее будет принимать ее повторные отказы за обнадеживающие поощрения, то она обратится к своему отцу, чей отказ будет воспринят со всей определенностью, и чье поведение не сможет быть истолковано как кокетство хорошенькой женщины.



ГЛАВА XX

Мистеру Коллинзу не пришлось долго молчаливо размышлять о своих успешных любовных делах, поскольку окончания его беседы с Элизабет в прихожей с нетерпением ожидала миссис Беннет. И как только она увидела, что ее дочь, открыв дверь, быстрым шагом прошла мимо нее к лестнице, она устремила в обеденную залу и в самых теплых выражениях поздравила его и себя с тем, что вскоре между ними установится близкое родство. Мистер Коллинз принял эти поздравления и ответил на них с равной восторженностью, а затем пересказал ей подробности состоявшейся беседы, результатами которой по его мнению он имел все основания быть удовлетворенным, поскольку быстрый отказ его кузины естественным образом проистекал от ее невероятной застенчивости и деликатности.

Однако миссис Беннет это сообщение неприятно встревожило. Конечно, ей в равной степени хотелось считать, что своим отказом Элизабет лишь хотела еще больше разжечь его чувства, тем не менее, она не осмеливалась этому верить, и, не удержавшись, сказала об этом.

— Многое все же зависит от того, что она думает по этому поводу, — добавила она. — Я сейчас же с ней поговорю начистоту. Она такая упрямица! Глупышка — сама не понимает, что ей на пользу, однако я научу это понимать.

— Извините, что перебиваю вас, сударыня, — воскликнул мистер Коллинз, — но если она и вправду своенравна и глуповата, то я не уверен, насколько она вообще способна стать желанной супругой для человека моего положения, который естественным образом ищет счастья в браке. Поэтому если она будет и дальше упорствовать в своем нежелании принять мое предложение, быть может, не стоит и принуждать ее принимать его, ибо обладая подобными недостатками, она навряд ли сможет внести существенный вклад в мое счастье.

— Сэр, вы меня совершенно не так поняли, — встревоженно ответила миссис Беннет. — Лиззи бывает упряма только в подобных делах, как это. Во всем остальном

она самая добросердечная девушка на свете. Я пойду сейчас поговорю с мистером Беннетом и очень скоро, я уверена, мы уладим это дело.

И, не оставив мистеру Коллинзу времени для ответа, она помчалась прямо к своему мужу, и едва переступив порог библиотеки, затараторила:

— Ох, мистер Беннет, вы-то мне сейчас и нужны! Мы все просто в панике. Вы должны немедленно пойти и заставить Лиззи выйти замуж за мистера Коллинза, а то она клянется, что не хочет, и если вы не поспешите, он может передумать хотеть стать ее мужем.

Когда она влетела в библиотеку, мистер Беннет оторвал взгляд от книги и посмотрел на свою супругу со спокойным безразличием, которое ничуть не изменилось, когда он ее выслушал.

— Я не имел удовольствия понять вас, — сказал он, когда она закончила свою тираду. — О чем вы толкуете?

— О мистере Коллинзе и Лиззи. Лиззи утверждает, что не хочет мистера Коллинза, и мистер Коллинз уже начал говорить, что он не хочет Лиззи.

— И что же я должен делать в такой ситуации? Это дело представляется безнадёжным.

— Поговорите о нем с Лиззи! Скажите, что вы настаиваете на этом браке.

— Пусть ее позовут сюда, и она услышит, что я думаю по этому поводу.

Миссис Беннет позвонила в колокольчик, и мисс Элизабет была приглашена в библиотеку.

— Подойди сюда, дитя мое, — сказал отец при ее появлении. — Я послал за тобой по важному поводу. Я так понимаю, что мистер Коллинз сделал тебе предложение выйти за него замуж. Не так ли?

Элизабет ответила, что это именно так.

— Очень хорошо. И это предложение ты отвергла.

— Да, сэр.

— Отлично. Теперь мы подходим к самому главному. Твоя мать настаивает, чтобы ты его приняла. Не правда ли, миссис Беннет?

— Да. В противном случае я не желаю ее больше видеть.

— Перед тобой, Элизабет, стоит грустный выбор, — заметил ее отец. — Ибо с этого дня ты будешь лишена одного из родителей. Твоя мать не желает смотреть на тебя, если ты не пойдешь за мистера Коллинза, а я больше на тебя не взгляну, если ты на это согласишься.

Элизабет не смогла удержаться и улыбнулась при таком неожиданном завершении столь серьезного захода, однако миссис Беннет, будучи убежденной, что ее муж рассматривает это дело в нужном ей свете, была чрезвычайно разочарована.

— Что вы имеете в виду, мистер Беннет, рассуждая таким образом? Вы ведь обещали мне настаивать, чтобы она вышла за него замуж.

— Моя дорогая, — ответил ее супруг, — у меня к вам две небольшие просьбы. Во-первых, позвольте мне свободно пользоваться собственным видением данной ситуации, а во-вторых — собственной комнатой. Я был бы рад как можно скорее получить свою библиотеку в полное свое распоряжение.

Однако, несмотря на то, что миссис Беннет была разочарована своим мужем, она не собиралась сдаваться. Она вновь и вновь заговаривала с Элизабет, по очереди то угрожая, то уговаривая ее. Мать попыталась привлечь на свою сторону Джейн, но та



*Вы должны немедленно пойти и заставить Лиззи выйти
замуж за мистера Коллинза.*

со всей присущей ей мягкостью вмешиваться отказалась, а Элизабет отвечала на атаки матери то вполне серьезно, то с игривой веселостью. Однако если форма ее ответов менялась, само ее решение оставалось неизменным.

Мистер же Коллинз в это время обдумывал в одиночестве, что же действительно случилось. Он был слишком высокого мнения о себе, чтобы понять, какими именно мотивами руководствовалась отказавшая ему кузина. И хотя его самолюбие было задето, особенно он не страдал. Его чувства к ней были скорее придуманными. К тому же он предполагал, что упреки, которые бросала Элизабет ее мать, могли быть заслуженными, и они не давали ему о чем-либо сожалеть всерьез.

Пока семейство Беннет переживало эту коллизию, к ним на денек приехала Шарлотта Лукас. В прихожей ее встретила Лидия, которая, бросившись вперед, громко зашептала:

— Я рада, что ты приехала. Тут у нас такое веселье! Ты не поверишь, что случилось сегодня утром! Мистер Коллинз сделал предложение Лиззи, а она не захотела его принять!

Едва Шарлотта захотела что-то ответить, как тут к ним присоединилась Китти, которая собиралась сообщить ту же новость, и как только все они втроем вошли в столовую, где в одиночестве находилась миссис Беннет, как она тоже взялась за эту тему, взывая к сочувствию мисс Лукас и умоляя ее подействовать на свою подругу Лиззи, чтобы та выполнила чаяния всего семейства.

— Бога ради, моя дорогая мисс Лукас, сделайте это, — добавила она грустно, — ведь меня никто не поддерживает, я ни в ком не нахожу сочувствия, со мной обращаются просто безжалостно. Никто и думать не хочет о моих потрепанных нервах!

Шарлотта не успела ответить — в помещение вошли Джейн с Элизабет.

— А вот и она! — продолжала миссис Беннет. — Выглядит так, будто ей все ни почем. Совершенно о нас не думает, словно все мы живем в Йорке. Считает, что может поступать, как ей вздумается! Но я вам так скажу, мисс Лиззи: ежели ты возьмешь себе в голову вот так отказывать любому жениху, то ты вообще останешься без мужа! И я ума не приложу, кто будет о тебе заботиться, когда умрет твой отец. Я делать это не в состоянии, предупреждаю. С этого дня у меня с тобой никаких дел нет. Ты помнишь, я говорила в библиотеке — я больше с тобой разговаривать не стану. И ты увидишь, что я умею держать свое слово. Какое удовольствие разговаривать с неблагодарными детьми! И вообще, у меня нет никакого желания разговаривать с кем бы то ни было. Люди, которые как и я, страдают от расшатанных нервов, вообще не склонны к разговорам. Никто не понимает, как я страдаю. Впрочем, так всегда и происходит. Кто не жалуется, сочувствия не дождается.

Дочери миссис Беннет слушали эти излияния молча, прекрасно зная, что любая попытка успокоить и урезонить их мать только увеличит ее раздражение. Поэтому они ее не прерывали, а она продолжала жаловаться, пока к ним не присоединился мистер Коллинз. Он вошел в комнату с еще более напыщенным видом, чем обычно. Взглянув на него, миссис Беннет сказала своим дочкам:

— А теперь я настаиваю, чтобы вы, все вы, попридержали ваши языки и позволили нам с мистером Коллинзом немного поговорить с глазу на глаз.

Элизабет тихо вышла из комнаты, Джейн и Китти последовали за ней, а Лидия осталась там, где стояла, решив послушать все, что будет сказано. Шарлотту же сначала задержали любезности мистера Коллинза, который весьма подробно расспросил ее



о самочувствии и о здоровье всех ее родственников, а потом она, явно заинтригованная, отошла к окну и притворилась, что не слушает.

Миссис Беннет начала подготовленный разговор страдальчески воскликнув:

— О, мистер Коллинз!

— Сударыня, — ответил он, — давайте больше не будем обсуждать эту тему. Я далек от того, — продолжал он тоном, в котором сквозило неудовольствие, — чтобы обижаться на поведение вашей дочери. Мы обязаны отступить перед неизбежным злом, это наше бремя. Это своеобразная обязанность молодого человека, которому, как и мне, повезло рано выдвинуться. Поэтому я вынужден покориться. И, быть может, сделать это будет тем легче, чем больше у меня будет возникать сомнений, смог ли я стать поистине счастливым, если бы моя очаровательная кузина приняла мое предложение. Ибо я часто замечал, что отставка воспринимается легче, когда благодать, коей мы лишились, начинает в нашем представлении терять

часть своей ценности. Надеюсь, сударыня, вы не примите за неуважение к вашей семье отказ от моих претензий на благосклонность вашей дочери, и я не стану затруднять вас и мистера Беннета просьбами использовать ради меня вашу родительскую власть. Возможно, мне не стоило принимать этот отказ из уст вашей дочери, не поговорил вначале с вами, однако всем нам свойственно ошибаться. В любом случае, я руководствовался в этом деле благими намерениями. Моя цель состояла в том, чтобы приобрести приятную спутницу жизни, должным образом учитывая интересы вашей семьи, и если мое поведение в целом показалось вам предосудительным, я теперь прошу меня за это простить.



ГЛАВА XXI

Обсуждение сватовства мистера Коллинза почти завершилось, и Элизабет оставалось теперь только страдать от неприятных чувств, оставленных в ее душе этим событием, и раздраженных упреков, которые еще порой бросала ей по этому поводу ее мать. Что касается самого мистера Коллинза, то он не выглядел смущенным или подавленным и не пытался избегать общества своей кузины; его чувства проявлялись лишь в некоторой скованности и обиженном молчании. Он почти не говорил с ней и весь остаток дня уделял свое драгоценное внимание лишь мисс Лукас, которая охотно его выслушивала, чем приносила временное облегчение всем членам семейства и в особенности своей подруге.

Следующий день не улучшил состояние и настроение миссис Беннет. Мистер Коллинз по-прежнему демонстрировал всем своим видом уязвленное самолюбие. Элизабет надеялась, что негодование заставит его сократить время пребывания в Лонгборне, однако, оказалось, что это никак не повлияло на его планы; его отъезд был намечен на субботу, и до субботы он и намеревался оставаться.

После завтрака девушки отправились в Меритон, чтобы узнать, вернулся ли мистер Уикхем, и посоветовать, что его не было на балу в Незерфилде. Он присоединился к ним при въезде в город и проводил их до дома их тети, где его досада по этому поводу и сожаление всех прочих стали предметом обстоятельного обсуждения. Элизабет он, однако, признался, что сам счел свое отсутствие необходимым.

— По мере того, как приближалось время бала, — сказал он, — я начал понимать, что лучше бы мне не встречаться с мистером Дарси. Вряд ли я бы смог долго находиться вместе с ним в одной комнате и в одном обществе. Это было бы для меня слишком, и наверняка привело бы к ситуациям, которые были бы неприятны не только мне.

Элизабет высоко оценила его предусмотрительность, и они еще долго говорили с ним на эту тему, награждая друг друга комплиментами, пока добирались вместе с сестрами и в компании одного из офицеров до Лонгборна. Во время этой прогулки мистер Уикхем оказывал Элизабет особое внимание, и ей это было вдвойне лестно: во-первых, ей было приятно выслушивать его комплименты, а во-вторых, это был удобный случай представить мистера Уикхема ее отцу и матери.

Вскоре после их возвращения мисс Беннет получила письмо из Незерфилда. Оно было незамедлительно распечатано. В конверте лежал красивый листок плотной бумаги, сплошь исписанный изящным беглым женским почерком. Элизабет видела, как по мере чтения менялось выражение лица ее сестры, и как она перечитывала отдельные его фразы. Однако Джейн быстро взяла себя в руки, отложила письмо и постаралась с обычной своей веселостью присоединиться к общей беседе; письмо же это так обеспокоило Элизабет, что отвлекло ее даже от Уикхема, и как только он и его приятель покинули Лонгборн, Джейн взглядом пригласила ее подняться с ней наверх по лестнице. Когда же они вошли в свою комнату, Джейн вынула письмо и сказала:

— Оно от Кэролайн Бингли, и то, что там написано, изрядно меня удивило. К настоящему времени вся их компания должна уже покинуть Незерфилд; они двигаются к Лондону и не собираются возвращаться. Ты должна услышать, что она тут пишет.

Затем она прочла вслух первое предложение, в котором говорилось, что они решили последовать за братом прямо в Лондон и намереваются отобедать в этот день на Гровнор-стрит, где стоит особняк мистера Херста. Далее говорилось следующее:

«Покидая Хартфордшир, я сожалела лишь о том, моя бесценная подруга, что лишаюсь Вашего общества. Однако будем надеяться, что в ближайшем будущем мы еще не раз сможем насладиться нашим восхитительным общением, которое доставило нам столько удовольствия, а пока же пусть боль от нашей разлуки будет сглажена частой и доверительной перепиской. Я очень на Вас в этом полагаюсь».

Элизабет выслушала эти высокопарные фразы равнодушно и без особого к ним доверия, и хотя поспешный отъезд сестер мистера Бингли ее несколько удивил, она не сочла, что все ей услышанное содержит нечто неприятное, и из него также не следовало, что отсутствие этих дам в Незерфилде помешает мистеру Бингли бывать там. При этом Элизабет не сомневалась, что Джейн не будет особо переживать по поводу их отсутствия, наслаждаясь обществом их брата.

— Да, жаль, — сказала она после короткой паузы, — что ты не смогла повидаться со своими знакомыми до их отъезда, однако, неужели мы не можем ожидать, что счастливая встреча, на которую надеется мисс Бингли, произойдет ранее, чем она расчи-

тывает? И что очаровательные беседы, которые вы вели, будучи близкими подругами, не возобновятся к вашему взаимному удовольствию, когда вы породнитесь? Вряд ли эти дамы удержат мистера Бингли в Лондоне.

— Кэролайн определенно пишет, что никто из них не вернется в Хартфордшир этой зимой. Я тебе прочту об этом.

«Когда мой брат оставил нас вчера, он предполагал, что дела, которые призвали его в Лондон, будут завершены за три или четыре дня, однако, насколько нам известно, это не так. В то же время мы были уверены, что когда Чарльз приедет в город, он не



станет торопиться снова из него уезжать, поэтому мы решили последовать за ним туда, чтобы он не проводил свое свободное время в неуютной гостинице. Многие из моих знакомых уже в городе чтобы провести там зиму, и мне бы очень хотелось услышать, что и у Вас, моя дорогая подруга, возникнет желание оказаться в их числе, но я не могу на это и рассчитывать. Искренне надеюсь, что Рождество в Хартфордшире принесет Вам много радостей, которые обычно приносит это время года, и что ваши поклонники будут столь многочисленны, что это не позволит Вам грустить о потере тех трех друзей, общества которых мы вас лишаем».

— Из этого следует, — добавила Джейн, — что он не вернется этой зимой.

— Из этого лишь следует, что он не должен приезжать по мнению мисс Бингли.

— Почему ты так думаешь? Потому что это должно быть его собственным решением, ведь он сам себе хозяин, однако ты не знаешь всего. Я прочту тебе место, которое задело меня особенно сильно. Мне от тебя скрывать нечего.

«Мистеру Дарси не терпится увидеть свою сестру и, надо признать, нам хочется повидать ее не в меньшей степени. Я и впрямь не думаю, чтобы кто-нибудь мог бы сравниться с Джорджианой Дарси по красоте, изяществу и прочими достоинствами, и чувства, которые она вызывает во мне и Луизе, лишь возрастают от лелеемой нами надежды, что со временем нас свяжут родственные отношения. Не помню, упоминала ли я Вам ранее о своих предположениях по этому поводу, но мне бы не хотелось уехать, не поделившись ими с Вами, и я надеюсь, что Вы не сочтете их необоснованными. Мой брат и прежде восхищался ею, теперь же у него будет возможность более часто встречаться с ней на короткой ноге. Все ее родные, так же как и его, желают этой партии, и я надеюсь, что меня не обманывают мои сестринские чувства, когда я говорю, что Чарльз способен завоевать любое женское сердце. Учитывая эти обстоятельства, которые безусловно способствуют возникновению привязанности, а также то, что для этого не существует каких-либо помех, скажите, моя драгоценная Джейн, разве я не права, питая надежду на событие, которое обеспечит счастье для стольких многих людей?».

— Что ты скажешь по поводу этого пассажа, дорогая Лиззи? — спросила Джейн, закончив чтение. — Разве он недостаточно ясен? Разве она не свидетельствует, что Кэрлайн не хочет и не желает, чтобы я стала ее родственницей, и что она совершенно убеждена в безразличии ко мне ее брата? Быть может, подозревая природу моих к нему чувств (а это вполне вероятно), она стремится меня осторожно предостеречь? Можно ли это трактовать иначе?

— Да, можно. Для меня это выглядит совсем иначе. Хочешь услышать?

— Говори скорей!

— Могу объяснить буквально в двух словах. Мисс Бингли видит, что ее брат в тебя влюблен, но хочет женить его на мисс Дарси. Она следует за ним в Лондон, надеясь его там удержать, и стараясь убедить тебя, что до тебя ему нет дела.

Джейн с сомнением покачала головой.

— Джейн, ты и вправду должна мне поверить! Любой, кто видел вас вместе, не мог бы усомниться в его чувствах. Не сомневается в них и мисс Бингли; она ведь не вчера на свет родилась. Если бы она заметила в мистере Дарси хотя бы половину такой же пылкости по отношению к себе, она бы уже заказывала свадебные наряды. Однако суть дела вот в чем. Мы для них недостаточно богаты и родовиты, а она волнуется и хочет женить брата на мисс Дарси еще и потому, что по ее мнению, имея одну высокородную связь, она с меньшими хлопотами заполучит и вторую. Этот план и в самом деле хорош, и пожалуй, я могла бы поручиться, что он может удалиться, если бы ему не мешала мисс де Бург. Но моя дорогая Джейн, ты же не станешь всерьез воображать, что коль скоро мисс Бингли написала тебе, что ее брат всерьез увлечен сестрой мистера Дарси, мистер Бингли станет меньше ценить твои достоинства, чем когда он прощался с тобой во вторник, или что в ее силах убедить его, что он любит не тебя, а ее подругу.

— Если бы мы думали о мисс Бингли схоже, — ответила Джейн, — твой взгляд на всю эту историю мог бы меня успокоить, однако я знаю, что основа твоих предположений неверна. Кэрлайн никого не способна преднамеренно вводить в заблуждение, и я могу лишь надеяться, что она заблуждается сама.

— Ну и ладно. Ты просто не могла не придумать для себя более благоприятное объяснение, раз мое для тебя не подходит. Считаю сколько угодно, что она заблуждается. Ты ей воздала должное и теперь можешь ни о чем не волноваться.

— Но, дорогая сестричка, смогу ли я быть счастливой, если даже предположить самое лучшее? Как можно общаться с человеком, сестры и друзья которого хотят, чтобы он женился на другой?

— Это тебе решать, — ответила Элизабет, — и если после спокойных размышлений ты сочтешь, что твои мучения от неспособности угодить его сестрам значат для тебя больше, чем счастливый брак, я советую тебе категорически ему отказать.

— Как можешь ты так говорить? — сказала Джейн, чуть улыбнувшись. — Ты же должна знать, что сколь бы я не расстраивалась из-за их неодобрения, я бы не стала колебаться.

— Я и не думала, что стала бы, и именно поэтому я не слишком расстраиваюсь по поводу твоей ситуации.

— Однако если этой зимой он не приедет, возможно, выбор передо мной вообще стоять не будет. За шесть месяцев может произойти тысяча разных событий.

Мысль о том, что он может вообще не приехать зимой, представлялась Элизабет совершенно вздорной. Ей казалось, что это лишь предположение заинтересованной в этом деле Кэролайн, и она ни на минуту не могла допустить, что желания его сестры, как бы настойчиво и громогласно она их не озвучивала, могут повлиять на такого независимого человека, как мистера Бингли.

Она как можно более настойчиво внушала Джейн, что она думает по этому поводу, и вскоре с удовольствием заметила благоприятное воздействие своих слов. Джейн по своей природе не была склонна к унынию, и Элизабет постепенно взрастила в ней надежду, хотя сомнения порой ее и одолевали, что Бингли вернется в Незерфилд, и она найдет в нем отклик на все веления своего сердца.

Они договорились сообщить матери только об отъезде его сестер из Незерфилда, и не расстраивать ее разговорами о намерениях самого мистера Бингли, однако даже эти урезанные сведения вызвали у нее чрезвычайную обеспокоенность, и она горько сетовала, что все так неудачно вышло, и две юные леди были вынуждены уехать после того, как все ее домашние с ними так коротко сошлись. Однако, посокрушавшись некоторое время, она с утешением подумала, что мистер Бингли вскорости вернется и снова будет вместе с ними ужинать в Лонгборне. В заключение она с удовольствием заявила, что, хотя его приглашали всего лишь на семейный ужин, она позаботиться, чтобы блюд в этот день было вдвое больше.



ГЛАВА XXII

Семейство Беннет было приглашено на обед к Лукасам, и снова большую часть дня мисс Лукас любезно выслушивала мистера Коллинза. Элизабет воспользовалась удобным моментом и поблагодарила ее за это.

— Это поддерживает его в хорошем настроении, — сказала она. — Трудно выразить, как я тебе благодарна.

Шарлотта заверила свою подругу, что она рада быть полезной, и что это с лихвой окупает небольшую жертву с ее стороны. Это действительно было очень мило, однако любезность Шарлотты простиралась много дальше, чем Элизабет могла себе представить. А дело ни много, ни мало состояло в том, что стремясь оградить подругу от повторных атак мистера Коллинза, она решила перенаправить их на себя. Именно таков был план мисс Лукас, и дело шло настолько хорошо, что, уезжая вечером, она почти уже была уверена в успехе, если бы мистер Коллинз не должен был вскорости покинуть Хартфордшир. Однако, она недооценила его порывистость и стремительность, поскольку на следующее же утро эти черты характера заставили его с удивительной поспешностью сбежать из Лонгборна, чтобы поспешить в Лукас Лодж и броситься к ее ногам. Он побеспокоился, чтобы его отъезд не был замечен кузинами, поскольку опасался, что в противном случае его намерения будут раскрыты, а он хотел сохранить их тайне до того момента, когда его успех станет очевиден, поскольку хотя он и чувствовал, что дело выгорит, ведь Шарлотта его откровенно поощряла, после случившегося в среду он чувствовал себя не вполне уверенно. Тем не менее он был принят самым любезным образом. Мисс Лукас заметила из верхнего окна, как он подходил к Лукас Лоджу, и быстро вышла, чтобы как, бы случайно, встретить его на садовой дорожке, однако она не осмеливалась и предположить, что там она услышит столько любовно-красноречия.

К взаимному удовлетворению обоих все было оговорено между ними настолько быстро, насколько это позволяли пространные речи мистера Коллинза, и когда

они входили в дом, он уже пылко умолял ее назвать день, который сделает его самым счастливым человеком на свете. Однако, хотя леди и не была склонна играть с чувствами своего кавалера, в данный момент она была не готова отвечать на этот вопрос. Глупость, которой ее жених был наделен от природы, лишала его ухаживания всяческого обаяния, которое обычно заставляет женщину продлевать это удовольствие. А мисс Лукас принимала его предложение только для того, чтобы устроиться в жизни, и ей пока было безразлично, как скоро все это будет устроено.

Сэр Уильям и леди Лукас были немедленно оповещены о случившемся и с радостной готовностью дали свое согласие на этот брак. Положение мистера Коллинза вполне подходило для их дочери, которой они могли дать весьма скромное приданое, однако финансовые перспективы ее жениха были прекрасны. Леди Лукас сразу начала прикидывать сколько лет способен еще прожить мистер Беннет, причем делала она это с гораздо большим интересом, чем этот вопрос вызывал у нее ранее, а сэр же Уильям решительно заявил, что, когда мистер Коллинз обоснуется в Лонгборне, он и его жена смогут появляться в Сент-Джеймском дворце. Короче, радости всей семьи не было предела. Младшие сестры начали питать надежды, что окажутся в свете на год-два раньше, чем это могло бы случиться, а братья перестали опасаться, что Шарлотта умрет старой девой. Сама же она хранила относительное спокойствие. Она достигла желаемого, и теперь у нее было время все обдумать. Размышления ее были в целом удовлетворительными. Конечно, мистера Коллинза нельзя было считать ни умным, ни приятным человеком; общение с ним утомляло, а его чувства к ней были вне всякого сомнения надуманными. Тем не менее, ему предстояло стать ее супругом. Она не была высокого мнения ни о мужчинах, ни о браке, однако замужество всегда было ее целью, ибо только оно могло обеспечить небогатой образованной женщине достойное положение в обществе, и хотя вряд ли оно сделало бы ее счастливой, но зато она нашла бы в нем надежную защиту от нужды. И такую защиту она теперь обретала в свои двадцать семь лет; она никогда не обладала особой красотой и хорошо понимала, насколько ей повезло. Для Элизабет Беннет, чью дружбу она ценила выше прочих привязанностей, это могло стать неприятным сюрпризом. Элизабет наверняка будет очень удивлена и возможно даже станет осуждать ее, и хотя это не изменило бы бесповоротного решения Шарлотты, это осуждение могло бы глубоко задеть ее чувства. Она хотела рассказать ей обо всем сама и потому попросила мистера Коллинза, чтобы тот, вернувшись к обеду в Лонгборн, не проронил ни слова никому из Беннетов о том, что произошло. Обещание хранить этот секрет, разумеется, было охотно дано, однако выполнить его оказалось непросто, потому что его долгое отсутствие возбудило их горячее любопытство, и по возвращении в Лонгборн он был засыпан весьма прямыми вопросами, уклончивые ответы на которые потребовали известной изобретательности и в то же время изрядной самоотверженности, поскольку ему хотелось обнародовать свои любовные успехи.

Следующим утром мистер Коллинз должен был покинуть Лонгборн слишком рано, чтобы увидеть кого-либо из семьи Беннетов, поэтому церемония прощания произошла перед тем, как дамы отправились спать, при этом миссис Беннет весьма любезно и сердечно сказала ему, что все они будут рады видеть его в Лонгборне снова, когда дела позволят ему их навестить.



*...однако она не осмеливалась и предположить, что там она услышит
столько любовного красноречия.*

— Сударыня, — ответил мистер Коллинз, — это ваше приглашение доставляет мне особое удовольствие, ибо я рассчитывал им воспользоваться, и вы можете быть уверены, что я непременно это сделаю, как только смогу.

Все были весьма удивлены таким ответом, и мистер Беннет, который совершенно не рассчитывал на столь быстрое возвращение мистера Коллинза, немедленно спросил:

— А вы не опасаетесь, сэр, что это вызовет неодобрение леди Кэтрин? Лучше вам пренебречь родственными отношениями, чем рисковать задеть вашу покровительницу.

— Дорогой сэр, — ответил мистер Коллинз. — Я премного вам благодарен за это дружеское предостережение. Вы можете быть совершенно уверены, что я не предприму столь существенного шага без одобрения ее светлости.

— Излишняя осторожность в таком деле не повредит. Подвергайте риску что угодно, но только не возможность вызвать ее неудовольствие, и если вы увидите, что ваш новый приезд в Лонгборн может его возбудить, а я считаю это вполне вероятным, спокойно оставайтесь дома и будьте уверены, что мы ни в коей мере не станем на вас из-за этого обижаться.

— Поверьте, дорогой сэр, что ваше сердечное внимание к моей особе вызывает во мне самую горячую признательность, и благодаря ей вы вскорости получите от меня благодарственное письмо с выражением признательности за этот и прочие знаки внимания, полученные мной во время пребывания в Хартфордшире. Что же до моих прелестных кузин, то, хотя мое отсутствие может быть не столь продолжительным, чтобы делать это необходимым, но я все же позволю себе пожелать им здоровья и счастья, не исключая и мою кузину Элизабет.

Затем дамы подобающим образом откланялись и удалились, и каждая из них в равной степени была удивлена его намерением так скоро вернуться в Лонгборн. Миссис Беннет хотелось объяснить это тем, что он подумывает обратить свое внимание на одну из ее младших дочерей, и, возможно, Мэри суждено будет стать такой избранницей, ведь она оценивала его способности значительно выше, чем любая из ее сестер, и основательность его суждений нередко производила на нее определенное впечатление. И хотя безусловно она не считала его равным себе по уму, но все же думала, что, поощряя его к чтению и самоусовершенствованию по ее примеру, из него можно было бы сформировать вполне приемлемого спутника жизни. Однако на следующее же утро все надежды на такого рода события улетучились. После завтрака к ним заглянула мисс Лукас и, оставшись наедине с Элизабет, рассказала ей о происшедшем накануне событии.

В течении нескольких последних дней мысль о том, что мистер Коллинз может вообразить себя влюбленным в Шарлотту, уже приходила Элизабет в голову, однако она и представить себе не могла, что ее подруга могла поощрять мистера Коллинза. С ее точки зрения это было также невозможно, как и любые его поощрения с ее стороны. Поэтому ее изумление было настолько велико, что в первый момент, перейдя все границы приличия, она воскликнула:

— Ты помолвлена с мистером Коллинзом? Шарлотта, дорогая моя, это невозможно!

От такого прямого упрека мисс Лукас на мгновение утратила самообладание, с которым она рассказывала эту историю, и она смутилась, однако подобная реакция со стороны Элизабет явно не превосходила ожидаемой, поэтому она быстро восстановила самообладание и спокойно ответила:

— Почему это тебя так удивляет, дорогая Элиза? Неужели тебе кажется невероятным, что мистер Коллинз может рассчитывать на благосклонность какой-либо другой женщины, раз он потерпел неудачу с тобой?

Однако Элизабет быстро взяла себя в руки, и, приложив немало старания, смогла со смиренной уверенностью заявить, что она будет рада породниться с подругой, и что она ей желает всяческого счастья, которое только можно представить.

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — ответила Шарлотта. — Ты должна быть изумлена, весьма и весьма изумлена. Ведь совсем недавно мистер Коллинз хотел жениться на тебе. Однако когда ты сможешь все спокойно обдумать, ты, я надеюсь, сочтешь, что я поступила правильно. Ты знаешь, я отнюдь не романтик, и никогда им не была. Я беспокоюсь только об уютном и надежном семейном гнезде, и, учитывая характер мистера Коллинза, его связи и положение в обществе, я сочла, что мои шансы на счастливую семейную жизнь с ним ничуть не меньше, чем у всех прочих людей, которые могут похвастать тем, что вступают в брак.

Элизабет спокойно ответила: «Несомненно», и после неловкой паузы они соединились к остальному семейству.

Шарлотта не задержалась надолго, и когда она ушла, Элизабет смогла поразмыслить над тем, что она от нее услышала, и прошло довольно много времени, прежде чем она смогла свыкнуться с мыслью о столь невообразимом браке. Странность того, что мистер Коллинз в течение трех дней сделал два предложения, не шла ни в какое сравнение с тем, что второе было принято. Она всегда подозревала, что взгляды Шарлотты на замужество отнюдь не совпадают с ее собственными, однако она и представить себе не могла, что когда обстоятельства заставят ее действовать, ее подруга принесет в жертву лучшие свои чувства ради житейского благополучия. Шарлотта — жена мистера Коллинза! Какое удручающее зрелище! И к потрясению от того, что Шарлотта так себя унизила и так упала в ее глазах, добавилось огорчение от убеждения, что ее подруга вряд ли сможет быть хоть толику счастливой в результате сделанного ей выбора.



ГЛАВА XXIII

Элизабет сидела вместе с матерью и своими сестрами, размышляя о том, что она услышала, и о том, стоит ли об этом рассказать, когда к ним в дом появился сам сэр Уильям Лукас, присланный своей дочерью чтобы объявить семейству Беннет о ее помолвке. Он рассыпал перед ними множество комплиментов, и неоднократно поздравив себя с перспективой объединения их семей, раскрыл суть дела. Его слушатели отнеслись к этому сообщению скорее недоверчиво, чем удивленно, ибо миссис Беннет достаточно самоуверенно и не слишком вежливо возразила, что он полностью заблуждается, а всегда несдержанная и часто прямолинейная Лидия воскликнула:

— О, мой бог! Сэр Уильям, как вы можете рассказывать такие сказки! Разве вы не знаете, что мистер Коллинз хочет жениться на Лиззи?

Стерпеть такое бесцеремонное обращение без раздражения мог разве что вышколенный придворный, однако благовоспитанность сэра Уильяма позволила ему остаться невозмутимым, и заверяя, что все сказанное совершенно достоверно, он выслушал все их дерзости терпеливо и вежливо.

Элизабет чувствовала, что просто обязана помочь ему выйти из неприятного положения, поэтому она заговорила, подтвердив его слова, и добавила, что еще раньше услышала все это от самой Шарлотты, а затем, желая положить конец восклицаниям своей матери и сестер, она обратилась к сэру Уильяму с искренними поздравлениями, к которым с готовностью присоединилась и Джейн. Элизабет на все лады расписывала счастье, которое может принести этот брак, а также чудесный характер мистера Коллинза и столь небольшое расстояние от Хансфорда до Лондона.

Честно говоря, миссис Беннет была настолько потрясена, что почти ничего не сказала вплоть до ухода сэра Уильяма, однако стоило ему уйти, как все ее чувства тотчас выплеснулись наружу. Во-первых, она заявила, что вся эта история совершенно неправдоподобна, во-вторых, она была совершенно уверена, что мистер Коллинз попал в переплет, в-третьих, она заверяла, что они никогда не будут счастливы вместе, и в-четвертых, что эта помолвка может быть расторгнута. Из всего этого натуральным образом проистекали два вывода. Первый — что истинной причиной всех этих напастей была Элизабет, а второй — что все с ней обходятся просто по-варварски. Оба эти утверждения она подробно комментировала в течение всего дня. Ничто не могло ее утешить, и никто не мог ее умиротворить. Одного дня для праведного негодования оказалось мало. Пролетела целая неделя, прежде чем она смогла смотреть на Элизабет без упреков, прошел месяц, прежде чем она стала спокойно разговаривать с сэром Уильямом и леди Лукас, и много месяцев, прежде чем она смогла простить их дочь.

Мистер Беннет реагировал на все случившееся гораздо спокойнее, и поскольку у него был некоторый опыт в этих делах, он утверждал, что эта история его даже позабавила, и особенно его порадовало, что Шарлотта Лукас, которую он привык считать достаточно здравомыслящей, оказалось такой же глупой, как и его жена, и даже глупее, чем его собственная дочка.

Джейн должна была признать, что ее несколько удивила помолвка мистера Коллинза, однако она говорила не столь о своем удивлении, сколько о своих искренних пожеланиях счастья жениху и невесте, и даже Элизабет не оказалась в силах убедить ее, что это счастье вряд ли вообще возможно. Китти и Лидия были совершенно далеки от того, чтобы завидовать мисс Лукас, ведь мистер Коллинз был всего лишь священником, и они рассматривали эту помолвку как одну из новостей, о которой следовало развонить по всему Меритону.

Леди Лукас не могла не ощущать радости от удовольствия похвастать перед миссис Беннет о том, что ее дочь столь удачно выходит замуж, и она чаще обычного заглядывала в Лонгборн, чтобы рассказать, насколько она счастлива, хотя мрачных взглядов и колких замечаний миссис Беннет казалось хватало, чтобы развеять любое счастливое настроение.

Элизабет и Шарлотта держались друг с другом принужденно, это заставляло их обеих хранить молчание и не обсуждать тему помолвки, и Элизабет чувствовала, что прежних доверительных отношений между ними никогда уже не будет. Разочарованность в подруге заставила Элизабет уделять больше внимания судьбе Джейн, в прямотушии и тактичности которой она была уверена, и чьи убеждения были непоколебимы. Однако с каждым днем Элизабет все больше волновалась о ее счастье, поскольку со времени отъезда Бингли прошла уже неделя, а о его возвращении ничего не было слышно.

Джейн быстро настрочила ответ на письмо Кэролайн и прикидывала, как скоро можно будет снова получить от нее весточку. Обещанное благодарственное письмо от мистера Коллинза было доставлено во вторник. Оно было адресовано их отцу и было преисполнено такой глубокой признательности, которую могло вызвать пребывание в гостях по меньшей мере в течение двенадцати месяцев. Выполнив, таким образом, свой долг, он информировал затем, употребляя самые возвышенные выражения, о своем счастье обрести расположение их очаровательной соседки мисс Лукас, а потом объяснял, что только ради возможности получать удовольствие от общения с ней он так рьяно принял их приглашение еще раз увидеться в Лонгборне, куда он

надеется по возможности прибыть через две недели в понедельник, ибо леди Кэтрин, добавляя он далее, настолько сердечно одобрила этот его брак, что пожелала увидеть эту церемонию как можно скорее, и он уверен, что это обстоятельство может стать бесспорным аргументом для его милейшей Шарлотты, чтобы она поскорее назвала день, который сделает его самым счастливым человеком на свете.

Возвращение мистера Коллинза в Хартфордшир больше уже не радовало миссис Беннет. Напротив, теперь она, как и ее супруг, скорее была склонна сетовать по поводу этого визита. Довольно странно, что мистер Коллинз собирался остановиться в Лонгборне, а не в Лукас Лодже, ведь это было неудобно и связано с многочисленными хлопотами. Она ненавидела принимать гостей в доме когда ее самочувствие находилось в расстроенном состоянии, а из всех визитеров влюбленные молодые люди были самыми неприятными. Постоянные сетования миссис Беннет по этому поводу прерывались лишь еще большими огорчениями, связанными с долгим отсутствием мистера Бингли.

Джейн и Элизабет это также тревожило. Один день пролетал за другим, а о Бингли не было никаких сведений кроме разве распространившегося вскоре по Меритону слуха, что он вообще не приедет в Незерфилд в течение всей зимы. Этот слух вызывал у миссис Беннет крайнее раздражение, и она пользовалась любым случаем, чтобы обозвать его наискандальнейшей выдумкой.

Даже Элизабет начала побаиваться — не отсутствия чувств у мистера Бингли, а скорее того, что его сестрам удастся удерживать его подальше от Лонгборна. Она не хотела утвердиться в этой мысли, которая была столь разрушительной для счастья Джейн и бросающей тень сомнения на ее избранника, однако мысль эта снова и снова возникала в ее голове. Она опасалась, что совместные козни его злонамеренных сестер и его могущественного друга, подкрепленные привлекательностью мисс Дарси и развлечениями в Лондоне, окажутся слишком сильными для его привязанности.

Что же до самой Джейн, то неопределенность от этого ожидания она воспринимала более болезненно, чем Элизабет, однако какие бы чувства она не испытывала, она старалась их скрывать, поэтому тема эта в разговорах между ней и Элизабет никогда не всплывала. Однако подобная деликатность была совершенно несвойственна их матери, и редкий час пролетал без ее разговоров о Бингли. Она выражала свое нетерпение по поводу его отсутствия и даже требовала, чтобы Джейн признала, как с ней недостойно обойдутся, если он вообще не вернется. Джейн требовались все ее бесконечное терпение и мягкость, чтобы спокойно выносить эти нападки.

Мистер Коллинз наиточнейшим образом приехал в понедельник через две недели, однако его приняли в Лонгборне далеко не так радушно, как во время первого визита. Тем не менее, он настолько был переполнен своим счастьем, что едва ли нуждался во внимании; и его любовные переживания, к удовольствию всех окружающих, в значительной степени избавляли семейство Беннетов от общения с ним. Большую часть дня он проводил в Лукас Лодже, и когда он возвращался в Лонгборн, ему порой едва хватало времени, чтобы извиниться за долгое отсутствие, перед тем, как все члены семейства расходились по спальням.

Миссис Беннет пребывала в поистине печальном состоянии духа. Наималейшее упоминание о чем-либо, имеющем отношение к женитьбе мистера Коллинза, вызывало у нее пароксизмы желчного подшучивания, при этом ей казалось, что куда бы она ни шла, все только и говорили об этой свадьбе. Сам вид мисс Лукас вызывал у

ней отвращение. Считая, что та рано или поздно вытеснит ее из своего дома, миссис Беннет бросала на нее ревнивые злобные взгляды. Каждый раз, когда Шарлотта заглядывала их навестить, ей начинало казаться, что та уже предвкушает обладание ее хозяйством, а когда Шарлотта о чем-то тихо беседовала с Коллинзом, миссис Беннет была убеждена, что разговор идет о лонгборнском поместье и об ее изгнании вместе с дочерьми из дома сразу после кончины ее мужа. На все это она горько жаловалась мистеру Беннету.

— В самом деле, мистер Беннет, — говорила она, — как тяжело думать, что Шарлотта Лукас когда-нибудь станет хозяйкой в этом доме. Я должна буду убраться с ее пути и уступить ей свое место!

— Моя дорогая, не стоит давать волю столь мрачным мыслям. Будем надеяться на лучшее. Давайте утешать себя тем, что мне удастся пережить Коллинза.

Это не слишком утешило миссис Беннет, и вместо ответа она снова завела прежнюю песню:

— Мне невыносимо думать, что они заполучат все наше имение. Если бы оно доставалось не по праву наследования, я бы еще не возражала....



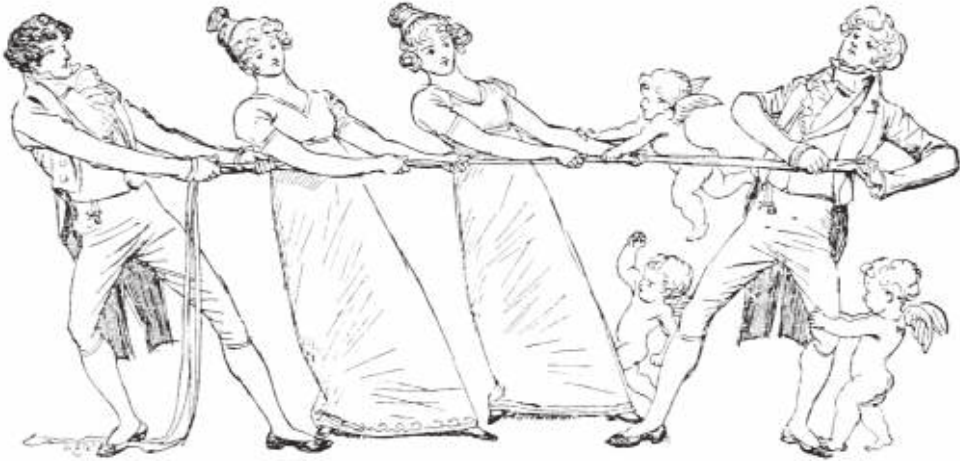
— Не возражала против чего?

— Против чего угодно!

— Будем же благодарны, что вы сохранены от состояния такой неопределенности.

— Я никогда не смогу быть благодарной, мистер Беннет, за что-либо, имеющее отношение к этому дурацкому закону о наследовании. Как только у людей хватает совести отнимать имение у дочерей его законного владельца; я этого просто не понимаю. И все это ради мистера Коллинза! Чем он это заслужил?

— Предоставляю ответ на этот вопрос на ваше усмотрение, — ответил мистер Беннет.



ГЛАВА XXIV

Когда от мисс Бингли было получено письмо, все сомнения были развеяны. В первой же фразе выражалась уверенность, что все они обосновались в Лондоне на всю зиму, а далее она выражала сожаление, что ее брат не смог должным образом перед своим отъездом отдать дань уважения своим друзьям в Хартфордшире.

Всякая надежда решительно и бесповоротно была потеряна, и когда Джейн смогла дочитать письмо до конца, она не обнаружила в нем ничего, что могло бы ее утешить, кроме казенных формулировок по поводу дружеских чувств автора. Все остальное главным образом было посвящено восхвалению мисс Дарси; снова перечислялись ее многочисленные достоинства, Кэролайн с радостью хвасталась их растущей близостью и мечтала об осуществлении своих надежд, о которых она говорила в первом письме. Она также с большой радостью сообщала, что ее брат свободно входит в дом мистера Дарси, и с восхищением писала о намерении последнего сменить некоторую мебель.

Элизабет, которой Джейн сразу же изложила большую часть написанного, выслушала все с молчаливым негодованием. В своем сердце она испытывала сочувствие к сестре и в равной степени негодование на всех прочих. Утверждениям Кэролайн, что ее брат равнодушен к мисс Дарси, она не доверяла. В том, что он по-настоящему увлечен Джейн, она, как и раньше, не сомневалась, но как бы она ни была к нему расположена, она не могла без гнева и даже без определенного презрения думать о его бесхарактерности и нерешительности, благодаря которым его коварные друзья превращали его в своего послушного раба, и ради своих капризов и пристрастий заставляли жертвовать счастьем. И если бы при этом он жертвовал только своим счастьем, он мог бы им распоряжаться, как бы считал нужным, однако в эту историю была вовлечена и его сестра; поэтому, как ей казалось, он должен быть более осмотрительным. Короче, это была тема, над которой она постоянно размышляла, не находя никакого успокоения. Она просто не могла думать о чем-то другом — на самом ли деле Бингли охладел к Джейн, или его чувства подавляются под влиянием его друзей, знает ли он о глубине привязанности Джейн, или он не заметил ее чувств? Как бы то ни было, все

это могло изменить ее отношение к Бингли, однако от этого положение бедняжки Джейн не менялось, и ее душа в любом случае страдала.

Прошел день или два, прежде чем Джейн набралась смелости поговорить о своих переживаниях с Элизабет, однако когда однажды миссис Беннет после долгого ворчания по поводу Незерфида и его хозяина оставила их вдвоем, Джейн, не смогла удержаться и сказала:

— О, как бы мне хотелось, чтобы моя дорогая маман лучше владела собой! Она совершенно не представляет, какую боль она мне доставляет своими постоянными разговорами о нем. Однако, я не должна жаловаться. Долго это не продлится. Вскоре он будет забыт, и все пойдет по-прежнему.

Элизабет посмотрела на сестру озабоченно и недоверчиво, но ничего не сказала.

— Ты во мне сомневаешься! — воскликнула, слегка покраснев, Джейн. — Но у тебя нет для этого причин. Я смогу вспоминать его как самого милого из знакомых мне молодых людей, но не более того. Мне не на что надеяться, нечего опасаться, и не в чем его упрекать. Слава богу, от этой муки я избавлена. Поэтому нужно лишь немного времени, и мне наверняка станет лучше.

Затем она добавила более уверенно:

— По крайней мере, я могу утешать себя тем, что все это лишь не более, чем игра моего воображения или ошибка с моей стороны, и кроме меня это никому не причинит вреда.

— Моя дорогая Джейн, — воскликнула Элизабет, — ты слишком добра! Твое добродушие и твоя самоотверженность поистине ангельские. Не знаю, что тебе и сказать. Мне кажется, я тебя никогда не ценила и не любила так, как ты этого заслуживаешь.

В ответ мисс Беннет отмахнулась от подобных восхвалений своих достоинств, приписав их теплым родственным чувствам сестры.

— Нет, Джейн, — парировала Элизабет, — это несправедливо. Ты считаешь всех хорошими, и тебя расстраивает, если я о ком-либо говорю плохо, но как только я назвала тебя доброй, ты сама же против этого и восстала. Не бойся, что я начну думать так о многих, я не собираюсь покушаться на твою привилегию видеть во всем только хорошее. Ты не должна этого опасаться. На свете очень мало людей, которых я люблю, и еще меньше тех, о коих я хорошего мнения. Чем больше я наблюдаю мир, тем больше я в нем разочаровываюсь, каждый день подтверждает мою убежденность в несовершенстве человеческой натуры; на проявления порядочности и здравого смысла совершенно невозможно полагаться. В последние дни я столкнулась с двумя такими случаями. Об одном из них мне упоминать не хочется, а второй — это замужество Шарлотты. Это совершенно непостижимо, с какой стороны ни посмотри!

— Лиззи, милая, не поддавайся подобным чувствам. Они разрушат твое душевное спокойствие. Ты не учитываешь соотношение обстоятельств и личности. Подумай о респектабельности мистера Коллинза и рассудительности Шарлотты, о ее здравом смысле. Вспомни, что она из многодетной семьи, и к счастью для всех ее домашних это очень удачный брак, и будь готова поверить для общего блага, что она может в какой-то степени чувствовать уважение и расположение к нашему кузену.

— Ради тебя я бы попыталась поверить во что угодно, но от такой веры едва ли кому-нибудь станет легче, потому что, если бы меня убедили, что Шарлотта чувствует к Коллинзу какое-то расположение, я лишь стала бы думать о ее уме хуже, чем я теперь думаю о ее сердце. Моя дорогая Джейн, мистер Коллинз — тщеславный, напы-

щенный, уzkолобый и глупый человек, и ты это, как и я, прекрасно знаешь, и ты, как и я, должна понимать, что женщина, выходящая за него замуж, не идет правильным и естественным путем. И не пытайся ее защищать, несмотря на то, что это Шарлотта Лукас. Ты не должна ради одного человека менять свои взгляды на честность и добропорядочность, и ты не должна убеждать себя или меня в том, что эгоизм — это благоразумие, а пренебрежение чувствами может обеспечить счастье.

— Мне кажется, твои суждения о каждом из этих двоих слишком резки, — ответила Джейн, — и я надеюсь, что ты сама в этом убедишься, когда увидишь, как они будут счастливы вместе. Однако, хватит об этом. Вначале ты намекнула на кой-кого еще, говоря о двух случаях. Разумеется, я поняла о ком это ты, но умоляю тебя, Лиззи, не причиняй мне боль, обвиняя этого человека, не говори, что ты дурного о нем мнения. Мы ведь далеки от мысли, что нам решили навредить умышленно. И мы не должны ожидать, что молодой и живой юноша всегда будет осмотрителен и осторожен. Нас часто обманывает не что иное, как наше собственное тщеславие. Мимолетному восхищению женщиной часто придают большее значение, чем оно того заслуживает.

— А мужчины стараются, чтобы так и было.

— Если это делается по расчету, этому нет оправданий, однако я не могу поверить, что расчетливость настолько распространена на свете, как думают некоторые.

— Я далека от мысли приписывать мистеру Бингли какую бы то ни было расчетливость, — сказала Элизабет, — однако даже без злого умысла и не стремясь сделать кого-то несчастным, можно совершить ошибку и причинить душевную боль. К этому приводят беспечность, недостаток внимания к чувствам других людей, нерешительность...

— И ты вменяешь нечто подобное ему в вину?

— Да все это. Однако если я буду продолжать в том же духе и говорить все, что я думаю о людях, которые тебе дороги, я опять тебя расстрою. Останови меня, пока не поздно.

— Значит, ты настаиваешь, что на него влияют сестры?

— Да, вместе с его другом.

— Я не могу в это поверить. Почему они хотят на него повлиять? Они же должны хотеть ему счастья, а если он меня любит, то с любой другой он не сможет быть счастливым.

— Ты ошибаешься в первом предположении. Помимо его счастья, они могут стремиться ко многому; они могут хотеть увеличения его благосостояния и вытекающих отсюда последствий, поэтому они могут подталкивать его к женитьбе на девушке из высшего общества, обладающей деньгами, связями и достоинством.

— И без сомнения, они бы хотели, чтобы он выбрал мисс Дарси, — ответила Джейн, — однако они могут исходить и из более благородных побуждений, чем ты предполагаешь. Они знают ее гораздо дольше, чем меня; не удивительно, что они относятся к ней лучше. Однако, каковы бы ни были их желания, маловероятно, что они станут перечить своему брату. Какая сестра чувствовала бы себя вправе так поступать со своим братом, не сочтя это предосудительным? Если бы они сочли, что он испытывает ко мне чувства, они бы не стали пытаться нас разлучить, а даже если и так, такая попытка была бы безуспешной. Предполагая у него такие чувства, ты считаешь, что все действуют неправильно и дурно, и меня это ужасно расстраивает. Не надо делать меня несчастной, настаивая на своем. Я не стыжусь своей ошибки, или, по крайней

мере, почти не стыжусь, и это чувство — ерунда по сравнению с необходимостью думать плохо о нем или о его сестрах. Позволь мне видеть все это в лучшем свете, в котором их поведение выглядит для меня понятным и приемлемым.

Элизабет не могла воспротивиться такому желанию, и с тех пор имя Бингли почти не упоминалось в разговорах между ними. Однако миссис Беннет все еще продолжала сокрушаться и сетовать, что он не возвращается, и хотя редкий день проходил без того, чтобы Элизабет не объясняла ей истинное положение дел, было мало шансов, что их мать сможет воспринимать эту ситуацию с меньшим недоумением, ведь ее дочь старалась ее убедить в том, во что и сама не верила — что его внимание к Джейн было следствием легкого мимолистного увлечения, которое быстро прошло, как только она исчезла из его поля зрения, и хотя со временем миссис Беннет стала принимать допустимость такого объяснения, Элизабет приходилось ей это растолковывать каждый день. Утешало миссис Беннет лишь то, что мистер Бингли должен был снова приехать к ним летом.

Мистер Беннет отнесся ко всей этой истории иначе.

— Итак, Лиззи, — сказал он однажды, — насколько я вижу, твоя сестра безнадежно влюбилась. Я ее поздравляю. Девушки любят время от времени разбивать себе сердца почти так же, как выходить замуж. Есть о чем подумать, и к тому же это выделяет их среди подруг. А когда придет твоя очередь? Ты ведь вряд ли будешь долго терпеть, что Джейн обходит тебя на повороте? Самое время. В Меритоне столько офицеров, чтобы смутить всех девиц в округе. Может, это будет Уикхем? Он приятный малый, и вполне мог бы составить тебе пару.

— Благодарю вас, сэр, но меня устроил бы и менее шикарный кавалер. Не всем же нам должно везти, как Джейн.

— Верно, — ответил мистер Беннет, — и как приятно думать, что как бы дела не сложились, у тебя есть заботливая мать, которая всегда извлечет из любой ситуации максимум пользы.

Общение с мистером Уикхемом помогло многим членам семьи Беннет развеять мрачные настроения, которые преследовали их последнее время в Лонгборне. Они часто его видели, и в результате поняли, что помимо прочих качеств, для него была характерна абсолютная прямота. Все, о чем Элизабет уже слышала — его претензии к мистеру Дарси, что он от него пострадал — все теперь во всеуслышание провозглашалось и обсуждалось прилюдно, и всем было приятно сознавать, насколько они правильно не любили Дарси еще до того, как им стали известны подобные вещи.

Джейн Беннет была единственным человеком, который мог предполагать, что в этом деле могут быть какие-то смягчающие обстоятельства, пока неизвестные жителям Хартфордшира, ее мягкость и неизменная кротость всегда взывала к снисхождению и предполагала возможные недоразумения, но все остальные осуждали мистера Дарси как последнего негодяя.



ГЛАВА XXV

После недели, проведенной в любовных разговорах и обсуждениях будущего счастья, мистер Коллинз был вынужден покинуть свою любезную Шарлотту; его отъезд состоялся в субботу. Однако боль разлуки с его стороны смягчалась хлопотами, связанными с приемом невесты, ибо он имел основания надеяться, что вскоре после его следующего приезда в Хартфордшир будет назван день, который сделает его самым счастливым человеком на земле. Он покинул своих родственников в Лонгборне столь же торжественно, как и в первый раз, снова пожелав здоровья и счастья своим прелестным кузинам и пообещав их отцу прислать второе благодарственное письмо.

В следующий понедельник миссис Беннет имела удовольствие принять своего брата и его жену, которые прибыли в Лонгборн, чтобы по обыкновению, провести здесь Рождество. Мистер Гардинер был здравомыслящим и обходительным человеком, неизмеримо превосходившим свою сестру как по душевному складу, так и по образованности. Дамам из Незерфилда было бы трудно поверить, что человек, занятый торговлей и вечно крутящийся возле своих складов с товарами, мог быть так хорошо воспитан и так приятен в общении. Миссис Гардинер была на несколько лет моложе миссис Беннет и миссис Филипс; это была приятная, умная, приветливая и изящная женщина. Лонгборнские племянницы души в ней не чаяли. Особенно тесные отношения сложились у нее с двумя старшими мисс Беннет — они порой гостили у нее в Лондоне.

Первой заботой миссис Гардинер после приезда в Лонгборн было раздать подарки и описать новейшие веяния моды. Когда с этим было покончено, она была вынуждена принять на себя менее активную роль. Настало время слушать. У миссис Беннет было много поводов пожаловаться, и было о чем сетовать. Со времени их последней встречи все они натерпелись всякого. Две ее дочери были в шаге от замужества, а потом все расстроилось...

— Я не упрекаю Джейн, — говорила миссис Беннет. — Если бы она могла, то получила бы своего мистера Бингли. Но Лиззи! Ах, сестра, вы не можете себе представить, как тяжело думать, что, если бы не ее вредный характер, она уже сейчас была бы миссис Коллинз! Он сделал ей предложение в этой самой комнате, а она ему отказала. И в результате дочь леди Лукас выйдет замуж раньше моей, а Лонгборнское име-



Первой заботой миссис Гардинер после приезда в Лонгборн было раздать подарки.

ние по-прежнему уплывает от нас по закону наследования. Эти Лукасы — весьма хитроумные люди, сестра. Всегда готовы заполучить свое. Мне неловко так о них говорить, однако это правда. Я и так вся на нервах, плохо себя чувствую, меня изводят домашние, а тут еще эти соседи, которые думают только о себе. Хорошо, что вы приехали именно теперь, это просто прекрасно, и я счастлива узнать от вас, что нынче в моде длинные рукава!

Миссис Гардинер уже была знакома с большинством этих новостей в результате переписки с Джейн и Элизабет, поэтому она довольно кратко ответила своей невестке и из сочувствия к племянницам сменила тему разговора.

Оставшись позже с Элизабет наедине, она снова вернулась к предыдущему разговору.

— По-видимому, для Джейн это и впрямь была бы желанная партия, — сказала она. — Жаль, что все расстроилось! Однако подобные истории случаются весьма часто. Молодые люди вроде описанного вами мистера Бингли очень легко влюбляются на пару недель в хорошеньких девушек, а когда обстоятельства разделяют их, они легко их забывают; такого рода непостоянство случается очень часто.

— Прекрасное утешение в своем роде, — сказала Элизабет, — однако не в нашем случае. Мы страдаем не по воле случая. Не часто так случается, когда вмешательство друзей убеждает независимого молодого человека перестать думать о девушке, в которую он был безумно влюблен всего лишь несколько дней назад.

— Однако выражение «безумно влюблен» настолько избито, сомнительно и неопределенно, что почти мне ничего не объясняет. Его так же часто употребляют по отношению к чувствам, вспыхнувшим и после получасового знакомства, и к по-настоящему глубокой привязанности. Скажи мне, умоляю, насколько сильно был влюблен мистер Бингли?

— Я никогда ранее не видела более глубокого увлечения. Все остальные для него просто исчезали, он был поглощен ею одной. С каждым разом это становилось заметнее. Во время бала, который он же и устроил, он обидел двух или трех юных леди, не пригласив их на танец, я сама заговаривала с ним дважды, не получая ответа. Могут ли быть более явные доказательства? Разве невнимание к окружающим не самое достойное проявление любви?

— О, да! Именно такую влюбленность по моим представлениям и должен был испытывать мистер Бингли. Бедная Джейн! Мне жаль ее, потому что после всего случившегося она не сразу оправится. Лучше бы это случилось с тобой, Лиззи; ты бы сумела посмеяться над всем этим гораздо быстрее. Как ты думаешь — сможем ли мы ее уговорить поехать с нами в Лондон? Смена обстановки пойдет ей на пользу, равно как и отдых от домашних и всего прочего.

Это предложение очень обрадовало Элизабет, и она была убеждена, что ее сестра охотно согласится.

— Надеюсь, — добавила миссис Гардинер, — это не вызовет у нее воспоминаний об этом молодом человеке. Мы живем в совершенно другой части города, и наши знакомства не пересекаются, и как тебе хорошо известно, мы настолько редко показываемся из дому, что их встреча представляется почти невероятной, если только он сам не заявится ее навестить.

— А это совершенно невозможно, поскольку он нынче находится под надзором своего друга, и мистер Дарси просто не позволит, чтобы он поехал навестить Джейн в этой части Лондона. Моя дорогая тетя, как вы вообще могли такое представить!

Наверняка мистер Дарси что-то слышал о Грейсчерч-стрит, и наверняка он думает, что ему и месяца не хватит, чтобы очиститься от грязи, которая могла бы пристать к нему в этих местах, окажись он там. А что касается мистера Бингли, то он и не пошевелится без его одобрения.



— Тем лучше. Надеюсь, они вообще не встретятся. Однако, разве Джейн не состоит в переписке с его сестрой? Вряд ли мисс Бингли сможет не навестить ее.

— Думаю, она полностью прекратит это знакомство.

Однако несмотря на уверенность, с которой Элизабет высказала эту мысль, как и ту, еще более интригующую, что мистеру Бингли не позволят встретиться с Джейн, она чувствовала некоторое беспокойство по этому поводу, которое говорило ей, что, возможно, дело не так безнадежно, как кажется. Ведь могло так случиться,

и порой она полагала это возможным, что чувства мистера Бингли могут воскреснуть, и влияние его друзей будет побеждено под влиянием более естественной привязанности к Джейн.

Мисс Беннет с удовольствием приняла приглашение ее тетушки. Джейн надеялась, что Кэролайн жила отдельно от брата, поэтому она могла бы видеться с ней по утрам, не опасаясь встретиться с Бингли; иначе она о нем в этой связи не думала.

Гардинеры провели в Лонгборне неделю. Не проходило и дня, чтобы к ним не заглядывали Филиппы, Лукасы или офицеры ***ширского полка. Миссис Беннет старалась так усердно развлекать брата и невестку, что они ни разу не поужинали в узком семейном кругу. Если гости собиравась в их доме, несколько офицеров всегда составляли им компанию. Среди них, разумеется, был и мистер Уикхем. Миссис же Гардинер, наслушавшись о нем восторженных отзывов Элизабет, внимательно приглядывалась к нему и к своей племяннице. Из того, что она подметила, нельзя было предполагать, что они были всерьез влюблены друг в друга, однако, их явной взаимной симпатии было достаточно, чтобы слегка ее встревожить, и она решила обязательно поговорить с Элизабет перед своим отъездом, и предупредить ее, насколько неосторожно было бы поощрять подобное увлечение.

Для миссис Гардинер мистер Уикхем оказался любопытен благодаря одному обстоятельству, не связанному с его неизменным обаянием. Лет десять или двенадцать тому назад, еще до замужества, она довольно долго прожила в той части Дербишира, выходцем из которой он был. Поэтому у них оказалось много общих знакомых, и хотя Уикхем бывал там нечасто с тех пор, как умер отец мистера Дарси, он был в состоянии рассказать ей более свежие новости о ее прежних друзьях, чем те, которыми она располагала.

Миссис Гардинер была знакома с Пемберли, и очень хорошо знала Дарси-старшего, и это давало им неисчерпаемую тему для разговоров. Сравнение ее воспоминаний о Пемберли с его детальным описанием Уикхема, ее восторженные похвалы в адрес его последнего владельца — все это доставляло им огромное удовольствие. Узнав, как поступил с Уикхемом нынешний мистер Дарси, она попыталась вспомнить все, что слышала о нем, когда тот был еще подростком, и в конечном счете припомнила, как ранее говорили, что юный Фицуильям Дарси обладает гордым и злокозненным нравом.



ГЛАВА XXVI

При первой же возможности поговорить с Элизабет наедине миссис Гардинер выполнила свое намерение предостеречь ее и тактично поделилась с ней своей тревогой. После того, как она честно сказала, что думает, она добавила:

— Ты слишком разумная девушка, Лиззи, чтобы влюбиться просто потому, что я тебя от этого предостерегаю, поэтому я не боюсь говорить открыто. Правда, мне бы хотелось, чтобы ты была настороже. Не увлекайся и старайся не увлекать его; это будет весьма неблагоприятно и ни к чему хорошему не приведет, вы ведь небогаты. Я ничего не имею против него, он весьма интересный молодой человек, и если бы он был настолько богат, как того заслуживает, ты не могла бы поступить лучше, выбрав его. Однако, это не так, и ты не должна позволить себе им увлечься. Тебе присуще здравомыслие, и мы все надеемся, что ты будешь им руководствоваться. Твой отец полагается на твою рассудительность и благоразумное поведение. Ты не должна его разочаровывать.

— Дорогая тетюшка, все это очень серьезно.

— Конечно. И я надеюсь, что ты и вести себя будешь также серьезно.

— Ну, беспокоиться вам совершенно не стоит. Я позабочусь и о себе, и о мистере Уикхеме. Если я смогу этому помешать, он ни за что в меня не влюбится.

— Элизабет, не стоит шутить.

— Прошу прощения. Попробую объяснить снова. В данный момент я не влюблена в мистера Уикхему. Совершенно определенно — нет. Однако он вне всякого сомнения самый приятный молодой человек из всех, кого я когда-либо видела, и если бы он всерьез мной увлекся... надеюсь, было бы лучше, если бы этого не случилось. Я вижу, как это было бы неосторожно. Ах, этот ужасный мистер Дарси! Конечно, я ценю высокое мнение отца обо мне, и мне было бы больно потерять его доверие. Однако мой отец весьма расположен к мистеру Уикхему. Короче, дорогая тетушка, мне было бы очень больно расстроить любого из вас, однако мы каждый день видим — там, где чувства сильны, сиюминутное стремление к богатству не может удержать влюбленных. И как же я могу обещать быть благоразумнее своих сверстниц перед таким искушением? И как мне знать, мудро ли вообще ему противостоять? Поэтому все, что я могу обещать вам, это не торопиться. Я не буду спешить убеждать себя, что стала главной целью его внимания. Находясь с ним рядом, я не буду к этому стремиться. Короче, сделаю, что смогу.

— Может быть для этого тебе нужно намекнуть ему, что не стоит так часто здесь появляться? По крайней мере, тебе не следует напоминать матери приглашать его.

— Как я поступила недавно, не так ли? — спросила Элизабет с деланной улыбкой. — Это правда, для меня было бы разумнее от этого удерживаться. Однако не думайте, что он уж так часто здесь бывает. На этой неделе его приглашали так часто только из-за вас. Вы же знаете — маман постоянно хлопочет, чтобы гости всегда были окружены ее знакомыми. Я буду стараться поступать благоразумно. Надеюсь, вы удовлетворены?

Тетушка заверила, что удовлетворена, Элизабет поблагодарила ее за доброту и участие, а затем они расстались, являя прекрасный пример того, как можно без обид принять совет столь деликатного свойства.

Мистер Коллинз вернулся в Хартфордшир вскоре после отъезда Гардинеров и Джейн, однако на этот раз он обосновался у Лукасов, поэтому его прибытие не причинило особых хлопот миссис Беннет. День его бракосочетания быстро приближался, и она уже настолько смирилась с неизбежностью этого события, что порой говорила лобным голосом, что «желает им всяческого счастья».

День свадьбы выпал на четверг, и в среду мисс Лукас нанесла свой прощальный визит. Когда она собралась уходить, Элизабет было неловко, сколь неохотно и нелюбезно ее мать пожелала ей на прощанье всего хорошего, и она с искренним чувством проводила Шарлотту до двери. Когда они спускались вниз по лестнице, та сказала:

— Надеюсь, Элиза, ты будешь мне очень часто писать.

— Конечно, будь уверена.

— И хочу попросить тебя еще об одном одолжении. Ты приедешь меня навестить?

— Надеюсь, мы будем часто видеться в Хартфордшире.

— Я вряд ли покину Кент в ближайшее время. Поэтому пообещай мне приехать в Хансфорд.

Элизабет не смогла отказаться, хотя и предвидела, что особого удовольствия этот визит ей не доставит.

— В марте меня должны навестить мой отец и Мария, — добавила Шарлотта, — и я надеюсь, что ты сможешь составить им компанию. Правда, Элиза, я буду столь же рада видеть тебя, как и каждого из них.

Бракосочетание состоялось, жених с невестой уехали в Кент прямо из церкви, и по обычаю все обсуждали это событие. Вскоре Элизабет получила от своей подруги весточку, их переписка стала такой же оживленной, как и раньше, хотя о прежней откровенности говорить уже не приходилось. Обращаясь к ней в письме, Элизабет чувствовала, что вся прелесть их душевной близости пропала, и она поддерживала переписку на должном уровне ради отношений, которые были между ними в прошлом, а не тех, что существовали теперь. Первые письма Шарлотты были прочитаны с большим интересом, Элизабет было весьма любопытно узнать, как она станет описывать свой новый дом, как ей понравится леди Кэтрин, и насколько она осмелится писать о своем счастье. Однако, читая эти письма, Элизабет видела, что по каждому пункту Шарлотта высказывается именно так, как она заранее от нее ожидала. Шарлотта писала бодро, словно была окруженная всеми возможными удобствами, и не упоминала ничего, чем она могла быть недовольна. Дом, обстановка, соседи и дороги — все ее удовлетворяло, а леди Кэтрин вела с ней себя весьма дружелюбно и любезно. Все, что она описывала, напоминало немного сглаженную картину Хансфорда и Розингса в изложении мистера Коллинза, и Элизабет понимала, что понять все остальное она сможет, только дождавшись своего собственного визита в Хансфорд.

Джейн уже написала своей сестре несколько строк, сообщая ей о своем благополучном прибытии в Лондон, и Элизабет надеялась, что в следующем письме она сможет рассказать что-нибудь о семействе Бингли.

Нетерпение, с которым она ожидала это второе письмо, было вознаграждено также, как обычно вознаграждается любое нетерпение. Джейн провела в столице неделю, но так и не встретилась с Кэролайн и ничего о ней не слышала. Она объясняла это, полагая, что ее последнее отправленное из Лонгборна письмо подруге по какой-то причине было потеряно.

«Моя тетушка, — продолжала она, — собирается завтра в ту часть города, и я воспользуюсь этой возможностью заглянуть на Гровнор-стрит».

Она написала следующее письмо уже после этого визита и после того, как увиделась с мисс Бингли. «Думаю, что Кэролайн была не в духе, — сообщала она, — но она была очень рада меня видеть и упрекала меня лишь за то, что я не сообщила ей о своем приезде в Лондон. Таким образом я оказалась права — мое последнее письмо до нее не дошло. Естественно, я поинтересовалась, как поживает ее брат. Он здоров, но так много времени проводит с мистером Дарси, что они его почти не видят. Мне сообщили, что они ожидают к обеду мисс Дарси, и мне очень хотелось на нее взглянуть. Однако мой визит был недолгим, поскольку Кэролайн и миссис Херст должны были куда-то уйти. Смею надеяться, что скоро увижу их у себя».

Читая это письмо, Элизабет качала головой. Из него следовало, что мистер Бингли лишь благодаря случаю сможет узнать, что Джейн находится в Лондоне.

Прошло четыре недели, а Джейн так о нем ничего и не услышала. Она пыталась убедить себя, что ничуть не сожалеет об этом, но она не была слепа и прекрасно замечала невнимание к себе мисс Бингли. Каждое утро в течение двух недель начиналось для нее с ожидания, и каждый вечер она изобретала для нее новые оправдания, пока, наконец, гостья не появилась. Однако краткость ее визита, и скорее даже манера поведения не позволяли Джейн и далее себя обманывать. Письмо, которое она отправила после этого визита, достаточно красноречиво говорило о ее чувствах.

«Я уверена, что моя дражайшая Лиззи не способна будет торжествовать, когда узнает, что была права на мой счет, — писала Джейн, — я должна признаться, что обманулась в отношении мисс Бингли ко мне. Однако, дорогая моя сестра, хотя события и доказали твою правоту, не считай меня упрямецей, если я все еще утверждаю и нынче, что учитывая ее поведение в прошлом, моя расположенность к ней была не менее естественной, чем твоя подозрительность. Я совершенно не могу понять причин, благодаря которым она искала со мной доверительных отношений, и если подобная ситуация повторилась бы, я вне всяких сомнений снова бы обманулась. Кэролайн ответила на мой визит лишь вчера, а до этого я не получила от нее ни весточки, ни строчки. Как только она появилась, стало ясно, что эта встреча ее совершенно не радует. Она лишь слегка и чисто формально извинилась, что не взглянула раньше, ничего не сказала о желании увидеть меня снова и во всех отношениях казалась настолько изменившейся, что когда она ушла, я была совершенно твердо настроена не продолжать с ней знакомство. К сожалению, я не могу ее не осуждать. Она поступала неправильно, выделяя меня среди знакомых, и я могу с уверенностью сказать, что каждый новый шаг к сближению делала именно она. Однако мне ее жаль, потому что она должна была сознавать, что поступает неправильно, к тому же я совершенно уверена, что ее поведение было вызвано беспокойством за брата. Нет необходимости искать иных объяснений, мы-то с тобой знаем, что ее беспокойство совершенно безосновательно, но если она его испытывает, это может легко объяснять ее поведение по отношению ко мне. Она ведь так печется о своем брате, что любая ее забота о нем представляется естественной и понятной. Однако меня удивляют ее нынешние страхи, потому что, если бы он хоть чуточку думал обо мне, мы должны были встретиться уже давным давно. Он знает, что я в Лондоне, я в этом уверена исходя из того, что она сама об этом что-то говорила, и все же по ее тону было заметно — она словно убеждала себя в том, что он в действительности равнодушен к мисс Дарси. Я этого не понимаю. И если бы я не боялась быть слишком резкой в своих суждениях, меня бы все время соблазняло сказать, что во всем этом явно проявляется двуличие. Однако я буду стараться отгонять от себя все мрачные мысли и думать только о вещах, которые приносят мне счастье: о твоей дружбе и о неизменной любезности моих дорогих дяди и тети. Надеюсь получить от тебя весточку как можно скорее. Мисс Бингли сказала что-то насчет того, что ее брат никогда не вернется в Незерфилд и откажется от аренды, но говорила она это не слишком уверенно. Пожалуй, нам лучше об этом не упоминать. Я очень рада, что у тебя хорошие вести от наших друзей в Хансфорде. Умоляю, проведай их вместе с сэром Уильямом и Марией. Уверена, тебе там понравится.

Твоя и т. д. ».

Это письмо доставило Элизабет некоторую боль, однако она воспрянула духом, подумав, что Джейн больше не будет обманываться хотя бы в отношении его сестры. Всяческие надежды на самого мистера Бингли остались в прошлом. Она теперь даже и не хотела, чтобы он снова стал уделять внимание ее сестре, настолько низко он пал в ее глазах. Элизабет даже надеялась на скорый его брак с мисс Дарси, Джейн от этого только бы успокоилась, а для самого Дарси он стал бы заслуженным наказанием, ибо по свидетельству Уикхема, Джорджиана могла бы заставить его пожалеть о том, чем он во имя ее пренебрег.

Примерно в это же время миссис Гардинер напоминала Элизабет о ее обещании касательно мистера Уикхема и попросила сообщить ей новости, но то, что Элизабет

могла написать по этому поводу ей в ответ, было гораздо приятнее для ее тетушки, чем для нее самой. Его кажущаяся склонность к ней совершенно исчезла, он больше не оказывал ей внимания и ухаживал за кем-то еще. Элизабет была достаточно наблюдательной, чтобы это заметить, но она замечала это и писала об этом без душевного надрыва. Ее сердце было задето лишь слегка, а ее тщеславие удовлетворялось верой, что если бы это позволило его финансовое положение, он бы остановил свой выбор только на ней. Внезапное приобретение десяти тысяч фунтов было главным достоинством юной леди, на которую он теперь хотел произвести впечатление, однако Элизабет, может быть более предвзятая в данном случае, чем в истории с Шарлоттой, не сердилась на него за его стремление к независимости. Наоборот, что могло быть более естественным? И хотя она допускала в душе, что отказ стоил ему некоторой борьбы, она была готова признать этот шаг разумным для них обоих, и могла бы совершенно искренне пожелать ему счастья.

Все это было рассказано миссис Гардинер. Изложив все эти обстоятельства, Элизабет продолжила в своем письме так:

«Теперь я убедилась, дорогая тетушка, что не была по-настоящему влюблена, ведь если бы я и впрямь испытала это чистое и возвышенное чувство, то сейчас одно его имя вызывало бы у меня раздражение, и я желала бы ему всяческих бед. Однако я не отношусь тепло не только к нему, но и в равной степени к мисс Кинг. Я не нахожу в себе в целом никакой к ней ненависти или не хочу думать о ней как о славной девушке. Это вообще не могло быть любовью. Моя осторожность была не напрасной, ведь если бы я действительно была в него безнадежно влюблена, все знакомые охотно бы об этом судачили, и я не могу сказать, что сожалею о своей скромной судьбе. Внимание может стоить порой очень дорого. Китти и Лидия приняли его побег гораздо ближе к сердцу, чем я. Они еще слишком молоды, и, познавая пути нашего мира, они еще не открыли для себя ужасную истину, что симпатичные молодые люди должны, как и все прочие, на что-то жить».



ГЛАВА XXVII

Январь и февраль прошли в Логнборне без особых событий для семейства Беннетов, их жизнь разнообразилась лишь походами в Меритон, иногда по раскисшим, а порой по замерзшим дорогам. В марте Элизабет должна была навестить Хансфорд. Сначала она несерьезно относилась к этой поездке, однако постепенно убедилась, что Шарлотта рассчитывает на этот план, и постепенно начала рассматривать этот визит и как неизбежность, и как предстоящее развлечение. Разлука увеличила ее желание снова повидать Шарлотту и ослабила отвращение к мистеру Коллинзу. Реализация этого плана сулила новизну, а поскольку жизнь с такой матерью и такими несносными младшими сестрами под одной крышей вряд ли можно было назвать безупречной, небольшие изменения пошли бы ей только на пользу.

Помимо всего прочего эта поездка позволяла ей взглянуть на Джейн. Короче, чем ближе становилась дата отъезда, с тем большим огорчением она бы восприняла любую ее отсрочку. Все, однако, шло довольно гладко, и в конечном счете первоначальный план Шарлотты был принят за основу. Компанию Элизабет должны были составить сэр Уильям и его вторая дочка. В последний момент было предложено переночевать в Лондоне, и в результате утрясенный план поездки стал в высшей степени безукоризненным.

Единственное, что смущало Элизабет, так это разлука с отцом, который, безусловно, ощущал бы ее отсутствие; когда же пришло время отъезда, он так не хотел с ней расставаться, что попросил ему написать и почти обещал черкнуть в ответ.

Прощание с мистером Уикхемом было совершенно дружеским, с его стороны даже сердечным. Его новое увлечение не позволило ему забыть, что именно на Элизабет он впервые обратил свое внимание, именно ее речи он слушал, именно ей впервые восхищался, и в том, как он с ней простился, пожелав всего хорошего, напомнив, чего она может ожидать от леди Кэтрин де Бург, а также о том, что их мнения об этой даме и обо всех прочих всегда совпадали, чувствовалась забота и внимание, благодаря которому он должен был завоевать самое искреннее уважение Элизабет. Она рассталась с ним, будучи убеждена, что, холостой или женатый, он навсегда останется для нее образцом приятного и любезного молодого человека.

На следующий день общение Элизабет со своими попутчиками не развеяло это впечатление. Сэр Уильям Лукас и его дочь Мария, девушка добропорядочная, но такая же пустоголовая, как и ее папаша, не сказали ничего, что заслуживало бы ее внимание, их болтовню она слушала почти с тем же интересом, что и перестукивание колес повозки. Люди с причудами всегда нравились Элизабет, однако она знала сэра Уильяма слишком давно, и он уже не мог сообщить ей ничего нового, рассказывая о своем представлении ко двору и о посвящении в рыцари, а его любезности были такими же затасканными, как и эта его история.

До Грейсчерч-стрит было всего двадцать четыре мили, но они выехали настолько рано, что были там уже к полудню. Когда они подъезжали к дому мистера Гардинера, Джейн стояла у окна прихожей, поджидая их появление. Они пошли по дорожке к дому, а она вышла наружу, чтобы их поприветствовать. Глянув внимательно ей в лицо, Элизабет была рада увидеть, что она как обычно здорова и весела. На лестнице их поджидала целая группка детишек; стремление увидеть, как выглядит их кузина, не позволило им остаться в гостиной, а застенчивость после года разлуки мешала подойти ниже. Встреча была радостной и веселой. День прошел замечательно: до обеда была общая суматоха и походы по магазинам, а вечером — посещение одного из театров.

Элизабет удалось сесть рядом со своей тетушкой. Разговор крутился в основном вокруг Джейн, и она была скорее огорчена, чем удивлена, когда в ответ на свои многочисленные вопросы услышала, что хотя та и старается держаться, у нее порой бывают периоды уныния. Вместе с тем стоит надеяться, что они не продлятся долго. Миссис Гардинер рассказала ей также подробности визита мисс Бингли на Грейсчерч-стрит и о своих многочисленных беседах в разное время с Джейн, которые свидетельствовали, что та сердечно хотела покончить с этим знакомством.

Затем, говоря о дезертирстве Уикхема, миссис Гардинер подбодрила свою племянницу и похвалила ее за то, как прекрасно она это перенесла.



На лестнице их поджидала целая группа детишек.

— Кстати, моя дорогая, — добавила она, — что из себя представляет эта мисс Кинг? Мне бы не хотелось думать, что наш общий знакомый — человек расчетливый.

— Тетушка, умоляю, да где разница в матримониальных делах между расчетливостью и разумными соображениями? Где заканчивается рассудительность и начинается алчность? На прошлое Рождество вы опасались, что он женится на мне, поскольку это было бы неблагоразумно, а нынче, когда он пытается заполучить девушку, у которой всего десять тысяч фунтов приданого, вы хотите считать его алчным.

— Если ты мне расскажешь, что собой представляет эта мисс Кинг, я смогу об этом судить.

— Я верю, что она очень славная девушка. Не могу сказать о ней ничего плохого.

— Однако он совершенно не обращал на нее внимание, пока кончина ее деда не сделала ее обладательницей целого состояния.

— Не обращал, да и с чего бы? Если из-за моей бедности он не мог искать моего расположения, какой был ему резон крутить с девушкой столь же небогатой, к которой он был совершенно равнодушен?

— Однако это представляется несколько неприличным, что он обратил на нее внимание сразу после кончины ее деда.

— Человеку в бедственном финансовом положении просто может не хватать времени на все эти изящные приличия, которые могут себе позволить все прочие, и если она не возражает, почему мы должны беспокоиться по этому поводу?

— Она не возражает, но и не оправдывает его. Это лишь доказывает, что ей самой чего-то не хватает, то ли ума, то ли чувств.

— Ладно, — воскликнула Элизабет, — пусть будет, как вы считаете: он корыстен, а она дура.

— Нет, Лиззи, я совсем так не считаю. Ты же знаешь — мне было бы неприятно так думать о молодом человеке, который столь долго прожил в Дербишире.

— А!.. Ну, если дело только в этом, у меня весьма скверное мнение о молодых людях, живущих в Дербишире, и их закадычные дружки, живущие в Хартфордшире, не намного лучше. Меня от них всех тошнит. Слава богу, завтра направляюсь туда, где увижу человека без единой положительной черты; у него нет ни манер, ни ума, чтобы их демонстрировать. В конце концов, глупцы — единственные люди, с которыми стоит водить знакомство.

— Осторожней, Лиззи, в твоих словах чувствуется горечь разочарования.

Прежде чем окончание пьесы положило конец их беседе, Элизабет неожиданно обрадовало приглашение принять участие в увеселительном путешествии, которое мистер и миссис Гардинер собирались предпринять будущим летом.

— Мы еще не решили, как далеко оно нас уведет, — сказала миссис Гардинер. — Возможно, мы доберемся до Озерного края.

Ничто более не могло так обрадовать Элизабет; она быстро приняла это приглашение с искренней благодарностью.

— Моя милая, милая тетушка, — восторженно воскликнула она, — какое счастье! Как это здорово! Вы придаете мне свежие силы и энергию. Прощайте, разочарование и сплин! Что люди по сравнению со скалами и горами? Сколько у нас будет времени на переходы! А когда мы вернемся, мы не будем походить на тех путешественников, которые ни о чем не могут толком рассказать. Уж мы-то поведаем, и где

были, и припомним все, что видели. Озера, горы и реки не перепутаются в нашем восприятии, и мы не станем ссориться, описывая, где расположено какое-нибудь замечательное место, и спорить, где именно оно расположено, а ведь так оно обычно и бывает. И пусть наше повествование о первых впечатлениях не будет столь же несносным, как рассказы большинства путешественников.



ГЛАВА XXVIII

На следующий день все, что привлекало внимание Элизабет, казалось ей новым и интересным. Она находилась в приподнятом настроении, поскольку видела, что Джейн выглядит прекрасно, и за ее состояние можно было не опасаться, а перспектива поездки на север страны постоянно порождала в ней радостные мысли.

Когда они свернули с главной дороги в сторону Хансфорда, все стали высматривать приходский домик, который мог появиться после каждого нового поворота. С одной стороны дороги тянулась ограда Розингс парка, и Элизабет не смогла сдержать улыбку, когда вспомнила все рассказы о его обитателях.

Наконец, они увидели домик священника. Спускающийся к дороге сад, дом в его глубине, поросшие мхом камни ограды, живая лавровая изгородь — все говорило о том, что они, наконец, приехали. Возле дверей дома появились мистер Коллинз и Шарлотта, повозка остановилась у небольшой калитки, от которой к дому вела дорожка из гравия; хозяева кланялись и улыбались. Через мгновение все вышли из экипажа, гости и Коллинзы с удовольствием принялись друг друга рассматривать. Миссис Коллинз поприветствовала свою подругу самым

сердечным образом, и Элизабет, видя, с каким удовольствием ее принимают, все больше и больше радовалась, что приехала сюда. Она сразу поняла, что женитьба ничуть не изменила манер ее кузена; он по обычаю был напыщенно многословен, чем задержал ее на несколько минут у калитки, подробно расспрашивая о всех членах семейства Беннет. Затем их провели в дом без лишнего промедления, если не принимать во внимание, что мистер Коллинз специально обратил их внимание на оформление парадного входа, и как только они оказались в прихожей, он начал весьма казенно их приветствовать по второму разу в связи с посещением своей скромной обители и буквально дословно повторил все предложения его супруги располагаться как можно удобнее.

Элизабет готова была увидеть Коллинза во всем своем блеске, и ей трудно было удержаться от ощущения, что, указывая на расположение комнат, их пропорции и обстановку, он обращался в основном к ней, словно хотел дать ей почувствовать, чего она лишилась, отклонив его предложение. Однако несмотря на то, что все выглядело уютно и мило, она не смогла его порадовать ни единым вздохом раскаяния и с удивлением поглядывала на свою подругу — было странно, как ей удастся выглядеть столь жизнерадостно с таким спутником жизни.

Когда мистер Коллинз говорил нечто, что могло бы смутить его супругу, а это без сомнения происходило нередко, Элизабет невольно бросала взгляд на Шарлотту. Раз или два она заметила на ее щеках слабый румянец, однако в целом она мудро предпочитала ничего такого просто не слышать. После того, как они просидели достаточно долго, чтобы налюбоваться каждым находящимся в комнате предметом, от серванта до каминной решетки, а потом описать их путешествие и рассказать все, что случилось в Лондоне, мистер Коллинз предложил им пройти в обширный и прекрасно оборудованный сад, за которым он ухаживал сам. Работа в саду была для него одним из самых любимых удовольствий, и Элизабет восхищенно наблюдала за самообладанием Шарлотты, которая рассуждала о пользе физических упражнений и уверяла, что поощряет в этом своего супруга.

Здесь, проведя гостей вдоль и поперек своего сада по всем его дорожкам и едва давая им время высказывать свое одобрение, которого он от них добивался, мистер Коллинз обращал их внимание на каждый панорамный вид, сообщая о нем такие подробности, от которых его красота просто испарялась. Он мог указать число полей, простиравшихся в каждом направлении, и сообщал, сколько деревьев насчитывается в самой отдаленной куще. Однако из всех прекрасных видов, которыми могли похвастать его сад, графство, или даже королевство, ни один не мог сравниться с видом, который открывался на Розингс почти от самого его дома между окаймлявшими парк деревьями. В перспективе виднелось красивое современное здание, удачно расположенное на склоне холма.

Из своего сада мистер Коллинз собирался провести гостей по двум своим лугам, однако у дам не было подходящей обуви, чтобы уберечь их ноги от подтаявшего снега, и они повернули обратно. С мистером Коллинзом остался сэр Уильям, а Шарлотта позвала сестру и подругу в дом; возможно, она была рада похвастать им в отсутствие мужа. Дом был относительно небольшим, но хорошо выстроенным и удачно спланированным. В нем каждая вещь была на своем месте; Шарлотта обустроила все основательно и со вкусом, которому Элизабет не могла не отдать должное. Если бы можно было позабыть о существовании мистера Коллинза, везде

ощущался истинный дух комфорта, и, судя по довольному виду Шарлотты, Элизабет могла заключить, что о нем, должно быть, забывают нередко.

Элизабет уже было известно, что леди Кэтрин все еще живет за городом. Об этом снова заговорили за обедом, и присоединившийся к беседе мистер Коллинз заметил:

— О, да, мисс Элизабет, вам посчастливится увидеть леди Кэтрин де Бург в ближайшее воскресенье в церкви, и нет нужды говорить, что вы будете от нее в восторге. Она — само воплощение учтивости и снисходительности, и я не сомневаюсь, что вы удостоитесь толики ее внимания после окончания службы. Я могу почти без колебаний заявить, что она начнет включать вас и мою сестру Марию во все приглашения, которыми она одарит нас за время вашего здесь пребывания. Она относится к моей дражайшей Шарлотте с таким вниманием. Каждую неделю мы дважды обедаем в Розингсе, и нам никогда не позволяли возвращаться домой пешком. Нас всегда поджидал экипаж ее светлости. Я хотел сказать, один из экипажей, поскольку у нее их несколько.

— Леди Кэтрин и вправду весьма респектабельная и рассудительная дама, — добавила Шарлотта. — И она очень внимательная соседка.

— Именно, моя дорогая, как раз об этом я и говорю. Она относится к той категории женщин, для которых любое почтение не может оказаться чрезмерным.

Вечер прошел главным образом за обсуждением новостей из Хартфордшира и перепевами того, о чем уже было написано, и когда все закончилось, Элизабет, оставшись одна в своей комнате, стала думать о степени удовлетворенности Шарлотты своей жизнью, чтобы понять насколько правильно и хладнокровно та поступила в отношении своего мужа, и в результате пришла к выводу, что все было сделано наилучшим образом. Она также смогла предвидеть, как дальше будет протекать ее визит в Хансфорд: размеренные беседы и совместные занятия с подружкой, досадно прерываемые назойливостью мистера Коллинза, радость встреч с кем-нибудь в Розингсе; все это Элизабет очень живо представила в своем воображении.

Примерно в середине следующего дня, когда она одевалась в своей комнате для прогулки, снизу раздался неожиданный шум, который, как показалось, привел весь дом мистера Коллинза в смятение. Прислушавшись на мгновение, она поняла, что кто-то весьма поспешно поднимается вверх по лестнице, громко выкрикивая ее имя. Элизабет открыла дверь и увидела на пороге Марию, которая, задыхаясь от волнения, выпалила:

— Элиза, дорогая! Умоляю, скорее! Поспешите в столовую. Там такое! Это надо видеть, но я вам не скажу, что. Скорее, спускайтесь сейчас же!

Напрасно Элизабет задавала вопросы, Мария не желала ей больше ничего говорить, и обе побежали, чтобы взглянуть на это чудо, в столовую, окна которой выходили на улицу. Речь шла о двух дамах, фаэтон которых остановился у садовой калитки.

— И это все? — воскликнула Элизабет. — Я решила по меньшей мере, что в палисадник забралась свинья, а это всего лишь леди Кэтрин и ее дочь.

— Да, что вы, дорогая моя! — ответила Мария, явно возмущенная такой ошибкой. — Это вовсе не леди Кэтрин. Пожилая дама — это миссис Дженкинсон, она живет вместе с ней, а другая — это мисс де Бург! Только взгляните на нее. Она такая маленькая! Кто бы мог подумать, что она такая тоненькая и маленькая!



Мистер Коллинз и Шарлотта стояли возле калитки и беседовали с приехавшими дамами.

— С ее стороны грубо и невоспитанно держать Шарлотту на улице в такую ветреную погоду. Почему она не хочет зайти в дом?

— Шарлотта говорит, что она почти никогда не заходит. Само по себе появление мисс де Бург в доме — милость с ее стороны.

— Мне нравится, как она выглядит, — сказала Элизабет в тот время, как ей в голову пришла странная мысль, — болезненная и сердитая. Да, она отлично ему подойдет — станет для него вполне подходящей женой.

Внимание Элизабет занимал также стоявший на пороге сэр Уильям, который почтительно разглядывал представшую пред ним величественную даму и кланялся каждый раз, когда мисс де Бург бросала взгляд в его сторону.

Наконец, разговор был окончен, дамы уехали, а все остальные вернулись в дом. Как только мистер Коллинз увидел обеих юных леди, он тут же начал поздравлять их с большой удачей; ее суть разъяснила Шарлотта, сообщив, что всех их пригласили завтра отобедать в Розингсе.



ГЛАВА XXIX

Торжество мистера Коллинза в связи с полученным приглашением было полным, ведь он как раз стремился продемонстрировать гостям величие своей покровительницы и дать им возможность убедиться в ее любезности по отношению к себе и своей супруге. К тому же возможность все это показать наступила столь скоро, и была столь явной демонстрацией благосклонности со стороны леди Кэтрин, что он и не знал, как и реагировать на такое счастье.

— Признаюсь, — сказал он, — я бы, пожалуй, не слишком удивился, если бы ее светлость предложила нам выпить с ней чаю и провести воскресный вечер в Розингсе. Зная о ее любезности, я даже был склонен ожидать, что это произойдет. Однако кто бы мог предугадать такое внимание с ее стороны! Кто мог бы представить, что мы получим приглашение на обед, к тому же для всей нашей компании, так скоро после вашего приезда!

— Меня это удивляет немного меньше, — заметил сэр Уильям, — поскольку мое положение в жизни позволяет судить о поведении и обычаях великих мира сего. При дворе примеры столь галантного поведения вовсе нередки.

В течение дня и на следующее утро все только и говорили, что о визите в Розингс. Мистер Коллинз подробно рассказывал всем, что они там могут увидеть, чтобы вид таких апартаментов, такого количества прислуги и столь богато накрытого стола не лишил их дара речи.

Прежде чем дамы отправились переодеваться, он сказал Элизабет следующее:

— Дорогая кузина, вы можете не беспокоиться по поводу вашего костюма. Леди Кэтрин далеко не так требовательна в отношении туалета по отношению к нам, как к себе и своей дочери. Я бы лишь посоветовал вам надеть какое-нибудь платье, которое вы считаете лучше прочих, этого будет вполне достаточно. Если вы будете одеты достаточно просто, леди Кэтрин не станет относиться к вам хуже, ей нравится демонстрировать некоторую разницу в общественном положении.

Пока все одевались, он два или три раза подходил к каждой двери и советовал поспешить, поскольку леди Кэтрин весьма не любит, когда ей приходится ждать обеда. Столь утрашающие рассказы о ее светлости и ее привычках перепугали Марию Лукас, которая была не приучена к высшему свету, и в результате она стала ожидать своего представления в Розингсе с таким же трепетом, с каким ее отец ждал когда-то своего представления ко двору.

Поскольку погода стояла прекрасная, они прошли по парку около полумили пешком. Каждый парк имеет особую красоту и свои особенности, и Элизабет с удовольствием им любовалась, хотя и без того восторга, который, по мнению мистера Коллинза, они могли вызвать; она была лишь слегка удивлена, когда он назвал ей число окон на фасаде дома и во что обошлось остекление всего особняка сэру Льюису де Бургу.

Пока они поднимались по ступенькам, волнение Марии усиливалось, и даже сэр Уильям не чувствовал себя совершенно спокойным. Элизабет же оставалась невозмутимой. Она не слышала, чтобы леди Кэтрин обладала какими-то выдающимися талантами или особыми добродетелями, а что же до богатства и знатности, то она полагала, что сможет взирать на них без трепета.

Из прихожей, в которой мистер Коллинз восторженно указал всем на размеры этого помещения и на красоту его лепнины, они прошли за слугами через холл в комнату, в которой сидели леди Кэтрин, мисс де Бург и миссис Дженкинсон. Ее светлость снизошла до того, чтобы подняться и поприветствовать гостей, а поскольку миссис Коллинз заранее договорилась со своим супругом, что возьмет церемонию представления прибывших в свои руки, знакомство совершилось должным образом, без излишних извинений и расшаркиваний, которые ее муж считал бы необходимыми в такой ситуации.

Несмотря на то, что сэр Уильям однажды побывал даже в Сент-Джеймсе, он был настолько ошеломлен окружающим великолепием, что у него хватило смелости лишь отвести низкий поклон и затем, не говоря ни слова, занять свое место, а его дочка, перепуганная почти до бесчувствия, села на самый красешек стула, не зная, куда и глянуть. Элизабет же чувствовала себя совершенно спокойно и могла спокойно рассмотреть трех расположенных перед ней дам.

Леди Кэтрин была рослой крупной женщиной с резко выраженными чертами лица, которое когда-то можно было назвать красивым. Выглядела она не слишком любезно, ее поведение не позволяло гостям забыть о своем более низком ранге. Она не вводила гостей в ступор грозным молчанием, но все ею сказанное говорилось авторитарным тоном, подчеркивавшим ее значимость. Элизабет вспомнила, что именно такой ее и описывал мистер Уикхем. Наблюдая за ней в течение всего вечера, она решила, что леди Кэтрин точно соответствует представленному им портрету.

Рассмотрев хозяйку дома, в чертах и жестах которой Элизабет вскоре уловила некоторое сходство с мистером Дарси, она взглянула затем на ее дочь и почти так же,

как Мария, была удивлена ее худобой и маленьким ростом. Ни в лице, ни в фигуре между этими двумя дамами не было никакого сходства. Мисс де Бург была бледной и болезненной. Ее лицо нельзя было назвать некрасивым, но оно было каким-то невыразительным. Говорила она очень мало, лишь бросив тихим голосом несколько фраз миссис Дженкинсон, в облике которой не было ничего примечательного. Та лишь слушала, что говорила ей воспитанница, и бросила замечание по поводу положения стоящего перед ней каминного экрана.

После того, как гости посидели минут пять, их пригласили к одному из окон полюбоваться видом. Мистер Коллинз пошел за ними, расхваливая открывающиеся из окна красоты, а леди Кэтрин любезно сообщила, что ими еще лучше любоваться в летнее время.

Обед был совершенно великолепен, они лицезрели всех слуг и всю сервировку — все, что обещал им в своих рассказах мистер Коллинз. Как он и предсказывал, по желанию ее светлости ему было предоставлено место напротив хозяйки дома. Выглядел он при этом так, как будто и пожелать ничего лучшего в жизни не мог. Он ел, работая ножом, громогласно восхищался и комментировал каждое вновь подаваемое блюдо. Сначала говорил он, а потом сэр Уильям, который уже достаточно пришел в себя, чтобы эхом повторять слова зятя. Элизабет с любопытством наблюдала, как леди Кэтрин не только сносила эти слащавые славословия, но казалась была даже довольна этим чрезмерным восхищением; она одаривала их снисходительными улыбками, особенно когда поданное блюдо было для них совершенно новым. Трапеза не слишком оживлялась беседой. Элизабет готова была ее поддержать, если бы начался настоящий разговор, однако она сидела между Шарлоттой и мисс де Бург. Первая была целиком поглощена тем, что слушала леди Кэтрин, а вторая во время всего обеда не сказала Элизабет ни слова. Миссис Дженкинсон главным образом следила, как ела ее подопечная, она уговаривала ее попробовать еще какое-нибудь блюдо и беспокоилась, что той нездоровится. Марии казалось, что она не в состоянии выдать из себя ни слова, а джентльмены только лишь ели и восхищались.

Когда дамы вернулись в гостиную, всем пришлось выслушивать разглагольствования леди Кэтрин, которые безостановочно продолжались, пока не подали кофе. При этом она высказывала свои мнения по любому поводу с решительностью, доказывавшей, что не привыкла к возражениям. Леди Кэтрин довольно бесцеремонно и в подробностях расспрашивала Шарлотту о ее домашних хлопотах, надавала целую кучу советов, как надо с ними управляться, как все должно быть организовано в столь маленьком хозяйстве, как у нее, и проинструктировала, как надо ухаживать за коровами и птицей. Элизабет поняла, что ни одна мелочь не ускользает от внимания этой важной дамы, если она дает ей повод поучать окружающих. Отвлекаясь временами от беседы с миссис Коллинз, она обращалась с различными вопросами к Марии и Элизабет, и в особенности ее интересовала последняя, о родне которой ей было известно очень мало, и которую она считала со слов миссис Коллинз вполне приятной и симпатичной девушкой. Она спрашивала на разные лады у Элизабет, сколько у нее сестер, старше они или моложе, не собирается ли кто-нибудь из них выходить замуж, красивы ли они и где воспитывались, какой выезд держит ее отец и какова была девичья фамилия ее матери. Элизабет чувствовала бесцеремонность таких расспросов, однако отвечала довольно подробно. Затем леди Кэтрин заметила:

— Я слышала, имение вашего отца перейдет по наследству к мистеру Коллинзу. Это в ваших интересах, — сказала она, обернувшись к Шарlotte, — однако я вообще-то не одобряю, что женщины не могут наследовать имущество по своей линии. В семействе сэра Льюиса де Бурга не следовали этому правилу. Я слышала, вы поете и играете, мисс Беннет?

— Немного.

— О! В таком случае будем рады как-нибудь вас послушать. У нас превосходный инструмент, вероятно, лучший в своем роде... Вы должны как-нибудь его опробовать. Ваши сестры тоже поют и играют?

— Одна из них.

— Отчего же не все? Нужно было учить их всех. В семействе Уэбб играли все дочери, а доход у их отца даже меньше, чем у вашего. Вы рисуете?

— Увы, нет.

— Как, ни одна из вас?

— Ни одна.

— Это странно. Однако, я полагаю, у вас просто не было возможности. Вашей матери следовало бы каждую весну привозить вас в столицу, чтобы вы брали уроки.

— Наша мать не возражала, но отец ненавидит Лондон.

— Ваша гувернантка от вас съехала?

— У нас никогда не было гувернантки.

— Не было гувернантки? Как это возможно? Пять дочерей растут в доме без гувернантки! Я никогда о подобном не слышала. Должно быть, ваша мать трудилась как рабыня для вашего воспитания!

Элизабет едва сдержала улыбку, уверяя, что это не так.

— Так кто же тогда вас обучал? И кто за вами присматривал? Без гувернантки вы были предоставлены самим себе?

— По сравнению с некоторыми другими семьями, думаю, так и было, однако для тех из нас, кто хотел учиться, недостатка не было ни в чем. Нас всегда стимулировали читать, и у нас были необходимые наставники. Ну, а те из нас, кто предпочитал лениться, имел для этого полную возможность.

— Ну, да... Без сомнения. Однако этому и должна препятствовать гувернантка. Если бы я была знакома с вашей матерью, я бы самым решительным образом посоветовала ей кого-нибудь нанять. Я всегда говорю, что в образовании ничего нельзя добиться без постоянных и регулярных занятий, а их можно обеспечить только при наличии гувернантки. Просто удивительно, скольким семьям я помогла таким советом. И я всегда рада помочь молодой особе подыскать подходящее место. Благодаря мне были прекрасно пристроены четыре племянницы миссис Дженкинсон, и буквально на днях я порекомендовала другую юную особу, с которой меня довольно случайно познакомили, и в семье остались ей очень довольны. Миссис Коллинз, я вам не говорила, что вчера ко мне заезжала леди Меткалф чтобы меня благодарить? Она считает, что мисс Поуп — истинное сокровище. Она так и заявила: «Леди Кэтрин, вы мне передали настоящее сокровище». А кто-нибудь из ваших младших сестер выезжает в свет, мисс Беннет?

— Да, мадам, все.

— Все? Как это? Все пять одновременно? Очень странно! А вы ведь только вторая дочка в семье! Младшие сестры начали выезжать в свет прежде, чем старшие вышли замуж! Должно быть, ваши младшие сестры совсем юные.

— Да, младшей нет и шестнадцати. Возможно, она и впрямь слишком молода, чтобы вращаться в обществе. Однако, мадам, думаю, было бы весьма жестоко по отношению к младшим сестрам лишить их доли общения и светских развлечений из-за того, что старшие не имели возможности или желания рано выйти замуж, ведь родившаяся последней, имеет такое же право радоваться молодости, как и первая. А если бы это было не так, то, думаю, вряд ли это способствовало сестринской привязанности или развитию в них определенных душевных качеств.

— Честное слово, — заметила ее светлость, — вы высказываетесь довольно решительно для столь юной особы. Любопытно, сколько вам лет?

— У меня три взрослые младшие сестры, — ответила Элизабет, улыбнувшись, — поэтому ваша светлость навряд ли может полагать, что я признаюсь.

Леди Кэтрин выглядела весьма удивленной, не получив прямого ответа, и Элизабет заподозрила, что стала первым человеком, осмелившимся отшутиться от ее нахрапистой бесцеремонности.

— Я уверена, вам не больше двадцати, потому вам нет нужды скрывать свой возраст.

— Мне уже и не двадцать один...

Когда чаепитие было закончено, к ним присоединились джентльмены, и были расставлены карточные столы. Леди Кэтрин, сэр Уильям, мистер и миссис Коллинз уселись за кадрили, а поскольку мисс де Бург захотелось сыграть в казино рояль, двум приезжим юным леди выпала честь вместе с миссис Дженкинсон составить ей партию. За их столиком царил невероятная скука. Едва ли была произнесена и пара слов, не имевших отношения к игре, если не считать постоянных опасений миссис Дженкинсон, что ее подопечной слишком холодно или жарко, слишком мало или много света. За другим столом царил совсем иная атмосфера. Говорила главным образом леди Кэтрин, отмечая ошибки трех других игроков, или рассказывая какую-нибудь историю из своей жизни. Мистер Коллинз был занят тем, что соглашался с любым высказыванием ее светлости, благодарил ее за каждое выигранное очко и извинялся, если считал, что выиграл их слишком много. Сэр Уильям говорил немного. Его голова была в основном забита анекдотами и историями из жизни высшего света.

Когда леди Кэтрин и ее дочь наигрались вдоволь, столы были сложены. Миссис Коллинз был предложен экипаж, та с благодарностью согласилась, и были сделаны необходимые распоряжения. Затем все собрались вокруг камина послушать уверенные соображения леди Кэтрин какую погоду следует ожидать завтра. От выслушивания этих рассуждений их отвлекла подкатившая карета, и после множества благодарственных речей со стороны мистера Коллинза и не менее многочисленных поклонов со стороны сэра Уильяма они распрощались. И как только карета откатила от порога, мистер Коллинз сразу заинтересовался у Элизабет, какое впечатление на нее произвел Розингс, а та ради своей подруги высказалась более благоприятно по сравнению с ее истинными ощущениями. Однако ее похвалы, стоившие ей определенных усилий, ни в коей мере не могли удовлетворить мистера Коллинза, и поэтому через некоторое время он взял в свои руки обязанность по восхвалению ее светлости.



ГЛАВА XXX

Сэр Уильям пробыл в Хансфорде всего неделю, однако этого было достаточно, чтобы он смог убедиться — его дочь устроилась вполне благополучно, и теперь у нее есть такой муж и такие соседи, каких можно встретить не часто. Пока сэр Уильям гостил, мистер Коллинз каждое утро катал его на своем шарабане, чтобы показать ему окрестности, но когда он уехал, все вернулось к своим обычным занятиям. Элизабет была рада, что эта перемена не заставила ее чаще видеть своего кузена; с завтрака до обеда мистер Коллинз теперь либо копался в саду, либо читал или писал, или смотрел из своего кабинета через окно, выходящее на дорогу. Окна комнатки, в которой обычно сидели дамы, выходили во двор. Сначала Элизабет было немного странно, что Шарлотта не хочет оставаться в более просторной столовой, из которой открывался красивый вид, однако вскоре она поняла, что у ее подруги были для этого свои веские резоны — в противном случае мистер Коллинз проводил бы меньше времени в одиночестве, и им приходилось бы дольше оставаться вместе. И Элизабет отдала должное Шарлотте за такое мудрое решение.

Из своей комнаты дамы не могли наблюдать за дорогой, поэтому сведениям о том, какие по ней проезжали экипажи и, в особенности, как часто разъезжает по ней мисс де Бург в своем фаэтоне, они были обязаны мистеру Коллинзу, который никогда не забывал проинформировать их об этом, а это происходило почти ежедневно. Мисс де Бург довольно часто заезжала в Хансфорд. Она в течение нескольких минут беседовала с Шарлоттой, предпочитая почти никогда не выходить из своего экипажа.

Мистер Коллинз посещал Розингс достаточно часто, и почти каждый раз его жена считала необходимым к нему присоединиться. Элизабет сначала не понимала, к чему было жертвовать столькими часами, а потом она сообразила, что в округе могли появиться и другие свободные церковные приходы. Изредка ее светлость сама удостоивала Коллинзов своими визитами, в течение которых ничто не ускользало от ее бдительного ока. Она инспектировала их дела, приглядывала за их работой, советовала делать ее иначе, находила ошибки в расстановке мебели и обнаруживала халатность в работе прислуги, а если она соглашалась перекусить вместе с ними, то, казалось, только ради того, чтобы обратить внимание миссис Коллинз на слишком большие куски мяса, недопустимые для столь скромного семейства.

Элизабет вскоре заметила, что, хотя эта важная дама и не обязана была вмешиваться в мирские дела жителей прихода, она активно брала на себя миротворческие функции, выполнять которые ей помогал мистер Коллинз, информируя о всех мельчайших подробностях разных дел, и если кто-нибудь из селян был чем-то недоволен, скандалил или впадал в бедность, она направлялась в эту деревушку, чтобы уладить разногласия, заставить замолчать скандалистов, принудить их к миру и процветанию.

Развлечение обедами в Розингсе происходило примерно дважды в неделю, и за исключением отсутствия сэра Уильяма и второго карточного стола, все эти развлечения протекали точно так же, как и первое. Остального интересного времяпрепровождения было совсем немного, поскольку образ жизни большинства соседей был за пределами возможностей Коллинзов. Элизабет, впрочем, это нимало не задевало, и в целом она проводила свое время достаточно приятно. Временами она болтала до полудня с Шарлоттой, а погода для этого времени года была столь приятной, что она получала огромное удовольствие от частых прогулок. Ее любимым местом была примыкавшая к ближней стороне парка роща, и когда всех прочих вызывала к себе леди Кэтрин, Элизабет обычно уходила туда и бродила там по дорожке, вдоль которой густо росли деревья. Эй нравилось бывать там; казалось, прелесть этого места ценила только она одна, ведь там она находилась вне досягаемости любопытства ее светлости.

Таким образом первые две недели ее визита прошли очень спокойно. Приближалась Пасха, и за неделю до нее число обитателей Розингса увеличилось, что было, разумеется, важно для столь узкого семейного круга. Вскоре после своего приезда Элизабет услышала, что в течение ближайших нескольких недель здесь ожидают мистера Дарси. И хотя среди ее знакомых было мало людей, которых она хотела видеть менее охотно, его приезд мог бы обогатить ее наблюдения за обитателями Розингса. К примеру, ее могло бы позабавить и его обращение с кухней, которую леди Кэтрин прочила ему в жены, и беспочвенность надежд, которые питала в его отношении мисс Бингли. Леди Кэтрин говорила о его приезде с большим воодушевлением, употребляя при этом самые восторженные выражения, и чуть ли не рассердилась, узнав, что мисс Лукас и Элизабет его уже неоднократно встречали.

О его приезде сразу стало известно в пасторской обители, поскольку мистер Коллинз, стремившийся первым в этом удостовериться, прогуливался в назначенный день по дороге, с которой открывался вид на аллею, ведущую в Хансфорд. Поклонившись экипажу, свернувшему в сторону парка, он быстро направился домой, чтобы сообщить важную новость. Следующим утром он поспешил в Розингс, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Его пришлось выразить двум племянникам леди Кэтрин, поскольку мистер Дарси прихватил с собой еще и полковника Фицуильяма, который



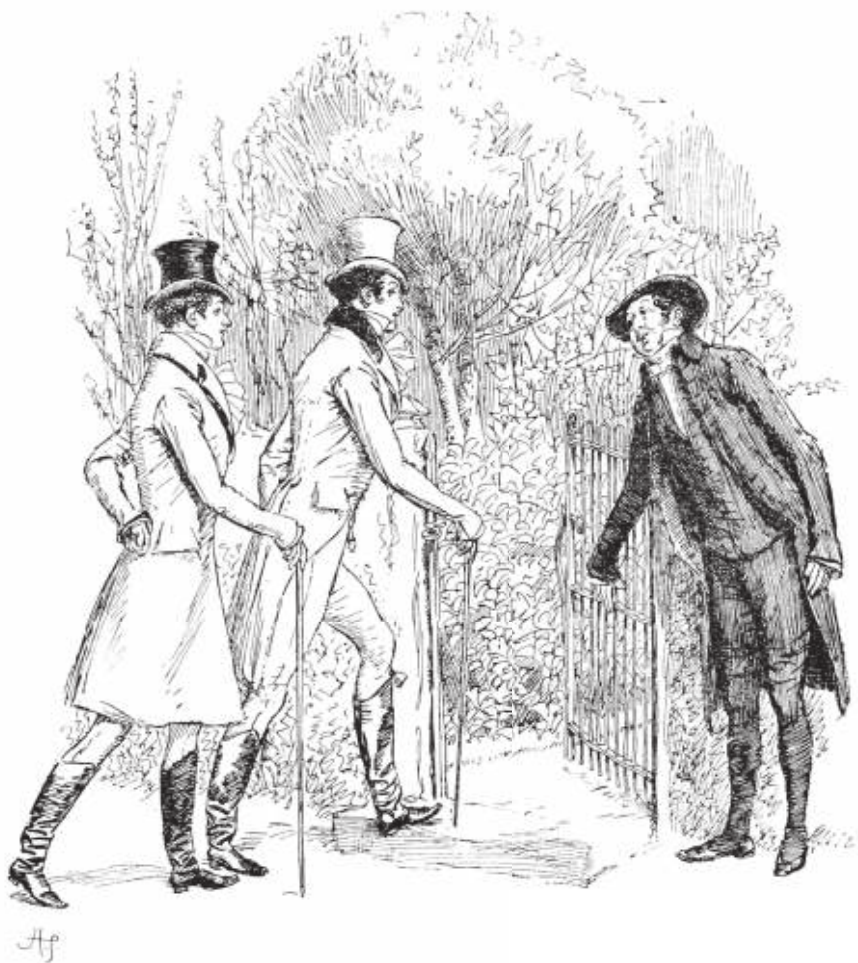
*...она направлялась в эту деревушку, чтобы уладить разногласия, заставить
замолчать скандалистов...*



был младшим сыном его дяди, лорда***, и ко всеобщему удивлению, мистер Коллинз вернулся домой в сопровождении этого джентльмена. Шарлотта, увидев их из окна кабинета своего супруга, когда они пересекали дорогу, тотчас побежала к остальным, сообщила девушкам об ожидавшей их чести и добавила:

— За такой знак внимания я должна быть благодарна тебе, Элиза. Иначе мистер Дарси не навестил бы меня так скоро.

Элизабет едва успела отказаться от претензий на такой комплимент, а о прибытии гостей уже возвестил дверной колокольчик, и вскоре же после этого трое мужчин вошли в комнату. Выступавшему первым полковнику Фицуильяму было около тридцати. Он был не слишком хорош собой, но по манерам и всему облику был истинным джентльменом. Мистер Дарси выглядел в точности так, как его привыкли видеть в Хартфордшире; с обычной сдержанностью он выразил свое почтение миссис Коллинз, и каковы бы ни были его чувства к ее подруге, он встретил ее, соблюдая совершенное хладнокровие. Элизабет слегка кивнула в ответ, не говоря ни слова.



Полковник Фицуильям с готовностью и легкостью воспитанного человека сразу начал беседу. Он говорил приятно и занимательно, однако его кузен, сказав несколько фраз миссис Коллинз по поводу дома и сада, сел и сидел некоторое время, ни говоря никому ни слова. В конце концов у него хватило любезности спросить у Элизабет о здоровье ее семейства. Она ответила ему должным образом и после небольшой паузы, добавила:

— Моя старшая сестра последние три месяца провела в Лондоне. Вам не доводилось ее там встречать?

Она была совершенно уверена, что он, конечно же, ее не видал, однако ей хотелось посмотреть, не выкажет ли он свою осведомленность о том, что произошло между Джейн и семейством Бингли, и ей показалось, что Дарси был слегка смущен, когда говорил, что ему не выпала честь повстречать мисс Беннет. Больше вопрос об этом не поднимался, и вскоре оба джентльмена уехали.



ГЛАВА XXXI

Манеры полковника Фицуильяма произвели на всех в Хансфорде весьма благоприятное впечатление, и дамы чувствовали, что его присутствие значительно увеличивает их удовольствие от посещений Розингса. Прошло, тем не менее, несколько дней, прежде чем они снова были туда приглашены, ведь пока у леди Кэтрин жили ее гости, она не нуждалась в дополнительных посетителях. Чести быть приглашенными они удостоились только на Пасху, почти через неделю после прибытия джентльменов. Леди Кэтрин просила их заехать в Розингс, когда они выходили из церкви. За последнюю неделю они видели леди и ее дочь очень редко. Правда полковник Фицуильям за это время заглянул в дом пастора пару раз, но мистера Дарси они видели только в церкви.

Разумеется, приглашение было принято, и в назначенный час они появились в гостиной леди Кэтрин. Она принимала их весьма любезно, хотя ощущалось, что их общество уже далеко не так желанно, как в те времена, когда она не могла пригласить к себе кого-то еще; нынче она была в основном занята своими племянниками, и беседовала с ними гораздо больше, чем с любыми другими присутствующими, особенно это касалось Дарси.

Казалось, искренне рад их видеть был лишь полковник Фицуильям, поскольку он приветствовал все, что помогало ему бороться со скукой в Розингсе, к тому же очарова-

тельная подруга миссис Коллинз постоянно привлекала его внимание. Вот и теперь он уселся рядом с ней и так увлеченно рассказывал о Кенте и Хартфордшире, о путешествиях и жизни дома, о новых книгах и музыке, что Элизабет получала от этого истинное удовольствие; раньше ей и вполтину не было так интересно во время посещения леди Кэтрин. Мистер Дарси обратил внимание на живость этой беседы и не раз с любопытством на них поглядывал. По-видимому, то же чувство возникло и у ее светлости, потому что через некоторое время она довольно откровенно поинтересовалась:

— Что это вы там говорите, Фицуильям? О чем вы беседуете? Что это вы рассказываете мисс Беннет, позвольте узнать?

— Мы говорим о музыке, — ответил он наконец, когда отмолчаться было уже невозможно.

— О музыке! Тогда, умоляю, говорите погромче. О музыке я люблю беседовать больше всего. Это моя любимая тема. Позвольте присоединиться к вашему обсуждению. Я думаю, в Англии найдется немного людей, которые получали бы от музыки больше удовольствия или ценили бы ее выше, чем я. Если бы меня ей когда-то обучали, я наверняка стала бы профессионалкой высокого уровня. Наверное, такой могла бы стать и Энн, если бы здоровье ей позволяло. Уверена, что она выступала бы восхитительно. Дарси, а как поживает Джорджана?

Мистер Дарси весьма воодушевленно отметил успехи своей сестры.

— Я весьма рада слышать такую оценку ее достижений — сказала леди Кэтрин. — И ради бога, передайте ей от меня, что она не добьется значительных успехов, если не станет постоянно практиковаться.

— Уверю вас, сударыня, что она не нуждается в подобном совете, — ответил мистер Дарси. — Она занимается постоянно.

— Тем лучше. Практики никогда не бывает слишком много, и когда в следующий раз я буду ей писать, то посоветую ни в коем случае не пренебрегать такими занятиями. Я постоянно втолковываю молодым девицам, что совершенства в музыке невозможно добиться без постоянной практики, и я несколько раз говорила мисс Беннет, что она никогда не будет играть достаточно хорошо, если не станет постоянно упражняться; у миссис Коллинз нет своего инструмента, так я ей говорю, что ей здесь постоянно рады — пусть приходит в Розингс хоть каждый день и громко музицирует в комнате миссис Дженкинсон. Вы же знаете, что в этой части дома она никому не помешает.

Мистер Дарси, казалось, был несколько смущен бесцеремонностью своей тетки и ничего не ответил.

Когда кофе было выпито, полковник Фицуильям напомнил Элизабет, что та обещала поиграть ему, и она сразу села за инструмент. Он придвинул к ней свое кресло. Леди Кэтрин дослушала пьесу до середины, а затем, как и раньше, принялась болтать со вторым своим племянником, пока тот не отошел от нее со своим обычным отстраненным видом и не подошел к фортепьяно, встав у него так, чтобы лучше наблюдать за выражением лица хорошенькой исполнительницы. Элизабет это заметила; при первой же удобной паузе она обернулась к нему и с усмешкой сказала:

— Вы хотели смутить меня, мистер Дарси, собираясь столь серьезно внимать моей игре. Однако я отнюдь не встревожена, хотя ваша сестра играет столь хорошо. Я обладаю определенным упрямством, которое не позволяет мне подчиняться чужой воле. Моя смелость лишь возрастает при попытках меня устроить.



— Вы хотели смутить меня, мистер Дарси...

— Я даже не стану говорить, что вы ошибаетесь, — ответил он, — потому что на самом деле вы не верите, что я развлекаю себя столь коварным образом, пытаюсь вас смутить. И я достаточно долго вас знаю, чтобы помнить насколько часто вы находите удовольствие в том, чтобы высказывать суждения, с которыми сами не согласны.

Элизабет искренне рассмеялась над таким о себе суждением; обращаясь к полковнику Фицуильяму, она заметила:

— Ваш кузен может неплохо обрисовать меня и научить вас не верить ни одному моему слову. Мне крайне не повезло повстречаться с человеком, который способен меня разоблачить, а я надеялась в этих местах попользоваться некоей долей доверия. Мистер Дарси, с вашей стороны не великодушно вспоминать все, что вы разузнали о моих злоключениях в Хартфордшире, и позвольте заметить, что это и весьма невежливо, и подталкивает меня к тому, чтобы принять ответные меры, и в результате может открыться нечто такое, что могло бы шокировать ваших родственников.

— Я вас не боюсь, — сказал он, улыбнувшись.

— Умоляю, позвольте услышать, в чем вы его обвиняете — воскликнул полковник Фицуильям. — Хотелось бы знать, как он ведет себя с прочими людьми.

— Что же, вы это узнаете! Однако будьте готовы услышать ужасные вещи. Впервые мы встретились с мистером Дарси на балу в Хартфордшире, вы должны это знать; и представляете, что он там учинил? Он протанцевал там всего четыре тура, хотя джентльменов было мало, и несколько леди, насколько мне помнится, сидели в ожидании партнеров. Мистер Дарси, вы же не можете отрицать этот факт?

— Тогда я не имел чести знать ни одну из дам, кроме приехавших вместе со мной.

— Это верно, ведь недопустимо же знакомиться прямо в бальной зале! Полковник Фицуильям, ну, что? Играть дальше? Мои пальцы ждут ваших указаний.

— Быть может, — сказал Дарси, — обо мне судили бы лучше, если бы я кому-нибудь представился, однако для меня трудно заводить знакомства с неизвестными людьми.

— Не стоит ли поинтересоваться у вашего кузена о причинах этого? — спросила Элизабет, все еще обращаясь к полковнику. — Почему образованный умный человек, вращающийся в высшем свете, с таким трудом представляется незнакомцам?

— Я могу ответить на ваш вопрос, не обращаясь к нему, — сказал Фицуильям. — Потому что он не затрудняет себя это делать.

— Я и впрямь лишен таланта, которым обладают некоторые люди, — ответил Дарси, — и не умею непринужденно разговаривать с теми, кого я прежде никогда не встречал. Я не могу, как это часто делают другие, подлаживаться к тону рассуждений собеседника или проявлять интерес к его делам.

— Мои пальцы, — сказала Элизабет, — бегают по клавишам этого инструмента не с тем мастерством, какое я замечала у других женщин исполнительниц. Им не хватает их силы, беглости, и они играют не столь выразительно. Однако я всегда полагала, что это моя собственная вина, ведь я не давала себе попрактиковаться как следует. Дело ведь вовсе не в том, что у меня какие-то неподходящие пальцы по сравнению с выдающимися пианистками.

Дарси улыбнулся и ответил:

— Вы совершенно правы, но вы использовали свое время гораздо лучше. Ни один из тех, кто пользуется привилегией слушать вашу игру, едва ли захочет услышать лучшее исполнение. Никто из нас с вами не выступает при посторонних.

Тут их прервала леди Кэтрин, которая поинтересовалась, о чем это они беседуют. Элизабет тотчас снова заиграла. Леди Кэтрин подошла, и, послушав некоторое время ее игру, сказала Дарси:

— Мисс Беннет играла бы совсем недурно, если бы больше практиковалась и могла бы брать уроки у лондонского маэстро. Пальцы у нее достаточно беглые, но до вкуса Энн ей далеко. Энн стала бы прекрасной исполнительницей, если бы здоровье позволяло ей заниматься.

Элизабет посмотрела на Дарси, чтобы понять, насколько он искренне разделяет мнение о талантах своей кузины, однако ни в этот момент, ни в какой-либо другой она так и не смогла заметить в нем признаки сердечного чувства. Из всего извлеченного опыта она понимала, что отношение Дарси к мисс де Бург наверняка порадовало бы мисс Бингли: будь она его родственница, он с равным успехом мог жениться и на ней.

Леди Кэтрин продолжала делать свои замечания по поводу музицирования Элизабет, перемежая их всевозможными советами о том, как следует играть и в чем состоит музыкальный вкус. Элизабет выслушивала их терпеливо, вежливо и учтиво, и по настоянию джентльменов просидела за инструментом до тех пор, пока экипаж ее светлости не был готов увезти всех домой.



ГЛАВА XXXII

На следующее утро Элизабет сидела одна в комнате и писала письмо Джейн; миссис Коллинз и Мария в это время ушли по делам в деревню, и вдруг она услышала стук дверного кольца — верный признак пришедших гостей. Поскольку она не слышала звуков экипажа, ей подумалось, что возможно это была леди Кэтрин. Она спрятала до половины написанное письмо, чтобы избежать ее бесцеремонных вопросов, однако когда дверь открылась, к ее огромному удивлению, в комнату вошел один лишь мистер Дарси.

Он тоже казался удивленным, обнаружив, что она одна, и извинился за свое вторжение, сказав, что предполагал застать тут всех дам сразу.

Они присели, и когда все ее вопросы об обитателях Розингса были озвучены, возникла опасность, что далее последует полное молчание. Таким образом новая тема для беседы была совершенно необходима, и когда Элизабет лихорадочно перебирала в голове, за что бы зацепиться, она вспомнила, как видела его последний раз в Хартфордшире, и ей стало любопытно, как он сможет объяснить свой поспешный отъезд.

— Как неожиданно вы все покинули Незерфилд в ноябре, мистер Дарси! — сказала она. — Должно быть мистер Бингли был приятно удивлен, увидев вас всех сразу

после столь недолгой разлуки. Если я правильно припоминаю, он уехал всего лишь за день до вас. Надеюсь, он и его сестры были здоровы, когда вы покинули Лондон?

— Вполне, благодарю вас.

Она почувствовала, что ничего другого она в ответ не услышит, и после небольшой паузы добавила:

— Насколько я поняла, у мистера Бингли нет особого желания вернуться в Незерфилд?

— Я не слышал, чтобы он об этом говорил, однако вполне вероятно, что он не будет проводить там много времени в будущем. У него много друзей, а он сейчас находится на таком этапе жизни, когда количество друзей и дел постоянно увеличивается.

— Если он собирается лишь наездами бывать в Незерфилде, не лучше ли будет для его соседей, если он вообще позабудет об этом месте, ведь тогда в этом поместье могло бы обосноваться другое семейство. Однако возможно, что мистер Бингли арендовал Незерфилд, не заботясь об удобствах соседей, а преследуя собственные интересы? Тогда мы можем ожидать, что он останется в Незерфилде или покинет его, руководствуясь теми же соображениями.

— Я бы не удивился, — сказал Дарси, — если бы он бросил Незерфилд, представься ему иное подходящее предложение.

Элизабет промолчала. Она опасалась говорить долее о его приятеле, а поскольку ей самой сказать больше было нечего, она намеревалась оставить все заботы о поддержании разговора мистеру Дарси.

Тот понял намек и вскоре сказал следующее:

— Кажется, это вполне уютный дом. Я уверен, леди Кэтрин всерьез приложила к нему руку, когда мистер Коллинз впервые приехал в Хансфорд.

— Думаю, она так и сделала, и я уверен, что она не могла бы выказать свою любезность более благодарному человеку.

— Кажется, мистеру Коллинзу очень повезло с выбором жены.

— Действительно. Его друзья вполне могут порадоваться, что ему повезло встретить одну из немногих разумных женщин, которая приняла его таким, каков он есть, и сделала его счастливым. Моя подруга весьма благоразумна, хотя я не уверена, что ее решение выйти за мистера Коллинза было самым мудрым из всего, что она делала в жизни. Впрочем, она выглядит вполне счастливой, и с точки зрения разума, для нее это вполне подходящий брак.

— Особенно приятным для нее должно быть то обстоятельство, что она обосновалась так недалеко от своих домашних и друзей.

— Вы считаете, что отсюда до Меритона недалеко? Но ведь это же почти пятьдесят миль.

— А что такое пятьдесят миль по хорошей дороге? Чуть больше полдня пути. Да, мне кажется, это совсем недалеко.

— Мне бы никогда не пришло в голову расценивать преимущества брака расстоянием до дома, — воскликнула Элизабет. — И я никогда не утверждала, что миссис Коллинз поселилась вблизи от родителей.

— Это доказывает вашу привязанность к Хартфордширу. Все, что находится за пределами Лонгборна, кажется вам далеким.

Он проговорил это с улыбкой, и Элизабет показалось, что она ее поняла. Вероятно, он считал, что она думала о Незерфилде и Джейн, и покраснев, она добавила:

— Я не хотела сказать, что для замужней женщины даже небольшое расстояние до ее родного дома будет казаться значительным. Понятия «далеко» и «близко» относительные, и они зависят от множества обстоятельств. Там, где богатство делает дорожные расходы неважными, расстояние перестает быть злом. Однако это не тот случай. У мистера и миссис Коллинз приличный доход, однако не настолько большой, чтобы они могли позволить себе часто выезжать, и я убеждена, что моя подруга не считала бы, что живет близко от родительского дома, если бы расстояние до него было вдвое короче нынешнего.

Мистер Дарси немного пододвинул свой стул ближе и сказал:

— Возможно, вы не правы, так сильно привязываясь к родным местам. Вы же не можете всю жизнь прожить в Лонгборне.

Элизабет это удивило. Однако в настроении Дарси произошла перемена, он отодвинул стул, взял со стола газету и, глянув поверх нее, довольно холодно спросил:

— Вам понравился Кент?

Последовал небольшой разговор на эту тему, и он, и она говорили кратко и сдержанно; эта беседа была прервана Шарлоттой и ее сестрой, которые только что вернулись с прогулки. Они были удивлены этому разговору вдвоем. Мистер Дарси рассказал о своей ошибке, из-за которой он столь бесцеремонно нарушил покой мисс Беннет и, просидев почти молча еще несколько минут, откланялся.

— Что бы это значило? — спросила Шарлотта, как только он ушел. — Элиза, дорогая, должно быть, он в тебя влюблен, иначе он никогда бы к нам вот так запросто не нагрязнул.

Однако когда Элизабет рассказала, насколько он был немногословен, даже Шарлотте, несмотря на ее желание, показалась, что это объяснение маловероятно, и после различных догадок в конце концов оставалось объяснять этот визит тем, что Дарси не нашел иного способа скоротать время, и это было вполне вероятно в это время года, когда спортивный сезон на открытом воздухе был уже закончен. В доме леди Кэтрин были книги и бильярд, но не могут же джентльмены целый день сидеть в четырех стенах. Дом пастора был совсем недалеко, прогулка до него доставляла удовольствие как и встреча с его обитателями — все это подталкивало двух кузенов бывать там чуть ли не каждый день. Они заглядывали в разное время по утрам, иногда порознь, иногда вместе, а порой и в сопровождении своей тетки. Всем было ясно, что полковник Фицуильям приходил, потому что ему нравилось дамское общество, и эта особенность особо к нему располагала. Удовольствие, которое Элизабет получала от общения с ним, а также явное его восхищение ею, напоминали ей о ее прежнем избраннике Джордже Уикхеме, и хотя по сравнению с ним полковнику явно не хватало очарования и мягкости, ей казалось, что он, возможно, гораздо более образован.

Однако почему в доме пастора так часто появлялся мистер Дарси, объяснить было гораздо труднее. В общении он явно не нуждался — ведь он нередко сидел вместе со всеми в течение десяти минут, даже не разжимая губ, а когда он начинал говорить, казалось, что он это делает лишь по необходимости, а не по желанию, принося жертву приличиям, а не для собственного удовольствия. Он редко выглядел оживленным. Миссис Коллинз просто не знала, что с ним делать. Поскольку полковник Фицуильям порой подшучивал над его отстраненным видом, это доказывало, что обычно он не таков. Миссис Коллинз однако не достаточно хорошо его знала, чтобы говорить об этом с уверенностью, а поскольку ей очень хотелось верить,



что причиной тут была влюбленность в ее подругу и присутствии самой Элизы, она решительно намеревалась в этом удостовериться. Она внимательно следила за Дарси каждый раз, когда им доводилось посещать Розингс, и всегда, когда он появлялся в Хансфорде, но к успеху эти наблюдения так и не привели. Без сомнения, он много раз посматривал на Элизабет, однако по выражению его лица ничего определенного

сказать было нельзя. Взгляд у Дарси был пристальным и серьезным, однако Шарлотта часто сомневалась, была ли в нем хоть капля восхищения; иногда ей казалось, что он просто ни о чем не думает.

Пару раз она намекала Элизабет на свои догадки, что Дарси к ней равнодушен, но Элизабет лишь подсмеивалась над ее словами, и миссис Коллинз не считала себя вправе настаивать более из опасения вызвать надежды, которые могли закончиться одним лишь разочарованием, ведь Шарлотта не сомневалась, что вся неприязнь ее подруги к мистеру Дарси исчезнет, если бы она смогла предположить, что он в ее власти.

В своих добрых замыслах по отношению к Элизабет она иногда планировала выдать ее замуж за полковника Фицуильяма, ведь он был без сомнения наименее неприятный человек, и он определенно восхищался ею. Он занимал высокое положение в обществе, однако, в противовес этому мистер Дарси контролировал многие церковные приходы, а у его кузена их вообще не было.



ГЛАВА XXXIII

Прогуливаясь по парку, Элизабет не раз неожиданно встречала мистера Дарси. Сначала она объясняла эти встречи в таких уголках, где обычно никого не было, досадной случайностью, и чтобы предотвратить их в будущем, она сочла нужным рассказать ему, что это ее любимые места для уединенных прогулок. Поэтому было странно, что эти встречи продолжались. Дарси столкнулся с ней снова, а потом и в третий раз. Это выглядело как злонамеренное действие или как добровольное самоистязание, потому что в подобных случаях вместо того, чтобы бросить несколько дежурных фраз и после неловкой паузы уйти, он считал необходимым развернуться и пойти вместе с ней. Он никогда не говорил много, а она не считала необходимым пространно беседовать или внимательно слушать, однако во время третьей их встречи ее удивило, что он задал несколько странных и бессвязных вопросов — нравится ли ей находиться в Хансфорде, любит ли она одинокие прогулки и что думает о семейном счастье мистера и миссис Коллинз. Было также необычно, что говоря о Розингсе, он сказал, что у нее наверное сложилось не совсем верное о нем представление; он как будто предполагал, что снова оказавшись в Кенте, она тоже могла бы там задержаться. Его слова как бы подразумевали это. Быть может, он думал при этом о полковнике Фицуильяме? Ей казалось, что если он вообще что-то имел в виду, то дело было именно в нем. Это немного ее задело, и она была рада очутиться по ту сторону живой изгороди за воротами пасторского дома.

Во время одной из прогулок, когда она просматривала последнее письмо Джейн, особо обращая внимание на те ее пассажи, которые доказывали, что Джейн писала его не в духе, ее вновь потревожили, однако на сей раз вместо мистера Дарси она, подняв глаза, увидела полковника Фицуильяма, который шел ей навстречу. Быстро спрятав письмо и через силу улыбнувшись, она заметила:

— Я раньше и не предполагала, что вы можете прогуливаться в таких местах!

— Я решил обойти весь парк, — ответил полковник. — Обычно я это делаю каждый год и теперь решил завершить прогулку, завернув к дому Коллинзов. А вы пойдете дальше?

— Нет, я как раз собиралась возвращаться.

Элизабет действительно развернулась и пошла вместе с ним к дому священника.

— Вы и впрямь покидаете Кент в субботу? — спросила она.

— Да, если Дарси снова не отложит отъезд. Я завишу от него, а он организует дела по своему усмотрению.

— И если ему не удастся все держать под контролем, то он по крайней мере получает удовольствие, поступая по-своему? Я не знаю другого такого человека, которому доставляло бы большее удовольствие всегда делать все на свой лад.

— Ему очень нравится идти по жизни своим путем, — ответил полковник Фицуильям. — Но ведь все мы к этому стремимся. Просто у него для этого больше возможностей, чем у многих прочих, ведь он богат, а многие бедны. Уж кому это лучше знать, как не мне. Младший сын, знаете ли, должен привыкать к зависимости и самоограничению.

— А мне казалось, что младший сын графа не знаком ни с тем, ни с другим. Нет, правда, скажите — вам знакомы зависимость и ограничения? Когда, скажите, из-за недостатка денег вы не могли отправиться куда хотели, или не могли приобрести вещь, которая была вам по душе?

— Все это вопросы, имеющие отношение к жизни в семье, и, возможно, я не вправе говорить, что испытал много трудностей такого рода. Однако в более значительных делах я могу страдать от недостатка денег. Младшие сыновья не могут жениться по своему усмотрению.

— Если только им не приглянется состоятельная женщина, что, как я думаю, с ними случается нередко.

— Наша привычка к тратам делает нас слишком зависимыми, и среди людей моего круга найдется мало смельчаков, позволяющих себе жениться, не задумываясь о деньгах.

«Неужели это он говорит, думая обо мне?» — предположила Элизабет и покраснела от этой мысли, однако, взяв себя в руки, она, усмехнувшись, ответила:

— Тогда скажите же, молю, сколько же обычно стоят младшие сыновья графа? Если только старший брат не одной ногой в могиле, вы бы, я полагаю, не дали бы больше пятидесяти тысяч?

Он ответил в том же шутовском духе, и на этом разговор закончился. Чтобы прервать молчание, которое он мог приписать всему сказанному, она добавила:

— Мне представляется, что ваш кузен прихватил вас с собой главным образом для того, чтобы им было кем распоряжаться. Любопытно, почему он не женится, чтобы продлить себе удовольствие подобного рода наверняка. Возможно, впрочем, для этого ему в настоящее время вполне подходит его сестра, он для нее единственный опекун, и он может крутить ей, как вздумается.

— Нет, — ответил полковник Фицуильям, — этим преимуществом он обязан делиться со мной. Я разделяю его ответственность за судьбу мисс Дарси.

— В самом деле? Умоляю, скажите, как вы осуществляете это руководство? Ваша ответственность причиняет вам много хлопот? Молодые девицы ее возраста подчас бывают плохо управляемы, а если у нее характер Дарси, она может захотеть поступать по-своему.

Проговорив это, она заметила, что он пристально на нее смотрит. Потом он сразу весьма серьезно спросил, почему она полагает, что мисс Дарси доставляет им какие-то неприятности, и все это убедило ее, что так или иначе она оказалась недалеко от истины. Элизабет сразу же ответила:

— Не стоит тревожиться, я ничего плохого о ней не слышала, и смею сказать, она мне представляется одним из самых податливых существ на земле. Окружающие меня дамы души в ней не чают, в особенности миссис Херст и мисс Бингли. Кажется, я слышала, вы говорили, что знакомы с ними?

— Да, я их немного знаю. Их брат — весьма обходительный молодой человек, и он большой друг Дарси,

— О, да, — сухо заметила Элизабет. — Мистер Дарси необыкновенно любезен по отношению к мистеру Бингли и удивительно о нем заботится.

— Заботится? Ну, да, я действительно считаю, что Дарси позаботился о нем, когда тот особо в этом нуждался. Исходя из того, что Дарси рассказывал мне по дороге сюда, у меня есть основания считать, что Бингли ему многим обязан. Хотя, не пришлось бы мне просить у него прощения, — я толком не уверен, что он говорил именно о Бингли. Все это лишь предположения.

— Что вы имеете в виду?

— Одно обстоятельство, о котором Дарси разумеется не хотел бы распространяться, поскольку если бы эти сведения дошли бы до семейства одной леди, это было бы неприятно.

— Будьте уверены, я о нем упоминать не стану.

— И помните также — у меня нет особых оснований считать, что речь шла о Бингли. Он мне сказал примерно следующее — он может поздравить себя с тем, что недавно спас друга от неудобств, связанных с неразумным браком, однако он не упоминал ни имен, ни других обстоятельств. Я лишь заподозрил, что это Бингли, потому что, как мне представляется, он как раз тот молодой человек, который может попасть в подобную передрагу; к тому же я знал, они с Дарси провели вместе все прошлое лето.

— А рассказал ли вам мистер Дарси о причинах, которые заставили его совершить такое вмешательство?

— Я так понял, что против этой леди были серьезные возражения.

— И с помощью какого же колдовского искусства вашему кузену удалось их разлучить?

— Он мне не говорил об этом искусстве — сказал, улыбнувшись, Фицуильям. — Он сказал мне лишь то, что я вам теперь пересказал.

Элизабет ничего не ответила, продолжая идти, однако ее сердце кипело от гнева. Понаблюдав за ней немного, Фицуильям спросил ее, отчего она так задумчива.

— Я размышляю о том, что вы мне сейчас рассказали, — ответила она. — Поведение вашего кузена совсем мне не по душе. Кто он такой, чтобы выступать в роли судьбы?

— То есть вы склонны считать его вмешательство бесцеремонным?

— Я не понимаю, какое право имел мистер Дарси судить об уместности привязанности своего друга, и почему он один решил судить, каким образом Бингли должен найти свое счастье. Однако, — заметила она, опомнившись, — поскольку мы не знаем всех подробностей, у нас нет права упрекать его. Можно предположить, что во всей этой истории сильных чувств просто не было.

— Это вполне разумное допущение, — ответил Фицуильям. — Хотя это отнимает некоторую долю славы от триумфа моего кузена.

Все это было сказано в шутку, однако Элизабет показалось, что это совершенно верный портрет мистера Дарси, поэтому она не решилась ответить, боясь потерять самообладание. Она резко сменила тему беседы и говорила о несущественных вещах пока они не достигли пасторского дома. Там, после того, как ее покинул провожатый, она закрылась в своей комнате и смогла без помех обдумать все, что она только что услышала. Трудно было предположить, что речь шла о незнакомых ей людях. Вряд ли в мире существовали другие личности помимо этих двоих, на которых мистер Дарси оказывал бы столь безграничное влияние. Она и раньше подозревала, что он определенным образом был причастен к событиям, которые разлучили Бингли и Джейн, однако до сего момента она всегда приписывала руководство и главную роль в этом деле мисс Бингли. Теперь же выяснялось, если только Дарси не вводило в заблуждение собственное тщеславие, что это именно он, его высокомерие и прихоти стали причиной всех прошлых и нынешних страданий Джейн. Это он совсем недавно торпедировал надежду на счастье для самого нежного и благородного сердца на свете, и никто не мог сказать, сколь длительным по своим последствиям это зло может оказаться.

«Против этой леди были серьезные возражения» — сказал полковник Фицуильям, и эти серьезные возражения, вероятно, состояли в том, что один ее дядя был провинциальным юристом, а второй — лондонским дельцом.

«К самой Джейн не могло быть никаких претензий! — мысленно воскликнула Элизабет. — Ведь она сама прелесть и обаяние! Она так сообразительна, так умна, ее манеры очаровательны. Ничего нельзя поставить в укор и нашему отцу. Конечно, он с некоторыми причудами, однако обладает достоинствами, которые даже мистер Дарси не может отрицать, а до его порядочности ему далеко».

Затем она подумала о своей матери, и уверенности у нее поубавилось, однако она все же не допускала, что соображения такого рода могли играть существенную роль для мистера Дарси, чья гордость по ее убеждению, пострадала бы больше, если бы его друг породнился с людьми не его круга; его связь с личностями не слишком умными он бы перенес легче, и в конце концов она решила, что Дарси частично руководствовался своей непомерной гордостью, а частично — желанием сохранить свободу Бингли для своей сестры.

Пережитое ей нервное возбуждение, вызванное всей этой историей, вызвало слезы, а потом и головную боль, которая к вечеру усилилась. Поэтому, не желая также и сталкиваться с Дарси, Элизабет отказалась от посещения Розингса, куда на чай ее пригласила вместе с Коллинзами его кузина. Миссис Коллинз, видя, что ей и вправду нездоровится, не стала настаивать, чтобы она ехала; она также постаралась добиться, чтобы ее супруг не нее тоже не давил. Впрочем, мистер Коллинз не смог скрыть своего опасения, что леди Кэтрин будет недовольна тем, что Элизабет осталась дома.



ГЛАВА XXXIV

Когда они ушли, Элизабет, словно желая как можно сильнее рассердиться на мистера Дарси, заняла себя тем, что стала перечитывать все письма, полученные ею в Кенте от Джейн. В них не было никаких откровенных жалоб, она не возвращалась к прошлому и ничего не писала о своих нынешних переживаниях. Однако в целом, почти в любой строчке каждого письма ощущалось отсутствие той прежней жизнерадостности, которая была характерна для ее стиля, была следствием мирного настроя ее души, расположения к людям, которое редко омрачалось какими-либо событиями. Теперь гораздо яснее, чем при первом прочтении, Элизабет замечала беспокойство почти в каждом ее предложении. Достойное осуждения хвастовство мистера Дарси тем, как он он мог вмешиваться в чужую жизнь, позволило ей еще острее почувствовать страдания своей сестры. Ее утешало лишь то, что его пребывание в Розингсе должно было закончиться через два дня, и гораздо более важным было то, что через две недели она должна была снова встретиться с Джейн; тогда она смогла бы использовать все свои силы и способности для восстановления душевного спокойствия своей сестры.

Размышляя об отъезде мистера Дарси из Кента, она не могла не вспомнить, что вместе с ним должен был уехать и его кузен. Однако полковник Фицуильям достаточно ясно дал ей понять, что у него нет каких-либо серьезных намерений по отношению к ней, и Элизабет не собиралась переживать по поводу его грядущего отсутствия.

Она как раз размышляла над этим, когда ее заставил отвлечься звук дверного колокольчика. Элизабет это немного взволновало, ведь она подумала, что это мог быть полковник собственной персоной, ведь однажды вечером примерно в это же время он уже заглядывал к ней и теперь мог навестить ее снова, чтобы справиться о ее здоровье. Однако это предположение быстро улетучилось, а ее настроение изменилось, когда к своему глубочайшему удивлению она увидела, что в комнату вошел мистер Дарси. Он сразу же поспешно начал расспрашивать о ее здоровье, объясняя свой визит желанием услышать, что ей стало лучше. Она отвечала ему с холодной учтивостью. Он присел на некоторое время, а затем встал и прошелся по комнате. Элизабет была удивлена, но не сказала ни слова. После непродолжительного молчания он быстро подошел к ней и взволнованно сказал:

— Я боролся с собой напрасно! Я не могу с этим справиться и подавить свои чувства. Позвольте же мне прямо сказать, как я вами восхищен, и что я люблю вас!

Элизабет была в высшей степени поражена. Растерявшись, она смотрела на него и краснея, молчала. Дарси счел это молчание в некотором роде одобрением и сразу же признался в чувствах, которые терзали его в последнее время и которые он испытывал в данный момент. Он говорил с воодушевлением, но чувства, в которых он признавался, были не только сердечного свойства; он говорил о нежных переживаниях не менее красноречиво, чем о своей гордости. Он упомянул о ее более низком положении, о том, что для него это будет определенным уроном для его статуса, о семейных обстоятельствах, которые всегда были против того, чтобы идти на поводу у чувств, и все это было сказано достаточно эмоционально и свидетельствовало о глубине его сердечной раны, но вряд ли говорило в его пользу.

Несмотря на свою глубоко укоренившуюся неприязнь к мистеру Дарси, она все-таки почувствовала, что любовь такого человека может быть для нее лестной, и хотя ее отношение к нему оставалось неизменным, Элизабет вначале даже сожалела о той боли, которую должен будет нанести ему ее ответ, однако возмущение и гнев, вызванные его последующими разглагольствованиями, убили в ней всякое сострадание. Тем не менее она решила все-таки взять себя в руки и ответить ему спокойно, когда он окончит свою речь.

В заключение он еще раз упомянул о силе своей страсти, которую, несмотря на все свои усилия, он так и не смог побороть, и выразил надежду, что теперь он будет вознагражден за все свои муки. Когда он закончил свою речь, Элизабет стало ясно, что он совершенно не сомневается в положительном ответе. Он говорил о волнении и тревоге, с каким он ждет ответа, но его лицо при этом выражало полнейшую уверенность в благоприятном ответе. Это вызвало у Элизабет еще большее раздражение, и как только он закончил, она, покраснев, сказала:

— В таких ситуациях, как эта, я думаю, долг требует принимать с благодарностью высказанное чувство независимо от того, существует ли на него ответный отклик. Вполне естественно испытывать подобную благодарность, и если бы я испытывала такое чувство, я бы вам сейчас об этом сказала. Однако я не могу этого сде-



...стала перечитывать все письма, полученные ею в Кенте от Джейн.

лать. Я никогда не искала вашего расположения, и оно возникло у вас вопреки моей воле. Мне жаль ненамеренно причинять боль кому бы то ни было, и если я ее ненароком вызову, пусть она будет непродолжительной. Чувства, которые, как вы говорили, долго мешали вам открыться, наверняка помогут вам без особых проблем пережить это объяснение.

Мистера Дарси, который стоял, облокотившись на каминную полку, и смотрел ей прямо в лицо, ее слова изумили и привели в негодование. Он побледнел от гнева, но каждая его черта говорила о растерянности. Он попытался взять себя в руки и не разжимал губ до тех пор, пока ему не удалось это сделать. Возникшая пауза показалась Элизабет ужасной. Наконец, вынужденно спокойным голосом он заметил:

— И это весь ответ, который я имею честь от вас услышать? Пожалуй, мне было бы любопытно узнать, почему вы не удосужились выразить свой отказ в более вежливой форме. Впрочем, это не имеет большого значения.

— С таким же успехом я могла бы спросить, — ответила она, — почему вы с таким явным намерением оскорбить и унижить меня говорили, что я вам нравлюсь помимо вашей воли, вопреки вашему рассудку и всем вашим особенностям! Возможно, это может послужить в какой-то мере некоторым оправданием моей недостаточной с вами вежливости. Однако для этого у меня были и другие причины, и вы знаете, что они у меня есть. Если бы все мои чувства не протестовали против вас, или если бы они были нейтральны, или если бы даже они были положительны, неужели вы думаете, что какие-либо соображения смогли бы склонить меня принять человека, который разрушил, и возможно навсегда, счастье моей любимой сестры?

После этих слов мистер Дарси изменился в лице, однако эта эмоция не продлилась долго, и он продолжил слушать, не перебивая.

— У меня есть все основания думать о вас дурно, — продолжила Элизабет. — Ничто не может оправдать ту вашу несправедливую и неблагоприятную роль, которую вы сыграли в этом деле. Вы не должны, и не можете отрицать, что были главной, если не единственной причиной того, что мистер Бингли и моя сестра расстались. Его в результате стали порицать за ветреность и непостоянство, а она получила насмешки за неоправдавшиеся надежды; все это принесло им только обоюдные страдания.

Она ненадолго умолкла, негодуя, заметив, что он ее слушает без малейшего намека на сожаление или раскаяние. В его взгляде скорее читалась усмешка деланного недоверия.

— Не станете же вы отрицать, что это дело ваших рук? — повторила она.

— Я не хочу отрицать, — ответил он намеренно спокойно, — что сделал все от меня зависящее, чтобы отдалить моего друга от вашей сестры, или что я радуюсь своему успеху. О Бингли я пекусь даже больше, чем о самом себе.

Элизабет пропустила мимо ушей эту вежливо сформулированную ремарку, однако ее смысл она хорошо поняла, и это не снизило накал ее негодования.

— Моя неприязнь к вам, — продолжила она, — вызвана не только этим случаем; мое мнение о вас сложилось уже довольно давно. Особенности вашей натуры раскрылись для меня после рассказа, который я несколько месяцев тому назад услышала от мистера Уикхема. Что вы можете сказать по этому поводу? Какими воображаемыми соображениями дружбы вы сможете защитить себя в этом случае? Или вы будете настаивать, что ваши поступки были неправильно поняты другими людьми?



Позвольте же мне прямо сказать, как я вами восхищен, и что я люблю вас!

— Вы слишком беспокоитесь о судьбе этого джентльмена, — заметил менее сдержанно Дарси, теряя прежнюю бледность.

— Разве тот, кому известны его несчастья, может оставаться равнодушным?

— Его несчастья? — презрительно повторил Дарси. — Да уж, его несчастья и в самом деле были велики.

— И вы тому виной! — с возмущением воскликнула Элизабет. — Это вы довели его до бедности и относительной нищеты! Вы лишили его тех благ, на которые, как вам известно, он мог рассчитывать. Вы лишили его лучших лет его жизни и той независимости, которая не только принадлежала ему по праву, но и которую он заслуживал. Вы — причина всего этого! И теперь вы можете относиться к упоминанию о его несчастьях с усмешкой!

— Так вот каково ваше мнение обо мне! — воскликнул Дарси, быстро меряя комнату шагами. — Так-то вот вы меня цените! Спасибо, что были настолько откровенны. Мои прегрешения, если судить по-вашему, воистину велики. Однако, быть может, — сказал он, остановившись и повернувшись к ней, — они не принимались бы во внимание, не будь ваша гордость задета моими честными признаниями в сомнениях, которые долго сдерживали мои чувства? Возможно, эти горькие обвинения и не прорвались бы у вас, если бы я, движимый соображениями разума, скрыл бы от вас свои терзания и польстил бы вас верой в то, что безоговорочно охвачен всепоглощающими чувствами, которые не запятнаны ни доводами рассудка, ни светскими условностями, ни другими тому подобными соображениями. Однако любое притворство мне крайне отвратительно, и мне не стыдно за свои чувства. Они естественны и оправданны. Могли ли вы ожидать, что меня порадают ваши знакомства с людьми более низкого социального статуса? Или что я буду себя поздравлять с возможностью породниться с теми, кто ниже меня по общественному положению?

Элизабет чувствовала, как ее возмущение увеличивается с каждой секундой, тем не менее она изо всех сил старалась сохранять самообладание.

— Вы ошибаетесь, мистер Дарси, — спокойно ответила она, — если полагаете, что содержание вашего объяснения в какой-то мере меня затронуло. Оно лишь избавило меня от беспокойства, которое я могла бы испытывать, если бы вы вели себя более благородно.

Она увидела, как он вздрогнул при этом. Однако Дарси ничего не сказал, и она продолжила:

— Как бы ни звучало ваше предложение, это не склонило бы меня принять его.

На лице его опять появилось удивленное выражение, и он посмотрел на нее со смешанным выражением недоверия и обиды.

— С самого начала, — продолжила Элизабет, — с первых минут нашего знакомства я могла бы сказать, что ваши манеры убедительно доказывали мне ваше высокомерие, заносчивость, и эгоистическое презрение к чувствам окружающих; еще тогда все это породило во мне глубокую к вам неприязнь, а последующие события сделали ее непреодолимой. Мы были знакомы едва ли месяц, а я уже отчетливо понимала, что вы являетесь последним человеком в мире, за которого я готова бы была выйти замуж.

— Вы сказали достаточно, сударыня. Я понимаю ваши чувства, и теперь мне остается только стыдиться своих собственных. Простите, что отнял у вас столько много вашего времени, и примите мои наилучшие пожелания здоровья и благополучия.

С этими словами он поспешно покинул комнату, и в следующее мгновение Элизабет услышала, как открылась входная дверь, и он вышел из дома. Ее разум находился в крайне смятенном состоянии. У нее не было больше сил себя сдерживать; она без сил рухнула в кресло и с полчаса проплакала. Она снова и снова прокручивала в голове случившееся, и ее удивление от произошедшего непрерывно возрастало. Ведь она получила предложение от самого мистера Дарси! Оказывается, он был влюблен в нее в течение стольких месяцев! И он был влюблен настолько, что решился жениться на ней, несмотря на все препятствия, которые заставили его помешать своему другу жениться на ее сестре, и которые для него самого были не менее важны. Все это было совершенно невероятно. Разумеется, было приятно исподволь внушать столь сильные чувства. Однако его гордость, его отвратительная гордость, его бесстыдное признание того, как он поступил с Джейн, его непростительная уверенность в своей правоте, которую он, тем не менее, не мог доказать, пренебрежительный тон, с которым он говорил об Уикхеме, и его жестокость по отношению к нему, которую он и не пытался отрицать — все это быстро помогло ей преодолеть жалость, которая на мгновение возникла в ее душе при мысли о его любви.

Элизабет продолжала взволнованно размышлять о произошедшем, пока звуки подкатившего экипажа леди Кэтрин не напомнили ей, что сейчас лучше не показываться на глаза Шарлотте, и она поскорее ушла в свою комнату.



ГЛАВА XXXV

Следующим утром Элизабет пробудилась все с теми же мыслями и чувствами, которые вчера ночью крутились у нее в голове, пока она не заснула. Она по-прежнему не могла прийти в себя от изумления; думать о чем-то ином было просто невозможно. Все у нее валялось из рук, и после завтрака она решила, что прогулка на свежем воздухе ей пойдет на пользу. Она пошла к своей любимой аллее, но вспомнила, что на ней не раз пересекалась с мистером Дарси; что-то ее остановило, и вместо того, чтобы войти в парк, она свернула на тропинку, которая огибала парк по краю. С одной его стороны по-прежнему тянулась ограда, и Элизабет вскоре дошла до одной из ее калиток.

Пройдясь два или три раза по тропинке и любуясь прекрасным утром, она остановилась у калитки, и у нее возникло желание заглянуть в парк. За пять недель, которые она провела в Кенте, в природе произошло немало изменений, и с каждым днем молодая листва на рано зазеленевших деревьях становилась все заметнее. Она уже собиралась продолжить свою прогулку, как вдруг заметила какого-то джентльмена на одной из дорожек парка. Он направлялся в ее сторону, и из опасения, что это может оказаться мистер Дарси, она поспешно ретировалась. Однако человек этот был уже достаточно близко, чтобы заметить ее, и он поспешил прямо к Элизабет, окликнув ее по имени. Элизабет узнала голос мистера Дарси, однако вместо того, чтобы обернуться, она ускорила свой шаг, двигаясь к калитке. Они подошли к ней одновременно, Дарси вытащил и протянул ей письмо, которое она машинально приняла, и сказал ей надменно-хладнокровно:

— Я гулял тут некоторое время в роще, надеясь встретиться с вами. Не окажете ли вы мне честь, прочтя это письмо?

А затем он слегка поклонился, повернулся, пошел по дорожке в глубину парка и вскоре пропал из вида.

Элизабет не ожидала от этого письма ничего приятного, однако ее терзало любопытство; она развернула конверт и к своему еще большему удивлению увидела, что это два листа почтовой бумаги, сплошь исписанных убористым почерком. Был исписан даже лист, служивший конвертом. Продолжая идти по аллее, она начала читать. Вначале стояла пометка «Розингс, 8 часов утра», а далее было написано следующее:

«Сударыня, не беспокойтесь, получив это письмо, не опасайтесь, что оно содержит повторное выражение чувств, или возобновление предложений, которые вчера были Вам столь неприятны. Я пишу без какого бы то ни было намерения задеть Вас или унижить себя упоминанием о желаниях, которые ради нашего общего блага должны быть возможно скорее позабыты; усилия, которые требовались для написания этого письма, и потребуются для его прочтения, могли быть избегнуты, если бы того не требовали особенности моего характера. Посему Вы должны простить мне вольность, с которой я прошу уделить мне внимание; я знаю, что благодаря Вашим чувствам вы сделаете это весьма неохотно, однако я полагаюсь на Вашу благосклонность.

Вчера вечером вы возложили на меня ответственность за совершение двух совершенно разных по тяжести прегрешений. Первое из них состояло в том, что я разлучил вашу сестру с мистером Бингли, совершенно не считаясь с их чувствами, а второе — что вопреки различным требованиям, вопреки чести и человечности, я разрушил благосостояние мистера Уикхема и подорвал его надежды на будущее. Умышленно и бесцеремонно отринуть друга юности, беспорного любимца своего отца, молодого человека, который так зависел от нашего церковного прихода, и который вырос с мыслью, что он обязательно ему достанется — это было бы совершенно безнравственно по сравнению с разлукой двух молодых людей, чья взаимная привязанность не длилась более нескольких недель; эти два случая несравнимы. Смею надеяться, что в будущем я смогу избежать тяжких обвинений, которые вы с такой легкостью бросили мне прошлым вечером, после того нижеследующие объяснения моих мотивов и действий, которые будут Вами прочитаны, и я заранее прошу прощения, если при этом мне придется выразить собственные чувства, которые могут Вас задеть. Это диктуется соображениями необходимости, потому дальнейшие извинения лишены смысла.

Я недолго пробыл в Хартфордшире и вскоре, как и прочие, стал замечать, что Бингли предпочитает Вашу старшую сестру всем молодым женщинам в округе. Однако до самого того вечера, когда в Незерфилде был устроен бал, у меня не было опасений, что их чувства могут быть достаточно серьезными. Я и раньше замечал, что он порой влюблялся. А во время этого бала, когда я имел честь танцевать с Вами, я случайно узнал от сэра Уильяма Лукаса, что внимание Бингли к вашей сестре возбудило всеобщие надежды на их женитьбу. Он говорил об этом, как о деле решенном, оставалась неясной только дата свадьбы. С этого момента я стал внимательно наблюдать за поведением моего друга и вскоре выяснил, что его чувство к мисс Беннет значительно превосходило его прежние увлечения, свидетелем которых я был. Я наблюдал и за Вашей сестрой. Она держалась очень открыто; ее манеры, поведение, оживленность и приветливость были прежними, без каких-либо намеков на серьезное чувство. Понаблюдав за ней в течение вечера, я пришел к убеждению, что хотя она и охотно прини-

мает знаки внимания со стороны мистера Бингли, глубоких чувств она к нему не испытывает. И если Вы в этом вопросе не ошибаетесь, значит это я впал в ошибку. Это тем более вероятно, что Вы знаете свою сестру гораздо лучше меня.

Если это действительно так, я заблуждался и тем причинил Вашей сестре душевную боль, Ваша обида не была безосновательной. Однако не упущу возможности заметить, что безмятежный вид Вашей сестры и весь ее облик не позволяли даже самому проникательному наблюдателю прийти к выводу, что, несмотря на приятное обращение, затронуть ее сердце было не так-то легко. Несомненно, мне хотелось убедить себя в ее безразличии к мистеру Бингли, однако позволю себе заметить, что обычно на мои наблюдения и выводы нечасто влияют мои надежды или опасения. И я уверил себя, что она не влюблена, не потому, что я хотел так думать. Я пришел к такому выводу беспристрастно и так же искренне, как искренне я бы хотел, чтобы это было так. Мои возражения против этого брака не ограничивались теми соображениями, которые я привел вчера, говоря о чувстве, которое в моем случае их преодолело. Возможно, неравенство положений было для моего друга меньшим злом, чем для меня. Однако существовали и другие препятствия, в равной мере справедливые для меня и для моего друга, они никуда не исчезли, хотя я и пытался их позабыть, потому что они не вставали предо мной во весь рост. На этих препятствиях я должен вкратце остановиться. Положение Вашей родни с материнской стороны хотя и вызывает критику, но оно ни в какое сравнение не идет с полным отсутствием приличий, которое настолько же часто вызывает сама миссис Беннет, как это демонстрируют и три Ваших младших сестры, а временами, простите меня, даже и Ваш отец.

Мне больно наносить Вам еще одну обиду, однако, несмотря на слабости Ваших ближайших родственников и недовольство тем, что я на них указываю, вы можете утешать себя мыслью, что Ваше поведение, равно как и поведение Вашей старшей сестры, ни в коей мере не может вызвать подобные упреки, а наоборот — свидетельствует о врожденном вкусе и уме. Скажу только еще, что все происшедшее в тот вечер окончательно укрепило мое мнение о всех присутствовавших и лишь еще более усилило мое желание уберечь моего друга от связи, которую я со своей стороны считал совершенно неудачной. Как вы помните, на следующий день он покинул Незерфилд и уехал в Лондон, планируя вскоре вернуться.

Теперь постараюсь рассказать о своей роли в этой истории. Его сестры испытывали такое же беспокойство в этой связи, как и я сам; совпадение наших мнений выяснилось довольно скоро. Мы одинаково считали, что нельзя терять время, и нужно как можно скорее отговорить Бингли от неразумных действий, и поэтому мы вскоре решили встретиться с ним в Лондоне. Соответствующим образом мы туда поехали, и там я постарался указать своему другу на все негативные последствия такого выбора. Я описал и подчеркнул их со всей серьезностью, однако я не уверен, что эти уговоры возымели бы свое действие, пошатнули бы его решимость и в конечном итоге предотвратили бы этот брак, если бы они не были подкреплены утверждением, которое я сделал без колебаний, что Ваша сестра не питает к нему особых чувств. До этого же он был уверен, что она искренне откликается на его чувства, хотя и с меньшей пылкостью. Однако Бингли присуща врожденная скромность, и он зависит от моих суждений больше, чем от своих собственных. Поэтому убедить его в том, что он обманывается, было не слишком сложно. А уж убедить его не возвращаться в Хартфордшир после того, как он с этим согласился, было делом пары минут.



Не окажете ли вы мне честь, прочтя это письмо?

Я не могу винить себя за все мною совершенное. Во всей этой истории в моем поведении был только один момент, о котором я вспоминаю с неудовольствием — мне пришлось опуститься до применения неких уловок, чтобы скрыть от него присутствие Вашей сестры в Лондоне. Об этом было известно мне, равно как и мисс Бингли, однако ее брат до сих пор совершенно не в курсе. Возможно, они могли бы повстречаться без каких-либо неприятных последствий; это было вполне вероятно. Однако мне казалось, что его чувства недостаточно угасли, чтобы он мог видаться с ней вполне безопасно. Быть может, мне не стоило опускаться до такого утаивания и маскировки, однако дело сделано, и сделано оно было для его же блага. По поводу этой истории мне нечего больше добавить, и искать себе других оправданий я не буду. Если я и ранил чувства Вашей сестры, это было сделано не намеренно, и если мотивы, которыми я руководствовался, покажутся Вам не совсем естественными, то сам я еще не готов их осуждать.

Что же касается второго, более весомого обвинения в том, что я нанес ущерб мистеру Уикхему, то могу отвергнуть его, изложив Вам всю историю его отношений с нашей семьей. В чем конкретно он меня обвинял, мне неизвестно, однако в достоверности того, что я собираюсь рассказать, Вас могли бы убедить свидетельства многих людей, правдивость которых несомненна.

Мистер Уикхем является сыном весьма уважаемого человека, который в течение многих лет управлял всеми поместьями в Пемберли и чье добропорядочное поведение при исполнении своих обязанностей, естественным образом склоняло моего отца к тому, чтобы оказать ему услугу, и в результате он решил излить свою доброту на своего крестника Джорджа Уикхема. Мой отец оплачивал его учебу в школе, а после в Кембридже, и помощь эта была тем более ценной, что отец Джорджа постоянно нуждался из-за расточительности своей жены, и не был в состоянии дать сыну образование, достойное джентльмена. Мой отец не только любил общество этого молодого человека, манеры которого всегда к себе располагали; отец был о нем самого высокого мнения, он надеялся, что церковное служение станет его судьбой, и хотел помочь ему в этом деле. Что же касается меня, то уже много лет назад я начал думать об этом человеке иначе. Порочные наклонности и беспринципность, которые он всячески скрывал от своих лучших друзей, не могли ускользнуть от внимания юноши почти равного с ним возраста, у которого к тому же была возможность наблюдать за ним, когда он не лицемерил, оставаясь самим собой.

Теперь я вынужден снова причинить Вам боль, в какой же степени сильную — судить Вам, а не мне. Однако каковы бы ни были чувства, вызванные у Вас мистером Уикхемом, догадки об их природе не помешают мне раскрыть перед Вами его истинный характер; наоборот, эти догадки тем более заставляют меня сделать это. Мой замечательный отец скончался около пяти лет тому назад, и его привязанность к мистеру Уикхему оставалась до последнего настолько сильной, что в своем завещании он рекомендовал мне наилучшим образом поспособствовать будущности этого молодого человека, насколько это позволяла выбранная им стезя, и в случае, если он действительно станет священником, предоставить ему значимый церковный приход, как только таковой освободится. Кроме того, он получил по завещанию тысячу фунтов. Отец Уикхема ненадолго пережил моего, и через полгода после этих событий Джордж написал мне, что твердо решил отказаться от принятия сана. При этом он написал, что возможно мне не покажется неразумной его надежда на некую ком-

пенсацию вместо вспомоществования, на которое он рассчитывал, и которое в результате своего отказа утрачивал. Он добавил также, что у него были определенные намерения изучать юриспруденцию, и я, конечно, прекрасно понимал, что тысячи фунтов для этого явно недостаточно.

Я скорее желал, чтобы его намерения оказались честными, чем сам в это верил, однако я был готов принять его предложение. Тем не менее, я сразу согласился с его предложением, поскольку чувствовал, насколько не подходит мистеру Уикхему роль священника. Таким образом все довольно быстро уладилось. Он отказывался от любой помощи в духовной карьере, даже если в будущем такая возможность возникнет; взамен он получал три тысячи фунтов. На этом наши взаимоотношения вроде бы должны были закончиться. Я слишком плохо думал о нем, чтобы приглашать его в Пемберли или общаться с ним в столице. Мне казалось, он жил в основном в Лондоне, однако его стремление изучать юриспруденцию оказалось лишь притворством; став свободным от любых ограничений, он начал вести жизнь праздную и расточительную. На протяжении трех лет я о нем почти ничего не слышал, однако когда священник в когда-то предназначавшемся для него приходе скончался, он обратился ко мне с письмом, в котором просил оставить этот приход за ним. Он писал, что находится в стесненных жизненных обстоятельствах, и в это нетрудно было поверить. По его словам он счел изучение юриспруденции делом бесперспективным, и теперь твердо решил принять сан, если я предоставляю ему приход, о котором раньше шла речь. При этом он не сомневался, что так оно и случится, поскольку был уверен, что мне просто больше не о ком заботиться, и что я не позабыл волю моего уважаемого отца. Вы вряд ли будете обвинять меня в том, что я отказался выполнить эту его просьбу и отметал все ее повторения. Степень его негодования была сравнима с глубиной его бедственного положения, и он без сомнения также рьяно хулил меня перед окружающими, как и горячо упрекал меня самого. С этого времени мы совершенно перестали знать. Как и чем он жил, я не знаю. Однако прошлым летом он снова самым неприятным образом вторгся в мою жизнь.

Теперь я должен упомянуть об одном обстоятельстве, о котором мне самому хотелось бы позабыть, и лишь значимость этого письма побуждает меня рассказать о нем. Говоря это, я не сомневаюсь, что Вы сохраните его в секрете. Опека над моей сестрой, которая моложе меня на десять лет, была возложена на меня и на племянника моей матери, полковника Фицуильяма. Около года назад мы забрали ее из школы и устроили ее сначала в Лондоне, а прошлым летом вместе с приставленной к ней дамой перевезли в Рэмсгейт, куда безусловно умышленно перебрался и мистер Уикхем. Позже выяснилось, что они были довольно давно знакомы, а мы весьма ошибались в наших оценках миссис Янг, ибо благодаря ее попустительству ему удалось весьма расположить к себе Джорджиану, трепетное сердце которой сохранило детские воспоминания о его добром к ней отношении, и в результате она убедила себя, что влюблена, и согласилась на побег. Ей в то время было всего пятнадцать, что в какой-то мере может служить для нее оправданием, но признавая ее легкомыслие, я рад добавить, что о побеге она рассказала мне сама.

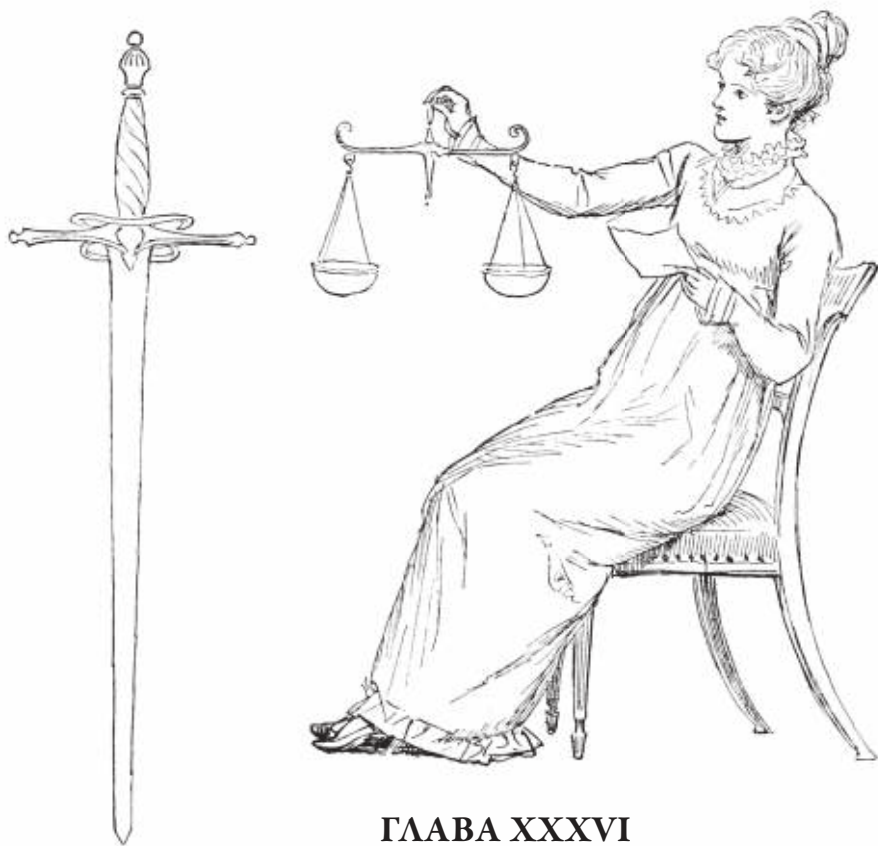
Я неожиданно навестил ее за день или за два до намеченного побега, и тогда Джорджиана, не способная выносить мысль, что она может заставить скорбеть или огорчить брата, на которого она смотрела почти как на отца, все мне рассказала. Вы можете легко себе представить, что я при этом почувствовал, и как действовал. Соображе-

ния о сохранении доброго имени сестры и забота о ее чувствах не допускали никакой огласки, однако я сразу написал мистеру Уикхему, который сразу уехал из тех мест, а миссис Янг разумеется была освобождена от своих обязанностей. Без сомнения мистера Уикхема интересовало в первую очередь богатство сестры, равное тридцати тысячам фунтов, однако я не могу удержаться от мысли, что другим сильным его побуждением была возможность отомстить мне. Случись такое, и эта месть ему действительно бы удалась.

Таков, сударыня, правдивый рассказ обо всех наших взаимных отношениях, и если Вы не отрините его, сочтя выдумкой, Вы не будете, я надеюсь, с этого момента считать мое обращение с мистером Уикхемом жестоким. Я не знаю, каким образом, и с помощью какого обмана он произвел на Вас столь благоприятное впечатление, однако, возможно, его успеху не следует удивляться, ведь Вы были не в курсе всех этих касающихся только нас дел. Раскрыть обман вам не представлялось возможным, а подозрительность Вам не свойственна.

Возможно, Вас удивляет, почему все это не было рассказано Вам вчера вечером. Однако в то время я не достаточно владел собой, чтобы решать, что я могу или что должен Вам поведать. Достоверность каждого сказанного здесь мной слова я могу засвидетельствовать у полковника Фицуильяма, который как мой близкий друг и товарищ, а также как исполнитель предсмертной воли моего отца, был в курсе всех этих событий. Если Ваша неприязнь ко мне обесценивает все мои утверждения, ничто не помешает Вам найти им подтверждение у моего кузена, и чтобы Вы успели с ним переговорить, я постараюсь найти способ передать Вам это письмо сегодняшним утром. Хочу лишь добавить — да благословит Вас Господь!

Фицуильям Дарси».



ГЛАВА XXXVI

Когда мистер Дарси вручил ей свое письмо, Элизабет не предполагала, что в нем он вернется к своему предложению, ей все же не приходило в голову, каким будет его содержание. Однако, каковым бы оно ни было, легко можно представить, с какой жадностью она его прочла и какие противоречивые эмоции это вызвало в ее душе. Когда она его читала, ее чувства вряд ли поддавались точному определению. Вначале она с удивлением отметила, что Дарси считает себя в полном праве оправдываться, и вскоре убедилась, что он считает все свои доводы вполне достойными, за которые с его точки зрения не устыдился бы ни один джентльмен. Она начала читать о приключившейся в Незерфилде истории с сильным предубеждением против всего, что он мог бы сказать по этому поводу. Она читала жадно, едва понимая написанное, ее подталкивало вперед желание узнать, что написано в последующих строках, и ей было трудно вникать в те, по которым уже пробежали ее глаза. Она не поверила в утверждение Дарси, что ее сестра показалась ему равнодушной, а перечисление его реальных и весомых возражений против предполагавшегося брака настолько сильно ее возмутило, что это лишило ее желания разбираться, насколько он прав. Он не выказывал сожаления о случившемся в той мере, какая могла бы ее удовлетворить, стиль его письма был надменным, а вовсе не покаянным. Все его письмо было исполнено гордости и высокомерия.

Однако когда она перешла к истории о мистере Уикхеме и когда с несколько более ясным пониманием прочла о событиях, которые, если только считать их изложе-

ние истиной, с одной стороны напоминали все, рассказанное самим Уикхемом, а с другой совершенно меняли ее доброе отношение к этому молодому человеку, ее чувства пришли в еще более растрепанное и болезненное состояние. Во время чтения ее охватывали изумление, негодование, и даже ужас. Она просто не хотела во все это верить, постоянно повторяя: «Это просто неправда! Этого не может быть! Должно быть, это мерзкая ложь!». И когда она пробежала глазами письмо до конца, едва разобравшись в содержании его последней части, она поспешно сложила листки, убеждая себя, что ей не стоит обращать на него внимание, и что она больше на него даже не посмотрит.

В смятенном состоянии ума, не способная сконцентрировать свои мысли, она пошла по аллее, но долго не выдержала. Через полминуты письмо было вновь раскрыто, и Элизабет, стараясь из всех сил взять себя в руки, снова перечитала ту его ужасную часть, в которой речь шла об Уикхеме; при этом она заставила себя вникать в смысл каждой фразы. Рассказ о его отношениях с семьей, жившей в Пемберли, полностью соответствовал тому, что говорил сам Уикхем; доброта покойного мистера Дарси, хотя ранее Элизабет не могла оценить ее границ, также соответствовала его рассказу. До сих пор две истории, рассказанные Дарси и Уикхемом, только подтверждали друг друга. Однако когда она дошла до рассказа про завещание, различие стало существенным. История, рассказанная Уикхемом про завещанный ему приход, была еще свежа в ее памяти, она помнила ее почти дословно, ей было трудно понять, какая из двух версий является грубой фальсификацией, и в первые минуты она успокаивала себя тем, что интуиция ее не подвела. Однако, когда она не раз перечитала самым внимательным образом все подробности, связанные с полным отказом Уикхема от всех претензий на приход и о получении им взамен внушительной суммы в три тысяч фунтов, ее снова охватили сомнения. Стараясь не заглядывать в письмо, взвешивая все свои соображения и стараясь оставаться беспристрастной, она прикинула вероятность правдивости каждой версии, однако к успеху это не привело. В обоих случаях были лишь ничем не подтвержденные утверждения. Она снова начала читать. И теперь каждая строчка доказывала ей, что версия, в которой поведение мистера Дарси оказывалось бесчестным, маловероятна, а та версия, которую она ранее считала невозможной, поворачивалась таким образом, что это его поведение становилось во всех отношениях безупречным.

Мистер Дарси совершенно определенно обвинял Уикхема в расточительности и распушенности, и это произвело на нее шокирующее впечатление, тем более, что она не могла найти никаких доказательств несправедливости этих обвинений. Она ничего не слышала, как он поступил в ***ширский полк, в котором оказался по рекомендации молодого человека, случайно встретившего его на улице и решившего возобновить мимолетное знакомство. О его прежнем образе жизни в Хартфордшире ничего не было известно, кроме того, что он сам о себе рассказывал, а Элизабет вряд ли взялась самостоятельно выяснять, что он за человек, даже если бы у нее была такая возможность; ведь весь его облик, голос и манеры сразу свидетельствовали о том, что он обладает всеми возможными добродетелями.

Она пыталась вспомнить какой-нибудь его добрый поступок, какую-нибудь отличительную черту, говорящую о его порядочности и доброжелательности, которая могла бы спасти его от нападок мистера Дарси, или по крайней мере вспомнить о какой-нибудь преобладающей добродетели, которая позволяла бы искупить все об-

винения в праздности и порочности — в тех грехах, которые приписывал ему Дарси. Однако ничего такого припомнить она не могла. Ей легко было представить его образ, полный очарования и непринужденных манер, однако ей не удавалось припомнить ничего более существенного, что говорило бы в его пользу, кроме всеобщего одобрения знакомых и положительных оценок во время раутов, которые он зарабатывал своей обходительностью.

Поразмышляв некоторое время на эту тему, Элизабет снова взялась за чтение. Однако, увы! Следовавшая далее история попытки соблазнения мисс Дарси получала не-



которое подтверждение из того, что накануне говорил ей полковник Фицуильям, и наконец, ей предоставлялась возможность подтвердить каждый конкретный эпизод, обращаясь непосредственно к самому полковнику, от которого она еще ранее слышала, что он в курсе всех деталей жизни мисс Дарси, а порядочность полковника не вызывала у нее никаких сомнений. Она уже почти была готова и в самом деле обратиться к нему, однако быстро поняла, что тема для этого слишком деликатна, и совершенно отказалась от этой идеи, когда сообразила, что мистер Дарси вряд ли рискнул предлагать обращаться к своему кузену, если бы не был уверен в его поддержке.

Она прекрасно помнила все детали своего разговора с Уикхемом, который состоялся во время их первой встречи в доме у мистера Филипса. Многие его фразы были еще свежи в ее памяти, и теперь ее удивляло, насколько неуместно было рассказывать о подобных делах практически незнакомому для него человеку, и удивилась, как эта простая мысль ранее от нее ускользала. Она теперь видела, насколько неприлично он

себя вел, стараясь выставаться, а ведь именно так он и делал, к тому же его положение плохо соотносилось с его поступками. Она вспомнила, как он хвастался, что не боится встретиться с мистером Дарси, и что пусть мистер Дарси сам уезжает, а он тут так и останется, и при этом всего через неделю он уклонился от бала в Незерфилде! Она также припомнила, что до того, как незерфилдское семейство уехало в столицу, он рассказывал свою историю только ей, однако после их отъезда, об этой истории говорили уже повсеместно. Не было никаких сомнений, что он любым способом стремился опорочить мистера Дарси, и при этом он заверял ее, что уважение к Дарси-старшему не позволяет ему плохо говорить о его сыне.

Как теперь по-другому представлялось ей все, что имело отношение к его поступкам! Его внимание к мисс Кинг оказалось следствием изменной расчетливости, а скромность ее приданого более не доказывала умеренности его желаний, а говорила только о его стремлении хвататься за любой куш. Его поведение по отношению к ней самой уже не объяснялось приемлемыми мотивами: он либо обманывался по поводу ее средств, либо удовлетворял свое тщеславие, поощряя в ней склонность, которую она, по ее же мнению, неосторожно продемонстрировала. Каждая очередная попытка борьбы в его пользу становилась все слабее и слабее, а в процессе оправдания мистера Дарси она не могла не вспомнить, что уже довольно давно мистер Бингли в ответ на вопрос Джейн заявил о безукоризненном поведении Дарси во всей этой истории. Разумеется, его гордость была отвратительной, так же как и его высокомерие и отталкивающие манеры, однако на протяжении всего их знакомства, которое в последнее время так их сблизило и дало представление о его мотивах, Дарси ни разу не совершил поступка, благодаря которому его можно было обвинить в беспринципности и несправедливости. Ничто не говорило о его аморальности, дурных наклонностях или привычках; а среди своих знакомых он неизменно был чтим и уважаем, и даже Уикхем говорил о нем, как о брате. К тому же Элизабет часто слышала, как Дарси ласково говорил о своей сестре, что доказывало его способность к нежным чувствам, и если бы его поступки, которые ему приписывал Уикхем, настолько шли бы вразрез с общепринятыми правилами, их вряд ли удалось долго скрывать от всего света. И наконец, дружба между человеком, способным на низкие поступки, и таким приятным юношей, как мистер Бингли, представлялась просто невозможной.

Ей стало ужасно стыдно за себя. Она не могла думать ни о Дарси, ни об Уикхеме, не чувствуя, как она была слепа, предвзята, несправедлива и глупа.

— Как безобразно я поступила! — воскликнула она. — Я, так гордившаяся своей проницательностью! Я, так ценившая свои качества, и так часто подтрунивавшая над доброжелательностью своей сестры и удовлетворявшая свое тщеславие столь безосновательной и постыдной неприязнью! Как унижительно это открытие! Какое это унижение! Если бы я даже была влюблена, я не могла и тогда быть настолько слепой. Однако я сплутала не из-за любви, а из тщеславия! При первом же знакомстве я была польщена вниманием одного человека и оскорблена пренебрежением другого; я пестовала предрассудки и невежество и гнала от себя соображения разума, когда дело касалось каждого из них! Оказывается до этого времени я себя толком и не знала!

Ее мысли перетекали от себя самой к Джейн, а потом от Джейн к Бингли, и тут ей показалось, что здесь объяснения мистера Дарси совершенно неубедительны; она перечла их опять. Результат второго прочтения оказался совершенно иным. Могла ли она отдавать должное справедливости его рассуждений в одном случае, если она отка-

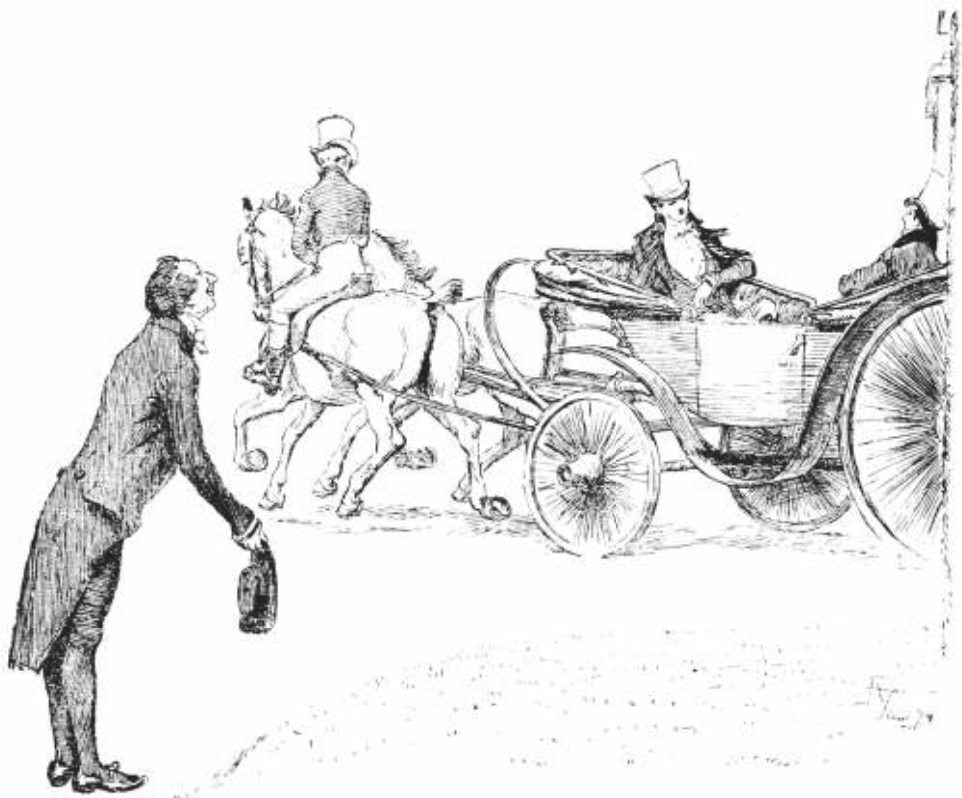
зывала ей в другом? Он заявлял, что совершенно не подозревал о чувствах ее сестры, и она не могла не вспомнить, что именно так думала и Шарлотта, также она не могла отрицать справедливость его описания поведения Джейн. Элизабет и вправду отдавала себе отчет, что чувства Джейн, пусть и пылки, внешне проявлялись мало, и что ее манера уравновешенно держать себя в совокупности с прекрасным самообладанием не часто могли свидетельствовать о сильных эмоциях.

Когда она дошла до того места письма, в котором упоминались ее родные, недостатки которых резко подвергались критике, ее охватило острое чувство стыда. Выдвинутые обвинения были слишком справедливыми, чтобы их отрицать. Все упоминаемые им подробности бала в Незерфилде подтверждали основательность его критики, на нее саму они произвели едва ли меньшее впечатление, чем на самого Дарси.

Она отметила комплимент в адрес себя и своей сестры. Он немного успокаивал, но не мог умерить ее стыда за остальных членов ее семьи. Она стала понимать, что разочарование Джейн является результатом недостойного поведения ее родственников, и представляла как недостойно оно может восприниматься со стороны. Элизабет почувствовала себя ужасно подавленной, такого с ней еще ни разу не бывало в жизни.

Она проходила по тропинке около двух часов, по разному прикидывая все случившееся, переосмысливая различные события, прикидывая вероятность тех или иных интерпретаций, и старалась привыкнуть к внезапной и такой существенной перемене в собственных взглядах. Наконец, усталость и понимание, что она отсутствует уже довольно долго, заставили ее направиться к дому. Она вошла внутрь с желанием казаться по-прежнему веселой и подавить в себе все негативные эмоции, которые могли бы помешать непринужденному общению.

Ей сразу рассказали, что во время ее отсутствия в дом заглядывали оба джентльмена из Розингса. Мистер Дарси заходил всего на несколько минут попрощаться, а полковник Фицуильям просидел с домашними по меньшей мере час, надеясь на ее возвращение, и чуть было не решил отправиться в парк на ее поиски. Элизабет могла только выразить сожаление, что они разминутись, хотя на самом деле ее это обрадовало. Она больше не думала о полковнике Фицуильяме, ее мысли были заняты только полученным письмом.



ГЛАВА XXXVII

Оба джентльмена покинули Розингс на следующее утро. Мистер Коллинз, поджидавший их у калитки для прощального поклона, возвратился в дом с радостным сообщением, что они находятся в добром здравии и в приемлемом расположении духа после печальной сцены прощания; затем он устремился в Розингс, где поспешил утешить леди Кэтрин и мисс де Бург. Вернувшись обратно, он с большим удовлетворением принес оттуда известие от ее светлости, что по ее словам она настолько страдает от скуки, что весьма желает видеть их всех к обеду.

Поглядывая на леди Кэтрин, Элизабет не могла удержаться от мысли, что при желании уже сейчас ее могли бы представить ее светлости в качестве ее будущей племянницы, и она не смогла удержаться от улыбки, представив, каково бы при этом могло быть негодование этой важной дамы. «Любопытно, что бы она сказала, и как бы себя повела?», — развлекаясь, думала про себя Элизабет.

Первой темой беседы было уменьшение количества обитателей Розингса.

— Уверяю вас, — говорила леди Кэтрин, — я принимаю это близко к сердцу. Думаю, никто не переживает разлуку с друзьями так же сильно, как я. А я особо привязана к этим молодым людям и знаю, насколько они привязаны ко мне! Им было так грустно уезжать! С ними так всегда. Мой дорогой полковник сдерживал свои чувства почти до самого конца, а Дарси, думаю, переживал разлуку, как мне кажется, острее, чем в прошлом году. Его привязанность к Розингсу безусловно увеличивается.

Мистер Коллинз отпустил по этому поводу заранее припасенный комплимент с намеком, на который мать и дочь ответили улыбками.

Леди Кэтрин после обеда заметила, что мисс Беннет кажется не в духе, и тут же сама объяснила это, предположив, что та не хочет так скоро возвращаться домой.

— Если это именно так, — добавила она, — вы должны написать вашей матушке и попросить у нее разрешения немного задержаться. Я уверена, что миссис Коллинз будет рада вашему обществу.

— Я очень благодарна вашей светлости за любезное приглашение, — ответила Элизабет, — но не в моей власти его принять. В следующую субботу я должна быть в столице.

— В таком случае вы пробудете здесь всего шесть недель. Я ожидала, что вы останетесь на два месяца. Я говорила об этом миссис Коллинз еще перед вашим приездом. Нет никакой причины возвращаться так скоро. Уверена, что миссис Беннет сможет обойтись без вас две недели.

— Да, но мой отец не сможет. На прошлой неделе он писал и просил поторопиться с приездом.

— Ну, отец тоже сможет без вас обойтись, раз мать может. Дочери не так много значат для своих отцов. А если вы задержитесь еще на целый месяц, то в моих силах будет довести одну из вас до Лондона, поскольку я сама собираюсь туда на неделю в начале июня. Поскольку Доусон ничего не имеет против четырехместного экипажа, местечко для одной из вас найдется, а если случится так, что будет прохладно, я бы не возражала прихватить обеих, вы ведь девушки не крупные.

— Вы сама доброта, ваша светлость, однако боюсь, что нам придется придерживаться нашего первоначального плана.

Леди Кэтрин, казалось, решила уступить.

— Миссис Коллинз, вы должны послать с ними слугу. Вы же знаете, я всегда говорю, что думаю, и я не могу смириться с мыслью, что юные леди поедут на почтовых лошадях, предоставленные сами себе. Это никуда не годится. Вы должны умудриться найти кого-нибудь. Я больше всего на свете не люблю такие вещи. За молодыми леди сообразно их положению нужен соответствующий пригляд и присмотр. Когда моя племянница Джорджиана прошлым летом ехала в Рэмсгейт, я указала, чтобы ее сопровождали два человека. Для мисс Дарси, дочери мистера Дарси из Пемберли и леди Энн, иначе было просто невозможно. Я очень внимательна к таким вещам. Миссис Коллинз, думаю, вы должны послать Джона с юными леди. Я очень рада, что мне пришлось в голову упомянуть об этом, потому что было бы весьма неблагоприятно отпустить их одних.

— Мой дядя должен послать за нами слугу.

— Вот как? Ваш дядя! Так у него есть слуга, не так ли? Я рада, что у вас есть хоть кто-нибудь, кто думает о таких вещах. Где вы будете менять лошадей? А! Конечно, в Бромли. Достаточно будет вам упомянуть мое имя в «Колоколе», и о вас позаботятся.

У леди Кэтрин было еще немало вопросов, связанных с этой поездкой, а так как она самолично отвечала не на все из них, приходилось уделять этому некоторое внимание, и Элизабет считала, что для нее это по-своему неплохо, ведь иначе в любой момент ее могли захлестнуть ее собственные мысли и унести очень далеко. Ей следовало поразмышлять обо всем в одиночестве, когда у нее появится для этого свободное время. Для нее одиночество было облегчением, и она ежедневно совершала уединенные прогулки, во время которых она могла в полной мере предаваться своим печальным размышлениям.



— Уверяю вас, — говорила леди Кэтрин, — я принимаю это близко к сердцу.

Письмо мистера Дарси она вскоре выучила почти наизусть. Она изучила в нем каждую фразу, и ее чувства по отношению к их автору по временам весьма разнились. Когда она вспоминала, в какой манере он с ней разговаривал в парке, она все еще негодовала, однако когда она припоминала, как несправедливо она его обвиняла и как жестоко упрекала, она начинала сердиться на себя саму, сожалела о его обманутых надеждах. Его привязанность требовала благодарности, а его характер — уважения,



но она не могла отнестись к нему по-доброму, ни на минуту не сожалела о своем отказе и совершенно не испытывала никакого желания снова его увидеть. С другой стороны, ее собственное поведение в прошлом служило для Элизабет постоянным источником для раздражения и сожаления о содеянном, мысли же о горестных недостатках ее родственников мучили ее еще больше. Надежды на их исправление не было никакой. Ее отец будет по-прежнему подсмеиваться над ними и никогда не возьмется ликвидировать кавардак в головах ее младших сестер, а ее мать, с ее манерами, весьма далекими от совершенства, совершенно не понимает, что с ними не так. Элизабет

нередко объединялась с Джейн, чтобы хоть как-то пресечь неблагоразумие Кэтрин и Лидии, но мать относилась к ним снисходительно, и поэтому шансов на успех у старших сестер не было. Слабохарактерная, быстро раздражающаяся и находящаяся под влиянием младшей сестры, Кэтрин в ответ на их замечания лишь обижалась, а своевольная и беззаботная Лидия вообще пропускала их мимо ушей. Они были невежественны, ленивы и тщеславны. Пока в Меритоне оставался хоть один офицер, они были готовы кокетничать, а поскольку Меритон был на расстоянии пешей прогулки из Лонгборна, они должны были бегать туда до окончания века.

Другим поводом для постоянного беспокойства Элизабет были ее мысли о Джейн, ведь объяснения мистера Дарси, вернув в ее представлении доброе мнение о Бингли, в то же время усилили значение понесенной ее сестрой утраты. Выяснялось, что его привязанность оказалась серьезной, и его поведение было очищено от всех обвинений, если только не брать во внимание его безоговорочную доверчивость к своему другу. Как грустно было думать, что столь благоприятная во всех отношениях и столь многообещающая история лишила Джейн счастливой жизни из-за глупости и отсутствия такта у ее ближайших родственников.

Если же учесть, что к этим мыслям добавилось еще и раскрытие подлинной сущности мистера Уикхема, то легко было представить, что ее жизнерадостность, которую она ранее утрачивала редко, теперь находилась в столь угнетенном состоянии, что Элизабет с трудом удавалось казаться веселой.

В течение последней недели до ее отъезда поездки в Розингс проходили столь же часто, как в самом начале после ее появления. Самый последний вечер они также провели там же, и ее светлость опять подробно расспрашивала обо всех подробностях предстоящей поездки, давала им советы, как лучше упаковать вещи, и так настоятельно рекомендовала укладывать платья единственно правильным способом, что Мария сочла нужным по возвращении перепаковать все собранные утром вещи и уложить свой чемодан заново.

Во время прощания леди Кэтрин весьма снисходительно пожелала им счастливого пути и пригласила посетить Хансфорд в следующем году, а мисс де Бург не сочла за труд сделать реверанс и протянула каждой из них руку.



ГЛАВА XXXVIII

В субботу утром мистер Коллинз и Элизабет встретились перед завтраком за несколько минут до того, как спустились остальные, и он воспользовался случаем, чтобы отдать должное всевозможным любезностям перед ее отъездом.

— Не знаю, мисс Элизабет, — сказал он, — напоминала ли уже миссис Коллинз о своей радости, которую вызвал у нее ваш приезд к нам, однако я совершенно убежден, что вы не покинете этот дом, не выслушав ее признательности. Ваше присутствие здесь, уверяю вас, очень чувствовалось. Мы, конечно, понимаем, что мало кого можно соблазнить таким скромным обиталищем. Наш простой образ жизни, наши небольшие комнаты, малочисленность прислуги, ограниченные выезды — все это должно быть делает Хансфорд весьма скучным для такой юной леди, однако, я надеюсь, вы поверите, что мы очень благодарны за вашу снисходительность, и что мы делали все возможное, чтобы ваше пребывание здесь не показалось вам тягостным.

Элизабет поторопилась поблагодарить его, выразив свою благодарность и заверив в том, что была счастлива в Хансфорде. Она провела эти шесть недель с огромной радостью. Общение с Шарлоттой доставляло ей истинное удовольствие, а оказанное ей любезное внимание заставляет ее чувствовать себя обязанной гостеприимным хозяевам. Мистер Коллинз был удовлетворен и с улыбкой еще более торжественно ответил:

— Мне доставляет огромное удовольствие слышать, что вы провели здесь ваше время не без приятности. Мы старались угодить вам изо всех сил; к счастью благодаря нашим связям в Розингсе в наших силах было ввести вас в высшее общество и таким образом разнообразить нашу домашнюю обстановку, и я думаю, что мы можем льстить себя надеждой, что визит в Хансфорд не покажется вам невыразимо утомительным. Наше положение в отношении семьи леди Кэтрин действительно является своего рода экстраординарным преимуществом и благословением, которым могут похвастаться немногие. Вы видите, насколько мы на короткой ноге, и вы видели, насколько часто нас туда приглашают. По правде говоря, я должен признать, что при всех недостатках этой скромной обители, никто из ее обитателей не нуждается в сострадании, поскольку пользуется всеми благами связей с Розингсом.

Мистера Коллинза переполняли возвышенные чувства; и будучи не в силах их выразить, он стал расхаживать по комнате, Элизабет же в это время попыталась выразить одновременно свою учтивость и искренность в нескольких коротких фразах.

— Теперь вы сможете, дорогая кузина, донести до обитателей Хартфордшира благоприятный рассказ о нашей жизни, и я льщу себя надеждой, что вы непременно это сделаете. Искреннее внимание леди Кэтрин по отношению к миссис Коллинз, свидетельницей которого вы почти ежедневно были, говорит о том, что жизнь вашей подруги нельзя считать несчастливой. Впрочем, об этом мы лучше умолчим. Позвольте мне заверить вас, моя дорогая мисс Элизабет, что я хочу от всего сердца пожелать вам равного счастья в браке. Мы с моей дорогой Шарлоттой думаем обо всем одинаково и смотрим на все как бы одними глазами. Во многом мы удивительно схожи; должно быть, мы просто созданы друг для друга.

Элизабет смогла смело заявить, что это большое счастье, и с равной искренностью добавила, что безусловно верит в его удовлетворенность своей домашней жизнью. Однако она огорчилась, когда ее ответ был прерван появлением леди, которой он был обязан этой удовлетворенностью. Бедная Шарлотта! Как грустно было покидать ее, оставляя в таком обществе! Однако она сама выбрала свою участь, сознавая все последствия такого выбора, и хотя она была явно опечалена отъездом гостей, она не подала виду, что нуждается в сочувствии. Дом, работа по хозяйству, ее церковный приход и ее птичник, и все, что этого касалось, еще не утратило для нее своего очарования.

Наконец, подкатил экипаж, чемоданы были привязаны сзади, а свертки распаханы внутри, и было объявлено, что все готово к отъезду. Подруги нежно простились, и Элизабет пошла к экипажу в сопровождении мистера Коллинза. Пока они шли по саду, он попросил передать его искреннее уважение всем ее домашним вместе с благодарностью за доброту, оказанную ему прошлой зимой в Лонгборне, а также его нижайшие поклоны мистеру и миссис Гардинер, которых он к сожалению не имеет чести знать лично. Затем он подал ей руку, помогая сесть в экипаж. Мария последовала за ней, и дверца уже было почти захлопнулась, когда он с некоторым испугом напомнил им, что они до сих пор ничего не просили передать дамам из Розингса.

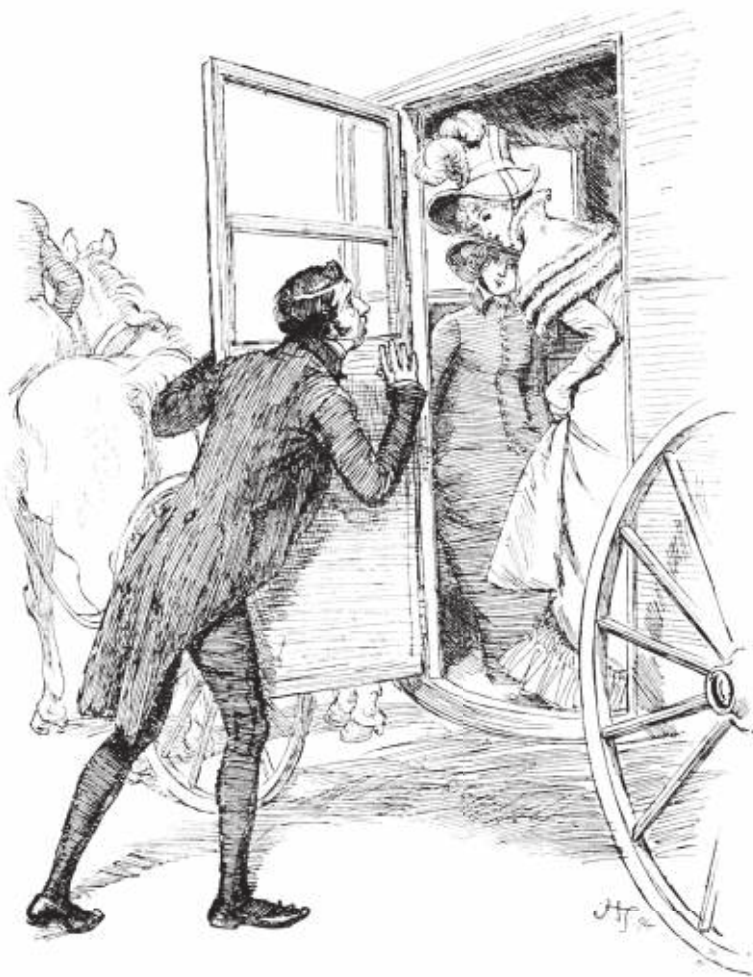
— Впрочем, — добавил он, — вы, конечно, захотите передать им свое нижайшее почтение вместе с благодарностью за оказанную вам доброту во время вашего здесь пребывания.

Элизабет совершенно не возражала. После этого дверцу разрешили закрыть, и экипаж тронулся в путь.

— Боже милостивый! — воскликнула Мария после нескольких минут молчания. — Кажется, прошел день или два с тех пор, как мы впервые сюда приехали! И все же, сколько всего произошло!

— Действительно, очень много, — со вздохом ответила ее спутница.

— Мы девять раз обедали в Розингсе, да еще дважды пили там чай! Сколько всего мне придется об этом рассказывать!



«И как много всего мне придется скрывать!», — добавила при этом про себя Элизабет.

Путешествие прошло без особых разговоров и без происшествий; через четыре часа после отъезда из Хансфорда они подъехали к дому мистера Гардинера, где должны были остаться на несколько дней.

Джейн выглядела хорошо, миссис Гардинер всячески ее предупредительно развлекала, поэтому у Элизабет почти не было возможности разобраться в душевном состоянии своей сестры. Однако Джейн вскоре должна была вернуться вместе с ней в Лонгборн, где будет достаточно времени для наблюдений.

Элизабет пришлось приложить некоторое усилие, чтобы до Лонгборна не рассказать своей сестре о предложении мистера Дарси. Она хотела поделиться с ней потрясающей новостью, потешив свое тщеславия, от которого доводы рассудка не помогали ей избавиться; все это настойчиво подталкивало ее к откровенности, и едва ли Элизабет смогла бы устоять перед этим соблазном, если бы не опасалась, что неосторожное упоминание некоторых подробностей этой истории, связанных с мистером Бингли, будет способно расстроить ее сестру.



ГЛАВА XXXIX

Во второй неделе мая три молодые леди, покинув Грейсчерч-стрит, направились все вместе в городок*** в Хартфордшире, и когда они подъезжали к оговоренной заранее гостинице, у которой их должен был встретить экипаж мистера Беннета, они убедились в точности возницы, заметив Китти и Лидию, которые выглядывали из окна столовой во втором этаже. Эти две юные леди уже провели в городке около часу, где премило развлеклись, посетив шляпный магазинчик, поглазев на часового и сделав салат с огурцами. Поприветствовав своих сестер, они торжественно указали на стол, уставленный холодной телятиной и прочими извлеченными из гостиничного погреба припасами. При этом они наперебой восклицали:

— Разве это не мило? Не правда ли, приятный сюрприз?

— Мы хотели вас угостить, — добавила Лидия, — но вы должны подкинуть нам денегжат, потому что наши мы потратили вон в той лавке.

Затем они принялись разворачивать свои покупки.

— Посмотрите, какой я купила чепец! Не думаю, что он так уж хорош, однако я подумала, что все-таки могу его купить. Как только вернусь домой, я его распорю и посмотрю, нельзя ли его чуточку улучшить.

Когда же ее сестры обозвали чепец уродливым, она невозмутимо добавила:

— О! Но в лавке были две или три шляпки еще ужаснее. Вот увидите, когда я куплю сатинчика поярче и украшу им этот чепчик, он станет вполне сносным. А впрочем, не так уж и важно, что мы будем носить летом, ведь ***ширский полк покидает Меритон, а случится это через две недели!

— Неужели? — воскликнула Элизабет, весьма обрадованная этой новостью.

— Они собираются встать лагерем под Брайтоном, и мне так хочется, чтобы папа всех нас отвез туда на лето! Это прекрасный план, и я уверена, что это почти ничего нам бы не стоило. Маман тоже безусловно об этом мечтает. Подумайте только, какая в противном случае нас летом ждет скука!

«Ну, да... замечательный план, — подумала Элизабет. — Только этого нам и не хватало! Боже правый! Только это нам и надо — целый полк вояк в Брайтоне, в то время как у нас все пошло кувыркотом от одного ополчения в Меритоне и ежемесячных тамошних балов».

— А теперь у меня для вас новость, — сказала Лидия, когда все сели за стол. — Как вы думаете, о чем речь? Это отличная новость, очень весомая, к тому же о человеке, который всем нам очень нравится.

Джейн и Элизабет глянули друг на друга, и лакею было сказано, что в его услугах больше не нуждаются, и что он может уйти. Лидия при этом усмехнулась:

— Вечно эти ваши манерности и осторожность! Думаете, лакею есть дело до того, что он может услышать? Я уверена, что он слышит вещи и похлеще того, о чем я собираюсь вам рассказать. К тому же он такой урод! Я рада, что он ушел. Никогда не видела такого длиннющего подбородка! Да, теперь о моей новости... Она о нашем дорогом Уикхеме. Лакей точно не должен это услышать! Можно не опасаться, что Уикхем женится на Мэри Кинг! Вот! Что скажете? Она уехала к своему дядюшке в Ливерпуль. Уехала, чтобы там остаться. Теперь Уикхем в безопасности.

— Значит, Мэри Кинг тоже в безопасности, — добавила Элизабет. — Ей не грозит неблагодарный брак, и состояние ее в безопасности.

— Если он ей нравится, и при этом она уезжает, значит, она просто дура.

— Надеюсь, они были не слишком увлечены друг другом, — предположила Джейн.

— Уверена, что он не был. Уикхему всегда было на нее начхать. Кому вообще нужно это ужасное конопатое создание?

Элизабет с ужасом поняла, что хотя она не была способна на такие грубые выражения, эта грубость была сродни ее собственным чувствам, которые скрывались в ее сердце, а ведь она еще недавно считала себя утонченным человеком свободных взглядов.

Как только все поели, и старшие сестры расплатились за еду, был заказан экипаж, и после некоторых ухищрений вся компания со всеми их коробками, баулами и пакетами, а также недавними дурацкими покупками Китти и Лидии, благополучно в нем разместилась.

— Как славно мы сюда втиснулись! — воскликнула Лидия. — Я так рада, что купила этот чепчик. Только ради этой шляпной коробки стоило бы это сделать! Давайте теперь угнетимся поудобнее и будем весело болтать до самого дома. Во-первых, ужасно хочется послушать, что с вами приключилось после вашего отъезда. Вы познакомились с какими-нибудь интересными мужчинами? Удалось ли пофлиртовать? Я даже весьма надеялась, что одной из вас даже удастся до приезда домой выскочить за-



— Посмотрите, какой я купила чепец!

муж. Джейн скоро останется у нас в старых девах, точно вам говорю! Ей ведь уже почти двадцать три! Господи! Если бы я до двадцати трех не была бы уже замужем, я бы сгорела со стыда! Моя тетка Филипс спит и видит, чтобы вы поскорее повыскакивали замуж. Можете себе представить — она считает, что Лиззи надо было принять предложение мистера Коллинза, однако, не думаю, чтобы это закончилось чем-нибудь хорошим. Боже, как бы мне хотелось выйти замуж раньше вас обеих! Вы бы тогда стали сопровождать меня на все балы! Господи, как мы на днях славно повеселились у Форстеров! Мы с Китти должны были провести там целый день, а миссис Форстер пообещала, что вечером будут небольшие танцульки (кстати, мы с миссис Форстер так сдружились!), и она еще пригласила обеих сестер Харрингтон, но Харриет приболела, поэтому Пен была вынуждена пойти одна. И что, как вы думаете, мы тогда учудили? Мы нарядили Чемберлена в женское платье, ну, чтобы он сошел за даму. Только представьте, какая была веселуха! Об этом не знала ни одна живая душа кроме полковника и миссис Форстер. Ну, и еще меня с Китти, да тетки Филипс — потому что нам пришлось одолжить кое-что из ее гардеробчика. Вы и представить себе не можете, как славно он выглядел! Когда заявились Денни, и Уикхем, и Пратт, и еще двое-трое мужчин, они вообще его не узнали. Боже, как я хохотала! И миссис Форстер тоже. Я думала, что умру от смеха. Это заставило заподозрить мужчин что-то неладное, и, они, конечно, вскоре поняли, в чем дело.

Такого рода забавными случаями и проделками во время вечеринок Лидия, при поддержке Китти, которая временами вставляла свои реплики и замечания, пыталась развлекать своих спутниц во время всей дороги до Лонгборна. Элизабет старалась вникать во все это как можно меньше, однако не могла не отметить частого упоминания имени Уикхема.

Дома их ожидал самый теплый прием. Миссис Беннет была рада увидеть, что красота и привлекательность Джейн не уменьшилась, а в течение обеда мистер Беннет не раз по собственному почину обращался к Элизабет со словами:

— Я рад, что ты вернулась, Лиззи.

Компания за обеденным столом собралась большая, потому что встретить Марию и узнать все новости заявили почти все Лукасы. Болтали о самых разных вещах. Леди Лукас прямо через весь стол расспрашивала Марию о благополучии своей старшей дочери и о ее птичнике. Миссис Беннет была вовлечена сразу в две беседы: с одной стороны она интересовалась у сидевшей неподалеку Джейн новинками моды, а с другой — пересказывала ее ответы младшим мисс Лукас. Лидия же громогласно перечисляла все радости этого дня всем, кто готов был ее слушать.

— Ах, Мэри, — восклицала она, — как бы я хотела, чтобы ты поехала с нами, ведь мы так веселились! Мы прикрыли в экипаже все шторы, и нам казалось, что внутри никого нет. Я бы так всю дорогу прокатилась, если бы Китти не поплохело. А когда мы прикатили к Джорджу, думаю, там мы вели себя прекрасно; мы обошли всех остальных с самыми лучшими закусками в мире, и если бы ты не уехала, мы бы и тебя угостили! А когда мы вышли, вот была потеха! Я думала, нам так и не удастся забраться в экипаж, я чуть не померла со смеху. И мы так веселились на обратном пути! Болтали и хохотали так громко, что нас, наверно, было слышно миль за десять!

На это Мэри ответила очень серьезно:

— Меня, дорогая сестрица, совершенно не увлекают подобные развлечения, хотя они, безусловно, кажутся привлекательными для большинства женщин. Однако,

должна признать, что на меня они не производят должного впечатления. Я в гораздо большей степени предпочитаю чтение.

В ответ Лидия не сказала ни слова, ведь она редко слушала кого-нибудь дольше, чем полминуты, а на Мэри вообще не обращала никакого внимания.

После обеда Лидия стала настаивать, чтобы всем вместе отправиться в Меритон и разузнать, как там все поживают, однако Элизабет решительно против этого возражала. Иначе по ее мнению все начнут говорить, что сестры Беннет и полдня не могут просидеть дома, не бегая за офицерами. У нее была и другая причина возражать — она опасалась увидеть Уикхема, и хотела избегать этой встречи как можно дольше. Поэтому вне всяких сомнений ее радовало, что полк покидает эти места. Офицеры должны были уехать через две недели, и когда это случится, ничто уже не будет напоминать ей об этом человеке. По крайней мере, она на это надеялась.

Элизабет провела дома не так много времени, однако уже обнаружила, что идея поехать в Брайтон, о котором Лидия упомянула в гостинице, нередко обсуждается ее родителями. Ей стало ясно, что у ее отца не было ни малейшего желания потакать всем в этом деле, однако его ответы в то же время были настолько расплывчатыми и двусмысленными, что миссис Беннет, несмотря на частые фиаско, все еще не утратила веру в благоприятный исход этого дела.



ГЛАВА XL

Элизабет уже больше не могла сдерживать свое желание рассказать Джейн что произошло, и следующим утром, решив опустить все подробности, касающиеся своей старшей сестры, и подготовив ее соответствующим образом к необычному сообщению, она наконец рассказала о сцене, происшедшей между нею и мистером Дарси.

Впрочем, удивление мисс Беннет было быстро сглажено, ведь ее горячая сестринская привязанность к Элизабет заставляла ее считать любое восхищение своей сестрой делом вполне естественным, а вскоре это удивление было вытеснено совсем другими мыслями. Она была огорчена, что мистеру Дарси пришлось выразить свои чувства столь неподобающим для него образом, однако еще больше она волновалась по поводу того, что он должен был тяжело переживать отказ Элизабет.

— Его абсолютная уверенность в успехе оказалась ложной, — сказала она. — И разумеется ему не надо было ее выказывать; подумай только, насколько это увеличило его разочарование.

— Мне его и впрямь искренне жаль, — ответила Элизабет, — однако у него есть некоторые черты характера, которые вероятно довольно скоро помогут ему избавиться от привязанности ко мне. Ты ведь, надеюсь, не осуждаешь меня, что я ему отказала?

— Осуждать тебя?! О, нет!

— Однако ты наверняка осуждаешь меня, что я так тепло говорила об Уикхеме?

— Нет, но я не понимаю, в чем ты была неправа, заступаясь за него.

— Ты узнаешь это, когда я расскажу, что случилось на следующий день.

И она рассказала о письме, повторив его содержание, где оно касалась Джорджа Уикхема. Какой это был удар для бедняжки Джейн! Она ведь готова пройти по жизни, не веря, что у всего человечества может быть меньше зла, чем его оказалось в этом че-

ловеке. Даже оправдание Дарси, столь любезное ее сердцу, не могло примирить ее со столь ужасным открытием. И она на полном серьезе стала убеждать сестру, что вероятно существует какая-то ошибка, благодаря которой можно оправдывать одного человека, не затрагивая другого.

— Нет, — возразила Элизабет, — из этого у тебя ничего не выйдет! Ты никогда не сможешь представить их обоих добродетельными. Придется сделать выбор, ты должна ограничиться только одним из них. Между ними лишь одна мера порядочности, которой хватает лишь для одного человека, и в последнее время стало неясно, в чью сторону она должна быть сдвинута. Что до меня, то я начинаю склоняться в пользу мистера Дарси, а ты думай, как тебе угодно.

Прошло, однако, некоторое время, прежде чем Джейн смогла вымучить из себя улыбку.

— Не припомню, чтобы я была более потрясена, — сказала она. — Неужели Уикхем такой подлец? Поверить невозможно. Бедный мистер Дарси! Лиззи, дорогая, ты только представь, как должно быть он тяжело все это перенес! Такое разочарование! И тут ты со своим нелицеприятным о нем мнением! А он решился рассказать тебе такие вещи про собственную сестру! Это действительно очень печально! Я уверена, ты должна чувствовать то же самое.

— Вот уж нет! Мои жалость и сострадание без остатка испарились, когда я увидела, насколько они переполняют тебя. Я знаю, что ты готова отнестись к нему со всем возможным снисхождением, но меня с каждым мгновением его переживания тревожат все меньше. Твое великодушие меня просто спасает, и если ты посокрушаешься о нем немного подольше, мое сердце станет легким, как перышко.

— Бедный Уикхем! А ведь у него такое располагающее лицо, такой открытый взгляд, и манеры у него такие обходительные!

— Без сомнения при формировании этих двух молодых людей была допущена большая оплошность. Первый получил всяческие достоинства, а второй — лишь их внешние проявления.

— Я никогда не говорила, что у мистера Дарси нет, как ты считаешь, этих внешних проявлений. И все-таки мне кажется, я была достаточно умна, неприязненно относясь к нему без видимой причины. Питать такую неприязнь — отличный стимул для ума и прекрасная возможность для подшучивания. Можно постоянно подтрунивать и при этом не сказать ничего действительно оскорбительного, к тому же нельзя все время смеяться над человеком без того, чтобы время от времени у тебя не выскочила по-настоящему остроумная шутка.

— Однако я уверена, Лиззи, что когда ты впервые прочла это письмо, ты не относилась ко всему этому, как сейчас.

— Разумеется, я чувствовала себя не в своей тарелке. Мне было очень не по себе, и я чувствовала себя несчастной. Я не могла никому поведать, что случилось. Рядом не было моей Джейн для моего утешения; наверняка она сказала бы, что я не такая уязвимая, тщеславная и вздорная девчонка, какой я тогда себя чувствовала. О, как мне тебя тогда не хватало!

— Как жаль, что, говоря об Уикхеме с мистером Дарси, ты употребляла такие сильные выражения, потому что теперь они кажутся совершенно неприемлемыми.

— Безусловно, ведь горькие фразы часто являются следствием предубеждения, которое мной тогда владело. Кстати, есть один момент, по поводу которого я бы хотела с

тобой посоветоваться. Хотела тебя спросить — как ты думаешь, должна я или нет раскрыть сущность Уикхема нашим знакомым?

Мисс Беннет подумала немного, а потом ответила:

— По-моему, нет причины подвергать его такому ужасному разоблачению. Что скажешь?

— Да, пожалуй, не стоит. Тем более, что мистер Дарси не давал мне права разглашать эти сведения, напротив — подразумевалось, что все детали, касавшиеся его секстры, я буду хранить в строжайшем секрете, к тому же если я попытаюсь рассказать о поведении Уикхема, неужели кто-нибудь мне поверит? Предубеждение против Дарси столь велико, что половина жителей Меритона скорее удавится, чем посмотрит на него в доброжелательном свете. Мне не по силам это изменить. Уикхем скоро уедет, и потому здесь вряд ли кому-нибудь важно, кем он является на самом деле. Через какое-то время все равно все откроется, и тогда мы посмеемся над глупостью тех, кто не догадался об этом раньше. Нынче же я ничего не расскажу.

— Ты совершенно права! Разглашение его проступков может погубить его жизнь навсегда. Быть может, он теперь уже жалеет о том, что натворил, и хочет измениться к лучшему. Мы не должны загонять его в угол.

Этот разговор пошел на пользу Элизабет, в голове у которой творился полный сумбур. Она избавилась от двух секретов, которые тяготили ее в течение двух недель, и верила, что Джейн всегда будет готова ее снова охотно выслушать, если ей захочется обсудить все еще раз. Однако кое-что в этой истории она сочла благоразумным все-таки утаить. Она не осмеливалась рассказать Джейн о второй половине письма мистера Дарси и не решалась рассказать ей, насколько действительно был к ней привязан ее поклонник. Эти сведения Элизабет не могла разгласить никому, и она понимала, что лишь полное взаимопонимание между Джейн и Бингли позволит ей избавиться от этой тайны. «А тогда, — говорила она себе, — если бы такое невероятное событие все же произошло, я просто могла бы сказать то, что наилучшим образом сказал бы сам Бингли. Потому я не должна ни о чем распространяться, пока этот секрет не утратит своей значимости».

Теперь, живя дома, Элизабет смогла, наконец, расслабиться и понаблюдать за истинным душевным состоянием своей сестры. Безусловно, Джейн не была счастлива. Она все еще лелеяла у себя в душе нежную привязанность к Бингли. Даже не представляя, что значит настоящая любовь, она отдала своей первой увлеченности всю теплоту своей души, столь характерную для нее и для этого возраста, добавив к ней завидное постоянство, не столь характерное для первых влюбленностей, и она так ценила воспоминания о нем и столь явно предпочитала его остальным кавалерам, что ей потребовался весь здравый смысл и стремление не затронуть чувства окружающих, чтобы не демонстрировать свое сожаление и другие чувства, столь вредные для ее собственного здоровья и их спокойствия.

— Ну, Лиззи, — спросила однажды миссис Беннет, — что ты теперь думаешь об этой грустной истории с Джейн? Я со своей стороны твердо решила никогда больше об этом ни с кем не заговаривать. Я так недавно и сказала об этом сестрице Филиппс. И что-то я до сих пор не могу понять, виделась ли с ним Джейн хоть раз в Лондоне? Что за недостойный юноша! И, по-моему, нет ни малейшего шанса на него рассчитывать. Я не слышала, что он собирается вернуться в Незерфилд этим летом, а я расспрашивала всех, кто мог бы что-нибудь об этом знать.



— Ну, Лиззи, — спросила однажды миссис Беннет, — что ты теперь думаешь об этой грустной истории с Джейн? Я со своей стороны твердо решила никогда больше об этом ни с кем не заговаривать.

— Я не думаю, что он вообще собирается появляться в Незерфилде.

— Ну, что же, это его выбор. Никто его тут и не ждет. Хотя я всегда буду говорить, что он очень дурно обошелся с моей дочерью, и будь я на месте Джейн, я бы не стала с этим мириться. И я утешаюсь лишь тем, что когда Джейн погубит ее разбитое сердце, ему придется горько пожалеть о том, что он сделал.

Элизабет ничего в ответ не сказала, поскольку чувствовала, что такая перспектива вряд ли ее утешит.

— Ну, Лиззи, — продолжила миссис Беннет немного погодя, — скажи, на твой взгляд Коллинзы живут хорошо? Действительно? Ну-ну, я только лишь хочу, чтобы так было и впредь! Что они подают на стол? Думаю, что Шарлотта стала прекрасной хозяйкой. Если она вполтину так же умеет крутиться, как ее мамаша, она наверняка даже что-нибудь скопит. У них ведь в хозяйстве нет дорогостоящих причуд?

— Совершенно нет.

— Это очень важно для хорошей домохозяйки. Да, да. Они уж точно не будут тратить больше, чем имеют. Да, от безденежья они страдать не будут. Бог им в помощь в этом деле. Я думаю в этой связи, что они частенько вспоминают, как после кончины твоего отца они станут владельцами Лонгборна. Думаю, хотя это пока и не случилось, они уже поглядывают на него, как на свою собственность.

— Этой темы при мне они не касались.

— Ну, да! Было бы странно, если бы они это делали. Однако я не сомневаюсь, что промеж себя они часто об этом болтают. Ну что же, если они готовы прихапать поместье, которое вообще-то не их собственное, тем хуже для них. Я бы постыдилась унаследовать что-либо таким образом!



ГЛАВА ХLI

Первая неделя после их возвращения промелькнула быстро. Началась вторая. Это была последняя неделя постоя полка, и юные леди в округе грустили по этому поводу. Уныние охватило почти всех из них. Лишь две старшие сестры семейства Беннет были еще способны есть, пить, спать и заниматься обычными делами. Китти и Лидия часто упрекали их в бесчувственности, ведь их собственные страдания были безмерны, и они не могли постичь, как остальные члены их семейства могут быть такими жестокосердными.

— Боже мой! Что с нами станется! Что же нам делать? — восклицали они то и дело, заламывая руки от горя. — И как ты, Лиззи, можешь при этом улыбаться!

Их любящая мать разделяла их горе, вспоминая, что сама переживала при подобных обстоятельствах двадцать пять лет назад.

— Точно говорю, — вздыхала она, — я проплакала целых два дня, когда нас покинуло подразделение полковника Миллера. Мне тогда казалось, что мое сердце разбито.

— Я уверена, что и мое будет разбито! — заметила Лидия.

— Ах, если бы можно было только съездить в Брайтон! — заметила миссис Беннет.

— О да, вот бы съездить в Брайтон! Но папа так неуступчив!

— Морские купания пошли бы мне на пользу.

— Моя тетушка Филипс уверена, что мне они весьма полезны, — добавила Китти.

Подобные ламентации постоянно звучали в их лонгборнском жилище. Элизабет пыталась не обращать на них внимание; пожалуй, она даже могла относиться к ним с юмором, если бы не стыдилась за близких. Она каждый раз убеждалась в справедливости упреков мистера Дарси, и никогда прежде она не была готова простить его вмешательство в дела своего друга, как теперь.

Впрочем, мрачные взгляды на будущее Лидии вскоре рассеялись, когда она получила от миссис Форстер, супруги полкового полковника, приглашение сопровождать ее в Брайтон. Ее бесценная подруга была совсем молодой женщиной, вышедшей замуж лишь недавно. Они сразу понравились друг другу за обоюдный оптимизм и легкость нрава, и после трехмесячного знакомства они невероятно сблизились.

Восхищение Лидии по этому поводу, ее обожание миссис Форстер, восторги миссис Беннет и ужасное расстройство Китти едва ли можно было описать. Совершенно не обращая внимания на чувства сестры, Лидия буквально летала по дому, находясь в состоянии необычайного возбуждения, она требовала от всех поздравлений в свой адрес, хохоча и болтая при этом больше, чем когда-либо прежде. В это же время несчастная Китти в гостиной продолжала жаловаться на свою судьбу, грустно бормоча что-то невразумительное.

— Не возьму в толк, почему это миссис Форстер не пригласила и меня, как и Лидию? — вопрошала она. — Конечно, я не ее закадычная подружка, но у меня столько же прав получить приглашение, и даже больше. Я ведь старше ее на два года!

Напрасно Элизабет пыталась ее урезонить, а Джейн — отвлечь и успокоить. Что же до самой Элизабет, то это приглашение совершенно не оказывало на нее такого же впечатления, как на ее мать и Лидию; более того, она опасалась, что эта поездка может лишить ее сестру последних остатков здравого смысла, и хотя ей это очень претило, и она опасалась, что такой ее шаг станет известен домашним со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями, она все же по секрету посоветовала отцу не отпускать ее в Брайтон. Она напомнила ему обо всех случаях ее неадекватного поведения, и обратила его внимание на то, что знакомство с такой женщиной, как миссис Форстер вряд ли пойдет ей на пользу; ей представлялось, что в ее компании в Брайтоне, где соблазнов больше, чем дома, Лидия будет еще более безрассудной. Отец внимательно выслушал Элизабет и заметил:

— Лидия не успокоится до тех пор, пока не засветится где-нибудь на людях, и вряд ли мы можем ожидать от этого меньших неприятностей для нашей семьи, чем в данном случае.

— Если бы вы знали, — парировала Элизабет, — какие неприятности может нам принести бесконтрольное и бестактное поведение Лидии на публике! Я уверена, что тогда бы вы судили иначе.

— А что? Неприятности уже были? — спросил мистер Беннет. — Она отпугнула некоторых из твоих воздыхателей? Бедная малышка Лиззи! Однако, не падай духом. Разборчивые юноши, которые не хотят иметь никакого отношения к чудаковатым людям, не заслуживают сожаления. Ну-ка, покажи мне этот список жалких юнцов, которые увильнули в результате глупости Лидии.

— Уверяю вас, вы ошибаетесь. Мне не нанесен никакой урон, и я не жалуюсь. Я упоминала не отдельные случаи, а общий урон от ее поведения. Наша репутация и уважение в свете зависят от характерных для Лидии сумасбродности, самоуверенности и пренебрежения всеми приличиями. Простите, что я говорю настолько откровенно. И если вы, дражайший отец, не поставите перед собой задачу укротить ее буйный дух и не объясните Лидии, что нынешние ее занятия не могут стать уделом всей ее жизни, то скоро повлиять на нее будет уже невозможно. Она окончательно оформится, и к шестнадцати годам, к своему и нашему позору, она превратится в закоренелую кокетку. Причем кокетку самого дурного толка, не обладающую никакими достоинствами, кроме молодости и относительной привлекательности, а благодаря своей необразованности и пустоголовости она не сможет противостоять всеобщему осуждению, которое будет вызвано ее стремлением всем нравиться. Той же опасности подвергается и Китти, ведь она всюду следует за Лидией, а она совершенно тщеславна, невежественна, ленива и абсолютно необузданна. Отец, дорогой, неужели вы можете полагать, что все это не вызовет осуждение и презрение в среде наших знакомых, и не подмочит репутацию ее сестер?

Мистер Беннет понял, что она говорит от сердца, и ласково взяв ее за руку, ответил:

— Не переживай так, радость моя. Все, кто знают тебя и Джейн, уважают вас и ценят. И к вам не станут относиться хуже из-за пары, а я бы даже сказал из-за трех весьма глупых сестер. Нам здесь в Лонгборне не будет покоя, если Лидия не поедет в Брайтон. Ну, так пусть себе едет. Полковник Форстер — разумный человек, он удержит ее от реальных глупостей, и, к счастью, она слишком бедна, чтобы стать мишенью для охотников за приданым. В Брайтоне ей даже будет труднее флиртовать, чем здесь. Наверняка тамошние офицеры найдут себе более достойных девиц. Поэтому будем надеяться, что ее там присутствие продемонстрирует ей собственную незначительность. Во всяком случае, она не станет ни на толику лучше, если мы посадим ее до конца ее дней под замок.

Элизабет ничего не оставалось, как удовлетвориться этим ответом, а поскольку ее собственное мнение осталось прежним, она ушла от отца разочарованная и опечаленная. Однако не в ее натуре было копить досаду, погружаясь в нее с головой. Она была уверена, что выполнила свой долг, а переживать по поводу неизбежных неприятностей, усиливая их своим беспокойством, было не в ее характере.

Если бы Лидия и ее мать узнали, о чем она беседовала с отцом, вряд ли они даже объединенными усилиями смогли бы выразить свое возмущение. В представлении Лидии поездка в Брайтон была пределом земного счастья. Ее живое воображение рисовало ей улицы приморского курорта, буквально забитые офицерами. Она представляла, как на нее обращают внимание десятки, многие десятки незнакомых с ней доселе офицеров. Она воображала военный лагерь во всем его великолепии — единообразно выстроенные стройными рядами военные палатки и группки молодых людей в ошеломляюще красивых красных мундирах. В довершение всего Лидия представляла себя сидящей в одной из таких палаток и мягко флиртующей по меньшей мере сразу с шестью офицерами.

Любопытно, чтобы она почувствовала, если бы узнала, что ее сестра пытается оторвать ее от этих радужных перспектив? Это могла бы понять лишь ее мать, которая в свое время могла переживать нечто подобное. Миссис Беннет ужасно переживала, что ее муж не намерен отпустить в Брайтон всю семью, и единственное, что ее

в этой ситуации утешало, так это возможность отправить туда Лидию. Однако поскольку они были не курсе случившегося, обе почти все время восхищались будущим вплоть до того самого дня, когда Лидия должна была уехать из дома.

Элизабет должна была увидеться с Уикхемом в последний раз. Она не раз встречалась с ним после своего возвращения, поэтому не особо волновалась по поводу этой встречи, от прежней рьяной пристрастности не осталось и следа. Она стала замечать в так нравящейся ее прежде обходительности Уикхема однообразную и надоедливую аффектацию. Его нынешнее к ней отношение также ее раздражало, ведь он



опять начал проявлять к ней внимание, столь характерное для начала их знакомства, и теперь, после всего случившегося, это выглядело провокационным. Когда Элизабет заметила, что опять стала для него объектом праздного и легкомысленного увлечения, Уикхем утратил в ее глазах последнее уважение. Хотя она постоянно отвергала его любезности, она не могла не ощущать в них определенного упрека своему прошлому поведению, ведь помня о нем, он мог рассчитывать, что, невзирая на причины и продолжительность перерыва в отношениях с его стороны, первый же его новый знак внимания польстит ей, и она на него непременно откликнется.

В самый последний день пребывания своего полка в Меритоне Уикхем обедал вместе с другими офицерами в Лонгборне, и Элизабет настолько не стремилась тепло с ним расставаться, что на его расспросы о том, как она провела время в Хансфорде, упомянула о трехнедельном пребывании в Розингсе мистера Дарси и полковника Фицуильяма, спросив его при этом, знаком ли он с последним.



Уикхем выглядел озадаченным, недовольным и настороженным, однако он быстро взял себя в руки и, улыбаясь, ответил, что прежде он частенько его видал. Заметив, что это истинный джентльмен, он поинтересовался, насколько он ей понравился. Она отозвалась о нем весьма тепло. Через некоторое время Уикхем с деланно равнодушным видом спросил у нее:

- Как долго, вы говорили, он оставался в Розингсе?
- Почти три недели.
- И вы часто его видели?
- Да, почти каждый день.
- Его манеры сильно отличаются от манер его кузена.

— Да, весьма сильно. Однако мне кажется, что в процессе нашего знакомства он изменился в моих глазах.

— В самом деле? — спросил Уикхем, быстро взглянув на нее, и этот взгляд она про себя отметила. — Прошу вас, скажите... — однако тут он осекся и спросил нарочито шутливо: — Он улучшил свое отношение к людям? Или он соизволил добавить вежливые обороты в свою обычную манеру разговаривать? Впрочем, я мало надеюсь, — добавил он уже более серьезно, — что он вообще изменился в своей основе.

— О нет, — сказала Элизабет, — по сути он напоминает себя прежнего.

Говоря это, она заметила, что Уикхем словно бы не знал, радоваться ли ему этим ее словам, или не доверять их смыслу. Наверное в ее лице промелькнуло нечто, что заставило его слушать ее с особым вниманием, когда она добавила:

— Когда я сказала, что во время нашего общения он изменился в моих глазах, я не имела в виду что изменились его манеры или взгляды; узнав его ближе я стала лучше понимать его отношение к людям.

Тревога Уикхема теперь была явно заметна в его покрасневшем лице и взволнованном взгляде. Некоторое время он молчал пока не преодолел смущение, а затем снова повернулся к ней и вкрадчиво заметил:

— Вы хорошо знаете мои чувства к мистеру Дарси, поэтому вы с готовностью можете понять, насколько я был рад слышать, что у него хватило здравого рассудка вести себя внешне благопристойно. Его гордость в этом отношении может быть полезной, она приносит пользу если не ему самому, то многим окружающим, поскольку удерживает его от неблагоприятных поступков, жертвой которых я стал в свое время. Я только опасаюсь, что его осмотрительность, которую вы заметили и которую упомянули, характерна для его визитов к своей тетке, доброе мнение которой для него весьма важно. Я знаю, что он всегда робел перед ней, а теперь к этому добавилось еще и желание жениться на мисс де Бург, а он относится к этому очень серьезно.

Элизабет не смогла сдержать улыбку, но лишь слегка кивнула в ответ. Было очевидно, что он хочет завести разговор о своих старых обидах, но она совершенно не хотела ему в этом потворствовать. Остальную часть вечера он выказывал свою деланную веселость, уже не оказывая ей особых знаков внимания. Наконец, они вежливо распрощались, возможно, питая в душе обоюдное желание никогда больше не встречаться.

Когда вечер закончился, Лидия вместе с миссис Форстер вернулись в Меритон, откуда они должны были выехать на следующее утро. Прощание с родными оказалось скорее шумным, чем трогательным. Слезы блеснули на глазах только у Китти, но она их роняла из зависти и досады. Миссис Беннет сыпала добрыми пожеланиями счастья и настоятельно требовала от своей дочери, чтобы та не пропускала ни одной возможности повеселиться и насладиться по полной, и этими советами Лидия безусловно собиралась воспользоваться, шумные же прощания самой Лидии помешали ей разобрать как следует тихие и добрые напутственные слова ее старших сестер.



ГЛАВА XLII

Если бы Элизабет отталкивалась лишь от опыта жизни в собственной семье, вряд ли бы ей удалось составить благоприятные представления о супружеском счастье и домашнем уюте. Ее отец женился на женщине, которая в свое время пленила его своей молодостью, красотой и показным добродушием, которые бывают столь свойственны юности, однако уже в самом начале их брака узость ее взглядов и ограниченный ум положили конец всяческим его теплым чувствам к своей супруге. Уважение, почтение и доверительные отношения навсегда исчезли, и все его надежды на семейное счастье были уничтожены. Однако мистер Беннет, разочарованный в результате собственной неосмотрительности, не был склонен искать утешения в одном из тех удовольствий, к которым часто прибегают жертвы собственного легкомыслия или порока. Он любил сельскую жизнь и книги, из этого и проистекали главные удовольствия его жизни. Своей жене он был почти ничем не обязан, ее глупость и невежество давали ему лишь благодатную почву для подтрунивания над ней. Это было совсем не то счастье, которое муж хотел бы получить от своей супруги, однако там, где другие ищут иные источники удовольствия, истинный мудрец извлекает пользу из того, что ему дано.

Впрочем, Элизабет никогда не закрывала глаза на неуместность поведения своего отца в роли супруга, и она всегда воспринимала это поведение болезненно, однако, уважая его душевные качества и испытывая благодарность за ласковое к себе отношение, она всегда пыталась забывать то, что не могла не замечать. Она также старалась не думать о том, что он часто насмехался над своей женой, нарушая благопристойное поведение добропорядочного супруга, и нередко презрительно отзывался о ней в присутствии ее собственных детей. Все это было в высшей степени предосудительно, и теперь она особенно остро чувствовала, какие неприятные последствия этот неудачный брак должен был причинить детям; теперь она отчетливо понимала, насколько неразумно ее отец использовал свои способности, которые могли бы при правильном их использовании, если не расширить умственный кругозор его супруги, то по крайней мере помочь его дочерям вырасти достойными людьми.

Хотя Элизабет была довольна отсутствием Уикхема, других причин радоваться отбытию его полка было у нее немного. Их встречи вне дома стали менее частыми, чем ранее, а дома постоянные жалобы ее матери и сестер на скуку делали их семейную жизнь действительно весьма унылой, и если Китти со временем могла восстановить столь свойственное ей здравомыслие, поскольку терзавшее ее беспокойство исчезло, то другая ее сестра, таившая в своей природе гораздо больше опасностей, должна была под влиянием курортного местечка и военного лагеря лишь утвердиться в своей глупости и безрассудности. Таким образом Элизабет еще раз убедилась, как это часто бывало и ранее, что событие, которого она с таким нетерпением ждала, не принесло ей предполагаемого удовлетворения. Следовательно, необходимо было отложить начало счастливой жизни на какой-то новый неопределенный срок, и искать новую цель, в которой сфокусировались бы ее помыслы и желания, и снова наслаждаться предвкушением счастья, утешаться настоящим и готовиться к новому разочарованию. Теперь ее голова была занята мыслями о предстоящем путешествии в Озерный край; они были самым лучшим для нее утешением в самые тягостные часы, безнадежно отягощенные недовольством ее матери и Китти. Если бы Джейн могла составить ей компанию в этом путешествии, все сложилось бы самым лучшим образом.

«Впрочем, хорошо еще, — думала Элизабет, — что мне есть, о чем мечтать. Ведь если бы все сложилось наилучшим образом, мое разочарование в будущем было бы неизбежным. А теперь, поскольку предстоящая разлука с Джейн даст мне постоянный источник для грусти, я могу в определенной степени надеяться, что все мои ожидания на эту поездку оправдаются, ведь план, все части которого обещают быть удачными, никогда не бывает успешным, и полного разочарования можно избежать лишь благодаря какой-нибудь незначительной неприятности».

Уезжая, Лидия пообещала матери и Китти писать часто и подробно, однако ее писем приходилось ждать подолгу, и каждое было довольно кратким. В письмах к матери подробностей было немного; например, она писала, что они с подругой только что вернулись из библиотеки, в которую их сопровождали такие-то и такие-то офицеры, и что там она видела замечательные орнаменты, которые привели ее в полный восторг, или что у нее новое платье или зонтик, и она с удовольствием описала бы его в деталях, но теперь ей надо бежать, потому что миссис Форстер торопит ее — им надо ехать в лагерь. Из писем же к своей младшей сестре узнать можно было еще меньше, поскольку, хотя она и писала Китти пространнее, в них столько всего значилось между строк, что обнаружить их было совершенно невозможно.

Через две-три недели, после ее отъезда, в Лонгборн снова стали возвращаться здоровый дух, хорошее настроение и бодрость. Каждая вещь воспринималась в более радостном свете. Зимовавшие в городе знакомые семейства возвращались обратно, появились летние наряды, началось обычное для летнего сезона тесное общение соседей. Миссис Беннет вернулась к своему обычному спокойному состоянию постоянных жалоб, а к середине июня Китти уже настолько пришла в себя, что могла посещать Меритон без слез, и это было счастливым знаком для Элизабет, которая надеялась, что к Рождеству ее сестра настолько образумится, что будет упоминать об офицерах не чаще раза в день, если только, конечно, благодаря жестокому и злонамеренному умыслу военного министерства в Меритоне не расквартируют новую войсковую часть.

Назначенный день для начала путешествия на север теперь быстро приближался, и когда до него оставалось всего две недели, пришло письмо от миссис Гардинер, из которого следовало, что начало этой поездки откладывается, и она будет не такой продолжительной. Дела не позволяли мистеру Гардинеру выехать раньше, чем через две недели, он освобождался только июле, а через месяц после отъезда он уже должен снова быть в Лондоне, а поскольку времени для столь дальнего путешествия оставалось слишком мало, и вряд ли бы они успели осмотреть все с толком и не спеша, как планировали ранее, они вынуждены были отказаться от Озерного края, выбрав более сокращенный тур; согласно новому плану они не должны были забираться на север далее Дербишира. В этой местности хватало мест для обозрения, на это и уйдет большая часть тех трех недель, имеющихся в их распоряжении, а для миссис Гардинер эта поездка имела и особую привлекательность. В городке, где они теперь собирались остановиться на несколько дней, она провела несколько лет, и теперь он для нее не менее интересен, чем такие прославленные местечки как Мэтлок, Четсуорт, Давдейл и Пик.

Элизабет была чрезвычайно разочарована, ведь она уже воображала, как увидит Озерный край, и ей казалось, что для этого путешествия времени им бы хватило. Однако, ей пришлось удовлетвориться предложенным, и все равно это ее радовало, и вскоре все опять в ее представлении было прекрасно.

Упоминание Дербишира побудило у нее множество ассоциаций. Она не могла думать о нем, не вспоминая Пемберли и его владельца.

«Впрочем, — размышляла Элизабет, — я безусловно могу вторгнуться в его владения и безнаказанно стащить оттуда на память несколько окаменелых раковин».

Ждать начала путешествия приходилось теперь вдвое дольше. До приезда дяди и тетки должно было пройти четыре недели. Однако они в конце концов промелькнули, и Гардинеры в сопровождении четырех детей появились в Лонгборне. Детей, девочек шести и восьми лет и двух мальчиков помладше они должны были оставить под присмотром их кузины Джейн, в которой души не чаяли. Ее здравый смысл и чудесный характер словно специально располагали к общению с детьми, к тому, чтобы играть с ними, обучать и любить их.

Гардинеры остановились в Лонгборне всего на одну ночь, а на следующее утро они вместе с Элизабет уже отправились навстречу новизне и приключениям. Одно удовольствие уже не вызывало сомнений — все путешественники прекрасно подходили друг к другу; благодаря здоровью и выдержке они могли спокойно переносить дорожные неудобства, их веселое расположение духа усиливало ожидавшие их удовольствия, а благодаря знаниям и благорасположенности они могли развлекать друг друга в дороге, когда вокруг не было ничего интересного.

Не стоит здесь описывать Дербишир или другие примечательные места, через которые пролегал их путь. Оксфорд, Бленхейм, Уорик, Кенилворт, Бирмингем и т.д. достаточно известны. Остановим внимание лишь только на небольшом уголке Дербишира. Осмотрев все его основные достопримечательности, они направили свой путь в маленький городок Лембтон, где когда-то проживала миссис Гардинер и где, как ей недавно стало известно, у нее еще сохранились кое-какие знакомства, а из ее рассказов Элизабет узнала, что Лембтон находится всего в пяти милях от Пемберли; это имение было расположено всего в одной или двух милях в сторону от дороги, по которой они должны были проехать. Обсуждая их маршрут накануне вечером, миссис Гардинер выразила желание снова увидеть это поместье. Мистер Гардинер заявил о своей готовности, и дело было только за согласием Элизабет.

— Моя дорогая, разве тебе не хочется увидеть места, о которых ты столько слышала? — спросила ее тетюшка. — Места, с которыми также связаны многие из твоих знакомых. Ты ведь знаешь, что здесь провел всю свою юность Уикхем.

Элизабет попала в неловкую ситуацию. Она чувствовала, что ей совершенно нечего делать в Пемберли, и в результате сказала, что предпочла бы уклониться. Она настаивала, что устала от роскошных особняков, и после целой их вереницы ей уже не доставляет удовольствия рассматривать красивые ковры и атласные гардины.

Миссис Гардинер, однако, пожурив ее за недальновидность.

— Если бы дело было только в красивом и богато обставленном доме, — заметила она, — я бы и сама не беспокоилась, однако пейзажи там восхитительны. В Пемберли один из лучших парков во всей стране.

Возразить Элизабет было ничего, но разум ее решительно протестовал против этого решения. Ее преследовала мысль, что во время этого осмотра она могла бы встретить мистера Дарси. Это было бы просто ужасно! От одной этой мысли ее бросило в краску, и она подумала, что быть может стоит поговорить с тетей открыто, чем идти на такой риск. Однако против этого у нее были свои возражения, и в результате она решила объясниться лишь в крайнем случае, если на ее расспросы, дома ли нынче владельцы поместья, она получит неблагоприятный для себя ответ.

Поэтому перед сном она спросила горничную, действительно ли Пемберли является таким замечательным местом, как зовут владельца поместья, и с легким волнением поинтересовалась, приехало ли уже сюда на лето его семейство. На последний вопрос последовал желанный отрицательный ответ, Элизабет изрядно успокоилась и стала уже с интересом ожидать возможности самостоятельно осмотреть дом, и когда на следующее утро снова всплыл вопрос о поездке в Пемберли, и к ней снова обратились по этому поводу, она смогла с готовностью и с должным равнодушием сказать, что на самом деле она особо не возражает против этого плана.

Таким образом, они решили заехать в Пемберли.



ГЛАВА XLIII

По дороге в Пемберли Элизабет с тревогой ожидала появление кромки леса, а когда у сторожки они, наконец, свернули к усадьбе, ее возбуждение чрезвычайно возросло. Парк был весьма обширным и состоял из отдельных участков. Они въехали в него в одной из низин и некоторое время ехали вдоль красивой и далеко протянувшейся рощи.

Элизабет была слишком взволнована, чтобы вести беседу, она замечала и любовалась каждым пейзажем и каждым красивым видом. На протяжении полумили шел медленный подъем, а затем они оказались на обширной возвышенности; деревья остались позади, и теперь перед ними открылся вид на усадьбу, которая стояла на противоположной стороне долины, у которой дорога заканчивалась. Это было большое каменное сооружение, удачно расположенное на склоне холма и окруженное лесистой грядой. Сбегавший вниз водяной поток естественным образом расширился, его берега не казались искусственно сформированными, и они не были испорчены аляповатыми украшениями. Элизабет была в восторге. Она никогда ранее не видела места, над которым сама природа поработала бы лучше, и где бы в меньшей степени естественной красоте противоречил недостаток человеческого вкуса. Все были восхищены. Этот пейзаж произвел на всех самое благотворное впечатление, и в этот момент Элизабет поняла, насколько значимо было бы стать владелицей Пемберли.

Они спустились с холма, проехали по мосту и подкатили к воротам дома, и когда она взглянула на него вблизи, все ее опасения столкнуться с его владельцем всколыхнулись в ней снова. Она опасалась, что горничная в гостинице могла ошибиться. Они попросили разрешения осмотреть дом, и их впустили в холл, и пока они ожидали экономку, Элизабет имела возможность подивиться, где же она оказалась.

Пришла экономка; она оказалась почтенной пожилой женщиной, менее чопорной и более приветливой, чем можно было ожидать. Они последовали за ней в столовую. Это была просторная и красиво обставленная комната с приятными пропорциями. Бегло осмотрев ее, Элизабет подошла к окну и залюбовалась открывшимся перед ней видом. Увенчанный лесом холм, с которого они спустились, казался издали более покатым и смотрелся просто великолепно. Все вокруг было гармоничным, и она любовалась этим пейзажем: рекой, ее поросшими лесом берегами и изгибами долины, тянувшейся вдаль насколько хватало глаз. Они переходили из комнаты в комнату, и каждый раз открывавшийся из окон вид был иным, и всякий раз им можно было залюбоваться. Все комнаты были высокими и красивыми и с обстановкой, достойной состоятельного владельца. Восхищаясь его вкусом, Элизабет отмечала, что эта обстановка не была ни безвкусной, ни чрезмерно помпезной и казалась менее великолепной, но более элегантной, чем в Розингсе.

«А ведь я могла бы стать здесь хозяйкой! — размышляла Элизабет. — К этим комнатам я могла бы уже привыкнуть. Вместо того, чтобы осматривать их в качестве посетительницы, я могла бы распоряжаться ими как собственными, и приветствовать здесь в качестве гостей своих родственников! Но, нет, — очнулась она, — это было бы невозможно. Мои дядя и тетя были бы для меня навсегда потеряны; мне бы просто не разрешили их сюда пригласить».

Это была удачная мысль — она оградила ее от ощущения, схожего с сожалением.

Она очень хотела спросить у экономки, действительно ли нынче ее хозяин отсутствует, но у нее не хватало на это смелости. Этот вопрос был задан в конце осмотра ее дядей. Она с беспокойством отвернулась в сторону, а миссис Рейнолдс ответила, что это так, а после добавила:

— Мы ожидаем его завтра вместе с группой друзей.

При этом Элизабет была чрезвычайно рада, что обстоятельства не заставляют их задерживаться здесь ни на сутки.

В это время ее тетюшка позвала ее взглянуть на одну из картин. Она подошла и среди прочих миниатюр на каминной полке увидела портрет молодого человека, весьма похожего на мистера Уикхема. Улыбнувшись, тетюшка спросила ее, нравится ли ей эта работа, подошедшая же экономка сказала, что это портрет молодого человека, сына управляющего прежнего хозяина, которого он воспитывал за свой счет.

— Нынче он поступил в армию, — добавила она, — но боюсь, что человеком он стал непутевым.

Миссис Гардинер с улыбкой взглянула на племянницу, однако Элизабет не смогла ответить ей тем же.

— А это, — продолжила миссис Рейнолдс, показывая на другую миниатюру, — портрет моего хозяина, очень похожий. Он был написан примерно в то же время, как и первый — около восьми лет назад.

— Я много слышала о вашем хозяине, — заметила миссис Гардинер, глядя на портрет. — Приятное лицо. Однако, скажи нам, Лиззи, насколько велико сходство?

Уважение миссис Рейнолдс к Элизабет явно увеличилось, когда она услышала намерения на ее знакомство с хозяином поместья.

— Юная леди знакома с мистером Дарси?

— Немного, — ответила Элизабет, покраснев.

— Не кажется ли вам, что он прекрасный джентльмен?

— Да, вы правы.

— Я уверена, что не встречала более прекрасного человека. Наверху в галерее есть его большой портрет, он еще лучше, чем этот. Эту комнату очень любил мой покойный хозяин, и все миниатюры стоят здесь, как и при нем. Он очень их любил.

Это объясняло Элизабет наличие здесь портрета мистера Уикхема.

Затем миссис Рейнолдс обратила их внимание на портрет мисс Дарси, написанный, когда той было всего восемь лет.

— А мисс Дарси так же красива, как ее брат? — спросил мистер Гардинер.

— О, да! — воскликнула миссис Рейнолдс. — Никого красивей не видела, и она так образована! Поет и музицирует днями напролет. В соседней комнате для нее стоит только что доставленный инструмент — подарок моего хозяина; леди приезжает завтра вместе с ним.

Своими любезными и обходительными расспросами и замечаниями мистер Гардинер подтолкнул разговорчивость миссис Рейнолдс, и та, то ли из тщеславия, то ли благодаря привязанности к своему хозяину заговорила о нем и о его сестре с большим удовольствием.

— Ваш хозяин часто бывает в Пемберли в течение года?

— Не так много, как мне бы этого хотелось, сэр, однако осмелюсь сказать, что здесь он проводит около половины своего времени, а мисс Дарси проживает здесь все летние месяцы.

«За исключением времени, — подумала Элизабет, — когда она бывает в Рэмсгейте».

— Если ваш хозяин женится, вы сможете видеть его больше.

— Да, сэр, но я не знаю, когда это случится. Я не знаю, кто бы мог составить ему партию.

Мистер и миссис Гардинер улыбнулись, а Элизабет не смогла удержаться и заметила:

— То, что вы его так высоко ставите, я уверена, говорит только в его пользу.

— Я говорю лишь истинную правду, — ответила миссис Рейнолдс, — и так скажет всякий, кто его знает.

Элизабет показалось, что это довольно смелое утверждение, и она с удивлением услышала, как экономка добавила:

— Я от него ни разу не слышала ни одного резкого слова, а я ведь знаю его с четырехлетнего возраста.

Это была самая необычная похвала в адрес Дарси, которая совершенно противоречила ее представлениям о нем, ведь она была абсолютно уверена, что у него нелегкий характер. Она стала слушать с еще большим вниманием; ей хотелось услышать что-нибудь еще, и она была благодарна своему дяде, который заметил:

— Очень не о многих людях можно сказать подобное. Вам повезло с таким хозяином.

— Да, сэр, так оно и есть. Обойди я весь свет, лучшего мне не сыскать. Ведь я всегда замечала, что если ребенок добрый, он сохранит эту доброту, когда вырастет, а он был самым душевным и добросердечным мальчиком на всем белом свете.

Элизабет буквально вперилась в нее взглядом.

«Не может быть, что она говорит такое о Дарси» — подумала она.

— Его отец был прекрасным человеком, — заметила миссис Гардинер.

— Да, миледи, он таким и был, и сын весь в него — он так же добр к простым людям.

Элизабет слушала, удивляясь, сомневаясь и стремясь узнать побольше. Миссис Рейнолдс не могла заинтересовать ее ничем другим в большей степени, сколь бы она не распространялась о содержании картин, размерах комнат и стоимости мебели. Мистера Гардинера очень забавляло это проявление тщеславия с ее стороны, которое он приписывал ее чрезмерной благодарности по отношению к своему хозяину. Вскоре он вернулся к этой теме, и пока они все вместе поднимались по длинной лестнице, экономка вновь с воодушевлением принялась перечислять достоинства своего хозяина:

— Это лучший землевладелец и лучший управляющий среди всех живших на земле, — сказала она. — Не то что нынешние беспутные молодые люди, которые думают только о себе. Ни один из его арендаторов или работников, не скажет о нем ни одного дурного слова. Некоторые считают его гордым, но я уверена, что это не так, я по крайней мере этого не замечаю. Мне кажется, так говорят потому, что он не разменивается на пустяки.

«В каком выгодном свете это его представляет!» — подумала Элизабет.

— Этот прекрасный о нем отзыв, — шепнула ей тетя, когда они пошли дальше, — не вполне соответствует его поведению по отношению к нашему бедному другу.

— Быть может, мы обманываемся по этому поводу?

— Это вряд ли, ведь наш источник заслуживает доверия.

Когда они миновали просторную переднюю на втором этаже, им показали очаровательную гостиную; было видно, что она обставлена недавно, причем еще с большим вкусом и элегантностью, чем помещения внизу. При этом им рассказали, что все изменения были сделаны лишь недавно, чтобы доставить удовольствие мисс Дарси, которой эта комната особенно понравилась во время ее последнего посещения Пемберли.

— Безусловно, он заботливый брат, — заметила Элизабет, подходя к одному из окон.

Миссис Рейнолдс предвкушала восторги мисс Дарси, когда та увидит эту комнату.

— Он так обычно и делает, — добавила она. — Все, что может доставить его сестре хоть какое-нибудь удовольствие, делается незамедлительно. Нет ничего, что он бы не сделал ради нее.

Им оставалось показать лишь картинную галерею и две-три большие спальни. В галерее было много прекрасных картин, но Элизабет ничего не понимала в живописи, и поскольку она уже видела достаточно полотен внизу, она с удовольствием принялась рассматривать карандашные наброски мисс Дарси, которые изображали более близкие ей сюжеты.

Среди целого ряда семейных портретов, которые вряд ли привлекли бы внимание постороннего, Элизабет выискивала единственное лицо, черты которого были ей знакомы. В конце концов ее глаза остановились на нем, и она была весьма удивлена сходством изображения с мистером Дарси. На его лице была та же самая улыбка, с которой он нередко смотрел на нее. Некоторое время Элизабет простояла над этим рисунком, пристально в него вглядываясь, и она еще раз подошла к нему, когда они поки-



*Некоторое время Элизабет простояла над этим рисунком, пристально
в него вглядываясь...*

дали галерею, а миссис Рейнолдс сообщила ей, что этот рисунок был сделан еще при жизни старого хозяина.

При этих совах Элизабет поняла, что испытывает к Дарси более теплые чувства, чем когда-либо на протяжении всего их знакомства. Восторги миссис Рейнолдс в его честь безусловно дорогого стоили. Что может быть ценнее, чем похвала из уст неглупой прислуги? Он играл роль брата, землевладельца, хозяина дома, и счастье скольких людей при этом, — размышляла она, — зависело от этого человека. В его власти было принести людям множество добра или наоборот — зла. Сколько добрых или злых дел он мог совершить. При этом любое замечание экономки говорило в его пользу. И стоя над рисунком, на котором он был изображен, и с которого он смотрел на нее, Элизабет размышляла над его чувствами с гораздо большей признательностью, чем когда-либо раньше. Она вспоминала о его пылкости во время признания и старалась смягчить в своей памяти его недостойные моменты.

Когда все открытые для обозрения части дома были осмотрены, они вернулись вниз по лестнице и после прощания с экономкой были переданы на попечение поджидавшего их у дверей холла садовника. Когда же они пересекали лужайку, спускаясь к реке, Элизабет обернулась, чтобы еще раз взглянуть на дом; ее дядя и тетя тоже остановились, и пока первый высказывал свои догадки о времени его постройки, на дорожке, которая вела к конюшне, возник сам ее владелец.

Их разделяло всего двадцать ярдов, и его появление было столь внезапным, что избежать его взгляда было просто невозможно. Они быстро глянули друг на друга, и их щеки сразу заалели румянцем. Мистер Дарси встал как вкопанный и, казалось, вначале онемел от удивления. Однако, быстро взяв себя в руки, он подошел к ним навстречу и заговорил с Элизабет, демонстрируя если не полное самообладание, то по крайней мере совершенную галантность.

Элизабет вначале непроизвольно двинулась назад, но остановилась при его приближении и с трудно преодолимым смущением выслушала его приветствие. Если его внезапного появления и сходства с портретом, который они только что разглядывали, еще было недостаточно, чтобы уверить ее спутников, что перед ними стоит сам мистер Дарси, то удивление, которое возникло на лице садовника при виде своего хозяина, говорило об этом весьма красноречиво. Они стояли немного поодаль пока он беседовал с их племянницей, а она, удивленная и смущенная, не смела поднять на него глаза и не слишком даже соображала, что именно отвечала на его вежливые расспросы о ее семье. Она была весьма удивлена, как изменились его манеры с момента их последней встречи, и каждая новая произнесенная им фраза увеличивала ее смущение. В ее голове беспрестанно крутилась мысль о полнейшей неуместности ее здесь присутствия, и те несколько минут, в течение которых длился этот разговор, стали самыми неловкими в ее жизни. Он держался при этом ненамного увереннее; когда он говорил, в его тоне не было обычной невозмутимости. Несколько раз сбивчиво задавая одни и те же вопросы, спрашивая, когда она покинула Лонгборн и сколько пробыла в Дербишире, он явно демонстрировал, что мысли у него в голове путаются. Под конец показалось, что они совсем его покинули. Он простоял некоторое время, молча на нее глядя, а потом вдруг опомнился и ушел прочь.

Спутники Элизабет тотчас же к ней подошли и выразили свое восхищение его внешностью, однако она, поглощенная своими собственными чувствами, молча шла рядом, с трудом разбирая, что именно они говорили. Она была совершенно подавлена от чувства стыда и досады. Зачем она здесь появилась? Это было самым злосчастным, самым не-

осмотрительным поступком, который только можно было вообразить. Как странно он должен был все это воспринять! В каком неприглядном свете она предстала теперь даже и перед менее тщеславным человеком! Ведь могло показаться, что она намеренно снова оказалась у него на пути. Ох, зачем только она сюда приехала? И надо же было ему возникнуть за день до того, как его ожидали! Ведь стоило им выйти из замка на десять минут раньше, и они были бы уже далеко, и он бы их просто не заметил! Он ведь приехал только что — слез с лошади или вышел из экипажа. Она краснела вновь и вновь, думая, насколько неприличной могла показаться эта встреча. Однако, как изменилось его поведение! Что бы это значило? Удивительно, что он вообще стал с ней разговаривать, причем говорил так вежливо — справлялся о родственниках! Никогда он еще не беседовал с ней так мягко, без всяческого высокомерия, как при этой неожиданной встрече. Какой разительный контраст по сравнению с разговором в Розингсе, когда он вложил ей в руку свое письмо. Она не знала, что и думать и как все это объяснить.

Затем они пошли по чудесной дорожке вдоль водоема, и каждый шаг позволял им любоваться новыми видами на склоны или на лесную рощу, к которой они приближались, однако прошло некоторое время прежде чем Элизабет снова начала воспринимать окружающее. Она механически отвечала на реплики дяди и тети или поворачивала голову, когда они указывали на красивое местечко, но при этом толком ничего не замечала. Все ее мысли были сосредоточены на том возможном помещении в Пемберли, где мог в данный момент находиться мистер Дарси. Ей хотелось представить, что теперь творится у него в голове, что он думает о ней и, несмотря ни на что, дорога ли она ему по-прежнему. Быть может, он был любезен только потому, что чувствовал здесь у себя более непринужденно? Однако в его голосе было нечто такое, что нельзя было принять за непринужденность. Она не могла решить, испытал ли он боль или радость от этой встречи; в любом случае хладнокровие ему изменило.

В конце концов ремарки ее спутников по поводу ее отсутствующего вида заставили Элизабет очнуться и вернуться к реальности.

Они вошли в рощу и, попрощавшись на время с рекой, поднялись на вершину одного из холмов. Здесь с прогалин между деревьями открывались прекрасные виды на долину, на густо поросшие лесом холмы на противоположной ее стороне, которые заслоняли собой некоторые изгибы реки. Мистер Гардинер выразил желание обойти весь парк, но побоялся, что одной прогулки для этого будет недостаточно. Усмехнувшись, садовник сообщил им, что дорога по всему парку составляет не менее десяти миль. Это решило дело, и они пошли дальше по более короткому пути, который опять через какое-то время повел их к реке. Они прошли под склонившимися деревьями, спустились к воде и в одном из самых узких мест потока перешли по простым мосткам на противоположный берег. Этот мостик прекрасно вписывался в окружающую их природу. В этом месте еще менее, чем во всех осмотренных ими ранее уголках парка, чувствовалось вмешательство человека, долина сжималась здесь до узкого ущелья, оставляя место только для стремнины и узкой, проходившей через густой кустарник дорожки. Элизабет очень хотелось обследовать изгибы потока, но когда они пересекли мост и прикинули отделявшее их от дома расстояние, миссис Гардинер, которая отнюдь не была великой путешественницей, не захотела идти дальше и думала только о том, как бы поскорее вернуться к их экипажу. Ее племяннице пришлось подчиниться, и они направились кратчайшим путем к дому на противоположном берегу реки. Впрочем, их продвижение было медленным, поскольку мистер Гардинер,

потакая своему пристрастию к рыбалке, заниматься которой ему удавалось весьма редко, часто останавливался, разглядывая вдруг появившуюся в воде форель или беседуя с садовником об этих рыбах. Двигаясь таким образом, они вдруг увидели направляющегося к ним мистера Дарси. Гардинеры были удивлены, а Элизабет, хотя и изумилась почти как в первый раз, все же успела подготовиться к встрече, поскольку увидела его на не слишком заросшей деревьями дорожке еще издали. Хотя его появление и удивило Элизабет, она успела собраться с мыслями и решила говорить с ним достаточно спокойно, если он действительно собирался с ними пересечься. На мгновение ей показалось, что он может свернуть на другую дорожку, однако это предположение длилось лишь пока его скрывал от их взоров очередной поворот дороги. Он его миновал и возник прямо перед ними. С первого взгляда она заметила, что он не утратил своей прежней учтивости, и стараясь ему в этом подражать, начала восхищаться красотой этого места. Однако, не сказав ничего более чем «очаровательно» и «прелестно», она вдруг подумала, что ее восхищение Пемберли может быть неверно истолковано. В результате она покраснела и не сказала более ни слова.

Миссис Гардинер стояла немного позади; воспользовавшись ее молчанием он спросил Элизабет не окажет ли она ему честь, представив своих друзей. К такому проявлению учтивости она была совершенно не готова и с трудом сдержала улыбку, ведь в ее представлении он теперь искал знакомства с одним из тех людей, против которых восстанавливала его гордость, когда он делал ей предложение.

«Как же он удивится, — подумала она, — когда узнает, кто они такие! Ведь он наверняка считает их людьми из высшего общества».

Тем не менее, представление сразу состоялось, и когда Элизабет сказала, что это ее родственники, она украдкой на него взглянула, чтобы узнать, как он это перенесет, ведь она вполне могла предположить, что он постарается как можно скорее сбежать от столь постыдных компаньонов. Его удивление при упоминании их родства было очевидным, однако он выдержал его достаточно стойко и не только не попытался уйти, но наоборот — повернулся и пошел рядом, вступив в разговор с мистером Гардинером. Элизабет это лишь порадовало, она явно была очень довольна. Было весьма приятно сознавать — теперь он в курсе, что у нее есть и такие родственники, за которых ей не надо краснеть. Она внимательно прислушивалась к их беседе и радовалась каждой реплике своего дяди, каждому его предложению, которые говорили о его уме, вкусе и прекрасных манерах.

Разговор вскоре коснулся рыбалки, и она услышала, как мистер Дарси весьма любезно пригласил ее дядю рыбачить тут когда ему будет угодно, если он окажется по соседству. В то же время он предложил снабдить его рыболовными снастями и указал на места реки, наиболее удачные для ловли. Миссис Гардинер, которая шла под руку с Элизабет, бросила на нее удивленный взгляд. Та ничего не сказала, но вся эта ситуация доставляла ей огромное удовольствие, ведь она приписывала ее результат исключительно себе. Однако при этом она была и крайне удивлена и постоянно себя спрашивала: «Отчего он так изменился? Чем это можно объяснить? Вряд ли это из-за меня. Не может быть, чтобы благодаря мне его манеры стали такими учтивыми. Мои слова тогда в Хансфорде не могли вызвать такие перемены! Не может быть, чтобы он любил меня до сих пор!».

В течение какого-то времени они прошли, сохраняя сложившийся порядок: две дамы впереди, двое мужчин сзади, однако после того, как они спустились к берегу реки, чтобы лучше рассмотреть какое-то забавное водное растение, неожиданно произош-



...представление сразу состоялось...

ла небольшая рокировка. Миссис Гардинер, утомленная утренней прогулкой, почувствовала, что уже не может как следует опираться на руку своей племянницы, и предпочла поискать поддержку у мужа. Мистер Дарси занял ее место рядом с ее племянницей, и они пошли дальше вместе. После непродолжительного молчания Элизабет заговорила первая. Ей хотелось уверить его, что она была совершенно уверена в его отсутствии, прежде чем приняла решение посетить эти места, и его приезд оказался для нее совершенно неожиданным.

— Ведь ваша экономка, — добила она, — уверяла нас, что вы не появитесь здесь ранее завтрашнего утра, а прежде чем мы выехали из Бейкуэлла, мы убедились, что вас вообще тут в ближайшее время не ждут.

Он подтвердил, что все это верно, и добавил, что он приехал сюда за несколько часов до прибытия своих друзей, с которыми путешествовал, чтобы решить кое-какие дела со своим управляющим.

— Они присоединятся ко мне завтра утром, — продолжил он, — и среди них есть люди, утверждающие, что знакомы с вами; это мистер Бингли и его сестры.

Элизабет в ответ лишь слегка кивнула. Ее мысли сразу напомнили ей о том времени, когда они упоминали имя Бингли в разговоре в последний раз; насколько она могла судить по его лицу, он думал примерно о том же самом.

— Среди них будет еще одна дама, — продолжал он после паузы, — которая в частности хотела бы с вами познакомиться. Вы позволите мне, если я не прошу слишком многого, представить вам мою сестру пока вы остаетесь в Лемтоне?

Такая просьба ее весьма удивила, Элизабет не могла понять, почему удостоилась такой чести. При этом она сразу почувствовала, что желание мисс Дарси познакомиться с ней могло возникнуть в результате настояний ее брата, впрочем, на данный момент это ее вполне устраивало, и ей было приятно сознавать, что его прежняя обида не заставляет его плохо к ней относиться.

Теперь они шли молча, и каждый был погружен в свои мысли. Элизабет не чувствовала себя комфортно, это было просто невозможно, однако она была польщена и тронута. Его желание представить ее сестре было любезностью высшего уровня. Они вскоре заметно опередили остальных, и когда они подошли к экипажу, мистер и миссис Гардинер отстали от них на полчетверти мили.

Затем он пригласил ее зайти в дом, однако она заявила, что не устала, и они вдвоем остались стоять на лужайке. Такая ситуация особо располагала к беседе, и молчание было особенно неловким. Она хотела начать разговор, но любая тема казалась ей просто невозможной. Наконец, она вспомнила, что в данный момент путешествует, и они с большим удовольствием поговорили о Мэтлоке и Давдейле. Однако время и ее тетюшка двигались слишком медленно, к концу их разговора тет-а-тет у нее почти закончилось терпение и темы для дальнейшей беседы. Когда же мистер и миссис Гардинер, наконец, подошли, он настоял, чтобы все зашли в дом и немного перекусили, однако это приглашение было отклонено, и обе стороны в высшей степени любезно расстались. Мистер Дарси помог дамам сесть в экипаж, и, когда он тронулся, Элизабет увидела, как он медленно направился в сторону дома.

Ее тетя и дядя не преминули поделиться своими впечатлениями, и каждый из них заметил, что впечатления от мистера Дарси далеко превзошли их возможные ожидания.

— Он превосходно себя вел, был учтив и ненавязчив, — сказал ее дядюшка.

— Конечно, надо признать, что в нем есть нечто величавое, — заметила ее тетушка, однако это скорее касается его облика и не выглядит неподобающим. Я теперь, пожалуй, готова повторить вслед за его экономкой, что хотя некоторые и называют его гордецом, я этого в нем не заметила.

— Особенно меня удивило его к нам отношение, ведь это была не обычная вежливость, а искреннее внимание, хотя в нем не было особой необходимости, поскольку его знакомство с Элизабет было весьма мимолетным.

— Конечно, Лиззи, — добавила тетушка, — он не так привлекателен, как Уикхем, вернее, он не так симпатичен, хотя внешне вполне недурен. Почему ты нам рассказывала, что он такой неприятный тип?

Элизабет выкручивалась как могла; сказала, что когда они увиделись в Кенте, по сравнению с их первой встречей он понравился ей гораздо больше, и что никогда еще она не видела его таким любезным, как этим утром.

— Возможно, он немного эксцентричен благодаря своей подчеркнутой вежливости, — заметил ее дядюшка, — такими часто и бывают эти ваши высокопоставленные люди, потому я не буду воспринимать всерьез его слова о рыбалке, а то он однажды передумает, и мне придется сматывать удочки.

Элизабет понимала, что они заблуждаются, судя о его характере, но ничего не сказала.

— Из того, что мы сегодня наблюдали, — продолжила миссис Гардинер, — я бы никогда не поверила, что он способен поступить с кем-нибудь таким же жестоким образом, как он поступил с бедным Уикхемом. Непохоже, что он является злодеем, напротив, когда он разговаривает, его артикуляция вроде бы выдает в нем человека доброго. В его лице читается какое-то достоинство, которое не соответствует представлениям о человеке жестокосердном. И к тому же эта почтенная женщина, что показывала нам дом, так горячо отзывалась о его характере. Иногда я едва сдерживала смех. Однако очевидно, что он щедрый хозяин, и благодаря этому в глазах прислуги обладает и всеми прочими достоинствами.

Элизабет чувствовала, что ей необходимо что-то сказать в оправдание поведения Дарси по отношению к Уикхему, поэтому предельно осторожно она дала им понять, что согласно полученным в Кенте от его родственников сведениям, его действия можно объяснить, взглянув на сложившуюся ситуацию совсем по-иному, при этом характер Дарси представлялся уже не таким испорченным, а Уикхема — не таким приятным, как им казалось в Хартфордшире. В подтверждение своих слов она рассказала все подробности связывающих их взаимоотношений, не упоминая об источнике этой информации, уверяя, впрочем, что ему вполне можно доверять.

Миссис Гардинер была удивлена и весьма обеспокоена, однако поскольку в это время они уже проезжали по памятным ей местам, где она мило проводила время, каждый новый вид стал вызывать у нее приятные воспоминания, и она была слишком занята, указывая на них своему супругу, чтобы думать о чем-то еще. Несмотря на ее усталость от утренней прогулки, после обеда они сразу отправились навещать старых друзей, и вечер был проведен за приятными беседами, возобновленными после многолетней разлуки.

Однако события этого дня были слишком полны для Элизабет взволновавших ее событий, чтобы она могла уделять много внимания любому из ее новых знакомых; она могла лишь вновь и вновь удивляться любезности мистера Дарси, а еще более того его желанию познакомиться с ней его сестру.



ГЛАВА XLIV

Элизабет решила, что мистер Дарси приведет свою сестру для знакомства на следующий день после ее приезда в Пемберли, поэтому она решила всю первую половину этого дня не отходить далеко из гостиницы. Однако ее выводы оказались неверными — они появились в тот же день, когда мисс Дарси приехала в Лембтон. Элизабет с Гардинерами и новыми друзьями прогулялась по окрестностям, а когда все вернулись в гостиницу, чтобы переодеться и пообедать в том же составе, они услышали звук экипажа и, подойдя к окну, увидели проезжавших по улице в фэртоне мужчину и молодую девушку. Элизабет сразу поняла по ливрее, что это значит, и к немалому удивлению своих родственников сообщила об ожидающей их чести. Ее дядя и тетя были чрезвычайно удивлены, и смущение своей племянницы, когда она сообщала им эту новость, вкуче с этим визитом и многие события предыдущего дня, позволили им по-новому взглянуть на происходящее. И хотя они ничего подобного ранее не могли и предположить, теперь они чувствовали, что не могут иначе объяснить внимание столь важных особ к своей племяннице кроме как склонностью к ней мистера Дарси. А пока эта новая мысль зарождалась в их сознании, смятение Элизабет возрастало с каждой минутой. Она сама была удивлена своей нервозностью, и помимо других поводов для волнения ее беспокоило, что под воздействием своей пристрастности мистер Дарси перехвалит ее своей сестре. Она также опасалась, что несмотря на более чем обычное желание любезно встретить гостей, ее природная приветливость может в этом случае ей изменить.

Боясь быть замеченной, она отошла от окна и начала рассказывать по комнате в попытках успокоиться, при этом она видела, насколько удивленно на нее взирают тетюшка с дядюшкой, и это растранивало ее еще больше.

Наконец, в комнате появились мисс Дарси со своим братом, и это столь страшившее ее знакомство, наконец, произошло. При этом Элизабет с удивлением выяснила, что ее новая знакомая смущена не менее ее самой. Во время своего пребывания в Лембтоне она слышала, что мисс Дарси славится гордячкой, однако нескольких минут наблюдений за ней оказалось достаточно, чтобы убедиться в ее крайней застенчивости. Элизабет было трудно вытянуть из нее хоть слово, кроме односложных «да» или «нет».

Мисс Дарси была высокой, намного выше Элизабет, и хотя ей было чуть больше шестнадцати лет, ее фигура уже вполне оформилась, она была женственной и изящной. Она была не так красива, как ее брат, однако ее лицо говорило об уме, а манеры — о доброте и деликатности. Элизабет предполагала, что она будет таким же проницательным и невозмутимым наблюдателем человеческой природы, каковым всегда был мистер Дарси, и испытала огромное облегчение, обнаружив, насколько они непохожи.

Они провели не так много времени за беседой, как вдруг мистер Дарси сказал, что ее также собирается повидать мистер Бингли, и едва она успела выразить в связи с этим свое удовольствие и приготовиться к встрече этого гостя, как на лестнице послышались быстрые шаги, и через мгновение Бингли вошел в комнату. Элизабет давно перестала на него гневаться, однако, если бы в ней и сохранилась толика этого чувства, оно вряд ли бы устояло при виде его неподдельной радости от этой встречи. Он живо интересовался здоровьем ее семейства, задавая дежурные вопросы, и говорил со всегда свойственными ему добродушием и сердечностью.

Для мистера и миссис Гардинер Бингли был не менее интересным персонажем, чем для нее самой; они давно хотели его увидеть. Все явившиеся перед ними гости вызывали живейший их интерес. Подозрения, недавно возникшие у них по поводу отношений мистера Дарси и их племянницы, заставляли их осторожно и внимательно следить за обоими, и вскоре после этого они убедились, что по крайней мере один из них знает, что значит быть влюбленным. И если в чувствах своей племянницы они еще не были до конца уверены, то переполнявшие ее кавалера восторги не вызывали сомнений.

Элизабет со своей стороны тоже было чем заняться. Ей хотелось понять, какие чувства испытывает каждый из гостей; ей нужно было собраться с мыслями и при этом постараться быть ко всем любезной, и хотя она больше всего тревожилась о последнем, здесь она могла быть уверена в успехе, поскольку все, кому она хотела понравиться, были к ней благорасположены. Бингли был готов ее слушать, Джорджиана искреннее желала познакомиться с ней поближе, а Дарси был просто рад ее присутствию.

При виде Бингли мысли Элизабет естественным образом обратились к сестре, и ей очень хотелось узнать, не направлены ли и его в том же направлении. Иногда ей казалось, что он говорит меньше, чем прежде, а раз или два она с удовольствием отметила, что он, глядя на нее, вроде бы пытался найти ее сходство с Джейн. Однако если все это могло быть лишь плодом ее фантазии, она не могла обмануться относительно его отношения к мисс Дарси, которую ей в свое время представляли как соперницу Джейн. Оглянувшись по сторонам, она не заметила ничего, что могло бы подтвердить надежды мисс Бингли. Вскоре она совершенно успокоилась по этому поводу, а два или три нюанса, замеченных ею прежде, чем они расста-



Они провели не так много времени за беседой, как вдруг мистер Дарси сказал, что ее также собирается повидать мистер Бингли, и едва она успела выразить в связи с этим свое удовольствие и приготовиться к встрече этого гостя, как на лестнице послышались быстрые шаги, и через мгновение Бингли вошел в комнату.

лись, подсказали ее услужливому воображению, что Бингли вспоминает о Джейн не без налета нежности и с удовольствием поговорил бы о ней, если бы она упомянула в разговоре ее имя; сам же он на это не осмеливался. Когда все остальные оживленно беседовали, Бингли заметил:

— Как много времени прошло с тех пор, как я имел удовольствие вас видеть! — И прежде, чем она смогла ответить, добавил: — Больше восьми месяцев! Ведь мы не встречались с двадцать шестого ноября, когда мы все вместе танцевали в Незерфилде.

При этом в его голосе сквозили нотки неподдельной грусти, а Элизабет была рада отметить, что эта дата так точно сохранилась в его памяти. Позже он воспользовался случаем, и, когда на них никто не смотрел, спросил, все ли ее сестры находятся в Лонгборне. В этом вопросе, и в предыдущем замечании не было ничего особенного, однако выражение лица и сам тон Бингли придавали им вполне определенное значение.

Ей нечасто удавалось бросать взгляды на мистера Дарси, однако каждый раз, когда она на него смотрела, она видела на его лице выражение приветливой обходительности,



и во всем, что он говорил, не слышалось ни единой нотки высокомерия или заносчивости по отношению к его собеседникам. Это убеждало ее в том, что улучшение его манер, столь явно замеченное ею вчера, каким бы непродолжительным оно ни было, длится по меньшей мере дольше одного дня. Она замечала, как он расположен к новым знакомым и как старается выработать хорошее о себе мнение у людей, любое общение с которыми еще несколько месяцев назад он считал бы позорным. Она видела, что он вежлив не только по отношению к ней, но и к той самой ее родне, о которой он отзывался столь пренебрежительно во время их разговора на повышенных тонах в пасторском домике Хансфорда. Все эти изменения были столь велики и производили на нее столь сильное впечатление, что ей едва удавалось сдерживать удивление на своем лице. Никогда, даже в компании своих дорогих друзей в Незерфилде или высокородных родственников в Розингсе, она не видела его столь желающим угодить, таким раскованным, таким лишенным всяческой надменности. При этом она понимала, что успех его усилий в этой компании, да и само знакомство с этими людьми, которым он теперь уделял свое внимание, могли вызвать одни лишь упреки и насмешки со стороны его дам в Незерфилде и Розингсе.

Посетители пробыли с ними около получаса, и когда они уже поднялись, чтобы уйти, мистер Дарси обратился к своей сестре, напомнив ей, что они хотели пригласить мистера и миссис Гардинер и мисс Беннет на обед в Пемберли до их отъезда из этих мест. Мисс Дарси, хотя и с некоторой неловкостью, говорившей об отсутствии опыта делать приглашения, охотно с этим согласилась. Миссис Гардинер глянула на свою племянницу, желая выяснить, насколько она готова принять это предложение, которое разумеется, в первую очередь было адресовано именно ей, однако та в этот момент отвернулась. Однако миссис Гардинер, полагая, что такое деланное безразличие говорит скорее о ее смущении, чем о желании отклонить приглашение, и заметив, что ее любивший компании муж готов с удовольствием его принять, взяла на себя смелость согласиться. Встреча была назначена на послезавтра.

Бингли заявил, что ему доставляет большую радость уверенность увидеть Элизабет снова, и что ему еще многое предстоит ей рассказать, и что у него еще много вопросов о ее хартфордширских друзьях. Элизабет была весьма довольна таким ответом, поскольку в ее представлении это означало, что он надеется поговорить с ней о ее сестре, и в этой связи, а также благодаря некоторым другим обстоятельствам, она сочла после ухода гостей, что провела последние полчаса не без пользы, хотя в течение самого этого времени она вряд ли испытывала удовольствие. Стремясь побыть одной и опасаясь расспросов или намеков со стороны дядюшки и тетюшки, она осталась с ними ровно настолько, чтобы выслушать их положительный отзыв о мистере Бингли, а затем удалилась, чтобы переодеться.

Однако на самом деле у нее не было совершенно никаких оснований опасаться любопытства Гардинеров, поскольку у них не было никакого желания что-либо у нее выпытывать. Им было ясно, что она гораздо ближе знакома с мистером Дарси, чем они предполагали, и было также ясно, что он в нее серьезно влюблен. Все это их весьма интриговало, но веских оснований для дальнейших расспросов они не видели.

Их также беспокоило, что теперь о мистере Дарси следовало думать в положительном ключе, ведь насколько позволяло об этом судить их с ним знакомство, особых недостатков в нем они не обнаружили. Они не могли быть не тронутыми его

любезностью, и если бы могли судить о его характере самостоятельно или по словам его экономки, не принимая во внимание другие суждения, то хартфордширский кружок их знакомых вряд ли бы узнал в составленном ими портрете знакомого им прежде мистера Дарси. Им хотелось доверять словам экономки, и они вскоре решили, что авторитетное свидетельство служанки, знавшей Дарси с четырехлетнего возраста, и чьи собственные манеры внушали уважение, не стоит отвергать чересчур поспешно. Ничто из сведений, сообщенных им друзьями из Лембтона, эти слова не умаляло. Его упрекали только в гордости; возможно, она у него и была, а если бы ее не было, то жители маленького городка, который его семья не посещала, не преминули и это поставить ему в вину. Вместе с тем его держали за человека щедрого, совершившего много добрых дел для бедняков.

Что касается Уикхема, то путешественники вскоре узнали, что здесь его ценят не слишком высоко, и хотя истинная причина разлада Уикхема с сыном его патрона оставалась неясна, тем не менее, было хорошо известно, что, покидая Дербишир, он оставил множество долгов, за которые позже расплатился мистер Дарси.

Что же до Элизабет, то в этот вечер она думала о Пемберли гораздо больше, чем в предыдущий раз, и хотя вечер, как ей казалось, тянулся достаточно медленно, его не хватило, чтобы определить ее отношение к одному из обитателей этого особняка, и она пролежала без сна более двух часов, пытаясь во всем этом разобраться. Она безусловно не питала к нему ненависти. Нет, ненависть исчезла уже довольно давно, и уже довольно давно она стыдилась, что когда-то испытывала к нему неприязнь, которую можно было счесть за ненависть. Сначала она неохотно признавала его положительные стороны, однако возникшее в результате уважение к Дарси теперь уже не вызывало у нее негативных эмоций; благодаря его поведению в течение этих двух дней ее чувства к нему стали более дружественными, и его характер представился ей еще в более выгодном свете. Однако более всего, более уважения и одобрения, в ее душе существовал еще один доброжелательный порыв, от которого нельзя было отмахнуться. Это была благодарность. Благодарность не только за то, что он когда-то полюбил ее, но и за то, что это чувство было в нем по-прежнему настолько сильно, что он смог позабыть всю ее раздражительность, все колкости и несправедливые обвинения, которые сопровождали ее отказ от его предложения. Человек, который по ее убеждению должен был избегать ее, как злейшего врага, попытался при этой случайной встрече сделать все, что было в его силах для сохранения их знакомства. Он не выказывал никакой аффектации или неподобающего поведения в деле, которое касалось лишь их двоих, и в то же время он стремился снискать себе доброе имя у ее родных и познакомить со своей сестрой. Такие перемены в столь гордом человеке вызывали не только удивление, но и признательность, ибо их можно было приписать только любви, пылкой любви, и она порождала у Элизабет некое пока неясное и воодушевляющее ощущение, которое было отнюдь не неприятным. Она уважала, она ценила этого человека, она была ему благодарна, и она искренне желала ему благополучия, и она стремилась только понять, насколько сама хочет, чтобы это его благополучие зависело от нее, и приведет ли это к их общему счастью, если она, начав использовать силу, которая, как подсказывала ей интуиция, все еще была ей присуща, снова вынудит его просить ее руки.

Этим же вечером между тетушкой и ее племянницей было решено, что на особое внимание, которое оказала им мисс Дарси, приехав к ним сразу после своего прибытия

в Пемберли, необходимо будет ответить любезностью с их стороны, пусть и более скромной. Соответственно было решено, что целесообразно будет навеститься в Пемберли в первой половине следующего дня. Таким образом, они должны были туда съездить. Элизабет была довольна, хотя если бы она спросила, что собственно ее так радует, вряд ли она нашла, что ответить.

Мистер Гардинер покинул их вскоре после завтрака. Еще вчера он снова получил приглашение порыбачить, согласился, и теперь должен был встретиться с какими-то джентльменами в Пемберли около полудня.



ГЛАВА XLV

Элизабет была убеждена, что неприязнь к ней мисс Бингли возникла из-за ревности, поэтому она не могла не понимать, насколько неприятно будет восприниматься ее появление в Пемберли; к тому же ей было любопытно посмотреть, насколько любезно будет себя вести эта дама при возобновлении их знакомства.

Когда они добрались до дома, их пригласили пройти через холл в северную гостиную, в которой было приятно находиться летом. Из высоких, доходивших до пола окон открывался вдохновляющий вид на высокие лесистые холмы за домом и на окружавшие лужайку дубы и каштаны.

В этой комнате их и приняла мисс Дарси, которая сидела там в обществе миссис Херст, мисс Бингли и еще одной дамы, с которой она жила в Лондоне. Джорджиана встретила их очень любезно, однако ее застенчивость и страх сделать что-то не так вызвали впечатление замкнутости, которое легко принималось людьми, чувствовавшими свое подчиненное положение, за гордость и высокомерие. Миссис Гардинер и ее племянница могли это понять и относились к ней с сочувствием.

Миссис Херст и мисс Бингли приветствовали их только вежливыми кивками, и когда все расселись, возникла обычная в таких случаях молчаливая пауза. Первой ее нарушила миссис Энсли, приятная с виду обходительная женщина, чья попытка начать разговор говорила о ее лучшей воспитанности по сравнению с остальными принимавшими их дамами. Между ней и миссис Гардинер завязалась беседа, в которую изредка вставляла свои реплики и Элизабет. Судя по виду мисс Дарси, ей очень хотелось набраться смелости и тоже присоединиться к разговору, и время от времени, когда никто не обращал на нее внимания, она рисковала бросать односложные фразы.

Вскоре Элизабет заметила, что мисс Бингли пристально за ней следит, и что любая ее реплика, особенно касающаяся мисс Дарси, вызывает ее повышенное внимание. Это наблюдение не помешало бы ей побеседовать с Джорджианой, однако та сидела слишком далеко от нее, однако впрочем она не сожалела, что ей не приходится много говорить. Ее занимали собственные мысли, и она ожидала, что в комнате вскоре должны были появиться мужчины. Она хотела, чтобы среди них был и хозяин дома, в то же время она этого страшилась, и ей было трудно разобраться, какое из этих двух желаний сильнее. Элизабет просидела так около пятнадцати минут, ни разу не услышав мисс Бингли, и, наконец, та заставила ее очнуться, вежливо и холодно справившись о здоровье ее родных. Элизабет ответила столь же сдержанно и кратко, и мисс Бингли больше ничего не спрашивала.

Появление слуги с холодным мясом, пирожными и всевозможными лучшими фруктами сезона внесло некоторое разнообразие в их посиделки, хотя произошло это только после того, как миссис Энсли своими многозначительными взглядами и улыбками напомнила мисс Дарси о ее обязанностях хозяйки дома. Теперь для всех присутствующих нашлось занятие, ибо, если не все они могли беседовать, то все могли заняться едой, и вскоре красивые пирамиды из персиков, винограда и слив заставили их собраться вкруг стола.

После того, как Элизабет занялась едой, у нее появилась счастливая возможность разобраться, хочет ли она увидеть мистера Дарси или опасается его появления; ей на мгновение показалось, что она будет рада ему, однако когда он появился в комнате, она сразу же пожалела, что он пришел.

Он провел некоторое время в обществе мистера Гардинера, который вместе с двумя-тремя гостями был занят рыбалкой, и покинул их компанию лишь когда узнал от него, что его дамы этим утром намеревались навестить Джорджиану. Как только он появился, Элизабет разумно решила держать себя при нем свободно и непринужденно. Впрочем, это решение было проще принять, чем выполнить, потому что она видела, что внимание всей компании обращено на них; едва ли не каждый из присутствующих бросал на мистера Дарси любопытные взгляды после того, как он вошел в комнату. Однако более всего любопытство было заметно на лице мисс Бингли, хотя она и постоянно улыбалась, обращаясь к мистеру Дарси или к Элизабет, ведь ревность еще

удерживала ее от признания своего фиаско. После появления брата мисс Дарси старалась вступать в беседу чаще, и Элизабет заметила, что он явно стремится поближе познакомиться с ее сестрой, каждый раз поддерживая возникающую между ними беседу. Мисс Бингли также это отметила и с нескрываемой раздражительностью при первом удобном случае насмешливо-любезно спросила:

— Прошу, мисс Элиза, скажите, неужели и вправду ***ширский полк покинул Меритон? Для вашей семьи это, должно быть, большая потеря!

В присутствии Дарси она не смела упомянуть про Уикхема, однако Элизабет сразу поняла, что именно он занимал в первую очередь ее мысли, и разнообразные связанные с ним воспоминания мимолетно ей досаждали. Элизабет была готова решительно отразить эту злонамеренную атаку и сразу ответила на заданный вопрос намеренно безразличным тоном. Говоря, она невольно взглянула на Дарси и увидела, что он покраснел и внимательно на нее смотрит, а его смутившаяся сестра не смеет и поднять глаз. Если бы мисс Бингли понимала, какую боль она доставляет при этом своей любимой подруге, она, безусловно, воздержалась бы от своего намека, однако она главным образом хотела задеть Элизабет, намекнув о человеке, к которому, по ее мнению, она была неравнодушна, а также о глупом и нелепом поведении ее родственников, связанных с этим полком. Таким образом, она рассчитывала заставить Элизабет понервничать и тем самым уронить ее в глазах Дарси. О готовившемся побеге не знала ни одна живая душа кроме Элизабет, эта история держалась в строжайшем секрете, и от всех Бингли мистер Дарси хотел скрыть ее особо, намереваясь породнить оба семейства, как давно Элизабет и подозревала. Такой план у Дарси определенно когда-то был, хотя быть может и не им объяснялось его желание разлучить Бингли и Джейн, этот план говорил о его живой заботе о благополучии своего друга.

Однако умение Элизабет держать себя в руках вскоре успокоило его волнение, а поскольку раздосадованная и расстроенная мисс Бингли не посмела упомянуть в разговоре об Уикхеме, Джорджиана тоже постепенно пришла в себя, хотя и не настолько, чтобы вести беседу дальше. Она боялась встретиться взглядом со своим братом, который, казалось, толком не заметил ее тревожений, а обстоятельство, которое было задумано, чтобы отвлечь его мысли от Элизабет, по-видимому, заставило смотреть его на нее еще с большей симпатией.

Вскоре после того, как на упомянутый выше вопрос был получен ответ, гости уехали, и, пока мистер Дарси провожал их до экипажа, мисс Бингли изливала свои чувства, критикуя внешность, поведение и наряд Элизабет. Джорджиана, однако, в этом компанию ей не составляла. Рекомендаций брата было ей совершенно достаточно, чтобы вызвать ее благосклонность, ведь он не мог заблуждаться в своих суждениях, а он так говорил о Элизабет, что Джорджиане ничего не оставалось, как счесть ее милой и добросердечной. Когда Дарси вернулся в гостиную, мисс Бингли не смогла не повторить кое-что сказанное минуту назад его сестре.

— Как неважно смотрелась сегодня Элиза Беннет, мистер Дарси! — воскликнула она. — Я в жизни не видела, чтобы кто-нибудь так менялся за зиму! Она так погрубела, и этот цвет лица! Мы с Луизой сочли, при случайной встрече мы бы ее просто не узнали!

Как бы мало ни нравились эти замечания мистеру Дарси, он ограничился прохладным ответом, что не заметил в ее лице никаких перемен кроме загара, столь неудивительного для путешествующих летом.

— Что до меня, — возразила мисс Бингли, — то должна признаться, что никогда не замечала в ней особой красоты. Лицо слишком вытянутое, кожа смуглая, а все черты совсем непривлекательные. Нос невыразительный, никаких благородных линий. Зубы еще сносные, но вполне обычные. А что касается ее глаз, которые, помнится, однажды назвали столь прелестными, то я никогда не находила в них ничего особенного. Их острый пронизывающий взгляд мне совершенно не по душе, да и во всем ее облике столько самодовольства без каких-либо манер, что выносить это трудно.

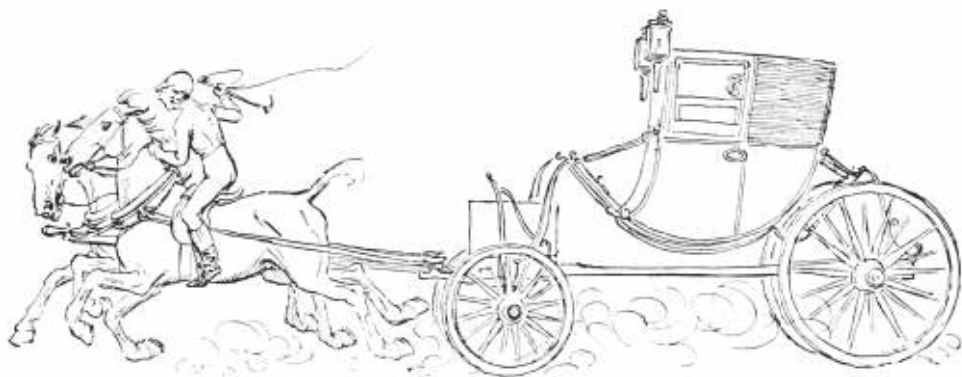
Мисс Бингли была убеждена, что Элизабет нравится мистеру Дарси, и это условно был не лучший способ ему понравится, однако рассерженные люди не всегда действуют здраво, и она добилась лишь того, что его лицо помрачнело. Дарси решительно хранил молчание, и решив его разговорить, она добавила:

— Я припоминаю, когда мы впервые встретили ее в Хартфордшире, нас всех весьма удивило, что она снискала славу красавицы, и я прекрасно помню, как вы сказали после их обеда у нас в Незерфилде: «Она красавица? Да я бы скорее назвал ее мамашу остроумной!». Впрочем, позже она стала вам даже нравиться, и мне кажется какое-то время вы даже считали ее симпатичной.

— Да! — ответил Дарси, не в силах более сдерживаться, — но это было в самом начале нашего знакомства, однако с тех пор прошло уже много месяцев, и теперь я считаю, что она является одной из самых симпатичных женщин среди моих знакомых.

Затем он вышел, и мисс Бингли пришлось довольствоваться этим вырванным у него признанием, которое больно задело лишь ее одну.

На обратном пути миссис Гардинер и Элизабет поговорили обо всем, что произошло в течение этого визита, не касаясь только того, что по-настоящему интересовало их обеих. Они обсуждали облик и поведение всех присутствовавших за исключением человека, который больше всего привлекал их внимание. Они говорили о его сестре, о его друзьях, о его доме и поданных там фруктах — обо всем, но только не о нем самом, хотя Элизабет очень хотелось узнать, что думает о нем ее тетюшка, а миссис Гардинер была бы крайне рада, если бы ее племянница завела разговор на эту тему.



ГЛАВА XLVI

Элизабет была сильно разочарована, не обнаружив письма от Джейн после своего приезда в Лембтон, и это разочарование повторялось каждый их проведенный здесь день, пока наутро четвертого дня ее расстройству не пришел конец; ее сестра в ее глазах была оправдана, потому что от нее одновременно были получены два письма, и штемпель на одном из них свидетельствовал о том, что оно долго блуждало по дороге. Элизабет этому особо не удивилась, ведь адрес на конверте был написан Джейн весьма неразборчиво.

Они как раз собирались на прогулку, когда пришли эти письма, и поэтому ее дядюшка с тетюшкой ушли одни, оставив Элизабет наслаждаться чтением в тишине и спокойствии. Она сразу взялась за потерявшееся письмо, оно было написано еще пять дней назад. Вначале шло описание небольших вечеринок и скромных развлечений, столь характерных для жизни в провинции, однако вторая половина письма, датированная следующим днем и написанная с явным волнением, касалась более важных вещей. В нем говорилось следующее:

«Дорогая Лиззи, после написания всего вышеизложенного произошло нечто весьма серьезное и неожиданное, однако чтобы тебя не пугать, скажу сразу — будь уверена, мы все здоровы. То, что я хочу сообщить, касается бедной Лидии. Вчера ночью, в полночь, когда мы уже все собирались укладываться спать, пришло с нарочным сообщение от полковника Форстера, что она уехала в Шотландию с одним из его офицеров, и честно говоря, это Уикхем! Представь себе, как мы были изумлены! Для Китти, впрочем, эта новость показалась не столь уж и неожиданной. Я очень, очень огорчена. Такой опрометчивый брак для обоих! Однако, я хочу надеяться на лучшее; возможно, его характер понимают неправильно. Я готова верить в его беспечность и опрометчивость, однако этот его поступок (которому нам следует порадоваться) ничем его не порочит. По крайней мере, его выбор лишен корысти, ведь он знает, что наш отец ничего не может дать за ней. Наша несчастная матушка в ужасном расстройстве. Отец перенес это лучше. Как я рада, что мы не поведали им ничего, что про него рассказывали; мы и сами теперь должны все об этом позабыть. Предположительно они уехали в субботу около полуночи, но их хватило лишь в восемь утра. Нарочный был послан незамедлительно. Лиззи, дорогая, представь — они должны были проехать всего в десяти милях от нас! Судя по всему, полковник Форстер скоро здесь появится. Лидия

накидала несколько строк его супруге, сообщив ей об их намерениях. Должна заканчивать — не могу долго оставлять нашу бедную матушку одну. Боюсь, ты не сможешь во всем этом разобраться, я и сама толком не знаю, что написала».

Не раздумывая слишком долго и с трудом разбираясь в охвативших ее чувствах, Элизабет, закончив это письмо, мгновенно схватила второе, нетерпеливо его раскрыла (оно было написано на следующий день после предыдущего) и с крайним нетерпением прочла следующее:

«К этому времени, дорогая сестра, ты уже должна получить мое вчерашнее поспешно написанное письмо, и я надеюсь, что это будет более вразумительным, и хотя сейчас особой спешки нет, в моей голове так все перемешано, что я не могу поручиться за его связность. Милая Лиззи, не знаю даже, как мне об этом написать, но у меня для тебя плохие новости, и я не могу с ними медлить. Несмотря на то, что брак между мистером Уикхемом и нашей бедной Лидией казался нам неразумным, мы сейчас стремимся убедиться, что он вообще состоялся, поскольку есть много причин опасаться, что они не уехали в Шотландию. Вчера, через несколько часов после прибытия нарочного, к нам появился выехавший из Брайтона полковник Форстер. Из короткой записки Лидии к его супруге он смог, вроде бы, понять, что они должны были отправиться в Гретна Грин, однако, судя по оброненному мистером Денни замечанию, У. туда вовсе и не собирался и вообще не намеревался жениться на Лидии; это было передано полковнику, который сразу же поднял тревогу и помчался из Б., чтобы выяснить их маршрут. Он легко проследил их до Клепхема, но не далее, поскольку прибыв туда, беглецы оставили фаэтон, который привез их из Эпсума, и взяли наемный экипаж. Потом они продолжали свой путь по лондонской дороге, и это все, что о них известно. Просто не знаю, что и думать. Наведя всевозможные справки в этой части Лондона, полковник приехал в Хартфордшир, настойчиво продолжая расспросы на всех заставах, а также в гостиницах Барнета и Хэтфилда, однако, безрезультатно; никто не видел описанных им людей. Глубоко озабоченный, он прибыл в Лонгборн и весьма деликатно высказал нам свои опасения. Я искренне сочувствую ему и его супруге, ведь они ни в чем не виноваты. Все мы, дорогая Лиззи, очень и очень расстроены. Папа и маман подозревают самое худшее, но я не могу так плохо думать об Уикхеме. Многие обстоятельства могли подтолкнуть их отказаться от первоначального плана и тайно обвенчаться в Лондоне, и даже если предположить, что у него мог созреть недостойный план в отношении Лидии, что мне лично кажется сомнительным, можно ли представить, что она сама настолько потеряла голову? Это просто невозможно! С сожалением должна признать, что полковник не склонен верить в их венчание, и когда я высказала ему свои надежды на это, он лишь покачал головой и сказал, что по его мнению У. не тот человек, которому можно доверять. Нашей бедной маман на самом деле очень плохо, и она не выходит из комнаты. Мне кажется, если бы она вышла из себя, ей бы стало легче, однако надежды на это мало, а что касается нашего отца, то я еще никогда в жизни не видела его таким удрученным. На несчастную Китти сердятся за то, что она скрывает их отношения, однако ей ведь сообщили об этом по секрету, так что удивляться особо и не приходится. Я очень рада, дорогая Лиззи, что ты была избавлена от зрелища всех этих удручающих сцен, однако теперь, когда первое потрясение от случившегося уже прошло,

должна ли я писать, насколько жду твоего возвращения? Однако я не настолько эгоистична, чтобы настаивать, если это неудобно. Пока!

Снова берусь за перо, чтобы опять попросить тебя сделать то, на чем только что хотела не настаивать, однако обстоятельства таковы, что я не могу удержаться и вынуждена умолять приехать всех вас как можно скорее. Я достаточно хорошо знаю наших дорогих дядю и тетю, чтобы не бояться просить их об этом, при этом к дяде хочу обратиться особо. Отец прямо сейчас уезжает с полковником Форстером в Лондон, чтобы попытаться там ее разыскать. Что конкретно он собирается предпринять, я с уверенностью сказать не могу, однако его душевные страдания вряд ли позволят ему совершить какие-либо действия наилучшим и безопасным образом, а полковник Форстер обязан быть завтра вечером в Брайтоне. В такой крайней ситуации дядины советы и помощь были бы дороже всего на свете, он сразу поймет, что я чувствую, и я полагаюсь на его великодушие».

— Ах где же, где теперь мой дядя?! — воскликнула Элизабет, дочитав письмо и вскочив с места.

Она решила, не теряя драгоценного времени, немедленно кинуться на поиски дядюшки, однако когда она уже была у двери, ее открыл слуга, и на пороге возник мистер Дарси. Заметив ее побледневшее лицо и порывистость движений, он замер, но прежде чем он взял себя в руки и смог заговорить, Элизабет, в чьем сознании все остальные соображения были вытеснены историей с Лидией, поспешно сказала:

— Извините меня, но я вынуждена вас покинуть. Я немедленно прямо сейчас должна найти мистера Гардинера по делу, которое не требует отлагательств. Мне нельзя терять ни минуты.

— Господи боже, да в чем же дело? — воскликнул он эмоционально, позабыв о приличиях, однако, сразу взяв себя в руки, он добавил: — Я не задержу вас ни на секунду, однако позвольте мне или кому-нибудь из слуг отправиться на поиски мистера и миссис Гардинер. Вы слишком возбуждены, чтобы заниматься этим самостоятельно.

Элизабет колебалась, стоит ли ей принять это предложение, но тут колени у нее подкосились, и она поняла, что из попытки их догнать вряд ли выйдет что-либо путное. Поэтому, вызвав обратно слугу, она с трудом растолковала ему, запинаясь и проглатывая от волнения слова, что ему нужно немедленно привести своих хозяев в гостиницу.

Когда он вышел из комнаты, Элизабет села, ибо ноги ее уже не держали; выглядела она настолько ужасно, что Дарси не смог оставить ее одну и, не удержавшись, мягко и с сочувствием спросил:

— Позвольте мне позвать вашу горничную. Быть может, чтобы вам стало легче, что-нибудь вам принести? Стакан вина? Могу я его вам принести? Вы выглядите весьма неважно...

— Нет, благодарю вас, — ответила она, пытаясь прийти в себя. — Со мной все в порядке. Я совершенно здорова и лишь весьма расстроена ужасными новостями, только что полученными из Лонгборна.

Упомянув об этом, она разразилась рыданиями и в течение нескольких минут не могла сказать ни слова. У Дарси был чрезвычайно растерянный вид; он смог лишь невразумительно пробормотать нечто утешающее, а потом сострадательно на нее уставился. Наконец, она снова заговорила:

— Я только что получила письмо от Джейн с ужасными новостями. Вряд ли эту историю удастся скрыть. Моя младшая сестра оставила всех своих друзей и — сбежала, — отдала себя в руки... мистера Уикхема. Они вместе бежали из Брайтона. Вы достаточно хорошо знаете этого человека, чтобы додумать все остальное. У нее нет ни денег, ни связей, ничего, чем она могла бы его привлечь, — она безвозвратно погибла.

Дарси замер от изумления.



— Когда я думаю, — добавила она еще более взволнованным голосом, — что я могла все это предотвратить... Ведь я прекрасно знала, что он собой представляет! Мне было достаточно рассказать моим домашним лишь немного из того, что я узнала. Если бы они знали, что он за человек, всего этого не случилось бы, а сейчас уже слишком, слишком поздно!

— Как я огорчен! — воскликнул Дарси. — Даже не огорчен — шокирован! Но это точно? Абсолютно точно?

— О, да! Они вместе покинули Брайтон в ночь на воскресенье, и их путь удалось проследить до Лондона, но не далее. Они точно не поехали в Шотландию.

— И что было сделано? Что предприняли, чтобы ее вернуть?

— Мой отец отправился в Лондон, Джейн просит в письме незамедлительной помощи дяди, и я надеюсь, что мы выедем через полчаса. Однако на самом деле сделать ничего уже нельзя, я это прекрасно понимаю. Как вообще можно иметь дело с таким человеком? Как их вообще можно обнаружить? У меня нет ни малейшей надежды на это. Все это ужасно во всех отношениях!

Дарси молчаливо покачал головой в знак согласия.

— А ведь я знала, каков он на самом деле! Ах, если бы я знала тогда, что могла, нет, что должна была сделать! Однако я не понимала — боялась зайти слишком далеко. Ужасная, ужасная ошибка!

Дарси не ответил. Казалось, он едва расслышал ее слова, расхаживая взад и вперед по комнате. Он был глубоко погружен в свои мысли; вид у него был мрачный, брови нахмурены. Элизабет вскоре это заметила и сразу все поняла. Ее власть над ним таяла, и все его симпатии должны были исчезнуть перед таким примером семейного позора, перед таким свидетельством глубочайшего бесчестия. И это ее не удивляло, ибо ей не в чем было его упрекнуть, и вера в то, что ему удалось одержать победу над самим собой, не приносила утешения для ее душевных мук, не смягчала ее страданий. Напротив, все это словно нарочно было подстроено, чтобы она смогла разобраться в своих собственных чувствах, и никогда еще она так отчетливо не сознавала, что могла бы его полюбить, как теперь, когда ни о какой любви не могло быть и речи.

Однако мысли о себе, хотя и возникавшие в ее голове, не могли поглотить ее полностью. Унижение и страдания, которые навлекла на всех их Лидия, быстро поглотили все личные переживания, и уткнув лицо в платок, Элизабет вскоре позабыла обо всем остальном, но через несколько минут молчания голос ее собеседника все-таки вернул ее к действительности. Дарси говорил сдержанно, однако с явным страданием.

— Боюсь, вы давно ждете моего ухода, — сказал он, — и у меня нет никакого оправдания своей задержке кроме искренней, хотя и бесполезной озабоченности. Боже правый, если бы я мог что-то сделать или сказать для облегчения ваших страданий! Однако я не должен досаждать вам такими тщетными желаниями, которые могут показаться лишь поводом чтобы снискать вашу благодарность. Боюсь, что это прискорбное событие помешает моей сестре иметь удовольствие видеть вас сегодня в Пемберли.

— О да! Будьте так добры и извинитесь за нас перед мисс Дарси. Передайте ей, что срочное дело заставило нас немедленно вернуться домой. Не раскрывайте ей ужасную правду, пока это будет возможно. Я понимаю, что это продлится недолго.

Он с готовностью заверил ее, что сохранит все в тайне, еще раз выразил свое чувство в связи с ее страданиями, и высказал пожелание, что все закончится более благополучно, чем на это нынче можно рассчитывать. Затем он попросил передать поклон ее родным, и, бросив на нее пристальный прощальный взгляд, удалился.

Когда он ушел, Элизабет подумала, что вряд ли они когда-либо будут встречаться с той же сердечностью, с какой они общались несколько раз здесь, в Дербишире, и, бросив мысленный взгляд на всю историю их взаимоотношений, столь разнообразную и переменчивую, она вздохнула, думая о трансформации чувств, под воздействием которых ей нынче хотелось сохранить это знакомство, а ведь совсем недавно она бы была рада, если бы оно прекратилось.

Если благодарность и уважение являются благодатной почвой для возникновения нежных чувств, то произошедшая с Элизабет перемена не должна казаться невероятной или надуманной, однако если наоборот — считать чувства, выросшие на такой почве, необоснованными или неестественными, по сравнению с теми чувствами, которые, судя по описаниям, часто возникают с первого взгляда еще до первых сказанных друг другу слов, то в защиту изменившихся чувств Элизабет можно было лишь привести ее небольшой опыт привязанности к Уикхему, чье фиаско возможно подталкивало ее искать другой, менее романтичный путь поисков подобных отношений.

Как бы то ни было, она проводила его глазами с сожалением; его уход она восприняла как первое следствие позора своей сестры, и боль в ее душе, вызванная всей этой ужасной историей в результате лишь возросла. После второго письма Джейн она уже ни питала никаких надежд на то, что Уикхем собирался жениться на Лидии, и ей казалось, что никто кроме Джейн, не мог бы оболящаться такими ожиданиями. Для нее теперь в этой истории не было ничего удивительного. Пока она была знакома с содержанием лишь первого письма, она недоумевала и даже была поражена, как Уикхем решился жениться на девушке, ведь было невозможно представить, что он пошел на это ради денег, и как Лидия вообще смогла привязать его к себе. Однако теперь все представлялось вполне естественным. Для связи подобного рода она могла быть достаточно привлекательной, и хотя Элизабет не предполагала, что Лидия намеренно решилась на побег, не намереваясь выйти замуж, ей не составляло труда поверить, что ни добродетели, ни здравый смысл ее сестры не помешают ей стать легкой жертвой в этой истории.

Пока полк находился в Хартфордшире, Элизабет ни разу не замечала, чтобы у Лидии была к нему какая-либо склонность, однако она была убеждена, что Лидии было достаточно малейшего толчка, чтобы увязаться с кем угодно. У нее в фаворитах ходил то один офицер, то другой, и внимание каждого поднимало его в ее глазах. Ее предпочтения все время менялись, но они существовали всегда. А они с таким попустительством и пренебрежением относились к выходкам этой девчонки! О, с какой душевной болью теперь она думала об этом!

Ей смертельно хотелось вернуться домой, чтобы видеть и слышать все самой, быть в курсе событий и разделить с Джейн все обрушившиеся теперь на нее заботы в их пошедшем вразнос доме, ведь их отец уехал, а мать была уже ни на что не способна и требовала постоянного ухода, и хотя Элизабет была уверена, что для Лидии ничего сделать уже было невозможно, вмешательство ее дяди ей представлялось весьма важным, и пока он не появился в комнате, она с нетерпением его поджидала. Встревоженные мистер и миссис Гардинер поспешили вернуться; со слов слуги они подумали, что их



Элизабет тотчас же рассказала, почему срочно их вернула с прогулки, прочитав оба письма вслух и подчеркнув концовку второго с особым волнением.

племянница внезапно заболела, однако сразу уверив, что с ней все в порядке, Элизабет тотчас же рассказала, почему срочно их вернула с прогулки, прочитав оба письма вслух и подчеркнув концовку второго с особым волнением. Хотя Лидия никогда не была их любимой племянницей, Гардинеры были чрезвычайно расстроены, ведь эта история касалась не только Лидии, но всех членов их семьи, поэтому после первых возгласов удивления и ужаса мистер Гардинер с готовностью выразил свое желание оказать любую помощь, которая будет в его силах. Хотя Элизабет и предполагала именно такой ответ, она все же со слезами на глазах поблагодарила его за это, и все трое в едином порыве быстро решили все вопросы, связанные с их отъездом. Они должны были выехать как можно скорее.

— А что же нам делать с Пемберли? — воскликнула миссис Гардинер. — Джон сказал, что мистер Дарси был здесь, когда ты послала за нами. Это правда?

— Да. И я предупредила его, что мы не сможем принять их приглашение. Все уже решено.

— Все решено? — повторила миссис Гардинер, когда Элизабет побежала к себе собираться. — Неужели отношения между ними таковы, что она ему раскрыла всю правду? Как бы мне хотелось, чтобы это было именно так!

Однако это ее желание было напрасным, в лучшем случае оно могло послужить пищей для размышлений во время суматохи и сборов в ближайший час перед отъездом. Если бы у Элизабет было время расслабиться и передохнуть, она наверняка бы пришла к выводу, что такой несобранный человек, как она, просто неспособен переделать такую кучу дел, а ведь ей, как и ее тетушке, необходимо было еще написать всем друзьям в Лембтоне, выдумывая удобоваримые причины их отъезда. Однако уже через час все дела были завершены. Тем временем мистер Гардинер оплатил счет за гостиницу, они могли выезжать, и через гораздо более непродолжительное время, чем Элизабет могла себе представить, и после всех тревожений этого утра, она уже сидела в экипаже, катившему по дороге в Лонгборн.



ГЛАВА XLVII

— Я обдумал все это еще раз, Элизабет, — сказал ее дядя, когда они выехали из городка, — и знаешь, после некоторых размышлений, я, пожалуй, склоняюсь к тому, чтобы судить о нем так же, как судит об этом деле твоя старшая сестра. Мне кажется весьма маловероятным, чтобы любой молодой человек мог строить такие козни по отношению к девушке, у которой есть друзья и которая отнюдь не беззащитна; к тому же она фактически гостила в семье его командира — полковника, поэтому я весьма надеюсь на благополучный исход дела. Не мог же он не полагать, что за нее не вступятся ее друзья? И мог ли он надеяться вернуться в полк после такого оскорбления полковника Форстера? Его соблазны были не сопоставимы с риском.

— Вы и вправду так думаете? — воскликнула с мимолетным оживлением Элизабет.

— Честное слово, — добавила миссис Гардинер, — я тоже начинаю склоняться к мнению твоего дяди. По мне так это настолько идет вразрез с порядочностью, честью, да и с собственной выгодой, что вряд ли стоит обвинять Уикхема в таком поступке. Я не могу думать о нем настолько плохо. Неужели ты, Лиззи, настолько поставила на нем крест, чтобы считать его способным на это?

— Вряд ли он пренебрежет собственной выгодой, однако всем остальным, я уверена, вполне может. Если бы все было так, как вы говорите! Однако, я не смею на это надеяться. Ведь если это так, почему они не поехали в Шотландию?

— Прежде всего, — сказал мистер Гардинер, — у нас еще нет точных доказательств, что они действительно не поехали в Шотландию.

— Да, но ведь они пересели из фэзтона в наемный экипаж, и это кажется весьма подозрительно, и потом никто не видел их на дороге в Барн.

— Ну хорошо, предположим, что они в Лондоне. Они ведь могли просто там укрыться, а не для какой-то иной цели. Маловероятно, чтобы у него или у нее было достаточно денег, и это могло подтолкнуть их к мысли, что в Лондоне бракосочетание будет стоить более дешево, чем в Шотландии.

— Но к чему такая секретность? Почему они боятся, что их обнаружат? Зачем жениться в тайне? Нет, нет, все это маловероятно. Судя по тому, что пишет в письме Джейн, его ближайший друг убежден, что он и не собирался на ней жениться. Уикхем никогда не возьмет в жены бесприданницу. Он просто не может себе этого позволить. И что такого есть у Лидии? Что есть у нее помимо молодости, здоровья и веселого нрава, чтобы он отказался ради нее от возможности поправить свои дела, выгодно женившись? Что касается позора, который он может навлечь на себя в полку в результате этого с ней побега, мне об этом судить трудно, потому что я ничего не знаю о последствиях такого шага. Однако, что до другого вашего довода, боюсь, он не кажется мне веским. У Лидии нет братьев, которые могли бы за нее заступиться, и он мог полагать, учитывая поведение ее отца, его бездеятельность и то малое внимание, которое он всегда уделял происходившему в его семье, что он будет делать лишь минимум из того, что сделал бы любой другой отец в такой ситуации.

— Но неужели ты считаешь, что из-за всепоглощающей любви Лидия готова забыть все прочее и жить с ним вне брака?

— Похоже на то, и это действительно ужасно, — ответила Элизабет со слезами на глазах, — воззрения моей сестры на приличия и добродетель вызывают сомнения. На самом деле, я не знаю, что и сказать. Может, я сужу ее напрасно, она ведь еще так молода, и ее никогда не учили думать о серьезных вещах, а в последние полгода, да нет, в последний год, она забросила все занятия и лишь развлекалась, теща свое тщеславие. Ей было позволено тратить свое время самым легкомысленным и фривольным образом, перенимая любые попадавшиеся ей чужие взгляды и мнения. С тех пор как ***ширский полк впервые расквартировался в Меритоне, у нее на уме были только любовь, флирт и офицеры. Постоянно думая и болтая на эти темы, она делала все возможное, чтобы развить у себя, — как бы это сказать, — наибольшую чувственность, которой ее и так не обидела природа. А все мы хорошо знаем, что у Уикхема достаточно красоты и шарма, чтобы очаровать любую женщину.

— Да, но ведь ты же видишь, — заметила ее тетка, — что Джейн не настолько плохо думает об Уикхеме, чтобы считать его способным на такую попытку.

— О ком вообще Джейн думает плохо? И даже если она встретит какого-нибудь человека, который самым скверным образом себя зарекомендовал в прошлом, она не поверит, что он способен соблазнить женщину, пока не получит неопровержимые тому доказательства. Однако Джейн точно так же, как и я, знает, кем на самом деле является Уикхем. Нам обеим известно, что он прохиндей в самом широком значении этого слова, и что у него нет ни чести, ни совести, и что он настолько же лжив и двуличен, как и хитер.

— И ты во всем этом уверена? — с любопытством воскликнула миссис Гардинер, заинтригованная ее осведомленностью.

— Совершенно уверена, — ответила Элизабет, краснея. — Я уже однажды вам рассказывала о его недостойном поведении по отношению к мистеру Дарси, да вы и

сами, когда последний раз были в Лонгборне, слышали, в каком тоне он распространялся о человеке, который повел себя с ним столь великодушно и терпимо. Однако есть и другие связанные с ним обстоятельства, которые я не вправе... о которых я пока не могу распространяться. Могу лишь сказать, что его клевете на обитателей Пемберли нет предела. На основе его рассказов о мисс Дарси я готова была увидеть горячку, высокомерную и неприятную молодую леди, хотя ему было прекрасно известно, что она совершенно не такая. Он должен был знать, что она именно та любезная и неприятная девушка, какой мы ее и нашли.

— Но разве Лидия ничего об этом не знала? Как она могла быть столь не сведуща в том, что так хорошо известно тебе и Джейн?

— Вот-вот! Это-то и хуже всего. Пока я не приехала в Кент, и близко не познакомилась с мистером Дарси и его родственником, с полковником Фицуильямом, я сама пребывала в неведении. А когда я вернулась домой, **ширский полк уже должен был покинуть Меритон через неделю или две. И в этой ситуации ни я, ни Джейн, которой я все рассказала, не сочли необходимым распространяться обо всем, что нам было известно, ибо кому был бы от этого прок, если бы мы разрушили хорошее мнение об Уикхеме, сложившееся в нашей округе? И потому ни я, ни Джейн, которая услышала обо всем от меня, ничего никому не рассказали. И даже когда было решено, что Лидия поедет с миссис Форстер, я не подумала о том, что необходимо раскрыть ей глаза. Мне просто не приходило в голову, что она способна стать жертвой обмана с его стороны. А всего того, что случилось, поверьте мне, я и представить себе не могла.

— Значит, я полагаю, что когда они уехали в Брайтон, у тебя не было причин полагать, что они испытывали обоюдную симпатию?

— Ни малейших. Я не наблюдала ни одного намека на привязанность с обеих сторон, а если бы нечто подобное имело бы место, то ведь наши домашние такие, что от них ничего такого утаить невозможно. Когда он впервые появился в полку, она вполне готова была им восхищаться, однако все мы были тогда таковы. Любая девушка в Меритоне или по соседству была без ума от него в течение первых двух месяцев, однако он совершенно не обращал на нее внимание, и в результате после непродолжительного периода необузданного и дикого им увлечения, ее чувства к нему постепенно испарились, и другие офицеры, уделяли ей больше внимания, стали ее новыми избранниками.

Легко можно понять, что сколь бы мало нового ни добавляли подобные разговоры на столь животрепещущую тему к их страхам, надеждам и предположениям, никто и ничто не могло оторвать их от такой беседы на протяжении всей дороги. Мысли о ней все время крутились в голове у Элизабет. Она настолько заиклилась на своих страданиях и упреках в совершенной ошибке, что не могла найти ни минуты покоя, чтобы отвлекаться.

Они двигались с максимально возможной скоростью и, проведя одну ночь в дороге, прибыли в Лонгборн на следующий день к обеду. В пути Элизабет утешала себя мыслью, что ожидание Джейн будет недолгим.

Они подкатили к воротам. На звук экипажа на ступеньках дома появились дети Гардинеров. Когда карета подъехала к дверям, их лица озарились радостью; детские ужимки, прыжки и приплясывания стали первыми приветствиями для возвратившихся домой путешественников.

Элизабет выпрыгнула из кареты и, поспешно поцеловав каждого из них, поспешила в холл, где встретила Джейн, быстро спустившуюся вниз из комнаты их матери. Элизабет сердечно обняла ее, у обеих при этом глаза были на мокром месте, и сразу спросила, не известно ли что-либо нового о беглецах.

— Еще нет, — ответила Джейн. — Но теперь, когда мой дорогой дядя с нами, я надеюсь, все будет хорошо.

— Отец в Лондоне?

— Он уехал во вторник, как я тебе и писала.

— Он присылал записки?

— Только одну. Он черкнул мне несколько строк в среду. Писал, что благополучно добрался и уведомил меня, что сделал все, о чем я его настоятельно просила. В конце он просто добавил, что не будет писать, пока у него не появятся достойные упоминания новости.

— А маман? Как она? Как вы все?

— Надеюсь, она чувствует себя сносно, хотя, конечно, в шоке. Она наверху и будет рада всех вас увидеть. Она пока не выходит дальше своей гардеробной комнаты. Мэри и Китти к счастью здоровы.

— Ну, а ты? Ты-то как себя чувствуешь? — воскликнула Элизабет. — Выглядишь бледной. Через сколько всего тебе должно быть пришлось пройти!

Однако сестра заверила ее, что чувствует себя относительно хорошо; а затем их разговор, продолжавшийся, пока мистер и миссис Гардинеры занимались своими детьми, был прерван появлением всего их семейства. Джейн подбежала к своим дядюшке и тетюшке и радостно их поприветствовала, улыбаясь и смахивая навернувшиеся на глаза слезы.

Когда все оказались в гостиной, Гардинеры разумеется повторили все вопросы, которые уже задавала Элизабет, и вскоре стало ясно, что Джейн ничего нового сказать не может. Тем не менее, она продолжала питать свойственные ее сердцу радужные надежды. Одна надежда на благополучный исход дела, о котором говорило ее сердце, все еще не покинула Джейн, и она ожидала, что со дня на день от Лидии или от их отца будет получено письмо, со всеми объяснениями и, возможно, даже с объявлением о браке.

Миссис Беннет, в чьи комнаты они все вместе направились после нескольких минут разговора, встретила их вполне ожидаемо — со слезами, жалобами, сетованиями и повторными возмущениями по поводу ужасного поведения Уикхема; она сокрушалась, говоря о собственных муках и дурном с ней обращении. Она упрекала всех, кроме единственного человека, благодаря неразумной снисходительности которого и были главным образом совершены все ошибки ее дочери.

— Если бы я смогла, — сказала она, — убедить вас поехать в Брайтон всей семьей, этого бы не случилось, а так о бедной Лидии некому было позаботиться. Почему только Форстеры за ней не приглядели? Я уверена, что это произошло в результате какого-то попустительства с их стороны, потому что Лидия не из тех, кто способен на такие поступки; надо было им лучше за ней присматривать! Мне всегда казалось, что они для этого не подходят, но меня проигнорировали, впрочем, как обычно. Бедное, родное дитя! А теперь уехал и мистер Беннет, и я знаю, он вызовет Уикхема на дуэль, как только с ним столкнется, а потом его убьют, и что с нами всеми тогда будет? Коллинзы выгонят нас вон еще до того, как остынет его тело в могиле! И если ты, дорогой брат, о нас не позаботишься, я не знаю, что нам и делать.

Все стали громко возражать против таких ужасных предположений, а мистер Гардинер заверил ее в своих лучших к ней и ко всей ее семье чувствах, а потом сообщил ей, что завтра же собирается быть в Лондоне, чтобы помочь мистеру Беннету во всем, что касается спасения Лидии.

— Не стоит давать волю бесполезной тревоге, — добавил он, — и хотя правильнее было бы готовиться к худшему, пока нет причин рассматривать, что это неизбежно. Еще и недели не прошло, как они сбежали из Брайтона. Возможно, на днях мы получим от них какие-нибудь известия, а до тех пор, пока мы не узнаем, что они не поженились или не собираются жениться, давайте не будем думать, что все пропало. Как только я доберусь до Лондона, я пойду к своему брату, захвачу его с собой на Грейс-черч-стрит, а затем мы хорошенько обдумаем, что следует предпринять.

— Ах, дорогой братец, — ответила миссис Беннет, — это именно то, чего бы мне больше всего и хотелось. Когда ты доберешься до города, найди их там, где бы они ни были и, если они еще не поженились, заставь их сделать это. А что до свадебных нарядов, то не позволяйте им из-за них медлить. Скажите Лидии, что когда они поженятся, у нее будет достаточно денег, чтобы купить любой такой наряд. И самое главное — удержите мистера Беннета от дуэли. Расскажите ему, в каком ужасном состоянии я нахожусь, что у меня поджилки трясутся от страха, и охватывает дрожь, и спазмы в боку, а сердце так колотится, что я не нахожу себе покоя ни днем, ни ночью. А моей дражайшей Лидии передайте, чтобы она не давала никаких распоряжений по поводу ее нарядов до тех пор, пока не увидится со мной, ведь она не знает, какие магазины лучше. Ах, братец, ты так любезен! Уверена, ты все славно устроишь!

Однако хотя мистер Гардинер и опять заверил ее, что сделает все от него зависящее, все же не мог не посоветовать ей быть более умеренной в своих надеждах и опасениях. Проговорив с ней таким образом до обеда, Гардинеры оставили ее изливать свои чувства на домохозяйку, которая ухаживала за ней в отсутствие дочерей.

Хотя ее брат и его супруга были уверены, что у миссис Беннет нет веского повода держать себя в заточении, они не пытались ее от этого отговорить, поскольку знали, что ей не хватит благоразумия держать язык за зубами за столом в присутствии прислуги, и считали — пусть лучше все вызванные этим делом заботы и тревоги будут известны одной домохозяйке, которой в семье доверяли больше других.

В столовой к ним вскоре присоединились Мэри и Китти, которые были слишком заняты в своих комнатах, чтобы появиться раньше. Одна оторвалась от своих книг, а другая — от трюмо. Обе, впрочем, казались достаточно спокойными, никакой особой перемены в них не наблюдалось, если не считать того, что потеря любимой сестры и упреки в связи с участием в этом деле добавили Китти раздражительности, которая и так была ей присуща. Что же до Мэри, то она достаточно держала себя в руках, чтобы сев рядом с Элизабет, прошептать ей с серьезным видом:

— Какая несчастливая история! Скорее всего, она будет у всех на слуху. Но мы должны сдерживать прилив зла и влить в нашу израненную грудь бальзам сестринского утешения.

Затем, видя, что Элизабет не склонна отвечать, она добавила:

— Из печальной истории с Лидией мы можем извлечь полезный урок — потеря женщиной добродетели необратима, и один неверный шаг вовлекает ее в пучину бедствий, и чем женщина прекрасней, тем более она хрупка, и что она никогда не может

быть слишком осторожной по отношению к недостойным представителям противоположного пола.

Элизабет удивленно подняла на сестру глаза, однако она была слишком подавлена, чтобы ответить ей, и Мэри продолжала утешать себя, извлекая из приключившейся с ними беды подобного рода моральные сентенции.

Во второй половине дня две старшие мисс Беннет смогли провести полчаса вдвоем, и Элизабет сразу воспользовалась этой возможностью, задав целую кучу вопросов, на которые Джейн с удовольствием ответила. После совместных сожалений по поводу ужасных последствий произошедшего, которые Джейн считала лишь вполне вероятными, а ее сестра — почти неизбежными, Элизабет сказала:

— Теперь расскажи мне поскорее то, о чем я пока еще не слышала. Мне нужны подробности. Что говорил полковник? Неужели Форстеры ничего не подозревали вплоть до самого побега? Наверняка они их постоянно видели вместе.

— Полковник Форстер признал, что подозревал о существовании между ними каких-то отношений, особенно со стороны Лидии, однако он не замечал ничего такого, что могло бы вызвать у него тревогу. Мне так его жаль. Он был весьма любезен и очень внимателен к нам. Он собирался к нам заехать, чтобы выразить свою удрученность случившимся, еще не зная, что они не поехали в Шотландию, а возникшее у него подозрение, что это именно так, заставило его поспешить с приездом.

— А Денни уверен, что Уикхем не женится? Он знал о его намерении сбежать? Полковник видел Денни лично?

— Видел, но когда он стал Денни расспрашивать, тот отрицал, что ему было известно об их планах, и не сказал, что он об этом думает. Он не подтвердил своего опасения, что они не собираются жениться, и исходя из этого, я склонна надеяться, что вначале его могли неправильно понять.

— А до тех пор, пока не появился полковник, ни один из вас не сомневался, что они поженятся?

— Как мысль, что это не так, могла прийти к нам в голову? Мне было лишь чуть не по себе, я лишь немного тревожилась, будет ли сестра счастлива с ним в браке, потому что знала, что его поведение не всегда было подобающим. Родителям же об этом ничего не было известно, они лишь подозревали, насколько неблагоразумным может стать этот брак. И тут Китти призналась, весьма гордясь, что ей известно больше, чем прочим, что в последнем письме Лидия готовила ее к тому, что они сбегут. Похоже, ей было известно, что они уже несколько недель любят друг друга.

— Тот есть до отъезда в Брайтон между ними ничего не было?

— Думаю, что не было.

— Похоже, что полковник Форстер изначально был дурного мнения об Уикхеме. Он знал, что это за человек?

— Должна признать, что он отзывался об Уикхеме не так лестно, как раньше. Он считает его неосмотрительным и взбалмошным. А после того, как все это случилось, стали поговаривать, что он понаделал в Меритоне долгов, но я надеюсь, это неправда.

— О, Джейн, если бы мы с тобой меньше секретничали, если бы рассказали, что нам о нем было известно, этого могло бы и не случиться.

— Может, так было бы и лучше, — ответила ее сестра. — Однако разоблачать прежние прегрешения человека, не зная о его текущих чувствах, казалось нам несправедливым. Мы действовали из лучших побуждений.

- А что говорил полковник Форстер о подробностях письма Лидии к его жене?
- Он принес его с собой, чтобы мы могли на него взглянуть.

При этих словах Джейн вынула письмо из накладного кармана и протянула его Элизабет. В нем говорилось следующее:

«Дорогая Харриет, ты посмеешься, когда узнаешь, куда я уехала, и я сама не могу удержаться от смеха, когда представляю твое вытянутое лицо завтра утром, когда станет известно, что я пропала. Я еду в Гретна-Грин, и если бы ты не догадалась, с кем именно, я сочла бы тебя просто глупышкой, потому что на свете есть только один человек, которого я люблю, и он — ангел. Я никогда не буду без него счастлива, так что не думай плохо о моем бегстве. Ты не обязана писать в Лонгборн о моем отъезде, если тебе этого не хочется, тогда их удивление будет еще больше, когда они получат от меня письмо с подписью «Лидия Уикхем». Славная шутка, не так ли? От смеха я едва могу держать в руке перо. Умоляю, передай мои извинения Пратту, что я не сдержала свои обещания и не смогу танцевать с ним сегодня вечером. Передай ему — я уверена, что он меня простит, когда обо всем узнает, и скажи, что я с огромным удовольствием потанцую с ним на ближайшем же балу, где мы снова встретимся. Я пришла за своими платьями, как только окажусь в Лонгборне, однако мне бы хотелось, чтобы ты попросила Салли починить разошедшийся шов на моем вышитом муслиновом платье, прежде чем все платья запакуют.

Пока. Передай мои приветы полковнику Форстеру. Надеюсь, вы выпьете за наше счастливое путешествие.

Твоя любящая подруга

Лидия Беннет».

— Ах, эта бездумная, беспечная Лидия! — воскликнула Элизабет, дочитав до конца. — И что за письмо, написанное в такой ответственный момент! Однако, по крайней мере, из него следует, что сама она относилась серьезно к цели своего путешествия. К чему бы он позже ее ни склонял, она и не думала о бесчестье. Бедный наш отец! Как тяжело должно быть он все это воспринял!

— Я не видела, чтобы кто-нибудь был потрясен больше. Он не мог произнести ни единого слова целых десять минут. Матери же сразу стало плохо, и все в доме пошло вверх тормашками.

— Ох, Джейн, — воскликнула Элизабет, — да была в доме хоть одна служанка, которая не была в курсе всего случившегося уже к концу того злополучного дня?

— Не знаю. Надеюсь, что да. Владеть собой в такой ситуации очень трудно. С маман случилась истерика, и хотя я старалась делать для нее все, что было в моих силах, боюсь, я не сделала всего, что могла бы, ведь от страха возможных последствий я совершенно лишилась сил.

— Ты и так сделала для нее больше, чем могла. Выглядишь ты неважно. Ах, если бы я была рядом! Тогда смогла бы позаботиться о тебе.

— Мэри и Китти очень сочувствовали. Я уверена — они бы наверняка разделили со мной все тяготы, однако я не думаю, что это пошло бы им на пользу. Китти такая хрупкая и впечатлительная, а Мэри так много читает, что часы их отдыха лучше не нарушать. Во вторник, когда папа уехал, в Лонгборн приехала тетушка Филиппс. Она была настолько добра, что оставалась со мной до четверга. Она нам всем очень помо-



Я не видела, чтобы кто-нибудь был потрясен больше. Он не мог произнести ни единого слова целых десять минут. Матери же сразу стало плохо, и все в доме пошло вверх тормашками.

гла и была весьма полезной. Леди Лукас тоже была очень добра к нам. Она зашла сюда в среду утром, чтобы выразить свое сочувствие и предложила свои услуги или помощь со стороны своих дочек, если она нам потребуется.

— Лучше бы она оставалась у себя дома! — воскликнула Элизабет. — Возможно, намерения у нее были и добрые, однако при такой беде, как наша, чем меньше видишь соседей, тем лучше. Помочь тут ничем невозможно, а сочувствие непереносимо. Пусть они радуются нашим горестям подальше от нас и будут этим довольны.

Затем она начала расспрашивать о мерах, которые их отец намеревался принять в городе для поисков своей дочери.

— Я думаю, — ответила Джейн, — что он собирается отправиться в Эпсом, туда, где они в последний раз меняли лошадей, чтобы поискать извозчиков и посмотреть, можно ли из них что-нибудь вытянуть. Главная его задача — узнать номер экипажа, который забрал их из Клэпхема. Он наверняка приехал из Лондона. Отец думает, что дама и джентльмен, пересаживающиеся из одного экипажа в другой, не могли остаться незамеченными, и он хотел разузнать об этом в Клэпхеме. Если ему каким-то образом удастся узнать, у какого дома извозчик высадил своих последних седоков, он хотел позадавать там вопросы. Возможно, так ему удастся узнать номер самого извозчика и место его стоянки. Не знаю, что он еще планировал предпринять. Он собирался в такой спешке и был так расстроен, что мне с трудом удалось вытянуть из него даже это.



ГЛАВА XLVIII

Все были уверены, что следующим утром они получат письмо от мистера Беннета, однако с почтой он него не пришло ни единой строчки. Все его семейство знало, что при обычных обстоятельствах он писал редко и был весьма необязательным в своей переписке, однако теперь все надеялись, что нынче он все же постарается. Им ничего не оставалось, как лишь думать, что ничего приятного он сообщить не может, однако и в этом всем хотелось быть точно уверенными. Мистер Гардинер ожидал получения письма, и когда почта пришла, он уехал.

После его отъезда они могли по крайней мере надеяться, что будут регулярно получать информацию о происходящем; их дядюшка пообещал в частности также уговорить мистера Беннета как можно скорее вернуться в Лонгборн, и это весьма утешило его сестру, которая видела в этом единственную возможность для своего мужа не быть убитым на дуэли.

Миссис Гардинер думала, что ее присутствие может быть полезным для племянниц, поэтому она решила остаться с детьми в Хартфордшире еще на несколько дней. Она разделяла с племянницами хлопоты по уходу за миссис Беннет и скрашивала им часы досуга. Другая их тетка часто их навещала, чтобы, по ее словам, развеселить их и приободрить, однако поскольку во время каждого своего визита она рассказывала о

каких-либо новых примерах расточительности и недобропорядочности Уикхема, она редко покидала их менее удрученными, чем они были до время ее появления.

Казалось, теперь весь Меритон старался всячески очернить человека, который еще три месяца назад казался чуть ли не ангелом небесным. Выяснилось, что он был должен почти каждому торговцу в окрестностях. Его сочли коварным соблазнителем, и его похождения обсуждали в каждой лавке. Все называли его самым дурным человеком на свете, и каждый теперь уверял, что никогда не доверял его смазливой внешности. Хотя Элизабет и не верила доброй половине этих пересудов, они еще более убеждали ее в безвозвратной гибели ее сестры, и даже Джейн, которая доверяла тому, что говорили, еще меньше, почти утратила надежду, тем более что, если бы они действительно уехали в Шотландию, а в этом она ранее почти не сомневалась, от них обязательно должны были прийти какие-то известия.

Мистер Гардинер покинул Лонгборн в воскресенье, а во вторник его супруга получила от него письмо, в котором он писал, что немедленно по прибытии он отыскал брата и убедил его перебраться на Грейсчерч-стрит. Он сообщал также, что мистер Беннет до его приезда побывал в Эпсоме и Клепхеме, однако там ему никакой удовлетворительной информации добыть не удалось. Теперь мистер Беннет полон решимости навести справки во всех крупных гостиницах города, поскольку он считает вполне вероятным, что появившись в Лондоне, они могли остановиться в одной из них прежде, чем сняли себе жилье. Сам мистер Гардинер был совершенно не уверен, что эти меры приведут к успеху, однако поскольку его брат обязательно намеревался их выполнить, он собирался ему помогать в реализации этого плана. Далее он добавлял, что мистер Беннет совершенно не склонен в настоящее время покидать Лондон, и обещал вскорости написать снова. В конце письма была сделана следующая приписка:

«Я написал полковнику Форстеру, чтобы он по возможности выяснил у знакомых Уикхема по полку, есть ли у него родственники или приятели, которые могли бы знать, в какой части Лондона он в данное время скрывается. Если бы нашелся человек, к которому можно было бы обратиться с таким вопросом и с большой долей вероятности получить нужную подсказку, это было бы весьма полезно для поисков. В настоящее время у нас нет ни одной путеводной нити. Я уверен — полковник Форстер сделает все, что в его силах для того, чтобы удовлетворить нашу просьбу, однако позже я подумал, что быть может Лиззи лучше, чем кто-либо иной, сможет сообщить нам, у кого из родственников он может жить».

Элизабет было нетрудно понять, почему именно ее сочли компетентной в этом вопросе, однако не в ее власти было сообщить что-то важное и достойное заслуженного ей комплимента. Она ни разу не слышала, чтобы у него были какие-то родственники кроме отца и матери, которые скончались много лет назад. Однако, быть может, кто-то из его сослуживцев в ***ширском полку был способен сообщить что-то по этому поводу, и хотя она сама верила в это с трудом, просьба полковника помочь позволяла хоть на что-то надеяться.

Теперь каждый день в Лонгборне был исполнен тревог и ожиданий, и наиболее тревожными были часы доставки корреспонденции. Прибытие почты стало главным событием каждого утра, ее ожидали с нетерпением, ведь только благодаря пись-

мам с хорошими или дурными новостями они могли узнать о развитии событий, и каждый новый день они ожидали эти важные вести.

Однако прежде чем они снова получили весточку от мистера Гардинера, послание совсем иного рода было получено на имя их отца. Это было письмо от мистера Коллинза, а поскольку их отец поручил Джейн вскрывать всю приходящую на его имя корреспонденцию, она его прочла. Элизабет же, которая была хорошо знакома с особенностями эпистолярного стиля своего кузена, также ознакомилась с этим письмом, глядя на него вместе с Джейн. В письме было написано следующее:

«Дорогой сэр!

Я чувствую, что наше с Вами родство и мое положение в обществе призывают меня выразить свое соболезнование в связи с весьма прискорбной историей, от которой вы нынче так страдаете и о которой мы сами узнали лишь вчера из письма, доставленного из Хартфордшира. Будьте уверены, дорогой сэр, что миссис Коллинз и я искренне сочувствуем Вам и всей Вашей достойной семье в связи с постигшим Вас бедственным положением, которое должно быть особенно горьким, потому что над проистекающими из него последствиями время бессильно. Я не пожалею со своей стороны усилий, которые могли бы послужить Вашему облегчению и утешению в столь серьезных обстоятельствах, особо тягостных для родительских сердец. Кончина Вашей дочери по сравнению с ними могла бы показаться благом. Сожалеть об этом приходится тем более, что есть основания, о коих мне поведала моя дражайшая Шарлотта, из которых следует, что фривольное поведение Вашей дочери во многом является результатом Вашего излишнего попустительства при ее воспитании, хотя в то же время для Вашего и миссис Беннет утешения, я все же склонен предполагать в ней природный дурной нрав, иначе она не могла бы стать виновной в таком чудовищном проступке, совершенном в столь юном возрасте. Как бы там ни было, я весьма сожалею о случившемся, и к этому моему мнению присоединяется не только миссис Коллинз, но также и леди Кэтрин со своей дочерью, ибо я уже сообщил им об этом злосчастном деле. И они согласны с моими опасениями, что ложный шаг одной из Ваших дочерей может нанести ущерб остальным Вашим дочкам, ибо кто захочет, как снисходительно заметила леди Кэтрин, теперь породниться с такой семьей. И это соображение побуждает меня с особым удовольствием поразмышлять над достопамятными событиями, случившимися в ноябре прошлого года, поскольку если бы тогда дело приняло иной оборот, я был бы теперь вовлечен в эту историю, и был бы вынужден делить горе и позор вместе с Вами. Позвольте же мне, дорогой сэр, посоветовать Вам скорей утешиться, насколько это возможно, и навсегда отринуть от себя Ваше недостойное чадо, и предоставить Вашей дочери пожинать плоды своего собственного недостойного поступка.

Искренне ваш... и т.д. и т.д.».

Мистер Гардинер больше ничего не писал, пока не получил ответ от полковника Форстера, и к сожалению после этого он не смог сообщить ничего благоприятного. Выяснилось, что у Уикхема нет ни единого родственника, с которым он поддерживал бы отношения, и к тому же у него вообще нет близкой родни. Его прежние знакомства были довольно многочисленны, однако, после того, как он вступил в полк, он похоже больше не поддерживал старые дружеские связи. Поэтому просто нельзя было ука-

зять ни на одного человека, который мог бы сообщить об Уикхеме какие-нибудь новости. Как выяснилось, он скрывался не только от родственников Лидии, но и оставил множество карточных долгов, а их суммы были весьма значительными. Полковник Форстер считал, что для покрытия всех его трат в Брайтоне требовалось более тысячи фунтов. Он многим задолжал в городе, однако большую часть этой суммы составляли



именно долги чести. Мистер Гардинер не пытался скрыть эти подробности от Беннетов. С ужасом выслушав их, Джейн воскликнула:

— Так он игрок! Вот так неожиданность! Я и понятия об этом не имела!

Мистер Гардинер добавил в своем письме, что они могут рассчитывать увидеть своего отца уже на следующий день, то есть в субботу. Чрезвычайно расстроенный неудачами всех своих поисков, он, наконец, поддался уговорам своего шурина вернуться домой, предоставив ему возможность использовать любую подходящую возможность для их продолжения. Когда об этом сообщили миссис Беннет, она, вопреки ожидания своих дочерей, оказалась этому вовсе не рада, хотя до этого весьма беспокоилась за жизнь своего супруга.

— Как?! — воскликнула она. — Он собирается вернуться домой без Лидии? Я уверена, что он не покинет Лондон, пока ее не найдет! А если он вернется, кто же будет стреляться с Уикхемом, чтобы заставить его на ней жениться?

К тому времени миссис Гардинер уже хотела вернуться к себе домой, и было решено, что она уедет с детьми в Лондон как только оттуда соберется вернуться мистер Беннет. Таким образом посланный из Лонгборна экипаж доставил бы ее в город, а обратно из Лондона привез бы его владелец.

Миссис Гардинер уехала, находясь в полном недоумении по поводу отношений, связывавших Элизабет с ее другом из Дербишира; эта загадка волновала ее больше всего на свете. Элизабет никогда в разговорах с тетюшкой первой о нем не упоминала. Миссис Гардинер была почти уверена, что он пошлет после ее отъезда им вдогонку письмо, однако этого не случилось. Со времени их возвращения Элизабет не получила ничего, что могло бы прийти из Пемберли.

Элизабет находилась в подавленном состоянии духа, и никаких других причин для этого кроме печальных семейных обстоятельств искать и не требовалось, и ничего поделать с этим было невозможно, хотя сама Элизабет, успевшая к этому времени вполне разобраться со своими чувствами, прекрасно понимала — не будь она знакома с мистером Дарси, она бы переносила позор Лидии не так остро; ей казалось, что в таком случае это сократило бы количество ее бессонных ночей вдвое.

Возвратившийся мистер Беннет сохранял свое обычное философическое настроение. По своему обычаю он сказал совсем немного, совсем не упомянув о деле, ради которого ездил в Лондон, и прошло довольно много времени, прежде чем его дочери решились о нем заговорить. Лишь после полудня, когда они встретились с ним за чаем, Элизабет решила затронуть эту тему, выразив сожаление по поводу всего, что ему пришлось пережить.

— Не стоит об этом, — ответил он ей. — Кому страдать в этой ситуации, как не мне? Все это дело моих рук, я должен был это предвидеть.

— Вы не должны быть к себе слишком суровы, — сказала Элизабет.

— Не надо меня отговаривать быть самокритичным. Человеческой природе это свойственно. Нет, Лиззи, позволь мне хоть раз в жизни почувствовать, насколько я виноват. Я не боюсь, что это чувство меня сокрушит. Оно проходит довольно быстро.

— Вы думаете, они в Лондоне?

— Определенно. Где же еще они могут так хорошо спрятаться?

— А ведь Лидия всегда хотела съездить в Лондон! — добавила Китти.

— Значит, теперь она счастлива, — сухо ответил отец. — Думаю, ее пребывание там будет довольно продолжительным.

После короткой паузы он продолжил:

— Лиззи, я не обижаюсь на тебя за критику в мой адрес, которую ты высказывала в мае прошлого года, ведь учитывая все случившееся, она говорит о твоей проницательности.

Разговор прервался, когда Джейн, пришла забрать чай для своей матери.

— Вот это зрелище! — воскликнул ее отец. — От него один прок — оно придает благородный оттенок нашему несчастью. На завтра я стану делать тоже самое: буду сидеть в ночном колпаке и шлафроке в своей библиотеке, доставляя вам как можно больше хлопот. Или мне стоит повременить, пока не сбежит Китти?

— Папа, я никуда не собираюсь убегать, — раздраженно ответила Китти. — И если я когда-нибудь окажусь в Брайтоне, я буду вести себя благоразумнее, чем Лидия.

— Ты? В Брайтоне? Да я бы и за пятьдесят фунтов не отпустил бы тебя даже до Ист-Борна. Нет, Китти, наконец-то я научился быть более осмотрительным, и ты

это на себе испытаешь. Ни один офицер больше не войдет в мой дом и не сунется в нашу деревню. Балы под абсолютным запретом, если только ты не решишь потанцевать с одной из своих сестер. Ты будешь сидеть взаперти и не переступишь порога нашего дома, пока не докажешь, что ты способна вести себя разумно хотя бы по десять минут в день.

Китти приняла все эти угрозы всерьез и начала всхлипывать.

— Ну, ну, — сказал мистер Беннет, — не стоит расстраиваться. Если на протяжении ближайших десяти лет ты будешь хорошей девочкой, то в конце этого срока я свожу тебя на какое-нибудь представление.



ГЛАВА XLIX

Через два дня после возвращения мистера Беннета, когда Джейн и Элизабет гуляли позади дома возле зарослей кустарника, они увидели приближавшуюся к ним экономку, и подумав, что она идет за ними, чтобы позвать их к матери, они пошли к ней навстречу. Однако вместо ожидаемого приглашения в дом, она сказала Джейн:

— Прощу прощения, сударыня, что прерываю вашу беседу, однако смею надеяться, что из Лондона пришли хорошие вести, поэтому я решила сообщить вам об этом.

— О чем это вы, Хилл? Мы не получали из Лондона никаких известий.

— Как, сударыня? — с удивлением воскликнула миссис Хилл, — разве вы не знаете, что к хозяину прибыл посыльный от мистера Гардинера? Это случилось с полчаса тому назад, мистер Беннет получил письмо.

Не тратя время на лишние разговоры и желая поскорее узнать новости, сестры устремились к дому. Они пробежали через холл в комнату для завтрака, а оттуда в библиотеку, отца нигде не было, и они уже были готовы искать его наверху у матери, когда натолкнулись на дворецкого, который сказал им:

— Если вы ищете хозяина, сударыни, то знайте, что он пошел в сторону роши.

Услышав это, они сразу снова пробежали через холл и устремились прямо через лужайку вслед за отцом, который решительно направлялся к купе деревьев на краю пастбища.

Более полная и менее прыткая Джейн вскоре немного отстала, а запыхавшаяся Элизабет нагнав отца, стала нетерпеливо выстреливать вопросами:

— Ах, папа, какие новости? Что известно? Письмо от дяди?

— Да, он прислал мне письмо с посыльным.
— Ну, и какие новости? Хорошие или плохие?
— А разве следует ожидать хороших? — ответил отец, вытаскивая из кармана письмо. — Хотя, должно быть, тебе будет любопытно его прочесть.

Элизабет нетерпеливо выхватила письмо из его руки. В это время подросла и Джейн.

— Прочти его вслух, — попросил отец, — я и сам еще толком в нем не разобрался.

«Грейсчерч-стрит, понедельник, 2 августа.

Дорогой брат, наконец-то я могу сообщить тебе благие вести о моей племяннице, которые, надеюсь, полностью вас успокоят. Вскоре после того, как вы покинули меня в субботу, мне в конечном счете посчастливилось выяснить, в какой части Лондона они скрываются. Подробности расскажу при встрече. Пока достаточно сказать, что они найдены, и я видел обоих...»

— Значит, случилось, на что я и надеялась, — перебила Джейн, — они поженились!

Элизабет продолжала читать:

«Я видел обоих. Они пока не поженились, и я пока не заметил приготовлений к свадьбе. Однако, если Вы будете готовы выполнить обязательства, которые я взял на себя смелость сделать от Вашего имени, надеюсь, что свадьба вскорости состоится. Все, что от Вас требуется, — подтвердить документально пятую долю вашей дочери в размере пяти тысяч фунтов, которые должны будут ей отойти после вашей и моей сестры кончины; также Вы должны взять на себя обязательство ежегодно выплачивать ей по сто фунтов в течение Вашей жизни. Таковы условия, которые я после всего случившегося без колебаний принял, считая себя Вашим доверенным лицом. Я отправляю это письмо посыльным, чтобы не терять время; жду Ваш ответ как можно скорее. Из описанного выше Вы можете понять, что житейские обстоятельства мистера Уикхема вовсе не так безнадежны, как принято считать. Мы все обманывались в этом отношении, и я рад сообщить, что после выплаты всех его долгов у него должна остаться небольшая сумма, которую он может добавить к собственным средствам моей племянницы. Если Вы, как я рассчитываю, предоставите мне все полномочия действовать от Вашего имени во всем этом деле, я незамедлительно дам распоряжения Хагерстону подготовить необходимые документы. В этом случае у Вас не будет и малейшей необходимости приезжать снова, оставайтесь спокойно в Лонгборне и положитесь на мое усердие и мои заботы. Пришлите ваш ответ как можно скорее и постарайтесь дать его вполне определенно. Мы решили, что будет лучше, если моя племянница отправится в церковь из нашего дома, и я надеюсь, Вы это одобрите. Она к нам переезжает сегодня. Я напишу снова, как только будут уточнены некоторые детали.

Искренне Ваш и т. д.

Эдв. Гардинер».

— Не может быть! — dokonчив читать письмо, воскликнула Элизабет. — Неужели он на ней и впрямь женится?

— Значит, Уикхем вовсе не такой уж недостойный человек, как мы о нем думали! — сказала Джейн. — Отец, дорогой, поздравляю Вас!

— Вы уже ответили на письмо? — спросила Элизабет.

— Пока нет, но это надо сделать поскорее.

Элизабет принялась искренне уговаривать отца не тянуть с ответом.

— Папа, дорогой, пожалуйста, — умоляла она, — вернитесь в дом и напишите ответ немедленно. Подумайте, насколько в таком деле важна каждая минута!



— Если вам будет неприятно делать это самому, давайте я напишу за вас, — предложила Джейн.

— Разумеется будет, — ответил он. — Однако, это надо сделать.

С этими словами он повернулся, и они быстро зашагали к дому.

— Могу я спросить? — сказала Элизабет. — Вы ведь примете предложенные условия?

— Приму ли я? Да мне просто неловко, что он потребовал так мало.

— Они должны пожениться! Даже при том, что он такой человек!

— Да, да, должны. Теперь уж делать нечего. Однако мне бы очень хотелось понять

две вещи. Во-первых, сколько денег в это дело вложил ваш дядюшка, а во-вторых, как я смогу их ему вернуть?

— Деньги? Наш дядюшка? — воскликнула Джейн. — Что вы имеете в виду, сэр?

— Я хочу сказать, что ни один человек в здравом уме не женится на Лидии из-за такой мелочи как сотня в год при моей жизни и пятидесяти после моей кончины.

— Да, это верно, — заметила Элизабет, — хотя раньше это не приходило мне в голову. Его долги будут погашены, да еще и что-то останется! Да, должно быть, это дядюшкины дела... Какой это добрый и щедрый человек! Но как бы это не вышло ему боком! Ведь небольшой суммой тут не обойдешься.

— Конечно, нет, — ответил отец. — Уикхем не такой дурак, чтобы взять ее меньше чем за десять тысяч, и мне было бы жаль так думать о нем в самом начале наших родственных отношений.

— Десять тысяч? Господи спаси! Нам и половины такой суммы не вернуть!

На это мистер Беннет не ответил ничего, и все дошли до дома в молчании, погруженные в собственные мысли. Отец направился в библиотеку писать ответ, а его дочери пошли в комнату для завтрака.

— Неужели они действительно поженятся? — воскликнула Элизабет, как только они остались одни. — Как странно! Ну что же, нам остается этому только радоваться! Тому, что они поженятся без малейшего шанса на семейное счастье и несмотря на его ужасный характер! Вот чему мы теперь должны быть рады. Ах, Лидия!..

— Я успокаиваю себя лишь тем, — сказала Джейн, — что он безусловно не женился бы на Лидии, если бы не ценил ее. И хотя наш добрый дядюшка наверняка ему помог, я не могу поверить, что он требовал десять тысяч или что-то в этом роде. У дядюшки есть дети, возможно, будут и еще. Разве мог он отрезать от них даже и половину этой суммы?

— Если мы когда-нибудь сможем оценить долги Уикхема, — сказала Элизабет, — и прикинуть, сколько он должен дать в качестве приданого, мы точно узнаем, сколько ему пообещал наш дядя, ведь у него самого за душой нет и шестипенсовика. Мы по гроб жизни будем обязаны дяде и тете. Они приняли ее к себе в дом, окружили заботой и предоставили поддержку... Это с их стороны такая жертва, за которую нам не расквитаться и годами благодарности. К этому времени она должна быть уже у них! Если такая их доброта ее не усовестит, она не заслуживает счастья. Представляю эту сцену — когда она глянет тетушке в глаза!

— Мы должны постараться забыть все их прегрешения, с обеих сторон, — сказала Джейн. — Я надеюсь и верю, что они все же будут счастливы. И я верю, что его согласие на брак с ней является доказательством того, что он встал на правильный путь. Взаимная привязанность укрепит их позиции в жизни, и я льщу себя надеждой, что все быстро утрясется, и они заживут настолько спокойно, что со временем все прегрешения будут позабыты.

— Их поведение было таковым, — ответила Элизабет, — что ни я, ни ты и никто другой не сможет о нем забыть. Об этом и говорить нечего.

В этот момент обе юные леди сообразили, что их мать должно быть ничего не знает о случившемся. Поэтому они пошли в библиотеку, чтобы спросить у отца, не хочет ли он, чтобы они сообщили ей, что произошло. Он все еще продолжал писать и, не поднимая головы, холодно ответил:



— Ах, папа, какие новости?

— Как вам будет угодно.

— Мы можем взять письмо дядюшки, чтобы прочесть его маме?

— Берите что хотите и уходите.

Элизабет взяла письмо с письменного стола, и они быстро пошли наверх. В это время у миссис Беннет были Мэри и Китти, поэтому для них ничего повторять не пришлось. После кратких реплик о хороших новостях письмо было зачитано вслух. Миссис Беннет едва сдерживала свои чувства. Как только Джейн прочла, что мистер Гардинер надеется на скорую свадьбу, она просияла от радости, и каждая последующая фраза увеличивала ее ликование. Теперь ее возбуждение от восторга было примерно такого же накала, как и прошлое огорчение от тревог и треволнений. Ей было достаточно одного — знать, что ее дочь выходит замуж. Ее совершенно не волновало ее счастье или забота о ее благополучии, равно как воспоминания о ее недостойном поведении.

— Ах, моя дорогая Лидия! — восклицала она. — Это поистине восхитительно! Она выйдет замуж! Я снова ее увижу! Она выйдет замуж в шестнадцать лет! Мой добрый, дорогой брат! Я так и знала, я знала, что он все устроит! Как долго я ее не видела! И дорогушу Уикхема тоже! Но что же с нарядами? Как быть со свадебным платьем? Я тотчас же напишу о них сестре Гардинер. Лиззи, дорогуша, сбегай вниз к своему отцу и узнай, сколько он дает денег. Нет, погоди, погоди! Я схожу сама. Китти, позвони, позови Хилл. Я сразу же начну одеваться. Моя дорогуша, Лидия, душечка! Как мы будем счастливы, когда увидимся!

Ее старшая дочь попыталась уменьшить поток этих восторгов, поделившись своими соображениями об обязательствах, которые наверняка взял на себя в этой ситуации мистер Гардинер.

— Мы должны приписывать эту счастливую развязку исключительно его доброте, — добавила она — Мы убеждены, что он обещал помочь мистеру Уикхему с деньгами.

— Ну, так и прекрасно! — воскликнула миссис Беннет. — Кому же как не родному дяде о ней позаботиться? Вы же знаете — если бы у него не было собственной семьи, его деньги достались бы мне и моим детям, и теперь мы наконец-то что-то от него получили, если конечно не считать нескольких подарков. Что же, я так рада! Вскорости у меня будет замужняя дочь! Миссис Уикхем! Как это прекрасно звучит! А ведь шестнадцать ей исполнилось только в июне! Джейн, дорогуша, я так разволновалась, что, наверно, не смогу ничего написать, поэтому буду диктовать, а ты записывай. О днягах мы поговорим с вашим отцом после, но все необходимое к свадьбе необходимо заказать прямо сейчас.

Затем она начала обсуждать особенности ситца, муслина и батиста и наверняка надиктовала бы обширный список покупок, если бы Джейн не без труда убедила ее подождать и сначала проконсультироваться по этому поводу с мистером Беннетом, когда представится такая возможность. Джейн настаивала, что задержка на один день существенной роли не сыграет, а ее мать была слишком счастлива, чтобы по обыкновению ворчать. В голове у нее теснились новые планы.

— Как только я оденусь, — сказала она, — поеду в Меритон и расскажу все эти замечательные новости сестре Филипс. А когда поеду обратно, смогу навестить Лукасов и миссис Лонг. Китти, беги вниз и скажи, чтобы готовили экипаж. Свежий воздух, я уверена, пойдет мне на пользу. Девочки, купить для вас что-нибудь в Меритоне?

А вот и Хилл! Дорогая, вы уже слышали о хороших новостях? Мисс Лидия собирается замуж, и вы все получите по кувшину с пуншем, чтобы как следует повеселиться на ее свадьбе.

Миссис Хилл, разумеется, незамедлительно пришла в восторг. Элизабет вместе со всеми прочими выслушала ее поздравления, а потом, немного утомленная от всей этой шумихи, сбежала к себе в комнату, чтобы все обдумать на досуге. Положение бедняжки Лидии на самом деле было довольно плачевным, однако нужно было благодарить небеса, ведь ее положение могло быть гораздо хуже. Элизабет это прекрасно понимала, и хотя в будущем Лидию вряд ли ожидало семейное счастье или материальное благополучие, она ценила все преимущества сложившейся ситуации, вспоминая все их опасения и страхи двухчасовой давности.



ГЛАВА I

До случившихся событий мистер Беннет уже давно хотел не тратить все свои доходы, а начать ежегодно откладывать часть из них, чтобы обеспечить своих дочерей и жену, если она его переживет. И теперь он хотел этого сильнее, чем прежде. Если бы раньше он исполнял свой отцовский долг подобным образом, Лидия не была бы теперь в долгу перед своим дядей, а сохранила бы свое доброе имя и деньги. Тогда ее брак с самым безалаберным молодым человеком во всем королевстве проходил бы по всем правилам.

Мистер Беннет был серьезно обеспокоен тем, что такое малоперспективное предприятие будет полностью организовано на средства его шурина, поэтому он был полон решимости по возможности выяснить объем оказанной им финансовой помощи и вернуть ему долги при первой же возможности.

Когда мистер Беннет женился, он считал экономию совершенно бесполезной, и конечно он предполагал, что у него будет сын. Этот сын вступил бы в права наследования и тем обеспечил бы будущее вдовы и младших детей. Однако у него друг за дружкой на свет появились пять дочерей, а сына так и не было. После рождения Лидии миссис Беннет в течение многих лет надеялась, что он еще появится. Однако в конеч-

ном счете надежды на это событие растаяли, а копить было уже поздно. Миссис Беннет не имела склонности к экономии, и только стремление ее мужа жить по средствам не позволяло их тратам превышать доходы.

Пять тысяч фунтов были вписаны в брачный контракт и закреплены за миссис Беннет и ее детьми, однако в каких долях эта сумма должна распределяться между детьми, зависело от воли родителей. Такое решение необходимо было сейчас принять по крайней мере в отношении Лидии, и у мистера Беннета не было сомнений, что он может принять сделанное ему предложение. Он сдержанно поблагодарил в письме своего шурина за оказанную им доброту, полностью одобрил все им уже сделанное и подтвердил свою готовность выполнить все обязательства, данные от его имени. Он никогда раньше не предполагал, что если бы Уикхему удалось уговорить его выдать за него одну из его дочерей, это было бы сделано при столь незначительных, как нынче, тратах. Ведь он терял не больше десяти тысяч, учитывая сотню, которую он должен был им выплачивать ежегодно. Траты же на карманные расходы Лидии и подарки в виде денег, которые она нередко получала от матери, были незначительны.

То, что все это будет обстряпано при столь малых усилиях с его стороны, было еще одним приятным сюрпризом, и сейчас его главным желанием было по возможности свести все хлопоты к минимуму. Когда первые приступы гнева, подтолкнувшие его отправиться на поиски дочери, схлынули, он самым естественным образом вернулся к своей прежней праздности. Его письмо было быстро отправлено, поскольку мистер Беннет долго размышлял над своими замыслами, но был скор в их исполнении. В конце письма он настоятельно просил шурина сообщить, чем еще он ему обязан, на Лидию был все еще слишком зол, чтобы посылать ей какое-либо личное сообщение.

Хорошие вести быстро разнеслись по дому и с аналогичной скоростью разлетелись по всей округе, где были приняты вполне благосклонно. Разумеется, причин для пересудов было бы значительно больше, если бы Лидию Беннет вернули из Лондона или, что лучше, изолировали бы от мира на какой-нибудь дальней ферме. Однако и ее замужество вызывало много толков, а перемена обстоятельств не убавила сарказма в пожеланиях благополучия, которые высказывали все старые перечницы в Меритоне, ибо ее страдания с таким мужем были в будущем несомненны.

Прошло уже две недели с тех пор, как миссис Беннет в последний раз спускалась в столовую, однако в этот счастливый день она снова в приподнятом настроении заняла свое место во главе своего стола. Чувство стыда за Лидию никоим образом не повлияло на ее триумф. С тех самых пор, как Джейн стукнуло шестнадцать, брак какой-нибудь из ее дочерей стал для ее навязчивой идеей, и теперь эта мечта была близка к осуществлению. Ее мысли и разговоры крутились исключительно вокруг свадебных аксессуаров: тонкого муслина, новых экипажей и новой прислуги. Она настойчиво подыскивала в округе какое-нибудь подходящее для молодоженов жилище, а поскольку она совершенно не задумывалась об их финансах, несколько не слишком больших или недостаточно роскошных домов были ею уже отвергнуты.

— Хей-парк мог бы подойти, — говорила она, — если бы Гулдинги захотели его покинуть. Или большой дом в Стоуке, если бы его гостиная была чуть больше, а до Эшворта слишком далеко — я не перенесу, если они будут жить в десяти милях от нас, а что до Палвис Лодж, то там совершенно ужасная мансарда!

Ее муж позволил ей так болтать в присутствии слуг. Однако как только они удалились, он сказал следующее:

— Прежде чем вы, миссис Беннет, арендуете один из этих домов или даже все их сразу для вашей дочери и ее супруга, давайте придем к правильному пониманию ситуации в целом. Ни в один дом в нашей местности они никогда не войдут. Я не желаю поощрять необдуманное поведение каждого из них, принимая их в Лонгборне.

За этим заявлением последовали бурные возражения, однако мистер Беннет остался непреклонен, а вскоре за этим последовало и другое открытие — к своему удивлению и ужасу миссис Беннет обнаружила, что ее супруг не собирается потратить ни гиней для покупки свадебных нарядов для своей дочери. Он заявил, что в этом деле Лидия не получит от него никакой поддержки. Миссис Беннет просто не понимала, как такое возможно. Она не могла представить, что его гнев мог дойти до такой точки кипения, чтобы лишить свою дочь всего, ради чего, собственно, и стоило выходить замуж. Недостаток нарядов во время свадьбы собственной дочери казался ей гораздо более позорным, чем стыд за ее бегство и жизнь с Уикхемом в течение двух недель перед венчанием.

Элизабет теперь горько сожалела, что под влиянием момента рассказала мистеру Дарси о своих страхах за сестру, ведь поскольку ее побег в ближайшее время должен был благополучным образом завершиться свадьбой, существовала надежда скрыть неблагоприятное начало этой истории от всех, кто не присутствовал при ее начале.

Она не боялась, что он станет рассказывать о ней, способствуя ее распространению. Едва ли среди знакомых Элизабет нашелся бы другой человек, на добропорядочность которого она могла бы положиться в большей степени, и в то же время не было никого, чья осведомленность о слабостях сестры ранила бы ее так больно. И не из-за опасения, что могут пострадать какие-то ее интересы; при всем прочем между ними, казалось, лежала непреодолимая пропасть. Даже если бы брак Лидии был заключен при более благоприятных обстоятельствах, вряд ли можно было предположить, что мистер Дарси захотел бы породниться с семьей, ко всем его возражениям против которой теперь прибавлялись еще и родственные отношения с человеком, которого он справедливо презирал.

Она была уверена, что при одной мысли о подобном родстве его должно было передергивать. Его желание снискать ее благосклонность, которое, как она себя уверяла, было столь заметно в Дербишире, никак не могло, по здравому размышлению, выдержать подобный удар. Элизабет была подавлена, удручена и сожалела, хотя и сама не знала о чем. Она стала жалеть об утрате его к ней расположения и не могла уже надеяться снова снискать его благосклонность. Ей хотелось узнать о нем побольше, хотя теперь, казалось бы, шансов для этого было совсем мало, и она пришла к заключению, что могла бы быть с ним счастливой, когда надежды на встречу с ним почти не осталось.

Она часто думала, каким триумфом для него нынче было бы сознание, что его предложение, столь гордо отвергнутое всего четыре месяца назад, теперь было бы ей с радостью принято! Она не сомневалась, что он был одним из самых великодушных мужчин на свете, однако как простой смертный он не удержался бы в такой ситуации от торжества.

Теперь она начала понимать, что он был именно тем человеком, который по своему характеру и особенностям больше всего подошел бы ей в жизни. Его характер и свойства ума, хотя и непохожие на ее собственные, отвечали всем ее пожеланиям. Это был бы союз, благотворный для них обоих; благодаря легкости ее характера и жизне-

радостности резкость его суждений и манеры могли бы со временем стать мягче, а его осведомленность, знание жизни и оригинальный ум сделали бы ее жизнь богаче.

Однако столь счастливому браку было не суждено продемонстрировать восхищенному человечеству, что собой представляет счастливый супружеский союз. И при этом союз совершенно другого рода, исключающий возможность такого счастья, вскоре будет заключен в ее собственном семействе.

Она не могла себе вообразить, как Уикхем и Лидия смогут поддерживать свою приемлемую независимость, при этом она легко могла представить, как мало долгожданного счастья ожидает супружескую пару, которая соединилась лишь потому, что их страсти оказались сильнее, чем их добродетели.

Мистер Гардинер вскоре написал новое письмо мистеру Беннету. Отвечая на его благодарности и выражения признательности, мистер Гардинер кратко заверял о своей готовности всегда содействовать благосостоянию каждого члена их семьи, и просил больше никогда не поднимать этот вопрос. Главной же темой письма была необходимость сообщить Беннетам, что мистер Уикхем решил оставить нынешнюю службу.

«...Мне бы очень хотелось, чтобы он это сделал, — добавлял он в письме, — как только дело об их браке было решено. И я думаю, вы, наверное, со мной согласитесь, что его увольнение из полка было бы целесообразным как для него, так и для моей племянницы. Мистер Уикхем намеревается вступить в регулярную армию, и среди его прежних друзей еще немало тех, кто может и хочет помочь ему в этом деле. Ему светит чин прапорщика в полку генерала ***, чье подразделение квартирует на севере страны. Удаленность этой части королевства от здешних мест является определенным преимуществом. Уикхем пообещал вести себя достойно, и я надеюсь, что среди чужих людей, перед которыми они будут обязаны себя блюсти, они будут действовать благоразумно. Я написал полковнику Форстеру, чтобы проинформировать его о наших текущих договоренностях, и попросил его, чтобы он успокоил различных кредиторов мистера Уикхема как в самом в Брайтоне, так и поблизости, гарантировав им выплаты по всем его долгам, которые я взял на себя. И пожалуйста, не считите за труд предоставить аналогичные гарантии его кредиторам в Меритоне, список которых я составил согласно полученным от него сведениям. Он признался во всех своих долгах, и я надеюсь, что он по крайней мере нас не обманывает. У Хагерстона есть наши распоряжения, и все дела будут закончены в течение недели. Затем они поедут в его полк на север, если только их прежде не пригласят в Лонгборн. Насколько я знаю со слов миссис Гардинер, наша племянница очень хотела бы всех вас повидать, прежде чем она покинет юг. Она пребывает в добром здравии и покорно просит напомнить о себе Вам и своей матери.

Искренне Ваш и т. д.

Э. Гардинер».

Мистер Беннет и его дочери видели все преимущества удаления Уикхема из ***ширского графства не хуже, чем сам мистер Гардинер. Однако миссис Беннет это понравилось гораздо меньше. Перспектива переселения ее дочери на север как раз когда она собиралась насладиться ее компанией, стала для нее тяжелым разочарованием, особенно если учесть, что миссис Беннет все еще лелеяла надежду подыскать ей жилье где-

нибудь в Хартфордшире; сама же Лидия в противном случае расстанется с полком, в котором она всех хорошо знает, и где у нее столько поклонников.

— Она так обожает миссис Форстер, — добавляла миссис Беннет, — для нее это будет трагедия, если ей придется уехать. К тому же в полку есть еще несколько молодых людей, которые ей очень нравятся. Офицеры в полку генерала *** могут оказаться не столь галантными.

Просьба его дочери, если только это можно было так назвать, позволить повидаться с семьей, прежде чем она уедет на север, сначала была категорически отвергнута мистером Беннетом. Однако Джейн и Элизабет, которые эту просьбу разделяли, из сочувствия к сестре, принялись так ласково и настойчиво уговаривать и убеждать своего отца, чтобы он разрешил принять Лидию и ее мужа после свадьбы в Лонгборне, что в конечном итоге им удалось заставить его взглянуть на ситуацию их глазами и сделать так, как им хотелось. В результате миссис Беннет к своему удовлетворению узнала, что она сможет продемонстрировать свою замужнюю дочь соседям, прежде чем та отправится в свое изгнание на север. И когда мистер Беннет отправлял своему шуруину очередное письмо, он сообщил в нем о своем согласии удовлетворить просьбу Лидии, и в результате было решено, что по окончании свадебной церемонии молодые сразу поедут в Лонгборн. Элизабет, однако, удивило, что Уикхем согласился на этот план, ведь если бы она исходила только из собственных склонностей, то встреча с ним была бы последним желанием, к исполнению которого она бы стремилась в этой жизни.



ГЛАВА LI

Настал день свадьбы, и Джейн с Элизабет волновались по этому поводу даже больше, чем их собственная сестра. Посланный за молодоженами экипаж должен был забрать их у ***, и они должны были приехать в нем к обеду. Обе старшие сестры ждали этого со страшным волнением. Особенно переживала Джейн, которая приписывала Лидии чувства, которые наверняка охватили бы ее саму, будь она виновницей всех этих событий, и ей было невыносимо больно думать, насколько должна была страдать при этом ее бедная сестра.

Молодые прибыли. Вся семья собралась в комнате для завтрака, чтобы их встретить. Когда подкатила карета, лицо миссис Беннет озарила улыбка, ее супруг хранил неприступную серьезность, а его дочери были встревожены, обеспокоены и чувствовали себя неловко.

В холле раздался голос Лидии, дверь открылась, и она вбежала в комнату. Ее мать бросилась к ней навстречу и заключила ее в объятия, громко и восторженно приветствуя. Затем, ласково улыбнувшись, она протянула руку появившемуся за своей супру-

гой Уикхему и пожелала обоим счастья с таким оживлением, которое говорило о ее уверенности, что оно непременно случится.

Мистер Беннет, к которому они затем обратились, принял их далеко не так сердечно. Выражение его лица стало, пожалуй, еще более строгим, и он почти не разжал губ, ведь в своей легкомысленной беспечности молодые могли его только еще больше рассердить. На Элизабет она произвела крайне неприятное впечатление, и даже Джейн была возмущена. А Лидия по-прежнему оставалась прежней Лидией — неумной, шумной и бестактной. Она обращалась по очереди к каждой из сестер, вынуждая их к поздравлениям, и когда, наконец, все расселись по местам, она нетерпеливо оглядела комнату, и, заметив в ней некоторые изменения, со смехом сказала, что прошло не так уж много времени с тех пор, как она отсюда уехала.

Уикхем также, как и она, ничуть не был смущен. Его столь характерные приятные манеры, улыбки и непринужденное поведение во время женитьбы наверняка бы порадовали всех Беннетов, если бы этот брак был заключен должным образом, а он сам был бы приличным человеком. Элизабет раньше не могла себе и представить, что он может прийти до такой степени наглости и самоуверенности, и пока она сидела перед ним, она решила про себя, что в будущем не будет ставить пределы наглости для наглого и бесстыдного человека. Она краснела, Джейн тоже, однако цвет лица тех двоих, вызвавших их смущение, совершенно не менялся.

Быстро завязалась беседа. Новобрачная и ее мать не могли вдоволь наговориться. Оказавшийся рядом с Элизабет Уикхем начал крайне непринужденно расспрашивать ее о своих знакомых в этих краях, а она чувствовала, что просто не в состоянии ему отвечать. Казалось, и у него, и у Лидии от всей этой истории остались наилучшие в мире впечатления. Воспоминания о прошлом ничуть их не задевали, и Лидия при этом сама затрагивала темы, на которые ее сестры не решились бы намекнуть ни за что на свете.

— Подумать только! — воскликнула она, — я ведь уехала целых три месяца назад, а кажется, поверьте, что пролетело всего две недели. А сколько всяких событий случилось за это время. Господи помилуй, когда я уезжала, у меня до своего возвращения и в мыслях не было, что я стану замужней дамой. Впрочем, все получилось так презабавно!

Отец поднял на нее глаза, Джейн смутилась, Элизабет тоже выразительно глянула на Лидию, а та продолжала щебетать, словно не видя и не слыша ничего, что ее не интересовало.

— Да, мама, а соседи уже знают, что я сегодня вышла замуж? Я опасалась, что они еще не в курсе. Когда мы обгоняли повозку Уильяма Голдинга, я постаралась, чтобы он об этом узнал. Я опустила стекло с его стороны, сняла перчатку и положила руку на оконную раму, чтобы он смог увидеть кольцо, а потом начала ему кланяться и улыбаться, и все такое.

Элизабет больше не могла этого выносить. Она вскочила с места, выбежала из комнаты и не возвращалась до тех пор, пока не услышала, что все через холл переходят в столовую. Она присоединилась к ним как раз в тот момент, когда Лидия торжественно встала за столом по правую руку от своей матери и сказала при этом старшей сестре:

— Ах, Джейн, как видишь, я занимаю твое место, а ты должна отсесть, я ведь теперь уже замужняя женщина.

Трудно было предположить, что время добавит Лидии хоть каплю стыда, которого она ранее была полностью лишена; ее непринужденность и оживление лишь увеличились. Ей хотелось повидать миссис Филипс, Лукасов и прочих соседей, и послушать, как все будут называть ее «миссис Уикхем». А тем временем после обеда она пошла похвастать своим обручальным кольцом и замужеством миссис Хилл и двум домашним служанкам.

— Ну, маменька, — спросила она, когда все снова собрались в комнате для завтраков, — что вы скажете о моем супруге? Разве он не очаровашка? Я уверена, что сестрички обзавидовались. Надеюсь, что они хотя бы наполовину будут такими же удачливыми. Они все должны поехать в Брайтон. Вот место, где можно добыть мужа! Так жаль, маменька, что мы не смогли поехать туда все вместе!

— Да, верно! Будь моя воля, мы бы обязательно так и сделали. Но, Лидия, дорогая, мне совсем не нравится, что ты отсюда уезжаешь. Неужели это так необходимо?

— О, господи, ну да. Ничего такого в этом нет. Мне это даже нравится! Вы, папа, и все сестрицы обязательно должны нас навестить. Мы проведем в Ньюкасле всю зиму; хочу надеяться, там будут балы, и я позабочусь, чтобы у всех были отличные кавалеры.

— Я бы хотела этого больше всего на свете! — ответила миссис Беннет.

— А когда будете возвращаться, можете одну или двух сестричек оставить с нами, и я обещаю, до раздобуду им женихов до конца зимы.

— Я весьма благодарна тебе за заботу, — сказала Элизабет. — Но мне не слишком нравится твой способ обзаводиться мужьями.

Молодожены не намеревались оставаться с ними более десяти дней. Перед тем, как покинуть Лондон мистер Уикхем получил свое назначение, и через две недели ему следовало прибыть в полк. Никто кроме миссис Беннет не был огорчен тем, что их пребывание будет таким коротким. Почти все дни у нее с дочкой уходили на визиты к соседям и приемы, которые они часто устраивали у себя в доме. Эти вечеринки устраивали всех; избегать встреч в узком семейном кругу стремились как те, кто задумывался о сложившейся ситуации, так и те, кто думать о ней не хотел.

Элизабет быстро убедилась, что отношение Уикхема к своей супруге было именно таким, как она и ожидала; Лидия относилась к нему гораздо более трепетно. Не надо было быть особо проницательной, чтобы сразу понять — их побег был вызван любовью с ее стороны, но отнюдь не с его, и Элизабет наверняка постоянно задавалась бы вопросом, почему Уикхем вообще решился на этот шаг, ведь он не был увлечен Лидией, однако она была в курсе его бедственного финансового положения, из-за которого он вынужден был оставить Брайтон, а в такой ситуации он не был тем человеком, который устоял бы перед соблазном обзавестись компаньонкой.

Лидия сходила по нему с ума. При каждом удобном случае она назвала его «своим дорогим Уикхемом». Никто не мог с ним сравниться. Он все на свете делал лучше прочих, и она была уверена, что первого сентября он настреляет больше птиц, чем любой другой охотник в стране.

Однажды, вскоре после их приезда, когда Лидия сидела утром в компании двух своих старших сестер, она сказала Элизабет:

— Лиззи, я уверена, что еще не рассказывала тебе, как мы поженились. Тебя ведь не было, когда я говорила об этом маме и остальным. Разве тебе не любопытно узнать, как все прошло?



...после обеда она пошла похвастать своим обручальным кольцом и замужеством миссис Хилл и двум домашним служанкам.

— Не особо, — ответила Элизабет. — Думаю, чем меньше мы будем говорить об этих вещах, тем будет лучше.

— Ой, ты такая странная! Но я тебе все-таки расскажу, как все прошло. Возможно ты знаешь, что нас поженили в церкви святого Климента, ведь в этом приходе жили Уикхемы. Было решено, что все должны быть там к одиннадцати. Я, дядя и тетя должны были отправиться вместе, а остальные — встретить нас перед церковью. Ну вот, наконец, наступил понедельник, я вся на нервах... Ты знаешь, я очень боялась, что что-нибудь случится, в результате свадьбу отложат, и я останусь не при делах. А тут еще моя тетя; пока я одевалась, все время меня наставляла, будто проповедь читала! Правда, я понимала не более одного слова из десяти, потому что, как ты и сама можешь представить, я думала только о моем дорогом Уикхеме; мне ужасно хотелось узнать — наденет ли он свой синий мундир? Ну, вот, так значит в десять мы как всегда завтракали, и мне казалось, что этот завтрак никогда не кончится! Замечу кстати, что дядюшка и тетюшка, пока я у них жила, обращались со мной хуже некуда. Ты не поверишь, но я и носа на улицу не высунула, хотя я у них прожила целых две недели. Ни одного визита, никаких развлечений, вообще ничего! Правда, в Лондоне тогда ничего интересного не было, однако Малый театр-то работал. Ну, вот, и когда карета уже подкатила к дверям, дядю вызывает по делам этот ужасный мистер Стоун. А потом, знаешь ли, они как соберутся вместе, так и конца этому нет. Я была в панике, просто не знала, что делать, ведь дядя должен был вести меня к алтарю, а если бы мы припозднились, нас бы в тот день уже не поженили. Но к счастью дядя вернулся через десять минут, и мы, наконец, поехали. Правда, уже я потом сообразила — если бы он задержался, венчание можно было бы и не откладывать, потому что вместо него это мог бы сделать мистер Дарси.

— Мистер Дарси? — изумленно повторила Элизабет.

— Ну, да. Он же, знаете ли, должен был прийти туда с Уикхемом. Боже милостивый, я же забыла! Я же не должна была об этом говорить ни словечка! Я ведь честно обещала... Господи, что скажет Уикхем? Это же все должно было храниться в тайне!

— Если это должно быть тайной, — сказала Джейн, — ничего больше и не говори. Можешь быть уверена, я не стану больше интересоваться.

— Ну, разумеется, — добавила Элизабет, на самом деле сгорая от любопытства. — Мы не станем тебя ни о чем спрашивать.

— О, спасибо, спасибо, — воскликнула Лидия. — Если бы вы стали меня расспрашивать, я бы все разболтала, и Уикхем страшно бы разозлился.

Элизабет же ужасно хотелось ее поспрашивать, и поэтому, собрав все свои силы, она поспешно вышла из комнаты.

Однако оставаться в неведении после такого заявления или хотя бы удерживать себя от попыток хоть что-нибудь разузнать было совершенно невыносимо. Мистер Дарси был на свадьбе ее сестры! Это была именно та ситуация, в которую он меньше всего хотел бы попасть, и те люди, с которыми он меньше всего хотел бы иметь дело. Самые невероятные соображения, что бы все это могло означать, быстро проносились у нее в голове, однако ни одно из них ее не удовлетворяло, причем те из них, которые особо льстили ее самолюбию, и представляли его поведение в благороднейшем свете, казались ей самыми невозможными. Она не могла больше находиться в таком подвешенном состоянии и, схватив листок бумаги, набросала несколько строк своей тете, с просьбой растолковать ей оброненную Лидией фразу, если только это позволяют условия предполагаемой секретности.

«Вы легко можете понять мое любопытство, — писала она. — Мне хотелось бы знать, как человек, не связанный с нами родством и (относительно) чужой для нашей семьи, мог оказаться среди вас в такое время. Бога ради, ответьте незамедлительно и растолкуйте мне все, если только по каким-то веским причинам это не должно, как считает Лидия, храниться в тайне; в противном случае я буду должна удовлетвориться полным неведением».

«Однако, не думаю, что так и будет, — добавила она про себя, закончив письмо, — и если, дорогая тетушка, вы все не расскажете мне как на духу, я непременно прибегну к разным хитростям и уловкам, чтобы все разузнать».

Деликатность и тактичность Джейн не позволяли ей поговорить с Элизабет с глазу на глаз об оброненных Лидией словах. Элизабет это радовало. До получения разъяснений на посланное ей письмо она предпочла бы обойтись без посредника.



ГЛАВА LII

Элизабет была очень рада весьма скоро получить ответ на свое письмо. Едва оно попало к ней в руки, она поспешила в небольшую рощу, где ей меньше всего могли бы помешать, и села на одну из скамеек, предвкушая удовольствие, ведь объем письма убеждал ее, что это не просто отказ удовлетворить ее любопытство.

«Грейсчерч-стрит, 6 сентября

Дорогая племянница, я только что получила твое письмо, и должна посвятить ответу на него целое утро, поскольку предвижу, что в двух строках не смогу объяснить тебе все, что намереваюсь сообщить. Должна признаться, что была весьма удивлена твоим посланием — подобного вопроса я от тебя не ожидала. Не думай, что он меня рассердил, просто хочу сказать, что никак его с твоей стороны не ждала. Если ты сочтешь нужным меня не понять, прости мою бестактность. Твой дядя удивлен так же, как и я, и только лишь уверенность, что ты имеешь отношение ко всем этим делам, по-

зволила ему совершить то, что он сделал. Однако если ты и впрямь не в курсе, и ни к чему этому отношения не имела, я должна выразиться яснее. В тот самый день, когда я возвратилась домой из Лонгборна, к твоему дяде заглянула неожиданный посетитель. К нам зашел мистер Дарси и провел несколько часов, закрывшись с твоим дядей в кабинете. Когда я появилась, их разговор уже закончился, поэтому меня, в отличие от тебя, любопытство терзало недолго. Он приходил, чтобы сообщить мистеру Гардинеру, что он смог обнаружить, где находятся твоя сестра и мистер Уикхем, и что ему удалось переговорить с обоими — с Лидией один раз, а с Уикхемом даже несколько. Из того, что я могла разузнать, явствовало, что мистер Дарси покинул Дербишир на следующий же день после нашего отъезда оттуда и что он прибыл в Лондон с намерением обнаружить местопребывание беглецов. Он объяснял свой поступок убеждением, что все это случилось по его вине, ведь коварство Уикхема не было раскрыто им настолько публично, чтобы не позволять молодым достойным леди увлекаться или доверять ему. Он благородно приписал все случившееся своей ложной гордости и признал, что ранее предоставлять свои поступки на суд общественности было выше его сил, действия же Уикхема говорили сами за себя. Поэтому мистер Дарси считал себя обязанным сделать первый шаг, чтобы попытаться исправить зло, произошедшее по его вине. Если у него были также иные мотивы, не думаю, что они были вызваны какими-либо недостойными соображениями. Он провел несколько дней в столице прежде чем смог их обнаружить; наверняка он обладал большей информацией, чем мы, и это соображение могло стать еще одной причиной, заставившей его последовать за нами. Кажется, есть некая дама, миссис Янг, которая была когда-то гувернанткой мисс Дарси, а потом ее уволили за какой-то проступок; мистер Дарси не рассказал, что там случилось. После этого она приобрела дом на Эдвард-стрит и живет теперь, сдавая в нем комнаты жильцам. Мистер Дарси знал, что эта дама поддерживала тесные отношения с Уикхемом, поэтому он отправился к ней за информацией как только добрался до города. Однако прошло два или три дня прежде чем он смог от нее чего-то добиться. По-видимому, пока ее не умастили деньгами, она не хотела рисковать утратить оказанное ей доверие, потому что на самом деле ей прекрасно было известно, где скрывается ее знакомый. Уикхем и впрямь сразу после приезда в Лондон направился прямо к ней и наверняка остался бы в ее доме, если бы там нашлась для него свободная комната. Однако в конечном счете наш добрый друг все же вытянул нужные ему сведения — они обосновались на ***стрит. Он повидал Уикхема, а после настоял на свидании с Лидией. Он рассказал, что во время этой встречи он в первую очередь хотел убедить ее покончить со своим позорным положением и вернуться к своим родным, как только они будут готовы ее принять, предлагая любое свое возможное содействие в этом деле. Однако он быстро обнаружил, что Лидия была решительно настроена оставаться там, где находилась. Она не хотела думать о родственниках, ей не нужна была его помощь, и она ничего не хотела слышать о том, чтобы оставить Уикхема. Она была уверена, что когда-нибудь они поженятся, и ей было все равно, когда именно это случится. И поскольку она смотрела на ситуацию именно так, он решил, что остается только организовать и ускорить этот брак, к которому, как стало ясно из первой беседы с Уикхемом, тот совершенно не стремился. Он признал, что был вынужден покинуть полк благодаря весьма обременительным долгам чести, которые надо было спешно оплатить, не постеснявшись объяснить все злосчастные последствия побега исключительно глупостью Лидии. Он хотел немедленно уйти в отставку, при этом его представле-

ние о своей будущности оставалось весьма туманным. Он должен был куда-то скрыться, хотя и не знал куда именно, к тому же он знал, что жить ему не на что. Мистер Дарси спросил, почему он сразу не женился на твоей сестре. Хотя мистер Беннет представляется не слишком богатым человеком, он все же мог что-то для него сделать, и этот брак должен был улучшить его положение. Однако из ответа Уикхема следовало, что он все еще питал надежду поправить свои дела более лучшим образом благодаря женитьбе в других местах. При таком раскладе ему, конечно, трудно было противиться соблазнительному предложению помочь ему незамедлительно. Они встретились несколько раз — так много всего следовало обсудить. Уикхем, конечно, хотел больше, чем мог получить на самом деле, однако, в конечном счете его требования были сокращены до разумного предела. Они пришли к обоюдному согласию, и следующим шагом мистера Дарси был его визит на Грейсчерч-стрит. Он хотел зайти туда вечером как раз накануне моего приезда и познакомить твоего дядю с положением дел. Однако мистера Гардинера он не застал, зато ему удалось выяснить, что твой отец все еще находится с ним и что он должен уехать следующим утром. Мистер Дарси не думал, что ему с ним будет проще общаться, чем с мистером Гардинером, поэтому он решил отложить свой визит до отъезда твоего отца из Лондона. Он не оставил визитную карточку, поэтому до следующего дня было лишь известно только, что к нам по делам заглядывал некий джентльмен. В субботу мистер Дарси пришел снова. Твой отец уже уехал, дядя был дома, и, как я уже говорила выше, они долго вместе беседовали. В воскресенье они повстречались снова, и я тоже его видела, однако окончательно все было оговорено лишь к понедельнику, и как только это было сделано, в Лонгборн был отправлен посыльный. Наш визитер оказался очень упрямым человеком. Мне кажется Лиззи, что в конечном счете упрямство является главным его недостатком. В разное время его обвиняли во многом, но это истинный его недостаток. Он стремится все делать самостоятельно, хотя я и убеждена (говорю это не ради благодарности, поэтому молчи об этом), что твой дядя с удовольствием устроил все бы и сам. Они спорили по этому поводу гораздо дольше, чем заслуживали эти молодые люди, которых все это касалось. В конечном счете твой дядя был вынужден уступить, и вместо того, чтобы оказать реальную услугу своей племяннице, он был вынужден мириться помимо своей воли лишь с ролью благодетеля, и я искренне верю, что полученное нынешним утром письмо от тебя искренне его порадовало, поскольку оно потребовало объяснений, которые избавляют его от незаслуженных лавров и передают их тому, кто на самом деле их заслуживает. Однако дорогая Лиззи, никто не должен знать об этом, разве за исключением Джейн. Ты ведь, думаю, достаточно хорошо представляешь, что именно было сделано для этой парочки — надо было оплатить его долги, которые по моим представлениям превышали тысячу фунтов. Плюс все его расходы и еще одна тысяча, добавленная на ее имя. Причину, по которой он все это провернул самостоятельно, я тебе уже указывала. Он считал, что лишь по его вине, из-за его сдержанности и неправильного взгляда на сложившуюся ситуацию все обманывались в Уикхеме, и в результате его охотно принимали и привечали. Быть может, в этом есть доля правды, хотя я совершенно не уверена, что его или чья бы то ни была сдержанность могла стать причиной случившегося. Однако, дорогая Лиззи, несмотря на все эти прекрасные рассуждения, ты можешь быть абсолютно уверена, что твой дядя ни за что бы не уступил, если бы не отдавал должное иной заинтересованности мистера Дарси в этом деле. Когда все было оговорено, мистер Дарси вернулся к своим друзьям, остававшимся в

Пемберли, и было решено, что он снова будет в Лондоне в день свадьбы, чтобы окончательно утрясти все денежные вопросы. Я полагаю, что теперь рассказала тебе все. Из того, что ты мне написала, я полагаю, что все это будет для тебя большим сюрпризом; надеюсь по крайней мере, что все изложенное не вызовет у тебя неприязнь. Лидия переехала к нам, а Уикхем получил доступ к нашему дому. Он остался в точности таким, каким я его впервые увидела его в Хартфордшире, и я ни за что бы не стала писать тебе, насколько я была недовольна поведением Лидии, пока она оставалась в нашем доме, если бы не узнала из письма Джейн, написанного в прошлую среду, что после возвращения домой она ведет себя так же, как и у нас, потому все, что я пишу об этом, вряд ли причинит тебе новые страдания. Я много раз с ней серьезно разговаривала, обращая ее внимание на сотворенные ей проступки и на все несчастья, которые она навлекла на свою семью. Ах, если бы она меня хотя бы услышала, я была бы рада, однако я уверена, что она не слушала вовсе. Иногда меня это сильно раздражало, но тогда я вспоминала о своих дорогих Элизабет и Джейн и ради них набиралась терпения. Мистер Дарси вернулся точно в срок и, как тебе сказала Лидия, присутствовал во время венчания. Он отобедал у нас на следующий день и должен был снова уехать из Лондона в среду или в четверг. Не сердись на меня, дорогая Лиззи, если я воспользуюсь этой возможностью сказать тебе (а мне не хватало смелости сделать это раньше), как он мне понравился. Его поведение по отношению к нам было во всех отношениях таким же приятным, как и тогда, в Дербишире. Его ум и суждения весьма меня радуют, и ему не хватает лишь толики живости, которую могла бы придать ему супруга при условии, что он сделает удачный выбор. Мне показалось, что он человек скрытный, поскольку о тебе он почти никогда не заговаривал. Однако скрытность теперь в моде. Умоляю, прости меня, если я была слишком самонадеянной или по крайней мере, не наказывай слишком жестоко, закрыв передо мной двери в П. Я не буду чувствовать себя до конца счастливой, пока не исследую весь парк целиком. Думаю, низенький фазтон с парочкой милых пони был бы для этого весьма кстати. Однако, мне пора заканчивать; я должна была заняться детьми уже как с полчаса назад.

Искренне твоя М. Гардинер».

Содержание этого письма вызвало в душе Элизабет смятение, и ей было трудно определить, какие чувства при этом преобладали — радостные или мучительные. Неопределенные и смутные подозрения о некой неясной роли мистера Дарси в подготовке свадьбы ее сестры, догадки, которые она не осмеливалась даже подпитывать, ведь такое проявление великодушия трудно было себе представить, и в которые боялась поверить, поскольку делали ее столь обязанной ему, теперь эти догадки в высшей степени подтвердились! Он намеренно отправился на их поиски в Лондон и принял на себя все неприятности и ужасающие испытания, связанные с этими розысками, во время которых он был вынужден обращаться с просьбами к женщине, которую должен был презирать и ненавидеть! И он вынужден был встречаться, притом несколько раз, с человеком, которого всегда чурался, и чье имя всегда вызывало в нем неизменное раздражение, и он его уговаривал, затем в конечном счете подкупил. И все это было сделано для девчушки, которую он не уважал и не ценил! Сердце Элизабет нашептывало, что он это сделал ради нее. Однако эту надежду подкашивали другие соображения, ведь она вскоре отчетливо поняла, что всей ее самонадеянности не хватит, чтобы рассчитывать на его привязанность к жен-

щине, которая однажды его уже отвергла, и вряд ли ему удастся преодолеть естественное отвращение по отношению к Уикхему. Свояк Уикхема! Всякое чувство гордости должно было протестовать против такой родственной связи. Разумеется, он сделал очень много. Ей было даже совестно подумать, насколько много. И при этом он так объяснял причины своего вмешательства, что в них было легко поверить. Было резонно считать, что он чувствовал себя виноватым. При этом он был великодушен и имел возможность это продемонстрировать, и хотя она не ставила себя во всей этой истории во главу угла, она во всяком случае могла бы поверить, что он сохранил в своей душе остатки прежнего чувства, и они помогли его стараниям в деле, от которого в огромной степени зависело ее душевное спокойствие. Было тяжело, чрезвычайно тяжело сознавать, что все они обязаны человеку, которому никогда не смогут по достоинству отплатить. Спасением Лидии, ее чести, они были обязаны именно ему. О, как горько сожалела она теперь о каждом своем взлелеянном подозрении в адрес этого человека, о каждой брошенной ему в лицо дерзкой фразе! Элизабет чувствовала себя униженной, а он заставлял собой гордиться. Она была горда за него, за то, что благодаря великодушию и благородству ему удалось преодолеть самого себя. Она вновь и вновь перечитывала теплый отзыв о нем своей тети. Вряд ли сказанного было достаточно, но ей нравилось, что она написала. Она даже почувствовала некоторую смешанную с сожалением радость, думая о том, насколько быстро ее дядя и тетя убедили себя в том, что между ней и мистером Дарси существует привязанность и доверие.

Ее отвлек от размышлений звук шагов, она встала, но не успела она отойти, как ее нагнал Уикхем.

— Боюсь, я прервал вашу одинокую прогулку, дражайшая сестрица, — сказал он, приближаясь к ней.

— Безусловно прервали, — ответила она, улыбнувшись. — Однако из этого не следует, что вы сделали это не вовремя.

— Мне было бы очень жаль, если бы это было не так. Мы всегда были добрыми друзьями, а теперь стали еще лучшими.

— Конечно. Остальные тоже пойдут прогуляться?

— Не знаю. Миссис Беннет и Лидия взяли экипаж и поехали в Меритон. Итак, дражайшая сестрица, как я знаю со слов ваших дяди и тети, вы все-таки посетили Пемберли.

Она ответила утвердительно.

— Знаете, я почти завидую удовольствию, которое вы получили. Впрочем, для меня это, наверно, было бы слишком тяжело, иначе я мог бы заехать туда по пути в Ньюкасл. Я полагаю, вы видели старую экономку? Бедная Рейнолдс, она всегда была так добра ко мне. Однако, думаю обо мне она вам ничего не говорила.

— Нет, говорила.

— И что же именно?

— Что вы отправились в армию, и она опасалась, что там у вас не все сложилось удачно. Хотя, как вы знаете, на большом расстоянии многое видится иначе.

— Конечно, — ответил он, кусая губы.

Элизабет надеялась, что этой своей репликой она заставит его замолчать. Однако он вскоре продолжил:

— Я был так удивлен, повстречав в прошлом месяце Дарси. Мы встречались несколько раз. Интересно, чем он занимается в Лондоне?



Она протянула руку...

— Возможно, готовится к свадьбе с мисс де Бург? — предположила Элизабет. — В такое время года его могло выманить в город только что-нибудь экстраординарное.

— Несомненно. Вы с ним встречались, когда были в Лембтоне? Со слов Гардинеров мне показалось, что встречались.

— Да, он познакомил нас со своей сестрой.

— И она вам понравилась?

— Очень.

— Я слышал, что за два последних года она дивно похорошела. Когда я ее видел в последний раз, выглядела она не многообещающе. Я рад, что она вам понравилась. Надеюсь, с ней все будет хорошо.

— Осмелюсь верить, что так оно и будет, переходный возраст уже позади.

— Вы проезжали Кимтон?

— Что-то не припомню.

— Я упомянул о нем потому, что это тот самый приход, который я должен был получить. Весьма живописное место! Прекрасный пасторский домик! Он бы подошел во всех отношениях.

— И как бы вам понравилось произносить проповеди?

— Я бы делал это с огромным удовольствием! Они бы стали частью моего служения, и после некоторой практики это не стоило бы мне никакого труда. Сетовать не стоит, но безусловно, все это прекрасно бы мне подошло. Тишина и жизнь в уединении — вот мои представления о счастье. Однако, увы, этому не суждено сбыться. Дарси не упоминал об этой истории, когда вы были в Кенте?

— Я слышала от человека, которого я считаю не менее осведомленным в этом деле, что приход был оставлен за вами лишь условно, однако все зависело от нынешнего хозяина.

— Слышали? Отчасти это так. Я вам об этом говорил при первой встрече.

— Я также слышала, что прежде отправление обрядов не было для вас столь привлекательным занятием, как кажется теперь, и что тогда вы бесповоротно отказались от прихода в обмен на должную компенсацию.

— Вы слышали? Впрочем, это тоже небезосновательно. Вы можете вспомнить, что я об этом тоже говорил вам, когда мы впервые обсуждали этот вопрос.

В этот время они уже почти подошли к дверям дома, потому что она шла быстро, желая от него отделаться и, ради спокойствия своей сестры, не стремясь с ним ссориться. Поэтому она лишь коротко заметила с улыбкой:

— Слушайте, мистер Уикхем, вы ведь знаете, мы теперь с вами родственники. Давайте не будем ссориться из-за прошлого. Я надеюсь, что в будущем мы с вами будем более единодушны.

Она протянула руку, он поцеловал ее с деланной галантностью, хотя и с явным смущением, и они вошли в дом.



H. May

ГЛАВА LIII

Мистер Уикхем был настолько доволен этим состоявшимся разговором, что больше никогда не затруднял себя попытками вернуться к данной теме и не пытался поднимать с Элизабет этот вопрос, она же была довольна, что сказала достаточно, дабы заставить его замолчать.

Вскоре для него и Лидии настал день отъезда, и миссис Беннет была вынуждена примириться с предстоящим расставанием, а поскольку ее супруг совершенно не планировал поездку в Ньюкасл, по-видимому, их разлука должна была продлиться не менее года.

— Лидия, милочка моя, — воскликнула миссис Беннет, — когда же теперь нам доведется снова встретиться?

— О, господи! Я не знаю. Быть может, через два или три года.

— Почаще пиши, дорогая.

— Буду строчить часто, как смогу, но вы же знаете, что у замужних женщин остается не так много времени для писем. Пусть мне пишут сестры, ведь им больше и делать нечего.

Прощание мистера Уикхема было более сердечным, чем его супруги. Он улыбался, был галантен и произнес много любезных фраз.

— Это самый славный парень из всех, что я видел, — заметил мистер Беннет, как только они уехали. — Лыбится, ухмыляется и со всеми нами заигрывает! Я невероятно им горд. Я мог бы поспорить с самим сэром Уильямом Лукасом, что обзавелся гораздо более достойным зятем.

Разлука с дочкой на несколько дней нагнала на миссис Беннет мрачное настроение.

— Я часто думаю, — говорила она, — что нет ничего хуже расставания с родными людьми. Без них так одиноко...

— Это последствия замужества одной из ваших дочерей, маман, — заметила Элизабет. — Утешайтесь хотя бы тем, что остальные четверо остаются с вами.

— Да вовсе нет! Лидия уезжает не потому, что вышла замуж, а просто потому, что полк ее мужа находится у черта на куличиках. Если бы он был поближе, она бы так скоро не уехала.

Однако состояние уныния, в которое ввергла миссис Беннет эта разлука, постепенно прошло, и она вновь воспряла духом благодаря распространившимся по округе слухам. Дело в том, что экономка в Незерфилде получила распоряжение приготовить все для приезда своего хозяина, который должен был приехать через день или два для охоты в течение нескольких недель. Миссис Беннет была этим крайне взволнована. Она то и дело поглядывала на Джейн, улыбалась ей и покачивала головой.

Эту новость рассказала ей миссис Филипс.

— Вот значит как, сестрица, — ответила ей миссис Беннет, — значит, мистер Бингли все же возвращается? Ну что же, тем лучше. Впрочем, меня это не волнует. Ты ведь знаешь — он для нас никто, и я уверена, что не хочу его снова видеть. Тем не менее, если он хочет приехать в Незерфилд, так бога ради. И кто знает, что из этого выйдет? Впрочем, нас это не касается. Ты же помнишь, сестра, что мы уже давно договорились ни словечка об этом не говорить. Ну так это точно, что он приезжает?

— Можешь быть уверена, — ответила миссис Филипс. — Вчера вечером в Меритоне была миссис Николс. Я увидела, что она идет мимо, и выбежала, чтобы узнать что и как, и она заявила мне, что все это безусловно истинная правда. Он придет в среду, самое позднее в четверг. Она рассказала мне, что ходила к мяснику, чтобы заказать мяса к среде, и у него нашлось три пары уток, которым как раз можно свернуть шеи.

Известие о приезде Бингли вогнало Джейн в краску. Прошло уже много месяцев с тех пор, как она последний раз упоминала его имя в беседе с Элизабет, однако теперь, как только они остались одни, она сказала:

— Я видела, как ты на меня посмотрела, когда тетя сообщила нам последние новости, и я знаю, что показала тебе расстроенной, однако не думай, что причиной тут какие-то глупости. Я смутилась лишь на мгновение, поскольку понимала, что все обратят на меня внимание. Уверю тебя, что мне от этих новостей ни жарко, ни холодно. Меня лишь радует, что он приезжает один, так мы будем реже его видеть. Не то чтобы меня это волновало, просто не хочу, чтобы другие судачили.

Элизабет совершенно не знала, что с этим делать. Если бы она не столкнулась с ним в Дербишире, она могла бы подумать, что он мог приехать сюда, лишь подтверждая, что и так было всем известно, однако ей все еще казалось, что он все еще любит Джейн. При этом она колебалась, стараясь понять, приезжает ли он с благословения своего друга или набрался смелости действовать самостоятельно.

«И все же, как это тяжело, — думала она подчас, — что этот несчастный молодой человек не может заявиться в законно нанятое жилище, не вызывая при этом сплетен. Мне так это все равно».

Несмотря на заявление своей сестры, в которое она, кажется, даже верила сама, по поводу приезда Бингли, Элизабет могла легко заметить, что это событие Джейн все-таки волнует. Она явно была обеспокоена и нервозна, а такое состояние ей было при-
суще редко.

Тем временем тема, бывшая предметом оживленных семейных дискуссий между их родителями около года назад, снова всплыла на поверхность.

— Дорогой мой, как только мистер Бингли приедет, — сказала миссис Беннет, — вы, конечно, его повидаете.

— Нет, нет! Вы заставили меня посетить его в прошлом году, пообещав, что после этого визита он должен будет жениться на одной из наших дочек. Однако это ни к чему не привело, и больше вы меня такими глупыми посулами не обкрутите.

Его супруга постаралась доказать ему, что после приезда мистера Бингли в Незерфилд все соседи просто обязаны будут выказать ему свое внимание.

— Ненавижу эти формальности! — ответил мистер Беннет. — Если ему нужно наше общество, пусть приезжает сам. Он знает, где мы живем. Я не собираюсь тратить свое время на то, чтобы каждый раз бегать по соседям, когда они уезжают или приезжают обратно.

— Вы поступите чрезвычайно грубо, если откажитесь, это все, что я могу сказать по этому поводу, однако это не помешает мне пригласить его к нам отобедать, я это уже твердо решила. У нас скоро будут миссис Лонг и Голдинги. Вместе с прочими будет всего тринадцать человек, а это значит, что за столом и ему найдется местечко.

Утешенная этим планом, миссис Беннет смогла лучше перенести бестактность своего мужа, хотя ей было ужасно сознавать, что в результате все соседи смогут увидеться с мистером Бингли раньше, чем они.

— Я вообще начинаю сожалеть, что он возвращается, — сказала Джейн сестре. — Все бы ничего, ведь я могу с ним встретиться как ни в чем не бывало, однако я с трудом выношу все эти постоянные пересуды по случаю. Наша мать поступает из добрых побуждений, но она и не представляет, да и никто этого не знает, как я страдаю от всего, что она говорит. Я буду рада, когда его пребывание в Незерфилде подойдет к концу.

— Мне бы хотелось тебя как-то утешить, — ответила Элизабет, — однако это совершенно не в моих силах, и ты должна это понимать. И я не могу даже по обычаю пожелать тебе набраться терпения, ведь ты и так столь много вынесла.

Мистер Бингли, наконец, приехал. Миссис Беннет умудрилась сразу узнать об этом от прислуги, поэтому время тревожений и беспокойства оказалось для нее максимумом растянуто; она уже прикидывала количество дней, которые ради приличия должны миновать перед отправкой их приглашения на обед, и надеялась увидеть его до этого срока. Однако уже на третье утро после его приезда к Хартфордшир она увидела из окна спальни, как он появился перед домом и поскакал к подъезду.

Миссис Беннет сразу кликнула дочерей, чтобы разделить с ними свою радость. Джейн решительно отказалась выходить из-за стола, а Элизабет, потакая матери, подошла к окну, взглянула, увидела рядом с ним мистера Дарси и сразу села рядом с сестрой.

— С ним какой-то джентльмен, маменька. Кто бы это мог быть? — спросила Китти.

— Полагаю, какой-нибудь его знакомый, моя дорогая, хотя точно не знаю.

— Ой! — воскликнула Китти. — Похоже это тот самый джентльмен, который обычно бывал с ним и раньше — мистер... как его там?... Такой высокий и гордый...

— Боже правый! Мистер Дарси! Клянусь — это именно он! Ну, что же, мы здесь рады принять любого друга мистера Бингли, однако не будь они друзьями, сказала бы, что видеть его не могу!

Джейн глянула на Элизабет с удивлением и сочувствием, она ведь почти ничего не знала из того, что произошло в Дербишире, и поэтому она могла вообразить, как будет смущена ее сестра, чуть ли не впервые увидав его после получения от него объяснительного письма. Обе сестры чувствовали себе очень неловко. Каждая волновалась за другую, и каждую переполняли собственные переживания, поэтому они едва ли расслышали, как их мать говорила о своей неприязни к мистеру Дарси и о своей готовности быть с ним любезной только потому, что он друг мистера Бингли. Однако у Элизабет был повод для беспокойства, о котором Джейн даже не подозревала, ведь она так и не решилась показать ей письмо миссис Гардинер и поведать ей, как изменилось ее отношение к этому человеку. Для Джейн мистер Дарси был просто джентльменом, предложение которого ее сестра отвергла и достоинства которого недооценила. Однако для Элизабет благодаря ее собственной осведомленности, это был человек, перед которым вся ее семья была в неоплатном долгу, и к которому она испытывала чувство если не столь нежное, чем чувство Джейн к Бингли то, по крайней мере, не менее обоснованное и оправданное. Его появление, переезд из Лонгборна в Незерфилд, явное желание с ней снова встретиться — все это удивляло ее не меньше, чем впервые подмеченное ей изменение его поведения в Дербишире.

Румянец, схлынувший с ее лица минуту назад, расцвел на нем еще ярче, и восторженная улыбка добавила блеска ее глазам, когда она подумала в этот момент, что его к ней привязанность и желания остаются неизменными. Тем не менее, она еще не была ни в чем уверена. «Надо сначала посмотреть, как он будет действовать, — сказала она себе. — Еще рано делать какие-либо выводы».

Она сидела сосредоточенно за работой, стараясь казаться спокойной, и не смела поднять глаза до тех пор, пока прислуга не пошла открывать двери, тогда она глянула в лицо сидевшей рядом сестре. Джейн выглядела немного более бледной, чем обычно, но более спокойной, чем ожидала Элизабет. Когда оба гостя вошли, бледнота ее спала, она встретила их относительно непринужденно, с должной любезностью, без каких-либо признаков обиды или показной обходительности.

Элизабет сказала каждому из них буквально несколько слов, как того требовали приличия, и снова взялась за свою работу с не присущим ей рвением. На Дарси она осмелилась взглянуть только один раз. Он выглядел по-обычному серьезным, и она подумала, что сейчас он даже более серьезен, чем тогда в Хартфордшире или в Пемберли. Однако, быть может, рядом с ее матерью, он не мог себе позволить быть тем человеком, которым показал себя при общении с ее дядей и тетей? Эта догадка казалась вполне правдоподобной, хотя она ее и огорчала.

На Бингли она тоже взглянула лишь разок, однако этого короткого мига было достаточно, чтобы заметить, что он выглядит счастливым и одновременно смущенным. Миссис Беннет приветствовала его настолько любезно и учтиво, что это смущило ее старших дочерей, ведь его друга она встретила весьма холодно и подчеркнуто вежливо.

Для Элизабет это было особенно тягостно, ведь она знала, что именно мистеру Дарси ее мать обязана спасением своей любимой дочери от непоправимого позора.

Дарси спросил у Элизабет как поживают мистер и миссис Гардинер, она ответила на этот вопрос в крайнем замешательстве, а потом он почти не говорил. Впрочем, он сидел довольно далеко от нее, и возможно его молчание объяснялось именно этим, хотя в Дербишире все было иначе. Там, когда он не мог беседовать с ней, он разговаривал с ее друзьями, а здесь же в течение многих минут он вообще не проронил ни слова. Когда же временами Элизабет уже не могла противиться своему любопытству и бегло на него взглядывала, то замечала, что он смотрел на нее точно так же, как и на Джейн, и часто просто опускал глаза. Его большую задумчивость и меньшее стремление быть любезным по сравнению с их последней встречей, объяснить было достаточно просто. Она была разочарована и злилась за это на себя.

«Как я могла надеяться, что будет иначе? — говорила она себе. — Но почему он пришел?».

Ей не хотелось разговаривать ни с кем, кроме него, однако и у нее не хватало смелости завести беседу. Она справилась о здоровье его сестры и больше не смогла выдать из себя ни слова.

— Сколько времени утекло с тех пор, как вы уехали, мистер Бингли! — заметила миссис Беннет.

Он охотно с ней согласился.

— Я уже начала опасаться, что вы вообще не вернетесь. Поговаривали, что к Михайлову дню вы хотели съехать отсюда навсегда, однако я надеюсь, что это не так. С тех пор, как вы уехали в округе произошло столько событий! Мисс Лукас вышла замуж и съехала от родителей, и одна из моих дочек тоже. Полагаю, вы об этом слышали — могли прочесть в газетах. Я знаю, писали в «Таймс» и в «Курьере», хотя и не должным образом. Напечатали лишь: «Недавно Джордж Уикхем, эсквайр — на мисс Лидии Беннет», и ни полслова ни о ее отце, ни откуда она родом — вообще ничего. Все это обстряпал мой братец Гардинер, и я просто в толк не могу взять, как это у него неудачно вышло. Вы это объявление видели?

Бингли ответил, что да, и принес свои поздравления. Элизабет не смела поднять глаза, и потому не знала, как при этом выглядел мистер Дарси.

— Должна признаться, это весьма приятно, — продолжила миссис Беннет, — когда дочка удачно выходит замуж, и в то же время так ужасно отрывать ее от меня. Они уехали в Ньюкасл, это кажется на севере и очень далеко от нас, и там, они сказали, будут жить бог знает как долго. Там находится его полк. Я ведь надеюсь вы знаете, — он покинул ***ширское подразделение для того, чтобы поступить в регулярную армию. Слава богу, у него есть настоящие друзья, хотя у него их не так много, как он того заслуживает.

Элизабет понимала, что это укол в сторону мистера Дарси, при этом ей было так стыдно, что она едва могла усидеть на месте. Однако это наполнило ее душу решимостью, которой ей ранее столь недоставало, чтобы вступить в разговор, и она спросила Бингли, надолго ли он собирается оставаться в Незерфилде на этот раз. Он ответил, что проведет здесь несколько недель.

— Когда вы перестреляете всех ваших птах, — заметила ее мамаша, — прошу вас, приезжайте сюда и настреляйте их сколько душе угодно во владениях мистера Беннета. Я уверена, он будет рад вам услужить и прибережет для вас самые лучшие экземпляры.

При таком неуместном и совершенно необязательном внимании со стороны матери Элизабет смутилась еще больше. Ей казалось, что если бы сейчас вновь ожили надежды, которыми она оболящала себя год назад, то все скоро снова закончится раздражающим фиаско, и что годы блаженства не искупят тех страданий, которые она в данный момент испытывала вместе с Джейн.

«Самое мое сердечное желание, — говорила она себе, — никогда больше не находиться в компании этих двоих. Их общество не доставляет мне никакой радости, чего ради переносить такие страдания? Пусть ни тот, ни другой больше не попадают мне на глаза!».

И все же страдания, которые не искупили бы и годы блаженства, представлялись ей не такими ужасными, когда она замечала, что красота ее сестры вновь вызывает восхищение ее прежнего ухажера. После того, как Бингли оказался в комнате, он говорил с Джейн совсем немного, однако со временем его внимание к ней постоянно возрастало. Он нашел ее столь же симпатичной, как и год назад, столь же добродушной и непосредственной, лишь, пожалуй, менее склонной к разговорам. Джейн стремилась, чтобы в ней вообще нельзя было заметить никакой перемены, и была убеждена, что говорит как обычно. Однако у нее при этом в голове крутилось столько мыслей, что она часто не замечала, как надолго замолкает.

Когда джентльмены поднялись, чтобы уйти, миссис Беннет опять преисполнилась чрезвычайной любезности, и оба они были приглашены отобедать в Лонгборне в самое ближайшее время.

— Ведь вы же, мистер Бингли, должны мне отдать визит, — добавила она, — ведь когда вы прошлой зимой уезжали в Лондон, то обещали мне после возвращения пообедать в нашем семейном кругу. Видите, я не забыла, и уверяю вас — я была сильно разочарована, когда вы не вернулись, чтобы выполнить свое обещание.

В ответ на эти слова Бингли явно смутился, и промямлил что-то о делах, которые его задержали. А затем они уехали.

Миссис Беннет была склонна пригласить их на обед в тот же день, и хотя она всегда держала прекрасный стол, было решено, что для человека, на которого у нее были столь большие планы, а также для того, чтобы удовлетворить аппетит и тщеславие его друга с десятью тысячами годового дохода, число блюд необходимо будет по меньшей мере удвоить.



ГЛАВА LIV

Как только они ушли, Элизабет вышла пройтись, чтобы немного прийти в себя; ей хотелось в тишине и спокойствии поразмыслить над последними событиями, столь ее взволновавшими. Поведение мистера Дарси озадачило и удивило ее.

«Если он пришел, — размышляла она, — только для того, чтобы сидеть и молчать с серьезным и безразличным видом, то для чего он вообще приходил?».

И ей не удавалось найти этому какое-либо объяснение, которое бы ее хоть в малой степени обрадовало.

«Еще совсем недавно в Лондоне он мог быть столь любезным с дядей и тетей, почему же он не любезен также и со мной? Если ему со мной не комфортно, зачем он приходил сюда? Если ему больше нет до меня дела, почему он все время молчал? Как меня изводит и раздражает этот человек! Не стану больше о нем думать».

Однако ей удалось ненадолго невольно сдерживать свое обещание — ее догнала Джейн, веселый вид которой говорил, что визит их гостей доставил ей больше удовольствия, чем сестре.

— Теперь, — сказала она, — после первой встречи я чувствую себя гораздо лучше. Я уверилась в своих силах, и его появление никогда больше меня не смутит. Я рада, что он будет обедать здесь во вторник. Тогда всем станет ясно, что мы встречаемся просто лишь как обычные знакомые.

— Да, да, конечно самые обычные, — сказала, улыбаясь, Элизабет. — Ах, Джейн, будь осторожна!

— Лиззи, дорогая, ты не должна думать, что я настолько слаба, что мне следует чего-либо опасаться.

— Я думаю, что тебе надо опасаться, как бы он не влюбился в тебя снова.

До вторника джентльмены не появлялись, и за это время миссис Беннет дала простор самым радужным надеждам, которые были основаны на доброжелательности и обходительности мистера Бингли в течение его получасового визита.

Во вторник в Лонгборне собралась большая компания, и двое джентльменов, которых ожидали с особым нетерпением, как истинные спортсмены, явились как раз вовремя. Когда они направились в столовую, Элизабет было любопытно посмотреть, займет ли Бингли по обычаю место рядом с ее сестрой. Ее мать, занятая теми же соображениями, предусмотрительно не пригласила его сесть рядом с собой. Войдя в комнату, он казалось бы, заколебался, однако Джейн как бы случайно оглянувшись, как бы случайно улыбнулась, и это решило дело. Он сел рядом с ней.

Элизабет триумфально посмотрела на его друга. Тот перенес это с благородной невозмутимостью, и ей могло бы показаться, что Бингли получил разрешение на свое счастье, если бы не заметила, что он тоже взглянул на мистера Дарси, и в этом взгляде было заметно шутовское беспокойство.

Поведение Бингли во время обеда по отношению к ее сестре показывало, насколько он ею восхищен, хотя он и держал себя более сдержанно, чем раньше, Элизабет это убеждало — если оставить эту парочку в покое, счастье в ближайшем будущем им обеспечено. Элизабет не осмеливалась предвосхищать события, и, тем не менее, ей доставляло удовольствие наблюдать за поведением Бингли. Для нее это было единственным утешением, способным скрасить собственное невеселое настроение. Мистер Дарси сидел далеко от нее, на противоположном конце стола рядом с ее матерью, и Элизабет прекрасно понимала, как мало радости при этом испытывает каждый из этих двух, и как мало от этого пользы. Расстояние не позволяло ей расслышать их разговор, однако ей было прекрасно видно, как редко они обращались друг к другу и насколько холодно и сухопарно они это делали. Нелюбезность ее матери заставила Элизабет еще более ощущать, насколько они ему обязаны, и ей хотелось порой пожертвовать чем угодно, чтобы иметь право сказать ему, что не всем в ее семье неведома его доброта, и есть среди них кто-то, кто способен оценить ее по достоинству.

Она надеялась, что в течение этого вечера какой-нибудь случай столкнет их вместе, и во время этого визита им удастся пообщаться менее формально, чем того требовали правила вежливости при его появлении в доме. Встревоженная и обеспокоенная, она просидела в гостиной, дожидаясь появления мужчин с таким утомленным и грустным видом, что это делало ее поведение почти невежливым. Она ожидала их с таким нетерпением, как будто от этого зависело, сможет ли она получить от этого вечера хоть какое-нибудь удовольствие.

«Если он и теперь ко мне не подойдет, — говорила она себе, — он будет потерян для меня навсегда».

Джентльмены вошли, и ей показалось по его виду, что он готов откликнуться на ее надежды, но увы! Дамы так тесно сгрудились вокруг столика, за которым Джейн заваривала чай, а Элизабет разливала кофе, что рядом не осталось ни одного свободного стула, на который он мог бы сесть. А когда оба джентльмена оказались рядом, одна из девушек совсем близко подошла к Элизабет и прошептала:

— Совершенно не желаю, чтобы мужчины нас разлучили! Ведь они нам совершенно не нужны, не так ли?

Дарси отошел на другой конец комнаты. Она проводила его глазами, завидуя каждому, с кем он заводил разговор, и заставляя себя терпеливо угощать всех кофе, но затем ее взбесила собственная глупость.

«Ведь это человек, которому я однажды отказала! Как я могу быть такой глупой и надеяться, что его чувства возродятся! Разве найдется среди мужской братии тот, кто бы не хотел побороть в себе слабость стремления сделать повторное предложение? Нет большего унижения для их самолюбия!».

Впрочем, ей немного полетчало, когда он сам подошел с пустой кофейной чашкой. Она воспользовалась этим случаем и спросила:

— Ваша сестра все еще в Пемберли?

— Да, она будет там до Рождества.

— Совсем одна? Все друзья ее покинули?

— С ней миссис Энсли. Все прочие три недели назад уехали в Скарборо.

Она не знала, что еще сказать, однако если бы он хотел поговорить с ней, он наверняка нашелся бы, что сказать. Тем не менее, он простоял рядом несколько минут, не говоря ни слова, и наконец, когда ее соседка опять начала что-то нашептывать Элизабет, отошел в сторону.

Когда чайный сервиз убрали, были расставлены карточные столики. Все леди встали, и Элизабет надеялась вскоре оказаться рядом с ним. Однако все ее надежды на это рухнули, когда она увидела, что он стал жертвой миссис Беннет, собиравшей себе партнеров для виста; через мгновение он сел до конца вечера рядом с ней. Больше никакой радости от этого вечера она уже не ждала. Они были прикованы до конца игры к разным столикам, и ей оставалось надеяться лишь на то, что, часто бросаемые им в ее направлении взгляды, заставят его играть столь же плохо, как и ее саму.

Миссис Беннет собиралась задержать двух приехавших из Незерфилда джентльменов еще и на ужин, однако к несчастью их экипаж подали раньше прочих, и она не нашла причин их задерживать.

— Ну, девочки, — сказала она, когда они, наконец, остались одни, — что скажете о вечере? Думаю, все прошло необычайно хорошо. Уверю вас, стол был накрыт как лучше и не бывает. Оленина была обжарена как надо, и все говорили, что еще не видели такого сочного окорока. А суп был во сто крат лучше чем тот, что мы неделю назад пробовали у Лукасов, и даже мистер Дарси признал, что куропатки были приготовлены замечательно, а ведь я полагаю, что у него есть по меньшей мере два или три французских повара. А ты, Джейн, голубушка, еще никогда не была такой красавицей. Миссис Лонг тоже так считает; она так и сказала, когда я ее спросила — разве ты не прелесть. И что ты думаешь, она при этом добавила? «Ах, миссис Беннет, наконец-то мы увидим ее в Незерфилде!» Так и сказала! Эта миссис Лонг такое прелестное создание! Я такой раньше не встречала. А ее племянницы такие воспитанные, хотя и не очень красивые. Я их безумно люблю!

Короче, миссис Беннет находилась в прекрасном расположении духа. Она увидела достаточно, как мистер Бингли вел себя по отношению к Джейн, чтобы быть вполне уверенной — она в конечном счете его заполучит, и поскольку ее настроение было столь радужным, а перспективы благоприятных семейных событий казались столь



близкими, она была всерьез разочарована, когда на следующее утро он снова не приехал к ним, чтобы сделать предложение.

— Какой это был приятный день! — сказала Джейн Элизабет. — Был удачный выбор гостей — все прекрасно друг с другом ладили. Надеюсь, мы будем часто встречаться.

Элизабет при этом улыбнулась.

— Лиззи, ну, зачем ты так? Ты не должна ни в чем меня подозревать. Это меня удручает. Уверяю тебя, что я нынче вполне умею получать удовольствие от беседы с ним как с приятным и разумным молодым человеком, не пытаюсь при этом питать каких-либо других чувств сверх того. И меня вполне устраивает его теперешнее поведение; я вижу, что у него нет ни малейшего желания искать моего внимания. Просто он одарен свыше удивительным очарованием и горячим желанием порадовать всех вокруг.

— Как ты жестока, — ответила ее сестра. — Ты не позволяешь мне улыбаться и вместе с тем постоянно заставляешь меня это делать.

— Как трудно порой бывает поверить в некоторые вещи!

— А в другие поверить совсем невозможно!

— Но почему ты хочешь меня убедить, что я чувствую больше, чем осознаю?

— Это вопрос, на который мне ответить нелегко. Мы все любим поучать, хотя можем научить лишь тому, чего лучше не знать. Прости меня, и если ты настаиваешь на своем безразличии, не делай из меня больше свою наперсницу.



ГЛАВА IV

Через несколько дней после своего визита мистер Бингли заехал снова, и на этот раз он был один. Его приятель уехал этим утром в Лондон, однако должен был вернуться через десять дней. Бингли пробыл в гостях более часа, и был в прекрасном настроении. Миссис Беннет пригласила его отобедать, но он, рассыпавшись благодарностями, был вынужден признать, что уже приглашен на обед в другое место.

— Надеюсь, когда вы навестите нас в следующий раз, — сказала миссис Беннет, — нам повезет больше.

Бингли ответил, что он будет предельно счастлив в любое время, и т.д. и т.п., и если ему будет позволено их сейчас покинуть, при первом удобном случае он наведается снова.

— Быть может, вы бы могли прийти завтра?

Да, завтра он не был никуда зван, и это приглашение было с готовностью принято.

Он заявился, и притом в такое удачное время, когда ни одна леди еще не закончила свой туалет. Миссис Беннет вбежала в комнату дочери в халате, наполовину причесанная, и воскликнула:

— Джейн, дорогая, поторопись и живо спускайся вниз. Он пришел! Мистер Бингли пришел! Да, да, именно он. Скорее! Скорее! Давай, Сара, сейчас же займись мисс Беннет и помоги ей с платьем. О причесе мисс Лиззи забудь.

— Мы спустимся, как можно скорее, — сказала Джейн. — Но кажется Китти опередила нас всех — она поднималась по лестнице с полчасу назад.

— Да бог с ней, с этой Китти! Она-то тут при чем? Давай, давай, поскорее! А где твой пояс, дорогая?

Однако когда мать вышла, Джейн предпочла не спускаться без одной из своих сестер.

Стремление оставить их друг с другом наедине миссис Беннет проявляла и вчера вечером. После чая мистер Беннет по обычаю удалился в библиотеку, а Мэри поднялась к себе музицировать. Таким образом, два препятствия из пяти были устранены, и миссис Беннет довольно долго сидела, глядя и подмигивая Элизабет и Кэтрин, однако должного от них так и не добилась. Элизабет на нее просто не смотрела, а Китти в конечном счете невинно спросила:

— В чем дело маменька? Почему вы все время подмигиваете? Что я должна сделать?

— Ничего, дитя мое, ничего. Ничего я не подмигивала.

Затем она минут пять просидела спокойно, однако будучи не в силах упустить такую чудесную возможность, внезапно вскочила, сказав Китти:

— Пойди сюда, дорогуша, я хочу поговорить с тобой.

Потом она увела ее из комнаты, но Джейн при этом бросила на Элизабет взгляд, который говорил ей, насколько ее раздражают эти уловки, и просивший сестру им не поддаваться.

— Лиззи, дорогая, мне надо с тобой поговорить, — заглянула в комнату миссис Беннет.

Элизабет была вынуждена выйти.

— Знаешь, мы можем спокойно оставить их вдвоем, — сказала ее мать, как только они оказались в коридоре. — Мы с Китти поднимемся ко мне в гардеробную комнату.

Элизабет не стала препираться с матерью; она немного тихонько постояла в холле, а когда мать с Китти пропали из вида, вернулась в гостиную.

Однако тогда расчеты миссис Беннет оказались безрезультатными. С Бингли все было замечательно, кроме того, что он еще не был женихом Джейн. Его непринужденность и веселый нрав привнесли приятное разнообразие в их вечерние посиделки. Он без всякого осуждения переносил все разглагольствования миссис Беннет и ее глупые замечания, чем вызывал особую благодарность ее дочери. Едва ли его надо было специально уговаривать остаться отужинать. И, прежде чем он уехал, возникла договоренность, главным образом между ним и миссис Беннет, что на следующее утро он приедет, чтобы поохотиться с ее мужем.

После этого дня Джейн уже больше не говорила, что относится к Бингли спокойно. В разговорах сестер его имя не упоминалось, но Элизабет отправилась спать со счастливой уверенностью, что все вскоре быстро закончится, если только мистер Дар-

си не вернется раньше обещанного. Однако, честно говоря, она была почти уверена, что все это происходит не без согласия этого джентльмена.

Бингли был пунктуален, он явился в назначенное время и, как и было оговорено, провел утро с мистером Беннетом. Тому он показался гораздо более приятным партнером, чем ожидалось. Бингли был неглуп и без особых претензий, в нем не было ничего такого, что могло бы спровоцировать у мистера Беннета насмешки или заставить его погрузиться в мрачное молчание, поэтому он был более общителен и не столь чужд, как обычно. Мистер Беннет с мистером Бингли разумеется вернулись к обеду, а вечером миссис Беннет снова пустила в ход всю свою изобретательность, чтобы не дать никому помешать ему пообщаться с Джейн наедине. Элизабет было нужно написать письмо, и сразу после чая она пошла для этого в комнату для завтрака. Остальные собирались засесть за карты, и она не считала нужным в такой ситуации противодействовать планам своей мамы. Однако когда письмо было написано, и она вернулась в гостиную, она к своему большому удивлению обнаружила, что у нее были основания опасаться ее изобретательности. Открыв дверь, она увидела, что ее сестра и мистер Бингли стоят возле камина и, как ей показалось, серьезно что-то обсуждают. И хотя само по себе это не вызывало подозрений, по выражению их лиц, когда они торопливо отвернулись и отошли друг от друга, можно было понять все. Ситуация было достаточно неловкой, однако ее собственное положение, как ей показалось, было еще хуже. Никто не обмолвился ни словом, и Элизабет уже собиралась ретироваться, когда Бингли, до того вместе со всеми присевший на диван, вдруг вскочил и, прошептав несколько слов ее сестре, быстро вышел из комнаты.

Джейн не могла ничего скрывать от Элизабет и была готова откровенно поделиться своей радостью. Она немедленно бросилась к ней в объятия и весьма эмоционально сообщила, что является самым счастливым существом на земле.

— Это уж слишком! — добавила она. — Слишком много для меня. Я этого просто не заслуживаю. Если бы каждый мог быть таким счастливым!

Искренние поздравления Элизабет были принесены с таким жаром и восторгом, что и не передать словами. Каждое ее пожелание счастья и добра было для Джейн новым источником блаженства. Однако та в данную минуту не могла долго оставаться с Элизабет, чтобы высказать и половину того, что ей хотелось рассказать.

— Я должна сейчас же подняться к своей маме, — воскликнула она. — Я ни в коем случае не хочу пренебрегать ее нежной заботой и позволить ей услышать эту новость от кого-то другого. Он уже пошел к отцу. Ах, Лиззи, только представь, сколько радости мои слова доставят всем нашим домашним! Как мне вынести такое счастье?!

И она поспешила к своей матери, которая перед этим специально оставила карты и сидела наверху с Китти.

Оставшись одна, Элизабет улыбнулась, подумав о том, как быстро и легко в конечном счете уладилось это дело, столь волновавшее и мучившее их в течение долгих месяцев.

«Вот чем закончилась, — подумала она, — все мудрая осмотрительность его друга, а также опасения и уловки его сестер. Самый счастливый, самый мудрый и самый естественный конец!»

Через несколько минут к ней вернулся Бингли, чья беседа с их отцом была краткой и вполне успешной.

— А где ваша сестра? — быстро спросил он, открыв дверь.



...она увидела, что ее сестра и мистер Бингли стоят возле камина...

— Наверху вместе с мамой. Думаю, она сейчас спустится.

Прикрыв дверь, и подойдя к ней ближе, он попросил пожелать им счастья, и заявил, что надеется на ее сестринскую привязанность. Элизабет искренне и от всего сердца выразила ему свою радость, что они станут родственниками. Они с большой теплотой пожали друг другу руки, а затем, вплоть до прихода Джейн, она должна была выслушивать все, что он мог сказать о своем собственном счастье и о достоинствах ее сестры. И хотя он был безусловно влюблен, Элизабет действительно верила, что его надежды на счастливую жизнь вполне обоснованы, и что их ждет счастливая жизнь, поскольку Джейн вполне рассудительна, у нее прекрасный характер, и к тому же у них сходные вкусы и предпочтения.

Этот вечер без сомнения доставил всем огромное удовольствие. На лице Джейн читалось выражение удовлетворенности и спокойствия, и она была как никогда красива. Китти глуповато хихикала и улыбалась, надеясь, что скоро придет и ее очередь. Миссис Беннет, дав согласие на этот брак, не могла и выразить словами, как она довольна, хотя до этого говорила об этом с Бингли добрых полчаса. Когда же к ним за ужином присоединился мистер Беннет, по его голосу и всему виду было явно заметно, насколько он счастлив. Однако с его губ не слетело ни слова по этому поводу пока их гость с наступлением ночи не откланялся. А когда он уехал, мистер Беннет, повернувшись к своей дочери и сказал:

— Джейн, поздравляю тебя. Ты будешь очень счастливой.

После этих слов Джейн подошла к нему, поцеловала и поблагодарила за доброту.

— Ты славная девочка, — ответил он, — и мне очень приятно думать, что с тобой все так счастливо вышло. Я не сомневаюсь, что вы прекрасно поладите. Без сомнения, у вас много общего. Вы оба так уступчивы, что не будет перечить друг другу; вы так простодушны, что вас надует любая прислуга, и вы настолько щедры, что всегда будете тратить больше, чем у вас есть.

— Надеюсь, этого не случится. Неосторожность или легкомысленность в денежных вопросах была бы для меня непростительна.

— Чем у них есть?! Дорогой мистер Беннет, о чем вы говорите? — воскликнула его супруга. — Он же получает четыре или пять тысяч в год, а возможно и больше! — И затем, обратившись к дочери, добавила: — О, моя дорогая, Джейн, любимая! Я так рада! Уверена, я сегодня ночью и глаз не сомкну от счастья! Я знала, что так в конечном счете и будет; что твоя красота не пропадет даром. Я помню, когда год назад я вас впервые увидела вместе в Хартфордшире, я сразу подумала — как славно, если они будут вместе! О, это самый очаровательный молодой человек на свете.

Уикхем и Лидия были позабыты. Теперь Джейн, без сомнения, стала ее любимой дочерью. В эти минуты до остальных ей не было дела. Между тем младшие сестры Джейн уже начали рассматривать ее как источник радостей, к которому можно будет припасть в самом ближайшем будущем. Мэри просила дать ей возможность попользоваться библиотекой в Незерфилде, а Китти нижайше умоляла давать зимой хотя бы несколько балов.

Разумеется с этого времени Бингли сделался в Лонгборне ежедневным гостем. Он часто появлялся еще перед завтраком и всегда оставался до ужина, за исключением тех случаев, когда какой-нибудь варварский сосед, на которого зла не хватало, не присылал ему приглашение на ужин, которое Бингли считал себя обязанным непременно принять.

Элизабет теперь нечасто разговаривала с Джейн, поскольку пока Бингли был здесь, ее сестра не могла уделять внимание кому-либо другому. Однако в часы их раз-



Произошедшие в лонгборнском семействе события не могли долго храниться в секрете. Миссис Беннет по секрету шепнула о нем миссис Филипс, а та уже без всяких околичностей рассказала об этом всем своим соседям в Меритоне.

луки, которые порой все-таки случались, Элизабет с пользой общалась с каждым из них по-отдельности. При отсутствии Джейн Бингли всегда пользовался случаем пообщаться с Элизабет и доставить себе удовольствие, говоря о своей избраннице, а когда уходил Бингли, Джейн также стремилась себя утешить подобным образом.

— Я была счастлива услышать от него, — сказала она однажды вечером, — что он был совершенно не в курсе того, что я жила в Лондоне прошлой весной. А я ведь в это не верила.

— Я так и подозревала, — ответила Элизабет. — Но как он это объясняет?

— Должно быть, это дела его сестер. Они относились к его знакомству со мной отнюдь не одобрительно, и меня это не удивляет, ведь он мог сделать выбор, гораздо лучший во всех отношениях. Однако я уверена — как только они увидят, а я верю, что это обязательно случится, как их брат счастлив со мной, они научатся довольствоваться малым, и мы опять станем друзьями, хотя, конечно, не теми, что были когда-то.

— Это самая беспощадная обвинительная речь, — сказала Элизабет, — которую я когда-либо от тебя слышала. Славная девочка! Мне было бы неприятно увидеть, что ты снова станешь вызывать у мисс Бингли лишь притворное уважение.

— Можешь ли поверить, Лиззи, оказывается когда он в прошлом ноябре уехал в Лондон, он уже был в меня влюблен, и лишь уверенность в моем равнодушии помешала ему вернуться.

— Да, он и в самом деле допустил небольшую ошибку, однако она лишь говорит о его скромности.

Это, естественно, вызвало со стороны Джейн целую речь в защиту его скромности и тому малому значению, которое он приписывал своим достоинствам.

Элизабет была рада понять, что он не рассказал о вмешательстве своего друга, ведь несмотря на то, что Джейн обладала самым великодушным сердцем во всем мире, эта история все же могла породить предубеждение в ее душе по отношению к Дарси.

— Без сомнения, я самое счастливое создание на земле! — восклицала Джейн. — О, Лиззи, почему на мне одной во всей нашей семье лежит печать благословения? Если бы я только могла увидеть тебя счастливой! Как бы мне хотелось, чтобы ты ощущала то же самое! Если бы и для тебя нашелся другой такой же славный человек!

— Даже если бы ты мне предложила дюжину таких мужчин, я все равно не буду такой же счастливой. Пока я не обрету твой нрав и твою доброту, не видать мне и твоего счастья. Нет, нет, позволь мне двигаться по жизни самостоятельно, и, быть может, со временем, если мне повезет, я еще встречу второго мистера Коллинза.

Произошедшие в лонгборнском семействе события не могли долго храниться в секрете. Миссис Беннет по секрету шепнула о нем миссис Филипс, а та уже без всяких околичностей рассказала об этом всем своим соседям в Меритоне.

Беннетов сразу сочли самым счастливым семейством на свете, хотя всего лишь несколько недель назад, когда сбежала Лидия, большинство считало их несчастнейшими людьми.



ГЛАВА LVI

Однажды утром, примерно неделю спустя после обручения мистера Бингли и Джейн, когда они вместе с дамами семейства Беннет сидели в комнате для завтрака, их внимание привлекли звуки подъехавшего экипажа, а затем через окно они увидели проехавшую через лужайку карету, запряженную четверкой лошадей. Для гостей было еще слишком рано, к тому же, судя по виду экипажа, он не принадлежал ни одному из их соседей. Лошади были почтовым, и ни карета, ни ливреи сопровождавшей прислуги никому ничего не говорили. Однако было ясно, что кто-то все-таки приехал. Бингли сразу уговорил Джейн пойти на прогулку, чтобы не лишать себя свободы в связи с этим внезапным вторжением гостей. Они направились к ближайшей роще, а все оставшиеся тщетно гадали, кто же к ним пожаловал, пока дверь не открылась и в комнату не вошла леди Кэтрин де Бург.

Все, конечно, были готовы к какому-то сюрпризу, однако их изумление превзошло все ожидания, и хотя миссис Беннет и Китти были с ней знакомы, они удивились чуть меньше, чем зная ее Элизабет.

Леди Кэтрин вошла в комнату с более, чем обычно, нелюбезным видом, она удостоила приветствие Элизабет лишь легким кивком головы и уселась в кресло, не говоря ни слова. Элизабет озвучила матери имя ее светлости, хотя та представлять ее вовсе не просила.

Миссис Беннет, стараясь быть максимально любезной, была крайне удивлена и польщена принимать у себя такую высокородную гостью. Просидев некоторое время в тишине, леди Кэтрин сухо спросила Элизабет:

— Надеюсь, с вами все в порядке мисс Беннет? А эта дама, полагаю, ваша мать?

Элизабет кратко ответила, что так оно и есть.

— А это, думаю, одна из ваших сестер?

— Да, миледи, — ответила миссис Беннет, радуясь возможности побеседовать с леди Кэтрин. — Это моя предпоследняя дочь. Младшая недавно вышла замуж, а старшая гуляет где-то с молодым человеком, который, я надеюсь, скоро станет членом нашей семьи.

— У вас очень маленький парк, — сказала леди Кэтрин после короткой паузы.

— Конечно, его не сравнить с парком в Розингсе, однако, осмелюсь заметить — уверяю вас, он гораздо больше, чем у сэра Уильяма Лукаса.

— Эта гостиная весьма неудачно расположена, в ней не с руки проводить летние вечера — ее окна выходят на запад.

Миссис Беннет уверила ее, что после обеда в ней обычно не сидят, а затем спросила:

— Могу я позволить себе узнать у вашей светлости, как поживают мистер и миссис Коллинз?

— Очень хорошо. Я видела их позавчера вечером.

Элизабет полагала, что теперь речь пойдет о письме от Шарлотты, поскольку оно могло быть единственной причиной визита леди Кэтрин. О письме, однако, не было сказано ни слова, и Элизабет чувствовала себя сбитой с толку.

Миссис Беннет весьма учтиво предложила ее светлости немного подкрепиться, но та весьма решительно и не слишком вежливо отказалась. Затем она встала и сказала Элизабет:

— Мисс Беннет, кажется на одной стороне за вашей лужайкой весьма живописные заросли. Я бы хотела там прогуляться, если вы составите мне компанию.

— Пойди, дорогуша, — воскликнула ее мать, — и покажи там ее светлости все дорожки. Надеюсь, ей понравится этот уединенный уголок.

Элизабет подчинилась, и, сбежав к себе в комнату за зонтиком, проводила свою знатную гостью вниз по лестнице. Проходя через холл, леди Кэтрин открыла двери в столовую и гостиную и, после краткого осмотра, сочла их вполне приличными, затем она проследовала дальше.

Карета по-прежнему стояла у дверей, и внутри нее Элизабет заметила камеристку ее светлости. В полном молчании они проследовали по дорожке из гравия, которая вела к зарослям. Элизабет твердо решила не заводить беседу с гостьей, которая казалась теперь более, чем обычно, бесцеремонной и высокомерной.

«Как я могла находить в ней сходство с ее племянником?» — думала она, изредка бросая на нее взгляды.

Как только они подошли к зарослям, леди Кэтрин сказала следующее.

— Вы можете легко понять причину моего приезда сюда; о ней должны вам говорить ваше сердце и ваша совесть.

Элизабет взглянула на нее с нескрываемым изумлением.

— На самом деле вы ошибаетесь, миледи. Мне совершенно непонятно, почему я удостоилась чести видеть вас здесь.

— Мисс Беннет, — ответила леди Кэтрин весьма сурово, — вам следовало бы знать, что со мной не следует шутить. Если вы вздумали быть неискренней, то я буду говорить прямо. Мой характер всегда славился искренностью и откровенностью, а в таком деле, как это, я этим качествам и подавно не изменю. Два дня назад до меня дошло известие, весьма меня встревожившее. Мне сказали, что не только ваша сестра готовится весьма удачно выйти замуж, но и вы, мисс Элизабет Беннет, по всей вероят-



ности, собираетесь вскоре связать себя узами брака с моим племянником, моим собственным племянником, мистером Дарси! Хотя, конечно, я понимаю, насколько это беспардонная ложь, и хотя я не собираюсь унижать своего племянника предположением, что такое возможно, я решила немедленно отправиться сюда, чтобы мои чувства по этому поводу стали вам известны.

— Если вы верите, что такое предположение невероятно, — сказала Элизабет, покраснев от удивления и такого неуважительного к себе отношения, — хотелось

бы знать, зачем вы взяли на себя труд ехать в такую даль. Какой, ваша светлость, в этом смысл?

— Я хочу, чтобы вы немедленно заявили, что все это совершенно не соответствует действительности.

— Ваш приезд в Лонгборн, а также встреча со мной и моей семьей, — холодно ответила Элизабет, — скорее будет подтверждать такие слухи, если они действительно циркулируют.

— Если! То есть вы хотите сказать, что о них вам ничего не известно? Разве это не вы сами их повсеместно распространяете? И при этом не знаете, что они повсеместно гуляют?

— Я ни о чем подобном не слышала.

— И вы можете таким образом утверждать, что для них нет никаких оснований?

— У меня нет претензий на равную с вашей светлостью откровенность, и вы можете ставить вопросы, на которые я, тем не менее, не склонна отвечать.

— Нет, это просто невыносимо! Мисс Беннет, я настаиваю, чтобы вы мне ответили. Делал ли вам мой племянник предложение?

— Ваша светлость заявила, что это невозможно.

— Именно, это совершенно невозможно, этого не могло произойти если только он в своем уме, однако благодаря вашим уловкам и соблазнами он мог под влиянием момента забыть о своих обязанностях перед собой и своей семьей. Вы могли его завлечь.

— Если бы это было так, вряд ли бы вы заставили меня в этом признаться.

— Мисс Беннет, вы понимаете, кто перед вами? Я не привыкла, чтобы со мной говорили в таком тоне! Я почти самая ближайшая его родственница, и я имею право знать о всех его сердечных делах.

— Однако, у вас нет права влезать в мои, а поведение вроде вашего отнюдь не способствует откровенности.

— Мне бы хотелось быть правильно понятой. Подобный брак, о котором вы самонадеянно мечтаете, никогда не случится. Никогда! Ведь мистер Дарси обручен с моей дочерью. И что вы теперь на это скажете?

— Только одно. Если он действительно обручен, у вас не было никаких оснований предполагать, что он сделает мне предложение.

Леди Кэтрин секунду колебалась, а потом сказала:

— Помолвка между ними в некотором образе необычна. Они предназначались друг для друга с самого раннего детства. Это было горячим желанием его матери, впрочем, и ее матери тоже. Мы планировали их союз, когда они еще лежали в колыбелях, а теперь, на пути осуществления желаний родственников с обеих сторон, которые должны были завершиться их браком, встает молодая женщина низкого происхождения, без положения в свете и никак не связанная с нашей семьей! Вам совершенно безразличны желания его родных? Его негласное обязательство перед мисс де Бург? Неужели вы лишены всяческой порядочности и деликатности? Разве вы не слышали, как я говорила, что он буквально сразу после рождения был предназначен своей кузине?

— Да, я слышала об этом раньше. Но мне-то что до этого? Если бы моему браку с вашим племянником мешало только сознание, что его мать и тетка хотели его женить на мисс де Бург, это не смогло бы меня остановить. Вы сделали все от вас зависящее, планируя его женитьбу, однако осуществление этого плана от вас не зависит. Если ми-

стер Дарси не имеет склонности к своей кузине, и он не давал ей своего слова, почему он не имеет права выбрать другую? И если бы он выбрал меня, почему я не могу принять его предложение?

— Потому что это против чести, приличий, благоразумия и, наконец, против ваших собственных интересов! Да, да, мисс Беннет, против ваших интересов. Не ждите, что вас будут привечать его родственники и друзья, если вы преднамеренно будете действовать вразрез с их интересами. Вас будет осуждать, отвергать и презирать каждый близко связанный с ним человек. Ваш союз с ним станет позорным. Никто из нас даже не станет упоминать ваше имя.

— Это беда действительно большая, — ответила Элизабет. — Однако у супруги мистера Дарси должны быть столь необыкновенные источники счастья, связанные с ее положением, что у нее, в конечном счете, не будет причин жаловаться на свою судьбу.

— Упрямая, тупоголовая девчонка! Мне стыдно за вас. И это ваша благодарность за мое к вам внимание прошлой весной? По-вашему, это для вас ничего не значит? Давайте присядем. Вы должны понять, мисс Беннет, я приехала сюда с решительным намерением выполнить свою задачу, и никто не сможет меня от этого отговорить! Мне еще не доводилось подчиняться чужим прихотям. И не в моих привычках проигрывать.

— Это заставляет пожалеть о положении вашей светлости в данный момент, однако на меня это никак не повлияет.

— Не смейте меня прерывать! Вы должны молча слушать, что я вам говорю. Моя дочь и мой племянник созданы друг для друга. По материнской линии оба являются потомками одного знатного рода, а по отцам они принадлежат к уважаемым, благородным и древним, хоть и не титулованным, семействам. Их финансовое положение прекрасно. Каждый представитель и того и другого семейства считает, что они созданы друг для друга, и что же может их разделить? Претензии молодой женщины, выскочки без средств, связей и без будущности. Как это можно стерпеть? Этому не быть, и этого не будет. Если бы вы понимали, что для вас хорошо, а что плохо, вы бы сами не захотели покинуть тот круг, в котором были воспитаны.

— Однако, вступая в брак с вашим племянником, я, как мне кажется, вовсе не покидаю этот круг. Он дворянин, а я дочь дворянина, следовательно, мы в равном положении.

— Это верно, вы дочь дворянина. Однако, кто ваша мать? Кто ваши дяди и тетки? Не воображайте себе, что я не знаю, кто они такие.

— Кем бы ни являлись мои родные, — ответила Элизабет, — если вашего племянника они не волнуют, это не должно беспокоить и вас.

— Скажите мне раз и навсегда — вы с ним помолвлены?

Хотя Элизабет не хотелось отвечать на этот вопрос, чтобы не потакать леди Кэтрин, после небольшого раздумья она ответила максимально кратко:

— Нет.

Казалось, леди Кэтрин это удовлетворило.

— И вы обещаете мне никогда с ним не обручаться?

— Нет, такого обещания я вам дать не могу.

— Мисс Беннет, я потрясена и крайне удивлена! Я считала вас более благоразумной. Однако, не обманывайте себя надеждой, что я отступлюсь. Я не уеду, пока вы не дадите мне заверений, которые я от вас требую.

— Конечно, я их вам определенно не дам. Меня невозможно запугать, подтолкнув на подобную глупость. Вы, ваша светлость, хотите, чтобы мистер Дарси женился на вашей дочери? Но если я бы и дала такое обещание, разве это сделает брак между ними более вероятным? Если предположить, что он питает ко мне чувства, могла бы я, отвергнув его руку, заставить мистера Дарси оказать такую честь его кузине? Позвольте заметить, леди Кэтрин, что доводы, с помощью которых вы аргументируете ваши из ряда вон выходящие требования, настолько же легковесны, как и необоснованность ваших заявлений. Вы сильно заблуждаетесь в оценке моего характера, если считаете, что меня могут убедить подобные аргументы. Насколько ваш племянник может одобрить ваше вмешательство в его дела, сказать не берусь, однако у вас, безусловно, нет никаких прав вмешиваться в мои. Потому я должна вас попросить, чтобы вы больше не беспокоили меня по этому поводу.

— Не торопитесь так, пожалуйста. Я во всяком случае еще не закончила. Ко всем изложенным обстоятельствам я должна добавить еще кое-что. Мне знакомы подробности печально известного побега вашей младшей сестры. Я знаю все: что женитьба молодого человека была самым скандальным образом устроена задним числом на деньги вашего отца и дяди. И такая особа станет сестрой моего племянника? А ее муж, который является сыном управляющего его покойного отца, станет его братом? Небо и земля! О чем вы думаете? Неужели на благородные тени Пемберли ляжет вся эта грязь?!

— Вы можете не продолжать, — возмущенно ответила Элизабет. — Вы оскорбили меня всеми возможными способами. Прошу вас, я должна вернуться в дом.

Сказав это, она встала. Леди Кэтрин тоже поднялась, и они пошли обратно. Ее светлость была крайне возмущена.

— Так значит, вам и дела нет до чести и достоинства моего племянника? Эгоистичное, бесчувственное создание! Разве вы не понимаете, что эта связь с вами должна будет опозорить его в глазах всего света?

— Леди Кэтрин, мне больше нечего сказать. Мое мнение вам известно.

— То есть вы решили его заполнить?

— Я подобного не говорила. Я лишь решила действовать таким образом, чтобы добиваться собственного счастья без оглядки на вас или на какого-либо другого, столь же не связанного со мной человека.

— Ну, ладно. Значит вы отказываетесь мне подчиниться. Вы отказываетесь подчиняться требованиям долга, чести и благодарности, и вы полны решимости уничтожить его репутацию в глазах друзей и вызвать презрение всего света.

— Ни долг, ни честь, ни благодарность, — ответила Элизабет, — в данный момент ни к чему меня не призывают. Мой брак с мистером Дарси их бы не нарушил. А что до возмущения его родственников и презрения света, то если они будут обеспокоены этим обстоятельством, я совершенно по этому поводу волноваться не стану, а у света хватит, надеюсь, здравого смысла, чтобы к этому презрению не присоединяться.

— Так вот, значит, как вы думаете! Таково ваше последнее решение? Прекрасно. Теперь я знаю, как действовать. Однако не воображайте же, мисс Беннет, что ваши амбиции будут удовлетворены. Я прибыла сюда, чтобы испытать вас, и я надеялась, что вы более благоразумны, но теперь я возьму дело в свои руки.

И леди Кэтрин продолжала возмущаться подобным образом, пока они не оказались у двери ее кареты, а затем, быстро повернувшись, она сказала:



Однако не воображайте же, мисс Беннет, что ваши амбиции будут удовлетворены.

— Я не приму ваших прощальных пожеланий, мисс Беннет, и не передавайте привет вашей матери. Вы не заслуживаете таких знаков внимания. Я весьма вами разочарована.

Элизабет ничего не ответила и, не пытаясь убедить ее светлость зайти в дом, спокойно вернулась к себе. Поднимаясь по лестнице, она услышала, как отъехала карета. У двери гардеробной ее с нетерпением повстречала миссис Беннет, которая поинтересовалась, почему это леди Кэтрин не заглянула к ним, чтобы передохнуть.

— Она решила этого не делать и сразу уехала, — ответила ее дочь.

— Она такая приятная женщина, и ее визит к нам — это необыкновенная любезность! Ведь она заехала сюда лишь затем, чтобы сообщить, что Коллинзы живы и здоровы. Осмелюсь предположить, что она куда-то ехала через Меритон и подумала, что ей следует тебя повидать. Надеюсь, Лиззи, она тебе ничего такого не сказала?

И Элизабет была вынуждена пуститься здесь на небольшой обман, поскольку рассказать ей о содержании их беседы было совершенно невозможно.



ГЛАВА LVII

Душевное волнение, которое возникло у Элизабет благодаря этому необычному визиту, улеглось не сразу; в течение нескольких часов она не могла заставить себя думать о чем-то ином. Получалось, что леди Кэтрин взяла на себя труд выбраться из Розингса только для того, чтобы добиться единственной цели — разорвать ее предполагаемую помолвку с мистером Дарси! Без сомнения, это было вполне разумное объяснение, однако Элизабет не могла взять в толк, откуда вообще возник слух об их помолвке, пока не сообразила, что Дарси был близким другом Бингли, а она — сестрой Джейн, и ожидание скорой свадьбы последних могло подпитывать слухи о том, что за ней может последовать и второе бракосочетание. Она ведь и сама частенько размышляла, что брак ее сестры сделает ее встречи с Дарси более частыми. А ее соседи из Лукас Лоджа (из переписки которых с Коллинзами эти предположения и могли достигнуть слуха леди Кэтрин) могли счесть решенным и незамедлительным то, что для нее казалось возможным лишь в далеком будущем.

Вспоминая и перебирая фразы леди Кэтрин, она, конечно, не могла не чувствовать некоторого беспокойства по поводу возможных последствий ее настойчивого вмешательства. Судя по тому, что она говорила о своем намерении помешать этому браку, Элизабет решила, что леди Кэтрин собирается настойчиво воздействовать на своего племянника, а как тот мог отреагировать на перечисление всех связанных с ней зол, Элизабет не могла себе и представить. Она не знала степень его привязанности к своей тетке и не могла оценить его зависимость от ее суждений. Было вполне естественно допустить, что он о ее светлости гораздо лучшего мнения, чем она могла предположить, и было также очевидно, что перечисляя все печальные последствия женитьбы на девушке столь неравного с ним положения, его тетка будет воздействовать на его са-

мое уязвимое место. Ведь благодаря своим представлениям о семейной гордости, аргументы, которые Элизабет казались весьма слабыми и даже смешными, могли казаться ему вполне здоровыми и вескими.

Если он раньше и колебался, а ей частенько представлялось, что так оно и было, то мольбы и настоятельные советы столь близкой родственницы могли бы разрешить все его сомнения и укрепить в мысли, что он может быть настолько счастливым, насколько ему лишь позволяет безупречное достоинство его семьи. В этом случае он больше сюда уже не вернется. Леди Кэтрин могла бы пересечься с ним, проезжая через Лондон, и тогда на его обещание Бингли снова приехать в Незерфилд рассчитывать уже не придется.

«Таким образом, — решила про себя Элизабет, — в ближайшее время он извинится перед своим другом и скажет, что не сможет сдержать свое слово, я буду знать, как это понимать, и тогда я позабуду все надежды и желания на его постоянство. Если он удовлетворится лишь сожалением о нашей разлуке в тот момент, когда я уже была готова согласиться принять его предложение руки и сердца, я вскоре перестану вообще сожалеть о знакомстве с этим человеком».

Удивление прочих членов семьи, когда они узнали, кто их посетил, было крайне велико, однако их любопытство было удовлетворено тем же объяснением, которое успокоило миссис Беннет; таким образом это избавило Элизабет от неприятных распросов на эту тему.

На следующее утро, когда она спускалась по лестнице, ей встретился ее отец, который вышел из библиотеки, держа в руке письмо.

— Лиззи, — сказал он, — я как раз тебя и искал. Зайди, пожалуйста, в мой кабинет.

Элизабет последовала за ним туда, и ее стремление узнать, что он хотел ей сказать, усиливалось предположением, что это каким-то образом связано с письмом, которое он держал. Внезапно ей пришло в голову, что оно могло быть от леди Кэтрин, и она с тревогой представила себе следующее объяснение.

Она прошла вслед за отцом к камину, и они присели.

— Я получил утром это письмо, — сказал мистер Беннет, — и оно меня чрезвычайно удивило. Поскольку оно в первую очередь касается тебя, тебе следует ознакомиться с его содержанием. А я и не знал, что оказывается две мои дочери находятся на пороге замужества. Позволь мне поздравить тебя с этой значимой победой.

Элизабет внезапно пришло в голову, что это письмо не от леди Кэтрин, а от ее племянника; щеки ее запылали румянцем, и она не знала — радоваться ли ей, что он в конечном счете решил объясниться, или досадовать, что письмо адресовано не ей. Между тем ее отец сказал следующее:

— Ты весьма сообразительна, а девушки проницательны в таких делах, однако, думаю, что могу бросить вызов твоей прозорливости — ты не узнаешь, кто твой воздыхатель. Это письмо от мистера Коллинза.

— От Коллинза? И что же он мог написать?

— По случаю наговорил много. Он начинает с поздравлений в связи с грядущей свадьбой моей старшей дочери, о которой ему наверняка наболтал кто-нибудь из добродушных сплетников Лукасов. Я не стану изнурять твое нетерпение, зачитывая, что он пишет по этому поводу. К тебе относятся лишь следующие строчки:

«...После того, как я таким образом передал Вам мои, а также миссис Коллинз искренние поздравления в связи с этим счастливым событием, позвольте мне теперь

осторожно коснуться другой темы, о которой нам поведал тот же источник. Предполагается, что после того, как ваша старшая дочь сменит свою фамилию, ее сестра Элизабет тоже недолго останется Беннет, и что ее избранник может вполне обоснованно считаться одним из самых знаменитых людей в нашей округе».

— Попробуй догадаться, Лиззи, о ком идет речь.

«Этот молодой джентльмен особым образом одарен всем, чего только может пожелать сердце смертного человека: прекрасным состоянием, знатной родословной и многими землями. Однако, несмотря на все эти его достоинства, позвольте мне предостеречь мою кузину Элизабет и Вас, какие беды вы можете на себя навлечь, поспешно приняв его предложение, очевидные выгоды которого будут склонять вас немедленно им воспользоваться».

— Ну, что Лиззи, есть идеи, что это за джентльмен? Сейчас это станет ясно...

«Мои соображения, когда я таким образом Вас предостерегаю, состоят в следующем: у нас есть все основания полагать, что его тетя, леди Кэтрин де Бург, считает этот брак крайне нежелательным».

— Ты видишь, вот кто это — мистер Дарси! Что же, Лиззи, думаю, я тебя удивил. Мог ли Коллинз или сами Лукасы указать среди наших знакомых на какого-нибудь другого человека, чье имя менее явно разоблачало бы то, что они тут напели? Мистер Дарси! Да он смотрит на женщин только для того, чтобы подмечать их недостатки, а на тебя, наверное, вообще ни разу в своей жизни не глянул! Замечательно!

Элизабет попыталась разделить с отцом его веселье, но смогла изобразить на своем лице лишь вымученную улыбку. Никогда еще его летящее в цель остроумие не радовало ее столь мало.

— Ну, скажи, разве это не забавно?

— Конечно, но умоляю, читайте дальше.

«Когда вчера вечером я намекнул ее светлости о вероятности этого брака, она немедленно со свойственной ей снисходительностью весьма прямо высказала мне все, что она думает по этому поводу, и мне тогда стало совершенно ясно, что по причине некоторых семейных неурядиц моей кузины, она ни за что бы не дала согласие на такой брак, который она назвала позорным. После этого я счел своим долгом как можно быстрее дать знать об этом моей кузине, дабы она и ее благородный поклонник были в курсе, что их ждет, и не торопились поспешно сочетаться браком, который должным образом не одобрен».

Ко этому мистер Коллинз добавляет следующее:

«Я искренне рад, что грустная история моей кузины Лидии была так удачно замята, и беспокоюсь лишь о том, что их совместная жизнь до брака стала так широко известна. Однако я не должен пренебрегать обязанностями моего сана и воздержаться от выражения своего удивления, которое у меня возникло после того, как я узнал, что вы приняли эту молодую пару у себя в доме сразу после их бракосочетания. Это откровенное поощрение порока, и если бы я был настоятелем в Лонгборне, я бы самым решительным образом против этого протестовал. Разумеется, как христианин Вы должны были их простить, однако они никогда не должны были показываться Вам на глаза, и Вы не должны были позволять их именам тревожить Ваш слух».

— Вот каковы его представления о христианском всепрощении! В оставшейся части письма он пишет о делах его дорогой Шарлотты и ожидаемому появлению

юной оливковой ветви на его родословном древе. Но, Лиззи, у тебя такой вид, словно все это тебя не развеселило. Надеюсь, ты же не будешь жеманничать и обижаться по поводу разной дурацкой болтовни? Ведь разве мы не живем лишь для того, чтобы давать поводы посмеяться над нами нашим соседям и, в свою очередь, смеяться над ними?

— Да нет, — ответила Элизабет, — это письмо меня весьма развлекло, но все это так странно!

— Разумеется, но это и делает все это таким забавным. Если бы они выбрали кого-нибудь другого, вся прелесть бы пропала, однако его полное к тебе равнодушие и твоя резкая к нему неприязнь делают это восхитительным абсурдом! Несмотря на то, что я терпеть не могу писать письма, я не стану прерывать переписку с Коллинзом ни при каких обстоятельствах! Когда я читаю подобные его послания, я не могу удержаться и отдаю ему предпочтение даже перед Уикхемом, как бы я ни ценил наглость и лицемерие моего зятя. Да, Лиззи, а что говорила леди Кэтрин по поводу этих слухов? Она ведь приезжала, чтобы отказать тебе в своем благословении?

На этот вопрос Элизабет только рассмеялась. И поскольку он был задан без всякого заднего умысла, ее не смутили дальнейшие расспросы отца. Еще никогда Элизабет не находилась в таком замешательстве, стараясь демонстрировать чувства, которых она не испытывала. Ей следовало смеяться, когда в то же самое время ей хотелось расплакаться. Особенно сильно отец задел ее, когда сказал о безразличии мистера Дарси, и ей оставалось только удивляться такому отсутствию проницательности с его стороны или, быть может, опасаться, что не он видит слишком мало, а это она слишком много себе нафантазировала.



ГЛАВА LVIII

Элизабет ожидала получить от мистера Бингли письма с извинениями своего друга, однако вместо этого вскоре после визита леди Кэтрин он смог лично привезти мистера Дарси в Лонгборн. Джентльмены приехали рано, и, прежде чем миссис Беннет успела рассказать мистеру Дарси о визите его тети (чего ее дочь с ужасом ожидала), стремившийся побыть наедине с Джейн Бингли предложил всем прогуляться, и это предложение было принято. Прогулки не входили в привычки миссис Беннет, а Мэри не хотела тратить на них свое время; оставшиеся пятеро вышли из дома вместе, хотя Бингли с Джейн вскоре охотно позволили остальным себя обогнать. Они отстали, и Элизабет, Китти и Дарси остались заняты компанией друг друга. Беседовали очень немного; Китти буквально проглотила язык, опасаясь говорить с Дарси, а Элизабет втайне набиралась решимости перед неким отчаянным шагом; возможно, он был занят тем же самым.

Они шли по дорожке к Лукасам, потому что Китти собиралась повидать Марию, и поскольку Элизабет не видела причин волноваться в связи с тем, что Китти их покидает, она смело осталась с Дарси наедине. Наступал решительный момент, и поскольку она уже успела набраться мужества, то сразу заявила:

— Мистер Дарси, я ужасно эгоистичное создание, ведь для собственного облегчения я готова валить с больной головы на здоровую, и при этом меня не очень беспокоит, насколько сильно я могу вас при этом ранить. Однако я больше не могу сдерживаться и я должна поблагодарить вас за вашу беспримерную доброту по отношению к моей несчастной сестре. С тех самых пор, как мне стало об этом известно, я испытывала горячее желание выразить вам свою глубокую благодарность. И если бы обо всем этом узнали прочие члены моей семьи, разумеется не только я одна была бы вам искренне признательна.

— Мне жаль, искренне жаль, — удивленно и с сожалением ответил Дарси, — что вы об этом узнали, ведь при неверном восприятии это могло вызвать у вас определенное беспокойство. Я не думал, что миссис Гардинер столь мало заслуживает доверия.

— Вы отнюдь не должны винить мою тетю. Я узнала о вашем участии в этом деле только благодаря бездумной болтовне Лидии, и разумеется я не находила себе покоя, пока не разузнала подробности. Позвольте же мне снова и снова поблагодарить вас от всей нашей семьи за то щедрое великодушие, которое побудило вас принять на себя так много хлопот и перенести столько неприятностей при поисках местонахождения беглецов.

— Если вы хотите меня поблагодарить, — ответил он, — делайте это лишь от своего имени. Я не стану отрицать, что стремление доставить вам удовольствие было одним из побудительных мотивов, которые заставили меня взяться за это дело. Остальные члены вашей семьи тут не при чем. Хотя я отношусь к ним с уважением, поверьте, я думал только о вас.

Элизабет была настолько смущена, что не могла вымолвить ни слова. После недолгого молчания ее спутник добавил:

— Вы слишком великодушны, чтобы играть со мной. Если ваши чувства ко мне не изменились с момента нашей встречи в апреле, скажите мне об этом прямо. Мои привязанности и помыслы неизменны, однако одно ваше слово, и я не буду больше говорить на эту тему никогда.

Элизабет понимала, что он поставил себя в более чем неловкое положение и испытывает в данный момент необычайное беспокойство, поэтому она сразу поспешила ему ответить и, хотя и запинаясь, дала ему понять, что за прошедшее с того момента, о котором он говорил, время, ее чувства к нему настолько кардинально изменились, что теперь она принимает его уверения с радостью и благодарностью.

Ощущения счастья, которое Дарси испытал при этих словах, он, скорее всего, не чувствовал еще ни разу, и он постарался выразить свои эмоции настолько прочувствованно и горячо, как это мог сделать лишь по-настоящему влюбленный человек. Если бы Элизабет смогла при этом заглянуть ему в глаза, она бы заметила, как красило его лицо это выражение сердечного восторга, и хотя она не решалась на него смотреть, она могла слушать, и по мере того, как он рассказывал ей о своих чувствах, доказывавших, насколько она для него важна, его привязанность к ней с каждой минутой становилась для нее все более значимой.

Они продолжали идти, не разбирая, куда именно шли. Им слишком много необходимо было обдумать, прочувствовать и высказать, чтобы обращать внимание на что-то еще. Она вскоре выяснила, что они теперь достаточно хорошо понимают друг друга благодаря стараниям его тети, которая и впрямь, навестив его в Лондоне, рассказала ему и о своей поездке в Лонгборн, и о ее причине, и о разговоре с Элизабет, подробно передавая ее ответы, которые в представлении ее светлости особенно ясно подчеркивали испорченность ее собеседницы, и при этом она была совершенно убеждена, что такое к ней отношение должно будет помочь ее усилиям добиться от своего племянника обещания, которое ей отказалась дать Элизабет. Однако, к несчастью ее светлости, эффект от этого рассказа оказался прямо противоположным.

— Он позволил мне надеяться, — добавил Дарси, — а ведь ранее я едва ли мог и подумать о такой надежде. Я ведь знаю достаточно о вашей прямоте, чтобы быть уверенным — если бы вы были решительно и безвозвратно против меня, вы бы сказали об этом леди Кэтрин честно и откровенно.

Элизабет покраснела и со смехом ответила:

— Да, вы достаточно знаете о моей прямоте, чтобы считать меня способной на такое. После того, как я наговорила вам всяких оскорблений прямо в лицо, меня ничто не останавливало нагругить и любому из ваших родственников.

— Но что такого вы мне сказали, чего бы я не заслуживал? Ибо хотя ваши обвинения были необоснованными и вытекали из ошибочных предположений, мое поведение по отношению к вам тогда заслуживало самого сурового порицания. Оно было непростительным. Я не могу думать о нем без отвращения.

— Давайте не будем препираться о том, кто в тот вечер был виноват больше, — сказала Элизабет. — Поведение каждого, если судить строго, было небезупречным, однако оба мы с тех пор, я надеюсь, стали более учтивыми.

— Я не могу простить себя так же легко. Воспоминания о том, что я тогда говорил, мое поведение, манеры, выражения — все это в течение долгих месяцев будоражило мою душу. И я никогда не забуду ваш столь справедливый упрек: «Если бы вы вели себя, как подобает джентльмену...». Таковы были ваши слова. И вы не знали и едва ли могли себе представить, как эти слова мучили меня. И лишь спустя какое-то время, должен признать, я стал мыслить достаточно здраво, чтобы понять и принять их справедливость.

— Разумеется, я совершенно не ожидала, что они произведут на вас такое впечатление. Я и понятия не имела, что они будут так болезненно восприняты.

— Легко могу в это поверить. Я ведь уверен — вы тогда считали, что мне чужды естественные человеческие чувства. Я никогда не забуду, как вы повернулись и сказали, что как бы я ни старался, это не заставит вас принять мое предложение.

— О, пожалуйста, не повторяйте того, что я вам тогда наговорила. Не стоит возвращаться к этим воспоминаниям. Уверяю вас — уже довольно давно я искренно их стыжусь...

Дарси упомянул о своем письме.

— Скажите, — спросил он, — оно сразу заставило вас переменить мнение обо мне? Когда вы его читали, вы верили тому, что там было написано?

Она объяснила, какое оно произвело на нее впечатление, и как постепенно ее предубеждения исчезли.

— Я знал, — ответил он, — что написанное мной должно было причинить вам боль, однако так было необходимо. Я надеюсь, что вы уничтожили это письмо. Там были некоторые места, особенно в начале... мне было бы неприятно, если бы вы сейчас их смогли перечесть. Я помню — там были отдельные фразы, за которые вы меня совершенно справедливо могли возненавидеть.

— Я безусловно, сожгу это письмо, если это по-вашему важно для сохранения моего нынешнего к вам отношения, однако хотя у нас двоих есть основания считать, что мои чувства не неизменны, они не настолько изменчивы, как вы подозреваете.

— Когда я писал это письмо, — сказал Дарси, — мне казалось, что я это делал хладнокровно и спокойно, однако теперь я убежден, что оно было написано в состоянии ужасного смятения духа.

— Письмо, возможно, действительно начинается довольно резко, но в конце его тон совершенно иной. Прощальная строчка — само милосердие. Но давайте не будем больше о нем. Чувства человека, его писавшего, и той, которой оно было предназначено, весьма сильно теперь изменились и совершенно непохожи на прежние, поэтому все связанные с ним неприятные обстоятельства должны быть позабыты. Вы должны познакомиться с одной из моих мудрых заповедей — думай о прошлом, лишь если тебе это доставляет удовольствие.

— Я не думаю, что вы должны придерживаться таких принципов. Ваши воспоминания должны быть настолько свободны от упреков, что вы можете не опираться на мудрые заповеди, а просто не обращать на них внимание, это надежнее. Со мной это не так. Меня преследуют мучительные воспоминания, и я не могу, не должен их отвергать. Всю свою жизнь я был эгоистичным созданием, на практике, хотя и не по сути. Когда я был еще ребенком, меня научили правильным основам жизни, однако не показали, как можно менять свой характер. Во мне воспитали правильные взгляды, однако позволили следовать им с гордостью и высокомерием. К несчастью я был единственным сыном (а в течение многих лет и единственным ребенком), поэтому меня испортили родители. Они были славные люди, особенно отец, он был сама любезность и отзывчивость. Они позволяли мне быть эгоистичным, они одобряли и почти учили меня эгоизму и властности, учили не обращать внимание ни на кого, кто не входит в наш семейный круг, высокомерно относиться ко всему остальному миру, к чувствам и значимости прочих людей, признавая лишь собственную важность. Таким я был с восьми до двадцати восьми лет, и таким я бы и остался, если бы не вы, моя дорогая, любимая Элизабет! Я вам обязан очень многим! Вы преподали мне урок, который вначале показался мне тяжелым, но после он принес мне много пользы. Благодаря вам я научился истинному смирению. Я пришел к вам, будучи совершенно уверенным, что мое предложение будет безусловно принято, а вы мне показали, насколько были ничтожны все мои претензии понравиться женщине, которая по-настоящему достойна высоких чувств.

— И вы были убеждены, что я приму ваше предложение?

— Именно! Так оно и было. Представляете все мое тщеславие? Я убедил себя, что вы хотите и ждете моего признания.

— Значит, тому причиной было мое неверное поведение, хотя я действовала ненамеренно, уверяю вас. Я никогда не хотела вводить вас в заблуждение, однако мой нрав часто вел меня в неправильном направлении. Как же вы должны были возненавидеть меня после этого вечера!

— Ненавидеть вас? Возможно, вначале я и был зол, но потом мой гнев нашел для себя верный выход.

— Я просто боюсь спросить вас, что вы обо мне подумали, когда встретились со мной в Пемберли. Вы осуждали меня за то, что я там появилась?

— Нет конечно. Просто был весьма удивлен.

— Вряд ли вы удивились больше, чем я, когда заметила вас. Моя совесть подсказывала мне, что я не заслуживаю особой вежливости, и признаюсь, не ожидала получить больше, чем заслужила.

— Я же тогда стремился, — ответил Дарси, — доказать вам, что могу быть предельно любезным, и что я не злопамятен. Я надеялся быть прощенным, старался уменьшить дурное о себе впечатление, демонстрируя, что ваши упреки были учтены. Не могу точно сказать, но прочие мысли и желания появились у меня не ранее, чем примерно через полчаса после того, как я вас увидел.

Затем он поведал, как Джорджина была рада их знакомству, и как она была огорчена, что оно было так внезапно прервано, а потом вполне естественным образом он стал рассказывать о причине ее срочного отъезда, и Элизабет вскоре узнала, что желание следовать за ней, покинув Дербишир для поисков ее сестры, возникло у него еще до того, как он вышел из гостиницы, и что его серьезность и задумчивость в тот момент были вызваны ничем другим как размышлениями, как ее можно найти.

Она снова выразила ему свою благодарность, но для них это была слишком большая тема, чтобы обсуждать ее дальше.

Они неторопливо прошли несколько миль, однако были слишком поглощены беседой, чтобы следить за временем, и лишь взглянув на часы поняли, что уже должны были возвращаться домой.

— Интересно, куда подевались Бингли и Джейн? — сказала Элизабет, и их разговор зашел об этой парочке. Дарси был очень рад их обручению, о котором его друг сразу же поведал.

— Могу я спросить — вы были удивлены? — поинтересовалась Элизабет.

— Вовсе нет. Уже перед отъездом я понимал, что это вскоре случится.

— То есть, вы дали на это свое благословение? Я так и думала.

И хотя он стал бурно возражать, она поняла, что дело было именно так.

— Вечером перед моим отъездом в Лондон, — сказал Дарси, — я признался ему в том, в чем должен был признаться, как мне кажется, уже давно. Я рассказал ему, насколько грубым и нелепым было мое вмешательство в его жизнь. Он был крайне удивлен. Оказывается, он об этом совершенно не подозревал. Более того, я сказал также, что скорее всего ошибался, говоря ранее, что ваша сестра к нему равнодушна; при этом я мог легко заметить, что его привязанность к ней не ослабла, и поэтому у меня не возникало сомнений, что они будут счастливы вместе.

Элизабет не смогла сдержать улыбки, думая как он легко управляет поведением своего друга.

— Вы сообщили ему, что сестра его любит, исходя из собственных наблюдений или из того, что я говорила вам весной? — спросила Элизабет.

— Я и сам это понял. Я внимательно наблюдал за ней во время моих двух последних визитов к вам, и убедился в ее привязанности к Бингли.

— А ваши слова немедленно его убедили?

— Конечно. Бингли человек удивительно скромный. Его неуверенность в себе мешала ему полагаться на собственные суждения в таком важном деле, однако моя поддержка все упростила. Я был вынужден признаться в одной вещи, которая в течение некоторого времени его справедливо обижала. Я не мог позволить себе скрыть тот факт, что ваша сестра прожила в Лондоне три зимних месяца, мне об этом было известно, а я от него это скрыл. Он был зол, однако я убежден, что эта злость длилась не дольше, чем его сомнения в чувствах вашей сестры. Теперь он меня уже сердечно простил.

Элизабет так и тянуло заметить, каким неоценимым другом является Бингли, ведь его поступками так легко руководить, но она сдержалась. Она подумала, что он еще должен научиться подшучивать над такими вещами, и время для этого еще не пришло. Они дошли до дома, продолжая беседовать о будущем счастье Бингли, которое, разумеется, могло уступать только счастью самого Дарси. В холле они расстались.



ГЛАВА LIX

— Лиззи, дорогая, куда же вы запропастились?

С таким вопросом обратилась к ней Джейн, как только Элизабет вошла в комнату, и то же самое спросили остальные, когда все уселись за стол. Она лишь смогла ответить, что они забрели в какое-то незнакомое ей место. При этом она покраснела, однако ни это, ни их долгое отсутствие не вызвали ни у кого никаких подозрений. Вечер прошел спокойно и тихо, ничего особого не произошло. Признанные влюбленные разговаривали и смеялись, а непризнанные молчали. Дарси не был склонен выражать свое счастье внешним проявлением веселья, а взволнованная и смущенная Элизабет скорее сознавала, что счастлива, чем чувствовала себя счастливой, ведь кроме замешательства, она испытывала и некоторые опасения. Она представляла себе, что почувст-

вуют ее домашние, когда все произошедшее станет им известно, ведь ей было совершенно ясно, что никто не любит Дарси кроме Джейн, и она даже опасалась, что помимо всего прочего эта неприязнь может оказаться настолько сильной, что ни его богатство, ни все вытекающие из него преимущества, не смогут ее преодолеть.

Перед сном она все открыла своей сестре, и хотя обычно недоверие было не в привычках Джейн, на этот раз все услышанное показалось ей совершенно невероятным.

— Да ты шутишь, Лиззи? Не может быть! Помолвлена с мистером Дарси! Нет, ты меня не обманешь. Я знаю, что это просто невозможно.

— Да, начало довольно жалкое. А я только на тебя и полагалась, и теперь уверена — если уж ты мне не веришь, не поверят и остальные. Нет, правда, серьезно, я говорю чистую правду. Он все еще меня любит, и мы помолвлены.

Джейн посмотрела на нее с явным сомнением.

— Ох, Лиззи, да этого не может быть. Я ведь знаю, как ты плохо к нему относишься.

— Ты ничего об этом не знаешь. Все прошлое надо позабыть. Возможно, я не всегда его любила, как сейчас, однако в таких случаях крепкая память непростительна. И я вспоминаю теперь об этом в последний раз.

Мисс Беннет все еще выглядела крайне изумленной. Элизабет снова и еще более серьезно заверила ее, что говорит чистую правду.

— Святые небеса! Неужели это так?! — воскликнула Джейн. — Да, я должна тебе теперь поверить. Лиззи, дорогая, я хотела бы... я тебя искренне поздравляю. Но ты уверена — прости за этот вопрос, — ты совершенно точно уверена, что ты сможешь быть с ним счастлива?

— В этом нет сомнений. Мы уже решили, что будем самой счастливой парой на свете. Но ты довольна или нет, Джейн? Тебе бы хотелось иметь такого брата?

— Конечно же, очень! Ничто так не обрадует Бингли, да и меня тоже. Ведь обсуждая такую возможность, мы сочли ее невероятной. Но ты ведь вправду сильно его любишь? О, Лиззи, делай что хочешь, но только не выходи замуж без любви! Ты уверена, что это твое чувство — настоящая любовь?

— О, да! Ты сочтешь, что это именно настоящая любовь, когда я расскажу тебе все.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, должна признаться, что я люблю его больше, чем Бингли, хотя и опасаясь, что это тебя рассердит.

— Сестричка, дорогая, пожалуйста, будь посерьезнее. Мы ведь должны говорить серьезно. Сейчас же поведай мне все, что я должна знать. Скажи мне, как давно ты его любишь?

— Все эти чувства развивались так постепенно, что я и не помню, когда они впервые возникли. Однако, мне кажется, что все началось во время, когда я впервые познакомилась с его замечательными манерами в Пемберли.

Новая просьба быть посерьезнее, наконец, произвела нужный эффект, и Элизабет вскоре торжественно заверила сестру, что совершенно уверена в своих чувствах, и когда Джейн в этом уверилась, ей больше ничего не оставалось и желать.

— Теперь я, наконец, довольна! — сказала она. — Ведь твоя жизнь будет такой же счастливой, как и моя. Я всегда высоко ценила Дарси. За одну лишь его любовь к тебе он всегда был достоин моего уважения, и теперь лишь ты и Бингли будут дороже мне всего на свете после него, ведь он будет не только другом Бингли, но и твоим мужем. Но, Лиззи, почему ты так со мной хитрила? Скрывала все от меня... Ты ведь мне почти

ничего не рассказала, что произошло в Пемберли и Лембтоне. Я узнавала обо всем не от тебя, а от других.

Элизабет рассказала, почему все держала в секрете. Она не хотела упоминать о Бингли, к тому же тогда она еще не до конца разобралась в собственных чувствах, чтобы также завести разговор и о Дарси. Однако теперь ей уже не нужно было скрывать его роль в организации свадьбы Лидии. И когда все было раскрыто, они проболтали еще до половины ночи.

— Боже правый, — воскликнула миссис Беннет стоя на следующее утро возле окна. — Неужели этот ужасный мистер Дарси опять появился сюда с нашим дорогим Бингли? Что он только о себе возомнил? Почему он постоянно утомляет нас своими визитами? Я бы ничуть не возражала, если бы он отправился на охоту или занялся чем-нибудь другим в том же духе и не изнурял бы нас своим присутствием. Что нам с ним делать? Лиззи, придется тебе опять отправиться с ним на прогулку, чтобы он не путался под ногами у Бингли.

Элизабет едва сдержала смехок, настолько это предложение ей подходило, хотя она была всерьез недовольна тем, что ее мать всегда произносила имя Дарси вместе с нелицеприятными эпитетами.

Как только джентльмены вошли, Бингли так выразительно на нее посмотрел и с такой теплотой пожал ей руку, что не оставил сомнений — ему уже было все известно. Затем он довольно громко спросил:

— Миссис Беннет, нет ли тут поблизости еще каких-нибудь тропинок, где Лиззи могла бы снова заблудиться?

— Я бы посоветовала мистеру Дарси, Лиззи и Китти, — ответила миссис Беннет, — отправиться этим утром на холм Оукхем. Это отличная длинная прогулка, и мистер Дарси еще не видал тех мест.

— Для Лиззи и Дарси такой маршрут вполне подойдет, — сказал Бингли, — но боюсь для Китти, это пожалуй, будет далековато, не так ли, Китти?

Китти подтвердила, что она бы лучше осталась дома. Дарси же проявил горячее желание посмотреть на виды, открывающиеся с этого холма, и Элизабет молча на это согласилась. Когда она поднялась себе, чтобы приготовиться к прогулке, миссис Беннет, пошла за ней и сказала:

— Мне жаль, Лиззи, что тебе все время придется иметь дело с этим ужасным человеком. Но, я надеюсь, ты не возражаешь? Это ведь все ради Джейн, ты же знаешь. И тебе совершенно не обязательно с ним беседовать; так, поговори о том и о сем. Особо себя не затрудняй.

Во время этой прогулки они решили этим же вечером заполучить согласие мистера Беннета. Разговор с матерью Элизабет оставила за собой. Она совершенно не могла себе представить, как это воспримет миссис Беннет, и порой начинала сомневаться, хватит ли его богатства и знатности, чтобы ее мать смогла преодолеть свою неприязнь к этому человеку. Однако независимо от того, вызовет ли этот брак ее негодование или бурную радость, наверняка манеры ее матери и ее выражения оставят желать лучшего, поэтому она совершенно не хотела, чтобы Дарси выслушивал первые восторги ее радости или был свидетелем ее негодования.

Вечером, вскоре после того как мистер Беннет удалился в свою библиотеку, она увидела, как мистер Дарси тоже встал из-за стола и последовал за ним. Увиденное заставило ее сильно разволноваться. Она не опасалась, что ее отец будет против, одна-

ко он наверняка будет чрезвычайно огорчен, ведь его любимое чадо расстроит его своим выбором, и он будет волноваться за нее и страшиться, что она его оставит. Все это было крайне неприятно, и она сидела крайне расстроенная пока не вернулся Дарси. Она взглянула на него, заметила, что он улыбается, и это принесло ей некоторое облегчение. Немного погодя он подошел к столу, за которым она сидела вместе с Китти. Сделав вид, что любит ее шитьем, он шепнул ей на ухо:

— Пойдите к отцу, он ожидает вас в библиотеке.

Она немедленно туда направилась.

Ее отец расхаживал по комнате с угрюмым и озабоченным видом.

— Лиззи, — сказал он ей, — что ты творишь? Ты с ума сошла, принимая предложение этого человека? Ты же всегда относилась к нему с неприязнью?

Как искренне хотела она в этот момент, чтобы ее прежние суждения о нем были более взвешенными, а высказывания не такими резкими! Это избавило бы ее теперь от неприятных объяснений и вынужденных оправданий. Однако дать их теперь было просто необходимо, и она, смущаясь, заверила отца в своих чувствах к мистеру Дарси.

— Вот как! Другими словами, ты решила выйти за него замуж. Разумеется, он богат, и у тебя будет больше нарядов и экипажей, чем у Джейн, но сделает ли тебя это счастливой?

— Есть ли у вас какие-нибудь другие возражения, кроме неверия в мои чувства?

— Абсолютно никаких. Мы все знаем его как гордого и неприятного человека, но это не играло бы никакой роли, если бы он действительно тебе нравился.

— Но он мне нравится, действительно! — ответила она со слезами на глазах. — Я люблю его. И на самом деле он совсем не гордец. Он очень милый. Вы его совершенно не знаете, и я вас умоляю — не надо говорить о нем в таком духе, это меня больно ранит.

— Послушай, Лиззи, — ответил мистер Беннет, — я дал ему свое согласие, ведь он из тех людей, которым я бы не осмелился отказать в ответ на любую их снисходительную просьбу. И если уж тебе так угодно заполучить его в мужа, вот тебе мое согласие. Однако позволь дать тебе совет — хорошенько все обдумай. Я ведь тебя знаю, Лиззи. Я знаю, что ты не сможешь быть счастливой, не будешь себя уважать, если не будешь по-настоящему ценить своего мужа, если не признаешь его верховенство. Твоя живая натура представляет для тебя в случае неравного брака большую опасность. Едва ли при этом ты сможешь избежать терзаний и душевных мук. Детка, избавь меня от страданий видеть, как ты будешь ни в грош не ставить своего супруга. Ты и понятия не имеешь, каково это...

Еще более взволнованно Элизабет ответила отцу совершенно серьезно и искренне, не один раз повторив, что мистер Дарси действительно является ее избранником. При этом она рассказала, как постепенно изменялась его оценка в ее глазах, и с полной уверенностью заверяла отца, что любовь Дарси к ней это не сиюминутное увлечение, поскольку она прошла многомесячное и безответное испытание временем. В конечном счете, с восторгом перечисляя все достоинства своего избранника, ей удалось справиться с недоверием своего отца и примирить его с этим браком.

— Что же, моя дорогая, — сказал он, когда она закончила говорить. — Мне сказать больше нечего. Если все так, как ты говорила, он и впрямь тебя заслуживает. Я бы не мог, Лиззи, расстаться с тобой ради менее достойного человека.



И когда все было раскрыто, они проболтали еще до половины ночи.

Для завершения благоприятного впечатления о Дарси она затем рассказала отцу, что тот по собственной воле сделал для Лидии.

— У нас сегодня и впрямь вечер чудес! — воскликнул мистер Беннет. — Значит, все это дело рук Дарси — организация свадьбы, деньги на расходы, оплата долгов Уикхема и деньги для Лиззи! Тем лучше. Это избавит меня от кучи проблем и расходов. Если бы все это было делом рук твоего дяди, я бы был должен и просто обязан с ним рассчитаться, но эти отчаянные влюбленные все делают по-своему. Завтра я предложу ему вернуть эти деньги. Он будет возмущаться и расшумится, говоря о своей любви к тебе, тут этому делу и конец.

Тут он вспомнил ее смущение, когда несколькими днями ранее он читал ей письмо мистера Коллинза, а затем, немного посмеявшись над ней, наконец, отпустил ее, сказав вдогонку, когда Элизабет была уже на пороге библиотеки:

— Если какие-нибудь молодые люди придут за Мэри и Китти, пригласи их сюда, у меня как раз есть свободное время.

С сердца у Элизабет словно свалился тяжеленный камень, и проведя у себя в комнате с полчаса в раздумьях, она вернулась в гостиную, уже достаточно придя в себя. Все недавно случившееся настолько занимало ее ум, что о веселье пока думать было рано, и вечер прошел весьма спокойно. Однако дальнейших опасений не предвиделось, она постепенно успокаивалась, и у нее закономерно возникало ощущение легкости и душевного комфорта.

Когда ее мать поднялась в свою гардеробную перед сном, Элизабет пошла вслед за ней и сообщила о важной новости. Вызванный ею эффект был необычайным, ибо выслушав все, миссис Беннет некоторое время сидела совершенно неподвижно, не в силах произнести ни единого слова, и прошло несколько минут прежде чем она поняла, что услышала, хотя обычно она не тормозила и быстро схватывала на лету все, что шло на пользу ее дочерям или касалось кого-нибудь из их кавалеров. Наконец, она начала приходить в себя, ерзать в кресле, вскакивать и снова садиться, удивляясь и поздравляя себя с таким событием.

— Боже правый! Господи благослови! Нет, вы только подумайте! Ну и ну! Мистер Дарси! Кто бы мог подумать? Это правда? О, моя дражайшая Лиззи! Какая ты станешь богатая и знатная! Сколько у тебя будет денег на булавки, какие у тебя будут драгоценности и кареты! С Джейн и не сравнишь. Я так рада, так счастлива! Какой очаровательный молодой человек! Такой статный и с таким положением! О, Лиззи, голу-бушка! Ради бога, пусть он меня простит за то, что я раньше так к нему относилась. Надеюсь, он не будет на это обращать внимание. Дорогая, дорогая Лиззи! Дом в городе! Роскошная жизнь! Три дочери замужем! Десять тысяч в год! О, господи! Что со мной творится? Мне надо отдышаться.

Этого было достаточно, чтобы ее согласие не требовало дальнейших подтверждений, и Элизабет, радуясь, что все эти извержения радостных возгласов услышала она одна, вскоре ушла. Однако не прошло и трех минут, как ее мать вбежала к ней в комнату.

— Детка, дорогая! У меня просто из головы не идет! Десять тысяч в год, а наверняка и больше! Это же как у лорда! Нужен особый договор, у тебя непременно во время свадьбы должен быть брачный договор. Однако, любовь моя, скажи, какие блюда мистер Дарси особенно любит, чтобы я могла подать их завтра?

Все это было дурным предзнаменованием того, как ее мать будет общаться с ее будущим мужем, и Элизабет стало ясно, что несмотря на безусловную и нежную при-

вязанности к ней мистера Дарси и полученные разрешения на их брак, у нее все еще было, чего желать. Однако следующий день прошел более благополучно, чем она ожидала, поскольку миссис Беннет испытывала такое благоговение перед будущим зятем, что не решалась с ним заговаривать, если только не была в состоянии оказать ему услугу или выразить свое почтение.

Элизабет была рада видеть, что отец пытается делать шаги ему навстречу, и вскоре мистер Беннет заверил ее, что с каждым часом его уважение к нему растет.

— Я восхищаюсь всеми моими тремя зятями, — заметил он. — Возможно, впрочем, что моим любимцем будет все-таки Уикхем, но, думаю, твой муж мне будет нравиться также, как Бингли.



ГЛАВА LX

Вскоре Элизабет опять обрела в свою обычную веселость и стала потребовать от мистера Дарси, чтобы тот поведал ей, как он смог в нее влюбиться.

— Как все это началось? — спросила она. — Я представляю, как вся эта история очаровательным образом развивалась, но что подтолкнуло вас в самом начале?

— Я не могу определить час, или место, или взгляд, или слово, которые легли в основу моего чувства. Это было слишком давно. Я дошел уже до середины пути, прежде чем понял, что со мной происходит.

— Думаю, моя красота вначале на вас не действовала, а что до моих манер, то мое с вами поведение всегда граничило с приличиями. Я почти все время в разговоре с вами пыталась вам досадить. Скажите честно — вы влюбились в меня за мою дерзость?

— Мне понравилась живость вашего ума.

— Вы можете также называть это дерзостью. Почти так оно и было. Дело в том, что вас уже тошнило от окружавшей вас показной вежливости, внимательности и подобострастия. Вы испытывали отвращение к женщинам, которые говорили с вами и смотрели на вас только для того, чтобы снискать ваше одобрение. Я же вызвала ваш интерес и внимание просто потому, что не была на них похожа. Если бы вы не испытывали ко мне теплых чувств, вы бы меня за это возненавидели, однако, несмотря на все ваши попытки скрывать свою природу, ваши чувства всегда были благородны и справедливы, и в глубине своей души вы глубоко презирали всех, кто вас так усердно обхаживал. Видите — вот я и спасла вас от необходимости давать мне разъяснения, и на самом деле, если учесть все обстоятельства, я начинаю думать, что все сказанное совершенно справедливо. Наверняка, я уверена, об истинных моих достоинствах вы и не подозревали, хотя о таком и не думают, когда влюбляются.

— А разве вы их не демонстрировали Джейн, когда она болела в Незерфилде?

— Ах, моя дорогая Джейн! Разве я могла сделать для нее меньше? Если хотите, считайте это добродетелью. Мои хорошие качества теперь под вашей защитой, и вы должны восхищаться ими как можно больше, а мне со своей стороны следует выискивать в ответ любые возможности, чтобы дразнить вас и ссориться с вами максимально часто, и я начну прямо сейчас с откровенного вопроса — почему вы так долго медлили с объяснениями? Почему вы вели себя так стеснительно при вашем первом визите к нам и потом, когда у нас обедали? Ну, правда ведь, когда вы заходили, у вас был такой вид, как будто вам совершенно нет до меня дела.

— У вас был такой мрачный вид, к тому же вы все время молчали, и я не видел с вашей стороны никакой поддержки.

— Но ведь я была смущена!

— Я тоже.

— Вы бы могли со мной поговорить, когда приезжали на обед.

— Человек, который был бы менее взволнован, наверное, смог бы.

— К несчастью, у вас на все находятся аргументированные ответы. А я оказываюсь настолько разумной, чтобы их принимать. Однако мне любопытно, как долго бы все это продолжалось, если бы вы были предоставлены себе самому? Когда бы вы заговорили о своих чувствах, если бы я вас о них напрямую не спросила? Думаю, важную роль сыграло мое решение поблагодарить вас за вашу доброту по отношению к Лидии. Наверно, я сделала это непозволительно эмоционально. Меня волнует, что же станет с моралью, если наше благополучие основано на нарушении обещания хранить молчание и не поднимать эту тему? Так не годится.

— Вы не должны волноваться по этому поводу. С моралью все будет замечательно. От всех моих колебаний меня избавила леди Кэтрин своими совершенно ничем не оправданными попытками нас разлучить. Поэтому нынешнему своему счастью я обязан вовсе не вашему горячему желанию выразить мне благодарность. Я был в таком состоянии, что не нуждался в вашем подбадривании. Рассказ моей тетки леди Кэтрин подарил мне надежду, и я решил сразу все выяснить.

— В этом плане леди Кэтрин оказалась необычайно полезной, и это должно ее обрадовать, ведь она обожает быть полезной. Однако, скажите мне, что привело вас в Незерфилд? Не для того же, чтобы ускакать потом из Лонгборна в полном смятении духа? Или у вас были более серьезные планы?

— Моя истинная цель состояла в том, чтобы увидеть вас и по возможности понять, есть ли у меня какой-то шанс добиться вашей любви. Явной же причиной, в которой я и сам себя убеждал, было желание проверить, была ли ваша сестра все еще равнодушна к Бингли, и если бы так и было на самом деле, я бы ему все рассказал, что позднее я и сделал.

— Хватит ли у вас смелости рассказать леди Кэтрин, что ждет ее в ближайшем будущем?

— Элизабет, мне скорее не хватит времени, а не смелости, однако это нужно сделать, и, если вы дадите мне лист бумаги, это будет сделано прямо сейчас.

— А если бы мне самой не нужно было написать письмо, я могла бы сесть рядом с вами и восхищаться вашими ровными строчками, как однажды уже делала одна молодая леди. Однако у меня тоже есть тетушка, и я не имею права оставлять ее в неведении.

Ведь благодаря тому, что Элизабет ранее было трудно признаться в переоценке ее отношений с мистером Дарси, она до сих пор не ответила на длинное послание миссис Гардинер. Однако теперь, когда у нее была возможность сообщить ей кое-что необыкновенно приятное, Элизабет чувствовала почти стыд, припомнив, что ее тетя и дядя могли бы уже три дня, как радоваться ее счастью, поэтому она немедленно написала им следующее:

«Я должна была еще ранее сделать то, что просто обязана выполнить — поблагодарить Вас, моя дорогая тетушка, за Ваше длинное и детальное письмо с описанием всех подробностей дела, однако, честно говоря, я была слишком взволнована, чтобы писать. Вы тогда предугадывали слишком многое, зато теперь предполагайте все, что угодно, дайте свободу своей фантазии лететь, куда только можно представить, и если Вам представится, что я уже замужем, Вы ошибетесь не слишком сильно. Пожалуйста, напишите мне поскорее снова и воздайте ему должное в гораздо большей степени, чем в прошлом письме. Снова и снова спасибо Вам за то, что мы не поехали в Озерный край. Как я была глупа, мечтая об этом! Ваша идея о парочке пони совершенно восхитительна. Мы будем кататься по парку каждый день. Я теперь самое счастливое создание на земле. Быть может, раньше то же самое говорили и другие люди, но наверняка никто не был в этом так уверен. Я даже счастливее Джейн, ведь она только улыбается, а я смеюсь! Мистер Дарси шлет Вам всю свою любовь, которую он от меня скрывал. Вы все должны приехать к нам в Пемберли на Рождество.

Искренне Ваша и т. д.».

Письмо мистера Дарси к леди Кэтрин было написано совсем по-другому, и совсем иным, непохожим на эти оба послания, был ответ мистера Беннета на последнее письмо мистера Коллинза:

«Дорогой сэр, должен обеспокоить Вас, поскольку Вам придется еще раз посылать поздравления. Элизабет вскоре станет супругой мистера Дарси. Утешьте леди Кэтрин, насколько это удастся Вам сделать. На Вашем месте, я бы поддержал ее племянника. Он будет Вам более полезен.

Искренне Ваш и т. д.».



Скажите честно — вы влюбились в меня за мою дерзость?



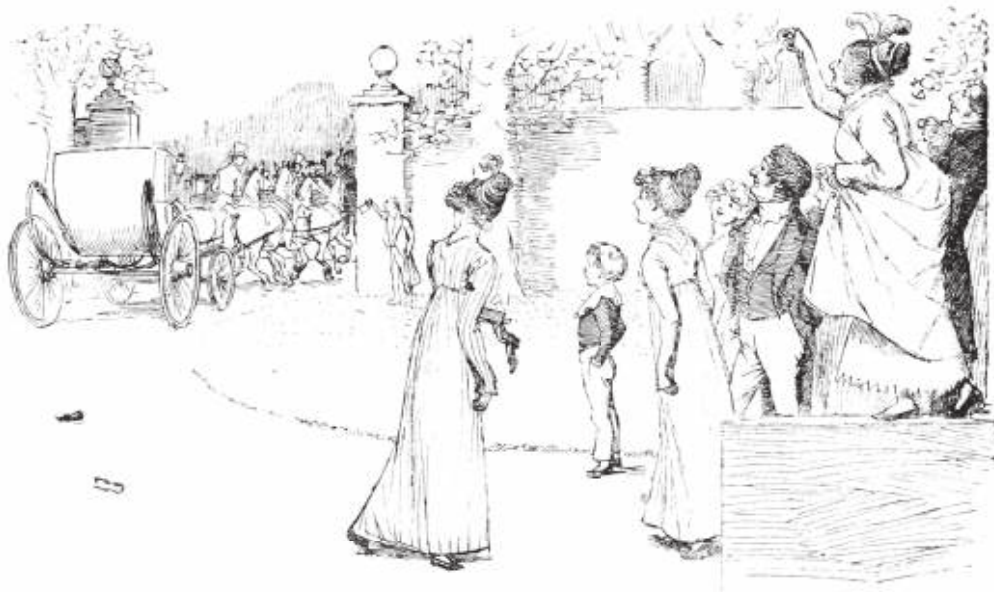
*Он даже мог с величайшим самообладанием выслушивать поздравления
сэра Уильяма Лукаса...*

Поздравление мисс Бингли, отправленное ее брату в связи с его приближающейся женитьбой, было деланно любезным и фальшивым. Она написала по случаю также и Джейн, выразив ей свое восхищение и напомнив об их прежних обещаниях дружбы. Джейн это письмо не обмануло, однако оно ее тронуло, и хотя она не чувствовала к ней особого расположения, она не смогла удержаться и написала более приветливый ответ, чем вначале хотела настроичить.

Радость мисс Дарси по тому же поводу была такой же искренней, как и в письме, которое она получила от своего брата. Двух плотно исписанных с двух сторон листов бумаги ей явно не хватило, чтобы вместить все ее восторги и изъявления искренней надежды на то, что Элизабет полюбит ее, как родную сестру.

Еще до получения ответа от мистера Коллинза и поздравлений Элизабет от его супруги, в лонгборнском семействе узнали, что сами Коллинзы приехали в Лукас Лодж. Причина, заставившая их внезапно тронуться с насиженного места, вскоре стала вполне понятна. Содержание письма племянника привело леди Кэтрин в такую ярость, что Шарлотта, которую этот брак искренне обрадовал, обеспокоилась убраться подальше до тех пор, пока буря не утихнет. Приезд подруги в такой момент доставил Элизабет искреннюю радость, хотя, когда по ходу их встреч, она наблюдала, как мистер Дарси подвергается атакам напыщенной любезности со стороны ее мужа, она начала думать, что это удовольствие обходится ей слишком дорого. Однако Дарси переносил все это со стоическим мужеством. Он даже мог с величайшим самообладанием выслушивать поздравления сэра Уильяма Лукаса в связи с похищением величайшей местной драгоценности и его надежды на частые встречи в Сент-Джеймсе. И если он временами и пожимал плечами, то делал это, когда сэр Уильям на него не смотрел.

Еще одним, и возможно более серьезным испытанием его выдержки, была вульгарность миссис Филипс, хотя она, как и ее сестра, настолько трепетала перед мистером Дарси, что не решалась разговаривать с ним с фамильярностью, на которую ее подталкивало добродушие Бингли. Тем не менее, что бы она ни говорила, это звучало вульгарно. Уважение к Дарси хотя и сдерживало ее красноречие, но оно не улучшало ее манер. Элизабет делала все возможное, чтобы защитить Дарси от назойливого внимания этой парочки, и старалась держать его поближе к себе или к тем членам своей семьи, с которыми он мог более-менее спокойно общаться, и хотя подобные беспокойства в период помолвки скрадывали для Элизабет изрядную долю удовольствия, они добавляли уверенности в ее будущем счастье, и она с нетерпением ожидала то время, когда они смогут вырваться из этой малопривлекательной для них обоих компании навстречу комфортной и достойной семейной жизни в Пемберли.



ГЛАВА LXI

Счастливым для материнских чувств миссис Беннет стал тот день, когда она простилась с двумя самыми своими достойными дочерьми! Легко можно представить, с каким чувством гордости и восхищения навещала она после этого миссис Бингли и говорила о миссис Дарси. И мне бы хотелось сказать, ради ее семейства, что воплощение ее заветной мечты в жизнь — пристроить большую часть своих дочерей — произвело на нее такое благотворное воздействие, что она стала здравомыслящей, приятной и рассудительной женщиной и оставалась таковой до конца своих дней. Однако, она по-прежнему была глуповатой женщиной, склонной временами к нервным срывам, благодаря которым, возможно, ее супруг к своему счастью мог по-настоящему наслаждаться выпадавшими периодами домашнего покоя.

Мистер Беннет очень скучал по своей второй дочери; его привязанность к ней выманивала его из дома чаще, чем другие причины. Он любил нагреться в Пемберли, особенно когда его там меньше всего ожидали.

Мистер Бингли и Джейн прожили в Незерфилде только двенадцать месяцев. Даже для его мягкосердечности и ее легкого нрава столь близкое соседство с ее матерью и меритонскими родственниками оказалось весьма нежелательным. Долгожданная мечта его сестер, наконец, осуществилась — он приобрел имение в соседнем с Дербиширом графстве, и благодаря этому Джейн и Элизабет в добавление к прочим источникам радости оказались всего тридцати милях друг от друга.

Китти с большой для себя выгодой проводила большую часть своего времени в компании двух старших сестер. Высшее общество, которого она раньше почти и не знала, произвело на нее благотворное воздействие, и характер ее благодаря этому значительно улучшился. Она не обладала столь же необузданным характером, как Лидия, и теперь, лишенная ее влияния и благодаря должному вниманию и руковод-

ству старших сестер, она стала менее раздражительной, менее невежественной и более живой. Чтобы Лидия и в будущем не смогла оказывать на нее своего тлетворного влияния, Китти всячески оберегали от нее, и хотя миссис Уикхем часто приглашала сестру к себе погостить, обещая ей балы и внимание молодых людей, мистер Беннет никогда ее не отпускал.

Мэри оставалась единственной дочерью, живущей в родительском доме, и она была обязана покончить со своим самообразованием, поскольку миссис Беннет просто не могла оставаться в одиночестве. Таким образом Мэри вынуждена была больше общаться с окружающим миром, хотя она по-прежнему занималась морализаторством по любому поводу. И поскольку ей уже не приходилось сравнивать себя со своими более красивыми сестрами, она, как и предполагал ее отец, пошла на эти перемены в ее жизни без особого сопротивления.

Что касается Уикхема и Лидии, то замужество ее старших сестер никак не сказалось на их характерах. Он достаточно спокойно отнесся к тому, что Элизабет теперь придется узнать все, что по его мнению ей ранее было неизвестно о его непорядочности и неблагодарности, и, несмотря на это, он вероятно все еще не расставался с надеждой, что Дарси поддержит его материально. Судя по содержанию поздравления, которое Элизабет получила ко дню свадьбы от Лидии, такую надежду лелеял если и не он сам, то по крайней мере его супруга. В этом письме говорилось следующее:

«Моя дорогая Лиззи!

Я желаю тебе радости. Если ты любишь мистера Дарси вполнину так сильно, как я моего дорогого Уикхема, ты должна быть очень счастлива. Здорово, что ты будешь так богата! Когда тебе нечего будет делать, я надеюсь ты не забудешь про нас. Я уверена, что Уикхему весьма понравилось бы какое-нибудь место при дворе, но я боюсь, что у нас не хватит денег, чтобы прожить в таком случае без посторонней поддержки. Подошло бы любое место в триста-четыреста фунтов в год, однако, пожалуйста, не говори об этом мистеру Дарси, если ты так не считаешь.

Твоя и т. д.».

Поскольку ее сестра совершенно так не считала, она в своем ответе постаралась положить конец всяким мольбам и надеждам подобного рода. Тем не менее, она нередко посылала им небольшую финансовую помощь из личных сэкономленных средств, находившихся в ее распоряжении. Для нее всегда было очевидно, что таких доходов, какими обладали Уикхемы, было совершенно недостаточно для покрытия расходов двух людей, столь неумных в своих тратах и столь безрассудно относящихся к своему будущему, и каждый раз, когда они переезжали с места на место, Элизабет и Джейн были уверены, что они обратятся либо к той, либо к другой с просьбой оплатить кое-какие их счета. Даже после того, как восстановление мира с родственниками позволило им вернуться в родные края, образ их жизни остался крайне безалаберным. Они вечно переезжали, пытаясь найти более дешевое жилье, и всегда тратили больше, чем могли себе позволить. Его привязанность к ней очень быстро потонула в полном безразличии, а ее просуществовала немногим дольше, и, несмотря на свою неопытность и замашки, она по-прежнему сохранила все претензии на репутацию, которую давал ей этот брак.

Хотя Дарси никогда не принимал Уикхема в Пемберли, он по-прежнему ради Элизабет продолжал помогать ему в продвижении по службе. Лидия иногда бывала в Пем-

берли, когда ее супруг уезжал развлекаться в Лондон или в Бат. С Бингли же оба проводили часто так много времени вместе, что на это не хватало даже доброго расположения хозяина дома, и Бингли позволял себе заговаривать о необходимости в следующий раз намекнуть Уикхемам, что пора бы и совесть знать.

Мисс Бингли была глубоко огорчена женитьбой Дарси, однако она считала целесообразным сохранить за собой право посещать Пемберли, поэтому она отбросила все свои обиды, еще больше восхищалась Джорджианой, была почти как прежде внимательна к Дарси и подчеркнуто вежливо вела себя с Элизабет.

Пемберли стал теперь для Джорджианы настоящим домом; между ней и Элизабет возникла привязанность, на появление которой и надеялся Дарси. Они даже смогли полюбить друг друга, ведь именно этого они когда-то и хотели. Джорджиана была самого высокого мнения об Элизабет, хотя вначале, когда она слышала, как задиристо та разговаривает с Дарси, ее удивление граничило с испугом. Ведь человек, который всегда внушал ей уважение, превалирующее над всеми прочими ее чувствами, теперь становился объектом откровенного подшучивания. И ей в голову приходило то, о чем ранее она и помыслить не могла. Ведь благодаря Элизабет она поняла, что женщина может свободно обращаться со своим мужем, как не может позволить себе младшая сестра вести себя с братом, который на десять лет ее старше.

Леди Кэтрин была крайне возмущена браком своего племянника, и она с такой свойственной ее характеру откровенностью выразила это в письме, написанном по поводу состоявшейся свадьбы, и наговорила особенно про Элизабет столько оскорбительных вещей, что на некоторое время это прервало с ней всяческое общение. Однако, в конце концов, по настоянию Элизабет Дарси возобладал над своими обидами и стал искать примирения, а его тетка после некоторого сопротивления со своей стороны, то ли из-за привязанности к нему, а может из-за желания узнать, как ведет себя его жена, также пошла на уступки, и она снизошла до того, что навестила их обоих в Пемберли, несмотря на то, что его старые балки были осквернены не только присутствием такой хозяйки, но также и визитами ее лондонских родственников.

С Гардинерами они всегда были на короткой ноге. Дарси, как и Элизабет, искренне их любил, и оба они всегда чувствовали горячую благодарность к людям, которые, захватив ее в Дербишир, способствовали тем самым их союзу.



**РАЗУМ
И
ЧУВСТВА**

**ИЛЛЮСТРАЦИИ
ХЬЮ ТОМПСОНА**

ГЛАВА I

Семейство Дэшвудов обосновалось в Суссексе давно. В центре их обширного поместья располагалась усадьба Норленд-парк, где из поколения в поколение они вели достойную жизнь, заслужив в кругу соседей самую добрую репутацию. Прошлым владельцем поместья был одинокий старик, деливший кров со своей сестрой, которая долгие годы была его единственной спутницей, помогавшей вести хозяйство. Однако ее смерть, наступившая на десять лет раньше его собственной, стала причиной больших перемен; чтобы восполнить утрату, он пригласил в усадьбу семью своего племянника, мистера Генри Дэшвуда, который являлся законным наследником Норленд-парка, и которому он в любом случае собирался завещать поместье. Общество племянника, племянницы и их детей скрашивало будни пожилого джентльмена. С каждым днем он чувствовал к ним все большую привязанность. Участливое внимание мистера и миссис Дэшвуд к его персоне было продиктовано не столько корыстью, сколь искренней душевной добротой, так необходимой каждому человеку преклонных лет; веселые же игры их детей доставляли ему неподдельную радость.

У Генри Дэшвуда был сын от первого брака и трое дочерей от нынешней супруги. Сын, человек обстоятельный и солидный, был щедро обеспечен внушительным состоянием своей покойной матери, более половины которого перешло к нему по достижению совершеннолетия. Вступив в брак, он приумножил свое богатство, ведь его жена принадлежала к весьма зажиточному роду. Поэтому унаследовать Норленд-парк было для него не так важно, как для его сестер, живших скромно: их мать не имела своего состояния, а отец мог распоряжаться лишь семью тысячами фунтов, доставшимися ему от первой жены; что касается остальной части наследства, закрепленной за ее сыном, то он мог претендовать только на проценты.

Пожилой джентльмен скончался; его завещание было прочитано и, как почти любое другое, оно принесло столько же разочарования, сколько и ликования. Нельзя сказать, что он был совсем уж несправедлив и неблагодарен, ведь поместье он отписал племяннику, однако условия оказались таковыми, что оно было фактически обесценено. Старый Дэшвуд желал передать наследство скорее для своей жены и дочерей, чем для сына. Однако именно этому сыну, а также его четырехлетнему ребенку старик и завещал имение, причем сделал он это таким образом, чтобы не оставить мистеру Дэшвуду никакой возможности обеспечить тех, кто был ему особенно дорог и кто более других нуждался в поддержке: в завещании запрещалось делить поместье, а также продавать произраставшую в его лесах древесину ценных пород. Все это было сделано во благо ребенка, который, приезжая погостить в Норленд-парк, очаровал двоюродного прадедушку своими милыми особенностями, отнюдь не редкими для двух-трех-



*Однако именно этому сыну, а также его четырехлетнему ребенку
старик и завещал имение...*

летних детей: неуверенным лепетом, горячим желанием добиваться своего, шумливостью и множеством хитрых шалостей. Они перевесили для него всю ценность внимания, которое в течение многих лет он получал от своей племянницы и ее дочерей. Но все же обидеть их он не хотел, и в знак своей любви завещал каждой из девушек по тысяче фунтов.

Первое время мистер Дэшвуд был очень разочарован и даже подавлен, однако благодаря своему веселому жизнерадостному характеру унывал он недолго и решил, что за годы жизни, ведя хозяйство экономно, он сможет накопить значительную сумму из доходов от поместья, которую можно будет увеличить, если грамотно управлять делами. Однако удача пришла к нему слишком поздно: он всего на год пережил своего дядю, оставив в наследство вдове и дочерям лишь десять тысяч фунтов.

Как только стало понятно, что дни мистера Дэшвуда сочтены, он вызвал к себе сына и со всей настойчивостью, на которую у него хватило сил, поручил ему заботиться о мачехе и сестрах.

Джон Дэшвуд, в отличие от других членов семьи, не был склонен к проявлению сильных чувств, но даже на него подобная просьба при таких обстоятельствах оказала сильное воздействие, и он обещал сделать все возможное для их благополучия. Такое заверение успокоило умирающего. А Джон Дэшвуд принялся размышлять, сколь многое он может сделать для своих близких.

Он не был плохим человеком, конечно если не брать в расчет некоторую черствость и эгоистичность. В обществе он пользовался уважением, ибо в обычной жизни отличался порядочностью. Если бы он женился на более добродушной женщине, то мог бы стать еще более достойным джентльменом, и, вероятно, перенял бы ее доброту, ведь он был совсем молод, когда женился, и беззаветно любил свою супругу. Однако Фанни Дэшвуд напоминала утрированную карикатуру на него самого — она была еще более эгоистичной и бессердечной.

Давая обещание отцу, он размышлял о том, чтобы добавить к состоянию каждой из своих сестер по тысяче фунтов. Тогда он действительно считал, что может себе это позволить. Перспектива получать четыре тысячи ежегодно в дополнение к оставшейся половине состояния матери грела его душу и рождала в ней благородные порывы. Да, он подарит им три тысячи фунтов, это будет щедро и великодушно. Для их благополучия этого будет достаточно. Три тысячи фунтов! Он может позволить себе расстаться со столь значительной суммой без особого ущерба. Об этом он думал весь день, а затем еще много дней подряд, ни на минуту не пожалев о принятом решении.

Едва закончились похороны его отца, как в поместье нагрянула Фанни Дэшвуд с сыном и слугами, даже не известив свекровь о своем намерении. Никто не мог бы оспорить ее права приехать, ведь с момента смерти старого Дэшвуда дом принадлежал ее мужу. Однако это обстоятельство лишь усугубило неделикатность и без того неподобающего ее поступка. Миссис Дэшвуд, воспитанная на высоких идеалах чести и благородства, восприняла его как личное оскорбление. Подобные действия, независимо от того, кем и для чьего блага они были совершены, вызывали у нее непреодолимое отвращение. Родственники мужа никогда особо не любили Фанни Дэшвуд, но до сих пор ей не представлялось возможности показать, насколько ей безразличны душевный комфорт и чувства других людей, когда она преследует свои цели.

Миссис Дэшвуд была так возмущена оскорбительным поведением невестки и испытывала к ней такое презрение, что готова была навсегда покинуть усадьбу. Ее оста-

новили лишь уговоры старшей дочери, убедившей ее, что столь спешный отъезд выглядел бы неприличным. Ее также сдержала любовь к своим дочерям, во имя которой она решила не порывать отношений с их братом.

Элинор, старшая из дочерей, чьи уговоры оказались столь действенными, обладала проницательным умом и рассудительностью. Это позволило ей в свои двенадцать лет стать советницей матери и во имя общего блага гасить необдуманные эмоциональные порывы миссис Дэшвуд. Элинор была добросердечна, покладиста и очень эмоциональна, однако она умела обуздывать свои чувства. Ее мать это умение так и не приобрела, а одна из сестер этому так и не научилась.

Марианна во многих отношениях ничем не уступала Элинор: она также была умна и рассудительна. Однако пылкость характера заставляла ее отдаваться печалям и радостям без остатка. Она была благородна, мила, загадочна, но ей не хватало благоразумия. Ее сходство с матерью было просто поразительным.

Чрезмерная импульсивность сестры беспокоила Элинор, в то время как миссис Дэшвуд ценила и лелеяла это качество в своей дочери, и теперь они с Марианной поддерживали друг друга в своей безутешной печали. Они всецело отдались своему горю, упиваясь им, поддерживая его и не допуская даже мысли об утешении. Элинор тоже пребывала в глубокой печали, однако она старалась бороться с собой. Она нашла в себе силы советоваться с братом, гостеприимно встретить невестку и после ее приезда обходиться с ней вежливо. Элинор пыталась побудить к этому и свою мать.

Третья сестра, Маргарет, была добродушной и жизнерадостной девочкой. Она переняла от Марианны ее романтическую порывистость, однако не могла соперничать с ней в остроте ума и в свои тринадцать лет не стремилась сравниться с более взрослыми сестрами.

ГЛАВА II

Фанни Дэшвуд стала хозяйкой Норленда, а ее свекровь и золовки были низведены до положения гостей. Однако она была с ними обходительна, а ее муж относился к ним со всей добротой, какую только он мог испытывать, когда дело касалось не его самого, его жены или ребенка. Он настойчиво внушал им, что они могут считать Норленд своим домом, и вдова решила не пренебрегать оказанной ей любезностью, во всяком случае до тех пор, пока она не подыщет себе дом по соседству.

Вынужденное пребывание в доме, где все напоминало ей о приятных мгновениях прошлого, было ей по душе. В минуты радости она предавалась веселью, как никто другой, и уповала на счастье с такой светлой надеждой, которая сама по себе уже была счастьем. Но и в печаль она погружалась с головой, отвергая от себя любую возможность утешения с той же силой, с которой прежде ревностно оберегала свое счастье.

Фанни Дэшвуд вовсе не одобряла того, что ее муж намеревался сделать для своих сестер. Отнять три тысячи фунтов из наследства ее дорогого сыночка было для нее все равно, что обобрать его. Поэтому она попросила мужа еще раз подумать на эту тему. Неужели он хочет лишить своего единственного ребенка столь внушительной суммы? И какое право вообще имеют на такую щедрость его сводные сестры? Он ведь связан с ними родством лишь наполовину, разве можно такое родство вообще воспринимать всерьез? Всем известно, что между детьми от разных браков их отца не может быть никакой привязанности. Так зачем же тогда ему разорять себя и их бедного маленького Гарри, отдавая деньги сводным сестрам?

— Это была последняя просьба моего отца, — ответил ее муж, — чтобы я помог его вдове и дочерям.

— Мне кажется, он не понимал, что говорит; десять к одному, что он бредил. Будь он в здравом уме, ему бы и в голову не пришло умолять тебя лишить половины состояния своего собственного ребенка!

— Он не оговаривал никакой конкретной суммы, моя дорогая Фанни, он только в общих чертах просил меня помочь и сделать их будущее более благополучным, чем это было в его силах. Он мог и не говорить об этом, а просто положиться на меня, ведь не думал же он, что я откажу им в помощи! Однако он все же потребовал дать обещание, и я не мог не сделать этого; по крайней мере, в тот момент именно так мне казалось. Обещание было дано, и я должен его исполнить. Нужно будет что-то сделать для них, когда они покинут Норленд и поселятся в новом доме.

— Ну, так сделай для них что-нибудь. Неужели это должны быть именно три тысячи фунтов? Учи, — добавила супруга, — когда деньги отданы, их уже не вернешь.

Твои сестры выйдут замуж, и ты лишишься этих денег навсегда. Но если бы они все же достались нашему бедному маленькому сыночку...

— Конечно же, — со всей серьезностью произнес ее муж, — это очень важно. Может случиться, что Гарри пожалеет об утрате такой крупной суммы. Например, если у него будет много детей. Эти деньги могли бы стать для его семьи неплохим подспорьем.

— Конечно!

— Тогда, пожалуй, для всех будет лучше, если уменьшить эту сумму наполовину, ведь и пятьсот фунтов существенно увеличат их состояние.

— О! Это будет великолепно! Какой еще брат сделал бы хотя бы половину того, что ты собираешься сделать для своих сестер, тем более не родных, а всего лишь сводных. Ты так щедр к ним!

— Я не хотел бы мелочиться, — ответил он. — В таких вопросах лучше дать больше, а не меньше; тогда никто не сможет сказать, что я недостаточно о них позаботился. Думаю, они и сами не ждут от меня большего.

— Невозможно узнать, чего они ждут, — сказала жена. — Однако, мы и не должны думать об их ожиданиях: вопрос лишь в том, что мы можем себе позволить.

— Конечно. И мне кажется, я могу себе позволить дать им по пятьсот фунтов. Хотя и без моей помощи каждая из них получит более трех тысяч фунтов наследства после смерти матери, а это весьма солидное состояние для любой девушки.

— Разумеется! И мне кажется, они и вовсе не нуждаются в прибавках. Они же делят между собой десять тысяч фунтов! К тому же они могут удачно выйти замуж и тем самым решить свои финансовые проблемы. В противном случае можно прекрасно жить и на проценты со столь внушительного наследства.

— Совершенно верно. В связи с этим, я думаю, лучше оказать помощь не им, а их матери. Например, назначить ей пожизненную пенсию в сто фунтов в год. Этой суммы должно вполне хватить для жизни как ей, так и сестрам.

Однако его жену этот план не удовлетворил.

— Да, — сказала она, — это лучше, чем сразу расстаться с полутора тысячами фунтов. Но если миссис Дэшвуд проживет пятнадцать лет, то мы потеряем именно эту сумму.

— Пятнадцать лет! О чем ты говоришь, моя дорогая Фанни? Да она не проживет и половины этого срока.

— Я это понимаю, но, наверное, ты замечал, что люди, которым выплачивают пенсию, живут вечно. А у нее прекрасное здоровье, много сил, и ей едва за сорок. Пенсия — дело серьезное. Каждый год она требует все новых и новых расходов, избавиться от которых невозможно. Ты не осознаешь, что делаешь. Я не понаслышке знаю, что такое пенсия, ведь по завещанию отца моя мать вынуждена была содержать трех престарелых слуг, и это было для нее очень обременительно. Дважды в год она платила им из своего кармана, решая еще и проблему с отсылкой денег. Однажды пришло известие, что кто-то из этих слуг умер. Но потом выяснилось, что ничего подобного. Моя мать так намучалась с этими пенсиями! Она говорила, что ее доходы ей не принадлежат, раз существенная их часть регулярно изымается. Со стороны моего отца это было так жестоко, ведь если б не пенсия, мама могла бы распоряжаться всеми своими деньгами и ни в чем себя не ограничивать. С тех пор мне так ненавистны эти пенсии, что я ни за какие сокровища не хотела бы связывать себя такими обязательствами.



Я даже не представляю, куда они будут тратить и половину от этих денег.

— Конечно, это неприятно, — ответил мистер Дэшвуд, — иметь такие потери в доходах. При этом собственное твое состояние, как справедливо отметила твоя мать, тебе уже не принадлежит. Совсем не хотелось быть обязанным регулярно выплачивать такую сумму, ведь это все равно, что лишиться независимости.

— Несомненно! К тому же никто тебе за это и спасибо не скажет. Постоянные выплаты воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и благодарности не вызывают. Я бы на твоём месте помогала им тогда, когда тебе этого захочется, не стесняя себя ненужными ежегодными обязательствами. Ведь в тот или иной год у нас может не оказаться возможности отдать даже сто или пятьдесят фунтов.

— О, да, любовь моя, ты права! Лучше обойтись без регулярной пенсии. Те средства, что я смогу давать им время от времени, станут для них гораздо лучшим подспорьем, чем ежегодное пособие: если они будут уверены в постоянном доходе, то просто будут жить более расточительно, и к концу года не станут ни на пенс богаче. Гораздо разумнее было бы давать им по пятьдесят фунтов время от времени, что будет избавлять их от нужды в деньгах, кроме того, это позволит мне сдерживать данное отцу обещание.

— Ну разумеется! По правде говоря, я глубоко убеждена в том, что твой отец все и не имел в виду денежную помощь. Я думаю, речь шла лишь о том, что от тебя разумно было бы ожидать, например, о помощи в поиске удобного дома, о хлопотах при переезде, о посылке им рыбы, дичи и других сезонных даров природы. Ручаюсь, он не имел в виду ничего иного! На его месте было бы странно и неразумно требовать от тебя большего. Просто подумай, милый мой Дэшвуд, как прекрасно твоя мать и ее дочери смогут жить на проценты с семи тысячи фунтов! Это даже не считая той тысячи фунтов, которая есть у каждой из сестер, и которая приносит еще по пятьдесят фунтов ежегодно. Конечно, из этих денег они смогут платить матери за питание. В общей сложности они будут иметь пятьсот фунтов в год на всех. Но много ли нужно четверем женщинам, ведь они могут жить скромно! Вести хозяйство они станут сами. Экипажи, лошади, слуги — все это им ни к чему. Никаких расходов. Только подумай, как прекрасно они смогут жить на пятьсот фунтов! Я даже не представляю, куда они будут тратить и половину от этих денег. Совершенно нелепо было бы одаривать их деньгами. Это им будет легче подарить что-то тебе.

— Честное слово, — ответил мистер Дэшвуд, — ты совершенно права! Мой отец, конечно же, имел в виду именно то, что ты сказала. Теперь я отчетливо это понял и буду скрупулезно выполнять свои обязательства, оказывая им ту помощь и заботу, о которых ты говорила. Когда моя мать решит переехать в другой дом, я с радостью ей в этом помогу. Думаю, по этому случаю ей уместно будет подарить что-то из мебели.

— Конечно, — ответила Фанни Дэшвуд. — Однако, тут стоит принять во внимание одно обстоятельство. Когда твои отец и мать переехали в Норленд, их мебель из Стэнхилла была продана, но весь фарфор, посуда и белье остались, и они хранятся теперь у твоей матери. Поэтому ее новый дом будет сразу же почти полностью обставлен.

— Это, несомненно, важное замечание. Очень ценное наследство! А ведь часть той посуды очень бы пригодилась и нам.

— Да, и тот чайный сервиз намного красивее здешнего. Мне кажется, он слишком роскошен для их будущего жилища. Однако, ничего не поделаешь. Твой

отец думал только о них, но я все же скажу — ты не должен испытывать к нему особой благодарности и исполнять его желания, ведь мы прекрасно знаем, что он все, ну, почти все, оставил бы твоим сестрам и мачехе, если бы у него была такая возможность.

Последний аргумент был неотразим. Он придавал решимость его намерениям оказывать вдове и детям своего отца лишь те добрососедские услуги, которые перечислила его жена. Нечто большее стало казаться ему не просто излишним, но даже в высшей степени неприличным.

ГЛАВА III

Миссис Дэшвуд прожила в Норленде еще несколько месяцев. Нельзя сказать, что ей не хотелось переезжать. Напротив, когда вид каждого хорошо знакомого места перестал будоражить в ее душе горестные воспоминания, когда она стала понемногу приходить в себя и не могла уже продолжать беспрерывно упиваться скорбью, ей нестерпимо захотелось уехать, и она стала неутомимо искать жилье в окрестностях Норленда — разорвать связь с любимыми местами у нее просто не хватало духа. Однако все близлежащие дома либо не соответствовали ее представлениям о покое и комфорте, либо были благоразумно забракованы ее старшей дочерью как слишком большие для их скромных материальных возможностей.

Джон сообщил миссис Дэшвуд о торжественном обещании позаботиться о ней и о ее дочерях, которое он дал своему отцу, чтобы облегчить его предсмертные часы. Она, как и покойный, ничуть не сомневалась в искренности этого заверения, и, думая об этом, каждый раз радовалась, не столько за себя, сколь за своих дочерей. Сама же она была уверена, что для хорошей жизни семи тысяч фунтов ей хватит с лихвой. Радовалась она и за то, что брат ее дочерей столь великодушен, одновременно укоряя себя в несправедливом отношении к нему, в неверии в его щедрость. Внимательное отношение к ней и сестрам убедило ее, что их благополучие ему дорого, и долгое время она верила в благородство его намерений.

Презрение, которое она испытывала к своей невестке с самого начала их знакомства, только возросло за полгода пребывания с ней в одном доме, ибо за это время открылись все грани ее характера. Вероятно, обе дамы, несмотря на соображения приличий и материнскую любовь, не смогли бы прожить вместе так долго, если бы ни одно особое обстоятельство, которое, по мнению миссис Дэшвуд, оправдывало пребывание ее дочерей в Норленде.

Этим обстоятельством стала растущая симпатия между ее старшей дочерью и братом Фанни — благородным и приятным молодым человеком, который познакомился с ними сразу же после приезда его сестры в Норленд, и с тех пор проводил в усадьбе большую часть своего времени.

Некоторые матери поощряли бы эту симпатию из корыстных побуждений, ведь Эдвард Феррарс был сыном человека, оставившего после смерти огромное состояние; другие благоразумно препятствовали бы этим отношениям, ибо, за исключением незначительного дохода, он финансово полностью зависел от своей матери. Однако на миссис Дэшвуд ни одно, ни другое соображение не оказывали никакого влияния. Ей было достаточно того, что молодой человек казался порядочным, полюбил ее дочь, а Элинор ответила ему взаимностью. Она была убежде-

на, что разница в уровне дохода не должна служить препятствием для искренних чувств, основанных на душевном родстве. К тому же достоинства Элинор были очевидны для всех, кто был с ней знаком.

Эдвард Феррарс отнюдь не сразу произвел на них приятное впечатление. Он не был красив, а его манера обхождения становилась привлекательной только при близком знакомстве. Ему мешала излишняя застенчивость, но в те моменты, когда ее удавалось преодолеть, он предстал в самом лучшем свете. Он был не только благороден, но также умен и хорошо образован. Однако у него не было никаких амбиций сделать карьеру и занять высокое положение в обществе, как того желали для него мать и сестра. Мать пыталась заинтересовать его политикой, хотела, чтобы он стал членом парламента или помощником высокопоставленного чиновника. Сестра также мечтала видеть его в кресле депутата, но в ожидании этого желала ему стать кучером роскошного экипажа. Однако Эдварда не привлекали ни чиновники, ни экипажи. Все его желания ограничивались тишиной уединения и уютом семейного очага. Благо у него был младший брат, который подавал большие надежды.

Эдвард пробыл в усадьбе несколько недель, прежде чем привлек к себе внимание миссис Дэшвуд: она была так подавлена своим горем, что ни на что не обращала внимания. Она запомнила только, что он был скромен и ненавязчив, и ей это нравилось; в то время она стремилась, чтобы никто не тревожил ее скорбные думы ненужными разговорами. Заинтересовалась им миссис Дэшвуд лишь когда Элинор в разговоре с ней упомянула, как мало он похож на свою сестру. Этот контраст пришелся ее матери по душе.

— Мне достаточно уже того, — сказала она, — что он не похож на Фанни. Это подразумевает самые достойные качества характера. Я уже полюбила его.

— Я думаю, он по-настоящему понравится тебе, — ответила Элинор, — лишь когда ты узнаешь его поближе.

— Уже нравится! — с улыбкой возразила мать. — Если я одобряю, значит люблю, и никак иначе.

— Но ты можешь просто питать к нему уважение.

— Уважение и любовь для меня нераздельны.

После этого разговора с дочерью миссис Дэшвуд решила поближе познакомиться с Эдвардом. Она быстро расположила его к себе, и он забыл о своей робости. Миссис Дэшвуд убедилась, что молодой человек действительно преисполнен достоинств. Пообщавшись с ним, она уверилась в том, что он любит Элинор. И даже его скромная сдержанность, которую она считала неподобающей для светских людей, не оттолкнули ее, ведь перед ней открылась его тонкая, добросердечная натура.

Как только она заметила, что Элинор и Эдвард влюблены друг в друга, она уверовала в серьезность их отношений, которые, по ее разумению, должны были привести к скорому браку.

— Через несколько месяцев, моя милая Марианна, — обратилась она к своей средней дочери, — судьба Элинор, я надеюсь, будет устроена на всю жизнь. Нам будет ее не хватать, но зато ее ждет счастье.

— О, мама! Как же мы будем жить без нее?

— Любовь моя, мы ведь не разлучимся с ней навсегда! Она будет жить в нескольких милях от нас, и мы сможем видеться хоть каждый день. У тебя появится брат, по-настоящему любящий тебя, ведь я не сомневаюсь в добросердечности Эдварда. Однако у тебя такой печальный вид... Ты не одобряешь выбора сестры?

— Признаться, я немного удивлена, — ответила Марианна. Эдвард очень мил, и он мне очень нравится, но все же он не из тех молодых людей, которые могли бы покори́ть сердце моей сестры. Ему чего-то недостает... В нем нет харизмы, изящества манер. В его глазах нет того огня, который возвещает о подлинных добродетелях и незаурядном уме. Кроме того, мама, я не заметила у него должного вкуса. Музыка, похоже, вообще его не волнует, а рисунками Элино́р он восхищается лишь потому, что любит ее, а не потому, что понимает, насколько они прекрасны. Вероятно, в искусстве он ничего не смыслит. Я бы не смогла полюбить человека, чей вкус не совпадает с моим. Иначе как же он сможет познать мой внутренний мир? Нас должны связывать одни и те же книги, очаровывать одна и та же музыка. О, мама! Как скучно и бесстрастно Эдвард читал нам вчера вечером. И как я сочувствовала своей сестре, которая была вынуждена делать вид, что все в порядке. Я едва сдержалась, чтобы не убежать! Это же мука — слышать, как прекрасные строки, которые сводили меня с ума, произносятся с таким непроницаемым спокойствием, с таким ужасающим безразличием!

— Не сомневаюсь, что ему бы больше подошло читать простую и изящную прозу. А ты хочешь, чтобы он декламировал Каупера.

— Мама, но если даже Каупер его не трогает... Впрочем, о вкусах не спорят. Элино́р чувствует иначе, чем я, она может не замечать этого и быть с ним счастлива. Однако если бы его любила я, у меня бы сердце разбилось от его манеры читать. Ах, мама, чем больше я узнаю о мире, тем больше убеждаюсь, что мне не суждено встретить человека, которого я смогла бы полюбить по-настоящему. Я ведь так взыскательна! Он должен не только обладать всеми добродетелями Эдварда, но сочетать их с внешней привлекательностью, тонким вкусом и изысканностью манер.

— Любовь моя, не забывай, что тебе нет еще и семнадцати лет! Еще слишком рано отчаиваться. Разве ты меньше достойна семейного счастья, чем твоя мать? Пусть лишь в одном этом твоя судьба будет иной, чем у нее.

ГЛАВА IV

— Какая жалость, Элино́р, — сказала Марианна, — что у Эдварда совсем нет тяги к рисованию.

— Нет тяги? — повторила Элино́р. — Почему ты так думаешь? Да, сам он не рисует, но чужие рисунки доставляют ему большое удовольствие, и, уверяю тебя, он отнюдь не лишен вкуса, хотя ему и не представилось возможности развивать его. Если бы он учился, думаю, он рисовал бы очень хорошо. Он так мало доверяет своему суждению на этот счет, что не хочет высказывать мнение о картинах. Однако во врожденной верности и простоте вкуса ему не откажешь.

Марианна побоялась обидеть сестру и поэтому решила промолчать. Конечно, то одобрение, которое по словам Элино́р вызывали у него картины, не имело ничего общего с восторженным преклонением перед прекрасным, которое, по ее мнению, было неразрывно связано с художественным вкусом; и все же, улыбаясь про себя заблуждению своей сестры, она уважала в ней готовность во всем восхищаться своим возлюбленным.

— Надеюсь, Марианна, — продолжила Элино́р, — ты не считаешь, что он вовсе лишен вкуса? Ты ведь не можешь так считать, ведь ты так мила с ним. Если бы ты действительно отказывала ему во вкусе, то не смогла бы вести себя с ним так обходительно.

Марианна не знала, что и сказать. Она ни в коем случае не хотела ранить чувства своей сестры, но и говорить неправду было выше ее сил.

— Не обижайся Элино́р, — ответила она в итоге, — если я хвалю его не так, как он, по твоему мнению, того заслуживает. Я знаю его не так хорошо, как ты, и не могу оценить мельчайшие особенности его ума и вкуса. Однако я высоко ценю его доброту и искренность. Я считаю его человеком в высшей степени достойным и замечательным.

— Я уверена, — ответила Элино́р с улыбкой, — что такая характеристика удовлетворила бы даже самых близких его друзей. Ничего более приятного и сказать невозможно!

Марианна была рада, что своим ответом она угодила сестре.

— В его здравомыслии и добродетельности, — продолжала Элино́р, — я думаю, не усомнился ни один человек, с кем он когда-либо разговаривал по душам. Лишь застенчивость, которая слишком часто заставляет его молчать, может скрывать в нем глубоко нравственного и в высшей степени рассудительного человека. Ты знаешь его довольно близко и уже воздала должное его достоинствам. Однако с его мельчайшими особенностями, как ты выразилась, я имела возможность познакомиться ближе, чем

ты. Мы с ним часто проводили время вместе, пока ты была увлечена заботой о нашей матушке: в то время она так нуждалась в поддержке. Вот почему я многое знаю о его литературных и художественных пристрастиях, и могу сказать, что он очень эрудирован, любит книги и обладает живым воображением. Его суждения всегда справедливы, а вкус тонок. Чем ближе ты узнаешь его, тем ярче раскрываются в нем его лучшие качества, а внешность представляется все более притягательной. Да, на первый взгляд он не кажется красавцем или галантным кавалером, но прекрасное выражение его глаз пленяет, а лицо буквально светится добротой. Я узнала его так близко, что он кажется мне красивым. По крайней мере, почти... А тебе, Марианна?

— Пока еще нет, Элинор, но я уже почти полюбила его, как брата, и скоро красота его лица станет для меня столь же очевидной, как красота его души.

Услышав это заверение сестры, Элинор пожалела о той пылкости, с которой защищала достоинства Эдварда. Она, конечно, верила, что Марианна была о нем самого высокого мнения, и это уважение было взаимным. Однако ей не хватило одного лишь уверения сестры, ведь она знала, что любое ее предположение может тотчас перерасти в непоколебимую уверенность. Когда Марианна надеялась на что-то, она ожидала, что ее надежда незамедлительно исполнится. Поэтому Элинор поспешила объяснить сестре истинное положение дел.

— Не стану отрицать, — сказала она, — что я очень высокого мнения о нем, я его уважаю, и он мне нравится.

Марианна тут же вспыхнула от негодования.

— Уважаю! Нравится! Да что это за слова? Какая же ты бессердечная, Элинор! Что может быть хуже, чем стыдиться выразить свои чувства? Не повторяй этих слов, или я тотчас же выйду из комнаты!

Элинор не удержалась от смеха.

— Прости, — сказала она, — я вовсе не хотела тебя обидеть, говоря так спокойно о своих чувствах. Поверь, они сильнее, чем слова. Они так же значительны, как его достоинства, как моя надежда на взаимность, но они не безрассудны. Я ведь отнюдь не убеждена в его ответных чувствах. Бывают моменты, когда я сомневаюсь в его расположении ко мне. И до тех пор, пока его чувства не до конца мне открылись, не удивляйся моему желанию сдерживать свои душевные порывы. В глубине души я почти не сомневаюсь в их взаимности. Однако кроме чувств необходимо учитывать и многое другое. Он во многом зависит от своей матери, с которой я не знакома, но судя по тому, как о ней отзывалась Фанни, женщина она не самая добросердечная. И я не ошибусь, если предположу, что Эдвард прекрасно понимает, какие трудности возникнут на его пути, если он захочет жениться на женщине, не имеющей ни большого состояния, ни высокого положения.

Марианна была удивлена тем, насколько ее мать и она сама в своем воображении опередили реальное положение дел.

— Так ты еще не помолвлена с ним?! — воскликнула она. — Не сомневаюсь, что это скоро произойдет. К тому же у такой отсрочки есть два плюса: я не разлучусь с тобой слишком скоро, а у Эдварда будет время развить вкус к твоему любимому занятию, который так необходим для вашего будущего счастья. Ах, если бы твой талант вдохновил его учиться рисовать... Это было бы просто восхитительно!

Элинор сказала сестре чистую правду. Вопреки чаяниям Марианны, она видела свой союз с Эдвардом отнюдь не в розовом свете. Временами она ощущала по

отношению к себе такую прохладную сдержанность, которая, конечно, не означала равнодушия, но все же беспокоила ее. Если бы он не был уверен во взаимности их чувств, то испытывал бы скорее тревожное волнение, чем то уныние, которое порой накатывало на него. Возможно, причиной тому было его зависимое положение, которое мешало ему дать волю своим чувствам. Ведь Элинор было известно — его мать относилась к нему так, что родительский дом стал для него чужим. Эта властная женщина и слышать не хотела про его желание завести семью; сначала он должен был покориться ее намерениям выстроить для этого блестящую карьеру. Зная все это, Элинор не могла не тревожиться об их с Эдвардом общем будущем. В отличие от матери и сестры, она не полагалась всецело на его расположение к ней. Напротив, чем дольше они были вместе, тем больше у нее возникало сомнений в природе его внимания по отношению к ней. Иногда ей казалось, что это не более, чем дружеское расположение.

Однако каковым ни было это чувство, сестра Эдварда, едва заметив его, встретила и (что не было редкостью) забыла о вежливости. При первом же удобном случае она не преминула задеть за живое свою свекровь и стала увлеченно рассказывать, каких женщин предпочитает ее брат, сколь завидные партии подыскивает миссис Феррарс для обоих своих сыновей, и какие беды подстерегают любую молодую особу, посмевавшую вмешаться в это дело. Миссис Дэшвуд не смогла пропустить мимо ушей эти оскорбительные намеки и сохранить спокойствие. С нескрываемым презрением она парировала выпад невестки и вышла из комнаты, твердо решив пренебречь неудобствами скоропалительного отъезда и как можно скорее уберечь свою дочь от дальнейших инсинуаций.

Не успели эти страсти остыть, как ей пришло письмо, содержавшее очень своевременное предложение. Ее родственник, знатный джентльмен из Девоншира, предлагал ей на крайне выгодных условиях арендовать принадлежавший ему небольшой дом. Письмо, написанное этим джентльменом, было проникнуто самым искренним родственным расположением. Узнав о том, что миссис Дэшвуд подыскивает себе жилище, он решил помочь ей. Он мог предложить ей лишь скромный деревенский дом, но уверял, что если этот дом придется ей по душе, то его можно будет переоборудовать и благоустроить по ее усмотрению. Он подробно описывал дом и сад, приглашал ее с дочерьми в свое имение Бартон-парк, чтобы они воочию могли оценить предлагаемый им, расположенный неподалеку коттедж. Казалось, что он действительно хочет помочь им, ведь письмо было написано в столь дружеском тоне, что не могло не порадовать миссис Дэшвуд, тем более, что оно было получено, когда она страдала от холодного бесчувственного отношения более близких родственников. Без всяких раздумий она решила принять предложение своего кузена, едва лишь дочитала письмо. И если несколькими часами ранее расположение усадьбы Бартон в таком отдаленном от Суссекса графстве, как Девоншир, воспринималось бы как препятствие для переезда, то теперь это обстоятельство казалось ей лучшим доводом в его пользу. Она больше не боялась покинуть окрестностей Норленда; напротив, это стало ее жгучим желанием, сулившим избавление от нравственных страданий, вызванных общением с невесткой. Навсегда расстаться с любимым местом было для нее менее мучительным, чем жить или гостить в нем, когда его хозяйкой является столь неприятная особа. Она тотчас же написала сэру Джону Мидлтону, что благодарит его за гостеприимство и

принимает его предложение, а затем поспешила показать оба письма своим дочерям, чтобы заручиться их одобрением, прежде чем отправить ответ.

Элинор всегда считала, что им благоразумнее было бы поселиться на некотором расстоянии от Норленда, вдали от круга их нынешних знакомых. Поэтому она не могла возражать против намерения матери переехать в Девоншир. Дом, описанный сэром Джоном, обещал быть столь скромным, а арендная плата столь умеренной, что она просто не чувствовала себя вправе возражать. Несмотря на то, что этот план по известным причинам ее совсем не обрадовал, и она предпочла бы остаться в Норленде, она не стала отговаривать миссис Дэшвуд немедленно отправить письмо с ответом.

ГЛАВА V

Как только ответ был отправлен, миссис Дэшвуд не отказала себе в удовольствии объявить пасынку и его супруге, что у нее отныне есть собственный дом, и она перестанет беспокоить их своим присутствием, как только он будет обустроен. Они восприняли эту новость с удивлением. Фанни промолчала, а ее супруг вежливо выразил надежду, что она поселится неподалеку от Норленда. Миссис Дэшвуд не без удовольствия ответила, что уезжает в Девоншир. Услышав это, Эдвард посмотрел на нее и встревоженно повторил:

— В Девоншир! В самом деле? Так далеко отсюда! А куда именно?

Она объяснила, что ее новый дом находится в четырех милях к северу от Эксетера.

— Это всего лишь небольшой коттедж, — продолжила она, — но я надеюсь видеть в нем многих своих друзей. Если их не отпугнет дальняя дорога, и они захотят повидаться со мной, то у меня легко найдутся одна-две свободных комнаты, чтобы они могли комфортно разместиться.

В заключение она со всей любезностью пригласила мистера и миссис Дэшвуд погостить у нее в Бартоне и еще более ласково позвала туда Эдварда. Несмотря на то, что последняя беседа с невесткой и заставила ее принять решение покинуть Норленд как можно скорее, у нее не было ни малейшего желания способствовать тому, ради чего Фанни тот разговор завела. Она вовсе не хотела разлучать Эдварда с Элинор. Более того, она нарочно обратилась к Эдварду, чтобы показать невестке свое полное безразличие к тому, что та не одобряет их брак.

Мистер Дэшвуд снова и снова повторял своей мачехе, как он сожалеет, что она сняла дом так далеко от Норленда, и он не имеет возможности помочь ей с перевозкой вещей. Он действительно был очень раздосадован этим, ведь теперь он не мог сдержать свое обещание отцу в тех рамках, которые он для себя определил. Весь груз был отправлен по воде. Он состоял главным образом из предметов гардероба, посуды и книг, а также прекрасного фортепиано Марианны. Фанни проводила поклажу печальным взглядом: она не могла побороть свою досаду от того, что миссис Дэшвуд, чей доход был ничтожен по сравнению с их доходами, будет владеть некоторыми полюбившимися ей предметами из норлендской мебели.

Миссис Дэшвуд сняла дом на год. Он был полностью готов к проживанию. Никаких затруднений в оформлении соглашения ни с одной, ни с другой стороны, не возникло. Миссис Дэшвуд оставалось лишь распорядиться частью своего имущества, оставшейся в Норленде и определиться с количеством прислуги: затем она могла отправляться на запад. Она не любила мешкать, поэтому решила все дела в самые короткие сроки. Лошади, оставшиеся после смерти мужа, были проданы, поэтому ей пред-

ставилась возможность избавиться и от экипажа, который она согласилась продать по настоятельному совету своей старшей дочери. Сама она хотела оставить экипаж для дочерей, но благоразумной Элинор удалось ее переубедить. Благодаря ее рассудительности в выборе прислуги удалось ограничиться двумя служанками и одним лакеем, которых быстро нашли среди тех, кто служил в Норленде.

Лакей и одна из служанок были немедленно отправлены в Девоншир, чтобы прибрать дом к приезду новой хозяйки. Миссис Дэшвуд не была знакома с леди Мидлтон, поэтому предпочла не останавливаться в Бартон-парке, а отправиться прямо в коттедж, предварительно даже не осмотрев его, ведь она полностью полагалась на описание, предоставленное сэром Джоном. Ее горячее желание поскорее покинуть Норленд лишь усиливалось от нескрываемой радости, которую по этому поводу испытывала ее невестка, ограничившаяся лишь холодным предложением не торопиться со сборами. Настало самое подходящее время для того, чтобы ее пасынок выполнил данное своему отцу обещание, ведь он не сделал этого, когда впервые приехал в поместье. Однако миссис Дэшвуд уже потеряла всякую надежду на это. В разговорах он всячески намекал, что уже достаточно помог им, предоставляя им возможность на протяжении полугода жить в Норленде. Он часто жаловался, что расходы на ведение хозяйства неуклонно растут, что человек, занимающий высокое положение в обществе, обречен на постоянные траты, что сам он нуждается в деньгах и не имеет возможности их раздавать.

Через несколько недель после того, как сэр Мидлтон отправил свое первое письмо в Норленд, в их будущем жилище все было устроено для того, чтобы принять новых хозяев, и они могли отправляться в путь.

Прощаясь с родными местами, они пролили немало слез.

«Милый, милый Норленд!», — твердила про себя Марианна, прогуливаясь перед домом вечером перед отъездом. «Когда же я перестану скучать по тебе? Когда почувствую себя как дома где-нибудь еще? О, милый дом, знал бы ты, как я страдаю, глядя на тебя и зная, что, может, не увижу тебя больше никогда. А вы, так хорошо знакомые мне деревья! Вы останетесь такими, как и прежде. Ни один лист не увянет от того, что мы навсегда уедем отсюда, ни одна ветка не засохнет, хотя мы больше не сможем любоваться вами. Ничего не изменится, ведь вам неведома ни радость, ни печаль. Вам безразлично, кто бродит под вашей сенью. Кто же здесь останется восхищаться вами?».

ГЛАВА VI

Поначалу путешествие показалось им скучным и утомительным, ведь грусть от расставания с Норлендом еще не успела рассеяться. Однако по мере того, как они удалялись от знакомых мест, их все больше и больше начали занимать новые пейзажи. Открывшийся им в конце пути вид на Бартонскую долину с ее густыми рощами и широкими лугами окончательно развеял всякую печаль. Их дом выходил фасадом на маленький зеленый дворик, войти в который их приглашала аккуратно сделанная калитка.

Бартон-коттедж оказался хоть и небольшим, но очень уютным и комфортным. Правда, как и все сельские дома, он не был лишен некоторых изъянов: здание имело незамысловатую правильную форму и черепичную крышу, ставни не были выкрашены в зеленый цвет, а стены не увиты жимолостью. Узкий коридор вел через весь дом прямо в сад, располагавшийся позади него. По обе стороны от входа располагались две гостиные площадью примерно шестнадцать на шестнадцать футов, далее — другие комнаты и лестница на второй этаж, который занимали четыре спальни, над ними размещались две мансарды. Дом был построен не так давно и находился в хорошем состоянии. Конечно по сравнению с норлендской усадьбой он был скромнее и теснее, но слезы, связанные с мыслями об этом, высохли, едва они переступили порог своего нового жилища. Слуги встретили их так радушно, что они быстро утешились, и каждая из них старалась казаться счастливой ради счастья остальных. Было начало сентября, погода стояла солнечная, так что дом и окрестности предстали перед ними в самом выгодном свете, и они уже не жалели, что переехали именно сюда.

Расположение дома было прекрасным. Позади него поднимались живописные холмы; высокие и лесистые перемежались с пологими и открытыми. На одном из них виднелась деревня Бартон, которая из окон коттеджа выглядела просто прелестно. Со стороны фасада открывался широкий вид на всю долину и бескрайние просторы за ней. Холмы замыкали ее, но между двумя самыми крутыми из них был узкий проход, за которым долина продолжалась, но уже под другим названием.

Размерами и меблировкой дома миссис Дэшвуд в целом осталась довольна. Правда, здесь не хватало многих вещей, которые в прошлой жизни казались ей необходимыми, однако она любила все улучшать, к тому же в ее расположении была достаточная сумма наличных денег, чтобы изменить обстановку в доме по собственному усмотрению.

— Что касается дома, — сказала она, — то он, безусловно, очень мал для нашей семьи. Однако сейчас не время что-то менять. Весной, если у меня появятся лишние деньги, а они должны появиться, можно будет подумать о серьезной реконструкции

коттеджа, ведь гостиные слишком малы для того количества друзей, которое я хотела бы здесь принимать. А если присоединить к одной из них коридор, и, может быть, часть другой, а из оставшейся части сделать прихожую... Еще одну гостиную пристроить будет несложно, а над ней можно разместить спальню с мансардой; вот тогда наш домик будет выглядеть гораздо лучше. И мне бы хотелось, чтобы лестница была более широкой. Впрочем, наверное, я хочу слишком многого... Впрочем, мне кажется, расширить ее будет несложно. Весной станет ясно, какой суммой мы сможем располагать, вот тогда уже и обсудим перепланировку.

В ожидании этих изменений и денег, на которые должны были скопиться у женщины, никогда в жизни не делавшей сбережений, из ее годового дохода в пятьсот фунтов, они благоразумно довольствовались коттеджем в его нынешнем виде. Каждая занялась обустройством своей комнаты, расставляя книги и другие мелочи, чтобы почувствовать себя, как дома. Фортепьяно Марианны было распаковано и поставлено в подходящее для него место, рисунки Элинора были развешаны по стенам гостиной.

На следующий день, вскоре после завтрака, хлопоты по обустройству дома были прерваны появлением его хозяина, который зашел поприветствовать их в Бартоне и поинтересоваться, все ли у них в порядке. Сэр Джон Мидлтон оказался приятным мужчиной лет сорока. Выяснилось, что раньше он гостил в Стэнхилле, но это было так давно, что его юные родственницы уже позабыли об этом. Лицо его было преисполнено добродушием, а манеры, как и его письмо — искренним дружелюбием. Казалось, он был очень рад их приезду и хотел помочь им как можно удобнее устроиться на новом месте. Он многократно выражал свое искреннее желание дружить семьями и так сердечно уговаривал их каждый день обедать в Бартон-парке, пока они не обустроят свой коттедж, что излишняя настойчивость его уговоров, несколько выходявшая за рамки хорошего тона, не могла их обидеть. Доброта его не ограничивалась словами; уже через час после того, как он простился с ними, в их дом была прислана большая корзина овощей и фруктов, а к вечеру эти дары дополнились дичью. Помимо прочего, он настаивал на том, что будет доставлять их письма с почты и на почту, а также не сможет отказать себе в удовольствии каждый день присылать им свою газету.

Леди Мидлтон учтиво поручила мужу известить миссис Дэшвуд о том, что она желает нанести ей визит, когда это будет удобно. В ответ ей было передано столь же вежливое приглашение, откликнувшись на которое ее милость пожаловала к ним уже на следующий день.

Конечно же, они очень хотели увидеть особу, от которой во многом зависело, насколько приятной станет их жизнь в Бартоне. Ее внешность произвела на них самое благоприятное впечатление. Леди Мидлтон было не более двадцати шести — двадцати семи лет. Лицо ее было красивым, фигура статной и грациозной, а манеры — самыми изысканными. Однако ей не хватало хотя бы толики сердечной теплоты и открытости, которая так подкупала в ее муже. Визит был достаточно долгим, чтобы первоначальное восхищение ее персоной успело угаснуть. Она держала себя безупречно, однако в душе оставалась холодна, а ее участие в беседе исчерпывалось самыми общими вопросами и замечаниями.

Впрочем, поддерживать разговор и не требовалось: сэр Джон был очень болтлив, а леди Мидлтон предусмотрительно взяла с собой их старшего сына — славного мальчика лет шести, поэтому когда возникала неловкая пауза, обе женщины сразу обращались к одной теме — они спрашивали, как его зовут, сколько мальчику лет,



...леди Мидлтон предусмотрительно взяла с собой их старшего сына — славного мальчика лет шести, поэтому когда возникала неловкая пауза, обе женщины сразу обращались к одной теме — они спрашивали, как его зовут, сколько мальчику лет, восхищались его миловидностью.

восхищались его миловидностью, задавали ему множество вопросов, на которые его мать отвечала в то время, как он прижимался к ней, потупив голову, и ее милость не переставала удивляться, как же он застенчив в обществе, ведь дома он болтает, не умолкая. Во время любого официального визита ребенок просто необходим, дабы разговор не иссякал. Вот и на этот раз потребовалось по крайней мере минут десять, чтобы выяснить, на кого мальчик больше похож — на отца или на мать — и какими именно чертами. Конечно же, мнения разделились, и каждый был удивлен тем, насколько заблуждаются остальные.

Вскоре миссис Дэшвуд и ее дочерям представилась возможность обсудить достоинства и остальных детей, поскольку сэр Джон не собирался уходить, не получив от них обещания пообедать в Бартон-парке на следующий день.

ГЛАВА VII

Бартон-парк находился примерно в полумиле от коттеджа, совсем недалеко от дороги, по которой миссис Дэшвуд и ее дочери приехали в свое новое жилище. Однако усадьбы они не видели, поскольку та была скрыта от их глаз за холмом. Дом Мидлтонов оказался большим и красивым, под стать их образу жизни, гостеприимному и светскому. Первое отвечало характеру сэра Джона, а второе — его супруги. Почти все время в их доме кто-нибудь гостил, ведь друзей у них было больше, чем у любой другой семьи в округе. Им обоим это было необходимо для счастья, поскольку, как бы сильно не отличались друг от друга их характеры, они имели одно сходство, заключавшееся в почти полном отсутствии каких-либо талантов и пристрастий, из-за чего светская жизнь была едва ли не главным их развлечением. Сэр Джон был охотником, леди Мидлтон — матерью. Он стрелял дичь, а она баловала своих детей. Круг их интересов исчерпывался этими заурядными занятиями. Леди Мидлтон имела перед мужем преимущество в том, что она могла опекать своих детей круглый год, в то время как он был способен заниматься охотой лишь половину этого времени. Однако постоянные визиты гостей и поездки в гости заполняли собой все их свободное время, благодаря чему сэр Джон всегда пребывал в хорошем настроении, а его жена имела возможность блистать в светском обществе.

Леди Мидлтон придавала большое значение изысканности стола, безупречной подготовке дома к приему гостей, и этим тешила свое тщеславие. Сэр Джон же искренне любил общество. Он с удовольствием собирал вокруг себя молодежь, порой приглашая больше людей, чем мог вместить его дом, и чем более шумно они проводили время, тем счастливее он был. Его юные соседи считали его настоящим благодетелем, ведь летом он постоянно устраивал пикники, предлагая гостям попробовать на свежем воздухе холодную ветчину или дыленка, а зимой регулярно собирал танцевальные вечера и лишь ненасытные пятнадцатилетние барышни могли пожелать, чтобы они проходили еще чаще.

Приезд любой новой семьи в их края всегда очень радовал его, а нынешние постояльцы Бартон-коттеджа произвели на него самое благоприятное впечатление. Сестры Дэшвуд были молоды, хороши собой и непосредственны. Этого было достаточно, чтобы завоевать его расположение, ведь искренность придает очарование любой миловидной девушке. По натуре он был человеком дружелюбным и с радостью предоставлял приют тем, кто оказался в трудной ситуации. Его сострадательное сердце было счастливо помочь родственникам. К тому же и как охотник он был рад поселить у себя семью, состоящую только из женщин, ведь любой охотник хотя

и уважает мужчин, разделяющих его увлечение, однако остерегается привычать их у себя, чтобы не делить с ними дичь.

Сэр Джон встретил миссис Дэшвуд и ее дочерей на пороге своего дома и с неподдельной искренностью поприветствовал их в Бартон-парке. Провожая их в гостиную, он посетовал юным леди на то, что не сможет в этот раз познакомить их с достойными молодыми джентльменами. Лишь один кавалер составит сегодня им компанию, это приехавший к нему в гости близкий друг, но его нельзя назвать ни особенно молодым, ни слишком веселым. И все же он надеется, что они извинят его за столь скромный прием и спешит их заверить, что впредь все будет по-другому. Утром он нанес визит нескольким соседям с целью ангажировать их к себе на вечер, но все они уже были куда-либо приглашены, ведь вечера на дворе стоят лунные. К счастью, в усадьбу только что пожаловала мать леди Мидлтон, дама очень приятная и веселая, поэтому он надеется, что юным леди будет не так скучно, как они опасались. Сами же сестры Дэшвуд и их мать были вполне довольны, что им предстоит два новых знакомства, и большего не желали.

Миссис Дженнингс, мать леди Мидлтон, оказалась добродушной и жизнелюбивой пожилой женщиной, которая много разговаривала и выглядела несколько вульгарно. Она постоянно шутила и смеялась, за время обеда успела отпустить немало острот и намеков о поклонниках и женихах, выражая опасения, не остались ли сердца юных леди в Сассексе, и притворяясь, что видит, как они краснеют, хоть этого на самом деле не происходило. Марианна сочувствовала сестре, она посматривала на нее с тревогой, и эти взгляды причиняли Элинор гораздо больше страданий, чем плоские и неделикатные шуточки миссис Дженнингс.

Полковник Брэндон, друг сэра Джона, настолько отличался от него по характеру, что казалось, не подходил на роль его друга даже в большей степени, чем леди Мидлтон — на роль его жены, а миссис Дженнингс — на роль матери леди Мидлтон. Он был молчалив и серьезен, и, несмотря на его довольно привлекательную внешность, Марианна и Маргарет смотрели на него как на старого холостяка, ведь ему было не меньше тридцати пяти лет. Лицо его не отличалось красотой черт, однако оно не лишено было благообразия, а манеры выказывали в нем настоящего джентльмена.

Никто из присутствующих не пробудил интерес миссис Дэшвуд и ее дочерей к дальнейшему знакомству. Однако холодная пресность леди Мидлтон настолько отталкивала их, что на ее фоне серьезность полковника Брэндона и даже шумная веселость сэра Джона и его тещи казались им привлекательными. Леди Мидлтон ожидалась лишь после обеда, когда в комнату вошли четверо ее детей, которые постоянно дергали ее, теребили ее платье и перебивали любой разговор, если речь шла не о них.

Вечером, когда выяснилось, что Марианна хорошо музицирует, ее попросили сыграть. Открыли инструмент, все приготовились слушать, и Марианна, обладавшая чудесным голосом, исполнила по их просьбе большинство романсов, которые леди Мидлтон привезла в усадьбу после свадьбы и которые, вероятно, с тех пор лежали на фортепьяно без дела, ведь ее светлость после бракосочетания отказывалась музицировать, хотя, по ее словам, она любила играть, а ее мать утверждала, что умела она это делать просто прекрасно.

Выступление Марианны было встречено бурными аплодисментами. Сэр Джон громко выражал свое восхищение в конце каждой композиции, и так же громко раз-

говаривал с гостями, пока она пела. Леди Мидлтон часто одергивала его, удивляясь вслух, как можно хоть на минуту отвлекаться от погружения в музыку, а затем попросила Марианну спеть ее любимый романс, а именно тот, который она только что исполнила. Из всех присутствующих лишь полковник Брэндон не сыпал восторгами в ее адрес, но то внимание, с которым он ее слушал, было для нее лучшим комплиментом. Она почувствовала к нему некоторое уважение, в котором отказала остальным слушателям, ведь их поведение продемонстрировало ей полное отсутствие какого-либо вкуса. Удовольствие, которое он получал от музыки, хоть и не достигало экстатического восторга, сравнимого с тем, что чувствовала она, но на фоне ужасающей бесчувственности остальных оно ее радовало. К тому же она осознавала, что человек к тридцати пяти годам мог утратить способность остро чувствовать и упиваться экстатическими восторгами. Поэтому к продиктованной возрастом сдержанности полковника она отнеслась снисходительно.

ГЛАВА VIII

Миссис Дженнингс была состоятельной вдовой. Обе ее дочери крайне удачно вышли замуж, поэтому ей ничего не оставалось, как попытаться пережить всех остальных ее знакомых. В этом ее стремлении она была очень активна и не упускала случая сосватать друг другу всех окружающих ее девушек и молодых кавалеров. Она умела удивительно быстро обнаруживать сердечные привязанности юных леди, с наслаждением вгоняя тех в краску, либо пробуждая в них тщеславие, намекая на их власть над сердцем того или иного джентльмена. Эта проницательность позволила ей уже вскоре после приезда в Бартон заявить, что полковник Брэндон без памяти влюбился в Марианну Дэшвуд. Она заподозрила это в первый день их знакомства, ведь он так самозабвенно слушал, как она поет. А когда Мидлтоны нанесли Дэшвудам ответный визит, ее предположения подтвердились: Марианна пела и полковник вновь внимательно ее слушал. Она была уверена, что этот интерес возник неспроста. А какая прекрасная пара бы из них получилась, ведь он богат, а она красива! Миссис Дженнингс мечтала женить полковника Брэндона с тех самых пор, как впервые увидела его на свадьбе своей дочери с сэром Джоном. А при виде любой хорошенькой девушки она мысленно сразу же принималась подыскивать ей кавалера.

Из своих предположений она тут же начала извлекать выгоду, отпуская в адрес их обоих бесконечные шуточки. В Бартон-парке она подтрунивала над полковником, а в коттедже — над Марианной. Первому ее шуточки, по всей видимости, были совершенно безразличны, по крайней мере те, что касались его одного. Вторая же сначала их не понимала, а когда сообразила, в чем дело, то не знала, как реагировать: смеяться ли над их нелепостью или возмутиться их дерзости, ведь она считала неприличным глумиться над преклонными годами полковника и над его незавидной участью старого холостяка.

В глазах миссис Дэшвуд полковник, который был на пять лет ее моложе, представлял не таким уж и пожилым человеком, как в глазах ее юной дочери, поэтому она постаралась избавить миссис Дженнингс от обвинений в бессердечности.

— Однако мама, ты же не можешь отрицать абсурдность этих выдумок, хотя и не считаешь их злонамеренными. Полковник Брэндон, конечно, моложе миссис Дженнингс, но мне-то он в отцы годится! И даже если он когда-либо влюблялся, то, наверняка, давно уже позабыл, что это за чувство. Это просто смешно! Если даже возраст и старческая дряхлость не способны защитить человека от этих намеков, то когда же он, наконец, сможет от них избавиться?

— Дряхлость! Неужели ты всерьез считаешь полковника дряхлым стариком? — спросила Элинор. — Я легко допускаю, что тебе он кажется намного старше, чем маме, но, согласись, он еще не утратил способности самостоятельно передвигаться.

— Ты разве не слышала, что он жаловался на ревматизм? И разве это не очевидный признак дряхлости?

— Дитя мое, — сказала мать со смехом, — ты, должно быть, боишься, что я вот-вот умру, и считаешь чудом, что я дожила до сорока лет?

— Мама, ты несправедлива ко мне! Я прекрасно знаю, что полковник Брэндон еще не настолько стар, чтобы его близкие опасались потерять его по воле природы. Он может прожить еще хоть двадцать лет. Однако в его нынешнем возрасте уже поздно думать о браке.

— Пожалуй, — сказала Элинор, — двум людям семнадцати и тридцати пяти лет не стоит вступать в брак между собой. Но если полковник Брэндон встретит незамужнюю женщину лет двадцати семи, то, мне кажется, он может сделать ей предложение.

— Женщина двадцати семи лет, — сказала Марианна после недолгой паузы, — должна уже оставить надежду испытать любовь или вызвать у кого-то нежные чувства, но если ей одиноко и неуютно в своем доме или у нее нет средств к существованию, то она может взять на себя обязанности сиделки ради того, чтобы быть обеспеченной в замужестве. В таком браке нет ничего предосудительного, он удобен для всех. Однако для меня это вовсе не брак. Это торговая сделка, где каждая из сторон получает свою выгоду.

— Понимаю, — ответила Элинор, — мне не удастся убедить тебя в том, что женщина двадцати семи лет может испытывать к тридцатипятилетнему мужчине настоящую любовь и стать спутником его жизни лишь поэтому. Однако я не согласна с тем, что ты обрекаешь полковника Брэндона и его жену на постоянное пребывание в больничной палате лишь потому, что во вчерашний холодный и сырой день он вскользя посетовал на легкую ревматическую боль в плече.

— Тем не менее он говорил про фланелевые жилеты, — сказала Марианна, — а у меня они ассоциируются со всевозможными болями, спазмами, ревматизмом и прочими видами старческих недугов.

— Думаю, если бы у него была горячка, ты бы презирала его не так сильно. Признайся, Марианна, раскрасневшиеся щеки, впалые глаза и лихорадочный пульс кажутся тебе более привлекательными.

В этот момент Элинор вышла из комнаты, и Марианна обратилась к матери.

— Мама, — сказала она, — я так часто думаю о болезнях. Мне кажется, что Эдвард Феррарс нездоров. Мы здесь уже почти две недели, а он до сих пор не доехал до нас. Ничто не могло помешать ему, кроме сильного недуга. Я не представляю других причин, которые могли бы задержать его так надолго в Норленде.

— Ты думала, что он придет так скоро? — удивилась миссис Дэшвуд. — У меня таких мыслей не было. Я беспокоюсь лишь потому, что когда приглашала его в Бартон, он не выразил ни особой радости по этому поводу, ни готовности принять мое приглашение. Неужели Элинор уже ждет его?

— Я не спрашивала у нее об этом, но не сомневаюсь, что она его ждет.

— Мне кажется, ты ошибаешься, ведь вчера, когда я обсуждала с ней покупку новой решетки для свободной спальни, она заметила, что спешить некуда, ведь вряд ли эта комната понадобится в ближайшее время.

— Как странно! Что это может значить? Они так необычно относятся друг к другу. Они простились так холодно и спокойно и так невозмутимо разговаривали в последний вечер. Эдвард попрощался с Элиной так же, как и со мной — не более, чем по-дружески. В тот последний день я дважды пыталась оставить их наедине, но каждый раз Эдвард почему-то вслед за мной выходил из комнаты. И Элина, покидая Норленд и Эдварда, плакала совсем не так, как я. Даже сейчас она не выглядит подавленной или печальной и без видимого труда сохраняет самообладание. Она не уединяется и совсем не стремится избегать общества!

ГЛАВА IX

Дэшвуды обустроились в Бартоне достаточно комфортно. Дом, сад и окрестности стали для них привычными. Они обратились к обычным занятиям, которым посвящали свое время в Норленде, и занятия эти приносили им такую радость, которую они не испытывали с момента смерти отца. Сэр Джон Мидлтон, посещавший их ежедневно первые две недели, был удивлен, что они все время были чем-то заняты: в своем доме он не привык видеть ничего подобного.

Гостей, за исключением обитателей Бартон-парка, у них было немного: несмотря на настойчивые советы сэра Джона почаще общаться с соседями и неоднократно предложенные пользоваться его экипажем, дух независимости миссис Дэшвуд пересилил в ней желание видеть своих дочерей в обществе, и она решительно отказалась контактировать со всеми соседями кроме тех, кто жил в пешей доступности. Таковых было немного, к тому же не все они принимали гостей.

Примерно в полутора милях от Бартон-коттеджа, в узкой и извилистой Алленхэмской долине, которая, как упоминалось выше, являлась продолжением Бартонской долины, девушки во время одной из своих первых прогулок по окрестностям обнаружили большой старинный особняк, напомнивший им о Норленде и вызвавший желание побывать в нем. Однако, как выяснилось, хозяйкой этого особняка являлась пожилая дама, здоровье которой было настолько слабым, что она никогда не выходила из дома и ни с кем не общалась.

Окрестности изобиловали красивыми местами для прогулок. Высокие холмы, которые были видны почти из всех окон коттеджа, манили искать наслаждения чистым воздухом на их вершинах. Они были прекрасной альтернативой живописным долинам, гулять по которым в дождливую погоду становилось невозможно из-за грязи. К одному из таких холмов отправились однажды утром Марианна и Маргарет, измученные двумя днями проливного дождя и влекомые лучами солнца, пробивающимися сквозь облака. Погода не выглядела настолько хорошей, чтобы остальные две обитательницы коттеджа отвлеклись от карандашей и книг. Марианна заверяла их в том, что день обещает быть ясным, и скоро над холмами не останется ни единой тучи, но уговоры не подействовали, и девушки отправились гулять вдвоем.

Они весело взбирались по склону холма, ликуя от своей проникающей способности при каждом проблеске голубого неба, подставляя лицо освежающим порывам юго-западного ветра и жалели о том, что мать и сестра побоялись разделить с ними эти восхитительные ощущения.

— Что может быть прекраснее этого? — воскликнула Марианна. — Маргарет, наш путь займет не меньше двух часов!

Маргарет была не против, и они продолжили идти против ветра, с восторгом сопротивляясь ему еще минут двадцать, как вдруг облака над их головами сомкнулись и начался проливной дождь. Удивленные и огорченные этим обстоятельством, они вынуждены были неохотно повернуть назад, ведь ближайшим укрытием был их собственный дом. Утешением для них стала возможность, отринув все приличия, стремглав пуститься вниз по крутому склону холма, который заканчивался прямо у их калитки.

Они побежали. Поначалу Марианна обгоняла свою сестру, но внезапно споткнулась и упала, а Маргарет, будучи не в силах остановиться, чтобы помочь ей, невольно добежала до самого подножия холма. В это время буквально в нескольких шагах от них проходил джентльмен с ружьем и двумя охотничьими собаками. Он бросился к Марианне, чтобы помочь ей подняться, но при падении она вывихнула щиколотку и едва могла стоять на ногах. Он предложил довести ее до дома, но видя, что ее скромность не позволяет ей согласиться на требования ситуации, он без промедления взял ее на руки и понес вниз по склону холма. Пройдя через калитку, которую Маргарет оставила открытой, он внес Марианну в дом и в гостинной бережно усадил ее в кресло.

Элинор и миссис Дэшвуд при их появлении растерянно вскочили с мест, глядя на джентльмена с явным удивлением и тайным восхищением, которое внушал им его облик, а он, извинившись за внезапное вторжение, рассказал о его причине с такой простотой и искренностью, что его необычайно красивое лицо стало от этих интонаций казаться еще прекраснее. Будь он даже стар, уродлив и вульгарен, миссис Дэшвуд все равно была бы ему благодарна за столь благородный поступок в отношении ее дочери, но его молодость, красота и изящество вызвали в ней особые чувства.

Она несколько раз поблагодарила его и со свойственной ей любезностью предложила присесть. Однако он отказался, ведь одежда его была мокрой и перепачканной грязью. Миссис Дэшвуд спросила, кому она столь обязана, и он ответил, что его фамилия Уиллоуби. Сейчас он гостит в Алленхэме и надеется, что она окажет ему честь и позволит завтра навестить мисс Дэшвуд чтобы узнать о ее здоровье. Эта честь была с ему готовностью оказана, и он удалился под проливным дождем, отчего стал выглядеть еще более интересно.

Его мужественная красота и редкое изящество стали предметом всеобщего восхищения. Благодаря его галантности, случай, произошедший с Марианной, стал главной темой для разговоров во всей округе. Сама Марианна толком его и не разглядела, поскольку смущение, вызванное тем, что он взял ее на руки, не позволило ей поднять на него глаза, пока он был в их доме. Однако даже беглого взгляда ей хватило, чтобы присоединиться к общим восторгам, соответствовавшим ее горячему темпераменту. Его внешность и манера держаться в точности соответствовали тому, как она представляла себе героев своих любимых романов, а то, что он без лишних церемоний подхватил ее на руки, свидетельствовало о смелости и решительности, и это в ее глазах абсолютно оправдывало такое вольное поведение. Все, что было связано с ним, казалось ей интересным. Его фамилия была приятна на слух, он жил в милейшей из окрестных деревень, а охотничья куртка самым выгодным образом подчеркивала его мужественность. Ее разум был заполнен приятными раздумьями и грезами, из-за чего она почти не замечала боли, которую доставляла ее травма.

Сэр Джон навестил их с утра, как только погода позволила выйти из дома. Ему рассказали о том, что случилось с Марианной, и поскольку он знал всех людей в округе, его спросили, не слышал ли он о живущем в Алленхэме джентльмене по фамилии Уиллоуби.

— Уиллоуби! — воскликнул сэр Джон. — Неужели он приехал? Это отличная новость! Завтра я нанесу ему визит и приглашу отобедать у меня в четверг.

— Вы что же, знакомы с ним? — удивилась миссис Дэшвуд.

— Знаком ли я? Конечно! Он приезжает сюда каждый год.

— И что он за человек?

— Это прекраснейший из людей, будьте уверены! Он превосходно стреляет, а верхом ездит, как никто в Англии.

— И это все, что вы можете о нем сказать? — воскликнула Марианна с негодованием. — Но как он держится в обществе, к чему стремится, какие имеет вкусы, таланты?

Сэр Джон был несколько озадачен.

— Право, я не так уж много знаю об этом человеке. — сказал он. — Но он славный, добродушный малый, а его черный пойнтер — это лучшая охотничья собака из всех, что я видывал! Он брал ее с собой сегодня?

Но Марианна знала о породах и мастях собаки не больше, чем сэр Джон — о тонкостях личных качеств ее хозяина.

— Но кто он такой? — спросила Элинор. — Откуда он? Есть ли у него собственный дом в Алленхэме?

На этот счет сэр Джон располагал более обширными сведениями. Он поведал, что недвижимости у мистера Уиллоуби в этих краях нет, а приезжает он сюда, чтобы навещать пожилую хозяйку Алленхэм-корта, которая приходится ему родственницей и чьи владения он должен унаследовать.

— Да, да, — сказал сэр Джон, — Его ни в коем случае не стоит упускать, мисс Дэшвуд! У него ведь есть и свое симпатичное поместье в Сомерсетшире, и я бы на вашем месте не уступал его младшей сестре, как бы она там ни падала со склонов. Не должны же все кавалеры доставаться одной лишь мисс Марианне! К тому же Брэндон наверняка будет ее ревновать.

— Не беспокойтесь, — сказала миссис Дэшвуд с добродушной улыбкой, — Мои дочери не будут охотиться на мистера Уиллоуби. Не так они были воспитаны. Мы ничем не угрожаем даже самым богатым мужчинам. Однако я рада узнать с ваших слов, что это достойный молодой человек, и знакомство с ним не будет для нас нежелательным.

— Это прекраснейший человек на свете! — повторил сэр Джон. — Я помню, как на прошлое Рождество он танцевал с восьмью часов вечера до четырех утра и ни разу не присел!

— В самом деле? — воскликнула Марианна и глаза ее заблестели. — И как же он танцевал? Грациозно, страстно?

— Вполне. А в восемь утра встал, чтобы отправиться на охоту.

— Вот что мне нравится в мужчинах, вот какими они должны быть! Чем бы он ни занимался, он должен отдаваться этому сполна, без меры и без усталости.

— Да, да, я уже вижу, к чему это ведет, — сказал сэр Джон. — Теперь вы станете охмурять его, а бедного Брэндона позабудете.

— Подобные выражения, — с горячностью сказала Марианна, — я решительно не терплю! Не выношу вульгарности, которая подается за остроумие. А «охотиться» или «охмурять» — как раз из этой категории. Как грубо и беспардонно это звучит. Если подобные словеса когда-то и звучали остроумно, то время давно отняло у них это качество.

Сэр Джон, кажется, не вполне понял упрека в свой адрес и беспечно расхохотался, а затем ответил:

— О, да! Уж вы-то разобьете много сердец. Бедный Брэндон! Ведь он влюблен без памяти, и могу вам сказать, он достоин взаимности, как бы вы там не падали и не вывихивали щиколотки.

ГЛАВА X

Спаситель Марианны, как эффектно, но слегка утрированно назвала Уиллоуби Маргарет, явился в Бартон-коттедж с самого утра, чтобы лично узнать о самочувствии пострадавшей. Миссис Дэшвуд встретила его не просто любезно, а с самой искренней добротой, что было вызвано как ее личной благодарностью, так и лестными отзывами о нем сэра Джона. Этот визит должен был убедить молодого человека в том, что в семье, с которой его свел случай, царит атмосфера благовоспитанности, утонченности и взаимной любви. Повторно убеждать его в их личном обаянии не было никакой нужды.

У мисс Дэшвуд были правильные черты и нежный цвет лица, прекрасная фигура. Но Марианна выглядела еще красивее. Пусть ее силуэт был и не столь безупречен, как у сестры, но преимущество в росте добавляло ее образу изящества, а прекрасное лицо побуждало называть ее красавицей, и это было ближе к истине, чем обычно при подобных комплиментах. Кожа ее была смугла, но тонка и нежна, все ее черты пленяли, улыбка очаровывала, а темные глаза искрились жизнелюбием и страстью, которую поначалу скрывало от Уиллоуби ее смущение. Однако когда она перестала робеть, когда заметила, что благородство сочетается в нем с открытостью характера и услышала, что он страстно любит музыку и танцы, она обратила к нему столь одобрительный взгляд, что до конца визита его внимание было приковано почти исключительно к ней.

Чтобы вовлечь ее в разговор достаточно было упомянуть какое-либо из ее увлечений. В подобных случаях она не могла промолчать и, забыв о робости и сдержанности, со всей горячностью вступала в беседу. Вскоре обнаружилось, что они с Уиллоуби в равной степени увлечены музыкой и танцами, и эта общность базируется на полной схожести их взглядов. Вдохновленная таким единодушием, она начала расспрашивать его о книгах, поведав сперва о своих любимых писателях в столь восторженных тонах, что молодой человек двадцати пяти лет был бы бесчувственным истуканом, если бы не оценил всех достоинств этих книг, пусть даже он не был знаком с ними прежде. И здесь их вкусы оказались поразительно схожими. Они любили одни и те же книги, восторгались одними и теми же отрывками, а если какие-то разногласия и возникали, то длились они недолго — пока в дело не вступала сила ее доводов и блеск ее глаз. Он соглашался с ней во всем, был очарован ее горячим энтузиазмом, и задолго до окончания его визита, они уже беседовали так непринужденно, словно были давно знакомы.

— Ну, что ж, Марианна, — сказала Элинора, едва он ушел. — За это утро ты многое успела! Ты уже знаешь мнение мистера Уиллоуби почти по всем важным вопросам. Ты

узнала, как он относится к Куперу и Скотту, убедилась, что он ценит их по достоинству, а Поупом восхищается не более, чем он того заслуживает. Однако если вы и дальше будете так быстро менять темы разговора, то долго ли сможет продлиться ваше знакомство? Скоро все интересные вопросы будут исчерпаны. В следующий раз вы обсудите красоту окрестных пейзажей и отношение ко вторым бракам, и тогда вам больше не о чем будет беседовать.

— Элино́р, — воскликнула Марианна, — разве это честно? Разве это справедливо? Неужели мои интересы кажутся тебе такими убогими? Я поняла, о чем ты. Я была слишком непринужденной, слишком счастливой, слишком искренней. Я не думала о нормах приличий. Я была открытой и чистосердечной, когда должна была быть сдержанной, бездушной, нудной и лживой. Если бы я говорила только о погоде и плохих дорогах, открывала бы рот раз в десять минут, то тебе, вероятно, не в чем было бы меня упрекнуть.

— Любимая, — сказала мать, — не стоит обижаться на Элино́р, она ведь просто пошутила. Я сама отчитала бы ее, если бы она вздумала упрекать тебя за ту радость, которую ты испытала от беседы с нашим новым знакомым.

Марианна тут же смягчилась.

Уиллоуби, в свою очередь, всячески пытался показать, как ему приятно знакомство с ними и как он рад был бы его упрочить. Он навещал их каждый день. Поначалу предлогом к этому были расспросы о самочувствии Марианны, но радужный прием, который с каждым днем становился все более ласковым, позволил ему перестать искать оправдания раньше, чем Марианна окончательно выздоровела. Несколько дней она не выходила из дома, но никогда еще вынужденное заточение не было для нее столь необременительным. Уиллоуби обладал многими талантами, живым воображением, веселым открытым характером и приятными манерами. Он был буквально создан для того, чтобы завоевать сердце Марианны, ведь вдобавок ко всему перечисленному он имел привлекательную внешность и природную пылкость ума, которая лишь усиливалась в сочетании с ее собственной пылкостью и очаровывала ее сильнее всего. Постепенно его общество стало для нее главной радостью. Вместе они читали, беседовали, музицировали. Пел он просто превосходно, а читал с такой одухотворенной страстью, которой, к сожалению, не хватало Эдварду.

Миссис Дэшвуд он казался столь же безупречным, как и Марианне. Элино́р так же нравилось в нем все, кроме так радовавшей ее сестру излишней горячности и готовности откровенно высказываться при каждом удобном случае, невзирая на то, насколько это уместно. Его привычка поспешно составлять и высказывать мнение о других людях, пренебрегать правилами хорошего тона ради удовлетворения своих капризов и привлечения всеобщего внимания, обнаруживала в нем некоторую легкомысленность, которую Элино́р одобрить не могла, как бы он сам и Марианна ее ни оправдывали.

Теперь Марианна осознала, что отчаявшись в шестнадцать с половиной лет найти своего идеального кавалера, она неоправданно поторопилась. Уиллоуби был тем самым прекрасным принцем, которого она в дни уныния и светлой печали представляла в своих мечтах, и который полностью подходил на роль ее избранника. Сам же он вел себя так, что в искренности его чувств усомниться было так же сложно, как и в его достоинствах.



Вместе они читали, беседовали, музицировали.

Для миссис Дэшвуд, как и для Марианны, богатства молодого человека не имели никакого значения. Однако еще до истечения первой недели его знакомства с ее дочерью она с надеждой и нетерпением стала ждать свадьбы и втайне уже поздравляла себя с приобретением таких чудесных зятьев, как Эдвард и Уиллоуби.

Чувства полковника Брэндона к Марианне, столь рано обнаруженные его знакомыми, на самом деле пробудились лишь когда все уже успели о них позабыть. Всеобщее внимание быстро переключилось на его более удачливого соперника, и шутки, которые звучали в его адрес прежде, прекратились ровно тогда, когда его чувства начали их оправдывать.

Самой прозорливой оказалась Элинор: она без особой радости заметила, что влюбленность, которую для собственного развлечения приписывала ему миссис Дженнингс, на самом деле вспыхнула в его сердце, и как бы мистера Уиллоуби не вдохновляла схожесть вкусов, поразительная их противоположность не стала помехой для чувств полковника Брэндона. Это печалило ее: на что мог надеяться зрелый тридцатипятилетний молчун, когда ему противостоит энергичный двадцатипятилетний весельчак? Она не могла пожелать ему успеха, поэтому от всего сердца она пожелала ему безразличия. Он импонировал ей и, несмотря на сдержанность, его личность вызывала у нее интерес. Его молчаливость не была утрюмой, а внешняя холодность казалась скорее следствием пережитых душевных потрясений, нежели природной черствостью. Сэр Джон в беседах намекал на его прошлые обиды и разочарования, благодаря которым он казался ей несчастным, вызывая в ней чувство сострадания и уважения.

Она жалела и уважала его отчасти потому, что в этом ему совершенно отказывали Марианна и мистер Уиллоуби. Они пренебрегали им казалось только из-за того, что он не был весел и молод, в связи с чем все его достоинства меркли в их глазах.

— Брэндон из тех людей, — сказал однажды Уиллоуби, когда они обсуждали полковника, — о котором все отзываются хорошо, но никому нет до него дела, которого все рады видеть, но никто не хочет завязать с ним разговор.

— Именно таким он видится и мне, — поддержала его Марианна.

— И чем же вы гордитесь? — спросила Элинор. — Вы несправедливы к нему. Все обитатели Бартон-парка ценят его, а я никогда не упускаю случая побеседовать с ним.

— То, что вы покровительствуете ему, — ответил Уиллоуби, — конечно же, говорит в его пользу, однако расположение других отнюдь не делает ему чести. Уж лучше вызывать безразличие, чем побуждать унижительное одобрение у женщин вроде миссис Дженнингс или леди Мидлтон.

— Но, может быть, ваше с Марианной дурное отношение к нему искупает похвалы леди Мидлтон и его матери? Если для вас похвала — это порицание, то почему бы в таком случае не считать ваше порицание хвалой? Может быть, они и неразборчивы, но вы не менее предубеждены и несправедливы.

— Защищая своего протеже вы способны даже на дерзость!

— Мой протеже, как вы его называли, человек здравомыслящий, а здравый смысл я ценила всегда. Да, Марианна, даже в тех мужчинах, которым пошел уже четвертый десяток. Он немало повидал на своем веку, побывал за границей, много читал и имеет недюжинный ум. Я узнала, что он может рассказать много интересного из самых разных областей знаний, к тому же он всегда любезно и добродушно отвечает на мои вопросы.

— Ну, конечно, — презрительно воскликнула Марианна, — он рассказал тебе, что в Ост-Индии жаркий климат и там много москитов.

— Не сомневаюсь, что он поведал бы мне и об этом, если бы я его спросила, но ответы на эти вопросы я и так уже знаю.

— Вероятно, — добавил Уиллоуби, — с его наблюдательностью он заметил также существование там набобов и паланкинов.

— Осмеюсь вам доложить, что его наблюдательность гораздо тоньше, чем ваши колкости в его адрес. Отчего же он вам так неприятен?

— Никакой неприязни я к нему не испытываю. Напротив, считаю его человеком очень почтенным, у которого хорошая репутация, хотя никто его не замечает, у него денег столько, что он не знает, куда их тратить, и свободного времени больше, чем ему нужно, а еще у него по два новых пальто каждый год.

— Прибавьте к этому, — воскликнула Марианна, — что у него нет ни талантов, ни вкуса, ни смелости духа. Ум его лишен остроты, чувства — пылкости, а голос — какого-либо выражения.

— Вы так заостряете внимание на его недостатках, — ответила Элинор, — и так сильно полагаетесь в этом на свое воображение, что мои похвалы в его адрес покажутся вам сдержанными и незначительными. Я лишь могу сказать, что он умен, хорошо воспитан, эрудирован, любезен, и, как мне кажется, добросердечен.

— Мисс Дэшвуд, — воскликнул Уиллоуби, — вы так жестоки ко мне! Вы пытаетесь обезоружить меня разумными аргументами и переубедить против моей воли. Однако у вас ничего не выйдет! Мое упрямство даст фору вашей рассудительности. У меня есть три веские причины не любить полковника Брэндона: он пригрозил мне дождем, когда я надеялся на ясную погоду, он раскритиковал мой экипаж и я не могу убедить его купить мою гнедую кобылу. Однако если вам будет приятно услышать, что в остальных отношениях я считаю его личность безупречной, я готов это признать. Однако в обмен на такую уступку, которая дается мне не так уж легко, я прошу вас не отказывать мне в привилегии недолюбливать его так же, как и прежде.

ГЛАВА XI

Когда миссис Дэшвуд и ее дочери только приехали в Девоншир, они и представить себе не могли, что их досуг насколько будет плотно заполнен визитами и приемом гостей, что для серьезных занятий просто не останется свободного времени. Однако именно это и произошло. Когда Марианна выздоровела, сэр Джон начал воплощать в жизнь свои планы по организации развлечений дома и на свежем воздухе. В Бартон-парке один за другим проходили балы, а катания на лодках проводились так часто, как только позволяли октябрьские дожди. Уиллоуби был завсегдатаем этих вечеров, а царившая на них непринужденная атмосфера наилучшим образом способствовала его сближению с Дэшвудами, она давала ему возможность находить в Марианне все новые и новые достоинства и выражать свое восхищение ими, обнаруживая в ее поведении явные знаки расположения к себе.

Элинор их взаимная привязанность ничуть не удивляла, однако ей бы хотелось, чтобы они вели себя не столь откровенно. Раза два она пыталась убедить сестру вести себя более сдержанно. Однако Марианна питала отвращение к любого рода проявлениям скрытности, ведь ничего предосудительного она не совершала, поэтому не видела никаких причин сдерживать свои чувства: она считала это не просто ненужным усилием, а постыдным подчинением своего разума принятым в обществе ошибочным понятиям. Уиллоуби думал так же, поэтому их поведение всегда являлось наглядной иллюстрацией их убеждений.

Когда он был рядом, она не сводила с него глаз. Все, что он делал, было правильно, а все, что говорил — умно. Если вечер в Бартон-парке заканчивался игрой в карты, то он в ущерб себе и остальным играл так, чтобы она выиграла. Когда были танцы, то половину вечера они танцевали друг с другом, а когда им приходилось разлучаться, то они умудрялись держаться рядом и разговаривать почти только между собой. Конечно же, такое поведение вызывало всеобщие насмешки, которые, казалось, совсем не задевали их.

Миссис Дэшвуд относилась к их чувствам с такой симпатией, что не имела ни малейшего желания осуждать их душевные порывы. Ей они казались естественными проявлениями юношеской пылкости.

Для Марианны это было счастливое время. Ее сердце было занято Уиллоуби, и в нем почти не осталось места для тоски по Норленду, которую она привезла из Сассекса, а нынешний дом благодаря присутствию в нем ее избранника приобрел для нее особое очарование.

Элинор не могла испытывать такое же счастье. На сердце у нее не было так легко, поэтому развлечения не приносили ей радости. Рядом с ней не было того единствен-

ного, кто мог бы скрасить ее печаль от расставания с Норлендом. Ни леди Мидлтон, ни миссис Дженнингс не интересовали ее как собеседницы, хотя последняя и болтала без умолку, кроме того, она питала к ней самые добрые чувства, а посему уделяла ей внимания больше, чем остальным. Уже три или четыре раза она повторяла ей историю своей жизни, и если бы Элинор могла запомнить все изменения, то уже наизусть знала бы подробности последней болезни мистера Дженнингса и то, что он сказал своей жене за несколько минут до смерти. Леди Мидлтон казалась Элинор милее, но лишь потому, что почти все время молчала. Элинор без труда поняла, что эта молчаливость в ее случае является следствием ограниченности, а никак не мудрости. Со своим мужем и матерью она вела себя точно так же, как и с гостями, поэтому желания подружиться с ней не возникало. Изо дня в день она говорила о том же, что и вчера. Слушать ее было скукой, ведь даже тон ее голоса никогда не менялся. Хотя она не возражала против вечеров, которые устраивал ее муж, при условии, что правила этикета будут строго соблюдаться и ей составят компанию двое их старших сыновей, она все же не получала от приема гостей никакого удовольствия, и казалось, ничего не потеряла бы, останься она у себя в спальне. Говорила она так мало, что гости порой забывали о ее присутствии до тех пор, пока она не начинала унимать своих неугомонных детей.

Изо всех ее новых знакомых лишь в полковнике Брэндоне она видела человека, который в какой-то мере вызывал у нее уважение, дружеский интерес и желание вести беседу. О Уиллоуби говорить не приходилось. Он внушал ей восхищение и самые теплые, даже сестринские чувства, но он был влюблен и посвящал все свое внимание Марианне, поэтому толку от него было даже меньше, чем от куда менее интересных людей. Полковник Брэндон, к своему несчастью, не имел возможности общаться по душам с Марианной, и он находил некоторое утешение в беседах с Элинор, которая была к нему не столь равнодушна.

Элинор стала сочувствовать ему еще больше, когда у нее появились основания подозревать, что муки неразделенной любви уже были ему знакомы. Подозрения эти были вызваны словами, которые он обронил однажды вечером в Бартон-парке, когда они по взаимному согласию решили пропустить танец. Он неотрывно смотрел на Марианну, и после нескольких минут молчания с печальной улыбкой промолвил:

— Ваша сестра, насколько я понимаю, не одобряет вторых привязанностей.

— Да, — ответила Элинор, — Она так романтична.

— Вернее, как мне кажется, она не верит, что они возможны.

— Думаю, это именно так, хотя я не понимаю, почему она так считает, если ее собственный отец был женат дважды. И все же мне кажется, что через несколько лет она в своих рассуждениях начнет опираться на наблюдательность и здравый смысл. Тогда они будут обоснованы и понятны не только ей одной.

— Вероятно, так и случится, — ответил он, — но все же в юношеских предубеждениях есть некое очарование, и больно наблюдать, как они уступают место общепринятым суждениям.

— В этом я с вами не согласна, — сказала Элинор. — Чувства, присущие Марианне, имеют один недостаток, который не может быть уравновешен очарованием юношеской искренности и наивности. Во всех своих рассуждениях она пренебрегает приличиями, и лишь лучшее знакомство со светом позволит ей сгладить это неприятное качество.

После непродолжительной паузы полковник вернулся к разговору:

— В своем осуждении вторых привязанностей ваша сестра не допускает исключений? Она полагает, что это одинаково преступно для всех? Разве те, кто разочаровался в своем первом избраннике из-за его непостоянства или других превратностей судьбы, должны до конца жизни хранить безразличие?

— Честно говоря, всех нюансов ее убеждений я не знаю. Но я ни разу не слышала от нее, чтобы она признавала вторую привязанность простительной.

— Долго пребывать в таком убеждении нельзя, — сказал он, — но полная перемена мнений... Нет, не желайте этого! Ведь когда романтические порывы юного разума угаснут, им на смену могут прийти такие воззрения, которые слишком обыденны и слишком опасны. Я сужу об этом по собственному опыту. Когда-то я знал одну девушку, которая характером и складом мышления была очень похожа на вашу сестру; она думала и судила так же, как и она. И вот из-за ряда неблагоприятных обстоятельств, по иронии судьбы...

На этом месте он внезапно оборвал свою речь, решив, по-видимому, что и так наговорил лишнего. Тут у Элинора и возникли догадки, которые иначе не пришли бы ей в голову. Вероятно, эти слова не вызвали бы у нее никаких подозрений, если бы она не почувствовала, как он сожалеет, что они сорвались с его губ. Не требовалось долго гадать, чтобы связать эту историю с его нежными воспоминаниями о прошлых чувствах. Элинора своих догадок развивать не стала, хотя Марианна на ее месте сразу бы включила воображение и нафантазировала бы себе целый печальный роман о трагической любви.

ГЛАВА XII

На следующее утро во время прогулки Марианна сообщила сестре новость, которая поразила Элинор даже несмотря на то, что она знала о порывистом и легкомысленном характере сестры. Та рассказала ей, что получила в подарок от Уиллоуби лошадь, выращенную в его соммерсетширском поместье и будто нарочно обвезженную под дамское седло. Не задумавшись о том, что в планы ее матери не входило держать лошадей, и что если она переменит свое намерение и одобрит подарок, то ей придется купить еще лошадь для слуги и нанять самого слугу, который ездил бы на второй лошади, а, кроме того, построить конюшню, Марианна без колебаний приняла презент и с восторгом рассказала об этом сестре.

— Он обещал немедленно послать за ней своего грума в Соммерсетшир, — добавила она. — И тогда мы будем ездить верхом каждый день! Я бы хотела, чтобы эта лошадь стала и твоей, Элинор. Представь себе, как здорово будет скакать галопом по этим холмам!

Ей никак не хотелось избавляться от своих счастливых грез и признавать печальные истины, связанные с этим делом; поначалу она просто отказывалась с ними мириться. Расходы на еще одного слугу будут ведь совсем пустяковыми и мама, конечно же, не будет возражать. А лошадь ему подойдет любая, ее можно будет брать бесплатно в Бартон-парке. Что же касается конюшни, то и самого простого сарая для нее будет достаточно. Тогда Элинор осмелилась выразить сомнение в том, прилично ли принимать подобный подарок от человека, которого она так мало, или, по крайней мере, так недолго знает.

— Элинор, ты заблуждаешься, — горячо возразила она, — полагая, что я мало знаю Уиллоуби. Да, я знаю его совсем недолго, но кроме тебя и мамы, нет больше на свете людей, настолько мне близких. Не время и не случай определяют близость между людьми, а лишь сходство их наклонностей. Для одних семи лет было бы мало, чтобы узнать друг друга, а другим и семи дней может быть более, чем достаточно. Я бы сочла себя виновной в нарушении приличий, приняв лошадь в подарок от родного брата, но не от Уиллоуби. О Джоне я знаю так мало, хоть мы и прожили вместе много лет. А о Уиллоуби мое мнение уже сложилось.

Элинор решила, что разумнее было бы не касаться впредь этого вопроса. Она слишком хорошо знала характер своей сестры. Споры на столь деликатную тему только упрочили бы ее уверенность в собственной правоте. Однако воззвание к ее дочерней привязанности, перечисление всех неудобств, которые добросердечная мать навлечет на себя, если, что вполне вероятно, согласится принять такое дополнение к их хозяйству, оказали на Марианну нужное влияние, и она обещала ничего не говорить

матери о предложенном ей подарке, и при первой же встрече объяснить Уиллоуби, что вынуждена отказаться от него.

Она сдержала обещание, и когда в тот же день Уиллоуби заглянул к ним в гости, Элинор услышала, как сестра вполголоса говорила ему, что вынуждена отказаться от подарка. Затем она изложила причины своего отказа, что лишило его возможности настаивать на своем. Он с нескрываемым разочарованием выразил свое огорчение по этому поводу и столь же тихо промолвил:

— Но, Марианна, эта лошадь принадлежит вам, хоть сейчас вы и не можете ей воспользоваться. Она будет стоять у меня в конюшне до тех пор, пока вы ее не потребуете. Когда вы покинете Бартон и обоснетесь в собственном доме, Королева Мэб будет к вашим услугам.

Все это слышала мисс Дэшвуд. И в этих словах, в их тоне и в том, что он обращался к Марианне просто по имени, без обычного «мисс», она почувствовала между ними такую близость, такую определенность, которая означала полное согласие в их отношениях. С этого момента она уже не сомневалась, что они помолвлены. Сама эта мысль ее ничуть не удивляла, но ей казалось странным, что столь откровенные натуры не рассказали о помолвке ей и остальным друзьям, а дали лишь повод для случайных догадок.

На следующий день она услышала от Маргарет еще одно подтверждение своим догадкам. Вчера Уиллоуби провел с ними весь вечер, и Маргарет, оставшись на некоторое время в гостиной только с ним и Марианной, заметила кое-что, о чем с самым важным видом сообщила своей сестре, когда они остались наедине.

— О, Элинор, я хочу рассказать тебе тайну о Марианне! Я знаю, что она скоро выйдет замуж за мистера Уиллоуби!

— Ты это говорила почти каждый день с тех пор, как они впервые встретились на Церковном холме. Они не были знакомы и недели, когда ты стала утверждать, что Марианна носит на шее медальон с его портретом, но оказалось, что это портрет нашего двоюродного деда.

— Но ведь сейчас совсем другое дело! Я уверена, что они очень скоро поженятся, ведь у него есть прядь ее волос.

— Не торопись с выводами, Маргарет! А вдруг это локон его двоюродного дедушки?

— Нет же, Элинор, это локон Марианны, я уверена в этом, я даже видела, как он его отрезал. Вчера вечером, после чая, когда вы с мамой вышли из комнаты, они перешептывались. Показалось, он о чем-то ее спрашивает, а потом он взял ножницы и отрезал длинную прядь волос, у нее ведь волосы были распущены. А потом он поцеловал эту прядь, завернул в белый листок и положил в свою записную книжку.

Такие подробности, сказанные с такой уверенностью, убедили Элинор. У нее не было причин усомниться, что все было именно так, ведь это лишь подтверждало то, что она сама слышала и видела.

Проницательность Маргарет не всегда была на руку ее сестре. Когда однажды вечером в Бартон-парке миссис Дженнингс атаковала ее с требованием назвать имя избранника Элинор, а эта тема уже давно вызывала у пожилой дамы оживленное любопытство, Маргарет взглянула на сестру и спросила:

— Я ведь не должна его называть, правда, Элинор?

Конечно же, это всех рассмешило, и Элинор тоже попыталась рассмеяться, что удалось ей с трудом. Она понимала: если Маргарет произнесет его имя, то оно станет пищей для многочисленных шуточек миссис Дженнингс.



Показалось, он о чем-то ее упрасивает, а потом он взял ножницы и отрезал длинную прядь волос, у нее ведь волосы были распущены.

Марианна всем сердцем сочувствовала ей, но только усугубила ситуацию, покраснев и сердито одернув Маргарет:

— Не забывай, какими бы ни были твои предположения на этот счет, ты не имеешь никакого права их озвучивать!

— Я ничего и не предполагала, — ответила Маргарет, — ты же мне сама сказала! Компания еще больше оживилась, все ждали от Маргарет подробностей.

— Прошу вас, мисс Маргарет, ну расскажите же нам все, — настаивала миссис Дженингс. — Как зовут этого джентльмена?

— Этого я сказать не могу. Но я знакома с ним, знаю его имя и где он живет.

— Да, мы и сами догадываемся, что живет он в собственном доме в Норленде. Может быть, он приходской священник?

— Нет, он не священник. Он вообще ничем не занимается.

— Маргарет, — с горячностью прервала ее Марианна, — сознайся, что все это твои выдумки и такого человека не существует.

— Если только он недавно умер, Марианна! Я прекрасно знаю, что он существовал и фамилия его начиналась на букву «Ф».

В этот момент леди Мидлтон громко заметила что «погода нынче выдалась очень дождливая». Элинор была ей очень благодарна, хоть и догадывалась, что ее светлость перевела тему не столько из уважения к ней, сколь из-за неприятия подобных несветских шуточек, которые доставляли радость ее мужу и матери. Эта тема, какой бы банальной она ни казалась, была охотно подхвачена полковником Брэндоном, который никогда не пренебрегал чувствами других. Затем Уиллоуби открыл крышку фортепиано и попросил Марианну сыграть. Таким образом, стараниями сразу нескольких людей не деликатная тема сошла на нет. Однако Элинор не так легко оправилась от тревоги, которую та в ней породила.

Тем же вечером обитатели и гости Бартон-парка договорились с самого утра отправиться в очень красивое поместье, которое находилось в двенадцати милях езды и принадлежало родственнику полковника Брэндона. Его владелец уехал за границу, наказав не пускать посторонних в дом, и только полковник имел к нему доступ. Сады, разбитые вокруг особняка, славилась своей красотой. Их горячо хвалил сам сэр Джон, мнению которого можно было доверять, и за последние десять лет он как минимум дважды в год привозил туда гостей. Был там и большой пруд, где условились устроить утреннее катание на лодках. Они возьмут с собой холодные закуски, отправятся в открытых экипажах и, как всегда, пикник удастся на славу.

Некоторым участникам компании эта затея показалась довольно смелой, ведь на дворе была осень, и за последние две недели не случилось ни одного ясного дня. Миссис Дэшвуд уже слегка простудилась, и Элинор уговорила ее остаться дома.

ГЛАВА XIII

Их предполагаемая поездка в Уайтуэлл оказалась совсем не такой, как ожидала Элинора. Она считала, что промокнет насквозь, устанет и переживет много страхов, но все оказалось еще печальнее: они вообще никуда не поехали.

К десяти часам вся компания собралась в Бартон-парке, чтобы позавтракать. Всю ночь шел дождь, но к утру облака стали рассеиваться, и сквозь них забрезжило солнце. Все пребывали в приподнятом настроении и бодром расположении духа, полные решимости не терять оптимизма, не взирая ни на какие превратности погоды.

Во время завтрака принесли почту. Одно из писем предназначалось полковнику Брэндону: он прочел надпись на нем, переменялся в лице и тотчас вышел из комнаты.

— Что с Брэндонем? — спросил сэр Джон.

Ответить никто не мог.

— Надеюсь, он не получил дурных вестей, — сказала леди Мидлтон. — Если полковник не извинился, так резко встав из-за стола, значит случилось что-то экстраординарное.

Минут через пять он вернулся.

— Надеюсь, вы не получили плохих новостей, полковник? — спросила миссис Дженнингс, как только он вошел в комнату.

— Нет, все в порядке, мэм, благодарю вас.

— Вам пишут из Авиньона? Надеюсь, вашей сестре не стало хуже?

— Ни в коем случае, мэм! Это всего лишь деловое письмо из города.

— Но если это обычное деловое письмо, то почему же оно так взволновало вас? Нет, полковник, вам не удастся нас обмануть. Расскажите же нам все, как есть!

— Мэм, — сказала леди Мидлтон, — что же вы такое говорите!

— Может быть вам сообщили, что ваша кузина Фанни выходит замуж? — предположила миссис Дженнингс, не обратив внимания на упрек дочери.

— Нет, ничего подобного.

— Ну, тогда я знаю, от кого оно, полковник. И надеюсь, что эта дама здорова.

— Кого вы имеете в виду, мэм? — спросил он, начиная краснеть.

— О! Вы прекрасно знаете, о ком я.

— Мне очень жаль, мэм, — обратился он к леди Мидлтон, — что я получил это письмо именно сегодня, так как оно касается дела, требующего моего немедленного присутствия в Лондоне.

— В Лондоне! — воскликнула миссис Дженнингс. — Что же вам там делать в такое время года?

— Я сам очень огорчен, — продолжил он, — отказываться от столь приятной поездки, тем более, что без моего присутствия в Уайтуэлл вас, увы, не впустят.

Какой это был удар для всех!

— Однако, быть может, вы напишете записку экономке, мистер Брэндон? — с надеждой спросила Марианна. — Неужели этого будет недостаточно?

Он покачал головой.

— Нужно ехать! — сказал сэр Джон. — Нельзя же вдруг не поехать, когда уже все готово. Отложите свой отъезд до завтра Брэндон, только и всего.

— К сожалению, все не так просто. Не в моей власти задерживаться даже на один день.

— Если вы хотя бы рассказали нам, в чем суть дела, — заявила миссис Дженингс, — мы бы могли решить, можно его отложить или нельзя.

— Вы бы опоздали всего лишь на шесть часов, — сказал Уиллоуби, — если бы отложили свой отъезд до нашего возвращения.

— Я не могу позволить себе потерять и часа...

Элинора услышала, как Уиллоуби вполголоса сказал Марианне:

— Есть люди, которые терпеть не могут пикников. Брэндон — один из них. Он, наверное, побоялся, что простудится, и придумал всю эту историю, чтобы уклониться от поездки. Готов поставить пятьдесят гиней, что и письмо он написал сам.

— Я в этом даже не сомневаюсь, — ответила Марианна.

— Я давно знаю, Брэндон, что если вы приняли решение, то переубедить вас невозможно, — сказал сэр Джон, — но все же надеюсь, что вы передумаете. Мисс Кэри с сестрой приехали из Ньютона, три мисс Дэшвуд дошли до нас пешком из своего коттеджа, а мистер Уиллоуби встал на два часа раньше обычного, и все для того, чтобы отправиться в Уайтуэлл.

Полковник Брэндон еще раз выразил свое сожаление по поводу того, что разочаровал их и заявил, что его немедленный отъезд неизбежен.

— Ну, и когда же вы вернетесь?

— Надеюсь, вы вернетесь в Бартон, — сказала ее милость, — как только уладите свои дела в Лондоне, а поездку в Уайтуэлл мы отложим до вашего возвращения.

— Вы очень любезны! Но пока я не имею понятия, когда смогу вернуться, и не в силах что-либо обещать.

— Он должен вернуться и вернется! — воскликнул сэр Джон. — Если он не появится здесь через неделю, тогда я сам за ним отправлюсь.

— О, да, сэр Джон, — добавила миссис Дженингс, — и тогда, быть может, вы узнаете, что он от нас скрывает.

— Я не люблю совать нос в чужие дела. Наверное, это дело поставило его в неловкое положение.

Лошади полковника Брэндона были поданы.

— Вы ведь не поедете до Лондона верхом? — спросил сэр Джон.

— Нет, только до Хонитона, а дальше — на почтовых.

— Ну что ж, раз уж решили ехать, желаю вам доброго пути. Но ведь еще не поздно передумать...

— Уверю вас, это не в моей власти.

Он стал прощаться со всеми.

— Могу ли я надеяться, — обратился он к мисс Дэшвуд, — увидеть вас и ваших сестер в столице этой зимой?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я должен проститься с вами на более долгий срок, чем мне бы хотелось. Марианне он лишь молча поклонился.

— Послушайте, полковник, — сказала мисс Дженнингс, — ну хоть теперь-то дайте нам знать причину вашего отъезда!

В ответ он пожелал ей доброго утра и в сопровождении сэра Джона вышел из комнаты.

Теперь жалобы и негодующие возгласы, которые до сих пор сдерживала вежливость, понеслись со всех сторон. Все вновь и вновь сокрушались, как же досадно подобное разочарование.

— Кажется, я догадываюсь, что у него за дело, — ликующе провозгласила миссис Дженнингс.

— Скажите нам, мэм, — воскликнули все хором.

— Уверена, что-то случилось с мисс Уильямс.

— Кто такая мисс Уильямс? — спросила Марианна.

— Вы что же, не знаете, кто такая мисс Уильямс? Наверняка вы уже слышали о ней раньше. Это родственница полковника, очень близкая родственница. Чтобы не шокировать барышень, мы не будем говорить, какова степень их родства. — Понизив голос, она тут же сказала Элинора: — это его незаконная дочь!

— В самом деле?!

— О, да, она так похожа на него, как только может дочь походить на своего отца. Думаю, ей полковник и завещает свое состояние.

Леди Мидлтон была потрясена подобной неделикатностью. Чтобы замять столь неуместную тему, она даже не поленилась обронить пару слов о погоде.

Когда вернулся сэр Джон, он со всей искренностью присоединился к общим суждениям, но в заключение заметил, что раз уж все собрались, то нужно придумать какой-нибудь приятный досуг. Посовещавшись, они поняли, что были бы счастливы, только если бы поехали в Уайтуэлл, но раз уж это невозможно, то их устроит и прогулка по окрестностям. Подали экипажи. Кабриолет Уиллоуби подъехал первым, и Марианна, лучась неподдельным счастьем, запрыгнула в него. Они быстро скрылись вдаль, и больше их не видели; они вернулись в Бартон-парк значительно позже остальных. Оба, казалось, были в восторге от своей прогулки, и в общих словах рассказали, что кружили по долине, в то время как остальные объезжали холмы.

Вечером было решено устроить танцы, а день провести как можно веселее. К обеду пожаловали остальные члены семейства Кэри, и к великому удовольствию сэра Джона за столом собралось без малого двадцать персон. Уиллоуби занял свое обычное место между двумя старшими мисс Дэшвуд. Миссис Дженнингс заняла место по правую руку от Элинора, и не успели все расположиться, как она, наклонившись к Марианне через Элинора и Уиллоуби, сказала довольно громко, чтобы слышали и они:

— А я знаю, где вы провели утро!

— И где же, скажите на милость? — поспешно спросила Марианна, покраснев.

— Разве вы не знали, — вмешался Уиллоуби, — что мы катались в моем экипаже?

— Конечно знала, нахал вы этакий, и твердо решила выяснить, куда вы направились. Надеюсь, вам понравился ваш новый дом, мисс Марианна? Он очень обширен, как мне известно, но я надеюсь, к тому времени, как я пожалую к вам с визитом, вы успеете его обставить, ведь когда я была там шесть лет назад, меблирован он был весьма скудно.



Миссис Дженнингс заняла место по правую руку от Элинора, и не успели все расположиться, как она, наклонившись к Марианне через Элинора и Уиллоуби, сказала довольно громко, чтобы слышали и они:
— *А я знаю, где вы провели утро!*

Марианна, смутившись, отвернулась, а миссис Дженнингс от души расхохоталась, и Элинор пришлось выслушать, как она подослала свою горничную к груму мистера Уиллоуби, и таким образом узнала, что они ездили в Алленхэм и провели там много времени, гуляя по саду и осматривая дом.

Элинор не могла поверить, что Уиллоуби предложит войти в дом миссис Смит, а Марианна согласится с этим, ведь ее сестра совсем не была с ней знакома.

Как только они вышли из гостиной, Элинор спросила Марианну об этом происшествии и с удивлением узнала, что все рассказанное миссис Дженнингс — чистая правда. Марианна даже рассердилась на нее за сомнения.

— Почему ты думаешь, Элинор, что мы не могли поехать туда и осмотреть дом? Разве ты сама не собиралась это когда-нибудь сделать?

— Да, собиралась, но я не поехала бы туда, не уведомив миссис Смит, и в компании одного лишь мистера Уиллоуби.

— Однако мистер Уиллоуби — единственный человек, который имеет право показывать этот дом. К тому же мы ехали туда в кабриолете, и третий человек просто не смог бы составить нам компанию. Никогда в жизни у меня не было такого приятного утра!

— Боюсь, — ответила Элинор, — приятность не всегда сопряжена с нормами приличий.

— Напротив, они неотделимы друг от друга, Элинор, ведь если бы я совершила что-то предосудительное, то все время чувствовала бы это, и это отравило бы мне всю приятность происходящего.

— Но, дорогая моя Марианна, после того, как тебе пришлось выслушать все эти бесцеремонные замечания, неужели ты до сих пор думаешь, что поступила правильно?

— Если считать намеки миссис Дженнингс доказательством нарушения приличий, то все мы их нарушаем каждую минуту. Для меня не имеет значения, осуждает она меня или хвалит, и я не чувствую, что поступила неправильно, прогулявшись по саду миссис Смит и осмотрев ее дом. Когда-нибудь он будет принадлежать мистеру Уиллоуби и...

— Даже если ты со временем станешь хозяйкой Алленхэма, это не оправдывает твой поступок.

Последние слова Элинор заставили Марианну покраснеть от нескрываемого удовольствия. Поразмыслив минут десять, она снова подошла к сестре и добродушно сказала:

— Пожалуй, Элинор, мне действительно не следовало ездить в Алленхэм, однако мистер Уиллоуби так хотел показать мне это место. Поверь мне, усадьба просто прекрасна! Наверху есть очаровательная гостиная удобного размера, ее можно использовать постоянно. Если обставить ее современной мебелью, то она будет выглядеть просто прекрасно. Это угловая комната с окнами на две стороны. С одной стороны открывается вид на лужайку для игры в шары, с другой — на церковь, деревню и крутые холмы, те самые, которыми мы так часто любовались. Правда мебель, которая стоит там сейчас, просто ужасна, но ее ведь можно заменить. Уиллоуби говорит, что хватит и двухсот фунтов, чтобы сделать из этого помещения прекраснейшую летнюю гостиную во всей Англии.

Если бы их не отвлекли другие, Элинор пришлось бы выслушать восторженное описание всех комнат в Алленхэме.

ГЛАВА XIV

Внезапный отъезд полковника Брэндона из Бартон-парка и его непоколебимое желание скрыть причину этого отъезда завладели мыслями миссис Дженнингс на два-три дня. Она строила всевозможные догадки, в чем, несомненно, была сильна, как и любой человек, активно интересующийся перипетиями жизни своих знакомых. Она без устали размышляла над тем, что же заставило его уехать, не сомневаясь, что известие он получил дурное. Она перебирала в уме все несчастья, которые только могли выпасть на его долю, с твердой решимостью, что хотя бы одного из них ему избежать не удалось.

— Уверена, случилось что-то очень печальное, — сказала она. — Я видела это по его лицу. Бедняга! Боюсь, его дела плохи. Поместье в Дзлафорде¹ никогда не приносило больше двух тысяч в год, а его брат оставил дела там в очень плачевном состоянии. Думаю, за ним послали в связи с финансовыми затруднениями, не иначе. Но так ли это? Я отдала бы все на свете, чтобы узнать правду! Или все же речь идет о миссис Уильямс? Да так и есть, ведь он смутился, когда я упомянула о ней. Не заболела ли она в Лондоне? Иначе и быть не может, ведь она всегда была такой болезненной. Готова держать пари, что дело именно в миссис Уильямс. Вряд ли он сейчас стеснен в средствах, ведь он очень хороший хозяин и наверняка уже избавился от долгов в поместье. Как же интересно, в чем же дело? Или его сестре в Авиньоне стало хуже, и она послала за ним? Поэтому отъезд и был столь спешным. В любом случае, я от всего сердца желаю ему избавиться от неприятностей и в придачу найти хорошую жену.

Так гадала и размышляла миссис Дженнингс, меняя свое мнение с каждой новой догадкой, и все версии казались ей одинаково правдоподобными. Элинор хоть и желала искренне полковнику всех благ, но предположений о причине его внезапного отъезда не строила, как бы того ни хотелось миссис Дженнингс. Она считала, что это обстоятельство не заслуживает столь пристального внимания, к тому же ее занимала другая тайна, а именно странное молчание ее сестры и Уиллоуби на ту тему, которая имела для общества особую важность, как им было известно. Чем дольше длилось это молчание, тем более непостижимым оно казалось, принимая во внимание открытый нрав их обоих. Элинор не могла понять, почему они не хотят открыться матери и ей в том, что, судя по их поведению, уже произошло.

Она могла предположить, что о браке говорить преждевременно, ведь Уиллоуби хотя ни в чем себе не отказывал, не мог считаться богатым женихом. Сэр Джон оценивал его состояние примерно в шестьсот или семьсот фунтов в год, но тратил он явно

¹ Delaford — Созданная Джейн Остен воображаемая область.

больше, чем позволял такой доход, и часто жаловался на безденежье. Что до странной тайны, которую они с Марианной хранили, не говоря о своей помолвке, хоть догадаться о ней было и несложно, тут Элинора объяснений не находила. И скрытность эта настолько противоречила их взглядам и обычному поведению, что иногда она начинала сомневаться, действительно ли эта помолвка состоялась. Сомнения эти мешали ей спросить Марианну обо всем прямо.

Поведение Уиллоуби было лучшим свидетельством той привязанности, которую он к ним всем испытывал. К Марианне он относился с такой нежностью, на которую способно только сердце влюбленного, а к ее сестрам и матери — как любящий брат и сын. Их коттедж, казалось, стал ему домом, ведь он проводил в нем гораздо больше времени, чем в Алленхэме. И когда в Бартон-парке не было всеобщих гуляний, его утренние прогулки почти всегда заканчивались там, где он весь остальной день проводил с Марианной, при этом его любимая собака лежала у ее ног.

Как-то вечером, примерно через неделю после отъезда полковника Брэндона, он, казалось, испытал особое чувство привязанности ко всему, что его у них окружало. Когда миссис Дэшвуд упомянула о своем намерении переделать весной коттедж, он горячо воспротивился каким-либо переменам в доме, который по его пристрастному мнению являл собой вид совершенства.

— Как? — воскликнул он. — Перестроить этот милый коттедж! Ни за что. На это я никогда не соглашусь. Если мои чувства хоть что-то значат для вас, то вы не добавите ни единого камня к его стенам и ни единого дюйма к его высоте!

— Не переживайте, — сказала мисс Дэшвуд, — никакой перестройки не произойдет, ведь у моей мамы никогда не хватит на это денег.

— Как я этому рад, — воскликнул он. — Пусть у нее лучше никогда не будет денег, если она не захочет более достойно ими распорядиться.

— Благодарю вас, Уиллоуби. Будьте уверены, я никогда не пожертвую вашими нежными чувствами к этому месту ради каких-то улучшений. Не сомневайтесь — какая бы сумма у меня ни скопилась к весне, я лучше оставляю ее для других нужд, чтобы не причинять вам страданий. Неужели вы так любите этот дом, что не видите в нем никаких недостатков?

— О, да! — ответил он. — Мне кажется, это само совершенство. Более того, я считаю, что только в таком домике и можно быть счастливым, и если бы я был богачом, то немедленно бы снес Комбе-Магна и построил его заново в точном соответствии с планом вашего коттеджа.

— С такой же темной узкой лестницей и дымной кухней, я полагаю? — поинтересовалась Элинора.

— Конечно же! — воскликнул он все так же эмоционально. — И с ними, и со всем, что в нем есть. Все его удобства и неудобства должны быть сохранены без изменений. Только тогда, под крышей такого дома, я бы смог быть счастлив в Комбе настолько же, насколько в Бартоне.

— Смеем предположить, — ответила Элинора, — что даже несмотря на более просторные комнаты и широкую лестницу, ваш дом также покажется вам по-своему совершенным.

— Разумеется, есть обстоятельства, — сказал Уиллоуби, — которые могли бы сделать его несоизмеримо дороже для меня, однако ваш коттедж навсегда занял в моем сердце особое место.

Миссис Дэшвуд с радостью посмотрела на Марианну, в чьих прекрасных глазах, устремленных на Уиллоуби, читалось, как хорошо она его понимает.

— Как часто я желал, — добавил он, — когда был в Алленхэме год назад, чтобы Бартон-коттедж перестал пустовать. Каждый раз, проезжая мимо него, я восхищался его прекрасным расположением и печалился, что в нем никто не живет. Я и подумать не мог, что когда приеду в следующем году, то первым делом услышу от миссис Смит известие о том, что он сдан. Это обстоятельство обрадовало и взбудоражило меня, мое сердце наполнилось предчувствием того счастья, которое меня ждало. Не так ли, Марианна? — обратился он к ней вполголоса, и затем, уже громко, добавил: — И вот этот дом вы хотите испортить, миссис Дэшвуд? Лишить его простоты ради воображаемых улучшений? Из той милой гостиной, где произошло наше знакомство и где мы провели столько счастливых часов, вы собираетесь сделать прихожую, чтобы все проходили мимо этой комнаты, которая была более уютной и комфортной, чем любая самая роскошная зала в мире!

Миссис Дэшвуд снова заверила его, что не собирается делать ничего подобного.

— Вы так добры! — с теплотой ответил он. — Ваше обещание успокаивает меня. Но пообещайте мне также, что не только ваш дом останется прежним, но сохранить-ся и ваше доброе отношение ко мне, ведь оно сделало для меня столь дорогим все, что с вами связано.

Это обещание было с радостью дано, и весь оставшийся вечер Уиллоуби лучился любовью и счастьем.

— Вы заглянете к нам на обед завтра? — спросила миссис Дэшвуд, когда он собирался уходить. — Утром не приглашаю, потому что нам нужно нанести визит леди Мидлтон.

Он обещал быть у них в четыре часа.

ГЛАВА XV

На следующий день миссис Дэшвуд отправилась к леди Мидлтон в компании двух дочерей: Марианна под каким-то неубедительным предлогом решила остаться дома, и ее мать, предположив, что Уиллоуби накануне вечером обещал навестить ее, пока остальных не будет, не стала возражать.

Догадка миссис Дэшвуд была верна: возвратившись из Бартон-парка, они заметили перед коттеджем экипаж Уиллоуби и его слугу. Этому она не удивилась, однако в доме перед ней предстала такая картина, которую она и вообразить не могла. Войдя в коридор, они увидели, как Марианна выбежала из гостиной, прикрывая глаза платком; очевидно она была в расстроенных чувствах. Не заметив их, она поспешила вверх по лестнице. Удивленные и встревоженные, они распахнули двери гостиной, и увидели Уиллоуби, который, стоя к ним спиной, прислонился к каминной полке. Услышав шаги, он обернулся, и на лице его отразились те же чувства, что охватили и Марианну.

— Что с ней? — воскликнула миссис Дэшвуд. — Она заболела?

— Надеюсь, что нет, — сказал он наигранно веселым тоном, с вымученной улыбкой. — Скорее, это произойдет со мной, ведь меня постигло несчастье.

— Несчастье?

— Да, ведь я не могу больше быть с вами. Сегодня утром миссис Смит, пользуясь властью, которую богатство имеет над бедными зависимыми родственниками, дала мне неотложное поручение, для выполнения которого я должен быть в Лондоне. Я уже было собрался в путь, простился с Алленхэмом и решил напоследок для утешения повидать вас.

— В Лондон? Уже сегодня утром?

— Да, прямо сейчас.

— Как жаль. Однако миссис Смит должна быть вам очень признательна, а ее поручение, надеюсь, не разлучит вас с нами надолго.

Краснея, он ответил:

— Вы очень добры. Но я не смогу в ближайшее время вернуться в Девоншир. Я приезжаю погостить у миссис Смит не чаще раза в год.

— И что же, кроме миссис Смит у вас здесь нет друзей? Разве только в Алленхэме вам будут рады? Постыдитесь, Уиллоуби, неужто вам нужно от нас особое приглашение?

Он покраснел еще сильнее, потупил взор и ответил лишь: — Вы очень добры...

Миссис Дэшвуд изумленно взглянула на Элинора, которая также не скрывала своего удивления. Некоторое время царил молчание. Затем миссис Дэшвуд заговорила вновь:



Марианна выбежала из гостиной, прикрывая глаза платком; очевидно она была в расстроенных чувствах.

— Мне остается только еще раз сказать, мой дорогой Уиллоуби, что в Бартон-коттедже вам всегда будут рады. Я не жду, что вы вернетесь немедленно, ведь только вы можете судить, как на это посмотрит миссис Смит. В этом отношении я доверяю вашим суждениям не менее, чем вашему желанию поскорее вернуться.

— Мои нынешние обязательства, — смущенно ответил Уиллоуби, — таковы... что я не смею тешить себя надеждой...

Он замолчал. Миссис Дэшвуд от волнения потеряла дар речи, и в разговоре снова повисла пауза. На этот раз первым заговорил Уиллоуби, который с печальной улыбкой сказал: — Глупо мешкать. Не стану больше мучить себя прощанием с друзьями, обществом которых я уже не смогу наслаждаться.

Затем он поспешно простился со всеми и вышел из комнаты. Они увидели, как он сел в экипаж, который через минуту скрылся из виду.

Миссис Дэшвуд почувствовала, что не может говорить, и тотчас покинула гостиную, чтобы в одиночестве предаться тревожным мыслям, которые вызвал этот внезапный отъезд.

Элинора была встревожена не меньше, она в недоумении пыталась осмыслить произошедшее. Ее очень беспокоило поведение Уиллоуби, когда он прощался с ними, его притворная шутовскость, а главное то, что он не ответил на приглашение миссис Дэшвуд, что было противоестественно для влюбленного и непохоже на него самого. В какой-то момент ей даже подумалось, что у Уиллоуби никогда не было серьезных намерений в отношении Марианны, однако потом она пришла к мысли, что между ним и ее сестрой произошла какая-то досадная ссора. То отчаяние, в котором Марианна выбегала из комнаты, вполне могло быть следствием серьезной размолвки, но ведь Марианна так любила его, что поссориться они просто не могли.

Каковы бы ни были обстоятельства их расставания, Элинора было очень обидно за сестру и она всем сердцем сострадала глубокому горю, которое Марианна наверняка не просто переживала, а упивалась им без остатка, в чем видела свой долг.

Через полчаса миссис Дэшвуд вернулась в гостиную с раскрасневшимися от слез глазами, но без следа уныния на лице.

— Наш дорогой Уиллоуби уже на несколько миль отъехал от Бартон, Элинора, — сказала она, садясь за рукоделие. — Как же тяжело, должно быть, у него на сердце.

— Все это так странно. Такой внезапный отъезд, казалось бы, решенный в одно мгновение. И ведь только вчера вечером он был с нами так счастлив, так весел и ласков. А сегодня, толком не объяснившись, уехал и не выказал никаких намерений возвращаться! Должно быть, случилось нечто, о чем он умалчал. Он был так немногословен, так непохож на себя. Вам, наверное, тоже бросилось это в глаза. Может, они с Марианной поссорились? Иначе, почему же он не откликнулся на ваше приглашение приезжать к нам?

— Он хотел на него откликнуться, я это ясно почувствовала. Просто он не мог. Я обо всем поразмыслила и, уверяю тебя, этому есть свое объяснение, хотя поначалу и мне его поведение показалось странным.

— Так объясните же!

— Мои объяснения кажутся мне убедительными, но тебя, Элинора, склонную во всем сомневаться, они, конечно же, не удовлетворят. Однако я своего мнения не изменю. Уверена, что миссис Смит подозревает его в симпатии к Марианне и не одобряет ее. Возможно, ей бы хотелось для него другой невесты, поэтому она придумала пред-

лог, чтобы разлучить их. Мне кажется, дело обстоит именно так. Он подозревает, что миссис Смит не даст своего согласия на этот союз, поэтому и о помолвке он не решает-ся ей рассказать, и ввиду своего зависимого положения вынужден покориться ее воле и на некоторое время уехать из Девоншира. Ты, конечно, скажешь мне, что это может быть так, а может быть и нет, но я не стану слушать никаких возражений, если ты не предложишь какое-либо более убедительное объяснение тому, что произошло. Что скажешь, Элинора?

— Ничего, вы предвосхитили мой ответ.

— Значит ты действительно думаешь, что моя версия может быть как истиной, так и заблуждением? О, Элинора, как непостижимы твои чувства! Ты скорее поверишь в плохое, чем в хорошее. Ты предпочтешь считать Марианну несчастной, а беднягу Уиллоуби — виноватым, вместо того, чтобы попытаться найти ему оправдание! Ты склонна осуждать его лишь потому, что он попросился с нами не так сердечно, как обычно? И ты не готова снизить до его расстроенных чувств? Неужели нужно отвергать любое правдоподобное объяснение лишь потому, что оно не является неопровержимым? Разве заслужил к себе такое отношение человек, которого мы все так любим и кто не давал усомниться в своем благородстве? Разве не могут существовать причины, которые он обязан какое-то время хранить в тайне? И, наконец, в чем заключаются твои подозрения на его счет?

— Мне трудно это объяснить, однако такая перемена в нем неизбежно наводит на подозрения. Тем не менее снисхождения, как вы сказали, он, безусловно, заслуживает, ведь я стараюсь судить обо всех справедливо. У Уиллоуби конечно же есть достаточно веские причины для подобного поведения, но если бы он сразу рассказал нам суть дела, это было бы больше на него похоже. Допускаю, что это секрет, но меня все же удивляет его скрытность.

— Не вини его за отступление от собственных принципов, ведь этого требовала необходимость. Ты же признаешь справедливость того, что я сказала в его защиту? В таком случае и я рада, и он оправдан.

— Не совсем. Наверное, уместно было бы скрыть их помолвку (если они действительно помолвлены) от миссис Смит, и в таком случае покинуть Девоншир на некоторое время. Однако зачем же держать в неведении нас?

— Держать в неведении? Милая, ты обвиняешь Уиллоуби и Марианну в скрытности? Вот уж странно, ведь ты же сама своими взглядами ежедневно упрекала их в неосторожности!

— Мне нужны доказательства не их чувств, — сказала Элинора, — а их помолвки.

— Я уверена как в одном, так и в другом.

— Но ведь они ничего вам об этом не говорили.

— Зачем мне слова, когда их поступки так красноречивы? Разве его отношение к Марианне и ко всем нам, по крайней мере, в последние две недели, не говорит о том, что он любит ее и видит в ней свою будущую жену, а к нам испытывает родственную привязанность? Разве мы не научились понимать друг друга без слов? Разве его взоры, манера держать себя, внимательное и нежное отношение не спрашивали каждый день моего согласия? Элинора, дитя мое, разве можно усомниться в том, что они помолвлены? Как такое могло прийти тебе в голову? Разве можно предположить, что Уиллоуби, зная о любви твоей сестры к нему, покинет ее, вероятно, на несколько месяцев, не признавшись во взаимности? Разве могли они расстаться, не обменявшись клятвами верности?

— Признаюсь, — ответила Элинора, — все обстоятельства говорят в пользу того, что они помолвлены, кроме одного, и это их молчание для меня почти перевешивает все остальные свидетельства.

— Как это странно. Значит, ты плохо думаешь о Уиллоуби, если после всего, что происходило между ними, ты продолжаешь сомневаться в искренности их отношений. Или ты считаешь, что он лишь притворялся влюбленным? Неужели ты действительно думаешь, что он равнодушен к ней?

— Нет, я так не думаю. Он должен любить ее, и я уверена, что он любит.

— Тогда что это за странная любовь, если он может покинуть ее с такой беспечностью, с таким безразличием, какое ты ему приписываешь?

— Не забывайте, дорогая матушка, я никогда не считала, что все уже решено. Признаюсь, мною овладели сомнения, но они постепенно слабеют и, возможно, совсем скоро рассеются. Если мы узнаем, что они переписываются, то все мои опасения исчезнут.

— Ах, какая великая уступка! Если бы ты увидела их у алтаря, то, наверное, предположила бы, что они собираются пожениться. Какая же ты упрямица! Мне подобные доказательства не нужны. По-моему, ничто не оправдывает твоих сомнений. Никакой скрытности и притворства я за ними не заметила. Вряд ли ты можешь упрекнуть в чем-то подобном свою сестру. Следовательно, ты не доверяешь Уиллоуби. Но почему? Разве он не искренен, не благороден? Разве он вел себя так, что мог вызывать опасения? Он что, похож на обманщика?

— Надеюсь, что нет, верю, что нет! — воскликнула Элинора. — Мне искренне нравится Уиллоуби, и сомнение в его честности для меня не менее болезненно, чем для вас. Однако оно возникло поневоле, и я постараюсь избавиться от него. Признаюсь, я была поражена тем, что сегодня утром он не был похож на самого себя — говорил не так, как обычно, и не так сердечно ответил на вашу доброту. Тем не менее, все это можно объяснить его положением, как вы и сказали. Он только что расстался с моей сестрой и видел, в каких расстроенных чувствах она удалилась, однако обязательства перед миссис Смит и боязнь вызвать ее недовольство заставили его отказаться от искушения вернуться сюда как можно быстрее. Осознание того, как неблагоприятно и подозрительно для нас всех будет звучать его отказ от вашего приглашения, несомненно, могло вызвать в нем смущение и растерянность. И все же откровенное признание, какие именно трудности заставляют его покинуть нас, сделало бы ему больше чести и более соответствовало бы его нраву. Впрочем, я не буду осуждать чье-либо поведение лишь потому, что оно не соответствует моим понятиям и не кажется мне правильным и последовательным.

— В этом ты права! Уиллоуби, конечно же, не заслуживает наших подозрений. Хотя мы и не так давно знакомы с ним, он не чужой в здешних краях, и разве хоть кто-то сказал про него дурное слово? Если бы он был более независим и имел возможность не откладывать свадьбу, то было бы странно, что он покинул нас, не открыв нам своих намерений. Однако все обстоит иначе, некоторые обстоятельства не благоприятствуют помолвке, а время свадьбы остается неопределенным, так что, может быть, это и логично — держать помолвку в тайне, и ничего не говорить как можно дольше.

Их разговор был прерван появлением Маргарет, и Элинора получила возможность на досуге обдумать предположения своей матери, признать обоснованность многих из них и надеяться на то, что остальные так же верны.

Марианна появилась лишь к обеду; она молча вошла в гостиную и заняла свое место за столом. Глаза ее покраснели и опухли; казалось, она до сих пор с трудом сдерживает слезы. Она избегала взглядов, не могла ни есть, ни говорить, и когда через несколько минут мать с молчаливым состраданием взяла ее за руку, она не смогла сдержаться и, разрыдавшись, вышла из комнаты.

Жестокое отчаяние не покидало ее весь вечер. Она была подавлена и даже не пыталась взять себя в руки. Малейшее упоминание о чем-либо, что было связано с Уиллоуби, мгновенно угнетало ее, и хотя родные всячески старались не тревожить ее чувств, им этого не удавалось, ведь о чем бы они ни заговорили, все напоминало ей о нем.

ГЛАВА XVI

Марианна не простила бы себе, если бы уснула в первую ночь после расставания с Уиллоуби. Ей было бы стыдно смотреть в глаза своим родным на следующее утро, если бы она не встала с постели еще более утомленной, чем легла в нее. Однако переполнявшие ее чувства не оставляли ей никакой возможности испытать этот позор. Не в силах унять слезы, она не спала всю ночь. Проснувшись она с головной болью, не могла разговаривать, отказывалась принимать пищу и каждую минуту причиняла страдания своей матери и сестрам, пресекая любые попытки ее утешить. Чувствительность ее не имела границ.

Когда завтрак подошел к концу, она ушла бродить в одиночестве по деревне Алленхэм, предаваясь воспоминаниям о счастливых минутах и оплакивая свою разлуку с любимым.

Весь вечер она продолжала горевать столь же бурно. Она наигрывала самые свои любимые песни, которые исполняла для Уиллоуби, напевала мелодии, при исполнении которых дуэтом их голоса сливались воедино, и сидела за инструментом, вглядываясь в каждую строчку нот, которые он для нее писал, пока ее сердце не наливалось такой тяжестью, что больше не могло вместить ни капли страданий. Из дня в день она проводила долгие часы за фортепьяно, перемежая пение с рыданиями и нередко лишаясь голоса от слез. В книгах, как и в музыке, она искала отголоски своих страданий и находила их на страницах, где счастливое прошлое сравнивалось с безрадостным настоящим. Из книг она открывала только те, которые они читали вместе.

Такое неистовое горе не могло длиться вечно. Через несколько дней оно сменилось более спокойной меланхолией, но чтение, музыка и одинокие прогулки все еще вызывали у нее бурное волнение.

Писем от Уиллоуби не было, да Марианна, похоже, и не ждала их. Ее мать недоумевала, а Элинор снова охватило чувство тревоги. Однако миссис Дэшвуд всему находила объяснения, когда того требовала ситуация; во всяком случае, ей от этого становилось легче.

— Вспомни, Элинор, — сказала она, — как часто сэр Джон сам забирает наши письма с почты и отвозит их туда. Мы ведь уже согласились, что завеса тайны в этом деле просто необходима, а ее сохранность оказалась бы под угрозой, если бы их переписка проходила через руки сэра Джона.

Элинор не могла поспорить с утверждением миссис Дэшвуд и пыталась уверить себя, что именно этим и вызвано их молчание. Однако существовал один простой и бесхитростный способ, который помог бы узнать истинное положение дел и немед-

ленно развеять все сомнения. Этот прекрасный, по ее мнению, способ она не могла не посоветовать своей матери.

— Почему бы вам прямо не спросить Марианну, помолвлена она с Уиллоуби или нет? Из уст такой добросердечной, сочувствующей матери этот вопрос не прозвучит обидно. Он будет выглядеть как естественное проявление материнской любви. Она ведь всегда была откровенной, а с вами — особенно.

— Я ни за что на свете не спрошу об этом. Если предположить, что они все же не помолвлены, то какие страдания причинит ей подобное любопытство! По меньшей мере, это крайне эгоистично. Я навсегда утрачу ее доверие, вынудив признаться в том, о чем она до сих пор никому не сказала. Я знаю сердце Марианны, знаю, что она горячо любит меня и не в последнюю очередь расскажет мне об их помолвке, когда обстоятельства позволят объявить о ней. Я бы не стала добиваться откровенности у кого-либо, тем более у ребенка, ведь чувство долга заставит ее открыться вопреки желанию.

Элинор сочла подобную деликатность чрезмерной, и, напомнив матери, что Марианна еще очень молода, попробовала настоять на своем, но тщетно: здравый смысл, участливость, материнская забота, уступили место романтической щепетильности миссис Дэшвуд.

Прошло несколько дней, прежде чем близкие Марианны решились упоминать имя Уиллоуби в ее присутствии. Сэр Джон и миссис Дженнингс были не столь деликатны, и их остроты еще больше омрачали эти без того мрачные для нее дни. Однажды как-то вечером миссис Дэшвуд, случайно взяв в руки томик Шекспира, не удержалась и воскликнула:

— Мы ведь так и не закончили читать «Гамлета», Марианна. Наш дорогой Уиллоуби уехал раньше, чем мы успели его закончить. Продолжим, когда он вернется... Хотя, возможно, ждать придется несколько месяцев.

— Несколько месяцев! — воскликнула Марианна с нескрываемым удивлением. — Нет, лишь несколько недель.

Миссис Дэшвуд пожалела о своих словах, а Элинор была обрадована ответом Марианны, выразившим доверие к Уиллоуби и осведомленность о его намерениях.

Однажды утром, примерно через неделю после его отъезда, сестрам удалось уговорить Марианну присоединиться к их обычной прогулке вместо того, чтобы бродить в одиночестве. До сих пор она всячески избегала какой-либо компании. Когда ее сестры шли гулять по холмам, она блуждала по проселочным дорогам, а если они собирались в долину, то она поднималась на холмы раньше, чем они успевали выйти из дома. Однако в конце концов Элинор, которая не одобряла этого постоянного уединения сестры, уговорила ее прогуляться вместе со всеми. Они шли по дороге через долину, почти все время молча, потому что Марианна еще не обуздала свою бурную печаль, а Элинор уже добилась маленькой победы и не решалась на большее.

Где начиналась долина, холмы уступали место плодородной и живописной равнине, и там перед ними открылся протяженный участок дороги, по которому они приехали в Бартон. Раньше им не доводилось уходить так далеко в этом направлении, и они остановились, чтобы оглядеться и полюбоваться пейзажем, скрытым от взоров из окон Бартон-коттеджа.

Вскоре они заметили вдали приближающуюся фигуру всадника. Через несколько минут они разглядели в нем джентльмена, а спустя мгновение Марианна восторженно воскликнула:

— Это он, я знаю, это он! — И она поспешила в его направлении.

— Тебе показалось, Марианна, это не Уиллоуби, — тут же ее окликнула Элинор. — Этот джентльмен не так высок, и он по-другому держится в седле.

— Это он, — воскликнула Марианна, — я уверена, что он! Это его осанка, его плащ, его лошадь. Я знала, что он скоро вернется!

Сказав это, она торопливо зашагала дальше, а Элинор, чтобы оградить сестру от неловкости, ускорила шаг и не отставала от нее, ведь она-то не сомневалась, что к ним движется не Уиллоуби. В тридцати ярдах от джентльмена Марианна снова взглянула на него, и сердце ее сжалось от отчаяния. Она резко повернулась и почти побежала прочь, но услышала голоса обеих сестер, и еще третий, так же хорошо ей знакомый, как голос Уиллоуби. Все просили ее остановиться, она обернулась и увидела перед собой Эдварда Феррарса.

Он был единственным человеком на свете, которому в эту минуту она могла простить то, что он не Уиллоуби, единственным, кому она, пусть и сквозь слезы, могла улыбнуться, на миг забыв о своих горестях при виде счастья сестры.

Эдвард спешил, доверил коня слуге и направился вместе с ними в Бартон, куда приехал, чтобы их навестить.

Они встретили его очень сердечно, особенно Марианна, которая проявила к нему больше теплоты, чем сама Элинор. Во встрече Эдварда с сестрой Марианна обнаружила все ту же необъяснимую холодность, которую она наблюдала между ними в Норленде. Эдвард выглядел и выражался совсем не так, как это делают влюбленные в подобных случаях. Он был смущен, и, казалось, не испытывал ни радости, ни даже особого удовольствия от встречи с ними. Он почти ничего не говорил, лишь отвечал на вопросы, и не оказывал никаких знаков внимания Элинор. Марианна смотрела, слушала, и ее удивление все возрастало. В какой-то момент Эдвард даже стал вызывать у нее неприязнь; и это было неизбежно, ведь ее мысли снова обратились к Уиллоуби, чьи манеры разительным образом отличались от манер избранника ее сестры.

После недолгого молчания, последовавшего за первыми приветствиями, Марианна спросила Эдварда, приехал ли он прямо из Лондона. Оказалось, что он уже две недели пробыл в Девоншире.

— Две недели! — повторила она, недоумевая, почему же он, так давно находясь в одном графстве с Элинор, не нашел время увидеться с ней раньше.

С некоторым смущением он добавил, что гостил у друзей неподалеку от Плимута.

— А давно ли вы были в Сассексе? — спросила Элинор.

— Около месяца назад я заезжал в Норленд.

— И как выглядит наш славный милый Норленд? — спросила Марианна.

— Милый, милый Норленд, — сказала Элинор, — вероятно, он выглядит так же, как и всегда в это время года — леса и тропинки густо усыпаны опавшими листьями.

— О! — воскликнула Марианна, — с каким волнующим чувством я наблюдала за тем, как они облетают. Какое это было наслаждение — гулять и видеть, как ветер закручивает их вихрями вокруг меня. Какие чувства пробуждала во мне и сама осень, и этот воздух. А теперь никто ими не любит. На них смотрят, как на сор, который нужно поскорее убрать с глаз долой.

— Не всем свойственна твоя страсть к сухим листьям, — заметила Элинор.

— Да, мои чувства редко разделяют, да и понимают их нечасто, и все же иногда это происходит.



*Все просили ее остановиться, она обернулась и увидела перед собой
Эдварда Феррарса.*

После этих слов она погрузилась в свои мысли, но вскоре очнулась и снова заговорила.

— Взгляните, Эдвард, — сказала она, привлекая его внимание, — перед вами Бартонская долина. Посмотрите на нее и останьтесь равнодушны, если сможете. Только взгляните на эти холмы! Вы когда-нибудь видели что-либо равное им? Слева среди лесов и полей виднеется Бартон-парк, отсюда заметно лишь одно его крыло. А там, под самым дальним и величественным холмом, стоит наш коттедж.

— Места прекрасные, — ответил он, — но зимой здесь, должно быть, много грязи.

— Как вы могли подумать о грязи, когда смотрите на все это великолепие?

— Потому, — сказал он с улыбкой, — что иду сейчас по очень грязной дороге.

— Как странно! — сказала Марианна как бы про себя.

— Как вам соседи? Мидлтоны приятные люди?

— Вовсе нет, — ответила Марианна. — Мы не могли бы оказаться в худшем положении.

— Марианна! — воскликнула сестра. — Как ты можешь так о них отзываться? Это несправедливо! Они очень достойные люди, мистер Феррарс, и очень дружелюбно к нам настроены. Неужели ты забыла, Марианна, сколькими приятными днями мы им обязаны?

— Не забыла, — произнесла Марианна вполголоса, — также, как и все мучительные минуты.

Элинор пропустила мимо ушей ее колкость и переключила внимание на гостя, завязав с ним беседу об их нынешнем жилище, о его расположении и прочем. Его холодность и сдержанность жестоко ранили ее, вызывали в ней досаду и даже раздражение. Однако решив отталкиваться от прошлого, а не от настоящего, она не выдала своих чувств и обходилась с ним так, как, по ее мнению, следовало обходиться с близким другом.

ГЛАВА XVII

Удивление миссис Дэшвуд было недолгим; ей казалось, что приезд Эдварда в Бартон — дело естественное. Радость ее не имела границ, она встретила гостя так сердечно, что его робость, холодность и сдержанность бесследно исчезли. Это произошло еще до того, как он вошел в дом, и Элинора с облегчением заметила, что он снова стал походить на самого себя. Не мог же мужчина, влюбленный в нее, все время прятать свои чувства. Привязанность вновь пробудилась в нем, он стал проявлять интерес к их благополучию, однако был как будто чем-то опечален. Он хвалил их дом, восторгался видами из окон, был внимателен и добродушен, но печаль его не проходила. Это было заметно всем, и миссис Дэшвуд, приписав ее новым неприятным требованиям его матери, села за стол в негодовании по поводу всех эгоистичных родителей.

— Каковы теперь планы миссис Феррарс на ваш счет, Эдвард? — спросила она после обеда, когда все усадились возле камина. — Она все еще ждет, что вы станете великим оратором?

— Нет. Надеюсь, моя мать уже осознала, что талантов к общественной деятельности у меня не больше, чем склонности к ней.

— Как же тогда вы добьетесь славы? Вашей семье ведь так важно, чтобы вы были успешны, а без профессии, без уверенности в себе, без стремления к богатству и умения располагать к себе незнакомых людей трудно будет чего-либо добиться.

— Я не стану и пытаться. У меня нет никакого желания быть публичной личностью, и есть все основания надеяться, что этого никогда не случится. Слава Богу, невозможно насильно привить мне таланты и красноречие.

— Я прекрасно знаю, что вы лишены каких-либо амбиций и все ваши желания скромны.

— Не более скромны, чем у остальных людей, я полагаю. Как и все, я просто стремлюсь быть абсолютно счастливым, а счастье у каждого свое. Величие мне в этом не поможет.

— Мне кажется странным, — воскликнула Марианна, — что богатство и величие вообще ассоциируются со счастьем.

— Величие не так много значит, — сказала Элинора, — но богатство может очень помочь в достижении счастья.

— Постыдись, Элинора! — упрекнула ее Марианна. — Деньги способны дать счастье только тем, кто не может обрести его другим способом. Во всех иных случаях людям со скромным достатком деньги не принесут никакого удовлетворения.

— Вероятно, — с улыбкой сказала Элинора, — мы мыслим в одном направлении. Однако, смею предположить, разница между твоим «скромным достатком» и моим

«богатством» не так уж велика. В современном мире, как мы с тобой знаем, без денег жить комфортно, увы, невозможно. Правда, твои представления более возвышенны, чем мои. Так что для тебя является «скромным достатком»?

— Приблизительно тысяча восьмьсот или две тысячи фунтов в год.

Элинора рассмеялась: — Две тысячи в год! Да для меня одна тысяча — это уже богатство! Я так и предполагала.

— И все же две тысячи в год — доход весьма умеренный, — сказала Марианна. — Семья не может комфортно жить на меньшую сумму. Мне кажется, мои требования совсем невелики. Достаточное число слуг, экипаж, а лучше два, и лошадей для охоты на меньшую сумму содержать невозможно.

Элинора вновь улыбнулась тому, как сестра точно описала их будущие расходы в Комбе-Магна.

— Лошади для охоты! — воскликнул Эдвард. — Зачем вам они? Не каждый ведь любит охоту.

Краснея, Марианна ответила:

— Но очень многие!

— Я бы так хотела, — сказала Маргарет, внезапно загоревшись новой мыслью, — чтобы кто-нибудь подарил нам всем по огромному состоянию!

— О, если бы... — воскликнула Марианна, и глаза ее засверкали, а щеки залились румянцем от предвкушения воображаемого счастья.

— Полагаю, мы все единодушны в этом желании, — сказала Элинора, — несмотря на то, что богатство так мало для нас значит.

— О, боже! — воскликнула Маргарет, — я была бы так счастлива. Интересно, как бы я распорядилась эти богатством?

Марианна выглядела так, будто у нее подобных вопросов не возникло.

— И я была бы озадачена, куда потратить большое состояние, — сказала миссис Дэшвуд, — если бы, конечно, мои дети уже были богаты и не нуждались в моей помощи.

— Вы бы занялись переустройством этого дома, — заметила Элинора, — и ваша озадаченность исчезла бы сама собой.

— Какие великолепные заказы были бы отправлены отсюда в Лондон! — сказал Эдвард. — Какое счастливое время настало бы для типографий, продавцов нот и книготорговцев. Вы, миссис Дэшвуд, поручили бы присылать вам гравюры, а Марианна, я знаю величие ее души, скупала бы все ноты в Лондоне, и даже этого оказалось бы недостаточно, чтобы она насытилась музыкой. А книги! Томсон, Купер, Скотт — она покупала бы их без усталы, скупала бы все экземпляры, чтобы они не смогли попасть в недостойные руки. Она приобрела бы все книги, которые могли бы научить ее восхищаться старыми кривыми деревьями. Не правда ли, Марианна? Простите меня, если я в чем-то задел вас, но мне хотелось показать, что я не забыл наши былые споры.

— Я люблю, когда мне напоминают о прошлом, Эдвард. Будь то моменты счастья или печали, мне нравится вспоминать о них, так что не бойтесь меня обидеть. Вы совершенно верно предположили, как бы я распорядилась деньгами. По крайней мере, частью из них: свободные суммы, я конечно же, тратила бы на пополнение моей коллекции книг и нот.

— И большую часть своих сбережений вы бы тратили на пожизненную ренту авторам и их наследникам.

— Нет, Эдвард, я нашла бы своим деньгам другое применение.

— Быть может, вы наградили бы того, кто напишет самую лучшую апологию вашего любимого утверждения, что любовь приходит к человеку лишь раз в жизни. Полагаю, вы не переменили своего мнения на это счет?

— Ни в коем случае. В моем возрасте мнения меняют не так уж часто. Вряд ли я когда-либо увижу или услышу нечто такое, что переубедит меня.

— Марианна как всегда непоколебима, — сказала Элинора, — она ни капли не изменилась.

— Правда, стала чуть серьезней, чем была раньше.

— Нет, Эдвард, — сказала Марианна, — не вам меня упрекать. Вы и сами не особенно веселы.

— Почему вы так решили? — спросил он со вздохом. — Я ведь никогда и не был весельчаком.

— Да и к Марианне это не относится, — возразила Элинора, — я бы не сказала, что она так уж жизнерадостна. Она очень серьезна и деятельна, иногда говорит много и оживленно, но по-настоящему веселой бывает редко.

— Полагаю, вы правы, — ответил он, — и все же мне она всегда казалась натурой позитивной.

— Я часто ловила себя на подобных ошибках, — сказала Элинора, — когда я неправильно понимала ту или иную черту характера, воображая людей гораздо более веселыми или серьезными, остроумными или глупыми, чем они есть на самом деле, и я едва ли смогу объяснить, почему так заблуждалась. Иногда руководствуешься тем, что люди рассказывают о себе, или что о них говорят другие люди и не даешь себе времени поразмыслить.

— Но я считала, Элинора, — сказала Марианна, — что мнением других людей и нужно руководствоваться. Мне казалось, что способность судить дана нам лишь для того, чтобы подчинять ее мнениям окружающих. Ты ведь сама меня в этом убеждала.

— Нет, Марианна, я никогда не была сторонницей подчинения своих мыслей чужим суждениям. Я пыталась влиять только на поведение. Не переиначивай мои слова. Признаю свою вину в том, что часто желала, чтобы ты уделяла больше внимания нашим знакомым, однако, разве я советовала тебе разделять их чувства и руководствоваться их мнениями по серьезным вопросам?

— Значит вы так и не смогли убедить вашу сестру соблюдать вежливость так же, как ее соблюдают остальные? — спросил Эдвард. — Неужели в этом вопросе вы ничего не добились?

— Скорее наоборот, — ответила Элинора, бросив на Марианну выразительный взгляд.

— Душою я всецело на вашей стороне, — сказал он, — но поведением больше похож на вашу сестру. Я всегда стремлюсь быть любезным, но из-за моей глупой застенчивости нередко кажусь невежей, хотя меня всего лишь сковывает моя проклятая неловкость. Иногда мне кажется, что по природе я предназначен для низшего общества, ведь мне так сложно почувствовать себя свободно в свете.

— Но у Марианны для ее невежливости нет такого оправдания, — сказала Элинора.

— Марианна знает себе цену, поэтому ложная скромность ей неведома, — ответил Эдвард. — Застенчивость — это ведь всего лишь следствие комплекса неполноценно-

сти, в той или иной его форме. Если бы я мог убедить себя, что способен держаться легко и непринужденно, то перестал бы стесняться.

— И все равно замкнутость ваша не исчезнет, — сказала Марианна, — а это ничуть не лучше!

— Замкнутость? — удивленно переспросил Эдвард. — Вы что же, считаете меня замкнутым, Марианна?

— Да, и даже очень.

— Не понимаю вас, — ответил он, краснея. — Замкнутый! Как? В чем это проявляется? Разве я что-то от вас скрываю? Почему вы так думаете обо мне?

Элинор удивилась его горячности, но, пытаясь перевести все в шутку, сказала:

— Неужели вы так плохо знаете мою сестру, что не понимаете, о чем она? Вы разве не в курсе, что она называет замкнутыми всех, кто не тараторит без умолку и не восторгается тем, что восхищает ее так же пылко?

Эдвард ничего не ответил. Он снова впал в угрюмую, молчаливую задумчивость.

ГЛАВА XVIII

Элинор с большим беспокойством наблюдала за подавленностью своего друга. Радость от его приезда омрачалась для нее тем, что он, казалось, этой же радости почти и не испытывал. Было очевидно, что он опечален. Однако ей хотелось, чтобы столь же явно проявлялось его прежнее чувство к ней, которое ранее, как она предполагала, он, несомненно, испытывал. Теперь она снова стала в этом сомневаться. Он вел себя с ней очень сдержанно, и лишь иногда в его взгляде появлялась былая нежность.

На следующее утро он присоединился к ней и Марианне еще до того, как на завтрак спустились все остальные, поэтому Марианна, всегда стремящаяся содействовать их счастью, вскоре оставила их вдвоем. Однако не успела она подняться в свою спальню, как услышала, что дверь гостиной отворилась. Обернувшись, она с удивлением заметила выходящего оттуда Эдварда.

— Я схожу в деревню, проведаю своих лошадей, — сказал он, — вы ведь еще не сели завтракать.

Вернулся он к ним, явно восхищенный от окружающего пейзажа. По дороге в деревню он успел повидать самые разные панорамы долины; деревня находилась немножко выше коттеджа, а посему оттуда открывался обширный вид на окрестности, которые не оставили его равнодушным. Эта тема оживила Марианну, она принялась описывать свое восхищение местными красотами и расспрашивать его о том, чем он особенно впечатлился, но Эдвард прервал ее:

— Не задавайте мне так много вопросов, Марианна, — сказал он, — ведь вы же знаете, что я ничего не смыслю в живописности. Если мы углубимся в детали, то я непременно оскорблю вас своим невежеством и отсутствием вкуса. Я назову холмы крутыми, когда вы сказали бы, что они гордые, склоны — неровными и бугристыми, а не суровыми и неприступными, дали — теряющимися из вида, а не утопающими в нежной туманной дымке. Довольствуйтесь моими простыми и искренними похвалами. Эта местность кажется мне прекрасной: холмы здесь высокие, леса густые, а долина с ее сочными лугами и разбросанными тут и там аккуратными фермерскими постройками выглядит весьма мило. Все это в точности соответствует моим представлениям о прекрасном пейзаже, ведь красота в нем сочетается с полезностью. И я не сомневаюсь, что он живописен, раз уж вы так им восхищаетесь. Я охотно верю, что здесь полным полно скал и утесов, серого мха и густых кустарников, но все это не для меня, ведь я ничего не смыслю в живописности.

— Боюсь, что вы правы, — сказала Марианна, — но зачем же вы этим хвастаете?

— Я подозреваю, — предположила Элинор, — что желая избежать одной крайности, Эдвард впадает в другую. Ему кажется, что многие люди лишь изображают свое

восхищение красотами природы, на самом деле оставаясь к ним равнодушными, а поскольку такое притворство ему отвратительно, он старается проявлять безразличие к этим пейзажам и скрывать свое истинное отношение к ним.

— Совершенно верно, — заметила Марианна. — Восхищение пейзажем превратилось в набор банальных фраз. Каждый делает вид, что понимает и чувствует красоту, стараясь подражать вкусу и изяществу того, кто первым открыл суть живописности. Мне претят любые проявления банальности, поэтому я нередко предпочитаю держать свои чувства при себе, я просто не могу подобрать достойных слов, чтобы описать их, не опускаясь до тривиальных и избитых сравнений, давно потерявших свой глубинный смысл.

— Я убежден, — ответил Эдвард, — что прекрасный вид вызывает у вас именно тот восторг, который вы выражаете, но почему тогда ваша сестра приписывает мне чувства, которые я не испытываю? Да, мне нравятся красивые панорамы, но не из-за их живописности. Я не люблю искривленные и поломанные деревья, мне больше по душе видеть их высокими, стройными и цветущими. Руины и развалившиеся хижинки не восхищают меня, как и крапива, чертополох и колючий бурьян. Аккуратный фермерский дом мне милее, чем сторожевая башня, а компания опрятных и веселых крестьян кажется привлекательней банды самых колоритных разбойников.

Марианна посмотрела на Эдварда с изумлением, а на сестру — с сочувствием. Элинор же лишь рассмеялась.

На этом их разговор закончился, и Марианна впала в молчаливую задумчивость, пока ее внимание не привлек необычный предмет. Она сидела за столом рядом с Эдвардом, и когда тот протянул руку за чашкой чая, которую налила ему миссис Дэшвуд, она заметила на его пальце кольцо с вставленной в него прядкой волос.

— Я никогда раньше не видела, чтобы вы носили кольца, Эдвард, — воскликнула она. — Это волосы Фанни? Я помню, что она обещала вам свой локон. Однако мне казалось, что ее волосы темнее.

Марианна неосмотрительно сказала первое, что пришло ей в голову. Увидав, как сильно это расстроило Эдварда, она рассердилась на себя даже сильнее, чем он на нее. Эдвард густо покраснел и, бросив мимолетный взгляд на Элинор, ответил:

— Да, это волосы моей сестры. Думаю, вам известно, что оправа несколько меняет их оттенок.

Элинор встретила с ним взглядом. Она, как и Марианна, решила, что это были ее собственные волосы. Однако если Марианна подумала, что эту прядь Эдвард получил в подарок от ее сестры, то сама Элинор недоумевала, каким же образом она оказалась у ее избранника. Впрочем, мысль о том, что он, очевидно, как-то выкрал этот локон, не оскорбила Элинор. Она сменила тему разговора, но решила впредь использовать любую возможность, чтобы внимательно рассмотреть эти волосы и убедиться, что они того же оттенка, как и у нее.

Смушение Эдварда долго не проходило, а затем сменилось рассеянностью. Все утро он выглядел угрюмым. Марианна корила себя за то, что наговорила лишнего, но если бы она знала, что это несколько не огорчило ее сестру, то тотчас же простила бы себя.

Еще до обеда их навестили сэр Джон и миссис Дженнингс, которые, услышав о прибытии в коттедж нового гостя, захотели взглянуть на него лично. Благодаря своей теще сэр Джон вскоре обнаружил, что фамилия Феррарс начинается на букву «Ф», и



Еще до обеда их навестили сэр Джон и миссис Дженнингс, которые, услышав о прибытии в коттедж нового гостя, захотели взглянуть на него лично.

этим была заложена мина для новых насмешек в адрес бедной Элинор. Взорвать эту мину прямо сейчас помешала лишь краткость их знакомства с Эдвардом. По обращенным в ее сторону многозначительным взглядам она стала догадываться, сколь далеко идущие выводы они сделали, основываясь на сообщении Маргарет.

Сэр Джон никогда не приезжал к Дэшвудам без того, чтобы пригласить их пообедать в Бартон-парке на следующий день или позвать их выпить чашечку чая тем же вечером. На этот раз, чувствуя свой долг помочь им развлечь гостя, он решил объединить два эти приглашения.

— Вы обязательно должны выпить у нас чаю этим вечером, — сказал он, — ведь сегодня мы никого больше не ждем, а завтра вам непременно нужно будет отобедать с нами, поскольку ожидается большая компания.

Миссис Дженнингс также настаивала на этом.

— И как знать, может быть вечер окончится танцами, — добавила она, — и это соблазнит вас, миссис Марианна.

— Танцы! — воскликнула Марианна. — Не может быть! Кто же будет танцевать?

— Как кто? Вы сами, и Кэри, и Уиттакеры, конечно же! Неужели вы думали, что никто не станет танцевать, потому что некий человек, имя которого мы не будем называть, уехал?

— Я от всей души желаю, — воскликнул сэр Джон, — чтобы Уиллоуби к нам вернулся.

Этот диалог, а также то, что Марианна покраснела, навели Эдварда на некие догадки.

— Кто такой этот Уиллоуби? — спросил он вполголоса у миссис Дэшвуд, которая сидела рядом с ним.

Она коротко ответила ему, но по выражению лица Марианны он понял достаточно, чтобы объяснить себе и намеки гостей, и некоторые особенности ее поведения, которые озадачивали его прежде. Когда гости покинули их, он немедленно подошел к ней и прошептал:

— Сказать вам, о чем я только что догадался?

— Не понимаю, о чем вы.

— Так сказать?

— Разумеется!

— Мне кажется, мистер Уиллоуби любит охотиться.

Марианна была удивлена и смущена, но все же не смогла удержаться от улыбки, которую вызвало в ней его шутовское лукавство. После небольшой паузы она сказала:

— Ах, Эдвард, как вы можете! Надеюсь, придет время... Уверена, что он вам понравится.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — ответил он, несколько удивленный той пылкостью, с которой она ему ответила, ведь если бы он знал, что шуточки их недавних гостей воспринимаются ею болезненно, то не осмелился бы затрагивать эту тему.

ГЛАВА XIX

Эдвард пробыл в Бартон-коттедже неделю. Миссис Дэшвуд настойчиво уговаривала его остаться на более долгий срок, но он как будто задался целью нарочно терзать себя и решил уехать именно в тот момент, когда общество друзей стало доставлять ему наибольшее удовольствие. Его настроение в последние два-три дня хоть и оставалось весьма переменчивым, но в целом значительно улучшилось: его все больше радовали дом и окрестности, о расставании он говорил со вздохом, упомянул, что полностью свободен, и даже не уверен, куда отправится, однако ехать он все же должен. Никогда еще неделя не проходила для него так быстро. Он не мог в это поверить и говорил об этом снова и снова. Им было сказано немало и других слов, которые приоткрывали его чувства и ставили под сомнение мотивы его поступков. Ему не нравилось жить в Норленде, он не переносил лондонской суеты, но именно в Норленд или в Лондон ему и предстояло отправиться. Он говорил, что ценит их доброту превыше всего, и что он был по-настоящему счастлив с ними, и, тем не менее, он должен их покинуть к концу недели, невзирая на то, что ни ему, ни им этого бы не хотелось, и он никак не ограничен по времени.

Элинор отнесла все удивительные особенности поведения Эдварда на счет его матери, характер которой ей был настолько плохо известен, что мог служить оправданием любых странностей сына. Как бы Элинор ни была разочарована и раздосадована, а порой и раздражена его отношением к ней, она охотно и великодушно оправдывала его поступки, чем ее мать совсем недавно занималась в отношении Уиллоуби. Его сдержанность, замкнутость и непоследовательность она объясняла зависимым положением, а также более глубоким знанием характера и намерений миссис Феррарс. Краткость его визита, неизменность его желания уехать, она также считала следствием его несвободы и неизбежной необходимости потакать матери. Причину этого она видела в извечной борьбе долга против собственной воли, желаний родителей против устремлений их детей. Элинор очень хотелось узнать, когда же все затруднения будут улажены, когда противоречия прекратятся, и миссис Феррарс сдастся, даровав своему сыну свободу быть счастливым. Однако понимая тщетность своих надежд, она была вынуждена искать утешения в укреплении своей уверенности в любви Эдварда, в воспоминаниях о всех знаках внимания и теплых словах, которые он адресовал ей в Бартоне, и, прежде всего, в том приятном доказательстве его чувств, которое он постоянно носил на пальце.

— Мне кажется, Эдвард, — сказала миссис Дэшвуд прошлым утром за завтраком, — вы были бы более счастливы, будь у вас какая-либо профессия, которая занимала бы ваше время, придавала интерес вашей жизни и позволяла строить планы

на будущее. Конечно, вы бы тогда не имели возможности так много времени уделять друзьям. Однако, — добавила она, улыбнувшись, — вы получили бы от этого существенную выгоду хотя бы в одном: вы бы знали, куда направиться, когда их покинете.

— Уверяю вас, — ответил он, — я долго размышлял над этим и абсолютно с вами согласен. Для меня всегда было, есть и, вероятно, будет тяжким несчастьем, что у меня нет своего дела или профессии, благодаря которой я имел бы работу, а вместе с ней и независимость, но, к сожалению, моя собственная щепетильность и щепетильность моих друзей превратили меня в того, кем я являюсь — в праздного, беспомощного бездельника. Мы никогда не могли прийти к согласию, какую профессию мне избрать. Я всегда тяготел и до сих пор тяготею к церкви. Однако для моей семьи эта стезя недостаточно престижна. Они хотели, чтобы я сделал карьеру военного, но это слишком блестяще для меня. Достаточно благородным занятием представлялась им юриспруденция: многие молодые люди, служащие в Темпле, были вхожи в светские круги и разъезжали по Лондону в шикарных экипажах. Тем не менее, никакой склонности к юриспруденции у меня не было, даже к наименее заумным ее сторонам, которые одобряла моя семья. Был в моде флот, но когда о нем подумали, мой возраст уже не подходил для морского дела. В конце концов все решили, что никакой необходимости иметь профессию у меня нет, ведь я мог вполне непринужденно и богато жить и без красного армейского сюртука. Праздность была признана вполне приличной для благородного молодого человека вроде меня. Мне было восемнадцать лет; как и любой юноша, я не стремился к серьезным занятиям, поэтому я и не стал противиться желанию моих близких, чтобы я ничем не занимался. Я поступил в Оксфорд и с тех пор предаюсь безделью в полной мере.

— Но раз уж безделье не принесло вам счастья, — сказала миссис Дэшвуд, — то своим сыновьям вы, я полагаю, дадите такое воспитание, которое подготовит их ко множеству занятий, профессий и ремесел.

— Они получают такое воспитание, — сказал он серьезным голосом, — которое позволит им быть как можно меньше похожими на меня. В чувствах, поступках, в мироощущении — во всем.

— Ну что вы, Эдвард! В вас говорит ваше грустное расположение духа. Под влиянием вашей меланхолии вы вообразили, что любой человек, не похожий на вас, непременно будет счастлив. Однако не забывайте, что каждый из нас время от времени, независимо от его образования и положения в обществе, испытывает душевную боль от разлуки с друзьями. Вы тоже можете быть счастливым. Для этого вам нужно только терпение... можете дать ему более поэтичное название — надежда. Ваша мать со временем обеспечит вам независимость, о которой вы так мечтаете. Это ее долг, она с радостью помешает вам впустую растрачивать свою юность. Сколько всего может измениться буквально за несколько месяцев!

— Мне кажется, — ответил Эдвард, — можно ждать долгие месяцы, но от этого ничего не изменится.

Его мрачное настроение хоть и не передалось миссис Дэшвуд, но сделало их прощание, которое вскоре состоялось, еще более печальным. Элинор переживала его сильнее остальных, и ей не без труда и совсем не сразу удалось подавить свои чувства. Однако поскольку она была полна решимости не показывать, что страдает из-за его отъезда больше матери и сестер, она не стала прибегать к методу, который благоразумно применяла в подобном случае Марианна, всячески усиливая свою печаль в тиши-

не, уединении и безделье. Их способы столь же разительно отличались, как и их цели, одинаково подходя для их достижения.

Как только Эдвард покинул Бартон-коттедж, Элинора села за свой письменный стол и весь день занималась делами; она не вспоминала о нем, но и не избегала упоминаний его имени, и, казалось, почти как и прежде общалась с родными, чем хотя и не смягчила свою печаль, но и не усилила ее понапрасну, к тому же она уберегла мать и сестер от лишнего беспокойства за нее.

Марианна такое поведение не одобряла, как и не порицала свое собственное, совершенно ему противоположное. Вопрос самообладания она решала очень просто: с сильными чувствами оно справиться не может, а для спокойных его и не требуется. Чувства ее сестры, как бы она не стыдилась этого, были спокойными, и ей пришлось это признать. Силу же своих чувств она убедительно доказывала, продолжая любить и уважать сестру, несмотря на свое уничижительное умозаключение.

Не отгораживаясь от близких, не стремясь избегать встречи с ними во время прогулок, не проводя бессонные ночи, предаваясь размышлениям, Элинора каждый день находила время подумать об Эдварде и о его поведении со всем разнообразием чувств, которые только могло породить ее настроение в ту или иную минуту — с нежностью, с жалостью, с одобрением, осуждением или с сомнением. Случались минуты, когда даже сидя вместе в комнате они были поглощены своими занятиями и не разговаривали; в это время Элинора оставалась наедине со своими мыслями. Ее внимание и память были поглощены прошлым, а размышления и воображение устремлены в будущее.

Однажды утром, вскоре после отъезда Эдварда, когда она рисовала за письменным столом, появление гостей отвлекло ее от раздумий. Она была одна в гостиной, скрип калитки у входа в зеленый палисад перед домом заставил ее поднять голову, подойти к окну. Она увидела большую компанию, направляющуюся к входной двери. Это были сэр Джон, леди Мидлтон, миссис Дженнингс, а также незнакомые ей джентльмен и леди. Как только сэр Джон заметил ее у окна, он покинул остальных гостей, предоставив им стучать в дверь, как того требовали правила этикета, и подойдя к окну прямо по траве, дал ей знак, чтобы она открыла створку. От окна до входной двери было близко, поэтому едва ли кто-то мог не расслышать их разговор.

— Ну-с, — сказал сэр Джон, — мы привели к вам кое-кого. Как они вам?

— Тише, им же все слышно!

— Даже если и так, ничего страшного, это же Палмеры. Шарлотта такая хорошенькая, скажу я вам. Выгляните и убедитесь сами.

Поскольку Элинора была уверена, что ее встреча с Шарлоттой через пару минут неизбежно произойдет, она не позволила себе такой бестактности.

— А где Марианна? Сбежала, услышав, что мы пришли? Я смотрю, ее инструмент открыт.

— По всей видимости, она вышла прогуляться.

Тут к ним присоединилась миссис Дженнингс, у которой не хватило терпения дожидаться, пока откроют дверь. По пути к окну она поприветствовала Элинору:

— Как поживаете, моя дорогая? Как миссис Дэшвуд? Где же ваши сестры? Как? Вы совсем одна? В нашей компании вам будет веселее. Я привела сына и дочь, чтобы познакомить их с вами. Представляете, они приехали без предупреждения! Вчера вечером, за чаем, мне послышалось, что едет карета, но я и подумать не могла, что это едут

они. Я уж было подумала, не вернулся ли полковник Брэндон и сказала сэру Джону — кажется, я слышу карету, может быть, это полковник Брэндон вернулся...

Прямо посреди этой фразы Элинор вынуждена была отвернуться, чтобы поприветствовать остальных гостей. Леди Мидлтон представила им незнакомцев. В это время миссис Дэшвуд и Маргарет спустились по лестнице, все сели за стол и принялись рассматривать друг друга, а миссис Дженнингс все рассказывала свою историю, проходя по коридору в сопровождении сэра Джона.

Миссис Палмер была на несколько лет моложе леди Мидлтон; казалось, она является полной ее противоположностью. Она была невысокой и пухленькой, с хорошеньким, радостным и самым что ни на есть приветливым личиком. Ее манеры были не столь изысканными, как у сестры, но куда более располагающими. Она вошла с улыбкой, она улыбалась все время визита кроме тех мгновений, когда смеялась, и с улыбкой попрощалась. Ее муж был серьезным молодым человеком лет двадцати пяти-двадцати шести, более элегантным и рассудительным, чем его супруга, но менее склонным нравиться и радоваться. Он вошел в гостиную с видом, преисполненным собственного достоинства, слегка поклонился дамам, не обронив при этом ни слова, и, окинув беглым взглядом гостиную, взял со стола газету; он читал ее до самого конца визита.

Миссис Палмер, в противоположность мужу, была наделена природной вежливостью и жизнерадостностью; едва она села за стол, как начала сыпать восторгами по поводу обустройства гостиной.

— Ах, какая восхитительная комната! Я никогда не видела ничего более очаровательного. Только подумайте, мама, насколько лучше выглядит эта комната теперь, по сравнению с тем, что я видела здесь в последний раз. Мне она всегда казалась такой милой, мэм (она обратилась к миссис Дэшвуд), но вы сделали ее еще более прелестной! Только глянь, сестра, как здесь чудесно! Как бы мне хотелось жить в таком доме! А вам, мистер Палмер?

Он не ответил ей и даже не оторвал глаз от газеты.

— Мистер Палмер меня не слышит, — сказала она, смеясь, — он никогда меня не слышит. Это так смешно!

Для миссис Дэшвуд это было чем-то новым: она никогда не находила ничего смешного в пренебрежительном отношении и не смогла удержаться, чтобы не окинуть их удивленным взглядом.

Тем временем миссис Дженнингс так громко, как только могла, продолжала рассказывать о своем изумлении от приезда зятя и дочери и умолкла, только когда исчерпала все подробности этой истории. Миссис Палмер от души рассмеялась, вспомнив об их изумлении, и все дважды или трижды согласилась, что это был приятный сюрприз.

— Можете себе представить, как мы были рады их видеть! — добавила миссис Дженнингс, наклоняясь к Элинор и говоря вполголоса, как будто не хотела быть услышанной кем-то другим, хотя они и сидели в разных концах комнаты. — Однако я бы желала, чтобы ехали они не так быстро и не таким длинным путем, ведь они заезжали в Лондон по каким-то делам, а вы понимаете... (она многозначительно кивнула и указала на дочь), это опасно в ее положении. Я хотела, чтобы сегодня утром она осталась дома и отдохнула, но она поехала с нами, чтобы всех вас увидеть.

Миссис Палмер рассмеялась и сказала, что это ей не повредит.



Мистер Палмер поднял глаза, несколько минут разглядывал Марианну, а после вернулся к своей газете. Миссис Палмер заинтересовалась рисунками, развешанными по стенам комнаты, и встала, чтобы их рассмотреть.

— Прибавления мы ожидаем в феврале, — продолжала миссис Дженнингс.

Леди Мидлтон больше не могла выносить подобных разговоров и потому заставила себя спросить мистера Палмера, не пишут ли чего нового в газете.

— Нет, ничего, — ответил он и продолжил читать.

— А вот и Марианна! — воскликнул сэр Джон. — Сейчас, Палмер, вы увидите потрясающе красивую девушку!

Он тотчас же вышел в коридор, открыл входную дверь и препроводил Марианну в гостиную. Как только она вошла, миссис Дженнингс спросила, уж не в Алленхэме ли она была, а миссис Палмер заливиисто рассмеялась, из чего стало ясно, что она понимает подтекст данного намека. Мистер Палмер поднял глаза, несколько минут разглядывал Марианну, а после вернулся к своей газете. Миссис Палмер заинтересовалась рисунками, развешенными по стенам комнаты, и встала, чтобы их рассмотреть.

— Боже, как они прекрасны, как восхитительны! Только посмотри, мама, какая прелесть! Глаз не оторвать!

Затем она снова уселась и вскоре совсем о них забыла.

Когда леди Мидлтон собралась уходить, мистер Палмер отложил газету, встал со своего кресла, потянулся и оглядел присутствующих.

— Любимый, вы что же, спали? — смеясь спросила его жена.

Он ничего не ответил ей, и лишь заметил, еще раз осмотрев комнату, что потолок в ней слишком низок и неровен. Затем он откланялся и вышел вместе с остальными.

Сэр Джон настаивал, чтобы на следующий день все они отобедали в Бартон-парке. Миссис Дэшвуд, у которой не было желания обедать с ними чаще, чем они заходили к ним в коттедж, от приглашения отказалась, а дочерям предложила решить этот вопрос самим. Однако сестрам Дэшвуд было совсем не интересно, как мистер и миссис Палмер будут вкушать свой обед, других же развлечений не предвиделось. Они попытались найти отговорку, сославшись на скверную погоду, которая обещала лишь ухудшиться. Однако сэр Джон не успокоился и объявил, что пошлет за ними карету. Леди Мидлтон, хоть и приняла отказ миссис Дэшвуд, также стала настаивать, а затем к уговорам подключились миссис Дженнингс и миссис Палмер; видимо, всем им не хотелось обедать в тесном семейном кругу. В итоге барышни Дэшвуд вынуждены были уступить.

— Почему они нас приглашают? — спросила Марианна, как только гости ушли. — Говорят, арендная плата за этот коттедж невелика, но мы снимаем его на очень тяжелых условиях, если должны обедать с ними всякий раз, когда в Бартон-парк или к нам приходят гости.

— Они просто хотят быть вежливыми и добрыми по отношению к нам также, как и несколько недель назад, — ответила Элинора. — И если вечера у них стали казаться нам скучными, то мы должны искать причину этого не в них, а в нас самих.

ГЛАВА XX

На следующий день, едва сестры Дэшвуд вошли в гостиную Бартон-парка, миссис Палмер вбежала туда через другую дверь, такая же веселая и добродушная, как и прежде. Она с нежностью пожала им руки и выразила свое удовольствие видеть их снова.

— Как же я рада вас видеть! — сказала она, садясь между Элинор и Марианной. — Сегодня такая скверная погода, что я боялась, как бы вы не остались дома, а это было бы ужасно, ведь завтра мы уезжаем; на той неделе к нам пожалуют Уэстоны. Мы ведь приехали так неожиданно. Я ничего и не знала, пока к дверям не подали экипаж, и тогда мистер Палмер спросил меня, не поеду ли я с ним в Бартон. Он такой чудак, никогда ни о чем меня не предупреждает. Мне очень жаль, что мы не можем остаться здесь подольше, но я надеюсь, что мы скоро встретимся в Лондоне!

Они посчитали необходимым положить конец этим ожиданиям.

— Как?! Вы не поедете в Лондон? — воскликнула миссис Палмер со смехом. — Я буду очень огорчена. Мы могли бы снять для вас прекраснейший дом по соседству с нами, на Ганновер-сквер. Вам обязательно нужно приехать! Если миссис Дэшвуд не пожелает выходить в свет, то я смогу сопровождать вас, пока это будет позволять мое положение.

Они поблагодарили ее, но не согласились ни на какие уговоры.

— Ах, любимый, — воскликнула миссис Палмер, обращаясь к мужу, который только что вошел в комнату, — вы должны помочь мне уговорить мисс Дэшвуд приехать в Лондон этой зимой.

Ее любимый ничего ей не ответил. Слегка поклонившись дамам, он принялся жаловаться на погоду.

— Как это ужасно! — сказал он. — В такую погоду все вокруг кажется отвратительным. Из-за дождя становится мрачно не только на улице, но и в доме. На лица знакомых смотреть противно! Какого дьявола у сэра Джона нет бильярда? Как мало людей знакомо с этой прекрасной игрой. Сэр Джон глуп, как эта погода.

Вскоре к ним присоединились остальные.

— Боюсь, мисс Марианна, — сказал сэр Джон, — сегодня вы не смогли совершить свою обычную прогулку в Алленхэм.

Марианна с серьезным видом промолчала.

— О, не таитесь от нас, — сказала миссис Палмер, — ведь мы обо всем знаем, уверяю вас. И я восхищена вашим вкусом, он ведь такой красавец. Мы живем неподалеку от его имения, не более, чем в десяти милях.

— По меньшей мере в тридцати, — ответил ее муж.

— Невелика разница. Я никогда не видела его усадьбы; говорят, это чудесное местечко.

— Более мерзкого места я в жизни не видывал, — сказал мистер Палмер.

Марианна хранила полное молчание, хотя по выражению ее лица было ясно, что тема разговора ее интересует.

— Неужели там совсем некрасиво? — продолжала миссис Палмер. — В таком случае, мне рассказывали про какое-то другое прекрасное имение.

Когда они сели за стол, сэр Джон с сожалением заметил, что их всего лишь восемь.

— Дорогая, — обратился он к своей супруге, — как жаль, что нас собралось так мало. Почему вы не пригласили Гилбертов навестить нас сегодня?

— Разве я не объяснила вам, сэр Джон, когда вы в прошлый раз спрашивали об этом, что вы требуете невозможного? Ведь последними они обедали у нас.

— Мы с вами, сэр Джон, так не церемонимся, — вставила миссис Дженнингс.

— И тем показываете свою невоспитанность, — воскликнул мистер Палмер.

— Любимый, вы всем противоречите, — сказала его жена со своим обычным смехом. — Знаете ли, это довольно грубо.

— Не знал, что противоречу кому-то, называя вашу мать невоспитанной.

— Можете оскорблять меня, как вам угодно, — сказала добродушная миссис Дженнингс. — Вы сняли Шарлотту с моей шеи и уже не сможете вернуть ее обратно. Так что я выиграла.

Шарлотта от души рассмеялась, подумав, что муж не может от нее избавиться. Она торжествующе возвестила, что он может сердиться сколько угодно, ведь жить они все равно должны вместе. Трудно было представить себе натуру более счастливую и решительно настроенную на веселое расположение духа, чем миссис Палмер. Ее никак не задевало демонстративное равнодушие, грубость и постоянное брюзжание своего мужа; когда он ворчал и бранил ее, она, будто бы, не замечала этого.

— Мистер Палмер такой чудак, — шепотом сказала она Элиноর, — он всегда не в духе.

После некоторых наблюдений он действительно показался Элинор истинным брюзгой и невоспитанным невежей, каковым и хотел казаться. Возможно, характер его испортился, когда он, как и многие мужчины, обнаружил, что из-за своего необъяснимого влечения к красоте стал мужем очень глупой женщины. Однако подобный промах слишком типичен, чтобы здравомыслящий мужчина долго страдал по этому поводу. Поэтому она решила, что презрительное отношение к окружающим и постоянное недовольство были скорее плодом его желания выделиться среди других и утвердить свое превосходство над ними. Это желание не было чем-то оригинальным, чтобы удивляться ему, а средства достижения этого превосходства, сколь бы успешно они не утверждали его непревзойденность в дурном воспитании, вряд ли могли расположить к нему хоть кого-то, кроме жены.

— Ах, дорогая моя мисс Дэшвуд, — сказала миссис Палмер несколько минут спустя, — я хочу попросить вас и вашу сестру об одном одолжении: приезжайте погостить в Кливленд на Рождество! Прошу вас, приезжайте! У нас будут Уэстоны. Вы даже не представляете, как я буду счастлива! Это было бы просто чудесно! — Любимый, — обратилась она к мужу, — разве вам не хочется, чтобы мисс Дэшвуд и мисс Марианна погостили в Кливленде?

— Конечно же! — ответил он с усмешкой. — Иначе зачем бы я приехал в Девоншир?
— Вот видите, — сказала его супруга, — мистер Палмер тоже будет вас ждать, так что отказать вы не сможете!

Однако они решительно и твердо отклонили ее приглашение.

— Нет, вы обязательно должны приехать и приедете. Уверена, вам у нас очень понравится. Приедут Уэстоны, и все будет просто восхитительно. Вы даже не представляете, какое милое местечко наш Кливленд. У нас сейчас так весело, ведь мистер Палмер постоянно разъезжает по графству, чтобы заручиться поддержкой на выборах в парламент, и к нам приезжает отобедать столько разных людей, многих я раньше и в глаза не видела, это просто прекрасно! Но, бедный... Его так это утомляет. Ему ведь нужно всем понравиться.

Элинора с трудом сдерживала улыбку, соглашаясь с тяжестью его положения.

— Как это будет прекрасно, — сказала Шарлотта, — когда он окажется в парламенте, не правда ли? Я буду так смеяться! Так забавно, что на его письмах будет ставиться пометка «Ч. П.»! Но знаете, он говорит, что никогда не будет франкировать моих писем. Ни в коем случае, не так ли, мистер Палмер?

Мистер Палмер не обратил на нее никакого внимания.

— Вы знаете, он терпеть не может писать, — продолжала она. — Он говорит, что это просто ужасно!

— Нет, — сказал ее муж. — Таких нелепостей я никогда не говорил. Не нужно приписывать мне своих словесных экзерсисов.

— Ну вот, теперь вы видите, какой он чудак. С ним всегда так! Иногда он не разговаривает со мной по полдня, а потом как скажет что-нибудь такое забавное! Ну, о чем угодно.

Когда они вернулись в гостиную, миссис Палмер чрезвычайно удивила Элинора, выразив убеждение, что мистер Палмер ей очень понравился.

— Конечно же, — сказала Элинора, — он очень приятен.

— Ну... Я этому очень рада. Я так и думала, он ведь такой милый! А вы и ваша сестра тоже ему очень понравились, и вы не представляете, как он расстроится, если вы не приедете к нам в Кливленд... Не понимаю, почему вы отказываетесь!

Элинора была вынуждена снова отклонить ее приглашение и, сменив тему, положила конец ее уговорам. Она подумала, раз уж Палмеры живут в одном графстве с Уиллоуби, то они могли быть более осведомлены о его характере, чем Миддлтоны, которые были знакомы с ним не так уж близко. Элинора хотела, чтобы кто-нибудь подтвердил ей его добрую репутацию, тогда ей было бы чем успокоить сестру. Для начала она спросила Шарлотту, часто ли они с мужем видятся с мистером Уиллоуби в Кливленде и насколько близко они знакомы.

— О, да, я знаю его очень хорошо! — ответила миссис Палмер. — Я, правда, никогда с ним не беседовала, но много раз видела его в Лондоне. Отчего-то я никогда не гостила в Бартоне, когда он приезжал в Алленхэм. Мама однажды видела его здесь, но я в это время была у дяди в Уэймуте. Однако, думаю, мы часто виделись бы с ним вSomersetshire, если бы не приезжали туда в разное время. Мне кажется, он редко живет в Комбе, но даже если бы он бывал там чаще, мистер Палмер, наверное, не ездил бы к нему, он ведь в оппозиции, понимаете, к тому же это дальний путь. Я прекрасно понимаю, почему вы о нем спрашиваете: ваша сестра ведь выходит за него. Я ужасно этому рада, ведь она станет моей соседкой.

— Право, — ответила Элинор, — вы знаете об этом гораздо больше, чем я, раз у вас есть основания ожидать их брак.

— Не спорьте, вы же знаете, что все об этом только и говорят. Уверю вас, я слышала об этом проездом в Лондоне.

— Да что вы, дорогая миссис Палмер!

— Даю вам честное слово. В понедельник утром, как раз перед отъездом, я встретила на Бонд-стрит полковника Брэндона, и он все мне рассказал.

— Вы очень удивили меня. Полковник Брэндон рассказал вам подобную вещь? Не может быть! Даже если бы это было правдой, я не могу себе представить, чтобы Брэндон счел возможным сообщить такую новость человеку, которого она не особенно интересует.

— Уверю вас, все было именно так, я сейчас все подробно вам расскажу. Когда мы встретили его, он развернулся и решил пройти с нами. Мы заговорили о моей сестре и о зяте, и, слово за слово, я сказала ему: «я слышала, полковник, в Бартонкоттедже поселилось семейство, и мама прислала мне весточку, что девушки там живут очень хорошенькие, и одна из них собирается замуж за мистера Уиллоуби из Комбе-Магна. Скажите, это правда? Вы должны знать, ведь вы совсем недавно приехали из Девоншира!».

— И что же полковник ответил?

— Да почти и ничего. Однако вид у него был такой, будто он знает, что это правда, и с того момента я в этом даже не сомневаюсь. Когда же будет свадьба?

— Надеюсь, мистер Брэндон был здоров?

— О, да, он в полном порядке, и он так хвалил вас, только и делал, что сыпал комплиментами в ваш адрес.

— Я польщена. Кажется, он прекрасный человек и я нахожу его приятным во всех отношениях.

— Как и я! Очаровательный человек, и как жаль, что он такой серьезный и скучный. Мама говорит, он тоже был влюблен в вашу сестру. Уверю вас, если так и есть, то это для нее должно быть очень лестно, ведь он почти никогда ни в кого не влюбляется.

— Мистера Уиллоуби хорошо знают в вашей части Соммерсетшира? — спросила Элинор.

— О, да, очень хорошо! То есть с ним мало кто знаком, ведь Комбе Магна так далеко, но, уверю вас, все считают его чрезвычайно приятным джентльменом. Куда бы ни пошел мистер Уиллоуби, везде он окружен любовью, так и расскажите своей сестре. Честное слово, ей ужасно повезло, что она выходит за него. Но и он счастливчик, ведь она так красива и мила, что могла выбрать кого угодно. Впрочем, вы не менее красивы, уверю вас. Я думаю, вы обе чудо как хороши, и мистер Палмер, конечно, считает так же, хоть вчера вечером мы и не добились, чтобы он в этом признался.

Миссис Палмер рассказала о Уиллоуби не так много, но любое свидетельство в его пользу, даже незначительное, было приятно Элинор.

— Я так рада, что мы, наконец, познакомились, — продолжала Шарлотта. — Надеюсь, мы навсегда останемся большими друзьями. Вы даже не представляете, как мне хотелось увидаться с вами! Так восхитительно, что вы поселились в Бартонкоттедже! Ничего приятнее и не придумаешь! И я так рада, что ваша сестра удачно выходит замуж! Надеюсь, вы будете часто гостить в Комбе Магна. Все говорят, что это прелестное местечко.

— Вы ведь давно знаете полковника Брэндона?

— Да, очень давно, с тех пор, как моя сестра вышла замуж. Он ведь близкий друг сэра Джона. И, мне кажется, — добавила она вполголоса, — он был бы рад жениться на мне. Сэр Джон и леди Мидлтон очень этого желали. Однако мама посчитала, что полковник недостаточно хорош для меня, иначе сэр Джон намекнул бы ему, и мы бы тотчас поженились.

— Но разве полковник Брэндон не знал заранее, что сэр Джон собирается говорить с вашей матерью от его имени? Неужели он никогда не признавался вам в своих чувствах?

— Нет! Но если бы мама не возражала, он был бы очень рад. Он видел меня не больше двух раз, я тогда еще в школу ходила. Впрочем, сейчас я намного счастливее. Мистер Палмер именно из тех мужчин, которые мне нравятся.

ГЛАВА XXI

На следующий день Палмеры уехали в Кливленд, и два бартонских семейства снова вынуждены были довольствоваться обществом друг друга. Однако продолжалось это недолго. Едва Элинор успела забыть об их недавних гостях, едва перестала удивляться тому, что Шарлотта выглядит такой счастливой без каких-либо причин, а мистер Палмер так бесцеремонен, хоть и не обделен талантами, и насколько эти супруги не подходят друг другу, как активность сэра Джона и миссис Дженнингс, их жажда быть частью светского общества подкинула ей новую пищу для размышлений и наблюдений.

Во время одной из утренних поездок в Эксетер они познакомились с двумя молодыми леди, оказавшимися, к удовольствию миссис Дженнингс, ее близкими родственницами, и этого сэру Джону оказалось достаточно, чтобы пригласить их погостить в Бартон-парке, как только их дела в Эксетере будут окончены. После такого приглашения тут же выяснилось, что в Эксетере их ничего не удерживает, и сэр Джон прямо с порога немало встревожил леди Мидлтон заявлением, что сейчас их посетят две девушки, которых она до этого не видела, и чьи манеры и воспитание вызвали вопросы, ведь заверения ее мужа и матери на этот счет ничего не значили. То обстоятельство, что их связывают кровные узы, лишь усугубляло ситуацию. Попытки миссис Дженнингс утешить ее, увы, успехом не увенчались: она посоветовала дочери не обращать внимания на их скромное положение, ведь к родственникам, какими бы они ни были, нужно относиться терпимо. Воспрепятствовать их приезду было уже невозможно, поэтому леди Мидлтон, будучи женщиной благовоспитанной, смирилась со своей участью и лишь изредка мягко выговаривала мужу, примерно пять-шесть раз на дню.

Молодые леди прибыли. Выглядели они, как и подобает светским дамам: одеты были по последней моде, вели себя учтиво, с порога принялись восторгаться домом и его обстановкой, признались в своей нежной любви к детям... Не прошло и часа, как они завоевали искреннюю симпатию леди Мидлтон. Она заявила, что девушки очень милы, а в ее устах это звучало как высшая степень одобрения. От такой похвалы сэр Джон еще больше уверовал в свое умение судить о людях. Он тотчас же отправился в Бартон-коттедж, чтобы сообщить мисс Дэшвуд и ее сестрам о прибытии мисс Стил с сестрой и заверить их, что это милейшие девушки на свете. Впрочем, подобная характеристика мало о чем говорила. Элинор прекрасно знала, что в любом уголке Англии можно встретить немало милейших девушек на свете, удивительно различных как внешне, так и характером, и умом. Сэр Джон настаивал, чтобы Дэшвуды всей семьей немедленно посетили Бартон-парк и познакомились с его гостями. До чего же вели-

кодушный человек! Ему так хотелось, чтобы кто-нибудь поделил с ним радость общения с дальними родственниками.

— Пойдемте же, — сказал он, — прошу вас, пойдемте! Уверяю, вы не пожалеете! Вы даже не представляете, как они вам понравятся! Люси чертовски красива, а как весела, как мила! Дети от нее уже не отходят, будто она их старая знакомая. И обе сестры жаждут увидеть вас, ведь еще в Эксетере им рассказали, что вы бесподобные красотики, а я ответил им, что все так и есть, только вы еще красивее. Ручаюсь, вы будете от них в восторге. Они привезли целую повозку игрушек для детей. Как вы можете не пойти? Ведь они и с вами состоят в родстве. Вы же мои родственницы, а они — родня моей жены, стало быть, и между собой вы тоже родня.

Однако сэр Джон так и не смог их уговорить. Он лишь добился от них обещания, что через день-другой они присудят погостить в Бартон-парк. Изумленный таким равнодушием, он отправился домой, чтобы хвалить их сестрам Стил, как только что нахваливал их самих.

Когда состоялся их обещанный визит в Бартон-парк, они познакомились с молодыми леди и не нашли ничего достойного восхищения во внешности старшей из сестер, тридцатилетней женщины с простоватым и не особенно умным лицом, однако не смогли отказать в красоте младшей сестре, которой можно было дать двадцать два — двадцать три года. Лицо ее было очень миловидным, взгляд живым, а манеры приятными, и хоть в них не было подлинного изящества и благородства, они придавали ей определенное достоинство. Держались девушки с особой вежливостью, и Элинор, наблюдая, как они постоянно стремятся во всем угодить леди Мидлтон, признала за ними некоторую житейскую мудрость. Они умилялись ее детьми, превознося их красоту, играли с ними и исполняли все их прихоти. В свободные от этих актов вежливости минуты, они восхищались тем, чем была занята ее милость, если она была чем-то занята, или снимали мерки с какого-нибудь элегантного нового платья, в котором она появилась накануне, ввергнув их в неописуемый восторг. К счастью для тех, кто заискивает перед другими, потакая их слабостям, любящая мать, млеющая, когда хвалят ее детей, превосходит все живые существа не только в жадности, но и в доверчивости. Требования ее непомерны, но она проглотит любую самую грубую лесть, и леди Мидлтон без малейшего удивления и недоверия воспринимала терпение сестер Стил и те нежные чувства, которые они изливали на ее детей. С материнской гордостью она наблюдала за всеми шалостями и дерзкими выходками, которые приходилось сносить ее родственницам. Она смотрела, как развязываются их шарфы, растрепываются волосы, обыскиваются рабочие шкатулки, крадутся ножички и ножницы, и была уверена, что им обеим это доставляет такое же удовольствие. Она удивилась только тому, почему же сидящие рядом Марианна и Элинор не принимали никакого участия в происходящем.

— Джон сегодня такой игривый, — сказала она, когда тот вытащил из кармана мисс Стил носовой платок и выбросил его в окно.

После того, как второй мальчуган изо всех сил уцепился за палец, она с нежностью заметила:

— Уильям тоже очень мило играет.

— А вот и моя милашка Анна-Мария, — добавила она, нежно лаская трехлетнюю девочку, которая перестала кричать лишь две минуты назад. — Она всегда такая послушная, такая тихоня.



С материнской гордостью она наблюдала за всеми шалостями и дерзкими выходками, которые приходилось сносить ее родственницам. Она смотрела, как развязываются их шарфы, растрепываются волосы, обыскиваются рабочие шкатулки, крадутся ножички и ножницы, и была уверена, что им обоим это доставляет такое же удовольствие.

К несчастью, наклонившись обнять Анну-Марию, ее милость слегка царапнула шейку девочки булавкой своего чепца, и этот образец кротости разразился такими яростными воплями, какие не смогло бы превзойти ни одно самое голосистое существо. Мать была в отчаянии, но и обе мисс Стил встревожились не меньше нее. Втроем они делали все возможное, чтобы в этой критической ситуации облегчить муки маленькой страдальцы. Ее усадили на материнские колени, осыпали поцелуями, одна мисс Стил, стоя на коленях, омывала ее ранку лавандовой водой, а другая набивала ее ротик засахаренными сливами. Получив такую награду за свои слезы, девочка смекнула, что не стоит переставать плакать. Она продолжила кричать и громко всхлипывать, отбрыкиваясь от своих братьев при малейшей их попытке прикоснуться к ней, и все их совместные усилия были безрезультатны, пока леди Мидлтон, к счастью, не вспомнила, что на прошлой неделе в подобных обстоятельствах ушибленный висок удалось излечить абрикосовым мармеладом, и не предложила применить это же средство к этой несчастной царапине. Юная леди к этому времени ненадолго затихла, и это дало им надежду, что мармелад не будет отвергнут. В материнских объятиях она отправилась за спасительным мармеладом, а оба мальчугана, несмотря на протесты матери, последовали за ними. В результате четыре девушки остались в тишине, воцарившейся в комнате впервые за несколько часов.

— Бедная малютка! — сказала мисс Стил, как только они ушли. — Это же так опасно!

— Не понимаю, чем это опасно, — воскликнула Марианна. — Всего лишь маленькая царапина. Люди склонны нагнетать обстановку, когда тревожиться, на самом деле, не о чем.

— Леди Мидлтон такая милая дама! — сказала Люси Стил.

Марианна промолчала. Она не могла согласиться с тем, чего не разделяла, даже в обычной светской беседе, поэтому обязанность лгать, когда этого требовала вежливость, падала на Элинора. Если ее спрашивали о леди Мидлтон, она отзывалась о ней с такой теплотой, которой не испытывала, но все же далеко не так восторженно, как мисс Люси.

— И сэр Джон тоже, — воскликнула старшая сестра. — Он просто очарователен!

И здесь мисс Дэшвуд похвалила его очень сдержанно, без восторгов, заметив, что он очень добр и дружелюбен.

— А какая у них прекрасная семья! Никогда в жизни я не видела таких милейших деток. Я просто без ума от них. Я вообще люблю детей больше всего на свете.

— Об этом несложно догадаться, — ответила Элинора с улыбкой, — судя по тому, что я совсем недавно наблюдала.

— Мне кажется, — сказала Люси, — вы полагаете, что маленьких Мидлтонов слишком уж балуют. Возможно, им и позволяют лишнее, но для леди Мидлтон это простительно. Я сама люблю детей игривых и веселых, а смирных тихонь терпеть не могу.

— Признаюсь, — ответила Элинора, — в Бартон-парке мысль о спокойных и послушных детях не внушает мне отвращения.

За этими словами наступило молчание, которое было вскоре прервано мисс Стил. Она, казалось, была любительницей поболтать и внезапно спросила:

— Как вам Девоншир, мисс Дэшвуд? Полагаю, вам было очень жаль покидать Сассекс.

Несколько удивленная бесцеремонностью этого вопроса, по крайней мере тем тоном, которым он был задан, Элинор все же ответила утвердительно.

— Норленд удивительно красив, не правда ли? — осведомилась мисс Стил.

— Мы слышали, сэр Джон был восхищен этим местом, — добавила Люси, которой, казалось, хотелось смягчить фамильярность своей сестры.

— Я думаю, каждый, кто когда-либо бывал там, оставался в восторге, — ответила Элинор, — хотя вряд ли кто-то знает его красоты так же, как мы.

— А много ли там было галантных кавалеров? В здешних краях они в дефиците. А ведь они прекрасно дополняют собой любое общество.

— Почему же ты думаешь, — сказала Люси, краснея за сестру, — что в Девоншире благородных джентльменов меньше, чем в Сассексе?

— Дорогая, я не хочу сказать, что здесь совсем нет кавалеров. В Эксетере, например, их полным-полно, но я же не могу знать, сколько их в Норленде. Я просто беспокоюсь, что мисс Дэшвуд с сестрами скучают в Бартоне, если их здесь не так много, как в Норленде. Впрочем, может быть, девушки, вам кавалеры и безразличны, возможно, вам и без них хорошо? А мне вот кажется, что нет ничего лучше кавалеров, особенно когда они обходительны и одеты с иголочки. А если они грубы и неопрятны, то глаза бы мои на них не глядели! Вот мистер Роуз из Эксетера необыкновенно хорош, настоящий кавалер! Он, знаете ли, пиисец у мистера Симпсона, но если вы встретите его поутру, то на него и смотреть неприятно. Я полагаю, мисс Дэшвуд, что ваш брат, до того, как женился, был настоящим кавалером, при его-то богатстве.

— Честно говоря, — ответила Элинор, — я не могу с вами согласиться, и значение этого слова я не вполне понимаю. Полагаю, что если он был кавалером до женитьбы, то остался им и после свадьбы, ведь никаких перемен я в нем не заметила.

— Да вы что! Всем известно, что женатый мужчина не может быть кавалером. У женатых другие занятия.

— Боже мой, Энн! — воскликнула ее сестра, — тебе что, поговорить больше не о чем? Мисс Дэшвуд будет думать, что кроме кавалеров тебя больше ничего не интересует. Чтобы переменить тему, она стала восхищаться домом и мебелью.

Обе мисс Стил показали себя сполна. Вульгарная бесцеремонность и глупость старшей сестры была ничем не оправдана, а красота и прозорливость младшей не помешали Элинор заметить в ней недостаток хороших манер и вкуса, так что домой она возвратилась без всякого желания познакомиться с ними поближе.

Обе мисс Стил были другого мнения. Они приехали из Эксетера полные желанием излить свои восторги на сэра Джона, на его близких и дальних родственников. Так что и в адрес сестер Дэшвуд они не скупились на комплименты, называя их самыми красивыми, элегантными, образованными и во всех отношениях приятными молодыми леди, и говорили, что стремятся сойтись с ними как можно ближе. Элинор вскоре поняла, что близкого общения с сестрами Стил избежать не удастся, ведь сэр Джон был всецело на их стороне, так что сопротивление было бы бесполезным; ей придется едва ли не каждый день проводить с ними час-два в одной комнате. Большого сэра Джон добиться не мог, да и не хотел, ведь он думал, что проводить время вместе — это и значит дружить, а раз уж его постоянные усилия свести их под одним кровом приносили свои плоды, он не сомневался, что они уже стали закадычными друзьями.

Надо было отдать сэру Джону должное: он делал все, что было в его силах, дабы способствовать доверительным отношениям между ними, сообщая сестрам Стил



...каждый раз за обедом он поднимал бокал за ее чувства...

самые сокровенные подробности жизни сестер Дэшвуд, какие он только знал и предполагал. Уже на вторую их встречу мисс Стил поздравила Элинора с тем, что ее сестра, едва поселившись в Бартоне, уже завоевала расположение прекрасного кавалера.

— Как было бы здорово, если бы она вышла замуж такой молоденькой! — сказала Энн. — Я слышала, он так красив и галантен. Надеюсь, вам тоже повезет с кавалером, а может, у вас уже есть милый друг?

Элинора подумала, что раз уж сэр Джон разболтал все о Марианне, то и о ней он ничего не утаил, высказав все свои предположения о ее отношениях с Эдвардом. Более того, именно эта тема в последнее время занимала его больше других, ведь она была нова и открывала простор для всевозможных догадок. Со времени отъезда Эдварда каждый раз за обедом он поднимал бокал за ее чувства, красноречиво подмигивая и кивая, чтобы все обратили на это внимание. Неизменно упоминалась буква «Ф», которая стала плодом такого бесчисленного количества шуточек, что Элинора крестила ее самой остроумной буквой алфавита.

Как она и ожидала, эти шуточки теперь стали достоянием сестер Стил, и старшей из них было ужасно любопытно узнать имя этого молодого джентльмена. Свое желание она высказывала со всей бесцеремонностью, которая, впрочем, соответствовала ее жгучему стремлению выведать побольше об их семействе. Однако сэр Джон недолго играл с ее любопытством, которое ему так нравилось разжигать, ведь для него было не меньшим удовольствием произнести это имя, чем для мисс Стил — услышать его.

— Его зовут Феррарс, — сказал он хорошо слышным шепотом, — но, пожалуйста, никому не говорите, ведь это большой секрет.

— Феррарс! — повторила мисс Стил. — Мистер Феррарс счастливчик, правда? Но, постойте, он что же, брат вашей невестки, мисс Дэшвуд? Тогда я хорошо с ним знакома, он очень приятный молодой джентльмен.

Как ты можешь заявлять такое, Энн? — воскликнула Люси, которая постоянно поправляла все утверждения сестры. — Если мы виделись с ним раз-другой у нашего дяди, это вовсе не значит, что мы близко с ним знакомы.

Элинора слушала этот разговор внимательно и не без удивления. Что это за дядя? Где он живет? Как они познакомились с Эдвардом? Ей очень хотелось, чтобы беседа продолжалась, хоть она и не собиралась вступать в нее. Однако тема переменялась, и впервые в жизни она пожалела, что миссис Дженнингс не хватило любопытства или желания поделиться тем, что на этот счет она думает. Элинора взбудоражило то, каким тоном мисс Стил говорила об Эдварде. Она уловила в нем оттенок злорадства, будто эта девушка знала или воображала, будто знает что-то, не делающее ему чести. Однако ее любопытство так и не было удовлетворено, потому как мисс Стил больше не касалась имени мистера Феррарса, даже когда сэр Джон на него намекал или произносил его вслух.

ГЛАВА XXII

Марианна никогда не терпела нахальства, вульгарности, невоспитанности и даже иных, чем у нее, вкусов, так что все эти дни она не была расположена к общению с сестрами Стил и никак не поощряла их попытки сойтись с ней поближе. Именно с этой холодостью Марианны, которая сдерживала все их дружеские порывы, Элино́р и связала то, что обе мисс Стил стали отдавать предпочтение ей. В особенности это касалось Люси, которая не упускала случая завести с ней разговор или расположить ее к себе своей откровенностью.

Люси от природы была девушкой смышленной. Зачастую ее замечания были справедливы и точны, так что в течение получаса Элино́р могла счесть ее приятной собеседницей. Однако ее способности не подкреплялись образованием, она была невежественна и неграмотна, и эти ее недостатки, конечно же, невозможно было скрыть от мисс Дэшвуд, как бы она ни старалась. Элино́р понимала, что образование помогло бы развить ее способности, и жалела ее. Однако к остальным ее недостаткам она относилась без снисхождения, подмечая в ней отсутствие душевной тонкости, лицемерие, отсутствие уважения к себе, которое проявлялось в угодливости, льстивости и работе перед обитателями Бартон-парка. Она не могла долго беседовать с человеком, одновременно неискренним и невежественным, чья необразованность мешала им общаться на равных, и чье поведение с другими принижало любые оказанные в ее сторону знаки внимания и уважения.

— Вы, наверное, сочтете мой вопрос странным, — сказала ей однажды Люси, когда они вместе шли из Бартон-парка к коттеджу, — но, будьте любезны, ответьте мне, знакомы ли вы с матерью вашей невестки, с миссис Феррарс?

Этот вопрос и впрямь показался Элино́р странным. Она ответила, что миссис Феррарс она никогда не видела.

— Как удивительно, — сказала Люси, — а я-то думала, что вы иногда пересекались с ней в Норленде. Что ж, наверное, вы не сможете рассказать мне, что она за человек.

— Нет, — ответила Элино́р, опасаясь высказать свое истинное мнение о матери Эдварда и не имея желания удовлетворять то, что показалось ей не более чем наглым любопытством, — я ничего о ней не знаю.

— Полагаю, вы находите странным, что я спросила вас о ней подобным образом, — сказала Люси, пристально глядя на Элино́р. — Но, может быть, есть причины... если бы я осмелилась... надеюсь, вы окажете мне любезность, поверив, что я задала этот вопрос не из праздного любопытства.

Элино́р вежливо успокоила ее, и несколько минут они шли молча. Затем Люси возобновила тот же разговор, робко сказав:

— Я не вынесу, если вы сочли меня нахально любопытной. Я готова сделать что угодно, чтобы не выглядеть таковой в глазах человека, чье доброе мнение так ценно для меня. И я на самом деле не боюсь довериться вам. Я была бы счастлива, если бы вы помогли мне советом, как поступить в том неловком положении, в котором я оказалась. Однако, у меня нет повода донимать вас. Мне очень жаль, что вы не знакомы с миссис Феррарс.

— И мне жаль, — ответила Элинон в большом изумлении, — если мое мнение о ней могло бы стать вам полезным. Право, я никогда не знала, что вы знакомы с этой семьей, а потому, признаюсь, ваш вопрос меня немного удивил.

— Смеею сказать, что ваше удивление мне вполне понятно. Но если бы я осмелилась рассказать вам все, то вы перестали бы удивляться. Сейчас миссис Феррарс для меня никто, но может настать время... и только от нее зависит, как скоро... мы окажемся в очень близком родстве.

Сказав это, она в смущении опустила глаза, лишь раз искоса взглянув на свою спутницу, чтобы проверить, какое впечатление произвели ее слова.

— О, Боже, — воскликнула Элинон, — о чем это вы? Неужели вы знакомы с мистером Робертом Феррарсом?

Она не испытала особого восторга при мысли, что у нее будет такая родственница.

— Нет, не с Робертом Феррарсом, — ответила Люси, — я никогда в жизни его не видела. Зато, — добавила она, пристально смотря на Элинон, — я знакома с его старшим братом.

Что почувствовала Элинон в этот момент? Изумление, сколь болезненное, столь и сильное, если бы к нему тут же не примешалось недоверие. Она повернулась к Люси в безмолвном недоумении, не в силах разгадать причину и цель ее заявления, и хотя цвет ее лица изменился, она все еще не верила в сказанное и не боялась разрыдаться или упасть в обморок.

— Наверное, вас это удивляет, — продолжала Люси, — ведь вы не могли знать об этом. Полагаю, он ни разу не намекнул на это ни вам, ни вашим близким, потому что это решено было держать в строжайшем секрете, который я до сих пор никому не раскрывала. Никто из моих родственников, кроме Энн, не знает об этом, и я бы не обмолвилась вам ни словом, если бы не чувствовала величайшей уверенности в вашей сдержанности. Я действительно думала, что мои расспросы о миссис Феррарс должны показаться странными, и поэтому решила вам все объяснить. Мне не кажется, что мистер Феррарс будет недоволен, когда узнает, что я доверилась вам, ведь он самого высокого мнения о вашей семье и смотрит на вас, мисс Дэшвуд, и на других двух девушек как на родных сестер... — она умолкла.

Элинон несколько мгновений не могла проронить ни слова, так она была поражена. Однако затем, заставив себя продолжить разговор и тщательно выбирая выражения, она спокойным тоном, который достаточно скрывал ее изумление и беспокойство, произнесла:

— Могу ли я спросить, как давно вы помолвлены?

— Уже четыре года.

— Четыре года!

— Да.

Элинон, как бы она ни была потрясена, все еще не могла в это поверить.

— До недавнего времени, — сказала она, — я даже не знала, что вы знакомы.



Сказав это, она в смущении опустила глаза.

— Однако мы знаем друг друга уже много лет. Он ведь долгое время находился под опекой моего дяди.

— Вашего дяди?

— Да, мистера Прэтта. Он разве никогда не рассказывал о мистере Прэтте?

— Что-то припоминаю, — ответила Элинор, сохраняя самообладание, которое укреплялось в ней по мере того, как возрастало волнение.

— Он четыре года прожил у моего дяди в Лонгтейпле, неподалеку от Плимута. Там и началось наше знакомство, ведь мы с сестрой часто гостили у дядюшки, и именно там была заключена наша помолвка, уже через год после окончания его ученичества, но и потом он постоянно приезжал к нам. Думаю, вы можете вообразить, как я не хотела делать этого без ведома и одобрения его матери. Однако я была так молода и так сильно любила его, что не смогла оставаться благоразумной, как следовало бы. И хотя вы не знаете его так хорошо, как я, мисс Дэшвуд, вы, наверное, заметили, что он вполне способен завоевать женское сердце.

— Конечно, — ответила Элинор даже не осознавая, что говорит, но после минутного раздумья добавила, вновь убедив себя в чести и любви Эдварда и в лживости своей собеседницы. — Вы помолвлены с мистером Эдвардом Феррарсом! Признаюсь, я так сильно удивлена... прошу прощения, но это какая-то ошибка. Может быть, вы ошиблись именем или имеете в виду какого-то другого Эдварда Феррарса.

— Никакой ошибки здесь быть не может, — воскликнула Люси с улыбкой. — Я говорю про мистера Эдварда Феррарса, старшего сына миссис Феррарс с Парк-стрит и брата вашей невестки, миссис Джон Дэшвуд. Согласитесь, вряд ли я могла бы перепутать имя человека, от которого зависит все мое счастье.

— Странно, — ответила Элинор в мучительном недоумении, — ведь я даже никогда не слышала, чтобы он упоминал ваше имя.

— Учитывая наше положение, ничего странного в этом нет. Для нас очень важно хранить эту тайну. Вы ведь ничего не знали ни обо мне, ни о моей семье, так что упоминать при вас мое имя не было никакого повода. Он всегда опасался, что его сестра что-нибудь заподозрит.

Элинор молчала. Ее уверенность таяла на глазах, но она все еще не теряла самообладания.

— То есть уже четыре года, как вы помолвлены, — сказала она твердым голосом.

— Да, и только небесам известно, сколько еще нам придется ждать. Бедный Эдвард! Это так его печалит. — Затем, достав из кармана миниатюру, она добавила: — чтобы ваши сомнения развеялись, будьте любезны взглянуть на это лицо. Пожалуй, он здесь представлен не в лучшем ракурсе, но все же вы без труда узнаете черты изображенного на этом портрете человека. Я храню его уже три года.

Сказав это, она вложила миниатюру ей в руки. Элинор взглянула на портрет, и как бы она ни опасалась сделать поспешных выводов, как бы ни хотела поймать Люси на лжи, но усомниться, что перед ней лицо Эдварда, она не могла, и тотчас же вернула миниатюру, признав, что портрет изображает именно его.

— Мне так и не удалось подарить ему взамен свой портрет, — продолжала Люси, — и это очень меня печалит, ведь он всегда так хотел его иметь. Однако, при первой же возможности я выполняю его желание.

— Вы вправе на это надеяться, — спокойно ответила Элинор. Несколько шагов они прошли молча, затем Люси вновь заговорила.

— Я не сомневаюсь, — сказала она, — что вы никому не откроете этой тайны, вы ведь понимаете, как для нас важно, чтобы его мать ни о чем не узнала. Боюсь, она никогда не одобрит нашу помолвку. У меня ведь нет приданого, а она, я думаю, очень гордая дама.

— Я хоть и не стремилась к тому, чтобы вы мне доверились, — ответила Элинор, — но вы справедливо считаете, что на меня можно положиться. Я сохраню вашу тайну, но простите меня, я несколько удивлена столь ненужным признанием. Вы ведь понимали, что открывая мне эту тайну, вы не способствуете ее сохранению.

Сказав это, она пристально посмотрела на Люси, надеясь прочесть что-то по ее лицу, ведь большая часть того, что она говорила, могла оказаться ложью. Однако выражение лица Люси не изменилось.

— Боюсь, вам кажется, что я позволила себе слишком большую вольность, поведав вам все это, — сказала она. — Я ведь совсем недавно познакомилась с вами лично, однако мне давно рассказывали про вашу семью, и как только я увидела вас, то почувствовала, как будто вы мои старые знакомые. К тому же, когда я стала расспрашивать вас о матери Эдварда, мне показалось, что я обязана дать вам какие-то объяснения. Мне ведь и посоветоваться-то не с кем. Энн — единственный человек, которому я обо всем рассказала, но на ее суждение нельзя полагаться. На самом деле, от нее больше вреда, чем пользы, ведь я постоянно боюсь, что она выдаст меня. Вы уже заметили, что она совсем не умеет держать язык за зубами, и когда сэр Джон упомянул имя Эдварда, я испугалась, что она проговорится. Вы не представляете, как же я переживаю из-за нас с Эдвардом все эти четыре года. Удивительно, как я еще жива! И все так неопределенно, так непредсказуемо. Мы так редко видимся, в лучшем случае дважды в год. И как мое сердце еще не разорвалось?!

Она достала носовой платок, но Элинор не почувствовала к ней особого сострадания.

— Иногда, — продолжала Люси, утирая слезы, — я думаю, не лучше ли нам расстаться. — Сказав это, она посмотрела в глаза своей собеседнице, — но у меня не хватает решимости. Мне невыносима даже мысль о том, каким несчастным сделает его одно упоминание о нашем разрыве. Да и мне самой он так дорог, что я не смогу с ним расстаться. Мисс Дэшвуд, посоветуйте, что мне делать? Как бы вы поступили на моем месте?

— Простите меня, — ответила Элинор, пораженная этим вопросом, — но в таких обстоятельствах я не могу дать вам совет. Вы должны сами принять решение.

— Конечно, — продолжала Люси после нескольких минут обоюдного молчания, — его мать когда-нибудь должна его обеспечить, но бедняжка Эдвард так подавлен этим. Он не показался вам печальным, когда гостил в Бартоне? Он был так несчастен, когда покидал нас в Лонгстейпле и, отправляясь к вам, я боялась, вы подумаете, что он болен.

— Значит он приехал к нам от вашего дяди?

— Да, он пробыл с нами две недели. А вы подумали, что он прямиком из Лондона?

— Нет, — ответила Элинор, убеждаясь, что все новые подробности свидетельствуют в пользу правдивости Люси, — помнится, он говорил нам, что остановился на две недели у друзей неподалеку от Плимута, — вспомнила она и весьма удивилась, что об этих друзьях он больше не обмолвился и даже не назвал их имен.

— А вам не показалось, что он был в расстроенных чувствах? — снова спросила Люси.

— О, да, особенно в первые дни после приезда.

— Я умоляла его держать себя в руках, боясь, что вы что-нибудь заподозрите. Он так расстроился оттого, что не сможет пробыть у нас больше двух недель, и что я так страдаю. Бедняжка! Боюсь, ему не стало легче, ведь письма его проникнуты такой печалью. Я получила от него весточку перед самым отъездом из Эксетера. — Она достала из кармана письмо и небрежно указала, кому оно было адресовано. — Думаю, вы знаете его почерк и, смею сказать, он безупречен, хотя здесь и не так, как обычно. Наверное, он устал, ведь лист исписан очень плотно.

Элинор увидела его почерк и больше не имела возможности сомневаться. Если миниатюра, как она позволила себе предположить, могла попасть к Люси случайно и вовсе не быть подарком Эдварда, то факт их переписки являлся неопровержимым свидетельством их помолвки, только она могла бы дать подобное доказательство. На несколько мгновений она почти потеряла самообладание: сердце ее сжалось, ноги подкашивались, но обуздать свои эмоции было необходимо, и она справилась с этой нелегкой задачей, сохранив контроль над собой до конца беседы.

— Писать друг другу, — сказала Люси, — это единственное утешение в наших долгих разлуках. Да, мою печаль утоляет его портрет, но у бедного Эдварда нет даже и этого. Он говорит, что если бы имел мой портрет, то ему было бы легче. Когда он последний раз был в Лонгстейпле, я подарила ему прядь своих волос, вставленную в кольцо, и он сказал, что этот подарок будет ему утешением, хоть и не таким, как портрет. Возможно, вы заметили на его пальце кольцо, когда он гостил у вас?

— Да, заметила, — сказала она спокойным голосом, за которым скрывались сильнейшие эмоции, не знакомые ей прежде. Она была подавлена, потрясена, уничтожена.

К счастью для нее, они уже подошли к коттеджу, и разговор их оборвался. Посидев несколько минут, Люси с сестрой отправились обратно в Бартон-парк, и Элинор получила возможность вволю подумать и пострадать.

ГЛАВА XXIII

Как бы ни мало доверяла Элинор рассказу Люси, она, серьезно поразмыслив, не нашла поводов заподозрить ее во лжи, ведь никакой соблазн не мог подтолкнуть ее к столь глупой выдумке. Это значило, что все слова Люси были правдой, и Элинор не могла больше в этом сомневаться, ведь они подкреплялись многочисленными свидетельствами и доказательствами, а опровергались лишь ее желанием усмотреть в этом ложь. Разумеется, они могли познакомиться в доме мистера Прэтта, и это обстоятельство служило надежной основой для всей остальной истории, одновременно неопровержимой и такой тягостной. Приезд Эдварда из окрестностей Плимута, его меланхолическое настроение, жалобы на неопределенность будущего, противоречивое поведение по отношению к ней, хорошая осведомленность сестер Стил о Норленде и обо всех его обитателях, так удивлявшая ее, миниатюра, письмо, кольцо — все это слагалось в единую картину, которая не позволяла опасаться несправедливо осудить его и подтверждала, как дурно он поступил с ней, как бы ни горестно ей было это признать. Ее возмущение таким отношением к себе, негодование от того, что ее обманули, поначалу не позволяли ей чувствовать ничего, кроме своей обиды. Однако вскоре у нее возникли другие соображения и догадки. Неужели Эдвард намеренно обманывал ее? Неужели он притворялся, что испытывает к ней чувства, которых на самом деле не было? Помолвлен ли он с Люси по зову сердца? Нет! Как бы там ни было раньше, сейчас его чувства принадлежали только ей одной. И она не обманывает себя, ведь ее мать, сестры, Фанни — все в Норленде замечали, как он особенно расположен к ней. Нет, ей так кажется не из тщеславия. Конечно же, он любит ее! Как эта мысль успокоила ее сердце! Как захотелось ей простить его! Он, бесспорно, был виноват в том, что остался в Норленде, когда почувствовал, какую власть она приобретает над ним. В этом ему не было оправдания. Однако, если он ранил ее, то и себя ранил не меньше! Если она в плачевном положении, то он — в самом безнадежном. Его неосторожность причинила ей боль, но лишь на какое-то время, а себя он обрек на вечное горе. Со временем она, может быть, перестанет печалиться, но чего же ждать ему? Сможет ли он когда-нибудь создать хотя бы иллюзию семейного счастья с Люси Стил? Каково ему с его порядочностью, тонкостью натуры, развитым умом, будет жить с такой женой, как она — невежественной, лукавой и эгоистичной?

Будучи еще совсем юным, он увлекся девятнадцатилетней девушкой, ослепленный ее красотой и веселостью, но с тех пор минуло четыре года, и если они прошли не впустую, то за это время он стал мудрее и заметил в ней недостаток воспитания, а она, в свою очередь, проведя эти четыре года в низшем обществе за не самыми достойными занятиями, возможно, утратила ту простоту, которая придавала ее красоте особое очарование.

Полагая, что Эдвард хотел сделать ей предложение, им казалось, что добиться согласия его матери на этот брак будет непросто. Однако насколько же труднее это будет сделать с его нынешней невестой, которая, несомненно, уступает ей и в происхождении, и, вероятно, в благосостоянии. Правда, если он охладел к Люси, то эти трудности не должны были его сильно печалить, но как же горька участь человека, который принимает мысль о неудовольствии и несогласии родственников как избавление от собственных обещаний.

По мере того, как эти мучительные мысли сменяли друг друга, она уже плакала по нем больше, чем по себе. Поддерживаемая убеждением, что ничем не заслужила свое теперешнее несчастье, и утешаемая уверенностью, что Эдвард не совершил ничего предосудительного, она даже в первые минуты после этого тяжелого удара смогла сохранить самообладание и не вызвать у матери и сестер никаких подозрений. Она настолько овладела собой, что за обедом всего через пару часов после крушения всех ее самых дорогих надежд, никто при взгляде на обеих сестер не догадался бы, что Элинор втайне клянет судьбу, навсегда разлучившую ее с любимым, а Марианна внутренне сосредоточилась на совершенствах своего избранника, чье сердце она считала всецело своим, и кого ожидала увидеть в каждом проезжавшем мимо их дома экипаже.

Необходимость скрывать от матери и Марианны то, что было доверено ей по секрету, хоть и стоило ей некоторых усилий, однако не усугубляла ее страданий. Напротив, она находила облегчение в том, что не может опечалить их своим горем, и что ей не придется выслушивать обвинения в адрес Эдварда, проистекающие из их нежной любви к ней, которые было бы сложно стерпеть.

Она знала, что их советы и слова поддержки ей не помогут, их нежность и сочувствие лишь усугубят ее страдания, а их собственный пример и одобрение ослабят ее самообладание. Ей было легче в одиночестве, и собственный здравый смысл служил ей такой хорошей поддержкой, что она могла сохранять твердость характера и даже выгладеть жизнерадостной, насколько ей это позволяла еще не утихшая душевная боль.

Сколько бы страданий ни принесла ей прошлая беседа с Люси, вскоре она почувствовала жгучее желание возобновить ее, на что были свои причины. Ей хотелось еще раз услышать подробности их помолвки, хотелось яснее понять, какие чувства на самом деле испытывает Люси к Эдварду и насколько искренни слова о нежной любви к нему, однако особенно ей хотелось убедить Люси своей готовностью снова вступить в этот разговор и спокойствием при обсуждении этой темы в том, что интерес ее лишь дружеский, ведь она очень опасалась, как бы ее невольное волнение во время их утренней беседы Люси не сочла подозрительным. То, что Люси могла ревновать к ней, казалось весьма вероятным, ведь Эдвард всегда отзывался о ней в самых лестных выражениях. Это было ясно не только со слов Люси, но также из того, что та после самого короткого знакомства поспешила доверить ей столь сокровенную и важную тайну. Даже шуточные намеки сэра Джона, возможно, оказали свое влияние. Впрочем, поскольку Элинор была твердо уверена, что Эдвард любит именно ее, ревность Люси казалась ей чем-то естественным. С какой целью нужно было раскрывать эту тайну, как не для того, чтобы проинформировать Элинор о давних правах Люси на Эдварда и вынудить ее впредь избегать его? Разгадать эти намерения соперницы оказалось для нее нетрудно, и хотя Элинор твердо решила действовать в соответствии со своими понятиями о честности и порядочности, а именно побороть свое влечение к Эдварду и видаться с ним как можно реже, она все же не смогла отказать себе в утешении убедить Люси, что

сердце ее не ранено. А поскольку все самые болезненные подробности она уже знала, то была уверена, что сможет спокойно выслушать эту историю еще раз.

Однако возможность претворить это намерение в жизнь представилась не сразу, хотя Люси не меньше нее желала продолжить их разговор. Погода нечасто подходила для прогулок, во время которых легче всего было отделиться от остальных, и хотя они почти каждый второй вечер встречались либо в коттедже, либо, что было чаще, в Бартон-парке, вести там уединенную беседу никак не получалось; ни сэр Джон, ни леди Мидлтон не допустили бы этого. Даже для общей беседы отводилось совсем мало времени, ведь встречались они для того, чтобы есть, пить и развлекаться, играя в карты или какие-нибудь другие веселые игры.

После пары подобных встреч, на которых Люси и Элинора не представилось шанса побеседовать наедине, утром в Бартон-коттедж зашел сэр Джон, чтобы просить их пообедать у леди Мидлтон; он должен был посетить свой экстерский клуб, и она оставалась совершенно одна, если не считать ее матери и сестер Стил. Элинора смекнула, что в компании благовоспитанной леди Мидлтон при отсутствии ее мужа, собиравшего всех в тесный кружок для совместных забав, им с Люси может представиться возможность для приватного разговора, поэтому она без раздумий приняла это приглашение. Маргарет с разрешения матери также последовала ее примеру, и даже Марианна, которая никогда не горела желанием присоединяться к бартонским обедам, на этот раз согласилась по настоянию миссис Дэшвуд, огорчавшейся оттого, что ее дочь избегает любых развлечений.

Девушки пришли, и леди Мидлтон была счастливо избавлена от грозившего ей ужасного одиночества. Как Элинора и ожидала, их визит получился ужасно скучным. Никто не сказал ничего нового, и их разговор в столовой, а затем в гостиной, был совершенно неинтересным. Все время вокруг крутились дети, и пока они были рядом, Элинора даже не пыталась привлечь внимание Люси, понимая бесполезность этой затеи. Детей увели только после чая. Затем разложили карточный столик, и Элинора уже удивлялась собственной наивности: как она собиралась улучшить момент для уединенного разговора в Бартон-парке? Все поднялись, готовясь к игре.

— Я рада, — обратилась леди Мидлтон к Люси, — что сегодня вечером вы не будете доделывать корзиночку для бедняжки Анны-Марии, ведь вам будет неудобно работать при свечах. А завтра мы чем-нибудь загладим нашу вину, и, я надеюсь, она не обидится на нас.

Этого намека было достаточно. Люси тут же опомнилась и ответила:

— Право, леди Мидлтон, вы ошибаетесь! Я просто жду, чтобы узнать, сможете ли вы играть без меня, иначе я бы уже давно была за своим рукоделием. Ни за что на свете я не хотела бы огорчить нашего ангелочка, а если вы пожелаете, чтобы я сыграла с вами, то я закончу плести корзинку после ужина.

— Вы очень добры, надеюсь, вашим глазам это не повредит. Будьте любезны, позвоните в колокольчик, чтобы вам принесли свечи для работы. Я знаю, моя бедная малышка очень расстроится, если корзинка не будет закончена к завтрашнему дню. Я предупредила ее, что это невозможно, но она, конечно же, все равно надеется.

Люси тут же придвинула к себе рабочий стол с таким радостным видом, будто для нее не было большего наслаждения, чем плести корзинку для избалованных детишек. Остальным леди Мидлтон предложила роббер казино. Никто не возражал, кроме Марианны, которая со своим обычным пренебрежением к нормам приличий воскликнула:

— Простите меня, ваша милость. Вы же знаете, я терпеть не могу карт. Я лучше сяду за фортепьяно, ведь я не притрагивалась к нему с тех пор, как его в последний раз настроили.

Без дальнейших церемоний она развернулась и направилась к инструменту.

У леди Мидлтон был такой вид, словно она благодарила небеса, что грубее реплики она не слышала.

— Марианна не может надолго отлучаться от вашего фортепиано, — сказала Элинон, стараясь смягчить неловкость, — и это неудивительно, ведь я никогда раньше не слышала, чтобы инструмент звучал так прекрасно.

Остальные пятеро тянули карты, чтобы определить, в каком порядке садиться играть.

— Если мне выпадет пропустить роббер, — сказала Элинон, — я могу помочь мисс Люси скручивать полоски для корзинки. Там ведь еще так много работы, думаю, что за вечер в одиночку ей не справиться. Мне будет интересно позаниматься этим, если она не против.

— В самом деле, я была бы вам очень признательна! — воскликнула Люси. — Ведь, похоже, работы там гораздо больше, чем я предполагала, а разочаровывать Анну-Марию ужасно не хочется.

— О, да, это было бы просто ужасно! — подхватила мисс Стил. — Прелесть моя, как же я ее обожаю!

— Вы очень добры, — обратилась леди Мидлтон к Элинон, — и если вам действительно нравится эта работа, то, может быть, вы пропустите ход, или все же возьмете карту?

Элинон с радостью воспользовалась первым из этих предложений. С помощью небольшой уловки, до которых Марианна никогда не снисходила, она добилась своего, доставив в то же время удовольствие леди Мидлтон. Люси с готовностью подвинулась, и две красивые соперницы уселись бок о бок за одним столом в полном согласии принявшись за общее дело. К счастью, фортепиано, за которым Марианна была поглощена музыкой и своими мыслями настолько, что перестала замечать кого-либо вокруг, стояло достаточно близко, поэтому мисс Дэшвуд решила, что под его звуки может вести разговор, не опасаясь быть услышанной за карточным столом.

ГЛАВА XXIV

Элинора начала решительным, хотя и осторожным тоном:

— Я не заслуживала бы того доверия, которым вы меня удостоили, если бы не желала пользоваться им и впредь, и не хотела бы узнать большего. Поэтому я не буду извиняться за то, что возвращаюсь к нашему разговору.

— Благодарю вас за то, — горячо воскликнула Люси, — что вы растопили лед и успокоили мое сердце. Почему-то я опасалась, что в тот понедельник оскорбила вас своей откровенностью.

— Оскорбили? Неужели вы так подумали? Уверяю вас, — произнесла Элинора с глубокой искренностью, — я ни в коем случае не хотела внушить вам такую мысль. Какие мотивы заставили вас довериться мне, если не самые достойные и лестные для меня?

— И все же, — ответила Люси, многозначительно глядя на нее своими острыми глазками, — мне показалось, что вы отвечали с некоторой холодностью и недовольством, и это не могло меня не расстроить. Я не сомневалась, что вы сердитесь на меня, и с тех пор постоянно корила себя за то, что позволила себе вольность обременить вас своими проблемами. Я очень рада, что просто надумала лишнего, и вы на самом деле не вините меня. Если бы вы знали, каким утешением было высказать, что у меня на сердце, и о чем я думаю каждый миг своей жизни, то ваша сострадательность заставила бы вас закрыть глаза на все остальное.

— Конечно, мне нетрудно представить, каким большим облегчением для вас было открыться мне, и будьте уверены, у вас никогда не будет причин раскаиваться в этом. Вы в очень нелегком положении. Мне кажется, вы окружены препятствиями, и только сила вашей взаимной привязанности может помочь выдержать все испытания. Мистер Феррарс, я полагаю, полностью зависим от своей матери.

— У него есть всего лишь две тысячи фунтов собственных денег. Было бы безумием жениться с таким скромным достатком, хотя я без сожаления могла бы отказаться от надежд на большее. Я ведь привыкла жить скромно и ради него готова смириться с любой бедностью, но я слишком сильно люблю Эдварда, чтобы эгоистично лишить его всего, что может дать ему мать, если он в угоду ей выберет другую невесту. Нам нужно ждать, может быть, еще много лет. С любым другим мужчиной эта участь была бы невыносимой, но я знаю, что чувств и верности Эдварда у меня никто не отнимет.

— Это убеждение должно быть для вас главной опорой, и он, несомненно, питает такое же доверие к вам. Если бы ваше взаимное чувство угасло, что на протяжении четырех лет после помолвки, естественным образом могло случиться со многими людьми, тогда ваше положение было бы поистине печальным.

Люси посмотрела на нее, но Элинор постаралась, чтобы на ее лице не появилось выражения, которое могло бы придать ее словам скрытый смысл.

— Любовь Эдварда ко мне, — сказала Люси, — прошла испытание нашей долгой, очень долгой разлукой, наступившей после того, как мы обручились, и испытание это было пройдено с честью, так что мне непростительно было бы усомниться в его чувствах теперь. Я могу с уверенностью заявить, что с тех пор он не дал мне ни малейшего повода тревожиться.

Элинор, выслушав это утверждение, не знала, улыбнуться ей или вздохнуть.

— По натуре я довольно ревнива, — продолжала Люси, — и из-за нашей разницы в происхождении, из-за того, что он чаще бывает в свете, из-за наших постоянных разлук я стала такой подозрительной, что если бы в его поведении со мной произошла хоть малейшая перемена, если бы я заметила, что он печален, что говорит об одной даме чаще, чем об остальных, что в Лонгстейпле он не так счастлив, как раньше, я бы тут же обо всем догадалась. Не хочу сказать, что я так уж наблюдательна и проницательна, но в этом случае, поверьте, меня невозможно было бы обмануть.

«Все это, — подумала Элинор, — очень мило, но не способно обмануть ни меня, ни вас». Затем после недолгого молчания она спросила:

— Каковы же ваши намерения? Вы что же, просто будете ждать кончины миссис Феррарс? Это такая печальная крайность, что о ней грешно даже думать. Неужели ее сын способен смириться с таким положением вещей и вовлечь вас в многолетнюю тягостную неопределенность вместо того, чтобы отважиться признаться ей во всем, пусть даже на время вызвав ее неудовольствие?

— Если бы мы были уверены, что это только на время! Однако миссис Феррарс — женщина очень гордая и упрямая, и в первом же приступе гнева, услышав обо всем, она скорее всего отпишет все свое состояние Роберту, поэтому ради Эдварда я должна побороть свою склонность к поспешным действиям.

— И ради себя, если ваше бескорыстие не выходит за грань благородия.

Люси вновь посмотрела на Элинор и промолчала.

— А с мистером Робертом Феррарсом вы знакомы? — спросила Элинор.

— Совсем нет, я никогда его не видела, но, кажется, он совсем не похож на своего брата — глупец и пижон.

— Пижон! — повторила мисс Стил, чей слух уловил эти слова, потому что Марианна на несколько мгновений перестала играть. — А! Они болтают о своих кавалерах, не иначе.

— Ошибаешься, сестра, — воскликнула Люси, — среди наших кавалеров пижонов не бывало.

— Могу поручиться, что кавалер мисс Дэшвуд не из них, — сказала миссис Дженингс, от души рассмеявшись, — ведь он один из самых скромных и благовоспитанных молодых людей, кого мне приходилось встречать. А что касается Люси — она такая скрытная, что и не поймешь, кто ей нравится.

— О! — воскликнула мисс Стил, многозначительно оглядываясь на них, — осмелюсь заметить, что кавалер Люси точно такой же скромный и благовоспитанный, как и у мисс Дэшвуд.

Элинор невольно покраснела. Люси закусила губу и сердито глянула на сестру. На некоторое время воцарилось всеобщее молчание. Конец ему положила Люси, заговорив вполголоса, хотя Марианна в этот момент оберегала их тайны, заиграв великолепную тему.



— Могу поручиться, что кавалер мисс Дэшвуд не из них, — сказала миссис Дженнингс...

— Недавно мне в голову пришел план, как разрешить нашу проблему, — сказала она, — и я вам о нем сейчас расскажу. Более того, я просто обязана это сделать, ведь его успех зависит и от вас. Осмелюсь предположить, что вы достаточно знаете Эдварда, чтобы понять, что из всех призваний он предпочел бы церковь. Мой план состоит в том, чтобы он как можно скорее получил сан. Затем, через ваше посредничество, на которое, я полагаю, вы любезно согласитесь из дружбы к нему и, смею надеяться, некоторой симпатии ко мне, нужно будет убедить вашего брата отдать ему норлендский приход, а он один из лучших, как я слышала. К тому же местный священник вряд ли долго проживет. Этого нам было бы достаточно, чтобы пожениться, а в остальном мы бы положились на время и судьбу.

— Я всегда буду рада, — ответила Элинор, — доказать свое уважение и дружеские чувства к мистеру Феррарсу. Однако, разве вам не кажется, что моя помощь в этом деле является совершенно излишней? Он брат миссис Джоан Дэшвуд, и этой рекомендации ее мужу должно быть достаточно.

— Однако миссис Дэшвуд может и не одобрить желание Эдварда принять сан.

— Тогда, я подозреваю, моя помощь мало что даст.

Долгое время они молчали. Наконец Люси с глубоким вздохом воскликнула:

— Мне кажется, наиболее разумно было бы сразу положить всему конец и расторгнуть помолвку. Вокруг нас столько препятствий. Это надолго сделало бы нас несчастными, но, возможно, когда-нибудь к нам и вернулся бы душевный покой. Вы не дадите мне по этому поводу совет?

— Нет, — ответила Элинор с улыбкой, скрывавшей ее взволнованные чувства, — в этом деле я вам не советчик. Вы же прекрасно понимаете, что мое мнение не будет иметь для вас никакого значения, если только не совпадет с вашими желаниями.

— Вы не правы, — ответила Люси с большой серьезностью, — ваше мнение я ценю выше всех остальных. Уверена, если бы вы сказали мне: «Да, я советую вам во что бы то ни стало разорвать помолвку с Эдвардом Феррарсом, вы оба будете от этого только счастливее», то я немедленно решилась бы на этот шаг.

Элинор, краснея от неискренности будущей жены Эдварда, ответила:

— После такого комплимента я побоялась бы высказывать свое мнение на этот счет, даже если бы оно у меня было. Он слишком превозносит мое суждение. Посторонний человек не должен иметь власть разлучать столь нежно привязанных друг к другу людей.

— Именно потому, что вы человек посторонний, — с некоторой досадой сказала Люси, делая ударение на каждом слове, — ваше мнение приобретает для меня особый вес. Если бы ваши чувства были беспристрастны, то и мнение ваше ничего бы не значило.

Элинор мудро сочла нужным промолчать, чтобы не подтолкнуть друг друга к необдуманной несдержанности и откровенности, и даже почти решила больше эту тему не затрагивать. Наступила долгая пауза, но Люси все же прервала ее, вновь заговорив.

— Вы будете в Лондоне этой зимой, мисс Дэшвуд? — спросила она с обычной для себя бесцеремонностью.

— Конечно же нет.

— Как жаль, — сказала она, но в глазах ее появился радостный блеск, — я была бы так рада встретить вас в столице. Осмелюсь предположить, что вы все же приедете. Уверена, ваш брат и невестка пригласят вас погостить у них.

— Даже если меня и пригласят, я не смогу приехать.

— Какая досада! Я очень надеялась увидеться с вами в Лондоне. В конце января мы с Энн поедем туда к нашим родственникам, которые уже несколько лет хотят, чтобы мы их навестили. Однако еду я только ради того, чтобы встретиться с Эдвардом. Он будет там в феврале. А вообще Лондон мне не нравится. У меня сейчас не то настроение.

По окончании первого роббера Элинор была приглашена к карточному столу и доверительная беседа двух леди подошла к концу, что их обеих никак не огорчило, ведь не было сказано ничего такого, что могло бы смягчить их взаимную неприязнь. Элинор села за карты с печальным убеждением, что Эдвард не только не испытывает нежных чувств к особе, которая должна стать его женой, но и не имеет ни малейшего шанса быть счастливым в браке с ней, ведь и Люси, со своей стороны, тоже не питает к нему искренней любви, а движима лишь корыстными побуждениями, иначе она расторгла бы помолвку с мужчиной, который, насколько она знала, так ею тяготится.

С тех пор Элинор больше не возвращалась к их разговору, хотя Люси редко упускала случай затронуть эту тему и старалась рассказывать наперснице о своем счастье каждый раз, когда получала письмо от Эдварда. Однако Элинор отвечала спокойно и осторожно, прекращая беседу, как только того позволяла вежливость, ведь она не хотела доставлять Люси удовольствия, которого, как ей казалось, та не заслуживала, к тому же и для нее самой этот разговор был в некотором роде опасен.

Сестры Стил прожили в Бартон-парке намного дольше, чем это предполагалось, когда их пригласили. Они все больше входили в фавор, без них уже невозможно было обойтись. Сэр Джон и слышать не хотел об их отъезде, и, несмотря на многочисленные обещания вернуться в Эксетер, куда их чуть ли не каждую неделю влекли неотложные дела, они пробыли в Бартоне два месяца, поддавшись на уговоры помочь организовать и отметить тот праздник, особая важность которого подчеркивается более многочисленными, чем обычно, балами и зваными обедами.

ГЛАВА XXV

Хотя миссис Дженнингс имела обыкновение проводить большую часть года в домах своих дочерей и друзей, это не значило, что своего собственного постоянного местобитания у нее не было. После смерти мужа, который успешно занимался торговлей в не самой престижной части столицы, каждую зиму она проводила в доме на одной из улиц близ Портман-сквер. С приближением января она все чаще вспоминала про этот дом и однажды внезапно пригласила старших мисс Дэшвуд поехать туда вместе с ней, что стало для них большой неожиданностью. Элинор, не заметив, как лицо ее сестры залилось румянцем, а глаза радостно заблестели, с благодарностью, но решительно отказалась от этого приглашения за них обеих, полагая, что сестра с ней в этом согласна. Сослалась она на то, что им не хотелось бы оставлять свою мать в одиночестве в такое время года. Миссис Дженнингс восприняла отказ с некоторым удивлением и тут же повторила свое приглашение.

— Боже мой! Да я уверена, что миссис Дэшвуд прекрасно обойдется и без вас, так что, прошу вас, будьте так любезны составить мне компанию, ведь мне это очень хотелось бы. Не думайте, что доставите мне какие-либо неудобства. Вы меня несколько не стесните. Только Бетти нужно будет отправить в почтовой карете, но я, безусловно, могу себе это позволить. Мы втроем прекрасно поместимся в мой экипаж, а когда вы будете в Лондоне, если вам не захочется ездить со мной, то вы сможете пользоваться экипажами моих дочерей. Уверена, ваша мать возражать не будет. Я так удачно сбыла с рук моих девочек, что кому же, как не мне, она захочет вас поручить. И если я не выдам замуж хотя бы одну из вас, то это будет не моя вина. Я уж всем молодым кавалерам замолвлю за вас словечко, можете не сомневаться.

— Мне кажется, — сказал сэр Джон, — что мисс Марианна не станет возражать, если ее старшая сестра даст свое согласие. Несправедливо лишать ее маленькой радости только потому, что мисс Дэшвуд не желает ехать. Я бы на вашем месте отправился в Лондон вдвоем, когда Бартон вам надоест, а мисс Дэшвуд и спрашивать бы не стал.

— Так не пойдет, — воскликнула миссис Дженнингс. — Я буду ужасно рада обществу мисс Марианны, поедет она вместе с мисс Дэшвуд или же без нее, но ведь чем больше нас будет, тем веселее, к тому же если они поедут вместе, то, устав от меня, они смогут общаться друг с другом и смеяться за моей спиной над моими странностями. Впрочем, если и не обеих, то одну из них мне необходимо заполучить. Господи помилуй, что же я, по-вашему, должна жить совсем одна? Ведь до

этой зимы со мной всегда была Шарлотта. Ну же, мисс Марианна, давайте дадим друг другу обещание, а если мисс Дэшвуд не надумает, тем лучше.

— Благодарю вас, мэм, от всего сердца благодарю! — с жаром воскликнула Марианна. — Своим приглашением вы заслужили мою вечную благодарность, и я была бы так счастлива, безумно счастлива его принять. Но моя мать, моя милая, добрая... Элинора права, и если ее огорчит наше отсутствие... О, нет! Ничто не соблазнит меня оставить ее. Тут не должно быть никаких сомнений.

Миссис Дженнингс повторила свое заверение, что миссис Дэшвуд вполне сможет обойтись без них, и Элинора, которая теперь поняла свою сестру и увидела, насколько безразлично ей все остальное по сравнению с желанием увидеть Уиллоуби, не стала больше возражать, а лишь сказала, что решать будет их мать, которая, впрочем, вряд ли поддержала бы ее стремление избежать поездки. Сама же Элинора как не одобряла визит в Лондон Марианны, так и опасалась ехать сама. Конечно, ее мать охотно поддержит желание Марианны. Она и не рассчитывала внушать ей, что в данном деле нужно проявить осторожность, ведь это ей совсем не было свойственно. Причину же своего нежелания ехать в Лондон Элинора раскрыть не осмеливалась. Если Марианна со всей ее нетерпимостью, и к тому же досконально знакомая с манерами миссис Дженнингс, неизменно вызывавшими у нее отвращение, готова была для достижения своей цели закрыть на это глаза и не обращать внимание на то, что сильнее всего ранило ее раздражительную чувствительность, то отсюда следовало, насколько важна была для нее эта цель, и это стало для Элиноры полной неожиданностью, несмотря на все, что она наблюдала в прошлом.

Узнав о приглашении, миссис Дэшвуд, будучи убеждена, что это путешествие доставит ее дочерям много радости, и несмотря на нежные заверения Марианны замечившая, что та хочет поехать, настояла, чтобы они перестали думать о ней и тотчас же дали миссис Дженнингс свое согласие. Затем с присущей ей жизнерадостностью она стала рассуждать о выгодах, которые им всем принесет эта разлука.

— Я в восторге от этого плана! — воскликнула она. — Это именно то, чего я могла бы пожелать. Нам с Маргарет ваш отъезд тоже пойдет только на пользу. Когда вы и Мидлтоны покинете нас, мы будем спокойно и счастливо проводить время за музыкой и книгами. А когда вы вернетесь, то Маргарет удивит вас своими успехами. Я хочу немного реконструировать ваши спальни, и теперь это можно будет сделать, не причиняя никому неудобств. А вам следовало бы съездить в Лондон. Я считаю, что каждая молодая леди вашего положения должна познакомиться со столичными нравами и развлечениями. Вас будет опекать добрая женщина, в чьем материнском отношении к вам я не сомневаюсь. И, по всей вероятности, вы повидаетесь с братом. Каковы бы ни были его недостатки и несовершенства его жены, я, думая о том, чей он сын, не могу допустить, чтобы вы так сильно отдалялись друг от друга.

— Как всегда, заботясь о нашем счастье, — сказала Элинора, — вы устранили все препятствия, которые могли бы помешать осуществить этот план. Однако, есть одно возражение, которым, на мой взгляд, не так легко пренебречь.

Лицо Марианны вытянулось.

— И что же, — спросила миссис Дэшвуд, — собирается нам возразить моя дорогая благоразумная Элинора? Какое громадное препятствие она назовет? Только ни слова о расходах!

— Вот мое возражение: хоть я и прекрасно отношусь к миссис Дженнингс, но все же она не из тех женщин, чье общество могло бы доставить нам удовольствие и чье покровительство пойдет на пользу нашей репутации.

— Это верно, — ответила ее мать, — однако наедине с ней оставаться вам почти и не придется, а на людях вы чаще всего будете появляться с леди Мидлтон.

— Если Элинор останавливает ее неприязнь к миссис Дженнингс, — сказала Марианна, — то мне это не помешает принять приглашение. Я не столь щепетильна и к тому же уверена, что без особых усилий смогу стерпеть подобные неприятности.

Элинор не могла удержаться от улыбки, наблюдая такое безразличие к манерам дамы, с которой Марианну едва удавалось уговорить вести себя вежливо. Она решила, что если ее сестра так рвется в Лондон, то ей тоже нужно ехать, ведь она опасалась оставлять Марианну наедине со своими собственными суждениями и не хотела, чтобы весь досуг миссис Дженнингс был предоставлен на ее милость. С этим решением она примирилась еще больше, вспомнив, что Эдвард Феррарс, по словам Люси, должен был прибыть в столицу не раньше февраля, а их визит даже без всякой необоснованной спешки может быть закончен раньше.

— Я хочу, чтобы вы поехали вместе, — сказала миссис Дэшвуд. — Эти возражения вздорны. Вам очень понравится в Лондоне, особенно в компании друг друга. А если Элинор снизойдет до того, чтобы кроме помех предвидеть и удовольствия, то она обнаружит, что получать их можно из самых разных источников. Возможно, они ждут ее и при более близком знакомстве с семьей своей невестки.

Элинор часто думала о том, как бы ослабить уверенность своей матери в их с Эдвардом взаимной привязанности, чтобы правда, которая когда-нибудь откроется, меньше ее шокировала. И вот теперь, в ответ на этот намек, она, хоть и не надеясь на успех, решила начать претворять свой план в жизнь, сказав холодным тоном:

— Мне очень нравится Эдвард Феррарс и я всегда буду рада его видеть, но что касается его родных, то мне совершенно безразлично, познакомлюсь я с ними или нет.

Миссис Дэшвуд улыбнулась и ничего не ответила. Марианна удивленно взглянула на нее, и Элинор поняла, что ее слова оказались бесполезными.

Обсуждения продлились еще совсем недолго, после чего было окончательно решено, что приглашение будет безоговорочно принято. Миссис Дженнингс восприняла это известие с огромной радостью и принялась горячо заверять барышень в своей любви и заботе. Обрадовалась не только она, но и сэр Джон, ведь для человека, который больше всего в жизни боялся одиночества, добавление к числу жителей Лондона еще двух уже было для него кое-чем приятным. Даже леди Мидлтон, вопреки обыкновению, потрудились прийти в восторг. Что касается сестер Стил, особенно Люси, то они казались счастливыми, как никогда.

Элинор пошла наперекор своим желаниям с меньшей неохотой, чем ожидала. Что до нее самой, то ей уже было совершенно безразлично, поедет она в Лондон или нет, а увидев, как довольна ее мать, как рада сестра, чье лицо, голос и манеры обрели привычную для нее живость и даже большую, чем прежде, веселость, она не смогла досадовать и не позволила себе опасаться последствий.

Радость Марианны была выше простого человеческого счастья: ее волнение и желание как можно скорее отправиться в путь не знали предела. Лишь нежела-

ние разлучаться с матерью сдерживало ее, и в минуту прощания горе ее было безутешным. Миссис Дэшвуд горевала не меньше, и, казалось, Элинора единственная из них троих осознавала, что расстаются они не навечно.

Их отъезд состоялся в первую неделю января. Мидлтоны должны были отправиться вслед за ними через несколько дней. Сестры Стил до конца удерживали свои позиции в Бартон-парке, покинув его только вместе с остальным семейством.

ГЛАВА XXVI

Оказавшись в экипаже миссис Дженнингс и отправившись в Лондон под ее покровительством в качестве ее гостьи, Элинор удивлялась своему положению. Ее знакомство с этой дамой было столь коротко, они так плохо подходили друг другу по характеру и возрасту, и всего лишь несколько дней назад она так активно возражала против этого визита! Однако все ее возражения были опровергнуты или оставлены без внимания с той юношеской пылкостью, которой Марианна и ее мать в равной мере были наделены. Элинор, несмотря на свои сомнения в постоянстве Уиллоуби, наблюдая переполняющее Марианну и сияющее в ее глазах сладостное предвкушение, не могла не чувствовать, как в сравнении с этим безнадежно ее собственное будущее, как печально ее настоящее. С какой радостью она приняла бы неопределенное положение Марианны, лишь бы для нее тоже светил во мраке луч надежды, лишь бы был повод на что-то надеяться. Однако скоро, очень скоро, намерения Уиллоуби станут окончательно ясны. По всей вероятности он уже в Лондоне. Страстное желание Марианны оказаться там говорило о том, что она надеялась встретить его. И Элинор была полна решимости не просто узнать больше о его характере, наблюдая за ним и слушая, что говорят о нем другие, но и следить за его поведением по отношению к своей сестре, чтобы уже при первых встречах выяснить, что он за человек и каковы его намерения. Если результаты ее наблюдений окажутся неблагоприятными, она со всей решимостью откроет Марианне глаза, а если все выйдет иначе — то те же усилия она направит на то, чтобы избегать любых эгоистических сравнений и отгонять от себя всякие сожаления, которые могли бы уменьшить ее радость за Марианну.

Они ехали уже три дня, и поведение Марианны все это время являло собой прекрасный образец того, какую обходительность и общительность могла в будущем ожидать от нее миссис Дженнингс. Почти всю дорогу она просидела молча, погруженная в свои мысли, и сама не вступала в разговоры, кроме тех случаев, когда что-либо живописное в поле их зрения вызывало у нее восторженное восклицание, при этом обращалась она исключительно к сестре. Чтобы стусевать впечатление от такого ее поведения, Элинор немедленно приняла на себя роль вежливой гостьи, которую сама себе и назначила; она окружила миссис Дженнингс постоянным вниманием, завязывала с ней разговор, слушала ее и смеялась над ее шуточками сколько могла, а миссис Дженнингс, со своей стороны, обходилась с ними обеими со всей возможной добротой и заботилась о том, чтобы дорога была для них легкой и приятной; она беспокоилась лишь о том, что не может уговорить их заказывать обед в гостинице по своему выбору и заставить их признаться, предпочитают ли они лосось треске или вареную курицу телячьим котлетам. На третий день к трем часам пополудни они добрались до Лондо-

на, радуясь, что после такой длительной поездки могут наконец-то покинуть тесный экипаж и насладиться всеми прелестями отдыха у камина.

Дом был красивым и прекрасно обставленным, и молодые леди сразу же получили в свое распоряжение очень уютную комнату. Раньше в ней жила Шарлотта, и над каминной полкой до сих пор висел выполненный цветным шелком пейзаж ее работы, доказывающий, что она не зря семь лет училась в престижном лондонском пансионе.

Обед должны были подать не раньше, чем через два часа после их приезда, и Элинор решила использовать свободное время для того, чтобы написать письмо матери. Через несколько минут тем же занялась и Марианна.

— Я пишу домой, Марианна, — сказала Элинор, — так не лучше ли тебе отложить письмо на день-другой?

— Но я пишу не маме, — поспешно ответила Марианна, словно желая избежать дальнейших расспросов.

Элинор промолчала. Она подумала, что Марианна, должно быть, пишет Уиллоуби, и тотчас же заключила, что как бы они не оберегали свою тайну, несомненно ясно, что они помолвлены. Этот вывод, хоть и бездоказательный, порадовал ее, и она с еще большей охотой продолжила начатое дело.

Марианна закончила писать уже через несколько минут, ограничившись короткой запиской, которую она тут же свернула, запечатала и надписала с нетерпеливой поспешностью. Элинор показалось, что она различила заглавную букву «У», но Марианна тут же позвонила в колокольчик и попросила открывшего дверь лакея отправить это письмо двухпенсовой почтой, действовавшей только в пределах Лондона. Это развеяло все сомнения.

Настроение Марианны оставалось приподнятым, но в нем чувствовалось какое-то волнение, которое по мере приближения вечера только возрастало, и это очень не нравилось Элинор. За обедом Марианна почти не ела, и когда они переместились в гостиную, беспокойно прислушивалась к звукам проезжающих под окнами экипажей.

Элинор была очень рада, что миссис Дженнингс, занятая делами в своей комнате, не наблюдала за происходящим. Еще не подали чай, а Марианна уже пережила не одно разочарование — стучали не к ним, а в чужие двери. И вдруг раздался громкий стук, не оставивший никаких сомнений. Элинор была уверена, что это Уиллоуби. Марианна вскочила и направилась к двери. За ней не было слышно ни звука. Не выдержав ожидания, Марианна открыла ее и сделала несколько шагов по направлению к лестнице. Прислушавшись, она вернулась в комнату вне себя от волнения, вполне естественного, ведь ей послышался его голос. Не в силах удерживать переполнявшие ее эмоции, она воскликнула:

— О, Элинор, это Уиллоуби, это он!

Казалось, она готова была броситься в его объятия, но в дверях появился полковник Брэндон.

Такое потрясение Марианна не могла выдержать спокойно; она тотчас покинула гостиную. Элинор была расстроена за сестру, но в то же время рада увидеть полковника. Ей было обидно, что человек, так трепетно относящийся к Марианне, мог заметить, какую досаду и разочарование она испытала при его появлении. Она сразу же убедилась, что от его глаз это не ускользнуло, ведь он проводил Марианну растерянным и грустным взглядом, даже забыв поздороваться с ней, как того требовала вежливость.

— Ваша сестра нездорова? — спросил он.

С некоторым огорчением она ответила утвердительно и стала говорить что-то о головных болях, упадке духа, переутомлении и прочих вещах, которые могли бы оправдать поведение Марианны.

Он выслушал ее очень внимательно и, казалось, пришел в себя, потому что больше не касался этой темы. Он выразил свое удовольствие видеть их в Лондоне и стал спрашивать ее о том, как они доехали и как поживают их общие знакомые.

Они продолжали свою светскую беседу, никак их не интересовавшую, при этом оба были опечалены и думали о другом. Элинор очень хотелось спросить, в Лондоне ли Уиллоуби, но она боялась, что вопрос о его сопернике ранит сердце полковника, и не зная, о чем поговорить, она поинтересовалась, все ли время с тех пор, как они виделись в последний раз, он провел в столице.

— Да, — ответил он с некоторой неуверенностью, — почти все время. Пару раз я уезжал на несколько дней в Дэлфорд, но вернуться в Бартон у меня не было возможности.

Его слова и тон, которым они были произнесены, сразу же напомнили ей все обстоятельства его отъезда, а также неудобные расспросы и подозрения миссис Дженнингс, и она испугалась, что вопрос ее мог быть воспринят как проявление досужего любопытства, которого она никогда не испытывала.

Вскоре в гостиную вошла миссис Дженнингс.

— А, полковник! — вскричала она со своей обычной шумной веселостью. — Я ужасно рада вас видеть! Извините, что не смогла поприветствовать вас раньше. Прошу прощения, мне нужно было немного осмотреться и заняться делами, я ведь так давно не была здесь, а после долгого отсутствия, знаете ли, всегда нужно многое сделать по дому. И потом еще надо было уладить все по поводу Картрайта... Боже, я с обеда верчусь, как белка в колесе! Но скажите, полковник, как вы догадались, что я сегодня приеду в Лондон?

— Я имел удовольствие получить известие об этом от мистера Палмера, у которого был на обеде.

— Правда? И как они поживают? Как Шарлотта? Навеное, еще потолстела?

— Миссис Палмер выглядит прекрасно, и мне было поручено сообщить, что она завтра вас навестит.

— Да, я так и предполагала. Но, полковник, я привезла с собой двух барышень, то есть сейчас вы видите только одну, но где-то здесь есть и другая. И это знакомая вам мисс Марианна, что должно вас обрадовать. Даже не знаю, как вы с мистером Уиллоуби будете ее делить. Быть молодой и красивой — это прекрасно! Когда-то и я была молода, но, к несчастью, красотой никогда не отличалась. Впрочем, я вышла замуж за прекрасного человека, а это и не каждой красавице удается. Бедняжка! Его нет с нами уже восемь лет, а то и больше. Но, полковник, где же вы были с тех пор, как мы с вами расстались? Как продвигается ваше дело? Ну же, между друзьями не должно быть секретов!

С привычной учтивостью он отвечал на все расспросы, но так и не удовлетворил ее любопытства. Элинор стала заваривать чай, и Марианна вынуждена была к ним выйти.

После ее появления полковник Брэндон стал еще более задумчивым и молчаливым, чем прежде, и вскоре покинул их, несмотря на все уговоры миссис Дженнингс остаться подольше. В тот вечер их больше никто не посетил, и дамы единодушно согласились лечь спать пораньше.

На следующее утро Марианна проснулась в хорошем настроении и вновь выглядела счастливой. Вчерашнее разочарование уступило место надеждам нового дня. Не успели они покончить с завтраком, как к их дверям подъехала в своей коляске миссис Палмер, и через несколько минут она, заливаясь смехом, вошла в гостиную. Она была так обрадована встрече со всеми, что трудно было сказать, кого ей приятнее было видеть — собственную мать или сестер Дэшвуд. Она удивлялась их приезду в Лондон, хотя и была уверена в этом с самого начала. Она сердилась, что они приняли приглашение ее матери, хотя отказались от ее собственного, и говорила в то же время, что если бы они не приехали, она никогда бы им этого не простила.

— Мистер Палмер будет так рад видеть вас, — продолжала она. — Как вы думаете, что он сказал, узнав, что вы приедете с мамой? Забыла, что именно, но это было очень забавно!

Пару часов они провели за «приятной беседой», как это назвала миссис Дженнингс; другими словами, она задавала бесконечные вопросы обо всех их знакомых. Шарлотта все время смеялась безо всякой причины, а затем предложила им поехать вместе с ней за покупками, которые ей непременно нужно было сделать сегодня утром. Элинор и миссис Дженнингс согласились, ведь им тоже нужно было кое-что купить. Марианна поначалу отказывалась, но в итоге все же решила составить им компанию.

Куда бы они ни поехали, она везде постоянно оглядывалась. Особенно на Бонд-стрит, где они провели больше всего времени, там ее глаза неустанно бегали по сторонам. В каком бы магазине они ни оказались, она будто бы не замечала ничего, что интересовало всех остальных. Вид у нее был взволнованный и недовольный, и Элинор напрасно спрашивала ее мнение о какой-либо вещи, даже если она была нужна им обеим. Ничто не приносило ей радости, она хотела лишь поскорее вернуться домой и с трудом подавляла в себе раздражение от нерешительности миссис Палмер, которая останавливалась у каждой красивой, дорогой или новой вещи. Она была готова купить все, но не могла выбрать что-то конкретное, поэтому тратила время на восторги и колебания.

Домой они вернулись перед полуднем. Едва войдя в дом, Марианна стремительно взбежала вверх по лестнице, а когда Элинор поднялась за ней, то увидела, что та с печальным видом отвернулась от стола, а это значило, что Уиллоуби с визитом не являлся.

— Неужели с тех пор, как мы уехали, мне не приходило ни одного письма? — спросила она у лакея, вошедшего со свертками.

Ответ был отрицательным.

— Вы уверены, — продолжала она, — что ни слуга, ни посыльный не приходили с письмом или запиской?

Лакей ответил, что никто не приходил.

— Как странно! — сказала она тихим, разочарованным голосом и отвернулась к окну.

«Действительно, как странно! — повторила про себя Элинор, с тревогой глядя на сестру. — Если бы она не знала, что он в Лондоне, то отправила бы свое письмо не личной почтой, а отослала бы его в Комбе-Магна. Однако если он здесь, то как странно, что он не объявился и не написал! Ах, дорогая мама, наверное, зря вы допустили помолвку вашей совсем еще юной дочери со столь мало знакомым нам человеком, ведущим себя так подозрительно, так таинственно. Как бы я хотела обо всем ее расспросить, но, боюсь, моего вмешательства мне не простят».

После некоторых раздумий она решила, что если такое неприятное положение вещей будет длиться и дальше, то она постарается убедить мать в необходимости серьезно во всем разобраться.

В этот день вместе с ними обедали миссис Палмер и две близкие знакомые миссис Дженнингс — пожилые дамы, которых она пригласила, встретив их утром на Бонд-стрит. Первая покинула их вскоре после чая, поскольку вечер у нее был занят другим визитом, и Элиноর пришлось сесть играть в вист. От Марианны в таких случаях не было никакой пользы, поскольку учиться играть в вист она не собиралась, однако, несмотря на то, что она могла заняться чем ей было угодно, вечер доставлял ей не больше удовольствия, чем Элинор, ведь в душе у нее тревога ожидания сменялась болью разочарования. Несколько раз она садилась за книгу, но вскоре отбрасывала ее и возвращалась к более интересному времяпрепровождению, расхаживая взад-вперед по комнате и останавливаясь на мгновение у окна в надежде услышать долгожданный стук.

ГЛАВА XXVII

— Если такая ясная погода продержится еще долго, — сказала миссис Дженнингс, когда они встретились на следующее утро за завтраком, — то сэру Джону едва ли захочется уезжать из Бартон на следующей неделе, ведь для охотника такая досада упустить хотя бы один погожий денек. Бедняги! Я всегда жалею их, когда им не удастся поохотиться. Они принимают это так близко к сердцу!

— Это правда, — сказала Марианна повеселевшим голосом и, подойдя к окну, взглянула на небо. — И как я об этом не подумала? Такая погода многих охотников удержит в деревне.

Эта догадка вмиг вернула Марианне хорошее расположение духа.

— Погода для них и впрямь прелестная, — сев за стол продолжала она, сияя от счастья. — Как же они сейчас довольны! Однако очевидно, — сказала она немного обеспокоенно, — что так долго не продлится. В это время года и после таких затяжных дождей погода должна скоро перемениться. По всей вероятности, скоро придут сильные холода. Еще день-другой — и это неожиданное тепло закончится. Может быть уже к ночи все замерзнет!

— Во всяком случае, — сказала Элинор, боясь, как бы для миссис Дженнингс мысли ее сестры не стали такими же очевидными, как для нее самой, — сэр Джон и леди Мидлтон появятся в городе не позднее конца следующей недели.

— Да, моя дорогая, я в этом абсолютно уверена. Мэри умеет настоять на своем.

«А теперь, — про себя предположила Элинор, — она напишет в Комбе, чтобы отослать письмо дневной почтой».

Однако если так и произошло, то письмо было написано и отослано в тайне, ведь это ускользнуло от ее бдительности. Как бы там ни было, Элинор не могла чувствовать себя спокойно, хотя, наблюдая радостное настроение сестры, она переживала за нее не слишком сильно. А Марианна пребывала в прекрасном расположении духа, наслаждаясь теплой погодой и предвкушая грядущие холода, которых она так ждала.

Утро главным образом было потрачено на то, что они объезжали знакомых миссис Дженнингс и оставляли визитные карточки, чтобы сообщить о ее прибытии в город. Марианна все это время наблюдала за направлением ветра и переменами в небе, воображая надвигающуюся смену погоды.

— Тебе не кажется, Элинор, что сейчас холоднее, чем утром? По-моему, ощутимо похолодало. У меня даже в муфте руки мерзнут. Вчера было не так. Похоже, тучи расходятся, вот-вот выглянет солнце и вечер будет ясным.

Элинор это и сместило, и огорчало, но Марианна упорно продолжала каждый вечер в пылании заката, а каждое утро в состоянии неба, видеть признаки приближающихся холодов.

У них было не больше причин досадовать на образ жизни и круг общения миссис Дженнингс, чем на ее отношение к ним, которое всегда было самым теплым. В доме у нее все было поставлено на широкую ногу, и за исключением нескольких старых приятелей из Сити, с которыми, к сожалению леди Мидлтон, она не теряла связи, среди остальных ее знакомых не было никого, чье общество могло бы огорчить ее молодых гостей. Радуюсь тому, что ее опасения на этот счет оказались напрасными, Элиноর охотно соглашалась принимать участие в званых вечерах, будь то дома у миссис Дженнингс или в гостях у ее друзей, даже несмотря на то, что главным развлечением там были совсем не интересующие ее карточные игры.

Полковник Брэндон имел привилегию являться к ним без приглашения и пользовался ею почти ежедневно. Он приходил посмотреть на Марианну и пообщаться с Элинор, которая получала от бесед с ним больше удовольствия, чем от других событий дня. Ее очень беспокоило, что его чувства к Марианне не ослабевают, и, возможно, даже крепнут. Ей было больно видеть, с какой тоской он наблюдает за ней, и как впадает в уныние, чего не замечалось за ним в Бартоне.

Примерно через неделю после их приезда стало очевидно, что Уиллоуби тоже в Лондоне. Когда они вернулись с утренней прогулки, на столе лежала его визитная карточка.

— Боже правый! — воскликнула Марианна, — он был здесь, пока мы гуляли.

Элинор, обрадованная тем, что он прибыл в столицу, осмелилась сказать:

— Разумеется, завтра он пожелает к нам.

Но Марианна как будто не слышала ее, и когда в комнату вошла миссис Дженнингс, она поспешила скрыться с драгоценной карточкой.

Это событие приободрило Элинор, но в ее сестре прежнее волнение лишь усилилось. С этого момента, ежечасно ожидая встретиться с Уиллоуби, она не могла ни о чем больше думать и не способна была чем-либо заняться. На следующее утро она настаивала на том, что останется дома.

Мысли Элинор во время прогулки были заняты тем, что могло происходить на Беркли-стрит во время ее отсутствия. По возвращении она взглянула на сестру и поняла: Уиллоуби так и не приходил. В этот момент принесли записку и положили ее на стол.

— Это мне! — воскликнула Марианна, поспешно шагнув вперед.

— Нет, мэм, это для миссис Дженнингс.

Но Марианна с недоверием тут же взяла записку.

— В самом деле, она адресована миссис Дженнингс. Какая досада!

— Значит ты ждешь письма? — спросила Элинор, не в силах больше молчать.

— Да, немного...

— Ты не доверяешь мне, Марианна, — сказала Элинор после недолгого молчания.

— И это упрек от тебя Элинор? Ты ведь сама никому не доверяешь!

— Я? — ответила Элинор в некотором замешательстве. — Право, Марианна, мне нечего сказать.

— И мне тоже, — с горячностью ответила Марианна. — Стало быть, мы в равном положении. Нам обоим нечего сказать, потому что ты молчишь, а я ничего не скрываю.

Элинор, раздосадованная этим обвинением в скрытности, которое она никак не могла опровергнуть, не знала, как после этого побудить Марианну быть с ней откровенной.

Вскоре появилась миссис Дженнингс и, получив записку, прочла ее вслух. Письмо было от леди Мидлтон, которая сообщала, что они прибыли к себе на Кондуит-стрит и приглашали мать и кузин навестить их. Дела сэра Джона и ее собственная сильная простуда не позволили им самим заехать на Беркли-стрит. Приглашение было принято. Однако когда приблизился назначенный час, Элино́р с трудом уговорила Марианну, чтобы они обе поехали вместе с миссис Дженнингс, как того требовала вежливость. Марианна до сих пор так и не встретилась с Уиллоуби и потому не испытывала ни малейшего желания развлекаться, к тому же она опасалась, что если уедет из дома, то он может появиться в ее отсутствие.

Когда вечер подошел к концу, Элино́р обнаружила, что перемена местожительства не оказывает существенного влияния на человеческую натуру: сэр Джон, едва приехав в Лондон уже собрал вокруг себя почти два десятка молодых людей и для их развлечения решил устроить бал. Однако леди Мидлтон этого не одобрила. Если в деревне и позволительно вот так спонтанно устраивать танцы, то в столице, где светская репутация гораздо важнее и приобретаетс́я с трудом, рисковать ею ради удовольствия нескольких девиц было бы безрассудством. А вдруг пойдут слухи, что у леди Мидлтон танцевали каких-то восемь-девять пар под две скрипки, да еще и с простым фурушетом вместо ужина?

В числе присутствующих были мистер и миссис Палмер. Первого после прибытия в Лондон они еще не видели, поскольку он не желал оказывать теще никаких знаков внимания и никогда к ней не ездил. Войдя, он лишь бегло посмотрел на них, словно вопрошая себя, кто они такие, а в сторону миссис Дженнингс лишь коротко кивнул из другого конца комнаты. Марианна окинула гостиную быстрым взглядом, и этого оказалось достаточно, чтобы определить: Уиллоуби там не было. Она села в сторонке, не расположенная ни к развлечениям, ни к беседам. Примерно через час после того, как все собрались, мистер Палмер вальяжно подошел к ним и выразил свое удивление видеть их в Лондоне, хотя полковник Брэндон узнал об этом у него на обеде, а сам он, услышав об их намерении погостить в столице, сказал что-то очень забавное.

— Я думал, вы обе в Девоншире, — сказал он.

— Неужели? — ответила Элино́р.

— Когда планируете вернуться?

— Не знаю.

На этом их беседа завершилась.

Никогда в жизни Марианна не танцевала с такой неохотой, как в тот вечер, и никогда не уставала так сильно. На это она пожаловалась, когда они возвращались домой.

— Да-да, — сказала миссис Дженнингс, — и мы прекрасно знаем этому причину. Если бы там был кое-кто, кого мы не будем называть, вы бы ничуть не устали, и, честно говоря, это было не очень-то мило с его стороны, не повидаться с вами, когда он был приглашен.

— Приглашен! — воскликнула Марианна.

— Так мне сказала моя дочка. Сэр Джон где-то повстречался с ним сегодня утром.

Марианна промолчала, но было видно, как это известие ранило ее. Элино́р очень хотелось как-то облегчить положение своей сестры, и она решила с утра написать матери, надеясь, что страх за здоровье Марианны побудит ее прямо расспросить обо всем свою дочь, что следовало сделать уже давно. Ее намерение лишь упрочилось, когда после завтрака она заметила, как Марианна вновь пишет Уиллоуби: было очевидно, что адресатом письма мог являться только он.

Около полудня миссис Дженнингс отправилась по делам, Элинора сразу же взялась за перо, а Марианна, терзаемая волнением, которое мешало ей хоть чем-то заняться или отвлечься разговором, ходила от окна к окну, изредка присаживаясь у камина в своих меланхолических раздумьях. Элинора подробно написала матери обо всем, не скрывая, что сомневается в постоянстве Уиллоуби, и всячески убеждала ее, во имя материнской любви к Марианне, добиться от нее ответа об отношениях между ними.

Едва она закончила свое письмо, как стук в дверь возвестил о приходе гостя, которым оказался полковник Брэндон. Марианна, увидев его в окно, успела покинуть гостиную раньше, чем он вошел, ведь она совершенно не была расположена к общению. Полковник выглядел еще серьезнее, чем обычно, и хотя он выразил удовлетворение тем, что застал мисс Дэшвуд одну, как будто хотел поговорить с ней с глазу на глаз, тем не менее некоторое время сидел молча. Элинора, убежденная, что он хочет поведать ей что-то, связанное с ее сестрой, с нетерпением ждала, когда он заговорит. Уже не в первый раз она испытывала это чувство, ибо начиная со слов вроде «ваша сестра, наверное, нездорова», или «ваша сестра, кажется, не в духе», он как будто готов был открыть ей что-то о Марианне или задать о ней какой-то вопрос. Через несколько минут он нарушил молчание, взволнованным голосом спросив, когда можно будет поздравить ее с новым братом. Элинора опешила от такого вопроса, и не найдясь, что ответить, вынуждена была прибегнуть к обычному в таких ситуациях средству защиты, а именно, спросила, что он имеет в виду. Попытавшись улыбнуться, он ответил, что «о помолвке вашей сестры с мистером Уиллоуби известно многим».

— Это не может быть известно многим, — возразила Элинора, — потому что ее собственная семья об этом ничего не знает.

— Прошу прощения, если мой вопрос прозвучал бестактно, — сказал он с видимым удивлением, — но я не знал, что они скрывают это, ведь они открыто переписываются, а об их скором браке кто только теперь не говорит.

— Как же так? От кого вы об этом слышали?

— От многих, и совершенно незнакомых вам людей, и знакомых очень близко: от миссис Дженнингс, от миссис Палмер, от Мидлтонов. Может быть, я и не поверил бы в это, ведь рассудок всегда найдет поводы для сомнений в том, во что не хочется верить. Однако в руке слуги, открывшего мне дверь, я случайно увидел письмо, подписанное почерком вашей сестры и адресованное мистеру Уиллоуби, и я пришел узнать об этом, но получил ответ раньше, чем задал вопрос. Неужели все окончательно решено? Невозможно... У меня нет никакого права, и никаких шансов на взаимность. Простите, мисс Дэшвуд. Наверное, я был неправ, сказав так много лишнего, но я не знаю, что делать, и я всегда очень уважал ваше благоразумие. Скажите мне, что все окончательно решено, и любая попытка... Короче говоря, мне остается только скрывать, если это еще возможно...

Его слова, которые прозвучали как прямое признание в любви к ее сестре, очень тронули Элинору. Она не сразу нашла, что сказать, и даже когда пришла в себя, еще некоторое время размышляла над ответом. Она так мала знала, что происходит между Марианной и Уиллоуби, и, говоря об этом, могла сказать слишком много или слишком мало. И все же, будучи убеждена, что чувства ее сестры к Уиллоуби не оставляют полковнику никакой надежды, она решила уберечь поступки Мариан-

ны от осуждения и после некоторого размышления сочла благоразумным и гуманным, каким бы ни был исход их привязанности, сказать больше, чем она на самом деле знала и предполагала. Поэтому она признала, что хоть они и не сообщали ей, в каких состоят отношениях, их взаимное чувство не вызывает у нее сомнений, а их переписка никак ее не удивляет.

Он выслушал ее с молчаливым вниманием, и когда она закончила тотчас же встал и взволнованным голосом сказал: «Вашей сестре я желаю всевозможного счастья, а Уиллоуби — чтобы он постарался быть достойным ее». Затем он попрощался и ушел.

Этот разговор оставил в душе Элинор тяжелый осадок: тревога ее только возросла. Она всем сердцем сострадала полковнику Брэндону, но не могла пожелать ему утешения, а наоборот, хотела, чтобы произошло то событие, которое лишь усугубит его душевные муки.

ГЛАВА XXVIII

В течение следующих трех-четырех дней не произошло ничего, что могло бы заставить Элинор пожалеть о письме, которое она отправила матери: Уиллоуби не приходил и не писал. Затем они были приглашены на званый вечер, куда им предстояло отправиться в компании леди Мидлтон, поскольку миссис Дженнингс должна была ухаживать за младшей дочерью, которой нездоровилось. Марианна собиралась на этот вечер в подавленном настроении, без единого вздоха надежды, без радости, не заботясь о том, как она выглядит, будто ей было совершенно безразлично, окажется она там или останется дома. После чая она до самого приезда леди Мидлтон просидела у камина, ни разу не изменив позу, погруженная в свои мысли и не замечая присутствия сестры. Когда им, наконец, доложили, что леди Мидлтон ждет их у дверей, она вздрогнула, словно уже позабыла о планах на вечер.

Они прибыли к назначенному времени, и дождавшись, пока вереница опередивших их экипажей отъедет от крыльца, высадились, поднялись по лестнице, услышали, как их имена объявляют от одной площадки лестницы к другой, и вошли в ярко освещенную, полную гостей и нестерпимо душную залу. Когда они отдали дань вежливости, поприветствовав реверансом хозяйку дома, им было дозволено присоединиться к остальным гостям и получить свою долю жары и тесноты, которых с их появлением, естественно, только добавилось. Через некоторое время, проведенное ими почти молча и совершенно без движения, леди Мидлтон села играть в казино, а Элинор с Марианной, у которых не было настроения прогуливаться по зале, к счастью, нашли свободные стулья и сели невдалеке от карточного стола.

Не прошло и нескольких минут, как Элинор увидела, что в считанных метрах от них стоит Уиллоуби и увлеченно беседует с очень модно одетой молодой дамой. Вскоре она встретила с ним взглядом, и он приветственно кивнул ей, однако ничего не сказал и не стал подходить к ним. Не увидеть Марианну он не мог, но все же продолжил общаться с прежней дамой. Элинор с невольной тревогой взглянула на Марианну, а та как раз в этот миг заметила Уиллоуби и, просияв от восторга, готова была броситься к нему, если бы сестра не остановила этот порыв, схватив ее за руку.

— Боже мой! — воскликнула она, — он здесь, он здесь! Ах, почему он не посмотрит на меня? Почему я не могу подойти к нему?

— Прошу тебя, успокойся, — воскликнула Элинор, — и не выдавай всем вокруг своих чувств. Возможно, он просто тебя еще не заметил.

Однако, она и сама не могла в это поверить, а Марианна в такую минуту не только не в силах была успокоиться, но и не желала этого. Она сидела, терзаемая нетерпением, которое читалось в каждой черте ее лица.



Элино́р с невольной тре́вогой взглянула на Марианну, а та как раз в этот миг заметила Уиллоуби и, просяя от восторга, готова была броситься к нему, если бы сестра не остановила этот порыв, схватив ее за руку.

Наконец, он обернулся и вновь посмотрел на них. Марианна поднялась, ласково назвала его по имени и протянула ему руку. Он подошел к ним, и обращаясь скорее к Элинор, чем к ней, будто сторонясь ее взгляда и внимания, поспешно осведомился о здоровье миссис Дэшвуд и о том, как давно они приехали в Лондон. Такое обращение настолько обескуражило Элинор, что она не могла вымолвить ни слова. Однако ее сестра не стала сдерживать своих чувств. Она покраснела и спросила с величайшим волнением:

— Уиллоуби, что все это значит? Вы разве не получали моих писем? Вы не хотите пожать мне руку?

Он вынужден был подчиниться, но ее прикосновение как будто причинило ему боль, и он ни на мгновение не задержал ее руку в своей. Было заметно, как он пытается овладеть собой. Элинор смотрела на его лицо, выражение которого постепенно становилось все более невозмутимым. После небольшой паузы, он спокойно произнес:

— В прошлый вторник я имел честь зайти на Беркли-стрит, и очень сожалею, что мне не посчастливилось застать дома ни вас, ни миссис Дженнингс. Надеюсь, вы нашли мою карточку?

— Но разве вы не получили моих записок? — воскликнула Марианна в сильнейшем расстройстве. — Это какая-то ошибка, ужасная ошибка! Что все это значит? Скажите мне, Уиллоуби, ради Бога, скажите мне, в чем дело?

Он ничего не ответил, но лицо его переменялось, на нем снова отразилось смущение. Словно поймав взгляд той дамы, с которой он недавно беседовал, и почувствовав необходимость взять себя в руки, он снова справился с собой и сказал:

— Да, я имел удовольствие получить известие о вашем прибытии в Лондон, которое вы мне так любезно отправили.

Затем он поклонился и поспешно отошел к своей спутнице.

Марианна побледнела, и не в силах держаться на ногах, опустилась в кресло. Элинор, опасаясь, что ее сестра вот-вот лишится чувств, старалась заслонить ее от посторонних взглядов и одновременно орошала ее лавандовой водой.

— Пойди к нему, Элинор, — воскликнула она, едва к ней вернулся дар речи, — и заставь его подойти ко мне! Скажи, что мне необходимо срочно увидеть его, поговорить с ним. Я не могу успокоиться, я не успокоюсь ни на минуту, пока он не объяснит мне, в чем дело, что за ужасное недоразумение... Иди же к нему, не медли!

— Да как же я могу? Нет, милая моя Марианна, тебе нужно потерпеть. Здесь не место для объяснений. Надо подождать всего лишь до завтра.

Она с трудом удержала порыв Марианны броситься к нему, но так и не смогла убедить ее сдерживать свое волнение и сохранять хотя бы видимое спокойствие, пока не представится возможность поговорить с ним в более уединенной обстановке и более рассудительно; Марианна продолжала тихо изливать свои страдания и клясть судьбу. Вскоре Элинор увидела, как Уиллоуби вышел в дверь, ведущую к лестнице, и сказав Марианне, что он уехал, снова призвала ее успокоиться, ведь поговорить с ним этим вечером все равно уже не удалось бы. Тогда Марианна взмолилась, чтобы та упростила леди Мидлтон тотчас же отвезти их домой, ведь в своем отчаянии она не желала задерживаться здесь ни на минуту.

Леди Мидлтон хоть и была поглощена игрой, но услышав, что Марианна нездорова, по законам вежливости не стала возражать против их желания немедленно уехать. Она передала карты своей подруге и как только была подана карета, проводила моло-

дых леди. Возвращались на Беркли-стрит они в полном молчании. Безмолвное страдание Марианны было столь велико, что она не в силах была даже плакать. Миссис Дженнингс, к счастью, домой еще не вернулась, поэтому они могли сразу же пройти в свою комнату, где Элинора при помощи нюхательной соли удалось слегка привести сестру в чувство. По-видимому, ей хотелось побыть одной: она разделась и легла в постель, а Элинора вышла в гостиную, где в ожидании миссис Дженнингс у нее было достаточно времени, чтобы обдумать все произошедшее этим вечером.

В том, что Марианна и Уиллоуби были помолвлены, она усомниться не могла. Но то, что Уиллоуби это тяготит, казалось ей столь же очевидным, ибо, как бы Марианна не истолковывала все в угоду своим желаниям, сама она не могла объяснить его поступки какой-либо ошибкой или недоразумением. Ничто, кроме полной перемены чувств, не могло быть тому причиной. Ее гнев был бы еще сильнее, если бы она не заметила его смущения, которое, казалось, говорило об осознании им низости своего поведения, а значит он не был столь беспринципным, чтобы с самого начала лишь ради развлечения играть с сердцем ее сестры. Его чувства могли угаснуть в разлуке, либо он подавил их под влиянием обстоятельств, но она не могла поверить, что их вообще не существовало.

С глубочайшей тревогой она думала о тех страданиях, которые доставила Марианне эта злополучная встреча, и о тех еще больших муках, которые могли ожидать ее в будущем. В сравнении с участью Марианны, ее собственное положение выглядело гораздо менее печальным. У нее по-прежнему были причины сохранять уважение к Эдварду, и даже если им предстоит разлучиться навеки, это всегда будет для нее утешением. В случае Марианны ее горе только усугублялось под воздействием обстоятельств, которые могли привести к скорому и окончательному разрыву с Уиллоуби.

ГЛАВА XXIX

На следующий день, еще до того, как горничная затопила камин, а солнце воссияло над холодным и мрачным январским утром, Марианна, толком даже не одевшись, стояла на коленях у окна, где было светлее, и писала настолько быстро, насколько это позволял ей нескончаемый поток слез. Элинор, разбуженная ее вздохами и рыданиями, некоторое время наблюдала за ней с молчаливой тревогой, а затем возможно более мягче сказала:

— Марианна, могу я спросить?

— Нет, Элинор, — ответила она, — не спрашивай, скоро ты все узнаешь.

Спокойствие отчаяния, с которым это было сказано, иссякло как только она договорилась, и к ней снова вернулось безутешное горе. Прошло несколько минут, прежде чем она продолжила писать, и частые рыдания, которые все еще вынуждали ее время от времени откладывать перо, доказывали Элинор, что она пишет последнее послание Уиллоуби.

Элинор пыталась как можно более деликатно оказывать ей знаки внимания и постаралась бы еще больше успокоить ее, если бы Марианна в величайшем нервном раздражении не умоляла сестру не заговаривать с ней. В таких обстоятельствах для обеих было бы лучше не оставаться в обществе друг друга. Беспокойное состояние духа не позволило Марианне, как только она оделась, оставаться в комнате ни на минуту. Ей хотелось одновременно и уединения, и постоянной перемены места, что заставляло ее до самого завтрака бродить по дому, избегая всех.

За завтраком она ничего не ела и даже не пыталась поесть, однако Элинор не уговаривала ее, не выражала ей сочувствия и даже не смотрела на нее, а всячески старалась отвлечь внимание миссис Дженнингс на себя.

Завтрак был любимой трапезой миссис Дженнингс, поэтому продолжался он довольно долго, и как только после его завершения они собрались вместе сесть за рабочий столик, Марианне принесли письмо. Она чуть не выхватила его у служанки прямо из рук и, смертельно побледнев, тут же выбежала из комнаты. Элинор, хоть и не видела адреса, была уверена, что письмо прислал Уиллоуби. Сердце ее сжалось от боли, она с трудом сидела прямо и сдерживала нервную дрожь, которую, как она опасалась, миссис Дженнингс должна была неизбежно заметить. Однако добрая леди поняла только, что Марианна получила письмо от Уиллоуби. Это показалось ей довольно забавным, и она со смехом выразила надежду, что чтение будет приятным. Трепета Элинор она также не заметила, поскольку была сосредоточена на отмеривании шерстяных лоскутов для коврика. Как только Марианна скрылась за дверью, она невозмутимо продолжила:

— Честное слово, я никогда в жизни не видела столь отчаянно влюбленной молодой леди. Моим девочкам до нее далеко, хотя, и они в свое время не избежали глупостей. Но мисс Марианну словно подменили! Я от всего сердца надеюсь, что он не заставит ее долго мучиться ожиданием, ведь так тяжело смотреть на ее страдания. Когда же они, наконец, поженятся?

Элинор, которая в эту минуту совершенно не была расположена к разговорам, услышав подобный выпад, все же заставила себя на него ответить, стараясь выжать из себя улыбку:

— Неужели, сударыня, вы действительно убедили себя в том, что моя сестра помолвлена с мистером Уиллоуби? Я всегда думала, что вы просто шутите, однако столь серьезная тема не очень-то подходит для шуток, поэтому прошу вас больше не обманываться на этот счет. Уверю вас, я бы чрезвычайно удивилась, если бы узнала, что они собираются пожениться.

— Как вам не стыдно, мисс Дэшвуд?! Как вы можете говорить такое?! Разве всем нам не очевидно, что дело идет к браку, что они без ума друг от друга с первого дня их знакомства? Разве я не видела в Девоншире, как они дни напролет проводили вместе? Разве я не знала, что ваша сестра приехала ко мне в Лондон, чтобы заказать свадебное платье? Нет, так не пойдет! Вы думаете, если вы такая скрытница, то никто вокруг ни о чем не догадывается? Да весь Лондон уже давным давно все знает! Я рассказываю об этом направо и налево, и Шарлотта тоже.

— Нет, мэм, — сказала Элинор очень серьезно, — вы ошибаетесь. И поступаете очень скверно, распуская эти слухи, в чем скоро сами и убедитесь, хоть сейчас мне и не верите.

Миссис Дженнингс снова рассмеялась, а Элинор не стала продолжать беседу, к тому же она желала узнать, что написал Уиллоуби, и поспешила в их комнату. Открыв дверь, она увидела, что Марианна, распластавшись на кровати, почти задыхается от рыданий и сжимает в руке письмо, а рядом лежат еще два или три. Элинор молча подошла, села на кровать, взяла ее за руку, несколько раз нежно ее поцеловала и разразилась слезами, поначалу такими же бурными, как у Марианны. Та, хоть и не могла вымолвить ни слова, казалось, была благодарна сестре за сочувствие, и после того, как они некоторое время проплакали вместе, вложила все письма в руку Элинор, а сама закрыла лицо платком, чуть не рыдая от своего горя. Элинор, понимавшая, что такому сильному горю, как бы тягостно ни было за ним наблюдать, необходимо излиться, пристально следила за Марианной до тех пор, пока ее страдания не поутихли, а затем обратилась к письму Уиллоуби и прочла следующее:

«Бонд Стрит, январь.

Милостивая государыня!

Я только что имел честь получить ваше письмо, и прошу вас принять мою искреннюю за него благодарность. Я очень опечален тем, что мое поведение вчерашним вечером вызвало ваше неодобрение, и хотя я совершенно не понимаю, чем я имел несчастье вас оскорбить, прошу простить меня за то, что, уверяю вас, сделал непреднамеренно. У меня навсегда останутся самые теплые воспоминания от знакомства с вашей семьей в Девоншире, и я льщу себя надеждой, что они не будут омрачены какой-либо ошибкой или неверным истолкованием моих поступков. Я испытываю к вашему семейству искреннее уважение, и если я имел неосторожность

внушить вам нечто большее, чем то, что я на самом деле чувствовал и хотел выразить, то мне остается лишь упрекать себя за недостаточную сдержанность в выражении этого уважения. Вы согласитесь, что я не имел в виду ничего большего, когда узнаете, что мое сердце уже давно отдано другой, и в самом ближайшем времени я буду с ней венчаться. С большим сожалением я повинуюсь вашему требованию вернуть письма, которыми вы меня удостоили, и прядь волос, которую вы мне так любезно подарили.

Ваш покорный и преданный слуга

Джон Уиллоуби».

Несложно представить, с каким негодованием мисс Дэшвуд прочла это письмо. Еще не развернув его, она уже догадывалась, что найдет в нем признание в непостоянстве и подтверждение их безвременной разлуки, но она не могла и помыслить, что об этом допустимо было писать подобными фразами, и что Уиллоуби настолько лишен благородства, деликатности и порядочности джентльмена, чтобы написать столь беззастенчиво жестокое письмо, в котором не высказывалось никаких уместных в подобном случае сожалений, где не признавалось нарушение слова и отрицались какие-либо чувства; письмо, в котором каждая строчка была оскорблением, доказывающим, что писал его закоренелый подлец.

Какое-то время Элинор пребывала в гневном удивлении, затем стала перечитывать письмо снова и снова, но с каждым разом ее отвращение к этому человеку лишь возрастало. Она так ополчилась на него, что даже не решалась заговорить, дабы еще сильнее не ранить Марианну, увидев в расставании с ним не потерю, а, наоборот, избавление от худшего из всех зол — от вечных уз с беспринципным человеком — что было истинным спасением и милостью судьбы.

В своих размышлениях над содержанием письма, над порочностью того ума, которым оно могло быть продиктовано, и, быть может, над совершенно иной личностью, которая все это время жила в ее мыслях, Элинор забыла о безутешном горе сестры, о лежащих у нее на коленях еще трех непрочитанных письмах, и сидела, не замечая времени. Услышав звук подъезжающей кареты, она подошла к окну узнать, кто приехал так неприлично рано, и очень удивилась, увидев экипаж миссис Дженнингс, который по ее сведениям был заказан на час дня. Решив не оставлять Марианну одну, хотя и не надеясь пока как-либо ее утешить, она поспешила найти миссис Дженнингс и извиниться, что не поедет с ней — ее сестре нездоровится. Миссис Дженнингс любезно приняла это извинение, добросердечно огорчившись из-за его причины. Элинор, проводив ее, вернулась к Марианне, которую застала за попыткой подняться с кровати и едва успела ее подхватить, когда та чуть было не упала на пол, совсем ослабев без нормального сна и питания. Теперь, когда лихорадка ожидания перестала ее поддерживать, последствия долгого голодания и бессонницы обернулись головной болью, тошнотой и нервным истощением. Бокал вина, который Элинор для нее раздобыла, немного скрасил ее печаль, и она, наконец, смогла выразить свою признательность сестре.

— Бедная Элинор, как я тебя огорчила! — сказала она.

— Я бы так хотела, — ответила Элинор, — хоть как-то тебя утешить.

Эти слова, впрочем наверняка и как что бы то ни было другое, снова заставили Марианну расчувствоваться.

— О, Элинора, я так несчастна! — успела воскликнуть она, прежде чем ее голос потонул в рыданиях.

Элинора больше не могла безмолвно наблюдать за этими безудержными излияниями горя.

— Постарайся взять себя в руки, Марианна, — сказала она, — если ты не хочешь убить себя и всех, кто тебя любит. Подумай о матери, твои страдания сделают ее несчастной. Ради нее ты должна успокоиться.

— Не могу! Не могу! — воскликнула Марианна. — Оставь меня, если я так тебе досаждаю. Оставь меня, возненавидь, забудь, но не мучай своими нравоучениями. Ах, как легко тем, кто не знает горя, уговаривать других успокоиться! Счастливица Элинора, ты даже представить себе не можешь моих страданий!

— Ты назвала меня счастливицей, Марианна? Ах, если бы ты знала... И неужели ты считаешь, что я могу быть счастливой, видя, как ты несчастна?

— Прости, прости меня, — вскричала Марианна, сжав сестру в объятиях, — я знаю, как ты сочувствуешь мне, знаю твое любящее сердце, но все же ты... ты должна быть счастлива. Эдвард любит тебя, так что же может омрачить твое счастье?

— Много, очень многое, — грустно ответила Элинора.

— Нет, нет, нет, — закричала Марианна, как безумная, — он любит тебя и только тебя. Какое же может быть горе?

— Я не могу быть счастливой, пока вижу тебя в таком состоянии.

— Другой ты меня больше не увидишь! Мое горе ничем не возможно утешить!

— Не говори так, Марианна! Неужели у тебя нет никаких радостей? Нет друзей? Разве твою потерю невозможно возместить? Подумай о том, что бы ты испытала, если бы его сущность открылась для нас позднее, если бы он решил положить всему конец после долгих месяцев вашей помолвки? Каждый лишний день твоего злополучного неведения сделал бы этот удар еще более тяжелым.

— Помолвка?! — воскликнула Марианна. — Но мы не были помолвлены!

— Не были помолвлены?

— Нет. Он не такой подлец, как ты считаешь, он не давал мне слова.

— Но он говорил, что любит тебя?

— Да... Нет... Он не говорил об этом прямо. День за днем это подразумевалось само собой, но никогда он открыто не признавался мне в этом. Иногда мне казалось, что это вот-вот случится, но так и не случилось.

— И тем не менее ты писала ему?

— Да. Что в этом плохого, мы ведь были так близки. Но я больше не могу говорить...

Элинора также решила промолчать и пробежаться глазами по трем письмам, которые теперь вызывали у нее гораздо большее любопытство, чем прежде. Первое, которое Марианна послала ему по прибытии в Лондон, было следующего содержания:

«Беркли стрит. Январь.

Как вы будете удивлены, Уиллоуби, получив это письмо. И я думаю, вы почувствуете нечто большее, чем удивление, когда узнаете, что я в Лондоне. Возможность приехать сюда, пусть и в обществе миссис Дженнингс, была искушением, перед которым мы не могли устоять. Мне бы хотелось, чтобы вы получили это письмо вовремя и при-

ехали к нам еще сегодня, но я не слишком уповаю на это. В любом случае, завтра я вас жду. А пока, до свидания.

М. Д.».

Во втором письме, отосланном наутро после танцев у Мидлтонов, было написано следующее:

«Я не могу выразить ни своего разочарования тем, что вы не застали нас дома позавчера, ни удивления, что я не получила никакого ответа на свою записку, которую послала вам неделю назад. Ежечасно я ждала вестей от вас, а еще больше — нашей встречи. Прошу вас, приезжайте опять, как только сможете, и объясните причину, почему я ждала напрасно. В следующий раз вам лучше появиться у нас пораньше, потому что обычно к часу мы куда-нибудь выезжаем. Вчера вечером мы были у леди Мидлтон на танцах. Мне сказали, что вы были приглашены. Так ли это? Вы, должно быть, очень изменились с тех пор, как мы в последний раз виделись, если вас приглашали, а вы не пришли. Но я не стану даже предполагать, что так могло случиться, и надеюсь в самое ближайшее время получить ваше заверение в обратном.

М. Д.».

Содержание последнего письма было таким:

«Как мне понимать, Уиллоуби, ваше вчерашнее поведение? Я снова требую объяснений. Я была готова встретить вас с радостью, естественной после нашей разлуки, с дружеской простотой, которая, как мне казалось, была оправдана нашей близостью в Бартоне. А вы меня просто оттолкнули! Я провела ужасную ночь, пытаюсь оправдать ваше поведение, которое иначе как оскорбительным и назвать нельзя. И хотя я до сих пор не смогла найти сколько-нибудь разумного оправдания вашим поступкам, я готова выслушать ваши объяснения по этому поводу. Может быть, вас ввели в заблуждение или сознательно обманули в чем-то, касающемся меня, из-за чего я пала в ваших глазах? Скажите мне, в чем дело, объясните причины, заставившие вас вести себя так, и я приму ваши оправдания. Мне было бы очень горестно думать о вас дурно, но если это неизбежно, если я узнаю, что вы не тот, кем мы считали вас прежде, что ваше отношение к нам было неискренним, что ваше поведение со мной было лишь обманом, то пусть я узнаю об этом как можно скорее. Мои чувства сейчас в ужасном смятении. Я бы хотела вас оправдать, но и в противном случае мои страдания все же будут облегчены. Если ваши чувства ко мне угасти, верните мои письма и прядь моих волос.

М. Д.».

Элинора, ради Уиллоуби, не хотела верить, что на такие письма, полные самых искренних и нежных чувств, можно было дать подобный ответ. Однако как бы она его ни осуждала, это не отменяло неуместность этих писем. Про себя она сокрушалась по поводу той неосторожности, которая стала причиной столь опрометчивых доказательств сердечной привязанности, ничем не оправданных и приведших к самым тяжелым последствиям. Марианна, заметив, что Элинора закончила читать письмо, сказала, что любой человек написал бы в подобной ситуации то же самое.

— Я чувствовала, — добавила она, — что настолько неразрывно помолвлена с ним, как будто нас связала самая торжественная и законная церемония.

— Охотно в это верю, — сказала Элинор, — но, к сожалению, он того же не чувствовал.

— Нет, он испытывал те же чувства, что и я, и это длилось много недель! Я знаю это. Что бы ни было причиной его перемены, а это может быть только направленная против меня самая черная клевета, когда-то я была ему так дорога, как только могло желать мое собственное сердце. Локон, с таким равнодушием возвращенный мне, он так искренне молил подарить ему! Видела бы ты его взгляд, его лицо, слышала бы его голос в ту минуту! Разве ты забыла наш последний с ним вечер в Бартоне? И утро, когда мы расстались? Когда он сказал мне, что может пройти много недель, прежде чем мы снова встретимся... его горе... как я могу забыть это горе?

На минуту или две она замолчала, не в силах продолжать разговор, но затем твердым тоном добавила:

— Элинор, со мной обошлись жестоко, но это не Уиллоуби.

— Марианна, милая, но кто же, если не он? Кто мог толкнуть его на это?

— Весь мир, но только не его собственное сердце. Я скорее поверю, что все наши знакомые объединились, чтобы погубить меня в его глазах, чем подумаю, что его натура способна на такую жестокость. Эта женщина, о которой он пишет, кто бы она ни была, да кто угодно, кроме тебя, мамы и Эдварда, все способны были безжалостно оклеветать меня. Кроме вас троих, есть ли на свете еще кто-то, кого я не заподозрю в злом умысле раньше, чем Уиллоуби, ведь его сердце я знаю так хорошо?

Элинор не стала спорить, и ответила только:

— Кем бы ни являлся этот твой злейший враг, не дай ему праздновать триумф, милая сестра, а покажи, как сознание собственной чистоты и невинности поддерживает твой дух! Гордость, противостоящая злобе, благородна и достойна всяких похвал.

— Нет, — воскликнула Марианна, — у таких несчастных, как я, нет гордости. Мне все равно, кто узнает о моем несчастье. Пусть хоть весь мир смеется над моим унижением. Элинор, Элинор, лишь те, чьи страдания невелики, могут быть гордыми и независимыми, могут пренебрегать оскорблениями и отвечать на них презрением, но я не могу. Я должна отдаться печали без остатка, должна быть несчастной. А те, кто способен радоваться этому — пусть ликуют.

— Но ради мамы, ради меня...

— Для вас я бы сделала больше, чем для себя самой. Но делать вид, что я счастлива, когда так страдаю... Кто может требовать этого?

И снова обе они замолкли. Элинор в раздумьях ходила от камина к окну, от окна к камину, не замечая ни тепла от огня, ни того, что происходит за стеклами, а Марианна, сидя на краю кровати и прислонившись головой к одному из ее столбиков, снова принялась читать письмо Уиллоуби, содрогаясь после каждой фразы, а затем воскликнула:

— Нет, это слишком! О, Уиллоуби, Уиллоуби, неужели это писал ты? Жестоко, это так жестоко, что оправдания этому быть не может, Элинор. Чего бы ему ни наговорили обо мне, разве нужно было тотчас же этому верить? Разве не должен он был спросить обо всем у меня, дать мне возможность оправдаться? «Прядь волос, которую вы мне так любезно подарили», — повторила она слова письма. — Нет, это непростительно. Уиллоуби, где было твое сердце, когда ты писал эти слова? Какая грубая насмешка! Можно ли его оправдать, Элинор?

— Нет, Марианна, ему нет оправдания.

— И все же эта женщина... кто знает, на что она способна?.. Как давно все это было ею задумано и как тщательно подстроено? Кто она? Кем она может быть? Мог ли он при мне упомянуть про какую-нибудь молодую и привлекательную девушку из своих знакомых? Нет, ни про одну, никогда. Со мной он говорил только обо мне.

Снова наступило молчание. К Марианне вернулось прежнее волнение, и в конце концов она сказала:

— Элинор, мне пора ехать домой. Я должна вернуться и утешить маму. Можем ли мы уехать завтра?

— Завтра, Марианна?

— Да. Почему я должна здесь оставаться? Я приехала только ради Уиллоуби. Так зачем же мне находиться в Лондоне теперь, ради кого?

— Завтра уехать мы не можем. Мы обязаны миссис Дженнингс не только вежливостью, хотя даже простое соблюдение приличий исключает столь поспешный отъезд.

— Ну что ж, тогда подождем еще день-другой. Но я не могу долго оставаться здесь, терпеть расспросы и намеки всех этих людей. Мидлтоны, Палмеры — как мне вынести их жалость? Жалость дамы вроде леди Мидлтон! О, что бы сказал на это он!

Элинор посоветовала ей снова прилечь, что и было сделано. Однако она никак не могла успокоиться, метаясь на постели в душевных и телесных страданиях, пока снова не впала в истерику. Сестре было все труднее помешать ей встать, и она со страхом подумала, не позвать ли на помощь. Однако она уговорила Марианну принять несколько капель лавандовой воды, и те возымели свое действие: до самого приезда миссис Дженнингс она лежала на кровати тихо и неподвижно.

ГЛАВА XXX

Вернувшись, миссис Дженнингс сразу же поднялась в их комнату. Не дожидаясь ответа на свой стук, она открыла дверь и вошла. Вид у нее был очень встревоженный.

— Как вы себя чувствуете, моя дорогая? — спросила она голосом, полным глубокого сострадания к Марианне, которая отвернулась к окну, чтобы не отвечать.

— Как она, мисс Дэшвуд? Бедняжка! Выглядит очень болезненно. Оно и понятно, у него ведь скоро свадьба, у этого мерзавца! Даже думать о нем не хочу. Миссис Тэйлор мне все рассказала буквально полчаса тому назад, а ей об этом поведала близкая подруга самой мисс Грей, иначе я бы ни за что не поверила, а та провалиться была готова! Что ж, ответила я, тогда он обошелся с одной знакомой мне девушкой как последний подлец, и я от всей души желаю ему сварливую жену, которая будет изводить его каждый день. И я так всегда буду говорить, моя дорогая, можете не сомневаться. Такое поведение недостойно мужчины, и если я когда-нибудь его повстречаю, то так отчитаю, что он надолго это запомнит. Только есть одно утешение, милая моя мисс Марианна: есть на свете и более достойные кавалеры, и уж с вашим-то хорошеньким личиком недостатка в поклонниках у вас не будет. Ах, бедняжка! Я больше не буду ее беспокоить, ей нужно проплакаться, и дело с концом. К счастью, сегодня вечером придут Пэрри и Сандерсоны, и это ее развлечет.

Она вышла из комнаты на цыпочках, словно опасаясь, что даже малейший шум мог усилить страдания ее юной приятельницы.

Марианна, к удивлению сестры, решила пообедать с ними. Элинор даже посоветовала ей воздержаться от этого, но нет — она спустится в столовую, она все это прекрасно переживет, и шума вокруг нее будет меньше. Элинор обрадовалась такому, пусть и сиюминутному, порыву сестры, но все же про себя усомнилась, что та сможет вы сидеть до конца обеда. Однако спорить она не стала, а просто поправила Марианне платье, села с ней рядом и была готова помочь ей дойти до столовой, как только их пригласят.

За столом Марианна хоть и выглядела несчастной, но была спокойнее и съела больше, чем ожидала ее сестра. Если бы она попыталась заговорить или заметила, что миссис Дженнингс, из самых лучших побуждений, но совершенно неуместно проявляет к ней знаки внимания, то этому спокойствию пришел бы конец, однако ни одно слово не слетело с ее губ, а рассеянность мыслей помогала ей отрешиться от всего, что происходило вокруг.

Элинор отдавала должное доброте миссис Дженнингс, и хотя проявления этой доброты временами были бесцеремонны и нелепы, она благодарила ее, отвечала любезностью на ее любезность, на что сама ее сестра была неспособна. Их добросердеч-

ная хозяйка видела, как Марианна несчастна, и чувствовала, что должна сделать все, чтобы облегчить ее горе. Она относилась к ней как любящая мать, балующая свое дитя в последний день каникул. Марианне было отведено самое удобное место у камина, ей предлагалось угощаться самыми изысканными из всех имеющихся в доме деликатесов, ее развлекали самыми свежими сплетнями. Если бы печальное лицо сестры не убивало в Элинон всякое желание веселиться, то ее бы позабавили попытки миссис Дженнингс излечить разбитое сердце разнообразными сладостями, маслинами и жарким огнем в камине. Однако ее назойливость все же пробудила Марианну от забытья, и та, пробормотав что-то невнятное и сделав знак сестре не следовать за ней, тут же встала и поспешно вышла из комнаты.

— Бедняжка! — воскликнула миссис Дженнингс, как только она ушла, — как грустно видеть ее такой! Она даже вино не допила! И не съела вяленые вишни! Боже! Ей совсем ничего не хочется. Если б я только знала, что может ее утешить, я бы послала за этим на другой конец города. Одного не пойму, как же мужчина мог столь дурно обойтись с такой красавицей?! Ну да, когда у одной такое состояние, а у другой — всего ничего, то Боже мой, тут он не задумывался!

— Значит, мисс Грей... так, кажется, вы ее называли... очень богата?

— Пятьдесят тысяч фунтов, моя дорогая! А вы ее не видели? Говорят, она большая модница, но совсем не красавица. Я хорошо помню ее тетку, Бидди Хэншоу. Она вышла за очень богатого человека. У них в семье все богатые. Пятьдесят тысяч! И судя по всему, они придутся очень кстати, ведь, говорят, он совсем промотался. Ну, и неудивительно: модные коляски, охотничьи лошади. Однако, говори не говори, а когда молодой человек, кем бы он ни был, ухаживает за хорошенькой девушкой и обещает на ней жениться, он не имеет права не сдержат своего слова лишь потому, что спустил все свое состояние, а девица побогаче готова выйти за него. Почему бы ему в этом случае не продать лошадей, не сдать свой дом внаем, не отказаться от слуг и не привести свои дела в порядок? Я уж не сомневаюсь, что мисс Марианна готова была подождать. Однако в наше время люди неспособны на такие поступки. Нынешняя молодежь только и думает, что об удовольствиях!

— А вы знаете, что она за человек, эта мисс Грей? Говорят, она очень мила.

— Я никогда не слышала о ней ничего дурного, да и вообще ее имя при мне упоминали редко. И вот сегодня утром миссис Тэйлор вспомнила, как недавно мисс Уокер намекнула ей, что, наверное, мистер и миссис Эллисон не очень-то огорчатся, если мисс Грей выйдет замуж, ведь они с миссис Эллисон никогда не могли прийти к согласию по поводу того...

— А кто такие мистер и миссис Эллисон?

— Ее опекуны, моя дорогая, но теперь она совершеннолетняя и сама может выбирать. Вот и выбрала... — Что же теперь, — продолжила она после небольшой паузы, — ваша сестра пошла в свою комнату, наверное, хочет поплакать в одиночестве. Неужели ее ничем не утешить? Бедняжка! Не оставлять же ее одну, это было бы бессердечно. Хорошо, что скоро нас навестят мои друзья, это немного ее развлечет. Во что бы нам поиграть? Я знаю, вист она терпеть не может, но она же не ко всем играм так относится?

— Миссис Дженнингс, дорогая, я очень признательна вам за вашу любезность, но это излишне. Марианна, думаю, сегодня больше не захочет выходить из комнаты. Я постараюсь уговорить ее лечь пораньше, ей необходимо отдохнуть.

— Пожалуй, так будет лучше всего. Пусть она скажет, чего желает на ужин, да и ложится спать. Боже! Неудивительно, что она так плохо выглядела и была так подавлена в последние пару недель, ведь, наверное, она догадывалась, к чему идет дело. А сегодняшнее письмо положило всему конец. Бедняжка! Да если б я знала, что к чему, то не шутила бы с ней о нем за все мои деньги! Но как мне было догадаться? Я думала, это всего лишь любовная записка, вы ведь знаете, как молодые люди любят, когда над ними подшучивают по этому поводу. Господи! Как же расстроится сэр Джон и леди Мидлтон, когда все узнают. Если бы это известие не выбило меня из колеи, то по дороге домой я бы заехала на Кондуит-стрит и предупредила бы их. Впрочем, завтра я все равно с ними увижусь.

— Мне кажется, нет никакой необходимости предостерегать миссис Палмер и сэра Джона от упоминания имени Уиллоуби в присутствии моей сестры. Их добрые сердца подскажут им, как жестоко было бы показать ей, что им обо всем известно. И чем меньше они будут говорить на эту тему со мной, тем легче мне будет, что вы, сударыня, и так понимаете.

— Господи, да как же не понять? Вы, должно быть, и слышать об этом не хотите, а уж при вашей сестре я ни за что на свете и словом об этом не обмолвлюсь. Как сегодня за обедом, вы же видели... И сэр Джон, и мои дочери тоже, ведь они так заботливы и деликатны, тем более если я им намекну, а я обязательно это сделаю. Мне самой кажется, чем меньше об этом говорить, тем скорее все забудется. А от разговоров какая польза?

— Тут они могут только навредить, наверное, даже сильнее, чем обычно в подобных случаях, ведь некоторые обстоятельства, ради всех, кого они касаются, совершенно не стоит обсуждать публично. И все же в одном я отдам должное мистеру Уиллоуби: он не был помолвлен с моей сестрой.

— Нет, моя дорогая, даже не пытайтесь защитить его! Ничего это не меняет. После того, как он водил ее по Алленхэмской усадьбе и определял комнаты, где они впоследствии будут жить...

Ради сестры Элинор не стала продолжать этот разговор, в душе надеясь, что и ради Уиллоуби этого делать необязательно, ведь выяснение правды причинит Марианне боль, да и ему пользы не принесет. После непродолжительного молчания миссис Дженнингс со всей своей природной живостью разразилась новой речью.

— Что ж, моя дорогая, говорят, нет худа без добра, ведь для полковника Брэндона это будет прекрасная новость. Уж теперь-то он ее добьется, непременно добьется. Думаю, к середине лета они поженятся. Господи! Как он обрадуется! Вот бы он сегодня вечером пришел навестить нас. Для вашей сестры он куда лучшая партия. Две тысячи фунтов в год, никаких долгов и обязательств... если не считать побочной дочки, я совсем забыла о ней. Но ее можно отдать в обучение, это обойдется не так уж дорого. Дэлафорд — славное местечко, скажу я вам. Такая милая старинная усадьба, очень комфортная, со всеми удобствами. Скрыта от глаз живой изгородью, а вдоль нее высажены лучшие в стране фруктовые деревья. А в углу сада растет такая прекрасная шелковица! Боже, как мы с Шарлоттой прекрасно провели время в тот единственный раз, когда побывали в Дэлафорде! Там и голубятня есть, а еще прекрасные пруды и очень красивый канал — все, что только можно пожелать. К тому же до церкви там совсем не далеко, а до почтового тракта — всего четверть мили, так что скучно никогда не бывает: можно сидеть в старой тисовой беседке за домом и

наблюдать за всеми проезжающими мимо экипажами. О, это просто прекрасное место! Мясник живет совсем неподалеку, и до дома священника рукой подать. На мой взгляд, оно в тысячу раз лучше Бартон-парка: там за мясом нужно посылать за три мили, да и соседей ближе вашей матушки нет. Что ж, я подбодрю полковника, как только представится случай. Как говорится, где потеряешь — там и найдешь. Как бы только заставить ее выкинуть из головы этого Уиллоуби?

— Если нам удастся это сделать, мэм, — сказала Элинор, — то мы прекрасно обойдемся и без полковника Брэндона.

С этими словами она поднялась и пошла к Марианне, которую, как и ожидала, нашла в их комнате, склонившуюся в молчаливом отчаянии над угасающим огнем, не пожелавшую даже зажечь свечей.

— Лучше оставь меня, — вот и все, что она сказала.

— Оставляю, — ответила Элинор, — если ты ляжешь спать.

В нахлынувшем на нее приступе раздражения она поначалу наотрез отказалась лечь, но вскоре нежные уговоры сестры успокоили ее, и только когда она положила свою измученную голову на подушку, готовая, как казалось, предаться сну, Элинор ушла.

В гостиную, куда она направилась, вскоре вошла миссис Дженнингс с полным бокалом вина в руке.

— Дорогая, — сказала она с порога, — я только что вспомнила, что у меня осталась бутылка прекраснейшего старого констанциевского вина, лучшего в своем роде, и я налила бокал для вашей сестры. Бедный мой муж! Как же он его любил! Всякий раз, как у него начиналась желчная подагра, он пил его и приговаривал, что это вино приносит ему больше пользы, чем все лекарства на свете. Отнесите его своей сестре.

— Вы так добры, — ответила Элинор, про себя улыбаясь разнице недугов, которые излечивало это вино. — Однако когда я оставила Марианну, она уже была в постели и, надеюсь, скоро заснет. Я думаю, ничто не принесет ей такой пользы, как сон, так что, если вы позволите, этот бокал я выпью сама.

Миссис Дженнингс хоть и сожалела, что не пришла пятью минутами раньше, все же удовлетворилась таким выходом из положения, а Элинор, пригубив вино, подумала, что ей еще рано оценивать его благотворное действие при подагре, а вот насколько оно исцеляет разбитое сердце можно и на себе проверить не хуже, чем на своей сестре.

Во время чаепития приехал полковник Брэндон, и по тому, каким взглядом он окинул комнату, Элинор поняла, что он не ждал и не желал увидеть Марианну, а стало быть, знал, чем вызвано ее отсутствие. Миссис Дженнингс об этом не догадалась, ведь вскоре после его появления она подошла к чайному столику, за которым сидела Элинор, и шепнула ей:

— Кажется, полковник еще ни о чем не знает, расскажите ему.

Вскоре полковник придвинул свой стул поближе к Элинор и взглянув на нее так, как будто ему все известно, справился о здоровье ее сестры.

— Марианне нездоровится, — ответила она, — она весь день плохо себя чувствовала, и мы уговорили ее лечь спать.

— Тогда, возможно, — нерешительно произнес он, — то, что я услышал сегодня утром, ближе к истине, чем я сперва готов был предположить.



Всякий раз, как у него начиналась желчная подагра, он пил его и приговаривал, что это вино приносит ему больше пользы, чем все лекарства на свете.

— Что же вы услышали?

— Этот джентльмен, о ком я полагал... то есть, человек, про которого я думал, что он помолвлен... Но раз уж вы знаете об этом, а вам лучше меня об этом известно, то я могу быть избавлен...

— Вы имеете в виду, — сказала Элинор с нарочитым спокойствием, — брак мистера Уиллоуби с мисс Грей? Да, мы все знаем. По-видимому, это уже стало всеобщим достоянием, и сегодня утром нам об этом рассказали. Мистер Уиллоуби непостижим! А где вы об этом услышали?

— В книжной лавке на Пэлл-Мэлл, я заходил туда по делу. Две дамы ждали, пока подадут экипаж, и одна из них рассказывала о какой-то свадьбе так громко, что я не мог этого не слышать. Мое внимание привлекло, что в их разговоре часто повторялось имя Уиллоуби, Джона Уиллоуби, а затем последовало безоговорочное утверждение, что относительно их брака с мисс Грей все решено, а значит это можно больше не держать в тайне — через несколько недель он состоится. Далее последовал подробный рассказ о приготовлениях к свадьбе и прочем. Одна из этих подробностей особенно запомнилась мне, ведь она исключала какие-либо сомнения по поводу личности жениха: после брачной церемонии они должны были отправиться в Комбе-Магна, его имение в Соммерсетшире. Представьте мое удивление! Описать то, что я почувствовал, просто невозможно. Когда они уехали, я узнал у продавца в лавке, что ту разговорчивую даму зовут миссис Эллисон, а позднее выяснил, что это фамилия опекуна мисс Грей.

— Так и есть. Однако слышали ли вы также, что у мисс Грей есть пятьдесят тысяч фунтов? Вероятно, именно этим обстоятельством можно все объяснить.

— Вполне может быть. Однако Уиллоуби способен... по крайней мере, так мне кажется... — Он на мгновение умолк, а потом добавил с некоторым недоверием в голосе: — А ваша сестра? Как она перенесла?

— Ее страдания были очень тяжелы. Мне остается только надеяться, что они окажутся столь же краткими. Ей был нанесен жесточайший удар. До вчерашнего дня, я думаю, она ни разу не усомнилась в его привязанности к ней. И даже теперь, возможно... Но я почти уверена, что он никогда не испытывал к ней настоящих чувств. Он просто обманщик, и многое свидетельствует, что у него нет сердца.

— О, да, — сказал полковник Брэндон, — очень многое. Но ваша сестра... Кажется, вы сказали, что она думает иначе?

— Вы же знаете ее характер и понимаете, с каким рвением она оправдывала бы его, если бы могла.

Он ничего не ответил, а вскоре чайные принадлежности были убраны, гости переместились за карточные столы, и продолжать разговор стало невозможно. Миссис Дженнингс, с удовольствием наблюдавшая за их беседой, ждала, что после общения с мисс Дэшвуд лицо полковника озарится внезапной радостью, свойственной для человека в расцвете юности, надежд и счастья, но к ее удивлению, он весь вечер оставался даже более серьезным и задумчивым, чем обычно.

ГЛАВА XXXI

Марианна, сама того не ожидая, всю ночь крепко проспала, но утром, едва открыв глаза, снова погрузилась в печаль.

Элинор всячески побуждала ее не сдерживать в себе свои чувства, и еще до завтрака они несколько раз возвращались к одному и тому же: Элинор нежно, но настойчиво увещевала сестру с обычной для нее твердой убежденностью, а Марианна с присущей ей пылкостью утверждала то одно, то другое. Иногда ей казалось, что Уиллоуби так же неповинен и несчастен, как и она сама, а затем в беспредельном отчаянии она отказывала ему в каких-либо оправданиях. В один момент она была совершенно равнодушна к мнению света, в другой готова была бежать от него навсегда, а в третий — энергично ему противостоять. Но в одном ее твердость была неизменна: она всячески старалась избегать миссис Дженнингс, а когда сталкивалась с ней, то упорно молчала. Мысль о том, что та испытывает к ней сострадание, внушала ей отвращение.

— Нет, нет, — восклицала Марианна, — она не способна испытывать подлинные чувства. Ее добродушие — не признак симпатии. Все, что она любит — это сплетни, и я нравлюсь ей лишь потому, что являюсь их источником.

Элинор не нуждалась в лишних доказательствах того, как несправедливо ее сестра судит о людях. Мнения ее порождались нетерпимой щепетильностью собственной натуры: решающее значение для нее имела искренность чувств и утонченное изящество манер. Как и добрая половина людей на свете, если среди людей наберется половина умных и добрых, Марианна при всех своих талантах и добродетелях не могла похвастаться ни рассудительностью, ни беспристрастностью. Она ждала, что другие люди будут во всем разделять ее мнения и чувства, и судила об их побуждениях и поступках по себе. И после завтрака, когда они сидели вдвоем в своей комнате, миссис Дженнингс еще более упала в ее глазах лишь потому, что из-за своей собственной слабости она превратила самые искренние попытки миссис Дженнингс ее утешить в источник новых страданий.

Миссис Дженнингс вошла в их комнату с письмом в вытянутой руке, радостно улыбаясь при мысли о том, что это послание доставит Марианне утешение.

— Дорогая моя, — сказала она, — это вас приободрит, даже не сомневаюсь.

Марианна услышала достаточно, чтобы ее воображение тут же представило письмо от Уиллоуби, полное нежности и раскаяния, объясняющее все, что произошло, и убедительно оправдывающее его. Она уже видела, как в комнату вбегает Уиллоуби, падает на колени и красноречивым взглядом подтверждает написанные в послании слова. Однако она тут же вернулась с небес на землю, различив почерк матери и впервые в жизни не почувствовав от этого никакой радости. В сильнейшем

разочаровании, последовавшем за всплеском надежды, она поняла, что лишь теперь познала подлинные страдания.

Даже в минуту красноречия у нее не нашлось бы слов выразить всю жестокость миссис Дженнингс, а сейчас она могла упрекнуть ее лишь неукротимым потоком своих слез. Упрек этот, однако, оказался бесполезным, ибо миссис Дженнингс не перестав выражать своего сочувствия, удалилась, все еще советуя прочесть письмо и им утешиться. Вскоре Марианна достаточно успокоилась, чтобы прочесть его, однако оно не принесло ей никакого утешения. Уиллоуби в ее воображении заполнял каждую его страницу. Миссис Дэшвуд, будучи все еще уверена в том, что они помолвлены, и свято веря в его постоянство, хотела лишь по просьбе Элинор побудить Марианну быть более откровенной с ними обеими, причем писала она с такой нежностью к ней, с такой приязнью к Уиллоуби и уверенностью в их будущем взаимном счастье, что Марианна рыдала все время, пока читала это письмо.

Она снова захотела как можно скорее отправиться домой. Мать стала ей еще дороже, чем прежде; дороже именно из-за чрезмерного, хоть и не заслуженного доверия к Уиллоуби, и она настаивала на том, чтобы тотчас же отправиться в путь. Элинор, сама не зная, что будет лучше для Марианны — остаться в Лондоне или вернуться в Бартон, — не стала ей ничего советовать, а лишь попросила ее прежде узнать мнение их матери на этот счет, и, в конце концов, добилась от сестры согласия дожидаться известий из Бартон-коттеджа.

Миссис Дженнингс покинула их раньше обычного: ей не терпелось рассказать обо всем Палмерам и Мидлтонам, чтобы они могли разделить с ней ее огорчение. Она решительно отказалась от предложения Элинор поехать с ней, удалилась, и оставалась одна до конца утра. Элинор с тяжелым сердцем села за ответ к матери. Расстроенная тем, что судя по письму к Марианне, ей плохо удалось подготовить мать к дурным новостям, она решила посвятить ее в то, что произошло, и получить от нее советы относительно будущего. Как только миссис Дженнингс уехала, в гостиную вошла Марианна. Она присела к столу, за которым писала Элинор, и наблюдая за движениями ее пера, сокрушалась, какая тяжкая обязанность выпала на ее долю, и в то же время сетуя, как это письмо опечалит их мать.

Так продолжалось около четверти часа, пока Марианна, чьи нервы не выдерживали внезапных звуков, не вздрогнула от стука в дверь.

— Кто это может быть? — воскликнула Элинор. — И так рано! Я думала, мы в безопасности.

Марианна подошла к окну.

— Это полковник Брэндон, — сказала она с досадой, — от него мы никогда в безопасности не будем.

— Он не станет заходить, ведь миссис Дженнингс нет дома.

— Позволю себе в этом усомниться, — возразила Марианна, направившись в свою комнату, — человек, который не бережет собственное время, без зазрения совести посягнет и на чужое.

Это заключение оказалось верным, хотя оно и было основано на несправедливом предубеждении. Полковник Брэндон действительно попросил доложить о себе, и Элинор, убежденная, что его привело сюда беспокойство за Марианну, о чем свидетельствовало его встревоженное, печальное лицо, и краткий, но участливый вопрос о ее самочувствии, не могла простить сестре такого пренебрежения к нему.

— Я встретил миссис Дженнингс на Бонд-стрит, — сказал он, поздоровавшись, — и она уговорила меня заехать к вам. Я и не противился, поскольку подумал, что, возможно, застану вас одну, чего мне очень хотелось. Моя цель... мое желание... единственная причина желать этого... Я надеюсь... я верю... это принесет мне утешение... Не утешение, конечно же... Но я хотел бы убедить вашу сестру раз и навсегда... Мои чувства к ней, к вам, к вашей матери... вы позволите мне доказать их, открыв вам некоторые обстоятельства, которые ничто, кроме самого искреннего уважения... кроме искреннего желания быть полезным... Я думаю, мое желание оправдано. Хотя если я потратил много часов, убеждая себя, что это так, то разве у меня нет причин опасаться, что я ошибаюсь?

Полковник, наконец, умолк.

— Я понимаю, — сказала Элинора, — вы хотите поведать нам что-то о мистере Уиллоуби. Нечто такое, что еще больше откроет его сущность. То, что вы расскажете нам, разумеется, будет лучшей дружеской услугой, которую только вы могли бы оказать Марианне. Я буду благодарна за любые сведения, как и она, но только со временем. Прошу, прошу вас, расскажите мне обо всем!

— Короче говоря, когда я покинул Бартон прошлым октябрем... хотя это не даст вам ни малейшего представления... Я вынужден начать с предыстории. Вы найдете во мне очень плохого рассказчика, мисс Дэшвуд. Я даже не знаю, с чего начать... Полагаю, мне потребуется немного рассказать о себе, но тут я буду краток. На эту тему, — сказал он с тяжелым вздохом, — мне не очень-то хочется сильно распространяться.

На мгновение он умолк, словно что-то припоминая, а затем, снова вздохнув, продолжил:

— Вы, наверное, уже забыли наш разговор... не думаю, что он мог как-то отложиться у вас в памяти... Наш разговор однажды вечером в Бартон-парке, во время танцев. Я упомянул одну даму, с которой когда-то был знаком и которая чем-то напомнила мне вашу сестру Марианну.

— На самом деле, — ответила Элинора, — я этот разговор отлично помню.

Показалось, что ему это было приятно.

— Если меня не обманывает пристрастность нежных воспоминаний, то между ними есть очень сильное сходство, не только во внешности, но и в характере. Та же сердечная пылкость, та же бурная фантазия и горячий нрав. Та, о ком я говорю, была моей близкой родственницей, осиротевшей во младенчестве и находившейся под опекой моего отца. Мы были почти одного возраста, с самых ранних лет дружили и вместе играли. Я не помню времени, когда не любил бы Элизу. А когда мы выросли, я питал к ней такое чувство, на которое вы, судя по моей теперешней угрюмой серьезности, сочтете меня неспособным. Ее же привязанность ко мне, уверен, была столь же горячей, как привязанность вашей сестры к мистеру Уиллоуби, и, хоть и по другой причине, столь же несчастной. В семнадцать лет я потерял ее навсегда. Ее против воли выдали замуж за моего брата. Она имела большое состояние, а наше имение было обременено долгами. Боюсь, лишь этим объяснялись мотивы ее дяди и одновременно опекуна. Мой брат не был ее достоин, он даже не любил ее. Я уповал на то, что ее чувства ко мне станут ей опорой во всех невзгодах, и какое-то время так оно и было. Однако в конце концов тяжесть ее положения — обходились с ней очень жестоко — пересилила ее решимость, и хоть она ничего мне не обещала... Но я так путано рассказываю! Я ведь не поведал вам, как все это произошло. Мы реши-

ли бежать в Шотландию, но за несколько часов до этого горничная моей кухни, то ли по глупости, то ли из коварства, выдала нас. Меня отправили к родственнику, живущему в дальних краях, а ее заперли в четырех стенах, лишили общества и развлечения, пока она не согласилась исполнить волю отца. Я слишком полагался на ее стойкость, и это стало для меня тяжелым ударом, но если бы она была счастлива в браке, то через несколько месяцев я примирился бы с этим, ведь тогда я был еще совсем молод, во всяком случае, я бы не сожалел об этом сейчас. Однако счастливым их брак назвать было нельзя. Мой брат не оказывал ей должного внимания. Его влекли низменные удовольствия и с самого начала он относился к ней недоброжелательно. Последствия этого для столь молодой, живой и неопытной женщины, как миссис Брэндон, были естественны. Сначала она смирилась со всей горестью своего положения, но ей было бы лучше, если бы ее не терзали воспоминания обо мне. Стоит ли удивляться тому, что хранить верность такому мужу было трудно и она пала? Друга, который мог бы помочь советом или предостеречь, у нее не было: мой отец прожил после их свадьбы всего несколько месяцев, а я находился со своим полком в Ост-Индии. Возможно, если бы я остался в Англии... Но я решил ради счастья их обоих отдалиться от нее на несколько лет, для чего добился перевода в другой полк. Потрясение, которое я пережил, узнав о ее свадьбе, — продолжал он взволнованным голосом, — было пустяком по сравнению с тем, что я почувствовал, когда два года спустя услышал о ее разводе. Вот почему я так мрачен... Даже сейчас, когда я вспоминаю о тех страданиях...

Не в состоянии продолжать этот разговор, он поспешно поднялся и несколько минут ходил взад-вперед по комнате. Элинора, тронутая его признанием, и еще больше этим эмоциональным порывом, не могла вымолвить ни слова. Заметив ее сочувственный взгляд, он подошел к ней, взял ее руку и пожал, а затем поцеловал ее в знак почтения и благодарности. Через несколько минут он успокоился и продолжил:

— С этого тяжелого времени прошло почти три года, прежде чем я вернулся в Англию. Первым делом я, конечно же, попытался найти ее. Я смог разыскать только первого ее соблазнителя, и у меня были все основания опасаться, что уйдя от него, она еще глубже погрузилась в греховную жизнь. Содержание, причитавшееся ей по закону, не соответствовало ее приданому и не могло обеспечить ей безбедное существование, а от брата я узнал, что за несколько месяцев до моего приезда право на получение этих денег было передано другому лицу. Он хладнокровно предположил, что расточительность могла бы привести ее к крайней нужде, и она отказалась от этого дохода ради получения единовременной выплаты. В конце концов, через полгода моего пребывания в Англии, я все-таки отыскал ее. Сочувствие к моему бывшему слуге, который переживал тяжелые дни, привело меня в дом тюремного смотрителя, куда он был заключен за долги. Там же, в таком же заключении, я увидел и свою несчастную сестру. Она так изменилась, так увяла, измученная всеми выпавшими на ее долю страданиями. Я едва мог поверить, что эта стоящая передо мной изможденная, болезненная женщина когда-то была прелестной, цветущей здоровьем девушкой, которую я знал раньше. То, что я пережил при виде ее... но я не имею права ранить ваши чувства подобными описаниями, я ведь и так слишком расстроил вас. То, что она была, по всей видимости, на последней стадии чахотки, было... да, это послужило мне единственным утешением. Жизнь больше не могла дать ей ничего, кроме возможности достойно подготовиться к смерти. И эта возможность была ей дана.

Я разместил ее в удобных апартаментах, обеспечил ей присмотр и уход. Я навещал ее каждый день отмеренного ей недолгого срока. И я провел с ней ее последние часы.

Он снова умолок, чтобы взять себя в руки, и Элинор выразила самое искреннее сострадание судьбе его несчастной кузины.

— Надеюсь, вашу сестру не оскорбит, — сказал он, — что я нашел сходство между ней и моей несчастной опозоренной родственницей. Их судьбы, их участь не могут быть одинаковыми, и если бы нежная натура одной опиралась на твердость духа или на счастливый брак, она могла бы стать тем, кем, вы увидите, со временем станет другая. Однако к чему я все это веду? Кажется, я просто напрасно огорчил вас. Ах, мисс Дэшвуд... эти воспоминания, погребенные уже четырнадцать лет... обращаться к ним опасно! Я постараюсь сосредоточиться и быть более лаконичным. Она оставила на мое попечение своего единственного ребенка, девочку, плод ее первого греха, которой тогда было три года. Она любила дочь и никогда с ней не расставалась. Для меня это было дорогим, бесценным поручением, и я бы с радостью неукоснительно выполнил его, занявшись воспитанием ребенка самостоятельно, если бы мое положение это позволяло. Однако у меня не было ни дома, ни семьи, поэтому я отдал мою маленькую Элизу в пансион. Я навещал ее там всякий раз, когда мог это сделать, а после смерти моего брата, около пяти лет назад, когда фамильное имение перешло ко мне, она часто гостила у меня в Дэлафорде. Я называл ее дальней родственницей, но мне хорошо было известно, что меня подозревали в гораздо более близком с ней родстве. Три года назад, как только ей исполнилось четырнадцать лет, я забрал ее из пансиона, чтобы отдать на попечение одной очень почтенной даме из Дорсетшира, воспитывавшей еще четырех или пятерых девочек того же возраста. В течение двух лет у меня были все основания быть довольным ее пребыванием там. Однако в феврале прошлого года, вот уже почти год назад, она внезапно исчезла. Я неосмотрительно, как потом выяснилось, разрешил ей по настоятельной ее просьбе поехать в Бат с одной из ее юных подруг, которая ухаживала там за своим больным отцом. Я знал его как очень хорошего человека и был хорошего мнения о его дочери, лучшего, чем она заслуживала, поскольку с самым непоколебимым и неразумным упрямством она отказалась рассказать мне хоть что-то, хотя, конечно же, знала все. Ее отец, человек благонамеренный, но не слишком наблюдательный, кажется, ничего не подозревал, потому как обычно проводил дни дома, в то время как девушки разъезжали по городу и заводили знакомства, какие им вздумается. Он даже пытался убедить меня, что его дочь ни во что не посвящена, ведь сам он свято в это верил. Короче говоря, мне не удалось выяснить ничего кроме того, что она исчезла. Последующие восемь месяцев мне оставалось лишь строить догадки. Можете себе представить, о чем я думал, чего боялся, и как страдал.

— Боже мой! — воскликнула Элинор, — неужели здесь замешан Уиллоуби?

— Первое известие о ней, — продолжал он, — пришло в октябре минувшего года. Ее письмо было прислано мне из Дэлафорда, и я получил его в то самое утро, когда мы собирались ехать в Уайтуэлл. Именно по этой причине я так внезапно покинул Бартон, и мой отъезд, несомненно, тогда показался всем вам очень странным, а некоторых, наверное, даже обидел. Мистер Уиллоуби и не предполагал, награждая меня осуждающим взглядом за невежливость, с которой я расстроил пикник, что я отправляюсь на помощь к той, кого он обездолил и сделал несчастной. Однако даже если бы он знал об этом, что бы изменилось? Он стал бы менее весел или перестал бы находить

радость в улыбках вашей сестры? Нет, ведь он уже сделал то, на что не способен ни один человек, в ком есть хоть толика сострадания. Он оставил девушку, чью юность и невинность погубил, в крайне бедственном положении — без помощи, без дома, без друзей, не раскрыв ей даже своего адреса! Он уехал, пообещав вернуться. Однако не вернулся, не написал ей и никак о ней не позаботился.

— Это переходит всякие границы! — воскликнула Элинор.

— Теперь вы знаете, каков он: мот и повеса, и даже хуже. Я знаю это уже несколько месяцев, и можете представить себе мои чувства, когда я убедился, что ваша сестра до сих пор влюблена в него и собирается за него замуж. Как я переживал за вас всех! Когда я заезжал к вам на прошлой неделе и застал вас одну, я был полон решимости узнать от вас всю правду, хоть еще и не определился, как буду действовать, узнав ее. Тогда мое поведение, должно быть, показалось вам странным, но теперь-то вы понимаете, чем оно было вызвано. Переживать за то, как вы обманываетесь, видеть, как ваша сестра... но что я мог поделать? Я не надеялся, что мое вмешательство принесет пользу, а иногда мне казалось, что под влиянием вашей сестры он может исправиться. Однако теперь, после такого бесчестного поведения, кто может сказать, каковы были его планы на нее? Но какими бы они ни были, уже теперь она может поблагодарить судьбу, сравнив свою ситуацию с тем положением, в которое попала моя бедная Элиза, подумав о том, как оно безнадежно тяжело, как страдает эта девушка от своих чувств к нему, которые не меньше, чем ее собственные, и как она всю жизнь будет терзаться раскаянием. Конечно же, подобное сравнение будет для нее полезным. Она поймет, как ничтожны ее страдания. В них нет ее вины, они не повлекут за собой позора. Напротив, привязанность ее друзей к ней станет только сильнее. Сострадание к ее горю и уважение к ее стойкости лишь усилят их чувства к ней. Однако вы сами должны решить, сообщать ли ей то, что я вам рассказал, или нет. Только вы можете знать, какова будет ее реакция. Однако если бы я всерьез, от всего сердца не был убежден, что это может принести пользу и смягчить ее сожаления, то я не позволил бы себе обременять вас этим рассказом о своих семейных драмах, который к тому же мог быть воспринят вами как способ возвысить себя за счет других.

В ответ Элинор от всего сердца поблагодарила его, а также выразила свою уверенность в том, что Марианне эти сведения должны помочь.

— Больше всего меня расстраивают ее попытки оправдать его, — сказала она. — Если Марианна поверит в его непорядочность, то будет страдать не так сильно. Теперь, хоть сначала ее страдания и усугубятся, облегчение от них придет скорее. А вы виделись с мистером Уиллоуби, — продолжила она через несколько мгновений, — после того, как расстались с ним в Бартоне?

— Да, — ответил он серьезно, — один раз я с ним встретился. Это было неизбежно.

Элинор, пораженная его тоном, с тревогой посмотрела на него и спросила:

— Как? Вы встречались с ним, чтобы...

— Иной встречи между нами и быть не могло. Элиза, хоть и с большой неохотой, назвала мне имя своего любовника, и когда он прибыл в Лондон через две недели после меня, мы с ним назначили встречу и встретились, он — чтобы защитить, а я — чтобы покарать его поступок. Мы оба остались невредимыми, поэтому встреча не получила огласки.

Элинор вздохнула по поводу того, насколько воображаемой была необходимость этой встречи, но говорить об этом мужчине и солдату посчитала неуместным.

— Таково, — сказал полковник Брэндон после паузы, — злосчастное сходство судеб матери и дочери. И так плохо я оправдал возложенное на меня доверие.

— Она все еще в Лондоне?

— Нет, как только она оправилась после родов, а отыскал я ее незадолго до них, я увез ее вместе с ребенком в деревню, где она и осталась жить.

Вскоре полковник вспомнил, что, вероятно, Элинора следовало бы находиться рядом с сестрой, и поспешил закончить свой визит, а она еще раз тепло поблагодарила его, исполненная к нему сострадания и уважения.

ГЛАВА XXXII

Когда вскоре мисс Дэшвуд пересказала сестре содержание этого разговора, оно произвело не совсем то впечатление, которое она ожидала. Не сказать, чтобы Марианна усомнилась в правдивости всех изложенных подробностей, нет, она выслушала все с неизменным и покорным вниманием, не возражала и не перебивала, не пыталась оправдать Уиллоуби и своими слезами как будто подтверждала, что это невозможно. И хотя это и уверило Элинор в том, что она уже не сомневается в его виновности, и хотя к большому удовольствию сестры она перестала избегать полковника Брэндона, когда тот приходил с визитом, и даже беседовала с ним, обращаясь к нему с сочувственным уважением, и хотя она горевала уже не так бурно, как прежде, все равно она выглядела не менее несчастной, чем раньше. Она успокоилась, но впала в мрачное уныние. Утрата веры в его честность ранила ее даже сильнее, чем утрата его сердца. Мысли о том, как он обольстил и бросил мисс Уильямс, о несчастьях его бедной жертвы, о том, что он мог замышлять относительно ее самой, так терзали ее душу, что она не могла заставить себя открыть свои чувства даже Элинор, и, погружившись в свою молчаливую печаль, причиняла сестре больше страданий, чем если бы она безудержно выплескивала свое горе.

Описывать те чувства, которые испытала миссис Дэшвуд, получив письмо от Элинор, и излагать ответ на него значило бы лишь повторить описание того, что уже говорили и чувствовали ее дочери: разочарование, едва ли менее болезненное, чем у Марианны, и негодование, даже более сильное, чем у Элинор. Одно за другим от нее приходили длинные письма, в которых она повествовала о своих думах и тревогах, выражала обеспокоенность и заботу о Марианне и умоляла ее стойко переносить это несчастье. И сколь же тяжелым было положение Марианны, если даже ее мать говорила о стойкости духа, и сколь унижительным, оскорбительным был источник сожалений, которым она призывала ее не предаваться.

Вопреки собственным желаниям миссис Дэшвуд решила, что для Марианны лучше будет ни в коем случае не возвращаться в Бартон, где все мучительно напоминало бы ей о прошлом, воскрешало бы в памяти образ Уиллоуби таким, каким она его там видела. Поэтому она посоветовала дочерям ни в коем случае не сокращать время своего визита к миссис Дженнингс, продолжительность которого хоть она и не была точно определена, должна была, исходя из общих ожиданий, составлять не менее пяти-шести недель. В Бартоне они не смогут найти такого разнообразия занятий, впечатлений и такого как в Лондоне общества, способного, как она надеялась, иногда отвлекать Марианну от ее горя и, может быть, вновь пробудить в ней интерес к жизни, хоть пока она и отвергает даже саму мысль об этом.

Мать считала, что опасность встретить Уиллоуби в Лондоне была столь же мала, как и в деревне, ведь все те, кто называл себя ее друзьями, откажутся от общения с ним. С умислом их сводить никто не захочет, по недосмотру это едва ли может произойти, а случайно в лондонской толпе повстречаться еще сложнее, чем в уединении Бартон, если он приедет погостить в Алленхэм после свадьбы, что миссис Дэшвуд поначалу полагала вероятным, а затем убедила себя считать неизбежным.

Еще одной причиной, по которой миссис Дэшвуд желала, чтобы ее дочери остались в Лондоне, была та, что во второй половине февраля там обещал появиться ее пасынок с супругой: он известил ее об этом в письме. Она считала правильным, если Элинор и Марианна будут иногда видеться с братом.

Марианна обещала подчиниться решению матери и сделала это без особых возражений, хоть это и шло вразрез с ее собственными желаниями и ожиданиями, хоть она и считала это решение неверным, основанным на ошибочных суждениях, ведь продолжительное пребывание в Лондоне лишало ее единственного утешения в ее горе, которым могло стать ласковое материнское сочувствие, и оно обрекало ее на такое общество и такие светские обязанности, которые ни на минуту не позволили бы ей обрести покой.

Однако большое утешение она нашла в мысли, что несчастье для нее может обернуться радостью для сестры. Элинор же, напротив, думая о том, что избежать встреч с Эдвардом ей вряд ли удастся, тешила себя надеждой, что длительное пребывание в Лондоне хоть и будет для нее горестным, но окажется для Марианны полезнее, чем немедленное возвращение в Девоншир.

Старания, с которыми она оберегала сестру от упоминания имени Уиллоуби, не прошли даром. Марианна, ничего не подозревая, пожинала их плоды: ни миссис Дженнингс, ни сэр Джон, ни даже миссис Палмер никогда не говорили о нем в ее присутствии. Элинор хотелось, чтобы их снисходительность распространялась и на нее саму, но, увы, об этом нельзя было даже и мечтать, и изо дня в день ей приходилось выслушивать их возмущение.

Сэр Джон о таком и помыслить не мог! Человек, о котором он был самого высокого мнения! Такой добродушный малый! Он считал, что лучшего наездника во всей Англии и не сыскать! Это просто невероятно. Да пусть он катится к дьяволу! Он больше ни словом с ним не обмолвится, где бы они ни повстречались, ни за что на свете! Даже если они просидят бок о бок два часа в Бартонской роще в засаде на птиц. Какой негодяй! Какой подлый кобель! А ведь в последнюю их встречу он предложил ему выбрать одного из щенков Фолли. И на тебе!

Миссис Палмер тоже была по-своему рассержена. Она решила, что тотчас же порвет с ним знакомство, и очень радовалась тому, что никогда не была с ним знакома. Какая досада, что Комбе-Магна расположен так близко от Кливленда. Впрочем, какое это имеет значение, ведь ездить туда все равно очень далеко. Он так ей ненавистен, что она больше никогда не упомянет его имени и расскажет всем, кого встретит, какой он негодяй.

Остатки сочувствия миссис Палмер проявились в том, что она узнавала подробности предстоящего брака и сообщала их Элинор. Вскоре она узнала, какому каретнику заказан новый экипаж, какой художник пишет портрет мистера Уиллоуби и в каком магазине можно увидеть наряды мисс Грей.

Невозмутимое вежливое безразличие леди Мидлтон по этому поводу было счастливым облегчением для души Элинор, угнетенной шумным сочувствием остальных.



А ведь в последнюю их встречу он предложил ему выбрать одного из щенков Фолли.

Ей было приятно, что хотя бы у одного человека в кругу ее знакомых она не вызывала никакого интереса, что есть хоть кто-то, кто не будет любопытствовать о новых подробностях и выражать беспокойство о здоровье ее сестры.

Леди Мидлтон ценила хорошие манеры выше простого человеческого сочувствия, поэтому выражала свое отношение к случившемуся в сухой официозной форме. Один или два раза в день, если к теме обращались слишком уж часто, она говорила: «Это ужасно!». Благодаря такому постоянному, хоть и ненавязчивому излиянию чувств, она не просто стала видаться с обеими мисс Дэшвуд без малейшего расстройств, но вскоре вообще перестала вспоминать о недавних событиях. Поддерживая таким образом достоинства своего пола и выражая решительное осуждение пороков противоположного, она считала себя вправе позаботиться о блеске своих званных вечеров, а потому решила (хоть и в большой степени против воли сэра Джона) сразу же после свадьбы завести свою визитную карточку миссис Уиллоуби, чье богатство могло очень благотворно сказаться на ее собственном положении в свете.

Однако деликатные, ненавязчивые расспросы полковника Брэндона никак Элино́р не досаждали. Он в полной мере заслужил привилегию доверительно беседовать с ней о несчастье ее сестры с тем дружеским рвением, с которым он старался облегчить его. Главной наградой за мучительные признания в прошлых горестях и нынешних унижающих его гордость обстоятельствах была для него та жалость, с которой Марианна порой смотрела на него, та нежность в ее голосе, с которой она, хоть и нечасто, была вынуждена заставлять себя заговорить с ним. Он убеждался, что его самоотверженность вызвала в Марианне отклик, проявившийся в возросшей симпатии к нему, а Элино́р надеялась, что симпатия эта со временем укрепитя. Однако миссис Дженнингс, которая не была ни во что посвящена и знала только, что полковник по-прежнему печален и не поддается на ее уговоры сделать предложение самостоятельно или поручить ей сделать это за него, уже через два дня мысленно перенесла их свадьбу с середины лета на начало осени, а на исходе недели была склонна думать, что этому браку и вовсе не бывать. Взаимопонимание, царившее при общении полковника и Элино́р, дало ей повод подумать, что все прелести шелковицы, канала и тисовой беседки достанутся ей, так что о мистере Феррарсе миссис Дженнингс совсем скоро и вовсе позабыла.

В начале февраля, через две недели после письма Уиллоуби, Элино́р была вынуждена выполнить тяжкую обязанность и сообщить сестре, что он женат. Она позаботилась о том, чтобы известие это дошло до Марианны из ее уст как только свадьба была сыграна: ей так не хотелось, чтобы сестра узнала обо всем из газет, которые та каждое утро с нетерпением присвистывала.

Марианна выслушала это известие с невозмутимым спокойствием, будто ей оно было безразлично, и поначалу не пролила ни слезинки. Однако вскоре ее слезы хлынули бурным потоком, и весь оставшийся день она горевала едва ли не сильнее, чем когда впервые поверила в неотвратимость его свадьбы.

Новобрачные покинули Лондон, как только поженились. Встречи с ними можно было не опасаться, и в Элино́р проснулась надежда уговорить сестру, которая еще ни разу не выходила из дома с того злополучного дня, постепенно начать выбираться в свет.

Примерно в то же время сестры Стил, недавно прибывшие навестить свою кузину, жившую в Барлетовских Домах в Холборне, снова предстали перед своими бо-

лее знатными родственниками на Кондуит-стрит и Беркли-стрит, и были встречены очень радушно.

Только Элинор не испытала радости по этому поводу. Их присутствие было тягостно для нее, и она не знала, как вежливо ответить на бурный восторг, который испытала Люси, встретив ее в столице.

— Я была бы очень расстроена, не застав вас здесь, — неустанно повторяла она, делая ударение на слове «не застав». — Но я знала, что так и выйдет. Я почти и не сомневалась, что вы пробудете в Лондоне еще долго, хоть в Бартоне вы мне и сказали, что не задержитесь здесь дольше, чем на месяц. Но я уже тогда подумала, что вы перемените свое решение, оказавшись в столице, ведь вам было бы обидно уехать раньше, чем прибудут ваши брат с сестрой. И уж теперь-то вы не будете спешить с отъездом. Я невероятно рада, что вы не сдержали своего слова.

Элинор прекрасно ее поняла, и ей потребовалось все самообладание, чтобы не показать этого.

— Ну, моя дорогая, и как же вы доехали? — поинтересовалась миссис Дженнингс.

— Уж поверьте, не в дилижансе, — с торжеством в голосе ответила мисс Стил. — Мы проехали весь путь на почтовых, и сопровождал нас прекрасный кавалер. Доктор Дэвис ехал в Лондон, и мы решили присоединиться к нему. Он был очень галантен и заплатил на десять или двенадцать шиллингов больше, чем мы.

— О! Как любезно! — воскликнула миссис Дженнингс. — Ручаюсь вам, что он холостяк.

— Ну вот, — сказала мисс Стил, жеманно улыбаясь, — все подшучивают надо мной из-за доктора, а я и понять не могу почему. Мои кузины уверяют, что я его покорила, но я об этом даже и не думала. «Нэнси, твой кавалер пожаловал», — говорит мне на днях кузина, увидев, как он переходит улицу в направлении нашего дома. «Мой кавалер», — отвечаю, — «не понимаю, о ком ты? Доктора я за своего кавалера не считаю».

— Да, да, так я вам и поверила! Я же вижу, что вы к нему неравнодушны.

— Ничего подобного! — воскликнула она с притворной серьезностью. — И если где-то зайдет об этом разговор, прошу вас так и отвечать.

Миссис Дженнингс заверила ее, что она, конечно же, так и ответит, чему мисс Стил была несказанно рада.

— Полагаю, вы остановитесь погостить у брата с сестрой, когда они приедут? — спросила Люси, переходя к новой атаке после краткого прекращения враждебных намеков.

— Не думаю.

— Ну как же, конечно остановитесь!

Элинор не стала доставлять ей удовольствие дальнейшими возражениями.

— Как здорово, что миссис Дэшвуд так надолго отпустила вас.

— Надолго? — вмешалась миссис Дженнингс. — Да они только приехали!

Люси умолкла.

— Как жаль, что мы не можем повидать вашу сестру, мисс Дэшвуд, — сказала мисс Стил. — Жаль, что ей нездоровится.

Марианна при их появлении вышла из гостиной.

— Вы очень добры. Моя сестра также будет огорчена, если упустит удовольствие повидаться с вами, но в последнее время она очень страдает от мигреней и какое-либо общение для нее утомительно.



Мы проехали весь путь на почтовых, и сопровождал нас прекрасный кавалер.

— Боже, как жаль! Но такие старые друзья, как я и Люси... Думаю, мы не утомим ее. Да мы и не будем много болтать.

Элинор с величайшей вежливостью отклонила это предложение. Ее сестра, вероятно, прилегла, или она в домашнем халате, поэтому выйти к ним никак не может.

— Только и всего? — воскликнула мисс Стил. — Так мы и сами можем к ней подняться.

Элинор начала тяготиться подобной бесцеремонностью. От необходимости положить этому конец ее избавило резкое замечание Люси, которое, как случилось уже много раз, не сделав приятнее манеры одной сестры, помогло тем не менее осадить дерзость другой.

ГЛАВА XXXIII

Марианна поначалу сопротивлялась, но в конце концов поддалась на уговоры сестры и однажды согласилась на полчаса выехать с ней и с миссис Дженнингс в город. Однако она поставила условие, что не будет никому наносить визитов, а лишь сопроводит их в магазин Грея на Секвилл-стрит, где Элинор вела переговоры об обмене нескольких старомодных украшений матери.

Когда они остановились у входа в магазин, миссис Дженнингс вспомнила, что на другом конце той же улицы живет дама, которую ей нужно навестить, а поскольку никаких дел у Грея ее не ждало, было решено, что пока ее юные подруги проводят время в магазине, она нанесет визит своей знакомой, а затем вернется за ними.

Поднявшись по лестнице, Элинор с Марианной попали в толпу народа, и поскольку все приказчики были заняты, им пришлось ждать. Они выбрали прилавок, перед которым стоял только один джентльмен: это давало надежду на то, что он не задержится долго, ведь вежливость должна была заставить его поторопиться. Однако взыскательность и тонкость вкуса оказались более ему свойственны, чем вежливость. Он заказывал себе футлярчик под зубочистку, и пока не определился с его размерами, формой и декором, почерпнув их из собственной фантазии, предварительно разглядывая и обдумывая по четверти часа каждый имевшийся в магазине вариант, он не уделил ожидавшим его барышням никакого внимания кроме пары-тройки весьма бесцеремонных взглядов, которые помогли Элинор запечатлеть в памяти его фигуру и лицо, от природы столь незначительные, что приукрасить их не могла никакая новейшая мода.

То, как он дерзко их разглядывал, с какой щенячьей заносчивостью называл ужасным каждый представленный ему футлярчик, несомненно, вызвало бы у Марианны презрительное негодование, но она имела счастье ничего не заметить: в магазине мистера Грея, как и в собственной спальне, она была погружена в свои мысли и не замечала ничего вокруг.

Наконец, вопрос был решен. Остановив свой выбор на слоновой кости, золоте и жемчуге, и указав, как их сочетать, джентльмен назначил день, до которого он был способен продолжать свое существование, не имея при себе футлярчика для зубочистки, неторопливо натянул перчатки, бросил на Элинор и Марианну еще один взгляд, скорее требовавший восхищения, чем его выражавший, и удалился с самодовольным видом истинного тщеславия и притворного равнодушия.

Элинор не стала терять времени и сразу же приступила к переговорам, а когда дело подходило к концу, рядом с ней остановился еще один джентльмен. Она взглянула на него и с некоторым удивлением обнаружила, что это ее брат.

Проявления их родственной симпатии и радости от встречи оказались как раз под стать для магазина мистера Грея. Джон Дэшвуд вовсе не был огорчен вновь увидеть своих сестер, и они разделяли это чувство, а о здоровье их матери он расспрашивал с подобающим участием и почтением.

Элинор узнала, что они с Фанни в Лондоне уже два дня.

— Я очень хотел навестить вас вчера, — сказал он, — но я не смог этого сделать, потому что нужно было свозить Гарри на Экстерскую биржу посмотреть на диких зверей, а остаток дня мы провели у миссис Феррарс. Гарри очень понравилось. Сегодня утром я был полон решимости заехать к вам, если у меня найдется хоть полчаса свободного времени, но когда приезжаешь в город всегда обнаруживается так много дел! Сюда я заглянул, чтобы заказать для Фанни печатку. Но уж завтра-то, я надеюсь, мне удастся заехать на Беркли-стрит и познакомиться с вашей приятельницей миссис Дженнингс. Насколько я понимаю, женщина она весьма состоятельная. И Мидлтонам вы тоже должны меня представить. Я буду счастлив оказать им всяческое уважение, они ведь родственники моей мачехи. Я так понимаю, что вы нашли в их лице прекрасных соседей.

— О, да, люди они замечательные. Как они заботятся о нашем комфорте, как они добры к нам — это не передать словами!

— Я очень рад это слышать! Правда, я чрезвычайно рад! Но иначе и быть не могло. Это богатые люди, они состоят с вами в родстве, поэтому совершенно естественно, что они так расположены к вам. Итак, вы уютно устроились в вашем маленьком коттедже и ни в чем не нуждаетесь. Эдвард очень трогательно нам рассказывал об этом месте. Он назвал его в своем роде совершенным, и вам всем, как ему показалось, оно очень нравится. Уверяю вас, нам было очень приятно услышать это.

Элинор было немного стыдно за брата, и она не пожалела, что лакей миссис Дженнингс, пришедший объявить о прибытии своей госпожи, помешал ей ответить.

Мистер Дэшвуд проводил их вниз по лестнице, был представлен миссис Дженнингс у дверей ее экипажа и, вновь выразив намерение навестить их на следующий день, откланялся.

Визит он нанес, как и обещал. Их невестка передала через него свои извинения, что не смогла приехать к ним, поскольку «так много времени проводит со своей матерью, что у нее не остается сил куда-либо выезжать». Однако миссис Дженнингс тут же заверила его, что церемонии между ними излишни, ведь они все друг другу свойственники или почти таковыми являются, поэтому она скоро сама навестит миссис Джон Дэшвуд и привезет к ней ее сестер. Он держался с ними спокойно, но очень ласково, с миссис Дженнингс был чрезвычайно вежлив, а когда вскоре после него пожаловал полковник Брэндон, то он смотрел на него с таким любопытством, будто и с ним готов быть столь же учтивым если узнает, что тот богат.

Пробыв у них полчаса, он попросил, чтобы Элинор проводила его до Кондуит-стрит и представила сэру Джону и леди Мидлтон. Погода была на редкость хорошей, и Элинор охотно согласилась. Как только они вышли из дома, он начал расспросы.

— Кто такой этот полковник Брэндон? Он состоятельный человек?

— Да, у него прекрасное поместье в Дорсетшире.

— Как прекрасно! Он кажется очень благородным джентльменом, и, думаю, тебя можно поздравить со счастливым устройством твоего будущего.

— Меня? О чем ты говоришь?



Мистер Дэивуд проводил их вниз по лестнице, был представлен миссис Дженнингс у дверцы ее экипажа и, вновь выразив намерение навестить их на следующий день, откланялся.

— Он к тебе равнодушен. Я внимательно наблюдал за ним, и для меня это очевидно. Так какие у него доходы?

— Думаю, около двух тысяч в год.

— Две тысячи в год! — и со всем пробудившимся в нем восторженным великодушием он добавил: — Элинор, ради тебя я всем сердцем желаю, чтобы эта сумма была вдвое больше!

— Охотно верю, — ответила Элинор, — но также я совершенно уверена, что у полковника Брэндона нет ни малейшего желания жениться на мне.

— Ты ошибаешься, Элинор, сильно ошибаешься. Стоит тебе только захотеть, и он будет твоим. Может быть, пока он еще не до конца определился, и его удерживает скромность твоего состояния, может быть друзья его отговаривают, но некоторые легкие знаки внимания и поощрения, которые умеет демонстрировать любая девушка, помогут поймать его в сети, хочет он того, или нет. Почему бы не попробовать? Нельзя же предположить, что какая-либо твоя прошлая привязанность... короче говоря, ты же знаешь, что о той привязанности не может быть и речи, препятствия непреодолимы — ты слишком умна, чтобы этого не осознавать. Полковник Брэндон — это именно то, что нужно. И со своей стороны я буду с ним предельно учтивым, чтобы расположить его к тебе и твоей семье. Эта партия удовлетворит всех. Короче говоря, — он понизил голос до внушительного шепота, — такой оборот дела будет чрезвычайно желателен для всех заинтересованных сторон. Опомнившись, он добавил: — То есть я хочу сказать, что все твои друзья искренне хотят видеть тебя хорошо устроенной. Особенно Фанни, уверяю, она очень беспокоится о тебе, и ее мать, миссис Феррарс, добрейшей души женщина, конечно же, тоже будет очень рада. Она сама на днях об этом говорила.

Элинор не удостоила его ответом.

— Вот будет чудесно, — продолжил он, — и даже забавно, если брат Фанни и моя сестра сыграют свадьбу в одно и то же время. И это не так уж невероятно.

— Так значит мистер Эдвард Феррарс, — спросила она решительно, — собирается жениться?

— Окончательно это еще не решено, но все к тому и идет. У него прекрасная мать. Миссис Феррарс с величайшей щедростью закрепит за ним тысячу фунтов годового дохода, если брак состоится. Речь идет о distinguished мисс Мортон, единственной дочери покойного лорда Мортон с тридцатью тысячами фунтов приданого. Очень желанная партия для обеих сторон, и я не сомневаюсь, что со временем они станут мужем и женой. Тысяча фунтов в год — это очень большая сумма для миссис Феррарс, но она готова расстаться с ней навсегда, ведь у нее благородная душа. Приведу еще один пример ее щедрости: позавчера, как только мы приехали в Лондон, она, зная, что денег у нас не так много, вложила в руку Фанни пачку банкнот на сумму в двести фунтов. И это было очень кстати, ведь расходы в столице чрезмерно велики для нашего кошелька.

Он сделал паузу, ожидая от нее согласия и сочувствия, и она заставила себя сказать:

— Ваши расходы что в городе, что в деревне, несомненно, значительны, но ведь и доход ваш велик.

— Не так уж велик, как многие полагают, скажу я тебе. Мне, конечно, грех жаловаться, ведь он совсем неплох, а со временем должен еще увеличиться. Но сейчас внушительные средства мы тратим на огораживание норлендского выгона. Кроме



Однако миссис Дженнингс тут же заверила его, что церемонии между ними излишни, ведь они все друг другу свойственники или почти таковыми являются...

того, в последние полгода я сделал небольшое приобретение. Истингэмская ферма, ты должна помнить, это место, там еще жил старик Гибсон. Эта земля была мне интересна во всех отношениях, так как непосредственно примыкала к моей собственности, а потому я счел своим долгом купить ее. Я не простил бы себе, если бы она попала в чужие руки. Человеку приходится платить за свое удобство, и она стоила мне огромных денег.

— Больше, чем на ваш взгляд она должна была стоить?

— Ну, я надеюсь, что нет. Я мог бы продать ее за более крупную сумму уже на следующий день. Но платеж наличными был бы для меня очень невыгодным, ведь курсы в то время были так низки, что если бы у меня не оказалось нужной суммы на банковском счете, то мне пришлось бы продать ценные бумаги с очень большими убытками.

Элинора могла только улыбнуться.

— Когда мы переехали в Норленд, у нас были и другие большие и неизбежные расходы. Наш уважаемый отец, как тебе хорошо известно, завещал все стенхилское имущество, оставшееся в Норленде — вещи все очень ценные — твоей матери. Я ни в коем случае не упрекаю его в этом. Он имел несомненное право распоряжаться своим имуществом, как ему вздумается, но вследствие этого мы вынуждены были приобрести большое количество столового белья, фарфора и прочего, чтобы заменить то, что было отдано. Ты без труда поймешь, что после всех этих расходов богатыми нас считать никак нельзя, и доброта миссис Феррарс пришлась нам очень кстати.

— Разумеется, — сказала Элинора. — Надеюсь, благодаря ее щедрости вам удастся пережить эти нелегкие времена.

— Ближайшие год-два должны тому поспособствовать, — ответил он серьезно. — Однако, сделать предстоит еще очень многое. Еще и первый камень не заложен в основание оранжереи Фанни, а цветник только распланирован.

— А где будет оранжерея?

— На пригорке за домом. Мы вырубili старые ореховые деревья, чтобы расчистить под нее место. Ей можно будет любоваться из разных уголков парка, а цветник разобьем прямо около нее, на склоне — выглядеть это будет очень красиво. Мы уже выкорчевали росшие там старые кусты шиповника и боярышника.

Элинора предпочла оставить свою грусть и негодование при себе и порадовалась, что с ними нет Марианны, ведь она бы, наверняка, не промолчала.

Доходчиво объяснив, как он беден, а стало быть избавившись от необходимости покупать сестрам серьги в подарок, он заметно повеселел и стал поздравлять Элинору с тем, что у нее есть очень удачная подруга в лице миссис Дженнингс.

— Кажется, она действительно очень богата. Ее дом, образ жизни — все говорит о внушительном доходе. Это знакомство уже было вам полезным, а в будущем может оказаться еще более выгодным. То, что она пригласила вас в Лондон говорит в вашу пользу: видимо, вы очень ей симпатичны, и когда она будет писать завещание, вы не будете забыты. Думаю, ей есть что оставить в наследство.

— А мне кажется, нечего. У нее есть только право пользования доходами с имущества, и оно перейдет к ее дочерям.

— Неужели ты думаешь, что она тратит все свои доходы? Люди здравомыслящие что-нибудь да откладывают. И накопленными деньгами они могут распоряжаться по собственному усмотрению.

— А вы не думаете, что она вероятно завещает все своим дочерям, а не нам?

— Обе ее дочери чрезвычайно удачно вышли замуж, и я не вижу причин, по которым ей нужно было бы обеспечивать их и дальше. В то же время мне кажется, что уделяя вам столько внимания и доброты, она даст вам право надеяться на то же отношение в будущем, и это право добропорядочная женщина не может не признать. Она относится к вам с большой теплотой и наверняка осознает, какие это может вызвать ожидания.

— Но не у тех, кого это больше всего касается. В самом деле, брат, ваша обеспокоенность нашим благополучием и процветанием заводит вас слишком далеко.

— Да, пожалуй, — сказал он, будто опомнившись, — люди мало что могут изменить, как бы они того ни хотели. Кстати, Элинор, дорогая, что с Марианной? Она выглядит очень нездорово: такая бледная и сильно похудела. Она больна?

— Да, ей нездоровится. Уже несколько недель ее мучает нервное расстройство.

— Мне очень жаль. В ее возрасте болезнь — злейший враг красоты. Как же недолго она цвела! Еще в сентябре она была самой красивой девушкой из всех, что я видел, и многие мужчины со мной бы согласились. В ее красоте было что-то такое, что всегда пленяет. Помнится, Фанни говорила, что Марианна выйдет замуж раньше и удачнее, чем ты. Нет-нет, она очень расположена к тебе, просто ей так казалось. Однако она ошиблась. Я сомневаюсь, что Марианна теперь найдет жениха с доходом более пяти-шестисот фунтов в год. И я сильно заблуждаюсь, если тебя не ждет партия лучше. Дорсетшир! Я очень мало знаю о Дорсетшире, моя дорогая Элинор, но буду чрезвычайно рад узнать о нем побольше. И, думаю, я могу ручаться, что мы с Фанни будем в числе самых первых и самых счастливых за тебя ваших гостей.

Элинор со всей серьезностью попыталась убедить его, что она не собирается выходить замуж за полковника Брэндона, однако их брак был бы так приятен для него самого, что он твердо решил искать близкого знакомства с этим джентльменом и всячески содействовать их с Элинор брачному союзу. Испытывая некоторые угрызения совести по поводу того, что сам он ничего не сделал для своих сестер, он был чрезвычайно озабочен тем, чтобы как можно больше для них делали другие люди. Свадьба с полковником Брэндоном или наследство миссис Дженнингс могли самым лучшим образом искупить его пренебрежение собственным долгом.

Им посчастливилось застать леди Мидлтон дома, а сэр Джон вернулся еще до окончания их визита. Все обменялись друг с другом множеством любезностей. Сэр Джон всегда был готов дарить свое расположение всем и каждому, и хотя мистер Дэшвуд, по видимому, не слишком хорошо разбирался в лошадях, он вскоре и его признал добрым малым, а леди Мидлтон сочла его человеком достаточно модным, чтобы считать знакомство с ним приятным. Сам же мистер Дэшвуд ушел, очарованный ими обоими.

— Какие прекрасные новости для Фанни! — сказал он, когда они возвращались. — Леди Мидлтон — истинно светская дама, и моя жена будет рада с ней познакомиться. Да и миссис Дженнингс женщина в высшей мере благовоспитанная, хоть в изяществе манер и уступает своей дочери. Твоей сестре не стоит чураться ее общества, которое, по правде говоря, нас поначалу смущало, и это было естественно: мы ведь знали только, что миссис Дженнингс является вдовой человека, нажившего свое состояние не самым благородным способом. Поэтому и Фанни, и миссис Феррарс считали, что она сама и ее дочери не принадлежат к тем женщинам, знакомство с которыми было бы для них приличным. Но теперь я могу самым решительным образом ее переубедить.

ГЛАВА XXXIV

Миссис Джон Дэшвуд настолько полагалась на суждения своего мужа, что уже на следующий день нанесла визиты миссис Дженнингс и ее старшей дочери. Ее доверие было вознаграждено, ведь даже первая, женщина, у которой гостили ее золовки, была вполне достойна внимания. Что касается леди Мидлтон, то она ее просто очаровала.

Леди Мидлтон была не менее очарована миссис Джон Дэшвуд. Обeim был свойственен своего рода холодный эгоизм, и эта общность характера привлекала их друг в друге, также как сухая рафинированность манер и душевная черствость.

Однако те самые манеры миссис Джон Дэшвуд, расположившие к ней Леди Мидлтон, пришлось не по нраву миссис Дженнингс, которая увидела в ней лишь невысокого роста заносчивую и чопорную женщину, встретившую сестер своего мужа без малейшей нежности и почти не пообщавшуюся с ними, ведь из четверти часа, проведенной ею на Беркли-стрит, не меньше семи с половиной минут она просидела молча.

Элино́р, хоть и не осмеливалась спросить, но очень хотела узнать, в городе ли Эдвард, однако Фанни ни за что не произнесла бы его имя, пока у нее не появился бы повод сообщить об их браке с мисс Мортон, или пока не сбылись бы ожидания ее мужа относительно полковника Брэндона. По ее убеждению, они до сих пор были так сильно привязаны друг к другу, что эту привязанность нужно было и словом, и делом ослаблять при каждом удобном случае. Однако сведения, о которых она предпочитала умалчивать, вскоре просочились из другого источника: приехала Люси, ища у Элино́р сочувствия по поводу того, что она не может повидаться с Эдвардом, хоть он и приехал в Лондон с мистером и миссис Дэшвуд. Заехать к их кухне он не решался, опасаясь выдать себя, и несмотря на обоюдное желание поскорее встретиться, они вынуждены были лишь переписываться.

Эдвард сам известил их о своем приезде в город, два раза заехав на Беркли-стрит. Дважды, возвращаясь с утренних визитов, они обнаруживали на столе его визитную карточку. Элино́р была рада, что он заезжал к ним, и еще более рада, что он не застал ее дома.

Дэшвуды были в таком восторге от Мидлтонов, что хоть и не имели обыкновения кому-то что-либо давать, решили дать в их честь обед. Уже вскоре после первого знакомства они пригласили сэра Джона с супругой отобедать у них на Харли-стрит, где они на три месяца сняли превосходный дом. Также приглашены были Элино́р с Марианной и миссис Дженнингс, кроме того, Джон Дэшвуд позаботился заручиться согласием полковника Брэндона, который принял приглашение и чрезмерные любезности в свой адрес с некоторым удивлением, но и не без удовольствия, ведь он всегда был счастлив очутиться в одном обществе с обеими сестрами Дэшвуд.

Им предстояло встретиться с миссис Феррарс, но Элинор так и не смогла выяснить, придут ли сыновья последней. Впрочем, ожидание встречи с миссис Феррарс уже сделало этот обед для нее весьма интересным. И пусть теперь мысль об этой встрече не тревожила ее так, как раньше, пусть ей было уже не так важно, какое мнение составит о ней мать Эдварда, однако желание воочию увидеть ее и любопытство узнать, какова она, ничуть в ней не угасло.

Интерес, с которым она предвкушала грядущий обед, еще возрос, Впрочем, не добавив ей радости, ведь выяснилось, что среди гостей ожидаются также обе мисс Стил.

Они так хорошо зарекомендовали себя леди Мидлтон и так расположили ее к себе своим усердием, что она, как и сэр Джон, была рада пригласить их погостить недельку-другую на Кондуит-стрит, хотя Люси и не отличалась изысканными манерами, а ее сестру сложно было назвать даже благовоспитанной. Сами сестры Стил, как только услышали про приглашение Дэшвудов, охотно приняли его. Выяснилось, что им было удобно начать свой визит как раз накануне запланированного обеда.

Они вряд ли могли рассчитывать на то, что миссис Джон Дэшвуд пригласит их за свой стол лишь потому, что они были племянницами человека, несколько лет обучавшего ее брата, но как гости леди Мидлтон они не могли не быть приглашены. Люси, которая давно хотела лично познакомиться с семьей Эдварда, узнать характеры его близких, попытаться понравиться им и понять, какие трудности могут ее ожидать, была на вершине счастья, когда получила визитную карточку миссис Джон Дэшвуд.

На Элинор эта карточка произвела противоположное впечатление. Она тут же поняла, что Эдвард, живший у матери, будет непременно приглашен на обед, устроенный его сестрой. Впервые увидеть его после всего, что произошло, в обществе Люси! Она просто не представляла себе, как сможет вынести это испытание.

Ее опасения, возможно, не вполне опирались на доводы рассудка и, конечно же, были далеки от истины. Однако избавиться от них ей помогло не собственное благоразумие, а добрая воля Люси, которая, рассчитывая жестоко ранить ее, сообщила, что Эдвард во вторник на Харли-стрит не придет, и чтобы еще сильнее огорчить ее, добавила, что удерживают его чрезвычайно пылкие чувства к ней, которые он в ее присутствии не в силах сдерживать.

И вот наступил тот роковой вторник, когда обеим молодым леди предстояло познакомиться с грозной свекровью.

— Пожалейте меня, дорогая мисс Дэшвуд, — обратилась Люси к Элинор, когда они вместе поднимались по лестнице, поскольку Мидлтоны прибыли тотчас же после миссис Дженнингс и все вместе последовали за лакеем. — Никто здесь, кроме вас, не может разделить мои чувства. Я едва держусь на ногах! Боже милостивый! Через считанные минуты я увижу ту особу, от которой зависит все мое счастье, которая станет моей второй матерью!

Элинор могла бы незамедлительно успокоить ее, предположив, что им вот-вот предстоит познакомиться с будущей второй матерью мисс Мортон, а отнюдь не ее собственной, но вместо этого предпочла выразить ей, причем с большой искренностью, свое сочувствие, что очень удивило Люси, которая хоть и ощущала немалое волнение, рассчитывал по крайней мере вызвать в Элинор неудержимую зависть.

Миссис Феррарс оказалась худощавой миниатюрной дамой с осанкой прямой до чопорности и лицом серьезным до угрюмости. Цвет его был землисто-бледным, а черты — мелкими, лишенными красоты и выразительности. От полной невзрачности это



Миссис Феррарс оказалась художавой миниатюрной дамой с осанкой прямой до чопорности и лицом серьезным до угрюмости.

лицо спасал выпуклый лоб, придававший ему оттенок горделивости и недоброжелательности. Дама была немногословна, ибо в отличие от большинства людей соразмеряла количество слов и мыслей. Однако даже из тех нескольких фраз, которые она обронила, ни одна не была обращена к мисс Дэшвуд, в отличие от взглядов, полных горячей решимости невзлюбить ее в любом случае.

Подобное поведение уже не могло огорчить Элинор, хотя лишь несколько месяцев назад оно невыносимо ранило бы ее. Миссис Феррарс больше не имела власти над ее чувствами, и нарочито иное обращение с обеими мисс Стил, рассчитанное, очевидно, на то, чтобы она почувствовала, как сильно ей пренебрегают, лишь позабавило ее. Она не могла сдерживать улыбки, наблюдая, с какой любезностью и мать, и дочь, обращаются с той самой особой — а именно к Люси было приковано их повышенное внимание — которую, если бы им было известно столько же, сколько ей, они бы больше всего стремились унизить, в то время как самой Элинор, неспособной как-либо уязвить их гордость, они демонстративно пренебрегали. Однако хотя неуместная любезность и забавляла ее, она не могла не задуматься о породившей эту любезность подлости и злобе, и наблюдая, как обе мисс Стил усердно пытаются ее заслужить, испытала презрение ко всем четырем.

Люси ликовала от того, что ее удостоили такого внимания, а мисс Стил для полного счастья не хватало лишь шуточек по поводу доктора Дэвиса.

Обед был великолепный, слуг было множество: все говорило о склонности хозяйки дома к показной пышности и о возможностях хозяина оплачивать эту склонность. Несмотря на проводимые в Норленде реконструкции и стройки, а также на то, что нынешний владелец поместья однажды вынужден был бы продать с убытками свои ценные бумаги, если бы не имел несколько тысяч фунтов наличными, ничто не свидетельствовало о том безденежье, о котором он сокрушался, о бедности в чем-либо, кроме бедности разговоров, которую как раз-таки нельзя было не заметить. Джон Дэшвуд мог рассказать мало чего интересного, а его жена — и подавно. Впрочем, для них это было не зазорно, поскольку почти все их гости отличались тем же самым: для того, чтобы быть приятными собеседниками им не хватало либо ума, как природного, так и энциклопедического, либо изящных манер, либо остроумия, либо яркой индивидуальности.

Когда после обеда дамы удалились в гостиную, эта скудость мышления стала особенно очевидна, поскольку джентльмены вносили в беседу некоторое разнообразие, касаясь политики, огораживания земли, дрессировки лошадей, но когда дамы остались одни, их до тех пор, пока не подали кофе, занимала лишь одна тема, а именно сравнение роста Гарри Дэшвуда и Уильяма, второго сына леди Мидлтон, ведь они оказались почти ровесниками.

Если бы оба мальчика присутствовали там, то этот разговор быстро исчерпал бы себя, ведь их рост можно было бы сразу измерить, но так как присутствовал только Гарри, обеим сторонам оставалось лишь высказывать предположения, причем никому не возбранялось быть уверенным в своем мнении и повторять его так часто, как им заблагорассудится.

Расклад сил был следующим: обе матери, хоть каждая из них и была убеждена, что ее сын выше, вежливо уступали свое право на первенство другой, в то время как обе бабушки с не меньшей пристрастностью, но с большей искренностью одинаково горячо высказывались в пользу собственного внука.

Люси, стремившаяся угодить всем и сразу, утверждала, что оба мальчика для своего возраста чрезвычайно высоки и даже представить себе не могла, что один из них может быть хоть на дюйм выше другого, а мисс Стил с поспешной горячностью отдавала пальму первенства по очереди то одному то второму.

Элино́р, высказавшись однажды в пользу Уильяма, чем еще больше оскорбила миссис Феррарс и Фанни, не посчитала нужным отстаивать свое мнение, раз за разом повторяя его, а Марианна, когда спросили у нее, оскорбила их всех, заявив, что у нее на этот счет и мнения-то нет, поскольку она никогда об этом не задумывалась.

Перед отъездом из Норленда Элино́р искусно расписала для своей невестки два экрана. Только что доставленные для украшения гостиной, они привлекли внимание Джона Дэшвуда, провожавшего туда других джентльменов, и были услужливо вручены им полковнику Брэндону, чтобы тот мог ими полюбоваться.

— Их выполнила моя старшая сестра, — сказал он, — и вы, как человек с хорошим вкусом, смею предположить, оцените их по достоинству. Не знаю, доводилось ли вам когда-нибудь видеть ее творчество, но все считают, что она прекрасно рисует.

Полковник хоть и отметил, что не претендует на звание тонкого ценителя искусства, однако вызвал свое восхищение экранами, как похвалил бы любое творение мисс Дэшвуд. Его восторг возбудил всеобщее любопытство и экраны стали переходить из рук в руки. Миссис Феррарс, не расслышавшая, что это работа Элино́р, очень захотела взглянуть на них, и после того, как они получили высокую оценку леди Мидлтон, Фанни передала их матери, заботливо сообщив ей, что выполнила их мисс Дэшвуд.

— Хм, — сказала миссис Феррарс, — очень мило! — и даже не взглянув на них вернула их дочери.

Вероятно, Фанни на мгновение показалось, что ее мать была слишком груба, потому что, слегка покраснев, она тотчас же сказала:

— Они и вправду очень-очень милы! — но тут же испугавшись, что ее желание быть вежливой будет воспринято как похвала, добавила: — Не кажется ли вам, мэм, что по стилю они напоминают картины мисс Мортон? Вот кто рисует поистине восхитительно! Как прекрасен ее последний пейзаж!

— Он действительно прекрасен! Впрочем, ей все удастся прекрасно!

Марианна этого стерпеть не могла. Ей миссис Феррарс сразу не понравилась, а столь неуместная похвала в адрес другой художницы в ущерб Элино́р, хоть она и не имела понятия, что за этим кроется, заставила ее тотчас же с жаром воскликнуть:

— Очень странно слышать эти похвалы. Что нам мисс Мортон? Кто с ней знаком, какое нам до нее дело? Сейчас мы думаем и говорим об Элино́р! — С этими словами она взяла экраны из рук невестки и принялась восхищаться ими так, как они были того достойны.

Миссис Феррарс выглядела чрезвычайно рассерженной и, чопорно выпрямив свою и без того прямую спину, ответила на эту язвительную речь:

— Мисс Мортон — дочь лорда Мортона.

Фанни также рассердилась не на шутку, а ее муж был просто в ужасе от дерзости сестры. Горячность Марианны ранила Элино́р гораздо сильнее, чем вызвавшая ее причина, в то время как устремленные на Марианну глаза полковника Брэндона свидетельствовали, что он видит в ее поступке лишь проявления доброго и любящего сердца, которое не смогло снести причиненной сестре обиды, пусть повод был и ничтожным.

Марианна на этом не успокоилась. Ей казалось, что холодная надменность миссис Феррарс по отношению к Элинор терзает и огорчает ее сестру, что внушало ужас ее собственному раненому сердцу. В порыве нежности и сострадания она подошла к сестре, обвила ее шею рукой и прижавшись щекой к ее щеке сказала негромко, но отчетливо:

— Милая, милая Элинор, не обращай на них внимания. Они недостойны причинять тебе боль.

Больше она не могла вымолвить ни слова: в порыве чувств она спрятала лицо на плече Элинор и разрыдалась. Это привлекло всеобщее внимание, почти все были обеспокоены. Полковник Брэндон вскочил и подошел к ним, сам не понимая зачем. Миссис Дженнингс, воскликнув: «Ах, бедняжка» тут же подала ей нюхательную соль, а сэр Джон, вспыхнув отчаянной яростью к виновнику этого нервного расстройства, тотчас же подсел к Люси Стил и шепотом вкратце рассказал ей всю эту возмутительную историю.

Впрочем, через несколько минут Марианна достаточно оправилась, чтобы отказаться от забот о ней, и вернулась на свое прежнее место, однако весь оставшийся вечер она пребывала в подавленном настроении.

— Бедная Марианна, — сказал вполголоса ее брат полковнику Брэндону, — здоровье у нее не такое хорошее, как у сестры. Она очень нервная, ей не хватает крепкого телосложения Элинор. Нельзя не признать, что молодая леди очень страдает, чувствуя, как она теряет былую красоту. Возможно, вы не поверите в это, но Марианна еще несколько месяцев назад была необыкновенно красива, почти так же, как Элинор. Ну а теперь, как видите, она совсем увяла.

ГЛАВА XXXV

Любопытство Элиноর было удовлетворено: она увидела миссис Феррарс и нашла в ней все, что могло бы сделать дальнейшие контакты между их семьями нежелательными. Она получила достаточно доказательств ее спесивости, мелочности и упорного предубеждения по отношению к ней самой, чтобы представить себе все трудности, которые препятствовали бы их с Эдвардом помолвке и свадьбе, если бы он был свободен. Она увидела достаточно, чтобы даже порадоваться тому препятствию, которое уберегло ее от всякой необходимости впредь терпеть выходки миссис Феррарс и пытаться завоевать ее расположение к себе. Хотя она и не могла быть довольна тем, что Эдвард связан чувствами с Люси, она допускала, что если бы Люси была более его достойна, то ей следовало бы радоваться.

Она удивлялась тому, как рада была Люси любезному обращению со стороны миссис Феррарс, насколько самолюбие и корыстность ослепили ее, не дав понять, что знаки внимания оказывались ей лишь для того, чтобы уязвить Элинор. Однако так оно на самом деле и было, и это доказывали не только взгляды Люси во время того обеда, но и ее восторги на следующее утро, когда она попросила леди Мидлтон отвезти ее на Беркли-стрит, чтобы с глазу на глаз поведать Элинор о своем счастье. По счастливой случайности как только она вошла, миссис Дженнингс получила записку от миссис Палмер и уехала к ней.

— Милая моя подруга! — воскликнула Люси, как только они остались одни. — Я пришла поделиться с вами своим счастьем. Может ли что-либо быть более лестным, чем вчерашнее обращение со мной миссис Феррарс? Как же она была любезна! Вы знаете, я так боялась встречи с ней, но едва меня ей представили, она так радушно ко мне отнеслась; несомненно, я ей очень понравилась. Не так ли? Вы же сами все видели, разве вас это не поразило?

— Действительно, она была с вами очень вежлива.

— Вежлива? Неужели кроме вежливости вы больше ничего не заметили? Намного больше! Она была так добра только со мной. Ни гордыни, ни высокомерия. И ваша сестра также была очень ласкова и приветлива.

Элинор предпочла бы поговорить о чем-нибудь другом, но Люси хотела услышать подтверждение, что у нее есть причины для счастья, и Элинор была вынуждена ответить:

— Несомненно, если бы они знали о вашей помолвке, то такое отношение к вам могло бы считаться очень лестным, но в данном случае...

— Я догадывалась, что вы так скажете, — перебила ее Люси, — но зачем же миссис Феррарс делать вид, что я ей нравлюсь, если это не так? Вы меня не переубедите. Теперь я уверена, что все кончится хорошо и никаких препятствий не будет. Миссис

Феррарс — очаровательная женщина, как и ваша сестра. В самом деле, обе они просто восхитительны! Странно, что я никогда не слышала от вас, какая приятная дама миссис Дэшвуд.

На это Элинор было нечего ответить и она промолчала.

— Вам нездоровится, мисс Дэшвуд? Вы выглядите понурой... все время молчите... Разумеется, вы нездоровы.

— Я никогда не чувствовала себя лучше, чем сейчас.

— Я от всего сердца рада этому, но вид у вас нездоровый. Мне было бы так жаль, если бы вы заболели! Вы ведь так меня поддерживали! Одному Богу известно, что бы я сделала без вашей дружбы...

Элинор попыталась ответить как можно более вежливо, но сомневалась, что ей это удалось. Однако Люси, кажется, была удовлетворена ответом, потому как сказала:

— Я совершенно уверена в искренности вашего отношения ко мне и, если не считать любви Эдварда, это самое большое мое утешение. Бедняжка Эдвард! Однако есть одна хорошая новость: теперь мы сможем видеться с ним довольно часто, ведь леди Мидлтон в восторге от миссис Дэшвуд, так что мы будем навещать ее на Харли-стрит, а Эдвард половину времени проводит у сестры, кроме того миссис Феррарс также будет теперь обмениваться визитами с леди Мидлтон. Миссис Феррарс и твоя сестра были так добры ко мне, что несколько раз повторили, как рады будут видеть меня у себя. Они просто очаровательны! Если вы когда-нибудь захотите рассказать сестре, какого я о ней мнения, то вам трудно будет выразить, насколько оно высоко.

Однако Элинор не дала ей никакого повода надеяться, что ее слова будут переданы миссис Джон Дэшвуд.

Люси продолжала:

— Уверена, я сразу почувствовала бы, если бы миссис Феррарс меня невзлюбила. Если бы она, например, поприветствовала меня, лишь слегка поклонившись, и не сказала бы мне ни слова, не замечала бы меня на протяжении всего вечера, ни разу не взглянула бы на меня приветливо... вы понимаете, что я имею в виду... если бы со мной обошлись так жестоко, я в отчаянии потеряла бы всякую надежду. Я бы не выдержала этого. Ведь если уж она кого-то невзлюбит — то это всерьез.

Элинор была избавлена от необходимости отвечать на это вежливое злорадство, поскольку дверь внезапно распахнулась, и слуга объявил о прибытии мистера Феррарса: в дверях появился Эдвард.

Это был очень неловкий момент, что отразилось на лицах всех троих. Все они выглядели чрезвычайно глупо, и Эдвард, казалось, хотел тотчас же выйти из комнаты так же сильно, как прежде хотел войти в нее. Они попали в то самое положение, которого каждый из них всячески старался избежать. Кроме того, все они встретились без свидетелей. Первыми опомнились дамы. Люси была гостьей и имела возможность, сохраняя видимость тайны, лишь бросить на Эдварда нежный взгляд и, поприветствовав его, умолкнуть.

Элинор предстояло играть роль хозяйки, и она так старалась, ради него и себя самой, сделать это безупречно, что после минутного колебания поприветствовала его почти непринужденно, почти естественно, а после еще одного усилия окончательно пришла в себя. Ни присутствие Люси, ни былые обиды не помешали ей сказать, что она счастлива видеть его и очень сожалеет о том, что ее не было дома, когда он раньше заезжал на Беркли-стрит. Она не побоялась быть с ним ласковой (на что он, как

друг семьи и почти родственник, имел право), хоть и заметила, что внимательные глаза Люси все время пристально наблюдали за ней.

Ее обходительность несколько успокоила Эдварда, и у него даже хватило мужества сесть, но все же смущение его многократно превосходило смущение дам, что было оправдано ситуацией, хоть для его пола такая сила этого чувства и была редкостью. Однако сердце его не было столь равнодушным, как у Люси, а совесть не была так же чиста, как у Элиноর.

Люси сидела с невозмутимым видом и, казалось, никак не собиралась помогать остальным, а потому хранила молчание. Разговор поддерживался только благодаря усилиям Элиноর, которая сама сообщила о том, как чувствует себя их мать, как им нравится Лондон и все остальное, о чем он должен был спросить, но так и не спросил.

На этом ее усилия не закончились: вскоре она почувствовала себя способной на героизм и решила оставить их наедине, сославшись на то, что ей нужно позвать Марианну. Она не просто решила, но и осуществила задуманное, причем самым великодушным образом, несколько минут мужественно простояв на лестничной площадке прежде чем войти к сестре. Однако после этого Эдварду больше не осталось времени на восторги, поскольку Марианна, обрадованная полученным от Элиноর известием, тотчас поспешила в гостиную. Радость Марианны была столь же бурной, как и остальные ее чувства, и выражалась она также очень бурно. Она поприветствовала его, протянув ему руку, и с нежностью любящей сестры воскликнула:

— Милый Эдвард! Какая счастливая минута! Она почти искупает все остальное.

Эдвард попытался ответить на ее искренность взаимностью, но при таких свидетельствах не осмелился сказать и половины того, что на самом деле чувствовал. Все снова сели и на минуту-другую замолчали. Марианна с самой искренней нежностью смотрела то на Эдварда, то на Элиноর, сожалея лишь о том, что разделить друг с другом радость от этой встречи им мешает ненужное присутствие Люси. Первым заговорил Эдвард: он заметил, что у Марианны потухший взгляд и выразил свое беспокойство, не вредит ли ее здоровью пребывание в столице.

— О, не думайте обо мне, — ответила она пылко, хотя глаза ее наполнились слезами, — не беспокойтесь о моем здоровье. Элинор ведь здорова, как вы видите. Это должно быть достаточно для нас обеих.

Это замечание никак не облегчило положение Элинор и Эдварда, и не могло утешить Люси, которая бросила на Марианну отнюдь не благожелательный взгляд.

— Вам нравится Лондон? — спросил Эдвард первое, что пришло ему в голову, чтобы переменить тему.

— Нисколько. Я ожидала найти здесь для себя много приятного, но не нашла ничего. Ваш визит, Эдвард — это лучшее, что произошло со мной здесь. И, слава Богу, вы такой же, каким были всегда.

Она умолкла, но никто ничего не ответил.

— Думаю, Элинор, — добавила Марианна, — мы бы могли поручить себя попечению Эдварда на обратном пути в Бартон. Через неделю или две мы отправимся в путь и, надеюсь, Эдвард не откажется принять это поручение.

Бедный Эдвард пробормотал что-то, но что именно, никто не понял, даже кажется он сам. Однако Марианна, заметившая его волнение и найдя для него причину, наиболее ей приятную, была совершенно удовлетворена и вскоре заговорила о другом.

— Эдвард, какой ужасный день мы провели вчера на Харли-стрит! Такой скучный, такой невыносимо скучный! Мне бы хотелось вам об этом рассказать многое, чего в данный момент я поведать не могу.

С этим похвальным благоразумием она отложила до другого времени, когда они останутся наедине, рассказ о том, что их общих родственников она нашла еще более неприятными, чем они представлялись ей прежде, а особенно неприятное впечатление оставила его мать.

— Но почему же вас там не было, Эдвард? Почему же вы не пришли?

— Я обещал быть в другом месте.

— Обещали! Но что значат подобные обещания по сравнению с визитом к столь близким друзьям?

— Возможно, мисс Марианна, — воскликнула Люси, радуясь возможности взять у нее реванш, — вы полагаете, что молодые джентльмены никогда не держат своих обещаний, как в мелочах, так и по-крупному, если им того не хочется?

Элинор очень рассердилась, но Марианна, похоже, не заметила колкости в свой адрес, ведь она ответила с полным спокойствием:

— Совсе нет. Если говорить серьезно, я уверена, что только необходимость сдержать свое слово помешала Эдварду приехать на Харли-стрит. И я действительно считаю его человеком слова, каких еще поискать. И обещания свои он всегда исполняет, будь они хоть самыми пустячными, даже если они идут в ущерб его личным интересам или удовольствию. Он как никто другой старается не причинять другим боли, не обманывать ожиданий. Эгоизм свойственен ему меньше, чем кому бы то ни было. Да, Эдвард, это так, и я не боюсь это сказать. Что, неужели вы никогда не слышали, как вас хвалят? В таком случае вы не можете быть моим другом, ибо все, кто принимает мою любовь и уважение, должны принять то, что я открыто отдаю должное их достоинствам.

Однако в этот раз две трети ее слушателей предпочли бы, чтобы она хвалила какие-нибудь другие достоинства, а Эдварда эти похвалы так мало приободрили, что он вскоре засобирался уходить.

— Уже уходите? — удивилась Марианна. — Дорогой Эдвард, не покидайте нас так скоро!

И, отведя его в сторонку, она прошептала, что Люси очень скоро должна уйти. Однако даже это заверение не помогло ей удержать Эдварда, и он уехал, а Люси, которая пересидела бы его, даже если бы его визит продолжался два часа, также вскоре откланялась.

— Зачем она так часто приезжает сюда? — воскликнула Марианна, как только Люси покинула их. — Неужели она не видела, что лишняя здесь? Как обидно должно быть Эдварду!

— Почему же? Все мы его друзья, а с Люси он знаком намного дольше, чем с нами. Вполне естественно, что ему было так же приятно увидеть ее, как и нас.

Марианна пристально посмотрела на нее и сказала:

— Ты же знаешь, Элинор, что я не выношу подобных разговоров. Если ты, как я подозреваю, просто хочешь услышать опровержение твоих слов, то я не из тех, кто будет тебе подыгрывать. Я не снизойду до того, чтобы высказывать заверения, в которых никто на самом деле не нуждается.

Сказав это, она вышла из комнаты, и Элинор не осмелилась последовать за ней, чтобы продолжить беседу, ведь она обещала Люси хранить их тайну и это не позволя-



И, отведя его в сторонку, она прошептала...

ло ей привести убедительные для Марианны аргументы. Сколь бы ни были тяжкими последствия заблуждения ее сестры, она была вынуждена смириться с этим. Ей оставалось только надеяться, что Эдвард постарается как можно реже подвергать ее и себя опасности слышать теплые слова Марианны в их адрес и избавит их от повторения тех страданий, которые они испытали во время своей последней встречи. Верить в это у нее были все основания.

ГЛАВА XXXVI

Через несколько дней газеты объявили всему миру, что супруга Томаса Палмера, эсквайра, благополучно разродилась сыном и наследником. Очень интересное и приятное оповещение, во всяком случае для всех ее близких родственников, которые и так уже знали об этом.

Это событие, чрезвычайно важное для счастья миссис Дженнингс, внесло изменение в распорядок ее дня, что не могло не затронуть и ее юных приятельниц. Она хотела как можно больше времени проводить с Шарлоттой, и каждое утро, едва успев одеться, она отправлялась к ней, возвращаясь лишь поздно вечером. Элино́р с Марианной по настоятельному приглашению Миддлто́нов проводили весь день на Кондуит-стрит. Сами бы они, конечно, предпочли по крайней мере до конца полудня оставаться в доме миссис Дженнингс, но позволить себе идти наперекор всеобщим настояниям они не могли. Поэтому они вынуждены были проводить время в компании леди Миддлтон и сестер Стил, которые на самом деле были не столь заинтересованы в их обществе, как старались это показать.

Для леди Миддлтон они были слишком умны, а сестры Стил смотрели на них как на захватчиков собственной территории, которые отбирают у них часть их личных благ. Хотя леди Миддлтон и обходилась с Элино́р и Марианной предельно любезно, но на самом деле они ей вовсе не нравились. Они не льстили ни ей, ни ее детям, поэтому казались ей недоброжелательными, а поскольку они любили читать, она считала их сатиричными, хотя, вероятно, не совсем понимала при этом, что это слово значит. Однако какое это имело значение? Это словечко было в то время модным и употреблялось направо и налево.

Их присутствие тяготило и ее саму, и Люси. Оно мешало ей предаваться праздности, а последней — заниматься делом. Леди Миддлтон было стыдно бездельничать при них, а Люси опасалась заслужить их презрение в случае, если она станет пускаться в ход обычную для себя лесть, которую в других случаях она употребляла с особой гордостью. И только лишь мисс Стил не особо тяготилась их присутствием, так что они могли вполне примириться с ней. Если бы одна или другая рассказали ей все подробности истории, произошедшей между Марианной и мистером Уиллоуби, она посчитала бы это щедрой наградой за утрату лучшего послеобеденного места у камина, которого она лишилась из-за их визитов. Однако этот примирительный жест так и не был сделан, как бы часто она ни выражала Элино́р сочувствие ее сестре и как бы ни пеняла в присутствии Марианны на непостоянство кавалеров. Это не производило никакого эффекта: первая выслушивала ее равнодушно, а вторая бросала в ответ лишь презрительные взгляды. Был и более простой способ подружиться

с ней, а именно следовало шутить время от времени на тему ее и доктора. Однако они, как и все остальные, совсем не желали угодить ей, так что когда сэр Джон обещал вне дома, мисс Стил могла за целый день не услышать ни единой шуточки в свой адрес кроме тех, которыми она награждала себя сама.

Однако миссис Дженнингс была совершенно не в курсе всей этой зависти и раздражения. Она наивно полагала, что девушкам нравится проводить время вместе, и каждый вечер она поздравляла своих юных приятельниц с тем, что им не пришлось скучать в обществе старухи. Иногда она заезжала за ними к сэру Джону, а иногда встречала их уже дома, при этом она всегда пребывала в прекрасном расположении духа, очень довольная собой, ведь Шарлотта, конечно же, чувствовала себя хорошо только благодаря ее заботам. Она была готова рассказывать о здоровье Шарлотты в таких мельчайших подробностях, которые могли заинтересовать разве что мисс Стил. Лишь одно ее беспокоило, и она ежедневно на это жаловалась — мистер Палмер придерживался обычного для своего пола, но противоестественного для отца мнения о том, что все младенцы выглядят одинаково, и хоть сама она ясно видела поразительное сходство малыша со всеми его родственниками с обеих сторон, убедить его в этом ей не удавалось. Мистер Палмер был твердо уверен в том, что их дитя ничем не отличается от других младенцев того же возраста и отказывался признать даже такую простую истину, что это самый прекрасный ребенок в мире.

Теперь мне предстоит рассказать о несчастье, постигшем в то же время миссис Джон Дэшвуд. Случилось так, что когда ее сестры и миссис Дженнингс впервые гостили у них на Харли-стрит, к ней заглянула одна ее знакомая. Это обстоятельство само по себе, казалось, ничем ей не угрожало. Однако до тех пор, пока воображение других людей может неверно истолковывать наши поступки и формировать суждения, опираясь на незначительные мелочи, наше счастье в какой-то мере находится во власти случая. И вот эта леди, приехавшая к тому же позже остальных, позволила своему воображению настолько выйти за грани истины и реальности, что едва ей представили Элинор и Марианну как сестер мистера Дэшвуда, она тотчас же решила, что они остановились тут погостить. Через пару дней по вине этого заблуждения она прислала всем четверым приглашения на музыкальный вечер, который устраивала у себя. В связи с этим миссис Джон Дэшвуд была вынуждена не только с большими для себя неудобствами одолжить сестрам Дэшвуд свой экипаж, но и, что было еще хуже, терпеть все неприятные последствия столь внимательного к ним отношения. Как знать, может быть они захотят составить ей компанию и в следующий раз? Правда, у нее есть право отказать им. Однако этого ей было недостаточно, ведь когда люди ведут себя дурно по отношению к другим, их оскорбляет, если от них ожидают более достойного поведения.

Марианна постепенно так привыкла каждый день выходить в свет, что ей уже стало безразлично, поедет она куда-то или нет. Она спокойно, почти машинально приводила себя в порядок к каждому вечеру, хоть и не ожидала от него ни малейшего для себя удовольствия, а зачастую даже не знала, к кому им предстоит поехать.

К своему внешнему виду и нарядам она стала так равнодушна, что не уделяла им и половины того внимания, которое уделяла им мисс Стил, как только все сборы завершались. Та разглядывала ее добрых пять минут, и ничто не могло ускользнуть от пристального взгляда и жадного любопытства этой девицы: она все подмечала и обо всем расспрашивала, не унимаясь, пока не узнавала, сколько стоит каждая деталь мариан-

ниного туалета. Она лучше самой Марианны знала количество ее платьев, и всячески пыталась вывести, прежде чем они расстанутся, во сколько ей обходится еженедельный уход за гардеробом, и какую сумму в год она тратит на себя. Бестактность этого расследования обычно увенчивалась комплиментом, имевшим целью умиловить Марианну, однако он воспринимался ей как еще большая дерзость: после тщательно-го допроса по поводу ее платья, цвета туфель и фасона прически, ей почти всегда объявляли, что она «выглядит просто великолепно и, непременно, приобретет множество новых поклонников».

Таковыми словами поддержки ее проводили и на этот раз, когда подъехал экипаж ее брата. Не прошло и пяти минут, как она села в него, огорчив этой пунктуальностью свою невестку, которая приехала первой и надеялась, что они не будут так поспешны, причиняя определенное неудобство ее кучеру и ей самой.

Тот вечер не был богат на примечательные события. Среди гостей, как обычно на музыкальных вечерах, было много людей с тонким музыкальным вкусом и еще больше тех, кто не имел этого вкуса вовсе. Исполнители же, как обычно, по мнению хозяев и их близких друзей, показали себя как лучшие в своем роде музыканты Англии.

Элинор не была ценительницей музыки и не притворялась таковой, а потому не стеснялась отводить взгляд от рояля, когда ей того хотелось, и не смущаясь присутствия арфы и виолончели, смотрела по сторонам. Таким образом, она заметила в группе молодых людей того самого человека, который прочел им целую лекцию о футлярчиках для зубочисток в магазине Грея. Вскоре она заметила, что тот поглядывает на нее и фамильярно разговаривает с ее братом. Она уже решила узнать имя последнего, но в этот момент они оба сами подошли к ней, и мистер Дэшвуд представил его как мистера Роберта Феррарса.

Он обратился к ней с развязной учтивостью и склонил голову в поклоне, который лучше всяких слов подтвердил, что он именно тот пижон и повеса, каким его и описывала Люси. Она была бы счастлива, если бы ее чувства к Эдварду питались не его собственными добродетелями, а достоинствами его ближайших родственников. Ибо тогда поклон его брата стал бы завершающим штрихом того впечатления, которое она составила о его вздорной матери и злобной сестре. Однако, удивляясь различию между двумя братьями, она убедилась, что выхолощенность и самодовольство одного никак не нивелировали в ее глазах скромность и благородство другого. Почему они так разительно отличались друг от друга Роберт объяснил ей за четверть часа их беседы: говоря о своем брате и сетуя на его чрезвычайную неловкость, которая мешала ему вращаться в приличном обществе, он откровенно и великодушно объяснил ее не каким-то природным недостатком, а частным образованием. Сам же он, хоть и не превосходил брата в своих способностях, просто благодаря привилегии учиться в хорошей государственной школе был вхож в самые высокие круги общества наравне с кем угодно.

— Клянусь душой, — добавил он, — я убежден, что дело только в этом, о чем я твержу матери, когда она сокрушается по этому поводу. «Дорогая мама, — всегда говорю я ей, — не терзайте себя понапрасну. Ничего уже не изменишь, и это всецело на вашей совести. Почему вы допустили, чтобы мой дядя, сэр Роберт, против вашей воли отдал Эдварда частному учителю в самый важный момент его жизни? Если бы вы послали его учиться не к мистеру Прэтту, а в Вестминстерскую школу, как и меня, то никаких проблем у него бы не было». Я всегда ей это твержу, и она тоже осознает, что совершила ошибку.



...мистер Дэшвуд представил его как мистера Роберта Феррарса.

Элинора не возражала против этого мнения Роберта, поскольку как бы она ни оценивала преимущества государственного образования, одобрить пребывание Эдварда в семье мистера Прэтта она не могла.

— Вы ведь живете в Девоншире? — спросил он затем. — В коттедже неподалеку от Долиша?

Элинора опровергла его предположение о том, где расположен их дом, и он был весьма удивлен, что можно жить в Девоншире и не рядом с Долишем. Однако он выразил свое самое искреннее одобрение по поводу выбранного ими жилища.

— Что до меня, — сказал он, — то я очень люблю коттеджи. В них столько изящества, столько уюта. Были бы у меня лишние деньги, я бы купил небольшой участок земли и построил бы коттедж неподалеку от Лондона, чтобы в любое время туда легко было добраться; я приглашал бы туда несколько близких друзей и жил бы счастливо. Я всем, кто затевает строительство, советую строить именно коттедж. Мой друг лорд Кортленд пришел ко мне на днях за советом. Он показал мне три различных плана, выполненных для него Бономи, и хотел, чтобы я выбрал лучший из них. «Мой дорогой Кортленд, — сказал я, бросая все три проекта в огонь, — не одобряйте ни один из них, а лучше постройте себе коттедж». И это, как мне кажется, будет правильным решением. Некоторые люди воображают, что в коттедже жить неудобно, что там мало пространства, однако они заблуждаются. Я гостил прошлым месяцем у моего друга Эллиота, неподалеку от Дартфорда. Леди Эллиот хотела устроить бал. «Разве это возможно? — спросила она. — Дорогой мой Феррарс, как же все устроить? В этом коттедже нет ни одной комнаты, где поместились бы десять пар. А где сервировать ужин?» Я сразу понял, что в этом нет ничего сложного, и ответил: «Не беспокойтесь, дорогая леди Эллиот. Столовая будет просторна и для восемнадцати пар, карточные столы можно поставить в малой гостиной, в библиотеке можно будет подать чай и легкие закуски, а ужин сервировать в большой гостиной». Леди Эллиот пришла в восторг от этого плана. Мы измерили столовую и обнаружили, что в нее поместится ровно восемнадцать пар, и все было устроено точно по моему плану. Так что, видите ли, если только знать, как все правильно организовать, то в коттедже можно чувствовать себя ничуть не менее комфортно, чем в самом просторном особняке.

Элинора согласилась со всем вышесказанным, так как сочала, что мистер Роберт Феррарс не заслуживает того, чтобы с ним разговаривали серьезно.

Поскольку мистер Дэшвуд получал от музыки не больше удовольствия, чем его старшая сестра, он также имел свободу думать о другом, и поэтому ему пришла в голову мысль, которую он по возвращении домой сообщил своей жене, чтобы получить ее одобрение. Размышляя над ошибочным предположением миссис Деннисон, которая решила, что его сестры гостят у него, он подумал, что их действительно уместно было бы пригласить к себе, пока миссис Дженнингс так много времени проводит у дочери. Расходы были бы несущественными, а неудобства — незначительными, в то время как подобный знак внимания, о чем шептал ему голос совести, мог бы приблизить его к выполнению данного отцу обещания. Фанни была поражена этим предложением.

— Я не вижу, как это сделать, — сказала она, — не оскорбив леди Мидлтон, ведь они проводят с ней каждый день. Иначе, конечно, я была бы очень рада. Ты знаешь, что я всегда готова оказывать им знаки внимания, какие только в моих силах, вот и сегодня я вывозила их в свет, но ведь это гости леди Мидлтон. Как я могу просить их покинуть ее?

Муж выслушал ее со смирением, но все же не счел ее довод весомым.

— Они уже неделю гостят на Кондуит-стрит, — возразил он, — и леди Мидлтон не будет против, если они уделят столько же времени не менее близким своим родственникам.

Фанни ненадолго замолчала, а потом с новой энергией возразила:

— Любовь моя, я бы с искренним удовольствием пригласила их, если бы это было в моей власти, но я уже решила попросить сестер Стил провести с нами несколько дней. Они очень благовоспитанные, достойные девушки, и, я думаю, мы должны оказать им внимание, ведь их дядя учил Эдварда. Ваших сестер мы можем пригласить и в другой раз, а обе мисс Стил, возможно, в Лондон больше уже и не придут. Уверена, они вам понравятся! Да они уже нравятся вам, и мама их полюбила, и Гарри так к ним привязался!

Эти аргументы убедили мистера Дэшвуда. Он осознал всю необходимость немедленно пригласить сестер Стил, а совесть свою успокоил тем, что позовет своих сестер погостить у них на следующий год, впрочем, не без задней мысли — он подумал при этом о том, что через год это предложение, возможно, будет уже не актуально: Элинор придет в Лондон как жена полковника Брэндона, а Марианна, как их гостья.

На следующее утро Фанни, радуясь своему избавлению и гордясь находчивостью, которую пришлось для этого применить, написала Люси и пригласила их с сестрой провести несколько дней на Харли-стрит, как только леди Мидлтон их отпустит. Этого было достаточно, чтобы сделать Люси неподдельно счастливой. Ей казалось, что в лице миссис Дэшвуд она нашла союзницу, разделяющую все ее надежды и способствующую достижению ее собственных целей. Возможность находиться в обществе Эдварда и его семьи была очень важной для осуществления ее планов, а сам факт подобного приглашения очень ей льстил. Его просто необходимо было с благодарностью принять, и сделать это надо было немедленно, поэтому тут же обнаружилось, что они уже через два дня собирались покинуть леди Мидлтон, хоть ранее никто об этом ничего не говорил.

Когда Элинор вручили письмо, а произошло это минут через десять после того, как его принесли, она впервые подумала, что у Люси, пожалуй, есть повод для надежд: такая необычайная любезность, проявленная при столь кратком знакомстве, казалось, говорила о том, что она проистекает не просто из желания уязвить ее, а значит, со временем Люси может добиться своей цели. Ее лезть уже умилила самолюбивую леди Мидлтон и достучалась до самого сердца миссис Джон Дэшвуд. Эти победы открывали для нее новые возможности.

Мисс Стил переехали на Харли-стрит, и доходившие до Элинор вести об их фаворе лишь усиливали ее опасения. Сэр Джон, часто бывавший у них, возвращаясь домой описывал, с какой благосклонностью к ним там относятся. Миссис Джон Дэшвуд никогда еще не встречала девушек, которые бы ей так нравились. Каждой из них она подарила по игольнице работы какого-то мастера-эмигранта, Люси она называла по имени и не могла себе даже представить, что когда-нибудь расстанется с ними.

ГЛАВА XXXVII

Через две недели миссис Палмер настолько поправилась, что мать уже не считала необходимым посвящать ей все свое время. Она стала навещать ее один или два раза в день, а в перерывах между визитами приезжала домой, возвращаясь к своему привычному образу жизни, в котором мисс Дэшвуд с радостью приняли прежнее свое участие.

На третье или четвертое утро после того, как они снова обосновались на Беркли-стрит, миссис Дженнингс, вернувшись от миссис Палмер, вошла в гостиную так торопливо и с таким серьезным видом, что сидевшая там Элинор приготовилась услышать нечто экстраординарное, а хозяйка дома немедленно воскликнула:

— Господи! Мисс Дэшвуд, милая, вы слышали новости?

— Нет, мэм. А что случилось?

— Это просто невообразимо! Я вам расскажу обо всем по порядку. Приезжаю я к Палмерам и застаю Шарлотту вне себя от волнения из-за младенца. Ей показалось, что он опасно заболел: плакал, ворочался и весь покрылся прыщиками. Я как на него взглянула, так сразу и говорю: «Боже мой, дорогая, да это же всего лишь потница». И няня сказала то же самое. Однако Шарлотту мы не убедили, и она послала за мистером Донованом. К счастью, он только что вернулся с Харли-стрит и тотчас был у нас. Едва перешагнув через порог и увидев младенца, он сказал то же, что и мы: это потница и ничего больше. Шарлотта успокоилась. А мне, когда он уходил, не знаю, с чего бы, но взбрело в голову спросить его, нет ли каких-нибудь новостей. На это он ухмыльнулся, хихикнул, напустил на себя серьезность, будто он знает какой-то секрет, и шепотом сказал: «из опасения, что до молодых леди, находящихся у вас в гостях, дойдут какие-нибудь неверные слухи о недомогании их сестры, мне следует сказать, что я не нашел причин для особого беспокойства по этому поводу, и скоро, надеюсь, миссис Дэшвуд будет здорова, как прежде».

— Как? Фанни заболела?

— Именно так, как я сказала, дорогая. «Господи! — говорю, — миссис Дэшвуд больна?» Тут то все и выяснилось. А узнала я вот что: оказывается мистер Эдвард Феррарс, тот самый молодой человек, по поводу которого я над вами подшучивала (на самом деле я ужасно рада, что ничего между вами не было), так вот, Эдвард Феррарс уже больше года как помолвлен с моей кузиной Люси! Вот так вот, моя дорогая! И никто об этом ничего не знает, кроме Нэнси. Вы можете себе такое вообразить? То, что они друг в друга влюбились, меня не удивляет, но то, что они дали друг другу слово, а никто и не в курсе — вот это странно. Я никогда вместе их не видела, иначе, разумеется, я бы сразу обо всем догадалась. Однако они держали все это в большом



*...напустил на себя серьезность, будто он знает какой-то секрет,
и шепотом сказал...*

секрете из страха перед миссис Феррарс. И ни она, ни ваши брат с сестрой ничего даже не подозревали до сегодняшнего утра! А тут бедная Нэнси — вы ведь знаете, намерения у нее всегда самые добрые, но сообразительности ей не хватает — взяла все и выложила. «Господи, — подумала она про себя, — они ведь все так полюбили Люси, что, конечно, не станут возражать». И вот она отправилась к вашей сестре, которая сидела за рукоделием и знать не знала, что ей предстоит услышать, ведь всего пять минут назад она говорила вашему брату, что хочет сосватать Эдварду дочь какого-то лорда, не помню, кого именно. И тут, представляете себе, такой удар по гордости и самолюбию! С ней тут же случилась сильнейшая истерика. Кричала она так, что даже ваш брат это услышал, сидя внизу у себя в кабинете за письмом к своему управляющему в деревню. И вот он бросился наверх, где разыгрывалась ужасная сцена. Не ведая, что происходит, в комнату вошла Люси. Бедняжка, как мне ее жаль. Должна сказать, что по моему разумению, обошлись с ней дурно: сестра ваша ругалась на нее, как одержимая, и довела ее до обморока. Нэнси упала на колени и принялась рыдать, а ваш брат ходил взад и вперед по комнате и бормотал, что не знает, как тут быть. Миссис Дэшвуд кричала, чтобы они сию же минуту убирались из дома, и ваш брат тоже вынужден был пасть на колени, чтобы упросить ее позволить им остаться, пока они не соберут свои вещи. Она снова впала в истерику, и он так перепугался, что послал за мистером Донованом, который застал в доме страшный кавардак. У дверей уже стояла карета, которая должна была увести моих бедных кузин, и когда он уходил, они как раз сидели в нее. Бедняжке Люси, сказал он, было так плохо, что она едва стояла на ногах, да и Нэнси было не легче. Честно говоря, я очень сердита на вашу сестру и от всего сердца надеюсь, что они сыграют свадьбу ей назло! Боже мой, а каково же будет бедному мистеру Эдварду, когда он об этом узнает! Чтобы с его невестой так дурно обошлись! Говорят, он любит ее без памяти, почему бы и нет? Не удивляюсь, если он придет в ярость! И мистер Донован тоже возмущен. Мы с ним очень подробно все обсудили, и хорошо, что он сразу отправился обратно на Харли-стрит, чтобы быть под боком, когда миссис Феррарс услышит новость. За ней послали, как только мои кузины уехали, ведь ваша сестра была уверена, что у нее тоже случится истерика. А мне ни капельки не жаль ни ее, ни вашу сестрицу. Терпеть не могу, когда люди так помешаны на деньгах и положении в обществе. Не вижу ни одной причины, почему бы Эдварду и Люси не пожениться. Миссис Феррарс может позволить себе очень хорошо обеспечить своего сына, и хоть у Люси за душой почти нет ни гроша, зато она лучше любого знает, как извлечь максимум пользы из того, что есть. Даже если бы миссис Феррарс отписала ему лишь пятьсот фунтов в год, она устроила бы все лучше, чем иные на восемьсот. Господи! Как уютно было бы им жить в коттеджике наподобие вашего, или чуть побольше, с двумя горничными и двумя лакеями. С прислугой я бы могла им помочь, у меня на примете есть старшая горничная, сестра моей Бетти. Она сейчас без работы, и им бы она отлично подошла.

На этом миссис Дженнингс умолкла, и у Элиноর было достаточно времени, чтобы прийти в себя и дать подобающий ответ, сказав то, что было уместно в сложившихся обстоятельствах. С радостью для себя она обнаружила, что ее не подозревают в особом интересе к случившемуся, и миссис Дженнингс (как в последнее время она и надеялась) перестала думать, что она питает чувства к Эдварду. Элинор была довольна тем, что с ними нет Марианны, а значит она может говорить не стесняясь и выносить беспристрастные суждения о поведении всех участников этой истории.

Она не бралась решать, чем произошедшие события могут обернуться для нее самой, но искренне старалась отогнать от себя мысль о том, что все может закончиться иначе, чем браком Эдварда и Люси. Ей не терпелось узнать, что скажет и сделает миссис Феррарс, хоть об этом и несложно было догадаться. Однако еще больше она желала знать, как поведет себя Эдвард. Ему она очень сочувствовала, Люси же жалела совсем мало, и это стоило ей значительных усилий, а остальных она не жалела вовсе.

Поскольку миссис Дженнингс не могла говорить ни о чем другом, Элиноর вскоре поняла, что нужно подготовить Марианну, незамедлительно выведя ее из заблуждения, ей следовало поведать об истинном положении вещей и попросить ее быть сдержанной, когда она будет слушать эти разговоры, не выдавать, как ей тревожно за сестру и как она обижена на Эдварда.

Задача у Элинор была не из легких. Она собиралась отнять у сестры то, что служило ей главным утешением, рассказать об Эдварде такие подробности, которые, как она опасалась, навсегда уронят его в ее глазах. Ее положение имело такое сильное сходство с положением Марианны, что та непременно его заметит и вынуждена будет заново переживать все свое горе. Однако какой бы тяжелой ни была эта обязанность, ее нужно было исполнить, и Элинор не стала с этим медлить.

Она не собиралась останавливаться на собственных чувствах и акцентировать внимание на своих страданиях: лишь самообладание, которое она сохраняла с того момента, как впервые узнала о помолвке Эдварда, могло что-то поведать о них Марианне. Рассказ ее был ясен и прост. И хоть она не смогла оставаться совсем бесстрастной, ее речь была лишена бурных переживаний и излишних сетований. Сказать то же о ее слушательнице было нельзя: Марианна смотрела на сестру с ужасом и громко рыдала. Элинор досталась обязанность утешать других не только в их горе, но и в собственном. Она уверяла, что переносит его спокойно, и со всей серьезностью пыталась доказать, что Эдвард ни в чем, кроме опрометчивости, не виноват.

Однако Марианна поначалу не хотела признавать ни того, ни другого. Эдвард казался ей вторым Уиллоуби, и узнав, что Элинор испытывала к нему столь же искренние чувства, она подумала, что страдания ее были так же сильны. Что же касается Люси Стил, то та казалась ей настолько несимпатичной и неспособной покорить хоть сколь-нибудь чувствительного молодого человека, что она никак не могла поверить в привязанность Эдварда к подобной девице, а потом не могла найти этому оправдание. Она отказывалась даже признать, что это вполне естественно. И Элинор перестала убеждать ее, осознавая, что сестра сможет понять, насколько это естественно, лишь когда лучше узнает человеческую натуру.

Элинор успела рассказать лишь, что Эдвард и Люси помолвлены, и указать, как давно это произошло. Затем Марианна дала волю своим чувствам, чем нарушила последовательность ее повествования: Элинор вынуждена была успокаивать ее и опровергать сыпавшиеся в адрес Эдварда обвинения. Наконец, Марианна возбудила продолжение разговора, спросив:

— Ты давно узнала об этом, Элинор? Он написал тебе?

— Четыре месяца назад. Когда Люси приехала в Бартон-парк в ноябре, она по секрету сообщила мне о своей помолвке.

Взгляд Марианны выразил изумление, для которого она не сразу смогла подобрать слова.

— Четыре месяца! Ты знала об этом уже четыре месяца?

Элинор кивнула.

— Как? Когда ты утешала меня в моих страданиях, ты сама носила такую тяжесть в сердце? И я еще упрекала тебя в том, что ты счастлива!

— Тогда я не могла дать тебе знать, насколько ты ошибалась.

— Четыре месяца! — вновь вскричала Марианна. — И ты была такой спокойной! Такой жизнерадостной! Как ты держалась?

— Это было моим долгом. Я обещала Люси хранить ее тайну, и это обязывало меня избегать даже малейших намеков на истинное положение вещей. К тому же я не хотела давать друзьям и близким повод беспокоиться обо мне, ведь рассеять эту тревогу было бы не в моей власти.

Марианна была поражена до глубины души.

— Мне часто хотелось разуверить тебя и маму, — добавила Элинор, — и пару раз я пыталась это сделать, но убедить вас, не нарушив своего обещания, я не могла.

— Четыре месяца!.. Ты ведь любила его!..

— Да, но любила я не только его. Мне был дорог душевный покой других, и я была рада скрыть от всех свои страдания. Теперь мысли и разговоры об этом уже не причиняют мне былых мучений. Я не хочу, чтобы ты страдала из-за меня, потому что, поверь, сама я уже почти не страдаю. Есть многое, что меня утешает. Я осознаю, что горе постигло меня не из-за моего собственного безрассудства. Я перенесла его стоически и не отравляла им окружающих. Вины Эдварда в нем нет. Я от души желаю ему счастья, ведь я уверена в том, что он всегда будет исполнять свой долг. Может быть, сейчас его терзает сожаление, но пройдет время, и он будет счастлив. Люси очень разумна, а это прекрасная основа для счастливой семейной жизни. В конце концов, Марианна, как бы ни завораживала нас мысль о единственной и неизменной любви, о том, что счастье наше целиком зависит от одного конкретного человека... так не годится, так не может быть! Эдвард женится на Люси, на женщине, красотой и умом превосходящей очень многих, а время и привычка заставят его забыть, что когда-то он выше ценил другую.

— Если ты мыслишь именно так, — сказала Марианна, — если считаешь, что потеря самого драгоценного так легко восполнима чем-то другим, то твоя решимость, твое самообладание уже не так меня удивляют. Теперь они укладываются в рамки моего понимания.

— Ясно. Ты думаешь, что я вообще не способна сильно страдать. Однако, Марианна, четыре месяца я вынуждена была держать все это в голове, не имея права поделиться даже с самыми близкими. Я знала, как сильно вы с мамой опечалитесь, но никак не могла подготовить вас к этой горькой правде. Мне рассказала это, против моей воли, та самая особа, чья помолвка разрушила все мои надежды, и, как мне показалось, в голосе ее читалось злорадное торжество. В ответ на ее подозрения я должна была принимать безразличный вид, хотя речь шла о том, что волновало меня в жизни больше всего. И так повторялось не раз. Я снова и снова вынуждена была выслушивать, как она говорит о своих надеждах и торжествует. Я узнала, что навсегда разлучена с Эдвардом, не услышав ни одной подробности, которая могла бы заставить меня хоть чуточку этому порадоваться. Ничто не умаляло его достоинств и не свидетельствовало о его равнодушии ко мне. Мне пришлось терпеть недоброжелательность его сестры и оскорбительное отношение его матери, быть наказанной за то чувство, которое не принесло мне никакой радости. И все это происходило в то время, когда, как ты

прекрасно знаешь, у меня были и другие горести. Если ты все же допускаешь, что и я способна чувствовать, то тебе несложно будет представить, какие страдания мне пришлось вынести. Спокойствие, с которым я сейчас рассуждаю, и утешения, которые я пытаюсь найти в своем положении, явились результатом постоянных и болезненных усилий, они возникли не сами по себе и поначалу не приносили мне никакого облегчения. Нет, Марианна, если бы тогда я не дала себе слово молчать, то вряд ли что-то — даже любовь к самым близким людям — смогло бы удержать меня от того, чтобы открыто показать, как я несчастна.

Марианна совсем присмирела.

— Ах, Элинор, — воскликнула она, — ты навсегда пробудила во мне ненависть к самой себе. Как же безжалостна я была с тобой! С тобой, с моим единственным утешением, с опорой во всех моих страданиях, которая, казалось, страдала только из-за меня. И это моя благодарность? Это все, чем я могу тебе отплатить? Твое благородство было мне укором, потому я и осуждала твое поведение.

За этим признанием последовали нежнейшие объятия. Элинор без труда добилась от Марианны обещания, что в разговорах та будет тщательно скрывать свою горечь от случившегося, и при встречах с Люси не выкажет ни малейшей к ней неприязни, а если ей выдастся случай увидеться с Эдвардом, она будет обходиться с ним с былой сердечностью. Это были большие уступки, но там, где Марианна чувствовала себя неправой, она была готова на любые жертвы.

Свое обещание быть сдержанной она исполнила безупречно. Выслушав все, что сказала о случившемся миссис Дженнингс, она ни разу не изменилась в лице, не пререкалась с ней и даже трижды сказала «да, мэм». Когда та стала хвалить Люси, она только пересела с одного стула на другой, а когда речь зашла о пылкой любви Эдварда, она мужественно подавила спазм в горле. Такой героизм в поведении сестры вселял в Элинор уверенность, что и сама она так же стойко вынесет все испытания.

Следующее утро принесло с собой еще одно мучение — визит брата, который с мрачным видом явился, чтобы обсудить с ними ужасное происшествие и сообщить новости о здоровье жены.

— Я полагаю, вы слышали, — сказал он с большой серьезностью, как только опустился на стул, — о шокирующем открытии, которое произошло вчера под крышей нашего дома.

Они ответили ему лишь утвердительным взглядом: сказать что-либо в этот момент было тяжело.

— Ваша сестра, — продолжал он, — ужасно страдала. Как и миссис Феррарс... Короче говоря, это была сцена такого неудержимого отчаяния... Но я надеюсь, что буря пройдет, не сокрушив ни одного из нас. Бедная Фанни! Она вчера весь день билась в истерике. Но я не стану вас понапрасну тревожить: доктор Донован сказал, что никакой опасности нет. Конституция у нее здоровая, а решимость — непоколебимая. Она перенесла этот удар с ангельской кротостью! Она говорит, что никогда больше не будет ни о ком хорошего мнения. И это неудивительно, ведь ее так коварно обманули. Отплатить такой неблагодарностью за доброту и доверие! Она ведь пригласила этих девушек в свой дом не только по доброте душевной, а потому, что хотела поощрить их скромность и хорошее воспитание, надеялась найти в их лице интересных собеседниц. Иначе мы пригласили бы вас с Марианной. Мы очень хотели, чтобы вы пожили у нас, пока леди, у которой вы гостите, ухаживает за дочерью. И вот как нас вознагради-



— Я полагаю, вы слышали, — сказал он с большой серьезностью, как только опустился на стул...

ли! «Ах, как бы мне хотелось, — говорит бедняжка Фанни со всем своим добродушием, — чтобы вместо них мы пригласили твоих сестер».

Он сделал паузу, чтобы услышать слова благодарности в свой адрес, после чего продолжил.

— Трудно даже представить, что испытала бедная миссис Феррарс, когда Фанни ей обо всем рассказала. Она с самой искренней материнской любовью находит для него прекрасную партию, а он все это время, оказывается, был помолвлен с совсем другой особой! Ей и в голову не приходило подозревать его в таком вероломстве! А если и пришло бы, то явно не в отношении этой девушки. «Уж тут-то, — сказала она, — мне казалось, что опасения излишни». Отчаяние ее было безгранично. Однако мы вместе обсудили, как быть, и, в конце концов, она решила послать за Эдвардом. Он явился, однако мне грустно рассказывать о том, что произошло далее. Все уговоры миссис Феррарс расторгнуть помолвку, все мои доводы и мольбы Фанни не возымели на него никакого действия. Сыновний долг, братская привязанность — всем этим он пренебрег. Раньше я и подумать не мог, что Эдвард так упрям, так бесчувственен! Мать открыла ему свои великодушные намерения: если он женится на мисс Мортон, то она напишет ему поместье в Норфолке, которое даже после уплаты земельного налога приносит добрую тысячу фунтов прибыли в год. Когда и это не подействовало, она предложила добавить ему еще двести фунтов годовых, а затем указала, на какую нищету он обречет себя, если откажется от этого альянса. Ему останутся лишь его собственные две тысячи фунтов, и пусть он не попадается больше ей на глаза! Она ни за что не окажет ему никакой поддержки, более того, если он найдет себе какое-нибудь прибыльное занятие, она сделает все возможное, чтобы помешать ему извлечь из этого финансовую выгоду.

Тут Марианна вне себя от негодования всплеснула руками и воскликнула:

— Боже милостивый! Неужели это возможно?!

— Да, Марианна, — ответил ее брат, — ты вправе удивляться тому упрямству, которое противостоит подобным доводам. И восклицание твое вполне естественно.

Марианна хотела возразить, но вспомнила о своем обещании и сдержалась.

— Однако все это, — продолжал он, — было напрасно. Эдвард говорил мало, но очень решительно. Ничто не заставит его отказаться от помолвки. Он сдержит свое слово, чего бы ему это ни стоило.

— Значит, — воскликнула миссис Дженнингс с грубоватой прямоотой, не в силах больше молчать, — он поступил как честный человек! Простите меня, мистер Дэшвуд, но если бы он поступил иначе, то я бы считала, что он негодяй! Мне, как и вам, небезразлична эта история, ведь Люси Стил моя родственница, и я считаю, что нет на свете девушки лучше, и она достойна хорошего мужа!

Джон Дэшвуд очень удивился, но по натуре он был флегматичен, не чувствителен к колкостям и незлобив, особенно в отношении людей состоятельных, а потому он ответил без малейшей обиды:

— Я ни в коем случае не позволю себе отзываться неуважительно о ваших родственниках, мэм. И мисс Стил, полагаю, особа весьма достойная, но брак этот, как вы понимаете, невозможен. Согласиться на тайную помолвку с молодым человеком, находящимся под опекой ее дяди, да вдобавок еще сыном женщины весьма состоятельной — это, пожалуй, немного чересчур! Впрочем, я не собираюсь осуждать поведение особы, к которой вы, миссис Дженнингс, питаете уважение. Мы все желаем ей счастья,



Когда я расстался с ней сегодня утром, она обсуждала это со своим поверенным.

а миссис Феррарс повела себя так, как в подобных обстоятельствах повела бы себя любящая нежная и любящая мать, а именно благородно и щедро. Эдвард сам выбрал свой жребий, но, боюсь, он будет тяжким.

Марианна вздохнула, мысленно соглашаясь с этим вердиктом, а сердце Элинор сжалось от мысли, что же чувствовал Эдвард, который противостоял угрозам матери ради той, кто ни чем не мог его за это вознаградить.

— Итак, сэр, чем же все закончилось? — спросила миссис Дженнингс.

— К сожалению, мэм, я должен сказать, что мать отреклась от Эдварда. Вчера он покинул ее дом, но куда направился, в Лондоне ли он сейчас, я не знаю, и выяснить это не в моих силах.

— Бедный молодой человек! Что же с ним будет?..

— Поистине, мэм, это очень печальный вопрос. Рожденный для богатой жизни! Сложно представить себе более трагичный исход. Как можно прожить на проценты с двух тысяч фунтов? Особенно если знаешь, что только собственная глупость помешала тебе иметь доход в две с половиной тысячи фунтов в год (мисс Мортон ведь имеет тридцать тысяч фунтов). Не могу представить себе более плачевного положения. Мы все должны сочувствовать ему, тем более что помочь ему не в наших силах.

— Бедняжка! — воскликнула миссис Дженнингс, — я рада буду предоставить ему стол и кров, и скажу ему об этом, как только его встречу. Нельзя же допустить, чтобы он жил за свой счет на съемных квартирах или в дешевых гостиницах.

Элинор была сердечно благодарна ей за такое доброе отношение к Эдварду, хоть она и не могла не улыбнуться тому, как именно это отношение было выражено.

— Если бы он сам мог о себе позаботиться так же, как его близкие, — сказал мистер Джон Дэшвуд, — то уже сейчас оказался бы в подобающем ему положении и ни в чем не нуждался. Однако теперь никто не в силах ему помочь. И его ждет еще один удар, самый суровый: мать в весьма естественном порыве чувств решила немедленно передать Роберту поместье, которое предполагалось отписать Эдварду, если бы тот вел себя надлежащим образом. Когда я расстался с ней сегодня утром, она обсуждала это со своим поверенным.

— Что же, — сказала миссис Дженнингс, — такова ее месть. Каждый поступает по-своему. Однако я бы не стала делать все лишь для одного сына только потому, что другой мне досадил.

Марианна встала и прошла по комнате.

— Что может быть более мучительным для мужчины, — продолжал Джон, — чем видеть, как младший брат распоряжается поместьем, которое должно было стать его собственностью. Бедный Эдвард! Я всей душой ему сочувствую.

Посетовав еще несколько минут, он собрался уходить, напоследок еще раз заверив сестер, что, по его убеждению, здоровью Фанни ничего не угрожает, и им не следует беспокоиться по этому поводу. Удалившись, он оставил трех дам единомышленными в своем мнении, по крайней мере относительно поведения миссис Феррарс, его, Фанни и Эдварда.

Как только он вышел из комнаты, негодование Марианны вырвалось наружу, и так бурно, что Элинор также не смогла сдержаться, а миссис Дженнингс даже и не собиралась сдерживаться, и все трое принялись горячо обсуждать и осуждать.

ГЛАВА XXXVIII

Миссис Дженнингс горячо хвалила поведение Эдварда, хоть в отличие от Элиноর с Марианной она и не понимала всех масштабов его благородства. Только они знали, сколь горькая причина побуждала его быть непокорным, и сколь малое утешение ждало его — если не считать осознания исполненного долга — за потерю богатства и близких. Элинор гордилась его благородством, а Марианна простила ему все прегрешения и искренне сострадала его несчастьем. И хотя теперь, когда истина открылась, и между ними восстановилось прежнее доверие, ни та, ни другая, когда они оказывались наедине, не хотела касаться этой темы. Слишком пылкие, слишком настойчивые заверения Марианны вселяли в Элинор уверенность в том, что Эдвард любит ее, а подобные мысли она старалась гнать от себя подальше. Марианне же не хватало духа вести эти разговоры, потому что они лишь усиливали ее недовольство собой, ведь каждый раз она неизбежно сравнивала поведение Элинор со своим.

Сравнение это довлело над ней, но не побуждало, как надеялась Элинор, перебороть свое горе. Она постоянно упрекала себя и горько сожалела, что не пыталась сдерживаться раньше, однако это приносило лишь муки раскаяния и не сулило избавления. Ее дух очень ослабел, и она не верила, что у нее хватит сил, а потому еще больше предавалась унынию.

Следующая пара дней не принесла никаких новостей о том, как обстоят дела на Харли-стрит и в Бартлетовских домах. Хотя им уже было известно так много, что у миссис Дженнингс нашлось бы, о чем рассказать знакомым, однако для начала она решила навестить своих родственниц и узнать от них побольше. Лишь необычайное количество визитеров помешало ей заехать к ним раньше.

Третий день выдался на воскресенье, и погода была так прекрасна, что многие решили прогуляться по Кенсингтонским садам несмотря на то, что пошла еще только вторая неделя марта. Отправились туда и Элинор с миссис Дженнингс, а Марианна, зная, что Уиллоуби вернулись в город и опасавшаяся случайной встречи с ними, не захотела появляться в столь людном месте и предпочла остаться дома.

Как только они вошли в сад, к миссис Дженнингс присоединилась ее близкая подруга, которая всецело завладела ее вниманием. Элинор была этому рада, ведь она получила возможность спокойно предаться размышлениям. Она не заметила ни Уиллоуби с женой, ни Эдварда, и некоторое время вообще не встречала знакомых лиц, как вдруг с ней, к немалому ее удивлению, поздоровалась мисс Стил, которая с некоторым смущением выразила большое удовольствие от встречи с ними, и после того, как миссис Дженнингс поприветствовала ее весьма ласково, она решила на некоторое время покинуть свою компанию и присоединиться к ним.

Миссис Дженнингс поспешно шепнула Элиноর:

— Вытاني из нее все, моя дорогая. Не бойся спрашивать, она тебе обо всем расскажет. Я ведь не могу бросить мисс Кларк.

К счастью для любопытства миссис Дженнингс, да и самой Элинор, она готова была поведать все, не дожидаясь, пока ее спросят, иначе сама бы не смогла ничего узнать.

— Я так рада встретить вас! — сказала мисс Стил, фамильярно беря ее под руку. — Больше всего на свете мне хотелось увидаться именно с вами. — Понизив голос, она спросила: — Миссис Дженнингс уже обо всем известно? Она очень сердита?

— По-моему, на вас — нисколько.

— Это хорошо. А леди Миддлтон? Она-то сердится?

— Не думаю, что ей есть за что сердиться на вас.

— Я ужасно этому рада! Боже милостивый! Это были такие тяжелые дни! Я никогда не видела Люси в такой ярости! Она даже поклялась, что не будет отделять мою новую шляпку и больше никогда ничего для меня не сделает. Правда, теперь она успокоилась, и мы снова ладим. Вот посмотрите, бант к моей шляпке пришила она, и перо вчера вечером вставила тоже она. Ну вот, теперь и вы будете надо мной смеяться. Однако почему бы мне не носить розовые ленты? Да мне и дела нет, что это любимый цвет доктора. Я бы об этом и не узнала, если бы он сам мне не сказал. Мои кузины так утомили меня своими шуточками! Я, право же, не знаю порой, куда и глаза девать!

Элинор не нашла, что ответить на эту тему, поэтому мисс Стил вынуждена была вернуться к прежнему разговору.

— Знаете, мисс Дэшвуд, — сказала она торжественно, — люди могут говорить про мистера Феррарса все, что им вздумается, могут заявлять, что, мол, жениться на Люси он и не собирается, но ничего подобного, это я вам со всей уверенностью заявляю. Пусть постыдятся те, кто распускает эти злонамеренные слухи. Люси-то про себя может думать что угодно, но других это не касается, так почему же они выставляют это как дело решенное?

— Уверю вас, я ничего подобного не слышала, — сказала Элинор.

— В самом деле? Но слухи такие ходят, и среди многих людей. Мисс Годби так и сказала мисс Спаркс, что никому в здравом уме и в голову не придет, будто мистер Феррарс может отказаться от такой невесты как мисс Мортон, у которой тридцать тысяч фунтов приданого, ради Люси Стил, у которой всего ничего. Я узнала это от самой мисс Спаркс. А кроме того, мой кузен Ричард считает, что когда дойдет до дела, мистер Феррарс пойдет на попятную. Эдвард не появлялся у нас целых три дня, и я уже сама не знала, что и думать. Да и Люси в глубине души наверняка казалось, что все пропало. Мы уехали от вашего брата в среду, и весь четверг, пятницу и субботу даже не знали, что с ним. Люси уже было думала написать ему, но гордость ей не позволила. Сегодня утром он, наконец, объявился. Мы как раз вернулись из церкви, и тут он нам обо всем рассказал: как его вызвали в среду на Харли-стрит, как мать и остальные уговаривали его, и как он во всеуслышание заявил, что любит только Люси и ни на ком кроме нее не женится. Из-за всего этого он так расстроился, что вскочил на лошадь и уехал за город. Весь четверг и пятницу он пробыл в какой-то гостинице, приходя в себя. И все не раз хорошенько обдумав, он понял, что теперь, когда у него нет никакого состояния, нет совсем ничего, было бы неблагородно ждать от нее, чтобы она сдержала свое слово в ущерб себе: у него ведь только две тысячи фунтов и никаких надежд на лучшее. А если даже он получит сан, как ему бы того хотелось, то настоятелем при-



*Вот посмотрите, бант к моей шляпке пришила она, и перо вчера вечером
вставила тоже она.*

хода ему не бывать, а на жалование младшего священника разве смогут они прожить? Он не мог смириться с мыслью, что она обрекает себя на нужду, и потому умолял ее, если ей так будет лучше, положить всему конец и оставить его. Я сама слышала, как он все это говорил. Это только ради нее он был готов расторгнуть помолвку, а не по собственному желанию. Готова поклясться, что он ни слова не сказал о том, что его чувства к ней угасли, и что он надумал жениться на мисс Мортон. Ничего подобного. Ну а Люси, конечно же, и слышать ничего об этом не желала и прямо ему ответила (ну, там и о нежности, и о любви, ну вы знаете... такие вещи повторять не стоит), вот так прямо и сказала, что ни малейшего желания расторгать помолвку у нее нет, и она готова жить с ним даже на сущие пустяки, и как бы мало он ни имел, она была бы рада получить в распоряжение хотя бы это. Он был ужасно счастлив, и они принялись обсуждать, как им поступить, в итоге сойдясь на том, что он безотлагательно получит сан, а свадьбу они отложат, пока в его распоряжение не перейдет приход. Дальше я не слушала, потому что моя кузина крикнула, что приехала миссис Ричардсон, и она приглашает отвезти одну из нас в Кенсингтонские сады. Мне пришлось зайти в комнату и прервать их разговор. Люси ехать отказалась, поскольку хотела побыть с Эдвардом, а я сбегала наверх, надела шелковые чулки и уехала с Ричардсонами.

— Я не понимаю, как вы могли прервать их разговор, — удивилась Элинора. — Вы ведь были в одной комнате?

— Нет, конечно! Вы что же, миссис Дэшвуд, думаете, что люди будут миловаться, когда они не одни? И не стыдно вам? Вы как будто и не знаете, как оно бывает! — Она притворно хихикнула. — Нет, они заперлись вдвоем в гостиной, а я подслушивала через дверь.

— Как! — воскликнула Элинора. — Неужели вы повторяли мне то, что узнали, подслушивая через замочную скважину? Жаль, что мне не было известно об этом сразу, иначе я, конечно же, не позволила бы рассказать мне подробности разговора, о котором вы и сами не должны были знать. Как вы можете так нечестно поступать со своей сестрой?

— Да ладно вам, в этом нет ничего такого. Я просто стояла у двери и слушала то, что могла услышать. Уверена, Люси на моем месте поступила бы так же: год или два назад, когда у мы секретничали с Мартой Шарп, она то в чулане пряталась, то за ширмой, только бы узнать, о чем мы болтаем.

Элинора попыталась сменить тему, но мисс Стил стремилась вернуться к тому разговору, который занимал ее больше всего.

— Эдвард говорит, что скоро уедет в Оксфорд, — вновь заговорила она, — а пока он остановился в гостинице на Пэлл-Мэлл. Какая же злая женщина его мать, не правда ли? Да и ваши брат с сестрой не особенно добры. Впрочем, при вас уж я не стану на них наговаривать. По правде говоря, они нас отправили домой в своем экипаже, а такой любезности я от них не ожидала. Что касается меня, то я страшно боялась, что ваша сестра потребует вернуть ей рабочие шкатулки, которые она нам накануне подарила. Однако об этом речь не зашла, и я решила убрать свою подальше, чтобы она никому не попала на глаза. Эдвард говорит, что ему нужно в Оксфорд, уладить кое-какие дела, а затем, как только сможет найти епископа, он будет рукоположен. Интересно, в каком приходе он будет служить? Боже милостивый! — добавила она, захихикав. — Бьюсь об заклад, я знаю, что скажут мои кузины, когда услышат об этом! Они посоветуют мне написать доктору, чтобы тот похлопотал за него там, где он поселит-



Я просто стояла у двери и слушала то, что могла услышать.

ся. Так оно все и будет, да только я ни за что на свете этого не сделаю. Я им прямо отвечаю: «Да как вы могли такое подумать? С чего я буду писать доктору?»

— Что же, — заметила Элинора, — полезно быть готовой к худшему. Вы уже знаете, что ответите им.

Мисс Стил собралась поддержать эту тему, но увидела приближение своих спутников и воскликнула:

— О! Вот и Ричардсоны! Я бы еще обо многом с вами поболтала, но мне нужно вернуться к ним. Люди они очень благородные, можете мне поверить. Доход у него просто огромный, они держат свой выезд. У меня нет времени сказать это самой, но вы, будьте так добры, передайте миссис Дженнингс, как я рада, что она не сердится на нас, и леди Мидлтон тоже. И если вдруг случится так, что вам с сестрой нужно будет куда-нибудь уехать, а миссис Дженнингс станет одиноко, мы будем рады погостить у нее так долго, как она пожелает. Полагаю, леди Мидлтон в этом сезоне нас уже не пригласит. До свидания. Жаль, что мисс Марианны с вами не было. Передайте ей от меня привет. Ах! Да на вас муслин в горошек! И как вы не боитесь порвать его о ветки?

Выразив это опасение, она успела только попрощаться с миссис Дженнингс, прежде чем ее позвала миссис Ричардсон. Элинора получила новую пищу для размышлений, хотя почти все, что ей довелось услышать, она уже предвидела, а об остальном догадывалась. Как она и предполагала, брак Эдварда с Люси был так же твердо решен, сколь неопределенным оставалось время его заключения — в точности как она и ожидала, все зависело от того, когда он получит приход, а надежды на это к данному моменту не было никакой.

Как только они сели в карету, миссис Дженнингс приготовилась слушать новости, однако Элинора не хотела разглашать сведения, которые мисс Стил получила нечестным путем, и лишь вкратце поведала о том, что, как ей казалось, Люси в своих же интересах сама при первом случае всем расскажет. Она сообщила лишь то, что помолвку они не расторгают, и объяснила, как они собираются достичь своей цели. На это миссис Дженнингс, естественно, ответила следующее:

— Решили подождать, пока он получит приход. Ну, известно, чем это кончится. Подождут годик, и поняв, что ничего им не светит, согласятся на место младшего священника с жалованием в пятьдесят фунтов в год, вдобавок к процентам с его двух тысяч и тому малому, что смогут дать ей мистер Стил и мистер Прэтт. И каждый год в семье их будет пополнение! Да поможет им Господь! Они будут так бедны! Надо посмотреть, что я смогу отдать им для обустройства их дома. Две горничные и два лакея, как я говорила раньше... Теперь так не пойдет. Нет, теперь им нужна крепкая девица, которой можно будет поручить всю черную работу. Сестра Бетти им уже не подходит.

На следующее утро двухпенсовая почта доставила Элинора письмо от самой Люси. Вот его содержание:

«Бартлетовские дома, март.

Надеюсь, моя дорогая мисс Дэшвуд извинит меня за вольность написать ей. Однако я знаю, что из дружеского отношения ко мне вам будет приятно услышать хорошие новости о нас с дорогим моим Эдвардом, после всех невзгод, которые мы пережили в последнее время. Не буду больше просить извинения и продолжу, что, слава Богу, после всех ужасных страданий мы наконец-то спокойны и счастливы нашей взаимной любовью, и так должно быть всегда. Мы перенесли великие испытания и гонения, но

в то же время мы очень признательны многим нашим друзьям, в том числе и вам, чью великую доброту я всегда буду с благодарностью помнить, как и Эдвард, которому я про нее рассказывала. Полагаю, что вы и дорогая миссис Дженнингс будете рады узнать, что вчера днем я провела с ним два счастливых часа. Он и слышать не хотел о том, что мы можем разлучиться, хотя я искренне, как того требовал мой долг, убеждала во имя благоразумия сделать это, и рассталась бы с ним навсегда, если бы он был на то согласен. Однако он сказал, что этому никогда не бывать, что он готов терпеть гнев своей матери ради моих чувств к нему. Перспективы у нас, конечно, не самые радужные, но мы будем ждать и надеяться на лучшее. Он скоро примет сан, и если когда-нибудь в вашей власти будет рекомендовать его кому-то, у кого окажется вакантный приход, то я верю, что вы не забудете про нас, и миссис Дженнингс, надеюсь, тоже замолвит за нас словечко сэру Джону или мистеру Палмеру, или кому-нибудь, кто мог бы нам помочь. Бедная Энн очень виновата, но она хотела сделать как лучше... не будем об этом. Надеюсь, миссис Дженнингс не сочтет за труд заглянуть к нам, если как-нибудь утром окажется в наших краях. Это было бы очень любезно с ее стороны. Ну а мои родственники почтут за честь познакомиться с ней. Листок напоминает мне, что пора заканчивать, поэтому я прошу передать мою величайшую благодарность и почтение ей, сэру Джону, леди Мидлтон и ее милым детям, когда вам представится случай их увидеть, и Марианне также передавайте от меня привет.

Всегда ваша, и прочее, и прочее...»

Как только Элинор закончила читать, она исполнила то, чего, как ей показалось, добивался автор послания, а именно передала письмо в руки миссис Дженнингс, которая прочла его вслух, не скупясь на комментарии:

— Право, превосходно! Как красиво она излагает! Да, это было очень благородно, предложить ему свободу, если бы он того желал... Да это в ее духе... Бедняжка! Как жаль, что у меня нет для него прихода... Она называет меня «дорогая миссис Дженнингс». Такой добросердечной девушки во всем свете не сыщешь. Как же хорошо, как изящно она выражает свои мысли! Конечно же, я обязательно заеду к ней. И как она внимательна, ни о ком не забыла! Спасибо, моя дорогая, что вы дали мне это прочесть. Таких прекрасных писем мне читать еще не доводилось, это делает честь и уму Люси, и ее сердцу.

ГЛАВА XXXIX

Обе мисс Дэшвуд пробыли в Лондоне уже больше двух месяцев, и с каждым днем терпение Марианны таяло. Она тосковала по свежему воздуху, по свободе и деревенской тишине. Она была уверена, что если ей и суждено найти облегчение, то только в Бартоне. Элинор едва ли меньше Марианны хотела побыстрее уехать, и не спешила собираться в путь лишь из-за осознания тягот долгой дороги, которые Марианна сочла незначительными. Однако она уже всерьез думала по поводу отъезда, о чем даже успела сообщить их радушной хозяйке, которая сопротивлялась этому намерению со всем красноречием своего гостеприимства. У Элинор созрел план, который показался ей наиболее практичным, хоть он и означал, что домой они вернутся лишь через несколько недель. Палмеры решили переехать в Кливленд к концу марта, на Пасху, и Шарлотта пригласила миссис Дженнингс и ее молодых приятельниц поехать вместе с ними. Лишь ее приглашение мисс Дэшвуд отказалась бы принять из деликатности, но поскольку мистер Палмер с искренней любезностью поддержал намерение своей супруги, Элинор с радостью согласилась, ведь после того, как он узнал о марианнином несчастье, его обхождение с ними стало несравненно более учтивым.

Однако когда она сообщила Марианне о своем согласии, та поначалу не очень-то этому обрадовалась.

— Кливленд! — воскликнула она с сильным волнением. — Нет, в Кливленд я поехать не могу...

— Ты забываешь, — мягко сказала Элинор, — что он расположен не там... не по соседству с...

— Но это вSomмерсетшире. Я не могу поехать вSomмерсетшир, туда, где я надеялась... Элинор, не требуй от меня этого!

Элинор не стала спорить с ней о том, насколько необходимо было побороть эти чувства, чтобы соблюсти приличия. Она лишь попыталась возбудить другие, которые возобладали бы над ними, а потому преподала этот план как самый подходящий и удобный способ поскорее вернуться к их любимой матери, по которой она так соскучилась. Из Кливленда, находившегося в нескольких милях от Бристоля, до Бартона был всего один день пути, и хоть этот путь занял бы весь день целиком, мать могла бы послать своего слугу за ними, а поскольку в Кливленде больше чем на неделю им оставаться незачем, то скорее всего уже через три недели они будут дома. Марианна всем сердцем любила свою мать, и это чувство без труда одержало победу над ее воображаемыми страхами.

Миссис Дженнингс вовсе не устала от своих гостей, а напротив, с большой настойчивостью уговаривала их после визита в Кливленд вернуться вместе с ней в Лон-

дон. Элино́р была благодарна ей за такое расположение, но намерений своих они не изменили, и когда получили на них согласие матери, данное ею весьма охотно, все затруднения с их возвращением домой были окончательно улажены. Марианна успокоилась и даже нашла некоторое облегчение, считая, как тают часы и минуты, отделяющие ее от приезда в Бартон.

— Ах! Не знаю даже, что мы будем делать без наших мисс Дэшвуд! — такими словами она встретила полковника, когда он первый раз зашел к ним после того, как их отъезд был окончательно спланирован. — Они ведь твердо решили после Палмеров отправиться домой. Останется нам скучать в одиночестве, когда я вернусь. Господи, вот так мы и будем сидеть, тарахась друг на друга, как две сонные кошки!

Быть может, миссис Дженнингс надеялась, что этот выразительный набросок ожидающей их скуки побудит полковника сделать предложение, которое избавит его от столь незавидной участи. И если так оно и было, то вскоре у нее появились веские основания считать, что своей цели она добилась, ведь едва Элино́р отошла к окну, чтобы ей легче было снять размеры гравюры, которую она собиралась скопировать для своей подруги, он с весьма решительным видом последовал за ней и несколько минут серьезным тоном что-то ей втолковывал. От внимания миссис Дженнингс не ускользнуло и то, какое впечатление его слова произвели на Элино́р. Хоть почтенная дама и была слишком хорошо воспитана, чтобы подслушивать, и даже нарочно пересела поближе к Марианне, игравшей на фортепиано, она не могла не заметить, как Элино́р переменилась в лице и взволнованно слушала его речь, которая увлекла ее настолько, что заставила отложить свое занятие. Миссис Дженнингс еще больше уверилась в своих догадках, когда музыка ненадолго смолкла и стали слышны слова полковника. Он, казалось, извинялся за то, что имение его недостаточно хорошо. Разве оставались еще поводы для сомнений? Ее несколько удивило, что он посчитал необходимым принести подобные извинения, но она восприняла это как некую формальность, продиктованную правилами этикета. Что ответила Элино́р она разобрать не смогла, но по движению ее губ сделала вывод, что та не считает данную проблему существенной, и мысленно похвалила ее за искренность. Их разговор длился еще несколько минут, но миссис Дженнингс не удавалось уловить из него ни слова, пока Марианна не сделала очередную паузу, во время которой послышалось, как полковник спокойным голосом произнес:

— Боюсь, произойти это может не так уж скоро.

Изумленная и возмущенная таким бессердечным замечанием, она чуть было не вскричала: «Господи! Да что же может вам помешать?». Однако сдержав свой порыв, она ограничилась безмолвным восклицанием: «Как странно. В его возрасте не стоило бы медлить».

Впрочем, эта отсрочка со стороны полковника, казалось, нисколько не оскорбила и не огорчила его прекрасную собеседницу, потому что, когда они закончили разговор и отошли от окна, миссис Дженнингс отчетливо услышала слова Элино́р, исполненные истинного чувства:

— Я всегда буду считать себя очень вам обязанной.

Миссис Дженнингс была восхищена этим признанием, только она не могла понять, как, услышав такие слова, полковник тут же с невозмутимым видом простился с ними и ушел, ничего не ответив. Она и подумать не могла, что ее знакомый окажется столь бесстрастным женихом!

На самом деле разговаривали они вот о чем:

— Я слышал, — сказал полковник с сочувствием в голосе, — как несправедливо с вашим другом мистером Феррарсом обошлись его родные. Если я не ошибаюсь, они отреклись от него за то, что он отказался расторгать свою помолвку с весьма достойной девушкой. Меня не дезинформировали? Это действительно так?

Элинора дала утвердительный ответ.

— Как это жестоко, неразумно жестоко, — продолжил он горячо, — пытаться разлучить двух молодых людей, давно испытывающих друг к другу взаимное чувство. Миссис Феррарс не понимает, что она делает, к чему она может подтолкнуть своего сына. Я видел мистера Феррарса два или три раза на Харли-стрит, и мне он очень понравился. Он не из тех людей, кого можно хорошо узнать за короткое время, но я видел его достаточно, чтобы пожелать ему счастья ради него самого, и тем более — как вашему другу. Я так понимаю, он намерен принять сан. Не будете ли вы так добры передать ему, что приход в Дзлафорде ныне вакантен, как мне сообщили утренней почтой, и он может занять его, если сочтет подходящим для себя... Думаю, в том тяжелом положении, в котором он оказался, было бы неразумно отказываться от этой возможности. Правда, приход небольшой и небогатый, приносит не более двухсот фунтов в год. Безусловно, доход можно и увеличить, но все же не настолько, чтобы обеспечить себе безбедное существование. В любом случае, я буду очень рад помочь мистеру Феррарсу. Пожалуйста, заверьте его в этом.

Удивление, которое Элинора испытала от вверенного ей поручения, было едва ли не сильнее, чем если бы полковник действительно предложил ей руку и сердце. Всего два дня назад ей казалось, что Эдвард вряд ли когда-нибудь получит приход, но вот ему неожиданно даруют эту привилегию, а с ней и возможность жениться! И просят объявить ему об этом ни кого-нибудь другого, а ее — собственной персоной! Чувства ее по этому поводу были в точности такими, как и показалось миссис Дженнингс, хоть та и решила, что вызваны они были совсем другой причиной. И пусть к этим чувствам примешивались еще и другие, менее чистые и радостные, но ее уважение к доброжелательности полковника Брэндона, благодарность за дружескую преданность, побудившую его к благородному поступку, только возросли в ней и были выражены с искренней пылкостью. Она от всего сердца поблагодарила его, отозвалась о принципиальности и нравственных устоях Эдварда с той теплотой, которую, по ее убеждению, они заслуживали, и пообещала выполнить его поручение с удовольствием, раз уж он действительно хочет доверить столь приятную обязанность другому. Однако лучше него самого этого не сделает никто! Одним словом, чтобы не причинять Эдварду боль, она предпочла бы, чтобы он услышал новость не из ее собственных уст. Однако полковник Брэндон по столь же деликатным причинам так горячо упрашивал ее стать посредницей в этом деле, что она не смогла ему отказать. Она полагала, что Эдвард еще в Лондоне, и к счастью она узнала от мисс Стил, по какому адресу его можно найти. Поэтому она могла успеть выполнить поручение еще до исхода дня. Когда все было решено, полковник заговорил о том, как он будет рад обрести столь приятного во всех отношениях соседа, а затем с сожалением упомянул, что дом невелик и не очень ухожен, но Элинора, как и предположила миссис Дженнингс, не придавала этому большого значения, по крайней мере тому, что касалось размеров дома.

— Не думаю, — сказала она, — что маленький дом покажется им неудобным, ведь он будет соответствовать величине их семьи и доходов.

Полковник с удивлением заключил, что по ее мнению мистер Феррарс, получив приход, незамедлительно вступит в брак. Ведь он-то предполагал, что дэлафордский приход не обеспечит Эдварду того дохода, на который он, женившись, сможет вести привычный ему образ жизни. Это предположение он и высказал Элиноর.

— Доход так мал, что едва ли обеспечит даже одного мистера Феррарса. Жениться он никак не сможет. С сожалением должен сказать, что большего я сделать не могу. Однако если представится случай и дальше помогать ему, то лишь кардинальная перемена мнения о нем сможет воспрепятствовать мне делать это с той же готовностью, с какой я делаю это ныне. Все, чем я могу помочь ему сейчас — лишь пустяк, ведь это нисколько не приблизит его к главному и заветному желанию. У него еще будет возможность жениться, но боюсь, произойти это может не так уж скоро.

Именно эта его последняя фраза, истолкованная неправильно, так оскорбила нежные чувства миссис Дженнингс. Однако после изложения того, о чем на самом деле говорили полковник Брэндон и Элинор у окна, та благодарность, которую она выразила ему на прощание, в целом могла показаться и достаточно взволнованной, и вполне уместной даже в том случае, если бы она была действительно вызвана предложением руки и сердца.

ГЛАВА XL

— Ну, мисс Дэшвуд, — сказала миссис Дженнингс с многозначительной улыбкой, как только полковник удалился, — я не спрашиваю вас, о чем он говорил. Клянусь честью, я отсела подальше и старалась не слушать, но все же кое-что из вашего разговора я невольно расслышала, и этого было достаточно, чтобы понять суть дела. Поверьте, никогда в жизни я не была так довольна! От всего сердца я желаю вам счастья.

— Благодарю вас, мэм, — ответила Элинора. — Для меня это большая радость и я глубоко признательна полковнику за его доброту. Мало найдется людей, которые поступили бы так же. Редко встретишь такое сострадательное сердце. Я была очень удивлена...

— Господи! Дорогая, вы уж слишком скромничаете. Я вот совсем не удивилась. В последнее время мне казалось, что все к тому и идет.

— Конечно, вам хорошо известно о благожелательности полковника, но вряд ли вы могли предвидеть, что случай представится так скоро.

— Случай! — повторила миссис Дженнингс. — Ну, если уж мужчина принял такое решение, то так или иначе он скоро найдет возможность его исполнить. Что ж, моя дорогая, я еще раз желаю вам счастья. И если есть на свете счастливые парочки, то я, кажется, знаю, где их искать.

— Полагаю, вы собираетесь найти одну из них в Дэлафорде? — сказала Элинора с легкой улыбкой.

— Ну разумеется, дорогая моя! А что касается дома, то я не поняла, что полковник имел в виду. Прекраснее дома я и не видывала!

— Он просто сказал, что дом нуждается в ремонте.

— Ну, и кто же в этом виноват? Почему он не подновил его? Кому же это делать, как ни ему самому?

Их разговор был прерван появлением лакея, объявившего, что экипаж для миссис Дженнингс подан, и та тотчас стала собираться, говоря:

— Увы, моя дорогая, мне пора ехать, а я не успела и половины сказать из того, что хотела. Закончим этот разговор вечером, тогда уж нам никто не помешает. С собой я вас не приглашаю, ведь смею предположить, вам сейчас не до общества, ведь голова у вас занята совсем другим. Наверное, вам не терпится рассказать обо всем сестре.

(Марианна вышла из комнаты еще до начала этого разговора).

— Конечно же, мэм, я расскажу об этом Марианне, но больше пока никому.

— Ах, вот как! — сказала миссис Дженнингс разочарованно. — Значит вы не хотите, чтобы я рассказала об этом Люси, я ведь собираюсь сегодня заехать в Холборн.

— Нет, мэм, не говорите даже Люси, будьте так любезны. Острочка на один день не будет существенной, и пока я не напишу мистер Феррарсу, думаю, не стоит расска-

зывать об этом никому другому. Я сяду писать прямо сейчас. Для него каждый час дорог, ведь ему еще предстоит получить сан.

Это объяснение поначалу чрезвычайно озадачило миссис Дженнингс. Она никак не могла понять, зачем ставить в известность мистера Феррарса, да еще и в такой спешке. Однако после некоторых раздумий ее осенила одна мысль, и она воскликнула:

— О! Понимаю! Этот человек — мистер Феррарс. Что ж, тем лучше для него. Конечно же, он должен быть поставлен в известность, и я очень рада, что и это между нами решено. Однако, дорогая моя, это как-то странно. Было бы более уместно, если бы ему написал полковник.

Элинора не вполне поняла начало этой речи, но не захотела вдаваться в подробности, а потому ответила только на ее заключение.

— Полковник Брэндон так деликатен, что ему неловко самому сообщить мистеру Феррарсу о своем намерении.

— И поэтому он переложил это на вас? Какой странный вид деликатности... Ну, не буду вам мешать (Элинора уже приготовилась писать). Вам виднее. До свидания, моя дорогая. Приятнее новости я не слышала с тех пор, как Шарлотта родила первенца.

С этими словами она ушла, но сию же минуту снова вернулась.

— Я только что вспомнила про сестру Бетти, моя дорогая. Мне было бы очень приятно устроить ее к такой хорошей госпоже. Годится ли она на роль камеристки я точно не знаю, но она превосходная горничная и очень хорошо шьет. Подумайте об этом на досуге.

— Конечно, мэм, — ответила Элинора, почти не слушая ее и желая поскорее остаться в одиночестве.

Думала она лишь о том, с чего начать свое письмо Эдварду, как все изложить. Очень трудной задачей казалось для нее то, что с легкостью выполнил бы любой другой человек. Она боялась сказать слишком много или слишком мало, то склоняясь над листом бумаги с пером в руке, то откладывая его и погружаясь в задумчивость, пока в это дело не вмешался сам Эдвард.

Он явился, чтобы оставить на прощание свою визитную карточку, но столкнулся в дверях с миссис Дженнингс, которая спешила к поданному для нее экипажу и, извинившись, что не может вернуться, настояла на том, чтобы он вошел, ведь мисс Дэшвуд хочет поговорить с ним по очень важному делу.

Элинора в это время как раз утешала себя тем, что как бы трудно ей ни было передать поручение полковника в письме, это было не в пример легче сделать, чем на словах. И в это время он и вошел, неизбежно обрекая ее на тяжелое испытание. Столь внезапное появление Эдварда удивило ее и смутило. Они не виделись с тех пор, как новость о его помолвке стала достоянием общественности, и он полагал, что весть эта явилась для нее неожиданностью. То, о чем она думала и что должна была сказать, ввергло ее в состояние крайней неловкости. Он также был очень смущен, и несколько минут они просидели молча. Эдвард никак не мог вспомнить, принес ли он свои извинения за столь внезапное вторжение, и на всякий случай, едва опустившись на стул, он сразу заговорил, попросил у нее прощения сообразно всем правилам хорошего тона.

— Миссис Дженнингс сказала мне, — продолжил он, — что вы хотите со мной о чем-то поговорить. Во всяком случае, я так понял, иначе не стал бы столь бесцеремонно вторгаться к вам, хоть в то же время мне очень грустно было бы покинуть Лондон,

не простившись с вами и с вашей сестрой. Вряд ли я в скором времени буду иметь удовольствие вновь встретиться с вами. Завтра я уезжаю в Оксфорд.

— Однако вы не уехали бы, — сказала Элинор, приходя в себя и обретая решительность как можно скорее покончить с тем, чего она так боялась, — без наших добрых пожеланий, даже если мы не смогли бы передать их вам лично. Вы совершенно верно поняли миссис Дженнингс. Мне нужно сообщить вам нечто важное, что я уже собиралась изложить на бумаге. Мне поручена очень приятная обязанность (дыхание ее стало чуть быстрее). Полковник Брэндон, который был здесь всего десять минут назад, просил меня передать вам, что если вы примете сан, то он с большим удовольствием предложит вам дэлафордский приход, который сейчас вакантен. Он сожалеет только, что доход этого прихода невелик. Позвольте мне поздравить вас с тем, что вы имеете такого достойного и добросердечного друга, и присоединиться к его пожеланию, чтобы доход, на который вы сможете рассчитывать — это около двухсот фунтов в год — был вами приумножен и стал бы для вас не только временной опорой... короче говоря, чтобы с его помощью вы смогли обрести счастье.

Эдвард не мог выразить того, что он чувствует, однако нельзя было ожидать, что за него это сделает кто-нибудь другой. Его взгляд выражал крайнее удивление столь неожиданным и немыслимым известием, и произнес он только два слова:

— Полковник Брэндон!

— Да, — сказала Элинор, собравшись с духом, поскольку все самое страшное осталось позади. — Полковник Брэндон таким образом хочет выразить вам свое сочувствие по поводу того, что недавно произошло с вами, по поводу тяжкого положения, на которое вас неоправданно обрекло поведение вашей собственной родни. Сочувствие, которое, вне всяких сомнений, разделяет и Марианна, и я, и все ваши друзья. И это — знак его глубокого уважения к вам и к тому, как вы поступили в сложившихся обстоятельствах.

— Полковник Брэндон предлагает мне приход! Как это возможно?

— Только из-за черствого отношения ваших близких вы удивляетесь, что находите дружбу у других.

— Нет, — ответил он, смутившись, — только не тому, что нахожу ее у вас. Я прекрасно понимаю, что всем этим обязан вам и вашей доброте. Мои чувства... я бы выразил их, если бы мог. Однако, как вам хорошо известно, красноречие мне не присуще.

— Вы ошибаетесь! Поверьте мне, вы полностью... или почти полностью обязаны лишь собственным достоинствам и умению полковника Брэндона оценить их. Я никак в этом не участвовала, я даже не знала, что приход вакантен, пока полковник не поведал мне о своем намерении. Мне и в голову не приходило, что в его распоряжении может быть приход. Как мой друг и друг нашей семьи, он, возможно... я знаю, что он с большим удовольствием готов помочь вам, но, честное слово, мои просьбы тут ни при чем.

Желание быть искренней заставило ее признать некоторую долю своего участия в этом деле, но в то же время ей так не хотелось выглядеть в глазах Эдварда благодетельницей, что признала она это с большой неохотой, чем, вероятно, лишь укрепила возникшие у него подозрения. После того, как Элинор умолкла, он некоторое время пребывал в глубокой задумчивости, а затем, с видимым усилием, произнес:

— Полковник Брэндон кажется человеком весьма благородным и во всех отношениях достойным. Я слышал только лестные отзывы о нем, и ваш брат, как мне извест-

но, высокого о нем мнения. Несомненно, он прекрасный человек и держит себя как настоящий джентльмен.

— О, да! — ответила Элинор, — Уверена, при более близком знакомстве вы обнаружите, что он именно таков, каким вы его себе представляете. Это очень важно, ведь вы будете ближайшими соседями: насколько я знаю, дом священника находится в непосредственной близости от господского особняка.

Эдвард ничего не ответил, но когда она отвернулась, посмотрел на нее таким безутешно грустным взглядом, будто хотел сказать, что ему было бы легче, если бы расстояние это было намного больше.

— Полковник Брэндон, кажется, живет на Сент-Джеймс-стрит? — спросил он затем, вставая.

Элинор назвала ему номер дома.

— Я должен поспешить выразить ему ту благодарность, которую вы не захотели принять, и сказать ему, что он сделал меня очень... очень счастливым человеком.

Элинор не хотела его задерживать и на прощание завершила его, что она всегда искренне будет желать ему счастья, как бы ни сложилась его судьба. Он попытался ответить ей столь же добрыми пожеланиями, но не смог выразить то, что было у него на душе.

«Когда я снова увижу его, — сказала себе Элинор, едва дверь за ним закрылась, — он уже станет мужем Люси».

С этим приятным предвкушением она опустилась в кресло, чтобы погрузиться в прошлое, перебрать в памяти все его слова, вновь попытаться разгадать его чувства, и, конечно же, с грустью вспомнить о своих собственных.

Когда миссис Дженнингс вернулась домой после визита к людям, с которыми она ранее не была знакома, ей, конечно же, было о чем рассказать. Однако все ее мысли были заняты новым открывшимся ей секретом, и именно о нем она заговорила, едва увидав Элинор.

— Ну, дорогая моя, — воскликнула она, — я послала к вам вашего молодого человека. Вы на меня не сердитесь? Полагаю, вам не составило труда... он охотно согласился?

— Конечно, мэм, разве могло быть иначе?

— Ну и как скоро он будет готов? Все ведь теперь зависит от этого.

— Право же, — ответила Элинор, — я так мало об этом осведомлена. Даже предположить не могу, сколько времени ему может понадобится, какие потребуются приготовления. Но, полагаю, через два-три месяца он будет рукоположен.

— Два-три месяца! — воскликнула миссис Дженнингс. — Господи, дорогая моя! Вы так спокойно говорите об этом. Неужели полковник согласен так долго ждать? Боже мой! Да у меня б терпение лопнуло. Как бы ни хотели вы услужить бедному мистеру Феррарсу, но ждать ради него два или три месяца — это слишком! Можно ведь было найти и кого-нибудь другого, кто уже имеет сан.

— Что вы имеете в виду, мэм? — спросила Элинор. — Ведь единственная цель полковника Брэндона в том и заключается, чтобы быть полезным мистеру Феррарсу.

— Ах, дорогая моя, помилуйте! Неужели вы собрались убедить меня, что полковник женится на вас только ради того, чтобы заплатить десять гиней мистеру Феррарсу?

После этого вопроса недоразумение далее продолжаться не могло, и тут же последовали объяснения, немало повеселившие их обеих и не причинившие им никакого



...и тут же последовали объяснения, немало повеселившие их обеих...

огорчения. Миссис Дженнингс просто заменила одну причину радоваться на другую, при этом не утратив надежды на то, что со временем порадуется и первой из этих причин.

— Действительно, дом священника там совсем маленький, — сказала она, когда первый всплеск удивления и восторга схлынул, — и, вероятно, требует ремонта. Однако слышать, что человек извиняется, как мне показалось, за тесноту дома, где по моим сведениям только на первом этаже пять гостиных, и где, как сказала мне экономка, можно разместить пятнадцать кроватей... Да еще и перед вами, хотя вы и на Бартон-коттедж никогда не жаловались. Это показалось мне очень странным. Дорогая моя, мы должны как-то уговорить полковника, чтобы он подновил дом и обустроил его поудобнее, прежде чем туда въедет Люси.

— Похоже, полковник совсем не верит, что доход может быть достаточен для того, чтобы они сыграли свадьбу.

— Полковник заблуждается, моя дорогая. Он думает, что если его доход составляет две тысячи в год, то на меньшую сумму женатому человеку и прожить невозможно. Поверьте мне, если я только буду жива, то еще до Михайлова дня нанесу визит в дэла-фордский приход. А если Люси там не будет, то какая охота мне туда ехать?

ГЛАВА XLI

Эдвард, поблагодарив полковника Брэндона, направился поделиться своим счастьем с Люси, и к тому времени, как он добрался до Бартлетовских Домов, оно настолько било через край, что Люси уверяла миссис Дженнингс, пожаловавшую к ней на следующий день с поздравлениями, что никогда не видела его в таком восторженном расположении духа.

Во всяком случае, в ее собственном счастье и радостном настроении духа сомнений быть не могло, и она разделила надежды миссис Дженнингс на то, что еще до наступления Михайлова дня они все встретятся в уютных стенах дэлафордского церковного дома. В то же время она не уклонилась от того, чтобы воздать должное Элино́р, как это сделал Эдвард, и отзывалась о ее преданной дружбе по отношению к ним обоим с теплотой и благодарностью; она признавала, что они ей очень обязаны, и без стеснения заявила, что никакие старания мисс Дэшвуд во имя их блага, ни прошлые, ни нынешние, никогда ее не удивят, ведь она была уверена, что мисс Дэшвуд готова сделать все на свете для тех, кто ей действительно дорог. Что же касается полковника Брэндона, то она не только готова была поклоняться ему как святому, но и искренне желала ему избавления от всех житейских невзгод, как и подобает святым. Желала она также, чтобы приход его ширился, насколько это возможно, и втайне решила, что в Дэлафорде приберет к рукам его слуг, экипаж, коровник и птичник.

Прошло уже больше недели с тех пор, как Джон Дэшвуд посетил Беркли-стрит, а они так и не поинтересовались здоровьем его супруги. Элино́р чувствовала необходимость навестить ее, но эта обязанность совсем ее не вдохновляла, к тому же она не нашла в этом поддержки со стороны своих друзей. Марианна не только наотрез отказалась ехать сама, но и настойчиво пыталась отговорить сестру, а миссис Дженнингс, хоть ее карета и была к услугам Элино́р, питала к миссис Джон Дэшвуд такую неприязнь, что сколь бы ей ни было любопытно глянуть, как та выглядит после недавних событий, и сколь бы ни хотелось уязвить ее, открыто встав на сторону Эдварда, находиться в ее обществе она не пожелала. В результате Элино́р пришлось отправиться на Харли-стрит в одиночестве и встретиться тет-а-тет с женщиной, не любить которую у нее было больше причин, чем у Марианны и миссис Дженнингс вместе взятых.

Лакей объявил, что миссис Дэшвуд никого не принимает, но карета еще не успела тронуться, как из дверей вышел супруг последней. Он выразил огромное удовольствие видеть Элино́р и сообщил ей, что как раз направлялся на Беркли-стрит; после он пригласил ее войти, заверив, что Фанни будет ей очень рада.

Они поднялись в гостиную, которая была пуста.

— Фанни, наверное, у себя в комнате, — сказал он, — я пойду позову ее, ведь она, уверяю тебя, ничего не имеет против встречи с тобой. Ни в коем случае. Тем более теперь... Впрочем, к вам с Марианной она всегда была особенно расположена. Почему же не приехала Марианна?

Элинор на ходу придумала какие-то извинения.

— Впрочем, я не жалею, что мы встретились наедине, — продолжил он, — ведь мне нужно многое с тобой обсудить. По поводу полковника Брэндона... Это правда? Он действительно предложил приход Эдварду? Я случайно услышал об этом вчера и хотел заехать к вам, чтобы узнать подробности.

— Да, это так. Полковник Брэндон передал дэлафордский приход Эдварду.

— Неужели? Это просто поразительно! Их ведь не связывают родственные отношения. Они же едва знакомы! И это в наши дни, когда за приход можно выручить приличные деньги! Какой доход он приносит?

— Около двухсот фунтов в год.

— Весьма недурно! Если священник стар и болен, и все идет к тому, что приход скоро будет свободен, то можно договориться о его продаже заранее и получить, я полагаю, около тысячи четырехсот фунтов. Почему он не уладил этот вопрос до кончины предыдущего священника? Теперь уже поздно думать о продаже, но столь разумный человек, как полковник Брэндон!.. Как он мог быть столь недальновидным в таком обыденном деле? В каждом из нас таится так много противоречий. Хотя, кажется, я догадался в чем дело. Приход предоставлен Эдварду лишь до тех пор, пока человек, которому полковник Брэндон его продал, не достигнет нужного возраста, чтобы принять его. Да, это именно так, можешь мне поверить.

Элинор, однако, решительно опровергла его утверждение, объяснив, что полковник Брэндон поручил передать свое предложение Эдварду именно ей, а потому она не может не знать условий, на которых оно было сделано. Брату оставалось лишь принять на веру, что ее сведения достоверны.

— Но это же просто невероятно! — воскликнул он, дослушав ее опровержение. — И в чем же тогда причина такого поступка?

— Причина очень проста. Полковник хотел помочь мистеру Феррарсу.

— Ну-ну... Однако в чем бы ни была эта причина, Эдварду очень повезло! Только не упоминай об этом при Фанни. Я ей уже обо всем рассказал, и она перенесла эту новость мужественно, но ей вряд ли будет приятен такой разговор.

Элинор с трудом удержалась от замечания, что Фанни не стоило бы огорчаться из-за прихода, вверенного ее брату, поскольку ни она, ни ее сыночек от этого ни капли не обеднеют.

— Миссис Феррарс, — добавил он, понизив голос, — еще ни о чем не знает, и я полагаю, лучше было бы скрывать от нее правду как можно дольше. Ну а когда свадьба состоится, тогда, боюсь, она узнает все.

— Но к чему такая предосторожность? Вряд ли миссис Феррарс испытает хоть малейшую радость по поводу того, что у ее сына появятся средства к существованию. Своим поведением она выказала полное безразличие к его судьбе. Отказаться от родного сына, навсегда отречься от него и заставить всех, на кого она имеет влияние, поступить также... Конечно же после такого поступка она не может испытывать по отношению к нему ни печали, ни радости. Вряд ли она настолько слабохарактерна, что-

бы, отказавшись от того утешения, коим являются дети для матери, все же сохранить в себе материнскую заботу!

— Ах, Элинора, — сказал Джон, — рассуждаешь ты хорошо, но человеческая природа тебе совершенно не ведома. Когда злосчастный брак Эдварда состоится, его мать будет испытывать те же чувства, как будто она от него и не отрекалась. А потому все обстоятельства, которые могут ускорить это ужасное событие, нужно как можно более тщательно от нее скрывать. Миссис Феррарс никогда не забудет, что Эдвард — ее сын.

— Вы меня удивляете. Думаю, к настоящему времени она уже успела забыть об этом.

— Ты чрезвычайно несправедлива к ней! Миссис Феррарс — самая любящая мать на свете!

Элинора промолчала.

— Теперь мы подумываем, — сказал он после короткой паузы, — как бы женить на миссис Мортон Роберта.

Элинора, улыбнувшись тому, каким серьезным и важным тоном он это сказал, спокойно ответила:

— Полагаю, леди никакого выбора не предоставляется?

— Выбора? О чем это ты?

— Только о том, что, судя по вашим словам, мисс Мортон все равно, выйдет она замуж за Эдварда или за Роберта.

— Разумеется! Никакой разницы и быть не может, ведь Роберт теперь имеет все привилегии старшего сына. А что касается всего остального, то оба они очень приятные молодые люди, и я не вижу, в чем один уступал бы другому.

Элинора ничего не ответила, и Джон тоже некоторое время молчал. Впрочем, размышления его вскоре закончились.

— В одном, дорогая сестра, я могу тебя заверить, — произнес он жутким шепотом, ласково взяв ее за руку, — и сделаю это, потому что знаю, как ты будешь польщена. У меня есть веские основания думать... Я знаю это из надежнейшего источника, иначе промолчал бы, чтобы не выставлять себя пустословом... но из проверенного источника мне известно... от самой миссис Феррарс я этого не слышал, но она сказала это своей дочери, а та поведала мне. Короче говоря, как бы она ни возражала против некой... определенной связи... ты понимаешь, о чем я... она бы предпочла этот союз тому, что существует сейчас, и он не доставил бы ей такого огорчения. Я был чрезвычайно рад услышать, что миссис Феррарс видит это в таком свете. Весьма отрадное обстоятельство для всех нас. Она сказала, что это было бы несравнимо меньшее из двух зол. И она была бы на него согласна, лишь бы избежать худшего. Однако теперь об этом и думать не стоит. Что было, то прошло. Однако я все же решился тебе это рассказать, ведь я знал, какую радость тебе доставлю. Вряд ли есть какие-то причины сожалеть об этом. Для тебя все складывается так же хорошо, как и прежде, а может быть даже и лучше, учитывая все обстоятельства. Давно ли ты видела полковника Брэндона?

Элинора услышала достаточно, если не для того, чтобы удовлетворить свое тщеславие и поднять самооценку, то хотя бы для того, чтобы взволноваться и задуматься. Поэтому она была рада, что появление мистера Роберта Феррарса избавило ее от необходимости отвечать и опасности услышать еще что-либо в том же духе от своего брата. Мужчины некоторое время побеседовали, а затем Джон Дэшвуд вспомнил, что так и не доложил Фанни о прибытии его сестры, и удалился поискать ее, а Элинора получила возможность познакомиться с Робертом поближе. Он вел себя так же самодоволь-



— В одном, дорогая сестра, я могу тебя заверить, — произнес он жутким шепотом, ласково взяв ее за руку, — и сделаю это, потому что знаю, как ты будешь польщена.

но и легкомысленно, как и прежде, в ущерб своему изгнанному брату беззаботно наслаждаясь несправедливо доставшейся ему большей долей материнской любви и щедрости, которые он заслужил лишь собственным распущенным образом жизни, так что неблагоприятное мнение, которое она составила о нем в прошлый раз, лишь утвердилось в ее уме и сердце.

Не прошло и двух минут, как Роберт заговорил об Эдварде, ведь он тоже слышал про приход и проявил заинтересованность узнать подробности по этому вопросу. Элинор повторила все то, что она рассказывала Джону, и на Роберта это произвело столь же сильное, хоть и совершенно иное впечатление. Он неприлично расхохотался. Мысль о том, что Эдвард станет священником и поселится в маленьком церковном домике, показалась ему чрезвычайно забавной. А когда его воображение принялось рисовать картину, как Эдвард в белом стихаре произносит молитвы и объявляет о бракосочетании кузнеца Джона Смита с пастушкой Мэри Браун, он от души посмеялся неслепости этой сцены.

Элинор молча и без тени улыбки ожидала, когда закончится поток его остроумия, и не смогла удержаться, чтобы не окинуть его презрительным взглядом, выражавшим ее к нему отношение. Впрочем, жалеть об этом ей не пришлось: она облегчила собственное сердце, а он молчаливого укора в свой адрес попросту не заметил. От остроумия он перешел к нравоучениям, но это было вызвано не ее неодобрением, а лишь его собственной чувствительностью.

— Мы можем относиться к этому просто как к шутке, — сказал он наконец, закончив притворно смеяться, когда натуральный смех уже давно перестал его душить, — но, клянусь душой, дело это весьма серьезное. Я очень сожалею об этом, потому что знаю его как человека добросердечного и порядочного, каких сейчас мало. Вы не должны, мисс Дэшвуд, судить его строго по вашему с ним недолгому знакомству. Бедный Эдвард! Манеры у него, конечно, не самые изящные. Но не все мы, знаете ли, от природы одинаково талантливы. Бедняга! Видеть его в столь низком обществе. Это может вызывать только жалость. Однако, клянусь вам, это самый добрый человек во всем королевстве! И я заверяю вас, что никогда в жизни не был так потрясен, как в ту минуту, когда все открылось. Я не мог в это поверить. Первой мне рассказала об этом мать, и я, чувствуя себя обязанным проявить решимость, сразу же ответил ей: «Мадам, я не знаю, как по этому поводу намерены вести себя вы, но за себя я скажу, что если Эдвард женится на этой молодой особе, то я больше не желаю его видеть». Вот что я сразу же ей сказал. Я действительно был в шоке. Бедный Эдвард! Он окончательно поставил на себе крест, закрыв перед собой двери в приличное общество. Впрочем, меня это совсем не удивляет; так я открыто матери и заявил. При том воспитании, какое он получил, этого и следовало ожидать. Моя бедная мать была вне себя.

— Вы когда-нибудь видели эту молодую особу?

— Да, однажды, когда она гостила в этом доме. Я как-то заглянул сюда на десять минут, чего мне оказалось достаточно. Обычная провинциалка — ни вкуса, ни манер, ни особой красоты. Я прекрасно ее запомнил. Мне кажется, она как раз из тех, кто способен очаровать бедного Эдварда. Как только мать мне обо всем рассказала, я сразу же предложил ей поехать к нему и отговорить его от этого брака, но тогда, как выяснилось, было уже поздно что-либо предпринимать. Когда случился разрыв меня рядом не было, а потом я уже не мог вмешиваться. Однако если бы мне сообщили об этом на несколько часов раньше, то возможно, мне удалось бы как-то на него повлиять.

Уж я бы, конечно, преподес бы Эдварду эту ситуацию так, как надо. «Дорогой мой, — сказал бы я, — подумай, что же ты делаешь? Обзавестись таким позорным родством. Решиться на такое, когда вся семья против!». Короче говоря, я не могу отделаться от мысли, что его можно было отговорить, но теперь уже слишком поздно. Думаю, он будет голодать, о да, его будет терзать голод.

Едва он с величайшим спокойствием вынес такой вердикт, появилась миссис Джон Дэшвуд и положила конец разговору на эту тему. Фанни хоть и касалась ее лишь в семейном кругу, но Элинор заметила, как все произошедшее отразилось на ней: на лице ее читалось некоторое смущение, и она была много приветливее, чем обычно. Узнав, что Элинор и Марианна скоро уедут из Лондона, она даже выразила по этому поводу свое огорчение и надежду видеть их почаще. Ее супруг, вошедший в гостиную вместе с ней и восхищенно ловивший каждое ее слово, увидел в этих стараниях доказательство ее несравненной нежности и обходительности.

ГЛАВА XLII

Короткий прощальный визит на Харли-стрит, во время которого Элинор выслушала поздравления брата с тем, что они бесплатно доберутся почти до самого Бартон, а также с тем, что через день-другой после них туда намеревался приехать полковник Брэндон, положил конец свиданиям брата и сестер в Лондоне. Неопределенное приглашение Фанни заглядывать к ним в Норленд всякий раз, когда они будут держать путь мимо него, что было весьма маловероятно, как и более сердечное, хоть и данное Элинор тет-а-тет заверение Джоан, что они вскоре навестят ее в Дэлефорде, стали единственным залогом их будущих встреч в деревне.

Элинор забавляло, что едва ли не все друзья активно зазывали ее в Дэлефорда, где она теперь меньше всего хотела бы погостить, а тем более — поселиться. Не только ее брат и миссис Дженнингс считали это место ее будущим домом, но даже и Люси, когда они прощались, настойчиво зазывала ее туда приехать.

В начале апреля одним ранним утром от дома на Ганновер-стрит и от дома на Беркли-стрит тронулись два экипажа, которым предстояло встретиться в условленном на дороге месте. Чтобы Шарлотте с младенцем было комфортно переносить тяготы пути, ехать они решили без спешки и быть в Кливленде только на третий день. Мистер Палмер и полковник Брэндон планировали ехать быстрее и присоединиться к ним уже в конечной точке.

Марианна, как бы мало приятных часов она ни провела в Лондоне, как бы страстно ни хотела покинуть столицу, все же не без грусти прощалась с домом — с тем последним местом, где надеялась и верила в Уиллоуби, ведь теперь эти чувства угасли навсегда. Не могла она и не пролить слез, когда покидала город, где оставался ее возлюбленный, занятый теперь своими новыми делами и планами, которые ей не дано было с ним разделить.

Элинор испытывала по поводу отъезда более радостные эмоции. С Лондоном, даже мысленно, ее ничего не связывало. Со всеми, кто оставался в столице, ей не жаль было проститься и навсегда. Она рада была избавиться от навязчивой дружбы Люси, была довольна, что увозит сестру, и что Уиллоуби после свадьбы с ней так и не встретился. Она надеялась, что несколько месяцев тихой жизни в Бартоне придадут им с Марианной сил и помогут восстановить душевное равновесие.

Путешествие их прошло благополучно: на второй день они въехали в заветное, или роковое, графство Сомерсет, ибо воображение Марианны рисовало его то таким, то эдаким, а к полудню третьего дня они уже были в Кливленде.

Кливлендская усадьба оказалась вместительной и вполне современной. Стояла она на пригорке, а перед ней простиралась покатая лужайка. Парка кругом не было, но этот недостаток компенсировался обширным садом. Как и в других столь же богатых поместьях, тут были и обсаженные кустарником аллеи, и извилистые, ведущие в



*Чтобы Шарлотте с младенцем было комфортно переносить тяготы пути,
ехать они решили без спешки...*

сторону фасада гравийные дорожки, и живописные группы деревьев посреди лужайки. Сам дом находился под сенью елей, рябин и акаций, которые вместе с итальянскими тополями стеной заслоняли его от служебных построек.

Марианна переступила порог дома, волнуясь от осознания того, что она сейчас находится в восьмидесяти милях от Бартон и всего в тридцати от Комбе-Магна. Не пробыв в его стенах и пяти минут, она, пока остальные помогали Шарlotte показывать младенца экономке, вышла в сад и кривые дорожки увлекли ее вдаль, мимо пробуждающихся после зимы кустарников к холму с греческим храмом на вершине, где ее взор, блуждая по огромной равнине на юго-востоке, заметил у самого горизонта гряды холмов, с вершин которых, как она вообразила, можно было увидеть Комбе-Магна.

В эти минуты бесценного, необъяснимого горя она сквозь слезы радовалась, что приехала в Кливленд, и, возвращаясь к дому другим путем и ощущая на себе всю прелесть деревенской свободы блуждать по окрестностям в безмятежном одиночестве, она решила, что все свободное время каждого дня ее пребывания у Палмеров будет посвящать подобным уединенным прогулкам.

Вернулась она как раз вовремя, чтобы вместе с остальными осмотреть ближайшие окрестности особняка, и остаток утра прошел незаметно, пока они прогуливались по огороду, любуясь изображенными на шпалерах вдоль его стен фруктовыми деревьями и слушая причитания садовника по поводу ухода за больными растениями. Они бродили по оранжерее, где Шарлотта расхохоталась, узнав, что ее любимые кусты, слишком рано высаженные в открытый грунт, побито морозом. Затем они заглянули на птичий двор, где миссис Палмер нашла новые поводы для веселья — скотница жаловалась, что куры не хотят высидывать яйца, к тому же в курятник повадилась шастать лиса, а последний выводок цыплят скосила какая-то болезнь.

Утро выдалось ясным, и Марианна, планируя проводить как можно больше времени на открытом воздухе, даже и не подумала, что погода во время их пребывания в Кливленде может резко поменяться. Поэтому после обеда она очень удивилась, обнаружив, что зарядил дождь. Она уже предвкушала, как в вечерних сумерках пойдет прогуляться к греческому храму, а может быть, обойдет и весь сад, и даже если бы вечер оказался просто промозглым, она бы не отказалась от своих планов. Однако в сильный затяжной дождь даже Марианна не смогла убедить себя, что такая погода подходит для приятных прогулок.

Общество их было невелико, и они коротали свои дни весьма тихо. Миссис Палмер занималась ребенком, а миссис Дженнингс — рукоделием. Они беседовали о друзьях, оставшихся в Лондоне, размышляли на тему того, какие вечера устроит леди Мидлтон и на каких побывает сама, и гадали, удастся ли мистеру Палмеру и полковнику Брэндону доехать этим вечером дальше Рэдинга. Элинора, как бы мало ее это ни интересовало, присоединилась к их беседе, а Марианна, которая обладала незаурядным даром находить библиотеку в любом доме, как бы ни избегали этой комнаты его хозяйка, вскоре раздобыла себе книгу.

Как всегда миссис Палмер нельзя было отказать в добродушии и приветливости. Ее расположение помогало им почувствовать себя желанными гостями. Искренность и сердечность ее манер в полной мере искупали недостаток воспитания и вкуса, из-за чего она часто отступала от норм этикета. Доброта, которойлучилось ее милостивое личико, очаровывала, а глуповатость, хоть и очевидная, не вызывала неприязни, потому что в миссис Палмер не было и тени чванливости. Элинора готова была простить ей все, кроме ее смеха.



*...они прогуливались по огороду, любуясь изображенными на шпалерах вдоль его стен
фруктовыми деревьями и слушая причитания садовника по поводу ухода
за больными растениями.*

Джентльмены прибыли на следующий день к очень позднему обеду, самым приятным образом пополнив их компанию и внося разнообразие в темы их бесед, запас которых за долгий дождливый день успел порядком истощиться.

Элинора мало видела мистера Палмера, но заметив столь разительное отличие в его отношении к ним с сестрой, не представляла себе, чего и ожидать от него в обращении с близкими. Однако она нашла, что к гостям он относится как настоящий джентльмен, и лишь изредка бывает груб с женой и тещей. Выяснилось, что он может быть весьма приятным собеседником, когда ему не мешала склонность мнить себя настолько же выше всех прочих людей, насколько он чувствовал свое превосходство по отношению к миссис Дженнингс и Шарлотте. Что же касается остальных черт его характера и привычек, то они, насколько Элинора могла судить, были у него вполне обычными для мужчин того же возраста и круга. Ел он очень изящно, не придерживаясь какого-либо режима дня, он любил своего ребенка, хоть и старался этого не показывать, и все утро проводил за бильярдом, предпочитая его прочим делам. Однако теперь он импонировал ей гораздо больше, чем она могла ожидать, хотя в глубине души она и не жалела, что сильнее он ей понравиться не может, как и не жалела, что, наблюдая за его эпикурейской праздностью, воспаленным самолюбием и снобизмом, она невольно возвращалась в своих мыслях к великодушному нраву Эдварда, к простоте его вкусов и скромности.

Об Эдварде, или, по крайней мере, о его нынешних заботах, она узнала от полковника Брэндона, который недавно наведывался в Дорсетшир. Воспринимая ее как доброго друга мистера Феррарса, а также как свою самую внимательную собеседницу, он подробно рассказал ей о дэлафордском церковном доме, расписав все его несовершенства и поведав, как он собирается их исправлять. Его расположение к ней, та радость, которую он испытал от их встречи, хотя они не виделись всего лишь десять дней, его постоянное стремление побеседовать с ней, интерес к ее мнению вполне могли объяснить то, почему миссис Дженнингс считала, что он питает к ней определенные чувства. Возможно, и Элинора заподозрила бы это, но она видела, что сердце его до сих пор отдано Марианне. Вот почему подобная мысль никогда не пришла бы ей в голову, если бы не намеки миссис Дженнингс. Впрочем, она считала себя более дальновидной наблюдательницей, ведь в отличие от миссис Дженнингс она обращала внимание не только на его поведение, но следила и за его глазами. Когда Марианна пожаловалась на боль в висках и горле, он посмотрел на нее таким встревоженным взглядом, в котором Элинора различила нежное беспокойство и чрезмерный испуг влюбленного, в то время как от внимания миссис Дженнингс эти проявления эмоций совершенно ускользнули.

Две восхитительные прогулки в сумерках на третий и четвертый день их пребывания в Кливленде (не только по сухим дорожкам цветника, но и по всему остальному парку, даже по самым отдаленным его уголкам, где местность была наиболее дикой, деревья — самыми старыми, а травы — высокими и покрытыми росой), одарили Марианну, имевшую неосторожность не переодеть вовремя промокшие туфли и чулки, сильнейшей простудой, которая через день-другой, как бы она ни старалась пренебрегать ей и не замечать ее, разыгралась настолько, что ей сделалось очень плохо, и это стало заметно каждому. Со всех сторон ей стали предлагать различные рецепты, но она, как обычно, не воспользовалась ни одним из них. Несмотря на жар и лихорадку, слабость в конечностях, кашель и боль в горле, она была уверена, что крепкий ночной сон полностью исцелит ее, и Элинора лишь с трудом уговорила сестру перед сном применить пару самых простых целебных средств.

ГЛАВА XVIII

На следующее утро Марианна встала в обычный для себя час, на все расспросы отвечала, что ей лучше, и пыталась доказать это окружающим, стараясь проводить день за своими привычными занятиями. Однако почти все время она в ознобе сидела у камина с книгой, которую не могла читать, а когда еще больше ослабла, то прилегла на диван, и это никак не свидетельствовало о том, что она идет на поправку. Ей становилось все хуже, и когда она решила пораньше лечь спать, полковник Брэндон был удивлен спокойствию ее сестры, которая хоть и ухаживала за ней весь день напролет, не слушая ее возражений, и хоть заставила ее на ночь принять все необходимые лекарства, но так же, как и она, верила в целительную силу сна и не испытывала особой тревоги.

Однако ночь, проведенная в лихорадочных метаниях по кровати, не оправдала их ожиданий, а когда Марианна, попытавшись подняться, призналась, что у нее нет сил даже сесть, Элинор решила-таки последовать совету миссис Дженнингс и послать за палмеровским доктором.

Он приехал, осмотрел пациентку, и хотя и заверил мисс Дэшвуд, что через несколько дней ее сестра будет здорова, тем не менее, упомянул, что болезнь ее может быть заразной. Произнесенное им слово «инфекция» очень встревожило миссис Палмер, которая тут же подумала о своем младенце. Миссис Дженнингс с самого начала отнеслась к болезни Марианны более серьезно, чем Элинор, а выслушав мистера Харриса, еще больше обеспокоилась и, подтверждая страхи Шарлотты, стала настаивать на том, чтобы они с малышом немедленно покинули Кливленд. Мистер Палмер хоть и не разделял их опасений, но жена его так сильно тревожилась, что он не стал препятствовать их отъезду. Уже через час после визита мистера Харриса Шарлотта с ребенком и нянькой отправились к близкому родственнику мистера Палмера, который жил в нескольких милях от Бата. Муж согласился по ее настоятельной просьбе через день-другой присоединиться к ним, а вот миссис Дженнингс сделать это отказалась. Ее истинная доброта, заставившая Элинор по-настоящему полюбить ее, не позволяла ей покинуть Кливленд, пока Марианна не выздоровеет. Своей заботой она старалась заменить ей мать, от которой ее забрала. И Элинор нашла в ее лице самую усердную и деятельную помощницу, готовую делить с ней все тяготы ухода за больной; к тому же она имела большой опыт в этом деле.

Бедная Марианна, томимая своей болезнью и чувствуя себя совершенно разбитой, уже не надеялась, что следующим утром проснется абсолютно здоровой, а мысли о том, как бы она провела грядущий день, если бы не злосчастная болезнь, лишь усугубляли ее страдания, ведь поутру они должны были в сопровождении лакея мис-

сис Дженнингс отправиться домой и уже через день обрадовать мать своим неожиданным приездом. Молчание свое она прерывала лишь сетованиями на эту неизбежную задержку, хоть Элинор и пыталась утешать ее, внушая ей мысль, что отсрочка продлится недолго, во что сама она все еще искренне верила.

Следующий день не принес больной никакого облегчения. Самочувствие ее не улучшилось, хотя ей и не стало хуже. Компания их потеряла еще одного человека: мистер Палмер как ни хотел остаться, поддавшись голосу своей доброты и человеколюбия, а также желанию показать, как мало значат для него страхи жены, все же уступил уговорам полковника Брэндона выполнить свое обещание и уехал. Сам полковник также засобиравшись уезжать, однако здесь благосклонно вмешалось доброе сердце миссис Дженнингс, ведь отослать полковника, когда его возлюбленная так беспокоится за сестру, значило бы обречь их обоих на лишние страдания, а потому она сразу же объявила ему, что он должен остаться в Кливленде ради нее самой, чтобы ей было с кем играть в пикет, пока мисс Дэшвуд ухаживает за сестрой в спальне, а также по разным другим причинам. Она так настойчиво убеждала его остаться, что он не мог не согласиться, удовлетворяя тем самым заветное желание и собственного сердца. К уговорам миссис Дженнингс присоединился и мистер Палмер, который, казалось, испытал облегчение от мысли, что в Кливленде останется хоть один мужчина, который в случае чего сможет помочь мисс Дэшвуд и словом, и делом.

Марианну, разумеется, держали обо всем этом в неведении. Она не знала, что именно из-за нее хозяева кливлендского поместья покинули свой дом, не пробыв в нем и недели. Ее несколько не удивило, что миссис Палмер не заходит к ней в спальню, и, кажется она вообще не вспоминала про нее, ведь она ни разу даже не произнесла ее имени.

Со времени отъезда мистера Палмера минуло два дня, а самочувствие Марианны оставалось все тем же. Мистер Харрис, навещавший ее почти каждый день, продолжал смело заявлять о ее скором выздоровлении, и мисс Дэшвуд разделяла его оптимизм, в отличие от остальных, ведь миссис Дженнингс еще в начале болезни решила, что Марианне от нее уже не оправиться, а полковник Брэндон, прислушивающийся к ее пессимистичным пророчествам, пребывал не в том состоянии духа, чтобы не поддаться их влиянию. Он пытался обуздать свои страхи, тем более что они не подтверждались компетентным мнением доктора, однако во время долгих часов, проведенных им в одиночестве, грустные мысли все же одерживали верх над доводами рассудка и он никак не мог избавиться от предчувствия, что никогда больше не увидит Марианну.

Однако на утро третьего дня их мрачные опасения почти развеялись, ведь мистер Харрис объявил, что его пациентке значительно лучше. Пульс ее стал более сильным, и все симптомы — более благоприятными, чем во время его прошлого визита. Элинор, разделяя его оптимизм, была весела и радовалась тому, что в своих письмах матери опиралась более на собственное суждение, чем на мнение миссис Дженнингс, объясняя их задержку в Кливленде лишь легким недомоганием Марианны и уже почти определяя срок, когда они смогут уехать.

Кончился же этот день не так приятно, как начался. К вечеру самочувствие Марианны снова ухудшилось: лихорадка и ломота вернулись к ней с еще большей силой. Однако ее сестра все еще отказывалась воспринимать эти симптомы всерьез, объясняя их усугубление лишь переутомлением больной, которая, пока застилали ее

кровать, была вынуждена сидеть в кресле. Напоив сестру прописанной доктором микстурой, она с удовлетворением наблюдала, как та погружается в сон, которой должен был оказать самое благотворное влияние. Однако сон Марианны был не таким спокойным, как хотелось бы Элинор, и продолжался он дольше обычного. Желая своими глазами увидеть его последствие, Элинор решила сидеть с ней, пока та не пробудится. Миссис Дженнингс, не зная о том, что больной стало хуже, легла спать пораньше, а ее горничная, одна из главных сиделок, отдыхала в комнате экономки, оставив Элинор наедине с Марианной.

Сон последней становился все более тревожным. Сестра ее с неослабевающим вниманием наблюдала, как та мечется по постели и в забытии жалобно стонет. Она уже почти решила разбудить ее, прервав эту мучительную дрему, как вдруг Марианна, вероятно, встревоженная каким-то донесшимся из-за двери звуком, вскочила и лихорадочно закричала:

— Мама приехала?

— Еще нет, — ответила Элинор, пытаясь скрыть свой ужас и помогая Марианне снова лечь. — Но, надеюсь, она скоро будет здесь. Ты же знаешь, отсюда до Бартона путь неблизкий.

— Только пусть она не едет через Лондон, — воскликнула Марианна. — Если она поедет через Лондон, то я ее больше не увижу!

Элинор с тревогой заметила, что сестра бредит, и, пытаясь ее успокоить, стала щупать ей пульс. Он был слабее и чаще, чем когда-либо. Марианна продолжала что-то бессвязно бормотать о матери, и сестра в испуге решила немедленно послать не только за мистером Харрисом, но и отправить кого-нибудь за миссис Дэшвуд в Бартон. Она заключила также, что нужно посоветоваться обо всем с полковником Брэндоном. Немедленно позвав горничную, Элинор оставила ее сидеть с сестрой, а сама поспешила в гостиную, где полковника, как она знала, можно было застать и в гораздо более поздний час.

Колебаться было некогда, она без церемоний рассказала ему обо всех своих опасениях и затруднениях. Развеять эти страхи ему не доставало ни мужества, ни уверенности. Он выслушал ее с молчаливым отчаянием, но тут же положил конец ее затруднениям. С поспешностью, которая говорила о том, что мысль эта уже была им обдумана, он вызвался сам отправиться за миссис Дэшвуд, и Элинор вскоре оставила свои слабые попытки возражать против этого. Она поблагодарила его коротко, но с глубокой признательностью, и пока он посылал своего слугу за мистером Харрисом и распоряжался о почтовых лошадях для себя, она решила написать несколько строк матери.

Поддержка такого преданного друга, как полковник Брэндон, была для Элинор большим утешением. Она понимала, что лучшего компаньона для ее матери нельзя было даже представить. Его советы поддержат ее, его присутствие облегчит для нее тяготы пути, а его дружба станет утешением в ее тревогах. Своим участливым вниманием и заботой он смягчит внезапный тяжелый удар, насколько это возможно.

Тем временем он, подавляя свои эмоции, осуществлял необходимые приготовления со всей быстротой собранного ума, не теряя ни минуты, и даже рассчитал примерный срок своего возвращения обратно. Лошадей подали раньше, чем ожидалось. Полковник с серьезным видом пожал Элинор руку и сел в экипаж, сказав на прощание несколько слов, которые, правда, ей не удалось расслышать. Было около полуночи, и она вернулась в спальню сестры, чтобы дожидаться прихода доктора и провести у

ее постели остаток ночи. Это были часы равных страданий для обеих: Марианна мучалась в лихорадочном бреду, не избавлявшем ее от боли, а Элинора — от сильнейшей тревоги за сестру. Мистер Харрис все не ехал. Теперь Элинора с лихвой расплачивалась за свою прежнюю беспечность. Горничная, сидевшая рядом с ней и не позволявшая будить миссис Дженнингс, лишь усугубляла ее муки намеками на мрачные предсказания своей госпожи.

Марианна в забытьи по-прежнему звала мать, и всякий раз, когда она произносила ее имя, сердце бедной Элиноры сжималось от боли. Она корила себя за то, что так долго не замечала серьезности марианнинного недуга, желая найти средство, которое принесло бы сестре немедленное облегчение, воображая, что облегчение это может уже не наступить, что они промедлили слишком долго. Она представляла, как сокрушенная горем мать застанет Марианну уже мертвой или в столь тяжком бреду, что та не сможет узнать ее.

Она уже собралась было снова послать за мистером Харрисом, или, если бы его не нашли, за каким-нибудь другим доктором, но тут он, уже в шестом часу утра, наконец, объявился. Однако, вердикт его несколько искупил столь сильное промедление: признав неожиданную и неблагоприятную перемену в самочувствии своей пациентки, он все же продолжал настаивать на своем, утверждая, что ей ничего не угрожает. К тому же он ручался, что новое его лекарство принесет ей облегчение с такой уверенностью, что она передалась и Элинора. Он пообещал через три-четыре часа навестить к ним снова и оставил больную и ее преданную сиделку несколько приободрившимися по сравнению с тем, какими он их застал.

Миссис Дженнингс, узнав с утра о событиях ночи, очень расстроилась и упрекала всех в том, что ее не разбудили. Недавние ее опасения теперь лишь преумножились: она уже не сомневалась в трагическом исходе, и, пытаясь утешить Элинору, старалась не обнадеживать ее. Почтенная дама пребывала в глубокой печали. Такая скоропостижная, такая ранняя смерть столь юной и прекрасной девушки не оставили бы равнодушным и стороннего человека, а уж на сострадание миссис Дженнингс Марианна могла претендовать с полным правом. Она уже три месяца делила с ней кров и до сих пор находилась под ее опекой, к тому же пережила тяжелую душевную драму, от которой еще не оправилась. Миссис Дженнингс представляла себе горе ее сестры, своей любимицы, а когда задумывалась, что для матери Марианна так же дорога, как для нее Шарлотта, она сочувствовала миссис Дэшвуд всем своим сердцем.

Во второй раз мистер Харрис явился в обещанное время, но надежды, которые он вселил в больную после первого своего визита, его обманули. Лекарство не подействовало, жар не ослаб, и Марианна больше не металась лишь потому, что впала в еще более тяжелое забытие. Элинора, уловив его обеспокоенность и преувеличив ее, предложила пригласить еще какого-нибудь доктора. Однако он счел это излишним: у него в запасе было еще одно лекарство, в действенности которого он был уверен так же сильно, как и в целительности предыдущего. Уехал он с ободряющими заверениями, которые были услышаны мисс Дэшвуд, но не достигли ее сердца. Она сохраняла спокойствие, за исключением тех минут, когда думала о матери, но уже почти перестала надеяться. Так продолжалось до полудня: она не отходила от постели сестры, мысленно представляя себе горе всех их близких. Ее подавленное состояние усугубляли рассуждения миссис Дженнингс, которая была склонна связывать тяжесть и опасность болезни Марианны с предшествующими ему долгими неделями моральных страда-

ний. Элинор не могла не принять правдоподобность этих рассуждений, отчего ее собственные раздумья становились еще более горькими.

Впрочем, около полудня она с трепетом, боясь вновь обмануться и ничего не говоря даже миссис Дженнингс, стала замечать, как ей показалось, легкое улучшение пульса сестры. Она выжидала, снова и снова прощупывая ее пульс, и наконец, с волнением, которое скрыть оказалось труднее, чем все предшествующие тревоги, решилась рассказать о своих надеждах вслух. Миссис Дженнингс, ощупав пульс больной, вынуждена была признать его усиление, однако предостерегала свою подругу от преждевременной радости, и Элинор, заразившись ее скептицизмом, старалась не тешить себя надеждами. Однако было уже поздно: надежда проникла в ее сердце и она в трепетном ожидании склонилась над сестрой, сама не понимая зачем... Прошло полчаса, но благоприятные симптомы не исчезали, а напротив, подкреплялись новыми. Дыхание, цвет лица и губ Марианны — все говорило о том, что она идет на поправку, и вот она уже устремилась на Элинор вполне осмысленный, хоть и томный от слабости взгляд. В душе мисс Дэшвуд боролись тревога и надежда, и она ни на минуту не могла успокоиться, пока в четыре часа к ним не пожаловал мистер Харрис и не поздравил их с тем, что Марианна выздоравливает, причем даже быстрее, чем он ожидал. Эти слова утешили ее и вызвали слезы радости.

Марианна выглядела намного лучше, и доктор объявил, что ей больше ничего не угрожает. Миссис Дженнингс, удовлетворившись, возможно, тем, что ее предчувствия накануне частично оправдались, позволила себе положиться на его мнение с непритворной радостью, а вскоре она с веселой бодростью признала вероятность скорого и полного выздоровления.

Элинор не могла так бодриться. Ее радость была иного свойства и не проявлялась в веселье. Мысль о том, что Марианна вернется к здоровой жизни, к друзьям и любящей матери наполняла ее сердце блаженным успокоением, пылкой благодарностью судьбе, но это не проявлялось ни в словах, ни в улыбках. Чувства в душе Элинор были сильны, но безмолвны.

Она продолжала присматривать за сестрой почти непрерывно, на протяжении всего дня, развеивая ее страхи, отвечая на все произнесенные ее ослабшим голосом вопросы, всячески ухаживая за ней и неусыпно следя за каждым ее взглядом и вздохом. Конечно, боязнь того, что самочувствие Марианны может снова ухудшиться, не оставляла ее, но каждый раз осматривая сестру, она подмечала, как признаки ее выздоровления становятся все более явными. А когда она увидела, что около шести часов Марианна погрузилась в спокойный и, по-видимому, благоприятный сон, все ее сомнения окончательно рассеялись.

Приближалось время, когда можно было ожидать возвращения полковника Брэндона. Она надеялась, что около десяти часов или немногим позже ее мать будет избавлена от мучительного ожидания, в котором она должна пребывать, равно как и полковник, ведь он едва ли переживал меньше нее. Ах, как медленно течет время, обрекающее их на тягостное неведение.

В семь часов, оставив Марианну сладко спящей, она спустилась в гостиную, чтобы вместе с миссис Дженнингс выпить чаю. Тревога не дала ей позавтракать, а за обедом она почти не ела из-за переизбытка чувств противоположного толка, и теперь, когда эмоции сменились душевным покоем, она принялась за трапезу с большим удовольствием. Миссис Дженнингс уговаривала ее перед приездом матери прилечь отдохнуть,



Элинора, открыв ставни, выглянула в окно с целью удостовериться, что ей не послышалось.

и предлагала посидеть с Марианной вместо нее. Однако Элинор не чувствовала усталости и предполагала, что не сможет уснуть даже на минуту, ведь ей ни на одно лишнее мгновение не хотелось разлучаться с сестрой. Поэтому миссис Дженнингс проводила ее наверх в комнату больной и, убедившись, что все в порядке, оставила ее там наедине со своими мыслями, а сама удалилась в свою комнату, чтобы написать письма, а затем улечься спать.

Ночь была холодной и бурной. Вокруг дома завывал ветер, дождь барабанил по стеклам, но Элинор находилась во власти счастья и не обращала на это никакого внимания. Марианна спала крепко и бушующая стихия ее не тревожила, а путешественники за все теперешние свои неудобства должны были быть вознаграждены по прибытию.

Часы пробили восемь. Если бы ударов было десять, Элинор не усомнилась бы, что слышит звук подъезжающего к дому экипажа. И хотя полковник с миссис Дэшвуд не могли успеть вернуться так рано, звук был столь отчетливым, что она вышла в гардеробную и, открыв ставни, выглянула в окно с целью удостовериться, что ей не послышалось. Она сразу поняла, что слух ее не обманул: вдали виднелись фонари кареты. В их неверном свете ей показалось, что эта карета запряжена четверкой лошадей. Она объяснила себе это тем, что ее мать была сильно встревожена, и потому приложила все усилия, чтобы приехать как можно быстрее.

Никогда прежде Элинор не было так трудно сохранять спокойствие. Она осознала, какие чувства испытывает сейчас ее мать, когда карета уже стоит у дверей, какие ее одолевают страхи, а может быть и отчаяние! И она должна была как можно быстрее их развеять. Невозможно было оставаться спокойной, думая об этом. Ей нужно было торопиться, и она поспешила вниз, задержавшись только, чтобы попросить горничную миссис Дженнингс посидеть с Марианной.

Шум в прихожей поведал ей о том, что они уже в доме. Она бросилась в гостиную, отворила дверь, и увидела одного Уиллоуби.

ГЛАВА XLIV

Элино́р в ужасе отшатнулась и, повинувшись первому душевному порыву, тотчас же повернулась, чтобы выйти из комнаты. Ее рука уже коснулась ручки двери, когда он поспешно подошел к ней и сказал голосом не столько умоляющим, сколь повелительным:

— Мисс Дэшвуд, на полчаса... на десять минут... я прошу вас остаться.

— Нет, сэ́р, — твердо ответила она, — я не останусь. Какое дело может быть у вас ко мне? Слуги, видимо, не предупредили вас, что мистера Палмера нет дома.

— Ели бы мне даже сказали, что мистер Палмер и все его родственники провалились сквозь землю, — воскликнул он яростно, — это не помешало бы мне войти. Мое дело к вам и только к вам.

— Ко мне? — изумленно спросила Элино́р. — В таком случае будьте кратки и, если сможете, держите себя в руках.

— Сядьте, я обещаю вам и то, и другое.

Она колебалась, не зная, как поступить. Ей не давала покоя мысль, что вот-вот придет полковник Брэ́ндон и застанет Уиллоуби. Однако она уже обещала выслушать его, к тому же ее терзало любопытство. Поэтому, поразмыслив, она решила, что благоразумнее будет согласиться, ведь чем быстрее она это сделает, тем раньше закончится этот неожиданный визит. Молча она подошла к столу и села возле него. Уиллоуби отодвинул стул напротив и сел, с полминуты они оба молчали.

— Прошу вас, сэ́р, не мешкайте, — наконец, нетерпеливо сказала она, — у меня мало времени.

Он сидел в позе глубокой задумчивости и, казалось, не слышал ее слов.

— Ваша сестра, — вдруг воскликнул он, — вне опасности. Слуга сказал мне об этом. Слава Богу! Это действительно правда?

Элино́р промолчала, и он повторил вопрос с еще большей настойчивостью.

— Ради Бога, скажите мне, ей действительно ничто не угрожает?

— Надеемся, что это так.

Он встал и прошелся по комнате.

— Знал бы я это полчаса назад... Но раз я уже здесь, — сказал он с вымученной живостью и вернулся на прежнее место, — то что это меняет? Так давайте, мисс Дэшвуд, в кои-то веки порадуемся вместе, может, и в последний раз. У меня прекрасное настроение, я весел. Скажите мне честно, — по его щекам разлился багровый румянец, — кем вы считаете меня в первую очередь: подлецом или дураком?

Элино́р посмотрела на него с еще большим изумлением. Ей стало казаться, что он, должно быть, пьян, иначе как можно было объяснить странность его визита и поведения? Она тотчас встала со словами:



Элинор в ужасе отшатнулась и, повинувшись первому душевному порыву, тотчас же повернулась, чтобы выйти из комнаты.

— Мистер Уиллоуби, советую вам вернуться в Комбе — у меня больше нет времени с вами беседовать. Какое бы у вас ни было ко мне дело, на свежую голову вам легче будет все вспомнить и объяснить.

— Я понял вас, — ответил он с нарочитой улыбкой, но совершенно спокойно, — Да, я очень пьян. Пинты портера с холодной говядиной в Мальборо оказалось достаточно, чтобы я захмелел.

— В Мальборо! — воскликнула Элино́р, все менее понимая, к чему он клонит.

— Верно. Я выехал из Лондона в восемь часов утра, и с тех пор лишь на десять минут вышел из экипажа в Мальборо, где мне удалось раздобыть себе обед.

Твердость его тона и ясность глаз убедили Элино́р в том, что как бы ни была непростительна дерзость, приведшая его в Кливленд, вызвана она была не опьянением. После недолгого раздумья Элино́р сказала:

— Мистер Уиллоуби, вы должны понимать, как понимаю это я, что после всего произошедшего ваше появление здесь и принуждение к разговору требуют весомого оправдания. Так в чем же оно состоит?

— Я хочу, — сказал он с жаром, — если сумею, хоть немного умалить вашу ненависть ко мне. Я хочу предложить вам некоторые объяснения того, что произошло... некоторые оправдания. Я хочу открыть вам свое сердце и убедить вас, что я всегда был глупцом, но не всегда — негодяем, и добиться хоть тени прощения от Ма... от вашей сестры.

— Это единственная причина, ради которой вы приехали?

— Клянусь своей душой! — ответил он с такой пылкостью, что она вспомнила прежнего Уиллоуби и невольно поверила в его искренность.

— Если вас интересует лишь это, то можете быть спокойны, потому что Марианна... давно вас простила.

— Правда? — воскликнул он все с той же пылкостью. — Значит она простила меня прежде, чем следовало бы. Однако теперь она простит меня снова, и благодаря более веским причинам. Так вы согласны меня выслушать?

Элино́р наклонила голову в знак согласия.

— Не знаю, — сказал он после некоторого раздумья, в то время как она молча ждала его слов, — как вы себе объясняли мое поведение по отношению к вашей сестре и какие дьявольские мотивы вы мне приписывали... Возможно, ваше мнение обо мне и не станет лучше... но я все же попытаюсь... и расскажу вам все, как есть. Когда я познакомился с вашей семьей, у меня не было иных намерений и планов, кроме как приятно провести время в Девоншире, скрасить его так, как мне не доводилось прежде. Красота вашей сестры, ее изящество не могли оставить меня равнодушными, а ее поведение по отношению ко мне почти с самого начала... Теперь, когда я думаю, каким оно было, и какой была она, я удивляюсь бесчувственности своего сердца. Однако поначалу, должен признаться, она тешила лишь мое тщеславие. Не заботясь о ее счастье, думая только о собственном удовольствии, отдаваясь чувствам, которым я всегда был слишком склонен потакать, я всеми средствами старался понравиться ей, вовсе не желая отвечать ей взаимностью.

В этот момент мисс Дэшвуд, бросив на него гневный и презрительный взгляд, перебила его и сказала:

— Мистер Уиллоуби, вряд ли вам стоит это рассказывать, а мне — слушать. Подобное начало не сулит ничего хорошего. Не заставляйте меня страдать, выслушивая и дальше ваши признания.

— Я настаиваю, чтобы вы выслушали все до конца! — возразил он. — Я никогда не имел большого состояния, но меня всегда влекло к богатой жизни, и я с юности имел привычку общаться с людьми, имевшими гораздо больший доход, чем я сам. Каждый год с тех пор, как я достиг совершеннолетия, мои долги множились. И хотя кончина моей престарелой родственницы, миссис Смит, должна была разрешить мои проблемы, но произойти это могло нескоро, и я уже довольно давно решил поправить свои дела, женившись на богатой женщине. Поэтому у меня и в мыслях не было связать свою судьбу с вашей сестрой, и с жестокостью, эгоизмом и вероломством, которую ни один негодующий и презрительный взгляд — даже ваш, мисс Дэшвуд! — не способен осудить в достаточной мере, я пытался пробудить в ней чувство, не думая о том, чтобы ответить на него взаимностью. Однако кое-что все-таки может немного оправдать всю гнусность моего себялюбивого поведения: я не предполагал, какую боль могу причинить, ведь тогда я еще не знал, что это такое — любить. Узнал ли я об этом потом? Можно усомниться в этом, ведь если бы я действительно любил, то разве мог бы я пожертвовать своими чувствами во имя тщеславия, во имя алчности? И, что еще важнее, мог бы я пожертвовать ее любовью? Однако я сделал это. Стремясь избежать бедности, которая по сравнению с ее любовью и ее обществом показалась бы мне ничем, я, приобретя богатство, потерял то, что могло бы сделать его желанным.

— Значит, вы верите, — спросила Элинора, немного смягчившись, — что в какое-то время испытали к ней искреннее чувство?

— Разве можно устоять перед такой красотой, перед такой нежностью? Нет на свете мужчин, которые на это способны! Да, однажды я понял, что люблю ее, и самыми счастливыми часами в моей жизни были те, которые я проводил с ней, когда мои намерения были честны, а чувства — искренни. Однако даже тогда, когда я был полон решимости предложить ей руку и сердце, я с непростительным легкомыслием откладывал этот момент, не желая заключать помолвку, не поправив сперва свое финансовое положение. Не стану искать отговорок и не буду противиться вашим обвинениям во вздорности и даже хуже, чем вздорности, этих опасений связать себя словом там, где я уже был связан честью. Время показало, что я вел себя как хитрый гаупец, предусмотрительно предоставивший себе шанс опозориться и стать несчастным навсегда. Наконец, я решил отбросить все сомнения и, как только останусь с ней наедине, оправдать свои ухаживания, открыто заверив ее в чувстве, которое я так старательно выставлял напоказ. Однако в промежутке... за несколько часов до того, как мне предоставилась возможность поговорить с ней с глазу на глаз... возникло одно злощастное обстоятельство, которое поставило крест на моих намерениях, а вместе с ними — и на моем счастье. Открылось, что... — Тут он запнулся и опустил глаза. — Миссис Смит каким-то образом узнала, я полагаю, от кого-либо из дальних родственников, чьей целью было лишить меня ее расположения... о моем романе, о связи... но нужно ли объяснять дальше? — спросил он, покраснев и устремив на Элинору вопрошающий взгляд. — Ваша дружеская близость... вам, вероятно, давно уже рассказали эту историю.

— Да, — ответила Элинора, также покраснев и стараясь изгнать из своего сердца всякое сострадание к нему, — я все это слышала. И как вы собираетесь опровергнуть свою вину в этом ужасном деле, я себе даже представить не могу.

— Вспомните, — вскричал Уиллоуби, — от кого вы об этом узнали. Может ли этот рассказ быть беспристрастным? Я признаю, что должен был с уважением отне-

стись к ее возрасту и положению. Я не ищу себе оправданий, но в то же время не хочу, чтобы вы думали, будто ничто не может меня извинить, будто, поскольку ее сердце ранено, значит сама она безупречна, и если я распутник, то она — святая. Если буйство ее страсти, недалекость ее ума... Впрочем, я не намерен защищать свое поведение. Ее чувства ко мне заслуживали лучшего отношения, и я часто упрекаю себя, вспоминая ту нежность, которая на какое-то время вызвала отклик в моем сердце. Я очень хотел, чтобы этого не случилось. Но еще больше, чем ее саму, я ранил ту, чьи чувства ко мне (могу ли я об этом говорить?) были ничуть не менее пылкими, чем ее чувства, и чей ум... несравнимо превосходил...

— Такое равнодушие к несчастной девушке... Как ни неприятно мне говорить на подобную тему, я должна сказать, что безразличие ваше отнюдь не извиняет вашего жестокого к ней отношения. Не думайте, что недалекость, природная ограниченность ее ума, может хоть как-то оправдать ваше безрассудное жестокосердие. Вы ведь наверняка знали, что пока вы развлекаетесь в Девоншире, строя новые планы на жизнь, такой веселый, счастливый, она находилась в крайне бедственном положении.

— Клянусь честью, я этого не знал! — горячо возразил он. — Я забыл, что не оставил ей свой адрес, но ведь здравый смысл должен был подсказать ей, как меня найти.

— Не будем об этом, сэр. Ну так что же сказала миссис Смит?

— Она сразу набросилась на меня с обвинениями, и несложно представить, в каком я был замешательстве. Чистота ее жизни, строгость понятий, удаленность от мира — все было против меня. Я не мог отрицать своего проступка, и все попытки смягчить его оказались тщетны. Мне кажется, она и прежде была склонна сомневаться в нравственности моего поведения, а кроме того, она была недовольна, как мало внимания я ей уделил, как мало минут проводил я с ней во время того визита. Короче говоря, все закончилось полным разрывом. Однако способ спасти себя мне был предоставлен. Возмущаясь моей аморальностью, добрая женщина была согласна простить мне прошлые прегрешения, если я женюсь на Элизе. Я этого сделать не мог, и она отрекалась от меня, а также отказала мне в праве на дом. Уже следующим утром мне надлежало уехать, и всю ночь я провел в размышлениях, как мне лучше всего поступить. Борьба была тяжела, но длилась она недолго. Моего чувства к Марианне и уверенности в его взаимности оказалось недостаточно, чтобы побороть страх перед бедностью, возвысить себя над ложным представлением о необходимости располагать большими деньгами, которое мне было свойственно по натуре и лишь окрепло в обществе богатых людей. У меня были основания полагать, что если я сделаю предложение моей нынешней жене, то она не откажет, и я убедил себя, что мне не останется ничего другого, кроме как пойти на это. Однако прежде чем покинуть Девоншир, я должен был пройти тяжелое испытание: в тот самый день вы пригласили меня на обед. Я должен был захватить к вам и, как мне показалось, принести кое-какие извинения. Однако я никак не мог решить, сделать это лично или оставить записку. Я понимал, что мне будет тяжело прощаться с Марианной и даже сомневался, смогу ли я это сделать. Однако, как выяснилось в дальнейшем, я недооценил силу своего духа: я приехал, увиделся с ней, увидел ее горе и оставил ее горевать... оставил в надежде никогда больше с ней не встречаться.

— Но почему же вы все-таки приехали, мистер Уиллоуби? — с упреком спросила Элинор, — вы могли бы оставить свои извинения в записке. Зачем было приезжать?

— Ради своей гордости. Мне было невыносимо уехать тайком, ведь вы и все в округе могли заподозрить, что произошло между мною и миссис Смит, поэтому по



Возмущаясь моей аморальностью, добрая женищина была согласна простить мне прошлые прегрешения, если я женюсь на Элизе. Я этого сделать не мог, и она отреклась от меня, а также отказала мне в праве на дом.

пути в Хонитон я решил заехать к вам. Однако встреча с вашей милой сестрой была ужасна, к тому же я застал ее одну. Больше в доме никого не было и я не знал, когда хоть кто-нибудь вернется. Лишь накануне вечером я оставил ее с такой твердой решимостью поступить как должно! Еще несколько часов, и мы были бы связаны с ней навсегда. Я помню, как весел, как счастлив я был, когда возвращался пешком из коттеджа в Алленхэм, довольный собой и полный любви ко всем людям. Однако во время той нашей последней с ней дружеской беседы меня так терзало чувство вины перед ней, что мне едва хватило сил притворяться. Ее печаль, ее сожаление, ее глубокое разочарование, когда я сказал ей, что вынужден срочно покинуть Девоншир — никогда мне их не забыть — вкупе с такой доверчивостью, с такой уверенностью во мне... Боже мой! Каким бессердечным подлецом я был.

Некоторое время они оба молчали. Первой заговорила Элинор:

— Вы сказали ей, что скоро вернетесь?

— Я не помню, что ей сказал, — ответил он с нетерпением. — Вероятно, меньше, чем следовало бы, исходя из прошлого, и гораздо больше, чем было оправдано будущим. Мне больно вспоминать об этом. Потом пришла ваша дорогая матушка, чтобы испытывать меня дальше, на сей раз уже своей добротой и доверием. Слава Богу, что для меня это все-таки было пыткой. Я был подавлен. Мисс Дэшвуд, вы даже не представляете, какое утешение я испытываю, вспоминая то свое горе. Я никогда не прощу себя за ту глупость, за подлую глупость своего сердца, и все мои прошлые страдания из-за нее теперь стали моей единственной гордостью и торжеством. Что ж, я уехал, оставив все, что любил, ради тех, к кому в лучшем случае был лишь равнодушен. Мое возвращение в Лондон... Я ехал на своих лошадях, и это было так медленно... ни одного собеседника, один на один с собственными мыслями, такими веселыми... навстречу будущему, такому манящему! А когда я вспоминал Бартон, это меня так успокаивало. О, какая была чудесная поездка!

Он замолчал.

— Итак, сэр, — сказала Элинор, которая хоть и стала испытывать к нему жалость, но все же с нетерпением ждала, пока он уедет, — вы закончили?

— О, нет! Вы разве забыли, что произошло в Лондоне? Это гнусное письмо... она вам его показывала?

— Да, я видела все ее письма и записки.

— Когда до меня дошло ее первое письмо (а получил я его сразу же, ведь я с самого начала был в Лондоне), то я почувствовал, что... но словами это не выразить. Если же говорить проще, настолько просто, чтобы не всколыхнуть ваших эмоций, то я испытал мучительнейшие чувства. Каждая строчка, каждое слово ранило меня — если прибегнуть к избитой метафоре, которую написавшая их, будь она здесь, запретила бы мне произносить — кинжалом в сердце. Весть о том, что Марианна в Лондоне была для меня, выражаясь тем же языком, как гром среди ясного неба. Удары грома и кинжалы — как бы она сейчас мне на это пеняла! Ее вкусы, ее суждения, кажется, известные мне лучше, чем собственные; во всяком случае, они мне дороже.

Сердце Элинор, пережившее множество перемен в ходе этой необычной беседы, снова смягчилось. Тем не менее она, посчитала нужным напомнить ему о неуместности утверждений, подобных последнему.

— Так не годится, мистер Уиллоуби! Не забывайте, что вы женаты. Говорите только о том, что тяготит вашу совесть.

— Записка Марианны, в которой она уверяла меня, что я по-прежнему дорог ей так же, как и раньше, и что, несмотря на долгие недели разлуки она осталась верна собственным чувствам и полна уверенности в постоянстве моих, как всегда, пробудила во мне угрызения совести. Я говорю «пробудила», потому что время и столичная жизнь, дела и кутежи в какой-то мере усыпили ее, и я превращался в обаятельного закоренелого злодея, воображая себя равнодушным к ней и внушая себе, что она также ко мне охладела. Убеждая себя, что наши взаимные чувства были лишь пустяком, я в доказательство этого пожимал плечами, заглушая в себе голос совести, подавляя все ее угрызения, и повторяя про себя: «Я буду искренне рад услышать, что она удачно вышла замуж». Однако эта записка помогла мне лучше узнать себя. Я почувствовал, что Марианна мне дороже всех женщин на свете, и понял, как бессовестно обошелся с ней. Однако тогда между мной и мисс Грей все было уже улажено. Отступать я не мог. Мне оставалось лишь избегать вас обоих. Отвечать Марианне я не стал, надеясь, что больше она мне не напишет, и некоторое время даже пребывал в полной решимости не заезжать на Беркли-стрит, но в итоге я все-таки решил примерить личину равнодушного знакомого, и выждав, когда вы все уедете из дома, оставил свою карточку.

— Выждали, когда мы все уедем!

— Именно так. Вы удивитесь, узнав, как часто я следил за вами, как часто я едва не попался вам на глаза. Когда ваш экипаж проезжал мимо, я скрывался в ближайших лавках. Жил я на Бонд-стрит, и не было дня, когда я хоть мельком не видел кого-нибудь из вас. Только моя неусыпная бдительность и самое горячее желание избежать встречи помогли мне не столкнуться с вами лицом к лицу. Я старался избегать также и Миддлтонов, и всех наших общих знакомых. Однако не зная, что они в Лондоне, я случайно столкнулся на улице с сэром Джоном, кажется, в первый же день его приезда и на следующий день после того, как я заезжал к миссис Дженнингс. Он пригласил меня на танцы, которые они проводили у себя тем вечером. И даже если бы он не сказал мне, что вы и ваша сестра обещали прийти, я все равно из осторожности не стал бы принимать это приглашение. На следующее утро я получил еще одну записку от Марианны, по-прежнему проникнутую нежностью, искренностью, доверием — всем тем, на фоне чего мое поведение казалось еще более отвратительным. Ответить у меня не нашлось сил. Я пытался... и не смог подобрать слов. Однако, клянусь, каждую минуту я думал о ней. Если вы способны пожалеть меня, мисс Дэшвуд, то просто вообразите, каким тогда было мое положение. Мой разум, мое сердце были полны вашей сестрой, а я вынужденно изображал счастливого жениха другой! Эти три-четыре недели были для меня самыми мучительными из всех. И, наконец, как вы уже знаете, мы встретились. И как же прелестно я себя вел! Это был вечер страданий! Марианна, прекрасная, как ангел, зовет меня по имени так нежно... О, Боже!.. протягивает мне руку, просит объяснений и пристально смотрит на меня участливым взором чарующих глаз... А рядом — Софья, ревнивая, как дьявол... Ну, да это уже не важно. Все кончено! Жуткий вечер! Я сбежал от вас всех, как только смог, но перед этим увидел милое лицо Марианны, бледное, как смерть. Вот какой я видел ее в последний раз, какой я ее запомнил. Это было ужасно! И все же, когда я думал сегодня, что она умирает, я утешал себя странной мыслью, что знаю, как она будет выглядеть для тех, кто проводит ее в последний путь. Всю дорогу я видел перед собой ее лицо, каким я запомнил его тогда.

Ненадолго снова наступило молчание. Первым очнулся от своих мыслей, Уиллоуби, нарушив его словами:



Когда ваш экипаж проезжал мимо, я скрывался в ближайших лавках.

— Что же, мне пора поторопиться. Вашей сестре действительно лучше, ей точно ничего не угрожает?

— Нас в этом заверили.

— А ваша бедная мать! Она ведь так любит Марианну!

— Однако, письмо, мистер Уиллоуби, ваше собственное письмо, вам нечего о нем сказать?

— Нет-нет, напротив! Вы ведь знаете, что ваша сестра написала мне на следующее утро. И вы знаете содержание этого письма. Я завтракал у Эллисонов, и оно пришло мне вместе с другими из моей квартиры. Софья заметила его раньше меня, и то, как оно было сложено, изящность бумаги, почерк — все это вызвало ее подозрения. До нее уже доходили слухи о моей привязанности к какой-то молодой леди из Девоншира, а встреча накануне вечером намекнула на то, о ком шла речь, и это лишь усилило ее ревность. И вот, приняв игривый вид, который так пленяет нас в любимой женщине, она тотчас же вскрыла письмо и прочла его. Эта дерзость дорого ей обошлась. То, что она прочла, сделало ее несчастной. Страдания ее я еще смог бы вынести, но ее гнев, ее злобу необходимо было умиротворить. Короче говоря, как вам показался стиль письма моей жены? Деликатен, нежен, женственен, не так ли?

— Вашей жены? Но ведь письмо было написано вашим почерком!

— Да, но заслуга моя только в том, что я рабски переписывал фразы, под которыми мне стыдно было ставить свою подпись. Оригинал целиком был ее работой — и тонкость мыслей, и изящество их воплощения. Что я мог поделать? Мы были помолвлены, велись приготовления к свадьбе, уже был назначен день... Но о чем же я говорю? Приготовления! День! Если честно, мне необходимы были ее деньги, и в том положении, в котором я оказался, я бы согласился на все, только бы предотвратить разрыв. В конце концов, что мог поменять язык этого письма в том мнении, которое уже сложилось обо мне у Марианны и ее друзей? Наоборот, моим делом было изобразить из себя подлеца, и неважно, сделал бы я это вежливо или нагло. — «Я навсегда пал в их глазах, — сказал я себе, — их общество для меня потеряно, они ведь уже считают меня бесчестным человеком, и это письмо лишь подтвердит их мнение обо мне, как о законченном подлеце». Так я рассуждал, когда в отчаянной беспечности переписывал слова жены и расставался с последними грезами о Марианне. Три ее записки — к несчастью, все они хранились в моем бумажнике, иначе я скрыл бы их существование и хранил бы вечно — я был вынужден приложить к письму, даже не поцеловав. И прядь ее волос, которую я всегда носил с собой в том же бумажнике, была найдена моей супругой, когда она с отчаянной злостью его обыскивала. Дражайший локон! Все, все воспоминания о ней были у меня отняты.

— Этот рассказ, мистер Уиллоуби, вас не оправдывает, вы поступили дурно! — строго сказала Элинор, хотя голос выдал ее сочувствие. — И вам не следовало бы так выражаться ни о миссис Уиллоуби, ни о моей сестре. Вы сами сделали свой выбор, никто вам его не навязывал. Супруга ваша имеет право на ваше уважение, во всяком случае, на сдержанность. Должно быть, она любит вас, иначе не согласилась бы выйти за вас замуж. Обращаться с ней грубо, говорить о ней пренебрежительно — это ведь не искупает вашей вины перед Марианной и вряд ли может облегчить муки вашей совести.

— Не говорите о моей жене, — сказал он с тяжелым вздохом, — она не заслуживает вашего сострадания. Выходя за меня, она знала, что я ничего к ней не испытываю. Так или иначе, мы поженились, отправились в Комбе-Магна, чтобы вкусить счастье,

и вернулись в Лондон, чтобы предаться веселью. Теперь вы испытываете ко мне жалость, мисс Дэшвуд? Или я рассказывал все это напрасно? Поднялся ли я хоть немного в ваших глазах? Ведь намерения мои не всегда были дурны. Сумел ли я хоть немного смягчить свою вину?

— Да, конечно же вы в чем-то оправдались. Вы оказались не таким неисправимым распутником, как я полагала. Вы доказали, что сердце ваше менее жестоко, гораздо менее. Однако вы стали причиной стольких страданий, что я даже не знаю, могло ли быть хуже.

— Прошу вас, перескажите своей сестре, когда она поправится, все, о чем я вам поведал. Дайте мне шанс немного очиститься и в ее глазах. Вы говорите, что она уже простила меня. Позвольте же мне вообразить, что лучше узнав мое сердце, мои теперешние чувства, она сможет простить меня более душевно и искренне, не только из гордости. Расскажите ей о моих страданиях и раскаянии, скажите, что сердце мое всегда хранило ей верность и, если сочтете нужным, передайте, что сейчас она мне дороже, чем когда-либо.

— Я расскажу ей все, что необходимо для вашего оправдания, если это слово здесь уместно. Однако вы так и не объяснили мне, зачем вы приехали и как узнали о ее болезни.

— Вчера вечером в вестибюле театра Друри-лейн я столкнулся с сэром Джоном Мидлтоном, и когда он впервые за два месяца узнал меня, он решил со мной поговорить. Я не удивлялся и не оскорблялся тому, что он поворачивался ко мне спиной с тех пор, как я женился. На этот раз, однако, его доброе, честное и глупое сердце, полное негодования в мой адрес и тревоги за вашу сестру, не устояло перед искушением сказать мне о том, что, по его мнению, должно было ужасно меня огорчить, хотя, возможно, он в это и не верил. В общем, он с откровенной прямоотой сообщил мне, что Марианна Дэшвуд умирает от гнилой горячки в Кливленде: в письме от миссис Дженнингс говорилось, что спасти ее надежды почти нет, что Палмеры в испуге уехали и все такое. Я был слишком сильно потрясен, чтобы сохранить вид равнодушного слушателя даже для сэра Джона, который никогда не отличался проницательностью. Когда он увидел мои страдания, сердце его смягчилось настолько, что при расставании он, казалось, уже не держал на меня зла, и даже едва не протянул мне руку, напоминая о моем обещании подарить ему щенка пойнтера. Что я почувствовал, услышав, что ваша сестра умирает... и умирает, считая меня величайшим злодеем на земле, презирая, ненавидя меня в эти свои последние минуты! Разве мог я знать, какие ужасные замыслы вменялись мне в вину? Во всяком случае, я был уверен, что один человек представляет меня способным на все. То, что я чувствовал, было ужасно! Решение я принял незамедлительно, и уже в восемь часов утра я выехал к вам. Теперь вы знаете все.

Элинор ничего не ответила. Она была занята мыслями о том, как непоправимо слишком ранняя независимость и порожденная ей привычка к праздности, распущенности и роскоши испортила душу, характер и счастье человека, имеющего многие достоинства и таланты, обладающего открытой и честной натурой и нежным сердцем. Свет сделал его тщеславным прожигателем жизни. Транжирство и тщеславие превратили его в бессердечного эгоиста. Тщеславие, ища греховного торжества во власти над другим сердцем, привело его к тому, что он испытал неподдельное чувство, но транжирство, вернее, порожденная им нужда, потребовала принести это чувство в жертву. Каждая порочная склонность, ведущая его ко злу, в конце концов требовала от него

расплаты. Чувство, которое он вопреки чести и собственным душевным порывам отринул от себя, теперь, когда оно уже было недопустимым, возымело власть над его рассудком. А брак, ради которого он так бессердечно обошелся с ее сестрой, стал для него источником вечного, неизбежного несчастья. От этой задумчивости ее через несколько минут пробудил Уиллоуби, сам очнувшийся от не менее тяжких мыслей. Поднявшись, он подошел к ней, чтобы попрощаться.

— Мне незачем более оставаться здесь. Пришло время уходить.

— Вы вернетесь в Лондон?

— Нет, я поеду в Комбе-Магна, у меня там есть дела. Оттуда через пару дней — в Лондон. Прощайте.

Он протянул ей руку, и не подать ему своей Элинор не смогла, а он с чувством пожал ее.

— Вы действительно теперь думаете обо мне лучше? — спросил он, опираясь на каминную полку и словно забыв, что собирался уезжать.

Элинор заверила его в этом. Она сказала, что прощает и жалеет его, желает ему добра, и даже порадует, если он будет счастлив, а также добавила несколько нежных советов, как бы ему следовало себя вести. Ответ его был не особенно обнадеживающим.

— Что касается этого, — сказал он, — то буду я жить в свете так, как умею. О семейном счастье не может быть и речи. Однако если мне дозволено думать, что вам и вашим близким моя судьба безразлична, это может привести... может побудить меня поостеречься... По-крайней мере, мне будет ради чего жить. Марианна, конечно, потеряна для меня навсегда. Даже если бы по счастливой случайности я был свободен...

Элинор перебила его упреком.

— Ну, ответил он, — еще раз прощайте. Теперь я уеду и буду жить в страхе перед одним событием.

— Каким же?

— Замужеством вашей сестры.

— Напрасно. Она потеряна для вас настолько, насколько это вообще возможно.

— Однако она будет принадлежать другому. И если этот другой окажется тем, кого я меньше всего... Но не стану лишать себя вашей сострадательной доброты, показывая, что там, где я по-настоящему виновен, я вовсе не способен прощать. Благослови вас Бог!

С этими словами он почти выбежал из комнаты.

ГЛАВА XLV

Элинор после того, как он ее покинул, как затихли звуки отъезжающего экипажа, все еще оставалась во власти множества мыслей, хоть и противоречивых, но одинаково грустных, захваченная ими настолько, что даже забыла про сестру.

Уиллоуби, которого она каких-то полчаса назад презирала как самого недостойного из людей, несмотря на все свои пороки, вызывал в ней сочувствие, ведь пороки эти обрекали его на страдания, что заставляло ее теперь, когда он отвергнут ее семьей, думать о нем с нежностью и сожалением, что, как она вскоре осознала, соответствовало скорее тому, чего он желал, чем тому, чего заслуживал. Она чувствовала, что его влияние на ее разум было обусловлено причинами, которые холодный рассудок проигнорировал бы: его необыкновенной привлекательностью, живой непосредственностью и той все еще пылкой любовью к Марианне, которая теперь оказалась недозволённой. Несмотря на осознание этого, она еще долго находилась под влиянием его чар, прежде чем оно, наконец, ослабло.

Когда Элинор вернулась к ни о чем не подозревающей сестре, та как раз только пробудилась, освеженная долгим и крепким сном, на что они и надеялись. Сердце Элинор было переполнено. Прошрое, настоящее, будущее, визит Уиллоуби, выздоровление Марианны, ожидание приезда матери — все это так ее взбудоражило, что она совсем не замечала усталости, и боялась только, как бы не выдать себя сестре. Однако ей совсем недолго пришлось предаваться этому страху, поскольку уже через полчаса после отъезда Уиллоуби, ей снова пришлось спускаться вниз на шум другой кареты. Торопясь избавить мать от лишнего мгновения порожденного неизвестностью страха, она побежала в холл и оказалась у дверей как раз вовремя, обняв ее прямо на пороге.

Миссис Дэшвуд, чья тревога в последние часы пути почти убедила ее в том, что Марианны больше нет, лишилась дара речи и не смогла спросить о ней, не смогла даже поздороваться с Элинор, но та, не дожидаясь ни вопроса, ни приветствия, тотчас же сообщила радостную новость. Миссис Дэшвуд с присущей ей чувствительностью тут же была охвачена счастьем еще больше, чем мгновение назад — горем. Элинор с полковником под руки проводили ее в гостиную, и там, проливая слезы радости и все еще не в силах сказать ни слова, она снова и снова обнимала Элинор, в промежутках пожимая руку полковнику Брэндону и обращая на него взгляд, выражавший одновременно благодарность и уверенность в том, что он разделяет с ней счастье этой минуты. Однако разделял он его в молчании еще более глубоком, чем ее собственное.

Как только миссис Дэшвуд пришла в себя, она сразу же захотела увидеть Марианну, и через пару мгновений она уже была рядом со своей любимой дочерью, кото-

рая стала ей еще дороже после разлуки, невзгод и треволнений. Радость Элино́р, с которой она наблюдала их эмоциональную встречу, сдерживалась только боязнью за то, что Марианна теперь долго не сможет уснуть. Однако миссис Дэшвуд умела быть сдержанной и предусмотрительной, когда дело касалось жизни ее детей, и Марианна, успокоенная тем, что мать рядом с ней, и понимающая, что у нее слишком мало сил для разговора, покорно подчинилась уговорам каждой из своих сиделок соблюдать молчание и поберечь себя. Миссис Дэшвуд захотела провести всю ночь у ее постели, и Элино́р, повинувшись настояниям матери, отправилась спать. Но сон, который во время прошлой ночи и долгих часов томительной тревоги казался таким необходимым, никак не шел к Элино́р из-за нервного раздражения. Уиллоуби, «бедный Уиллоуби», как она теперь позволял себе его называть, не выходил у нее из головы. Нет, она не могла не выслушать его оправданий, и винила, а потом извиняла себя за то, что так сурово судила о нем раньше. Данное ему обещание рассказать обо всем сестре угнетало ее. Она боялась исполнять его, боялась того, как ее рассказ подействует на Марианну, сомневалась, сможет ли сестра после такого объяснения быть счастлива с другим и даже на мгновение пожелала, чтобы Уиллоуби стал вдовцом. Однако вспомнив о полковнике Брэндоне, она упрекнула себя за эту мысль и почувствовала, что своими страданиями и постоянством он куда больше заслужил руку ее сестры, чем его соперник, и тут же пожелала миссис Уиллоуби чего угодно, только не смерти.

Известие, с которым полковник Брэндон приехал в Бартон, поразило миссис Дэшвуд меньше, чем он предполагал, ведь она настолько сильно переживала за Марианну, что сама в тот же день, не ожидая новых писем, собиралась отправиться в Кливленд. Когда он прибыл, она уже была собрана в дорогу, и им пришлось подождать только, пока миссис Кэри заедет за Маргарет: мать не хотела брать младшую дочь туда, где она могла заразиться инфекцией.

Марианна с каждым днем чувствовала себя все лучше, а миссис Дэшвуд была весела и всем своим видом доказывала, что, по ее собственным словам, она одна из самых счастливых женщин в мире. Элино́р, слушая подобные заявления, видя неподдельную радость матери, невольно задавалась вопросом, не позабыла ли она про Эдварда. Но миссис Дэшвуд, доверяя той сдержанности, с которой Элино́р писала ей о своем разочаровании, в данный момент желала думать лишь о том, что могло бы усилить ее счастье. Марианна была спасена от коварного недуга, опасности которого, как начинала осознавать миссис Дэшвуд, немало способствовала она сама, поощряя злосчастную привязанность дочери к Уиллоуби. Однако у миссис Дэшвуд имелся и еще один источник радости, о котором Элино́р даже не подозревала. Впрочем, ей было обо всем рассказано, как только у ее матери появилась возможность поговорить с ней наедине.

— Наконец-то мы одни! Элино́р, ты еще не знаешь, сколь велико мое счастье. Полковник Брэндон любит Марианну! Он сам мне об этом сказал.

Элино́р, и обрадованная, и огорченная, удивленная и не удивленная, продолжала молча внимать ее словам.

— Ты никогда не была на меня похожа, милая Элино́р, иначе я бы удивилась твоему спокойствию. Если бы мне пришло в голову загадать заветное желание, которое ошастливило бы всех нас, то я бы сказала: «Пусть полковник Брэндон женится на одной из моих дочерей». И мне кажется, что из вас двоих Марианна с ним будет более счастлива.

Элинора с трудом удержалась, чтобы не спросить у нее, почему она склонна так думать, заранее догадываясь, что уверенность ее базируется на далеко не беспристрастном сравнении их возраста, характера и чувств. Она лишь улыбнулась, зная, что когда ее мать чем-то сильно заинтересована, то воображение ее часто заходит слишком далеко.

— Вчера, пока мы ехали, он открыл мне свое сердце. Произошло это непреднамеренно. Я, как ты легко согласишься, могла говорить только о своей девочке, и полковник не сумел скрыть своего горя. Я видела, что страдания его так же сильны, как мои собственные, и он, возможно, подумав, что простая дружба в нынешние времена не допускает столь горячего сочувствия, а скорее всего, вовсе не подумав, а поддавшись непреодолимому душевному порыву, открылся мне в своей нежной, искренней и верной любви к Марианне. Он полюбил ее, моя Элинора, с первого взгляда!

Тут, однако, Элинора заметила, что речь и признания полковника Брэндона были приукрашены деятельной фантазией ее матери, которая рисовала все в таких красках, какие ей было угодно выбирать.

— Его чувство к ней, бесконечно превосходящее то, что когда-либо испытывал или разыгрывал Уиллоуби, более горячее, более искреннее и постоянное — усомниться в этом невозможно — не угасло, хоть он и наблюдал злосчастную привязанность милой Марианны к этому недостойному молодому человеку. И ни капли эгоизма!.. Ни на что не надеясь, он был готов видеть ее с другим, лишь бы она была счастлива! Какой благородный дух! Какая прямота, какая искренность! Вот в нем нельзя обмануться!

— Репутация полковника Брэндона как прекрасного человека, — сказала Элинора, — давно признана всеми.

— Я знаю это, — ответила мать со всей серьезностью, — иначе после такого урока я не стала бы поощрять подобную привязанность и даже не одобрила бы ее. Однако то, как он приехал за мной, активно выказав такое дружеское участие, уже доказывает, что он в высшей степени достойный человек.

— Однако, характер его, — ответила Элинора, — проявляется не в одном этом добром поступке, к которому, если бы человеколюбие было ему чуждо, его могла побудить только лишь любовь к Марианне. Однако миссис Дженнингс и Мидатоны дружат с ним давно. Они одинаково любят и уважают его. И даже я, хоть и знакома с ним недолго, успела хорошо его узнать и ценю его так высоко, что если Марианна пожелает найти свое счастье в браке с ним, то я, так же, как и вы, буду считать их союз величайшим благом. Что вы ему ответили? Позволили надеяться?

— Ах, милая моя, о какой надежде можно было говорить или даже думать, когда Марианна в этот момент, может быть, умирала! Он не просил у меня ни разрешения надеяться, ни одобрения. Признание его было невольным излиянием души другу в поисках утешения, а не просьбой о родительском согласии. Однако через некоторое время я все-таки сказала — поначалу я была в полном смятении — что если она, на что я уповала, поправится, то для меня величайшей радостью будет посодействовать их браку. А когда мы приехали и поняли, что беда миновала, я повторила ему все это более полно и предложила ему всяческую поддержку. Время, не такое уж долгое время, все исправит. Сердце Марианны не должно вечно томиться по такому человеку, как Уиллоуби, а будет завоевано достоинствами Брэндона.

— Однако, судя по настроению полковника, вы не сумели вдохнуть в него ваш оптимизм.

— Да, ему кажется, что привязанность Марианны очень глубоко укоренилась в ее сердце, и пройдет долгое время, прежде чем оно снова станет свободно. К тому же он слишком скромн, чтобы поверить, что при такой разнице в возрасте и характерах он сможет когда-нибудь расположить ее к себе. В этом, однако, он сильно ошибается. Он старше ее ровно настолько, чтобы моральные принципы успели окончательно сложиться, а характер, я убеждена, у него именно тот, который подойдет для счастья твоей сестры. Его внешность, его манеры — все говорит в его пользу. Нет, моя пристрастность не ослепляет меня. Он, конечно, не так красив, как Уиллоуби, но в то же время в обличье его есть что-то гораздо более приятное. Во взгляде Уиллоуби всегда было что-то такое, что, если согласишься, мне не нравилось.

Элинор не смогла этого припомнить, но мать, не дождавшись ее ответа, продолжала:

— И манеры его, я имею в виду полковника, не только более приятны мне, чем когда-либо были приятны манеры Уиллоуби, но и для Марианны, как я прекрасно знаю, они более привлекательны. Эта мягкость, искреннее внимание к другим, мужественная простота гораздо больше соответствуют ее истинному нраву, чем живость Уиллоуби, столь часто искусственная и неуместная. Я уверена, что даже если бы Уиллоуби оказался тем, за кого он себя выдавал, то Марианна никогда бы не была счастлива с ним так, как с полковником Брэндоном.

Она умолкла. Элинор не вполне могла согласиться с ней, но оставила свои возражения при себе, а потому они не ранили ее чувствительное сердце.

— В Дэлафорде она будет жить неподалеку от меня, — добавила миссис Дэшвуд, — даже если я останусь в Бартоне. Однако, по всей вероятности — я слышала, что это обширное поселение — там найдется какой-нибудь небольшой дом или коттедж, который устроит нас не меньше, чем наше нынешнее жилище.

Бедная Элинор! Еще один план, как поселить ее в Дэлафорде. Однако она сохранила твердость духа.

— И, наконец, его состояние! В моем возрасте, всем, знаете ли, это небезразлично. Хотя я и не знаю, и даже не желаю знать, каково оно на самом деле, но я уверена, что оно должно быть солидным.

На этих словах их уединение было нарушено, и Элинор удалилась, чтобы поразмыслить наедине с собой, пожелать счастья своему другу и невольно испытать приступ жалости к Уиллоуби.

ГЛАВА XLVI

Болезнь Марианны хоть и отняла у нее много сил, но все же она длилась не так долго, чтобы замедлить ее выздоровление, а юность, крепкая от природы конституция и присутствие матери действовали так благотворно, что уже на четвертый день после приезда последней, она смогла спуститься в гостиную миссис Палмер. Туда по ее собственной просьбе был приглашен полковник Брэндон, которого она с нетерпением хотела поблагодарить за то, что он привез миссис Дэшвуд в Кливленд.

Когда он вошел в комнату, то увидел, как она изменилась, затем он взял ее бледную руку, которую она тотчас ему протянула. Его волнение было вызвано, как решила Элинора, не только чувствами к Марианне или сознанием того, что эти чувства известны другим. По его меланхоличному взгляду, когда он смотрел на нее, по меняющемуся выражению его лица Элинора поняла, что сходство между Марианной и Элизой, о котором он упоминал, всколыхнуло в нем воспоминания о пережитых когда-то страданиях, к тому же оно лишь усиливалось впалостью глаз, бледностью кожи, позой, в которой читалась слабость, и теплыми словами признательности за неоценимую услугу.

Миссис Дэшвуд не менее внимательно, чем ее дочь, следила за происходящим, но то, что она видела, рождало в ней иные мысли. Она не заметила в поведении полковника ничего, кроме самого очевидного и естественного проявления его чувств, тогда как в действиях и словах Марианны она поторопилась усмотреть нечто большее, чем простую благодарность.

Еще через два дня, по прошествии которых Марианна заметно окрепла, миссис Дэшвуд, побуждаемая в равной степени собственными желаниями и желаниями своих дочерей, заговорила о переезде в Бартон. От ее намерений зависели планы двух ее друзей: миссис Дженнингс не могла покинуть Кливленд, пока они там находились, а полковник Брэндон после их дружных просьб также стал считать, что ему не следует уезжать раньше, хоть его пребывание в доме Палмеров и не было столь необходимым. Полковник при поддержке миссис Дженнингс уговорил миссис Дэшвуд воспользоваться его экипажем, в котором можно будет более комфортно разместить ее больную дочь. В свою очередь, миссис Дэшвуд, также не без помощи миссис Дженнингс, чье деятельное добродушие побуждало ее предлагать не только свое, но и чужое гостеприимство, заручилась обещанием полковника, что он через две-три недели приедет погостить в Бартон-коттедж и заодно сам заберет оттуда свой экипаж.

Наступил день разлуки и отъезда. Марианна прощалась с миссис Дженнингс так долго и трогательно, с такой искренней благодарностью, с таким уважением и добрыми пожеланиями, будто тайно признавала свою былую невежливость. Затем она с дружеской сердечностью простилась с полковником Брэндонем, который заботливо уса-

дил ее в экипаж, стараясь, чтобы она заняла хотя бы половину сидения. Миссис Дэшвуд и Элинор последовали за ней, а миссис Дженнингс и полковник Брэндон остались вдвоем беседовать о покинувшем их семействе и скучать в обществе друг друга, пока за миссис Дженнингс не подъехал экипаж, в котором она могла утешиться болтовней со своей горничной, скрасив этим потерю двух своих юных гостей. Полковник Брэндон тем временем, не мешкая, отправился в Дэлафорд.

Дэшвуды провели в пути два дня, и Марианне это путешествие не показалось особенно утомительным. Обе ее бдительные спутницы делали все возможное, и самая преданная забота и внимательное попечение не могли больше способствовать ее удобству, и каждая находила свою награду в ее телесной бодрости и душевном спокойствии. Последнее было для Элинор лучшим утешением, ведь она неделю за неделей наблюдала нескончаемые страдания Марианны, ее душевную боль, о которой у той не хватало мужества говорить, но которую она в то же время не могла скрыть. И вот, наконец, Элинор, как никто другой, могла порадоваться душевному спокойствию сестры, которое, как ей казалось, стало результатом серьезных раздумий и должно было вернуть Марианне утраченную веселость и беззаботность.

По мере того, как они приближались к Бартону, к его до боли знакомым окрестностям, где каждая полянка и каждое дерево вызывали те или иные болезненные воспоминания, Марианна становилась все более молчаливой и задумчивой. Она отвернулась к окну и с серьезным видом смотрела вдаль, что Элинор, однако, замечала без удивления и могла извинить. Однако когда она, помогая Марианне выйти из кареты, заметила, как та утирала слезы, она увидела в этом проявление чувства вполне естественного, способного вызвать самую нежную жалость, а стремление скрыть его заслуживало лишь похвалы. В том, как держала сестра себя дальше, она усмотрела пробудившуюся в ней силу здравого рассудка. Не успели они войти в гостиную, как Марианна окинула комнату взглядом, полным твердой решимости равнодушно смотреть на любой предмет, с которым могло быть связано то или иное воспоминание о Уиллоуби. Говорила она мало, но каждую фразу старалась заканчивать на мажорной ноте, и если у нее порой вырывался вздох, то она искупала его улыбкой. После обеда она решила сесть за свое фортепиано. Подойдя к нему, она бросила взгляд на ноты, и это оказались ноты оперы, подаренные ей Уиллоуби, содержащие их любимые дуэты и подписанные на обложке его собственной рукой. Покачав головой, она отложила ноты, пробежалась по клавишам и, пожаловавшись на слабость в руках, закрыла инструмент, твердо заявив, однако, что впредь намерена много упражняться.

На следующее утро счастливые симптомы полного исцеления не исчезли. Напротив, окрепнув духом и телом после ночного отдыха, она выглядела бодрой и говорила с воодушевлением, предвкушая скорую встречу с Маргарет, радуясь грядущему восстановлению их семейного круга, говоря об их взаимных занятиях и беседах, как о единственном счастье, которого только можно желать.

— Когда погода наладится, а я восстанавливаю силы, — говорила она, — мы каждый день будем вместе отправляться на долгие прогулки. Мы дойдем до фермы на краю долины и узнаем, как поживают дети, мы сходим к новым плантациям сэра Джона в Бартон-кроссе и Эббилэнде, осмотрим старые развалины монастыря, чтобы по фундаментам определить, так ли он был велик, как нам говорят. Я знаю, что мы снова будем счастливы, знаю, что лето пройдет весело. Я буду вставать не позже шести и с этого



Мы дойдем до фермы на краю долины и узнаем, как поживают дети...

часа до обеда делить время между музыкой и чтением. Я уже составила план и намерена заниматься серьезно. Нашу библиотеку я изучила так хорошо, что могу лишь перечитывать ее ради развлечения. Но в Бартон-парке есть много томов, достойных прочтения, к тому же я могу брать новые книги у полковника Брэндона. Проводя за чтением всего лишь по шесть часов в день, я в течение года почерпну много сведений, которых, как я чувствую, мне не хватает.

Элинор воздала ей должное за столь благородные устремления, хоть и не смогла не улыбнуться тому, что то же необузданное воображение, которое ввергло ее в крайнюю степень апатичной праздности, теперь принялось доводить до крайности ее план посвящать себя разумным занятиям и стремиться к добродетельному самоограничению. Однако улыбка ее сменилась вздохом, когда она вспомнила, что обещание, которое она дала Уиллоуби, еще не выполнено: ей стало страшно, что рассказ ее может вновь всколыхнуть марианнины переживания и нарушить, по крайней мере на какое-то время, мечты сестры о спокойном и созидательном времяпрепровождении. Ей захотелось отсрочить роковой час, пока здоровье Марианны не восстановится окончательно. Однако решение это было принято лишь для того, чтобы быть нарушенным.

Два или три дня Марианна пробыла дома, потому что погода не была достаточно хороша, чтобы рисковать выходить на улицу после долгой болезни. И вот, наконец, выдалось ясное и теплое утро, которое могло соблазнить Марианну, не внушив опасений ее матери. Марианне разрешено было гулять, опираясь на руку Элинор, по дорожке перед домом, до тех пор, пока она не утомится.

Сестры шли медленно, как того требовала слабость Марианны, которая вышла на прогулку в первый раз после выздоровления. Дошли они лишь до места, откуда открывался широкий вид на холм, тот самый холм позади дома. Остановившись и устремив на него взгляд, Марианна спокойно сказала:

— Вон он, этот холм, — она указала рукой, — где я упала и впервые встретила Уиллоуби.

Имя его она произнесла тихо, но вскоре вновь оживилась и добавила:

— Я так рада, что могу смотреть на это место почти без боли. Будем ли мы с тобой когда-нибудь говорить на эту тему, Элинор? — она умолкла в нерешительности. — Или это было бы неправильно?.. Думаю, теперь я готова говорить об этом, как подобает...

Элинор ласково попросила ее быть искренней.

— Что касается сожаления... я больше его не испытываю, — сказала Марианна. — Мне бы не хотелось говорить тебе о том, что я чувствовала к нему раньше, могу сказать только о том, что я чувствую сейчас. И если бы я могла знать лишь одно, если были бы основания думать, что он не всегда просто играл роль, не всегда обманывал меня... если бы меня убедили, что он не всегда был порочным развратником, каким порой его рисовали мои страхи после того, как я узнала историю той несчастной девушки...

Она умолкла, а Элинор, с радостью выслушав эти слова, ответила:

— Если бы ты могла быть уверена в этом, стало бы тебе легче?

— Да. Мое душевное спокойствие зависит от этого вдвойне, ведь ужасно не только подозревать человека, который был для меня тем, кем он был, в подобных замыслах, но и казаться самой себе... в том положении, в котором я оказалась, неосторожно выставленное напоказ чувство могло бы обречь меня...

— Однако, как бы, — перебила ее Элинора, — тебе хотелось объяснить его поведение?

— Мне бы хотелось думать, что он... с какой радостью я объяснила бы все непостоянством, лишь его непостоянством!

Элинора ничего не ответила. Она размышляла про себя, стоит ли начать свой рассказ немедленно, или все же отложить его до тех пор, пока Марианна окончательно не поправится. Несколько минут они шли молча.

— Я не желаю ему особых благ, — сказала, наконец, Марианна, тяжело вздохнув, — когда хочу, чтобы его тайные думы были не более тяжелы, чем мои. Этого уже будет достаточно, чтобы он страдал.

— Ты сравниваешь свое поведение с его поведением?

— Нет. Я сравниваю его с тем, каким оно должно было быть, а именно с твоим поведением.

— Но наши ситуации не так уж схожи...

— Они схожи друг с другом больше, чем то, как мы себя в них ведем. Моя дорогая Элинора, не позволяй своей доброте защищать то, что твой рассудок, как я полагаю, должен был осуждать. Моя болезнь заставила меня задуматься. Она дала мне досуг и спокойствие для серьезных размышлений, а к ним я была вполне способна задолго до того, как оправилась и смогла говорить. Я размышляла о прошлом... То, как я вела себя с ним после нашего знакомства минувшей осенью, было слишком опрометчивым по отношению к себе самой и слишком эгоистичным по отношению к другим. Я осознала, что страдания мои были подготовлены моими собственными чувствами, и неумение стойко их переносить едва не свело меня в могилу. Я прекрасно понимала, что болезнь моя вызвана исключительно моей небрежностью по отношению к собственному здоровью, и даже тогда мне казалось, что я веду себя неправильно. Если бы я умерла, это можно было бы считать самоубийством. Я осознала, какая мне грозила опасность, только когда она миновала. И я удивляюсь, как мне удалось выздороветь с теми чувствами, которые вызвали во мне эти размышления; удивляюсь, как само мое страстное желание жить, чтобы успеть искупить свою вину перед Богом и перед всеми вами, не убило меня. Если бы я умерла, какое горе я бы причинила тебе, моей преданной сиделке, моей лучшей подруге, моей сестре! Тебе, познавшей все мои себялюбивые капризы последнего времени, все роптания моего сердца! Какой бы я осталась в твоей памяти? А в памяти мамы? Как бы ты смогла ее утешить? Мне не выразить, какое я питаю к себе отвращение! Всякий раз, когда я оглядываюсь в прошлое, я вижу за собой какой-либо неисполненный долг, потакание собственным слабостям. Мне кажется, я обидела всех. За доброту, неизменную доброту миссис Дженнингс я платила неблагодарным презрением. По отношению к Мидлтонам, Палмерам, сестрам Стил, даже к дальним знакомым я вела себя несправедливо дерзко: сердце мое было глухо к их достоинствам, а их знаки внимания вызывали во мне лишь раздражение. Джошу и Фанни, даже им, сколь бы мало они того ни заслуживали, я отказала в том, на что они имели право. Однако больше всех, даже больше мамы, терпела от меня ты. Ведь я, только я знала все печали твоего сердца! Но разве это повлияло на меня, разве я ощутила сострадание, во благо тебе или мне? Нет! Твой пример был передо мной, но что толку? Разве я стала к тебе более внимательна, разве помогала тебе? Стала ли я более терпима, разделила ли с тобой обязательства, налагаемые благодарностью и правилами приличий? И когда я узнала, что ты несчастна, я в той же степени, как до этого,

когда думала, что ты спокойна и счастлива, пренебрегала какими-либо требованиями долга и дружбы, не допуская, что кто-то может страдать, как и я, и я вздыхала только о тех, кто предал и покинул меня, а тебя, распинаясь о своих безграничных чувствах, я заставляла испытывать лишь боль.

На этом стремительный поток ее недовольства собой иссяк, и Элинор, спеша успокоить ее, хоть честность и не позволяла ей льстить, не поскупилась на похвалы и поддержку, которых заслуживали ее откровенность и раскаяние. Марианна пожала ей руку и ответила:

— Ты очень добра ко мне. И в будущем я докажу, что не зря. Я изложила свой план, и если смогу следовать ему, то мои чувства покорятся разуму, а характер станет лучше. Они больше не будут беспокоить других и обрекать меня на мучения. Теперь я посвящу свою жизнь только близким мне людям. Ты, мама и Маргарет отныне будете всем моим миром, свою любовь я буду отдавать только вам. Мне никогда больше не захочется покинуть тебя и наш дом. А если я и стану появляться в обществе, то только для того, чтобы показать, насколько моя гордыня усмирена, мое сердце смягчилось, и я научилась следовать правилам вежливости, исполнять свой светский долг с кротостью и терпимостью. Что касается Уиллоуби... Утверждать, что я рано или поздно забуду его, было бы глупо. Память о нем не может быть стерта никакими переменами обстоятельств или суждений. Однако память эта будет находиться в подчинении у разума, религии и постоянного самосовершенствования.

Она умолкла, а затем тихим голосом добавила:

— Если бы я только знала, что у него на сердце, то все остальное стало бы просто.

Элинор, которая уже давно размышляла над тем, насколько уместно было бы так скоро обо всем рассказать Марианне и которая никак не могла решиться на это, услышав эти слова поняла, что от размышлений толку нет, и пора переходить от мыслей к делу.

Рассказ свой, как ей хотелось верить, она построила умело: осторожно подготовила свою взволнованную слушательницу, просто и без прикрас изложила основные пункты, на которых базировались оправдания Уиллоуби, отдала должное его раскаянию и умолчала лишь о его заверениях в по-прежнему пылкой любви. Марианна не ответила ни слова. Она дрожала, взор ее был устремлен в землю, а губы стали даже бледнее, чем во время болезни. В сердце ее рождались тысячи вопросов, но задать их она не осмеливалась. Задышавшись от нетерпения, она ловила каждое слово, рука ее невольно все крепче сжимала руку сестры, а по щекам лились слезы.

Боясь, что Марианна слишком утомилась, Элинор повела ее к дому, и до самых дверей коттеджа, легко догадываясь, какое любопытство сжигает ее сестру, хоть та до сих пор и не задала ни единого вопроса, она говорила только о Уиллоуби, об их беседе с ним, детально описывая, каким тоном он произносил фразы и как при этом выглядел, за исключением тех подробностей, раскрывать которые было опасно. Как только они вошли в дом, Марианна благодарно поцеловала сестру и сквозь слезы произнесла только два слова: «расскажи маме», медленно поднялась по лестнице. Элинор, понимая, насколько сестре необходимо уединение, не стала ей препятствовать, но погрузилась в тревожные думы о его последствиях и решила обязательно вернуться к этой теме снова, если Марианна сама того не пожелает. И в ту же минуту она направилась в гостиную, чтобы исполнить прощальную просьбу сестры.

ГЛАВА XLVII

Миссис Дэшвуд не могла оставаться равнодушной к оправданиям своего бывшего любимца. Она порадовалась, что часть вины с него могла быть снята; она почувствовала к нему жалость и от души пожелала ему счастья. Однако бывлой дружеской приязни к нему она испытать уже была не в состоянии. Ничто не могло воскресить бывлой веры в чистоту его намерений и порядочность его натуры. Ничто не могло стереть воспоминаний о том, сколько страданий претерпела из-за него Марианна, или оправдать его поведение в отношении Элизы. А потому ничто не могло вернуть ее прежнее к нему уважение и повредить интересам полковника Брэндона.

Если бы миссис Дэшвуд, как ее дочь, выслушала историю Уиллоуби из его собственных уст, если бы она своими глазами лицезрела его горе и попала под обаяние его чар, то, вероятно, она сочувствовала бы ему сильнее. Однако Элинор не могла, да и не хотела, чтобы в ее матери пробудились к нему те же чувства, которые еще недавно испытала она сама. Размышления вернули ей способность мыслить трезво и объективно судить о поступках Уиллоуби. Поэтому она хотела поведать только голую правду, представить только факты, не приукрашивая рассказ своим нежным сочувствием, которое могло бы ввести миссис Дэшвуд в заблуждение.

Вечером, когда они собрались втроем в гостиной, Марианна заговорила о нем, но не без усилий, с беспокойством, с тревожной задумчивостью, которая уже некоторое время сквозила в ее позе. Покраснев, слегка подрагивающим голосом она начала свою речь:

— Хочу заверить вас обеих, что я вижу все именно так, как вы хотели бы.

Миссис Дэшвуд готова была тут же прервать ее, чтобы приласкать и успокоить, но Элинор, которая желала узнать истинные мысли сестры, жестом попросила мать не перебивать Марианну, и та не спеша продолжила:

— Для меня стало большим облегчением все, что Элинор поведала мне утром. Я услышала именно то, что больше всего хотела услышать. Тут ее голос сорвался, но через несколько мгновений она пришла в себя и добавила гораздо спокойнее: — Теперь я абсолютно удовлетворена и не желаю никаких перемен. Я бы уже не смогла быть с ним счастлива, узнав все это, а рано или поздно я неизбежно бы все узнала. У меня не осталось бы ни доверия, ни уважения. Прежние чувства было бы не вернуть...

— Я знаю это, знаю! — воскликнула ее мать. — Быть счастливым с распутником! С тем, кто так ранил душу самого дорогого из наших друзей, лучшего из всех людей на свете! О, нет, сердце моей Марианны не было бы счастливо с таким человеком! Ее совесть, ее чувствительная совесть, страдала бы всеми теми угрызениями, которые должен был испытывать он.

Марианна вздохнула и повторила:

— Я не желаю никаких перемен.

— Ты смотришь на все произошедшее, — сказала Элинора, — именно так, как должно смотреть на вещи здравомыслящему человеку. И, смею заметить, ты, как и я, видишь не только в этом, но и во многом другом достаточно причин быть уверенной в том, что ваш брак повлек бы за собой множество невзгод и разочарований, в которых чувства не стали бы тебе надежной опорой, тем более его ветреная любовь. Если бы вы сыграли свадьбу, это обрекло бы вас на вечную бедность. Даже сам он признавался в своем расточительстве, и все поведение его говорит о том, что едва ли ему известно слово самоограничение. Его потребности и твоя неопытность при совсем небольшом, даже очень маленьком доходе, принесли бы вам беды, которые не стали бы для тебя менее печальными от того, что ты совершенно не представляла, как все может повернуться. Я знаю, твое достоинство и порядочность, когда ты осознала бы ваше положение, заставили бы тебя экономить на всем. Однако твоя бережливость в отношении собственных удобств и удовольствий не спасла бы ситуацию, потому что лишь твоих усилий было бы недостаточно, чтобы предотвратить тот крах, начало которому было положено задолго до вашей свадьбы. Более того, если бы ты попыталась, хоть и вполне обоснованно, ограничить его в развлечениях, то, скорее всего, не только не сумела бы возобладать над его эгоизмом, но и утратила бы власть над его сердцем, заставила бы его сожалеть о браке, который принес ему такие трудности.

Губы Марианны задрожали, и она повторила: «Эгоизмом?», тоном, который подразумевал: «Ты действительно считаешь его эгоистом?».

— Все его поведение, — ответила Элинора, — от начала и до конца было основано на себялюбии. Сначала оно побудило его играть с твоими чувствами, затем, когда в нем пробудилась взаимность, оно заставило его откладывать признание, а в конце концов толкнуло его на то, чтобы уехать из Бартона. Все его поступки были обусловлены стремлением к собственному удовольствию и собственному благу.

— Это верно. О моем счастье он никогда не заботился.

— Сейчас он сожалеет о том, что сделал, — продолжала Элинора. — И почему же? Потому что обнаружил, что это не принесло ему удовольствия, не сделало его счастливым. Теперь он может ни в чем себе не отказывать, но думает лишь о том, что женился на женщине, характер которой хуже, чем твой. Однако следует ли из этого, что женившись на тебе он был бы счастлив? Нет, тогда бы он страдал от финансовых затруднений, которые он не воспринимает всерьез лишь потому, что теперь их не испытывает. Да, на характер своей жены он больше не смог бы пожаловаться, но он всегда бы нуждался в деньгах, был бы беден и, вероятно, со временем стал бы считать бесчисленные выгоды хорошего дохода гораздо более важными, чем даже семейное счастье, а не просто характер жены.

— Я в этом даже не сомневаюсь, — сказала Марианна, — и мне не о чем сожалеть, кроме собственной глупости.

— Вернее сказать, глупости твоей матери, дитя мое, — перебила ее миссис Дэшвуд, — она за это в ответе.

Марианна не позволила ей продолжить, и Элинора, довольная тем, что каждая из них осознала свои ошибки, решила больше не касаться прошлого, обращение к которому могло поколебать твердость ее сестры, а поспешила вернуться к изначальной теме их разговора.

— Я думаю, — сказала она, — что из этой истории напрашивается один справедливый вывод: все беды Уиллоуби явились следствием его первого проступка против добродетели, а именно того, как он поступил с Элизой Уильямс. Это преступление стало причиной остальных, пусть и меньших, его грехов, а также его нынешнего недовольства жизнью.

Марианна с большим чувством согласилась с этим замечанием, а ее мать решив, что самое время перечислить достоинства полковника Брэндона и все постигшие его невзгоды, принялась за это дело с таким жаром, какой порождают единство дружбы и заветных желаний. Однако Марианна выглядела так, будто пропустила почти все ее слова мимо ушей.

Как и опасалась Элинор, в течение следующих двух-трех дней Марианна не стала выглядеть здоровее. Однако ее решительность все еще оставалась непоколебимой, она всячески старалась казаться веселой и вести себя непринужденно. Сестре ее оставалось положиться лишь на то, что рано или поздно время принесет ей долгожданное исцеление.

С возвращением Маргарет семья, наконец, воссоединилась и снова зажила привычной жизнью в коттедже; все взялись за свои обычные занятия, и если не так энергично, как в первые дни пребывания в Бартоне, то, по крайней мере, имея планы всецело посвятить себя этим занятиям в будущем.

Элинор с нетерпением ждала вестей об Эдварде. Она ничего не слышала о нем с тех пор, как покинула Лондон, не знала о его планах, не представляла даже, где он сейчас находится. Из-за болезни Марианны она обменялась несколькими письмами с братом, в первом же из которых он сообщил ей: «Мы ничего не знаем о нашем несчастном Эдварде и не можем наводить справки на эту недозволенную тему, но полагаем, что он все еще в Оксфорде». Вот и все сведения о нем, которые она сумела почерпнуть из этой переписки, потому что в последующих письмах имя его даже не упоминалось. Однако ей не пришлось долго оставаться в неведении о его судьбе.

Однажды утром их слуга был послан по делам в Эксетер. Вернувшись, он прислуживал за столом и отвечая на все вопросы своей госпожи, касающиеся выполненных им поручений, а потом уже от себя поинтересовался:

— Полагаю, вам известно, мэм, что мистер Феррарс женился?

Марианна вздрогнула, устремила взгляд на Элинор, увидела, как та побледнела, и в истерике откинулась на спинку стула. Миссис Дэшвуд, отвечая на вопрос слуги, невольно взглянула в ту же сторону и была поражена, прочитав по лицу Элинор, как сильно та на самом деле страдает. Мгновение спустя, также огорченная слезами Марианны, она уже не знала, какую из своих дочерей утешать в первую очередь.

Слуга, увидавший только, что мисс Марианне нехорошо, сообразил позвать одну из горничных, которая помогла миссис Дэшвуд увести ее в соседнюю комнату. К тому времени Марианна уже почти успокоилась, и мать, оставив ее на попечение горничной и Маргарет, вернулась к Элинор, которая хоть и пребывала еще в полном смятении, но нашла в себе силы спросить Томаса, откуда он узнал эту новость. Миссис Дэшвуд тут же стала выспрашивать все сама, таким образом Элинор была избавлена от необходимости говорить и получила возможность молча слушать.

— Кто вам рассказал, Томас, что мистер Феррарс женился?

— Я сам видел мистера Феррарса сегодня утром в Эксетере, мэм, и его дама, мисс Стил, была с ним. Они вышли из коляски у дверей гостиницы «Нью-Лондон», а я



— Полагаю, вам известно, мэм, что мистер Феррарс женился?

как раз шел туда, чтобы передать послание Салли из Бартон ее брату, одному из тамошних почтальонов. Проходя мимо их коляски, я поднял голову, и сразу увидел младшую мисс Стил. Я снял перед ней шляпу, она узнала меня и спросила, как поживаете вы, мэм, и молодые леди, особенно интересуясь здоровьем мисс Марианны, а напоследок велела мне передать от нее самой и от мистера Феррарса вам поклоны и самые лучшие пожелания, и как они сожалеют, что у них нет времени засхать вас навесить, потому что им очень надо спешить, ведь ехать еще так далеко, но когда они будут возвращаться, они обязательно нанесут вам визит.

— Но разве она сказала вам, что вышла замуж, Томас?

— Да, мэм. Она улыбнулась и сказала, что сменила фамилию, переехав в эти края. Она всегда была барышней очень приветливой и общительной, и говорила со мной очень вежливо. Поэтому я позволил себе пожелать ей счастья.

— А мистер Феррарс был с ней в коляске?

— Да, мэм, он сидел, откинувшись на спинку кресла, и даже не взглянул на меня. Он ведь никогда особой разговорчивостью не отличался.

Сердце Элинора без труда объяснило нежелание Эдварда поддерживать тот разговор, и миссис Дэшвуд, вероятно, также не была удивлена.

— Кроме них в коляске больше никого не было?

— Нет, мэм, они были вдвоем.

— Вам известно, откуда они держали путь?

— Они ехали напрямиком из Лондона, как мисс Люси... миссис Феррарс мне сказала.

— И направлялись они на запад?

— Да, мэм, но там они пробудут недолго. Они скоро поедут обратно и тогда непременно заглянут к вам.

Миссис Дэшвуд взглянула на дочь, но Элинора была уверена, что их можно не ждать. В этом поручении она узнала всю Люси и не сомневалась, что Эдвард никогда к ним не поедет. Вполголоса она заметила матери, что, вероятно, они направляются к мистеру Прэтту в окрестности Плимута.

Томас, похоже, рассказал все, что ему было известно. Однако взгляд Элинора выдавал ее желание услышать еще что-нибудь.

— Вы застали тот момент, когда они уезжали?

— Нет, мэм, но лошадей уже запрягали, а я не мог больше ждать — боялся, что сам опоздаю.

— Миссис Феррарс выглядела здоровой?

— Да, мэм, она сказала, что чувствует себя превосходно. По-моему, она всегда была очень красивой девушкой, да и вид у нее был очень довольный.

Миссис Дэшвуд не смогла придумать других вопросов, поэтому Томаса вместе со скатертью за ненадобностью отправили на кухню. Марианна уже послала сказать, что больше есть не будет. Да и у миссис Дэшвуд с Элинорой также пропал аппетит, поэтому Маргарет вполне могла считать себя счастливой, ведь несмотря на то волнение, которое в последнее время испытывали ее сестры и которое лишало их всяческого желания принимать пищу, ей лишь в первый раз пришлось обойтись без обеда.

Когда принесли десерт и вино, миссис Дэшвуд с Элинорой, оставшиеся за столом одни, долго сидели в задумчивости и хранили молчание. Миссис Дэшвуд боялась, что любые слова будут не к месту, и так и не решилась утешить дочь. Теперь она обнаружила, как ошибалась, полагаясь на внешнее спокойствие Элиноры, и справедливо заклю-

чила, что та специально не писала ей о своих страданиях, чтобы поберечь ее чувствительное сердце, когда оно и так уже было встревожено болезнью Марианны. Она осознала, что старшая дочь нарочно заботливо внушала ей, что чувство, которое она в свое время поняла столь верно, якобы было гораздо слабее, чем ей представлялось, и чем оно есть на самом деле. Она боялась, что поверив в это, могла быть к своей Элинор невнимательна, несправедлива, недостаточно добра, что более явное несчастье Марианны могло всецело перетянуть на себя ее внимание и материнскую заботу, заставить ее забыть, что Элинор тоже страдает, и совсем не по собственной вине, хотя и переносит все более стойко.

ГЛАВА XLVIII

Теперь Элинор ощутила разницу между ожиданием тягостного события, каким бы неизбежным оно ни казалось, и свершением этого события. Она осознала, как вопреки самой себе, она в глубине души надеялась, что пока Эдвард холост, какое-либо препятствие еще может помешать ему жениться на Люси, что собственная его решимость, вмешательство друзей или внезапно нашедшаяся для Люси лучшая партия так или иначе сделают счастливыми их всех. Однако теперь он был женат, и она упрекала свое сердце за скрытые надежды, которые лишь усугубили ее душевную боль.

То, что он женился так скоро, еще до принятия сана (так она полагала), а следовательно, до того, как получил приход, поначалу несколько ее удивило. Однако вскоре она поняла, сколь естественно было то, что Люси в заботе о своем благополучии спешила обезопасить себя и заключить этот брак как можно скорее. И вот они поженились, сыграли свадьбу в Лондоне и теперь спешат к ее дядюшке. Что же должен был почувствовать Эдвард, оказавшись в четырех милях от Бартон, увидев слугу миссис Дэшвуд и услышав, какой привет посылает ей Люси?!

В скором времени они поселятся в Дэлафорде. Это место по нескольким причинам вызывало в ней интерес. Она желала побывать там и в то же время не хотела увидеть его никогда. Она тут же представила их в церковном доме, вообразила Люси его рачительной хозяйкой, сочетающей в себе стремление выглядеть достойно с крайней скупостью, стыдящейся того, что люди узнают, как они буквально во всем себе отказывают, преследующей свои интересы в каждой мысли, добивающейся благосклонности полковника Брэндона, миссис Дженнингс и всех их богатых друзей. А об Эдварде она не знала ни того, что видит, ни того, что хотела бы увидеть. Счастлив ли он... или несчастен?.. Ничто не облегчало ее страданий, и она отгоняла от себя все его образы.

Элинор тешила себя надеждой, что кто-нибудь из их лондонских знакомых напишет им о произошедшем и сообщит подробности, но шли дни, а писем или иных вестей не приходило. Понимая, что никто в этом не виноват, она все же сердилась на всех отмалчивавшихся друзей: они казались ей эгоистичными и ленивыми.

— Мама, когда вы напишете полковнику Брэндону? — спросила она, сгорая от нетерпения хоть что-то узнать.

— Я написала ему на прошлой неделе, любовь моя, и жду не столько письма от него, сколько его приезда. Я настоятельно приглашала его заехать к нам, так что не удивляюсь, если он объявится сегодня, завтра или в ближайшие дни.

Это было уже кое-что, ведь полковник Брэндон наверняка располагал новыми сведениями.

Едва она об этом подумала, как ее привлекла фигура всадника, показавшаяся в окне. Кавалер остановился у их калитки. Конечно же это сам полковник Брэндон! Теперь она обо всем узнает! От этой мысли по ее телу пробежала дрожь. Однако нет, это не полковник... осанка не его, и рост... Если бы это было возможно, она сказала бы, что видит Эдварда. Она посмотрела более пристально. Он спешился... Нет, ошибки здесь быть не могло, это Эдвард! Она отпрянула от окна и села. «Он специально приехал от мистера Прэтта, чтобы повидаться с нами, — подумала она. — Но я буду спокойна, я буду держать себя в руках».

Спустя мгновение она поняла, что и остальные тоже осознали свою ошибку. Ее мать и Марианна переменились в лице, обе посмотрели на нее и прошептали друг другу несколько фраз. Она отдала бы все на свете за то, чтобы у нее хватило сил сказать хоть слово, дать им понять, как ей хочется, чтобы в их общении с ним не было ни тени холодности и пренебрежения. Однако она так и не смогла вымолвить ни слова и вынуждена была положиться на их чуткость.

Все они молча ожидали появления своего гостя. Послышались его шаги по усыпанной гравием дорожке. Мгновение — и он уже в коридоре, еще мгновение — и вот он перед ними.

Лицо его, когда он вошел в гостиную, не показалось слишком радостным даже Элиноর. Оно был бледен от волнения, и, похоже, опасался, как будет встречен, осознавая, что не заслуживает радушного приема. Однако миссис Дэшвуд, исполняя, как она полагала, желания своей дочери, которым она с привычной для себя пылкостью решила следовать во всем, встретила его с подчеркнутой приветливостью, протянула ему руку и пожелала счастья.

Он покраснел и пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Губы Элинор двигались в такт с движениями губ ее матери, и когда момент приветствия был окончен, она пожалела только, что вслед за ней не пожала ему руки. Однако было уже поздно, и придав своему лицу невозмутимое выражение, она снова села и заговорила о погоде.

Марианна устроилась подальше от него, чтобы скрыть свое расстройство, а Маргарет, понимая кое-что, но не всю суть дела, решила принять вид холодного достоинства, а потому села в стороне от Эдварда и горделиво хранила молчание.

Когда Элинор исчерпала все восторги по поводу того, какая выдалась чудесная сухая весна, повисла ужасная пауза. Ей положила конец миссис Дэшвуд, выразившая надежду, что Эдвард оставил миссис Феррарс в добром здравии. Он поспешил ответить утвердительно.

Наступила еще одна пауза.

Элинор, сделав над собой усилие и боясь звука собственного голоса, решилась спросить:

— Миссис Феррарс сейчас в Лонгстейпле?

— В Лонгстейпле? — повторил он удивленно. — Нет, моя мать в Лондоне.

— Я имела в виду миссис Эдвард Феррарс, — сказала Элинор, беря со стола чье-то рукоделие.

Она не осмеливалась поднять глаза, но мать и Марианна устремили свои взоры на него. Он покраснел, замялся, поколебался и нерешительно ответил:

— Вы, наверное, имеете в виду... моего брата... вы имеете в виду миссис Роберт Феррарс?



Он спешил... Нет, ошибки здесь быть не могло, это Эдвард!

— Миссис Роберт Феррарс? — повторили Марианна и ее мать с выражением крайнего изумления. Элинор потеряла дар речи, но взгляд ее был устремлен на Эдварда, полный того же нетерпеливого удивления. Он встал со своего стула и подошел к окну, очевидно, не зная, что делать, взял лежавшие там ножницы и принялся портить футлярчик для них, кромсая его на куски, параллельно с этим путано пытаясь все разъяснить:

— Наверное, вам неизвестно... не знаю, слышали ли вы, что мой брат недавно женился... на младшей... на мисс Люси Стил.

Его слова были в неописуемом удивлении повторены всеми, кроме Элинор, которая продолжала сидеть, склонив голову над рукоделием; при этом находясь во власти такого волнения, что едва понимала, где она, и что происходит.

— Да, — подытожил он, — на прошлой неделе они поженились, а сейчас находятся в Долише.

Элинор больше не могла сдерживать себя. Она почти выбежала из комнаты, и едва закрыв за собой дверь, разразилась слезами счастья, которые потом еще долго не могла унять. Эдвард, до сих пор смотревший куда угодно, только не на нее, тем не менее увидел, как она поспешно удалилась, и, возможно, заметил или услышал, как ее взволновала его новость, ибо тотчас после этого он погрузился в задумчивость, от которой его не смогли пробудить ни восклицания, ни вопросы, ни ласковые уговоры миссис Дэшвуд. Наконец, так и не сказав ни слова, он вышел на улицу и направился в сторону деревни, оставив их в величайшем изумлении и недоумении строить догадки по поводу столь внезапной и чудесной перемены его положения.

ГЛАВА XLIX

Несмотря на то, что обстоятельства освобождения Эдварда казались им всем необъяснимыми, было понятно, что Эдвард свободен, а как он распорядится своей свободой они без труда могли предугадать. На протяжении четырех лет испытывая на себе все прелести одной опрометчивой помолвки, заключенной без согласия матери, теперь, когда помолвка эта была расторгнута, он наверняка желал незамедлительного заключения новой.

Цель его визита в Бартон была проста — просить Элиноর выйти за него замуж. Учитывая, что он уже имел некоторый опыт в подобных делах, было странно, почему он чувствовал себя настолько неловко и почему так нуждался в поощрении и в свежем воздухе.

Однако о том, как скоро к нему вернулась решительность, как скоро ему представилась возможность осуществить свое намерение, как он объяснялся и какой получил ответ, рассказывать нет никакой надобности. Достаточно сказать лишь, что когда все они в четыре часа сели за стол, то есть примерно через три часа после его приезда, он уже заручился согласием своей избранницы, получил благословение ее матери и не просто примерил на себя роль счастливого жениха, но и на самом деле чувствовал себя счастливейшим из людей. У него были на то веские причины, ведь его сердце переполняло восторгом не просто от торжества влюбленного, добившегося взаимности. Ему не в чем было себя упрекнуть, и все же он освободился от уз, так долго делавших его несчастным, от связи с той, кого давно разлюбил, и тотчас же обрел уверенность в союзе с другой, о котором он в отчаянии запретил себе даже думать, как только увидел в нем венец своих мечтаний. Он не просто освободился от сомнений и от опасений услышать отказ, но был избавлен от вечной горести и вознесен на вершину счастья. И говорил он об этом с такой искренней благодарностью судьбе, с такой бурной радостью, какую его друзья прежде за ним не замечали.

Теперь сердце его было открыто для Элинор со всеми его слабостями, всеми ошибками, а его первая юношеская влюбленность в Люси воспринималась им с мудростью двадцатичетырехлетнего человека.

— С моей стороны это было глупым и праздным увлечением, — сказал он, — а порождено оно было отсутствием жизненного опыта и серьезных занятий. Если бы моя мать озаботилась тем, чтоб я освоил какую-нибудь профессию после того, как в восемнадцать лет меня забрали из-под опеки мистера Прэтта, я думаю... я даже абсолютно уверен, что этого бы никогда не случилось. Правда, я покинул Лонгстейпл, поглощенный, как мне казалось, непреодолимой страстью к Люси, но все же если бы у меня тогда было какое-нибудь занятие, способное держать меня на расстоянии от нее

хотя бы несколько месяцев, то я очень скоро перерос бы эту воображаемую привязанность, особенно если бы вращался в светском обществе, что, в общем-то, было бы неизбежно. Однако вместо того, чтобы искать свое призвание, определиться с устремлениями на будущее, я, вернувшись домой, превратился в бездельника. И целый год у меня не было даже тех обязанностей, которые дало бы мне поступление в университет, ведь в Оксфорд я был зачислен лишь в девятнадцать лет. Поэтому мне ничего не оставалось, кроме как воображать себя влюбленным, а поскольку мать моя не способствовала тому, чтобы я проводил время дома, а в лице своего брата я не обрел ни друга, ни компаньона, то было вполне естественно, что я часто гостил в Лонгстейпле, ведь я всегда был уверен, что там меня радушно примут, и это место стало для меня вторым домом. Большую часть того года я провел именно там. Люси была мила и ласкова, хороша собой и лишена недостатков, как мне тогда казалось, ведь я видел так мало женщин, и мне не с кем было ее сравнить. Поэтому, несмотря на всю безрассудность нашей помолвки, в то время она вовсе не выглядела для меня нелепой и непростительной глупостью.

Перемена, всего за несколько часов произошедшая в умах и сердцах миссис Дэшвуд и ее дочерей, была столь велика, что обещала им все прелести бессонной ночи. Миссис Дэшвуд не находила себе места от счастья, не знала, как похвалить Элинора, как обласкать Эдварда, как благодарить судьбу за его избавление, не преступая грань деликатности, как дать им возможность пообщаться наедине, при этом не отказывая себе в удовольствии любоваться ими и наслаждаться их обществом.

Марианна могла выразить свое счастье только слезами. Высказывались сравнения, возникали сожаления, но радость ее, хоть и не менее искренняя, чем любовь к сестре, не располагала к бурным проявлениям восторга и оживленным разговорам.

А Элинора? Как описать ее чувства? С того момента, как она узнала, что Люси вышла замуж за другого, что Эдвард свободен, и до той минуты, когда он оправдал тотчас рожденные этой новостью надежды, настроение у нее постоянно менялось, не принося ей только спокойствия. Однако едва миновала вторая минута, едва все ее сомнения, все тревоги рассеялись, и она сравнила свое положение с тем, каким оно было еще совсем недавно, узнала, что расторгнув прежнюю помолвку, он не потерял чести, убедилась, как он спешил сделать ей предложение, открывшись в нежной и постоянной любви, какой она ее себе и представляла, Элинора ощутила подавленность и даже угнетенность собственным счастьем. И хоть человек быстро привыкает к любым переменам к лучшему, ей потребовалось несколько часов, чтобы ее дух и сердце обрели покойствие.

Эдвард поселился в коттедже по крайней мере на неделю, ибо, какие бы другие обязательства не довели над ним, он был не в силах расстаться с Элинорой раньше. Даже и за этот срок сложно было успеть рассказать и половину того, что он хотел ей поведать о своем прошлом, настоящем и будущем. Если два-три часа, проведенные за тяжким трудом несмолкающей беседы, позволяют исчерпать все темы, взаимно интересующие двух разумных существ, то с влюбленными дело обстоит иначе. Они не могут ни закончить обсуждать ту или иную проблему, ни объяснить друг другу что-либо, пока не повторят все по меньшей мере двадцать раз.

Брак Люси, который не переставал занимать любопытство всех, был, конечно, одной из первых тем для обсуждения между влюбленными. Элинора была хорошо знакома со всеми действующими лицами этой истории и со знанием дела заявила, что ни-

чего более загадочного и необъяснимого она никогда не слышала. Как они могли сойтись, что могло побудить Роберта жениться на девушке, о красоте которой, как она сама слышала, он отзывался не особенно лестно? На девушке, уже обрученной с его родным братом, из-за чего тот был отвергнут их семьей? Это было выше ее понимания. В душе она восхищалась этим браком, в ее воображении он представлялся довольно нелепым, но для ее разума он был неразрешимой загадкой.

Эдвард мог только попытаться объяснить это тем, что, возможно, при первой их случайной встрече ее лстивость сильно подействовала на его тщеславие, ну а все остальное последовало само собой. Элинор вспомнила, как Роберт на Харли-стрит говорил ей о том, что его посредничество в делах брата могло бы многое изменить, если бы оно пришлось к нужному времени. И она повторила его слова Эдварду.

— Это очень похоже на Роберта, — тут же заметил он, а через некоторое время добавил: — Возможно, с этой целью он и отправился к Люси. А она, в свою очередь, поначалу могла думать лишь о том, чтобы заручиться его поддержкой в мой адрес. Другие планы у них, вероятно, возникли уже позже.

Как долго все это между ними продолжалось, он даже не предполагал, потому что в Оксфорде, где он предпочитал жить с тех пор, как покинул Лондон, он мог узнавать что-то о ней только от нее самой, а письма ее до самого последнего времени были не менее частыми и не менее нежными, чем обычно. Поэтому у него не возникло ни малейшего подозрения, которое могло подготовить его к тому, что в итоге произошло. И когда, наконец, все открылось в последнем письме от самой Люси, он, как ему казалось, очень долго не мог прийти в себя, раздираемый одновременно ужасом, изумлением и радостью от чудесного избавления. Он вложил это письмо в руку Элинор. В нем говорилось следующее.

«Уважаемый сэр,

Будучи совершенно уверена, что ваши чувства ко мне угасли, я посчитала себя вправе отдать свое сердце другому и не сомневаюсь, что буду также счастлива с ним, как когда-то мечтала быть счастливой с вами. И я не смею принимать вашу руку, когда сердце ваше принадлежит другой. Искренне желаю, что ваш выбор принесет вам счастье, и это будет не моя вина, если мы не сможем сохранить нашу дружбу, как это было бы уместно при нашем близком родстве. От всего сердца могу сказать, что зла на вас не держу, и надеюсь, что вы, будучи человеком великодушным, не желаете нам ничего плохого. Моя любовь всецело отдана вашему брату, мы с ним не мыслим себя друг без друга, а потому мы только что вернулись от алтаря и едем на несколько недель в Долиш, ведь Роберт уже давно хотел взглянуть на это имение, но я подумала, что прежде все же побеспокою вас несколькими строчками и навсегда останусь вашей искренней доброжелательницей, другом и сестрой.

Люси Феррарс.

P.S. Все ваши письма я сожгла, а портрет верну вам при первой же возможности. Прошу и вас также уничтожить мои каракули, а кольцо с моей прядью можете оставить себе».

Элинор прочитала письмо и вернула его, никак не прокомментировав.

— Я не стану спрашивать вашего мнения о том, как оно написано, — сказал Эдвард. — Прежде я очень боялся, что когда-нибудь вам попадутся ее письма. Даже от се-

стры получить такое послание неприятно, тем более от жены! Как я краснел над ее сочинениями! И, по правде говоря, если не считать первых месяцев со времени заключения нашей глупой помолвки, это единственное письмо, содержание которого в моих глазах сглаживает погрешности стиля.

— Как бы то ни было, — заметила Элинор после недолгой паузы, — они, несомненно, поженились. И ваша мать навлекла на себя справедливое возмездие. Имение, которое она отписала Роберту из-за обиды на вас, дало ему возможность сделать выбор самостоятельно. Она фактически подкупила одного сына тысячей фунтов в год, чтобы он совершил тот поступок, за который — а вернее лишь за намерение — она лишила наследства другого! Я полагаю, что брак Роберта и Люси она воспримет не менее болезненно, чем брак Люси с вами.

— Ей будет еще больнее, ведь Роберт всегда был ее любимцем. Это сильнее ранит ее, и по тому же принципу она простит его гораздо раньше.

Эдвард не знал, каково было положение дел между ними в настоящий момент, поскольку не написал еще никому из родных. На следующий же день после получения письма от Люси он покинул Оксфорд и думал только о том, как бы поскорее добраться до Бартон, не тратя времени и мыслей ни на что, кроме своей заветной цели. Он ничего не собирался предпринимать, пока мисс Дэшвуд не даст ему ответ, и надо полагать, что несмотря на ревность к полковнику Брэндону и скромность, с которой он оценивал собственные достоинства, и вопреки всяческим сомнениям, он все же ожидал не слишком сурового приема. Впрочем, учтивость обязывала его утверждать обратное, и сделал он это очень мило. Ну, а что бы он сказал через год, оставим воображению мужей и жен.

Элинор было совершенно очевидно, что Люси, давая свое поручение Томасу, намеревалась ввести ее в заблуждение, дабы побольнее уколоть своего бывшего жениха. А сам Эдвард, теперь уже хорошо зная ее истинную натуру, не удивлялся тому, что она способна на любую подлость. Ее невежество и отсутствие великодушия в некоторых суждениях открылись ему задолго до знакомства с Элинор, однако он был склонен списывать оба эти качества на ее необразованность. До получения последнего письма от нее он считал ее девушкой милой, добродушной и всем сердцем к нему привязанной. Только это убеждение мешало ему разорвать помолвку, которая задолго до того, как он навлек на себя гнев матери, успела стать для него постоянным источником волнений и сожалений.

— Когда мать отреклась от меня, и я, судя по всему, остался без единого друга, способного мне помочь, я считал своим долгом независимо от своих чувств предоставить ей право самой решать, расторгать помолвку или нет. В подобной ситуации, когда ничто, казалось, не могло прельстить корысть и тщеславие, как я мог подумать, что ею движет что-либо кроме самой преданной привязанности, особенно после того, как она горячо и настойчиво изъявила желание разделить мою горькую судьбу? И до сих пор я не могу понять, чем она руководствовалась, какую выгоду собиралась извлечь, связав себя с человеком, к которому она не питала ни малейшего чувства, и у которого ничего не было за душой, кроме двух тысяч фунтов. Не могла же она предвидеть, что полковник Брэндон предоставит мне приход?

— Нет, но она могла предположить, что произойдут какие-то изменения, что родня ваша сжалится над вами. Во всяком случае, не расторгая помолвку, она ничего не теряла, ибо доказала, что та не сковывала ни ее сердечных порывов, ни поступков. К тому же связь с человеком из такой родовитой семьи, несомненно, была для нее почет-

ной, возвышавшей ее в глазах знакомых. И если бы более удачной партии не представилось, то ей было бы выгодней выйти замуж за вас, чем остаться одной.

Эдвард, конечно, сразу же согласился, что ничего естественнее поведения Люси и быть не могло, и руководствовалась она именно этими соображениями.

Элинор резко побранила его — ведь любая дама не упустит возможности попечить своему возлюбленному на лестную для нее неосмотрительность — за то, что он так много времени проводил с ними в Норленде, должно быть, уже убедившись в непостоянстве своих чувств.

— Ваше поведение, несомненно, было совершенно неподобающим, — сказала она, — ведь, не говоря уже о моем собственном убеждении, все наши близкие ждали и представляли себе то, чего в вашем тогдашнем положении никак не могло произойти.

Ему оставалось только сослаться на неведение собственного сердца и ошибочное представление о том, какую власть его помолвка имела над ним.

— По простоте своей я полагал, что раз уж мое слово дано другой, то я могу общаться с вами, не опасаясь за перемены в собственном сердце, постоянство которого так же свято, как и моя честь. Я чувствовал, что восхищаюсь вами, но пытался убедить себя, что это всего лишь дружба. И только когда я начал сравнивать с вами Люси, я понял, как далеко зашел. После этого, полагаю, я действительно был неправ, так долго оставаясь в Сассексе, ведь довод в свое оправдание я нашел лишь один: я никому не причиняю вреда, кроме себя самого.

Элинор улыбнулась и покачала головой.

Эдвард был рад узнать, что в коттедже ждут появления полковника Брэндона, поскольку он жаждал не только поближе с ним познакомиться, но и убедить полковника, что не обижается на него за обещанный Дэлафордский приход.

— После того, с какой досадой и как нелюбезно я его отблагодарил, он, должно быть, думает, что я никогда не прощу ему подобного предложения!

Теперь Эдвард сам удивлялся, почему же до сих пор не побывал в Дэлафорде. Однако его это так мало интересовало, что все свои познания о доме, саде, церковной земле, размерах прихода и состоянии полей он получил от Элинор, которая в свою очередь узнала об этом от полковника Брэндона, ведь слушала она его с таким вниманием, что стала разбираться в этих делах не хуже него самого.

После всех разговоров между ними остался лишь один нерешенный вопрос, лишь одно препятствие. Их свела вместе взаимная любовь, получившая самое теплое одобрение всех их друзей, а то, как хорошо они знали друг друга, казалось, было залогом их несомненного счастья. Им не хватало только одного — средств к существованию. У Эдварда было две тысячи фунтов, у Элинор — одна, и если не считать доходов от Дэлафордского прихода, этим их сбережения и ограничивались. О том, чтобы миссис Дэшвуд уделила им часть своих доходов, они и подумать не могли. Однако и влюблены они были не настолько, чтобы воображать, что триста пятьдесят фунтов в год позволят им жить безбедно.

Эдвард в глубине души надеялся, что мать переменит свое отношение к нему и сможет им преодолеть финансовые затруднения. Однако Элинор совсем в это не верила, ведь он все равно женится не на мисс Мортон, а саму ее миссис Феррарс рассматривала лишь как меньшее из зол по сравнению с Люси. Так что проступок Роберта, как она полагала, мог поспособствовать только обогащению Фанни.

Через четыре дня после Эдварда приехал полковник Брэндон, и это принесло миссис Дэшвуд не только радостные эмоции, но и ощущение гордости за то, что впервые

после переселения в Бартон она принимает больше гостей, чем может вместить ее дом. Эдвард по праву первого приехавшего оставался ночевать у них, а полковник Брэндон каждый вечер отправлялся в Бартон-парк, где в его распоряжении всегда была комната. С утра он возвращался в столь ранний час, что успевал нарушить первый тет-а-тет влюбленных перед завтраком.

Трехнедельное затворничество в Дэлафорде, где, по крайней мере в вечерние часы, у него почти не было других занятий, кроме как вычислять диспропорцию между тридцатью шестью и семнадцатью годами, привело его в Бартон в таком расположении духа, что для перемены настроения ему потребовалось обнаружить, насколько у Марианны более здоровый вид, ощутить на себе всю приветливость ее приема и выслушать ободряющие слова ее матери. В обществе таких друзей, в атмосфере всеобщего внимания к своей персоне он заметно приободрился. До него еще не дошли слухи о женитьбе Люси, все произошедшее было ему неизвестно, поэтому в первые часы визита он только слушал и удивлялся. Миссис Дэшвуд рассказала ему все в подробностях, и он нашел новый повод порадоваться тому, какую услугу оказал мистеру Феррарсу, ведь в конечном счете услуга эта способствовала счастью Элинора.

Нет нужды говорить, что с каждым днем знакомства взаимное уважение двух джентльменов только росло. Иначе и быть не могло, ведь у них нашлось немало общего: порядочность, здравомыслие и схожие склонности во взглядах на вещи. Уже этого могло оказаться достаточным, чтобы связать их узами дружбы без всяких других на то причин. Однако они были влюблены в двух сестер, которые в свою очередь очень любили друг друга, а потому между ними неизбежно и немедленно возникла симпатия, для коей при других обстоятельствах потребовалось бы более долгое знакомство.

Пришли письма из Лондона, которые всего лишь несколько дней назад заставили бы каждый нерв Элинора трепетать от восторга, но теперь они читались только с веселым смехом. Миссис Дженнинг поведала удивительную историю, искренне негодуя по поводу бессовестной распутницы и выражая сочувствие бедному мистеру Эдварду, который, по ее убеждению, души не чаял в этой вертихвостке и теперь, по всей видимости, убит горем у себя в Оксфорде. «Я никогда еще не сталкивалась с такой хитрой скрытностью, — писала она. — Всего за два дня до свадьбы она заезжала ко мне и просидела целых два часа, не обмолвившись ни о чем ни словом! Никто об этом и не подозревал, даже бедняжка Нэнси, которая на следующий день явилась ко мне в слезах, боясь гнева миссис Феррарс и не имея возможности вернуться в Плимут, ведь у нее не было и семи шиллингов: Люси перед женитьбой позаимствовала все ее деньги, видимо на покупку свадебного наряда. Я с радостью дала ей пять гиней, чтобы она могла доехать до Эксетера, где собралась три-четыре недели погостить у миссис Берджес, небось, как я ей сказала, чтобы быть поближе к доктору. И, надо заметить, что подлость Люси, которая не взяла ее поехать с ними, просто ужасает. Бедный мистер Эдвард! Я так переживаю за него! Вам обязательно нужно послать за ним, чтобы он погостил у вас в Бартоне; пусть мисс Марианна постарается его утешить».

Мистер Дэшвуд писал в более серьезном тоне. Миссис Феррарс — несчастнейшая из женщин, а бедняжка Фанни так страдает от душевных мук, что он воздаст хвалу всевышнему и удивляется, как обе они смогли перенести такой удар. Поступок Эдварда непростителен, но поступок Люси много хуже. Миссис Феррарс больше не желает упоминать их имен, и даже если когда-нибудь она простит своего сына, то жену его своей дочерью никогда не назовет и не допустит к себе. То, что они плели свою ин-

тригу втайне от нее, безмерно сильно усугубляет их преступление, ведь если бы кто-нибудь заподозрил неладное, можно было бы принять меры и избежать этого брака. И он призвал Элинор разделить его сожаление, что на Люси не женился Эдвард, ведь это бы предотвратило новую горе, постигшее их семью. Он продолжал так:

«Миссис Феррарс еще ни разу не упомянула имени Эдварда, и это нас не удивляет, однако к нашему великому изумлению, от него не пришло ни строчки. Быть может, он не осмеливается писать нам, боясь вызвать этим негодование, поэтому я черкну ему в Оксфорд и изложу наше с сестрой мнение о том, что письмо от него с надлежащими изъявлениями покорности, адресованное, пожалуй, Фанни, и уже ею переданное матери, было бы очень к месту, ибо всем нам известна добросердечность миссис Феррарс, которая ничего не желает так сильно, как быть в хороших отношениях со своими детьми».

Эта часть письма возымела на Эдварда некоторое действие, побудив его сделать попытку к примирению, хоть и не совсем такую, какой ожидали от него брат и сестра.

— Письмо с надлежащими изъявлениями покорности! — повторил он. — Неужто они хотят, чтобы я просил прощения у матери за то, что Роберт отнесся к ней неблагодарно, или за то, что он оскорбил мою честь? Никакой покорности я изъявлять не собираюсь. Я не стыжусь своего поступка и не раскаиваюсь в нем, он лишь сделал меня очень счастливым, что, впрочем, их не интересует. Не понимаю, по какому поводу мне надлежит эту покорность изъявить.

— И все же вам есть за что просить прощения, — сказала Элинор. — Я думаю, теперь вы можете выразить свои сожаления по поводу безрассудности той помолвки, которая и навлекла на вас гнев вашей матери.

Он с этим согласился.

— А когда она простит вас, то, возможно, немного смирения не помешает выразить перед тем, как объявить ей о второй помолвке, которая в ее глазах выглядит не менее неразумной, чем первая.

Он ничего не смог возразить, но все же противился предложению написать письмо с надлежащими изъявлениями покорности, упомянув, правда, что в устной форме ему было бы проще принести извинения, чем сделать это на бумаге. Поэтому чтобы облегчить ему задачу, было решено, что писать Фанни он не будет, а поедет в Лондон и лично заручится ее благосклонностью.

— Если они действительно хотят примирить вас с матерью, — сказала Марианна, следуя своему новому плану благожелательно относиться ко всем, — то я уверюсь в том, что даже Джон и Фанни не лишены некоторых добродетелей.

— Проведя в Бартоне всего три-четыре дня, полковник Брэндон вместе с Эдвардом отправился в Дэлафорта, чтобы тот мог воочию познакомиться с их будущим домом, а также помочь своему другу и покровителю решить, что еще нуждается в реконструкции. По прошествии пары дней Эдвард отбыл в Лондон.

ГЛАВА I

Миссис Феррарс после должных возражений, которые были столь яростны и упорны, чтобы наверняка избавить ее от обвинений в излишней добросердечности, а она так этого боялась, все же изъявила согласие видеть Эдварда и вновь объявить его своим сыном.

В последнее время семья ее оказалась на редкость неустойчивой. Многие годы она была матерью двух сыновей, но преступление и последовавшее за ним уничтожение Эдварда несколько недель назад лишили ее одного из них, а затем такое же уничтожение Роберта оставило ее на две недели вовсе без сыновей, и вот теперь, после восстановления в правах Эдварда, у нее снова появился один сын.

Однако несмотря на то, что его существование вновь было признано, он не чувствовал себя уверенно до тех пор, пока не объявил матери о своей помолвке, опасаясь, как бы оглашение этого обстоятельства вновь не обернулось для него роковым ударом. С опасливой осторожностью он изъясил свое намерение, но выслушан был с неожиданным спокойствием. Миссис Феррарс сначала пыталась отговорить его от женитьбы на мисс Дэшвуд, приводя все возможные аргументы. Она напомнила ему, что в лице мисс Мортон он обретет жену с более высоким социальным статусом и солидным состоянием, подкрепив свое утверждение замечанием, что мисс Мортон — дочь графа с тридцатью тысячами фунтов приданого, в то время как мисс Дэшвуд — всего лишь дочь провинциального помещика со скромными тремя тысячами за душой. Однако когда она обнаружила, что он, полностью признавая разумность ее утверждений, вновь отнюдь не склонен им следовать, то решила, исходя из прошлого опыта, что мудрее будет уступить. И после долгих злонамеренных промедлений, необходимых для того, чтобы сохранить достоинство и исключить всякие подозрения в ее душевной доброты, она дала согласие на брак Эдварда и Элинор.

Теперь следовало подумать о том, насколько она может увеличить их состояние. Выяснилось, что хоть Эдвард на данный момент и являлся ее единственным сыном, старшим он по-прежнему не был: Роберт уже получил причитающуюся старшему сыну тысячу фунтов годового дохода. Однако миссис Феррарс не возражала против того, чтобы Эдвард принял сан, который приносил бы ему доход в двести пятьдесят фунтов (это в лучшем случае), и ничего не обещая потом, дала ему те же десять тысяч, какие когда-то давала за Фанни.

Однако для Эдварда и Элинор этого было достаточно, тем более, что и на такую щедрость они не рассчитывали. Так что, судя по неуклюжим ее извинениям, лишь сама миссис Феррарс была удивлена, что не может дать им большего.

Теперь, когда они получили достаточные средства для комфортной жизни, а Эдвард принял приход, им оставалось только ждать, пока будет готов их дом, который

полковник Брэндон, стараясь угодить Элинор, реконструировал весьма основательно. Продав некоторое время до завершения всех переделок, испытал тысячу разочарований из-за всевозможных задержек и необъяснимой медлительности рабочих, Элинор, как это обычно бывает, забыла про свое изначальное решение сыграть свадьбу не раньше, чем их новое жилище будет готово, и в начале осени предстала перед алтарем бартонской церкви.

Первый месяц семейной жизни они провели в имении своего друга, откуда было удобно следить за ходом работ в их будущем доме и руководить его обустройством: выбирать обои, планировать озеленение участка и размечать дорожки будущего сада. Пророчества миссис Дженнингс, пусть в изрядно спутанном виде, все же сбылись: на Михайлов день она гостила у Эдварда и его жены в дэлафордском приходском доме, найдя в Элинор и ее муже, как ей казалось, одну из счастливейших пар на свете. Им и вправду нечего было больше желать, кроме свадьбы полковника Брэндона и Марианны, а также более удобного пастбища для своих коров.

В первый же день, когда они обосновались в своем доме, туда съехались почти все их родственники и друзья. Миссис Феррарс явилась посмотреть на их счастье, до сих пор почти стыдясь своей слабости, из-за которой дала на него разрешение. Даже мистер и миссис Джон Дэшвуд не поскупились на долгое путешествие из Сассекса, чтобы оказать им честь.

— Не скажу, милая моя сестра, что я разочарован, — объявил Джон, когда однажды утром они проходили мимо ворот Дэлафорд-хауса, — это было бы слишком, ведь ты и сейчас чувствуешь себя счастливейшей девушкой на свете. Однако признаюсь, я был бы очень рад назвать братом полковника Брэндона. Его земли, его поместье, его дом — все это находится в таком превосходном порядке! А его леса! В дэлафордском сарае хранится такая древесина, какой я не видывал во всем Дорсетшире! И хотя Марианна вряд ли из тех девушек, кто мог бы его заинтересовать, все же я советовал бы тебе почаще приглашать их к себе в гости. Полковник, похоже, нередко бывает у себя дома, поэтому всякое может случиться, ведь когда люди проводят много времени в обществе друг друга и почти ни с кем больше не видятся... Тебе ведь не составит труда представить ее в лучшем свете... короче говоря, почему бы не дать ей такую возможность... Ну, ты меня поняла!

Хоть миссис Феррарс и приехала навестить их, и даже вела себя с ними притворно ласково, они не были обделены и искренней ее благосклонностью. Виной тому стало безрассудство Роберта и хитрость его жены. Свокорыстная сообразительность последней, втянувшая Роберта в эту историю, в итоге послужила и его благу, ибо почтительное смирение, усердное внимание и бесконечная лесть, которые она пускала в ход при малейшей возможности, примирили миссис Феррарс с выбором Роберта и вернули ему ее бывшее расположение.

Таким образом, все поведение Люси в этих обстоятельствах и увенчавший его триумф могут служить обнадеживающим примером того, как упорная и неустанная забота о своих личных интересах, пусть даже сопряженная с многими трудностями, приносит в конечном итоге все блага тому, кто готов пожертвовать ради этого своим временем и совестью. Когда Роберт впервые захотел с ней познакомиться и тайно посетил ее в Бартлетовских домах, он, как и предположил его брат, имел целью лишь убедить ее отказаться от помолвки. Поскольку ничего кроме их с Эдвардом взаимного чувства этому не препятствовало, он, естественно, ожидал, что после пары бесед дело будет улажено. Однако в этом, и не только в этом, он ошибся. Ибо, хоть Люси



— Не скажу, милая моя сестра, что я разочарован, — объявил Джон, когда однажды утром они проходили мимо ворот Дэлафорд-хауса, — это было бы слишком, ведь ты и сейчас чувствуешь себя счастливейшей девушкой на свете.

вскоре и дала ему надежду на то, что его красноречие со временем возымеет действие, каждый раз для окончательной победы требовался еще один визит, еще один разговор. Когда они прощались, у нее всегда оставались какие-то сомнения, развеять которые можно было только после получасовой с ним беседы. Таким образом он приходил снова и снова, а остальное последовало само собой. Постепенно они перестали упоминать об Эдварде и говорили уже только о Роберте; на эту тему он всегда готов был говорить больше, чем на любую другую, а ее интерес был так же велик, как и его собственный. Короче говоря, однажды обоим стало ясно, что он полностью вытеснил своего брата из ее сердца. Роберт гордился своей победой, гордился, что обвел Эдварда вокруг пальца, а еще больше он был горд тем, что женился тайно, без согласия матери. Последующие события нам уже известны. Они провели несколько очень счастливых месяцев в Долише: у нее было много родственников и старых знакомых, с которыми теперь можно было попрощаться. Он нарисовал несколько очень великолепных коттеджей. Потом, вернувшись в Лондон, они добились прощения у миссис Феррарс, прибегнув, по настоянию Люси, к простейшему из всех средств — просто попросили их простить. Поначалу прощение вполне логично распростерлось только на Роберта, а Люси, которая не была миссис Феррарс ничем обязана, а потому и не имела перед ней никакого долга, еще несколько недель оставалась непрощенной. Однако неизменная кротость ее поведения, изъявление горьких упреков себе за проступок Роберта и благодарное принятие той суровости, с которой ее игнорировали, в итоге заслужили надменное признание существования ее персоны. Подобная любезность вдохновила ее на то, чтобы со временем подняться на самую вершину милости и влияния. Люси стала столь же дорога миссис Феррарс, как Роберт или Фанни. И хоть Эдвард так до конца и не был прощен за свое намерение на ней жениться, а брак с Элиной, превосходившей ее по происхождению и уровню благосостояния, воспринимался лишь как досадный мезальянс, Люси заняла статус любимой дочери, в чем не стеснялась открыто признаваться. Они с Робертом поселились в Лондоне, получали от миссис Феррарс весьма щедрую материальную поддержку, были в самых лучших отношениях с мистером Джоном Дэшвудом и его супругой, и, если не считать взаимной зависти и неприязни, имевших место между Фанни и Люси, к чему, конечно же, были причастны и их мужья, а также частых домашних ссор между Робертом и Люси, ничто не могло сравниться с той гармонией, которая царила между ними.

В чем же провинился Эдвард, лишаясь прав старшего сына? Этот вопрос озадачил бы многих... но размышления о том, чем эти права заслужил Роберт, озадачили бы их еще больше. Однако подобная перемена вполне оправдывалась если не причинами, то результатами, ибо ничто в образе жизни Роберта и в его словах не указывало на то, что он сожалеет о величине своего дохода, терзается оттого, что имеет слишком много, в то время как его брат вынужден довольствоваться малым. Ну а Эдвард, судя по тому, с каким энтузиазмом он исполнял все свои обязанности, как крепла его любовь к жене и своему дому, в каком приподнятом настроении он проводил свои дни, также, казалось, был доволен судьбой и не хотел никаких перемен.

Замужество Элиной почти не разлучало ее с матерью и сестрами, которые проводили у нее большую часть года, и возвращались в Бартон-коттедж лишь иногда, чтобы не оставлять его вовсе пустым. Миссис Дэшвуд столь часто приезжала в Элафорд не только по велению сердца, но преследуя также дипломатические цели: ее желание свести Марианну с полковником Брэндоном было не менее сильным, чем у Джона, хотя продик-

товано оно было отнюдь не корыстными побуждениями. Теперь это стало ее главной задачей. Сколь ни дорожила она обществом дочери, ни о чем она так не мечтала, как пожертвовать его радости своему дорогому другу. Эдвард с Элинор также в равной степени желали, чтобы Марианна стала хозяйкой находившегося по соседству особняка. Они помнили, сколько страданий перенес полковник, в каком они долгу перед ним, и Марианна, по общему согласию, должна была стать для него наградой за все.

Столкнувшись с таким заговором против нее, зная о всех добродетелях полковника, и не сомневаясь в его нежных чувствах к ней, которые давно были известны всем ее близким, и, наконец, были открыты и ей, что могла она поделать?

Марианне Дэшвуд была уготована редкая судьба. Ей суждено было осознать ложность своих убеждений и собственным поведением опровергнуть самые любимые свои афоризмы. Ей суждено было превозмочь чувство, родившееся в ней на склоне семнадцати лет, и добровольно отдать руку другому, к кому она испытывала лишь глубокое уважение и живую дружбу. И этим другим стал тот, кто пострадал от прежней любви не меньше, чем она сама, тот, кого еще два года назад она считала слишком старым для брака, тот, кто уже не пренебрегал надежной защитой фланелевых жилетов!

Однако, так оно все и случилось. Вместо того, чтобы пасть жертвой непреодолимой страсти, о чем она когда-то с надеждой мечтала, вместо того, чтобы навсегда остаться с матерью и находить единственные радости в уединении и новых знаниях, как намеревалась она впоследствии, когда приобрела способность рассуждать спокойно и здраво, в девятнадцать лет она уступила новой привязанности, взяла на себя новые обязательства, стала женой, хозяйкой и покровительницей всего селения.

Полковник Брэндон был теперь так же счастлив, как и все те, кто его любил и полагал это счастье заслуженным. В Марианне он нашел утешение от всех бывших невзгод. Ее общество и забота вернули ему утраченную бодрость духа. Все их наблюдательные друзья с радостью обнаружили, что осчастливив его, она нашла в этом и собственное счастье. Любить лишь наполовину Марианна была неспособна, и со временем она всецело подарила свое сердце мужу, как когда-то без остатка дарила его Уиллоуби.

Последнего весть о ее замужестве огорчила до глубины души. А вскоре его постигла и еще одна кара: миссис Смит простила его, при этом упомянув, что причиной такого милосердного отношения стал его брак с достойной женщиной. Это дало ему основания полагать, что если бы он благородно повел себя с Марианной, то мог бы заполучить и счастье, и богатство. Вне всяких сомнений, Уиллоуби раскаялся в своем дурном поведении, за которое был сурово наказан, поскольку еще долго он вспоминал о полковнике Брэндоне с завистью, а о Марианне — с сожалением. Однако не следует полагать, что он навсегда остался безутешным, бежал от общества, впал в меланхолическое уныние или умер от разбитого сердца, ибо ничто из перечисленного с ним не произошло. Он жил для того, чтобы получать удовольствия, и нередко их получал. Жена его не всегда пребывала в дурном расположении духа, и ему случалось проводить с ней время весьма приятно. А лошади, собаки, охота и другие подобные развлечения в немалой степени компенсировали ему недостаток семейного счастья.

К Марианне же — несмотря на неучтивость, с которой он пережил ее потерю — он навсегда сохранил нежное отношение. Его интересовало все что происходило в ее жизни, она стала для него эталоном женщины. Впоследствии он не раз пренебрегал восторгами общества по поводу той или иной юной красавицы, утверждая, что с миссис Брэндон никто из них не сравнится.

Миссис Дэшвуд хватило благоразумия не переезжать в Дэлафорд и остаться в Бартон-коттедже. К счастью для сэра Джона и миссис Дженнингс, потеря Марианны была компенсирована для них взрослением Маргарет, которая достигла того возраста, когда ее уже можно было приглашать на танцы и полагать, что у нее могут появиться поклонники.

Между Бартоном и Дэлафордом поддерживалась постоянная связь, продиктованная самой теплой родственной любовью. А счастье Элино и Марианны было напрямую связано с одним их важным достоинством: хоть сестры и жили в самом близком соседстве, они не ссорились между собой и не охлаждали дружбу между своими мужьями.

СИЛА ЗДРАВОМЫСЛИЯ

**ИЛЛЮСТРАЦИИ
ХЬЮ ТОМПСОНА**

ГЛАВА I

Сэр Уолтер Эллиот из Келлинч-холла, что в Сомерсетшире, не был тем человеком, чтобы исключительно ради собственного наслаждения занимать свои руки какой-либо иной книгой, помимо Книги Баронета¹. В ней обретал он достойное занятие для себя в час досуга и утешение — в час скорби; в ней он воспарял духом от восторга и благоговения перед открывающимися его взору немногими сохранившимися древними грамотами; в ней его неприятные ощущения, пробуждаемые домашними хлопотами, самым естественным образом сменялись жалостью и презрением, когда он рассеянно проглядывал почти не поддающиеся исчислению имена персоналий минувшего века; и в ней же, когда любая из страниц была уже бессильна пробудить его внимание, он мог вновь перечитать собственную историю, что и проделывал с неизменным интересом. На соответствующей странице, собственно, всегда и открывался его любимый том¹:

«ЭЛЛИОТ ИЗ КЕЛЛИНЧ-ХОЛЛА

Уолтер Эллиот, рожден марта 1 дня 1760 года, сочетался браком июля 15 дня 1784 года с Элизабет, дочерью Джеймса Стивенсона, эсквайра из Саут-парка, что в графстве Глостершир. От вышеозначенной леди (преставилась в 1800 году) произведена им Элизабет, рожденная июня 1 дня 1785 года; Энн, рожденная августа 9 дня 1787 года; сын, мертворожденный ноября 5 дня 1789 года; Мэри, рожденная ноября 20 дня 1791 года».

Именно в таком виде этот абзац и вышел некогда из рук печатника. Однако сэр Уолтер обогатил его, присовокупив — как для собственного сведения, так и для сведе-

¹ Учítывая, что роман *Persuasion* датирован 1818-м годом (это последний роман Джейн Остен, завершeнный ею в декабре 1817 г., перед тем как она скончалась на сорок втором году жизни), речь может идти лишь об одном издании: *The Baronetage of England, or the History of the English Baronets, and such Baronets of Scotland as are of English Families, with Genealogical Tables and Engravings of their Armorial Bearings* (Книга Баронетов Англии, или История Английских Баронетов, а также Баронетов Шотландии, принадлежащих к Английским Семьям, с Генеалогическими Таблицами и Изображениями их Гербов). Автором этого фундаментального издания, вышедшего в 1801–1805 гг., явился Уильям Бетэм (1779–1853), знаменитый геральдик и антиквар, удостоенный рыцарского звания в 1812 г. Его труд был опубликован в пяти внушительных томах; нет никаких сомнений, что достопочтенный сэр Уолтер Эллиот (Sir Walter Elliot) и не подумал приобретать все пять томов, а ограничился лишь одним — самым первым и самым любимым, поскольку его выдающееся имя было упомянуто именно в нем. — Здесь и далее примечания переводчика.

ния грядущих потомков — после года рождения Мэри следующее: «Сочеталась браком декабря 16 дня 1810 года с Чарльзом, сыном и наследником Чарльза Масгроува, эсквайра из Апперкросса, что в графстве Сомерсет», и с величайшей аккуратностью вставил день и месяц к пресловутому году, когда он лишился благоверной.

Далее традиционно следовала история возникновения и расцвета старинного и респектабельного семейства; как оно впервые обосновалось в Чeshire; как отметились в Дагдэйле службой в конторе Главного шерифа и представительством в трех триумфальных парламентах кряду, выказывая верность короне, вознагражденную баронетским достоинством уже на первом году правления Карла Второго, с перечислением всех Элизабет и Мэри, на которых они женились; все это, занимая две впечатляющих страницы в двенадцатую долю листа, подкреплялось гербом и девизом: «Главное поместье Келлинч-холл в графстве Сомерсет», завершаясь надписью, снова сотворенной собственной рукой сэра Уолтера:

«Предполагаемый наследник — Уильям Уолтер Эллиот, эсквайр, правнук второго сэра Уолтера».

Тщеславие составляло альфу и омегу характера сэра Уолтера; это было тщеславие личности и занимаемого ею положения. В молодости сэр Уолтер выглядел неотразимым красавцем; в свои пятьдесят четыре года он по-прежнему обладал весьма привлекательной внешностью. Ни одна женщина не печется так о собственной внешности, как заботился о ней сэр Уолтер, и ни один слуга новоявленного лорда не смог бы испытывать подобного блаженства от занимаемого им места в обществе. Ниспосланный свыше дар красоты уступал для этого джентльмена лишь благословенному дару баронетства; и сэр Уолтер Эллиот, обладая этими счастливыми дарами, сам для себя являлся непреходящим объектом горячего поклонения и преданности.

Его благообразие и титул, безусловно, заслуживали подобного влечения, и, в изрядной степени благодаря им, он обзавелся супругой, в высшей степени превосходившей его своими качествами. Леди Эллиот, с присущими ей необыкновенным умом и сердечностью, и впрямь была выдающейся особой; помимо столь извинительной безрассудной страстности, каковую она выказала в девичестве, обеспечив себе тем самым титул леди, в дальнейшем все ее суждения и деяния были безупречны и никогда не нуждались в каких-либо оправданиях.

Она с готовностью потакала сэру Эллиоту, а также скрывала и смягчала его промахи, поддерживая тем самым респектабельность супруга на протяжении семнадцати лет; и хотя леди Эллиот отнюдь нельзя было счесть самой счастливой женщиной на свете, но она вполне обрела себя в каждодневных домашних хлопотах, а общение с друзьями и собственные дети еще пуще привязывали ее к жизни. Вынужденное расставание с ними, когда леди Эллиот призвали на Небеса, не могло не доставить ей боли и страданий. Безотрадность происходящего усугублялась неизбежным и горьким для матери выбором завещать свое драгоценное наследие — трех дочерей, старшим из которых исполнилось по шестнадцать и четырнадцать лет, — супругу, поручая таким образом девочек руководству и попечению их суетного и неумного родителя. Впрочем, у леди Эллиот была одна исключительно близкая подруга, женщина здравомыслящая и достойная, которая, питая к ней сильную и нежную привязанность, даже предпочла поселиться в деревушке Келлинч, дабы всегда находиться поблизости. Именно на ее доброту вкупе с мудрыми советами и уповала единственно леди Эллиот, будучи уверена, что подруга непременно позаботится о том, чтобы доче-

ри смогли воспользоваться последними наставлениями матери, каковые она, охваченная тревогой, им давала.

Вопреки горячим ожиданиям заинтересованных лиц, эта подруга и сэр Эллиот и не подумали заключить брачный союз. После кончины леди Эллиот уже минуло тринадцать лет, а они по-прежнему оставались ближайшими соседями и добрыми друзьями; при этом одна была вдовой, а другой — вдовцом.

Что касается подруги усопшей, то леди Рассел, достигнув степенного возраста и имея соответствующий характер, располагала еще и изрядными средствами, поэтому у нее не было и тени мысли о втором замужестве; это обстоятельство едва ли вызывает к снисхождению со стороны публики, поскольку неприятие последней чаще всего может снискать не та женщина, что питает равнодушие к повторному бракосочетанию, а как раз наоборот.

А вот упорное стремление сэра Уолтера пребывать в одиночестве, пожалуй, заслуживает объяснения. Да будет вам известно, что сэр Уолтер, в полной мере полагая себя примерным родителем (хотя ему и пришлось познать тайное разочарование от ряда своих в высшей степени необдуманных прошений), горделиво оставался вдовцом — конечно же, исключительно ради благополучия дочерей. Ради одной из них, самой старшей, он действительно был готов пожертвовать всем, особенно если это «все» не слишком его привлекало. Достигнув шестнадцатилетнего возраста, Элизабет уже обладала неисчислимыми качествами и достоинствами, унаследованными ею от покойной матери; а, учитывая также, что она была на редкость пригожа и вдобавок явно пошла в него, ее влияние на сэра Уолтера было исключительным, и они по большей части замечательно ладили друг с другом. Зато две другие дочери значили для отца куда меньше. Мэри, сделавшись миссис Чарльз Масгроув, обрела-таки некоторую значимость, хотя, скорее, мнимую. Но Энн, которая благодаря присущим ей изысканности ума и прелестному характеру, вполне заслуживала быть внесенной на пьедестал людьми, наделенными даром понимания, в глазах сэра Уолтера и милой сестрицы была пустым местом: ее мнение ничего не значило, а желания неизменно игнорировались — она была лишь Энн, и не более того.

Зато для леди Рассел она, безусловно, являлась не только наиболее обожаемой и ценимой крестницей, но еще любимицей и подругой. Леди Рассел благоволила всем сестрам, но в Энн для нее словно оживали дорогие черты безвременно усопшей леди Эллиот.

Несколькими годами ранее Энн Эллиот была удивительно прелестной барышней, но красота ее стремительно увяла. И если даже в самом расцвете ее очарования сэр Уолтер почти не находил дочь сколь-либо привлекательной (уж слишком мало походили ее миловидные черты и кроткие темные очи на его собственные), то теперь, поблекнув и сделавшись худышкой, она тем паче не могла пробудить в нем симпатию к себе. Сэр Уолтер и прежде не питал особых надежд, что сможет когда-либо прочесть имя младшей дочери на соответствующей странице столь любезного его сердцу сочинения, теперь же он окончательно их утратил. Возможность заключить достойный брачный альянс оставалась теперь только у Элизабет, поскольку Мэри попросту связалась узами брака со старинным, но безнадежно провинциальным родом, пусть даже респектабельным и богатым; ею в результате была оказана высокая честь, а взамен она, по сути, ничего себе не снискала. Ну а Элизабет — та в один прекрасный день непременно выйдет замуж за равного!

Иногда случается так, что к двадцати девяти годам женщина начинает выглядеть куда обворожительнее, нежели десять лет тому назад. Вообще же говоря, если женщине удалось избежать недугов и чрезмерных забот, то в эту пору жизни она не утрачивает и малой толики прежнего своего очарования. Именно это и произошло с Элизабет. Для всех она оставалась той же самой красавицей, какой ее знали еще тринадцатью годами ранее. Зато сэру Уолтеру вполне можно простить досадную забывчивость в отношении возраста Элизабет и, если уж и считать его после этого наполовину выжившим из ума, то лишь наполовину, поскольку он искренне полагал себя и Элизабет по-прежнему пребывающими в цветущем возрасте, вопреки тому очевидному ущербу, каковой со временем претерпели физиономии окружающих. А уж он-то ведь не мог не замечать, как безнадежно стареют его домочадцы и знакомые: Энн выглядела поникшей и изможденной, черты Мэри изрядно огрубели, да и лица соседей отменно подурнели. Особенно же удручали сэра Уолтера гусиные лапки вокруг глаз у леди Рассел, которые появились у нее довольно-таки уже давно и быстро становились все глубже и заметнее.

Вопиющую безмятежность своего достопочтенного родителя Элизабет, однако, разделяла далеко не в полной мере. На протяжении тринадцати лет она пребывала в статусе владычицы Келлинч-холла и управляла имением со столь завидным самообладанием и твердостью, что никому и в голову не могло бы прийти, будто бы Элизабет много моложе своих лет. Тринадцать лет кряду она приказывала, устанавливала домашние законы, первой садилась в карету и тотчас покидала гостиные и столовые, неотрывно следуя за леди Рассел. Тринадцать свирепых рождественских морозов поочередно были свидетелями того, как Элизабет устраивала непривычные для пустынной округи праздничные балы. Цветущие и благоухающие сады тринадцати весен подряд она легкомысленно оставляла ради коварных обольщений большого света, присоединяясь к отцу, ежегодно отправлявшемуся на несколько недель в Лондон. Элизабет отчетливо помнила о минувшем, как не забывала и о том, что ей уже минуло двадцать девять лет, немного грустя по этому поводу и чуточку волнуясь. Впрочем, Элизабет совершенно удовлетворялась сознанием, что она пригожа собой, как и прежде, но ее настораживало приближение опасного и угрожающего срока, поэтому ей не терпелось преисполниться уверенностью, что спустя год или два она узрит распростертого подле ее ног благородного кавалера, в жилах которого течет надежная кровь баронета. Лишь тогда она была готова вновь взять в руки Книгу книг, испытывая ту самую радость, коей были проникнуты нежные годы ее юности. Ну а пока что Книга была ей явно в тягость. Созерцать с досадным постоянством одно лишь свое имя с датой рождения и ничего более, а затем, вместо полагающейся даты собственного замужества, обнаруживать таковую у младшей сестры, — подобное безобразие неизбежно превратило книгу в Фолиант Зла. И не раз, когда отцу случалось оставлять любимый том на столе в открытом виде, да еще и рядом с нею, Элизабет оскорбленно отводила взор, а сама норовила отодвинуть Книгу как можно дальше от себя.

Увы, ей выпало на долю еще одно горькое разочарование — о котором, Книга Баронета, а особенно история самого семейства, всегда напоминали Элизабет. А разочаровал ее не кто-нибудь, а предполагаемый наследник, пресловутый Уильям Уолтер Эллиот, эсквайр, чьи права с таким воодушевлением превозносил сэра Уолтер.

Еще будучи совсем юной девушкой, Элизабет выяснила, что, при отсутствии у нее брата, сделаться баронетом суждено именно Уильяму Уолтеру Эллиоту, и поэтому она

полагала, что ей, возможно, будет целесообразно выйти за него замуж; ее же почтенный родитель полагал, что она просто обязана так поступить. Сэр Уолтер, наряду с прочими членами семейства, не встречал Уильяма Уолтера в его отроческие лета, но вскоре после кончины леди Эллиот он попытался свести знакомство с молодым человеком. Нисколько не преуспев в этом, сэр Уолтер, тем не менее, упорно продолжал того обхаживать, благодушно объясняя подчеркнуто холодное отношение к себе проявлением робкого нрава, обыкновенно присущим юности. Официальное представление возымело место в Лондоне, во время одного из традиционных весенних визитов туда сэра Уолтера Эллиота; Элизабет в ту пору пребывала, можно сказать, в первом своем цветении. Кстати, Уильям Уолтер и сам был тогда еще обескураживающе молод и готовился постигать азы юриспруденции. Элизабет, сочтя его необыкновенно милым, лишь укрепилась в вынашиваемых ею намерениях. Уильяма Уолтера тогда же обязали нанести безотлагательный визит в Келлинг-холл. Он успел стать причиной напряженного ожидания и бесконечных толков, но так и не появился в имении. Через год, будучи вновь встречен Эллиотами в Лондоне, Уильям Уолтер произвел на них столь же благоприятное впечатление. Эллиоты всячески поощряли его, настойчиво зазывая в гости. И опять он не приехал. А какое-то время погодя пришло известие о его женитьбе. Так уж вышло, что, вместо принятия, в качестве наследника рода Эллиотов, заведомо предначертанной судьбы, Уильям Уолтер предпочел обрести финансовую независимость, женившись на исключительно богатой особе и закрыв глаза на ее более низкое, чем у него, происхождение.

Сэр Уолтер, узнав о случившемся, преисполнился справедливого негодования. Являясь главой семейства, он был убежден, что молодому человеку непременно следовало испросить его совета, особенно учитывая, что он снизошел даже до того, что подавал руку этому неблагодарному субъекту прямо на глазах у великосветской публики. «Впервые это случилось на аукционе в Таттерсолз, — припомнил сэр Уолтер, — а потом нас могли видеть еще и в вестибюле Палаты Общин, причем дважды». Но, хотя негодование сэра Уолтера имело место, оно, увы, практически не возымело действия. Мистер Эллиот не предпринял и слабой попытки принести извинения; в дальнейшем его совершенно не беспокоило внезапное отсутствие знаков внимания со стороны столь почтенного семейства, каковых, по мнению сэра Уолтера, мистер Эллиот был явно недостоин. Любое общение между ними пресеклось раз и навсегда.

Пренеприятный инцидент с мистером Эллиотом до сих пор, невзирая на изрядную череду минувших лет, наполнял сердечко Элизабет яростью и возмущением — ведь мистер Эллиот необыкновенно привлекал ее как мужчина, но еще больше — как наследник ее отца; непомерная семейная гордость Элизабет принуждала усматривать именно Уильяма Уолтера в качестве наиболее достойной партии для себя как для старшей дочери сэра Уолтера. И никакого другого баронета с фамилией от А до Я сердце Элизабет не пожелало бы счесть равным ей. Однако молодой субъект выказал столь мало достоинства своим поведением, что даже ныне (летом 1814-го года), когда он щеголял в черной повязке, демонстрируя тем самым траур по усопшей супруге, Элизабет ни за что не признала бы Уильяма Уолтера по-прежнему заслуживающим ее благосклонного внимания. Бесчестье, сопряженное с его первым браком, пожалуй, еще допустимо было извинить, поскольку оснований ожидать грядущего потомства более не имелось. И, пожалуй, ему все могло бы сойти с рук, не вытвори он только куда более предосудительного деяния. Но он именно что вытворил; благодаря добросердеч-

ному и услужливому вмешательству друзей семейства выяснилось, что Уильям Уолтер взял за правило высказываться об оном крайне непочтительно, осмеливаясь уничижительно и чуть ли не с презрением поносить свой почтенный род, равно как и высокую честь, некогда уготованную ему. А это уже было непростительно.

Таковые вот помыслы и тревоги терзали душу Элизабет Эллиот. Вышеозначенные горестные заботы омрачали ее неизменную, ослепительную, благополучную и ничтожную жизнь; волнения же привносили в нее хоть некоторое разнообразие, скрашивая толикой интереса монотонное и безмятежное течение сельского досуга и заполняя собой имеющиеся в нем лакуны, ибо заботам о благе ближних Элизабет и близко не думала себя посвящать, а каких-либо талантов или домашних занятий, требующих времени, у нее не было.

Но вскоре иное происшествие заняло все мысли Элизабет: отца ее внезапно поглотили обременительные финансовые заботы. Она не могла не отметить, что если ныне сэр Уолтер и берет в руки Книгу Баронета, то лишь затем, чтобы отвлечься горестным помыслам от безмерных счетов и оскорбительных инсинуаций со стороны мистера Шепперда, поверенного по делам семьи. Келлинч-холл, безусловно, представляя собой достойное поместье, все-таки лишь частично мог соответствовать представлениям сэра Уолтера об уровне жизни, которого он был достоин. Покуда еще здравствовала леди Эллиот, ее опытность в ведении хозяйства наряду с мудрой умеренностью могли удержать сэра Уолтера в надлежащих финансовых рамках. С уходом супруги улетучилось и хозяйственное благоразумие, поэтому теперь сэр Уолтер тратил куда больше, чем позволял его доход. При этом он никак не мог допустить сокращения своих трат, поскольку ему требовалось на должном уровне поддерживать статус сэра Уолтера Эллиота. И это мы решительно не можем поставить в вину сэру Уолтеру, однако он все более погрязал в долгах; мало того, он принужден был вдобавок еще и выслушивать о наличии оных. И это повторялось настолько часто, что таить происходящее от дочери, увы, стало невозможным. Впервые сэр Уолтер позволил себе мягко и деликатно намекнуть о сих прискорбных обстоятельствах еще минувшей весной в Лондоне. Он пребывал в таком смятении, что даже осмелился поинтересоваться у дочери: «Как ты полагаешь, милая, а не следует ли нам несколько сократить наши расходы? Ведь наверняка же их можно хоть как-то урезать?» Здесь следует отдать Элизабет должное — охваченная порывом сострадания, присущего душе любой женщины, она принялась усердно размышлять над словами отца и представила ему две серьезнейшие, как ей казалось, статьи экономии: напрочь отринуть извечную неосмотрительную благотворительность, а также повременить с обновлением гостиной. А чуть погодя ее осенила уже по-настоящему счастливая мысль: не приобретать в Лондоне для Энн, как у них традиционно было заведено, очередного ежегодного подарка. Впрочем, вышеозначенных мер, при всей их исключительной разумности, было совершенно недостаточно, дабы существенно умерить всю степень угрожавшего семье зла и неблагополучия, о чем сэр Уолтер неизбежно должен был поведать Элизабет. Сама же она более не могла предложить каких-либо более существенных и действенных мер, предпочитая, как и ее отец, видеть себя несчастной бедняжкой, безжалостно обойденной судьбой. Ни отцу, ни дочери не представлялось возможным как-либо серьезно урезать собственные расходы, не причинив катастрофического ущерба достоинству их рода и не принося непозволительной жертвы в виде столь привычных им удовольствий.

Сэр Уолтер в полной мере располагал лишь малой частью всего имения; впрочем, даже обладая правом пустить по ветру все их достояние вплоть до последнего акра земли, он, по сути, был не в силах изменить печальную ситуацию. Сэр Уолтер отчаялся настолько, что решился заложить часть земель, но о какой-либо продаже и речи не было. Ведь этим он бы навсегда запятнал и опорочил свое славное имя! Нет, Келлинчхолл должен был вовеки пребывать в неприкосновенности и именно в таком, едином и нераздельном, виде перейти к потомкам, как некогда перешел и к нему самому.

На решающий и окончательный совет были призваны два доверенных лица: мистер Шеперд, проживавший в соседнем городке, и, конечно же, леди Рассел. Именно от них отец с дочерью ожидали услышать о надежном способе избавления от неприятностей путем уменьшения трат, каковой не расходился бы с понятиями вкуса и чести.

ГЛАВА II

Мистер Шеперд, будучи адвокатом предусмотрительным и крайне осторожным, каким бы ни было его отношение к сэру Уолтеру, безусловно, предпочел бы узреть кого угодно, но лишь бы не себя, — в качестве объекта возможного осуждения, а потому, выказав намерение избегнуть даже тени намека, взмолился о позволении возложить все бремя ответственности на леди Рассел с ее поистине непогрешимыми суждениями; всецело уповая на общепризнанное здравомыслие этой достойной дамы, он ожидал от нее именно таких решений, каковы и сам мог бы счесть справедливыми и единственно возможными.

Леди Рассел, всерьез озаботившись поставленной перед нею задачей, всерьез, продолжительное время билась над ее решением. Суждения ее хотя и были здравыми, однако отнюдь не стремительными. А на сей раз кажущееся неразрешимым противоречие доставило ей особенные затруднения. У этой женщины было не ведавшее греха сердце и безошибочное чувство чести. И все же она настолько страшилась хоть в самой малой мере затронуть чувства сэра Уолтера и настолько радела о сохранении безукоризненной репутации его достопочтенного семейства, что оценивала жизненные потребности оно, руководствуясь исключительно аристократической меркой; впрочем, чего еще можно было ожидать от женщины, обладавшей столь высокой душой?! Леди Рассел неизменно проявляла благожелательность и сердечность, и доброта ее не ведала пределов; она была мастерицей в установлении прочных привязанностей, придерживаясь, однако, самых строгих правил и ведя безупречную жизнь, — манеры же ее повсеместно почитались за истинный образец благородного воспитания. Как следствие изощренного ума, воззрения леди Рассел были тверды и несокрушимы, но, правда, надо признать, что, питая извечную и невольную слабость к родословным, она за преклонением перед высокой породой и знатным саном частенько не замечала явных и вопиющих пороков тех, кому подобные отличия были ниспущены свыше. Будучи вдовой лишь дворянина, пусть даже и с рыцарским званием, леди Рассел благоговела перед любым баронетством, и сэр Уолтер, поскольку был именно сэром Уолтером, а не только старинным ее приятелем, отзывчивым соседом, всегда готовым прийти на помощь, а также супругом ближайшей ее подруги, отцом Энн и прочих дочерей, конечно же, заслуживал в глазах этой дамы всемерного участия и глубочайшего сочувствия к свалившимся на его голову тягостным заботам.

Но, как бы то ни было, а расходы, вне всяких сомнений, следовало незамедлительно сократить. Но как можно было это осуществить, не ущемляя интересов сэра Уолтера и Элизабет?! Леди Рассел лихорадочно изобретала невероятные статьи экономии, прибегала к подробным выкладкам, а кроме того, совершила даже то, о чем заинтересованные лица даже помыслить не могли: она прибегла к совету Энн, чье мнение, как вы помни-

те, уже давным-давно решительно никого не интересовало. Тем не менее, леди Рассел не только вняла советам Энн, но, ориентируясь на них, составила подробный план сокращения расходов, по завершении представив его на строгий суд сэру Уолтеру. Рекомендации Энн были в угоду благородству, а отнюдь не тщеславию, взыскав к суровым и решительным мерам, необходимым для устроения совершенно иного, нового хозяйственного уклада, что позволило бы самым скорейшим образом избавиться от позорных долгов. Для Энн имели значение единственно честь и праведность.

— Эх, теперь бы вот еще убедить твоего отца... — пробормотала леди Рассел, внимательно изучая бумагу с заметками Энн, — ... тогда бы все наверняка пошло на лад. Только бы он не воспротивился этим мерам, и тогда по прошествии каких-то семи лет ему бы удалось выплатить до конца все долги... Я надеюсь, нам удастся убедить его и Элизабет, что скромность быта отнюдь не нанесет ущерба доброй славе Келлинг-холла, а статус сэра Уолтера Эллиота в глазах людей разумных и подавно избегнет какого-либо умаления, стоит ему проявить себя человеком, придерживающимся разумных правил. У него нет другого выхода, кроме как последовать решению, ранее принятому многими знатнейшими семействами в округе, жаль, увы, что пока не всеми! Ситуация сэра Уолтера вполне типичная, в ней нет ничего выходящего из ряда вон. А ведь именно страх выделиться и показаться необычными и довлеет над нами, принуждая испытывать страдания или творить глупости. Хочется надеяться, что сэр Уолтер не станет упираться и чинить препятствия. Только атаковать его необходимо внезапно и со всей решительностью: что ни говори, но, нажив долги, следует их неукоснительно выплачивать. Естественно, при этом нельзя не учитывать тонкие чувства истинного джентльмена и почтенного отца семейства — они заключают в себе изрядную ценность, но, как известно, репутация благородного человека ценится и того больше!

По мнению Энн, отцу ее надлежало следовать этому правилу, а друзьям — открыть ему, наконец-то, глаза. Энн полагала категорически необходимым полностью удовлетворить притязания кредиторов, причем настолько быстро, насколько возможно добиться, применив требуемые и разумные ограничения; ни о чем ином сейчас она и помыслить не могла. Эта идея заполонила все ее сознание. Вполне доверяя благотворному влиянию леди Рассел на сэра Уолтера, Энн предполагала, что претворить в жизнь столь существенные изменения, каковых требовала ее совесть, окажется куда сложнее, в отличие от изменений пустячных и малозначимых. Энн прекрасно знала собственного отца и Элизабет; она понимала, что им было бы проще и вовсе лишиться лошадей, нежели ограничить свои выезды. И схожий вывод напрашивался по любому пункту, содержащемуся в пространном списке леди Рассел.

Собственно, каким образом удалось бы применить более суровые меры Энн, было сейчас не так уж и важно. Ведь исходные предложения леди Рассел решительно не возымели успеха: их сочли немыслимыми и, по сути, недопустимыми. Как же так, скажите?! Отринуть все радости бытия?! Отказаться от путешествий, от Лондона, от слуг, лошадей и благородной кухни?! Допустить утеснение во всем и пребывать в уничижении?! Да такая жизнь не пристала даже самому убогому дворянину! Право же, лучше тотчас и бесповоротно покинуть пределы Келлинг-холла, нежели жалко прозябать, да еще приняв столь позорные условия!

«ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ КЕЛЛИНЧ-ХОЛЛА».

Вышеозначенная мысль была мгновенно подхвачена мистером Шепердом, интересов коего решение сэра Уолтера об урезании расходов затрагивало самым непосредственным образом и который придерживался категорического убеждения, что без смены местонахождения никаких ограничений достичь не удастся. «Поскольку идея экономии зародилась именно в голове сэра Уолтера, — молвил мистер Шеперд, — у него не может быть никаких оснований настаивать на избрании какого-либо иного решения, помимо этого». Для мистера Шеперда было очевидно, что сэр Уолтер просто не решится допустить введения новых правил в своем доме, столь знаменитом хлебосольством и приверженностью чудесным обычаям старины. Зато в любом прочем месте сэр Уолтер будет волен поступать, как ему заблагорассудится. И все наверняка сочтут, что он таким образом просто-напросто изыскивает способ наиболее мудрого распределения имеющихся у него средств — вне зависимости от того образа жизни, какового он соизволил бы придерживаться в дальнейшем.

Итак, сэр Уолтер был обречен на расставание с Келлинч-холлом... А после недели мучительных колебаний и тяжких сомнений наконец-то разрешился и пресловутый фатальный вопрос о конкретном месте, где достойной семье отныне предстоит обособоваться. Также наметились и первичные ходы для великих и грядущих перемен.

Существовало три варианта: Лондон, Бат или же другой сельский дом. Энн всем сердцем склонялась к последнему. Ей виделся небольшой домик где-либо по соседству, дабы они могли, как и прежде, располагать обществом леди Рассел и не покидать Мэри, а также не лишаться удовольствия от прогулок по дивным келлинчским лугам и рощам — о большем счастье она не смела и мечтать. Увы, видимо, такова уж была судьба Энн, что все осуществилось совершенно обратно ее заветным надеждам. К слову, Бат неизменно вызывал у нее отвращение, она даже почему-то находила пребывание в нем исключительно для себя вредным, но именно там ей и было суждено поселиться.

Сэр Уолтер поначалу склонялся к Лондону; но тут вмешался мистер Шеперд, живо смекнувший, что в Лондоне он тотчас лишится своего влияния на сэра Уолтера. Он заставил последнего отказаться от исходного намерения, коварно порекомендовав ему выбрать Бат. По мнению мистера Шеперда, Бат куда более подходил для сэра Уолтера, ибо там он, при нынешних его финансовых затруднениях, мог бы не только не утратить достоинства, но даже занять подобающее ему видное положение в обществе, обеспечив это посредством куда более скромных затрат. В пользу Бата, конечно же, сыграли роль еще и два весомых дополнительных довода: близость расположения, поскольку он находился в пятидесяти милях от Келлинча; кроме того, именно в Бате леди Рассел по обыкновению своему проводит практически всю зиму. В итоге, к величайшему удовольствию леди Рассел, изначально предложившей Бат в качестве резиденции для семейства, сэр Уолтер и Элизабет решительно утвердились во мнении, что там они отнюдь не лишатся всех прелестей жизни и не уронят себя во мнении окружающих.

Леди Рассел, сочтя это своим долгом, принуждена была действовать вопреки желанию своей милой подруги Энн. Она просто не могла допустить, что сэр Уолтер падет столь низко, что изберет убогий сельский дом, пусть даже и по соседству с ней. А что касается Энн, то бедняжка ведь и близко не подозревала, как горько пришлось бы ей впоследствии страдать от подобного выбора, не говоря уже о сэре Уолтере, чьи страдания оказались бы поистине безмерными... А по поводу неприятия Бата леди Рассел была уверена, что всему виной — превратное заблуждение Энн, которое

объясняется, во-первых, тем, что после безвременной кончины матери ей на протяжении трех лет пришлось посещать в Бате школу, а во-вторых, тем, что единственная зима, проведенная ею там в компании леди Рассел, так и не смогла избавить Энн от скверного расположения духа, с коим она туда явилась.

Короче говоря, леди Рассел, будучи в восторге от Бата, предпочитала думать, что он им всем прекрасно подойдет; насчет же здоровья своей юной подруги она не особенно переживала: Энн вполне может проводить летние месяцы с нею в Келлингхолдж, счастливо избегая любых хворей, к тому же подобная перемена наверняка будет способствовать упрочению здоровья девушки и обретению доброго состояния духа. Энн чересчур редко покидает жилище и чересчур редко с кем-либо видится, вследствие чего безнадежно чахнет. Пребывание среди людей несомненно пойдет Энн на пользу. Леди Рассел просто мечтала, чтобы круг знакомств девушки как можно скорее расширился.

Выбор нового дома в ближнем соседстве с прежним его обиталищем был немалым для сэра Уолтера еще и в связи с дополнительным и притом крайне существенным обстоятельством, к счастью, изначально учтенным в процессе выработки стратегии грядущих перемен. Мало того, что сэру Уолтеру приходилось расставаться с любимым домом, — ему вдобавок пришлось бы любоваться на то, как им бестрепетно завладеют некие неведомые ему чужие типы; согласитесь, что это явилось бы суровейшим испытанием личного мужества и для сердец куда более стойких. А между тем, Келлингхолл предполагалось сдавать внаем. Правда, сие намерение старательно сохранилось в глубокой тайне — еще не хватало, чтобы о нем прознали лица, не допущенные в близкий круг.

Если бы о намерениях сэра Уолтера относительно Келлингхолла стало известно соседям, он ни за что бы не снес подобного унижения. Мистер Шеперд, обмолвившись невзначай об уместности своевременного «оповещения», крепко пожалел и вновь вернуться к данной щекотливой теме нипочем бы не осмелился. Сэр Уолтер и близко не желал слышать ни о чем таком, возбрав даже тень намека на вынашиваемые им планы. Разве что у некоего чересчур упорного и неотвязчивого соискателя могло получиться умиловить сэра Уолтера и убедить его сдать дом внаймы в качестве величайшей милости и исключительно на его условиях.

Если нас булбуют желания, доводы рассудка, как правило, не заставляют себя ждать. Так и у леди Рассел, причем весьма кстати, нашелся еще один весомый довод в пользу безотлагательного переселения сэра Уолтера со всем семейством. Не так давно Элизабет случилось вступить завести некие отношения, каковые леди Рассел предпочла бы разом пресечь. Девушка подружилась с дочерью мистера Шеперда, которую неудачное замужество вынудило вернуться обратно под родительский кров, к тому же обремененной парой юных чад. Особа сия была совсем неглупа и вдобавок в совершенстве владела искусством пленять собой окружающих, — как бы то ни было, но она заворожала Келлингхолл и заручилась глубоким доверием мисс Эллиот. Вопреки настояниям и суровым предостережениям леди Рассел, находившей их дружбу непозволительной, дочь мистера Шеперда неоднократно заявлялась к Элизабет с визитами.

Откровенно говоря, леди Рассел, безотчетно любившая Элизабет, не имела на нее почти никакого влияния; при этом она даже не задумывалась, а заслуживает ли вообще Элизабет ее любви. Общаюсь с ней, она не встречала какого-либо особого эмоционального отклика, помимо должной учтивости и обыденных знаков внимания. Ей

никогда не удавалось толком договориться с Элизабет, а уж о том, чтобы переубедить ее, можно было и не думать. Она неизменно пеклась об Энн, испрашивая для нее разрешение участвовать в гостевых визитах в Лондон. Энн, тем не менее, бросали в Келлинг-холле на произвол судьбы, и леди Рассел переживала, остро ощущая всю несправедливость и неоправданность таких проявлений неравенства. Леди Рассел с ее непогрешимыми суждениями демонстрировала похвальное и утонченное знание света и в других, куда менее значительных ситуациях, но, увы, с тем же неутешительным результатом. Элизабет всегда норовила поступать по-своему. Однако еще никогда категорическое неодобрение леди Рассел не проявлялось столь убедительно, как в случае противодействия сомнительному пристрастию Энн к миссис Клэй. Последняя, по мнению леди Рассел, заслуживала лишь вежливого обхождения и не более; уж никак не близкой дружбы и сестринского доверия.

В глазах леди Рассел положение миссис Клэй было таково, что она не могла считаться ровней мисс Эллиот, а, учитывая ее нрав, была вполне способна оказать на Элизабет вредное и разлагающее влияние. Вот почему Элизабет следовало удалить от этой особы, дабы на новом месте она сумела существенно расширить круг знакомств и обзавестись новыми подругами, действительно достойными общества мисс Эллиот. И для леди Рассел это было делом наипервейшей важности.

ГЛАВА III

Однажды утром в Келлинг-холле мистер Шеперд, откладывая скрупулезно прочитанную им газету, молвил:

— Позволю себе заметить, сэр Уолтер, что наши дела складываются на редкость удачно. Вследствие пресловутого мирного соглашения множество морских и изрядно обогатившихся офицеров окажутся на берегу. Им, естественно, понадобится качественное жилье. Поистине великолепный момент, сэр Уолтер, у нас не будет отбоя от съемщиков, причем солидных. За годы войны, как вы понимаете, составилось не одно значительное состояние. Эх, появись тут сейчас зажиточный адмирал, как бы замечательно все сложилось...

— И заметьте, Шеперд, — удовлетворенно отвечал сэр Уолтер, — этому вашему адмиралу бы несказанно повезло, иначе и не скажешь. Келлинг-холл — это просто находка, сродни небесному отличию. Держу пари, Шеперд, более высокими отличиями ваш адмирал не мог быть удостоен ни за одну из своих баталий, как вы полагаете, а?

Мистер Шеперд, с готовностью удостоив остроумную реплику сэра Уолтера восхищенной улыбкой, продолжил свою речь:

— Осмелюсь довести до вашего сведения, дорогой сэр Уолтер, что с морскими офицерами очень удобно вести дела. Мне случалось неоднократно вступать с ними в деловые отношения, и поверьте, эти господа придерживаются самых похвальных воззрений и ведут себя в высшей степени благородно. Не могу даже представить, чтобы они в качестве съемщиков оказались ненадежными. Вот почему, сэр Уолтер, уж только не обессудьте, но в случае распространения слухов о ваших намерениях, а такой вероятности мы с вами не вправе исключать, поскольку нам, увы, ведомо, сколь непросто сокрыть деяния и сокровенные помыслы избранной части человеческого общества от вездесущего любопытства и внимания другой, катастрофические последствия чего нельзя не учитывать — так, например, я, Джон Шеперд, еще, пожалуй, смогу утаить подробности о состоянии своих семейных дел от кого бы то ни было из моего круга общения, а вот на вас, сэр Уолтер, обращены неусыпные взоры практически всех, и едва ли получится их избежать, — засим, простите мою дерзость, я обязан признаться, что не слишком удивляюсь, что даже при всех задействованных нами мерах предосторожности, намерения ваши неизбежно обнаружатся, и в этом случае я, будучи на вашем месте, почел бы за благо удостоить должным вниманием любого из числа состоятельных морских офицеров. С вашего великодушного позволения, я хочу также присовокупить, что смогу прибыть сюда для ведения переговоров не позднее, чем через два часа, дабы избавить вас от участия в обременительной процедуре.

Сэр Уолтер, внимая речи мистера Шеперда, благосклонно кивал. Потом он внезапно вскочил на ноги и, начав беспокойно расхаживать по комнате из угла в угол, горько посетовал:

— Я думаю, что любой из флотской братии дался бы диву, впервые очутившись в таком доме, как мой...

— О, несомненно, — внезапно встряла миссис Клэй, ибо она находилась здесь же, ибо изначально уверилась в том, что свежий воздух Келлинча будет безмерно полезен для ее здоровья. — Они будут снова по дому, разинув рот и благословляя судьбу за неслыханную щедрость. И, кстати, я категорически согласна с папенькой относительно флотских лиц — лучших съемщиков в целом свете не найти. На них можно практически во всем положиться, не зря же они еще и благородного происхождения! К слову, сэр Уолтер, если вы сочтете необходимым оставить свою коллекцию картин в доме, то за ее сохранность можете не беспокоиться! К тому же, не только за домом, но и за садом будет осуществляться неукоснительный уход. Содержащиеся ныне в безупречном порядке сады и кустарники, поверьте, таковыми и пребудут. И вы, мисс Эллиот, можете навсегда забыть свои опасения по поводу благополучия столь любимых вами прекрасных цветников.

— Вот именно, — холодно парировал сэр Уолтер, — вся сложность ситуации как раз в том и заключается: если даже я и вознамерюсь объявить о сдаче своего дома внаем, то не смогу пребывать в уверенности, что поставленные мною условия четко соблюдаются. А будущему съемщику я отнюдь не намерен потакать. Пожалуй, еще допустимо позволить ему гулять по аллеям парка; ксати, едва ли многим из морских офицеров, да и вообще кому бы там мое поместье ни досталось в итоге, приходилось ранее обитать в столь обширных владениях. Но любой из съемщиков будет поставлен мною в строгие рамки. Таково мое право. Я не в восторге, что кто-то чужой будет расхаживать и топтать мои кустарники, когда ему вздумается. Поэтому мисс Эллиот как раз стоит хорошенько позаботиться о сохранности цветников. И кем бы ни оказался грядущий съемщик — морским офицером или простым солдатом, — ему не следует рассчитывать на поблажки — и в этом я непреклонен.

Чуть выждав, мистер Шеперд дерзнул произнести:

— Соблюдение всех поставленных вами условий, сэр Уолтер, предусматривается договором. Благодаря существующим правовым нормам, хозяин и съемщик всегда могут прийти к соглашению. Будьте уверены, что ваши интересы будут в точности соблюдены. И, сверх оговоренных договором прав, съемщик не сможет на что-либо притязать. С полным основанием готов утверждать, что даже высокочтимый сэр Уолтер Эллиот не выказал бы большего рвения, стремясь сохранить родовую собственность в порядке, чем делаю это я, Джон Шеперд.

Тут нарушила молчание Энн.

— Сдается мне, что моряки, совершившие столько подвигов ради нас, заслуживают благоволения и комфорта, каковые предоставляет хороший дом. И мы должны согласиться, что покой и отдых достаются им очень нелегко.

— Совершенно справедливо замечено, — откликнулся мистер Шеперд. — Суждения мисс Энн всегда совершенно справедливы.

— О, несомненно! — воскликнула дочь мистера Шеперда.

Сэр Уолтер не проронил ни слова, но потом заметил:

— Морское поприще представляется мне, безусловно, полезным, однако я не желал бы избрания его моими друзьями.

— И отчего же это?! — прозвучал ему в ответ общий хор, сопровождаемый взорами изумления.

— Да ведь и так ясно, отчего. Тут две вещи, решительно меня не устраивающие — точнее, два довода решительно не в пользу данного поприща: во-первых, люди сомнительного происхождения вполне способны удостоиться на нем неслыханных отличий, о каковых отцы и праотцы их мечтать даже во сне бы не осмелились! А во-вторых, оно беспощадно, поскольку напрочь лишает людей юности и сил; на протяжении всей жизни я отмечал, что моряки стареют стремительнее других. На флоте, как нигде еще, присутствует опасность стать свидетелем неоправданного и недопустимого возвышения неких субъектов, чьих отцов наши собственные отцы никогда не удостоили бы даже словом. Вдобавок вы еще и рискуете, что внешность ваша печально преобразится, причем много раньше ожидаемого срока, и станет вызывать лишь отвращение... Минувшей весной случилось мне оказаться в городе и повстречать двух якобы джентльменов — они служат превосходной иллюстрацией к сказанному мною ранее. Одним из них оказался лорд Сен-Ив, отец которого был простым деревенским викарием, подчас не располагавший и куском хлеба. И вот, представьте: мне пришлось уступить им свое место — этому лорду Сен-Иву и за компанию с ним — адмиралу Болдуину, обладавшему поистине чудовищной внешностью: лицо цвета красного кирпича, в грубых и глубоких морщинах; макушка — та совсем голая, да еще и присыпана дрянной пудрой, а по бокам головы — пара-тройка седых волосев. «Милостивый Боже, да что это за уродливый старикашка?!» — обратился я за разъяснениями к находившемуся подле меня сэру Бэзилу Морли, близкому моему приятелю. «Какой еще старикашка? — озадачился сэр Бэзил, — да ведь это сам адмирал Болдуин! Между прочим, как вы полагаете, сколько ему сейчас лет?» — «Шестьдесят, полагаю, — чистосердечно отвечивал я. — А то даже и все шестьдесят два, пожалуй». — «Ему всего сорок, — заявил сэр Бэзил, — да-да, сорок и ни годом более». Вы можете легко вообразить всю степень моего изумления. Да... уж этого адмирала Болдуина я и на смертном одре буду помнить. Мне не доводилось прежде сталкиваться со столь разительным примером того, какой урон стихия может причинить внешности человека. Впрочем, что тут говорить, у всех моряков схожая участь: их постоянно носит неведомо где по волнам, над ними глумятся свирепые ветра и неистовая жара, — а в результате на них даже взглянуть жутко. Полагаю, им лучше сгнуться в толще вод, пока молоды, чем доживать до зрелых лет, как произошло в случае с адмиралом Болдуином.

— Но, право же, сэр Уолтер, вы чересчур строги к ним! — возгласила миссис Клэй. — Будьте милосерднее к бедняжкам. Тем более что не всем ведь выпадает счастье быть красивыми. Куда как очевидно, что море навряд ли способно благотворно повлиять на внешний облик. И это верно, что моряки чересчур рано стареют; я тоже подмечала, как они с невероятной стремительностью утрачивают цвет юности. Но разве на иных поприщах людских не происходит почти то же самое? Согласитесь, солдатам, несущим воинскую службу, зачастую тоже приходится нелегко. Да и на гораздо более спокойных поприщах, где задействован ум, а не тело, редко у кого получается сохранить свежий и бодрый вид до срока, определенного самой природой. Судейские корпят над бумагами, не зная покоя даже ночью; каждый лекарь ожидает, что его могут поднять прямо посреди ночи, и понадобится нестись во тьму, страдая от непого-

ды; даже священникам... — тут миссис Клэй на мгновение умолкла, предавшись размышлениям о тягостной участи служителей церкви, — ...да, даже священникам приходится вступать в общение с теми, кто страдает от тяжких и опасных недугов, рискуя здоровьем и внешностью, претерпевающими невосполнимый урон в гадкой, зараженной атмосфере. Я так вам скажу: нет сомнения, что каждое поприще насущно и необходимо, однако только тем, у кого нет необходимости работать или служить и кто может позволить себе жить целиком в свое удовольствие, пребывая на свежем воздухе, среди деревенских просторов, где можно подниматься с постели, когда вздумается, и предаваться любым занятиям, не испытывая нужды в средствах, а потому и не повинуюсь необходимости лезть буквально из кожи вон ради их добычи и приумножения — только они, утверждаю я, способны сохранять здоровье и благообразный вид достаточно долго. Всем же остальным, увы, суждено утратить привлекательные черты, едва расставшись с юностью...

Принимая во внимание, с каким воодушевлением мистер Шеперд склонял сэра Уолтера к предпочтению морских офицеров как возможных съемщиков, могло показаться, что он наделен даром предвидеть грядущее. Первым из тех, кто заявил о притязаниях на дом сэра Уолтера, оказался адмирал Крофт. Мистер Шеперд не преминул с ним повидаться на ближайшем квартальном заседании в Тонтоне, предварительно выяснив его подноготную, для чего весьма пригодился его лондонский приятель. Из полученной мистером Шепердом информации, каковую он тотчас передал в Келлингч, следовало, что адмирал Крофт, будучи уроженцем графства Сомерсет и располагая к тому же значительными средствами, мечтал обосноваться в родных краях. С этой целью он прибыл в Тонтон, собираясь подобрать себе подходящее жилье и интересуясь любыми достойными домами по соседству, что сдавались внаем. Ни один из домов, однако, не привлек адмирала, и тут, совершенно случайно (в точности, как говорил мистер Шеперд, предупреждая о возможности распространения слухов о тайных планах сэра Уолтера), — итак, совершенно случайно Крофту стало известно о вероятной сдаче внаем Келлингч-холла, как и о том, что сделкой управляет мистер Шеперд, состоящий с владельцем дома в тесной дружбе. Адмирал Крофт представился мистеру Шеперду и принялся выспрашивать того обо всех деталях сделки; во время их приватной беседы он обнаружил настолько серьезные намерения приобрести Келлингч-холл, насколько они могли таковыми быть у человека, прежде не имевшего удовольствия лицезреть этот замечательный дом собственными глазами. То, что счел необходимым поведать о своей персоне адмирал Крофт, произвело на мистера Шеперда крайне благоприятное впечатление. Он увидел в адмирале человека в высшей степени ответственного и, несомненно, более чем достойного явиться съемщиком Келлингч-холла.

— Адмирал Крофт? — ядовито уточнил сэр Уолтер.

Мистер Шеперд поспешил уверить его в благородном происхождении адмирала, сообщив даже название родового поместья. Воцарилось продолжительное молчание. Его нарушила Энн:

— Он служит на военном флоте в звании контр-адмирала. Участвовал в Трафальгарской битве, после чего отправился в Ост-Индию, где, по слухам, значительно преуспел, прослужив много лет.

— Держу пари, — с торжеством возвестил сэр Уолтер, — что у него физиономия оранжевого цвета, как отвороты плащей у моих слуг!



«Милостивый Боже, да что это за уродливый старикашка?!» — обратился я за разъяснениями к находившемуся подле меня сэру Бэзилу Морли, близкому моему приятелю.

Мистер Шеперд на это разразился целым монологом, молвив, что адмирал Крофт выглядит свежим и энергичным, обладая на редкость приятной наружностью; он, конечно же, крещен бурями и ураганами, но и только; зато манеры у него как у истинного джентльмена; судя по всему, договориться с ним будет несложно, поскольку адмирал прекрасно понимает, что комфорт стоит дорого, он готов платить, зная к тому же примерную цену и будучи в состоянии предложить даже более значительную сумму, если таково будет требование сэра Уолтера; адмирал подробно расспросил про Келлинг-холл и явно был бы польщен, если бы сэр Уолтер удостоил его чести, пожаловав с визитом, хотя и не настаивал на этом; он также сообщил, что ему частенько приходилось брать оружие в руки, хотя он так никого и не лишил жизни; вне всякого сомнения, это истинный джентльмен.

Красноречие мистера Шеперда произвело желаемый эффект. Свой захватывающий рассказ он дополнил сведениями о семейном положении адмирала, который, как выяснилось, состоял в браке. Детей у Крофта не было — стоило ли мечтать о лучшем кандидате? Мистер Шеперд обыкновенно отмечал, что дом без хозяйки обречен на упадок. А что мебель в доме более страдает от отсутствия хозяйки, нежели от присутствия в нем детей, — это еще нужно доказать. Сам мистер Шеперд придерживался мнения, что в умении сберечь мебель никто на свете не сравнится с достойной леди, не обремененная потомством. Он успел уже к тому времени познакомиться с миссис Крофт, сопровождавшей адмирала в Тонтоне и деятельно участвовавшей в их беседе.

— Дама тонкая и нетлупая, — объявил мистер Шеперд, — у нее возникло немало вопросов относительно нашего парка, условий сдачи, налогов — много больше, чем у адмирала. Да и в предметах этих она весьма сведуща, не в пример супругу. Специально для вас, сэр Уолтер, хочу присовокупить, что миссис Крофт прекрасно знакома с нашими местами, и связь ее с ними гораздо крепче, чем у адмирала, поскольку она приходится сестрой одному джентльмену, проживавшему неподалеку, в Манкфорде. Боже правый... Да как же его имя?! Вертится в голове, а припомнить не могу... Пенелопа, голубушка, напомни-ка мне, как звали того джентльмена, брата мисс Крофт?

В этот момент миссис Клэй была настолько поглощена беседой с мисс Эллиот, что не расслышала вопрос отца.

— Не возьму в толк, кого вы имеете в виду, Шеперд, — капризно возразил сэр Уолтер. — По-моему, после старика Трента в Манкфорде никаких джентльменов не проживало.

— О, Господи! Да что со мной такое?! Если так пойдет дальше, то я скоро забуду собственное имя! А главное — я же отлично его знаю... И даже лицо этого джентльмена стоит сейчас у меня перед глазами; однажды он явился ко мне, испрашивая совета, поскольку ему досаждал сосед. Слуга соседа тайком пробрался в его сад, воспользовавшись тем, что часть забора повалилась от старости. Ворую яблоки, слуга был пойман с поличным. Я вынес обвинительный приговор, однако джентльмен предпочел полюбовно договориться с соседом. Довольно даже странно, что я не могу воскресить в памяти его имя!

В комнате вновь воцарилось молчание.

— Так это вы, наверное, имеете в виду мистера Уэнтворта? — в конце концов рискнула предположить Энн.

Мистер Шеперд просиял благодарной улыбкой.

— Конечно!!! Именно Уэнтворт. Да-да, он самый. В Манкфорде, сэр Уолтер, он руководил приходом. Где-то около двух или трех лет тому назад. А в Манкфорд мистер Уэнтворт впервые прибыл году этак в пятом, кажется... Теперь, смею думать, вы припоминаете его?

— А! Уэнтворт! Ну да, как же, манкфордский священник. Употребив по отношению к нему понятие джентльмен, вы меня совершенно запутали. Я счел, что речь идет о человеке родовитом и состоятельном. Мне помнится, что мистер Уэнтворт был, как принято говорить, без роду и племени. Совершенное ничто! Вот окажись он, например, Уинквортом, то принадлежал бы к фамильному древу Стрэффордов. Хотя мне все равно неприятно наблюдать за тем, как даже самые известные и громкие имена могут перейти во владение неведомой черни.

Мигом спохватившись и уразумев, что упоминать о родственных связях Крофтов в присутствии сэра Уолтера было с его стороны явной ошибкой и не могло заслужить одобрения, мистер Шеперд почел за благо впредь не касаться этой темы и возобновил перечисление бесспорных достоинств адмиральской четы, уточнив возраст супругов, состав семьи и величину состояния. Не забыл он упомянуть и о выгодном мнении, что составили они о Келлинч-холле и об их заветном желании как можно быстрее сделаться тамошними обитателями. По словам мистера Шеперда выходило, что для Крофтов нет выше чести, чем обрести право стать съемщиками у сэра Уолтера Эллиота — ему хватило тонкости угадать, какие качества съемщиков покажутся сэру Уолтеру наиболее предпочтительными.

И, надо признаться, оглашенные мистером Шепердом доводы в пользу адмирала Крофта и его супруги были восприняты вполне благосклонно. Справедливости ради, следует уточнить, что сэру Уолтеру любой, кто предполагал обосноваться в его доме, как в своем собственном, был крайне неприятен и представлялся таким нуворишем, обладателем несметных богатств, порождая желание запросить за дом, сдающийся внаем, просто запредельную цену. Тем не менее, мистер Шеперд, хорошенько постаравшись, добился согласия сэра Уолтера на участие в переговорах, после чего поспешил отбыть к адмиралу Крофту, по-прежнему находившемуся в Тонтоне, собираясь условиться о дне смотрин.

Сэр Уолтер едва ли мог претендовать на звание мудреца. Однако же ему с лихвой хватало жизненного опыта, чтобы самостоятельно уразуметь: кроме Крофта, чья кандидатура отвечала практически всем условиям, более подходящего съемщика в ближайшее время едва ли будет реально отыскать. Глас рассудка был очень убедителен, а что до тщеславия — оно довольствовалось привлекательным соображением о достаточно высоком (но, в то же время, не заоблачном) общественном статусе адмирала. «Я решил сдать дом внаймы адмиралу Крофту» — согласитесь, это звучит! И притом куда лучше, чем если бы вместо адмирала был упомянут просто какой-то там мистер. Данный статус (не беря в расчет примерно около десятка человек во всем Соединенном Королевстве) неизменно взыскует к унижительным ссылкам и пояснениям. Адмирал — это поистине внушает, не умаляя, однако, титул баронета. В ходе любых дел и переговоров за сэром Уолтером всегда будет сохраняться преимущественное право вынесения окончательного решения.

Как уже упоминалось выше, в доме не совершалось ничего значительного без ведома и согласия на то Элизабет. Впрочем, она уже сама изнемогала от желания поскорее сняться с места; вот почему Элизабет вспыхнула от радости, узнав, что все так ско-

ро и благополучно разрешилось, и надежный съемщик найден. О необходимости по-временить с переездом она и слова не проронила.

Отныне мистер Шеперд в полной мере был облечен доверием для итогового совершения сделки. Оглашено это было в отсутствие Энн. С предельным вниманием прислушивавшаяся к обмену мнениями, она внезапно ощутила необходимость покинуть комнату, чтобы подставить полыхающие огнем щеки безудержным порывам ветра. Неспешно бредя по любимой рощице, Энн, обреченно вздохнув, проговорила:

— Через месяц-другой здесь, уже, возможно будет прогуливаться.

ГЛАВА IV

Он — это относилось совсем даже не к мистеру Уэнтворту, что прежде был манкфордским священником, как могло бы показаться, но к его брату, капитану Фредерику Уэнтворту, принявшему участие в битве при Сан-Доминго, где он, собственно, и был произведен в капитаны. Не будучи приставлен к конкретной службе, он оказался летом 1806 года в графстве Сомерсет. Поскольку родители его тогда уже покинули этот мир, ему не оставалось ничего другого, кроме как осесть в Манкфорде — временно, на полгода. В ту пору он был блестящим молодым человеком, притом необыкновенно красивым. Фредерик Уэнтворт отличался острым умом, и ему были свойственны высокие душевные устремления. Что касается Энн, то она обладала весьма привлекательной внешностью и была способна испытывать глубокие чувства. Кроме того, Энн отличалась благородством натуры и скромностью; а еще ей был присущ хороший вкус. Этой паре совершенных созданий вполне хватило бы для достойной совместной жизни и половины их превосходных качеств; добавим еще, что Фредерик не имел определенных занятий и бил баклуши, а у Энн просто не было иного предмета любви. Уместно предположить, что с легкой и несказанно щедрой руки Провидения исход ситуации был заранее предreshен. Так оно и вышло: стоило им познакомиться, как они без памяти влюбились друг в друга. Сложно будет сделать вывод, кто из них восхищался другим в большей степени и кто более сгорал от счастья, — Энн ли, внимая взволнованному объяснению Фредерика, за которым последовало предложение руки и сердца, или же Фредерик, когда Энн, мило зардевшись, ответила ему согласием.

И тогда настала дивная пора безоблачных радостей и восторгов, но продлилась она недолго. Совсем недолго. Когда влюбленные испросили благословения у сэра Уолтера, тот нельзя сказать чтобы категорически отказался его дать, равно как и не возвестил, что этому не бывать вовеки, однако выказал столько удивления, сражая молодых людей своей немногословностью и обдавая холодом, что у дочери его не осталось и малейшей надежды. Сэр Уолтер посчитал союз неравным и унижающим достоинство их высокого рода. Характерно, что леди Рассел, вовсе не ощущавшая подобного уязвления гордости и, как правило, склонная к проявлению снисхождения, сама была далеко не в восторге от выбора Энн, свергнувшего ее в изрядную печаль.

Как может Энн, носящая имя достославного своего отца, при дарованных ей красоте и уме, погубить свою жизнь, едва достигнув девятнадцатилетнего возраста?! Связать свою судьбу в девятнадцать лет с молодым бездельником, чье состояние заключается в одной лишь его внешности, — и это при явном отсутствии надежного поприща и даже смутных перспектив на серьезное наследство; у него даже нет солидных знакомств, благодаря которым он имел бы шанс проявить себя хоть на каком-то поприще! Нет, связаться с таким типом — это все равно что погубить свою

жизнь и судьбу, причем по собственной воле... Столь безрадостный финал немыслим! Энн Эллиот — еще почти девочка, вся такая пленительная и юная. Ее великие достоинства не известны миру. И что же — она станет добычей первого встречного шалопая без средств и связей?! Энн проведет свою молодость в жалком прозябании, испытывая ужасные страдания и пребывая в тягостной зависимости! Позволить свершиться подобному несчастью нельзя; и отсюда возникает безотлагательная необходимость дружеского вмешательства со стороны той, кто испытывает к Энн, по сути, материнскую любовь и, подобно матери, ответственна за нее — только так можно отвести грозящую Энн беду.

Капитан Уэнтворт и впрямь не располагал достаточными средствами к жизни. Служба его была удачной и приносила немалые плоды, однако то, что доставалось ему с такой легкостью, Фредерик норовил потратить с легкостью еще большей. В итоге он вышел в отставку, решительно ничего не скопив. Но в сердце Фредерика жила необъяснимая уверенность в том, что в скором времени ему суждено невероятно разбогатеть. Он всякий день с нетерпением ожидал назначения на корабль, каковой окажется под единоличным его командованием — это новое положение обеспечит все, о чем только можно мечтать. Фредерику по жизни неизменно сопутствовала удача. Он свято верил в свою звезду. Едва Фредерик с завораживающей горячностью молодости поведал Энн о питаемых им великих надеждах, как она безотчетно повелась на его слова. Невероятно, но ей было достаточно одних этих слов. Совсем другое дело — леди Рассел. Ее совершенно не впечатлил веселый и неукротимый нрав Фредерика, скорее даже наоборот: она находила эти качества опасными и только умножающими тлетворное влияние молодого человека на Энн. Леди Рассел всерьез опасалась Фредерика: умный, бесстрашный, дико упрямый — от такого молодца можно ожидать чего угодно! Впрочем, его живой ум и острый, хорошо подвешенный язык пугали леди Рассел куда меньше, чем опрометчивый выбор Энн. Леди Рассел боялась опрометчивых деяний пуще огня, а потому ни одобрить выбор Энн, ни смириться с ним она, конечно же, не могла.

Таковые чувства леди Рассел вынудили ее дать резкую отповедь союзу двух любящих сердец, и это стало для Энн последней каплей. Кроткая от природы девушка не пала духом, когда собственная сестра отказалась ее поддержать; более того, она еще крепилась из последних сил, сражаясь с суровым вердиктом отца. Но когда леди Рассел — ее Энн всегда любила и имела обыкновение прибегать к ее совету в затруднительных ситуациях — настойчиво приступила к ней с мягкими, но категорическими увещаниями, девушка не устояла, да и могло ли быть иначе? Леди Рассел удалось убедить Энн в неуместности и полной бессмысленности предполагаемой помолвки; она поставила девушку перед фактом, объяснив ей, что уповать на благополучный исход бессмысленно. В итоге Энн отказала жениху, но, поступая таким образом, она руководствовалась не только осторожностью вкупе с эгоизмом. Не будь она совершенно убеждена, что действует во благо любимому, заботясь о нем больше, чем о себе, Энн ни за что не указала бы Фредерику на порог. Свято веря в то, что своим самоотречением она спасает молодого человека, Энн трогательно утешала Фредерика в эти мгновения горестного и окончательного прощания, хотя исключительно нуждалась в утешении сама: Фредерик не желал верить ее словам, воспринимая сказанное ею в штыки, и всем видом демонстрировал, насколько он оскорблен отказом Энн. Сразу же после тягостного и мучительного объяснения он отбыл в неизвестном направлении.

Нежное общение влюбленных продолжалось только несколько месяцев, но сколько же месяцев потом пришлось Энн страдать... Все привычные утехи юности были омрачены для нее тоской и сожаленьем. Она внутренне поникла и погасла, и так продолжалось очень долго.

Со времени той достопамятной и грустной истории минуло уже свыше семи лет. Время, сгладившее резкие грани и успокоившее боль, явилось для Энн единственным утешителем, и оно по-прежнему оставалось таковым. Никакого облегчения Энн не приходилось ожидать ни от переезда (как ранее от поездок в Бат тотчас после разрыва), ни от запланированного расширения круга ее знакомств. Из гостей Келлинча никто не выдерживал сравнения с Фредериком Уэнтвортом — тем его образом, что остался навсегда запечатленным в памяти Энн. Единственным верным и надежным средством исцеления для нее могло бы явиться новое чувство — свежая сердечная привязанность, — однако Энн была чересчур возвышенной натурой, и к тому же невероятно взыскательной, а тогдашнее общество, как назло, отличалось узостью мышления и нетерпимостью, так что рассчитывать ей было не на что... Правда вот, когда Энн исполнилось двадцать два года, некий молодой человек вознамерился было уговорить девушку выйти за него замуж, но, встретив решительный отказ, как-то довольно быстро переключился на ее младшую сестрицу. Леди Рассел тогда изрядно попеняла Энн на ее неуступчивость, поскольку сватавшийся к ней кавалер, а это был Чарльз Масгроув — старший сын человека, чьи слава и богатство уступали разве что величественному достоянию сэра Уолтера; кроме того, экс-жених был отчаянно пригож и славился деликатным обхождением с дамами. Несмотря на то, что в глубине души леди Рассел предпочла бы для Энн иную и несравненно более завидную партию, особенно в возрасте всего лишь девятнадцати лет, но теперь, на двадцать третьем году жизни, девушка отчаянно нуждалась в подходящем предлоге, чтобы достойно удалиться из отчего дома, избегнув при этом пристрастных и несправедливых суждений и оставаясь под защитой и попечением леди Рассел, которая от души желала для своей любимицы счастья и покоя. Но в тот раз Энн пренебрегла советом леди Рассел. Последняя всегда придерживалась благоразумного мнения, что о прошлом сожалеть не годится; ныне же она была исполнена тревоги за Энн, почти утратив веру в то, что, посредством союза с просвещенным господином при титуле и состоянии, домовитая и неглупая девушка, обладающая чувствительным сердцем, все же выступит когда-нибудь в той роли, для коей изначально была предназначена.

Может показаться странным, но леди Рассел, по сути, не подозревала, каким принципам следует Энн в своем поведении, — этой темы они почему-то не касались в частных беседах. А ведь Энн, в ее-то двадцать семь с лишним лет, рассуждала уже далеко не так, как ее наставляли в девятнадцать. Энн не затаила обиду на леди Рассел, некогда убедившую ее пойти на разрыв с Фредериком, да и себя, впрочем, не особенно казнила за то, что послушно вняла ее совету. Одно Энн знала сейчас наверняка: если бы некая юная особа, оказавшись в схожих обстоятельствах, прибегла уже к ней самой за советом, она бы ни за что на свете не порекомендовала бы ей пожертвовать любовью и страдать во имя мнимого благополучия в будущем. Энн уяснила, что, вопреки всем неприятностям, проистекавшим из конфликта с домашними, и тревожным сомнениям относительно поприща, избранного ее женихом и, вероятно, сулившего целую бездну страхов, хлопот и разочарований, она вела бы гораздо более счастливую жизнь, не нарушив данного ею слова и не отказавшись от помолвки, что в итоге

превратило ее в жертву. Между тем, хотя Энн и приготовлялась тогда сносить предполагаемые невзгоды, допуская, что они могут оказаться тяжелее обычных, на деле судьба проявила к Фредерику невероятную благосклонность. Невероятно, но все его заветные надежды и упования осуществились, а расчеты, представлявшиеся нелепыми, всецело оправдались. Живой и деятельный ум Фредерика наряду с кипучим рвением обеспечили ему преуспевание на избранной им профессиональной стезе. Вскоре после разрыва с Энн он окончательно определился с намерениями, в итоге добившись всего, что обещал, признаваясь в любви. Фредерик служил на флоте, где добился многих отличий и высоких званий. Судя по флотским ведомостям, которые удалось раздобыть Энн, он был на диво обласкан Фортуной и, без сомнения, не преминул уже сколотить состояние; не забыв его пристрастия к постоянству, Энн была почти уверена в том, что Фредерик по-прежнему не женат.

Если бы Энн Эллиот обладала в девятнадцать лет той силой красноречия, какой славилась ныне, она точно бы спасла свою первую любовь от поругания и не преступила бы радостной веры в их общую с Фредериком счастливую будущность. Ей тогда уж было бы чем противостоять пугливой и нелепой осторожности, дерзнувшей усомниться в благодати Провидения! И если юную Энн принуждали к благоразумию, то вступив в зрелые лета она предпочла начисто о нем забыть, превратившись в мечтательницу — вполне закономерный исход при ущербном начале, расходящемся с велениями природы человеческой.

С учетом вышеозначенных деталей, воспоминаний и каскада разнообразных чувств, Энн, конечно же, не могла не ощутить прежнего волнения, будучи внезапно поставлена перед фактом, что сестра капитана Уэнтворта в скором времени поселится в Келлинч-холле. Ей пришлось вновь укрыться в дорогой ее сердцу роще, где она довольно долго гуляла по аллеям, тяжело вздыхая, покуда не восстановила душевного равновесия. А потом ей не менее долго пришлось убеждать себя, что рассчитывать на что-то — это чистой воды безумие, и вообще это все категорически неправильно. В конце концов, овладев собой, Энн пришла к выводу, что участие в беседе о чете Крофтов лично ей ничем скверным угрожать не может. Немалым подспорьем для Энн оказалось непритворное равнодушие трех ее ближайших родственников, посвященных в горькую тайну ее прошлого, — и равнодушие это казалось поистине безмерным — словно ее близкие просто-напросто обо всем позабыли! Энн догадывалась, что, в отличие от отца и сестры, леди Рассел, выказывая полное безразличие, поступала в соответствии с возвышенными соображениями. Не отказывая леди Рассел в наличии добрых намерений, Энн, тем не менее, не могла не заметить, что все трое почему-то демонстрировали необъяснимую забывчивость схожим образом; допуская, что адмирал Крофт со временем действительно может оказаться обитателем Келлинч-холла, она обрела утешение в мысли, неоднократно выручавшей ее ранее: о прошлом Энн известно только троим родственникам, и уж они-то не проронят даже звука по этому поводу, что же касается Фредерика, то только его брату, у которого он решил тогда погостить, могло стать известно о разорванной помолвке. Но этот брат давным-давно куда-то уехал; он, как и Фредерик, человек благородный и притом еще холостой, так что едва ли кому-то проговорится.

Его сестры, миссис Крофт, на тот момент вообще не было в Англии, поскольку она сопровождала супруга на пути к месту очередного назначения. Оставалась еще другая сестра Энн — Мэри, учившаяся тогда в школе; впоследствии, когда она вернулась

в Келлинг-холл, то столкнулась с атмосферой умолчания — с одной стороны, это явилось проявлением гордости, а с другой, совершилось в угоду деликатности; как бы то ни было, но Мэри точно ничего не удалось выяснить.

Уповая на все это, Энн понемногу проникалась убеждением, что знакомство и общение с Крофтами не причинит ей особого дискомфорта; нужно лишь подготовиться к встрече заранее, дабы не быть застигнутой врасплох; Энн еще радовалась и тому, что леди Рассел пока не намерена покидать Келлинг, да и Мэри живет от него в каких-то трех милях.

ГЛАВА V

Тем утром, когда в Келлинч-холл к условленному часу прибыла адмиральская чета для осмотра владений, Элизабет, даже не колеблясь, предпочла совершить почти ежедневную свою пешую прогулку к дому леди Рассел, где и намеревалась переждать визит гостей; придя же туда, она предпочла картинно огорчиться, что ею упущена прекрасная возможность оценить внешность визитеров.

Что ж, встреча осуществилась благополучно и к полному удовлетворению сторон. Дело следовало считать решенным! Собственно, дамы уже загодя были настроены к принятию соглашения, а начав общаться вживую, они просто прониклись взаимным обожанием; что касается джентльменов, то адмирал продемонстрировал в высшей степени доверительное отношение, и его открытый и сердечный нрав произвел на сэра Уолтера неизгладимое впечатление, а сам он, будучи предупрежден мистером Шепердом, что адмирал изрядно наслышан о безукоризненности его манер, выказал поистине изысканную тонкость обхождения.

Дом с его убранством и парк восхитили Крофтов, а Крофты восхитили хозяев дома. Условия и сроки соглашения были сочтены корректными и подходящими. Все было прекрасно! Команда стряпчих, руководимая мистером Шепердом, немедленно принялась за подготовку бумаг; впрочем, в главном и давно уже готовом документе, начинавшемся словами: «Сим удостоверяется...» им не потребовалось изменить ни единого знака.

Сэр Уолтер категорически и во всеуслышание объявил, что адмирал — самый красивый моряк из тех, с кем его сводила судьба на протяжении всей жизни. Он даже допустил, что, если бы личный его куафер соизволил исправить некоторые досадные огрехи в прическе адмирала, то с последним было бы не стыдно показаться даже в высшем обществе; адмирал же, когда экипаж увозил чету Крофтов обратно, минуя парк, признался без обиняков супруге: «Я был совершенно уверен, милый мой дружок, что мы тотчас и непременно поладим с сэром Уолтером, невзирая на пустые и нелепые слухи, распускаемые о нем в Тонтоне. Возможно, баронет и не блещет особо умом, но человек он достойный, и опасаться его незачем». Согласитесь, обе характеристики допустимо счесть одинаково лестными.

Согласно взаимной договоренности, Крофтам предстояло окончательно переселиться в Келлинч-холл к октябрю, ввиду чего сэр Уолтер предложил своим домочадцам оставить дом месяцем раньше. Поэтому времени на сборы оставалось в обрез.

Леди Рассел, понимая прекрасно, что Энн не будет допущена к сборам, и мнением ее при выборе дома в Бате наверняка пренебрегут, невольно досадовала на

столь спешный отъезд семьи, поскольку в планы ее входило удержать Энн подле себя, дабы потом, уже после Рождества, лично доставить ее к новому месту обитания. К сожалению, внезапно возникшие неотложные дела потребовали от нее оставить Келлинг на несколько недель, вследствие чего приглашать Энн было совсем неуместно. К тому же еще и сама Энн, как бы ни была она перепугана, представляя белоснежный Бат в сентябре с его спящим солнцем и адской жарой, и какой бы мучительной болью ни переполнялось ее сердце при мысли о расставании с чудесными осенними лугами и рощами, словно погруженными в сладостную печаль, но, здраво рассудив, девушка решительно не желала медлить с отъездом. Ну а если уж пришла пора отправляться в путь, то разумнее всего, да, наверное, и хоть отчасти веселее, ехать со всеми.

Внезапное прощание повлияло на Энн и заставило ее отказаться от принятого решения. Мэри, частенько терзаемая недугами и взявшая за правило чутко наблюдать за состоянием своего здоровья, всегда призывала на помощь Энн, едва у нее возникало подозрение на то, что с нею опять что-то неладно. Так и теперь, ни с того, ни с сего расхворавшись и сочтя очередной недуг настолько серьезным, что всей осени будет мало, дабы вполне исцелиться, она скорее даже потребовала, нежели попросила Энн забыть о переезде в Бат и провести эту тягостную пору подле нее, куда в том будет насущная необходимость.

— Мне не обойтись без общества Энн, — непреклонно заявила Мэри.

— В таком случае, Энн уж точно следует остаться, тем более что в Бате, наоборот, вполне обойдутся и без нее, — последовал ответ Элизабет.

Когда к вам вызывают о помощи и ищут вашего общества, пусть даже и чересчур бесцеремонно, это, пожалуй, все-таки приятнее, чем когда вашим обществом откровенно пренебрегают. Энн, воспрянув духом и вновь уверившись в том, что может быть полезной и что ей надлежит посвятить себя выполнению важных обязанностей, поспешила ответить Мэри согласием и осталась.

Случившееся с Мэри было весьма на руку леди Рассел, поскольку избавляло ее от ненужных забот. Она условилась с Энн, что та прибудет в Бат не ранее, чем дождется от нее вызова, а тем временем ее домом будет попеременно Келлинг-лодж или Апперкросс.

Казалось, что все замечательно устроилось. Но тут у леди Рассел возник новый повод для огорчения; можно сказать, она едва не утратила самообладания, поскольку ей стало известно о новом тайном плане, согласно которому, к обществу сэра Уолтера и Элизабет присоединялась миссис Клэй, дабы совместно с ними отправиться в Бат! При этом миссис Клэй отводилась роль главной и наиболее полезной компаньонки Элизабет, и только им вдвоем предстояло одолевать все беды и трудности, неизбежно связанные с процессом переезда. Леди Рассел терялась в догадках, что могло явиться причиной возникновения подобного решения; ее одновременно тяготили недоумение, страх и печаль. Когда же мысли леди Рассел обращались к Энн, и она видела, насколько унижительно это решение для девушки, которую демонстративно отстраняют, словно бы объявляя ее бесполезной и заменяя якобы несравненно более полезной миссис Клэй, страдания благородной дамы еще более усугублялись.

В отличие от леди Рассел, Энн давно привыкла к уязвлениям подобного рода, сделавшись к ним нечувствительной; однако она столь же отчетливо осознавала всю

слабость и неуместность этого плана, принятого в последний момент. Наблюдая за сэром Уолтером, Энн удосужилась превосходно изучить характер отца, поэтому она испытывала серьезные опасения относительно столь поспешно родившихся дружеских отношений. Энн очень боялась, что такая дружба может возыметь исключительно серьезные последствия для всей их семьи. Едва ли сэр Уолтер в настоящий момент способен это осознать. Да, конечно, миссис Клэй была усыпана веснушками и у нее сильно выступал один зуб, прибавьте сюда еще и широкие, как у простолюдинок, запястья, каковые сэр Уолтер — в отсутствие миссис Клэй — язвительно порицал. Но при этом миссис Клэй обладала симпатичной внешностью и могла еще считаться сравнительно молодой особой. Ну а ее сметливость в делах и неизбывное стремление угодить любым способом заключали в себе угрозу куда более опасную, чем лукавая мина прелестницы.

И в реальности данной угрозы Энн была настолько убеждена, что, не попытается она предупредить о ней хотя бы сестру, то впоследствии не вынесла бы терзаний совести. Не до конца веря в успешный исход предпринимаемых ею действий, Энн, тем не менее, предпочитала, чтобы Элизабет, которой фатальное развитие ситуации могло навредить куда больше, чем ей самой, не вздумала бы потом упрекать ее в равнодушии и бездействии.

Обратившись к Элизабет, Энн только что ни оскорбила сестру своими подозрениями. Элизабет не могла уразуметь, как Энн вообще взбрело в голову строить такие нелепые предположения; преисполненная справедливого негодования, она уверила Энн, что каждая из сторон всецело отдает себе отчет о необходимости соблюдения должных рамок общения.

— Миссис, Клэй, — продолжала Элизабет, кипя от негодования, — никогда не питала иллюзий по поводу места, занимаемого ею в обществе. Образ ее мыслей мне превосходно известен. Я уверяю тебя, что ей присущи необычайно благородные воззрения на брак, и она, в отличие от большинства людей, крайне предосудительно относится к отношениям, в основе которых лежит неравенство происхождения и благосостояния. Ну а если говорить об отце, то вспомни, как долго он, исключительно во имя нашего с тобой блага, сохранял статус вдовца, и, право же, его не в чем заподозрить. Пожалуй, я еще готова допустить, что было бы весьма опрометчиво способствовать сближению отца с миссис Клэй, окажись она молодой и ослепительной красавицей, однако и в этом случае отец нипочем бы не допустил заключения союза, столь сильно принижающего его общественный статус, хотя, конечно же, миссис Клэй явилась бы тогда для него источником изрядных бед и переживаний. Но бедную миссис Клэй, увы, сложно назвать даже хорошенькой, и я убеждена, что присутствие этой бедняжки ничем нам не угрожает. Можно подумать, что тебе ни разу не доводилось слышать, как сочувственно распространяется отец по поводу ее злополучной внешности; полагаю, ты внимала его монологу раз этак пятьдесят. Ты только вспомни ее жуткий зуб, не говоря уже об этих несносных веснушках. Если честно, то я не нахожу ее веснушки такими ужасными; мне случалось видеть тех, кого россыпь веснушек на лице отнюдь не портила, однако отец их просто не переносит. Тебе ведь наверняка известно, насколько ему отвратительны веснушки миссис Клэй.

— На любой недостаток во внешности человека можно закрыть глаза, если общение с ним доставляет нам радость, — возразила Энн.

— Я придерживаюсь абсолютно иного мнения, — отрезала Элизабет. — Радость общения оттеняет красоту, но не исцеляет уродства. И вообще, поскольку речь, в первую очередь, идет об угрозе именно моим интересам, я едва ли нуждаюсь в твоих наставлениях.

Энн сочла за благо отступить, испытывая радостное облегчение от того, что беседа с сестрой осталась позади; она, впрочем, тешила себя робкой надеждой, что предостережения ее не пропадут втуне. Да, судя по всему, она задела чувства сестры, но Элизабет теперь, возможно, станет относиться к миссис Клэй с большей осмотрительностью.

...Экипаж, запряженный четверкой лошадей, сослужил Сэру Уолтеру последнюю службу, доставив его, мисс Эллиот и миссис Клэй прямым путем в Бат. Путешественники отправлялись в дорогу, пребывая в превосходнейшем расположении духа; сэр Уолтер даже специально поупражнялся загодя в отдаче величавых поклонов — на тот случай, если горько скорбящие крестьяне и арендаторы явятся проводить единственного своего хозяина и благодетеля. Ну а Энн, в безутешном отчаянии, на тот момент уже понуро брела в Келлинг-лодж, где должна была провести следующую неделю.

Леди Рассел сокрушалась о происходящем никак не меньше самой Энн. Отбытие семейства Эллиотов было для нее мучительным. Ведь она так деятельно заботилась о соблюдении ими светских приличий, словно старалась ради себя. Ежедневные, вошедшие в привычку встречи с Эллиотами стали для леди Рассел милыми сердцу и необходимыми, как воздух. Она с трудом превозмогала боль, взирая на покинутые хозяевами владения, но с куда большим трудом могла представить облик новых владельцев. Дабы не терзаться созерцанием печальных и пустынных полей и избежать вынужденного свидания с адмиралом и его супругой, когда они вторгнутся в пределы Келлинг-холла, леди Рассел вздумала тотчас по расставании с Энн выдвинуться в Бат. Они даже выехали сообща, но по прибытии в Апперкросс Энн сошла, а леди Рассел проследовала далее намеченным путем.

Апперкросс представлял собой поместье средней руки; каких-то пару лет тому назад, в прилежном соответствии с викторианскими обычаями, лишь два строения выделялись высотой среди крестьянских лачуг и жилищ арендаторов: господский дом, окруженный садом и сокрытый под сенью многовековых деревьев, основательный и чуждый любым поветриям моды, а другим выдающимся строением была компактно и прочно сработанная обитель священника, при которой был разбит укрытый от взоров мирян сад, где груши и виноград настойчиво подбирались чуть ли не вплотную к окнам. Когда женился молодой барин, ему отвели арендаторскую постройку, затейливо перестроенную и нареченную виллой, — с той самой поры Вилла Апперкросс вполне могла притязать на статус третьего выдающегося строения, пленяя внимание проезжающих картинными верандами и стеклянными дверями наряду с прочими изысками не в меньшей степени, чем возвышавшийся в четверти мили от нее могучий Большой Дом.

Энн неоднократно случалось гостить в Апперкроссе. Тамошние обычаи она давно выучила назубок, как ранее — строгий устав Келлинг-холла. Оба семейства состояли в деятельном и тесном общении, их члены постоянно и в любое время дня заявлялись друг к другу с визитами. Поэтому, застав Мэри в одиночестве, Энн несказанно удивилась. Но, раз уж Мэри захотелось остаться одной, причиной тому, конечно же, были тоска и хворь, безжалостно ее мучившие. Хоть и не такой скучной, как старшая се-

стра, Мэри, однако, было отказано в уме и характере, каковыми отличалась Энн. Пребывая во здравии, Мэри, выглядевшая отменно благополучной и окруженная безмерным вниманием, от души предавалась радостям жизни; надо отдать ей должное: веселиться она умела, но при этом любой пустяк легко мог выбить ее из колеи. А еще Мэри была совершенно неспособна заполнить одиночество; унаследовав от отца свойство тонко чувствовать собственной натуре, она норовила даже мельчайшее огорчение использовать в качестве веского повода для игры воображения, позволявшей ей чувствовать себя несправедливо обделенной, а потому и обиженной на весь свет. Ничем особым не примечательная внешность не позволяла Мэри всерьез тягаться с сестрами; даже в лучшие дни ее допустимо было найти лишь, что она «весьма мила». Энн застала Мэри покоящейся на выдавшей виды софе посреди прелестной гостиной. Некогда превосходная и элегантная мебель была установлена четырьмя годами ранее и теперь носила следы активного пребывания в доме двух юных чад. Завидя Энн, Мэри обратилась к ней с речью такого содержания:

— Ах, ну наконец-то ты соизволила прибыть сюда! Я уже начинала склоняться к мысли, что мне, видимо, не суждено тебя дожидаться. Признаться, я до того сражена недугом, что даже разговаривать с тобой нет сил. Подумать только: за все это утро я ни единой живой души не видела!

— Мне ужасно жаль, Мэри, — молвила Энн. — Но как же так: ведь, помнится, в минувший четверг ты известила меня, будто бы совсем уже поправилась?!

— Все правильно, я сумела совладать с собой — тебе известно, что я это умею. Однако даже в четверг я не чувствовала себя вполне здоровой. Ну а нынче недуг мой докучает, как никогда прежде. В таком тяжком состоянии просто недопустимо оставлять человека в одиночестве. А если бы со мной случился приступ, и мне не хватило бы сил дотянуться до колокольчика, дабы позвать на помощь? ...Кстати, а что, леди Рассел предпочла остаться в карете, не так ли? Этим летом, по-моему, она нас навещала разве что раза три, никак не больше!

Энн постаралась ответить надлежащим образом, а затем поинтересовалась у Мэри, где находится ее дорогой супруг.

— О, Чарльз на охоте, он по обыкновению стреляет дичь. Покинул меня, не смотря на то что я пожаловалась ему на скверное самочувствие. Надо отдать Чарльзу должное: он клятвенно заверил меня, будто бы вернется пораньше. Но погляди — скоро час, а его по-прежнему нет. И за целое утро никто меня так и не навещил...

— А что дети? Разве они не при тебе постоянно?

— Да, пока я не удалила их от себя, поскольку шум от них стал нестерпимым. Они настолько несносны, что от них, пожалуй, вреда больше, чем пользы. Юный Чарльз вообще мне не повинует, а Уолтер, похоже, намерен во всем брать с него пример.

— Ну, милая, надеюсь, отныне тебе будет хоть немного полегче, — попробовала Энн приободрить Мэри. — Уж со мной-то ты в два счета вылечишься! А как дела у твоей родни в Большом Доме?

— Не знаю, что тебе и сказать... Сегодня я их вообще не видела, только перемолвилась парой слов с мистером Масгроувом, да и то через окошко. Он, кстати, остался сидеть в седле. Я пожаловалась ему на дурное состояние, а он и не подумал спешиться, а ведь так просто было заглянуть ко мне и утешить. Я уверена, что эти капризные юницы Масгроув просто-напросто желали поскорее завершить прогулку — где уж им проявить заботу к кому-либо, помимо себя!

— Ну что ты, Мэри, они, безусловно, еще навещат тебя. Утро в самом разгаре.

— Признаюсь, мне вообще до них дела нет. Они такие пустые, только бы болтать о пустяках да хихикать. Ах, Энн, ты и представить не можешь, как мне сейчас дурно! Тебе должно быть стыдно, что ты не приехала ко мне тогда же, в четверг!

— Мэри, дорогая моя! Да ты вспомни свое письмо! От тебя пришла веселая и беззаботная записочка, в которой ты сообщала мне о полном своем выздоровлении и советовала не слишком торопиться с отъездом. Тебе же следует принять во внимание мои обстоятельства: мечтая как можно дольше оставаться в обществе леди Рассел, я должна была еще разобраться со множеством дел, готовясь к отъезду. Подумай, ну как бы я смогла выехать раньше из Келлинча?

— Боже мой! ...Но что это вообще за дела такие, а?

— О, да всех и не счесть, право же. Если угодно, могу упомянуть хотя бы некоторые из них. К примеру, мне следовало составить копию с перечня книг, содержащихся в личной библиотеке отца, наряду с перечнем картин. А еще пришлось бесконечно метаться по саду с Маккензи, дабы втемашить ему в голову, о каких именно растениях Элизабет будет заботиться исключительно леди Рассел. И это еще не упоминая о целой куче собственных забот: наведении порядка среди книг и нот, очередной укладке чемоданов, поскольку меня не предупредили, что их будут грузить прямо на телеги. Особо же тяжким бременем на мне висела необходимость обойти практически все дома в нашем приходе, дабы как следует попрощаться со всеми. Я уже знала, что люди ждут этого всем сердцем. Отказаться я не могла, но на это ушла целая вечность.

— Ну довольно, довольно! — прервала ее Мэри, уже досадуя на свой вопрос. Мгновение спустя она поинтересовалась: — А что, тебе разве не интересно, как вчера прошел наш обед у Пулов?

— Разве ты смогла на нем присутствовать?! Я не спрашивала, поскольку и мысли такой не допускала, будучи уверенной, что ты вынуждена была остаться дома.

— Нет, отчего же? Я именно что была там. Вчера меня как раз немного отпустило, и я чувствовала себя бодрее — вплоть до нынешнего утра, когда мне сделалось совсем худо. Так что показалось бы странным, не покажись я там.

— О, Мэри, я ужасно рада, что тебе полегчало! Надеюсь, ты хоть немного повеселилась там.

— Повеселилась?! Да ведь на этих званных обедах царит одна скука: всегда знаешь заранее, чем станут угощать и с кем придется любезничать; а уж когда и выезда собственного нет, так эти обеды и вовсе — сплошь одно мучение! Меня согласились подвезти мистер и миссис Масгроув, и ты можешь представить, каково мне было ехать в такой тесноте! Оба ведь ужасно толстые, и, как назло, мистер Масгроув так и норовит усесться спереди, ну а мне, горемычной, остается сидеть, словно зажатой в тисках, между Луизой и Генриеттой; в этом, по всей видимости, и кроется причина того, что я вновь расхворалась на следующий день.

Железная выдержка Энн вкупе с ее ангельским терпением и эпической веселостью обеспечили чудесное исцеление Мэри. В самом скором времени она уже смогла принять сидячее положение, а также предположила, что к вечеру, вероятно, рискнет подняться на ноги. Вслед за тем, словно будучи в приступе рассеянности, она наведальась в противоположный конец гостиной, чуть погодя с аппетитом проглотила завтрак, несмотря на то что он уже давно остыл, а после трапезы,

похоже, совсем окрепла, поскольку выказала желание совершить прогулку на свежем воздухе.

— Только вот куда же нам пойти? — задумалась Мэри. — Думаю, у тебя нет желания посещать Большой Дом, не дождавшись прежде визита оттуда?

— Ну что ты, для меня решительно нет никакой разницы, — призналась Энн. — Я ведь уже так давно знакома с Масгроувами, что не вижу повода для особых церемоний.

— Но все же им следовало первыми нанести тебе визит и поздравить с благополучным прибытием. Ведь ты — моя сестра, и об этом никому не следует забывать! Собственно говоря, раз уж мы собираемся выйти из дома, то почему бы нам не заглянуть к ним на несколько минут? Постараемся отделаться от них как можно быстрее, а после уж нагуляемся всласть.

Энн всегда приходила в изумление от подобного хода мыслей; впрочем, она тотчас уразумела, что, хотя каждая из сторон упорно изыскивает поводы для обид и огорчений, — без этих нелепых столкновений они бы, наверное, испустили дух от скуки. Поэтому она предпочитала ни во что не вмешиваться.

Итак, сестры направили свои стопы к Большому Дому, где в продолжение получаса, если не больше, просидели в зале с пышным старинным убранством; все полы лоснились от воска, а подле кресел были положены небольшие коврики. Юные хозяйки, стремясь добиться желаемого порядка, велели закатить в гостиную фортепьяно и внести арфу, не забыв о жардиньерках и великом множестве столиков, загромождавших все углы. Если бы чинные господа в темных бархатных одеяниях и дамы в атласных платьях цвета небесной лазури, портретами которых были увешаны стены, смогли полюбоваться на царившее в зале безобразие, они бы пришли в ужас, осознав, как низко пали нравы и как глубоко попораны благородные обычаи! Подчас даже казалось, что изображенные на портретах персоны взирают на происходящее в немом изумлении.

Масгроувы, как, собственно, и их дома, пребывали в состоянии нескончаемой реконструкции, а может и усовершенствования. Почтенные родители воплощали собою английскую старину, а потомство уже придерживалось во всем нового стиля. Масгроувы слыли порядочными людьми; их радушие и гостеприимство были общеизвестны. Похвастаться изрядной ученостью они, конечно же, не могли, а к модным веяниям питали полное равнодушие. Впрочем, потомство Масгроувов предпочитало шагать в ногу со Временем. Семейство было довольно-таки многочисленное, но с родителями проживали только Генриетта и Луиза — юные особы девятнадцати и двадцати лет, соответственно. Отучившись в Эксетере, они вынесли оттуда заурядные плоды мнимой учености и, засим уподобляясь многим тысячам других юных особ, полагали главной целью своей жизни — блистать в свете и быть счастливыми и веселыми. Платья их выглядели несравненными, личики — миловидными, внутренний настрой — превосходным, а обхождение — легким и приятным. Дома барышням абсолютно во всем потакали, в гостях же ими все восхищались. Энн была уверена, что не знает никого счастливее этих барышень. Вместе с тем, ею владело приятное чувство собственного превосходства, каковое напрочь избавляло Энн от желания поменяться с дочками Масгроувов судьбой. Право же, она нипочем не расталась бы с присущим ей тонким и изощренным умом даже в обмен на все богатство наслаждений, доступных этим барышням. Но в одном она крепко им завидовала:

их гармонии и любви в отношениях между собой; этих качеств и в помине не было у ее сестер, а ей так их недоставало...

Масгроувы встретили Энн и Мэри со всей сердечностью, не подав никакого повода к неудовольствию; Энн вдруг более чем ясно осознала, что таких замечательных людей, пожалуй, вообще не в чем упрекнуть. В беспечной и непринужденной беседе как-то совсем незаметно пролетели полчаса; по истечении этого срока, уступив настойчивым уговорам Мэри, обе дочери Масгроувов тоже решили принять участие в прогулке, что, признаться, ничуть не удивило Энн.

ГЛАВА VI

Даже не случись в ее жизни этого визита в Апперкросс, Энн и без того давно уже было известно, что достаточно переместиться в иное общество, пусть даже отстоящее всего в трех милях от прежнего, и вы услышите совершенно иные разговоры, столкнетесь с иными понятиями и познаете иные нравы. Всегда, когда Энн оказывалась у Масгроувов, она приходила в замешательство и изумление, неистово желая, чтобы и другим Эллиотам выпала возможность лично убедиться в том, сколь ничтожное значение может придаваться тем обстоятельствам, которые в Келлинг-холле полагали весомыми и важными для всего мира. При этом Энн усвоила другой и полезный урок, постигнув, как мало мы все можем значить, оказавшись вне привычного круга общения — ведь заявившись в Апперкросс исполненной забот, на протяжении долгих недель занимавших рассудок всех без исключения обитателей Келлинг-холла, она невольно уповала на то, что встретит куда более сочувствия и интереса, а на деле все ограничилось заурядными и похожими, как две капли воды, вопросами мистера и миссис Масгроув (причем они, естественно, не сговаривались предварительно): «Выходит, мистер Эллиот и сестрица ваша изволили покинуть наши края; и в какой части Бата они намерены поселиться, по вашему мнению?» — вопросами скорее риторическими отнюдь не требующими ответа. Столь же мало участия к Энн содержалось и в щебете дочек: «А мы по зиме тоже собираемся навестить в Бат; но уж коли мы туда выберемся, то папеньке нашему следует учесть, что где попало ютиться там мы не желаем!» — как и в задумчивой реплике Мэри: «Господи, а мне-то каково здесь будет, когда вы все сбежите в Бат наслаждаться жизнью?!»

Энн сочала, что давно пора забыть о лукавых обольщениях и оставить напрасные надежды; ну а разумнее всего — возблагодарить Судьбу, пославшую ей такого заботливого и преданного дрга, каким была для нее леди Рассел.

...Старшего и юного Чарльзов в основном занимала дичь, на которую они охотились или разводили; также они обожали лошадей, собак и газеты; помыслы дам были направлены на образцовое ведение хозяйства и общение с соседями, а также на танцы и прочие столь же увлекательные занятия. Энн смирилась внутренне с необходимостью принятия особых тем, неизменных для любого небольшого общества, и питала надежду, что вскорости сможет оказаться достойной своего нового окружения. Энн предстояло провести в Апперкроссе около двух месяцев, а потому ее суждения и поступки, включая работу памяти и воображения, должны были прийти в безукоризненную гармонию с теми, что считались общепринятыми у тамошних обитателей.

Энн ничуть не боялась предстоящих двух месяцев. Все-таки общение с Мэри было более родственным, нежели с Элизабет, вдобавок ее ум был гораздо податливее для

внушений со стороны Энн; прочие же лица, населявшие Виллу Апперкросс, не представлялись ей ни вредными, ни опасными. С зятем у них никогда не было трений, а мальчишки, любившие ее и почитавшие пуще своей матери, не позволяли Энн скучать, забавляли ее, а подчас нуждались в заботе.

Чарльз Масгроув отличался учтивостью, с ним было приятно общаться; сердцем и умом он, конечно же, превосходил супругу, но, не владея даром вести изысканную беседу, равно как не обладая ни живостью нрава, ни очарованием манер, едва ли мог пробудить в душе Энн тревожных воспоминаний о делах дней минувших, что их связывали; откровенно говоря, Энн, равно как и сама леди Рассел, придерживались мнения, что, женись Чарльз удачнее, он как человек и мужчина мог бы достичь гораздо большего; женщина, которая смогла бы по-настоящему услышать его и понять, безусловно, поспособствовала бы становлению характера действительно утонченного и, в то же время, твердого. Ну а так Чарльзу оставалось растрачивать себя на разного рода забавы; изрядная часть времени растрачивалась им зря. У Чарльза отсутствовало пристрастие к чтению книг; упражнения ума были ему чужды; зато он неизменно пребывал в превосходном расположении духа, не сильно горевал по поводу хворей, неотступно преследовавших Мэри, и вызывал в душе Энн неподдельное восхищение тем, что играючи мирился с бесконечными капризами ее сестрицы. Да, им случалось порой и повздорить, как правило, не слишком серьезно (Энн вынуждена была терпеливо выслушивать аргументы каждой из сторон, поскольку Чарльз и Мэри постоянно избирали ее в качестве посредника), так что их вполне допустимо было счесть счастливой супружеской парой. Между ними не возникало споров относительно экономии средств; оба чувствовали себя обделенными и жестоко нуждающимися и уповали на получение если не внушительного наследства, то щедрого пособия от Масгроува-старшего; к чести Чарльза, он благородно рассуждал, что отец вообще-то вправе распоряжаться собственными средствами по своему усмотрению, в отличие от жестокосердной Мэри, каковая категорически не могла смириться с богатством мистера Масгроува.

В вопросах воспитания детей Чарльз, опять-таки превосходя супругу, придерживался единственно рациональных теорий, что помогало ему совладать с чадами. «Да я бы с ними и подавно забот не ведал, если бы не Мэри», — признавался он, откровенничая с Энн, которая сама была в этом убеждена. А потом для Энн наставлял черед внимать жалобам Мэри: «Чарльз только портит детей, препятствуя мне дать им настоящее воспитание», и никогда в сердце ее не возникало желания ответить: «О, безусловно!».

Радость от пребывания в Апперкроссе изрядно была омрачена для Энн вследствие того, что все поголовно выказывали ей безмерное благоволение, норовя открыть душу и поделиться сокровенными тайнами. Влияние Энн на сестру использовалось домашними чуть ли не каждое мгновение, ей даже открыто и настойчиво рекомендовали употребить его во благо, игнорируя при этом тот факт, что она отнюдь не всесильна.

«Вот бы ты образумила Мэри и убедила ее, что она, в принципе, не так уж больна», — зачастую предлагал Чарльз, оставшись с Энн наедине. А Мэри, в наиболее горестные мгновения жизни, настаивала на обратном: «Ах, даже когда я буду готова испустить дух, мой Чарльз усомнится, что я хвораю. Энн, я уверена, что если бы ты только пожелала, то наверняка смогла бы убедить Чарльза, что, в действительности, я ужасно, просто ужасно больна, но только старательно это скрываю.

Иногда же от Мэри исходили и такие признания: «Терпеть не могу отпускать своих детей в этот Большой Дом, да только вот бабушка то и дело их приглашает, а там недопустимо балует, позволяя хулиганить и перебирать со сладостями, а потом, уже дома, их чуть ли наизнанку не выворачивает. Она так портит и распускает детей, что с ними никакого сладу нет». Характерно, что миссис Масгроув, уловив первый же удобный момент, когда она осталась наедине с Энн, взволнованно вскричала: «Ах, дорогая мисс Энн, до чего же мне хочется, чтобы вы заставили свою невестку поучиться у вас обхождению с детьми! Ведь с вами они становятся совершенно другими! Они милые, но до чего же избалованные... Эх, вот бы Мэри брала с вас пример! Я ведь буквально обожаю этих ангелочков, они здоровенькие такие, крепенькие — одно загляденье, — об этом я, поверьте, способна судить беспристрастно. И все бы хорошо, но наша миссис Чарльз ничего не смыслит в воспитании детей! Боже мой, вы даже не представляете, какими дикими и несносными они подчас бывают, — и все это благодаря воспитанию Мэри! Скажу вам откровенно, мисс Энн: теперь я даже вынуждена приглашать их не столь часто, как бы мне хотелось, отказывая себе в возможности лишний раз увидеться с милыми крошками! Подозреваю, что миссис Чарльз это заметила и затаила на меня обиду. Да, признаться, это правда: я нечасто приглашаю детишек в гости. Но разве не допущу я прегрешения, если постоянно буду останавливать их и все запрещать — «так делать нельзя», «тут ходить не годится», или же, когда они всерьез расшались, я стану пичкать их сладостями, не зная меры, — лишь бы они унялись поскорей?»

Или, например, уже Мэри начинала жаловаться Энн: «Миссис Масгроув уверена, будто бы слуги хранят ей верность; ей ведь о них и дурного слова-то не скажи; но мне известно, да что там, я положительно убеждена, что старшая горничная за компанию с прачкой постоянно отлынивают от работы, — иначе как бы они смогли день-деньской праздно разгуливать по деревне?! Куда бы я только ни пошла, так сразу же на них натыкаюсь; захожу потом в детскую — глядь, а они уже там! И это повторяется беспрестанно! Слава Богу, что моя Джемайма — сущий клад, а то наверняка принялась им во всем следовать! И вечно докучают ей, зовут прогуляться втроем; она сама мне передавала.

Ну а от миссис Масгроув Энн приходилось выслушивать иное: «Я почла за благо не встречать в дела невестки, но, видно, зря; только вот вам и признаюсь, мисс Энн, поскольку уж вы-то меня точно поймете; терпеть не могу их няньку, знаете ли; чего я только про нее не наслушалась; не случайно ведь говорят, что у нее на уме одни только глупости; а что — я и сама вижу, какая она вся из себя расфуфыренная — скоро, боюсь, всех слуг совратит с пути истинного. А миссис Чарльз, уж мне это прекрасно известно, прямо не может на нее налюбоваться; вот я и решила предостеречь вас; вдруг заметите что неладное, так тут же Мэри и расскажете».

Мэри также сетовала на то, что миссис Масгроув изначально взяла себе за правило вытеснять ее с места хозяйки на званых обедах, что устраиваются в Большом Доме. Она не могла уразуметь, неужели ее до того уже привыкли считать своей ровней, что осмеливаются покушаться на ее высокое положение?! Однажды Энн довелось гулять с барышнями Масгроув; и одна из них принялась разглагольствовать о таких предметах, как чины и чинопочитание, завершив рассказ такими словами: «Тебе, Энн, я могу открыться, поскольку ни для кого не секрет, что ты сама относишься ко всему этому легко и свободно, но есть ведь и такие, что готовы из кожи вон вылезть, сража-



Чарльз только портит детей...

ясь за должность! Тебе уместно намекнуть Мэри, что ей надлежит умерить неумные притязания и больше не домогаться места хозяйки за столом, которое по праву принадлежит нашей матушке. Права Мэри неоспоримы, но разве благородно их выпячивать? Матушка, конечно же, большой беды тут не видит, но весьма многие, как мне известно, далеко не в восторге от поведения Мэри».

Спрашивается, как Энн могла привести всех их к согласию?! Единственное, что ей оставалось — это безропотно выслушивать противоборствующие стороны, стараться сгладить острые углы, испрашивая прощения одних в глазах других, и наоборот. Она ттилась убедить окружающих в великой пользе снисходительного отношения к тем, с кем проживаешь под одной крышей, и делала все менее прозрачные намеки Мэри, ради ее же вящей пользы.

А в целом визит Энн проходил славно. На новом месте она даже отчасти повеселе- ла — что и говорить, ведь она попала в иной мир, хотя он и находился всего в трех ми- лях от Келлинча. Мэри хворала уже не так напряженно, поскольку рядом с нею была теперь подруга, которую можно было беспрестанно изводить жалобами, а имевшие место каждодневные сношения с Большим Домом, не препятствуя ни любимым их занятиям, ни важным мероприятиям на Вилле Апперкросс (коих, по сути, и вовсе не существовало), весьма удачно скрашивали дамам долгие часы досуга. Сношения носи- ли тесный характер, поскольку, встречаясь поутру, все, за редким исключением, zasi- живались потом до позднего вечера; Энн, однако, чувствовала, что им не удалось бы так убедительно ладить с Мэри, не видя изо дня в день почтенных габаритов мистера и миссис Масгроув, восседающих на излюбленных местах, и не слыша беспечного ще- бета, смеха и пения их дочерей.

Энн владела инструментом много совершеннее барышень Масгроув, но, зная лишь фортепиано и совершенно не будучи знакомой с арфой, равно как и не обладая голосом и благоговейной поддержкой родителей, что сидели бы подле нее, изо всех сил демонстрируя восторг и восхищение, она могла претендовать не более чем на уч- тивое внимание, да и то лишь тогда, когда сменяла главных героинь, позволяя им вос- становить силы. Энн прекрасно отдавала себе отчет, что ее игра улаждает единствен- но ее же слух; собственно говоря, к этому ей было не привыкать. Ни разу в жизни, кро- ме мимолетной поры ее детства, ни разу с тех пор, как Энн исполнилось четырнадцать лет, когда она лишилась нежно любящей ее матери, на памяти ее не случилось такого, чтобы ее исполнению внимали всерьез, ободряя точными и верными замечаниями и помогая деятельными советами. Играя, Энн ощущала неразрывную связь с музыкой, по сути, она была с нею наедине; наблюдая же за тем, как явно предпочитают мистер и миссис Масгроув исполнительское искусство собственных дочерей любому другому, она скорее радовалась за барышень, чем обижалась на них.

Подчас в Большом Доме собиралось довольно многочисленное общество. Во всей округе зажиточных помещиков можно было по пальцам пересчитать, засим все без исключения норовили попасть на званые вечера Масгроуов, поскольку ни у кого больше не давали таких роскошных обедов и нигде больше нельзя было повстречать столь необычных гостей, как у них. Поэтому Масгроувы пользовались невероятной популярностью.

Барышни, как им и полагалось, обожали танцевать. Практически каждый вечер завершался импровизированным балом. А неподалеку от Большого Дома проживали родственники Масгроуов; не обладая достаточными средствами, они не могли по-

зволить себе иных развлечений, кроме визитов к Масгроувам; их появления следовало ожидать практически в любой момент; они с готовностью принимали участие в любых забавах, не исключая танцев; Энн, отдававшая предпочтение скромной роли аккомпаниатора, нередко часами музицировала для них, исполняя контрдансы; и уж в этом-то случае миссис и мистер Масгроув оценивали ее дарование высшими похвалами, скандируя: «Превосходно, Энн! Подлинное совершенство! Мой Бог, и до чего же ловко ее маленькие пальчики порхают по клавиатуре!»

...Минуло три недели; и тут в сердце Энн непроизвольно возник образ Келлинг-холла. Любимый ею дом отныне препоручен чужим людям, а чудесные и дорогие сердцу комнаты, ее мебель, их рощи и земельные уголья усаждают чьи-то неведомые взоры... По наступлении 29 сентября, это был День Архангела Михаила, Энн была не в состоянии думать ни о чем, кроме этого; даже Мэри, сверившись с календарем, почувствовала ей, молвив:

— О Господи, да ведь сегодня Крофты как раз перебираются в Келлинг-холл! Как славно, что я прежде не вспоминала о них! Стоило лишь подумать, и я вновь почувствовала себя скверно...

Крофты приняли на себя бразды правления Келлинг-холлом со стремительностью, схожей с той, что обеспечивает триумф в морских баталиях. Приличия требовали нанести им визит. Мэри была угнетена необходимостью подобного мероприятия (ей, вне всякого сомнения, будет не по себе, она обречена на неопишемые страдания, поэтому так важно повременить с визитом, сместив его на самый-самый поздний срок) и обрела душевное равновесие, лишь принудив Чарльза лично доставить ее в Келлинг-холл. Это вскорости и было исполнено, а по возвращении оттуда Мэри уже пребывала в удивительно приподнятом настроении.

Энн от всего сердца порадовалась, что бричка Чарльза могла вместить только его с супругой. Тем не менее, ей все-таки хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на Крофтов. К радости Энн, ответный визит Крофтов застал ее на Вилле Апперкросс. Когда прибыли Крофты, хозяин Виллы, по обыкновению, пропал на охоте, но сестры оказались на месте; адмирал, примостившись подле Мэри, расточал той любезности, превознося до небес достоинства ее мальчиков; Энн в результате пришлось довольствоваться честью развлекать миссис Крофт; не заметив даже тени сходства, драгоценного для ее сердца, она старалась различить его хотя бы в голосе миссис Крофт и, не обретая, переходила к чувствам гостьи и способу их выражения.

Миссис Крофт, пожалуй, нельзя было назвать ни высокой, ни в теле, но скрое-на она была основательно, на совесть, отчего и выглядела на редкость внушительно. С учетом сверкающих карих очей и безупречных зубов миссис Крофт могла бы сойти за красавицу, когда бы не беспощадные морские ветра, от которых потемнело ее лицо. Вот почему она и выглядела ощутимо старше своих тридцати восьми лет от роду. Ей была свойственна непринужденная манера поведения, каковой отличаются люди, совершенно в себе уверенные и знающие, что они всегда правы; притом ни одной резкой реплики и ни следа печали на лице. Энн покорило, с какой деликатностью миссис Крофт касается в их беседе темы Келлинг-холла, и она не могла не оценить этого. Также Энн практически с первой минуты их общения, едва отзвучали приветствия, как-то вдруг уверилась в том, что у миссис Крофт на ее счет нет никаких подозрений и, возможно, она вообще ничего о ней не знает; это сильно успо-

коило Энн, и она безмятежно беседовала с адмиральшей вплоть до того катастрофического момента, когда услышала вопрос миссис Крофт, пронзивший ее, подобно молнии:

— Так, выходит, милочка, это с вами, а отнюдь не с вашей сестрой мой брат имел удовольствие свести близкое знакомство, когда здесь проживал?

Энн находилась во власти убеждения, что давным-давно уже вышла из возраста, когда от смущения заливаются краской; увы, она даже не вышла из того возраста, когда мы всецело пребываем во власти чувств.

— Наверное, вы еще не слышали, что он наконец-то женился?

Энн, собрав всю силу воли, отвечала, как положено отвечать в подобных случаях; но миссис Крофт тут же уточнила, что она, собственно, имела в виду мистера Уэнтворта, и Энн вторично бросило в жар, теперь уже от облегчения, поскольку она порадовалась, что ответ ее мог быть отнесен к любому из братьев. Тут Энн вдруг осенило, что мисс Крофт распространяется относительно Эдварда, а вовсе не Фредерика; проклятая неуместную забывчивость, она выказала изрядное участие к счастливой перемене в жизни бывшего соседа.

Их беседа продолжилась; Энн удалось вновь обрести спокойствие, и тут до ее слуха долетели слова адмирала, обращенные им к Мэри, с которой Крофт, прощаясь, любезно раскланялся:

— Кстати, мы в скором времени рассчитываем на приезд брата миссис Крофт. Полагаю, вам приходилось о нем слышать...

Конец фразы адмирала заглушили неистовые вопли непослушных мальчишек Мэри, которые запрыгнули на мистера Крофта и повисли на нем, словно закадычные приятели, крича наперебой, что он обязан остаться, а если уж действительно собрался уйти, то пусть спрячет их в бездонных карманах своего плаща; последнее предложение ввело адмирала в состояние некоторого стопора, и он уже был не в состоянии ни завершить фразу, ни тем более вспомнить ее начало. Энн в панике убеждала себя, что адмирал имел в виду все того же брата, но, признаться, мало в этом преуспела. И теперь ее разбирало непреодолимое желание как можно скорее выяснить, был ли обсуждаем сей деликатный вопрос в Большом Доме, куда Крофты наведались в первую очередь.

Масгроувы в полном составе намеревались провести вечер на Вилле, а поскольку наиболее благодатная пора года, столь удобная для пеших прогулок, была давно в прошлом, сестры готовились услышать приближающуюся карету, но тут на пороге внезапно возникла младшая мисс Масгроув. Мэри, истолковав в своей манере причину появления барышни Масгроув, будто бы желающей сообщить, что им предстоит очередной прескучный вечер, уже собиралась оскорбиться, когда Луиза с блеском устранила недопонимание, объяснив, что специально избрала пеший путь, дабы в карету могла поместиться арфа.

— Слушайте, я вам сейчас все расскажу по порядку, — заверила Луиза, — все-все-все! Я, стало быть, неслась во всю прыть, надеясь загодя уведомить, что батюшка с матушкой ныне пребывают в глубокой печали, особенно же матушка; все ее мысли сейчас обращены к нашему бедному Ричарду! Оттого-то и возникла идея захватить арфу, ведь матушка явно предпочитает ее клавишину. Погодите, погодите, сейчас я расскажу, отчего матушка так печальна! Утром к нам нагрянули Крофты (кажется, они потом должны были и к вам заглянуть, да?) и поделились новостью, сообщив,



Конец фразы адмирала заглушили неистовые вопли непослушных мальчишек Мэри, которые запрыгнули на мистера Крофта и повисли на нем, словно закадычные приятели, крича наперебой, что он обязан остаться, а если уж действительно собрался уйти, то пусть прячет их в бездонных карманах своего плаща.

что капитан Уэнтворт, то бишь брат миссис Крофт, недавно возвратился в Англию; он вроде как в отставку вышел, ну и собирается теперь к ним в гости, кажется, причем в самое ближайшее время; и тут вдруг матушке, стоило только Крофтам уйти, втемяшилось, к несчастью, в голову, что наш бедный Ричард будто бы некогда служил под началом капитана Уэнтворта, ну или что-то там такое; я уже не помню ничего, где, когда — не знаю толком, но, кажется, все это случилось задолго до того, как он, бедняжка погиб! Матушка бросилась перечитывать письма Ричарда и уверилась в собственной правоте: да, так оно и есть, речь могла идти именно о том самом капитане Уэнтворте, и вот теперь матушка только и делает, что вспоминает нашего бедного Ричарда, лишь о нем и говорит! Давайте же сегодня веселиться до упаду, может, тогда матушка хоть немного развесится.

Если говорить об истинной подоплеке этой невероятно трогательной странички из семейной хроники Масгроуов, то она заключалась в следующем: мистеру и миссис Масгроуов было уготовано несчастье произвести на свет Божий непослушного, неподдающегося воспитанию и совершенно никчемного сына, коего им посчастливилось утратить на двадцать восьмом году его жизни; его определили на морскую службу, поскольку на суше он был решительно неуправляемым; в родной семье ему не удалось снискать к себе великой любви, однако его любили именно в той мере, в какой он заслуживал; довольно долго он не давал о себе знать, а когда два года тому назад весть о его гибели на чужбине достигла родных, они были этим не слишком сильно опечалены.

И действительно, хотя его сестры и старались изо всех сил, постоянно величая «нашим бедным Ричардом», на деле он так навсегда и остался тупым и ни на что негодным Диком Масгроуовом, едва ли заслуживающим того, чтобы его величали полным именем как при жизни, так и после смерти.

Дик Масгроуов провел на море несколько лет, переходя с судна на судно, как это обыкновенно случается с мичманами, от которых мечтают избавиться их капитаны; он и впрямь около полугода прослужил на судне под командованием капитана Уэнтворта, а именно — на «Лаоконии»; с борта этой «Лаоконии» Дик Масгроуов и прислал те единственные два письма, что были получены от него родителями за все время его отсутствия; точнее говоря, это были единственные бескорыстные два письма, ибо все прочие ничего не содержали, кроме требований денег.

Что до пары сохранившихся у миссис Масгроуов писем, в них Дик давал весьма лестную оценку капитану Уэнтворту; ввиду того, что Масгроуовов мало занимали сведения такого рода, хвалебные аттестации Дика были оставлены ими без должного внимания; то, что миссис Масгроуов внезапно воскресила в памяти капитана Уэнтворта и установила, что именно связывает его с ее сыном, уже сродни невероятному озарению ума!

Первоначальная догадка миссис Масгроуов тотчас подтвердилась, стоило ей обратиться к письмам сына; вновь перечтя их после стольких лет, минувших с его гибели, когда воспоминания о характерных чертах его скверного нрава полностью развеялись, миссис принялась сокрушаться о нем куда более, нежели в момент получения известия о его кончине. Сам мистер Масгроуов тоже неподдельно переживал об участии сына, хотя и в меньшей степени. Чета Масгроуовов прибыла на Виллу, мечтая, во-первых, поделиться вновь переживаемыми страданиями, а во-вторых, хотя бы ненадолго освободиться от них в кругу веселящейся молодежи.

Капитану Уэнтворту в последовавшем затем разговоре было уделено исключительное внимание, его имя без конца звучало в воздухе, конечно, вспоминалось его прошлое, а уже под конец родилось предположение, что он, вероятно, да что там, он непременно окажется именно тем капитаном Уэнтвортом, коего они все не раз встречали, вернувшись из Клифтона, — жаль, не получалось толком вспомнить, когда же именно это случилось — семь или, может, восемь лет тому назад? О да, единодушно признавали все, наиприятнейший молодой человек, — и внимать этой невинной констатации было суровым испытанием для Энн. Но она уже понимала, что ей пора привыкать к такого рода явлениям. Капитана Уэнтворта здесь определенно ожидали, а значит, впереди будет немало подобных эксцессов. К тому же его не просто ожидали, причем в самом скором времени, а горели желанием познакомиться — Масгроувы, исполненные благодарности за проявленное капитаном Уэнтвортом доброе отношение к бедолаге Дику и необыкновенно высоко превозносящие его характер, в пользу высоких достоинств которого говорило уже одно то, что Дик в продолжение целых шести месяцев прослужил под его началом и даже не преминул поощрительно, хотя и не слишком грамотно, охарактеризовать капитана: «...храбрец, каких мало, и совсем бы даже славный, только бы распекал поменьше».

И таковые выводы собравшихся помогли им удачно и с пользой провести вечер.

ГЛАВА VII

Не прошло и нескольких дней, как капитан Уэнтворт собственной персоной появился в Келлинг-холле. Прослышав об этом, мистер Масгроув немедленно туда отправился с визитом и вернулся совершенно очарованный, сообщив, что взял с Крофтов честное благородное слово пожаловать с ответным визитом не позднее конца предстоящей недели. Мистер Масгроув сокрушался единственно тем, что им всем придется провести столь долгое время в напряженном ожидании и что никак не представляется возможным еще ранее ввести капитана Уэнтворта в Большой Дом, дабы выказать ему глубочайшую признательность и попотчевать лучшими яствами из тех, что сокрыты в их погребях. Итак, предстояла целая неделя ожидания; «Господи, всего какая-то неделя, — лихорадочно думала Энн, — всего неделя, и мы — встретимся!» А затем, начиная ужасаться, она уже благодарила Небеса, что ей подарена хотя бы такая отсрочка.

Капитан Уэнтворт не стал затягивать с визитом и вскоре, как и было им обещано, вернул долг учтивости мистеру Масгроуву. Энн едва не столкнулась с ним в Большом Доме в те полчаса, что заняло его посещение. Они с Мэри, по сути, уже совсем было собирались выезжать и, как выяснилось впоследствии, наверняка пересеклись бы с капитаном, не воспрепятствуй им пренеприятное происшествие. Так уж вышло, что упал и предельно расшибся старший из сыновей Мэри, и его в тот самый миг доставили домой. Вследствие беды, постигшей мальчугана, поход в гости, естественно, отменился; Энн очень переживала за покалечившегося ребенка, но известие о том, что ей удалось избежать встречи, тоже не оставило ее равнодушной.

У мальчика был обнаружен вывих ключицы, а еще он ударился спиной, причем настолько сильно, что рождались самые пугающие заключения. Вечер прошел в тревожных хлопотах. На долю Энн пришлось рекордное их количество: и за аптекарем послать, и отыскать отсутствующего, как всегда, отца и уведомить его о случившемся, и постараться хоть как-то успокоить мать, то и дело норовившую биться в истерику, и бдительно надзирать за слугами, а также выгнать из комнаты изнывающего от любопытства младшего братика и в очередной раз приласкать раненого героя, терпящего суровые страдания; в довершение всего требовалось также деликатно известить о трагедии Большой Дом, но, вопреки ожиданиям Энн, оттуда не замедлили прибыть вовсе не деятельные и опытные помощники, а сплошь одни вопрошатели, от которых не было никакого толка.

Энн впервые удалось испустить вздох облегчения, когда воротился зять; он спокойно принял на себя заботы о смятенной супруге; ну а когда пожаловал аптекарь, Энн и подавно полегчало. До приезда специалиста, осуществившего осмотр ребенка, Энн терзалась опасениями самого гнетущего свойства, пребывая в полной не-

известности. Все боялись того, что у мальчика серьезные повреждения, но понять, что именно повреждено, были не в силах. Аптекарь же, кого звали мистер Робинсон, перво-наперво вправил ключицу; потом он принялся щупать и мять ребенка; вопреки тому, что он производил эти операции продолжительное время, причем с наимрачнейшим видом, а потом еще значительно беседовал с отцом и тетушкой, — все было исполнено надежд на лучшее и, успокоенные, мирно распрошались, намереваясь отобедать и пребывая уже во вполне благодушном настроении. Юные тетушки повеселели настолько, что не преминули поделиться подробностями визита капитана Уэнтворта в Большой Дом; когда мистер и миссис Масгроув отбыли восвояси, барышни Масгроув специально замешкались минут этак на пять и восторженно признались, что невероятно очарованы их особым гостем, который оказался несравненно красивее, благороднее и приятнее в общении, нежели все без исключения молодые люди, превозносимые ими ранее. И до чего же барышни были рады тому, что их почтенный батюшка предложил капитану Уэнтворту отобедать с ними, и как ужасно они расстроились, когда тот учтиво отвечал, что это, увы, не в его власти, и как они вновь чуть ли не обезумели от радости, когда капитан, благодушно уступая настойчивым увещаниям матушки и батюшки, дал согласие прибыть к ним на обед завтра — именно так, завтра!!!; и ведь так очаровательно он принял приглашение, что, будучи тонким и благородным человеком, наверняка угадал дополнительную тайную причину явленного радушия. А если в двух словах, то капитан Уэнтворт оказался до того обходительным и до того пригожим, что Господь — свидетель, он им обоим вскружил головы. Выпалив эти преважные новости, барышни Масгроув мигом упорхнули, столь же беспечные, сколь умирающие от любви; и было очевидно, что беда, приключившаяся с младшим Чарльзом, занимает их куда меньше, чем загадочный капитан Уэнтворт.

Та же история наряду с изъяснением тех же восторгов вновь возымели место по возвращении барышень Масгроув с их родителем, когда уже спустились сумерки. В их намерения входило осведомиться о здоровье ребенка. Мистеру Масгроуву наконец-то удалось возобладать над первоначальными страхами по поводу наследника, и он был в состоянии принять участие в беседе, поделившись надеждой на то, что грядущему визиту капитана Уэнтворта ничто не воспрепятствует, и выразив глубочайшее сочувствие обитателям Виллы, каковые, разумеется, навряд ли пожелают оставить мальчугана без присмотра.

— Ах, нет! Ну что вы?! Как же можно оставить нашего крошку?! — вскричали отец и мать раненого ребенка, всем видом демонстрируя, что после всего пережитого ими ныне они даже не допускают и мысли об этом. Энн, втайне радуясь очередной отсрочке, поспешила их поддержать.

Вслед за тем, здраво рассудив, Чарльз Масгроув посчитал возможным отказаться от первоначального решения. Мальчик и без того уже чувствовал себя довольно сносно, поэтому Чарльз, трепетно мечтая представиться капитану Уэнтворту, высказал осторожное предположение, что он, пожалуй, все-таки сможет вечером заглянуть к Масгроувам; отобедает он, конечно же, на Вилле, поэтому ограничится получасовым визитом. Мэри тут же вспыхнула, воспротивившись планам супруга:

— О нет, Чарльз, нет, дорогой! Я просто не в силах остаться в одиночестве, без тебя! Представь только: а вдруг случится нечто непредвиденное?!

Ночь прошла без каких-либо происшествий. Наутро ребенок чувствовал себя совсем даже неплохо. Но праздновать победу было еще рано: следовало увериться, что позвоночник не поврежден. Мистер Робинсон, вновь скрупулезно ощупав спину мальчугана, не обнаружил в ходе осмотра ничего, могущего пробудить его опасения. Это позволило Чарльзу вынести справедливое суждение, что каких-либо показаний для дальнейшего его нахождения под домашним арестом более не имеется. Да, нужно проследить, чтобы ребенок соблюдал постельный режим и не шалил, — но подобная задача никак не может входить в полномочия отца. Это сугубо женская привилегия! А Чарльзу теперь оставаться на Вилле просто неразумно. Его отец так мечтал лично познакомиться сына с капитаном Уэнтвортом, и Чарльз даже обязан пойти, дабы его не сочли неучтивым.

Воротясь с охоты, он бесстрашно предстал перед супругой и не терпящим возражения тоном объявил ей, что собирается переодеться и незамедлительно отбыть на обед в Большой Дом.

— Наш мальчик в полном порядке, — заключил Чарльз, — а отцу я уже сообщил о желании присутствовать на обеде, и он с радостью одобрил мое решение. А поскольку, дорогая моя, с тобою остается Энн, я совершенно за вас спокоен. Разумеется, ты сама едва ли пожелаешь покинуть ребенка; а от меня же все равно никакой пользы нет. Ну а если что-то пойдет не так, Энн тотчас за мной пошлет.

Как жены, так и мужья прекрасно знают, когда становится бесполезно затевать спор. Тон Чарльза был настолько красноречив, что Мэри поняла: Чарльз все обдумал и его уже не переубедить. Она не проронила ни слова, покуда Чарльз выходил из комнаты, но, едва оставшись наедине с Энн, которой выпала сомнительная честь оказаться единственной ее слушательницей, Мэри разразилась целым монологом:

— Что же получается: нам придется весь вечер ухаживать за больным ребенком, и никто нас не поддержит! Ни одна живая душа, представляешь себе?! Что ж, я предвидела подобное. Такова моя судьба. Как только случается беда, мужчины тут же спешат исчезнуть, и мой Чарльз — увы, не исключение. Бессердечный негодай... Как это жестоко — взять и сбежать от собственного сына! «Наш мальчик в полном порядке»! Да почему ему знать, а?! Как он может быть уверен, что через полчаса не возникнет ухудшения? Даже не думала, что Чарльз настолько бессердечен... Покинуть меня с ребенком, а самому предаваться удовольствиям со спокойной душой. А ведь я — бедная и несчастная мать, к тому же сама не слишком здорова. Любое волнение для меня недопустимо. Я так слаба... как могу я присматривать за ребенком?! А ведь я — мать, и мое терпение не беспрельдно! ...Господи, я сейчас чувствую себя просто ужасно. Ты же помнишь, Энн, как мне было худо вчера...

— Успокойся, Мэри, прошу тебя! Ты была застигнута врасплох и пережила серьезное потрясение, вследствие чего и переволновалась. Уверена, что подобное больше не повторится. Отныне все будет хорошо. Я помню наизусть предписания мистера Робинсона; поверь, у нас нет никаких поводов для беспокойства. И вот еще что, Мэри: я вполне могу понять твоего мужа. Да-да, поверь, нянчиться с детьми — это уж точно не мужское дело. Мужчинам тут не в чем проявить себя. Забота о больном ребенке — священная обязанность матери. Так уж устроено материнское сердце.

— Я уверена, что люблю сына столь же сильно, как другие матери — своих детей! Но я сомневаюсь, что от меня, в нынешнем моем состоянии, будет больше пользы для больного ребенка, нежели от Чарльза. Я не в силах постоянно ухаживать за

ребенком и пресекать его шалости. Я так слаба, что и прикрикнуть на него не смогу толком. Ты же сама видела — стоит мне только сказать ему, чтобы лежал смирно, как он, словно назло мне, начинает бешено вертеться. У меня на него уже никаких нервов не хватает!

— Но позволь, разве смогла бы ты предаваться веселью, оставив собственного ребенка дома?

— Еще как бы смогла! Ты же убедились — папочка его преспокойно может, а я что — хуже, что ли?! А при мальчике осталась бы моя верная и заботливая Джемайма; всякий час мы получали бы от нее известия о состоянии нашего чада. Как же досадно, что Чарльз не додумался предупредить своего отца, что мы будем вдвоем! Кстати, я практически уже не переживаю за своего мальчика. Вот вчера я просто умирала от тревоги, а сегодня — все уже иначе.

— Так что же, если еще не слишком поздно, отчего бы тебе не пойти? — предложила Энн. — Еще ведь и я буду дома. Ты можешь смело доверить мне заботу о мальчике. Полагаю, мистер и миссис Масгроув навряд ли обидятся, узнав, что я осталась с твоим дитем.

— Ты это всерьез?! — в восторге вскричала Мэри, и глаза у нее мигом заблестели. — Господи! Ну до чего же удачная мысль, да-да, просто преудачная даже, скажу я! Собственно, а почему бы мне действительно туда не отправиться? Ведь тут я особенно-то и не нужна, правда ведь? Сижу только и расстраиваюсь по чем зря. Ты счастливица, Энн, поскольку избавлена от материнских забот и треволнений. Поэтому твое присутствие гораздо более уместней! Я знаю, тебя Чарльз слушается практически во всем, ты можешь заставить его делать что угодно. Да-да, точно, вот так мы и поступим к общей пользе! А то еще доверять его какой-то там Джемайме, что за вздор! О! Как же чудесно! Я уверена, что мне следует немедленно отправляться в Большой Дом. Да и почему я не могу присоединиться к Чарльзу? Ведь Масгроувы наверняка мечтают, чтобы и я познакомилась со знаменитым капитаном Уэнтвортом. Ну а ты, Энн, и без того жаждала остаться в одиночестве, чтобы тебе никто не докучал. Нет, ты просто умница — такую замечательную мысль мне подала! Ну, я уже бегу предупредить Чарльза, а заодно и переоденусь. В случае чего, немедленно посылай за нами, я на тебя очень рассчитываю, хотя, впрочем, совершенно убеждена, что ничего не случится. Поверь, я никуда бы не пошла, оставайся у меня хотя бы тень сомнения насчет здоровья малыша.

Мэри унеслась и мгновение спустя резво замолотила кулачками в дверь гардеробной, что была отведена ее мужу. Энн последовала за Мэри вверх, став невольной свидетельницей супружеской дипломатии. Мэри начала разговор с радостного сообщения:

— Чарльз, милый, мне, пожалуй, стоит присоединиться к тебе. Сам посуди, мальчику я сейчас практически не нужна; и, по совести говоря, толку от моего присутствия не многим больше, нежели от твоего. Даже если бы я вздумала навсегда заточить себя в четырех стенах подле нашего мальчика, он все равно не захотел бы меня слушаться. Лучше оставить его на попечение Энн, тем более что ей самой по душе остаться дома и приглядывать за ребенком. Кстати, она сама предложила мне поехать, так что, подумав, я решила, что мне и впрямь надлежит поехать с тобой. И это более чем правильное решение, поскольку в последний раз я присутствовала на обеде в Большом Доме аж во вторник!

— Энн поистине добрейшая душа, — заметил Чарльз. — И я просто счастлив, что ты составишь мне компанию. Но, однако, не слишком ли жестоко с нашей стороны оставлять Энн в одиночку заботиться о нашем больном ребенке?

Энн, поравнявшись к тому времени с гардеробной, незамедлительно привела целый лес веских доводов в пользу принятого решения, и ее спокойная и неподдельная искренность легко сокрушила броню сомнения, в какую-то облачился Чарльз. Окончательно отринув угрызения совести, он согласился, чтобы Энн обедала одна, хотя и выразил желание, чтобы она, если все будет спокойно, позднее присоединилась к их обществу, и даже испросил позволения заехать за нею. Энн осталась непреклонной и вскоре была как нельзя рада попрощаться со спешно отбывающими и невероятно довольными супругами. Энн всей душой уповала на то, что им удастся хорошенько повеселиться в гостях, хотя о каком веселье тут вообще могла идти речь, ей было невдомек. Она, однако, живо обрела то единственное утешение, каковое ей только и могло быть отпущено Судьбой. Она не сомневалась, что нужна больному мальчику; и не велика важность, что в какой-то полумиле от нее Фредерик Уэнтворт развлекает присутствующих изящной светской беседой!

Энн, естественно, не могла не задаваться мыслью о характере чувств, которые бы владели Фредериком, если бы их встреча состоялась. Скорее всего, он выказал бы полное равнодушие, если в подобной ситуации вообще возможно оставаться равнодушным. Да, именно равнодушие, а может, даже и недовольство! Ведь, если разобраться, Фредерику вовсе незачем было бы так долго выжидать, пожелай он с нею увидеться; о нет, Фредерик Уэнтворт поступил бы тогда в точности, как и она сама — будучи на его месте: он давным-давно бы уже любыми способами искал свиданья — ведь теперь, став капитаном, Фредерик обрел столь желанную независимость; лишь ее одной и недоставало им когда-то, чтобы сделаться счастливыми.

Сестра Энн и ее зять воротились из Большого Дома в полном восхищении от нового знакомства. Их вечер решительно удался! Как только они не развлекались там: и музицировали, и пели, и всласть почесали языки, постоянно разражаясь хохотом, — чудо, что за вечер! О капитане Уэнтворте Энн было сказано, что это чрезвычайно милый джентльмен, он никого не сторонится, и его сложно смутить чем-либо; такое впечатление, что все они знакомы уже целую вечность! Между прочим, капитан обещал, что поутру присоединится к Чарльзу на охоте. Они договорились встретиться за завтраком, правда, не на Вилле, хотя Мэри и Чарльз пригласили капитана Уэнтворта первыми, а в Большом Доме, куда его совершенно недопустимо принялись завлекать; а тут еще и сам капитан признался, что боится потревожить Мэри в такую рань, ведь у нее на руках больное дитя, — короче говоря, они даже сами не понимают, как это вышло, но встреча состоится в доме отца Чарльза.

Энн все поняла...

Фредерик просто не желал ее видеть!

Выяснилось, что он даже соизволил поинтересоваться относительно того, где пребывает Энн, но сделал это машинально, вскользь, явно следуя правилам приличия, — да ведь это, пожалуй, и естественно — в случае давнишнего и сугубо шапочного знакомства, каковое было упомянуто им и теперь с готовностью подтверждено Энн; было очевидно, что Фредерик поступил так во избежание неловкости — а ее не удалось бы избежать, если бы их вздумали представлять друг другу.

Любое утро на Вилле продолжалось гораздо дольше, нежели в Большом Доме. Так произошло и в этот раз. Энн и Мэри еще только спускались к завтраку, когда им навстречу выбежал Чарльз, озабоченно крикнув, что пришел за собаками, и уведолив о поспешающих следом сестрицах, коих вызвался сопровождать лично капитан Уэнтворт; сестриц обуревают желание справиться о здоровье мальчика, а капитан Уэнтворт намерен засвидетельствовать Мэри свое глубочайшее почтение, если только его ранний визит не причинит неудобств заботливой матери, неусыпно пекущейся о благе своего мальчика; и хотя Чарльз попытался уверить капитана, что ребенок практически здоров, и капитан Уэнтворт никоим образом не нарушит покоя его матери, тот все же настоял, чтобы Чарльз непременно предупредил Мэри о скором приходе гостей.

Мэри, которой забота и внимание капитана Уэнтворта виделись более чем лестными, немедля объявила, что готова его принять, зато Энн пребывала в смятении, терзаемая вереницей самых разных мыслей; одной из них — и наиболее вдохновляющей — была та, что, ввиду затеянной охоты, неожиданный визит не затянется надолго. И визит, точно, не затянулся. Спустя пару минут после предварения Чарльза гости уже стояли на пороге, и их учтиво провели в гостиную, где все было готово к приему. Энн только и могла делать, что старательно отводила глаза. Капитан Уэнтворт отвесил ей галантный поклон, и она присела в ответ; потом раздался его голос; капитан обратил к Мэри какие-то слова, положенные в подобной ситуации; затем произнес еще несколько фраз, адресуясь уже к барышням Масгроув, что свидетельствовало об очаровательном умении капитана непринужденно общаться с дамами; у Энн возникло ощущение, будто бы гостиная до отказа заполнена людьми и их голосами, от шума которых у нее начинала кружиться голова; но вот шум внезапно стих, и разом все кончилось. Чарльз, заглянув в окно, сообщил, что все готово, и гость поспешил незамедлительно откланяться, а за ним исчезли и барышни Масгроув, решившись пройти с охотниками до околицы; гостиная опустела, и Энн, едва начавшая приходить в себя, приступила, наконец-то к завтраку.

— Все! Все! Все! — нервно повторяла она про себя, вознося молитву Всевышнему за счастливое избавление. — Худшее позади!!!

Мэри, не замечая состояния Энн, о чем-то болтала; Энн почти не слышала ее слов, отвечая наобум и часто не к месту.

Она увидела его.

Они встретились.

Они находились под одной крышей.

...Мало-помалу волнение Энн начало сходиться на нет. Уже восемь, ну почти что восемь лет прошло с момента разрыва между ними. И разве не безумна она, что дерзает вновь предаваться чувству, которое не пощадили годы и расстояния?! Восемь лет — это очень серьезно. Они были заполнены разными событиями, встречами и расставаниями и явились причиной многих перемен — эти годы унесли, поглотили практически все, даровав взамен лишь забвение, — как извечное и непоправимое следствие. Целая треть жизни Энн канула в Лету.

Увы! Оказывается, что, вопреки всему, этим восьмью годам забвения так и не удалось возобладать над непокорным сердцем.

Но каковы же подлинные чувства Фредерика? Может, он вообще намерен избегать ее? Задав последний вопрос, Энн обругала себя. Но задаться другим мучитель-

ным вопросом, от которого любые благие рассуждения не смогли бы спасти Энн, она, однако, не успела — барышни Масгроув, едва проводив охотников, ринулись обратно на Виллу; впрочем, ворвавшись незнамо зачем, они тотчас поспешили удалиться, после чего Мэри заботливо донесла до Энн следующие сведения:

— А знаешь, Энн, капитан Уэнтворт как-то чересчур сухо высказался на твой счет, тогда как меня прямо засыпал комплиментами! Представь себе только, Генриетта взяла, да и напрямик спросила капитана, какое впечатление у него сложилось о тебе, на что он ей ответил: «Так сильно переменялась, что и узнать нельзя».

Мэри и прежде не особо щадила чувства сестры, поэтому даже и представить не могла, как больно ранила Энн своими словами.

«Неузнаваемо переменялась!» — ну что ж, это как раз про нее, молчаливо признала Энн, полумертвая от боли, разрывающей сердце. В искренности слов Фредерика не приходилось сомневаться; мысль, что для самого капитана годы тоже не прошли бесследно, не могла утешить Энн. Да, Фредерик внешне изменился, но отнюдь не к худшему. Ей хватило времени убедиться в этом, и теперь Энн не могла рассудить иначе, невзирая на сказанное капитаном Уэнтвортом по поводу ее самой. Да, те годы, что не оставили и следа от цвета ее юности, обеспечили Фредерику уверенный и возмужалый вид, не в ущерб его красоте и обаянию. Перед глазами Энн возник прежний Фредерик Уэнтворт...

«Так сильно переменялась, что и узнать нельзя!» — эти ужасные слова намертво впечатались в ее память. Чуть погодя она даже испытала неподдельную радость, что ей довелось их услышать. Такие слова могли отрезвить ее и остудить неистовый пыл души; они даровали успокоение, а ведь покой — это почти что счастье.

...Фредерик, отвечая Генриетте, не допускал и мысли, что его слова могут быть переданы Энн. Да, он действительно пришел к выводу, что годы довольно-таки безжалостно с нею обошлись, и когда ему был задан вопрос о внешности Энн, он не стал лукавить. Фредерик не простил Энн Эллиот. Она на редкость скверно с ним обошлась, предала его и жестоко разочаровала. Хуже того: при разрыве их отношений Энн не постеснялась явить откровенную немощь характера, ну а этого Фредерик, с присущим ему честным и открытым нравом, был не в силах извинить. Энн порвала с ним, дабы угодить окружающим. Она безропотно повиновалась силе здравого смысла... Что это — как не слабость и малодушие?!

А ведь он привязался к ней всем сердцем... Впоследствии ему так и не довелось повстречать женщины, каковая могла бы сравниться с Энн; и теперь, пожалуй, ничто уже, кроме праздного любопытства, не пробуждало в нем желания с нею повстречаться. Энн более не властвовала над Фредериком...

А Фредерик тем временем всю подумывал о женитьбе. Сколотив на море состояние, он, сошел на сушу, мечтая надежно осесть, но лишь в том месте, что покажется ему наиболее привлекательным. А куда он осматривался, готовясь влюбиться столь же стремительно, сколь позволят это осуществить его ясная голова и верное чутье. В сущности, Фредерик был отнюдь не против расстаться с сердцем ради любой из барышень Масгроув, если какая-то из них оказалась бы в состоянии им завладеть; проще говоря, он готов был вручить свое сердце любой молодой и достаточно симпатичной барышне, за исключением Энн Эллиот. Об этом особом и тайном исключении Фредерик предпочел не распространяться, соглашаясь со справедливыми умозаключениями своей сестры:

— О да, Софи, ты совершенно права, я способен жениться на ком угодно, как последний глупец. Каждая прелестница в возрасте от пятнадцати и до тридцати вправе рассчитывать на мое предложение. Славное симпатичное личико, чередой улыбок вкупе с парой откровенных комплиментов морскому флоту — и песенка моя спета! Да и о чем еще может мечтать настоящий моряк, годами обреченный обходиться без общества женщины, которое одно только и может облагородить его?!

Фредерик провозгласил это, ожидая, что сестра решится опровергнуть его доводы. Софи тотчас это поняла. Ясный и горделивый взор Фредерика красноречиво свидетельствовал о том, что он и так считает себя вполне облагороженным; и нельзя сказать, чтобы его мысли не возвращались к образу Энн Эллиот, когда Фредерик откровенно признавался сестре, с какой именно женщиной желал бы связать жизнь. «Сила ума наряду с прелестью обхождения» — такими словами начал Фредерик свою исповедь, ими он ее и завершил.

— Вот какую женщину я стремлюсь найти, — проговорил Фредерик. — Я, конечно, готов немного снизить планку, но не слишком! Видно, уж если мне на роду написано быть дураком, то я им и останусь, ибо всегда размышлял о сердечных делах много чаще, чем это свойственно прочим мужчинам.

ГЛАВА VIII

И вот случилось так, что капитан Уэнтворт и Энн Эллиот оказались вовлеченными в один круг общения. В самом скором времени им пришлось сойтись за обедом у Масгроувов, поскольку вновь обретенное ранее приболевшим ребенком здоровье уже не обеспечивало тетушке удобного предлога для отсутствия на традиционных мероприятиях; таким образом было положено начало почти что нескончаемой череде встреч и обедов.

Судя по всему, это было наиболее надежным средством для проверки вероятности возрождения былого; ни он, ни она, естественно, были не в состоянии припомнить всех деталей, но оба постоянно обращались к давно минувшим дням; Фредерик решительно запамätовал дату, на которую пришелся некогда день их помолвки; он просто норовил погрузиться в свои воспоминания, положившись на свою судьбу бывалого моряка и угождая душевной необходимости; в ходе первого же совместно проведенного вечера Фредериком был неоднократно упомянут шестой год: «Полагаю, что все произошло в шестом году»; «Это случилось прежде, чем я ушел служить на море, то есть именно в шестом году». Голос Фредерика при этом не дрогнул, да и у Энн не нашлось бы веского основания допустить, что всякий раз при упоминании года он обращал к ней пронзительный взор, но она прекрасно знала его сердце и была преисполнена уверенности, что на капитана, как, впрочем, и на нее, нахлынули воспоминания. Фредерика, вне всякого сомнения, посетила та же мысль, что и Энн, но ему она и близко не доставила той боли, от которой страдала она.

Разговоров меж ними не было, лишь беглое общение, удовлетворявшее нормам учтивости. А ведь некогда Фредерик и Энн так много значили друг для друга! И вот теперь они — просто никто! В прежние времена из всех набившихся в гостиную Виллы Апперкросс гостей лишь им двоим было бы невозможно вдоволь наговорится, имея так много общих тем. Исключение, пожалуй, составили бы только адмирал и миссис Крофт, познавшие взаимную нежную привязанность и счастье (другого столь же исключительного примера Энн не находила даже среди супружеских пар), но, кроме них, не удалось бы отыскать там другой пары сердец столь же открытых и предпочтений столь схожих, равно как и чувств столь созвучных и лиц столь обожаемых. И вот отныне они — чужие, и даже хуже того, поскольку им не суждено сойтись вновь. И это было непреходящее отчуждение...

Стоило Фредерику завести речь, и Энн, как и прежде, слышала знакомый голос, узнавала знакомые мысли. Собравшиеся гости обыкновенно пребывали в совершенном неведении относительно морского дела; повествование капитана то и дело прерывалось вопросами, в чем более всего преуспели барышни Масгроув, не сводившие с рассказчика глаз; они беспрерывно интересовались особенностями жизни, проводи-

мой на борту судна, их занимало, какую снедь предпочитают моряки и где они спят, ну и все в таком же роде; видя их изумление при известии о невероятно удобном и мудром устройстве корабля, капитан Уэнтворт вознаграждал барышень ласковой усмешкой, и Энн вмиг обращалась душой к временам своего бывшего неведения, когда она легко могла быть обвинена в том, что искренне полагала, будто бы морякам на судне свойственно обходиться без еды и без повара, на которого были возложены обязанности по ее приготовлению, а также и без слуг, подающих ее, не говоря уже об использовании важных и непременных аксессуаров типа ножа и вилки.

Энн задумчиво внимала Фредерику, полностью уйдя в себя, когда до ее слуха донесся почти оглушительный шепот миссис Масгроув, вознамерившейся низвергнуть на нее целый водопад трогательных сожалений:

— О, мисс Энн, если бы по воле Небес моему бедному сыну было бы даровано спасение, я убеждена, что он бы коренным образом переменился!

Терпеливо слушая миссис Масгроув, которая продолжала самозабвенно изливать ей свое исстрадавшееся сердце, и подчас еле удерживаясь от невольной улыбки, Энн до некоторой степени утратила нить имевшей место беседы.

К моменту, когда у нее получилось вернуть внимание к предмету несравненно более интересному, мисс Масгроув уже восседала в гостиной с «Перечнем Кораблей Военно-Морского Флота» (это был первый и единственный экземпляр данного издания в Апперкроссе) и прилежно изучала его, собираясь установить все суда, когда-либо бывшие под командованием капитана Уэнтворта.

— Самым первым вашим судном, помнится, стала «Гадюка»; что ж, давайте отыщем эту «Гадюку».

— Тут вам навряд ли удастся ее отыскать, — заметил капитан. — Судно вконец обветшало, вследствие чего и подверглось списанию. Мне выпала честь явиться последним капитаном «Гадюки». Замечу, что судно это уже при мне мало на что годилось. Адмиралтейство сочло, однако, что «Гадюка» вполне еще может годик-другой походить в ближних водах; и в итоге я получил приказ взять курс на Вест-Индию.

Барышни Масгроув от изумления были просто вне себя.

— Адмиралтейство, — продолжал между тем капитан, — нередко забавляется тем, что отдаст приказ нескольким сотням моряков выйти в море на полузатонувшем суденышке. У него, как известно, забот выше крыши, и разобраться толком, чьи именно из вверенных ему тысяч жизней являются наиболее ценными и в ком будут особенно нуждаться на берегу, конечно же, всегда недосуг.

— Тьфу! Тьфу! — взревел тут адмирал. — И каких только глупостей подчас не услышишь от представителей нынешней молодежи! Да знаете ли вы, что корабля лучше «Гадюки», во дни славы его, было просто не найти! Среди всех судов старого времени с ним ни одно не сравнится! Вам следовало бы хорошенько возблагодарить Небеса за то счастье, что подобный корабль оказался вверенным вашему командованию! Кстати, на ваше место претендовали человек двадцать, не меньше, причем все это были офицеры с изрядными заслугами! Так что, молодой человек, сказали бы лучше спасибо: мало того, что вам досталось отменное судно, так еще и ждать почти не пришлось! А заслуг у вас тогда было кот наплакал!

— Поверьте, адмирал, я необыкновенно ценю свое счастье, — задумчиво произнес капитан Уэнтворт. — И тогдашнее назначение доставило мне немало радости. Я должен был как можно быстрее выйти в море, чтобы занять себя серьезным делом.

— Ну, это понятно... Чего ради, спрашивается, молодому и здоровому парню торчать без толку на берегу целых шесть месяцев?! Сам помню: уж коли нет у тебя жены, то так и тянет поскорее в плавание!

— Ах, капитан Уэнтворт, — взволнованно вскричала Луиза, — воображаю себе ваш гнев, когда вы обнаружили, какая рухлядь вам досталась!

— О, я прекрасно и, признаться, давно уже знал, что собою представляет «Гадюка», — улыбнулся капитан. — Новизны в ней было не больше, чем вы могли бы открыть в старой, выдавшей виды ротонде, каковую имели обыкновение надевать по случаю непогоды многие ваши родственники, а потом, в один из дождливых дней, она вдруг досталась вам. Я величал свое судно не иначе, как «моя верная старушка «Гадюка»». Этот корабль беспрекословно исполнял все мои прихоти. А я изначально был уверен, что так и будет. Я понимал, что или нам с «Гадюкой» суждено пойти на дно, или же она полностью мне покорится. К слову, покуда я на ходил на «Гадюке», ни разу не случилось двух штормовых дней кряду; помню, какое наслаждение я испытывал, настигая пиратов, а когда мы следующей осенью легли на обратный курс, мне повезло захватить один французский фрегат, за которым я безуспешно гонялся ранее. Придя на «Гадюке» в Плимут, я опять стал баловнем удачи. Мы не простояли и шести часов в бухте Саунд, как разразился чудовищный шторм, продлившийся четыре дня, но хватило бы и двух, чтобы доконать мою бедную «Гадюку». Нас бы не выручила и вся мощь Великой Английской Нации! А какие-то сутки спустя доблестный капитан Уэнтворт, в траурной рамке, удостоился бы крошечного столбца в газете, где-нибудь в углу листа; думаю, что, если бы я встретил гибель на том углу суденышке, вряд ли кто-то стал бы обо мне горевать.

Энн в глубине души содрогнулась от ужаса; зато барышни Масгроув разразились возгласами явного и искреннего сочувствия.

— В точности так, — тихо подтвердила миссис Масгроув; казалось, что она словно бы размышляет вслух. — Тогда-то вот капитан и перешел на «Лаконию», на борту которой и произошло его знакомство с нашим бедным Ричардом... Чарльз, милый, — подозвала она сына, — почему бы тебе сейчас не поинтересоваться у капитана Уэнтворта, где именно познакомился он с твоим несчастным братом? А то я совсем что-то запуталась.

— Да я и так помню, матушка. Это случилось в Гибралтаре. Дик как раз приболел, и его отослали в Гибралтар; прежний капитан вручил ему рекомендательное письмо для вручения лично в руки капитану Уэнтворту.

— О, вон оно как! Но, Чарльз, ты непременно передай капитану Уэнтворту, чтобы он не стеснялся упоминать в моем присутствии бедного Дика, — мне будет отрадно внимать рассказу о нем его верного и героического друга!

Чарльз, имевший о характере отношений Дика и капитана Уэнтворта несколько иное мнение, предпочел, однако, промолчать, ограничившись утвердительным кивком, после чего удалился.

Барышни Масгроув уже напряженно изучали «Перечень», желая найти «Лаконию»; капитан Уэнтворт, не желая лишать себя профессионального удовольствия, а заодно выказать галантность, учтиво принял драгоценный том в руки и, сразу найдя желаемое, огласил содержание соответствующей статьи, где было упомянуто название судна и технические характеристики, включая упоминание о нынешней непригодности «Лаконии» для выхода в море; капитан торжественно признался, что до сих пор считает «Лаконию» одним из наиболее дорогих его сердцу кораблей.

— Да, то было славное время, когда я ходил на «Лаконии»! И не заметил даже, как разбогател! И все благодаря «Лаконии». Именно на ней мы с одним другом моим частенько навещали Гебриды. О, бедный мой Харвил! Он ужасно нуждался в деньгах, знаете ли, — даже побольше меня. А все потому, что был женат. Потрясающий человек! И как же он был счастлив, когда мы начали богатеть. И ведь не для себя старался; все ради любимой жены. Мне крепко недоставало его рядом, когда летом следующего года, уже в Средиземноморье, мне вновь улыбнулась несказанная удача.

— О, сударь, поверьте, — мягко вклинилась миссис Масгроув, — день вашего назначения капитаном «Лаконии» для нас явился особенно счастливым. И, право же, мы будем вечно благодарны за все ваши благодеяния!

Во время этой удивительной тирады голос миссис Масгроув неоднократно прерывался от волнения. Капитан Уэнтворт, толком не поняв, что она подразумевает под своими словами и, вероятно, уже напрочь позабыв о Дике Масгроуве, удивленно на нее воззрился, словно бы ожидая, что миссис Масгроув продолжит говорить.

— Это маменька сейчас о моем брате, — прошептала какая-то из барышень Масгроув. — О бедняжке Ричарде...

— Бедный мальчик, — вдруг продолжила миссис Масгроув, — он совершенно переменился, стоило ему только попасть к вам под командование. И письма домой такие замечательные посылал. Как же было бы чудесно, если бы он всегда находился подле вас! Вы даже не представляете, капитан Уэнтворт, как горько мы сожалеем, что он вышел из-под вашего попечения.

При последних словах миссис Масгроув по лицу капитана скользнула странная тень; его глаза вспыхнули, а прекрасный рот судорожно скривился. Энн тотчас поняла, что Фредерик и подавно не разделял горьких сожалений миссис Масгроув по поводу Дика, а, скорее всего, едва отделался от него, как от непереносимого бремени. Однако особое выражение, возникшее на лице капитана Уэнтворта, оказалось настолько мимолетным, что все вокруг, не знавшие его глубоко, подобно Энн, решительно ничего не заметили. Совладав с чувствами, капитан Уэнтворт спустя мгновение направился к дивану, на котором восседала миссис Масгроув, а рядышком примостилась Энн; присев к почтенной даме, он завел с нею продолжительную беседу о ее сыне, говоря тихим и доверительным тоном, что указывало на его искреннее уважение ко всему серьезному и подлинному, что содержится в родительских чувствах.

Вот так, собственно, и случилось, что Энн и Фредерик очутились на одном диване. Их разделяла лишь миссис Масгроув, услужливо пододвинувшаяся, чтобы капитан Уэнтворт смог присесть. Впрочем, она представляла собой более чем внушительную преграду. Но капитальные формы, коими обладала миссис Масгроув, были предназначены Природой скорее уж для радости и веселья, а вовсе не для пребывания в томной печали. Начисто лишенный возможности разглядеть из-за ее пышных форм движения изящного стана Энн и ее погруженное в задумчивость лицо, капитан Уэнтворт (и в этом надлежит отдать ему должное) с поистине невероятным самообладанием претерпевал сентиментальную повесть миссис Масгроув, сопровождаемую безмерно глубокими и тяжкими вздохами по поводу судьбы сына, до которого при жизни практически никому не было дела.

Размер телесных габаритов и степень душевной печали отнюдь не должны соотноситься в строгой и неперменной пропорции. Грузная, изрядного веса дама обладает не меньшим правом на изъявление всей глубины чувства, нежели обладательни-

ца самой изящной фигурки в мире. И неважно, насколько это справедливо, но особо характерные несоответствия не могут быть приняты нашим рассудком; они в полной мере противоречат вкусу, не вызывая иной реакции, кроме насмешки.

Адмирал между тем почел за благо для себя пройтись по комнате для небольшой разминки; он прилежно выполнял это упражнение, заложив руки за спину, куда его не одернула раздосадованная супруга. Тогда адмирал приблизился к капитану Уэнтворту и, не задумываясь об уместности прерывания чужой беседы, он, исподволь захваченный лишь собственными мыслями, обратился к нему с таким вопросом:

— Окажись вы прошлой весной в Лиссабоне неделей позже, вам, Фредерик, пришлось бы принять на борт леди Мэри Гирсон с ее дочерьми.

— Да неужто?! Тогда я рад, что неделей позже меня там уже не было!

Адмирал в сердцах попенял Фредерику за отказ проявить галантность. Тот в свою защиту молвил, что дамам на борту судна совсем не место, в отличие, скажем, от званого бала или торжественного визита, длящегося никак не свыше двух часов.

— Ну, а по большому счету, — произнес в завершение капитан Уэнтворт, — галантность здесь решительно не при чем. Я склонен придерживаться убеждения, что при всех мыслимых стараниях и жертвах нет никакой возможности обеспечить на борту необходимые удобства, на которые вправе рассчитывать любая леди. И согласитесь, адмирал, мы ведь не единственно из соображений галантности признаем, что женщина нуждается в удобствах куда более, нежели мы, мужчины. Вот почему известие о том, что на борту присутствуют женщины, не доставило бы мне радости, и я испытал бы явное неудовольствие, столкнувшись с ними на палубе. И если бы на то была моя воля, я бы просто не позволил им подняться на борт.

Тут на капитана Уэнтворта набросилась его сестра.

— Боже, Фредерик! Я не могу поверить, что услышала эти слова из твоих уст! Ну что это еще за китайские церемонии, а?! Поверь, женщина способна чувствовать себя на корабле так же комфортно, как и в самом благоустроенном английском доме. Знаешь, уж кому-кому, но мне-то пришлось немало времени провести на море. Я прекрасно помню, как мне нравилось жить на военном корабле, и такую жизнь я не променяла бы ни на что другое! Я тебе так скажу, братец: нигде и никогда, включая прекрасный Келлинг-холл (при этом она мило кивнула Энн), не удавалось мне обрести удобств более замечательных, чем на тех кораблях, на которых мне пришлось жить. А их было, между прочим, целых пять штук!

— Ну, ты — это совсем другое дело, — не согласился с нею Фредерик. — Ты следовала за мужем своим и имела право быть единственной женщиной на борту.

— Нет, ну надо же! Да ведь ты сам, лично, перевозил миссис Харвил, ее сестру с кузиной, а также еще и трех ребятшек из Портсмута в Плимут! И тогда ты, между прочим, даже не пытался демонстрировать какую-то невообразимую галантность, о которой сейчас здесь распространяешься!

— Дорогая София, то было следствием большой дружбы. Ну подумай сама: чего на свете не сделаешь ради лучшего друга?! И неужто можно отказать в чем-либо жене своего же брата-офицера?! Однако я все равно понимал, что поступаю дурно, позволив им подняться на борт.

— Как бы то ни было, но именно что на борту все они чувствовали себя просто прекрасно!



*...капитан Уэнтворт с поистине невероятным самообладанием претерпевал
сентиментальную повесть миссис Масгроув...*

— Признаться, я далеко не в восторге от того, что ты рассказываешь. Вообще-то такой уйме женщин и детей просто не полагается чувствовать себя на борту корабля прекрасно!

— Дорогой Фредерик, да о чем ты вообще толкуешь? Боже мой, представь только, какой бы удел был уготован нам, несчастным женам моряков, стремящихся последовать за своими мужьями, если бы мы рассуждали, как ты?!

— Но, рассуждая так, я все же благополучно доставил миссис Харвил с семейством в Плимут, разве нет?

— Знаешь, я просто терпеть не могу, когда ты принимаешься на словах корчить из себя высокородного джентльмена и делаешь вид, будто все женщины на свете — не разумные существа, а сплошь высокородные леди! И мы, настоящие женщины, прекрасно знаем, что житейские бури не минуют никого из нас.

— Ах, дорогая моя, — опять встрял без предупреждения адмирал, — ты погоди: стоит только ему жениться — и он вмиг запоем совсем другую песню! Когда он будет женат, то в случае, если нам с тобой посчастливится дожить до очередной войны, мы обнаружим, что Фредерик поведет себя в точности как мы с тобой, да и все разумные люди. И мы также увидим, что он будет испытывать безграничную благодарность к любому, кто согласится взять на борт его жену и детей, дабы доставить их к нему.

— Это уж наверняка.

— Все, сдаюсь, — весело воскликнул капитан Уэнтворт. — Стоит женатым атаковать меня, предрекая: «Вот, погоди, сам женишься — по-другому запоешь!», и мне остается возразить лишь одно: «Да ничего подобного!», на что они мне вновь кричат «придет срок, сам убедишься», — и так продолжается до бесконечности.

Легко поднявшись с дивана, Фредерик ретировался в дальний угол гостиной.

— Вам, голубушка, наверное, изрядно пришлось попутешествовать на своем веку, — уважительно обратилась миссис Мастроув к миссис Крофт.

— Еще бы, сударыня, за пятнадцать-то лет замужества; однако найдутся и такие женщины, коим довелось попутешествовать куда больше. Что до меня, то я четырежды пересекала Атлантику, а однажды довелось оказаться мне в Ост-Индии, а потом проследовать обратно, но такого больше не повторилось; кроме того, побывала во множестве мест у наших родных берегов: и в Корке, и в Лиссабоне, и даже в Гибралтаре. Правда, вот до колоний заокеанских так и не добралась, да и в Вест-Индию ни разу не наведалась. Вы, конечно, знаете, что Бермуды, равно как и Багамы, у нас не приняты именовать Вест-Индией.

Миссис Мастроув затруднилась возразить в ответ хотя бы словечко, поскольку на протяжении всей своей жизни ей эти острова вообще не доводилось именовать каким-либо образом.

— И уж поверьте мне, сударыня, — веско молвила миссис Крофт, — нет ничего удобнее, чем военный корабль; ну это, конечно, если иметь в виду лишь крупные суда. Вот на фрегате, замечу я, ощущаешь словно бы какой-то недостаток простора, что ли; да только женщина разумная сможет и на фрегате разместиться с комфортом; осмелюсь утверждать, что провела на борту лучшее время моей жизни. Рядом с супругом уж точно не страшно. Слава Тебе, Господи, что здоровье у меня превосходное, с ним мне любой климат был нипочем. Ну, пожалуй, еще на первые сутки, может, малость совсем, и помучаешься, но потом и думать о морской болезни за-

будешь. Лишь однажды, я помню, пришлось принять мне страдания как телесные, так и душевные, — ох, и намаялась же я тогда, вообразив, что ужасно больна, и пугая себя разными ужасами, — стряслась же со мной эта беда как раз зимой; я, одна-одинешенька, была вынуждена околачиваться в Киле, а мой адмирал (о ту пору еще только капитан Крофт) пребывал на Северном море. Вот тогда я, действительно, со страху чуть дух не испустила — вы не представляете даже, каких жутких хворей себе только не навывдумывала, — а все оттого, что не знала, чем занять себя, и дождусь ли когда от мужа весточки новой; а вот когда мы вместе, никакие хвори меня не берут, а на душе — сплошная благодать!

— Вот это вы очень верно заметили! Поистине так, и я, миссис Крофт, придерживаюсь схожего мнения, — чистосердечно призналась миссис Масгроув. — Страшнее разлуки ничего и быть не может. Всей душой с вами согласна! Да и мне ли не знать: мой-то, мистер Масгроув, постоянно пропадает на разных там сессиях, а мне приходится его дожидаться; жду, бывало, а сама исхожу от беспокойства, когда же там все это безобразии закончится, и возвратится он благополучно домой...

Вечер традиционно завершился танцами. Едва дошло до них дело, как Энн вызвалась аккомпанировать, бескорыстно предложив свои услуги; и вот она сидела за фортепьяно, а у самой из глаз рекою текли слезы, но она изо всех сил старалась их унять, испытывая радость оттого, что оказалась полезной и мечтая остаться незамеченной.

Все были в восторге от вечера, и он, безусловно, удался. Больше всех предавался веселью не кто иной, как капитан Уэнтворт. Энн видела, что он буквально заходится от возбуждения; его приводило в восторг буквально все, особенно восхищение юных дам. Кузины Хэйтер, происходившие из ранее упомянутого нами семейства, возымили честь влюбиться в капитана по уши; ну а что до барышень Масгроув, то те и так давно уже были от Фредерика без ума; они настолько были им поглощены, что, если бы не всегдашнее незыблемое согласие, царившее меж ними, вмиг превратились бы в яростных соперниц. И стоит ли этому удивляться, если даже сам капитан, кажется, был отчасти вне себя от подобного всемерного поклонения?!

Примерно такие вот мысли обуревали Энн в то время, как пальцы ее усердно трудились, в продолжение получаса бегая по клавишам, причем совершенно машинально и без каких-либо ошибок. Лишь однажды Энн показалось, что Фредерик устремил на нее беглый взор, — вероятно, он видя ныне пред собою ее поблекшие черты, невольно старался угадать в них те, прежние, что некогда так очаровали его; потом настал миг, и Энн поняла, что Фредерик, судя по всему, спрашивает о ней; Энн навряд ли догадалась об этом, не услышав она ответа, из коего следовало, что капитан Уэнтворт пытался выяснить у партнерши, танцует ли мисс Энн. Ответ той гласил: «Ах, нет, конечно же. Она уже давным-давно забросила танцы. Теперь она только музицирует. И ведь что удивительно — может играть самое продолжительное время, решительно не ведая усталости». Немного погодя у Энн даже состоялся разговор с Фредериком, причем он обратился к ней первым. Она как раз закончила играть и, встав из-за инструмента, переместилась в освободившийся свободный угол гостиной, поскольку танцы завершились. Фредерик живо занял прежнее ее место, намереваясь проиграть начальные такты некоей арии, о которой беседовал с одной из барышень Масгроув. Энн невольно воротилась к инструменту; заметив ее, Фредерик тотчас поднялся и с подчеркнутой учтивостью извинился:

— Прошу меня простить, сударыня, я осмелился ненадолго занять место, которое по праву принадлежит вам.

Энн, отвергнув приглашение, испуганно метнулась в сторону, однако Фредерик так больше и не сел за инструмент.

Для Энн это было уже слишком. Она более не желала ни его взглядов, ни речей. Ледяная учтивость Фредерика наряду с его церемонной благосклонностью — да могло ли быть на свете что-нибудь ужаснее этого?!

ГЛАВА IX

Капитан Уэнтворт чувствовал себя в Келлинч-холле как дома, намереваясь пребывать там, покуда ему не надоест. Адмирал удостоил Фредерика своей благосклонностью и питал к нему родственное расположение, уподобляясь супруге. Фредерик предполагал поначалу безотлагательно навестить Шропшир, дабы свидеться с проживавшим там братом, но сила очарования Апперкрасса была такова, что он откладывал свою поездку день ото дня. Его принимали с неподдельным и пленительным радушием, удостаивая бесконечными восторгами и искушая разного рода соблазнами; старики проявляли гостеприимность, а молодежь готова была во всем ему потакать — Фредерику не оставалось иного выхода, кроме как пренебречь задуманной поездкой и продлить свое пребывание в том месте, где он, собственно, и находился, а также увериться, хоть и будучи на расстоянии, во всех прелестях и совершенствах молодой супруги его брата Эдварда.

В Апперкрассе Фредерик неизбежно превратился в ежедневного гостя. Какое бы рвение не выказывали Масгроувы, зазывая его к себе, он с не меньшим рвением был склонен откликнуться на их приглашение, особенно, если дело происходило в утренние часы, поскольку в это время в Келлинч-холле было буквально не с кем и парой слов обменяться: адмирал и миссис Крофт спозаранку приступали к скрупулезному осмотру новоприобретенных владений, обходя дуга и пересчитывая овец; они подолгу задерживались на одном месте, делая невыносимым ожидание для Фредерика, к тому же предпочитали передвигаться на тряской двуколке, предусмотрительно купленной ими специально для объезда угодий.

Масгроувы, включая, естественно, их гостей, придерживались о капитане Уэнтворте единодушного мнения. ВСЕ пребывали от него в восхищении! Однако, стоило лишь укрепиться этим приятным и непринужденным отношениям, как в родные края воротился после недолгого отсутствия некто Чарльз Хэйтер, каковой был донельзя обескуражен установлением подобных отношений, и ни в коей мере не обрадовался капитану Уэнтворту.

Чарльз Хэйтер был старшим из кузенов; этого молодого, довольно-таки обходительного и достойного человека связывали нежные узы с Генриеттой Масгроув, но так было лишь до появления капитана Уэнтворта. Чарльз Хэйтер был удостоен духовного сана и направлен служить в приходе, расположенном по соседству. Проживать там ему не было особой нужды, и он предпочитал по-прежнему обитать в родительском доме, что находился в двух милях от Апперкрасса. Так случилось, что Чарльзу Хэйтеру настоятельно потребовалось отлучиться, причем как раз в описываемые нами дни. И вот он ненадолго отбыл, оставив сердечную зазнобу решительно безо всякого призора, а по возвращении сделал сразу же два пренеприятных открытия: во-первых,

в чувствах Генриетты к нему произошла разительная перемена и, во-вторых, неведомо откуда и совершенно некстати появился капитан Уэнтворт.

Миссис Масгроув и миссис Хэйтер приходились друг дружке сестрами. Обе предполагали собственными средствами к жизни, но в замужестве оказались далеко не в равном положении. Мистер Хэйтер, конечно, обладал состоянием, притом вполне достаточным, но оно было поистине ничтожным — по сравнению с возможностями мистера Масгроува. Кроме того, Масгроувы, в отличие от Хэйтеров, принадлежали к сливкам местного общества; юным Хэйтерам, принимая во внимание образ жизни их родителей, с присущими ему нелюдимостью, бедностью и непросвещенностью, вкупе с собственным их ущербным образованием и отсутствием должных манер, едва ли было уместно претендовать на пребывание не только в избранном круге общества, но и в любом другом; по сути, лишь родство с Масгроувами отдаленно связывало их с обществом, исключая старшего сына, который, желая обрести ученость и стать джентльменом, подвизался ныне на возвышенном поприще теологии, недосыгаемо превосходя сестер и братьев в том, что касалось образованности и манер.

Оба семейства, в сущности, очень даже неплохо ладили; проявлений чванства, с одной стороны, и зависти, с другой, не наблюдалось; лишь барышни Масгроув, прекрасно сознавая свою недосыгаемость и превосходство, занимались подчас совершенствованием кузенов и кузин. К знакам внимания, что были выказаны Чарльзом Хэйтером по отношению к Генриетте, мистер и миссис Масгроув отнеслись без какого-либо осуждения. «Едва ли достойная партия для нашей Генриетты, но, коли уж этот молодой человек ей по душе...» — а все говорило о том, что Чарльз Хэйтер и впрямь был по душе Генриетте.

По крайней мере, так полагала сама Генриетта до появления капитана Уэнтворта. И с той самой поры несчастный кузен Чарльз, угодив в опалу, был совершенно ею забыт. Но какая из двух барышень Масгроув пользовалась предпочтительным вниманием капитана Уэнтворта, Энн, как ни пыталась, так и не могла определить. Генриетту можно было счесть более миловидной, зато Луиза привлекала живостью нрава; Энн была в полном замешательстве, совершенно уже не понимая, какой нрав скорее привлекает капитана Уэнтворта — спокойный или резвый.

Мистер и миссис Масгроув, будучи то ли недостаточно наблюдательными, то ли всецело уповая на скромность своих дочурок, — а с ними и всех молодых людей из их ближайшего окружения — наверное, предпочитали в этом вопросе отдаться на волю Провидения. Никто в Большом Доме не касался в разговоре данной деликатной темы и, казалось, никого даже и близко не волновало, как развивается ситуация. Зато на Вилле Апперкросс реакция была иной; Чарльз и Мэри с энтузиазмом обсуждали сложившееся положение; капитан Уэнтворт к тому времени уже имел счастье четыре или пять раз оказываться в обществе барышень Масгроув, и это совпало с возвращением кузена Хэйтера; а Энн уже была обречена выслушивать соображения зятя и сестры относительно того, какую из барышень Масгроув следует выбрать капитану Уэнтворту. Чарльз полагал, что Луизу, а Мэри — что Генриетту, однако оба они приходили к согласию в одном: для каждой из барышень Масгроув капитан Уэнтворт — просто блестящая партия!

Чарльз отмечал, что «...более приятного человека ему вообще не приходилось встречать; исходя же из того, что ему как-то пришлось услышать от самого капитана Уэнтворта, тот, кажется, умудрился скопить за годы войны не менее двадцати ты-

сяч фунтов. Это, право же, целое состояние! Можно себе представить, сколько удастся заработать капитану на будущей войне; такой доблестный офицер, как капитан Уэнтворт, способен блестяще проявить себя в любой морской баталии. О, это был бы поистине капитальный брак для любой из моих сестер!»

— Это уж точно, поверь моему слову, — подтвердила Мэри. — О, Боже! А вот если бы капитан еще вдобавок сподобился высочайшей чести и был бы удостоен титулом баронета! Ты только послушай, как замечательно звучит: «Леди Уэнтворт», а?! Куда как славно для юной Генриетты! Она бы тогда оказалась в равном со мною статусе, а уж это бы ей точно пришлось по вкусу! Сэр Фредерик и леди Уэнтворт... Только ведь, знаешь, это будет все-таки титул из разряда новоиспеченных, а таковые я не слишком-то высоко ставлю.

Мэри избрала Генриетту также еще и по причине наличия неоправданных притязаний на нее со стороны Чарльза Хэйтера, которые не могли быть удовлетворены ни в коем случае. Хэйтеры стояли настолько ниже во мнении Мэри, что любая инициатива, направленная на укрепление родственных уз между Хэйтерами и Масгроувами воспринималась ею как фатальная угроза, могущая самым огорчительным образом отразиться на ней и ее детях.

— Ну нет, на мой взгляд, он совершенно не подходит Генриетте в качестве супруга, — говорила Мэри, обращаясь к мужу. — А в силу вновь открывшихся и продолжающихся новых родственных отношений между Эллиотами и Масгроувами, у Генриетты вообще нет права приносить себя в жертву, высказывая замуж за первого встречного. Да и вообще, порядочной девице никак не пристало заключать брачный союз, унижающий достоинство привилегированных членов ее семейства, вследствие чего им были бы вопиюще и грубо навязаны связи для них непривычные и крайне нежелательные. Господи, да кто вообще такой — этот Чарльз Хэйтер?! Сельский священник, всего-то и делов! Катастрофически непригодная партия для той, кто является мисс Масгроув из Апперкрасса.

Но муж ее, однако, не находил возможным согласиться с ее утверждением, поскольку питал невольную симпатию к Чарльзу Хэйтеру, являющемуся не только его кузеном, но еще и старшим сыном. Сам будучи таковым, Чарльз Масгроув, был прекрасно осведомлен, насколько это обременительно.

— Что за глупости, Мэри, — последовал вполне закономерный ответ мужа. — Я не спорю, что Чарльз Хэйтер — не бог весть какая партия для Генриетты, но, между прочим, есть вероятность, что чрез посредство Спайсеров моему кузену может перепасть некоторое вспоможение от епископа. Также не забудь, Мэри, что Чарльз — старший сын. В результате кончины дядюшки именно ему суждено унаследовать состояние, причем довольно-таки приличное. И учти дополнительно, что один только Уинтроп занимает площадь около двухсот пятидесяти акров, а еще ведь имеется у Хэйтеров ферма, возле Тонтона, и тамошняя земля чуть ли не самая плодородная во всей округе. Уверяю тебя, что именно Чарльз Хэйтер является достойной и подходящей партией для Генриетты, тогда как остальные возможные соискатели, действительно, никуда не годятся. Вдобавок, Чарльз еще и славный, располагающий к себе человек. Вот увидишь, Мэри, когда поместье перейдет к нему, Чарльз Хэйтер в считанный срок превратит его в обитель процветания и заживет на новый лад, владея средствами достаточно весомыми, дабы кто-то осмелился бы выказать ему свое презрение. Нет и еще раз нет, Мэри, я положительно считаю Чарльза Хэйтера вполне достойной парти-

ей для Генриетты. И если она решит выйти за него, а Луиза окажется с капитаном Уэнтвортом, радость моя будет беспредельной.

— Пусть мой Чарльз говорит себе, что хочет, — вскричала Мэри, когда муж удалился, — но знай, сестра: если Генриетта решится пойти за Чарльза Хэйтиера, всем нам не избежать страшной беды! Ей самой будет несладко, а уж мне-то — тем паче; вот поэтому-то и необходимо, чтобы капитан Уэнтворт своим обаянием и неотразимостью заставил бы Генриетту выбросить Чарльза Хэйтиера из головы, тем более что я совершенно уверена: дело к тому и движется! Припомни-ка Энн, вчера Генриетта не удостоила Чарльза Хэйтиера ни единым взглядом. Представь только, она, по сути, вообще его не замечала... Что же касается того, что капитану Уэнтворту якобы больше нравится Луиза, а не Генриетта, так все это сущий вздор, и еще раз вздор!!! А все потому, что капитан в восторге именно от Генриетты. А Чарльзу только бы перечесть мне! Эх, какая досада, право, что тебя с нами вчера не было. Лишь ты одна могла бы рассудить нас по справедливости. И я абсолютно уверена, что ты, Энн, приняла бы мою сторону, ну разве что тебе бы вдруг в голову взбрела некая блажь, и ты нарочно выступила бы против меня.

На последовавшем затем обеде, что давал мистер Масгроув, если бы Энн соизволила на нем присутствовать, она могла самостоятельно во всем разобраться и сделать окончательный вывод. Однако Энн решила остаться на Вилле, сославшись одновременно и на головную боль, и на своего еще не окончательно исцелившегося племянника. Энн желала лишь одного: любым способом избежать встречи с капитаном Уэнтвортом; впрочем, реальная возможность увильнуть от роли третьей стороны, сообщала дополнительную прелесть ее добровольному затворничеству.

Размышляя о капитане Уэнтворте, Энн приходила к мнению, что гораздо важнее, чтобы Фредерик следовал велению собственного сердца, не рискуя счастьем и покоем ни одной из барышень Масгроув и не нанося ущерба собственной репутации, не говоря уже о чести. Ну, а кого он там более предпочитает, Луизу или Генриетту, право же, не существенно. По всей вероятности, любая из сестер могла бы стать Фредерику любящей и преданной супругой. Что же касается Чарльза Хэйтиера, чувства Энн были уязвлены; она не могла не видеть легкомысленного поведения Генриетты и прекрасно знала, какие муки доставляет молодая особа Чарльзу Хэйтиеру; поэтому сердце Энн было преисполнено сочувствия к нему. Возможно, конечно, что Генриетте вдруг открылось, что прежние чувства ее были ошибкой; правда, внешне на ней это никак не отразилось.

Самого же Чарльза Хэйтиера в поведении кузины ставило в тупик и обижало очень многое. Учитывая давность их нежной дружбы, она никак не могла так скоропалительно отринуть Чарльза, словно принуждая его навсегда расстаться с надеждой и впредь не появляться в Апперкроссе; тем не менее, Генриетта, вне всякого сомнения, очень переменилась, и если допустить, что виновником этой перемены является капитан Уэнтворт, то у Чарльза имелись все основания для серьезного беспокойства. Чарльз отсутствовал всего лишь два воскресенья; прощаясь с Генриеттой перед отъездом, он уверился, что исключительно заинтересовал ее, признавшись, что в скором времени для него откроется возможность оставить навсегда нынешний свой приход, дабы обосноваться в Апперкроссе. Генриетта тогда озаботилась важностью обращения к преподобному доктору Ширли; это был местный настоятель, посвятивший более сорока лет служению Господу, каковое осуществлял, ревностно исполняя все возложенные

на него обязанности, определяемые саном священника; многие находили преподобного чересчур одряхлевшим, и полагали, что ему самое время подыскать себе помощника; следовало убедить преподобного, предварительно выговорив условия получше, чтобы он определил на эту значительную должность именно Чарльза Хэйтера. Исполняя службу в Апперкроссе, он освободится от малоприятной необходимости ежедневно преодолевать расстояние в шесть миль; кроме того, Чарльз получит под начало приход куда лучше его прежнего и будет удостоен чести служить подле самого преподобного доктора Ширли, а последний — драгоценный и замечательный преподобный Ширли освободится от мучительного бремени, возложив исполнение ряда обязанностей на Чарльза Хэйтера; все вышесказанное вызвало восторженное умиление Луизы, ну а о Генриетте — и говорить-то нечего! И вот Чарльз вернулся — и увы! Весь интерес к затеянному им предприятию растаял, наподобие дыма. Когда он вздумал было передать детали своей беседы с преподобным доктором Ширли, Луиза демонстративно воспротивилась, отказавшись слушать; она застыла у окна, словно кого-то высматривая, — а высматривала она капитана Уэнтворта. Чарльз всецело рассчитывал на Генриетту, но та смогла пожертвовать ему лишь крохотную частицу своего внимания; было похоже, что она напрочь позабыла о собственных чаяниях и тревогах, связанных с визитом к преподобному и лично ею высказанных непосредственно перед отъездом Чарльза.

— Да-да, славно, что же, я очень за тебя рада... собственно, я всегда была убеждена, что все получится. Мне казалось, что и ты был уверен в этом. Я, правда не предполагала... короче говоря, преподобному доктору Ширли решительно не обойтись без помощника, поэтому он и не мог не пообещать тебе... Ну что, Луиза, ты видишь его?!

Как-то поутру, вскоре после того обеда у Масгроувов, на котором Энн предпочла отсутствовать, — капитан Уэнтворт возник на пороге Виллы Апперкросс. В гостиной на тот момент никого не было, кроме Энн и малыша Чарльза.

Капитан Уэнтворт поразился; до него вдруг дошло, что он находится практически наедине с Энн Эллиот. Этого оказалось достаточно, чтобы капитан мигом утратил всегдашнее свое самообладание. Застыв посреди гостиной, он едва сумел проговорить: «Я полагал, что найду здесь... барышень Масгроув. Это все миссис Масгроув; она уверила меня, что я непременно застану их у вас, — и поспешил отойти к окну, дабы овладеть чувствами и определиться с тем, как ему вести в обществе Энн.

— Да, верно, они сейчас наверху, у сестры. Я положительно уверена, что они вот-вот спустятся, — пролепетала Энн, смешавшись. Не позови ее вдруг зачем-то ребенок, она бы, вероятнее всего, унеслась из гостиной, избавляя от нестерпимой неловкости как саму себя, так и Фредерика.

Капитан Уэнтворт по-прежнему стоял у окна. Он лишь учтиво и преувеличенно спокойно произнес: «Надеюсь, малыш идет на поправку», и более не проронил ни слова.

Энн вынуждена была преклонить колени подле дивана, повинувшись прихоти своего маленького подопечного; в воздухе повисло обоюдное молчание, продолжавшееся несколько бесконечно долгих минут и внезапно нарушенное; Энн вздохнула от неимоверного облегчения, когда послышался шум чьих-то шагов в прихожей. Она полагала, что это хозяин дома, Чарльз Масгроув, но ошиблась: это был некто, менее всего могущий способствовать снятию напряжения, — а именно Чарльз Хэйтер, который был не меньше потрясен, увидев капитана Уэнтворта, чем последний — заведя Энн.

Энн с трудом нашла силы выговорить:

— Как поживаете? Не угодно ли вам присесть? Сейчас все соберутся.

Капитан Уэнтворт собрался было оставить позицию, занимаемую им у окна, выказывая желание завязать беседу, однако Чарльз Хэйтер немедленно пресек намерение капитана, скользнув за столик и тотчас уткнувшись в газету. Капитан Уэнтворт вновь принялся глядеть в окно.

Мгновение спустя сцена вновь поменялась. Младший сын Мэри и Чарльза, отъявленный драчун и хулиган, каких мало, воспользовавшись тем, что кто-то снаружи не намеренно приотворил дверь, молнией влетел в гостиную, бесцеремонно запрыгнув на диван и крутя головой по сторонам в поисках очередного съедобного трофея, на который он мог бы предъявить неотъемлемые права.

Не приглядев для себя решительно ничего улаждающего вкус и утоляющего голод, шалун решил просто поиграть, но, поскольку тетя не позволила изводить ему дразнилками больного братика, он живо заключил ее в железные объятия, от коих Энн, стоявшей на коленях, да еще и занятой Чарльзом, было невозможно освободиться. Как ни убеждала она его, как ни отчитывала, как ни пыталась улестить — все было безуспешно. Под конец Энн каким-то чудом удалось высвободиться и оттолкнуть негодника, но он, изловчившись, атаковал ее со спины, и все вернулось на круги своя.

— Уолтер, — едва сдерживаясь, проговорила Энн. — Немедленно меня отпусти. Ты ведешь себя крайне скверно. Твоя тетя **ОЧЕНЬ** на тебя сердита!

— Уолтер, — прикрикнул на сорванца Чарльз Хэйтер, — ты почему это не слушаешь свою тетю?! Или не слышал, что она тебе велела?! Подойди ко мне, Уолтер. Твой дядя Чарльз должен с тобою поговорить.

Уолтер никоим образом не отреагировал.

Но почти сразу же Энн ощутила, что свободна; кто-то, невидимый ей, аккуратно снял Уолтера, настолько крепко уцепившегося за спину Энн, что пришлось методично отдирать пальчик за пальчиком; затем шумно протестующий Уолтер взмыл на чьих-то уверенных руках вверх, пропав из виду. И только тогда Энн поняла, кто явился ее спасителем. Капитан Уэнтворт.

Сделав подобное открытие, Энн была до того ошеломлена, что на какое-то время лишилась дара речи. Она буквально была не в состоянии даже поблагодарить капитана и только механически продолжала хлопотать над Чарльзом. Все чувства Энн были в смятении. Неожиданная помощь Фредерика, так и не произнесшего ни слова, затем череда мельчайших подробностей странного происшествия в гостиной, промелькнувшая перед ее мысленным взором... Одновременно в глубине души Энн родилось убеждение, что Фредерик, специально затеявший шумную возню с Уолтером, дабы отвлечь того от Энн, просто не имеет ни малейшего желания выслушивать ее благодарности, всем своим видом демонстрируя, что отнюдь не расположен беседовать с нею, — она почти уже была готова лишиться чувств от целого каскада переживаний и воспользовалась крайне своевременным появлением Мэри и барышень Масгроув; вручив им малыша Чарльза, Энн покинула гостиную. Да и как бы она могла остаться?! Ведь, по сути, ей была предоставлена возможность стать свидетельницей столкновения любви и ревности, переполняющей сердца собравшейся четверки. Но подобная перспектива едва ли могла показаться Энн привлекательной. Она убедилась, что Чарльз Хэйтер не выносит капитана Уэнтворта. На это указывала нотка раздражения, а то и гнева в его голосе, когда, после внезапного вмешательства капитана Уэн-



...кто-то, невидимый ей, аккуратно снял Уолтера...

творта, Чарльз Хэйтер не преминул строго отчитать распоясавшегося шалуна: «Ты должен слушаться меня, Уолтер! Если я запрещаю тебе докучать тетушке, ты должен повиноваться!», — Энн почувствовала, как досадует Чарльз Хэйтер на капитана Уэнтворта, поскольку Фредерик исполнил то, что надлежало совершить ему. Однако чувства Чарльза Хэйтера, да и вообще чьи бы то ни было чувства совершенно не занимали Энн. Ей следовало срочно разобраться со своими собственными. Она сгорала от стыда, что какая-то мелочь могла столь болезненно отразиться на ней и повлиять на ее поведение; да, она действительно перестала контролировать себя; что ж, теперь уже ничего не поделаешь с этим, что случилось — то случилось; однако Энн потребовалось немало времени, проведенного ею в полном уединении, чтобы она, поразмыслив обо всем, сумела собраться и окончательно прийти в себя.

ГЛАВА X

Довольно скоро перед Энн открылись новые возможности для совершения ею наблюдений. Она проводила достаточно много времени с четверкой, чтобы уразуметь одну важную особенность, о коей, однако, не спешила уведомить ни зятя, ни сестру, поскольку предчувствовала, что скорее расстроит их, нежели порадует; ведь пусть и случилось ей неоднократно отмечать, что, хотя именно Луизу капитан Уэнтворт удостаивает особенным вниманием, но он при этом не испытывает любви ни к одной из сестер, — весь жизненный опыт Энн, дополненный личными воспоминаниями, позволял прийти только к такому заключению. А вот обе барышни Масгроув наверняка влюблены в капитана Уэнтворта; впрочем, маловероятно, что в их случае это была настоящая влюбленность, — скорее уж детское восхищение. Однако последнее вполне могло перейти в любовь! С Чарльзом Хэйтером тоже было все понятно: до него, наконец-то, дошло, что им открыто пренебрегают, но порою у Энн складывалось впечатление, что Генриетта словно бы разрывается между двумя кавалерами. Энн ничего бы не пожалела за позволение свыше, которое позволило бы ей открыть глаза всей четверке, дабы уберечь их от множества опасностей, на которые они себя обрекают. Впрочем, она и теперь не предполагала, что кто-либо из них руководим дурными намерениями. Энн ощутила подлинную радость, убедившись в том, что капитан Уэнтворт не подозревал, как сильно он ее ранит. Никаких проявлений постыдного и достойного презрения торжества она у него не наблюдала. Куда проще было допустить, что Фредерику по-прежнему неведомы притязания Чарльза Хэйтера. Ну а обвинить капитана Уэнтворта можно было лишь в одном: он позволял себе пользоваться (именно пользоваться — лучше слова не подберешь!) любовным вниманием двух юных женщин одновременно, не полагая это за грех.

Чуть погодя, Энн показалось, будто бы Чарльз Хэйтер после непродолжительной борьбы ретировался с поля боя. Три дня кряду он не показывался в Апперкроссе; прежде такого не случалось никогда. Чарльз Хэйтер отверг даже формальное приглашение пожаловать к обеду; мистер и миссис Масгроув, вручая приглашение, застали его напряженно изучающим некий претолстый фолиант и предположили, что с молодым человеком, похоже, неладно. Возвращаясь домой с вытянутыми и не на шутку озабоченными лицами, Масгроувы пришли к выводу, что если так себя загонять, то легко и до смерти заучиться. Мэри лелеяла пламенную надежду, что Чарльз Хэйтер удостоился от Генриетты окончательной отставки, зато ее супруг надеялся на скорейшее возвращение кузена в Апперкросс. Ну а с точки зрения Энн, Чарльз Хэйтер повел себя вполне разумно.

Однажды поутру, когда Чарльз Масгроув и капитан Уэнтворт по заведенному у них обычаю проследовали в лес настрелять дичи, а Мери и Энн безмятежно посвятили себя рукоделью, в окне Виллы неожиданно возникли обе барышни Масгроув, явившиеся прямиком из Большого Дома.

На дворе стоял ясный ноябрьский денек, и барышни решили пройтись пешком. Завершив свое небольшое путешествие, они сделали краткую остановку у окна, дабы уведомить о запланированной ими дальней прогулке, а также выразить глубочайшее сожаление, что Мэри, скорее всего, вынуждена будет лишиться их чести своего общества, поскольку долгая ходьба едва ли может показаться ей привлекательной, на что Мэри, раздосадованная тем, что ее сочли неспособной к продолжительным прогулкам, с необыкновенной живостью вскричала: «О, да что вы, я невероятно люблю гулять и просто обожаю дальние прогулки!!!» — Энн прочитала во взорах барышень Масгроув, что они менее всего могли рассчитывать на подобную реакцию и даже еще менее желали участия Мэри в прогулке; в очередной раз подивившись странным обычаям дома Масгроувов, где все совершалось во всеуслышание и совместными усилиями, зачастую вопреки здравому смыслу и в ущерб душевному комфорту, Энн попыталась отговорить Мэри от не слишком удачной затеи, но так и не преуспела; и, поскольку барышням Масгроув теперь не оставалось ничего другого, кроме как пригласить на прогулку и ее, причем на сей раз совершенно искренне, Энн, без долгих колебаний, согласилась, поскольку надеялась, что, пройдя какую-то часть дороги вместе с барышнями Масгроув, они повернут с сестрой обратно, чтобы не лишать Луизу и Генриетту удовольствия от прогулки.

— Никак не могу понять, отчего это они выдумали, будто я не в восторге от долгих прогулок, — с недоумением проговорила Мэри, спускаясь по лестнице. — Вот вечно так: вообразят себе невесту что, а потом обижаются; уверена, они бы ужасно обиделись, откажись мы составить им компанию. Однако попробуй откажи, когда тебя так умоляют!

Уже выходя со двора, они столкнулись с Чарльзом Масгроувом и капитаном Уэнтвортом, воротившимися раньше времени. Оказалось, что взятый ими щенок испортил молодым людям всю охоту, вынудив вернуться домой. Имея вдоволь времени и сил, а также намерение развеяться, несостоявшиеся охотники с удовольствием присоединились к девушкам. Если бы Энн могла предвидеть нечто в этом роде, она, естественно, осталась бы на Вилле; но ей почему-то очень захотелось узнать, чем кончится затеянное ими предприятие, и она подумала, что будет крайне невежливо, если она сейчас вдруг откажется. Таким образом, все шестеро вышли в путь, увлекаемые барышнями Масгроув и в строжайшем соответствии с разработанным ими маршрутом.

Дабы никому не докучать, Энн сочла уместным находиться поближе к сестре и зятю. Она старалась проникнуться радостью от ходьбы и, любуясь прощальными улыбками года, коими он вознаграждал поблекшие травы и бурую листву, шепча про себя некоторые из наиболее пленяющих поэтических описаний осени, усвоенных ею из тысяч подобных же; осень всегда представлялась Энн совершенно особенной порой, пробуждающей все богатство воображение и самые затаенные чувства, — не зря же ведь все истинные сочинители непременно посвящали этой поре либо стихи, исполненные прозрачной нежности, либо вдохновенные прозаические творения. Энн очень хотелось целиком сосредоточиться на своих мыслях и уловленных памятью цитатах; но ей пришлось отвлекаться, поскольку внезапно до слуха ее донеслись отголоски разговора, затеянного капитаном Уэнтвортом с барышнями Масгроув. Энн не могла не прислушаться; впрочем, поначалу ничего заслуживающего внимания ей услышать не удалось. Капитан с барышнями шли, весело и непринужденно болтая о разных пустяках, как это всегда происходит меж молодыми людьми, к тому же близко знакомыми. И снова Энн подумала, что капитана Уэнтворта куда больше занимала Луиза, нежели Генриетта. Да, определен-

но, Фредерику было интереснее общаться с Луизой. И интерес этот укреплялся, стремительно возрастая. Внезапно Энн поразило одно из высказанных Луизой замечаний. Капитан Уэнтворт, отпустив очередной пышный комплимент великолепию этого дня, заметил:

— Превосходная погода для адмирала и моей сестрицы! Я слышал, что они затевали поездку к наиболее отдаленным уголкам. Нам, возможно, еще посчастливится разглядеть их двуколку с вершины какого-нибудь холма. Они, помнится, направлялись именно в эту сторону. Вот бы заранее узнать, где они опрокинутся! Вы не поверите, но подобное происходит с ними постоянно. Впрочем, сестрице моей это не причиняет неудобств, ей, по-моему, даже нравится падать!

— Ну вот! — воскликнула Луиза. — Вы опять сочиняете, капитан! Хотя, если это правда, то, думаю, я на ее месте вела бы себя в точности так же. И полюби я кого-нибудь так, как она любит адмирала, я вечно сопровождала бы своего избранника, не оставляя его ни на миг, и если бы даже, по его небрежению, мне приходилось выпадать из двуколки, это было бы несравненно лучше, чем ездить с кем-то другим, пребывая в совершенной безопасности!

Последние слова были произнесены Луизой с особенной горячностью.

— Да что вы?! — с жаром откликнулся капитан Уэнтворт. — Право же, это делает вам честь!

И после этого оба они какое-то время были безмолвны.

Энн тщетно пыталась вернуться к стихам; ее слишком взволновало услышанное. Пришлось сделать усилие, чтобы отвлечься от чарующих образов осени и воскресить в памяти исполненный печали старинный сонет, вызывающий восхищение изощренной точностью сравнения уходящего года с некогда пережитой радостью и заключающий в себе горькое сетование на неизбежное расставание с юностью, на утрату надежд и уход весны — по сути, на все сразу. Когда процессия подошла к началу новой тропы, Энн заставила себя поинтересоваться: «По-моему, это дорога на Уинтроп, не правда ли?». Ее вопрос, похоже, остался не услышанным. Никто так и не откликнулся.

А ведь Уинтроп, собственно, и был конечной целью их путешествия. Молодым людям подчас свойственно гулять по окрестностям, не сильно отдаляясь от дома. Нашей компании пришлось в течение довольно-таки продолжительного времени одолевать бесконечные общинные поля; всюду попадавшиеся им на глаза то могучий плут, то недавно вырытые борозды красноречиво убеждали, что, в отличие от поэтов с их безнадежными выводами, крестьяне истово верят в непременное возвращение весны. Наконец путешественники очутились на вершине изрядной горы, разделявшей Апперкросс и Уинтроп; внизу, у подножья ее, и располагалось само поместье.

Оно выглядело ничем не примечательным — неприметный и скучный и неимоверной длины дом с садом, намертво зажатый с обеих сторон служебными пристройками и покосившимися сараями.

Мэри вскричала от неожиданности:

— Боже! Да это же Уинтроп! Ничего себе! Вот уж не думала оказаться тут вновь... Так... думаю, нам давно уже пора отправляться в обратный путь. Признаться, я просто уже смертельно устала от этих беспрестанных хождений по полям.

Смущенная Генриетта, не видя, чтобы ее кузен Чарльз прохаживался по дорожке у дома или же стоял, облокотившись на калитку, склонна была уступить Мэри, но тут Чарльз Масгроув веско молвил: «Нет». Луиза, восторженно подхватив это «Нет» и

отстранив сестру, поспешила вплотную приблизиться к Чарльзу Мэстроуву, взволнованно готовясь услышать его объяснение.

Чарльз не обманул ожиданий Луизы; он храбро и просто признался, что хочет навестить тетюшку — тем более что до ее обители рукой подать. Столь же просто, хотя и не так храбро он постарался убедить Мэри, надеясь увлечь ее за собой. Однако в данном пункте власть Мэри была неоспорима; рассмотрев предложение немного отдохнуть, раз она так утомилась, Мэри гордо возвестила: «Да ни за что! Проще обойтись и вовсе без отдыха, чем снова штурмовать эту проклятую гору!», недвусмысленно давая понять как своим видом, так и тоном, что любые споры бесполезны.

Путешественники еще немного посовещались, а потом было решено, что Чарльз с Генриеттой все же навестят тетюшку и кузенов, а остальные будут дожидаться их возвращения здесь же, на вершине горы. Луиза, казалось, принимала чересчур живое участие в происходящем, поскольку припустила с горы за Генриеттой, продолжая на ходу шептать ей полезные наставления. Воспользовавшись удобным случаем, Мэри, не преминув величественно оглядеться по сторонам, обратилась к капитану Уэнтворту:

— До чего же, однако, досадно иметь подобную родню! Поверьте, что я и двух раз не переступала их порога.

В ответ Мэри удостоилась вежливой улыбки; когда же капитан Уэнтворт отворотился от Мэри, Энн заметила брошенный им вслед улыбке насмешливый взгляд, более чем ясно уразумев его значение.

Для более комфортного ожидания было выбрано прелестное местечко. Вскоре вернулась Луиза; Мэри, с превеликим комфортом устроившись на ступеньке перелазы, оставалась довольной, покуда находилась в гуще компании. Но стоило только Луизе увести капитана Уэнтворта в расположенный неподалеку орешник, под предлогом сбора орехов, конечно же, как Мэри вмиг помрачнела; от ее замечательного настроения не осталось и следа; даже устроенное ею сиденье уже не казалось ей таким удобным; громко посетовав на несовершенство сиденья, Мэри поделилась своей уверенностью в том, что Луиза наверняка уже присмотрела для себя сиденье гораздо более удобное, поэтому нужно и ей присмотреть для себя что-нибудь получше; как ни удерживали Мэри, но она ничего не желала слушать. Устремившись к калитке, которой воспользовались Луиза и капитан Уэнтворт, Мэри прошла далее, но не обнаружила их. Энн уже успела подобрать для Мэри новое место, несравненно удобнее, как раз на озаренном солнцем склоне, неподалеку от того самого орешника, в гуще которого, полагала она, вероятнее всего, и затаились Луиза с капитаном Уэнтвортом. Мэри, поколебавшись, ненадолго присела, но тут же вскочила на ноги и унеслась прочь, уверив Энн, что Луиза тоже подобрала для нее славное местечко, и теперь им необходимо его найти. Но Энн, которая к тому времени ощущала уже порядочную усталость, была рада посидеть и дать отдых ногам. Чуть погодя она услышала беседу Луизы и капитана Уэнтворта. Как и предполагала Энн, они пробирались сквозь густые заросли орешника, словно бы следуя узким и тесным коридором, и продолжали беседовать на ходу. Энн удалось расслышать следующее:

— ...Вот поэтому я и заставила ее туда пойти. Представьте себе! Из-за совершеннейших пустяков отказаться от задуманного! Вот, например, задумай я что-либо и полагая себя в полном праве совершить это, так неужели бы я вдруг передумала и отказалась?! Да еще из-за неуместного вмешательства подобной личности, — да нет, вообще какой-бы то ни было личности!!! Как же так можно?! Что ж, лично со мной такое бы не прошло. Уж если я решила — значит, так тому и быть! А поглядите на Генриетту: ведь, каза-

лось, все, приняла решение наведаться в Уинтроп; и тут же, повинувшись нелепой учтивости своей, едва все не отменила!

— Выходит, если бы вы не настояли, она бы туда не пошла?

— Именно так! Хотя, если честно, мне очень стыдно сейчас в этом признаваться.

— Счастье Генриетты, что рядом с нею находится человек, от природы наделенный здравым рассудком и твердой волей! Услышав от вас ряд намеков, которыми вы изволили со мной поделиться и которые отнюдь не идут вразрез с моими собственными наблюдениями, было бы просто нелепо с моей стороны делать вид, будто бы от меня сокрыт смысл происходящего. Я прекрасно понял, что вы имеете в виду не только утренний визит к тетушке. И горе ждет их обоих, если случится так, что, им суждено будет столкнуться с суровыми препонами своему счастью, и обстоятельства потребуют от них собраться с силами и явить всю твердость духа, если какие-то пустячные недоразумения могут родить в их душах столь нелепые противоречия. Спору нет, сестра ваша — очень мила, однако вам присущи удивительная стойкость и сила характера. Знаете, Луиза, если вам дорого счастье Генриетты, постарайтесь поделиться с нею вашей стойкостью, очень важно, чтобы ей как можно больше передалось от вас. Ну что ты будешь делать с этими уступчивыми и мягкими натурами... Ведь в случае с ними никогда нельзя полагаться на одно лишь влияние добрых чувств, поскольку никогда заранее не известно, как долго оно продлится. Увы, всякий распоряжается ими по-своему, принуждая их подчиниться его воле. Но тем, кто действительно мечтает обрести счастье, — им надлежит сохранять твердость! Вот, к примеру, этот орех, — произнес капитан, срывая его с ближайшей ветки, — поглядите: великолепный, гладкий орешек; благодаря заключенной в нем великой силе, он выстоял, преодолев все осенние бури. Он в точности такой же, каким и был изначально, — вы не найдете на нем ни трещинки, ни вмятинки. И этот вот пресловутый орех, — продолжил капитан уже меняя свой тон на шуточный, — в то самое время, когда остальных его собратьев постигла гибель, и они, упав на землю, были безжалостно растоптаны, — он до сих пор в полной мере наслаждается всем счастьем, какое может быть ниспослано свыше крепкому лесному орешку... — Далее тон капитана Уэнтворта обрел прежнюю серьезность. — Знайте же, Луиза, что всем, кто для меня дорог, я перво-наперво желаю непоколебимой силы духа. Если Луиза Масгроув мечтает и на закате дней своих оставаться такой же прекрасной, как сейчас, и не утратить счастья, ей следует проявить неусыпную заботу о сохранении своей твердости.

Этими словами капитан Уэнтворт завершил свою речь, на которую не последовало ответа. Да, признаться, Энн была бы крайне удивлена, если бы Луиза поспешила удовлетворить ответом столь необыкновенные слова, да еще и произнесенные с неподобным воодушевлением! Энн было несложно представить, что именно сейчас происходит в душе Луизы Масгроув. Она застыла как изваяние, боясь даже легонечко шелохнуться, дабы присутствие ее не было обнаружено. От этого ее, впрочем, надежно защищали раскидистые кусты. Луиза и капитан Уэнтворт миновали Энн, не догадываясь о ее присутствии, и стали удаляться. До Энн еще донеслись последние слова Луизы:

— Мэри, в сущности, не такая уж и злая, — сказала она. — Правда, временами, она доводит меня чуть ли не до иступления своей несуразной гордостью — ох уж эта мне хваленая гордыня Эллиотов... Мы ведь все мечтали, чтобы Чарльз женился на Энн. Вам ведь, наверное, уже известно, что он когда-то сватался к ней.

На мгновение капитан Уэнтворт замешкался, а потом спросил:

— Стало быть, она ему отказала?

— Ну да, именно что отказала.

— А когда это произошло?

— Да я точно уже и не помню, мы с Генриеттой тогда учились в школе... По-моему, все свершилось где-то за год до того, как Чарльз женился на Мэри. Очень жаль, знаете ли, что Энн отказала ему. Нам всем она нравилась куда больше; отец с маменькой и по сей день придерживаются мнения, что это устроилось исключительно стараниями ее дорогой подруги, леди Рассел, полагавшей, видимо, что Чарльз и близко не так умен и хорош, как ей требовалось, вот она и надала на Энн, убедив отказать ему.

Звук голосов постепенно затихал, и Энн уже более ничего не могла расслышать. Владевшие ею чувства заставляли ее по-прежнему пребывать в укрытии. Прежде, чем Энн удалось подняться, она успела передумать о многом... Естественно, ее не постигла участь особы из известной поговорки¹; но пусть и не было сказано в адрес ее ничего такого, что имело бы уничижительный для нее смысл, но услышанное очень больно задело Энн. Она поняла, какого мнения придерживается о ней и о ее характере капитан Уэнтворт, при этом последний выказал именно столько интереса к судьбе Энн, чтобы совершенно лишить ее самообладания.

Едва лишь Энн пришла в себя, она встала и отправилась разыскивать Мэри. Найдя же сестру и вернувшись с ней к ранее облюбованному всеми удобному местечку у перелаза, Энн обнаружила, что компания опять в полном составе и готовится выступить в обратный путь. Энн вздохнула с облегчением. Ее израненная душа требовала покоя и уединения, а подобные условия могли быть обеспечены единственно лишь пребыванием среди весело гадающего общества.

Чарльз и Генриетта, как можно было легко догадаться, вернулись не одни, а захватив с собою Чарльза Хэйтера. Энн даже не пыталась уяснить себе всех деталей их замысла, каковы, судя по всему, были сокрыты даже от капитана Уэнтворта; не вызывало сомнения одно бесспорное обстоятельство: стоило молодому человеку удалиться от пренебрегающей им юной дамы, как сердце ее переменялось, и он вновь сделался для нее привлекательным. Нельзя было не понять, что они ужасно рады снова оказаться вместе. Генриетта выглядела несколько смущенной, но это не мешало ей сиять от радости. Ну а Чарльз Хэйтер решительно был на седьмом небе от счастья. Влюбленные были поглощены друг другом еще прежде, чем было решено двинуться к Апперкроссу.

Теперь все обстоятельства указывали на то, что Луиза предназначена капитану Уэнтворту. Всем это представлялось само собой разумеющимся; было замечено, что и там, где дорога распадалась на узкие тропы, и там, где этого не происходило, Луиза с капитаном не разлучались, подобно другой парочке. Придя к широкому лугу, компания уже явно разделилась на три отдельных группы, несмотря на то что теперь-то уж пространства хватало с лихвой; Энн невольно вошла в тройку, представители которой не были в состоянии очаровать ни живостью нрава, ни даже внутренней сплоченностью. Шагая подле Чарльза и Мэри, Энн чувствовала себя настолько утомившейся, что ее охватывала радость всякий раз, когда ей удавалось опереться на свободную руку Чарльза Масгроува; Чарльз, весьма благоволивший к Энн, был, однако, весьма обижен на свою

¹ *Listeners never hear good of themselves* (Подслушивая, добра о себе не услышишь). Наиболее близкой по смыслу можно считать русскую поговорку: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали» (англ. вар.: «Curious Barbara's nose was torn off at the market»).

супругу. Мэри в недавнем общении с Чарльзом явила далеко не самую привлекательную сторону своей натуры, и теперь была вынуждена за это расплачиваться. Наказывая супругу за проявленную строптивость нрава, он вежливо, но непреклонно удаляя ее руку со своего плеча, предпочитая лупить хлыстиком по зарослям придорожной крапивы; когда же Мэри, по обыкновению, вздумала разразиться причитаниями и попенять ему за невнимательность, — они тогда как раз подошли к перелазу, — Чарльз и вовсе покинул ее, устремившись за низко пролетавшей ласточкой, и им пришлось долго его дожидаться, терзаясь от досады.

Широкий луг, который пересекала наша компания, граничил с проселком, который им так же надлежало миновать. Когда они почти уже достигли ворот, подъехал экипаж, шум колес которого был слышен еще издалека. На деле же экипаж оказался знаменитой двуколкой адмирала Крофта. Супруги, с честью преодолев многие мили определенного ими для себя маршрута, возвращались теперь домой. Будучи уведомленными о впечатляющем и надолго затянувшемся пешем походе, предпринятом молодыми людьми, адмиральская чета учтиво предложила единственное место, оставшееся свободным в двуколке, для той из дам, что устала более других; до Апперкрасса оставалось не менее мили, а адмиралу все равно было по пути. Предложение было обращено разом ко всем дамам, принимавшим участие в прогулке, и единодушно ими отвергнуто. Барышни Масгроув, каждая по-своему, были исполнены счастья, а потому не чувствовали усталости, а Мэри — та и вовсе вскипела, что приглашение не было обращено лишь к ней одной, а может быть, тут сыграла свою роль пресловутая «хваленая гордыня Эллиотов», как именovala ее Луиза, не допускающая ее втиснуться третьей в и без того уже более чем тесный экипаж.

Путники оставили за спиной проселок и вышли к другому полю; адмирал начал разогревать коня, и тут вдруг капитан Уэнтворт приблизился к сестре и что-то сказал ей вполголоса. О содержании его речи позволено было судить по последствиям.

— Ну конечно же! — вскричала миссис Крофт. — Мисс Энн, вы же совсем измощены! Уж позвольте мы доставим вас домой с ветерком! А насчет тесноты не переживайте — для нас троих тут места достаточно! А уж будь мы такими стройными, как вы, сюда бы и вчетвером можно было поместиться! Ну же, мисс Эллиот, мы просим вас присоединиться к нам.

Энн, замерев на проселочной дороге, попыталась вновь отказаться, но, начав колебаться, настоять на своем не смогла, тем более что и адмирал горячо поддержал супругу. Продолжать упираться было просто нелепо; адмиральская чета потеснилась в той мере, в каковой позволяло это сделать их телосложение, в то время как Чарльз Уэнтворт, с прежним бесстрастным выражением лица, обернулся к Энн и учтиво подставил руку, подсаживая ее в экипаж.

Да.

Он поступил именно так.

Энн, сидя в двуколке, уносившей ее к дому, размышляла, что она оказалась в экипаже лишь потому, что капитан Уэнтворт, каким-то образом почувствовавший, насколько она утомлена долгой прогулкой, посчитал необходимым поспешить к ней на помощь и сам, по собственной воле, поместил ее в экипаж. Энн, как она ни старалась, не могла определить своего нынешнего отношения к Фредерику, продиктованного совершенным им поступком. И это приводило ее в смятение. Казалось бы, совсем незначительное обстоятельство, но оно каким-то образом подытоживало все, что совершилось с ними

за последнее время. Энн теперь ясно понимала капитана Уэнтворта. Да, он не простил ее, да и не мог, наверное, простить, но, тем не менее, он все же не оставался бесчувственным по отношению к ней. Порицая Энн за ее давнишний поступок и наверняка лелея в душе обиду, решительно незаслуженную и мучительную, Фредерик был теперь вполне равнодушен к Энн, однако, даже устремляясь сердцем своим к другой женщине, он не мог равнодушно наблюдать за тем, как страдает Энн от крайней усталости. В этом для Энн словно бы проступал некий образ минувшего; случившееся можно было истолковать, как чисто дружеский порыв участия со стороны Фредерика, подтверждающий, что у него все то же нежное и отзывчивое сердце; и это удивительное открытие доставило Энн много радости и, одновременно, боли; исходя из собственных ощущений, она была не в силах понять, что же пересиливало.

Энн, стараясь хоть немного отрешиться от не дающих ей покоя мыслей, с грехом пополам поддерживала нить беседы с адмиральской четой, не отдавая себе толком отчета, о чем вообще идет речь. Двуколка с тремя попутчиками преодолела уже около половины проселка; дорога была невероятно тряская; и тут внимание Энн внезапно было привлечено именем «Фредерик»; она словно внезапно пробудилась:

— Наш Фредерик, Софи, как пить дать, будет свататься к одной из этих мамзелей, — веско молвил адмирал. — Правда, что-то не разберу, к какой именно. Самое время, как по мне, а то все тянет и не может решиться. И всему причиной — мирное время. Вот если бы сейчас была война, он бы мешкать уж точно не стал... Да, мисс Эллиот, наш брат моряк, особенно в военное время, не может позволить себе такой роскоши и до бесконечности ухаживать за барышней. Припомни-ка, душенька, сколько прошло времени с того дня, как я впервые приметил тебя, и до того, как нам с тобою удалось свить гнездышко в Северном Ярмуте, ну-ка?

— Лучше об этом и не вспоминать, душа моя, — хохотнула миссис Крофт. — Доведись мисс Энн узнать, как скоро мы сошлись, она ни за что не поверит в то, что мы с тобою вообще можем быть счастливы вместе. Справедливости ради, надо сказать, впрочем, что я тогда была уже о тебе изрядно наслышана.

— Так ведь и я слышал, душенька, что краше тебя не найти, так чего ж было раздумывать?! Нет, знаете ли, тут мешкать нечего. Вот и капитану Уэнтворту давно пора расправить паруса и живо привести юную зазнобу в келлинчскую гавань. С нами она уж точно не заскучает! Хотя я, признаться, все время этих барышень путаю; ну да невелика разница, может стать, ведь обе они симпатичные.

— Ты прав, они симпатичные и милые, очень искренние к тому же, — согласилась миссис Крофт, но не слишком, однако, убежденно, и это позволило Энн вынести подозрение насчет того, что миссис Крофт, похоже, не находит ни одну из барышень Масгров по-настоящему достойной своего дорогого братца. — ...Да ведь и семья у них такая почтенная. Думаю, лучшей родни нам и не найти. ...Мой дружок адмирал, поберегись столба! Мы сейчас точно в него врежемся!!!

Умолкнув, миссис Крофт резко выхватила вожжи из рук адмирала и тем избавила всех их от грозной опасности; благодаря ее совершенному управлению двуколкой, им также посчастливилось далее не угодить в канаву и — в довершение всего — не опрокинуться вместе с двуколкой; Энн, невольно наслаждавшаяся необычной и захватывающей ездой, пришла к выводу, что характерные особенности этой езды совершенно отвечают общему укладу жизни адмиральской четы. Так размышляя, Энн даже не заметила, как ее доставили прямо к воротам Виллы Апперкросс.

ГЛАВА XI

Близился день возвращения леди Рассел. Энн, как и было меж ними условлено, была готова к ней присоединиться, а потому готовилась перебираться в Келлингч, постоянно думая, что сулит ей грядущий переезд.

Она теперь окажется в более тесном соседстве с капитаном Уэнтвортом, ведь их будет разделять от силы полумиля расстояния. Отсюда неизбежные встречи в церкви, хождение в гости и тому подобное. Энн такая перспектива отнюдь не улыбалась, но как бы она могла избежать всего этого?! С другой стороны, капитан Уэнтворт теперь являлся настолько частым и неизменным гостем в Апперкроссе, что, уезжая, Энн в большей степени отдалялась от Фредерика, нежели приближалась к нему; и чем больше обдумывала Энн о своей ситуации, тем больше казалось ей, что он не только не проиграет от переезда, но, напротив даже, выиграет — причем столь же серьезно, как выигрывала она, вновь обретая общество леди Рассел и будучи избавленной от необходимости каждодневного общения с бедняжкой Мэри.

Энн предпочла бы не встречаться с капитаном Уэнтвортом в Келлингч-холле. Стены ее родного дома еще заключали в себе память о встречах совсем иного рода, о коих сейчас ей было бы нестерпимо больно вспоминать. Но еще важнее для нее было не допустить встречи капитана Уэнтворта с леди Рассел. Они всегда были не в восторге друг от друга, поэтому о возобновлении прежнего знакомства речи, в сущности, и не шло. И, вероятно, повстречай леди Рассел их вместе, она нашла бы, что Фредерик, в отличие от Энн, чересчур хорошо владеет собой.

Важнее вышеозначенных забот для Энн сейчас ничего не существовало. Она чувствовала, что порядочно уже загостилась в Апперкроссе, хотя, вне всякого сомнения, ее двухмесячное проживание на Вилле всецело оправдывалось хотя бы ее вниманием к маленькому и все еще хворающему Чарльзу. Однако он со дня на день обещал окончательно поправиться и, пожалуй, теперь для Энн иных дел на Вилле не оставалось.

В самом конце пребывания Энн в Апперкроссе неожиданно возымело место деликатное обстоятельство, которое застало Энн врасплох. Капитан Уэнтворт, на протяжении целых двух дней не показывавшийся на Вилле и не подававший известий о себе, вновь появился с визитом, готовясь примерно оправдаться за столь непростительное и долгое отсутствие.

Так случилось, что давнее письмо от капитана Харвила к капитану Уэнтворту, целую вечность следовавшее за адресатом, в итоге настигло его. Из письма друга капитан Уэнтворт узнал, что Харвил решил будущую зиму провести с семьей в Лайме; проживая в двадцати милях один от другого, они просто обязаны были увидеться. Два года тому назад капитану Харвилу ужасно не повезло: он получил жестокое ранение, последствия которого ощущал до сих пор, а потому не имел возможности кичиться особо крепким здоровьем. Капитан Уэнтворт, долго откладывавший визит к другу, нако-

нец, не утерпел и помчался в Лайм, где и провел с дорогим товарищем своим целые сутки. Вот, собственно, этим и объяснялось его отсутствие. Капитан Уэнтворт, естественно, был тотчас прощен, а его приверженность старому другу заслужила всеобщее одобрение; что касается его друга, то на капитана обрушился целый град вопросов, говорящих о живом и неподдельном интересе к личности капитана Харвила; ну а когда капитан Уэнтворт приступил к описанию окрестностей Лайма, то был в ответ вознагражден самым трепетным вниманием, о каком только можно было мечтать; общество пребывало в таком восторге, что у всех возникло желание немедленно отправиться туда всей компанией и лично убедиться в справедливости слов рассказчика.

Молодежь отчаянно мечтала о поездке в Лайм. Учитывалось и то, что капитан Уэнтворт имел намерение в самом скором времени отправиться туда в очередной раз. Лайм отстоял от Апперкрасса всего лишь в семнадцати милях; погода, надсмехаясь над календарем, поражала великолепием; а тут еще и Луиза, сильнее всех стоявшая за немедленную поездку в Лайм, отказалась уступить мольбам родителей, убеждавших ее повременить со столь непростым путешествием или, по крайней мере, хотя бы отложить его до лета; не зря она в последнее время придерживалась мнения, что своеволие — лучшая добродетель; и вот, наряду с капитаном Уэнтвортом, в Лайм выехала целая кавалькада: Чарльз Масгроув, Мэри, Энн, Генриетта и, конечно, Луиза.

Поначалу возникло не слишком продуманное решение выехать рано утром, дабы к вечеру уже воротиться, но вмешался мистер Масгроув и, страшась, что лошадей загонят до смерти, воспротивился ему. Что и говорить, все-таки на дворе стоял уже ноябрь, отчего на любование красотою у молодых людей почти не осталось времени, особенно, к тому же следовало вычесть семь часов на путь туда и обратно, да еще по скверной дороге. Было сочтено более разумным заночевать в Лайме, а возвращаться на следующий день, где-то к обеду. Новое решение было не в пример мудрее и всех удовлетворило. Сойдясь спозаранок за завтраком в Большом Доме, путешественники выехали в строго оговоренный час, однако, когда два экипажа, а именно — карета мистера Масгроува, вместившая четырех дам, и бричка его сына Чарльза, где он помещился на пару с капитаном Уэнтвортом, благополучно справились с непростым и затяжным спуском к Лайму, достигнув главной его улицы, резко убегавшей вниз, — вдруг оказалось, что уже изрядно перевалило за полдень, и развеселая компания, даже не оглядевшись толком по сторонам, спешно двинулась на поиск гостиницы, стараясь успеть до того, как зайдет солнце и похолодает.

Путники устроились на ночлег в облюбованной ими гостинице и, распорядившись относительно обеда, не преминули отправиться на берег моря. Традиционные увеселения Лайма невозможно оценить осенней порой. Почти все дома стоят заколоченными, кроме тех, где обитает местная публика; городские постройки не заслуживают какого-либо внимания, но необычное расположение самого города, его знаменитая главная улица, словно бы завершающаяся в морских глубинах, а также идущая по берегу небольшой и прелестной бухты дорога на Коб, с ее причудливыми извивами, — в летнее время эти места привлекают массу гостей, и там становится весьма оживленно; право же, не менее примечателен и сам Коб, окруженный с востока скалами умопомрачительной красоты и встречающий гостей древними чудесами и сверхсовременными нововведениями буквально на каждом шагу. Вышеозначенные дивные красоты мгновенно притягивают взоры тех, кто открывает их впервые; и, пожалуй, на редкость

странным можно счесть того путешественника, который, в отличие от прочих, не пленяется мгновенно Лаймом и не ощущает в душе желания задержаться там подольше, дабы по-настоящему открыть для себя этот город. Совсем недалеко от Лайма располагается Чармут, с его неровными, то возносящимися, то упдающими вниз улочками и укромной бухтой с безмятежными водами; ее надежно сторожат темные утесы, окружая со всех сторон; придя туда, вы легко отыщете плоский камень, не вполне скрытый песком, и, восседая на нем, испытаете истинное блаженство и насладитесь душевным покоем, а также сможете завороживающим зрелищем того, как на погогий берег набегают седые волны, дабы тотчас же отхлынуть и вернуться вновь... А еще можно наведаться в деревенку Верхний Лайм и насладиться тамошними лесами, возникшими словно из волшебной сказки. Но прежде всего вам нужно попасть в Пинни, в это царство глубоких изумрудных расщелин, проглядывающих среди причудливых романтических глыб; там величественные лесные деревья, перемежаясь с пышными садами, словно бы доносят до вас печальную истину, и вы ощущаете, какая бездна столетий минула с некоего изначального мгновения, когда посредством самого первого непроизвольного обвала здешняя земля изначально прочувствовала неизбежность сотворения той несравненной красоты, что мы видим ныне, — красотой, что позволяет ей играючи состязаться с легендарными красотоми острова Уайт; эти места более чем заслуживают, чтобы вы посещали их раз за разом, ибо лишь так вы сумеете по-настоящему открыть для себя Лайм и тайну его несравненного обаяния.

Компания молодых людей все шла и шла, оставляя за спиной унылые и покинутые всеми дома. Им приходилось то подниматься по дороге, то спускаться, покуда они, в конце концов, не оказались на берегу; замерев там ненадолго и заглядевшись на море, как обыкновенно случается с теми, кто готов и внутренне достоин его лицезрения, молодые люди направили свои стопы к Кобу, имевшему для них дополнительную притягательность хотя бы уже потому, что сей городок был пунктом назначения, как, впрочем, и целью самого путешествия для капитана Уэнтворта, поскольку именно в Кобе, в крохотном домике, почти прилепившемся к ветхозаветному молу, и обосновалось семейство капитана Харвила. Там компания разделилась: капитан Уэнтворт, свернув с дороги, двинулся к дому друга, а прочие проследовали дальше, заранее уговорившись с капитаном, что он непременно их догонит.

Путники еще не успели утомиться, отдавая должное великолепию видов, и даже Луиза еще не начала тосковать в разлуке с капитаном Уэнтвортом, как вдруг он сам, сопровождаемый тремя незнакомцами, которых, впрочем, тотчас узнали по изумительно точным описаниям капитана. То были капитан Харвил, его молодая супруга и проживавший с ними капитан Бенвик.

Некогда, капитан Бенвик, будучи еще лейтенантом, тоже имел честь ходить на «Лаконии»; аттестация, данная ему капитаном Уэнтвортом по первом же возвращении своем из Лайма, а особенно сообщенная им история личной жизни капитана Бенвика оказались таковыми, что произвели поистине незабываемое впечатление на женское общество. Капитан Уэнтворт особо выделил, что товарищ его — не просто превосходный офицер, а еще и человек, каких мало, причем сделал это в самых подобающих выражениях. Выяснилось, что капитан Бенвик был некогда обручен с сестрой капитана Харвила; в настоящее время он, исполненный скорби, соблюдал по ней траур. Им с супругой в продолжение двух лет пришлось ожидать продвижения Бенвика по службе, равно как и средств для начала совместной жизни. Средства появились, когда Бенвик героически

проявил себя в битве, за что и было ему пожаловано щедрое вознаграждение. А позднее состоялось и долгожданное продвижение по службе, но только Фанни Харвил, скончавшаяся минувшим летом, когда Бенвик был в море, его уже не дождалась. Капитан Уэнтворт объявил, что, на его взгляд, едва ли возможно любить женщину сильнее, нежели любил свою Фанни бедный старина Бенвик. И немислимо так иступленно переживать невосполнимую утрату. По мнению капитана Уэнтворта, сама внутренняя природа капитана Бенвика такова, что он изначально был обречен Судьбой претерпевать неизбывные страдания, поскольку в нем глубина чувств неизменно сочеталась с тихим и серьезным нравом, дополняемым склонностью к уединению; Бенвик также отличался беспримерной усидчивостью и любовью к чтению. Уникальность истории, которую поведал капитан Уэнтворт, дополнительно подкреплялась тем обстоятельством, что личное горе, постигшее капитана Бенвика и, казалось бы, навеки отказавшее ему в становлении родства посредством женитьбы, наоборот, лишь укрепило узы подлинной дружбы между Харвилами и капитаном Бенвиком, и последний неспроста проживал с ними; они и впрямь стали семьей, к несомненной радости Фанни Харвил, пребывающей на Небесах. Домик, где они втроем обитали в согласии, был нанят капитаном Харвилом; его предпочтения в вопросах жилья, слабое здоровье и не слишком значительные средства — все это подвигало выбрать простой и недорогой дом на побережье; что до капитана Бенвика, то необыкновенная притягательность местных красот и малолюдность, столь характерная для Лайма в зимнюю пору, как нельзя лучше отвечали его обычному умунастроению. В нежных сердцах наших юных дам личность и судьба капитана Бенвика пробудила особенно горячее сочувствие.

«А все же, — рассуждала Энн, наблюдая за приближением капитана Уэнтворта и его спутников, — сердце Бенвика разбито уж никак не больше моего. Не уверена, что для него все пути к счастью закрыты. Он, думаю, моложе меня, и если даже не возрастом, то наверняка душой. Он — мужчина. Довольно и этого. Бенвик непременно еще воспрянет и сможет обрести счастье с другой».

И вот все, наконец, встретились и были друг другу представлены. Капитан Харвил был высок и темноволос, с добрым и умудренным жизнью лицом, грубоватые и резкие черты которого, вкупе со слабым здоровьем, порядочно его старили; он выглядел гораздо старше капитана Уэнтворта и при ходьбе слегка прихрамывал. Капитан Бенвик был моложе товарищей и уступал им в росте. Как и ожидалось, на миловидном лице его лежала печать грусти. Бенвик практически не принимал участия в беседе.

Капитан Харвил, конечно же, не мог тягаться с капитаном Уэнтвортом — тот явно затмевал его своим блеском. Однако Харвил выглядел человеком безупречным и учтивым; в нем тотчас угадывался открытый и добрый нрав. Миссис Харвил была попроще супруга, однако вовсе не уступала ему в добродушии, обнаруживая удивительную и несравненную готовность заключить дружеские отношения с теми, кому даровано счастье состоять в дружбе с капитаном Уэнтвортом, и с беспримерной настойчивостью и чистосердечием приглашать отобедать у них дома. Узнав, что гости удосужились уже заказать обед, миссис Харвил, скрепя сердце, позволила им вернуться в гостиницу и, судя по всему, до слез разобиделась на капитана Уэнтворта за то, что нагрянув с такой толпой народа в Лайм, он не привел их всех к ним на обед.

В обхождении друзей с капитаном Уэнтвортом проступала фантастическая преданность, каковую они питали к нему. И до чего же славно выглядело неподдельное их радушие по сравнению с избыточной манерностью обычных приглашений

на обед и утомительной чопорностью самих этих обедов; Энн они показались до того настоящими, что она даже испугалась столь стремительного сближения с братьями-моряками. «Ведь это же могли быть сплошь мои друзья», — то и дело приходило ей на ум, и приходилось вновь собирать все силы, чтобы тут же не расплакаться от душевных терзаний.

Уйдя с мола, молодежь всей гурьбой наведальась в гости к новым друзьям и, переступив порог, прошли в комнаты ну прямо до того уж тесные, что, лишь обладая необъятной широтой души, можно было отважиться на устройство званого обеда для такой многочисленной компании. Энн, будучи отчасти обескуражена, считала было причиной всему особую простоту местных нравов, но вскоре ее первое впечатление было замещено более чем приятными чувствами, каковые пробудило в ней поразительное умение капитана Харвила самым плодотворным образом использовать то скромное пространство, что его семья могла себе позволить. Он кардинально усовершенствовал заемную утварь, не забыв позаботиться о дополнительном укреплении окон и дверей, долженствующих надежно защищать хозяев от неизбежных и лютых зимних бурь. Сама обстановка комнат тоже поражала своеобразием, поскольку с довольно-таки неприглядной и наверняка тоже заемной мебелью, представленной неуклюжими и мертвыми предметами, волшебным контрастировали мастерски выполненные изделия из редких древесных пород; повсюду также усматривалось великое обилие ценных заморских диковин, доставленных капитаном Харвилем из дальних стран, что он повидал; Энн, видя все это, была не просто поражена: она понимала, что все в этом доме неразрывно связано с поприщем Харвила, все это были плоды его настойчивых и необыкновенных трудов, и в них были запечатлены его душевные пристрастия и склонности; а главное — все в этом доме свидетельствовало о семейном счастье и душевном покое, воздействуя на Энн и затрагивая самые затаенные ее чувства.

Капитан Харвил не был особенно предрасположен к чтению, это так, но зато именно он устроил навесные книжные полки, поражавшие удобством и красотой. На полках этих поместились изящно переплетенные тома, коих было целое собрание и принадлежало оно, несомненно, капитану Бенвику. Хромота Харвила не позволяла ему совершать больших прогулок, но, обладая добрым сердцем и богатым воображением, он, пусть даже вынужденный по большей части пребывать в четырех стенах, постоянно был чем-то занят, совершенно не ведая праздности. Он что-то чертил, красил, резал, клеил, мастерил игрушки для детей, изобретал необыкновенные спицы и булавки; когда же все домашние дела его были завершены, Харвил устраивался в уголке, починая большой невод для уловления рыбы.

Выйдя от Харвелов, Энн почувствовала, как у нее сжалось сердце: она словно бы прощалась навсегда с живым воплощением семейного счастья. Оказавшаяся рядом с нею Луиза, в извечной своей восторженной манере, на все лады превозносила моряков и их верность дружбе, братское самопожертвование, прямой нрав, бескорыстие и честность, заявив под конец, что навряд ли во всей Англии отыщутся мужчины, коим удалось бы сравниться с моряками, потому что моряки — вообще уникальные существа и им открыто тайное искусство добродетельной жизни, и лишь они заслуживают почитания и любви.

Тем временем путешественники добрались до гостиницы, выбранной ими для ночлега, где они намеревались переменить платье и отобедать. Их визит в Лайм изна-

чально задался, в этом не приходилось сомневаться; им нравилось буквально все вокруг, а потому столь странными и неуместными представлялись непрестанные извинения хозяев гостиницы, сетующих, что «сейчас, увы, не сезон», «Лайм ныне совсем уже не тот», «да кабы знали мы, что такие благородные гости пожалуют» — и далее в таком же роде.

Вопреки своим ожиданиям, Энн настолько уже закалилась и привыкла к неизбежности постоянного пребывания в обществе капитана Уэнтворта, что, в очередной раз деля с ним стол и даже бегло обмениваясь любезностями, решительно ничего не значащими (и не возымевшими, естественно, какого-либо развития), почти не ощущала уже неловкости.

Уже стояли густые и непроглядные осенние ночи, в силу чего дамам предстояло разлучиться до утра, но капитан Харвил посулил, что непременно еще заглянет в гостиницу, дабы помочь им скрасить вечернюю скуку. И он не нарушил обещания, заявившись к тому же не в одиночестве, а в компании друга, коим, неожиданно для всех, оказался капитан Бенвик. Все были убеждены, что капитан Бенвик, натурально, старается избегать малознакомых и шумных сборищ, и вдруг он, сумев, по всей видимости, отрешиться от неизменной печали, решился снова присоединиться к компании гостей.

Капитаны Уэнтворт и Харвил вдохновенно развлекали дам, уединившись в дальнем углу залы; они вспоминали былое и непрестанно рассказывали пресмешные анекдоты, чем невероятно угождали благодарным слушательницам; Энн и капитан Бенвик пребывали несколько в стороне от них; повинуясь внезапному порыву участия, Энн предприняла попытку хоть немного его разговорить. Поначалу капитан Бенвик, молчаливый и задумчивый, выглядел скованным. Однако он в итоге не смог устоять перед спокойным лицом и мягким, ненавязчивым обхождением Энн, и та порадовалась, что ее усилия были не напрасны. Бенвик, как и следовало ожидать, был весьма начитан, но более всего сведущ в поэзии; воодушевленная тем, что, пусть даже лишь на один вечер, она даровала ему возможность глубоко затронуть в беседе преважные для него темы, отнюдь не занимательные для всегдашнего его окружения, Энн также очень надеялась, что помогла Бенвику осознать всю необходимость борьбы с унынием, к чему, собственно, призывало само содержание их разговора.

В Бенвике природная стеснительность отнюдь не потворствовала скрытности. Наоборот, его переполняла радость, что неожиданно представился удобный случай открыться собеседнице; капитан Бенвик пустился в рассуждения о поэзии, о несомненном поэтическом ренессансе и о своеобразии таланта некоторых особенно выдающихся поэтов, попытавшись проанализировать, превосходит ли «Мармион», скажем, «Озерную деву»¹ или, в действительности, все обстоит иначе; раскрепостившись окончательно, он перешел к анализу «Абидосской невесты» и «Гяура»², также поделившись с Энн своим мнением по поводу правильного произношения слова «Гяур», а затем с блеском продемонстрировал глубокое знание всех без исключения сентиментальных баллад одного выдающегося поэта, присовокупив к этому

¹ «Мармион» (Marmion: A Tale of Flodden Field, 1808) — роман в стихах, принадлежащий перу Вальтера Скотта, сочинившего также и поэму «Озерная дева» (The Lady of the Lake, 1810).

² «Абидосская невеста» (The Bride of Abydos, 1813) и «Гяур» (The Giaour, 1813) — поэмы Дж. Г. Байрона.



Он что-то чертил, красил, резал, клеил...

захватывающие описания мук отчаяния, сотворенные уже другим поэтом; увлекшись, капитан Бенвик продекламировал Энн трогательные строки о разбитом сердце, о гордом и сильном духе, над коим возобладали кипучие страсти, — все это он проделывал, имея вид столь вдохновенный и решительно не допуская, казалось, самой мысли, что Энн способна не вполне уразуметь его речи и отказать им в своем сочувственном отношении, и тогда она сама отважилась поделиться с капитаном Бенвиком своей надеждой, что в жизни он руководствуется не одной лишь поэзией, признавшись в глубоком убеждении своем, что поэзия — это опасная стихия, и за наслаждение ее плодами всегда приходится платить жестокую цену, а сами поэтические творения впечатляют нас в большей степени именно в том состоянии души, что менее всего пригодно для поэтических погружений. Увидя же и испытав облегчение от того, что капитан Бенвик не только не обижен ее словами, но, напротив, растроган тонким намеком Энн на переживаемую им трагедию жизни, она позволила себе продолжить; апеллируя к своему несомненному праву старшинства, Энн убедительно порекомендовала капитану Бенвику обратиться к чтению прозы, а когда тот обратился к ней с вопросом, прозу каких авторов она имеет в виду, привела ряд талантливейших имен, принадлежащих писателям, давно уже снискавшим славу нравственных учителей наших, дополнительно указав на эпистолярные собрания, составленные из писем и воспоминаний людей, обладавших бесчисленными достоинствами и познавшими бездну страданий, — по мнению Энн, лишь такие книги способны явить высочайший пример душевного терпения и благородных помыслов, каковые способствуют укреплению духа.

Бенвик внимал Энн с напряженным вниманием, всем своим видом выражая неподдельную благодарность за то, что она проявила к нему серьезное и неподдельное внимание. Правда, капитан Бенвик, слушая Энн, сокрушенно покачивал головой, тяжело вздыхая и, словно бы давая этим понять, что очень мало рассчитывает на помощь книг, поскольку навряд ли они помогут ему исцелиться от несравненного его горя, однако он все же старательно записал рекомендованные ему названия, твердо пообещав прочесть их, как только представится подобная возможность.

По завершении вечера, Энн, невольно улыбнувшись, не могла не поздравить себя с тем, что установила истинную цель своего визита в Лайм: выходит, ей было заранее предопределено наставлять совершенно незнакомого молодого человека в великой пользе терпения, но она, подобно величайшим моралистам и проповедникам, едва ли была в состоянии подкрепить шедевры своего красноречия, основываясь на примере собственной жизни.

ГЛАВА XII

Энн и Генриетта, обнаружив поутру, что встали ото сна раньше всех, пожелали до завтрака спуститься к морю. Ступив на песок, они самозабвенно любовались волнами прилива, почти достигавшими их ног. Девушек овеял нежный юго-восточный бриз, коему пологий берег позволял явить все свои чары. Они в полной мере отдали должное прекрасному утру; восхитились величием моря; согласно заключили, что свежесть ветра более всего ощутима у самой кромки берега, — далее сказать им было нечего, и они умолкли. Безмолвие было внезапно нарушено Генриеттой, которая сказала:

— Да! Я решительно придерживаюсь мнения, что морской ветер необыкновенно полезен, причем для всех без исключения. Помню прекрасно, насколько был он благотворен для преподобного доктора Ширли, когда тот по весне приходил в себя после болезни, прохворав чуть ли не около года. Он тогда уверял нас, что проведенный им в Лайме месяц оказался для него более действенным, нежели все назначенные ему лекарства, присовокупляя, что, стоит лишь ему приехать к морю, как он тотчас чувствует себя словно помолодевшим. И я подумала сейчас, как жалко, что он лишен возможности постоянно жить у моря. Вот бы он бросил Апперкросс, да и перебрался сюда, в Лайм! Право же, Энн! Согласись, что так было бы куда лучше для него самого и для миссис Ширли, правда ведь? У миссис Ширли, помнится, тут живет родня, и разных знакомых не счесть; полагаю, ей самой жилось бы тут гораздо веселее, вдобавок и помощь всегда под рукой, случись что вдруг опять с преподобным. Ну до чего же грустно, что столь достойные люди, как преподобный и миссис Ширли, сделавшие всем столько добра, обречены теперь убого завершать свои дни в Апперкроссе, где им, по правде, и словечком-то перемолвиться не с кем. Уж хоть бы кто из друзей ему намекнул по-дружески; я даже считаю, что это прямой их долг. Едва ли церковное начальство воспротивилось бы подобному намерению с его стороны. Только вот как он сможет расстаться с паствой? Преподобный доктор Ширли — приверженец строгих понятий в исполнении церковной службы. Пожалуй, чересчур истовый приверженец, добавила бы я. Согласись, Энн, разве это не чересчур — жертвовать своим здоровьем, да и вообще собой во имя обязанностей, каковые вполне можно было бы поручить другому человеку? А с учетом того, что Лайм всего в семнадцать милях от Апперкросса, преподобному не составило бы труда вернуться при возникновении у его заместителя каких-либо сложностей при отправлении службы, правда ведь, Энн?

В продолжение взволнованного монолога Генриетты Энн неоднократно улыбалась про себя, и, желая всей душой войти в положение девушки и ее молодого человека, постаралась дать приличествующий ситуации ответ — но что, помимо общих выражений и прописных истин могла она сейчас изречь? Поэтому Энн сказала то, что сочла необходимым; согласилась, что преподобный доктор Ширли решительно заслуживает право удалиться на отдых; высказала предположение, что было бы крайне

удачно, найдись вдруг прилежный, деятельный и безукоризненно честный джентльмен, каковой оказался бы в состоянии принять на свои плечи тяжкое бремя заботы о пастве, и даже изволила деликатно намекнуть, что для получения подобной должности этому джентльмену надлежит быть женатым.

— Эх, если бы... — мечтательно начала Генриетта, пребывая в восторге от наимудрейшей своей собеседницы, — ...если бы только леди Рассел жила в Апперкроссе и находилась бы с преподобным в дружеских отношениях! Мне приходилось слышать, что сила ее влияния на людей поражает, поскольку она способна убедить кого угодно и в чем угодно! Я, признаться, даже немного боюсь ее — я уже говорила тебе об этом — даже очень боюсь, а все оттого, что она такая умная. Но я все равно невероятно уважаю леди Рассел и ничего бы не пожалела для того, чтобы у нас в Апперкроссе поселилась бы такая бесценная соседка!

Энн подивилась тому, довольно необычному, скажем так, способу, что избрала Генриетта для выражения благодарности; ей было забавно сознавать, что с учетом того, какой оборот приняли события, все без исключения представители семейства Мэстроув должны благоволить к верному и надежному ее другу — леди Рассел. Энн, однако, едва успела выразить мимоходом надежду на то, что есть немалая вероятность на появление такой полезной соседки в Апперкроссе, и умолкла: навстречу им направлялись капитан Уэнтворт с Луизой, тоже вознамерившиеся прогуляться. Луиза, толком не поздоровавшись, спохватилась, что как раз собиралась купить какую-то мелочь в здешней лавке, и принялась увлекать за собою и остальных, коим ничего не оставалось, кроме как учтиво повиноваться.

Когда наша четверка приблизилась к лестнице, что вела от берега наверх, некий господин, готовившийся в тот самый момент спускаться, воздержался от этого, галантно пропуская всю компанию. Они поблагодарили и, не мешкая, преодолели лестницу; проходя мимо незнакомца, Энн бросила взгляд на его лицо, чем-то необыкновенно ее заинтересовавшее. Незнакомец не отвел взора, откровенно любуясь Энн, и той весьма польстило столь явное изъяснение восторга. Энн сейчас и впрямь выглядела очень привлекательно; благодаря свежему ветру, на щеках ее играл нежный румянец, а глаза блестели от наслаждения чудесным утром — все это на какое-то мгновение невольно придавало былую прелесть некогда обворожительным ее чертам. И незнакомец, к тому же еще и джентльмен, что не вызывало сомнений, от души восхитился ее внешностью. Это явно не укрылось от внимания капитана Уэнтворта, который, стремительно обернувшись, удостоил Энн беглого взгляда. В этом взгляде читалось: «О, похоже, вы необычайно приглянулись этому человеку — я почти уверовал сам, что предо мною на мгновение предстала прежняя Энн Эллиот».

Дождавшись совершения Луизой необходимых ей покупок, они еще немного прошлись сообща по улочкам города, а затем вернулись в гостиницу; спеша перейти из своей комнаты в столовую, Энн вновь наткнулась на того самого незнакомца джентльмена, коего повстречала на берегу, — он как раз выходил из соседней двери. У Энн было время, чтобы догадаться: незнакомец, подобно им, явно не местный, а лакей-красавец, замеченный ею у подъезда, — почти наверняка состоит у него в услужении. Догадка Энн дополнительно подкреплялась и еще одной деталью: оба они носили траурное одеяние. Теперь обнаружилось, что они, кроме того, проживают в одной гостинице с ним. И, сколь ни мимолетна была эта вторая встреча, Энн совершенно уверилась в том, что незнакомец находит ее очаровательной, а то, в каких изысканных

выражениях он принес ей свои извинения, указывало на принадлежность его к высшему свету. Внешне казалось, что незнакомцу не более тридцати лет. Назвать его писаным красавцем, пожалуй, было нельзя, но, в любом случае, он был весьма пригож собою. Энн почувствовала, что ей не терпится узнать его имя.

Завтрак подходил уже к завершению, когда с улицы послышался резкий скрип рессор (едва ли не впервые по прибытии наших путешественников в Лайм), что заставило всех приблизиться к окну. Это была бричка, запряженная парой лошадей; ее подали, по всей видимости, от конюшни прямо к крыльцу, по причине чьего-то отбытия. На козлах восседал лакей в траурном одеянии.

Стоило прозвучать только слову «бричка», как Чарльз Мастоуэ в мгновение ока оказался у окна, сгорая от желания сравнить достоинства ее с теми, коими обладало собственное его средство передвижения; траурный лакей еще пуще возбудил любопытство Энн; но тут, покуда все шестеро молодых людей тесно сгрудились подле окна, хозяин брички, сопровождаемый угодливыми поклонами гостиничных хозяев, быстро сошел с крыльца и, усевшись в экипаж, отбыл.



— О! — воскликнул тут капитан Уэнтворт, со значением взглянув на Энн. — Да это тот же самый незнакомец, с которым мы вчера повстречались на берегу.

Барышни Масгроув тотчас подтвердили это. Все шестеро провожали своими взорами бричку, катившуюся прямо в гору, покуда она не пропала окончательно из виду, после чего вернулись к прерванному завтраку. Вскоре в дверях столовой возник гостиничный слуга.

— Я прошу прощения, — обратился к нему капитан Уэнтворт, — не известно ли вам, случайно, имя того господина, который только что покинул гостиницу?

— Да, сэр, безусловно. Это мистер Эллиот; между прочим, до чрезвычайности богат. По слухам, лишь вчера приехал из Сидмута. Вы, сэр, могли вчера слышать шум его кареты, когда ужинали; направился теперь в Крюкери, откуда проследует в Бат, ну а потом уж прямоком в Лондон.

— Эллиот?! — вскричал кто-то; разом пошли переглядывания; прозвучавшее имя было повторено несколько раз, покуда гостиничный слуга торопливо довершал начатое объяснение свое.

— Господи!!! — возопила Мэри. — Да это же был кузен! Именно что наш дорогой мистер Эллиот! Чарльз, Энн, да вы что, не понимаете разве?! И он в трауре — точно все сходится!!! Ну и чудеса! Причем остановился в той же гостинице, что и мы! Энн, милая, это же тот самый мистер Эллиот, что стал наследником нашего отца! Простите, — обратилась Мэри к служителю, — а не случилось ли упоминать его лакею в вашем присутствии о Келлинче или о принадлежности его господина к тамошним владельцам?

— Ну, леди, насчет семейства-то даже и не знаю; слышал, однако, как упомянул он, что хозяин его уже и так богат слишком, а там, глядишь, еще и баронетом станет.

— Ну что, видите теперь?! — торжествующе вскричала Мэри, сама не своя от возбуждения. — Что я вам говорила, а?! Это как есть наследник сэра Уолтера Эллиота. Как я, собственно, сразу же предположила. Ну а сейчас все, наконец, подтвердилось! Я знала, что так случится, поскольку слугам свойственно на всех углах хвастаться своими господами. Что ж, я рада! Однако, Энн, ты подумай, до чего удивительно! Вот же досада, что он так скоро отбыл! Вот бы мне его хорошенько разглядеть... До чего жаль, что мы с таким запозданием узнали, кто он такой; ему-то уж точно было не с руки представляться нам первым! Как ты полагаешь, Энн, сможем ли мы угадать в его лице характерные черты Эллиотов? Я-то ведь на него и не взглянула даже, все зачем-то лошадь разглядывала... Но мне кажется, да-да, я положительно уверена, что можно, и даже более того — он, по сути, вылитый Эллиот! Только как же я могла не заметить герб?! Ах, да ведь на кузене был широкополый плащ, и он полностью сокрыл герб! Но знаете, что — не будь лакей в трауре, мне хватило бы и его ливреи, — уже по ней одной я бы все узнала!

— Сводя воедино все эти необыкновенные подробности, — обронил капитан Уэнтворт, — нам позволительно сделать вывод, что Провидению было не угодно, чтобы вы и кузен повстречались.

Энн, так скоро, как только ей удалось завладеть вниманием Мэри, постаралась довести до ее сведения, что, учитывая, в каких непростых отношениях состояли их отец и мистер Эллиот все последние годы, она не должна была искать знакомства с ним.

Сама же Энн (правда, в глубине души) порадовалась встрече с кузеном, убедившись собственными глазами, что будущий владыка Келлинча — истинный джентль-

мен и, видимо, не глуп, если принять во внимание его внешность. Ей совсем не хотелось упоминать о том, что они дважды виделись; и хотя Мэри, не обратила на него внимания в первый раз, на берегу, она уж точно бы взбеленилась, узнав, что Энн повезло столкнуться с кузеном в коридоре и даже удостоиться его извинений, тогда как она сама даже близко к нему не подступилась; ну нет, решила Энн, пускай уж мимолетная встреча родственников пребудет тайной для всех.

— Ты, разумеется, должна уведомить о встрече с мистером Эллиотом, — наставительно произнесла Мэри. — Когда будешь писать в Бат, непременно упомяни о случившемся, полагаю, отцу будет интересно об этом узнать. Только обязательно напиши, слышишь?

Энн, уклонившись от прямого ответа, подумала, что происшедшее не только не стоит упоминания, но его вообще надлежит утаить. Энн помнила об оскорблении, нанесенном отцу много лет назад; понимала она и то, каким образом затрагивало оно Элизабет; обоих доводило до иступления одно лишь упоминание о мистере Эллиоте. Сама Мэри еще не отправила в Бат ни одного письма, засим все бремя ведения переписки, скудной и маловразумительной, выпало на долю Энн.

Тотчас после завтрака в гостиницу вновь наведался капитан Харвил с супругой и капитаном Бенвиком, согласно уговору устроить перед отбытием совместную прогулку по Лайму. Возвращение в Апперкросс было намечено на послеполуденное время, а до этого хотелось пройтись с друзьями, а не сидеть в доме.

Едва все оказались на улице, капитан Бенвик присоединился к Энн. Беседа, состоявшаяся накануне вечером, не отбила у него охоты продолжить общение; какое-то время они шагали рядом, вновь беседуя о Байроне и о Вальтере Скотте, но, как часто бывает меж читателями, они были не в силах поладить во всем, что касается достоинств их любимых поэтов; а потом компания перемешалась, и подле Энн возник капитан Харвил.

— Мисс Энн, — проговорил он, старательно понизив голос, — вчера вы сотворили поистине доброе дело, приняв участие в бедном Бенвике. Вот бы ему почаще бывать в обществе наподобие вашего! Чувствую ведь, как несладко ему в собственном соку-то вариться... Ну да что тут поделаешь? Нам с ним разлучаться никак нельзя.

— О да, — откликнулась Энн. — Я прекрасно осознаю всю невозможность этого. Возможно, со временем... Нам всем известно, что Время — великий целитель, а друг ваш претерпел утрату лишь прошлым летом — совсем еще недавно.

— Ваша правда, — тяжело вздохнул капитан Харвил. — Только в июне.

— Думаю, он узнал о ней еще позднее.

— Верно, в начале августа; тогда он как раз возвратился с мыса Доброй Надежды, и его перевели на судно «Борец». Я находился в Плимуте, ожидая и боясь за него; он уж и письмо прислал, что скоро будет. Внезапно «Борец» направили в Портсмут. И там до Бенвика дошла ужасная весть. Кому по силам сообщать такое?! Только не мне, я предпочел быть вздернутым на рее. Да и никто бы не осмелился, кроме вон того доброго малого (Харвил кивнул в сторону капитана Уэнтворта). Его «Лакония» пришвартовалась в Плимуте неделей раньше и не могла быть тотчас отправлена в море. И он взял все на себя. Составил письмо, испросив отпуск, а сам, не дожидаясь ответа, день и ночь скакал до самого Портсмута, где немедленно взойшел на «Борца» и целую неделю не отходил от бедняги Бенвика ни на миг. Вот, что он сделал, мисс Энн, и больше никто на свете не смог бы спасти Джеймса Бенвика. Так посудите, нам ли не любить его?!

Энн, серьезно обдумав вопрос, ответила так, как позволяли ее чувства, и именно то, что он мог бы вынести, поскольку чересчур разволновался от мучительных воспоминаний, спеша сменить тему беседы.

Неподалеку от собственного домика миссис Харвил сочла, что супруг ее уже изрядно натрудил свои ноги, и предложила: пусть молодые люди сопроводят их до дверей, а сами потом возвращаются в гостиницу уже без них. Она была права во всех отношениях. Но, завидя Коб, всем страшно захотелось проститься с ним, и, поскольку, Луиза более других была преисполнена решимости поступить именно так, с нею согласились, да и каких-то пятнадцать минут уже не играли никакой роли. Взаимно обменявшись самыми теплыми пожеланиями с Харвилами, присовокупив к этому всевозможные приглашения и обещания, наши путешественники расстались с ними у крыльца и, поскольку Бенвик не допускал и мысли, что покинет их до отъезда, сообщая двинулись в последний раз полюбоваться морем.

А капитан Бенвик вновь пристроился к Энн. Лицеизречение «темных вод морских» невольно отсылало к достопамятным строкам лорда Байрона¹, и Энн внимательно слушала, как Бенвик их декламирует. Но вскоре внимание ее было отвлечено.

Свирепые порывы ветра, не позволявшие комфортно брести поверху, вынудили дам спуститься вниз, к воде, и они прибегли к лестнице, спускаясь с предельной осторожностью, поскольку лестница была крутовата. Но Луиза предпочла прыгнуть, причем так, чтобы капитан Уэнтворт ее поймал. Луиза и прежде поступала подобным образом — она прыгала, а капитан Уэнтворт ее ловил, и Луиза всякий раз после этого упражнения пребывала в восторге. Но сейчас она собиралась прыгать прямо на каменистую тропу, что вела к Нижнему Кобу, с опасно торчащими остриями камней, отчего капитан Уэнтворт был совсем не в восторге, хотя в результате все же изловчился ее поймать. Луиза, благополучно ступив на землю, не унялась, а, наоборот, расшалилась пуще прежнего. Она взнеслась по ступенькам, потребовав, чтобы капитан Уэнтворт опять ее ловил. Тот попытался отговорить Луизу, напоминая, что она только что была отнесена порывом ветра, и он еле смог ее поймать. Как ни пытался капитан отговорить дерзкую шалунью, предупреждая о слишком сильном ветре, но так и не смог: Луиза только смеялась и беспрестанно уверяла: «О нет, раз уж я решила, то буду прыгать!» Капитану Уэнтворту оставалось лишь шире развести руки; Луиза, прыгнув на полсекунды раньше, чем успел приготовиться ее кавалер, угодила прямо на камни, упав замертво! На теле Луизы не было видно ни ран, ни синяков; глаза закрыты; лицо — бледное, как смерть; она не дышала. Несложно представить, каким ужасом были охвачены все, кто окружил место ее падения.

Капитан Уэнтворт осторожно поднял Луизу с камней и, продолжая держать ее на руках, опустил на колени, безмолвно взирая на нее; лицо у него, как и у Луизы, было смертельно бледное.

— Она мертва!!! Она мертва!!! — истерически взывала Мэри, хватаясь за оцепеневшего супруга; услышав ее чудовищный крик, Генриетта лишилась чувств и непременно рухнула бы на ступени лестницы, не подхвати ее вовремя капитан Бенвик и Энн.

¹ В оригинале: *dark blue seas*. Это словосочетание восходит к поэме Дж. Г. Байрона «Паломничество Чайльда-Гарольда» (*Childe Harold's Pilgrimage*, 1818). В поэме оно встречается дважды: *Fair Cadiz, rising o'er the dark blue sea!* («Кадикс над бездной темных вод морских...», *Canto 1, LXXI*; *He that has sailed upon the dark blue sea...* («Тот, кто ходил среди темных вод морских...», *Canto 2, XVII*).

— Кто-нибудь поможет мне? — таковы были первые слова, сорвавшиеся с губ капитана Уэнтворта. Он говорил глухо и голос его был исполнен отчаяния. Казалось, он совершенно лишился сил.

— Быстрее ступайте к нему, ступайте же, — взмолилась Энн, обращаясь к капитану Бенвику. — Богом заклинаю вас, быстрее к нему! А я и одна удержу Генриетту, вы слышите?! Оставьте меня и — к нему, быстрее же! Разотрите ей руки, виски... Вот, тут нужные соли, берите скорее!

Капитан Бенвик подчинился. А тут и Чарльзу Масгроуву удалось, наконец, оторвать от себя руки Мэри, и оба они помчались к капитану Уэнтворту. Бережно приняв у капитана Уэнтворта Луизу и уложив ее на землю, они сделали все так, как велела Энн, но все было напрасно. Капитан Уэнтворт, обреченно припав к скале и переживая горчайшую муку, вскричал:

— Господи! Что теперь будет с ее отцом и матерью?!

— Лекаря! — сказала Энн.

Это простое слово придало новые силы капитану Уэнтворта. Воспрянув духом и бросив на ходу: «Да-да, лекаря, конечно же!», он уже устремился к лестнице, но был остановлен Энн:

— Пусть идет капитан Бенвик! Капитан Бенвик! Только ему известно, где живет лекарь!

Все, у кого еще осталась способность разумно рассуждать, тотчас оценили всю мудрость и выгоду предложения Энн, и в следующий миг капитан Бенвик уже сорвался с места, оставляя неподвижную Луизу на попечении ее брата, и помчался в город, что было сил.

Что касается троих оставшихся внизу молодых людей, не утративших, по всей видимости, рассудка, то сложно было заключить, кто из них несчастнее: капитан Уэнтворт, Энн или Чарльз, который, нежно любя сестру, горько рыдал, неотрывно глядя на нее и отводя взор, лишь чтобы взглянуть на другую сестру, что до сих пор пребывала без чувств, или на супругу, продолжавшую дико и истошно вить, требуя от него помощи, оказать которую он был просто не в состоянии.

Энн, собрав воедино все силы души и заботясь, в первую очередь, о Генриетте, не забывала и об остальных: она пыталась вразумить и утихомирить Мэри, унять рыдания Чарльза и успокоить его, ободрить капитана Уэнтворта. Мужчины, судя по всему, с нетерпением ожидали от нее новых распоряжений.

— Энн, Энн, — то и дело призывал ее Чарльз. — Что же нам делать?! Что же теперь?!

К Энн был обращен и взгляд капитана Уэнтворта.

— Возможно, будет лучше, если мы перенесем Луизу в гостиницу? — подумала вслух Энн. — Да, правильно, несите ее в гостиницу, только как можно осторожнее.

— Да-да, в гостиницу, — мгновенно подхватил капитан Уэнтворт, радуясь, что сделает для Луизы хоть что-то полезное. — Я справлюсь сам. А вы, Масгроув, приглядите пока что за остальными.

Тем временем слухи о приключившейся беде со скоростью молнии разлетелись среди местных подсобных рабочих, лодочников и рыбаков; спустившись целой толпой к месту трагедии, они застыли в ожидании, готовые, конечно и помочь, если понадобится, но, прежде всего, потарашиться на лежавшую замертво леди, совсем молоденькую. На поверку оказалось, что там даже две мертвых леди, отчего всем стало



...лицо у него, как и у Луизы, было смертельно бледное.

еще интереснее. По мнению глазевшей толпы сочувствующих, Генриетта была, похоже, обречена: несмотря на то, что она пришла в себя, у нее едва хватило сил подняться на ноги; Энн заботливо ее поддерживала. А Чарльз пытался увести бешено упиравшуюся супругу... Так выглядело их безрадостное восхождение по той самой дорожке, по которой они совсем еще недавно весело брели к берегу моря.

Только-только еще Коб оказался у них за спиной, как к ним присоединились Харвилы. Заметив стремглав несущегося мимо их дома капитана Бенвика, с искаженным и ничего хорошего не предвещавшим лицом, Харвилам оставалось только сразу же выскочить за порог. Узнав от встречных о происшествии, они так быстро, как могли, поспешили на помощь. Появление Харвилов было очень кстати. Хотя сам Харвил и был потрясен случившимся, его мужество и спокойствие произвели на всех нужный эффект; обменявшись взглядами с супругой, капитан Харвил принял единственно возможное решение. Надлежало немедленно отнести Луизу к ним домой; туда же следовало прибыть и всем остальным, а дальше — просто дожидаться лекаря. Харвилы пропустили все отговорки мимо ушей, но сами они, однако, были услышаны. Процессия направилась напрямик к их домику. По приходе туда, Луизу отнесли наверх, причем миссис Харвил уступила ей собственную постель. А капитан Харвил, внизу, щедро оделял всех страждущих успокоительными пилюлями.

Внезапно Луиза на мгновение приоткрыла глаза! Впрочем, она тотчас же опять их закрыла. По виду Луизы было ясно, что она покуда не пришла в сознание. Но это было первым доказательством того, что Луиза — жива! Генриетта, которой отвели другую комнату, поскольку находиться с сестрой было выше ее душевных возможностей, весьма ободрилась от обнадеживающего известия. Отныне ужас пережитого и надежда на лучшее поддерживали в ней вновь обретенную ясность сознания. Мэри к тому времени тоже постепенно пришла в себя и утихла.

Лекарь появился куда раньше, чем его ожидали. Покуда осматривал он Луизу, у всех трепетали сердца. На лекаря и его искусство уповали они всей душой. Да, Луиза, конечно, крепко ударилась головой о камни, но искушенному лекарю и не такое случается видеть, и люди ведь от чего только не излечиваются в жизни; да, лекарь обнадеживал, да и рассуждал он исключительно бодрым тоном.

Главное же, что лекарь не изрек рокового вердикта, не объявил во всеуслышание, что через сколько-то там часов все будет кончено, и поначалу даже не верилось в искренность его; но какое же облегчение, какую всеобъемлющую, глубокую и безмолвную радость испытали присутствующие от воскрешающих слов лекаря, первым же делом и в невероятном душевном порыве воздав благодарность Небесам.

Энн подумала, что никогда уже не сможет забыть тон капитана Уэнтворта, когда он проговорил: «Господи, благодарю Тебя!», и того, как сидел потом у стола, опершись локтями и закрыв руками лицо, явно будучи не в силах справиться с бурными чувствами и тщаь утихомирить их, прибегнув к молитве и размышлениям.

Оказалось, что у Луизы только ушиблена голова. Тело ее не пострадало совершенно. Оставалось понять, как им поступать дальше. Теперь ко всем уже опять вернулся дар речи; самое время обсудить ситуацию и вынести решение. Как ни совестились друзья обременять Харвилов, но Луизе надлежало сохранять покой. Сейчас перевозить ее домой было категорически нельзя. Харвилы, однако, уже сами все решили загодя, и теперь не желали слышать ни о каких извинениях, а тем более благодарностях. Капитан Бенвик безоговорочно уступал пострадавшим свою комнату, из-

брав для ночлега иное место. Таким образом, все очень даже легко устроилось. Харвилы отчасти досадовали на тесноту своего обиталища, даже подумывая поместить детей к няне, что позволяло бы остаться в доме еще двум, а то и трем друзьям, если они этого пожелают; что до мисс Масгроув, то миссис Харвил была готова за ней ухаживать сама, поскольку привыкла уже ходить за больными; помощь няни, многому у нее научившейся, тоже была кстати. Так что Луизе был гарантирован должный уход — и днем, и ночью. Все это Харвилы объявили просто и чистосердечно.

Так что Чарльзу, Генриетте и капитану Уэнтворту теперь лишь оставалось принять решение. От недавно пережитого ужаса все они не были готовы в полной мере собраться с мыслями. Апперкросс. Кому-то из них нужно было отправиться туда с тяжелой миссией: оглушить мистера и миссис Масгроув страшной новостью. Но уже поздно для выезда. Ведь выезжать предполагалось часом ранее. Теперь оказаться в Апперкроссе к назначенному сроку было невозможно. Обсуждение началось по большей части с одних восклицаний, но потом капитан Уэнтворт, собрав волю в кулак, заявил:

— Пора решать! На счету каждое мгновение. Промедление недопустимо! Кто-то из нас должен тотчас ехать в Апперкросс, Масгроув! Решайте же, вы или я.

Чарльз признал правоту капитана Уэнтворта, но признался, что не может и даже не вправе оставить сестру. Он постарается своим присутствием не слишком докучать Харвилам. Внезапно Генриетта выпалила, что намерена остаться. Ее скоро переубедили, однако. Нужды в ее присутствии в доме не было, поскольку даже подле Луизы она была не в силах пребывать, не утратив напрочь самообладания! Генриетта была вынуждена согласиться, что будет решительно бесполезна, хотя долго не соглашалась уступить, но потом жалость к родителям возобладала, и Генриетта признала, что лучше всего сейчас, если она будет с ними.

Таково было содержание их беседы, когда Энн, неслышно сойдя вниз от Луизы, услышала через полуоткрытую дверь гостиной ее завершающую часть.

— Что ж, решено! — воскликнул капитан Уэнтворт. — Вы, Чарльз, остаетесь, а я доставлю в Апперкросс Генриетту. Что до помощи миссис Харвил, то тут вполне хватит и одного человека, полагаю. Энн, на мой взгляд, сумеет распорядиться всем лучше кого бы то ни было, тогда как миссис Масгроув, я уверен, пожелает быстрее вернуться к детям.

Энн помедлила минуту за дверью, чтобы справиться с чувствами, разом нахлынувшими на нее. Она слышала, как все единодушно признали справедливость сказанного капитаном Уэнтвортом, и после этого вошла в гостиную.

— Разумеется, вы остаетесь! — обратился к ней капитан Уэнтворт. — Только вам за ней и надлежит ухаживать, — вскричал он. В тоне капитана Уэнтворта звучала столь пылкая нежность, будто бы вернулось минувшее. Энн вспыхнула, а он, сумев совладав, устремился к двери. Энн немедленно заверила всех, что, конечно же, готова и остается, что рада этому, что она просто мечтала остаться. Она и прежде размышляла об этом, страшась, что ей могут не позволить. Она с удовольствием пригласит за Луизой, ей постелют там же, на полу, если миссис Харвил не воспротивится, конечно же.

Казалось, все было решено, правда, за исключением одной важной детали. Конечно, сейчас им только на руку, что мистер и миссис Масгроув, исходя уже из одного запоздания, отчасти будут внутренне подготовлены к недобрым вестям, но лошади Чарльза Масгроув угрожали обратить ожидание в мучительную пытку; поэтому капитан Уэнтворт выступил с предложением (безоговорочно принятым Чарльзом), что

ему уместнее ехать на почтовых, а карета мистера Масгроува останется до утра в Кобе, и с нею можно будет послать в Апперкросс самые свежие новости о состоянии Луизы.

Капитан Уэнтворт припустил рысью к гостинице, дабы позаботиться обо всех необходимых приготовлениях и уже там дожидаться обеих дам. Когда Мэри известили о принятом решении, ее согласия, увы, не последовало. Она разошлась не на шутку, гневаясь и сетуя на несправедливое к ней отношение. Что?! Взять и отослать ее домой, а Энн оставить с Луизой?! Но кем вообще приходится эта Энн Луизе?! А она — жена ее родного брата! Кому как не ей следует находиться с Луизой? Неужели она — хуже Энн?! И, кстати, ехать без Чарльза, без собственного мужа — да ведь это просто безжалостное издевательство над ней! Доводов Мэри, приведенных той в великом изобилии, супруг ее был неспособен отразить, а поскольку в прениях, кроме Чарльза Масгроува, участвовать было некому, Мэри победила, добившись своего.

Но Энн, пожалуй, никогда еще не уступала смехотворным и нелепым притязаниям Мэри так неохотно, как сделала это сейчас. Делать было нечего, и они направились к гостинице — Чарльз сопровождал Генриетту, а капитан Бенвик — Энн. Энн на какое-то мгновение воскресла в памяти череду не слишком значительных событий, случившихся в здешних местах: как она внимала рассуждениям Генриетты о преподобном докторе Ширли, коему было бы весьма полезно покинуть Апперкросс; как повстречалась она с мистером Эллиотом; это и впрямь заняло лишь мгновение, поскольку Энн сейчас могла думать лишь о Луизе и о тех, кто будет за нею ухаживать.

Капитан Бенвик был на редкость внимателен к Энн; чувствуя, что приключившаяся беда способствовала их внутреннему сближению, Энн проникалась к капитану Бенвику все большей симпатией, и ей было приятно размышлять о том, что у них, пожалуй, будет повод повидаться вновь.

Капитан Уэнтворт ожидал возле кареты, запряженной четверкой лошадей. Карета, к удобству отъезжающих, стояла в низине, в самом конце улицы — можно было сразу отъезжать. На лице капитана Уэнтворта проступили несомненная досада и яростное недоумение, когда, вместо одной сестры, увидел он совсем другую; капитану Уэнтворту стоило изрядных сил подавить крепкое восклицание, выслушивая неловкие объяснения Чарльза, — Энн почувствовала, что это задело ее: было досадно убедиться, что тебя единственно ценят как примерную сиделку.

Энн приказала себе успокоиться и судить справедливо. Не пытаясь соревноваться с Эммой в чувствах, что та питала к Генри¹, Энн, тем не менее, признавалась себе, что, ради капитана Уэнтворта, приглядывала бы за Луизой еще ревностнее; он же сам, уповала Энн, не осмелился бы подозревать, что она намеренно и лишь по собственному желанию избегает выполнения священных обязанностей, налагаемых на нас дружбой.

Она, между тем, уже уселась в карету. Капитан Уэнтворт не преминул учтиво посадить обеих дам, после чего изволил поместиться между ними; и вот при таких-то, одновременно странных и тревожных, обстоятельствах и пришлось Энн уезжать из Лайма. Чему суждено произойти за время сравнительно недолгого их пути, и как это

¹ Намек на знаменитую некогда поэму «Генри и Эмма» (Henry and Emma. A Poem, Upon the Model of The Nut-brown Maid, 1709), плод творчества английского поэта и дипломата Мэтью Прайора (1664–1721). Ныне, по большей части, известна исключительно благодаря упоминанию на страницах настоящего романа Джейн Остен.

может отразиться на ее отношениях с капитаном Уэнтвортом, — этого Энн представить, конечно же, не могла. Но, можно сказать, все вышло как-то само собой. Капитан Уэнтворт активно опекал Генриетту, постоянно оборачиваясь к ней, а если и говорил что-либо, то единственно с тем, чтобы придать Генриетте надежду и немного подбодрить. Сам он был сдержан и бесстрастен. Возникло впечатление, что главной для себя задачей он видит избавление Генриетты от напрасных и неуместных волнений. Лишь когда той вздумалось недобро высказаться о затеянной ими прогулке и чуть ли не проклясть ее, капитан Уэнтворт вышел из себя и вскричал в сердцах:

— Не стоит говорить об этом, право же! Господи! О, если бы я только настойчивее воспротивился в тот миг, когда все решилось! И как я мог поступить столь опрометчиво?! Но она, впрочем, тоже хороша! Однако, вы заметили, какую настойчивость и твердость она явила? Бедная Луиза...

Энн задавалась вопросом, не усомнился ли капитан Уэнтворт в прежней своей убежденности относительно неоспоримых преимуществ твердого характера? А вдруг его осенило, что, подобно всем иным качествам характера, даже твердость следует заключить в строгие пределы? Может он, наконец-то, и сам догадается, что рассудочная натура заслуживает счастья не в меньшей степени, чем самый твердый и решительный нрав?

Кони летели рысцой. Энн поразились тому, с какой быстротой приближались к ним навстречу знакомые ей холмы. Вследствие необыкновенно скорой езды и опасений Энн по поводу того, как завершится их нынешнее путешествие, дорога показалась ей чуть ли не вдвое короче. Впрочем, когда они подъезжали к Апперкросу, уже стемнело. Все трое продолжительное время были погружены в безмолвие; Генриетта свернулась в углу, укрыв лицо шалью; хотелось надеяться, что она, после обильно пролитых ею слез, все-таки задремала. Когда карета миновала последний переезд, капитан Уэнтворт внезапно сказал Энн:

— Я тут все раздумывал, как же нам лучше поступить. Генриетте точно не следует сразу же представлять перед родителями — она просто не перенесет этого. Вот я и подумал, возможно, вам будет лучше остаться сейчас с нею в карете, пока я сам не расскажу обо всем мистеру и миссис Мэстроув? Как, на ваш взгляд, разумно ли это?

Исполнив печальный свой долг и убедившись, что отец и мать Мэстроувы продемонстрировали похвальное самообладание, узнав о случившемся, и их дочери Генриетте, безусловно, будет лучше подле них, капитан Уэнтворт уведомил о намерении своем вернуться в Лайм с той же каретой. И он поспешил отбыть, едва задали корм лошадям.

ГЛАВА XIII

Под конец пребывания в Апперкроссе, ей оставалось прожить там всего лишь две недели, Энн безотлучно находилась в Большом Доме, от души радуясь тому, как ценят ее присутствие мистер и миссис Масгроув: сейчас она была для них чуть ли единственным утешением и, кроме того, без ее помощи им бы нипочем не удалось осуществить требуемые приготовления.

Свежие новости из Лайма прибыли уже поутру. Состояние Луизы было неизменным. Однако не проявилось в ее состоянии и угрожающих признаков. Спустя несколько часов прибыл Чарльз и рассказал обо всем более подробно. Он уповал на лучшее. На скорое восстановление надеяться пока что не приходилось, но процесс исцеления шел своим чередом, без осложнений. Упомянув о Харвилах, Чарльз восхитился их добротой, но более всего потрясло, с какой самоотверженностью ухаживала миссис Харвил за Луизой. К счастью, Мэри все же удалось убедить перебраться в гостиницу; нынче у нее вновь шалили нервы. Перед отъездом Чарльза Мэри вздумалось отправиться на прогулку с капитаном Бенвиком; возможно, это пойдет ей на пользу. Сам Чарльз предпочел бы увезти ее домой, ведь и так все заботы взяла на себя миссис Харвил.

Чарльз планировал вернуться обратно тем же вечером. Мистер Масгроув выказал намерение присоединиться к сыну, но дамы решительно этому воспротивились. Он прибавит своим появлением хлопот, а сам еще пуще расстроится; но почти сразу же возник план, куда более остроумный и обреченный на немедленное исполнение. В Крюкери была послана карета, и Чарльз вернулся оттуда с лицом исключительной полезности, а именно — старинной их нянечкой, каковая удосужилась вынуждать всех без исключения младенцев в семье; дождавшись, когда последний ее питомец, «барчук Харри», самый избалованный и лентяй из лентяев, был отослан в школу вслед за братьями, она мирно доживала свой век вблизи непривычно опустевшей детской, по-прежнему с радостью штопая чулки и искусно врачуя волдыри и шишки младенцев со стороны; радости старушки не было пределов, когда ее отрядили ухаживать за «ненаглядной мисс Луизой». У миссис Масгроув и Генриетты уже мелькала смутная мысль о целесообразности привлечения Сары, но не поддержи их самым деятельным образом Энн, затея эта так и осталась бы бесплотной фантазией.

А на следующий день в Большой Дом прибыл не кто иной, как Чарльз Хэйтер собственной персоной. Он привез долгожданные и подробнейшие сведения о Луизе, без которых отец и мать Масгроувы не могли выдержать и дня. Хэйтер же не поленился лично навестить Лайм; доставленные им известия, безусловно, обнадеживали: Луиза теперь гораздо реже впадала в бессознательное состояние! Что до капитана Уэнтворта, он безвыездно находился в Лайме.

Назавтра Энн предстояло уезжать. Это событие вселяло в сердца Масгроувов неподдельный страх. Что же они будут без нее делать?! Из них двоих-то известно, какие утешители друг для дружки. И уж в такое расстройство пришли Масгроувы, что Энн решила придать гласности удивительно разумные намерения, каковые втайне были доведены до сведения Энн каждым из них, и настоять на их воплощении в жизнь: она предложила ВСЕМ отправиться в Лайм! Это было легко исполнимым предприятием, а потому отправляться в путь решили сразу поутру. Им было неважно, где придется жить, — в гостинице, или же снимать какое-то жильё — это не имело значения, лишь бы сообща дожидаться окончательного выздоровления бедняжки Луизы. А там, в Лайме, они станут помогать тем добрым людям, что пекутся о Луизе, как о родной, и облегчат заботы миссис Харвил о собственном ее потомстве; можно сказать, что все без исключения Масгроувы так радовались открывшейся перед ними реальной перспективе, что Энн была просто счастлива, что так удачно и вовремя подсказала им единственное правильное решение. Наблюдая за ранними сборами Масгроувов и провожая их в дорогу, Энн находила последнее свое утро в Апперкроссе вполне замечательным, и то обстоятельство, что она осталась в покинутом всеми доме одна-одинешенька, нимало не умеряло ее удовольствия.

Да, за исключением двух мальчуганов на Вилле, Энн была последней и, в то же время, единственной из тех, кто способствовал полноте жизни двух господских домов, и кто воплощал весельем своим самый дух Апперкросса. И сколько же перемен за каких-то несколько дней!

Лишь бы Луиза поправилась, и тогда все опять будет прекрасно. В домах, ныне покинутых, снова воцарится радость, и преизрядная! Энн уже предвидела изменения, что воспоследуют за выздоровлением Луизы: вот пройдет месяц-другой, и в опустелые комнаты, ее нынешнюю юдоль безмятежной задумчивости, вернется шум досужих разговоров, задорный смех и чудо взаимной любви — все то, что недоступно Энн Эллиот!

Поневоле пребывающая в бездействии, она сидела, глубоко погружившись в размышления, и в тот пасмурный ноябрьский день, что был омрачен навеки зарядившим дождем, отчего вид за окном пропадал в тумане; и как же обрадовалась Энн, когда послышался шум подъезжающей кареты леди Рассел; но как бы ни порывалась она поскорее уехать отсюда, но, покидая Большой Дом, окидывая прощальным взором Виллу Апперкросс с ее черной, насквозь промокшей, а оттого неприветливой верандой и наряду с притулившимися к ней неказистыми постройками арендаторов, которые были почти невидимы благодаря замутненному стеклу, Энн испытывала острую грусть. Именно с Апперкроссом были связаны мгновения, делавшие его незабываемым. О, Апперкросс — свидетель жесточайших и насилу затянувшихся сердечных ран и редчайших мгновений, даровавших мимолетное облегчение, — они сулили примиренье и дружбу, на каковые Энн отныне уже не смела уповать, и каковые пребудут для нее драгоценными вовеки. Она все оставляла позади, лишаясь всего, кроме своих воспоминаний.

В Келлинче Энн не случалось бывать с тех пор, как она выехала в сентябре из дома леди Рассел. Прежде всего, в этом не было для нее никакой необходимости, а если уж и возникала когда-либо возможность навеститься в Келлинч-холл, Энн всеми силами пыталась ею пренебречь. Теперь же она возвращалась в Келлинч-холл, дабы усладить взоры тамошней владычицы и разместиться с нехитрым скарбом своим в несравненных и элегантных покоех.

А в радости леди Рассел, тоже готовившейся к встрече с подругой, содержалась немалая доля беспокойства. Ей-то уж было ведомо, кто вдруг стал частым гостем в Апперкроссе. Но, видимо, внешний вид Энн, слегка пополневшей и даже похорошевшей, или это просто показалось леди Рассел, произвел на нее благоприятное впечатление; принимая комплименты подруги, Энн про себя усмехалась, невольно соотнося их с молчаливым восхищением кузена и втайне безумно надеясь, что ей суждено еще пережить очередной расцвет юности и красоты.

Дамы завели беседу, и Энн, отвечая леди Рассел, сама ощутила, какие серьезные перемены свершились в душе ее. Тех забот, что обуревали ее душу в момент прощания с Келлинг-холлом, принуждая отрешаться от них в кругу Масгроувов, коим, по сути, до них и вовсе не было дела, уже не существовало для Энн. Отец, сестра, Бат — они словно исчезли, а их нужды оказались замещенными делами и проблемами Апперкросса; и куда леди Рассел делилась с Энн прежними опасениями и надеждами, благосклонно оценивая дом, снятый внаем на Камден-плэйс, или неблагосклонно воспринимая то обстоятельство, что миссис Клэй по-прежнему с Эллиотами, — та испытывала невольный стыд, поскольку ее куда больше заботила Луиза Масгроув, ей был много интереснее Лайм со всеми тамошними вновь обретенными знакомыми; и насколько важнее для нее перипетии дружбы Харвиллов с капитаном Бенвиком, нежели воцарение сэра Уолтера Эллиота на Камден-плэйс или, скажем, симпатия к миссис Клэй со стороны Элизабет Эллиот. Энн вынуждена была приложить немало внутренних усилий, чтобы не выпасть из беседы, вроде бы как имеющей к ней самое непосредственное отношение.

С долей неловкости была затронута дамами и еще одна тема. Умолчать о трагическом происшествии в Лайме не представлялось возможным. Накануне, сразу же по приезде, на леди Рассел обрушились леденящие душу новости; их непременно следовало тщательно обсудить; леди Рассел готовилась расспрашивать, сокрушаться о проявленной неосторожности, переживать о последствиях — и все это, категорически избегая упоминания капитана Уэнтворта. Энн почувствовала, что ей справиться с этой задачей гораздо труднее, чем леди Рассел. Она с трудом заставляла себя не избегать взгляда подруги, произнося имя капитана; и вдруг у нее родилась спасительная идея, и она немедленно поделилась с леди Рассел своим мнением по поводу отношений капитана Уэнтворта и Луизы. И тотчас Энн испытала облегчение.

Леди Рассел, выслушав Энн, учтиво пожелала молодым людям счастья, но все же сердце ее дрогнуло от некоторого злорадства, вызванного мыслью о том, что некий субъект двадцати трех лет от роду, яро превозносивший достоинства Энн Эллиот, по прошествии восьми лет воспылал чувствами к Луизе Масгроув.

Первые дни по воссоединении подруг не были отмечены ничем примечательным, кроме записочек из Лайма, необъяснимым образом достигавших Энн и сообщавших, что Луизе понемногу становится лучше. Но потом в леди Рассел с новой силой пробудилась врожденная учтивость и, тщаь удалить из памяти малоприятные воспоминания, она решительно произнесла:

— Энн, мне необходимо навестить миссис Крофт. И сделать это надлежит безотлагательно. Скажи мне, Энн, достанет ли тебе мужества сопроводить меня туда? Полагаю, нас с тобой ждет непростое испытание.

Но Энн оно ни в коей мере не ужасало, а скорее даже, наоборот. Так искренне, как она могла, Энн предположила:

— Думаю, вам придется много тяжелее, ведь вы так и не смирились со свершившимися переменами. А я, обитая по соседству, как-то уже свыклась со всем.

Энн еще многое могла бы присовокупить, поскольку придерживалась ныне о Крофтах крайне высокого мнения, откровенно считая, что отцу ее просто посчастливилось; она убедилась, что у прихожан появился прекрасный пример для подражания, а бедняки неожиданно получили вспоможение и надежный оплот; быть выдворяемой из Келлинч-холла — участь незавидная и отчасти постыдная, но в глубине души Энн высветилась жестокая истина: дом оставлен тем, кто был недостоин права в нем обитать; Келлинч-холл, поменяв владельцев, обрел новых и несравненно более достойных. Таковы уж были выводы Энн, болезненные и безрадостные; однако они, по крайней мере, избавляли ее от горечи, испытываемой леди Рассел, с отвращением переступающей столь памятный ей порог и проходящей знакомыми покоями.

У Энн даже язык не поворачивался сказать: «Эти покои могут принадлежать лишь нам! Вы поглядите только на нынешних их обитателей! Они сами преспокойно вторглись сюда, а представители древнейшего рода отныне обречены на скитания!» Разве что, обратившись мыслями к покойной матери и вспомнив, как любила она сидеть во главе стола, могла Энн, испустив тяжелый вздох, заключить нечто в таком роде.

Миссис Крофт и прежде, встречая Энн, относилась к ней по-доброму, что как нельзя лучше говорило о ее благоволении; ныне, принимая Энн в бывшем ее доме, миссис Крофт проявила к ней особенную заботу и внимание.

Очень быстро беседа обратилась к трагическим событиям в Лайме; сравнив имевшиеся у них сведения о покалечившейся девушке, дамы сделали вывод, что обе были извещены обо всем минувшим утром, причем в один и тот же час: просто капитан Уэнтворт, оказавшийся вчера в Келлинче (это произошло впервые после несчастья), передал Энн ту самую таинственно появившуюся записочку; проведя с родными несколько часов, капитан Уэнтворт возвратился в Лайм, откуда ожидать его в ближайшее время и вовсе теперь не приходилось, — во всяком случае, до выздоровления Луизы. Капитан Уэнтворт удосужился поинтересоваться об Энн, выразив надежду, что недавние ее труды, о коих он отозвался с превеликим уважением, не пошли в ущерб здоровью. Это было необыкновенно мило с его стороны и доставило Энн несравненное удовольствие.

По поводу случившегося с Луизой, две пожившие на свете и умудренные опытом женщины придерживались фактов, безоговорочно сходясь на том, что несчастье явилось следствием пагубной неосторожности; шутки тут неуместны, и даже страшно вообразить, как долго предстоит переживать за здоровье Луизы, не говоря о тяжелых последствиях от полученной ею раны! А адмирал просто заключил:

— Что за дрянные привычки, Господи! Нет, право же, у молодых-то людей нынче очень странная манера выражать сердечные симпатии! Правда же, мисс Энн?! Взять, да и пробить камнем голову зазнобе! А пробьет — так затем пластыри накладывает!

Адмирал, как всегда, не жалел красного словца, но красноречие его было отнюдь не того сорта, каким обыкновенно пленялась леди Рассел, зато Энн его обожала. Что и говорить, доброта и прямолинейность адмирала были несравненны.

— Пойдите-ка, ведь вам, держу пари, не слишком-то улыбается бывать здесь, да на нас любоваться, — неожиданно спохватился адмирал. — Я ведь не сразу в толк взял, что вам может быть неприятно. Так вот, прошу без церемоний! Воля ваша, можете осмотреть весь дом хоть до последнего уголка, коли будет так угодно.

— О, крайне признательна вам, сэр. Только в другой раз, если возможно.

— Да когда захотите! Если угодно, навестите сад, заодно сможете поглядеть, как мы удобно прикрепили зонтики за дверь. Крайне удачное местечко для них, не правда ли?

Он опять спохватился, но тотчас продолжил:

— Может статься, что как раз вы-то и не найдете его особенно подходящим, у вас они, помнится, в диванной были сложены. Ну что тут скажешь... Вечная незадача. Привычки и обычаи у всех разные, каждый норовит своих придерживаться. Вот и соображайте, будет ли вам приятно дом осматривать.

Энн, очень тепло поблагодарив адмирала, уверила, что они непременно воспользуются его любезностью, но только не на сей раз.

— Да мы, пожалуй, не так уж и много всего поменяли, — задумчиво прикинул адмирал. — Так, по мелочам. Еще в Апперкроссе, помнится, мы докладывали вам, что перевесили в прачечной двери. Дело стоящее, уж поверьте! Мне даже невдомек, как это люди могли сносить подобное неудобство?! Вы уж не считите за труд уведомить сэра Уолтера о преобразованиях наших, да прибавьте еще, что мистер Шеперд от них без ума! Замечу без ложной скромности, сударыня: у нас всегда так — уж коли и случаются перемены, то всегда к лучшему! Но это все заслуга жены моей. Сам-то я лично и не вмешивался ни во что, правда, приказал удалить из гардеробной огромные зеркала батюшки вашего. Да, он человек выдающийся, и я особо выделяю, джентльмен до мозга костей! Только вот, осмелюсь предположить, мисс Энн, что для своих-то лет мистер Эллиот (здесь адмирал опять прервался) ...да, уверен, что он еще тот, знаете ли, франт! Надо же: держать целую пропасть зеркал в доме, да еще и здоровые все такие! Господи! Мне сперва прямо деваться было некуда от персоны своей! Вот тогда-то я и позвал Софи на помощь, и вдвоем мы их живо переселили; ну а мне хватает и моего зеркальца для бритья; осталась там, впрочем, еще одна странная штукавина, но к ней я предпочитаю и близко не подходить.

Энн, сама не зная отчего, развеселилась, решительно не найдя, что ей ответить адмиралу; а тот, видимо перепугавшись, что дал маху с откровениями, быстро сказал:

— Мисс Эллиот, ежели батюшке своему письмо станете писать, то кланяйтесь от нас с миссис Крофт; пусть знает, что нам тут преотлично живется, о лучшем и мечтать нельзя. Да, в малой столовой, доложу я вам, дымоход временами чадит, но это только при норд-осте, и не шуточном, скажу я вам, а такой за зиму если и случается, то раза три, да и то от силы. Мы всю округу объехали и у соседей перебивали, а потому можем судить: лучше вашего дома — нет! Так и передайте батюшке вашему. Думаю, крепко порадуете его этим.

Леди Рассел и миссис Крофт были в полной мере довольны взаимным общением; знакомству их, однако же, не суждено было продолжиться в ближайшее время, ибо, ко времени ответного визита Крофты уведомили, что должны навеститься к родне, что проживает на севере графства, и предположили, что навряд ли смогут вернуться до отъезда леди Рассел в Бат.

В результате Энн вновь удачно уклонилась от вероятной встречи с капитаном Уэнтвортом в Келлинч-холле, будучи сопровождаемой леди Рассел. И, радуясь от души, что все обошлось, Энн с улыбкой припоминала недавние свои страхи и волнения.

ГЛАВА XIV

По прибытии мистера и миссис Масгроув в Лайм, Чарльз и Мэри не вернулись домой сразу же, оставаясь там много дольше, чем Энн могла бы счесть необходимым, и все же воротились они, опередив все семейство, а едва оказавшись в Апперкроссе, изволили немедленно заявиться в Лодж. На момент их отъезда, Луиза уже могла сидеть в постели; голова ее, хотя и обретшая ясность, нестерпимо болела, да еще и нервы давали знать; но дело явно шло на поправку, правда, с уверенностью вывести, когда позволено будет устроить переезд Луизы домой, пока не было возможности; родители ее, готовившиеся вскоре уехать, дабы провести с внуками Рождество, не питали и малой надежды, что у них выйдет взять дочь с собою.

Все Масгроувы, хоть и с грехом пополам, но разместились в Лайме. При малейшей возможности миссис Масгроув принимала на попечение детей миссис Харвил; для вспоможения Харвилам доставлялись из Апперкросса разные полезные припасы, Харвилы же норовили всякий день приглашать Масгроувов на обед, — то есть, обе стороны с превеликим воодушевлением состязались в радушии и бескорыстии.

И только Мэри, по обыкновению, находила личные поводы для расстройств, но, поскольку она отнюдь не спешила покидать Лайм, надо полагать, что радости ее все же возобладали над печалью. Несомненно, Чарльз Хэйтер гостил в Лайме много чаще, нежели бы ей хотелось; а когда случалось обедать у Харвилов, им прислуживала всего одна служанка; к тому же миссис Харвил почему-то вначале предпочитала усаживать на почетное место миссис Масгроув; позднее, она даже слезно повинилась перед Мэри, прознав, чья она дочь; и они с нею стали много раз на дню видаться; а в библиотеке Харвилов обнаружилось множество романов для Мэри, каковые она меняла столь часто, что даже склонялась к примирению с Лаймом. Ее, помимо всего, свозили в Чармут, где удалось ей искупаться, и потом она тоже часто купалась, а также посещала церковь, где во время службы ей уж точно было, на кого поглазеть, — совсем не так, как в их пустой и скучной церквушке в Апперкроссе; с учетом всех этих обстоятельств, коим осознание значимости приносимых ею жертв вовсе не препятствовало, Мэри провела в Лайме две прелестных недели.

Энн поинтересовалась у Мэри насчет капитана Бенвика.

— О, капитан Бенвик в полном порядке, но понять его — непросто, это весьма странный молодой человек. Мы пригласили капитана провести у нас несколько дней, Чарльз даже собирался повести его на отстрел дичи. Казалось, Бенвик был восхищен подобной перспективой, и мы посчитали, что договорились. Вдруг во вторник вечером он появляется к нам с самыми нелепыми извинениями, какие только можно представить. «Он-де в жизни ружья не брал в руки», «его, видите ли, неправильно поняли», потом он наобещал нам с три короба, а в заключение просто наотрез отказался с нами

ехать! Видно, решил, что будет с нами скучать, но, уверена, у нас, на Вилле Апперкросс, мы даже такого страдальца, как капитан Бенвик, уж наверняка сумели бы развеселить!

Чарльз тут зашелся от хохота и молвил:

— Но Мэри, уж тебе ли не знать, как вообще так вышло?! Все это (тут он обернулся к Энн) приключилось из-за тебя, да-да! Он-то воображал себе, что, приехав к нам, окажется с тобою под одной крышей; когда же выяснилось, что ты теперь проживаешь с леди Рассел аж в трех милях от нас, он в сердцах отверг наше предложение.

Мэри не слишком сочувственно отнеслась к версии Чарльза; то ли она придерживалась мнения, что капитан Бенвик, по причине низкого происхождения и скудного состояния, не вправе полюбить дочь сэра Уолтера Эллиота, то ли ей претила мысль, что Энн способна привлечь гостя в Апперкросс успешнее, нежели она сама, — нам остается лишь гадать. Энн, впрочем, совершенно не была огорошена необыкновенным поворотом разговора. Она храбро призналась себе, что весьма польщена, а потому, как ни в чем не бывало, вернулась к расспросам.

— О, знала бы ты только, — начал было Чарльз, — в каких возвышенных тонах он о тебе рассуждает...

Но его немедленно прервала Мэри:

— Чарльз, я положительно уверена, что за все время, проведенное нами в Лайме, капитан Бенвик не упомянул имени Энн и двух раз! Энн, милочка, поверь, он совсем ничего о тебе не говорит.

— Допустим, — согласился Чарльз. — Допустим, что имени он не упоминал. Но для меня яснее ясного, Энн, что он сходит по тебе с ума! Представь только, он бредит книгами, что ты присоветовала ему прочесть, и сгорает от желания обсудить их с тобою; в какой-то из них он отрыл интересное место... ах, нет! К чему притворяться?! Я забыл, в чем там соль, но помню — что-то жутко возвышенное! Да, и еще: когда он говорил с Генриеттой, то явственно произнес: «Мисс Эллиот»! Да, Мэри, не спорь, за это я ручаюсь, поскольку слышал своими ушами, тогда как ты вообще была в другой комнате. Сейчас, сейчас... Вот, вспомнил: «Изящество, Такт, Красота и Честь! О, мисс Эллиот, чар ее не счесть!»

— Уверена, — с жаром вскричала Мэри, — что, если капитан Бенвик действительно брякнул что-то подобное, это крайне скверно его характеризует! Подумать только: ведь бедная мисс Харвил скончалась всего лишь в прошлом июне... Ах, такому сердцу — цена грош, не правда ли, леди Рассел? Не сомневаюсь, что вы согласитесь со мною.

— Прежде, чем выносить суждение о нем, мне необходимо самой увидеть капитана Бенвика, — улынувшись, ответила ей леди Рассел.

— И у вас очень скоро будет такая возможность, поверьте, сударыня, — проговорил Чарльз. — И неважно, что он не пожелал ехать с нами. Предполагаю даже, что он будет откладывать свой визит до последнего. Но, будьте уверены, он вскоре наведается в Келлинч, — как бы случайно, ненароком. Я постарался самым подробным образом объяснить ему дорогу, заодно не поленившись расписать дивные красоты местной церкви. Как известно, капитан Бенвик — страстный охотник до всяких архитектурных изысков; ну вот и пришло мне в голову, что, тем самым, я словно бы предоставляю ему достойный предлог; и что же — он впитывал в себя каждое мое слово; оттого-то я и думаю, что нам следует ждать его появления, причем в самом скором времени! Считайте, что я вас предупредил, леди Рассел.

— Я готова с радостью оказать гостеприимство любому из добрых знакомых Энн, — любезно отвечала леди Рассел.

— Ну, что касается так называемых знакомых Энн, — вознегодовала Мэри, — то капитан Бенвик — скорее уж мой знакомый! Последние две недели мы практически не разлучались с ним!

— Ну что ж, учитывая, что он хорошо знаком вам обоим, я буду счастлива встретиться с капитаном Бенвиком.

— Уверю вас, сударыня, знакомство с капитаном Бенвиком не доставит вам никакого удовольствия, мадам. Его можно назвать самым скучным из всех людей, что когда-либо жили на свете! Случалось, он проходил со мною от одного конца набережной до другого, умудряясь при этом ни разу не разомкнуть рта. Нет, этого молодого человека решительно нельзя назвать учтивым. Я совершенно уверена, что вам он не придется по душе.

— Тут мы с тобой не совпадаем, Мэри, — произнесла Энн. — Лично я думаю, что капитан Бенвик обязательно понравится леди Рассел. И я даже считаю, что, узнав высокие достоинства его ума, леди Рассел изволит простить капитану Бенвику огрехи его воспитания.

— Я тоже так считаю, — заявил Чарльз. — И я уверен, что леди Рассел он понравится. И более того: я нахожу, что капитан Бенвик именно во вкусе леди Рассел: достаточно вручить ему книгу, и он не оторвется от нее до скончания дня.

— О да, этот и впрямь не оторвется! — язвительно усмехнулась Мэри. — Так и будет весь день сидеть, уткнувшись в свою дурацкую книгу, и неважно — обращаешься ли ты к нему, роняешь ли ножницы на пол; да и вообще: случись, что угодно, — он и ухом не поведет! И вы оба действительно полагаете, что такое безобразие может понравиться леди Рассел?

Тут леди Рассел, не выдержав, весело рассмеялась.

— Право же, — едва выговорила она от смеха, — я и предположить не могла, что мое мнение относительно кого бы то ни было способно явиться причиной столь ожесточенного противостояния. Теперь мне самой угодно, чтобы он приехал сюда. И тогда, Мэри, ты непременно узнаешь мое о нем мнение, но не раньше.

— Могу ругаться, он вам не понравится, — обиженно буркнула Мэри.

И вслед за тем леди Рассел изволила перейти к иной теме. А Мэри, последовав ее же примеру, в приподнятом тоне стала вспоминать о встрече, а точнее, об упущенной встрече с мистером Эллиотом.

— Ну а этого человека я определенно не пожелала бы принять у себя. Он пренебрег сердечным к нему отношением главы рода, к которому имеет честь принадлежать, что одно уже производит пренебрежительное впечатление.

Столь резкая отповедь, сродни окончательному приговору, лишила Мэри вдохновения и напроочь пресекла дальнейшие ее разглагольствования.

Энн не позволяла себе выказывать интерес к капитану Уэнтворту, но рассказы о нем не замедлили прозвучать в гостиной. Как, собственно, и можно было ожидать, настроение капитана явно поменялось в лучшую сторону, он совсем сейчас не походил на того человека, коим предстал на первой неделе после трагедии. С Луизой он предпочитал не видаться, опасаясь скверных для нее последствий от их встречи. Более того: капитан обнаружил свое намерение удалиться из Лайма на неделю, покуда Луизе окончательно не полегчает. И теперь капитан Уэнтворт готовился отбыть в Плимут, приглашая капитана

Бенвика присоединиться к нему. Однако сам Бенвик, если верить настойчивым уверениям Чарльза Масгроува, был куда более расположен нанести визит в Келлинч.

Как леди Рассел, так и Энн зачастую вспоминали о капитана Бенвике. Заслышав безбжанье дверного колокольчика, леди Рассел всякий раз предполагала, что это именно капитан Бенвик, решивший пожаловать к ней с визитом. А Энн, потворствуя милой привычке юности и задумчиво бродя по прежним отцовским уголкам или же навещающая в деревне недужных, неизменно готовилась по своему возвращении застать его в доме или же, по крайней мере, получит от Бенвика известие. Тем не менее, капитан Бенвик не появлялся. Преувеличенная ли уверенность Чарльза была тому виной или же чрезмерная робость самого капитана Бенвика — неизвестно; напрасно прождав его в продолжение целой недели, леди Рассел вывела заключение, что, возможно, капитан Бенвик решительно не заслуживает интереса, каковой он поначалу в ней пробудил.

Мистер и миссис Масгроувы, возвратившиеся к внукам в разгар рождественских каникул, привезли с собой и детишек Харвилов, до предела усугубив шумовой фон в Апперкроссе, но позволив при этом домику тех же Харвилов в Лайме погрузиться в спасительную тишину. Генриетта была при Луизе, а остальные представители семейства водворились на исконных своих позициях.

Леди Рассел и Энн однажды пожаловали в Апперкросс с визитом, где убедились, что он вновь ожил. Да, ни Генриетты, ни Луизы, ни Чарльза Хэйтера, ни капитана Уэнтворта покуда здесь не было, но со времени отъезда Энн все совершенно переменилось, да так, что лучше не бывает.

Маленькие Харвилы, спасаясь от жестокой тирании мальчуганов с Виллы, привезенных специально для их развлечения, то и дело искали защиты у миссис Масгроув, и она уж старалась уберечь их, как только могла. В одном углу залы был поставлен стол, за которым девчушки, весело щебеча, нарезали папиросную и золотую бумагу; а в другом его же двойник был заставлен подносами и чуть ли не прогибался под тяжестью множества пирогов и холодцов; ну а рядом окончательно распоясавшиеся внуки Масгроувов учиняли разгул и дебош; огонь в рождественском очаге был настолько силен, что даже заглушал шум всей этой развеселой оргии. Чарльз и Мэри, конечно же, были в числе гостей; мистер Масгроув, сочтя долгом своим развлекать леди Рассел, в продолжение десяти минут тшился перекричать гомон ребятни, неумоимо слезившей у него на коленях, но принужден был оставить все попытки быть услышанным. Поистине то была картина безусловного семейного счастья.

Энн, исходя из своих предпочтений, решительно не могла счесть сей ураган удовлетворительным средством для поправления нервов, каковые были существенно подорваны переживаниями о Луизе. В отличие от нее, миссис Масгроув, подозревая к себе Энн, дабы лишний раз возблагодарить ее за все бесчисленные заботы, не исключая и переживаний от всего, чему та явилась свидетельницей, удовлетворенно возвестила, обводя счастливым взором праздничную комнату, что после всего, лично ею пережитого, наиболее действенным и способствующим исцелению средством является именно пребывание в мирной обители домашних радостей.

Между тем Луиза стремительно выздоравливала. Мать ее даже выразила надежду, что Луиза окажется дома еще до возвращения в школу ее младших братцев и сестриц. Харвилы пообещали непременно сопроводить Луизу до Апперкросса, когда придет срок. Капитан Уэнтворт на тот момент пребывал в отсутствии, навещающая брата в Шропшире.



— Будем надеяться, что я затвержу навсегда, — молвила леди Рассел, едва она вновь оказалась в карете, — как опрометчиво посещать Апперкросс во время рождественских каникул.

Что касемо шумов, то тут у каждого свои предпочтения; издаваемые звуки могут быть сочтены безобидными или мучительными — и это отнюдь не поставлено в зависимость от их громкости. Когда леди Рассел в один из дождливых вечеров возвратилась в Бат, следуя бесконечной чередой улиц от Старого Моста на Камден-плэйс в непрестанном мельтешении прочих карет и под оглушительный грохот, издаваемый фурами и ломовиками, вкупе с пронзительными воплями газетчиков, зеленщиков и пирожников, а также еще и под деревянный перестук башмаков по булыжным мостовым, ей и в голову не пришло бы сетовать на все это. То были звуки, причисляемые ею

к привычным увеселениям зимней поры; она внимала им с радостью, отдыхая всей душой; если бы ей было присуще обыкновение выражать мысли вслух, подобно тому как это делала миссис Масгроув, она наверняка изволила бы молвить, что после мучительной деревенской скуки, «наиболее действенным и способствующим исцелению средством является именно пребывание в мирной обители домашних радостей».

Энн и близко не разделяла ее чувств. Она, пусть и молча, но по-прежнему испытывала неприязнь к Бату; почти не различая за пеленою дождя расплывчатые очертания домов, она даже не стремилась их толком разглядеть; как ни угнетало ее бесконечное следование по шумным улицам, оно, однако же, представлялось ей чересчур стремительным; Энн знала, что ее приезду никто не будет рад. Испытывая нежную душевную тоску, она вспоминала развеселую кутерьму Апперкрасса и спасительное уединение Келлинча.

Тем не менее, в последнем письме от Элизабет к Энн содержались весьма любопытные известия. Мистер Эллиот наведаясь к ним в Бате! Явившись к ним в дом на Камден-плэйс, он затем повторил свои визиты во второй и даже в третий раз. Показался им всем исключительно обходительным джентльменом. Если Элизабет и сэра Уолтер верно рассудили, он усердно стремился к восстановлению меж ними дружеских отношений, и как прежде выказывал им свое пренебрежение, так теперь проявлял, казалось, неподдельный интерес. Что ж, если это правда, то все представляло в весьма любопытном свете. Таковое поведение мистера Эллиота порождало в леди Рассел недоумение приятного свойства, и она уже была склонна отречься от прежнего своего мнения о нем, каковое было недавно высказано ею Мэри: «... Этого человека я определенно не пожелала бы принять у себя». Ныне она всецело пребывала во власти желания как можно скорее с ним увидеться. Ведь если мистер Эллиот действительно возымел желание занять подобающее ему место послушной ветви фамильного древа, он заслуживал прощения за то, что дерзнул ранее отринуть родовые связи.

Данное обстоятельство менее всего занимало Энн, но и она, однако, была совсем не прочь вновь повстречаться с мистером Эллиотом, совершенно не испытывая подобного желания по отношению ко множеству других лиц, с коими была обречена общаться, оказавшись в Бате.

Леди Рассел подвезла Энн на Камден-плэйс, а сама проследовала далее к собственному обиталищу на Риверс-стрит.

ГЛАВА XV

Сэр Уолтер снял в Камден-плэйс великолепный дом, вполне заслуживавший того, чтобы в нем поселился столь выдающийся человек; он и Элизабет обосновались там с величайшим удовлетворением.

Предвидя печальную участь затворницы, что была ей, вне всякого сомнения, уготована, Энн с тоской переступила порог нового дома; она непрестанно спрашивала себя: «Когда же смогу я вырваться отсюда, чтобы вновь жить на воле?!» Вопреки ожиданию, ей устроили прием, не лишенный сердечности. Отец с сестрою не только встретили ее благосклонно и даже самолично представили комнаты, в которых Энн отныне предстояло жить. Когда же настало время обедать, то за столом даже с некоторой радостью прозвучало, что, наконец-то их теперь четверо.

Миссис Клэй лучилась приветливостью, непрерывно улыбаясь, что ничуть не удивило Энн. Гораздо в большей степени была она озадачена благоволением к себе со стороны остальных. Это было ей внове; а родные ее пребывали в наизамечательнейшем расположении духа, и очень скоро Энн довелось узнать, что именно было тому причиной. В сущности, они не слишком скрывали, что особого желания внимать Энн у них нет, тем более что она никоим образом не подтвердила несомненных догадок, что по сэру Уолтеру и Элизабет до сих пор безутешно скорбит чуть ли не вся округа. Уделив ничтожную толику внимания расспросам, они поспешили перейти к повествованию о себе. Апперкросс был не важен им, а Келлинч уже совсем мало интересен. Ныне существовал для них единственно Бат.

Они с удовольствием заверили Энн, что Бат вполне оправдал связанные с ним ожидания. Дом, выбранный ими на Камден-плэйс, превосходил все прочие дома по соседству, по изысканности обстановки и великолепию убранства с гостиными их не смела соперничать ни одна из тех гостиных, где довелось им побывать и о коих выпало слышать. Все наперебой искали с ними знакомства и напрашивались с визитом. Как ни пытались они уклониться от тех, что норовили представиться им, но все равно утопали во множестве визитных карточек от лиц решительно неведомых.

И все это — повод для торжества?! Могла ли удивляться Энн счастьем отца и своей сестры? Нет, конечно, она нимало не удивлялась, но горько вздыхала от мысли, что отец, похоже, даже не отдавал отчета, насколько унижительны для него имеющие место перемены, что он с такой небрежной легкостью сложил с плеч бремя долга, налагаемого жизнью на каждого почтенного помещика, предавшись суетности ничтожных городских увеселений; Энн вздыхала, печально улыбаясь и недоумевая, когда Элизабет с важной миной отворяла перед нею двери и водила ее из одной гостиной в другую, восхищаясь их мнимой просторностью; и это она, недавняя владычица несравненного Келлинч-холла, полагавшая ныне, что каких-то тридцать жалких футов расстояния между двумя стенами более чем удовлетворяют ее гордости!

Впрочем, имелись и иные источники нынешнего их счастья. Это, естественно, был мистер Эллиот. Энн пришлось многое о нем выслушать. Оказывается, он не только уже был прощен ими, но даже сподобился вызвать к себе восхищение. Пребывая в Бате уже около двух недель (ранее, в ноябре ему случилось миновать Бат на пути в Лондон и, хотя в его распоряжении было не более суток, весть о появлении в городе сэра Уолтера каким-то образом достигла его, правда, он не имел тогда возможности тотчас воспользоваться ею), он первым же делом по приезде оставил свою визитную карточку с настоятельной просьбой принять его, а когда это совершилось, выказал столь удивительную открытость и такую готовность совершенно загладить бывшее, что не преминул даже поделиться мечтой о том, чтобы впредь они все могли общаться исключительно как хорошие родственники. В итоге, бывшая и превосходная его репутация в их глазах полностью восстановилась.

Теперь они уже не находили за мистером Эллиотом какой-либо вины, тем более что он сам дал исчерпывающее объяснение своего якобы пренебрежения ими. Оказалось, виной всему — лишь недоразумение. У него никогда и в мыслях не было намерения отречься от них, наоборот, это он страшился, что от него, неведомо по какой причине, отреклись, и умолчал об этом единственно из присущей ему скромности. Когда же наметкнули ему слегка о его непочтительных отзывах в адрес семейства и выказанном им пренебрежении родовой честью, мистер Эллиот пришел в благородное негодование! Подозревать его, всегда гордившегося тем, что он носит имя рода Эллиотов, а относительно святости родственных уз следовавшего понятиям, чрезмерно строгим для нынешнего разгульного века?! Он, пребывая все это время в горестном недоумении, лелеял светлую надежду, что его характер и деяния неизбежно пресекут нелестные слухи, распространяемые о нем коварными недоброжелателями. Мистер Эллиот также категорически настаивал, чтобы сэр Уолтер сподобился навести о нем необходимые справки у всех знавших его накоротке. Одним словом, явленные мистером Эллиотом старания, употребленные им на то, чтобы при первой же малейшей возможности вернуть статус добропорядочного родственника, равно как и вероятного наследника, в полной мере свидетельствовали о его искренности.

Даже обстоятельства женитьбы мистера Эллиота тоже, как оказалось, заслуживали снисхождения! Сам мистер Эллиот предпочел о них не распространяться, однако ближайший друг его, полковник Уоллис, человек невероятных достоинств и истинный джентльмен (причем весьма недурной наружности, добавил от себя сэр Уолтер), с подобающей роскошью проживавший в Мальборо Бильдингс¹, счел необходимым

¹ Marlborough Buildings (англ.). Это уникальный комплекс из 22 домов в Бате, выстроенных в линию и плотно прилегающих друг к другу. Первоначально — Молочная улица (Milk Street), переименована в 1790 г. Строительство было начато в 1788 году и завершено к сентябрю 1791 г., причем все дома были сразу же заселены. Характерно, что изначальные владельцы выкупили здания, а потому могли позволить себе позаботиться о придании особых архитектурных изысков собственным их обиталищам. В дальнейшем в этих домах предпочитали селиться представители знати и даже высшего сословия. Так, например, герцог Девонширский снимал в Marlborough Buildings один из домов для своего наследника со всем штатом прислуги. К сожалению, в 1960–1970 гг. Изрядная часть домов была переделана под апартаменты. Сегодня — объект культурного наследия, снискавший дополнительную популярность благодаря упоминанию на страницах данного романа.

для себя представиться им через самого мистера Эллиота, о чем неоднократно испрашивал у последнего позволения; вот он-то и привел ряд подробностей, относящихся к женитьбе мистера Эллиота и, безусловно, призванные его оправдать.

Полковник Уоллис не только был давно знаком с мистером Эллиотом, но знал также и его супругу, а потому вполне отдавал себе отчет, что меж ними произошло на самом деле. Супруга, уступая мистеру Эллиоту в происхождении, была богата, хорошо образована и отличалась хорошим воспитанием. Она без памяти влюбилась в мистера Эллиота и пыталась увлечь его любым способом. Чары ее были столь неотразимы, что мистер Эллиот не смог устоять, а в противном случае, она никак не смогла бы соблазнить мистера Эллиота (сэру Уолтеру было также доподлинно известно о невероятной красоте этой женщины). Что ж, это все меняло, причем кардинально. Неотразимая красавица, обладающая баснословным состоянием и вдобавок по уши влюблена! Сэр Уолтер был готов теперь понять своего сына; правда, у Элизабет пока что не получалось представить ситуацию в столь выгодном для мистера Эллиота ракурсе, но это отнюдь не мешало ей полностью его оправдать.

Мистер Эллиот взял за обыкновение навещать к ним и даже был однажды приглашен к обеду, каковым приглашением он был весьма польщен, поскольку знал, что устройство званых обедов не в обычаях Эллиотов; можно сделать вывод, что мистер Эллиот невероятно оценил столь веское доказательство вновь обретенной его родственной близости и видел свое счастье единственно в том, чтобы и в дальнейшем быть принимаемым на Камден-плэйс в качестве своего.

Энн внимательно слушала и была не в силах понять. Следовало воскресить в памяти, и хорошенько постараться к тому же, свод понятий, коих придерживались те, чьему рассказу она сейчас внимала. Возможно, конечно, что история примирения выглядела в ее глазах настолько неподобающе еще и вследствие того, каким образом она была Энн представлена. Ей, вместе с тем, думалось, что в упорном стремлении мистера Эллиота быть принятым на Камден-плэйс в прежнем своем качестве, скорее всего, скрыто нечто такое, что покуда не может быть ими увидено. Казалось бы, в плане материальном мистер Эллиот ровным счетом ничего не выигрывал от сближения с сэром Уолтером; от разрыва отношений он тоже ничего не терял. Вероятнее всего, в настоящий момент он по-прежнему значительно превосходил богатством сэра Уолтера. В дальнейшем, по кончине сэра Уолтера, Келлингхолл, как, собственно, и титул, неизбежно доставался мистеру Эллиоту. Спрашивается, для чего же тогда ему, как человеку трезвого ума, а в трезвом уме мистера Эллиота не было причин сомневаться, — для чего ему все это?! Энн видела лишь одно объяснение — Элизабет. Вероятно, он испытывал некогда к ней чувства; затем, из соображений практических и по воле случая, он оставил ее; а ныне, всецело распоряжаясь собою, в нем проснулись прежние чувства, и он возжелал сближения с нею. Элизабет, конечно же, весьма пригожа, у нее бесподобные манеры, пленяющие изяществом и благородством, а истинного характера ее мистер Эллиот не успел открыть для себя ранее, поскольку встречались они только на людях, вдобавок, он в то время был желторотым юнцом. В какой мере нрав Элизабет и ее рассудок способны совладать с принятием всех особенностей его нынешнего и весьма захватывающего образа жизни, — это был уже другой вопрос, хотя и весьма серьезный. При этом Энн от всей души желала, чтобы мистер Эллиот не пытался быть сверх меры обаятельным или слишком придирчивым в мелочах, если Элизабет и в самом деле была объектом его сердечных чувств. Сама же Элизабет очень даже скло-

нялась к подобному заключению, а ее подруга, миссис Клэй, горячо поддерживала ее надежды, что следовало из тех особенных взглядов, которыми они обменивались, едва в беседе затрагивалась тема, связанная с участвовавшими визитами мистера Эллиота.

Энн сочла уместным поведать о двух мимолетных встречах с мистером Эллиотом в Лайме, но никого этим не заинтересовала. «О да, возможно, это и впрямь был мистер Эллиот. Откуда им знать? Наверное, он». Что им была за нужда выслушивать, каким нашла его Энн? Они сами предпочитали описывать его облик, особенно сэр Уолтер. Отдавая должное благородной наружности сына, равно как тщательности туалета и следованию за модой, не в ущерб эlegantности, а также красоте лица и проникновенному взгляду, сэр Уолтер, в то же время, сокрушался, что «...у мистера Эллиота весьма выдается вперед нижняя челюсть, каковая особенность внешности лишь усугубилась с годами; да и вообще нельзя не вывести, что все черты его определенно претерпели ухудшение. Ну а мистер Эллиот счел, что он (то есть сэр Уолтер) ничуть не изменился и выглядит совершенно так же, как и при их расставании», и очень досадно, что «...ему нельзя было ответить тем же, отчего невольно возникла неловкость. Тем не менее, особо сожалеть об этом не приходится. Мистер Эллиот выглядит много лучше большинства мужчин, и с ним можно показаться, где угодно».

В продолжение вечера главной темой разговоров являлись мистер Эллиот и его друг, что проживал в Мальборо Бильдингс. «Полковнику Уоллису просто не терпелось быть нам представленным! А как хотел этого мистер Эллиот!» Существовала также и миссис Уоллис, но ее в Камден-плейс знали пока лишь заочно, поскольку она готовилась со дня на день разрешиться от бремени; мистер Эллиот распространялся о ней, как о «прекраснейшей особе, в высшей степени достойной того, чтобы быть представленной сэру Уолтеру и Элизабет», с нею было решено свести знакомство, едва она полностью оправится. Сэр Уолтер высоко оценивал миссис Уоллис; ему было известно, что все находят ее раскрасавицей; ему «...хочется безотлагательно ее увидеть, поскольку он верит, что лицемерие ее прекрасных черт явится щедрой компенсацией за изобилие скверных лиц, ежедневно встречающихся ему на улицах Бата. Да, можно сказать, что худшее в таком городе, как Бат, — это великое множество уродливых женщин. Он вовсе не изволил считать, что хорошеньких женщин в этом городе и вовсе нет, но число дурнушек просто выходит уже за рамки приличия. Гуляя, он неоднократно замечал, что на одну хорошенькую женщину приходится тридцать, а то даже и тридцать пять страшилищ; как-то раз, находясь возле витрины на Бонд-стрит, он насчитал восемьдесят семь женщин, миновавших его, и среди них не встретилось ему ни одной мало-мальски пригожей физиономии. Впрочем, утро выдалось тогда довольно-таки морозное, и даже более того — стоял такой мороз, каковой способная была выдержать от силы одна прекрасница из тысячи, но, тем не менее, Бат, к прискорбию моему, просто переполнен уродливыми особами! Ну а о мужчинах и вообще говорить нечего. Урод на уроде, только и знают, что по улицам шастают, и там их видимо-невидимо, целые толпы! О том, как редко местным женщинам удастся общаться с достойными людьми, можно судить по их поведению, когда они встречаются на пути человека с благообразной наружностью. Им с полковником Уоллисом ни разу еще не довелось прогуливаться под руку, не привлекая к себе женских взоров; оно и понятно: у полковника превосходная выправка, правда, сам он рыжий; но женщины, все до одной, не могли отвести глаз от полковника Уоллиса». О, сэр Уолтер, поистине скромник из скромников! Да только на сей раз хитроумный маневр ему решитель-

но не удался, поскольку дочь его и миссис Клэй в унисон поспешили намекнуть, что спутник полковника Уоллиса и сам обладает первоклассной выправкой, вдобавок, он отнюдь не рыжий.

— А как там Мэри, хорошо ли выглядит? — благодушно поинтересовался сэр Уолтер, пребывая в превосходном настроении. — В последний раз, что мы с нею виделись, у нее почему-то был красный нос, но, очень надеюсь, с ней такое не каждый день случается.

— Нет-нет, что вы! То была чистая случайность. Сейчас она в полном порядке и, где-то начиная с октября, выглядит просто замечательно.

— Не опасайся я, что это станет для нее поводом покидать дом в непогоду, подвергая себя риску простудиться и заполучить для себя обветренное лицо, я обязательно послал бы ей в подарок новую мантилью со шляпкой.

У Энн чесался язык сказать, что платье или, скажем, чепец смогут подвергнуть Мэри столь опасному соблазну, когда мысли ее были прерваны неожиданным стуком в дверь, отчего заботы о благе Мэри разом отошли на второй план. Стучат!!! Да еще в столь поздний час! Не мистер ли Эллиот?! Было известно, что он имеет обыкновение обедать на Лэнсдаун Кресцент; видно, возвращаясь домой, мистер Эллиот пожелал их навестить. А больше и некому! Мисс Клэй была положительно убеждена, что за дверью — мистер Эллиот. И она была права!!! Вослед за тем, с беспредельной пышностью, каковую только могли обеспечить дворецкий и мальчик-слуга, мистера Эллиота препроводили в гостиную.

Да, это определенно был он, только по-другому одетый. Энн решила для себя, что будет держаться в стороне; а тем временем мистер Эллиот обменивался со всеми приветствиями, прежде повинившись перед Элизабет за столь позднее вторжение. Как выяснилось, он проезжал мимо Камден-плейс и ощутил вдруг, что просто обязан зайти к ним — и в первую очередь затем, чтобы осведомиться, не случилось ли часом Элизабет и ее подруге простудиться накануне, — ну и так далее, и тому подобное; все это говорилось мистером Эллиотом крайне учтиво и, не менее учтиво, принималось. А затем пришел черед Энн. Сэр Уолтер представил ее в качестве своей младшей дочери. Это прозвучало так: с великодушного позволения мистера Эллиота, он изволит представить его своей младшей (Мэри была отчего-то позабыта); Энн, жутко смущаясь и краснея, что, кстати, весьма ей шло, приблизилась к мистеру Эллиоту и, заметив его смятенный взгляд, устремленный на ее черты, ставшие особенно милыми и, судя по всему, отнюдь не стершиеся у него из памяти, поразились, открыв, что он до сих пор не имел и отдаленного понятия о том, кто она такая! Изумление мистера Эллиота уступало его восторгу. Его глаза волшебным образом засияли. Он не преминул немедленно сообщить, сколь безмерно обрадован, что они, оказывается, состоят в родстве, а также напомнил ей о встречах в Лайме, умоляя считать его отныне добрым знакомым. Мистер Эллиот выглядел так же привлекательно, как и в Лайме, притом, что внешность его определенно выигрывала, едва начинал он говорить. Держался он превосходно — и до того изящно, непринужденно и очаровательно, что Энн могла сравнивать его лишь с одним-единственным человеком на свете. Эти двое мужчин, конечно же, сильно отличались между собой, но, безусловно, стояли друг друга.

Мистер Эллиот присел к дамам и, признаться, крайне оживил беседу. Чувствовалось сразу, что он очень умен. Энн хватило и десяти минут, чтобы понять это. Сами тон мистера Эллиота, способ выражения мыслей, избираемые им темы для раз-



*Им с полковником Уоллисом ни разу еще не довелось прогуливаться под руку,
не привлекая к себе женских взоров.*

говора, искусное умение вовремя прерваться, дабы не зайти чересчур далеко, — абсолютно все говорило в пользу ума острого и внимательного. Ухватившись за первую же возможность, мистер Эллиот заговорил о пребывании в Лайме, стора от желания обменяться впечатлениями, но еще более желая подивиться странному капризу Судьбы, вознамерившейся свести их в одной гостинице; мистеру Эллиоту хотелось узнать об излюбленных курортных маршрутах Энн и поделиться своими и, естественно, изъяснить горькое сожаление свое, что упустил тогда прекрасную возможность засвидетельствовать ей свое почтение. Энн сообщила мистеру Эллиоту, что ей пришлось пережить в Лайме. Мистер Эллиот слушал ее со все более возрастающим вниманием. Сам он, как оказалось, провел вечер в полном одиночестве по соседству с ними; он различал голоса, звучащие из-за стены, слышал, как там веселятся, и, посчитав, что соседи его — уж точно замечательный народ, всей душою устремлялся к ним, так и не решившись, однако, представиться, хотя ему даже надлежало это сделать. Услышь он тогда фамилию «Масгроув», — и это сообщило бы ему о многом. Что ж, он получил хороший урок и навеки отринул пагубную привычку никогда и ни о ком не справляться в гостиницах, с коей не расставался с самых юных лет, пребывая в убеждении, что праздное любопытство претит светскому человеку.

— Ни у кого на свете нет столь вздорных представлений о том, как следует поступать, дабы не уронить собственного достоинства, — с горечью заметил мистер Эллиот, — за исключением молодого человека двадцати лет. Избираемые им нелепые средства вполне соответствуют избираемым целям.

Естественно, мистер Эллиот не мог общаться исключительно с Энн, как бы он этого ни желал. Он прекрасно понимал это. Волей-неволей принялся он поддерживать общую беседу, позволяя себе лишь изредка возвращаться к Лайму. Но, тем не менее, ему постепенно удалось выяснить все подробности происшествия, случившегося после его отъезда. Едва узнав о нем, он не мог не выпросить Энн обо всех деталях. Его расспросы были с энтузиазмом поддержаны Сэром Уолтером и Элизабет. Но Боже! Какая же проступила разница! То, какие вопросы они задавали и как именно это делали, можно было счесть лишь неудовлетворительным. Что же касается мистера Эллиота, то по стремлению искренне охватить умом случившуюся трагедию и изощренному и сочувственному пониманию им тех мучений, что причинил Энн собственный ее рассказ, она готова была сравнить его разве что с леди Рассел.

Мистер Эллиот провел в Камден-плэйс не так уж много времени. Стоило изящным часикам на камине оповестить серебристым звоном о наступлении одиннадцати часов, как в подтверждение этого немедленно послышалась колотушка ночного сторожа, звучащая откуда-то издалека. Тогда мистер Эллиот, спохватившись, что он явно засиделся в гостях, откланялся.

Да, Энн уж никак не могла рассчитывать на то, что самый первый ее вечер на Камден-плэйс доставит ей столько радости.

ГЛАВА XVI

Существовало одно обстоятельство, в коем Энн, вновь очутившейся в семейном лоне, хотелось убедиться гораздо больше, нежели удостовериться, что мистер Эллиот, действительно, влюблен в Элизабет. Энн желала увериться, что ее сэр Уолтер, ее отец, не влюблен в миссис Клэй. Первые часы, проведенные на новом месте, не принесли желаемого результата. Спускаясь на следующее утро к завтраку, Энн стало ясно, что миссис Клэй на редкость ловко прикинулась, будто бы собирается с ними расстаться. По всей видимости, она изрекла что-нибудь в таком духе: «...раз вернулась мисс Энн, то она больше здесь не нужна», поскольку Энн услышала, как Элизабет, не согласившись с этим утверждением, прошептала: « У вас нет веской причины уезжать. Поверьте, абсолютно никакой. По сравнению с вами, Энн — пустое место»; когда же Энн вошла в столовую, отец ее уже произносил пышную тираду: «Я не могу согласиться с принятым вами решением. Во-первых, вы еще не осмотрели всех достопримечательностей Бата. До сих пор вы только и делали, что помогали нам осуществить переезд. Зачем вам покидать нас, да еще именно сейчас? К тому же вы еще не имели возможности познакомиться с миссис Уоллис, да-да, обворожительной миссис Уоллис. А мне-то доподлинно известно, каким наслаждением для вашей возвышенной души является созерцание истинной красоты».

Сэр Уолтер произносил свою речь с таким жаром, что Энн совсем не удивилась, заметив, как миссис Клэй украдкой окинула их с Элизабет быстрым взглядом. Когда сэр Уолтер умолк, в чертах миссис Клэй отразилось нечто, должествующее означать, по всей видимости, смущенное недоумение. Но Элизабет совершенно не была смущена теми похвалами, что расточались в адрес миссис Клэй. Последней оставалось лишь удовлетворить молебны страждущих, и она милостиво пообещала остаться.

Утром, оставшись с Энн наедине, сэр Уолтер оценил изменения в ее внешности, заметив, что «она, слава Богу, уже не такая тощая, как прежде, да и цвет лица куда более приятный теперь; и вся она как-то прямо посвежела; видно, средствами особыми пользовалась?» «Вовсе нет». «Стало быть, лишь «Гоулэнд»?¹ «Да нет, вообще ничего». «Ну и ну! Просто удивительно!» Помолчав, сэр Уолтер присовокупил:

¹ Имеется в виду лосьон «Гоулэнд» (Gowland's Lotion Improved) — косметическое средство для борьбы с веснушками и прыщами, разработанное парфюмером Макдональдом и выпущенное им в продажу в ноябре 1809 г. Основными ингредиентами лосьона были оксид ртути и суперфосфат свинца; печать пестрела предостережениями о том, какой вред может принести постоянное его использование в течение долгого времени, что, однако, не повлияло на распространение лосьона. У женщин XIX-го столетия «Гоулэнд», якобы помогавший всего за час (!) устранить досадные изъяны внешности, пользовался просто невероятной популярностью, а поэты даже посвящали ему торжественные оды и панегирики.

— Что ж, оставайся такой, как есть — от добра, как известно, добра не ищут. На всякий случай, рекомендую тебе «Гоулэнд». Весной его надлежит применять постоянно. Мисс Клэй, вняв моей рекомендации, не пожалела — от веснушек и следа не осталось, сама погляди.

Если бы Элизабет могла услышать эти слова! Подобное превознесение внешности миссис Клэй наверняка бы ее насторожило, тем более что сама Энн не заметила сколь-либо существенной убыли веснушек. Видно, чему быть — того не миновать. Да и вреда, в сущности, от этого брака будет не так уж и много, конечно, если Элизабет, в свою очередь, выйдет замуж. А сама Энн всегда может перебраться к леди Рассел и помочь ей управляться с домашними хлопотами.

Для леди Рассел, с ее сдержанностью и деликатностью, визиты на Камден-плэйс оставались сущей пыткой. Превознесение миссис Клэй и умаление Энн, отмечаемое леди Рассел, приводило ее в неописуемую досаду; впрочем, уклоняясь от визитов, она тоже не переставала досадовать, уделяя этому чувству все время, коим только и может располагать человек, лечащийся целебными водами Бата, не пропускающий книжных новинок и обладающий широким кругом знакомств.

Познакомившись с мистером Эллиотом, леди Рассел стала более снисходительной и менее пристрастной по отношению к остальным. Манеры мистера Эллиота превосходно рекомендовали его; побеседовав с ним лишь однажды, леди Рассел обнаружила в мистере Эллиоте такую бездну серьезности, что более не порицала за проявляемое им легкомыслие. Как леди Рассел впоследствии призналась Энн, она тогда чуть не воскликнула: «Что?! И это — мистер Эллиот?!»; теперь уже она не допускала и мысли, что может существовать кто-либо более приятный и достойный ее уважения. В мистере Эллиоте сочеталось буквально все: пронизательность, безукоризненность суждений, превосходное знание света; доброе и открытое сердце; в нем были сильно развиты чувства семейных уз и родовой чести; при этом он не демонстрировал ни заносчивости, ни вредных пристрастий; жить предпочитал на широкую ногу, как и подобает человеку со средствами, но богатством своим не хвастался; имел собственное суждение обо всех наиважнейших делах, избегая бросать вызов обществу и не посягая на приличия. Неизменно спокойный и сдержанный, внимательный и порядочный молодой человек; он не становился рабом минутной прихоти и не предавался самолюбованию под маской великодушия; он был способен дорожить тихими и милыми радостями от пребывания в семейном кругу, что не часто встречается у молодежи, наделенной неумными фантазиями. Леди Рассел не сомневалась, что брак мистера Эллиота оказался несчастливym. Сам полковник Уоллис подтверждал это, хотя и так нельзя было не заметить очевидного; таковое несчастье, однако же, не только не ожесточило его духа, а наоборот (как вскоре сделалось для нее очевидным), отнюдь не возбраняло ему подумывать о выборе новой супруги. Одним словом, ради удовольствия встречи с мистером Эллиотом леди Рассел была готова сносить даже присутствие невыносимой миссис Клэй.

Минуло уже несколько лет с того дня, как Энн убедилась, что она и несравненная подруга ее далеко не обо всем судят одинаково; ее поэтому совсем не удивляло, что леди Рассел не находит ничего подозрительного или необычного, что намекало бы на тайный умысел, в той необъяснимой настойчивости мистера Эллиота, с каковой он искал примирения с семьей. Леди Рассел полагала, что мистер Эллиот, вступив во зрелые года, посчитал необходимым для себя восстановить отношения с главою рода, и

подобное намерение выставляло его в самом выгодном свете; ибо ясный рассудок неизбежно исцеляется от заблуждений юности. Энн, внимая леди Рассел, тем не менее, позволила себе улыбнуться, а потом спросила о ее мнении по поводу Элизабет. Леди Рассел уклончиво бросила: «А, Элизабет! Славно; ну да там будет видно».

Леди Рассел явно уповала на будущее, и Энн, поразмыслив, решила последовать ее примеру. Слишком рано делать выводы! Элизабет в доме всегда и во всем была на первых ролях; ее окружали почтительным вниманием, и она совершенно к этому привыкла. Уже сам ее титул «Мисс Эллиот» не допускал существования почестей, еще более выдающихся, так куда и зачем ей спешить? Промедление же со стороны Мистера Эллиота тоже вполне объяснимо, ведь он всего семь месяцев как стал вдовцом. Видя креп на его шляпе, Энн даже корила себя за неуместные мысли; допустим, что брак мистера Эллиота не был счастливым, однако он прожил с супругой достаточно долго, чтобы внезапно пренебречь печальными воспоминаниями о ее безвременной кончине.

Но, чем бы там все не кончилось, мистер Эллиот безоговорочно был наиболее приятным из всех знакомых Энн. Да и с кем вообще можно было сравнить столь необыкновенного человека?! Энн наслаждалась, беседуя с мистером Эллиотом о Лайме, куда ему, равно как и ей самой, очень хотелось наведаться вновь. Они неоднократно возвращались к обстоятельствам их первой встречи. Мистер Эллиот признался, что Энн с первого же взгляда пробудила в нем неподдельный интерес. Ну, об этом она и так прекрасно знала, хотя и не забыла быстрый взгляд, который бросил на нее тот, другой.

Но они не во всем были едины. Энн отмечала, что мистер Эллиот куда больше внимания придавал чинам и связям, нежели она. Также и в заботы отца с сестрой он погружался не только из простой учтивости, но и из искреннего интереса, хотя, на взгляд, они этого решительно не заслуживали. Однажды в утреннем выпуске местной газеты появилось оповещение о скором визите в Бат вдовствующей виконтессы Дэрримпла с дочерью, достопочтенной мисс Картерет; в Камден-плэйс поднялась суета, продлившаяся много дней, поскольку Дэрримплы (к несчастью, как полагала Энн) состояли с Эллиотами в родстве; вот сэр Уолтер, как глава рода, и терзал себя мыслями о том, как бы достойнее им представиться.

Энн не доводилось прежде наблюдать отца с сестрой общающимися с высшей знатью, и она испытала крайнее разочарование. Она ожидала от них куда большего, с учетом их мнения о собственном высоком положении в свете; и вот теперь у Энн возникло желание, какового нельзя было предвидеть: ей хотелось, чтобы сэр Уолтер и Элизабет менее пресмыкались и вспомнили о гордости; ведь на Камден-плэйс только и было слышно о «наших родственниках Дэрримплах» и о «леди Дэрримпла и мисс Картерет, состоящих с нами в родстве», и Энн уже не могла этого выносить.

Сэру Уолтеру приходилось встречать покойного виконта, но о прочих членах его семейства он представления не имел; дополнительной сложностью для него было и то, что с момента кончины вышеупомянутого виконта переписка между семействами сошла на нет; вышло так неспроста: когда виконт испустил дух, сэр Уолтер как раз серьезно занедужил, а потому и не был в состоянии выразить соболезнования в письме, прочие же в Келлинг-холле допустили недомыслие и не позаботились об этом; сэр Уолтер был сочтен грешником и нечестивцем, чему доказательством стало отсутствие письменного соболезнования Дэрримплов после кончины леди Эллиот; а потому были все осно-



Жу.
97.

Утром, оставшись с Энн наедине, сэр Уолтер оценил изменения в ее внешности, заметив, что «она, слава Богу, уже не такая тощая, как прежде, да и цвет лица куда более приятный теперь».

вания опасаться, что таким способом Дэлримпла уведомяли Эллиотов о полном разрыве отношений. Каким образом можно было уладить сие обстоятельство деликатного свойства и вновь продолжить общаться по-родственному, — это был вопрос из вопросов для сэра Уолтера; леди Рассел и мистер Эллиот не выказывали особого фанатизма в этом плане, но не умаляли его важности. Семейные связи надлежит поддерживать, а достойного общества — искать. Стало известно, что леди Дэлримпла сняла для себя и дочери дом на Лаура-плэйс, где проведет около трех месяцев, по обыкновению, не отказывая себе в роскоши. Она уже навещала Бат годом ранее, и леди Рассел нашла ее просто очаровательной дамой. С ней, безусловно, стоило возобновить родственные отношения, но сделать это следовало, не роняя чести рода Эллиотов.

Но сэр Уолтер, как и всегда, поступил необдуманно. Он составил подробнейшее письмо, до предела насыщенное подробными объяснениями, сожалениями, извинениями в адрес высокочтимой кузины. Такового письма ни леди Рассел, ни мистер Эллиот одобрить не могли, но, как ни странно, оно в какой-то мере сыграло свою роль. От вдовствующей виконтессы Дэлримпла воспоследовал ответ; ровно три строчки, написанных каракулями: «Виконтесса необычайно польщена и будет рада возобновить знакомство». Уловка сработала, и настала пора насладиться успехом! На Лаура-плэйс был немедленно нанесен визит; вдовствующая виконтесса Дэлримпла и мисс Картерет соизволили предоставить свои визитные карточки, каковые были с восторгом выставлены в Камден-плэйс на всеобщее обозрение; буквально каждому сообщалось о «наших дорогих кузинах леди Дэлримпла и мисс Картерет».

Энн чуть ли не сгорала от стыда. Даже если бы леди Дэлримпла и дочь ее обладали бы редкостными качествами души и ума, она все равно не могла не устыдиться смятения, порожденного ими в Камден-плэйс. Лично Энн не находила в этих дамах ничего особенного. Ими не было явлено ни дивного искусства светской беседы, ни чарующей остроты ума, ни изысканности обхождения. Видимо, леди Дэлримпла снискала репутацию очаровательной дамы единственно вследствие того, что для всякого держала наготове улыбку, сопровождающуюся учтивым приветствием, лишенным значения. Что до мисс Картерет, то она и того не умела, к тому же была отменно дурна собой и удивительно неуклюжа — не имей она высокого происхождения, сэр Уолтер ее даже на порог бы не пустил!

Леди Рассел тоже была вынуждена признаться, что ожидала от виконтессы с дочерью большего, присовокупив, однако, что «будет полезно с ними познакомиться». Решив узнать мнение мистера Эллиота, Энн услышала от него, что хоть высокородные эти дамы и не блещут достоинствами, но они все же — родня, и возвращаются в высшем свете, собирая вокруг себя достойное общество, а потому пренебрегать ими нельзя. Энн, улыбнувшись, проговорила:

— Мистер Эллиот, я считаю, что достойное общество — это общество людей умных и образованных, а также способных завести и поддержать интересную и поучительную беседу; лишь такое общество действительно заслуживает, чтобы его именовали достойным.

— Энн, вы не понимаете, — ласково укорил ее он. — Вы говорите не о достойном, а о выдающемся обществе, которое составляют избранные и просветленные души. А в достойном обществе будет куда как довольно высокого происхождения и светских манер, ну, может еще, и толики образованности: в выдающемся обществе убогие знания сочтут позором, зато для достойного — это в самый раз. Да, Энн, происхождение

ние и манеры, важнее этого — ничего нет; должен оговориться: некоторые знания даже в достойном обществе не почитаются за грех, а наоборот, в немалой цене... О, я вижу, что моя кузина Энн покачивает головой. Кажется, она не в восторге от сказанного мною. Что ж, она чересчур взыскательна к своему кузену. Моя горячо обожаемая кузина (тут мистер Эллиот присел рядом с Энн), поверьте, вы имеете полное право быть взыскательной — и в гораздо большей степени, нежели любая из тех женщин, с кем я свел знакомство. Но подумайте: к чему может привести подобная взыскательность? Разве сможет она сделать вас счастливой? Не разумнее ли будет наладить общение с дамами на Лаура-плэйс и воспользоваться всеми привилегиями, что может обеспечить столь выгодное знакомство? Поверьте мне, Энн: нынешней зимой дамам с Лаура-плэйс суждено сделаться самыми важными персонами Бата; если же станет известно о вашем с ними родстве, то ваше семейство (я бы даже осмелился сказать — наше семейство) неизбежно окружат столь небывалым почтением, о котором можно лишь мечтать.

— Да, — печально вздохнула Энн. — О нашем родстве уж точно раззвонят на всех углах! — Внезапно опомнившись и не ожидая уже ответа, она быстро добавила: — На самом деле, для возобновления этого знакомства было и без того уже затрачено чересчур много сил. Думаю (здесь она вновь улыбнулась), что мне сообщено гордости больше, чем всем вам; вот почему мне горько, что Эллиоты буквально лезут из кожи вон, дабы их сочли родственниками люди, коим в нас совершенно нет нужды.

— Простите, милая кузина, но вы превратно оцениваете собственное ваше положение в свете. Сказанное вами явилось бы справедливым для Лондона, но здесь, в Бате, свести знакомство с сэром Уолтером и его семейством каждый почтет за великую для себя честь.

— Вот как, — негодуя протянула Энн. — Ну тогда мне остается лишь преисполниться гордостью, и даже необыкновенной гордостью, дабы в полной мере оценить столь радушный прием, каковым меня удостоили в силу того, что я не в Лондоне, а в Бате!

— Как же мне нравится ваше негодование! — признался мистер Эллиот. — Оно идет от души. Но, поскольку приехали в Бат надолго, вам необходимо основательно здесь устроиться, и осуществить это с достоинством, подобающим сэру Уолтеру Эллиоту. Вот вы сказали мне, что горды; да и меня ведь повсеместно именуют гордецом, я знаю, и отнюдь не желаю этого менять; но заметьте: что ваша гордость, что моя — меж ними так много сходства, если вдуматься; не забывая, конечно, и о различиях. Но в одном, милая кузина (тут мистер Эллиот понизил голос), в одном мы наверняка с вами совпадем. Мы совпадем в понимании, что, кому бы из высших и равных ему по положению ни выпало обогатить окружение отца вашего, уже одно то славно, что внимание его будет уведено от тех, кого он почитает ниже себя.

При последних словах он искоса глянул на стул, недавно еще занимаемый миссис Клэй, красноречиво указав, каковую именно персону он подразумевал; и пусть Энн не вполне была согласна с тем, что они с мистером Эллиотом так уж схожи в гордости, ей было необыкновенно приятно, что и он не питает к миссис Клэй приязни; и она не могла не признать, что упорное намерение его ввести сэра Уолтера в высшие сферы более чем заслуживает снисхождения, если имеет целью покончить с присутствием миссис Клэй в доме.

ГЛАВА XVII

Предоставив сэру Волтеру и Элизабет преуспевать в карьере на Лаура-плэйс, Энн посвятила себя иным знакомствам.

Навещая старинную учительницу свою, она выяснила, что в Бате обретается прежняя ее соученица, более чем нуждающаяся в участии — в силу доброй натуры своей и навалившихся на нее бед. Мисс Хэмилтон (ныне — миссис Смит) некогда отнеслась к Энн по-доброму, причем в момент наивысшей ее в этом нужды. Энн пришла в школу несчастливой, ибо горевала по скончавшейся и нежно любимой матери своей. Она тосковала по дому, страдая так, как только и может страдать барышня четырнадцати лет с тонкой и чувствительной душой; мисс Хэмилтон, будучи тремя годами старше и оставшаяся в школе еще на год по причине отсутствия близких родственников и подобающего жилья, опекала Энн, утешая и облегчая участь бедняжки, насколько это было ей доступно. И, конечно же, доброту мисс Хэмилтон Энн запомнила навсегда.

Довольно-таки скоро мисс Хэмилтон оставила школу и вышла замуж; по слухам, супруг ее был состоятельным человеком. В дальнейшем Энн потеряла мисс Хэмилтон из виду; рассказ учительницы открыл ей судьбу подруги, и участь ее оказалась совсем иной. Нынешняя миссис Смит была вдовой и остро нуждалась. Супруг был расточительным человеком; он скончался два года назад, оставив дела в совершенном расстройстве. На миссис Смит навалилось многое, вдобавок, она была страждущей ревматизмом; ноги у нее отнялись — по сути, несчастная женщина стала калек. Оттого-то миссис Смит и очутилась в Бате, сняв жилье прямо возле целебных источников; она урезала себя во всем, обходясь даже без собственной прислуги и почти не заводя знакомств.

Общая знакомая уверила Энн, что визит ее окажется крайне приятным для миссис Смит, и Энн немедленно к той отправилась. Никого из домашних она и не подумала поставить в известность. Ее бы точно не поняли. Энн изволила поделиться всем лишь с леди Рассел, каковая проявила сочувствие и горячее одобрение, любезно доставив Энн на Вестгейт Бильдингс, где жила миссис Смит.

Итак, визит Энн состоялся; прежнее знакомство возобновилось, пробудив былой и взаимный интерес, который только усилился. Правда, в первые десять минут им не удалось избежать неловкости. Минувшие двенадцать лет не прошли бесследно, изменив обоих. Энн из цветущей пятнадцатилетней барышни, немногословной и угловатой, превратилась в элегантную женщину двадцати семи лет, каковая, даже утратив цвет юности, все равно выглядела прелестно. Она полностью владела собой и была уравновешенной в общении. А бывшая мисс Хэмилтон, некогда отменно здоровая и уверенная в себе особа, великодушно снисходившая до младшей подруги, стала увечной вдовой, сле сводящей концы с концами и неуверенной в себе. Визит прежней под-

руги она расценивала как благодеяние свыше. Впрочем, неловкость длилась недолго, заместившись оживленными воспоминаниями о канувших в Лету благодатных временах и девичьих пристрастиях.

Энн нашла миссис Смит здравомыслящей и приветливой, но чего она никак не ожидала обнаружить в ней, — так это разговорчивость и веселый нрав. Ни круговорот беззаботной и беспечной юности — мисс Хэмильтон самозабвенно вращалась в свете, — ни выпавшие на ее долю горе и лишения, ни болезнь не изменили ее внутренне. Она до сих пор обладала живым умом и горячим сердцем.

В ходе второго их свидания миссис Смит уже пустилась в такие откровения, что Энн изумилась. Представить положение более ужасное и безнадежное, чем у миссис Смит, Энн была не в состоянии. Горячо любив супруга, миссис Смит оказалась им покинута навсегда. Привычно обладая достатком, — утратила его. И не имелось у нее ни детей, могущих связать со счастливой жизнью, ни родственников, каковые, сподобившись поправить ее расстроенные дела, ни даже здоровья — единственного верного средства совладать со всем остальным. Жилье миссис Смит представляло собою две комнатухи, и чтобы перейти из одной, неизменно шумной, в другую, неизменно темную, ей было необходимо содействие служанки, обслуживавшей весь дом. На улицу миссис Смит выбиралась лишь для того, чтобы добраться на экипаже к горячим источникам. Ее донимали уныние и тоска, но очень редко, а во все прочие часы миссис Смит ощущала деятельную радость. И Энн невольно задавалась вопросом: как это возможно?! Присматриваясь и наблюдая за миссис Смит, Энн много размышляла, выведя заключение, что это не может быть объяснено личным мужеством и покорностью Судьбе. Смирение духа могло научить миссис Смит терпению, сила воли способствовала жизненной стойкости, но одним этим было не обойтись; внутренней природе ее была присуща некая гибкость, готовность обрести утешение, умение отринуть печаль и предаться радости, находя занятия, позволяющие отвлечься. Поистине это бесценный дар Небес, восхищалась Энн, видя в подруге прекрасный пример того, как всемерная насущная нужда может быть восполнена Вышним милосердием.

Когда-то она уже была близка к тому, чтобы впасть в отчаяние, рассказывала миссис Смит. Но сейчас она даже не считает себя калекой! А что происходило по ее приезде в Бат! Ох, и пришлось же ей в то время хлебнуть горяшка... В дороге она занедужила и, едва приехав, вынуждена была жить, прикованной к постели и терзаемой переносимыми болями, да еще в окружении абсолютно чужих людей; скудость средств не давала возможности нанять столь необходимую ей сиделку. И все же миссис Смит смогла выжить и даже извлечь немалую пользу из пережитого ею. Всегда утешает, когда знаешь, что ты — в надежных руках. Жизненный опыт приучил ее не ждать к себе благоволения, но, стоило ей только заболеть, как хозяйка, дорожа репутацией заведения, проявила сострадание. И до чего ей повезло с сиделкой! Она этим зарабатывала на жизнь, приходясь к тому же сестрою хозяйке и как раз не будучи еще задействованной. «Мало того, что эта женщина выходила меня, — повествовала миссис Смит, — дождавшись, чтобы руки мои снова начали двигаться, она еще умудрилась обучить меня вязанию, даровав бесподобное развлечение; затем посоветовала заняться сотворением подушечек для иголок, салфеток и мешочков — так обрела я увлекательное занятие, позволяющее помогать бесконечно бедным семьям, что живут по соседству. Используя своих знакомых, коих у нее превеликое количество, и притом все они с деньгами, моя спасительница распространяет среди них произведенные мною изделия. А еще умеет выбрать правиль-

ное время, когда к человеку подступиться: вот, положим, я — едва избиравшись от мучительных болей и только-только начинала возвращаться к здоровой жизни, а няня Рук была уж тут как тут! Такая умница, удивительно мудрая женщина! Вот уж кому дано постигать натуру человеческую! У нее столько здравого смысла и проницательности, что многим из тех, кто кичится полученным образованием, неизбежно пришлось бы испытать бессильную зависть! Считите это пустыми сплетнями, но, если уж няне Рук выпадает хотя бы часик досуга, каковой она пожелает провести в моем обществе, она тотчас же вспоминает множество веселых и назидательных историй, характеризующих род человеческий. И разве не приятно послушать обо всем, что на свете творится, и узнать, какими глупостями подчас пробавляются твои ближние?! Ведь когда вы обречены на одиночество, то любой разговор ценен, а уж такой — и подавно!

Энн не хотелось спорить с миссис Смит, и она произнесла:

— Конечно. Подобные женщины обладают внушительным жизненным опытом, а если еще и умом не обделены, то слушать их крайне интересно. Ведь в каких только образах не предстает им людская природа! И им обычно ведомы далеко не одни лишь слабости людей; попадая нередко в обстоятельства трогательные и поучительные, они встречаются с проявлениями горячей и бескорыстной любви, беспримерного героизма, непоколебимого духа и чуть ли не ангельского терпения; им также приходится наблюдать примеры борьбы и самопожертвования, каковые всех нас единственно облагораживают. Так что комната больного человека подчас может сравниться с изрядной библиотекой.

— Да-да, — подтвердила миссис Смит, но как-то не слишком уверенно. — Вы, скорее всего, правы. Хотя, боюсь, что все совершается не так возвышенно, как вы полагаете. Бывает, что человеческую природу облагораживают страдания, и она становится прекрасной; однако зачастую в комнате у больного вы обречены столкнуться с явлениями слабости, а не величия. Безграничный эгоизм и неспособность терпеть — их встречаешь куда чаще, нежели величие духа и стойкость. А как редко встречаем мы в жизни истинную дружбу! Но, к несчастью, многие (тут голос миссис Смит на мгновение прервался) вспоминают о важном, когда уже слишком поздно!

Энн прекрасно понимала, что суждения миссис Смит лично ею выстраданы. Супруг ее, не отличаясь образцовыми наклонностями, принуждал миссис Смит вращаться в кругу таких же, как он, и, вследствие этого, она привыкла воспринимать человечество в самом дурном свете, давая ему куда более скверную оценку, нежели оно (как горячо надеялась Энн) заслуживало.

Миссис Смит предавалась горькой меланхолии совсем недолго; она практически сразу же прогнала ее прочь; совсем уже другим тоном она произнесла:

— Боюсь, что вновь насладиться историями нянюшки Рук мне доведется нескоро... Она ухаживает сейчас за некоей миссис Уоллис, что проживает в Мальборо Билдингс; кажется, это весьма избалованная и пустая светская красавица; такая, кроме как о нарядах да разных кружевах, ни о чем и говорить не может. Но, надеюсь, эта миссис Уоллис нам все же пригодится. Я слышала, что денег у нее в избытке, так что очень рассчитываю продать ей что-нибудь из своих поделок; специально подберу те, что подороже.

Энн удосужилась навестить подругу уже несколько раз, когда о ее визитах узнали на Камден-плэйс. Возникла необходимость объясниться. Так случилось, что сэр Уолтер, Элизабет и миссис Клэй вернулись однажды утром с Лаура-плэйс, ошачливлен-

ные неожиданным приглашением от леди Дэлримпла на вечер, а Энн еще ранее обещала посвятить его подруге. Энн нисколько не сокрушалась, что ей придется отклонить приглашение. Для нее не было секретом: Эллиотов пригласили лишь по причине недуга леди Дэлримпла, страдавшей насморком и принужденной находиться в четырех стенах; чтобы хоть как-то развеяться, вполне можно было прибегнуть к родству, какое ей столь упорно навязывали. И Энн с напускной живостью уведомила родных:

— Увы, я обещала навестить старую школьную подругу.

Домашних не сильно заботили ее дела; но хватило и нескольких вопросов, чтобы личность подруги была установлена. Элизабет лишь демонстративно выразила презрение, но сэр Уолтер пришел в возмущение и не смолчал:

— Что?! Вестгейт Бильдингс?! — вскричал он. — Да и кто вообще это такая — твоя миссис Смит? Вдова мистера Смита, правильно. Но кем был этот мистер Смит? Уверен, одним из пяти тысяч Смитов, от которых и так деваться некуда! И что тебя в ней так привлекало? Видимо, то, что она уже немолода и, вдобавок, больна! Да, мисс Энн, не ожидал, что у вас столь странный вкус! То, что вызывает у других отвращение, а именно — сомнительное и низкое общество, убогое жилье, скверный воздух, отвратительная компания, — доставляет вам удовольствие! Настоятельно рекомендую отложить старуху, например, на завтра; ну не умирает же она, право; глядишь, до утра дотянет. Сколько там ей лет? Небось, сорок?

— Нет, сэр. Ей едва исполнился тридцать один год. Только боюсь, что отложить визит у меня не получится. Нам будет непросто уговориться насчет нового дня для встречи. Завтра она на горячих источниках, а потом уже у нас вся неделя будет занята, как вы помните, сэр.

— А какого мнения леди Рассел о твоём знакомстве? — вмешалась Элизабет.

— Леди Рассел не видит в нем ничего, что могло бы считаться предосудительным, — ответила Энн. — Даже напротив, она поощряет его, неизменно подвозя меня в собственной карете, когда я собираюсь посетить миссис Смит.

— Представляю, как там, на Вестгейт Бильдингс, таращат глаза, когда у дверей останавливается твоя карета! — произнес сэр Уолтер. — У вдовы сэра Генри Рассела нет герба, возвещающего о заслугах предков, но экипаж у нее превосходный, и многим, полагаю, уже удалось пронюхать, что в нем нередко развезжает мисс Эллиот. Но вдова Смит, обитающая на Вестгейт Бильдингс — это нечто! Представьте только: вдова без гроша, да еще на четвертом десятке! И именно ее, какую-то миссис Смит, причем решительно никому не ведомую, мисс Энн Эллиот избирает в качестве подруги, предпочитая своим родным, кои принадлежат к одному из славнейших семейств во всей Англии, да и Ирландии тоже! Миссис Смит! И что за фамилия такая, прости, Господи!

Миссис Клэй, присутствовавшая при начале беседы, сочла более разумным оставить их, и Энн могла не сдерживаться и высказаться в защиту притязаний подруги, не столь, впрочем, уж и отличавшихся от ее собственных, и только дочерняя почтительность воспрепятствовала ей поступить подобным образом. Она решила просто промолчать, надеясь в глубине души, что сэр Уолтер не преминет вспомнить, что миссис Смит — далеко не единственная вдова без средств на четвертом десятке и без титула.

Энн проследовала туда, где ее ждали. Родные последовали ее примеру. Наутро ее уведомили, как прекрасно они провели вечер. Ее отсутствие было сочтено досадным, поскольку сэр Уолтер и Элизабет не только сами предоставили себя к услугам леди Дэл-

римпл, но, пожелав еще пуще угодить ей, дерзнули призвать к ней и других лиц, как то: леди Рассел и мистера Эллиота; ради этого вечера мистер Эллиот почел своим долгом покинуть полковника Уоллиса ранее намеченного срока, а леди Рассел даже отменила все планы, мечтая предстать перед ее сиятельством. К радости Энн, она могла узнать о том, что происходило на званом вечере, и от самой леди Рассел. Но более всего Энн заинтриговало, что леди Рассел и мистер Эллиот, оказывается, много рассуждали о ней; они весьма рассчитывали увидеть Энн и досадовали на ее отсутствие, впрочем, заодно и одобряли его, выяснив истинную причину отсутствия. Мистера Эллиота, судя по всему, просто восхитили доброта и заботливость, подвигнувшие Энн не оставлять школьную подругу, кажется, очень бедную и больную, без внимания и поддержки. Мистер Эллиот признался, что находит Энн удивительной и несравненной юной особой; самый же характер ее, наряду с блестящим умом и милым обхождением, казался кузену лучшим примером исключительных женских качеств. Более чем лестная оценка, пожалованная мистером Эллиотом ее дорогой подруге, явно пришлась по душе леди Рассел, но, пожалуй, навряд ли бы Энн удалось услышать так много о себе от дорогой подруги, и едва ли бы та ее уведомила, что некий выдающегося ума человек придерживается столь высокого о ней мнения, когда бы леди Рассел заодно не предполагала поделиться с Энн рядом весьма отрадных умозаключений.

Леди Рассел наконец-то пришла к определенному мнению относительно мистера Эллиота. Она также была преисполнена несокрушимой уверенности в том, что в намерения мистера Эллиота входит просить руки и сердца Энн, и, видимо, он осуществит их в ближайшее время; не менее уверена была леди Рассел и в том, что мистер Эллиот, безусловно, достоин Энн. Она уже принялась скрупулезно высчитывать, сколько пройдет недель, покуда мистер Эллиот не возобладаст над тягостными условностями настоящего своего положения, дабы явиться Энн во всем блеске. На деле же, леди Рассел не обнаружила перед Энн и половины собственной уверенности; она единственно позволила себе сделать туманный намек на то, что, вероятно, может совершиться в дальнейшем; указала на стремление мистера Эллиота к таковому союзу, столь желанному для него и для леди Рассел, и добавила, что заключение такового союза неминуемо при условии, ежели намерения будут взаимными. Энн молчаливо внимала леди Рассел — улыбаясь, рдея и иногда покачивая головой.

— Я и подавно никого тут не сватаю, как тебе прекрасно известно, — молвила леди Рассел, — поскольку давно уже могла убедиться в ненадежности любых расчетов и надежд. Я лишь нахожу, что, если бы мистер Эллиот принялся ухаживать за тобой и завоевал бы твое сердце, вы вполне могли бы с ним быть счастливы. Не счесть этот брак равным — нельзя; я же уверена, что он мог бы стать еще и счастливым.

— Мистер Эллиот обладает редкостными качествами, и я ставлю его превыше многих. — Но мы не подходим друг другу.

Леди Рассел даже слушать не стала. Она ограничилась замечанием:

— Признаюсь, видеть тебя в мыслях грядущей владычицей Келлинч-холла, знать, что именно тебе суждено стать новой миссис Эллиот и занять место твоей замечательной матери, унаследовав все права ее и добродетели, — это для меня безмерное утешение и отрада. Энн, ты — просто вылитая мать, причем не только внешне, но умом и сердцем. Если Небо позволит мне узреть тебя владычицей этого дома, носящей то же имя и всем руководящей, отличаясь от матери единственно тем, что более ценима всеми, — знай, о большей радости в мои годы и мечтать-то грешно!

Энн пришлось спешно отворотиться и, перейдя к дальнему столу, склониться над ним под видом занятий, чтобы совладать с неистовыми чувствами, овладевшими ею после слов леди Рассел. На какое-то мгновение воображение и сердце Энн пленились дивной картиной, нарисованной леди Рассел. Стать подобной ее матери, носить ее имя — «леди Эллиот», вернуть Келлинч-холл и отныне и навсегда величать его своим домом, — эти неотвязные мечты довели над душою Энн. Леди Рассел ограничилась уже сказанным ею, положившись на естественный ход событий и веря, что в дальнейшем уже сам мистер Эллиот будет говорить за себя; то есть, она верила в то, во что не верила Энн. А Энн, едва представив, что именно скажет мистер Эллиот, словно очнулась. «Леди Эллиот», Келлинч — все это вмиг утратило очарование. Энн знала, что не может быть женой мистера Эллиота. И не потому даже, что чувства ее по-прежнему были обращены к одному-единственному человеку меж всеми; нет, Энн, почтя за благо рассудить об этом глубоко, вынесла приговор не в пользу мистера Эллиота.

Несмотря на то, что знакомство их продолжалось уже целый месяц, Энн до сих пор была не в состоянии понять характер мистера Эллиота. Он был умен и мил, искусно поддерживал беседу, изрекал обычно здравые суждения, каковые отличались благородством и точностью, — с этим спорить не приходилось. Мистер Эллиот не пренебрегал нравственными устоями; Энн не доводилось замечать, чтобы он нарушил хотя бы один из них. Но при этом у Энн не было уверенности, что в любой ситуации мистер Эллиот поведет себя должным образом! Она сомневалась если и не в настоящем его, то в прошлом. Имена его прежних партнеров, упомянутые им в разговорах, намеки на странные пристрастия и занятия неизбежно возбуждали в Энн смутные подозрения. Она вполне отдавала отчет, что в юности мистер Эллиот пребывал во власти скверных привычек и поступал самым предосудительным образом; что на какой-то, пусть и краткий период он пренебрегал всем, что дорого для людей; и пусть даже сейчас он разительным образом переменялся, но допустимо ли вообще полагаться на чувства человека умного и осмотрительного, при этом достаточно зрелого и куда как способного осознать выгоду от изъяснения благородного характера? И можно ли поручиться за то, что душа его очистилась до конца?

Мистер Эллиот красноречиво демонстрировал рассудительность, хладнокровие и благоразумие, но не открытость. Никогда Энн не замечала, чтобы он вдруг по-настоящему загорелся какой-то идеей; впал во гнев или же пришел в восторг от чьего-то поступка. Энн находила это существенным недостатком. Она не могла поступиться принципами, коим неизменно следовала. Чистосердечие и прямота — то были качества, важнейшие для Энн. Воображение ее, как и в юности, пленялось пламенем души, как и в юности, она предпочитала уповать на тех, кто хоть однажды допустил высказывание поспешное и необдуманное, нежели доверяться тем, кому вообще никогда не изменяло присутствие духа и кто не изрек ни одного необдуманного слова.

Мистер Эллиот был равно мил со всеми, и даже слишком. Невзирая на несходство характеров у обитателей Камден-плэйс, он умудрялся угождать им всем. Недопустимо терпимый, он слишком хорошо умел всем нравиться и очаровывать собой. Рассуждая о миссис Клэй, мистер Эллиот не скрывал неприязни, но, в то же время, миссис Клэй считала его невероятно обходительным молодым человеком.

Леди Рассел отчасти обнаруживала в мистере Эллиоте то, что было очевидно Энн, но ничего, что возбуждало бы ее недоверие. Она не могла поверить, что может найтись мужчина совершеннее мистера Эллиота; и ни о чем леди Рассел не мечтала, как об осеннем венчании мистера Эллиота и Энн в Келлинчской церкви!

ГЛАВА XVIII

Пришел февраль. Отдав Бату месяц жизни, Энн изнывала от нетерпения в ожидании вестей из Лайма и Апперкрасса. Новости, передаваемые Мэри, были, как правило, донельзя скудны, а потом и вовсе перестали доходить. Писем от нее не было уже три недели. Энн было известно о возвращении Генриетты в Большой Дом; что Луиза, хоть и весьма скоро поправлялась, но, как и прежде, все еще пребывала в Лайме. Очередным вечером, когда Энн размышляла о важных для нее людях, ей вручили письмо от Мэри, несравненно более подробное, чем обычно. И уж совсем для полного удовольствия ее — доставлено письмо от адмирала и миссис Крофт.

Оказалось, Крофты прибыли в Бат!!!

Это была приятная новость, ибо к Крофтам Энн чувствовала неподдельное расположение.

— Как?! — вскричал пораженный сэр Уолтер. — Крофты в Бате?! Те самые Крофты, что снимают Келлинч-холл?! Ну и что же они тебе привезли?

— Письмо с Виллы Апперкросс, сэр.

— Опять эти письма, право... На редкость удобный предлог, между прочим! Не существует более верного способа, чтобы представиться кому-либо. Хотя... адмирала Крофта я и без того навестил бы с удовольствием. Адмирал этого достоин: ведь он мой сьемщик.

Слушать дальше Энн уже не могла, хотя так и не уразумела, за что это адмиралу простили цвет его лица. Но сейчас Энн более всего интересовалась содержанием письма. Мэри начала его несколько дней назад.

«1 февраля.

Моя дорогая Энн. Я не извиняюсь за свое молчание, поскольку в таком месте, как Бат, людям не свойственно уделять много внимания письмам. Надеюсь, тебе там очень весело, и ты давно позабыла Апперкросс, хотя сама знаешь, что про него, как правило, и сказать-то нечего. Рождество у нас прошло ужасно скучно; представь, мистер и миссис Масгроув за всю зиму не устроили ни одного званого обеда для гостей. Хэйтеров, конечно же, я в расчет не беру. О Господи, хорошо хоть, каникулы кончились! Удивительно даже, зачем этим детям такие длинные каникулы?! Лишь вчера мы наконец-то спровадили всех, кроме мелких Харвилов; ты не поверишь, но они еще тут! Миссис Харвил на удивление долго готова обходиться без них. Странная она мать, скажу я тебе. Никак не могу понять ее. По мне так мелкие Харвилы не особенно приятны, а миссис Масгроув носится с ними и любит их не меньше, если даже не больше своих собственных внуков... А до чего у нас здесь погода кошмарная! Вам, в вашем Бате

с этими его шикарными мостовыми, совсем уж невдомек, какое безобразие бывает с дорогами! Особенно же в деревне! С середины января ко мне ни одна душа не навещалась, исключая Чарльза Хэйтера, коему следовало бы являться куда реже. Если честно, жаль, что Генриетта воротилась, не оставшись в Лайме; уж там-то он меньше бы ей докучал. Да, в Лайм нынче отправляют карету за Луизой и Харвилами, а обратно ждут их завтра. Нас же, как на зло, призовут к обеду только на следующий день. Миссис Мастроув все переживает, как бы Луизу не растрясло в дороге, но мне сдается, что ничего особенного с нею не приключится, раз уж все кругом так пекутся о ней. Лучше бы к обеду позвали днем раньше, ведь мне так было бы гораздо удобнее. Я рада, что тебе нравится мистер Эллиот, да я и сама не прочь свести с ним знакомство; а то вечно мне не везет, то и дело я нахожусь вдали, когда случается что-то приятное, и обо мне лишь в последнюю очередь норовят вспомнить. А Элизабет-то какова, все никак с миссис Клэй не распрощается, уж такая прорва времени сгинула. Да и та тоже, признаться, хороша, — может, вообще решила навеки с ними остаться?! Впрочем, если б она и освободила место, то, боюсь, нас все равно бы не стали приглашать. Сама-то ты как считаешь? Отпиши обязательно! Ну, детей-то моих они уж точно приглашать не станут. Хотя я легко могла бы отправить их на месяц-полтора в Большой Дом. Только что узнала о Крофтах: они вроде как собираются завтра отправиться в Бат. А адмирал, кажется, страдает от подагры. Чарльз об этом совершенно случайно узнал; сам-то известить не додумались. Да, можно было бы и более любезными соседями обзавестись. Мы и так с ними почти не видимся, но такое умолчание стало последней каплей. Чарльз шлет тебе нежный поклон.

Твоя любящая сестра

Мэри М.

К несчастью, должна посетовать, что и близко не чувствую себя здоровой; Джеймсе, со слов мясника, сделалось известно, что в нашей округе у многих сейчас ангина. Боюсь, что я тоже могу ее подхватить. А у меня она протекает, как ты помнишь, гораздо тяжелее, чем у остальных».

Этими словами завершалась первая часть письма. Она была вложена в конверт со второй, столь же пространной его частью.

«Решила не запечатывать пока письмо, чтобы поделиться с тобой, как Луиза перенесла дорогу. Рада, что так решила, ибо могу теперь поведать немало забавного. Во-первых, вчера нам передали записку от миссис Крофт, в которой та интересуется, не нужно ли мне чем помочь. Такая, знаешь, настоящая дружеская записка, да еще и по всем правилам мне адресованная. Так что у меня есть повод написать на сей раз письмо подлиннее. Адмирал выглядит не особенно больным, и я весьма даже надеюсь, что, путешествие в Бат принесет ему ту пользу, на которую он рассчитывает. Искренне буду рада их возвращению в наши края. Не так уж много сыщется здесь семейств, столь же приятных. Да, но нужно ведь рассказать тебе про Луизу. Во вторник она вернулась домой целехонькой, но когда мы вечером явились в Большой Дом ее проводить, то капитана Бенвика мы, как ни странно, там не застали, хотя он и получил приглашение прибыть к обеду вместе с Харвилами. Вот умора! Ты только представь: его угораздило влюбиться в эту Луизу, и он сообщил, что не появится, не получив прежде согла-

сия на брак от ее отца. Они с Луизой, видать, обо всем еще в Лайме сговорились, и капитан Бенвик через Харвилов отправил мистеру Масгроуву письмо. У меня просто нет слов! Признаться, ты ведь удивлена? Было бы странно, конечно, если бы тебе хоть что-то было об этом известно. Лично я ничего подобного даже представить не могла! Миссис Масгроув побожилась, что ей ничего не было известно. Впрочем, мы тут все довольны случившимся. Конечно, это совсем не то, что выйти за капитана Уэнтворта, но в сто раз приятнее, чем сочетаться с противным Чарльзом Хэйтером; мистер Масгроув известил капитана Бенвика о своем согласии, и нынче вечером он наверняка должен появиться в Апперкроссе. Миссис Харвил призналась мне, что горюет, вспоминая бедную свою сестру, но при этом Луиза — общая их любимица. Мы тут с миссис Харвил пришли даже к выводу, что Луиза стала нам гораздо ближе, после того как мы столько времени ее выхаживали. А Чарльз все гадает, что скажет на все это капитан Уэнтворт; но, если ты помнишь, я никогда не допускала, что он может питать к Луизе какие-то чувства. Хорошо хоть теперь никто не станет полагать капитана Бенвика твоим кавалером. Просто не понимаю, как такая глупость могла втемяшиться Чарльзу в голову. Ну, уж надеюсь, что впредь он будет реже со мной спорить. Да, что и говорить, Луиза вполне могла бы составить гораздо лучшую партию, однако это в миллион раз лучше, чем породниться с Хэйтерами».

Напрасно Мэри опасалась, что не застанет сестру врасплох своим сообщением. Никогда в жизни Энн не была так удивлена. Капитан Бенвик и Луиза Масгроув! Ну никогда бы не поверила она в возможность подобного союза! Энн стоило немислимых усилий оставаться в комнате, сохраняя наружное спокойствие и с грехом пополам отвечать на обращенные к ней вопросы. По счастью, их было совсем немного. Так, сэр Уолтер желал узнать о карете Крофтов: запряжена ли она четверкой? Кроме того, сэра Уолтера интересовало, намерены ли Крофты поселиться в такой части Бата, где мисс Эллиот и он сам могли бы себе позволить показаться без стыда; впрочем, особого любопытства он не выказал.

— Как там Мэри? — осведомилась Элизабет и, не дожидаясь ответа, спросила вновь:

— Господи Боже! Ну и что могло их привести в Бат?!

— Они здесь ради адмирала. Есть опасение, что у него — подагра.

— Подагра и немощь... — горько отозвался сэр Уолтер. — О, бедный старик!

— А что, они здесь с кем-то знакомы?

— Понятия не имею. Полагаю, однако, что адмиралу Крофту, учитывая его возраст и поприще, едва ли суждено встретить много знакомых в таком месте, как Бат.

— Убежден, — сдержанно намекнул сэр Уолтер, — что адмирала лучше всего будет рекомендовать тот факт, что он является съемщиком Келлинч-холла. Как ты полагаешь, Элизабет, стоит ли нам попытаться представить адмирала на Лаура-плейс?

— Ах, нет, конечно! Едва ли. С учетом нашего близкого родства с леди Дэлримпла мы не вправе игнорировать ее интересы, навязывая малозначимые знакомства. Если бы мы не состояли с нею в родстве — это бы еще куда ни шло; но любое наше предложение, предложение родственников, будет выслушано ею крайне внимательно. Нет, пусть уж Крофты обзаводятся знакомствами в своем кругу! По Бату, я заметила, шатается немало странных субъектов, коих причисляют к морякам. Вот с ними пускай Крофты и заводят знакомства.

Так отозвались о письме Крофтов сэр Уолтер и Элизабет; чуть погода внесла свою лепту и миссис Клэй, изволив чуть более любезно осведомиться о здоровье миссис Чарльз Масгроув и ее очаровательных ребятишек, после чего Энн сумела вырваться на свободу.

Оказавшись у себя в комнате, Энн предалась серьезным думам. Пусть там Чарльз рассуждает себе, как воспримет случившееся капитан Уэнтворт! Последний, видимо, сам почел за благо отступить от Луизы, а удалившись — осознал, что никогда ее не любил. Энн не допускала со стороны капитана Уэнтворта ни предательства, ни пренебрежения, ни обиды, ни жестокости — если дело касалось такого его друга, как капитан Бенвик. О нет, столь высокая дружба не может быть поправа!

Да... капитан Бенвик и Луиза Масгроув! Беспечная болтушка Луиза и мечтатель, погруженный в печаль, этот задумчивый книжный червь капитан Бенвик! Казалось, они решительно не созданы друг для друга. Ну возможно ли представить несходство более явное и вопиющее?! Но что же могло стать причиной возникновения сердечной склонности? Вскоре ответ явился Энн сам собой: их сблизили особые обстоятельства. Ведь в продолжение нескольких недель они жили бок о бок, общаясь в узком домашнем кругу. Когда уехала Генриетта, капитан Бенвик и Луиза вообще оказались наедине; Луиза, едва оправившаяся после болезни и такая вся, в высшей степени трогательная; и рядом капитан Бенвик, в ком внезапно зародилась надежда. Признаться, еще много раньше Энн невольно подозревала нечто в этом роде; вопреки предположению Мэри, случившееся сейчас говорило в пользу тогдашней догадки Энн, что Бенвика влекло и к ней самой. Но даже Мэри не осмелилась бы упрекнуть Энн, что та тешит свое тщеславие воспоминаниями подобного рода! Энн, напротив, придерживалась мнения, что любая молодая женщина, не лишенная вовсе привлекательности, каковая была бы готова внимать ему и попытаться понять, неизбежно возродила бы в сердце капитана Бенвика схожее чувство! У капитана было нежное сердце, и оно было открыто Любви.

Собственно, а почему бы им с Луизой не составить счастливой пары?! Луиза всегда относилась с обожанием к морякам, и одного этого уже вполне достаточно для начала. Ну а разница меж ними со временем постепенно сгладится. Он станет повеселее, а она научится ценить лорда Байрона и Вальтера Скотта, хотя, скорее всего, уже выучилась; ведь огонь любви не мог вспыхнуть в их сердцах без вмешательства поэзии. Мысль о Луизе Масгроув, предающейся чтению поэзии и утопающей в тихих и трепетных помышлениях, вызывала невольную улыбку, но Энн чувствовала, что опять верно угадала. Тот трагический день в Лайме и несчастливое паденье принесли ущерб ее здоровью и, естественно, не могли не отразиться навеки на ее нервах, поведении и характере в той мере, в какой внезапно и в корне изменили ее судьбу.

Из всего вышеозначенного следовал вывод: если женщина, не оставшаяся равнодушной к обаянию и достоинствам капитана Уэнтворта, сумела предпочесть ему другого, новый выбор ее, каким бы он ни оказался, не мог быть сочтен удивительным; ну а если это еще не было сопряжено с утратой капитаном Уэнтвортом верного друга, так и вовсе было не о чем сожалеть. Но отнюдь не сожаление было виной тому, что щеки Энн неистово алели, а сердце заходило от трепета при одной лишь мысли о том, что капитан Уэнтворт по-прежнему свободен и вновь не связан никакими узами. В этом тайном чувстве Энн стыдилась себе признаться. О, до чего же оно походило на радость, безумную и безудержную!

Ей мучительно хотелось немедленно повидаться с Крофтами; но когда эта встреча оказалась, то вмиг стало ясно, что помолвка капитана Бенвика и Луизы для них — совершенная новость. Итак, церемониальный визит был нанесен и принят. Соединение в беседе имен Луизы и капитана Бенвика не вызвало и тени улыбки.

Крофты обосновались на Гей-стрит, к величайшему удовлетворению сэра Уолтера. Теперь он и не думал стыдиться своего с ними знакомства и рассуждал об адмирале куда чаще и охотнее, нежели тот о нем.

В довершение всего, у адмиральской четы нашлось видимо-невидимо знакомых в Бате; нанося визит Эллиотам, они лишь отдавали дань учтивости, даже не рассчитывая получить какое-то особенное удовольствие от встречи. Крофты остались и в Бате верны своему милому деревенскому обычаю — никогда не разлучаться. Адмиралу было рекомендовано много ходить вследствие подагры, ну а миссис Крофт, сама нимало не страшившаяся подагры, все равно сопровождала его повсюду, решительно не ведая усталости. И теперь куда бы Энн ни пошла, она повсюду наталкивалась на Крофтов. Леди Рассел практически ежедневно подвозила Энн в карете, и ни разу не случилось, чтобы Энн, подумав о Крофтах, тут же бы их не увидела. Зная прекрасно о нежных чувствах между ними, Энн не могла даже вообразить более завидной картины счастья. Она всякий раз подолгу глядела им вслед, с детской радостью угадывая, как она полагала, какими словами и выражениями они обмениваются; Крофты, счастливые и магически отъединенные от толпы, величаво проплывали в гуще лиц; а затем Энн, с не меньшей радостью, уже видела, как адмирал, повстречав закадычного приятеля, приветственно сотрясает его руку или как они предаются беседе, наверняка вспоминая славные морские баталии в тесном кругу бывалых офицеров, и при этом миссис Крофт, конечно же, не уступает никому из них по части мудрых и проникновенных речей.

Энн почти все время проводила в обществе леди Рассел, а потому редко гуляла в одиночестве; как-то поутру, по прошествии десяти дней с момента приезда Крофтов, Энн посчитала уместным оставить карету подруги в нижней части города и далее пройти пешком до Камден-плейс. Она уже достигла Милсом-стрит и, минуя лавку, где торговали гравюрами, неожиданно заметила адмирала. Он был один и стоял со сведенными за спиной руками, приковавшись взором к одной из гравюр; Энн рисковала пройти мимо неузнанной, потому что ей пришлось окликнуть адмирала и даже легонечко потрясти за рукав, дабы отвлекся он от своего занятия. Оторвавшись от гравюры и заметив Энн, адмирал обратился к ней с обыкновенным своим радушием:

— Как?! Неужели это вы?! Благодарю вас, сударыня, что по-дружески привечаете меня. А я вот, видите-ли, на гравюру тут загляделся. Никогда не могу пройти мимо этой лавки, чтобы вновь не подивиться на лодку, что изображена на гравюре. И что это за лодка, скажите мне?! Что скажете, видали вы когда-нибудь нечто подобное? Престранные типы, эти ваши художники, если всерьез полагают что кто-то в здравом рассудке согласится доверить собственную жизнь такой утлой и на редкость отвратительной посудине! Ну а эти два красавца между тем устроились в ней, будто так и надо, и вроде бы как горными видами наслаждаются! Хотя ведь и ребенку ясно, что они через мгновение вверх тормашками полетят!!! И кто ж такую пакость сработал, а?! (Тут адмирал зашелся оглушительным хохотом). Я бы в такой и через пруд не рискнул перебраться! Ну да ладно... — Адмирал решительно отвернулся от гравюры и взглянул на Энн: — Вы сами-то куда курс держите? Нельзя ли, скажем, мне пойти туда — вме-



*....ей пришлось окликнуть адмирала и даже легонечко потрясти за рукав,
дабы отвлекся он от своего занятия.*

сто вас, а то, может, позвольте мне пройтись рядом с вами? Итак, могу ли я чем служить, сударыня?

— Благодарю вас, адмирал, собственно говоря, ничем, разве что позвольте мне пребывать в вашем обществе и наслаждаться этим, покуда нам по пути. Я сейчас направляюсь домой.

— О, я от души рад, еще и провожу вас непременно! Отличную прогулку учиним с вами, а покуда будем гулять, я кое о чем вам расскажу. А сейчас будет лучше, если вы обопретесь на мою руку. Вот так, славно; а то, признаться, я что-то не слишком уютно чувствую, если на мою руку не опирается женщина. Господи! Ну что это за лодка?! — бросил в сердцах адмирал, окинув на прощание гравюру, когда они с Энн отходили от витрины.

— Так вы хотели мне о чем-то рассказать, сэр?

— Да-да, сейчас... Вон, видите, там идет мой друг, капитан Бригден. Нужно будет поздороваться. Я лишь скажу: «Как поживаете?», а останавливаться не буду... Глядите-ка, у него глаза прямо на лоб вылезли: отчего вдруг это я не с супругой?! А она, бедняжка, натерла на пятке волдырь размером с трехшиллинговую монету, вот и осталась дома... А на той стороне, видите, это адмирал Брэнд со своим братом. На редкость никчемные субъекты. Софи их весьма не одобряет. Как-то выкинули со мной прескверную шутку: сманили к себе лучших моих матросов! Вот уж бестии, ну да ладно, все подробности оставим на потом... А это старина Арчибальд Дрю, да еще на пару с внуком! Ну вот, увидел нас! Этот воздушный поцелуй он вам послал... Небось, за Софи вас принял. Да... слишком быстро война закончилась для этого парня. О, сэр Арчибальд... Ну, как вам Бат, мисс Эллиот, нравится? Нам тут привольно. Постоянно встречаем старых друзей, они здесь буквально на каждом шагу попадаются, можно всласть языком почесать. Ну а потом мы норовим убежать от всех и — все двери на запор; устраиваемся поудобнее в креслах и чувствуем себя не менее комфортно, чем в Келлинче. Да что там Келлинч, прости, Господи! Не хуже, чем в Северном Ярмуте или Диле! Нам комнаты здешние, наверное, потому так нравятся, что как две капли воды походят на съемное жилье наше в Северном Ярмуте, там ведь тоже из всех щелей сквозило.

Таким образом, они прошли еще немного, и Энн, набравшись храбрости, вновь напомнила адмиралу о его намерении что-то ей рассказать. Они как раз сворачивали с Милсом-стрит, и Энн рассчитывала, что ее любопытство, наконец-то, будет удовлетворено. Однако ей предстояло потерпеть еще какое-то время, поскольку адмирал дал понять, что приступит к рассказу не ранее, чем они окажутся в привольной тиши Бельмонта. Не имея полномочий мисс Крофт, Энн оставалось лишь покориться. Но зато едва они оказались на месте, адмирал тотчас нарушил молчание:

— А сейчас, мисс Энн, я полагаю, что вы услышите нечто неожиданное для себя. Только сначала ответьте мне: как зовут ту барышню, о которой, собственно, и пойдет рассказ? Ну, ту самую, о чьем здоровье мы так переживали? Та из барышень Масгроув, с которой приключилась беда? Подскажите, как ее зовут? А то я вечно путаю или забываю их имена.

Энн много ранее уже устыдилась своей быстрой догадки, о ком сейчас пойдет рассказ; и теперь она могла произнести имя Луизы, не заходясь от волнения.

— Да-да, именно, мисс Луиза Масгроув! У этих девиц тьма-тьмушая имен, скажу я вам. И к чему это, спрашивается? Вот звали бы их всех, скажем, Софи, — так никакой бы



А это старина Арчибальд Дрю, да еще на пару с внуком!

путаницы не было. Ну вот... мы, знаете ли, все почему-то полагали, что эта Луиза собирается выйти замуж за Фредерика. Тем более что и он ее не одну неделю обхаживал. Лишь одно нам было непонятно: чего же они волюнку-то тянут?! Это пока не случилась та беда в Лайме. Потом уж было понятно, что дожидаются, когда у нее мозги на место встанут. Но и тут ведь все наперекосяк пошло. Фредерику следовало бы оставаться в Лайме, а он преспокойно укатил в Плимут, откуда двинулся повидать Эдварда, у которого и застрял, причем основательно. Мы с Софи не видели его с ноября! Даже Софи диву давалась: ничего не могла понять. Ну а теперь дело и вовсе приняло какой-то дикий оборот. Вместо того, чтобы готовиться выйти замуж за Фредерика, эта мисс Мэстроув выходит за капитана Бенвика. Вам ведь знаком Джеймс Бенвик, мисс Энн?

— Да. Мне случилось общаться с капитаном Бенвиком.

— Ну так вот. Она теперь с ним. Может, и поженились уже — чего зря тянуть-то?

— Я полагаю, что капитан Бенвик — превосходный молодой человек, к тому же я уверена в его безукоризненной честности.

— О, порядочность капитана Бенвика вне подозрений! Жаль только, что он всего лишь капитан третьего ранга, да и произведен-то лишь прошлым летом, а сейчас времена поменялись, и продвинуться непросто. Но, собственно, это единственный, если можно так сказать, его недостаток, о котором мне известно. Добрый и отличный малый, скажу я вам. А еще прекрасный боевой офицер. Хотя с виду — тихоня тихоней, не правда ли? Нипочем не скажешь по его поведению, что он храбрец, каких мало.

— В этом, сэр, вы заблуждаетесь. Да, капитан Бенвик выглядит тихим и задумчивым, но это отнюдь не указывает на то, что он якобы недостаточно храбр. Да и внешне, на мой взгляд, он выглядит весьма привлекательно. Уверена, он должен нравиться дамам.

— Что ж, прекрасно, как говорится, дамам виднее. Но по мне так он сущий тихоня. Хотя, готов допустить, что мы не вполне справедливы к капитану Бенвику. Ну что тут поделать? Фредерик-то нам нравится куда больше!

Энн поняла, что попалась. Желая оспорить банальный шаблон, что нежность и храбрость — вещи несовместные, она и близко не собиралась выставлять капитана Бенвика образцом совершенства. Поколебавшись одно мгновение, Энн произнесла:

— Право же, я и не думала их сравнивать... — но адмирал внезапно ее перебил:

— Да что тут сравнивать — дело решенное. Ведь не чьи-то сплетни пустые. Нам все доподлинно известно от самого Фредерика. Вчера Софи получила от него письмо, где он и сообщает эту новость, а сам он узнал о ней из письма капитана Харвила, присланное, можно сказать, прямо с арены боевых действий, из Апперкрасса, стало быть. Похоже, они все сейчас там.

Энн, не возмев сил устоять перед искушением, проговорила:

— Я надеюсь, что письмо капитана Уэнтворта не содержало ничего такого, что могло бы расстроить вас, адмирал, и миссис Крофт. Действительно, минувшей осенью казалось, что их с мисс Мэстроув связывает общее и взаимное чувство; судя по всему, они просто охладели друг к другу. Хочется верить, что капитан Уэнтворт не испытывает по этому поводу горького сожаления.

— В письме об этом ни слова: ни жалоб, ни проклятий.

Энн опустила взор, пряча улыбку.

— Нет, мисс Энн, наш Фредерик не из тех, кто предается сетованиям. Он чересчур мужествен для этого. Уж коли девице по нраву другой, так пусть за него и выскакивает!

— Безусловно. Я лишь уповала на то, что в письме капитана не содержалось даже намеков на предполагаемую обиду. Было бы очень жаль, если их дружба с капитаном Бенвиком пострадала бы вследствие подобных обстоятельств.

— Да-да, я так вас и понял. Но нет, в письме ничего такого мы не заметили. Ни одного упрека в адрес Бенвика, вроде: «Я удивлен; и уж я-то вправе удивляться». Читая его письмо, и не подумаешь даже, что у него могли быть какие-то виды на эту мисс Масгроув... опять запомнил ее имя! Фредерик лишь мило надеется, что они будут счастливы. Так что, если судить по письму, никакой обиды.

Энн почему-то не могла проникнуться в этом вопросе твердой уверенностью адмирала, каковую он словно бы намеревался ей внушить. Как бы то ни было, дальнейшие расспросы были неуместны. Энн оставалось лишь кивать и ограничиваться дежурными замечаниями, позволяя адмиралу придерживаться собственного мнения.

— Бедный Фредерик, — вздохнул адмирал, завершая рассказ. — Теперь ему придется все начинать сначала. Полагаю, нам следует пригласить его в Бат, пусть хоть развеется немного. Софи напишет ему письмо, в котором попросит его приехать. Тут прелестниц хоть отбавляй! А тащиться в Апперкросс ради второй мисс Масгроув ему уж точно незачем, да и смысла нет: она ведь уже с кузеном гуляет, с этим пастором молодым. Нет, Фредерика определенно следует призвать к нам в Бат, как вы полагаете, мисс Энн?

ГЛАВА XIX

Адмирал Крофт, прогуливаясь под ручку с Энн по улицам Бата и мечтая призвать туда капитана Уэнтворта, даже не подозревал, что тот уже в пути. В итоге капитан Уэнтворт заявился к Крофтам, прежде чем миссис Крофт начала писать свое письмо. И, оказавшись в следующий раз на прогулке, Энн его повстречала.

Дело было так. Мистер Эллиот развлекал на ходу своих кузин, не забывая и про миссис Клэй. Они проходили по Милсом-стрит. Внезапно пошел дождь, хоть и не слишком сильный, но все равно пренеприятный, и дамы поспешили найти укрытие; мисс Эллиот вообще изъявила желание немедленно вернуться домой, воспользовавшись экипажем леди Дэлримпла, что был замечен стоявшим неподалеку. И теперь она, Энн и миссис Клэй забежали в Моллэндс¹, а мистер Эллиот был отряжен к леди Дэлримпл для дипломатических переговоров. Он почти сразу вернулся, как обычно, преуспев в переговорах и уведомив, что леди Дэлримпл будет более чем счастлива доставить их всех домой в своем экипаже и подъедет за ними буквально через несколько минут.

В качестве экипажа у ее сиятельства выступало ландо, позволяющее комфортно расположиться только четверым. Мисс Картерет традиционно сопровождала мать; следовательно, всем трем дамам с Камден-плэйс воспользоваться любезностью ви-контессы не представлялось возможным. Кандидатура мисс Эллиот, по сути, была вне обсуждений: ей вообще не пристало мокнуть под дождем. Зато двум другим дамам пришлось какое-то время препираться. Поскольку дождь был не слишком сильным, Энн искренне предпочитала прогулку с мистером Эллиотом. Однако, выяснилось, что миссис Клэй тоже не боится дождя, а башмаки у нее настолько крепкие, что с ними любая непогода не страшна! А вот башмаки Энн явно не столь надежны. Засим миссис Клэй (чисто из простой учтивости) дала понять, что предпочитает прогулку с мистером Эллиотом никак не менее мисс Энн. Противостояние великодушный грозило затянуться и требовало участия стороннего судьи. И тогда мисс Эллиот возвестила, что у миссис Клэй простуда, а мистер Эллиот заверил всех, что башмаки Энн, безусловно, надежнее.

Напрашивался очевидный вывод, что миссис Клэй уготована поездка в ландо; и в тот момент, когда все безоговорочно признали справедливость вывода, Энн, сидевшая прямо у окна, заметила идущего по Милсом-стрит человека, и был это не кто иной, как Фредерик Уэнтворт.

¹ Моллэндс (Molland's) — популярное заведение по типу «забегаловки» в Бате (герои романа именно что забегают в Моллэндс, спасаясь от дождя); оно представляло собой нечто среднее между пирожковой и кондитерской и располагалось в доме № 2 по Милсом-стрит. Джейн Остен вспоминала, что там подавали наивкуснейшие марципаны. Заведение существует и поныне, однако по части ассортимента ощутимо проигрывает в сравнении с викторианской эпохой, что не мешает регулярно посещать его поклонникам Дж. О. — *Примеч. перев.*

Энн непроизвольно вздрогнула; этого, впрочем, никто даже не заметил. Однако Энн почувствовала себя полной дурочкой, самой нелепой и несуразной особой на свете! Все перед глазами ее поплыло и смешалось; на несколько мгновений она даже перестала что-либо видеть; когда Энн пришла в себя, ее спутницы по-прежнему дождались экипажа, а мистер Эллиот (проявляя чрезмерную услужливость) уже собирался на Юнион-стрит, дабы выполнить поручение миссис Клэй.

Энн мучительно захотелось приблизиться к двери — единственно, чтобы взглянуть, не перестал ли дождь. И вовсе незачем было ей подозревать наличие иных мотивов в своей душе! Да и капитан Уэнтворт давным-давно уже прошел мимо. Энн через силу встала, собираясь направиться к двери. И почему это одна ее половина неизменно подозревает другую, да еще бог знает в чем? Ей просто нужно убедиться, что дождь кончился, и только. И тут ноги Энн ослабли, и ей невольно пришлось снова присесть: в дверь входил капитан Уэнтворт, да еще и не один, а в сопровождении дам и господ, к коим он присоединился еще в начале Милсом-стрит. Моментально заметив Энн, капитан Уэнтворт смутился так, как еще никогда не доводилось ему смущаться в ее присутствии. Вся кровь бросилась ему в лицо! А Энн, впервые после возобновления их знакомства, владела собой гораздо лучше. Она уже не считала эту встречу неожиданной. Смятение, ослепившее ее, и мимолетная растерянность были ею успешно преодолены. Но чувства — они никуда не делись и, как вихрь, накрыли ее с головой; и разве могла Энн их превозмочь, когда они ее разом настигли — боль, радость, мучение, восторг?!

Капитан Уэнтворт что-то неразборчиво произнес и удалился. Лицо его по-прежнему выражало безграничное смущение. Сейчас он определенно не был ни холоден, ни приветлив, какое там — капитан Уэнтворт был, вне всякого сомнения, крайне смущен!

Чуть погодя, он, вопреки ожиданию, не только подошел к ней снова, но и заговорил. Они обменивались какими-то ничего не заключающими в себе вопросами и не понимали ответов. Беседуя, Энн видела, что от бывшей невозмутимости и всегдашнего спокойствия капитана Уэнтворта не осталась и следа. Привыкнув находиться рядом, они приспособились общаться спокойно и чуть ли не равнодушно; сейчас капитану Уэнтворту это явно не удавалось. Время ли тому виной — или, может, Луиза Масгроув? Но душа его определенно переменилась. Лицо капитана Уэнтворта говорило о великольном здоровье: никакого намека на минувшие переживания; он рассказывал об Апперкроссе и супругах Масгроув, а когда упомянул имя Луизы, то сделал это даже с некоторой долей потаенного лукавства; но это был уже совсем иной капитан Уэнтворт — не тот, простой и свободный, которого она знала; нынешний капитан Уэнтворт не пытался сойти за прежнего; совсем.

Энн не поразило, когда Элизабет демонстративно отказалась его признать, но она испытала глубокую печаль. Да, у обоих возникло было в глазах узнавание; капитан Уэнтворт вполне мог рассчитывать, что будет встречен на правах старинного знакомого, более того — он ожидал этого; но Энн оставалось лишь горько наблюдать за тем, как ее сестра холодно повернулась к нему спиной.

Но вот, наконец, прибыла в своем ландо и леди Дэрримпл, каковую мисс Эллиот поджидала, начиная уже изнывать от нетерпения. Вошел слуга, чтобы доложить: экипаж подан. На улице вновь зачастил дождь; поднялась страшная суета, и в ходе громогласных переговоров все до одного клиенты «Моллэндс» были оповещены, что в

экипаже поедут мисс Эллиот и ее подруга, вслед за чем означенные персоны вышли за дверь; капитан Уэнтворт, проводив их взглядом, обернулся к Энн, одним уже видом, нежели словами, показывая свою готовность сопроводить ее до экипажа.

— Я вам крайне признательна, — ответила Энн. — Но я не еду с ними. Экипаж не может вместить всех. Я пройду пешком. Люблю, знаете ли, гулять.

— Но там дождь!

— Какие пустяки. Только чуть накрапывает.

Помолчав, капитан Уэнтворт проговорил:

— Я прибыл в Бат лишь вчера, но, похоже, выбрал удачное снаряжение (он указал Энн на свой новенький зонт). Мне было бы приятно, если бы вы им сейчас воспользовались, раз уж намерены идти пешком. Хотя, поверьте, было бы куда разумнее, если бы позволили мне послать для вас за портшезом¹.

Энн испытала горячую признательность, но отклонила предложение капитана Уэнтворта, вновь заметив, что дождь пустячный, и добавила:

— Я вообще-то дожидаюсь мистера Эллиота. Он должен появиться с минуты на минуту.

Стоило Энн произнести эти слова, как вошел мистер Эллиот. Капитан Уэнтворт, естественно, не мог не узнать в нем того самого джентльмена, что, застыв на лестнице, не мог отвести от Энн восхищенных глаз. Только теперь он вел себя как человек, обладающий всеми правами родственника и друга. Устремившись прямо к Энн и, словно бы не замечая никого вокруг, он раскаивался в промедлении, сокрушаясь, что ей пришлось так долго его ждать, и предлагая тотчас отправляться с ней к ее дому, покуда дождь не разошелся всерьез; и Энн оставалось лишь опереться на руку мистера Эллиота и следовать с ним к выходу; у самой двери она чудом умудрилась пожелать капитану Уэнтворту «Всего хорошего», сопроводив свои слова смущенным и ласковым взглядом.

Едва мистер Эллиот и Энн вышли за порог, дамы, сидевшие вокруг капитана Уэнтворта, принялись оживленно перемывать им косточки.

— А мистер Эллиот явно не равнодушен к кухне, вы заметили?

— Ах, ну конечно же! Это сразу бросается в глаза. Несложно догадаться, что за этим воспоследует. Похоже он постоянно проводит время в их доме, днюет и ночует! А собою-то до чего хорош, однако!

— А мисс Эткинсон недавно видела его на обеде у Уоллисов; так вот, она уверяла меня, что в жизни еще не приходилось ей встречать столь любезного человека.

— А эта Энн Эллиот совсем недурна, как я погляжу. Знаю, что ее не считают таковой в свете, но вы сами могли убедиться, что она куда милее сестры.

— Да-да! Мне тоже так кажется! Да что там милее — вообще никакого нет сравнения! Хотя мужчины только и знают, что липнут к мисс Эллиот. Видно, мисс Энн для них — чересчур утонченная натура.

А Энн думала, что испытала бы невероятную признательность по отношению к своему кузену, когда бы он, следуя рядом, сохранял молчание. Вынужденная его слушать, она терзалась всей душой, хотя мистер Эллиот всю дорогу вел себя невероятно предупредительно и деликатно, избирая для разговора темы, заведомо интригующие и увлекательные; он с радостью возносил хвалу леди Рассел, одновременно разоблачая

¹ Легкое переносное кресло. Название произошло от *фр.* porter «носить» и chaise «стул».

происки миссис Клэй, обнаруживая справедливость суждений и изумительную проникательность. Но Энн сейчас могла думать только о капитане Уэнтворте. Ей хотелось проникнуть в его чувства, понять, страдал ли он и случилось ли ему пережить недавно разочарование; она чувствовала, что не успокоится, покуда не разрешит всех этих вопросов.

Энн полагала, что время научит ее вести себя более благоразумно. Но покамест она не могла не признать, что, увы: до благоразумия ей, как до Луны!

Но оставалось еще одно обстоятельство, не дававшее Энн покоя. Она хотела знать: надолго ли капитан Уэнтворт прибыл в Бат? Сам он даже не соизволил упомянуть об этом; хотя, возможно, она просто не расслышала или не обратила внимания. А вдруг он тут только проездом?! Хотя нет, скорее всего, он непременно должен здесь задержаться. А учитывая, что Бат — это город, где все постоянно встречаются друг с другом, леди Рассел наверняка с ним где-нибудь да столкнется! Только вот вспомнит ли она его? И как, интересно, произойдет их встреча?

Энн должна была поделиться с леди Рассел новостью, что Луиза Мастроув решила выйти замуж за капитана Бенвика. Разрешить недоумение дорогой подруги и ответить на вопросы ее у Энн получилось не слишком складно. И оставался риск, что, если вдруг капитану Уэнтворту случится повстречать леди Рассел, та преисполнится к нему удвоенным предубеждением. На следующее утро Энн, гуляя с леди Рассел, в продолжение почти целого часа с замиранием сердца и тщетной надеждой повсюду высматривала его. Лишь когда они возвращались обратно по Палтни-стрит, Энн, наконец, увидела капитана Уэнтворта стоящим справа на тротуаре, да так, что его было видно еще издали. Вокруг него сновали какие-то молодые люди, некоторые из них стояли рядом с ним, но все равно Энн не могла не заметить его. Испугавшись, она тайком бросила взгляд на леди Рассел, но не потому, что испугалась того, что подруга его увидит и тотчас узнает; сделать это она бы смогла, лишь вплотную приблизившись к капитану Уэнтворту. Но Энн, покуда они шли рядом, то и дело бросала на леди Рассел взгляды, исполненные тревоги; когда они оказались уже настолько близко, что леди Рассел пора уже было его увидеть, Энн не осмеливалась больше устремлять свой взор на ее лицо, пребывая в страшном смятении, о чем говорил сейчас весь ее облик. Она внутренне почувствовала тот миг, когда леди Рассел увидела капитана Уэнтворта и устремила на него внимательный взор. Энн было несложно догадаться о впечатлении, каковое капитан Уэнтворт должен был произвести на леди Рассел, она прекрасно понимала, как немыслимо сложно ее подруге отвести взор от лица капитана, и сколь велико сейчас ее изумление, — ведь за восемь или девять лет, что Фредерик прожил под чужим небом, добровольно приняв на себя суровое бремя морской службы, он отнюдь не стал менее привлекателен, а скорее даже, наоборот!

В конце концов, леди Рассел изволила вновь оборотиться к Энн. Та замерла: что же ей сейчас суждено услышать от подруги?

— Уверена, ты диву даешься, на что это я так засмотрелась, — проговорила довольно леди Рассел. — А мне нужно было отыскать занавеси, что так расхваливали мне вчера леди Алиса и мисс Фрэнкланд. Они уверяли, будто бы вот на той стороне улицы, именно здесь, в окне гостиной одного из домов, видны такие изумительные занавеси, равных которым и во всем Бате не сыскать. Однако номер дома они не сумели запомнить, вот и пришлось мне во все окна заглядывать; да только зря: как я ни старалась, а никаких особенных занавесей так и не заметила.



...у самой двери она чудом умудрилась пожелать капитану Уэнтворту
«Всего хорошего»...

Энн, вспыхнув, испустила глубокий вздох.

Затем она лишь усмехнулась, одновременно глубоко сочувствуя и презирая себя и леди Рассел. Энн сейчас кляла себя на чем свет стоит, что из-за напрасных своих опасений и бессмысленных предосторожностей она упустила возможность проверить, заметил ли их капитан Уэнтворт, или нет.

Минуло несколько дней. Новых известий не было. Театральные и прочие залы, не отвечающие представлениям Эллиотов о том, что это значит, когда заведение в моде, были поэтому недоступны Энн, но именно там она могла бы вероятнее всего повстречать капитана Уэнтворта. Эллиоты же отдавали предпочтение глупым и скучным светским гостиним, кои Фредерик обходил стороной, и куда их теперь непрерывно приглашали. Страдая от тоски неизвестности, Энн оставалось рассчитывать лишь на свои силы, но возможности испытать их, увы, не предоставлялось. Но Энн всерьез уповала на один концерт. Он был затеян ради одной особы, что имела честь пользоваться покровительством самой леди Дэлримпл. Такой концерт Эллиоты пропустить не могли. Кроме того, концерт ожидался исключительно интересный, и капитан Уэнтворт, будучи изрядным любителем хорошей музыки, тоже не мог остаться в стороне. Энн мечтала лишь о нескольких минутах разговора с Фредериком и наивно полагала, что сможет этим удовольствоваться. Энн была уверена, что ей достанет смелости подойти к капитану Уэнтворту, как только подвернется удобный случай. Элизабет предпочла повернуться к Фредерику спиной. Леди Рассел его даже не заметила. Если еще и Энн не выкажет капитану Уэнтворту должного внимания — на что же это будет похоже?!

Незадолго до этого она договорила с миссис Смит, что проведет с нею вечер; теперь, заскочив к той всего на минутку, она взмолилась об отсрочке, побожившись, что на следующий день задержится подольше. Миссис Смит, выказав обыкновенное свое добродушие, отпустила Энн с миром.

— С одним лишь условием, — предупредила она. — Завтра я желаю услышать о концерте во всех подробностях. Кстати, с кем вы там будете?

Энн перечислила всех до одного, что было несложно; миссис Смит в ответ не проронила ни слова. Прощаясь, она, однако, произнесла, скорчив преважную и, в то же время, лукавую мину:

— Что ж, надеюсь, у вас будет возможность насладиться музыкой. Но только смотрите — не вздумайте и завтра меня обмануть! Странно, я почему-то предчувствую, что недолго мне осталось вас принимать...

Энн смутилась. Но, нерешительно замерев на мгновение, она тотчас очнулась и (увы, с легким сердцем) помчалась на концерт.

ГЛАВА XX

Сэр Уолтер, сопровождаемый обеими дочерьми и миссис Клэй, прибыл на концерт, опередив всех; Эллиоты вознамерились терпеливо дожидаться леди Дэлримпл, с каковой целью удобно расположились рядом с камином в Восьмиугольной Гостиной. Едва они разместились по креслам, как двери распахнулись и появился капитан Уэнтворт. Энн, к своему счастью, оказалась к капитану ближе всех и, немедля приблизившись, заговорила с ним. Капитан Уэнтворт явно собирался ограничиться поклоном и проследовать мимо, но услышав безмерно ласковое: «Здравствуйте, мистер Уэнтворт, как вы поживаете?» — в корне изменил решение и, остановившись, удостоил Энн нескольких вопросов, решительно игнорируя грозного отца и сестру за ее спиной. Именно то, что эти персоны пребывают за спиной, вселяло в душу Энн мужество и отвагу; не видя теперь выражения их лиц, она могла воплотить задуманное.

Покуда они беседовали с мистером Уэнтвортом, до нее внезапно донесся негодующий шепот сэра Уолтера и Элизабет. Слов Энн, конечно же, различить не могла, но о предмете столь волнующего обмена мнениями, догадывалась; отметив сдержанный поклон капитана Уэнтворта, Энн предположила, что отец ее, видимо, все же не преминул кивнуть Фредерику, признавая их знакомство; чуть скользнув взором, Энн краешком глаза различила Элизабет, делающую легкий книксен. Запоздалый и неискренний, этот книксен был все же лучше, нежели совсем ничего, и Энн отчасти воспрянула духом.

Обменявшись с капитаном Уэнтвортом замечаниями по поводу погоды, Бата и предстоящего концерта, Энн не могла не заметить, что пламя их беседы стало угасать; то и дело повисали неловкие паузы, и Энн испугалась, что в любую минуту Фредерик может ее покинуть; он, однако же, медлил и не спешил с нею расстаться; вдруг, словно набравшись смелости, он слегка улыбнулся и, отчасти зардевшись, проговорил:

— А ведь я вас, по сути, толком ни разу и не видел с того самого дня в Лайме. Боюсь, что вы сами пострадали тогда, пережив ужасное потрясение, хотя и явили нам всем пример, как надлежит противостоять несчастью.

Энн уверила капитана Уэнтворта, что, если и пострадала, то не слишком.

— Что за ужасный час, — заметил он. — И что за ужасный день!

Он машинально провел рукою по глазам, будто бы пытаясь отогнать мучительное воспоминание, но, разом опомнившись, вновь улыбнулся Энн, договорив:

— А знаете, выходит, что все это было не напрасно, поскольку следствием несчастья явились события, каковые счесть ужасными совершенно нельзя. Когда вам достало смекалки послать Бенвика за доктором, а меры разумнее поистине нельзя было придумать, — могли ли вы предполагать, что именно для Бенвика, среди всех прочих, выздоровление Луизы будет всего важнее?!

— Куда там, конечно, нет. Но, знаете... я очень надеюсь, что они будут счастливы вместе. Они — благородные натуры, и у каждого добрый и славный характер.

— Да, — согласился капитан Уэнтворт, почему-то избегая глядеть ей прямо в глаза. — Пожалуй, этим их сходство и ограничивается... Я тоже от всей души желаю им счастья, готовясь радоваться любому его признаку. Им покуда не довелось столкнуться с трудностями и одолевать препятствия; ни капризов покуда, ни досадных проволочек. Масгроувы, по своему обыкновению, очень добры и великодушны, и ни о чем другом, кроме благополучия родной дочери, даже не помышляют. Пожалуй, такое начало сулит им счастье, и даже больше, нежели...

Капитан Уэнтворт внезапно умолк. Казалось, он словно что-то вспомнил, и его властно захватило чувство, принудившее Энн зардеться краской и потупить свои очи долу. Взволнованно прочистив горло, капитан Уэнтворт вновь обратился к ранее начатому:

— Я, если честно, не могу не заметить меж ними неравенства. Пожалуй, тут речь идет о чем-то столь же важном, как характер. Луиза Масгроув, как мне кажется, барышня милая и очаровательная, спору нет; к тому же еще и неглупая. Но Бенвик — личность большего масштаба. Он настолько умен и начитан, что его любовь именно к Луизе меня удивляет. Явись эта любовь в качестве некоей благодарности и полюби он Луизу, твердо считая себя избранным ею, — все было бы иначе, поверьте. Но, в данном случае, предполагать что-то подобное у меня нет оснований. Наоборот, Бенвик вспыхнул сам по себе, внезапно. Это непохоже на такого человека, как он; вдобавок следует принять во внимание и его настоящее положение! Имея истерзанное мучениями, почти совсем разбитое сердце! Вы не знали ее, но Фанни Харвил была существом необыкновенным, и Бенвик не мог на нее надышаться — так сильно он ее любил. Быть настолько преданным любимой и выдающейся женщине, — и вдруг излечиться от этого в одночасье! Такого не бывает. И Бенвик — тот уж точно не мог исцелиться...

Капитан Уэнтворт опять умолк. Быть может, он посчитал, что друг его все же исцелился, а может, просто подумал о чем-то другом; Энн, невзирая на странный пресекающийся голос капитана Уэнтворта, каким он произносил последние фразы свои, и невзирая также на царивший в гостиной шум, на непрестанный грохот распахиваемых настежь дверей и оживленный гомон прибывающих гостей, сумела расслышать каждое его слово! Энн была поражена, ее переполняло счастье, отчего она ужасно смущалась; дыхание ее участилось сверх меры, и внезапно открылась у нее чудесная способность размышлять о сотне самых разных вещей одновременно. Она не смела самостоятельно проникать на столь опасную территорию; после невольной заминки, Энн, чувствуя насущную потребность говорить дальше и не допуская ухода от темы, ну, разве что совсем легонечко отклоняясь от нее, спросила:

— Вы ведь довольно продолжительное время провели тогда в Лайме?

— Около двух недель. Не мог же я уехать, не удостоверившись, что Луиза поправляется. Я принял случившееся близко к сердцу и долго не мог прийти в себя, чувствуя вину за то, что произошло. Я, и только я был главным виновником случившегося. Не прояви я уступчивость, Луиза никогда не повела бы себя столь безудержно... Знаете, а окрестности Лайма необыкновенно красивы. Я очень много бродил всюду и даже ездил верхом, и чем больше я любовался ими, тем большее наслаждение они мне доставляли.

— Мне самой ужасно хотелось бы когда-нибудь наведаться в Лайм, — тихо призналась Энн.

— Да неужто?! Никогда бы не заподозрил, что вы поминаете Лайм добром. Ведь сколько горя довелось вам испытать в тех местах, да еще постоянное напряжение и усталость! Я был уверен, что одно лишь упоминание о Лайме вызывает у вас неприязнь.

— Последние мои часы в Лайме, действительно, были мучительны, — согласилась Энн. — Но, по прошествии самой боли, мы всей душой предаемся лишь чарующим воспоминаниям. Мы же не начинаем меньше любить те места, в которых нам выпало страдать, — если только страдания наши не были совершенно безотрадными. Но к Лайму это никак не может относиться. Как я уже сказала, за исключением двух последних часов, наполненных мучениями, прочие были на редкость приятны. Я встретила столько нового, и вообще там такая красота вокруг! Мне же почти не приходилось путешествовать, поэтому для меня в каждом новом месте заключен особый интерес. А что до окрестностей Лайма — они просто завораживают. Одним словом, я, — страшно вдруг покраснев, заключила Энн, — сохранила о Лайме наиприятнейшие воспоминания.

Едва она произнесла эту фразу, как вновь распахнулись двери, и на пороге во всем великолепии показались сливки общества, коих все так ожидали. «Леди Дээримпл! Леди Дээримпл!» — моментально пронесся по залу гул восхищенных голосов; со всей живостью, что была отпущена им Природой и не затмевала скрупулезно продуманную изысканность наряда, сэр Уолтер и обе его дамы устремились навстречу входящим. Леди Дээримпл с мисс Картерет в сопровождении мистера Эллиота и полковника Уоллиса (они удачно подоспели буквально в последнюю секунду) величаво проследовали в гостиную. Остальные припустили за ними. В гостиной немедленно возник своего рода круг, в который, к великой досаде Энн, была вовлечена даже она. Толпа отрезала ее от капитана Уэнтворта. Их увлекательному и, пожалуй, даже весьма увлекательному разговору пришел конец, но это было не столь уж изрядной платой за то счастье, что он привнес в душу Энн! Ведь за последние десять минут она узнала о чувствах капитана Уэнтворта к Луизе, да и прочие его чувства сделались ей известны в большей степени, чем она когда-либо могла мечтать, и тщетно стараясь унять внутреннее волнение, Энн поневоле пришлось вернуться к священным обязанностям, что были продиктованы ей светской учтивостью. Она была так счастлива, что теперь даже окружающая толпа более не тяготила ее. Энн хотелось снисходить до всех, быть со всеми милой, поскольку никто из этих людей уж точно не смог бы изведать подобного счастья. Впрочем, пламеневшее в ней чувство несколько померкло, когда она, сумев в итоге протиснуться через толпу, дабы вернуться к разговору с мистером Уэнтвортом, не обнаружила его в гостиной. Оглядываясь недоуменно по сторонам, она вдруг заметила, как он исчезает в концертном зале. Энн на мгновение ощутила горечь. Ну да ладно, они обязательно еще увидятся с ним, ведь он, вне всякого сомнения, постарается отыскать ее задолго до завершения вечера, а сейчас, может быть, им даже показано пребывать на расстоянии, порознь. Энн было просто необходимо собраться с мыслями.

Но вот показалась и леди Рассел; теперь, вся компания была в сборе, и им следовало переместиться в концертный зал, вызывая перешептывание и стараясь привлечь так много восхищенных и завистливых взоров, как только было возможно, не забыв позаботиться о приведении в совершенный беспорядок почти образцового построения меломанов.



*...на пороге во всем великолепии показались сливки общества,
коих все так ожидали.*

Элизабет и Энн премного радовались, входя в этот зал. Элизабет шествовала под ручку с мисс Картерет, вперив взор в необъятную спину вдовствующей виконтессы Дэлримпла, — и могла ли она пожелать большего? А Энн... право же, мы нанесли бы ей оскорбление, взявшись сравнивать чувства обеих сестер; скажем только, что радость первой была порождена суетным себялюбием, а другой — узами великодушного сердца.

Энн шла и ничего не замечала, пышное убранство зала осталось ею незамеченным. В душе Энн поселилось счастье. Глаза ее необыкновенно сияли, а щеки полыхали, но она даже не сознавала этого. Энн могла размышлять единственно о минутах, проведенных недавно в обществе капитана Уэнтворта. Даже усаживаясь на свое место, она не переставала перебирать их в уме. Темы, затронутые им в разговоре, его слова, но всего более — выражение лица; всему этому было у Энн лишь одно-единственное объяснение. Мнение Фредерика о Луизе Масгроув, каковое он поспешил ей открыть, и то, что ему были непонятны деяния и чувства капитана Бенвика, с каким восхищением отзывался он о его самой первой и навеки утраченной возлюбленной, как он начинал фразу, забывая ее завершить, и как временами избегал ее взгляда, хотя не переставал обжигать ее взором пронзительных своих глаз, — для Энн все это говорило об одном: сердце Фредерика Уэнтворта вновь обращено к ней! И в этом сердце не осталось более зла и обиды на нее, поскольку туда вернулись уважение и дружба, но главное — прежняя его трепетная нежность к ней. Да-да, это была, несомненно, прежняя нежность! Да и как иначе можно было истолковать столь разительную перемену в капитане Уэнтворте?! Она никак не могла обмануться: Фредерик ее любил!

Энн была настолько захвачена этими мыслями и так взволнована, что уже решительно ничего вокруг не видела. Проходя через зал, она даже не пыталась увидеть Фредерика. Но когда все окончательно расселись, Энн принялась украдкой оглядывать зал, но капитана Уэнтворта поблизости не оказалось; как ни старалась она найти его взглядом, увы: Фредерика не было; к сожалению, уже начинался концерт, и Энн была вынуждена обрести уладу в куда более скромном счастье.

Благородная компания разделилась, избрав для себя две скамьи. Энн выпало оказаться на передней, а мистеру Эллиоту при посредстве полковника Уоллиса удалось поместиться рядом с нею. Мисс Эллиот восседала меж кузинами и благосклонно принимала удвоенные знаки внимания со стороны все того же полковника Уоллиса, что позволяло ей ощущать себя пребывающей наверху блаженства.

Концерт не мог не понравиться Энн, поскольку сегодня она, как никогда раньше была расположена внимать музыке; она внутренне отвечала на нежные гармонии, зажигалась от веселых, глубоко внимала серьезным и мирилась с ничем не примечательными. Да, Энн восторженно приняла концерт, особенно первую его часть. Перед завершением оной, была исполнена итальянская песня, и Энн попробовала перевести ее слова мистеру Эллиоту. Они вместе уткнулись носами в программку и Энн объяснила:

— Это, правда, только приблизительный смысл или, скорее, прямое значение слов. Все нюансы итальянской любовной песни постичь непросто, поскольку у слов много значений, но я, по мере сил, постараюсь донести до вас ее суть. Я отнюдь не причисляю себя к знатокам итальянского языка, поскольку знаю его прескверно.

— Ну как же, прескверно! Вы еще скажите, что вообще итальянского не знаете! Как будто бы мне сложно было заметить, с каким искусством вы переводите с листа эти скупые и изуверские строчки, обращая их в изящно отточенные фразы нашего

родного языка. Так что нечего мне тут хвастаться своим невежеством! Вы уже явили мне полное тому подтверждение.

— Я не в силах спорить со столь милыми комплиментами в мой адрес. Но избави меня Бог подвергнуться суду истинного знатока.

— О, я достаточно долго имел счастье посещать Камден-плэйс, — парировал мистер Эллиот, — а потому удосужился составить себе об Энн Эллиот собственное суждение; по мне так она непозволительно скромна, дабы осознать хотя бы половину заключенных в ней совершенств, но сии совершенства, однако, и близко не могут тягаться с ее скромностью, каковая вполне пристала бы любой другой женщине.

— Вам должно быть стыдно, мистер Эллиот! Что за грубая лесть, право! Однако, позвольте... что там следует дальше? — и Энн вновь принялась изучать программу.

— А можно ведь и сказать, — молвил мистер Эллиот, умышленно понижая голос, — что мне ваш характер был известен много ранее, чем вы можете подозревать.

— Неужто?! И каким же образом? Ведь вы были в состоянии узнать его лишь после того, как я переехала в Бат. Впрочем, вы, конечно, могли что-то узнать и от моих родных.

— Энн, мне говорили о вас задолго до вашего появления в Бате. И мне описывали вас те, кто знал вас исключительно хорошо. Признаться, я и впрямь давно был о вас наслышан. У меня было представление о вашей внешности, привычках, склонностях, взглядах. И все это было описано мне более чем подробно.

Мистер Эллиот, рассчитывая пробудить в Энн любопытство, вполне угадал. Да и кто бы, скажите, смог устоять перед соблазном раскрытия подобного секрета?! Если вдруг выясняется, что в незапамятные времена вас неведомо кто описывал человеку, с коим лишь сравнительно недавно свели знакомство, — это бы кого угодно не оставило равнодушным! Поэтому Энн была уже сама не своя от любопытства. Она пыталась гадать, выпрашивать о косвенных намеках, но все было напрасно. Мистер Эллиот наслаждался градом ее вопросов, но отвечать не спешил.

— Нет-нет, не теперь, — играл он с Энн. — Как-нибудь потом. После.

Прямо сейчас раскрыть секрет он категорически не имеет права. Но сомневаться в его словах не приходится. Еще много лет тому назад ему так расписали Энн, что он, имея представление о ее несравненных достоинствах, возмечтал обязательно найти ее и познакомиться. Энн подумала о капитане Уэнтворте — так превозносить ее когда-то был способен один только мистер Уэнтворт из Монкфорда, приходившийся братом капитану Уэнтворту. Возможно, мистеру Эллиоту доводилось его встречать? Однако такой вопрос Энн задать не осмелилась.

— Имя Энн Эллиот, — торжественно продолжал мистер Эллиот, — давно занимало мое воображение. Осмелюсь признаться в своем сокровенном желании: пусть бы оно никогда не менялось!

Да, похоже, он действительно произнес эти слова; но едва достигли они слуха Энн, как внимание ее было привлечено совсем другими словами, что прозвучали у нее за спиной, сделав все прочее несущественным. А разговаривали — сэр Уолтер и леди Дэлримпл.

— Красавец! — заключил сэр Уолтер. — Невероятно хорош собой.

— Очаровательный молодой человек! — согласилась леди Дэлримпл. — Таких в Бате не часто увидишь. Надеюсь, он ирландец?

— О, нет. Мы, кстати, знакомы. Клянемся даже. Так, шапочное знакомство. Зовут его — Уэнтворт. Капитан, морской офицер. Сестра замужем за адмиралом Крофтом, который снимает у меня Келлинг-холл.

Сэр Уолтер не завершил еще последней реплики, а взор Энн, безошибочно метнувшись в верном направлении, упал на капитана Уэнтворта, стоявшего в окружении незнакомых ей господ. Энн показалось, что капитан Уэнтворт, заметив ее взгляд, поспешил отвести свой собственный. Взоры их разминувшись всего на какой-то миг; куда у Энн хватало отваги открыто наблюдать за ним, капитан Уэнтворт на нее даже не взглянул; тут, совершенно некстати, концерт продолжился, и Энн, не смея уже обернуться, была обречена сверлить глазами оркестр.

Когда же она в отчаянии все-таки попыталась найти его взглядом, капитана Уэнтворта уже не было. Впрочем, даже вздумай он к ней приблизиться, это не имело бы смысла, поскольку Энн была зажата в кольце родственников. Правда, Энн была готова удовольствоваться и одним его взглядом. Внимать речам мистера Эллиота ей больше не хотелось, они ее расстроили. Даже вести с ним пустую беседу было для Энн испытанием. Она тяготилась уже одним его присутствием.

Энн уповала на антракт, каковой, сулил благие метаморфозы. После недолгого молчания кому-то вздумалось отправиться за чаем. Энн пребывала среди тех, весьма немногих, кто предпочел не покидать своих кресел. Леди Рассел тоже осталась на месте. Энн радовалось, что она хоть ненадолго избавилась от мистера Эллиота. Как ни дорога была ей леди Рассел, Энн не намерена была считаться с ее чувствами, твердо решив, что, если вдруг подойдет капитан Уэнтворт, она ни за что не откажется с ним пообщаться. От нее не укрылось, что леди Рассел уже заприметила Фредерика: лицо той говорило само за себя.

Но он так почему-то и не подошел. Энн все время казалось, что она его видит, но капитан не появлялся. Антракт, доставив лишь напрасные тревоги, кончился. Все возвратились на места, зал наполнился до отказа, и скамьи были разобраны. Начался очередной час блаженства, а может, и наказания. Целый час музыки, к коему были уже наготове восторги и зевки, инструменты вкуса истинного и мнимого. А Энн ожидал час тревог и беспокойств. Но она все равно не желала покидать концерт, не увидев капитана Уэнтворта и хотя бы однажды не обменявшись с ним дружественным взглядом.

После антракта произошли благоприятные для Энн перемены в размещении ее ближайших соседей. Учитывая, что полковнику Уоллису вздумалось постоять, Элизабет и мисс Картерет пригласили мистера Эллиота сесть между ними, причем твердо настояв на этом; благодаря еще некоторым перемещениям и собственной изворотливости, Энн оказалась не слишком далеко уже от края скамьи, соседствуя с проходящей публикой. Она уже представляла себя мисс Лароль¹, несравненной мисс Лароль; стратегия, заимствованная Энн, не сразу увенчалась успехом, но потом ей повезло: концерт еще не завершился, а Энн уже заняла место практически на краю.

¹ Персонаж романа Фанни Берни (Мадам д'Арбле) «Сесилия» (1782). Фанни Берни, современница Джейн Остен, скончалась в Бате (1840), пережив ее, однако, на 23 года. Джейн Остен была в упоении от ее романов, позаимствовав из той же «Сесилии» словосочетание, давшее название главному ее роману — «Гордость и Предубеждение» (1813). Мисс Лароль, будучи в Опере, использует те же приемы, что и Энн Эллиот, стремясь оказаться рядом с возлюбленным. — *Примеч. перев.*

Она занимала край скамьи, когда капитан Уэнтворт вновь оказался в поле ее зрения, всего в двух шагах от нее. Его Он тоже увидел ее и замер, не улыбаясь и не подходя тотчас к ней. Энн поняла: что-то произошло. В капитане Уэнтворте совершилась разительная перемена. Поведение Фредерика в Восьмиугольной Гостиной катастрофически разнилось с теперешним его поведением. Что же стало причиной столь поразительной перемены? Энн подумала о сэре Эллиоте, о леди Рассел. Может, его оскорбил чей-то враждебный взор? Капитан Уэнтворт уже распространился о концерте, причем делал это в достопамятной для Энн манере, что была так знакома ей еще по Апперкроссу; открыто признавался, что разочарован, ибо ожидал более искусного пения; он признался, что не будет сожалеть, когда концерт завершится. Энн, напротив, рьяно вступилась за певцов, но так мило принимала во внимание его оценку, что лицо капитана Уэнтворта невольно прояснело, а по губам скользнула тень улыбки. Они продолжали разговор, и Фредерик словно бы немного ожил; он даже оценивающе взглянул на скамью, чуть ли не собираясь найти место и присесть, но тут Энн почувствовала, что ее кто-то тронул за плечо, принуждая резко обернуться. Это оказался мистер Эллиот. Он изволил просить прощения, умоляя об одолжении, ибо ему срочно требовалось разъяснить итальянский текст, поскольку мисс Картерет горела желанием узнать содержание песни, которую собирались исполнить. Энн совестно было отказать, но никогда ранее не вынуждали ее приносить жертву учтивости настолько вопреки ее чувствам.

Как ни поспешала Энн с переводом, но у нее все равно ушло несколько минут; скинув бремя, Энн обернулась, увидев, что капитан готов откланяться; он пожелал ей доброй ночи, сообщив, что уходит, поскольку ему надлежит срочно вернуться домой.

— Разве эта песня не заслуживает того, чтобы вы повременили с уходом? — горестно спросила Энн, которую поразила внезапная догадка, подвигнувшая ее в особенной степени явить капитану Уэнтворту свое расположение, дабы образумить того.

— Нет! — категорически отказался он, — мне тут оставаться явно незачем. — И, не сказав более ни слова, он удалился.

Господи, да он же ревновал ее к мистеру Эллиоту!

Другого разумного объяснения у Энн просто не находилось!

Капитан Уэнтворт ее ревновал!!!

Могла ли Энн поверить в подобное еще какую-то неделю тому назад? Да даже три часа тому назад? На миг ее охватила безграничная радость, увы, столь же скоро сменившаяся помышлениями иного рода. Как же ей унять эту ревность? И есть ли средство усмирить ее? Как может она, при всех несуразностях настоящего их положения, убедиться в истинных его чувствах? А знаки внимания, коими щедро оделял ее весь вечер мистер Эллиот, вызывали теперь у Энн отвращение. Зло, доставленное ими, не поддавалось исчислению.

ГЛАВА XXI

Следующим утром Энн была рада вспомнить о данном ею миссис Смит обещании прибыть с визитом, поскольку обрела тем самым предлог, позволяющий ей уйти из дома, предвзятое вторжение мистера Эллиота, а Энн более всего желала именно что избегнуть его общества.

Тем не менее, она желала ему только добра. Невзирая на то зло, что явилось следствием его благосклонности, Энн испытывала к мистеру Эллиоту благодарность и почтение, ну и еще чуточку жалости. Она воскрешала в памяти причудливые обстоятельства их знакомства, равно как и о правах, предоставляемых ему близким родством, нежными чувствами и давнишними его романтическими мечтами. Все это представлялось Энн необычным, льстило ей как женщине и вызывало печаль. Ей было положительно жаль его и даже очень, очень жаль; сложно сказать, поменялись бы ее мысли и чувства, не возникни на горизонте фигура капитана Уэнтворта, поскольку она как раз теперь возникла; и неважно, что именно сулила Энн мучительная неизвестность, — сердце ее навеки принадлежало капитану Уэнтворту. Этот союз не в большей степени отвратил бы ее внутренне от любых кавалеров, чем даже вечная разлука.

Доселе никто в Бате не проносил по улицам столь возвышенных рассуждений об истинной любви и бесконечной верности, как Энн; они волшебным образом преображали для нее весь путь от Камден-плейс до Вестгейт Бильдингс, словно освящая его и наполняя благовониями.

Энн была и так уверена, что ей будет оказан самый любезный прием, и все же она удивилась, найдя подругу преисполненной таким чувством благодарности, словно она и не ждала и, более того, рассчитывала на приход Энн, вопреки тому, что они твердо условились.

Энн тотчас обязали поведать во всех деталях о концерте; она припоминала недавний концерт с тихой радостью; во время рассказа лицо ее сияло от незабываемого удовольствия. Она охотно делилась с миссис Смит всем, но могла сообщить на удивление мало деталей, чем, безусловно, разочаровала миссис Смит, каковая удосужилась получить от швейцара, а потом еще и от прачки куда более подробное описание о характере и успешности концерта. Та тщетно допытывалась у Энн важных подробностей о публике, поскольку знала уже, конечно же, понаслышке, чуть ли не всех богатых и знаменитых персон в Бате.

— Вот как, — задумчиво говорила она, — выходит, и маленькие Дьюранды были, небось, слушали там музыку, вытаращив глаза и разинув рты, словно неоперившиеся воробышки в поисках съестного. И ни одного ведь концерта не пропускают!

— Да-да. Я сама их как-то не заметила, но мистер Эллиот упоминал о них.

— Хорошо, ну а Ибботсоны? Две такие разодетые в пух и прах красоти, всегда сопровождаемые высоченным офицером-ирландцем; тот, вроде как, на одну из них имеет виды.

— Не могу припомнить. По-моему, этих не было.

— А престарелая леди Мэри Маклин? Впрочем, чего ради я спрашиваю-то! Ведь без нее никогда не обходится. Как же вы могли не заметить ее? Она должна была находиться поблизости. Ведь если вы были с леди Дэлримпл, то, значит, сидели на самых лучших местах, что у самого оркестра, ведь так?

— О нет! Я была в ужасе от подобной перспективы. Мне это было бы не в радость, да еще и по целому ряду причин. Но, к счастью, леди Дэлримпл предпочитает усаживаться в некотором удалении; так что мы очень даже мило разместились; то есть, нам и оттуда все было прекрасно слышно, но зато и видно куда хуже.

— Ах, бросьте, я полагаю, вы увидели все, что хотели. Прекрасно вас понимаю! Ведь и в гуще шумной толпы можно насладиться тихими семейными радостями. Вы ведь заявили туда целой компанией — так что вам было проку в остальных?

— Ну, не скажите. Мне, пожалуй, совсем бы не помешало больше поглядывать по сторонам, — вырвалось у Энн, которая тотчас вспомнила, что как раз по сторонам-то она глазела достаточно, правда вот, далеко не всегда с должным успехом.

— Да чего уж там поглядывать, и до того ли вам было?! Не старайтесь уверять меня, что провели вечер отлично. Я уже по вашим глазам вижу, что вы довольны вечером. Вам то и дело угождали милыми комплиментами. А когда музыка стихла, с вами завели занимательный разговор.

Энн с улыбкой спросила:

— И все это вы заключили по моим глазам?

— О да! Лицо ваше яснее ясного свидетельствует о том, что вчера вы оказались в обществе того, кто вам дороже всех на свете.

Энн зарделась. Она даже не знала, что ей сказать в ответ.

— А если так, — продолжала миссис Смит после небольшой паузы, — вы, надюсь, поверите мне, что я необыкновенно ценю ваше доброе отношение ко мне, видя вас ныне у себя. Вы и впрямь очень добры, поскольку, конечно же, могли гораздо интереснее провести время.

Последние слова миссис Смит не были услышаны Энн Эллиот. Она пребывала в изумлении, поражаясь проницательности подруги и гадая, каким же это образом ей вообще удалось проведать о капитане Уэнтворте.

— Ответьте мне, Энн, — спросила миссис Смит после очередной паузы, — а известно ли мистеру Эллиоту, что мы с вами знакомы? Он знает, что я нахожусь в Бате?

— Мистер Эллиот?! — с превеликим удивлением спросила Энн, уставившись на подругу. Мгновение спустя она все поняла. Нарочито спокойным тоном она осведомилась:

— А вы что же, выходит, знакомы с мистером Эллиотом?

— Была знакома однажды, — ответила миссис Смит. Улыбки на ее лице уже не было. — Теперь знакомство прервалось, и мы не видимся.

— А я и не знала этого... Вы прежде не упоминали. Знай я об этом заранее, уж точно не отказала бы себе в удовольствии поговорить с ним о вас.

— По правде говоря, — проговорила миссис Смит уже с обычной своей веселостью, — я очень даже не прочь, чтобы вы с ним обо мне поговорили. Мне необходи-

мо, чтобы использовали свое безусловное на него влияние. Мистер Эллиот, сам того не зная, мог бы мне сослужить претолщичную службу! Уж будьте так добры, мисс Энн, замолвите ему обо мне словечко — вам он ни за что не откажет.

— Я была бы счастлива помочь вам хоть чем-то. Уверена, вы и сами это знаете, — сказала Энн. — Боюсь, однако, что вы сильно преувеличиваете мое на него влияние, полагая, что я обладаю некими правами, позволяющими мне указывать мистеру Эллиоту. С чего это вдруг вы сделали подобный вывод? Поверьте, я всего только состою с ним в родстве. Но, как бы то ни было, я попрошу у него для вас всего, о чем может попросить кузина, — в этом вы можете на меня положиться.

Миссис Смит окинула Энн с ног до головы пронизательным взором и улыбнулась:

— Выходит, я поспешила с выводами. Что ж, тогда простите меня. Следовало дожидаться формального извещения, не так ли? Только вот что, милая мисс Эллиот, вы уж наметните мне, по старой дружбе, когда будет уже позволено задавать вам вопросы о мистере Эллиоте? Скажу вам по совести: я надеюсь, что это совершится уже на следующей неделе, а там, глядишь, у меня, наконец, появится возможность ради своей корысти воспользоваться везением мистера Эллиота.

— Нет, — просто отвечала ей Энн. — Этого не случится ни на следующей неделе, ни позднее. Этого вообще никогда не случится, поскольку я не намерена выходить замуж за мистера Эллиота. Да и с чего это вдруг пришла вам в голову такая идея?!

Миссис Смит опять внимательно и очень серьезно поглядела на Энн, а потом улыбнулась и, покачав головой, воскликнула:

— Ах, до чего же мне хочется вас до конца понять! Как я желала бы узнать вашу душу! Мне ведомо, что вы не способны на жестокосердие в решающий момент. В его отсутствие, нам, женщинам, свойственно сомневаться в его реальности. Вот мы и готовимся отказать — куда к нам действительно не посватаются. Впрочем, в жестокосердии и подавно нет нужды. Уж позвольте мне замолвить словечко за моего, скажем так: бывшего друга, — поскольку сейчас я своим другом назвать его никак не могу. Да где ж вы найдете более удачную партию для себя?! Где вы встретите такого человека, чтобы он, будучи истинным джентльменом, еще был бы и приятнейшим человеком? Я ручаюсь за него перед вами, мисс Эллиот, а потому и не могу не заступиться. Тем более что вы и от полковника Уоллиса слышали о мистере Эллиоте только хорошее, а уж кому как не полковнику Уоллису его знать!

— Миссис Смит, дорогая, да ведь супруга мистера Эллиота скончалась всего полгода назад. Едва ли ныне ему вообще уместно вынашивать виды на кого бы то ни было.

— Ах, ну если только это побуждает вас отказать, — вскричала миссис Смит задорно, — то я совершенно спокойна по поводу мистера Эллиота и готова взять все свои ходатайства обратно. Ну а когда окажетесь замужем, вы уж не забудьте про меня, договорились? Достаточно будет лишь намекнуть ему, что я — ваш друг, и поверьте: хлопоты, коих он чурается ныне, поскольку ему все недосуг, покажутся ему тогда пустячными. Да что там говорить, все ж понятно. Девяносто девять из ста повели бы себя схожим образом. Тем более что ему даже невдомек, насколько все это для меня важно. Знаете, мисс Энн, я не только надеюсь, я совершенно уверена, что вам суждено обрести счастье. А в мистере Эллиоте вы обнаружите достаточно ума, дабы по достоинству оценить такое сокровище, как вы. Вашему покою никогда не будут угрожать



— Вот как, — задумчиво говорила она, — выходит, и маленькие Дьюранды были, небось, слушали там музыку, вытаращив глаза и разинув рты, словно неоперившиеся воробышки в поисках съестного.

бури, выпавшие на мою долю. Вы можете во всем положиться на мистера Эллиота. Его нельзя сбить с пути, и никто не сможет его сокрушить.

— О, нет, — отвечала Энн. — Я верю всему сказанному вами о моем кузене. С его, как я думаю, спокойным и твердым характером он едва ли может поддаться сомнительным и опасным влияниям. Я придерживаюсь о мистере Эллиоте высокого мнения. До сих пор я не примечала за ним ничего странного или дурного. Но мы так недавно познакомились, а он ведь не из тех, кого можно тотчас узнать. И неужели вы по моему тону не уразумели, что он мне безразличен? В противном случае, разве стала бы я о нем так спокойно рассуждать? Поверьте, миссис Смит, я равнодушна к мистеру Эллиоту. Случись даже ему посвататься ко мне (а я и близко не считаю, что это входит в его намерения), я ему непременно откажу. О, поверьте мне. И уж, знаете, если вчерашний концерт и доставил мне удовольствие, то мистер Эллиот здесь не при чем. Это решительно не мистер Эллиот...

Энн осеклась, покраснев с досады, что обнаружила свой секрет: но ограничиться меньшим было уже не в ее силах. Да и миссис Смит ни за что не поверила бы, что у мистера Эллиота нет шансов, если бы не допустила существования в жизни Энн другого мужчины. Но когда это открылось, миссис Смит совершенно успокоилась, и было очевидно, что никакого понятия об этом тайном мужчине она не имеет. А Энн, испытав неимоверное облегчение, приступила немедленно к ней с расспросами, как ей вообще могла прийти подобная идея касательно ее и мистера Эллиота; может статься, она услышала это от кого-либо?

— Скажите, миссис Смит, отчего вы все-же так решили?

— Да ведь я уже знала, что вы частенько бываете вместе, а вокруг все этому весьма рады. Можете не сомневаться, что все знакомые ваши давным-давно уже в мыслях соединили вас с ним. Однако напрямик мне об этом никто не говорил... до позавчерашнего дня.

— Значит, позавчера как раз говорили?

— Вы помните женщину, которая отворила вам дверь?

— Нет. Разве то была не миссис Спид? И не горничная? Тогда нет, не заметила.

— То была няня Рук, давнишняя приятельница моя. Она прямо жаждала вас увидеть и была рада, что ей представился таковой случай. Она только в это воскресенье вернулась из Мальборо Бильдингс. От нее-то мне и стало известно, что вы намерены выйти замуж за мистера Эллиота. Ну а ей это сообщила сама миссис Уоллис, в чьих сведениях сомневаться не приходится. Няня Рук первым делом выбралась ко мне и в продолжение целого вечера излагала эту повесть о вас двоих.

— Подумать только, целую повесть! — расхохоталась Энн. — И это из одних лишь смутных и нелепых слухов?! Думаю, короткая у нее вышла повесть!

Миссис Смит на это не проронила ни слова, а Энн продолжала:

— Однако, даже не обладая теми правами на мистера Эллиота, что вы мне приписали, я буду рада оказаться вам полезной. Значит, мне нужно уведомить его, что вы в Бате? Может, следует ему что-то от вас передать?

— О нет, благодарю вас, дорогая, не нужно. Я ведь это по ошибке, сгоряча, посвятила вас в некоторые свои обстоятельства. Так что не стоит, ну, по крайней мере, теперь. Я весьма благодарна вам и не хочу ничем обременять.

— Вы, кажется, упомянули, что знавали мистера Эллиота раньше?

— Да, это чистая правда.

— Это ведь было не прежде, чем он женился?

— Ну, отчего же, именно так. Он и подавно не был женат, когда мы познакомились.

— И... близко?

— Да уж ближе некуда!

— Вон оно что!

— Так поведайте же мне о нем, тогдашнем. Мне прямо не терпится узнать, каков он был в ранней юности! Похожи ли хоть чуть-чуть на теперешнего?

— Я не встречала мистера Эллиота на протяжении трех последних лет, — в голосе миссис Смит Энн прочувствовала такую твердость, что почла за благо для себя отступить и более не докучать с расспросами. Получалось, что она так ничего и не вывела у миссис Смит, разве что любопытство донимало ее сильнее прежнего. Обе женщины погрузились в молчание, а миссис Смит о чем-то глубоко задумалась. Потом она неожиданно встрепенулась и, с обычной своей сердечностью, вскричала:

— Мисс Эллиот, милая моя! Вы уж простите меня, что я была так уклончива в ответах своих, но, право же, я совершенно не могла понять, как будет правильнее поступить. Ведь теперь совсем не понятно, что я могу вам рассказать, а о чем лучше умолчать до поры до времени. Все разом запуталось. Ведь боязно же совать нос не в свое дело: а ну как оговоришь кого-то понапрасну, а то и пуший вред принесешь? Даже одна только видимость семейного покоя и то заслуживает сохранения! И неважно, что лежит в основании. Решено! Думаю, что я поступаю правильно. Полагаю, самое время познакомить вас с истинным характером мистера Эллиота. Пусть я и убедилась, что в настоящий момент у вас нет и тени намерения выйти за него замуж, Бог его знает, как еще может все обернуться. Нельзя ведь исключать, что ваше расположение к нему не переменится коренным образом. Поэтому слушайте всю правду о нем — именно сейчас, когда вы спокойны и не увлечены им. Знайте же, Энн: у мистера Эллиота нет ни чести, ни совести! Это недоверчивый, коварный человек с холодным рассудком, занятый исключительно собой. Ради выгоды и, преследуя собственные цели, он способен на все — на любую жестокость, на какое угодно преступление, совершение которого ничем бы ему не угрожало. Ему нет дела ни до кого. Если кто-то, благодаря ему, попадает в беду и рискует погибнуть, он бросает его, не испытывая ни жалости, ни раскаяния. Это пустая и черная душа! Черная, Энн!

Изумление Энн и восклицание, невольно слетевшее с губ ее, принудили миссис Смит на мгновение прерваться, но она, совладав с собой, продолжала:

— Вам делается страшно от моих слов. Но проявите толику снисхождения к оскорбленной и обиженной женщине! Я пытаюсь сдерживаться, поверьте. Не стану больше проклинать его при вас. Но зато я расскажу вам, как и когда он открылся предо мной. И пусть уж суровые факты скажут сами за себя. Он был ближайшим другом моего горячо обожаемого мной супруга. Тот любил его и во всем ему доверялся. Замечу, что сошлись они накоротке еще до того, как супруг мой женился на мне. Так что я застала их уже крепкими друзьями; сперва мистер Эллиот и мне пришлось по душе, я им чуть ли не восхищалась тогда. Да и мудрено ведь сразу разобраться в незнакомом человеке, когда тебе всего девятнадцать лет от роду. Мистер Эллиот казался мне не хуже других, но приятнее многих. Вскоре мы трое уже почти что не разлучались. А обитали мы тогда в Лондоне, причем жили на широкую ногу. Мистер Эллиот, в отличие от нас, был беден, постоянно в стесненных обстоятельствах. Снимал несколько комнат в

Темпле¹, что помогало ему поддерживать иллюзию, будто бы самый образ жизни его как у истинного джентльмена. Он мог появляться у нас, когда угодно. Мы неизменно были ему рады. Мой бедный и несчастный Чарльз, самая возвышенная и прекрасная душа на свете, готов был разделить с мистером Эллиотом даже последний фартинг и всегда держал для друга свой кошелек открытым; мне доподлинно известно, как часто Чарльз его выручал.

— Вы знаете, — проговорила тут Энн, — наверное, это та пора в жизни мистера Эллиота, каковая меня занимала до чрезвычайности. Ведь именно тогда свел он знакомство с моим отцом и сестрой. Мне его не пришлось узнать, я только много слышала о нем; но я помню, что проступала в его поведении, в том, как он относился к отцу и сестре, и потом, в обстоятельствах его женитьбы, некая странность, которую я не могла сопоставить с нынешним его положением. Словно два разных человека!

— Знаю, знаю! — вскричала миссис Смит. — Все знаю! Он ведь изволил представиться сэру Уолтеру и сестрице вашей еще прежде, чем мы трое сдружились, но и потом он все время вспоминал о них. Я помню, что его приглашали, зазывали настоятельно, но он все это проигнорировал. О, я могла вам, Энн, такого порассказать, что вы бы диву дались! Что до женитьбы его, так я знала практически обо всем. Меня же посвящали, как говорится, во все «ЗА» и «ПРОТИВ»; делились со мной малейшими опасениями и заветными надеждами; прежде-то я с женой его не была знакома — не тот круг, понимаете ли, чтобы мы с ней могли общаться; но уж потом я всю подноготную их семьи узнала, правда, исключая последние два года, так что готова на любой вопрос ответить, спрашивайте!

— Нет, — произнесла Энн. — О ней я спрашивать не собираюсь. Мне и так известно, что их брак был несчастлив. Но меня вот что более всего занимает: почему он столь откровенно пренебрег вниманием, коим его удостоили? Ведь мой отец был расположен отнестись к нему с подобающим уважением. Что же вынуждало мистера Эллиота столь упорно его избегать?

— У мистера Эллиота в ту пору была одна цель — разбогатеть любым способом, да поскорее. Он не был склонен дожидаться, когда изучение права обогатит его. Мистер Эллиот решил, что быстрее достигнет заветной цели своей посредством выгодной женитьбы, а потому он пренебрегал неподобающими партиями, каковые могли бы навредить исполнению его замысла. Отец ваш и сестра с увлечением обхаживали его, имея в мечтах бракосочетание юной дамы с молодым наследником, однако мистеру Эллиоту данная партия отнюдь не представлялась подходящей, ибо не отвечала его понятиям о богатстве и независимости. Поэтому-то он и избегал их, как только мог. Он же сам все рассказал мне без утайки. До чего все же странно, что, расставшись с вами в Бате, я после замужества сразу познакомилась с вашим кузеном. От него я много чего наслышалась о вашем отце и сестрице. Помню слушаю, как он мне описывает одну мисс Эллиот, а я про себя с великой нежностью вспоминаю другую...

— Пойдите-ка! — вскричала внезапно Энн, ибо ее озарила новая мысль. — Так вы могли подчас рассказывать мистеру Эллиоту обо мне?!

— Ну, разумеется. И даже частенько! Я так любила хвастаться своей драгоценной и милой Энн Эллиот и уверяла его, что она никоим образом не походит на...

¹ Исторический и весьма престижный лондонский район, южная сторона которого выходит к Темзе. — *Примеч. перев.*

Миссис Смит вовремя себя оборвала.

— О, это очень многое объясняет! — воскликнула Энн. — Теперь-то мне стали понятными непрестанные намски мистера Эллиота, каковыми он изводил меня вчера. Так, я узнала от него, что он впервые услышал обо мне еще очень давно. И никак не могла догадаться, от кого именно. Господи, каким же только не доверяешься фантазиям, когда речь заходит о тебе самом! И до чего же просто угодить впросак! Но...я перебила вас, простите! Выходит, мистер Эллиот в итоге женился на деньгах? Видимо, это и стало причиной разлада между вами?

Миссис Смит немного замешкалась с ответом.

— Ну, это обыкновенное явление! Живя в свете, перестаешь удивляться, что мужчины и женщину могут вступать в брак единственно ради денег, и ты уже не клеймишь их, как прежде. Я была молода и проводила время с молодыми людьми; и были мы все веселы и беспечны, и строгий кодекс поведения был у нас не в чести. Только и помышляли, что об удовольствиях. Ныне я стала другой. Время, болезнь и горе изменили меня и мои воззрения, а во дни юности, признаться, я не находила ничего предосудительного в деянии мистера Эллиота. «Все ради собственного блага» — таков был наш девиз.

— Но ведь супруга его была происхождения не слишком высокого?

— О да! Но сколько бы я ни предупреждала его, он ничего не хотел слушать. Деньги, премного денег — вот, что было ему нужно. Отец невесты был скотоводом, дед — мясником, но мистеру Уолтеру было все равно. Невеста оказалась красавицей; прекрасная девушка, получившая приличное воспитание благодаря заботе и покровительству родственников; потом случай свел ее с мистером Эллиотом, она мгновенно влюбилась, и ее происхождение не помешало ни ей, ни, тем более, ему. Он был озабочен одним: установлением точного размера приданого. Потому и колебался, не спешил с последним шагом. Забавно, что ныне мистер Эллиот невероятно печется о высоком положении в свете, а будучи юношей, пренебрегал им, не задумываясь. Да, он всегда помнил об имении в Келлинче, но честь семьи — для него это был пустой звук. Сколько раз я от него слышала, что, если бы баронетства продавались, он бы тотчас уступил свое первому встречному за каких-нибудь пятьдесят фунтов, а в придачу отдал бы имя, герб и девиз. Мне и половины, думаю, не вспомнить из его тогдашних монологов, да это и не нужно уже. Ведь вы ищите доказательств; а слова пустые вам к чему, спрашивается? Что ж, я предоставляю вам доказательства.

— Право же, дорогая моя миссис Смит, — горячо проговорила Энн, — никаких доказательств мне не надо. Ведь вы не поведали мне ничего такого, что шло бы вразрез с собственными моими догадками о прошлом мистера Эллиота. Все сказанное вами блестяще подтверждает все то, что нам доводилось о нем слышать и думать. Мне много интереснее было бы узнать, что явилось причиной столь разительной в нем перемены.

— Прошу вас оказать мне милость и кликнуть Мэри; а впрочем, обождите. Я убеждена, что вы будете великодушны и сами дойдете до моей спальни, чтобы принести оттуда небольшую резную шкатулку; вы сразу увидите ее на шифоньере.

Энн, решив не пререкаться с подругой, сделала так, как ее просили. Она принесла шкатулку, поставив ее перед миссис Смит. Та тяжело вздохнула и, поворачивая ключ в замочке, предупредила:

— Тут полным-полно бумаг моего супруга. И здесь лишь малая часть того, что осталось после его кончины. Я хочу отыскать письмо мистера Эллиота, что он послал

еще до нашей женитьбы. Не понимаю, как оно могло уцелеть. В делах подобного рода супруг мой был склонен к беспечности, как, впрочем, и остальные мужчины. Разбирая впоследствии его бумаги, я отыскала это письмо среди груды других, сплошь бесполезных и ненужных, от неведомых мне людей; при этом множество ценнейших и важных документов бесследно исчезли... А, вижу, вот оно! Я решила не предавать его огню, поскольку уже тогда была расстроена поведением мистера Эллиота, вознамерившись сохранить данное письмо как свидетельство былой близости меж нами. И ныне я рада, что могу его предъявить, поскольку меня подвигает на это уже совсем иная причина.

Письмо было адресовано Чарльзу Смиту, эсквайру, Танбридж-Уэлс, и отправлено из Лондона, не позднее июля 1803 года.

«Дорогой Смит, отвечаю на полученное от тебя письмо. Право же, ты слишком снисходителен ко мне. Вот бы природа наделяла каждого таким сердцем, как у тебя, но, прожив уже двадцать три года на этом свете, я не встретил ни одного мало-мальски похожего. Ты не поверишь, но ныне я разжился деньгами и больше не нуждаюсь в твоём попечении. Можешь порадоваться за меня: я наконец-то избавился от сэра Уолтера и Мисс. Они свалили в Келлинг, прежде заставив меня дать им чуть ли не клятву, что летом я непременно их навещу. Но если я и поеду к ним, то лишь с оценщиком, чтобы тот порекомендовал мне как поскорее сбавить Келлинг-холл с молотка. Впрочем, баронет вполне может и жениться; на это у него ума, может, еще и хватит. Тогда уж они точно оставят меня в покое, что с лихвой компенсирует мне потерю наследства. В нынешнем году старикан сделался еще несноснее.

Я согласен носить любое имя, кроме имени Эллиот. Терпеть его не могу! А еще, хвала Господу, я могу убрать из своего имени Уолтера. Так что не оскорбляй меня впредь вторым «У», ибо до конца дней своих я намерен оставаться всецело твоим

У—м. Эллиотом».

Прочитав такие строки о собственном отце, сложно было не смутиться. Заметив, как зарделись щеки Энн, миссис Смит поспешила заметить:

— Самый текст письма в высшей степени оскорбителен. Я уж не припомню в точности отдельных слов и выражений, зато общую мысль ухватила прекрасно. А уж какое письмо — таков и его автор. И до чего ж он перед супругом моим прогибается — сильнее-то и не прогнешься!

Энн не сразу отошла от потрясения и обиды, вспоминая из письма все сказанное о ее отце. Ей пришлось напомнить себе, что, прочитав чужое письмо, она сама преступила законы чести, частная переписка — не для чужих глаз; да и допустимо ли вообще судить кого бы то ни было на подобном основании? Овладев собой, Энн возвратила письмо, давшее повод к размышлениям, и сказала:

— Благодарю вас, это, действительно, веское и бесспорное доказательство всему, что вы сегодня мне поведали. Одного не пойму: для чего мы вообще нужны мистеру Эллиоту?

— Берусь вам объяснить и это, — улыбнулась миссис Смит.

— Да неужто?!

— Я предъявила вам истинное лицо мистера Эллиота — того, каким он был двенадцать лет тому назад. А теперь я представляю того, каким он стал. Письменными доказательствами я не располагаю, но зато приведу услышанные мною достоверные факты о

его подлинных мыслях и намерениях. Мистер Смит — вовсе не лицемер. Он и в самом деле хочет на вас жениться. Более того: он обхаживает и заботится о вашей семье от чистого сердца. Сведения же эти получены мною лично от полковника Уоллиса.

— Полковника Уоллиса?! Вы что же, знакомы с ним?

— Нет. Напрямую мы с ним не связаны. У меня есть посредник. Всю информацию он берет из первых уст, подряд и не выбирая; все, не имеющее прямого отношения к делу, я удаляю. Мистер Эллиот открыл полковнику Уоллису, какие он имеет на вас виды. Полковник — человек, исполненный благородства, он также умен и скромн. Но он женат и имеет обыкновение пересказывать все услышанное им своей жене, хотя этого бы делать ему и не следовало. Жена его, прехорошенькая и преглупенькая особа, оправляется после родов; пребывая в расслабленном состоянии, она делится новостями с сиделкой, а та, зная превосходно о нашем с вами знакомстве, запоминает их и потом скрупулезно мне докладывает. В давешний понедельник наша умница миссис Рук посвятила меня во все без исключения тайны Мальборо Бильдингс. Оттого я и назвала ее рассказ повестью; а вы посчитали, будто бы я склонна к преувеличениям.

— Дорогая моя миссис Смит, но разве можно признать такой источник достоверным?! Ведь какие бы виды на меня ни вынашивал мистер Эллиот, согласитесь, что это обстоятельство ни в коей мере не объясняет предпринятых им шагов, направленных на заключение мира с моим отцом. Состоялось это, увы, еще до моего приезда. А приехав, я обнаружила, что они уже пребывают в дружественных отношениях.

— Мне это известно. Я знаю, и даже очень хорошо, но...

— И все же позвольте мне сказать, миссис Смит, что не должны всецело полагаться на достоверность сведений, почерпнутых из такого рода источников. Факты и суждения, неоднократно переходя от одного лица к другому, неизбежно искажаются по причине недомыслия или неведения, а потому подумайте сами: много ли останется в них истинного?!

— Но дайте же мне договорить, милая! А потом уж и будете судить, насколько достоверны мои сведения, признавая их или же опровергая... Никто ведь и не утверждает, что мистер Эллиот заключил мир с вашим отцом исключительно ради вас. Вспомните: он увидел вас задолго до того, как вы переехали в Бат, и уже тогда вы ему сразу понравились, а ведь он и не подозревал даже, что это — именно вы. Во всяком случае, так сообщает полковник. Ответьте сами: это правда? Мог ли мистер Эллиот повстречать вас минувшим летом или осенью «где-то в западных краях», как было им сказано, и при этом не предполагая, кто вы?

— Да, тут все верно. Речь идет о Лайме. Я тогда впервые приехала в Лайм.

— Вот видите! — заметила миссис Смит, торжествуя. — Нельзя не отдать должное моему источнику. Начало повести подтвердилось. Продолжим. Итак, увидев вас в Лайме, мистер Эллиот был вами очарован настолько, что встреча с вами в Камден-плэйс, где вы принимали его, изумленного и счастливого, уже в качестве мисс Энн Эллиот, предоставила ему дополнительный повод для частых визитов в ваш дом. А о другом поводе я вам сейчас расскажу. Если что-либо в истории моей покажется недостоверным, тотчас прерывайте меня. Согласно моим сведениям, у вашей сестры есть некая подруга; она проживает в вашем доме; вы некогда упоминали, что она приехала в Бат с вашим отцом и сестрой в сентябре (для них это был первый визит в здешние места); в дальнейшем эта особа предпочла остаться с ними; она умна, хитра, пронырлива, при этом хоть и бедна, зато недурна собой и умеет понравиться; ее статус в доме и

манера поведения наводят знакомых семейства на мысль, что особа эта вознамерилась стать леди Эллиот, и они пребывают в недоумении, как же мисс Элизабет не усматривает грозящей им опасности.

Миссис Смит ненадолго умолкла. Энн не нашла, что сказать, и миссис Смит продолжала:

— Ситуация была увидена именно в таком свете рядом лиц, водивших знакомство с вашей семьей задолго до вашего появления; тот же полковник Уоллис, хотя ему и не случилось быть приглашенным в Камден-плэйс, имел возможность неоднократно наблюдать за вашим отцом, и от него не укрылось происходящее. Питая расположение к мистеру Уоллису, полковник внимательно наблюдал за развитием событий и, стоило только мистеру Эллиоту оказаться в Бате за несколько дней до Рождества, как полковник довел до его сведения то, о чем твердит народная молва, и поделился собственными догадками. Мистер Эллиот, весьма переменившись, придерживается теперь иных взглядов на баронетство; вопросы, касающиеся родословной, приобрели для него определяющее значение. Располагая средствами, коих он не в состоянии потратить, и давно сумев насытить жадность свою и прихоти удовлетворить, мистер Эллиот понемногу приучился сопрягать желанное счастье с высоким титулом, каковой ему суждено унаследовать. Я заметила это его новое свойство еще до разрыва наших отношений, а теперь у меня не осталось никаких сомнений на сей счет. Сама мысль, что титул может от него ускользнуть, и он не сделается сэром Уильямом, просто невыносима для него. Засим, Энн, вы можете увериться в том, что, когда его приятель сообщил ему новость о некоей особе в доме сэра Уолтера, мистер Эллиот не обрадовался этому. Он твердо решил возвратиться в Бат при первой же возможности и восстановить отношения с семейством сэра Уолтера, а затем, вновь вступив в лоно семьи на правах кузена, убедиться в происках некоей особы, и если таковые действительно будут иметь место, постараться обойти ее любой ценой. Друзья посчитали план основательным и единственно верным; и, естественно, полковник Уоллис выказал желание во всем оказывать поддержку мистеру Эллиоту. Следовало теперь соблюсти учтивость и представиться; это благополучно совершилось; ходатайство мистера Эллиота о прощении было удовлетворено, и он вновь обрел право бывать в доме сэра Уолтера. Его главной целью (до того, как вы появились в Бате, конечно) была слежка за сэром Уолтером и миссис Клэй. Мистер Эллиот не упускал ни одной возможности оказаться рядом с ними, непрестанно возникая у них на пути. Припомнив его таланты, вы сами в состоянии представить, как виртуозно он действовал.

— О да, — проговорила Энн. — Вы знаете, о чем-то таком я ведь и сама догадывалась... Признаться, слушать о происках коварства не слишком-то приятно. Двумличие вкупе с эгоизмом не могут не вызывать внутреннего отторжения. Впрочем, ничего нового для меня, по сути, не прозвучало. Мне не сложно вообразить тех, кого подобные разоблачения деяний мистера Эллиота наверняка бы потрясли и привели в шок, и кому было бы крайне сложно принять таковую о нем правду, но у меня всегда были какие-то смутные подозрения. За явными его деяниями я словно провидела тайные побуждения. Да, кстати, мне было бы интересно узнать мнение мистера Эллиота по поводу вероятности угрозы, связанной с происками известной нам особы. Что же, опасность стала менее реальной?

— Насколько я понимаю, да, — заметила миссис Смит. — Мистер Эллиот полагает, что миссис Клэй ужасно его боится, поскольку уразумела, что он видит все ее коз-

ни и намерения насквозь; характерно, что в его присутствии она ведет себя совсем иначе, чем когда его нет в Камден-плэйс. Однако мистер Эллиот не может позволить себе пребывать там постоянно, а потому я задаюсь вопросом, что же придает ему уверенность в успехе, особенно учитывая растущее влияние миссис Клэй на сэра Уолтера? Няня Рук поделилась со мной презанятой идеей, которую высказала миссис Уоллис: когда дело дойдет до заключения вашего брака с мистером Эллиотом, в брачный контракт следует внести непереносимое условие, согласно которому сэр Уолтер лишится права жениться на миссис Клэй. Что ж, именно такой план и мог возникнуть в прелестной головке миссис Уоллис! Няня Рук, конечно же, понимает всю его нелепость. Она мне так и сказала: «Господи, сударыня, — говорит, — да ведь как можно будет тогда возбранить сэру Уолтеру жениться еще на ком-нибудь?!» Так-то вот, хотя, если честно, я сомневаюсь, что в глубине души няня Рук уж так противится женитьбе сэра Уолтера. Ведь она — ярая поборница материнства. И, учитывая, что привычка — вторая натура, кто знает, а не зародились ли в ее душе смутные надежды на то, что она в один прекрасный день, предъявив рекомендацию от миссис Уоллис, будет допущена принимать роды у новоявленной леди Эллиот?!

После непродолжительного раздумья Энн произнесла:

— Как все-таки хорошо, что я узнала обо всем этом. Мне теперь будет еще сложнее переносить общество мистера Эллиота, зато теперь понятно, как мне следует вести себя с таким человеком. Мистер Эллиот — хитрец, каких мало, это суетный великосветский лгун и притворщик, готовый пожертвовать всем ради своей выгоды.

Однако разговор о мистере Эллиоте еще не подошел к концу. Миссис Смит позволила себе несколько отклониться от основной темы их разговора; Энн, в первую очередь, пекущаяся об интересах своей семьи, не до конца отдавала себе отчет, сколь тяжкие грехи могут скрываться за многозначительными намеками ее подруги; но сейчас миссис Смит решила все-таки углубиться в детали, представив Энн еще одну повесть, которая, возможно, и не могла в полной мере объяснить страстную неприязнь миссис Смит, но обнаруживала всю бесчувственность и непростительность поведения мистера Эллиота.

Далее Энн узнала от миссис Смит, что женитьба мистера Эллиота не отменила разом его дружбу со Смитами; он, как и прежде, тесно общался с мистером Смитом, зачастую вовлекая последнего в непозволительные расходы. В этом вопросе, однако, миссис Смит предпочитала безоговорочно слагать вину с себя, допуская некоторую минимальную вину за своим супругом; Энн все виделось иначе: она полагала, что Смиты всегда вели безмерно расточительную жизнь, и дело тут было вовсе не в мистере Эллиоте. Из рассказа миссис Смит становилось ясно, что мистер Смит, человек очень чувствительный и покладистый, отличался невероятной беспечностью и легкомыслием; мистер Смит был много добрее своего друга, ни в чем на него не походя, а тот, похоже, только и делал, что помышал им, видимо, глубоко презирая в душе. После женитьбы мистер Эллиот, зажив в роскоши, принялся безудержно потакать бесчисленным своим прихотям, стараясь при этом не допустить даже малейшего урона его репутации в глазах света; уже тогда проявлял он бесподобную осмотрительность. Но если мистер Эллиот разбогател, то мистер Смит на тот момент уже ощутимо обеднел. Сложное финансовое положение друга нисколько не заботило мистера Эллиота, и он продолжал втягивать мистера Смита в разные сомнительные авантюры, каковые неизбежно сулили тому скорое разорение. Так оно вскоре и вышло: Смиты разорились.

Бедняге Смиту посчастливилось умереть, так и не узнав горестной правды. Им и раньше приходилось попадать в сложные ситуации, невольно доводилось им испытывать терпение своих друзей; но тут они неожиданно уяснили себе, что терпение их дорогого мистера Эллиота им лучше не подвергать испытанию; о том, в каком страшном расстройстве находились дела мистера Смита, выяснилось только после его кончины. Доверяя и слепо полагаясь на мистера Эллиота, мистер Смит опрометчиво назначил того своим душеприказчиком; мистер Эллиот и здесь явил истинную свою суть, демонстративно отказавшись взять на себя полномочия душеприказчика и, тем самым, добавил страданий и без того несчастной вдове, о злоключениях которой нельзя было говорить без горечи и гнева.

Энн были предъявлены письма мистера Эллиота, составленные в этот период; каждое из них обнаруживало непоколебимую его решимость не обременять себя пустыми хлопотами; за учтивым слогом писем проступали жестокое пренебрежение и холодное равнодушие к судьбе миссис Смит. Письма не скрывали черствой и неблагодарной души мистера Эллиота. Отдельные фразы наводили Энн на горькую мысль: некоторые деяния мистера Эллиота будут страшнее самых ужасных злодейств. Чего только не наслушалась Энн: она узнала об унижительных для миссис Смит их последних свиданиях, неисчислимых и непереносимых несчастьях — все, на что ранее она лишь намекала, теперь открылось во всех деталях.

Более же всего расстраивалась миссис Смит вот по какому поводу: у нее имелись веские основания для заключения о том, что часть состояния супруга ее в Вест-Индии можно было с изрядной долей вероятности спасти. Правда, речь шла о не слишком больших средствах, но даже их бы достало ей для безбедной жизни. Оставалось лишь взяться за это дело с умом. Но и тут мистер Эллиот не соизволил поучаствовать, отказавшись наотрез. Сама же миссис Смит не обладала средствами для привлечения сторонних ходатаев по ее делам. Родителей ее уже не было на свете, и оплачивать труд адвокатов было нечем. Да и сил у нее тогда почти не осталось, чтобы заниматься всем этим, — уж слишком она была убита горем. Бездействие, как и следовало ожидать, еще больше усугубило ее положение. Одна только мысль, что судьба ее переменилась бы к лучшему, если бы вовремя и грамотно о том похлопотать, и страх, что она, бездействуя, упускает последний шанс на спасение, — эта мысль буквально сводила ее с ума.

Последнее, что оставалось ей — прибегнуть к помощи Энн. Вместе с тем, она была готова к худшему, понимая, что в результате может лишиться подруги. Затем до миссис Смит дошло, что навряд ли мистер Эллиот пожелает их насильно разлучить, поскольку, как выяснилось, он даже не подозревает, что она сейчас, подобно ему, находится в Бате. Вот и посчитала она возможным в качестве последней меры воспользоваться магическим влиянием на мистера Эллиота именно той женщины, которую он любит без памяти. Она безотлагательно взялась за дело, причем веря весьма в успех предприятия, будучи прекрасно осведомленной о тайных романтических свойствах натуры мистера Эллиота. Но Энн бесхитростно поведала миссис Смит об истинном положении вещей, и это в мгновение ока сделало несостоятельными любые ее мысли о помолвке и о том, как можно обернуть это в свою пользу. Несмотря на то, что все ее надежды и упования оказались напрасными, миссис Смит не могла уже противиться желанию окончательно разоблачить мистера Эллиота перед Энн, и раскрыла всю его подноготную.

Имея столь исчерпывающее представление об истинном облике мистера Эллиота, Энн не могла не подивиться, зачем миссис Смит так расписывала ей достоинства мистера Эллиота в начале их беседы, едва ли не превознося его до Небес!

— Милая моя, — сокрушенно отвечала ей миссис Смит. — Да разве могла я вести себя иначе? Ведь я пребывала в полной уверенности, что ваш брак — дело решенное, пусть даже мистер Эллиот и не спешит покуда сделать вам предложение; но ведь в моих-то глазах он уже практически был вашим мужем. Так разве же могла я рассказать вам всю правду о нем? Поверьте, что сердце мое обливалось кровью, когда расписывала я ваше грядущее счастье с ним. С другой стороны, он ведь и правда ужасно умен, да и в обхождении приятен; а будучи с женщиной, подобной вам, он ведь мог вообще преобразиться и стать иным! Да, он дурно обходился с первой своей женой. Оба они были очень несчастны. Но она была легкомысленной и непросвещенной женщиной, не могущей претендовать на его уважение. А не уважая, он не мог ее любить. Перед вами же он преклоняется и чуть ли не боготворит, вот и тешила я себя надеждой, что ваша участь окажется куда завиднее.

На минуту Энн представила себя женой мистера Эллиота, и ее тут же передернуло от ужаса перед возможными последствиями этого. Она ведь могла соблазниться доводами леди Рассел, а потом, когда вскрылась бы чудовищная и неприглядная правда, было бы уже слишком поздно!

Энн предстояло теперь немедленно позаботиться о том, чтобы леди Рассел более не пребывала в неведении; и по окончании столь судьбоносного совещания Энн не преминула заручиться позволением миссис Смит поведать леди Рассел обо всех невзгодах, в каковые она была ввергнута стараниями мистера Эллиота.

ГЛАВА XXII

Энн двинулась домой, обдумывая услышанное. Радовало ее лишь одно: в сердце ее не осталось и следа от добрых чувств к мистеру Эллиоту. Он являл собой совершенную противоположность капитану Уэнтворту, особенно эта его неизменная и неуместная навязчивость; зло, проистекшее от его вчерашних любезностей, и непоправимый вред, что могло оно причинить, предстали Энн с беспощадной очевидностью. Жалость к мистеру Эллиоту навсегда умерла в ее сердце. Только это и продолжало ее радовать. Энн страшилась как настоящего, так и грядущего, поскольку многое для нее оставалось неясным. Ее заведомо ввергали в печаль и та боль, которую наряду с жестоким разочарованием суждено было испытать леди Рассел, и унижение, коему подвергались не ведавшие этого отец и сестра. Особенно же Энн мучилась оттого, что она предвидела эти беды, но не располагала средствами для их предотвращения. Благодарение Господу, что хотя бы ей все стало известно о мистере Эллиоте! У Энн и в мыслях не было, что она заслуживает какой-то особой награды за то, что не отворотилась от прежней подруги своей, миссис Смит, которую постигла беда, — но награда все же не заставила себя ждать! Миссис Смит поведала Энн то, о чем бы ей никто на свете не смог рассказать. Стоит ли Энн позаботиться о том, чтобы семейство ее тоже прозрело? Пожалуй, вопрос был неуместен; ее и слушать бы не стали. Нужно было безотлагательно переговорить с леди Рассел, открыв ей все до конца, и испросить у нее совета, как дальше действовать, а потом запастись терпением дожидаться развития событий; но именно терпения ей и не доставало в том, чего не могла разузнать даже сама леди Рассел; поэтому Энн была обречена утопать в губительной пучине страхов и тревог в полном одиночестве.

Добравшись до дома, Энн с радостью узнала, что едва избежала общества мистера Эллиота, что, собственно, и входило в ее планы; он явился с утренним визитом и порядочно задержался; но едва лишь Энн вновь поздравила себя с избавлением и вздохнула с облегчением, как ее уведомили, что мистера Эллиота ожидают к вечеру.

— Я и не думала приглашать его, — заметила Элизабет с деланным небрежением, — но он так настаивал, знаешь ли. Во всяком случае, так утверждает миссис Клэй.

— Да и как не утверждать?! — вклинилась тут вездесущая миссис Клэй. — Да я ни разу в жизни не видела, чтобы так усердно навязывались с визитом. Мне даже жалко стало этого чудесного страдальца, мисс Энн. А всему виной неуступчивость вашей сестры, которая просто не ведает жалости.

— Ах! — воскликнула мисс Элизабет, — уж мне-то не привыкать к проискам и намеркам самых разных джентльменов, и меня очень нелегко разжалобить. Но когда случилось мне увидеть, как убивается мистер Эллиот, не застав отца на месте, я тотчас же уступила ему, ибо не могу же я препятствовать их встречам. Они так милы, когда вме-

сте, просто одно загляденье, и мистер Эллиот неизменно взирает на отца с таким благоговением!

— О да, они просто великолепны! — громогласно подтвердила миссис Клэй, не отваживаясь, однако, бросить на Энн даже взгляда. — Вот поглядишь на них — ну словно отец с сыном! О, бесценная моя мисс Эллиот, вы ведь не обиделись, что я посмела так выразиться?

— Ах, я ни на что не налагаю запрета, пусть все выражаются так, как им угодно! — отчеканила Элизабет. — Не ожидала, право, что даже у вас в голове могут возникнуть такие дикие мысли! Хотя, откровенно говоря, я не замечала, чтобы мистер Эллиот проявлял ко мне повышенное внимание.

— О, милая моя мисс Эллиот! — возопила миссис Клэй, воздев руки и очи свои к Небесам и влагая всю силу обуревающего ее душу изумления в выразительное молчание.

— Ну хорошо, милая Пенелопа, вам незачем так убиваться участием мистера Эллиота. Вы же прекрасно слышали, как я его пригласила. И, прощаясь, я ему улыбнулась. Собственно, узнав, что завтра он будет вынужден на целый день отправиться к своим друзьям в Торнберри-парк, я не могла не сжалиться над ним.

Энн не могла не восхититься актерской игрой миссис Клэй, из кожи вон лезшей, дабы продемонстрировать, как умирает она от желания насладиться обществом человека, видеть которого в гостиной ей хотелось бы менее всего. Даже само имя мистера Эллиота должно было вызывать у миссис Клэй отвращение; между тем она сумела принять самый услужливый и безмятежный вид и казалась более чем удовлетворенной тем, что ее право безраздельно посвящать себя сэру Уолтеру урезано вдвое, — вопреки ее истинным желаниям.

Энн тоже было крайне тягостно наблюдать за тем, как мистер Эллиот входит в гостиную; она испытывала мучение, страшась, что он в любой момент может к ней подойти и завести разговор. Догадываясь и прежде, что он далеко не всегда искренен, Энн казалось, что она различает неискренность буквально в каждом его слове! Почтение, выражаемое мистером Эллиотом сэру Уолтеру, она невольно сравнивала с характеристиками, которыми он оделял ее отца в письме, и не могла не заходиться от ужаса; когда же вспоминала она, как чудовищно он обошелся с миссис Смит, все учтивые улыбки и милые речи представлялись ей сплошным издевательством.

Энн не желала, чтобы он заподозрил в ней резкую к нему перемену; ей не доставало еще только его упреков! Но она всеми силами стремилась уклониться от любых расспросов и объяснений; Энн допускала, что она вправе выказать мистеру Эллиоту столько холодности, сколько позволяло их родство, что не позволило бы ему создать ту атмосферу интимного общения, коей он мастерски умел добиваться. Поэтому Энн предпочитала держаться более натянуто и холоднее, нежели накануне на концерте.

Мистер Эллиот вознамерился вновь пробудить в ней любопытство относительно того, где и от кого мог слышать он лестные о ней отзывы, явно ожидая, что Энн, как и ранее, атакует его вопросами, но вынужден был признать: чары более не действовали! Мистер Эллиот объяснил вчерашнее оживление его смиренной кухни лишь тем, что она пребывала в нестерпимо жарком зале, да еще среди охваченной ажиотажем толпы. Ему было ясно, что нечего и пытаться теперь использовать приемы, к коим он позволил себе прибегнуть давеча по причине настойчивого внимания к ней со стороны нежелательных персон. Мистер Эллиот и не подозревал, что, попытавшись заинтри-

говать ее, он действовал вопреки собственным интересам, молниеносно воскресив в памяти Энн все те нюансы вчерашнего его поведения, каковые она менее всего была способна извинить.

Энн было отрадно узнать, что он действительно покидает Бат спозаранку и будет пребывать в отлучке где-то около двух дней. Его уже обязали нанести визит на Камден-плэйс тотчас по возвращении; но, по крайней мере, в отсутствии мистера Эллиота с четверга до субботы она могла быть уверена. Энн было достаточно и того, что ей приходится мириться с постоянным присутствием миссис Клэй; но общество еще одного лицемера, чья фальшь вообще не ведает границ, — это, согласитесь, уже чересчур! Как унижительно было для Энн мириться с доверчивым неведением отца и Элизабет, предвидя уже какие разочарования им суждено испытать! Пожалуй, козни миссис Клэй, призванные обеспечить ей этот немыслимый брак с сэром Уолтером, будут все же предпочтительнее хитроумных стратегий мистера Эллиота, предпринятых именно ради избавления сэра Уолтера от пресловутого брака.

Утром в пятницу Энн собиралась отправиться к леди Рассел, чтобы обо всем ей рассказать; она была готова осуществить свое намерение сразу же после завтрака, но вдруг выяснилось, что миссис Клэй, мечтая избавить Элизабет от каких-то хлопот, тоже готовится отбыть. Во избежание совместной прогулки с миссис Клэй, Энн решила повременить, и, только вполне убедившись в том, что она удалась, она уведомила сестру, что собирается провести утро на Риверс-стрит.

— Ну и замечательно! — заключила Элизабет. — Правда, мне, помимо привета, и передать-то ей нечего. Ах! Я вспомнила! Верни леди Рассел эту скучнейшую книгу, что она дала мне почитать, и не забудь поблагодарить, конечно же. Да, и скажи, что я прочла ее от корки до корки! Будто бы у меня есть время, дабы обречь себя на вечное мучение, постигая новые стихи и труды по истории! Леди Рассел любого замучает книжными новинками... Между прочим, не смей только ей говорить об этом, но то платье, в котором она вчера была, — суший кошмар! Я-то полагала всегда, что ей присущ тонкий вкус, а потому чуть не сгорела от стыда за нее на концерте. А какую позу неестественную приняла, будто бы линейку проглотить изволила! Мои лучшие ей пожелания!

— И мои также, — заметил сэр Уолтер. — Всяческих ей благ. И можешь предупредить, что я скоро ее навещу. Долг учтивости, так сказать. Собственно, я лишь оставляю карточку. Отдавать утренние визиты даме ее лет, до такой степени пренебрегающей своей внешностью, мне не подобает. Я бы на ее месте использовал хотя бы румяна — все же не так стыдно на люди выходить. А то недавно, помнится, едва я подъехал к ее крыльцу, так она в тот же миг шторы опустила!

Сэр Уолтер не успел договорить; в дверь постучали. И кто бы мог это быть?! Помня обыкновение мистера Эллиота являться с визитами в любое время, Энн была бы уже готова узреть его на пороге, не зная она наверняка, что он пребывает в семи милях от Камден-плэйс. После ожидаемой паузы раздались ожидаемые шаги, и в гостиную вошли Чарльз и Мэри Масгроув!

Среди всей гаммы чувств, овладевших Энн, превалировало удивление; однако же она искренне была рада их видеть; прочие же не были расстроены в той мере, дабы не иметь сил выказать подобающее радушие; а как стало известно, что родственники ни в кося мере не притязают на место под их крышей, сэр Уолтер и Элизабет враз преисполнились сердечности. Масгроувы остановились в гостинице, намереваясь провести в Бате несколько дней. Это выяснилось тотчас, но куда сэр

Уолтер и Элизабет не сподобились увести Мэри в другие комнаты, дабы она могла излить свои восторги, у Энн не было возможности добиться от Чарльза разумного ответа о цели их приезда, равно как и получить объяснение многозначительным улыбкам и намекам Мэри на некое деликатное обстоятельство, а также узнать о том, кто составил им компанию в этом путешествии.

В результате Энн узнала, что, помимо Чарльза и Мэри, в Бат прибыли миссис Масгроув, Генриетта и капитан Харвил. После подробного рассказа Чарльза, Энн открылась вся картина. Поначалу капитан Харвил собирался выехать в Бат по делам. О таковом намерении он оповестил всех еще на минувшей неделе; изнывая от скуки и вынужденного бездействия, поскольку пора охоты на дичь уже завершилась, Чарльз вздумал к нему присоединиться, и миссис Харвил была этому очень рада; Мэри, однако же, отчаянно воспротивилась тому, что ее хотят бросить одну, и так уж невыносимо она сердилась и обижалась, что отъезд пришлось задержать на несколько дней. И тогда на помощь пришли мистер и миссис Масгроув. У последней в Бате отыскались хорошие друзья, коих она желала бы навестить; с нею было уместно отправиться и Генриетте, дабы подобрать достойный подвенечный наряд для себя и для сестры; под мудрым покровительством миссис Масгроув и капитану Харвилу было комфортнее путешествовать; Чарльза и Мэри тоже было решено взять, к великой их радости. До Бата они добрались накануне, уже поздно вечером. А миссис Харвил с детьми и капитан Бенвик остались в Апперкроссе, деля компанию с мистером Масгроувом и Луизой.

Энн немного озадачило, что в случае Генриетты дело дошло уже до покупки подвенечного платья. Но все от того же Чарльза Масгроува удалось ей узнать, что не так давно (но уже после письма Мэри) некий приятель походатайствовал о нахождении для него прихода, а значит, и дополнительных средств, правда, лишь на время. Однако и это уже позволяло рассчитывать на неперменное и надежное увеличение дохода в самом ближайшем будущем. После этого оба семейства уступили настойчивому желанию молодых людей, и спустя несколько месяцев, почти одновременно со свадьбой Луизы, была назначена и их собственная.

— Приход, кстати, совсем недурен, — сообщил Чарльз, — и находится лишь в двадцати пяти милях от Апперкросса. Окрестности хороши на диво, истинная краса Дорсетшира! По всей округе расположены едва ли не самые лучшие заповедные леса во всем королевстве. А поблизости еще обретаются три выдающихся поместья не менее выдающихся и образцовых хозяев; к двум из них у Чарльза Хэйтера уже были заготовлены рекомендательные письма. Хотя он навряд ли в состоянии оценить всю прелесть этого края: охотник из него никакой. Прямо беда...

— До чего же я рада! — воскликнула Энн. — До чего же я рада, что все так чудесно совершилось. Обе сестры заслуживают самой лучшей участи, к тому же они очень дружны, и замечательно, что благие ожидания одной сестры теперь не омрачат упований на грядущее другой. Полагаю, что мистер и миссис Масгроувы счастливы за обеих.

— Да, счастливы! Хотя батюшка бы уж точно предпочел, чтобы джентльмены оказались побогаче; однако иных пороков за ними он не отмечает. Да, выложить деньги сразу за двух дочек, — это непросто! Я не хочу сказать, что это вопреки справедливости. Нет, пусть каждая из сестер получит полагающуюся долю. На мой взгляд, отца щедрее и заботливее нашего и в целом свете не найти. Хотя Мэри не одобряет выбора Генриетты. Она всегда не могла терпеть Чарльза Хэйтера. Только зря; вдобавок, она напрочь забывает о землях Уинтропов. Никак не могу втолковать ей, до чего хороши

тамошние угоды. Нет, что ни говори, а по нынешним временам это очень даже приличная партия! Лично мне Чарльз Хэйтер всегда нравился, и навряд ли я когда-нибудь к нему переменюсь.

— Уверена, что ваши прекрасные родители в восторге! — от души вскричала Энн. — Ради счастья дочерей своих они ничего не пожалеют. Поистине это благословенно — пребывать в доброй воле таких родителей! Отец ваш и матушка, по-моему, и близко не подвержены тщеславным предрассудкам, что зачастую вовлекают в беду как молодых, так старых. А что Луиза — я надеюсь, она уже полностью поправилась?

Чарльз тотчас откликнулся:

— Да, в точности так. Она совсем оправилась. Только вот переменялась сильно. Уже не скачет и не носится по двору, про танцы забыла совсем, да и не хохочет, как раньше. Она какая-то другая. Стук двери услышит — и вздрагивает, и сотрясается вся, как неоперившаяся гагара; а Бенвик всегда подле нее, сидит и все-то ей на ушко стихи разные шепчет. И так с утра и до вечера!

Энн не выдержала и рассмеялась.

— Ну да, такая картина уж явно не в моем вкусе, — признала она. — Но я уверена, что капитан Бенвик — достойнейший молодой человек.

— Еще бы! Ни у кого и сомнений нет на сей счет. Или, думаете, я, сам будучи деревенщиной, и от других жду того же?! О нет, Бенвика ставлю я необыкновенно высоко; тем более что, если его хорошенько расшевелить, он немало замечательного поведать сможет. Храбрец, каких мало. Я в прошлый понедельник сошелся с ним поближе; мы соревновались все утро, охотясь на крыс у батюшки, в самой риге; так вот Бенвик при этом показал себя с самой лучшей стороны, и я его еще больше зауважал.

В этом месте разговор их прервался, поскольку потребовалось, чтобы Чарльз немедленно воздал должное зеркалам и фарфору. Но Энн, узнав столь многое об обитателях Апперкрасса, радовалась за них от всего сердца. Она, понятное дело, невольно вздыхала иногда, но во вздохах ее не содержалось зависти. Энн, естественно, была бы рада более счастливому жребию для себя, но умалять счастья сестер она и подавно не желала.

Визит Чарльза и Мэри протекал исключительно приятно. Мэри, радуясь смене обстановки, пребывала в преотличном расположении духа и испытала такое наслаждение от путешествия в карете свекрови, запряженной четверкой лошадей, и ощущением собственной полной независимости от Камден-плэйс, что проявила похвальную готовность познакомиться со всеми преимуществами Бата, о которых ее поставили в известность. Хотя вид роскошных гостиных подействовал на нее куда убедительнее рассказов отца и сестры.

А Элизабет между тем пребывала во власти мучительных переживаний. Она понимала, что ей следовало бы пригласить миссис Мастроув и остальных путешественников к обеду, но не готова была примириться с мыслью, что за обедом сделается очевидным сокращение штата и прислуги, — и все это откроется тем, кто доселе привык взирать на Эллиотов из Келлинча снизу вверх. В душе Элизабет совершалась борьба суетности с приличиями, и суетность вышла победителем из этого сражения, позволив Элизабет испустить вздох облегчения. Вдобавок она поддержала свой выбор следующими доводами: «Все эти глупости давно уже вышли из моды; надо же: хлебосольство; нет, это все для деревенских; а у нас не принято устраивать званые обеды по любому поводу; их почти уже никто в Бате не устраивает; леди Алисия,

например, та и вовсе никогда их не давала, она даже не подумала пригласить семейство родной сестры, хотя те гостили в Бате с месяц; да и сама миссис Масгроув приглашение на обед вряд ли бы приняла: зачем ей испытывать неловкость? Лучше пригласить их всех на вечер; так будет куда лучше, да и им в новинку, пусть развлекутся. Они-то и за всю жизнь таких гостиных не видавали. Вот и будут счастливы оказаться у нас завтра вечером. Прием будет сравнительно небольшой, зато невероятно изысканный, вот и пусть они подивятся». Собственные умозаключения доставили Элизабет немалое удовлетворение; и когда двоим из присутствующих было пожаловано приглашение, а прочим его непреложно посулили, Мэри была невероятно рада этому. Мэри также уведомили, что ее познакомят с мистером Эллиотом и даже представят леди Дэлримпл и мисс Картерет, каковые, естественно, тоже приглашены, отчего она пришла в полное восхищение. Мисс Эллиот почла своим долгом нанести торжественный визит миссис Масгроув еще до обеда и занялась приготовлениями, а Энн за компанию с Чарльзом и Мэри сразу же отправилась в гостиницу, дабы поскорее свидеться с миссис Масгроув и Генриеттой.

Разговор с леди Рассел вынужденно откладывался. По дороге вся троица заглянула на мгновение на Риверс-стрит, дабы засвидетельствовать почтение; затем Энн, убедив себя, что некоторая отсрочка в исполнении ее намерения поделиться с леди Рассел известными ею тайнами вполне позволительна, поспешила с Чарльзом и Мэри к Уайт-Харт, где остановились друзья и приятели минувшей и незабываемой для Энн осени; ее сжигало волнение, коему было немало причин.

Миссис Масгроув и Генриетта оказались на месте, в одиночестве. Обе они встретили Энн с распростертыми объятиями. Генриетта, будучи в состоянии недавно обретенного счастья и душевной мягкости, испытывала живой интерес ко всем, кто прежде был хоть отчасти для нее значим; а миссис Масгроув просто испытывала к Энн благодарность. Энн наслаждалась сердечным теплом и нежным отношением, коими была совершенно обойдена в собственном домашнем кругу. Ее просто умоляли разделить с ними все свободное время и бывать ежедневно, хоть по целым дням, поскольку она давно уже причислена к членам семейства; Энн, как обычно, отвечала друзьям безмерной участливостью; когда Чарльз вышел, миссис Масгроув поведала ей о Луизе, а Генриетта — о себе. Энн, в свою очередь, давала дельные советы и рекомендовала к посещению самые модные лавки в Бате, не забывая, однако, угодить и Мэри — она поправляла той ленты, проверяла счета, отыскивала ключи, разбиралась с горой безделушек, настойчиво убеждая сестру, что ни у кого и в мыслях нет такого, чтобы желать ей зла, — то есть стремилась исполнить все желания Мэри, каковые только она особа, устремившая взор в окно и любовавшаяся павильоном минеральных вод, успевала придумать для Энн.

Утро выдалось беспокойное. Сцена действия стремительно и совершенно менялась. То доставляли письма, то приносили пакеты. Энн не пришлось провести и полчаса в столовой миссис Масгроув, как туда набилось видимо-невидимо гостей; миссис Масгроув оказалась в окружении почетного караула из неких преважных старушенций; вскоре же воротился Чарльз, причем не один, а в сопровождении капитана Харвила и... капитана Уэнтворта! Увидев Фредерика, Энн была не слишком поражена, поскольку не могла не догадываться, что за приездом друзей неминуемо воспоследует и их встреча с капитаном Уэнтвортом. Достопамятное свидание на концерте открыло Энн его чувства, что оставило в душе ее чарующие воспоминания. К ее досаде, Фреде-

рик до сих пор находился во власти печального заблуждения, принудившего его тогда стремительно попрощаться. Энн показалось, что капитан Уэнтворт намеренно не приближается к ней, избегая разговора.

Энн постаралась взять себя в руки, предоставив событиям совершаться в естественном их следовании. Она убеждала себя: «Если оба мы испытываем друг к другу любовь, наши сердца сольются. Ведь не малые же мы дети, чтобы позволить себе сделаться жертвами нелепой обиды или капризного случая и нелепо и своенравно распорядиться собственным счастьем?!» Однако уже несколько минут спустя Энн уразумела, что, оказавшись с капитаном Уэнтвортом в одной гостиной, будет довольно сложно избежать коварных капризов Его Величества Случая.

— Энн, — внезапно крикнула Мэри, так и не покинувшая своей позиции подле окна. — Там, внизу, у колонны стоит миссис Клэй, а рядом с нею незнакомый мне господин. Я видела, как они свернули с Бат-стрит. И до чего же увлеченно беседуют! Кто же это такой, интересно?! Подойди же сюда, взгляни. Господи! Ну как же я могла забыть?! Это ведь мистер Эллиот!

— О нет, — тотчас возразила Энн. — Это никак не может быть мистер Эллиот, поверь мне, дорогая. Сегодня он в девять часов утра покинул Бат и явится обратно не раньше завтрашнего вечера.

Энн отвечала сестре, чувствуя, как капитан Уэнтворт не отрывает взгляда от ее лица. Она ужасно смутилась, уже жалея о своих словах.

Мэри, немедленно оскорбившись при мысли о том, что кто-то мог предположить, будто бы она не в состоянии узнать ближайшего своего родственника, с необыкновенной горячностью стала доказывать свою правоту, ссылаясь на черты, утверждающие семейное сходство, и настаивала на том, что у колонны стоит именно мистер Эллиот собственной персоной. Она продолжала призывать Энн к окну, дабы та сама во всем убедилась, но Энн твердо решила не двигаться с места, изо всех сил стараясь сохранить на лице выражение невозмутимости. При этом ее охватила тоска, поскольку она не могла не заметить, как многозначительно переглянулись две дамы, что были в гостиной; похоже, что слухи о ее мнимой помолвке уже распространились, и то, что на мгновение утихли все разговоры в комнате, только сулит их дальнейшее распространение.

— Энн! Ну подойди же! — не унималась Мэри. — Можешь сама удостовериться. Скорее! Не поспешишь — упустишь! Давай, они уже собираются попрощаться. Руки пожимают!!! ...Ну вот, он уходит! Да, надо же, чтоб я — и не узнала мистера Эллиота! Ну надо же?! Похоже, ты совсем уж про Лайм забыла...

Дабы утихомирить Мэри, а возможно, и сокрыть собственное смущение, Энн неторопливо приблизилась к окну, успев заметить, что не кто иной, как мистер Эллиот, вопреки тому, что ей о нем было передано, удалялся в сторону, противоположную той, которую избрала миссис Клэй, спеша скрыться из виду; возобладав над удивлением, каковое не могла не вызвать свидание непримиримых врагов, она нарочито спокойно произнесла:

— Да, все верно, это мистер Эллиот. Видимо, намерения его изменились внезапно, хотя я не слишком-то и прислушивалась, так что вполне могла все перепутать.

Сказав так, Энн возвратилась на свое место, исполненная надежды, что ни в чем не раскрыла себя.

Через какое-то время гости начали прощаться, и Чарльз, учтиво сопроводив их до крыльца, хотя и не преминув скорчить за их спинами уморительную рожицу, словно



...а Бенвик всегда подле нее, сидит и все-то ей на ушко стихи разные шепчет.

бы недоумевая, какого лешего вся эта толпа вторглась к ним в гостиную, обратился к миссис Масгроув с важным предложением:

— Ну, матушка, сейчас вы увидите, что и я могу на что-то согнуться, и я ожидаю, что вы непременно соизволите меня похвалить. Я был в театре, абонировав для нас на завтра ложу! Ну, что скажете теперь?! Ужели я не замечательный сын?! Я ведь знаю, что вы просто обожаете театр. А в ложе, между прочим, хватит места для всех. Она для девяти человек. Я еще пригласил капитана Уэнтворта. Думаю, и Энн не обидится на нас, если мы упросим ее присоединиться. Ведь наблюдать за игрою актеров — это наслаждение! Ну, матушка, что скажете? Правильно ли я поступил?

Миссис Масгроув начала с беспримерным добродушием благодарить Чарльза, заверяя его в своей немедленной готовности отправиться в театр и выражая надежду, что Генриетта и все остальные не откажутся к ним примкнуть, но тут ее перебила Мэри, сердито вскричав:

— Господи, Чарльз! Ну как тебе могло прийти в голову подобное?! Ложу — и именно на завтра!!! Неужели ты забыл, что завтра мы приглашены к моему отцу?! И нас убедительно просили прибыть, поскольку нам предстоит познакомиться с леди Дэлримпл, мисс Картерет и мистером Эллиотом, нашими, если ты не забыл, ближайшими родственниками! Нас хотят им представить!!! О, до чего же ты забывчив по рою, Чарльз...

— Фу-у-у!!! Подумаешь, важность! — пренебрежительно возразил ей Чарльз. — Тоже мне чудо — вечерний прием. Да после него и вспомнить-то обычно нечего! Лучше бы отец твой нас на обед пригласил, если уж ему так не терпится с нами увидеться! Впрочем, ты вольна поступать, как тебе заблагорассудится, а я выбираю — театр!

— Ах, Чарльз! Но это ужасно! Это непростительно, Чарльз, ведь ты же пообещал, что будешь!

— Ничего такого я не обещал. Я лишь улыбался по-дурацки, да кланялся. Да! Я еще сказал: «Весьма польщен». Однако это уж точно никакое не обещание.

— Чарльз, не спорь со мной. Ты просто не можешь не пойти. Это вообще невысказано!!! К тому же нас хотят представить. Мы всегда состояли с Дэлримплами в близких отношениях. Если у нас даже бывали неприятности, они всегда выражали нам свою поддержку и сочувствие. Мы исключительно близкие родственники. Да! А мистер Эллиот, как быть с ним? Ты просто обязан с ним познакомиться! Уж он-то безусловно достоин твоего внимания. Ну сам посуди! Это ведь наследник моего отца, будущий глава семейства!

— Хватит донимать меня этими наследниками и семейством! — вскричал Чарльз. — Я не из тех, кто пренебрегает властью предержащими, угождая восходящему солнцу! Если я не желаю идти ради твоего отца, то ради наследника и подавно не пойду! Мне-то он на что сдался, этот твой мистер Эллиот?!

Пренебрежение Чарльза к визиту на Камден-плэйс было на руку Энн, заметившей, что капитан Уэнтворт с напряженным вниманием ловит каждое слово; услышав последнее восклицание Чарльза, он, невольно отвлекшись от него, устремил вопросительный взгляд на Энн.

Покуда Чарльз и Мэри продолжали препираться в том же духе, при этом Чарльз, то ли в шутку, то ли всерьез, категорически уверял Мэри, что пойдет только в театр, а Мэри, хоть и возмущалась его намерениями, но, однако же, давала знать, что, как ни важно ей присутствовать на Камден-плэйс, она до смерти обидится, если ее не возьмут в театр. Мисс Масгроув сочла, что необходимо вмешаться:



Я лишь улыбался по-дурацки, да кланялся.

— Чарльз, у нас нет повода спешить с походом в театр. Почему бы тебе не помень взятую ложу на вторник, если это возможно? Не хотелось бы с вами разлучаться, тем более что мы вдобавок лишаемся и общества мисс Энн из-за вечера, который устраивает ее отец; и если говорить откровенно, ни мне, ни Генриетте театр не доставит должного удовольствия, если рядом с нами не будет мисс Энн.

Энн испытала неимоверную благодарность миссис Масгроув за эти удивительно добрые слова, кои позволили ей, к тому же, сказать:

— Что до меня, сударыня, то званный вечер в доме моего отца мне, в отличие от Мэри, отнюдь не послужил бы препятствием. Мне не близки подобные мероприятия и я, даже не задумываясь, променяла бы любое из них на театр, а особенно на ваше общество! Но, похоже, мечтать на сей счет не приходится.

Она еле выговорила эти слова, и вся дрожала от переживаемого волнения — Энн доподлинно знала, что слова ее были услышаны им; однако у нее не было сил поднять глаза, дабы убедиться, какое действие произвели они на него.

На вторнике все с готовностью сошлись, хотя Чарльз, продолжая поддразнивать супругу, уверял ее, что завтра все равно отправится в театр, пусть даже и сам по себе, если никто не пожелает составить ему компанию.

Капитан Уэнтворт, поднявшись, переместился к камину; не исключено, что он поступил таким образом, дабы немедленно покинуть его и занять место у стула, который занимала Энн.

— Вы не так уж долго находитесь в Бате, — проговорил он, — чтобы разочароваться зваными его вечерами.

— Ах, нет. Они совершенно не в моем вкусе. Я и в карты-то не играю.

— Я помню, что вы прежде, действительно, не любили карт; однако со временем многое меняется.

— Но я совсем мало переменялась! — воскликнула тут Энн, осекшись и не понимая, что ее могло так напугать.

Капитан Уэнтворт, словно бы оказавшись под властью внезапно нахлынувших чувств, тихо заметил:

— А срок минул изрядный... Восемь с половиной лет. Это более чем изрядный срок!

Предполагал ли он продолжить беседу, Энн предстояло решить уже позднее, оказавшись в тиши своего уединенного алькова, поскольку ее отвлекла Генриетта, призывавшая всех выйти на улицу, куда еще кто-нибудь не вторгся.

Им не оставалось ничего другого, кроме как двинуться со всеми к выходу. Энн объявила, что совершенно готова, стараясь неимоверно, чтобы голос ее звучал естественно; но Энн подумала, что, если бы Генриетта только могла догадаться, с какой мучительной тоской поднимается она со своего стула, намереваясь покинуть комнату, то, возможно, в ее сердце, обитаемом любимым кузеном и непреходящей уверенностью в неизбежном счастье, все же хватило бы места для жалости к ней.

Но общим сборам суждено было прерваться. Раздались тревожные звуки: это приближались очередные гости; и тут же дверь широко распахнулась, и в проеме возникли сэр Уолтер и мисс Эллиот! От неожиданного зрелища всех словно сковало льдом. У Энн возникло странное гнетущее ощущение, и, окинув взглядом комнату, она прочла то же самое на всех лицах. Непринужденное веселье, свобода и раскованность — от всего этого не осталось и следа; в гостиной немедленно воцарилась атмосфера хо-

лодной сдержанности, сопровождаемая неловким молчанием, а потом — неестественностью светских речей, вполне отвечающих изысканному безразличию отца. И как же невыносимо было сознавать это Энн!

Ее ревнивый взор был услажден одним наиприятнейшим происшествием. И сэр Уолтер, и Элизабет легко узнали капитана Уэнтворта, и Элизабет повела себя много любезнее, чем ранее на концерте. Она часто поглядывала на капитана Уэнтворта и даже однажды обратилась к нему с вопросом. Элизабет не иначе как готовилась к решительному маневру. Очень скоро все разъяснилось. Соблюдя приличия и обменявшись мнениями о том и о сем, а скорее уж — вообще ни о чем, Элизабет торжественно огласила приглашение, еще утром обещанное ею Масгроувам. «Завтра вечером. Собираемся сугубо тесным кругом» — это было произнесено весьма учтиво; заблаговременно приготовленные карточки («Мисс Эллиот. Домашние приемы») Элизабет с милой и благотворящей улыбкой вручила каждому из присутствующих, а одна карточка и одна улыбка были подчеркнуто ниспосланы для капитана Уэнтворта. Элизабет провела в Бате достаточно много времени, дабы пренебречь обладателем столь колоритной наружности. Прошлое было прочно забыто. В настоящем же капитан Уэнтворт мог явиться превосходным украшением для ее образцовой гостиной. Тотчас по вручении карточек, сэр Уолтер и Элизабет величественно удалились.

Вторжение, хоть и неприятное, носило кратковременный характер. Едва за сэром Уолтером и Элизабет закрылась дверь, к большинству присутствующих в гостиной вернулись утраченные было живость и веселье, но только не к Энн. Она сосредоточилась внутренне на приглашении, безмерно изумленной свидетельницей которого она только что стала; Энн думала и о том, сколь странно оно было принято — пожалуй, более с удивлением, нежели с признательностью, да-да: скорее учтиво, нежели восторженно. Энн чересчур хорошо знала Фредерика и легко смогла прочесть в его взгляде сдержанное презрение; она и мысли не допускала, что капитан Уэнтворт мог посчитать приглашение своего рода любезной подачкой во искупление былых обид. Настроение у Энн испортилось. А капитан Уэнтворт, после ухода сэра Уолтера и Элизабет, надолго застыл, задумчиво изучая карточку, которую продолжал держать в руке.

— Вы только подумайте, — оглушительно прошептала Мэри, — наша Элизабет в кои-то веки никого не забыла! Не удивительно, что капитан Уэнтворт застыл столбом! Так и не может от карточки оторваться, настолько он удивлен!

Энн поймала взгляд Фредерика. Она заметила, как вспыхнули его щеки, а рот презрительно искривился. Энн тотчас повернулась к нему спиной, не желая ни видеть, ни слышать ничего, что могло бы еще больше ее расстроить.

Между тем, общество разделилось, поскольку у мужчин возникли свои занятия, а у дам — свои. Энн предпочла со всеми распрощаться и уйти. Ее призывали вернуться к обеду, дабы задержаться уже до самого вечера, но нервам Энн так уже досталось за нынешнее утро, что, будучи уже на грани срыва, она должна была поскорее оказаться дома, чтобы просто помолчать, — и так долго, как ей будет угодно.

Посулив перед уходом провести с Масгроувами завтрашнее утро, Энн предпочла завершить столь насыщенный день основательной прогулкой до Камден-плейс, где ей предстояло в продолжение почти всего вечера внимать суматошным распоряжениям Элизабет и миссис Клэй относительно грядущего приема, а также нескончаемому оглашению списка гостей и очередным соображениям по поводу особых мер, позволяющих добиться того, чтобы прием навеки запечатлелся в памяти обитате-

лей Бата, — про себя же терзаться неразрешимым вопросом: посетит ли прием капитан Уэнтворт? В Камден-плэйс были уверены, что он явится непременно, а Энн умирала от неизвестности, каждые пять минут по-новому отвечая на терзающий ее вопрос, но более склоняясь к тому, что Фредерик придет, поскольку ему даже нужно прийти; но убедить себя, что этого требуют от него долг и благоразумие, не могла, поскольку все чувства ее утверждали обратное.

От бремени тяжелых размышлений Энн отвлеклась лишь затем, чтобы уведомить миссис Клэй, как она видела ее в обществе мистера Эллиота, причем через три часа после объявленного им отъезда; поскольку миссис Клэй ни слова не проронила о свидании, Энн пришлось самой о нем напомнить. Лицо миссис Клэй выразило смущение. Миг спустя, его и след простыл; но Энн, похоже, прочитала в чертах миссис Клэй невольный ответ: то ли она запуталась в собственных кознях, то ли уступила беспощадной власти мистера Эллиота, но ей пришлось почти что полчаса выслушивать, как обязана она держать себя по отношению к сэру Уолтеру.

И все же миссис Клэй дерзнула изобразить искреннее свое удивление:

— Господи! Именно так! Вы только представьте, мисс Эллиот, иду я, значит, спокойнo по Бат-стрит и вдруг, на кого бы вы думали натыкаюсь? На мистера Эллиота!!! Право же, никогда еще я так не удивлялась. Он проводил меня до Памп-ярда. Его, кажется, что-то задержало в Бате, но что именно — я сейчас и не упомяну, поскольку спешила и почти не слушала его. Определенно могу утверждать, что он вернется никак не позже обещанного срока. Он даже хотел уточнить, к какому часу ему приходить. Только и думает про это «завтра», как и я, впрочем. И не свались на меня все эти хлопоты, то разве вылетело бы у меня из головы, что мы повстречались с ним?

ГЛАВА XXIII

С тех пор, как Энн беседовала с миссис Смит, прошел день. За этим последовала череда важнейших событий, а поведение мистера Эллиота так мало ее тревожило (покуда не затрагивало чувств другого), что она вновь решила перенести столь важное общение с леди Рассел. К тому же утро было обещано ею Масгроувам. А свое слово нужно держать. Разоблачение мистера Эллиота, как и казнь царицы Шахерезады, таким образом, откладывалось.

Прийти в срок у нее не вышло; погода стояла прескверная, и Энн сначала переживала за друзей, а потом, вследствие дождя, и за себя, но все же отважилась выйти в дорогу. Достигнув гостиницы Уайт Харт и пройдя к Масгроувам, Энн обнаружила, что явилась далеко не первой. Миссис Масгроув была занята беседой с миссис Крофт, а капитан Харвил общался с капитаном Уэнтвортом; ее тотчас уведомили, что Мэри и Генриетта, не дождавшись ее, выбрались на улицу, чуть прояснело, но обещали скоро быть, взяв с миссис Масгроув слово, что она не позволит Энн уйти до их возвращения. Энн, покоряясь ее воле, присела, пытаясь не выдать внутреннего беспокойства, но ей пришлось безотлагательно и незамедлительно утонуть в тех тревожностях, кои рассчитывала она изведать позднее; и уже в следующий миг предалась она блаженному мучению или мучительному блаженству.

Буквально через две минуты после ее прихода капитан Уэнтворт возвестил:

— А вот сейчас мы и сочиним твое письмецо, Харвил, только отыщи для меня перо и бумагу.

Перо и бумага были обнаружены на дальнем столике; капитан Харвил направился к нему и, оборотившись ко всем спиной, предался составлению письма.

Миссис Масгроув развлекала миссис Крофт историей помолвки своей старшей дочери, прибегнув к голосовым тонам, полагаемым ею за шепот, вследствие чего ее повествование оглашало всю комнату. Энн поначалу не была вовлечена в беседу, поскольку капитан Харвил ушел в себя и не был расположен разговаривать; зато до слуха ее долетали отголоски беседы, каковую затеяли дамы: «...как мистер Масгроув и мой брат Хэйтер все-все обсудили... и мой брат Хэйтер сказал... а мистер Масгроув ответил... а моя сестра Хэйтер решила... а молодые-то собирались... а я и сказала прежде, что не бывать этому, а потом переубедили меня, вот я и подумала, а вдруг да сладится все...» — и еще много прозвучало подобных отголосков настолько уж незамысловатого содержания, что, даже пройди они огранку тонкого вкуса, каковым не располагала, конечно же, миссис Масгроув, они могли бы показаться занимательными разве что героям излагаемой истории.

Миссис Крофт слушала с прилежным вниманием, а уж если и вставляла слово-другое, то в высшей степени уместно. Однако же Энн крепко надеялась, что джентльмены, ушедшие с головой в свои занятия, ничего не услышат.

А миссис Масгроув продолжала рассказ все тем же громогласным шепотом:

— Ну вот, сударыня, уж мы тут совсем хорошо-то поразмыслили и, вроде бы, кажется, можно было и на лучшее премного уповать, но теперь-то уж затягивать и впрямь, видно, ни к чему, потому как Чарльзу-то Хэйтеру и совсем невтерпех, да и Генриетта напрасно ждать не желает. Потому вот и решили мы: да пусть их женятся сразу, да и живут всласть и на здоровье. И то ведь — не они первые, не они последние. Уж как по мне, голубушка, так все будет лучше, чем долгая помолвка.

— То же ведь и я говорю, — тотчас подтвердила миссис Крофт. — Пускай молодые живут сообща да на скромные средства, преодолевая беды да трудности, чем страдают из-за помолвки долгой. Да и всегда ведь говорила, что при обоюдной-то...

— Ох, миссис Крофт, голубушка!!! — провозгласила миссис Масгроув, не успевая позволить собеседнице завершить начатую фразу. — Как по мне, так хуже ничего нет для молодых, чем эта долгая помолвка. Уж своим-то детям я нипочем этого не пожелаю. Можно сватать, когда уже известно, что через полгода-год свадьба непременно совершится, а уж с долгой помолвкой — какое там!

— Ваша правда, сударыня, — подтвердила миссис Крофт. — Если срок верный называть нельзя, то и помолвка нехороша. Да и ведь если еще неизвестно когда средства сыщутся для жизни семейной, то уж свататься совсем глупо. И помолвке такой любой матери, думаю я, только противиться надлежит.

Разговор неожиданно принял крайне любопытный для Энн оборот. Ей внезапно вспомнилось былое, и она вся затрепетала. Когда же взор ее невольно обратился к удаленному столику, то увидела, что перо в руке капитана Уэнтворта замерло, и он, подняв голову, прислушивается; и тут же он бросил на Энн быстрый и все понимающий взгляд.

Дамы изо всех сил продолжали общение, снова и снова высказываясь в пользу проверенных временем правил и подтверждая их множеством примеров губительных последствий, к коим перемененно ведет пренебрежение правилами. Энн не могла уже ничего расслышать. И только гул голосов глухо и неясно отдавался у нее в ушах. В мыслях Энн воцарилась путаница.

Капитан Харвил, не слыхавший из беседы ни словечка, внезапно встал и отошел к окну. Энн, машинально проводя его взглядом, изумилась, поскольку поняла, что он украдкой подзывает ее к себе. Капитан Харвил кивал ей, словно хотел сказать: «Прошу подойти, мисс, мне нужно вам кое-что сообщить»; кивки свои он сопровождал такой ясной широкой улыбкой, словно бы они уже сто лет знали друг друга. Энн поднялась и подошла к капитану Харвилу. Теперь уже дамы беседовали в отдалении, а столик капитана Уэнтворта оказался, хоть и не рядом, но все-таки поближе. Едва Энн подошла, лицо капитана Харвила опять преобразилось. Он принял прежний свой задумчивый и серьезный вид, куда более ему присущий.

— Вот, взгляните, — проговорил он, разворачивая сверток, бывший у него в руках. Из свертка он достал чей-то миниатюрный портрет. — Вы узнаете, кто это?

— Ну да, разумеется, это портрет капитана Бенвика.

— Вот то-то и оно... Думаю, вам несложно будет догадаться, кому он предназначен. Да только вот, — продолжил он задушевным тоном, — писан он был совсем не

для нее. Мисс Эллиот, может быть, вы помните, как мы всей гурьбой разгуливали по Лайму и сочувствовали ему? Я подумал тогда... — ну да ладно, это уже ни к чему. Мыс Доброй Надежды — вот, где был писан этот портрет. Именно там повстречал Бенвик юного художника из Германии и, верный слову, что дал он моей сестре, позировал этому художнику, а после, уже с подарком, возвращался к ней; ну а теперь мне дано следующее — с поклоном преподнести этот портрет другой. Такое вот поручение мне выпало. Но мне ли за него братья, а?! Да только ведь ему и обратиться-то больше не к кому. И знаете, мисс, я решил, что не подведу его. Правда... мне совсем не жаль уступить эту честь другому. Вот пусть он (тут Харвил кивком указал в сторону капитана Уэнтворта) с этим и сладит; как раз письмо составляет.

Губы капитана Харвила дрогнули, и он поспешил закончить речь свою такими словами:

— Бедняжка Фанни... Уж она-то бы нипочем его так скоро не позабыла!

— Да, — соглашаясь, тихо произнесла Энн, растроганная до глубины души. — Я вам верю.

— Ее натура была совсем иной. Ведь она просто боготворила Бенвика.

— Такова натура каждой истинно любящей женщины.

Капитан Харвил усмехнулся, словно бы спрашивая: «И вы впрямь так уверены в женском постоянстве?!»

Энн, возвращая улыбку капитану Харвилу, так ответила на его немой вопрос:

— Уж поверьте, мы, женщины, неспособны забыть вас так скоро, как это делаете вы. Полагаю это нашей судьбой, а отнюдь не заслугой. Что тут можно поделать? Мы заключены в домашнем кругу, ведем замкнутый образ жизни и пребываем во власти собственных чувств. Вы же обречены на активные действия. У вас всегда есть дело, цель, всякого рода занятия, связующие вас с миром и, в силу постоянных перемен и дел, вы быстро утрачиваете концентрацию.

— Ну, если все обстоит именно так, и мир способствует утрате концентрации у мужчин (с чем я не склонен согласиться, однако), то как это может быть отнесено к Бенвику? Ведь заключение мира привело Бенвика на берег, и с этого момента он обрелась подле нас, в том самом замкнутом домашнем кругу.

— А ведь вы правы здесь, — признала Энн. — Надо же, а я и позабыла. Ну что можно сказать, капитан Харвил? При отсутствии внешних причин, во всем повинны внутренние: так уж устроено мужское сердце.

— Нет-нет, мисс Энн. Отнюдь не так. Не соглашусь я, что мужскому сердцу, в большей степени, нежели женскому, присуще забывать тех, кого оно любит или любило. Я подозреваю совсем обратное, ибо верю в соответствие наших чувств и плоти. Чем сильнее плоть — тем сильнее чувства, и они более способны уже совладать с волнениями и страстями, этими бурями Судьбы.

— Допускаю, что чувства ваши сильнее, — сказала Энн. — Но, следуя тому же порядку сопоставления, я готова утверждать, что чувствам женщин более свойственна нежность. Да, мужчина крепче и сильнее женщины, однако и век его длится не столь уж и долго; и это именно что подтверждает мой взгляд на мужскую любовь. А то ведь было бы несправедливо, согласитесь. Ваши дни проходят в трудах и сражениях. Вы зачастую вдали от дома и отечества, вдали от друзей. Вам не принадлежат ни здоровье, ни самая ваша жизнь. И если бы вы, ко всему прочему, были наделены еще и нежной душой, право же, это было бы (здесь голос Энн заметно дрогнул) ужасно несправедливо.

— Ну, тут нам с вами к согласию не прийти... — проговорил было капитан Харвил, но тут внимание его и Энн внезапно было отвлечено странным и негромким шумом в прежде тихом уголке, где находился капитан Уэнтворт. Шум объяснился просто: это упало на пол его перо; Энн вздрогнула, поняв безотчетно, что он находится много ближе к ней, чем склонна она была полагать; наверное и перо его упало на пол, оттого что он чересчур пристально внимал звукам, вовсе не предназначенным для его слуха.

— Ну, что там с твоим письмом, готово? — спросил капитан Харвил.

— Почти. Осталось пару строк дописать. Минут через пять я завершу его.

— Да я не тороплю. Я тут покамест надежно встал на якорь (он улынулся Энн). Готовлю снаряжение, а в море выходить не спешу... Так вот, мисс Эллиот, — продолжил он, понижая голос, — как я заметил ранее, тут нам с вами к согласию не прийти. Никогда мужчина не согласится в этом с женщиной. К тому же, позвольте вам заметить, даже господа сочинители — и те против вас! Причем, что в стихах, что в прозе. Обладая я Бенвиковой памятью, я тотчас вспомнил бы с полсотни цитат, дабы подтвердить мысль свою; но я за всю жизнь и одной такой книги не раскрыл, где бы не шла речь о женском непостоянстве. Хотя вы, наверное, возразите мне, что сочинители книг — преимущественно мужчины.

— Может, и возражу, — проговорила Энн. — Только давайте не будем сейчас о книгах. Ведь у мужчин и без того довольно средств, чтобы постоять за свои взгляды. Они ведь лучше образованы, да и сызмальства приучены к перу. Поэтому и не стоит нам полагаться на книги, дабы увериться в своей правоте.

— Но где же тогда, если не в книгах, найдем мы подтверждение?!

— Да нигде. Незачем и уповать на это. Кто из нас не грешит снисходительным отношением к собственному полу? А за снисхождением следуют иные события, происходящие в нашем кругу, и на большинство из них (причем более всего произведших на нас впечатление) сослаться невозможно, не обманув чужого доверия и не говоря того, о чем следует умолчать.

— Ах! — воскликнул тут капитан Харвил, взволновавшись не на шутку. — Да знай вы чувства мужчины, который, простившись с супругою и детьми, обращает взор вослед лодки, что их увозит от него, и глядит неотрывно, покуда не скроется она из глаз, а после, отвернувшись, говорит: «Одному Господу известно, суждено ли нам еще свидеться...» Знай вы, как томится душа его непосильным ожиданием; как он, проведя год в дальних морях и, будучи перемещен в новый порт, с замиранием души считает дни до встречи, наивно обманывая себя «ну нет, прежде этого дня, им прибыть никак не возможно», а сам исходит надеждою, что явятся они хотя бы на денечек-то один пораньше, и, в конце концов, он видит их, и даже ранее этого срока, словно бы само Провидение ниспослало им крылья! Ну как бы я смог объяснить вам все это — все, что готов претерпеть и даже счастлив претерпеть мужчина ради самого драгоценного и желанного сокровища в жизни своей! Но говорю это лишь о тех мужчинах, которые обладают сердцем! — и капитан Харвил с непередаваемым чувством прижал свои руки к груди, к собственному своему сердцу.

— О! — воскликнула тотчас Энн. — Хочу верить, что способна оценить такие чувства. Да избави меня Господь, чтобы вздумала я отказать или умалить способность сохранять верность и нежность братьями моими! Я была бы достойна презрения, осмелившись предположить, что одни лишь женщины способны на постоянство. О



177

...он быстро извлек из-под лежавших в беспорядке бумаг письмо и безмолвно положил его перед Энн.

нет, мне хорошо известно, что ради близких вы способны совершить великие деяния. Вам не страшны никакие труды, и терпение ваше поистине безмерно, покуда — если позволено мне так выразиться, — покуда есть у вас, ради кого терпеть и трудиться. То есть, покуда любимая ваша жива и пребывает рядом, и предана вам всецело. На мой взгляд, единственное преимущество женщины (и такого преимущества и врагу ведь не пожелаешь) — это наше свойство любить даже тогда, когда любовь утрачивает любую надежду на счастье, или когда возлюбленного нет более среди живых.

Энн была не в силах продолжать; сердце вырывалось у нее из груди; она едва могла дышать.

— Вы — добрая душа, мисс, — с восхищением проговорил капитан Харвил, нежно касаясь ее плеча. — Не смею с вами спорить, а тем более ссориться. А уж как о Бенвике подумая — так и вовсе говорить не могу.

В этот миг их внимание вновь было отвлечено. Миссис Крофт готовилась уходить.

— Что ж, Фредерик, видно приходится нам расставаться, — сказала она. — Я уйду домой, а у тебя, судя по всему, еще не завершены дела с другом. Нынешним вечером все мы, хочется верить, свидимся у вас (тут она кивнула Энн). Вчера мы получили от вашей сестры приглашение, и Фредерик, вроде как, тоже с карточкой, хотя он мне ее и не показал; Фредерик, ты же свободен вечером?

Капитан Уэнтворт старательно запечатывал письмо и замешкался с ответом.

— Да, — отозвался он чуть погодя. — Твоя правда, пока что нам нужно расстаться, но мы с Харвилем непременно еще нагоним тебя; что, Харвил, ты готов? Я готов выйти через минуту. Вижу, ты тоже. Идем, я в полном твоём распоряжении.

Мисс Крофт удалилась; капитан Уэнтворт, запечатав письмо, тоже собрался уходить, всем видом выражая нетерпение. Энн была просто в недоумении. Капитан Харвил простился с нею самым нежным образом («Всего вам наилучшего, мисс. Да хранит вас Господь!»), а что до капитана Уэнтворта — так тот на прощание не удостоил ее ни словом, ни взглядом. Так прямо и вышел, даже не обернувшись!

Энн не успела еще приблизиться к столику, за которым он только что стоял, как послышался шум чьих-то шагов; дверь распахнулась, это был он. Извинившись, что позабыл перчатки, капитан Уэнтворт пересек комнату и, оказавшись подле столика, повернулся спиной к миссис Масгроув; он быстро извлек из-под лежавших в беспорядке бумаг письмо и безмолвно положил его перед Энн. Потом, пронзив ее взором, в котором читалась неистовая мольба, капитан Уэнтворт схватил перчатки и исчез; все совершилось настолько стремительно, что миссис Масгроув даже не обнаружила его возвращения!

Этот миг произвел в сердце Энн подлинный переворот — иначе не скажешь! Письмо было не слишком ясно адресовано: «Мисс Э. Э.»; видимо, его-то капитан Уэнтворт и запечатывал с такой поспешностью. Значит, он составил письмо не только к Бенвику, но еще и к ней! В этом письме заключалось для Энн все ее счастье и вся будущность ее. Теперь она готова была вынести, что угодно, кроме неизвестности. У мисс Масгроув очень кстати возникли какие-то дела, и Энн, воспользовавшись этим чудесным обстоятельством, опустила на стул, что недавно занимал он, и, не мешкая, углубилась в письмо, молниеносно проглатывая строки:

«Я более не в силах слушать Вас — и молчать. Я обязан ответить вам любым способом. Вы разрываете мне душу. Я терзаем одновременно отчаянием и надеждою. Не

говорите мне, что поздно, и что чувства Ваши, дороже которых нет ничего на свете, для меня утрачены навеки! Я вверяю Вам себя, ибо сердце мое полно Вами еще более, нежели тогда, когда восемь с половиною лет назад Вы едва не разбили его. Не говорите мне, что мужчина забывает все скорее, нежели женщина, и что любовь его скорее угасает и обращается во прах. Никого, кроме Вас, я не любил в этой жизни. Да, я мог быть несправедлив; я мог проявить нетерпение и обиду; но я всегда был верен Вам. И я приехал в Бат единственно ради Вас. Все дни напролет мои мысли заняты только Вами. Ужели вы не заметили этого?! Ужели не смогли угадать мечтаний моих?! Я и девяти дней не стал бы дожидаться, когда бы умел читать в вашем сердце, как Вы, уверен, умели читать в моем. Мне чрезвычайно трудно писать к Вам. Я постоянно слышу Ваши слова, и они переполняют мою душу, они пленяют меня совершенно. Даже когда Вы понижаете голос, я могу его слышать; нотки голоса Вашего я способен различить всегда, даже если они недоступны любому другому слуху. Вы чересчур добры! И вы чересчур прекрасны! Ваше мнение о нас, мужчинах, справедливо. Ибо вы свято веруете, что сердце мужчины способно на верную любовь.

Так поверьте же, что она пребывает неизменной в сердце навеки преданного Вам
Ф. У.

Я вынужден покинуть Вас, не узнав своей судьбы; но я непременно еще вернусь и последую за Вами, как только возымею для этого возможность. Одно Ваше слово, один Ваш взгляд — и я войду в дом отца Вашего ныне — или же никогда».

Ну как тут мигом опомниться — после такого-то письма? Энн могли бы пойти на пользу полчаса, проведенные в тихих размышлениях, но не те десять минут, каковые провела она наедине со своими мыслями и каковые не принесли ей решительно никакого успокоения. Наоборот, с каждой минутой настигали ее новые тревоги. Ее переполняло счастье — что тут скажешь?! И она еще даже не начала толком приходить в себя, как разом явились Чарльз, Мэри и Генриетта.

Как ни старалась Энн собраться и не выдать себя, ей пришлось сдаться. Не понимая даже, о чем ее спрашивают, она, сославшись на недомогание, лишь усугубила свое положение. Приглядевшись к ней, все отметили, какой нездоровый у нее вид, и окружили сочувствием и заботой. Этого Энн уже не смогла вынести. Догадайся они оставить ее ненадолго в одиночестве, это бы исцелило Энн. Но ее взяли в кольцо и не намеревались отпускать. Энн в смятении объявила, что ей нужно срочно домой.

— Боже, милочка моя! — вскричала на это миссис Масгроув. — Да, конечно же, ступайте скорее. Вам необходимо хорошенько отдохнуть до вечера. Эх, какая досада, что нет с нами Сары, — вот она бы вас живо вылечила; а сама-то я лечить не умею. Чарльз, сбегай-ка и вызови нам портшез. Мы не можем позволить Энн идти пешком!

Какой там портшез?! Хуже и придумать нельзя было! Лишиться возможности беседы с капитаном Уэнтвортом, неторопливо бредя по улицам города (Энн была совершенно уверена, что встретит его), — да мыслимо ли это?! Портшез категорически отменился, а миссис Масгроув, каковая была сейчас в состоянии думать о единственном в своем роде недуге, подробно расспросила Энн, не случилось ли ей поскользнуться, падать или удариться головой в последние дни и, получив на все вопросы отрицательный ответ, отпустила Энн с миром, надеясь увидеть ее вечером вполне исцелившейся.

Борясь со смущением, Энн все-таки решила обратиться к миссис Мастроув с такими словами:

— Боюсь, сударыня, что мы что-то неважно с вами условились. Будьте добры, напомниме всем, что мы ждем вас нынче вечером. А то как бы ошибки не вышло. А заодно напомниме и капитану Харвилу с капитаном Уэнтвортом, что мы также надеемся увидеть и их двоих.

— Ах, милочка, мы все запомнили, уверяю вас. А капитан Харвил только о вечере нашем и может думать.

— Вы уверены? Что ж, славно тогда. Мы бы ужасно все огорчились, если бы они перепутали день. Вы уж пообещайте мне, что уведомите их при встрече? Они ведь еще до обеда вернутся, полагаю. Ну, обещайте же мне.

— Господи, да скажу я им, все-все скажу, как вы велеть изволите. Чарльз, ты понял? Если вдруг повстречаешь где капитана Харвила, не забудь выполнить поручение мисс Энн! Но, право, милочка, не стоит вам так тревожиться. Капитан Харвил ведь дал вам слово. Так что не сомневайтесь, он точно будет. Как и капитан Уэнтворт, естественно. Я просто уверена в этом.

Пожалуй, она позаботилась обо всем, думала Энн, но ей все время мерещились всевозможные недоразумения, угрожающие ее радости и счастью. С другой стороны, любое недоразумение можно было разяснить. Если капитан Уэнтворт не появится на Камден-плэйс, она передаст ему весточку с капитаном Харвилом.

Энн вышла на улицу, но тут произошло еще одно крайне досадное происшествие. Чарльз, серьезно отнесшийся к ее внезапному недугу, из сострадания решил сопроводить Энн до дома. У Энн не нашлось доводов, способных убедить его отказаться от подобного намерения. Но, хотя его сердоболие сейчас было совсем некстати, но Энн помнила, что из-за нее он пожертвовал встречей с оружейником, а потому не могла не испытывать к нему чувства благодарности.

Они пошли бок о бок и, следуя уже по Юнион-стрит, слышали приближающиеся к ним сзади шаги. Энн узнала знакомую поступь, и это позволило ей хоть немного собраться перед встречей с капитаном Уэнтвортом. Фредерик, догнав их, наконец, пребывал словно бы в нерешительности: приблизиться к ним или идти своей дорогой. При этом он ничего не сказал, ограничившись тем, что заглянул Энн прямо в глаза. Она уже владела собой вполне достаточно, чтобы смело и совсем не сурово встретить его взгляд. Щеки Фредерика, еще мгновение назад мертвенно бледные, зарумянились; в движениях его не ощущалась более неуверенность. Он решительно пошел рядом с Энн. Чарльз, внезапно пораженный догадкой, незамедлительно обратился к Фредерику:

— Капитан Уэнтворт, вы куда именно изволите направляться? Не на Гей-стрит, случайно?

— Пока не знаю, — недоумевая, откликнулся Фредерик.

— Может, вы окажетесь неподалеку от Бельмонта? Может, вам нужно в район Камден-плэйс? Ежели так, то я с чистой совестью предоставляю Энн на ваше попечение. Она ужасно переволновалась сегодня и чувствует себя неважно. Ей не годится идти одной; а мне очень нужно заскочить к моему приятелю с Маркет-плэйс. Он заверил, что порадует меня одним великолепнейшим ружьишком, которое готовится отправить владельцу. Обещал, что не станет запаковывать его, не дождавшись меня. Ибо я непременно должен взглянуть на него. Коли сейчас я не поверну, так уж и не поспею

туда. Судя же по описанию, это нечто по типу той двустволки, из которой вы так любили палить в Уинтропе.

Ну, могли ли быть тут какие-либо возражения?! Только живейшая готовность и учтивое согласие явились бы взору стороннего наблюдателя; и с великим старанием сдерживались улыбки, и тайно ликовали сердца! В мгновение ока Чарльз был уже в начале Юнион-стрит, а наша парочка проследовала дальше; обменявшись малой толикой вступительных слов, они предпочли направиться в сторону куда более тихой и пустынной аллеи, мечтая посвятить следующий час живой и ничем не нарушаемой беседы, дабы снискал он благословение Свыше и был достоин самых светлых и счастливых воспоминаний, источником коих ему, вне всякого сомнений, было суждено явиться. Оказавшись в аллее, капитан Уэнтворт и Энн вновь обменялись клятвами и обещаниями, подобными тем, что некогда, по сути, уже готовы были положительно решить их общую участь, замесившись, вместо этого, бесконечными годами разлуки и отчуждения. В аллее они вновь перенеслись в минувшие времена, но были уже гораздо счастливее, нежели прежде, возможно, благодаря возрожденному их союзу; чувства Энн и Фредерика сделались нежнее, они теперь лучше чувствовали и понимали душу, верность и любовь друг друга. Неторопливо восходя по пологому склону и никого не замечая вокруг, ни важных государственных лиц, ни суетных домохозяек, ни юных кокетливых барышень, ни нянек с пронзительно орущими чадами; они делились признаниями и воспоминаниями, но более всего они были поглощены теми обстоятельствами, что предшествовали их прогулке и были преважными и на редкость занимательными. Они скрупулезно воскрешали в памяти все события прошлой недели; и еще меж ними без конца говорилось о дне вчерашнем и о дне нынешнем.

Энн не обманулась на счет Фредерика. Ревность, что питал он к мистеру Эллиоту, была тяжким его бременем, а еще поводом для сомнений и жестокой пыткой. Ревность начала терзать капитана Уэнтворта, едва он повстречал Энн, приехав в Бат. И ревность эта, даровав ему краткую передышку, сгубила затем всю радость от концерта; она проступала во всех его речах и даже в том, о чем он предпочитал умалчивать в продолжение последних суток. Постепенно и незаметно она вдруг стала замещаться надеждой, пробужденной в нем особыми взорами Энн, ее отдельными словами и поступками; и затем — окончательно повергнута суждениями Энн, достигшими его слуха, когда она беседовала с капитаном Харвиллом; побуждаемый ими, он схватил лист бумаги, поскольку не мог не излить чувств, бурливших в нем.

Фредерик был готов повторить каждое слово из написанного им в письме. Кроме Энн, он и впрямь никого не любил. И он не собирался и не надеялся заменить ее другой. Он не встретил той, что могла бы сравниться с Энн. И он не мог не признать: он был верен Энн, помимо своей воли! Ему хотелось забыть Энн, и он даже уверовал, забыл ее. Фредерик представлял себя равнодушным, хотя был взбешен; он не желал помнить о необыкновенных качествах Энн, поскольку из-за них, как ему казалось, он и пострадал. Однако образ Энн был навсегда запечатлен в душе его, как само совершенство, как истинный пример стойкости и нежности; но он при этом вынужден был признать, что лишь в Апперкроссе, открылось ему, чего стоит Энн на самом деле, а в Лайме, пожалуй, впервые начал понимать себя. В том же Лайме получил он немало ценнейших уроков. То, что мистер Эллиот открыто восхитился Энн, подстегнуло его чувства, а позднее, на набережной и в доме у Харвиллов, он впервые осознал, насколько Энн выше всех.

Да, он старался полюбить Луизу Масгроув (это были бесплодные старания уязвленной мужской гордости), но все было безнадежно, ибо никогда не смогла бы Луиза по-настоящему затронуть его сердце; в тот печальный день, и потом, располагая уже необходимым досугом для размышлений, он вдруг осознал все превосходство души Энн, с коей Луизина душа, конечно же, и близко не могла сравниться. А еще Фредерик уразумел, сколь неоспорима власть души Энн над его собственной. Вот тогда-то ему и открылось поразительное отличие постоянства от сумасбродной ветрености и несносного упрямства — от решимости ума, подчиненного строгой воле. Фредерик постиг все недостижимое величие женщины, которой он лишился. Он проклинал глупую гордость свою и нелепость напрасных обид, что удерживали его от попытки вновь сразиться за свою любовь и завоевать Энн. И вот случай вновь свел его и Энн.

Фредерик был наказан, и жестоко; и еле успел он оправиться вначале от ужаса, а затем от угрызений совести, кои ощутил спустя несколько дней после случившегося несчастья, и едва он вновь почувствовал себя живым, как стало ясно: он жив, но не свободен.

— Я понял, — сказал Фредерик, — что Харвил считает меня связанным с Луизой, а по поводу взаимных чувств меж нами у них с женой не было сомнений. Я крайне растерялся. Конечно, я мог легко открыть им, как они заблуждаются, но мне показалось, что уже вся семья ее, да и она сама — того же мнения, что и Харвилы. И я уже не мог располагать собою. По соображениям чести, я уже ей принадлежал, если она изволила меня избрать. Я был беспечен и вел себя неосторожно, игнорируя возможность грозных последствий наших коротких отношений. Я глупо тщился влюбиться то в одну, то в другую из барышень Масгроув, порождая пересуды и толки, а то и более ужасные беды, не давая себе отчета в своих действиях. Так что был я кругом виноват, заслуживая кары.

Иными словами, Фредерик слишком поздно понял, что окончательно запутался; зная уже, что Луиза ему не нужна, он все равно принужден был полагать себя связанным с нею, если уж ее к нему чувства именно таковы, как верили те же Харвилы. Фредерик оставил Лайм, решив ожидать выздоровления Луизы на расстоянии. Он находил, что им полезно отдохнуть друг от друга, а потому поехал к брату, дабы вернуться оттуда в Келлинг и действовать уже сообразно обстоятельствам.

— Я провел с Эдвардом шесть недель, — вспоминал Фредерик, — радуясь его счастью. А в иной радости мне было отказано: не заслужил! Эдвард расспрашивал о вас, Энн; интересовался, сильно ли вы переменились, — ему и невдомек было, что в моих глазах вы — неизменны.

Энн молча улынулась. То был промах, но милый. Женщине в двадцать восемь лет приятно слышать, что она сохранила очарование юности; но Энн было бы много приятнее сравнить нынешнее суждение Фредерика с его же — тогдашними, видя в нем не причину, а следствие возрожденной любви.

Он сокрылся от всех в Шропшире, проклиная слепую гордыню, жалкие расчеты, и вдруг узнал о помолвке Бенвика и Луизы. То было благословение!

— Тем самым худшее в жизни моей ушло, — продолжал Фредерик. — Теперь я мог уже сразиться за свое счастье. Чересчур много времени растратил я на бездействие и дурные предчувствия. Через пять минут я сказал: «В среду я окажусь в Бате». Так и вышло. И разве я не вправе был приехать?! Разве не мог позволить себе мечтать?! А вы — вы не вышли замуж. Значит, вы могли сохранить свои чувства ко мне,

как сохранил их я. И тут еще одно обстоятельство явилось мне ободрением. Будучи уверен, что у вас отбоя нет от поклонников, вдруг узнал я, что вы отвергли одного из них, и много более достойного, нежели я; тотчас же задался я вопросом: «А вдруг это из-за меня?!»

Вспоминать первую их встречу на Милсом-стрит можно было очень долго, как, впрочем, и обсуждать концерт. Тот вечер был средоточием незабываемых мгновений. Одно из них — когда Энн вошла в Восьмиугольную Гостиную и первой обратилась к нему; другое — когда появился мистер Эллиот и внезапно отвлек ее; упомянуты были и другие мгновения, исполненные отчаяния и надежды. Как можно было не уделить им пылкого внимания?!

— Увидеть вас, — вскричал Фредерик, — и среди кого?! Среди тех, кто не может желать мне удачи; видеть вашего кузена, который говорит с вами и расточает вам улыбки, — несложно было уяснить преимущества брака с таким, как он. И еще знать — знать, что лишь об этом браке и мечтают все те, кто в состоянии хоть как-то на вас воздействовать! Даже допуская ваше к кузену равнодушие, нельзя было не видеть, какую могучую поддержку обеспечил он себе. Ужели этого было не довольно, чтобы я повел себя опрометчиво, выставив полным дураком?! И мог ли мой взгляд не выражать терзаний моих?! Взвизывая же на ту, что сидела подле вас и зная прекрасно о ее влиянии на вас, равно как и будучи не в силах забыть, как вы уступили некогда силе здравомыслия, — да мог ли я вообще питать какие-то надежды?!

— Как можно было не постичь разницу? — проговорила Энн. — Вам следовало проявить ко мне более доверия; ныне все переменялось, иные обстоятельства, да и я — иная. Да, я могла не склониться перед силой здравомыслия, но вспомните: меня ведь убеждали в пользу благоразумия и во избежание последствий неверного выбора. Я повиновалась, скорее даже, чувству долга. Но сейчас — о каком долге может идти речь?! Выйти замуж за того, к кому я равнодушна, значило бы уже поступиться чувством долга ради туманной будущности.

— Да, мне следовало бы догадаться об этом, — согласился Фредерик, — но я был не в силах. У меня не получилось сделать верные выводы, наблюдая за вами и размышляя о природе вашей. Все заслонили и затмили былые чувства, много лет владевшие мною. Я рассуждал о вас как о женщине, отвернувшейся и предавшей меня; о женщине, на которую не мог влиять. И я видел рядом с вами особу, направлявшую все действия ваши в тот чудовищный год. У меня не было оснований считать, что вы уже не пребываете во власти ее мнений. Поэтому и не мог я быстро преодолеть себя.

— Но я была уверена, что характер моего обращения с вами способен исключить любые сомнения.

— Нет! Нет! Ведь непринужденность вашей манеры обращения со мной могла явиться следствием помолвки с другим; так я счел, покидая вас; но, вопреки всему, я вновь стал искать с вами встречи. Утром, окрыленный надеждой, я решил не покидать Бат...

Но вот Энн вновь была на Камден-плэйс, и много счастливее, нежели могли заключить ее домашние. После разговора с Фредериком все утренние страхи и тревоги Энн бесследно исчезли; в дом входила она, уже исполненная непередаваемого и невысказанного счастья; ей приходилось даже невольно умалять его минутными опасениями в том, будто бы оно может окончиться. Энн нуждалась в одиночестве, чтобы успоко-

иться, поэтому она пошла в свою комнату, где и смогла почерпнуть в негромких и благодарных мыслях столь необходимые ей стойкость и бесстрашие.

Под вечер в гостиных зажгли огни; начали прибывать гости. По сути, имел место заурядный светский раут; собрались те, кто ранее не встречался, и те, кто встречался постоянно; поднялись суета, шум; образовался круг чересчур широкий для дружеской беседы и чересчур узкий для противостояния мнений. Энн показалось, что никогда и ни один из ее вечеров на Камден-плэйс не пролетал столь стремительно. Она сияла, будучи от счастья просто обворожительной и вызывая всемерное восхищение у окружающих, даже не сознавая этого, но каждому уделяя толику доброго и милого обхождения. Был замечен ею и мистер Эллиот; избегая кузена, Энн продолжала жалеть его. Присутствовали Уоллисы, и Энн было забавно сознавать, что ей известны все их планы, а также леди Дэлримпл и миссис Клэй, коим в скором времени предстояло сделаться простыми и неопасными кузинами. Энн игнорировала миссис Клэй, а обращение с гостями сэра Уолтера и Элизабет и подавно ее не трогало. С Масгроувами Энн болтала весело и безмятежно, с капитаном Харвиллом у них происходило задушевное общение, словно он приходился ей братом: беседа с леди Рассел не получила должного развития, ввиду сокрытия Энн великой и умопомрачительной тайны; Энн выказала привычное уже радушие адмиралу и миссис Крофт, кои вызывали у нее особенный интерес, но все та же тайна возбуждала ей любую откровенность с ними; Энн удавалось украдкой видаться с капитаном Уэнтвортом, причем невероятно часто, но лишь на минутку-другую, и все равно она желала встречать его вновь и вновь, постоянно ощущая, что он рядом.

Столкнувшись с Фредериком в очередной раз, будучи поглощенной, как и он, созерцанием причудливых растений в теплице, Энн сказала:

— Размышляя о былом, я стремилась вынести беспристрастное суждение о моем поступке: правильно или нет я тогда поступила; и, сдается мне, что я все сделала верно, руководствуясь увещаниями той, кого вы еще непременно полюбите. Ведь она заменила мне мать. Только не поймите меня превратно. Я отнюдь не утверждаю, что, советуя мне, она сама не заблуждалась. Не исключено, что в подобном случае вообще советовать невозможно. Доведись мне самой оказаться в схожих обстоятельствах, я бы и не подумала дать такой совет. Но все же я была права, что послушалась леди Рассел; ведь поступи я иначе и не порви помолвки, мне пришлось бы страдать еще больше, поскольку совесть моя была бы не на месте. Сейчас (если только это не идет вразрез с природой человеческой) мне решительно не в чем себя упрекнуть; думаю, не совершу ошибки, сказав, что чувство долга — далеко не худшее свойство женщины.

Фредерик взглянул на Энн, потом перевел взгляд на леди Рассел и, снова взглянув на любимую свою, словно подводя итог продолжительным размышлениям:

— Покуда мне она не по душе, но для нее остается еще надежда на прощение мое. Надеюсь, когда-нибудь мы и впрямь полюбим друг друга. Только ведь и думал о былом, невольно задаваясь вопросом: не случилось ли быть кому-либо еще более злейшим врагом моим, чем эта дама? И ответил себе: это я сам! Прошу вас, Энн, скажите мне, а что, если бы в восьмом году, воротившись в Англию с двумя тысячами фунтов и имея под командованием «Лаконию», я написал бы к вам — вы ответили бы мне на мое письмо? Смогли бы решиться возобновить помолвку нашу?

— Смогла бы я? — только и прозвучало в ответ; но голос Энн потрясающе выразил все остальное.

— Господи Боже мой! — вскричал Фредерик. — Вы бы смогли!!! А разве не о том лишь я думал, и не о том ли мечтал, как о венце всех моих жизненных успехов?! Но я был непозволительно горд, и гордыня мешала мне. Да я и не понимал вас в то время. Нет! Я не стремился понять вас и прогонял все мысли, в коих вы присутствовали. Так кого же мне более всего винить сейчас, если не себя?! Ведь мы легко могли бы избегнуть этих шести лет ужасной разлуки... Вот вам, еще одно, новое мученье! Я до сих пор горделиво полагал, что все награды и завоевания я обрел, единственно благодаря честному и неустанному труду. Но, пожалуй, как некоторым великим людям, хотя и в обратных обстоятельствах, — присовокупил Фредерик, улыбнувшись, — придется мне все же подчиниться своей благой участи. Я обязан привыкнуть наслаждаться счастьем, которого совсем не заслуживаю.

ГЛАВА XXIV

Можно ли сомневаться в том, что последовало далее? Когда двум молодым людям втемяшилось в голову непременно пожениться, они уж своего наверняка добьются — даже будь они самые бедные, самые безрассудные и самые неспособные осчастливить друг друга. Не бог весть какая мораль, особенно, для финала книги, но она справедлива. Ну а если удаются даже такие браки, то почему, скажите, Энн Эллиот и капитан Уэнтворт, с их зрелым рассудком, чистой совестью и собственными капиталами, оказались бы не в состоянии преодолеть все внутренние и внешние препоны, присущие браку? И им удалось весьма просто с ними справиться, поскольку единственными препонами, с которыми им пришлось иметь дело, были холодность и нелюбезное отношение домашних. Сэр Уолтер не оспаривал выбор Энн, а Элизабет — та и вообще ограничилась тем, что выказала полное безразличие. Капитан Уэнтворт, имея высокий чин, положенный ему за заслуги перед отечеством, а также внушительное состояние в двадцать пять тысяч фунтов, никак не мог претендовать на звание недостойной партии. Ему вполне позволялось теперь посвятаться к дочери особо не блещущего умом и изрядно промотавшегося баронета, коему явно не достало разума и чести, дабы достойно исполнить роль, назначенную ему самим Провидением, — ибо сэр Уолтер мог представить лишь малую часть от причитающихся Энн десяти тысяч фунтов.

Сам же сэр Уолтер был далек от того, чтобы счесть себя осчастливленным, но, даже не любя Энн, он не считал партию, что сделала его дочь, предосудительной. Наоборот, тщательно приглядевшись к капитану Уэнтворту при свете дня, он был впечатлен его наружностью, отметив для себя, что мужественная красота Фредерика позволяет ему соответствовать знатному положению Энн; к тому же и имя капитан носил звучное, а потому сэр Уолтер с явным благоволением подготавливал свое перо для совершения в Книге книг соответствующей записи.

Но имелся все-таки один человек, которого Энн ужасно боялась расстроить своим бракосочетанием. Это была леди Рассел. Энн отдавала себе отчет, что леди Рассел будет непросто смириться с нелюбезной истиной и отринуть мистера Эллиота; ей также будет весьма нелегко сблизиться с капитаном Уэнтвортом, не говоря уже о том, чтобы дать справедливую оценку его превосходным качествам. Но это было неизбежно. А еще леди Рассел предстояло обнаружить ошибочность сделанных ею выводов относительно обоих молодых людей, поскольку руководствовалась она исключительно их внешностью; не придя в восторг от манер капитана Уэнтворта, она сочла его преопасным ветреником, тогда как солидный вид мистера Эллиота и его чрезмерно учтивое обхождение она приняла за результат благородного ума и следования строгим правилам. Леди Рассел не оставалось ничего другого, кроме как признать, что она

во всем угодила пальцем в небо и, пересмотрев прежние предпочтения, научиться питать новые надежды.

Некоторые люди обладают способностью очень скоро распознать чужую душу, глубоко постигать чужой характер, — это природный дар, и заменить его опытом невозможно. Вот в этом-то и уступала леди Рассел своей молодой подруге. Но, поскольку она все-таки была замечательно доброй женщиной, то она желала счастья для Энн куда больше, чем хотела предстать умной и прозорливой особой. Энн она ставила превыше всех своих дарований; успешно совладав с первой неловкостью, она, не приложив к тому особенного труда, по-матерински возлюбила того, кто осчастливил другое ее дитя.

Из всего семейства Масгроуов первой оценила все преимущества свершившейся перемены, как ни странно, Мэри Масгроув. Выдать замуж сестру — всегда более чем лестно, а ведь именно она, удерживая Энн при себе в продолжение целой осени, активно поспособствовала возникновению нового союза; ну а поскольку родная сестра, конечно же, всегда значимее мужниных сестер, Мэри испытала даже пущее удовольствие, выяснив, что капитан Уэнтворт богаче капитана Бенвика и Чарльза Хэйтера, вместе взятых. Конечно же, Мэри не могла не испытать душевных мук, когда, встретившись с сестрой, она вынуждена была смириться с ее правом старшинства и невыносимо очаровательным ландо. Но Мэри весьма утешало и то, что Энн не суждено было явиться владычицей Апперкрасса и окрестных угодий, равно как и стать во главе семейства Масгроуов; а если бы можно было исхитриться и отозвать титул баронета, доставшийся капитану Уэнтворту, Мэри ни за что не пожелала бы поменяться с Энн местами.

Было бы также славно, удовольствуйся и старшая сестра своей участью, ибо в ее случае рассчитывать на перемены точно не приходилось. Элизабет стоило больших трудов смириться с исчезновением мистера Эллиота, а из прочих молодых людей с положением в свете никто не был способен пробудить в ней даже несбыточных надежд, сгинувших за компанию с кузенком.

Мистера Эллиота весть о помолвке Энн застала врасплох. Мигом обратились во прах самые светлые его мечты на семейное счастье, равно как и основательные надежды на удержание сэра Уолтера от опрометчивого брака посредством неусыпного надзора, каковой ему на положении зятя было бы очень просто установить. Вконец разочарованный и упавший духом, мистер Эллиот, однако, не преминул сообразить нечто полезное для собственного блага и развлечения. Он, не мешкая, покинул Бат; а когда после выяснилось, что оставившая вскоре Камден-плэйс миссис Клэй, по слухам, обитает теперь в Лондоне, вверив себя покровительству все того же мистера Эллиота, сделалась очевидной двойная игра, каковую предпринял последний, желая избежать участи быть отвергнутым хотя бы одной неглупой женщиной.

Чувства миссис Клэй возобладали над расчетом; молодой человек заставил ее отказать от погони за сэром Уолтером. Поскольку же ей присущи не только чувства, но и изворотливый ум, еще не известно, кто из этой парочки окажется в большей степени прозорливым, и не случится ли так, что, добившись устранения брака миссис Клэй с сэром Уолтером, а потом раставя от нежных ласк и увещаний, мистер Эллиот в конечном счете станет именовать миссис Клэй супругой сэра Уильяма?

Сэр Уолтер и Элизабет, вне всяких сомнений, были обескуражены и расстроены, лишившись внезапно приятельницы и, естественно, крайне разочаровавшись в ней. Правда, у них еще оставались благородные и блистательные их кузины, но даже



Конечно же, Мэри не могла не испытать душевных мук, когда, встретившись с сестрой, она вынуждена была смириться с ее правом старшинства и невыносимо очаровательным ландо.

сэр Уолтер и Элизабет не могли не прийти со временем к неутешительному выводу: льстить и угождать кому-либо, когда тебе в ответ не льстят и не угождают, не слишком-то веселая затея.

Счастья Энн, очень скоро убедившейся, что леди Рассел готова уже полюбить капитана Уэнтворта, как, собственно, ей и следовало с самого начала, теперь уже ничто не могло омрачить. Лишь об одном сожалела Энн: она не располагала достойным домашним кругом, куда непременно хотела бы ввести капитана Уэнтворта. Здесь отчасти проступало неравенство меж ними. Ее нимало не печалило, что Фредерик гораздо ее богаче; о деньгах она вообще не задумывалась; но у Энн не было семьи, способной принять Фредерика и оценить его прекрасные качества; семьи, в которой он бы встретил радушие и доброе отношение, — уж очень ей хотелось воздать Фредерику за тот незабываемый радостный прием, оказанный Энн братьями и сестрами Фредерика! От этого у Энн было очень горько на душе, и она, конечно же, переживала и мучилась — в той мере, в какой можно было переживать и мучиться, пребывая в том счастливом состоянии, как она. Лишь два имени смогла прибавить Энн к списку друзей Фредерика — это леди Рассел и миссис Смит. Капитан Уэнтворт, закрыв глаза на былые прегрешения леди Рассел, сумел принять ее своим сердцем. Ведь его больше не принуждали думать, будто бы она поступила правильно, некогда разлучив его с Энн; ну а раз так, то капитан Уэнтворт не находил в леди Рассел иных недостатков. Что же касается миссис Смит, ее многочисленные достоинства мгновенно завоевали расположение капитана Уэнтворта.

Ведь чего стоила одна только недавняя и великодушная услуга, оказанная ею Энн, позволившая ей, вступив в брак, не только не лишиться друга, но обрести сразу же двух. Миссис Смит суждено было явиться самой первой гостьей в их новом доме, а капитан Уэнтворт, способствуя возвращению состояния ее покойного супруга из Вест-Индии и обивая за нее пороги казенных присутствий, составляя письма и возложив на свои могучие плечи все бремя мелких хлопот и справляясь с ними с истинным бесстрашием и нескончаемой заботой, каковая может быть продиктована только настоящей дружбой, расплатился с нею сполна за все, чем помогла она или намеревалась помочь его любимой жене.

Жизнь миссис Смит едва ли могла ухудшиться вследствие того, что ее дела и здоровье поправились; она взяла за обыкновение наслаждаться обществом чудесных своих друзей, поскольку, как и прежде, сама была по-прежнему весела и не утратила живости нрава; уже с одними этими дарами она могла не страшиться любого преуспевания. Даже утопая в безмерной роскоши и обладая самым завидным здоровьем, она не утратила бы счастья. Ведь главный источник его заключался в пылком ее воображении, а у ее подруги Энн он всегда пребывал в любящем сердце. Энн была воплощением самой нежности, а столь же нежная привязанность капитана Уэнтворта чудесно с нею гармонировала. И лишь одна принадлежность Фредерика к военному поприщу и понуждала его друзей желать, дабы нежность сия чуть ослабла; угроза грядущей войны была единственным облачком на ее небосводе. Энн с гордостью и достоинством несла звание жены моряка, уплачивая законную дань неусыпными своими тревогами за то, что был удостоена чести приобщиться к этому героическому поприщу, чьи представители в большей мере славятся внутренними добродетелями своими, нежели беспримерной службой Отечеству.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ (перевод С. Ю. Афонькина)	5
--	---

РАЗУМ И ЧУВСТВА (Перевод И. И. Мосина)	345
--	-----

СИЛА ЗДРАВОМЫСЛИЯ (Перевод Р. В. Грищенко)	611
--	-----

Джейн Остен

ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ
РАЗУМ И ЧУВСТВА
СИЛА ЗДРАВОВОМЫСЛИЯ

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций
М. Судакова

Обложка
А. Яскевич

Сдано в печать 04.02.2020
Объем 50,5 печ. листов
Тираж 3100 экз.
Заказ № 0702/20

Бумага кремовая книжная дизайнерская
Stora Enso Lux Cream



ООО СЗКЭО
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

ООО «Издательство «ОНИКС-ЛИТ»
119017, Москва, пер. Пыжевский, д. 5, стр. 1
Отдел реализации: тел.: (495) 649-85-07
Интернет-магазины: www.labyrinth.ru, www.my-shop.ru, www.ozon.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А, www.pareto-print.ru



Несколько романов талантливой английской писательницы Джейн Остен, впервые опубликованных в начале XIX века, заслуженно считаются классикой британской литературы. Настоящий сборник включает три наиболее известных из них: «Гордость и предубеждение», «Разум и чувства» и «Сила здравого смысла». Эти романы навсегда покончили с оторванными от жизни сентиментальными произведениями, которыми, судя по свидетельству Пушкина, в конце XVIII века зачитывались барышни вроде Татьяны Лариной. Не случайно Остен начала свою литера-

турную работу именно с пародий на существовавшие в ее время любовные романы. Критический взгляд на литературу, умение анализировать текст и работать с ним привил будущей писательнице ее отец, приходской священник Джордж Остен. Он, как и мать Джейн, был прекрасно образованным человеком, который сумел самостоятельно дать своим двоим дочерям прекрасное домашнее образование. Благодаря таланту тонко, реалистично, а порой и с изрядной долей юмора или сарказма описывать движения человеческой души Остен стала в английской литературе провозвестницей реализма. За последние два века, прошедшие с первых публикаций ее романов, жизнь людей невероятно изменилась, однако их чувства, мотивы поступков и принимаемых ими решений остались прежними. В отличие от своих героинь, личная жизнь самой писательницы не сложилась. Пережив в юности непродолжительный роман, она так и не вышла замуж. Джейн скончалась в 1817 году на 42-м году жизни, оставив незавершенными несколько романов. Большая литературная слава пришла к писательнице уже посмертно.

Наглядно представить себе персонажей романов Джейн Остен и обстановку, в которой они действуют, позволяют в этом издании прекрасные и достоверные в деталях иллюстрации двух английских художников. Каждый из них мог бы стать одним из персонажей писательницы, хотя оба жили и творили примерно на сто лет позже — на рубеже XIX и XX веков. Первый из них, Хью Томпсон, считается одним из лучших мастеров книжной иллюстрации своего времени в Великобритании. Он родился в 1860 году и был талантливым самоучкой — не имел художественного образования и начал рисовать, работая подмастерьем в небольшой типографии. В конце XIX века Томпсон проиллюстрировал пять романов Джейн Остен; он также стал автором прекрасных рисунков к произведениям Диккенса, Теккерея и многих других английских писателей. Второй художник, чьи работы украшают это издание, родился на десять лет позже Томпсона. Чарльз Брок начал иллюстрировать книги в двадцать лет и добился на этом поприще большого успеха, творчески развивая манеру Хью Томпсона. Помимо Остен, он работал над штриховыми рисунками к произведениям Свифта, Теккерея и Эллиота.

ISBN 978-5-9603-0524-2



9 785960 305242 >

